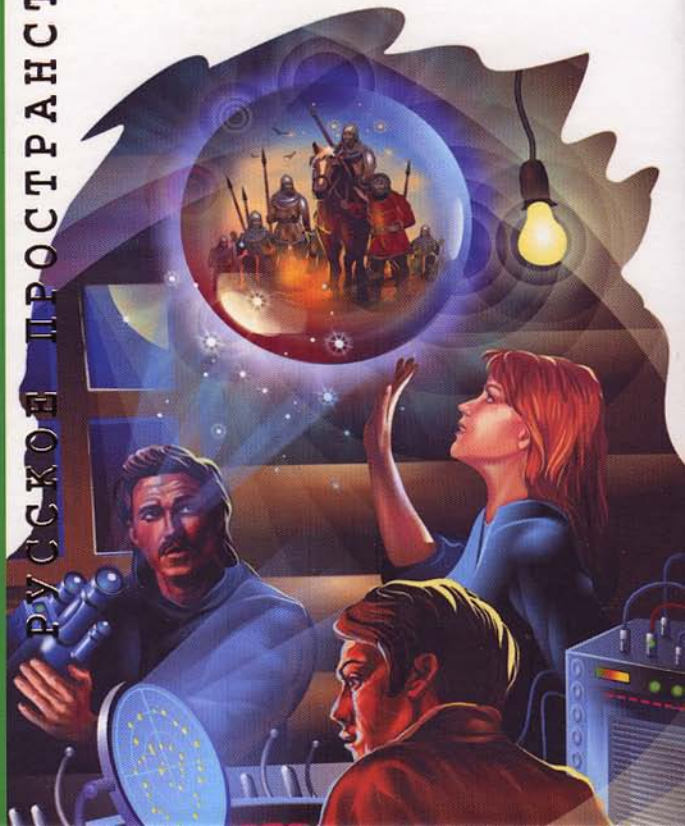
Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЭКСМО

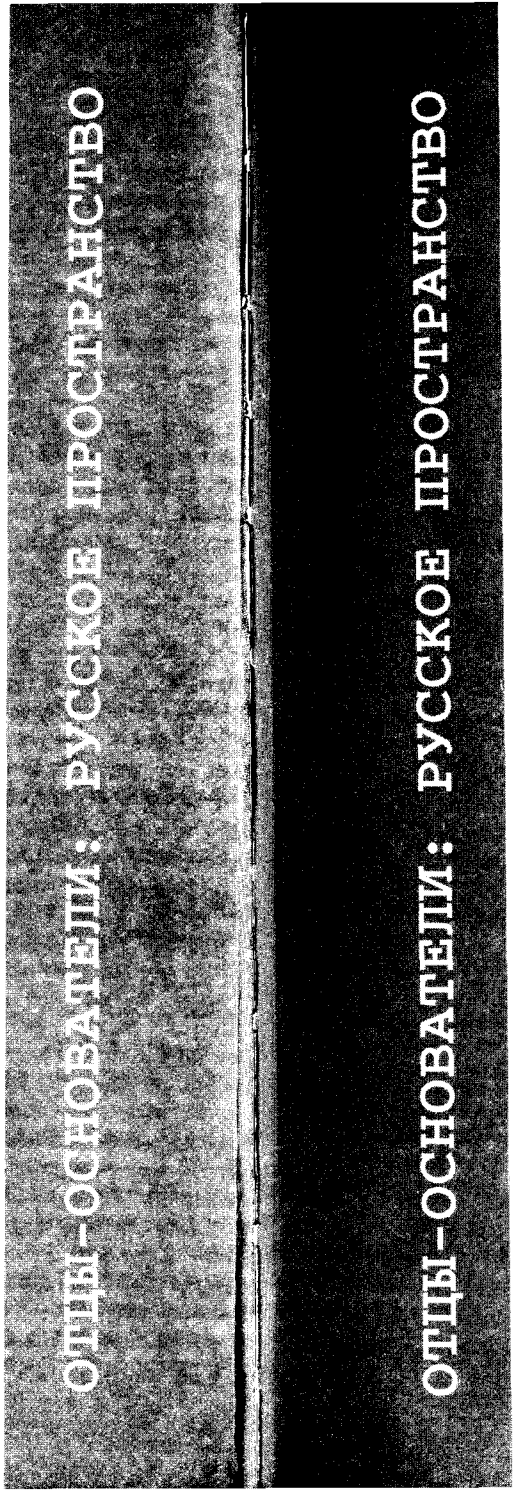
Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Похищение чародея: Фантастические повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 1152 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-12597-3

В очередной том собрания сочинений Кира Булычева вошли произведения, действие которых происходит в созданной фантазией мастера стране — Лигоне. Здесь, в самом сердце Юго-Восточной Азии, происходят порой вполне реальные, а порой самые невероятные события, описанные в романах «На днях землетрясение в Лигоне» и «Голые люди». Том дополняют произведения, написанные в разные годы. Среди них хорошо известные читателю, проникнутые лиризмом и добротой фантастические повести, детектив времен заката Советской империи «Смерть этажом ниже», а также впервые представляемая широкому кругу читателей повесть «Мамонт».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12597-3

© Булычев К., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

НА ДНЯХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ

НА ДНЯХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ

От автора

Страна, в которой происходит действие, персонажи и события повести вымышленны. Поэтому не следует искать Лигон на географической карте или проводить аналогии между реальными и описанными лицами и коллизиями.

Для удобства читателя можно сообщить, что если бы Лигон существовал, он располагался бы в Юго-Восточной Азии, примерно между Малайзией, Таиландом, Бирмой и Лаосом. Главным городом и портом в этой стране был бы город Лигон, стоящий на реке Кангем, которая впадала бы в Андаманское море.

Площадь Лигона — 138 670 кв. км. Население — 7,8 млн. человек, из которых около 80 процентов лигонцы, народ монкхмерской группы, остальные — выходцы из Индии, Китая и соседних стран. Также в Лигоне живут более полумиллиона горцев, принадлежащих к различным племенам и народностям. Климат тропический, муссонного типа. Рельеф преимущественно гористый, за исключением широких долин рек Кангем и Сапуи, в которых сосредоточено большинство населения и расположены основные рисоводческие районы. Очень богат животный и растительный мир Лигона. До сих пор в горах и прибрежных мангровых лесах водятся редкие, исчезнувшие в других странах животные, в том числе суматранский носорог, коупрей, голубой аист и т.д., в тиковых лесах встречаются стада диких слонов.

История Лигона уходит корнями в далекое прошлое. По преданиям, первое государство на этой территории основал брахман Викрама, впоследствии под влиянием странствующего проповедника Таллики принявший буддизм. Бесспорные исторические источники указывают на существование городов в Лигоне в середине I тысячелетия н. э. В джунглях, в 35 км от столицы, в начале нынешнего века французским археологом Матье обнаружены величественные руины Шри-тарами — средневековой

столицы Южного Лигона. В 1891 г. Лигон был завоеван английскими войсками и вернул себе независимость лишь в 1951 г.

Лигон традиционно придерживается политики нейтралитета и имеет дипломатические и торговые отношения со многими странами. В 1957 г. было заключено первое торговое соглашение между Лигонской Республикой и СССР, а с 1959 г. установлены дипломатические отношения на уровне посольств.

Для более подробной информации смотри:

К. Иванов. В стране рубинов и носорогов. М., География, 1961.

Ю. С. Вспольный. Там, где течет Кангем. М., Мысль, 1976.

Л. Коткин. Лигон избирает путь свободы. Азия и Африка сегодня, № 12, 1972.

Т. Осколкова. Советские врачи в городах Лигона. Работница, № 2, 1973.

Л. М. Минц. Легенды и действительность древней страны. Вокруг света, № 4, 1979.

ПЕРЕВОРОТ В ЛИГОНЕ. 10 марта 1974 г.

Лигон (ТАСС — ЛигТА). 10 марта. Сегодня ночью в Лигоне произошел военный переворот. Выступая по местному радио, глава Временного революционного комитета бригадный генерал Шосве заявил, что причиной переворота послужила реакционная политика правительства Джа Ролака, а также коррупция и тяжелое экономическое положение в стране. Бригадир Шосве указал, что Временный революционный комитет намерен придерживаться во внешней политике строгого нейтралитета и неприсоединения.

Лондон. 10 марта. Агентство Рейтер (из Бангкока). Информационные источники не связывают переворот в Лигоне с деятельностью сепаратистов, один из лидеров которых, князь Урао, не смог прибыть на совещание по федерализму в Лигон. По слухам, князь Урао в настоящее время находится в своей резиденции в городе Танги.

Директор Матур

Прошедшей ночью я держал в руках судьбу нации. Я усматриваю в этом некий скрытый смысл, знамение кармы, избравшей меня для непостижимых целей.

Это не значит, что я склонен преувеличивать свои возможности. Кто я? Скромный посредник, экспортер, директор спичечной фабрики, национализированной в разгар избирательной кампании, за которую правительство так и не смогло расплатиться с бывшим владельцем. Говорят, что у меня есть связи. Но эти связи непрочны, как паутина. Не им, а репутации я всем обязан.

Некоторые полагают, что я бенгалец. Другие считают парсом. Если в моих жилах и течет кровь благородных брахманов,

то она давно разбавлена не менее благородной кровью лигонских буддистов. Сто лет назад мои предки прибыли в эту, тогда отсталую, дикую страну и со временем стали истинными лигонцами. Я говорю не о формальной стороне дела (у меня лигонский паспорт): наш родной язык — лигонский, обычаи — лигонские, и, главное, мы все — патриоты Лигона. Мои предки никогда не были близки к британским колонизаторам, а мой дядя Сони в 1939 году, будучи студентом колледжа, принял участие в демонстрации и был избит полицейским-пенджабцем.

Я маленький человек, и мой девиз — честность. Со всей решительностью я должен опровергнуть слухи, распускаемые недоброжелателями. Они касаются моей предполагаемой близости к контрабандистам наркотиками. Сама безнравственность такого предположения исключает его правдивость. Однако опровержения никого не убедят. Поэтому я должен обратиться к прошлому.

Когда я учился в миссионерской школе и преуспевал по многим предметам, в наш класс был принят юный князь Урао Као, в то время шестнадцатилетний наследник престола. Он проучился у нас восемь месяцев, а затем был направлен для продолжения образования в Великобританию. У меня с этим юношей сложились добрые отношения, тем более что я был полезен молодому князю, оказывая помощь в приготовлении уроков. Князь Урао Као окончил Кембридж и возвратился домой в 1953 году. Я нанес ему визит, князь узнал товарища детских забав и пригласил меня бывать в его доме. С тех пор наши сердечные отношения не имеют деловой окраски.

В 1967 году, когда я унаследовал от отца, ушедшего на покой, нашу экспортную контору, мне пришлось для поправки дел, подорванных из-за нарушения традиционных коммерческих связей между Великобританией и Лигоном, обратиться к князю Урао за финансовой помощью, и эта помощь была оказана. К сожалению, на тот же период выпала небезызвестная клеветническая кампания, которую вели в парламенте некоторые левые политики, стараясь связать имя князя Урао с контрабандой на лигонско-таиландской границе. Несмотря на то что нападки на князя не поколебали его высокой репутации, кое-кому удалось прознать о займе, и честное имя нашей фирмы было замарано гнусными подозрениями, подкрепить которые фактами обвинители, к счастью, не смогли. Мою полную невиновность в любой момент может подтвердить сам князь Урао Као.

Здесь же для полной ясности следует упомянуть, что, не при-

надлежа ни к одной из политических партий, я всегда материально поддерживал Свободных националистов и имел личную благодарность от господина Джа Ролака. Кроме того, я горжусь своей деятельностью в области поставок армии. Я никогда не ставил себе задачей наживаться на патриотизме, и потому высокая оценка моих скромных усилий в управлении снабжения армии и лично господином подполковником К. (некоторые имена я вынужден опускать, не желая даже случайно скомпрометировать истинных патриотов) мне особенно приятна и дорога.

Подобное отступление от изложения событий, произошедших в ночь на 10 марта, может показаться скучным и длинным, но оно необходимо для того, чтобы читатель мог судить обо мне беспристрастно и объективно.

В отличие от многих уважаемых людей в Лигоне, включая самого премьер-министра, я узнал о перевороте заранее. К сожалению, лишь незадолго до событий. Нужно отдать должное организаторам переворота и в первую очередь его превосходительству господину бригадному генералу Шосве, что переворот был подготовлен втайне.

Если бы не мои связи в армии и не благодарность, которую испытывал ко мне подполковник К., я бы оставался в неведении, как и остальные граждане Лигона.

В десять часов вечера в моем скромном коттедже на окраине города, в Серебряной долине, зазвонил телефон. Говоривший не назвал себя, но я узнал голос К. Он попросил меня немедленно прибыть в условное место, где для меня оставлена записка. Тревога в голосе К. и напряженное положение в городе заставили меня завести мой скромный «Датсун» и тут же отправиться в путь. Приехав в некий район города, я обнаружил в тайнике записку, которая ставила меня в известность о перевороте и указывала точное время: час ночи. До начала выступления военных оставалось чуть менее трех часов.

Так я оказался в положении человека, обладающего информацией ценой в миллион ватов. Причем через три часа цена ее будет равняться стоимости листка бумаги, на котором написана записка.

Я стоял перед дилеммой. Как использовать информацию? Броситься к премьер-министру? Но у него приготовлен самолет для бегства в Бангкок, а капиталы переведены в Швейцарию. И если он даже поверит мне, скромному предпринимателю, что он предложит взамен?

Было жарко. Я оставил машину в центре, на улице Банун.

Вокруг кричали продавцы жареных орехов, тростникового сока, жевательной резинки, с противней тянуло подгорелым кунжутным маслом, по другую сторону тротуара под газовыми лампами разложили свое добро мелкие торговцы, предлагая носки, игрушки, потрепанные книжки, зажигалки... Я купил бетеля, завернутого в зеленый сочный лист, и принялся жевать, чтобы освежить голову. Вокруг кишели люди — только что кончился сеанс в кино. И среди этих сотен людей не было ни одного покупателя на мою новость. У меня возникла дикая мысль: здесь, в толпе, перед плакатом с полуобнаженной инопланетянкой, закричать: «Безумцы! Вы веселитесь, а на окраинах Лигона рычат моторы, выходят на исходные позиции танки!» И люди бы засмеялись.

Я свернул в ближайший переулок и быстро пошел по узкой щели между четырехэтажными домами. Ноги не случайно привели меня именно сюда. Я начал действовать.

От канавки, проложенной в асфальте посреди переулка, плохо пахло. Дорогу мне перебежала черная крыса, и за ней бросилась хромая собака. Впереди раздался громкий плеск — кто-то вылил в окно воду или помои.

Я прошел всего пятьдесят шагов от широкой и шумной вечерней улицы, и уже ничего, кроме отдаленного гула и звона колокольчиков продавцов сока, не доносилось сюда. Казалось, что черные, кое-где прорезанные желтыми квадратами окон дома смыкаются над головой. И с каждым шагом мои уши все более привыкали к полной звуков тишине этого переулка. Она складывалась из вздохов, ругани, шепота, кашля людей, от которых меня отделяли лишь кирпичные стены.

Наверное, во мне умер поэт. Мне иногда хочется передать в стихах, изящных и завершенных, всю красоту окружающего мира, даже если она таится за грязными фасадами домов. И тогда меня охватывает желание сделать добро этим неизвестным людям, сказать, чтобы они брали все, что у меня есть, ибо это приблизит меня к нирване. Самый страшный в мире грех — жадность. И я благодарен моей карме, избавившей меня от этой напасти.

Я остановился перед полуоткрытой черной дверью. Сбоку к шершавой стене было прикреплено несколько потрепанных временем и дождями металлических вывесок. Мне не надо было зажигать огня, чтобы прочесть самую верхнюю: «Раджендра Джа-Тантунчок. Экспорт—импорт».

Разумеется, неискушенный человек счел бы, случайно пройдя этим переулком, что табличка принадлежит мелкому жулику, которого и близко не подпускают к таможне.

Ах, как глубоко и непростительно было бы его заблуждение! Ведь и под скромной мешковиной может скрываться мудрец, а за грязной вывеской — фирма миллионера.

Дверь на третьем этаже ничем не отличалась от прочих дверей той лестницы. Она была так же обшарпанна и грязна, а дощечка с надписью «Экспорт—импорт» держалась на одном гвозде. Над дверью висела лампочка без абажура.

Я бывал здесь раньше. Я толкнул дверь и вошел в маленькую прихожую, освещенную одной лампочкой. Бережливость — отличительная черта уважаемого Тантунчока. Прихожая длиной в два ярда заканчивалась другой дверью, обитой тиковыми планками, которые прикрывали сталь. Я подозреваю, что внутренняя дверь стояла раньше в банковском сейфе. Я приблизился к «глазку», чтобы меня могли рассмотреть, и позвонил три раза. Дверь медленно открылась. За дверью стоял невысокий малаец в саронге и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Он молча показал мне на стул, стоявший в холле. Не знаю, умеет ли этот малаец говорить по-лигонски и вообще на каком-либо языке. Я послушно сел. Малаец исчез, а через полминуты вернулся и встал у двери, опершись о нее спиной. На меня он не глядел. Я немного нервничал. Мне нужно было успеть к моим друзьям, а время шло. Было без четверти одиннадцать.

В холл заглянула молоденькая пухлая женщина в широких с разрезами брюках и в малиновой нейлоновой блузке. Женщина курила. Это была «племянница» Тантунчока, которая услаждала старика. Раньше она пела в «Красной розе» и пользовалась успехом. Но деньги, главный стимул в жизни простых людей, оказались сильнее славы и искусства. Лишь человек, подобный мне, постигший суетность этого мира, может философски смотреть на тщету потуг разбогатеть или добиться власти над другими людьми. Все равно нас ждет могила и новое рождение соответственно праведности или греховности нашей краткой жизни.

— Заходите, директор Матур, — сказала племянница. — Уважаемый Раджендра Тантунчок примет вас.

Тантунчок ждал меня в небольшой скромной гостиной с низкими плетеными креслами, циновкой на полу и журнальным столиком, на котором лежали четки и английский детективный роман с плачущей блондинкой на обложке. В углу комнаты стоял небольшой домашний алтарь, убранный белыми и красными ленточками и бумажными розами.

Тантунчок кажется более старым, слабым и невзрачным, чем есть на самом деле. Он с молодости избрал себе маску человека без лица, и постепенно маска стала его лицом. Тантунчок совершенно лыс, словно буддийский монах, и его лицо изрезано мелкими морщинками, особенно их много вокруг глаз, и, когда он улыбается, морщинки собираются снопиками и кажется, что Тантунчок — очень добрый и ласковый старичок. Тантунчок всегда улыбается.

— Что привело тебя ко мне, уважаемый директор Матур, в такой поздний час?

— Я не обеспокоил тебя, уважаемый Тантунчок?

— Я отдыхал, читал детектив. Ты, наверно, слышал, что я большой знаток и ценитель детективных романов. Когда ты стар и немощен, остается мало удовольствий в жизни. Для меня — книги, легкое, развлекательное чтение. Остальное — в прошлом.

В этот момент вошла племянница, принесла поднос с чаем и сладостями. Ее существование опровергало слова старика.

— Я очень спешу, уважаемый Тантунчок, — сказал я. — И посмел обеспокоить тебя по срочному делу.

— Я всегда рад слышать твою мудрую речь. Но, может быть, мы сначала отведаем чая?

— Как-то, месяца два назад, мы разговаривали о спичечной фабрике в Танги, — сказал я.

— Забыл, совсем забыл, — улыбнулся Тантунчок. — Но если директор Матур помнит об этом, значит, так и было.

Старый лис был осторожен.

— Я хотел бы вернуться к этому разговору.

— Хочешь стать спичечным королем? Ведь у тебя есть одна спичечная фабрика?

— Это не моя фабрика, — поправил я Тантунчока. — Это национализированная фабрика, я лишь числюсь ее директором.

— С твоими связями, дорогой Матур, ты можешь числиться хоть уборщиком. Но доходы идут тебе, не так ли?

— Клянусь господином Буддой, я получаю лишь номинальную, ничтожную зарплату директора.

— И хочешь купить мою старую, не дающую дохода фабрику в Танги, чтобы подарить ее государству?

— Не исключено, — сказал я спокойно. — Особенно после того, что случится сегодня ночью.

— Что? — Старик давно почувствовал неладное. Его черные маленькие круглые глазки, делавшие его похожим на мышонка, уперлись мне в лицо.

— Сегодня ночью падет правительство Джа Ролака.

— Давно пора, — сказал Тантунчок. Он не спускал с меня мышиных глазок и старался понять, как это отразится на его делах. — И кто придет к власти?

— Твоя спичечная фабрика все равно не дает дохода, — продолжал я. В комнате не было плевательницы для бетеля, и это меня раздражало. Я не выдержал, взял со стола блюдце и сплюнул в него. Тантунчок поморщился. — Представь себе, что начнется национализация. И ты лишишься фабрики. Может, безвозмездно.

Тантунчок хлопнул в ладоши, и тут же вошла племянница. Он показал ей высохшим желтым пальцем на блюдце. Девушка брезгливо взяла его и вынесла. Я вздохнул. Тантунчок мог быть и вежливей, но мне ли осуждать его поведение и манеры?

— Откуда у тебя уверенность, что фабрика уцелеет в твоих руках?

— А у меня нет такой уверенности, — улыбнулся я.

— У демократов силенок не хватит, — рассуждал вслух Тантунчок. — Коммунисты сбежали в Китай.... — Он помолчал, потом добавил: — Твой покровитель Урао никогда не стал бы национализировать фабрики...

Мышиные глазки Тантунчока метнулись ко мне, проверили, не отразилось ли что-нибудь на моем лице. На нем, разумеется, ничего не отразилось.

— А если никакого переворота и не будет?

— Будет, — сказал я убежденно. — Сегодня ночью.

— Шантажируешь меня?

— Разве бы я посмел?

— Нет, — согласился со мной Тантунчок, — не посмел бы. Ты согласен заплатить за фабрику ту цену, которая показалась чрезмерной месяц назад?

Вот здесь он попал в точку.

— Нет, — сказал я. — Цена в четыреста тысяч ватов меня не устраивает. Но я готов заплатить сто тысяч.

— Шутник... — Морщинки собрались вокруг глаз Тантунчока. — Фабрика застрахована на триста пятьдесят тысяч.

— Ну что ж, — искренне вздохнул я, — тогда лучший выход — поджечь фабрику и получить страховку. Но сделать это надо срочно, желательно сегодня.

Тантунчок мог бы возмутиться, выставить меня за дверь, но он ничего подобного не сделал.

— Как злы и испорченны люди! — сказал он и посмотрел на алтарь с позолоченной статуэткой бодисатвы.

Фабрика в Танги стоила по крайней мере четыреста тысяч.

И главное, так она была оценена в списках управления снабжения армии. Если встанет вопрос о компенсации владельцу, именно эту сумму выплатит управление снабжения. Больше ни слова о фабрике. Лишь одно скажу: национализация не проводится в первый же день после смены власти. Национализация всегда направлена на благо народа. Следовательно, плодами ее должны пользоваться самые достойные его представители.

— Я знаю, — сказал я, — что твои капиталы вложены в предприятия, которые привлекут внимание нового правительства. Я предлагаю спасение. Теперь я, с твоего позволения, уйду, ибо время дорого. Но предупреждаю: через неделю я не дам за фабрику и пятидесяти тысяч.

Я поднялся. Тантунчок не двигался. Я спросил:

— Ты не примешь решение?

— Уходи, — сказал Тантунчок.

Малаец стоял в дверях, словно опасался, что я не подчинюсь.

— Ты должен быть мне благодарен, — сказал я на прощание. — У тебя есть два часа, чтобы принять меры. Деловые люди должны помогать друг другу.

Улица опустела. Последние торговцы сворачивали свое добро, тушили газовые лампы, подсчитывали выручку. Далеко, на башне вокзала, часы пробили одиннадцать раз. Над городом раздался гул и оборвался далеким ударом. Неужели началось? Нет, это пролетел истребитель. К. не мог ошибиться. До переворота еще два часа.

Машина стояла за углом, я отпер дверцу и с минуту сидел, положив руки на руль и продолжая думать. В конце концов я решил, что визит к Тантунчоку был не напрасным. Через два-три часа он убедится в моей правоте. И если я был прав в том, что переворот произойдет сегодня ночью, он поверит и в национализацию. Он будет напуган. И он продаст мне эту фабрику. А если так, то записка подполковника К. уже принесла мне по крайней мере триста тысяч ватов.

КАРТИНКИ ЛИГОНА

«Столица этого древнего и молодого государства Лигон живописно раскинулась вдоль берегов широкого полноводного Кангема — одной из крупнейших рек Азии. Сюда поднимаются и бросают якоря у протянувшихся на километры причалов океанские корабли под флагами различных государств. В последние годы лигонцы привыкли видеть среди них и флаг нашей Родины...

Население города приближается к полумиллиону. На улицах можно встретить и крестьянина, неторопливо погоняющего повозку, запряженную парой буйволов, и роскошный «Кадиллак», принадлежащий владельцу каучуковой плантации, и скромные велосипеды отечественного производства. Льется поток прохожих, и в нем соседствуют европейские костюмы чиновников, оранжевые тоги буддийских монахов, индийские сари, разноцветные длинные юбки лигонских студенток. Старое и новое перемешалось в этом удивительном городе, и зримые черты независимого Лигона видны в белозубой улыбке докера и трубах сталеплавильного завода, выросшего на окраине».

Ю. С. Вспольный. Там, где течет Кангем. М., Мысль, 1976.

Директор Матур

Гостиница «Империал» не отвечает своему гордому названию, хотя когда-то, лет семьдесят назад, она считалась импозантной и предназначалась для приезжих чиновников из Калькутты или Лондона и для индийских набобов. Стоит она неподалеку от порта, на границе Китайского города, ее викторианский фасад давно потерял респектабельность, а гипсовые украшения, что должны напоминать о замках старой доброй Англии, осыпались.

Китаец-портье мирно дремал за конторкой, и при желании я мог бы незаметно пройти в нужный мне номер. Но я этого не сделал. Господин Дж. Сун солидный делец. Нельзя беспокоить его ночью, не предупредив заранее.

Я подошел к стойке и постучал по ней костяшками пальцев. Портье проснулся, растерянно моргнул, но ему было достаточно одного взгляда, чтобы осознать, что имеет дело с джентльменом.

— Господин из двадцать четвертого номера у себя?

Портье бросил взгляд на доску с ключами. Я сделал это раньше его. Ключа от двадцать четвертого номера там не было.

— Предупредите его, что пришел директор Матур.

Вежливость — достоинство королей, так учил нас отец Джонсон в миссионерской школе. Я всегда вежлив с теми, кто ниже меня.

— Он не один, — сказал китаец, не глядя на меня.

— Пошлите кого-нибудь предупредить о моем приходе.

В «Империале» нет телефонов. Непонятно, почему здесь останавливается Сун.

— У него женщина, — ответил портье, разглядывая потолок, на котором не было ничего достойного внимания.

Я не люблю расставаться с деньгами просто так, без нужды. Деньги достаются человеку трудом и отдаются за труд. Но мне ничего не оставалось, как положить на стойку пять ватов. Портье глядел на голубую бумажку и долго изучал изображенный на ней парусный кораблик, словно любовался рисунком. Потом бумажка исчезла со стойки.

— Эй! — позвал портье.

Появился мальчишка в когда-то белой ливрее, на которой не хватало половины позолоченных пуговиц.

— Скажи господину Суну, что к нему пришли.

— Господин директор Матур, — произнес я.

Бой поплелся к лестнице. Я отошел в сторонку. Свет в холле был погашен, но в полутьме я разглядел кресло и опустился в него. И тут же сверху со скрипом приехал лифт. Из него вышли господин Дж. Сун и незнакомая мне девушка. Кабина лифта была хорошо освещена, и я мог оценить вкус господина Суна. Я хотел было подняться, но не счел удобным сделать это в присутствии девушки, которая не относилась к девицам легкого поведения, а происходила из хорошей, хотя и небогатой семьи, — подобные суждения, и всегда верные, я выношу почти мгновенно. Я сразу же понял, что это деловое свидание. Господин Сун был предупредителен, притом ни разу не прикоснулся к девушке. «Может, к лучшему, — подумал я, — что мальчик разминулся с господином Суном».

Видно, портье подумал то же, что и я. Он ничем не показал господину Суну, что я его жду, но выскочил из-за стойки и побежал на улицу звать такси.

— Непременно, — донеслись до меня слова господина Дж. Суна, — все будет в порядке. Завтра в десять я вас жду.

Нужна смелость либо крайняя нужда, чтобы девушка решилась прийти в гостиницу в этом сомнительном районе.

Хрупкая красота девушки произвела на меня впечатление. Я пытался понять, что связывает ее с господином Дж. Суном, однако вынужден был отказаться от этих попыток. Сун вернулся в холл. Я вышел из темноты навстречу ему.

— Что-нибудь важное? — спросил господин Сун, не здороваясь. Он лишен хороших манер, он, как говорят американцы, «селф-мейд мен». Но Сун пользуется большим весом в своем не всегда благонамеренном мире.

— Очень важное, господин Сун, — ответил я. — Мне не хотелось бы говорить здесь.

Господин Сун кивнул, и мы направились к лифту, где нас уже ждал бой в грязной ливрее, тупо заявивший господину Суну: «Этот человек пришел к вам». Сун кинул бою монетку. Он из тех счастливых людей, которые умудряются отделываться минимальными чаевыми и не терять при этом достоинства в глазах черни. Это завидное умение. Я же всегда даю слишком много.

— Говорите, — сказал Сун, пропуская меня в комнату.

— Важная новость, — сказал я, — для господина князя. Полагая, что вы сможете связаться с его светлостью...

— Что случилось?

— Сегодня ночью будет военный переворот.

— Удачный?

Меня удивила реакция господина Дж. Суна. Пожалуй, это был самый необычный вопрос, который можно задать в такой ситуации. Но в вопросе был смысл. И я ответил уверенно:

— Очень удачный!

— Кто во главе?

— Очевидно, бригадир Шосве.

Я протянул Суну записку. Он указал мне на кресло, сам сел в другое, налил себе виски из бутылки, стоявшей на столике. Я бросил взгляд на постель. Постель была тщательно застелена.

— Когда вы получили информацию? — спросил Сун, складывая записку.

— Записку следует уничтожить, — сказал я. Сун кивнул и сжег записку над пепельницей. Когда он завершил эту операцию, я сказал: — Информация получена мною только что. Я сразу отправился к вам.

Маленькая ложь не потревожила моей совести, все равно не в силах Суна было отменить или отсрочить переворот.

Он надолго задумался. Я поглядел на часы. Менее чем через час танки двинутся к президентскому дворцу. В любой момент может начаться стрельба. У меня дома беззащитные женщины и дети...

Я прервал ход мыслей Дж. Суна, заявив, что теперь, по выполнении долга, я хотел бы вернуться домой.

Тогда господин Сун сказал, что в силу изменившихся обстоятельств важно, чтобы верный друг отправился в Танги и передал князю пакет особой важности. С такой просьбой нельзя обратиться к случайному человеку. Я возразил, что моя кандидатура полностью исключается. В минуты опасности я должен находиться рядом с семьей.

Господин Дж. Сун предлагал мне деньги, грозил, чуть ли не падал на колени. Он полагал, что, если власть перейдет к армии, свобода передвижения по стране сразу будет ограничена. Я же относился к числу немногих, имевших достаточное влияние, чтобы отправиться куда угодно.

Я был непреклонен. И ни за что на свете не отправился бы в Танги, если бы не угрозы, к которым прибег Дж. Сун.

— Директор Матур, — сказал он, — мы крайне благодарны вам за то, что вы не пожалели времени и усилий. От того, как быстро мы сможем ответить на этот шаг армии, зависит благосостояние и, может, даже жизнь вашего друга и покровителя князя Урао. Неужели вы откажете в помощи в такой момент?

— Моя жизнь в распоряжении моих друзей, — ответил я. — Но долг перед семьей сильнее, чем голос дружбы.

— Тогда, — сказал господин Дж. Сун. — я вынужден заявить, что вы не вернетесь к детям. Знаете, какой властью я пользуюсь в этом районе города?

— Да, — сказал я. — Знаю. Но я не боюсь физического насилия. Если мне суждено погибнуть, на то воля судьбы.

С этими словами я покинул комнату и решительно направился к выходу из гостиницы. Все во мне кипело от негодования. Я был убежден, что, когда князь Урао узнает о недостойном поведении господина Дж. Суна, он полностью прервет все отношения с ним.

Я быстро миновал холл гостиницы и вышел на улицу. Я надеялся, что Дж. Сун одумается и займется поисками другого человека, который мог бы выполнить его просьбу.

Но я не успел уехать. На улице в трех ярдах от дверей гостиницы стояли два человека. При виде их мое сердце дрогнуло. Я не отношу себя к смелым людям — смелость никому еще не продлевала жизни. И когда эти люди шагнули мне навстречу, я повернул обратно.

Поднимаясь на лифте, я утешал себя мыслью, что в Танги я смогу побывать на спичечной фабрике Тантунчока и еще раз оценить ее.

* * *

Лигон. 10 марта.

Его светлости князю Урао Као, княжеская резиденция, Танги.

Дорогой князь!

Я полагаю, что лицо, которое передаст Вам письмо, не будет проявлять излишнего любопытства, однако на всякий случай я

запечатываю его известным Вам способом, и Вы поймете, не было ли нарушено доверие.

К моменту получения письма Вы уже будете в курсе дел. К сожалению, я не много успел сделать, так как получил сведения о перевороте только за час до его начала. Виновен в этом Ваш жирный любимец Матур. Я проверил — он узнал обо всем от К. в десять вечера.

Вместо того чтобы, как приказано, отправиться ко мне, он где-то пропадал два часа, видно, устраивал свои дела и пытался нажиться, хотя сделал вид, что прибежал ко мне, не теряя ни секунды.

Когда я предложил ему собираться в Танги, чтобы передать Вам пакет, он было заупрямился, и пришлось его припугнуть. Надеюсь, это пойдет мерзавцу на пользу.

Мне всегда было непонятно Ваше снисходительное отношение к Матуру. Ваши соображения о том, что он прислуживал Вам в школе и лично предан, я рассматриваю не более как шутку. Прошу еще раз подумать, не отделаться ли от Матура. Он слишком жаден и труслив.

В десять ко мне придет Л. Я передам ей обещанное.

Надеюсь, что она сможет устроиться на самолет, улетающий в Танги. На нем полетит представитель Ревкомитета. Кого назначат на эту должность, еще неизвестно.

По получении новых сведений направлю их Вам.

Искренне Ваш Дж. Сун.

* * *

Лигон. 10 марта. 11 ч. 15 м.

Князю Урао Као.

Прилагаю выписки из только что полученного послужного списка представителя Ревкомитета майора Тильви Кумтатона.

Тильви Кумтатон. Год рождения — 1941. Место рождения — Палон. Отец — Тильви Бон, школьный учитель. Окончил начальную школу при монастыре в Танги (где настоятелем его дед. — *С.*), затем муниципальную среднюю школу. В 1960 г. принят в Лигонский университет на юридический факультет (что говорит о его наклонности к политической деятельности. — *С.*). В 1963 г. отчислен на месяц за участие в студенческой демонстрации. В университет не вернулся. В октябре 1973 г. зачислен в Каронанское офицерское училище (начальником училища в 1960—1967 гг. был полковник Шосве. — *С.*), которое окончил третьим в выпуске в 1966 г. Выпущен лейтенантом во 2-й пехот-

ный полк. Произведен в старшие лейтенанты в 1970 г., в капитаны в 1973 г. Награжден юбилейной медалью «10 лет независимости». Не женат. Буддист. До последнего времени проживал в Бранге, где стоит его полк. Несколько недель назад откомандирован в Лигон, в штаб округа, в распоряжение бригадира Шосве.

Дополнительные сведения:

В Лигоне у Тильви Кумтатона живут родственники. У них он жил во время учебы в университете.

Последние недели он провел при персоне бригадира Шосве, принимал участие в подготовке переворота. Чин майора получит сегодня перед отлетом в Танги — документы уже готовы. Университетских друзей и знакомых найти пока не удалось. Разработка продолжается.

Дж. Сун.

P.S. Я дал указание директору Матуру устроиться любой ценой на самолет майора Тильви. По моим сведениям, авиационное сообщение прервано, и это единственная возможность добраться до Танги сегодня. Принимаю меры, чтобы достать место для Л.

Юрий Сидорович Вспольный

Я добрался до представительства только в половине одиннадцатого. Центр был перекрыт, и пришлось ехать через Камабат.

Центральный проспект Республики представлял странное зрелище. Повсюду валялись сандалии, студенческие каскетки, платки, клочья бумаги... Как будто ночью был карнавал, а дворники еще не пришли. Я догадался, что это следы вчерашней студенческой демонстрации.

В представительстве я не застал никого, кроме садовника, который открыл мне ворота. Но я этому не удивился.

Как только я вошел в выставочный зал и ощутил знакомый, но неприятный запах керосиновой политуры, которой вчера натирали пол, я услышал, что в моем кабинете звонит телефон. Я поспешил туда, но тут же вспомнил, что оставил ключ в машине. Пришлось вернуться. Садовник стоял у машины, опершись на метлу, словно стерег наше имущество от злоумышленников. Когда я наконец попал в кабинет, телефон все еще звонил. Хотя не исключено, что это был уже другой звонок. Я поднял трубку.

— Юрик?

Я узнал голос Александра Ильича Громова, секретаря Михаила Степановича.

— Вспольный слушает, — ответил я, сделав вид, что не узнал голоса.

— Я тебе полчаса не могу дозвониться.

— Я заезжал в больницу к Дробанову, а центр перекрыт танками.

— Ну и как Дробанов?

Вопрос Громова был данью вежливости. Представитель Союза обществ дружбы Николай Сергеевич Дробанов, мой коллега и начальник, должен был не сегодня-завтра выписаться. Десять дней тому назад ему сделали операцию аппендицита, которая прошла удачно и без осложнений.

— Температура нормальная, на днях вернется домой, — сказал я. — А что нового в посольстве?

— Все в порядке, — ответил Громов. — Ты срочно нужен Соломину. Если не возражаешь, приезжай.

— Я свободен, — ответил я, игнорируя всегдашнюю насмешку в голосе Громова.

— Ну и ладушки.

Я опустил трубку на рычаг. Меня вдруг охватило странное предчувствие, что я не скоро вернусь в мой кабинет. Я окинул взглядом комнату, не забыты ли где-нибудь бумаги, проверил, заперты ли ящики письменного стола, потрогал ручку сейфа. В кабинете стоял затхлый теплый воздух — кондиционер был с вечера выключен, а Хасан не удосужился проветрить помещение, хотя я специально просил его об этом. Мне вдруг захотелось пить. Я достал из холодильника последнюю бутылку оранжада. Высокий, сразу запотевший стакан приятно холодил ладонь. Я упоминаю эти незначащие детали, потому что они как-то отражают напряжение, владевшее мной с того момента, когда я проснулся ночью от грохота под окном и увидел, как по нашей тихой пригородной улице один за другим идут три танка.

Заперев кабинет и покинув здание представительства, я увидел, что садовник все так же стоит у машины. У садовника были очень тонкие сухие ноги, дхоти подобрано высоко и забрано за пояс. Я подумал, что при переворотах и революциях страшнее всего беззащитным иммигрантам, таким вот беднякам, приезжающим на заработки.

Я сел в «Москвич», садовник закрыл дверцу. Я никогда не привыкну к этой предупредительности, в ней есть что-то рабское. Но хочу я того или нет, для этого худого бенгальца я олицетворяю работу и жизнь.

Я решил сделать небольшой крюк, чтобы миновать деловую

часть города. Улицы были пустынны. Я включил радио. Местная станция передавала народную музыку. Это ничего не значило, сотрудники радио могли решить, что народная музыка приемлема для любого режима. Я уже знал, что руководит переворотом бригадир Шосве. Раньше он командовал столичным военным округом. Как-то я встречался с ним на приеме, он даже сказал на хорошем английском языке несколько фраз о полезной миссии, которую выполняет в этой стране СОД. Однако эти слова еще не раскрывали действительных мыслей бригадира. Бригадир Шосве был плотным, невысоким даже по местным меркам, седеющим мужчиной. Судя по произношению, он когда-то, еще в колониальный период, учился или служил в Англии. Вспоминая об этой встрече, я не мог сделать из нее вывода о действительном смысле последних событий в стране, экономика которой отягощена тяжелым наследием колониализма, а политико-социальные отношения представляют собой сложный конгломерат различных укладов.

Когда я пересекал улицу Свободы, бывшую Виктория-стрит, вдали, на соседнем перекрестке, у пагоды Забаган, увидел танк. Люк танка был открыт, и на башне, свесив ноги, сидели два солдата в касках и с автоматами.

Слухи о возможном перевороте витали в воздухе уже не первый месяц. В качестве противников правительства называли и правых сепаратистов, и репрессированную правительством Партию народной свободы, возможность переворота связывали даже с командиром особой бригады — зятем президента. Было ясно, что слабое, раздираемое внутренней борьбой, продажное правительство Джа Ролака неминуемо будет свергнуто, но когда и кем — оставалось тайной. И вот бригадир Шосве... Что принесет этот переворот трудолюбивому и многострадальному лигонскому народу?

По мере приближения к посольству мои мысли перешли к предстоящему разговору с Иваном Федоровичем Соломиным. На время отпуска Михаила Степановича советник Соломин замещал его. Я никак не ставлю под сомнение деловые качества Ивана Федоровича, но убежден, что, не будучи кадровым дипломатом, Соломин не обладает тем огромным опытом и хладнокровием, которые свойственны Михаилу Степановичу. И надо же было так случиться, что Михаил Степанович улетел в Москву на совещание и буквально тут же произошел переворот. Теперь вся ответственность за деятельность нашего небольшого посольства легла на плечи Ивана Федоровича.

Дежурный комендант Артур стоял у ворот посольства. Узнав меня, он сказал, что вчера пришла почта и на обратном пути я могу забрать корреспонденцию. Я поблагодарил Артура и по бетонной дорожке, огибающей газон, обсаженный каннами, подвел машину к стоянке. К сожалению, места под навесом не оказалось, потому что стажеры и атташе, которые могут и должны ставить свои машины в иных пунктах, заняли все места в тени. Я был вынужден оставить свой «Москвич» на солнцепеке и с ужасом подумал о том, как он раскалится, когда я вернусь.

Громов встретил меня на лестнице. Он, как всегда, спешил и, увидев меня, громко сказал:

— Привет, Пиквик, Соломин тебя заждался.

Не дав мне ответить, он исчез. При всей моей терпимости я не выношу откровенного панибратства, свойственного, в частности, Громову. Забывая о почти десятилетней разнице в возрасте, он называет меня на «ты» и порой позволяет себе шутки далеко не лучшего свойства. Я отдаю должное деловитости и способностям Громова и не оспариваю мнение Михаила Степановича, который как-то в моем присутствии подчеркнул, что высоко оценивает своего помощника, но что касается тактичности и воспитанности Громова, эти его качества оставляют желать лучшего.

Перед кабинетом Ивана Федоровича я был вынужден несколько минут подождать, так как советник проводил совещание с военным атташе Николаем Павловичем.

Наконец Николай Павлович вышел из кабинета Ивана Федоровича, поздоровался со мной и поспешил к выходу. Я не стал останавливать его, чтобы не показаться назойливым. Сегодня у меня много неотложных дел.

Я ломал голову, зачем Ивану Федоровичу срочно понадобилась моя помощь. Михаил Степанович неоднократно обращался ко мне в периоды составления отчетов и иной документации, признавая тем самым мои способности и склонность к такого рода работе.

Ниночка пригласила меня в кабинет.

Иван Федорович Соломин

Это был сумасшедший день, и я чуть было не забыл о приезде профессора. Спасибо, Саша Громов, светлая голова, улучил момент относительного затишья и напомнил:

— Что будем делать с учеными?

Глаза у Саши были красные. Я поднял его в час ночи, и с тех пор он вертелся как белка в колесе.

— С какими еще учеными? — рявкнул я.

Я только что вернулся из Министерства иностранных дел, где царила полная анархия и всем заправлял пехотный майор, наши переводчики никак не могли справиться с простой на первый взгляд, но не однозначной лексикой первого программного заявления Революционного комитета, корреспондент ТАСС был близок к истерике, потому что ничего не знал о бригадире Шосве и почему-то полагал, что посольство должно бросить все дела и обслуживать его телетайп, два сотрудника ГКЭС уехали с вечера на море и там были задержаны солдатами, и так далее, и тому подобное...

— Иван Федорович, помилуйте, — сказал Саша Громов голосом нашего посла, который так некстати улетел в Москву. У Саши это получилось непроизвольно. — Вы же лично собирались встретить профессора Котрикадзе.

— Разумеется, — ответил я, хотя начисто забыл о вчерашнем решении. — Во сколько самолет?

— В двенадцать двадцать.

— Аэрофлотовский, Москва — Сингапур?

— Он самый.

— Номера в гостинице заказаны?

Я задавал стандартные вопросы, заранее зная ответы, но не мог не задавать их, как пилот, проверяющий приборы перед взлетом. Это уж привычка.

— В том-то и сложность. Номера в гостинице заказаны лигонской стороной. Они же взяли все расходы на себя. Но где сейчас те люди, которые брали на себя эти обязательства, ума не приложу.

— Со временем узнаешь. Лучше проверить.

— Ничего не получилось. Правда, я отыскал знакомого чиновника в Министерстве шахт и промышленности. Он ничего не знает, обещал связаться с Революционным комитетом, через час позвонить.

В иной ситуации я был бы рад поехать на аэродром, встретить профессора, натравить на него журналистов. Лигонцы бы осветили его приезд в местной прессе. А вот сейчас профессор превратился в обузу. Революция или нет, стихийные бедствия будут продолжаться. Они не обращают внимания на политическую ориентацию правительства.

Тут меня отвлек телефонный звонок. Чешский посол хотел заехать после ленча. Договариваясь с послом, я продолжал в уголке мозга размышлять о профессоре Котрикадзе... В горах неспокойно... Николай Павлович не исключает военных действий на окраинах страны.

— Загляни в программу. Она должна быть в папке. Когда вылет в горы?

Саша держал папку открытой на нужной бумажке.

— Завтра утром.

— Почему такая спешка?

— Я думаю, что они задержались с отлетом из Москвы — шли переговоры, оборудование готовили...

— Ладно. Пока суть да дело, надо встретить их на аэродроме. Где представитель Аэрофлота?

— Наверно, уже там.

В дверь сунулись стажеры с очередным вариантом перевода. Я велел им подождать в приемной.

— Надо быть готовыми к любому варианту, — сказал я. — Кто-то должен поехать от нас.

— Собирался ехать корреспондент ТАСС.

— Исключено. Он не поедет. Ты же знаешь, по какому он проходит ведомству! Кто еще? Думай, тебя же учили.

— Думать не учат, — вздохнул Саша. — Это у меня в генах.

— Из посольства никем не могу пожертвовать.

— И из торгпредства, — развил мою мысль Саша.

— А что ты думаешь о Вспольном? На той неделе он просился в Танги.

— И вы его не отпустили.

— Не отпустил. Одного не отпустил.

— Разумеется...

— Не перебивай. Но язык он знает и в стране уже второй год. Как Дробанов?

— Завтра выписывается.

Мы оба понимали, что больше некого послать с учеными. Посольство наше маленькое, все заняты, особенно сейчас. Было бы из кого выбирать... А почему? Бывает так, ничего конкретного против человека не имею, а симпатии не ощущаю. То ли потому, что он слишком крутился на глазах у посла и старался быть полезным, то ли потому, что носился повсюду со своей еще не написанной книгой о Лигоне, то ли слишком часто называл меня по имени-отчеству, то ли он вроде бы толстый, но не толстый, вроде бы мягкий, но не мягкий.... Все это пустяки, субъективизм. Нормальный советский человек. Лучше многих.

— Вызови его, — сказал я Саше.

— Я уже звонил, — ответил Саша, пронырливый, но умный. — Он еще не добрался до своей конторы.

— Как дозвонишься, вели ехать немедленно. — Я знал, что Саша раздобудет Вспольного хоть из-под земли.

Вспольный появился после одиннадцати. Он вошел ко мне сразу после военного атташе, с которым я немного повздорил, указав на то, что его сотрудники опять просрали переворот, а шишки на меня посыпятся, так что я еще несколько секунд не мог на него переключиться. Вид у Вспольного был одновременно покорный и решительный. Он полагал, что я поручу ему написать эпохальный доклад министру, который никто из нас, простых смертных, создать не в силах.

Я спросил, как себя чувствует Дробанов.

— Я навестил его утром, Иван Федорович, — сообщил Вспольный. — Потому и задержался. В центре стоят танки.

Последнюю фразу этот дурак произнес, понизив голос, будто это была государственная тайна, которую положено было знать лишь мне.

— Я помню, что вы просились в горы, — сказал я.

— У вас изумительная память, Иван Федорович, — поделился со мной радостью Вспольный, поправляя круглые очки в тонкой золотой оправе. — Я побеспокоил вас этой просьбой исключительно в интересах дела...

Тут затрещал телефон, и мне пришлось объясняться с заведующим столовой, который интересовался, переходить ли на консервы, раз рынок закрыт. Вспольный сидел, сложа мягкие руки на животе, и изображал сочувствие.

— Удивительно, — сказал он, когда я повесил трубку, — какое отсутствие элементарной инициативы!

— Спасибо за заботу, — сказал я. — Считайте, что я вашу просьбу о поездке удовлетворил.

Он изумленно хлопнул светлыми ресницами.

— Но при одном условии. Вместе с вами едут два наших геолога. Они сегодня прилетают в Лигон. Вы их встретите, проследите за тем, чтобы они были размещены и груз был в целости. Вы ведь знаете язык?

— В умеренных пределах, — поспешил с ответом Вспольный. — К тому же ввиду сложности положения...

— Вот, возьмите эту синюю папку, там все документы. Самолет прибывает в двенадцать двадцать. По возвращении — подробный отчет в трех экземплярах.

* * *

«В наши дни... регистрируется до 100 тысяч землетрясений в год, более 10 сейсмических возмущений в час. Большая часть этих явлений, естественно, — и добавим: к счастью, — не представляет никакого интереса. Вот почему подавляющая часть населения нашей планеты может прожить всю жизнь, не испытав на себе последствий землетрясения. Возможно, читателю интересно все же ознакомиться с перечнем самых смертоносных землетрясений, вошедших в историю. Вот хронологический перечень сильнейших землетрясений:

373 год до н. э.: поглощен пучиной город Геликон (Греция), стоявший на южном берегу Коринфского залива.

1556 год, Шэньси (Китай): 83 тысячи человеческих жертв.

1755 год (1 ноября), Лиссабон: 60 тысяч погибших.

1811 год (16 декабря), 1812 год, Миссури (США): пораженная территория превышала 1500 тысяч квадратных километров.

1887 год (9 июня), Алма-Ата, Россия.

1908 год (29 декабря), Калабрия (Сицилия): число жертв достигло 100 тысяч человек.

1923 год (1 сентября), Канто (Япония): только в префектуре Токио 59 593 убитых, 10 904 пропавших без вести.

1960 год (29 февраля), Агадир (Марокко): число жертв в пределах 15—20 тысяч человек.

1960 год (май), Чили: разрушено 350 тысяч домов, погибло до 10 тысяч человек.

...Все эти катастрофы чудовищной разрушительной силы за последние четыре столетия истребили не менее 13 миллионов человек».

Пьер Руссо. Землетрясения. Париж, 1961.

Владимир Кимович Ли

Когда самолет поднялся, оставив внизу раскаленный Дели, я откинул полочку перед своим креслом и разложил на ней сувениры. Я купил сувениров на сто двадцать три рупии. Отар изобразил великолепное презрение и сказал:

— На обратном пути ты сделал бы то же самое с большей пользой для родственников и любимых девушек. Теперь будешь три месяца таскать слоников и браслеты в чемодане и проклинать свою склонность к дешевой экзотике.

— Хорошо быть опытным путешественником, — ответил я. — Может, это мои первые зарубежные сувениры.

Отар потерял ко мне интерес и распахнул толстую газету. Он вел себя, как чиновник из ЮНЕСКО, который только и делает, что посещает отдаленные страны. Он немного пижон. Из принципа по утрам гладит брюки, даже если живет в кишлаке или в тундре. Нужды в этом нет, но какой-нибудь Александр Македонский тоже так делал, а Отар прочел о том в детстве и следует доброму примеру. Александр Македонский гладил брюки и покорил Персию. Отар Котрикадзе гладит брюки и станет академиком.

— Так... — сказал тут Отар спокойно. — Непредвиденное осложнение.

— Какое? — спросил я. Угадать масштабы осложнения по тону Отара невозможно. Может быть, он забыл дома запасные шнурки от ботинок, может быть, страна Лигон провалилась в тартарары. А еще говорят, что грузины — эмоциональный народ. Эмоциональный — это я, представитель обрусевшей части корейского народа.

— Прочти. — Отар протянул мне газету.

— Спасибо, шеф, — сказал я. — Для меня чтение этой заметки — невыносимое умственное напряжение. А вы все равно уже прочитали.

— Для практики полезно, — отрезал Отар. Он меня вечно заставляет учиться. Пришлось читать.

«Как сообщает агентство Рейтер, сегодня ночью в Лигоне произошел военный...»

— Что такое коуп д'этат?

— Это французское выражение — переворот.

— Ага, переворот... — Минуты через две меня осенило. — Слушайте, Отар, мы же туда летим!

— Вот именно. — Отар отобрал у меня газету и принялся листать ее в расчете на другие сообщения из Лигона.

— Нас же премьер-министр приглашал, — осведомил я Отара. — А он... Судьба неизвестна...

— Не преувеличивай, — сказал Отар. — Премьер-министр и не знал о твоем существовании.

— Так что же, поворачивать назад?

По мере того, как до меня доходил смысл, настроение портилось. Я уже представил, как нас встречают на аэродроме «черные полковники»... Даже хорошо, что я успел купить сувениры. Приеду, все будут спрашивать, как там, в тропиках, а я им в от-

вет слоника. Бывает же невезение!.. Два месяца оформляли документы, готовили оборудование, весь институт старался, спешили, а они — военный переворот.

— А ведь уезжать обратно нам нельзя, — сказал Отар. Это ко мне не относилось. Профессор думал вслух.

— А кто нас будет спрашивать? — спросил я.

— Убедим, — ответил Отар.

Юрий Сидорович Вспольный

Должен признаться, что я покинул кабинет Ивана Федоровича в некоторой растерянности, что мне, в сущности, несвойственно. К сожалению, напряженность момента не позволила мне аргументированно возразить Ивану Федоровичу, ведь я обращался в свое время к руководству посольства с просьбой направить меня в горные районы для ознакомления на месте с состоянием советско-лигонских культурных связей, полагая при этом, что оформление моей поездки через лигонское Министерство иностранных дел потребует определенного времени, что позволило бы мне тщательно подготовиться и принести наибольшую пользу делу, а также способствовать сбору материалов для моей будущей книги. И вдруг обнаруживается, что я должен в ближайшие сутки в тревожной внутриполитической обстановке вылететь в неизвестность, сопровождая каких-то ученых. К этому следует приплюсовать еще и состояние моего начальника, которому придется взять на свои не окрепшие после болезни плечи весь объем работы СОДа.

В таком тревожном состоянии мыслей, продолжая несостоявшийся разговор с Иваном Федоровичем, я вошел в комнату, где должен был находиться Громов, которого не было на месте. Решив воспользоваться его отсутствием для детального ознакомления с содержимым синей папки, я присел на стул, но в тот же момент в комнату влетел Громов. Он был без пиджака.

— Ага, — сказал он, кидая на стол бумаги и открывая ящик письменного стола, — едешь в горы, Пиквик? Я тебе завидую, там растут сосны и никакой суматохи.

— Саша, — ответил я с достоинством, — Иван Федорович, доверяя мне поездку в охваченные сепаратизмом горные районы, указывал на трудности, с которыми я могу встретиться. Я полагаю, что, если бы эта поездка была увеселительной про-

гулкой, он подобрал бы для такой цели кого-нибудь из молодых посольских работников.

Запустив эту острую шпильку, я сразу перевел разговор на другую тему:

— Иван Федорович просил тебя распорядиться об обеспечении меня транспортом и всеми сведениями касательно связи с лигонской стороной.

— Ясно-ясно, — скривился Громов, продолжая рыться в ящике стола и делая вид, что мое задание уступает по важности делам, которыми он занимается в данный момент. — Куда же запропастился этот проклятый список? Папку с собой не бери, посеешь на аэродроме. Ты все прочел?

— Не успел, так как пришел сюда непосредственно из кабинета Ивана Федоровича.

— Жаль, теперь некогда этим заниматься. Самолет прибывает через сорок минут. Я надеялся, что консул туда успеет, но он в порту. Встретишь ученых, отвезешь в гостиницу, груз не забудь получить. Может, на аэродроме будет кто-нибудь из Министерства шахт и промышленности, я им звонил. Сам понимаешь...

Именно этого я не понимал. Громов, оказывается, даже не организовал встречу.

— Саша, — сказал я серьезно, — не может быть, чтобы в министерстве не знали, что посланцы нашей страны прибывают сюда с важной миссией.

Значительность моей фразы прошла мимо ушей Громова, он отмахнулся и вновь занялся бесцельными поисками в ящике письменного стола.

— В любом случае, — указал я, — полагаю, что следует направить на аэродром «рафик» с надежным шофером.

— У тебя что, своей машины нет?

Высказывание было легкомысленным, о чем я не преминул сообщить Громову. Не могу же я выступать в роли шофера и носильщика.

— Пойми же, — повысил тон Громов, — «рафик» в порту, автобус в ремонте. Поезжай на своем «Москвиче», а там тебе представитель Аэрофлота поможет.

— У меня создается впечатление, — сказал я, — что ты пытаешься сорвать государственное дело. Я позвоню Ивану Федоровичу!

— О Господи! — театрально возопил Громов. — Звони же! Только учти, как Соломин любит дважды повторять свои просьбы.

Я не стал никуда звонить. Я резко встал...

— Погоди... — Громов вытащил из синей папки листок. — Это захвати с собой, по дороге прочтешь.

Я аккуратно сложил машинописную страницу и покинул посольство.

Мой «Москвич», оставленный на солнцепеке, раскалился так, что я обжегся, взявшись за ручку дверцы. Воздух был неподвижен, красные канны на газоне казались языками адского пламени. Я снял пиджак и повесил его на крючок в салоне «Москвича». До прибытия на аэродром я позволю себе не изнывать от жары. Возможно, я излишне привержен правилам приличия, однако я убежден, что это дисциплинирует не только меня, но и окружающих. Я опустил левое окно, чтобы воздух проникал вовнутрь, однако отказался от соблазнительной мысли открыть окно справа — как известно, именно в такую жару наиболее опасны сквозняки, у меня же слабые связки, что ведет к частым вспышкам трахеита. Дорога до аэродрома в нормальных условиях занимает двадцать пять минут, однако в пути могут быть задержки и проверки документов. Никто не станет отрицать, что свое задание я начал выполнять в тревожный и критический момент, возможно, рискуя жизнью.

Улицы были пустынны, однако я не стал относить этот факт к числу последствий военного переворота, так как в Лигоне в это время дня даже собаки предпочитают отлеживаться в тени деревьев. Я свернул на длинную извилистую улицу Серебряная Долина, чтобы выехать на шоссе за университетским кампусом. Там, на перекрестке, несмотря на номер моей машины, меня остановил военный патруль. Я проникся сочувствием к солдатам, которые исполняли свой долг в полном обмундировании и раскаленных касках. Я успел на аэродром лишь за пять минут до прибытия самолета из Дели, и мне стоило некоторого труда пройти к взлетному полю, так как и там были военные патрули.

Я остановился в тени под козырьком здания аэропорта и, пока к самолету везли трап, успел прочесть листок из синей папки, переданный мне Громовым:

«...В соответствии с договоренностью, достигнутой между Министерством шахт и промышленности Республики Лигон и Академией наук СССР, в научную командировку в г. Танги (Республика Лигон) сроком на два месяца направляются заведующий лабораторией прогнозирования сильных землетрясений Института сейсмологии АН СССР доктор геолого-минералогических наук, профессор Котрикадзе Отар Давидович и старший

научный сотрудник лаборатории прогнозирования кандидат физико-математических наук Ли Владимир Кимович...»

Я оторвался от текста, чтобы взглянуть на стоявший метрах в двухстах от меня «Ил-62». Моторы уже перестали работать. К самолету подъехал трап. За ним медленно следовали два автоматчика и офицер в пятнистом комбинезоне. Солдаты остались внизу, а офицер поднялся по трапу.

Горячий воздух переливался над полем аэродрома, как вода. Пахло бензином, перегоревшим рисом и какими-то пряностями, которые, сливаясь с запахом машин, создавали специфический, не очень приятный запах, свойственный всем тропическим аэродромам.

Отар Давидович Котрикадзе

Я разговаривал с Володей, смотрел в окно — делал все, что положено пассажиру, а мысли бегали по кругу — что делать? Внизу тянулись невысокие зеленые горы, синие ниточки рек — лесное безлюдье. Потом показалась широкая плоская равнина, горы разбежались, растаяли в дымке на горизонте. Долина была поделена на большие и маленькие квадратики — рисовые поля, среди них в купах деревьев прятались деревеньки, иногда выглядывала белая или золотая пирамидка буддийской пагоды. Мне казалось, что я, обретя сказочной остроты зрение, вижу, как по пыльным улочкам деревень проходят военные патрули, люди прячутся в домах — кому сейчас дело до землетрясений!

Самолет снизился над окраиной Лигона и, легонько подпрыгнув на бетонной полосе, покатил к зданию аэропорта. В позапрошлом году, возвращаясь из Австралии, я провел здесь часа два. Я запомнил только просторный зал ожидания с фреской во всю стену, изображающей мифологическую сцену с обезьянами, витязями и демонами — наверно, из Рамаяны.

Пассажиры начали отстегивать ремни, шевелиться, предвкушая отдых в кондиционированном аэропорту, но стюардесса тут же разочаровала их, объявив, что из самолета выходить нельзя. Никто, кроме нас с Володей, не знал, в чем дело. Поднялся ропот. Особенно возмутились две одинаковые американские бабушки-туристки с сиреневыми буклями и в шляпках с цветочками.

Я поднялся с места, собирая бумаги в портфель. Стюардесса взглянула на меня с осуждением, но тут же вспомнила и спросила:

— Вы тут выходите?

— Да. Вдвоем.

— Все равно сидите пока. Мы вам скажем.

— У нас груз, девушка, — сказал я. — Если стоянка сократится, придется спешить.

— Вряд ли. Нам все равно заправляться. Скорей бы представитель Аэрофлота приходил.

Я послушно сел, положив портфель на колени и стараясь не думать о том, что находится вне моей власти. Володя приклеился носом к иллюминатору, и для меня остался лишь узкий полумесяц стекла, за которым были видны стена аэропорта и клочок выцветшего от жары неба. Сзади открылась дверь, и самолет чуть вздрогнул, когда о фюзеляж ударился трап. Волна влажного горячего воздуха прокатилась по салону. Между кресел, словно подгоняемый этим воздухом, быстро прошел офицер в пятнистом комбинезоне и высокой фуражке. Его появление было событием, оправдывающим странное для пассажиров поведение стюардессы.

— А там танк стоит, — сообщил Володя. — У здания. А у трапа два автоматчика. Может, нас вообще не выпустят?

Офицер вышел из кабины. За ним шел наш пилот. Офицер встал лицом к пассажирам и медленно заговорил на старательном, школьном английском языке:

— Пассажиры в Лигон, следуйте за мной. Остальные пока ждут. Потом мы скажем.

Поднялся недовольный гул, но офицер четко, словно на параде, прошел к выходу, не обращая внимания на требовательно протянутые руки и возмущенные голоса. Мы с Володей поспешили за ним, и я почувствовал неприязнь, с которой на нас смотрели остающиеся, — неожиданно мы стали привилегированным слоем этого маленького замкнутого общества, а так как особых заслуг у нас не было, общество считало наше возвышение несправедливым.

Воздух снаружи был таким плотным и горячим, что я на мгновение задержался наверху трапа, чтобы собраться с духом и сделать следующий шаг. Я, как назло, был в темной шляпе, в костюме, с плащом через руку и являл собой экзотическое и, возможно, комическое зрелище.

— Я согласен улететь обратно, — сказал Володя, спускаясь за мной. — Такой жары я не встречал даже в Каракумах.

— Неправда, — сказал я, не оборачиваясь. — Там было жарче. Только суше. Здесь влажность большая.

Мы шли вслед за офицером через поле к спасительной про-

хладе и тени аэропорта. Навстречу нам широко шагал низенький коренастый мужчина в мокрой голубой рубашке, в походке и прическе которого все выдавало моего соотечественника. Сколько раз мне приходилось встречать за рубежом наших специалистов, туристов, фирмачей, но, даже если он живет здесь пять лет, опытный глаз всегда отличит русского. В этом есть какая-то мистика.

— Вы Котрикадзе? — спросил мужчина по-английски. Он не отличался моей проницательностью.

— Да, — ответил я по-русски. — Вы нас встречаете? У нас груз...

— Не беспокойтесь. Вас встречает товарищ Вспольный из СОДа. Вот там, под навесом, стоит. А я представитель Аэрофлота. Спешу выручать пассажиров, пока не изжарились. Никто сегодня не хочет брать на себя ответственность. Аэродром вообще закрыт, чтобы кто-нибудь не воспользовался... Вы знаете, что у нас произошло?

Над самыми головами пронесся реактивный самолет. Когда я оторвал от него взгляд, представитель Аэрофлота уже разговаривал с офицером в пятнистом комбинезоне.

В тени у здания аэропорта таился толстый товарищ Вспольный из СОДа. То ли из солидарности с нами, то ли из любви к этикету Вспольный парился в пиджаке, его мягкое невыразительное лицо было красным и распаренным, редкие желтые волосы прилипли к черепу, лишь на висках, над ушами завились тугими колечками. Он прицелился в нас маленькими светлыми глазками, защищенными толстыми стеклами круглых очков в тонкой оправе, сделал шаг навстречу и замер, будто не был уверен, нас ли должен встречать. Я протянул руку, он прикоснулся к ней теплой влажной ладонью и с облегчением сказал:

— С приездом. Наконец-то. Пройдемте в зал, а то здесь крайне жарко.

Мы расселись в низких креслах в зале, напоминавшем рай для правоверных мусульман. Правда, в этом прохладном раю были закрыты все киоски и отсутствовали гурии — мы были его единственными обитателями. Вспольный положил на столик пачку «Кента», я сразу заговорил о нашем багаже, но Вспольный остановил меня:

— Ситуация резко изменилась. Сегодня ночью имел место военный переворот, значение которого мне лично еще не во всех деталях ясно.

— Знаем, — сказал Володя, разглядывая фрески и разрушая

этим таинственную атмосферу, навеянную тоном и словами Вспольного.

— И как это отразится на нас? — спросил я.

— На вас? Ваша командировка в горы будет отложена, — ответил он убежденно. — До лучших времен.

Он не совсем понимал, зачем мы приехали.

— Исключено, — сказал Володя со свойственной ему прямотой. — Лучших времен не будет.

Вспольный ответил мне, а не Володе. Видно, он рассудил, что я начальник.

— Не беспокойтесь, Отар Давидович. Все будет улажено. Иван Федорович направил меня специально для того, чтобы вы не беспокоились. Сейчас мы получим багаж и поедем в гостиницу. У вас есть переводчик?

При этих словах он посмотрел на Володю. Володя покраснел — он легко краснеет — и ответил:

— Я не переводчик. Я геофизик.

— Ну что ж, тогда, раз представитель Аэрофлота... Дайте мне ваши паспорта и квитанции на багаж. Вообще-то вас должен был встретить представитель лигонской стороны, но в свете...

Мы отдали ему паспорта и прочие бумаги.

— Вы посидите, — сказал Вспольный. — Боюсь, что даже носильщиков сегодня нет...

С этими словами он вытащил свое мягкое тело из кресла и побрел к двери. Не успел он скрыться за ней, как в зал на последнем издыхании ввалились пассажиры нашего самолета. Они бросились к креслам, как верблюды к источнику. Замыкая процессию, бок о бок шли офицер в пятнистом комбинезоне и представитель Аэрофлота, довольные собой, по-отечески добрые к спасенным пассажирам. Представитель Аэрофлота узнал нас и спросил:

— Ну как, нашли Вспольного? Он все сделает, не беспокойтесь. Я прослежу.

Откуда-то возник изможденный индус и начал быстро распаковывать киоск с сувенирами. Сверху по лестнице сбежал официант в малиновой ливрее с подносом, уставленным бутылками кока-колы. Бутылки были потными, и из них под одинаковыми углами торчали соломинки. Нам с Володей тоже досталось по бутылочке. Высокий худой офицер остановился у наших кресел и спросил:

— Господин Котрикадзе?

Я поднялся.

— Господин Ли?

Что еще приключилось? Беды не ходят поодиночке.

— Следуйте за мной, — сказал офицер.

Я обвел глазами зал в поисках представителя Аэрофлота, но тот куда-то исчез. Бабушки в цветочных шляпках смотрели на нас с сочувствием. Мы уже не были выскочками. Мы попали в плен, а жалкая судьба пленников вызывает у зрителей сочувствие.

Тильви Кумтатон

Предыдущую ночь я провел в штабе бригадира Шосве. Командующий использовал меня для связи с военными округами. Затем я был вместе с ним на первом заседании Революционного комитета. В три тридцать мне пришлось с двумя танками блокировать полицейский участок в нижнем квартале, потому что тамошний начальник решил сохранить верность правительству. К сожалению, моим танкистам не пришлось сделать ни одного выстрела. При виде танков полицейские скрутили своего начальника и сдались в плен. В четыре тридцать началось совещание бригадира с лидерами политических партий, а через сорок минут мне пришлось покинуть совещание и вылететь на истребителе в порт Калабам с приказом бригадира об отстранении полковника Синве. Когда я добрался до пыльного Калабама, полковник Синве уже успел бежать к таиландской границе, и мой визит оказался пустой формальностью. В девять двадцать мой самолет вновь опустился в Лигоне. Мне хотелось спать. В десять десять я вернулся в президентский дворец. Кабинет бригадира Шосве находился в бывшей столовой президента — гурмана и чревоугодника. На белом овальном столе были расстелены карты. Окна были распахнуты. Фен под потолком гонял воздух, и бригадир, чтобы не разлетались листы, прижимал их по краям ладонями.

— Все в порядке, Тильви? — спросил бригадир.

Он совсем не изменился с той поры, когда был начальником нашего военного училища.

— Все в порядке, бригадир, — сказал я.

— Отлично. У нас для тебя новое задание. Выспишься потом, когда победим. Полетишь сегодня в Танги. Там на всю провинцию только одна рота. Возьмешь полевую рацию, полковник Ван подготовил тебе документы. Да, еще дам тебе автоматчиков. Из первой бригады, надежные люди.

Я мог гордиться поручением бригадира. Хотя это была не прогулка. Там хозяин — князь Урао. А в городе много его сторонников.

— С этой минуты ты комиссар Временного комитета в округе Танги в чине майора.

— Я капитан.

— Преимущество революции заключается в том, что ее участники могут в случае победы рассчитывать на повышение в чине. В случае поражения — на веревку. Ясно?

Бригадир не улыбался.

В дверь заглянул автоматчик.

— Пришли, — сказал он.

— Пусть войдут.

В столовую вошли прилетевшие из Джакарты лидеры оппозиции.

— До свидания, — сказал мне бригадир и поспешил вокруг стола, чтобы встретить союзников, а может, и соперников. На полпути он вдруг остановился и сказал: — Не удивляйся, когда полковник Ван скажет тебе о двух иностранцах, профессорах. Это мой приказ.

Кабинет начальника оперативной части полковника Вана помещался в музыкальной гостиной, где президент хранил коллекцию народных музыкальных инструментов. У стен стояли высокие старинные барабаны, над ними висели лютни, бамбуковые дудки, колокольчики, а посреди белой вороной красовался рояль цвета слоновой кости.

— Можно поздравить с повышением? — спросил меня мрачный Ван. Он тоже давно не спал. На его плечах лежала вся писанина, а помощников было мало — никто в революцию не хочет заниматься писаниной.

— Надо достать звездочки, — сказал я. — В документах, наверно, указано, что я майор.

— О, мальчишеское тщеславие! — воскликнул Ван. — Не зазнавайся. Я тебе открою тайну: ты получил майора, потому что комендант Танги — капитан.

— Когда вылетать? — Я счел за лучшее перевести разговор на другую тему.

— Гражданские рейсы отменены, ты полетишь в Танги специальным самолетом. С тобой полетят автоматчики. Возьмешь медикаменты, оружие, газеты, пропагандистский материал... И еще русских геологов с грузом.

— Еще чего не хватало! Русские подождут!

— Они не могут ждать. Это личный приказ бригадира. И ты, капитан, отвечаешь головой за их безопасность. Вот их мандаты на свободное передвижение по округу. И третий, незаполненный.

— Зачем?

— Русские наверняка пошлют с ними кого-нибудь из посольства. Кто знает язык. А не пошлют, разорвешь. Они прилетают из Дели в 12.20. Ты их встретишь.

— Но что за срочность? На нас смотрит весь мир, а мы в первый же день занимаемся какими-то русскими.

— Именно потому, что на нас смотрит весь мир, мы должны быть цивилизованными.

В утешение полковник сделал мне хороший подарок. Он достал новенькие майорские погоны и сказал:

— В машине нацепишь. В штабе этим не занимайся.

К прилету русского самолета я опоздал. Он уже полчаса как прилетел, когда я вошел в здание аэропорта. И еще две минуты я потратил на то, чтобы зайти в туалет, причесаться и взглянуть, к лицу ли мне новые погоны.

Затем я прошел в транзитный зал. В зале толкалось десятка три пассажиров с единственного самолета в порту. Аэропорт закрыт, чтобы желающие бежать за границу не воспользовались оказией.

Я увидел лейтенанта в камуфляжном комбинезоне.

— Послушай, брат, — спросил я его. — Ты курируешь самолет? Кто с него сошел в Лигоне?

Лейтенант показал мне на двух человек, сидевших в креслах и тянувших через соломинки кока-колу. У меня отлегло от сердца. Хоть я и не имел желания обременять себя иностранцами, приказ бригадира следовало выполнить. Если бы они уехали в город, моя задача бы осложнилась.

Один из геологов оказался стройным, подтянутым, сухим мужчиной лет сорока, у него был крупный, как у индийца, нос и густые брови. Он сидел спокойно, положив руки на колени. Я всегда смотрю на руки человека. Они больше говорят, чем лицо. Я заглянул в мандат, выданный Ваном.

— Господин Котрикадзе? — спросил я. И удивился, что у русского фамилия, похожая на японскую.

Старший из них поднялся.

Я прочитал вторую фамилию:

— Господин Ли?

Второй геолог был не старше меня. Лицо у него было широ-

кое, скуластое. Он был похож на нашего горца. В Советском Союзе живет много национальностей. Возможно, у них есть свои китайцы. Ведь китайцы есть везде.

Я предложил им следовать за мной. Времени было в обрез. Пока мы шли через зал, я представился и объяснил, что встречаю их по поручению Временного комитета. Я спросил, где их документы.

— Их взял представитель посольства. Он должен быть где-то здесь, — сказал Котрикадзе. Он хорошо говорил по-английски.

— Тогда покажите мне его, — сказал я. — Ваш груз и документы не должны проходить таможню. Вы гости комитета. Мы спешим, нам некогда. Мы вылетаем в Танги.

Юрий Сидорович Вспольный

Я отлично понимал, что в Лигоне произошел военный переворот, задевший самые основы местной жизни. Однако существуют сферы человеческой деятельности, которые не должны зависеть от переворотов. Это относится к медикам, пожарным, наконец, к таможенным органам. Но я потерял пять минут, прежде чем добился появления у барьера таможенного чиновника. Куда-то запропастился и пограничник, а Павел Павлович, сотрудник Аэрофлота, обещавший немедленно доставить груз геологов, сам пропал и груза не привез. Я стоял перед барьером. По другую сторону его пограничник с таможенником читали бумагу, в которой сообщалось, что наши товарищи — гости свергнутого лигонского правительства, и это привело их в такое замешательство, что они предпочитали на меня даже и не смотреть, ждали, пока появится дежурный офицер.

— Я представитель посольства СССР, — сказал я твердо, притом по-лигонски. — Мои соотечественники прибыли издалека и нуждаются в отдыхе. Визы у них в порядке, и нет оснований чинить им препятствия.

В зал наконец-то въехала тележка с багажом и грузом. За ней шел автоматчик.

Таможенник готов был сдаться, но тут его взгляд упал на четкую надпись на одном из ящиков. Какой-то умник в Москве написал на нем латинскими буквами: «Министерство шахт и промышленности Лигонской Республики». Эта надпись подействовала на таможенника, как красная тряпка на быка. Он тут же отложил в сторону бумаги.

Служка подставил ему под локоть чашку чая с молоком. Чиновник отхлебнул и сказал:

— Надо ждать.

Я развел руками. Было ясно, что до появления начальства мне не на что надеяться.

К счастью, ждать пришлось меньше, чем я опасался. В гулком пустом зале послышались четкие военные шаги, и я увидел, что к нам подходит в сопровождении геологов высокий молодой офицер в чине майора. Офицер выглядел сурово. Автоматчик вытянулся. Таможенник отставил чашку с чаем. Лишь я сохранил полную достоинства позу.

— Я протестую, — сказал я.

Майор требовательно протянул руку, и догадливый таможенник тут же собрал разбросанные документы.

— Мы не смели без указаний... — начал он.

— Где груз? — спросил майор.

— Вот здесь, на тележке.

— Немедленно отправьте его к третьему подъезду. Там передайте сержанту для погрузки на «Вайкаунт».

— Слушаюсь, — сказал таможенник. Он был рад, что кто-то снял с него ответственность. Однако меня такой ход событий не устраивал. Это было похоже на конфискацию.

— Стойте, — сказал я. — Этот груз не подлежит изъятию.

— Почему? — спросил майор. — Это груз правительства.

Он показал на надпись. Геологи вели себя пассивно.

— Будучи представителем посольства, — сказал я, — сопровождающим ученых по территории Лигона...

— Отлично! — У этого майора была привычка не дослушивать собеседника. — Ваше имя, должность?

Майор вел себя так, словно стоял перед строем полка. Я достал визитную карточку.

Не говоря ни слова, майор открыл черную папку, вытащил оттуда квадратный лист бумаги размером в две почтовые открытки и переписал в него мое имя.

— Этот документ я передаю вам по поручению бригадира Шосве, — сказал он. — Подобные документы уже выданы вашим спутникам. Самолет в Танги отбывает через час.

— Что? — сказал я. И тут же принял правильное решение: — Мне надо немедленно позвонить в посольство.

— Разумеется, — согласился майор. И, обернувшись к таможеннику, сказал: — Проводите господина к телефону.

— Слушаюсь! — рявкнул таможенник. Я понял, что он когда-то служил в армии, наверно, в небольших чинах.

* * *

10 марта 1974 г.

Канцелярия Президента Республики Лигон (зачеркнуто).

Канцелярия Председателя Революционного комитета Республики Лигон.

Всем, кого это может касаться.

Предъявитель сего, профессор Котрикадзе Отар, выполняет задание комитета, имеющее особое значение для блага лигонского народа. Профессору Котрикадзе дозволен проезд любым видом транспорта в пределах округа Танги и горных княжеств. Местные власти, а также старосты деревень и вожди племен обязаны оказывать ему всяческое содействие транспортом, жильем и любой помощью. Не исполнивший этого указа Революционного комитета будет наказан по законам военного времени.

Председатель Революционного комитета
бригадный генерал Шосве.
Президентский дворец, Лигон.

(Идентичные документы были выданы «профессору» Ли Владимиру и «советнику» Вспольному Юрию.)

ЗАГЛЯНУТЬ В ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

«...Наблюдения ученых в сейсмически активных районах, проведенные с помощью геофизических методов, указывают, что в период «созревания» землетрясения происходят изменения различных геофизических полей — гравитационного, геомагнитного, электрического. Целый ряд ученых разных стран высказывает мысль, что перед сильным землетрясением в некоторых случаях проявляются заметные деформации земной поверхности...

Применяя в сейсмическом районе методы точных инструментальных измерений, можно обнаружить и малые деформации земной поверхности. Они и должны указать, что где-то в глубинах недр происходят процессы, связанные с будущим землетрясением».

В. Буренков (наш соб. корр. в Алма-Ате).
«Известия». 3.9.1973.

Владимир Кимович Ли

Вот и обошлось. А мы волновались. Правда, я еще утром предвкушал вечер в экзотическом Лигоне, шумные восточные улицы и огни реклам. А мы улетаем через час. Но могло быть и хуже.

Пока наш Вспольный бегал куда-то звонить, утрясать и согласовывать, майор в двух словах объяснил шефу ситуацию. Регулярное сообщение у них прервано. Но в Танги летит спецрейс, который захватит нас. Если мы откажемся, то застрянем здесь неизвестно на сколько.

Видно, майор не сомневался, что мы согласимся лететь. Он прав. Отар делает вид, что иной встречи не ожидал. Можно подумать, что его всегда встречают мрачные майоры и перебрасывают с самолета на самолет.

Майор передал нас солдату, который провел нас наверх, на галерею, где вдоль стеклянной стены располагалось кафе. Солдат указал на столик у окна. Официант в малиновом костюмчике накрыл столик на троих. Я не был голоден, но Отар велел мне поесть — неизвестно, когда это случится в следующий раз. На взлетном поле одиноко стоял наш «Ил» с красным флагом на стабилизаторе. Около него остановился желтый бензозаправщик с раковиной «Шелл» на борту. В кафе было прохладно и совсем пусто, если не считать шумной индийской семьи с детьми, бабушками и дедушками в углу и одинокой девушки через два столика от нас. Черные прямые волосы девушки были собраны в тяжелый пук на затылке и украшены белым цветком. Перед девушкой стоял высокий бокал с лимонадом, но она не пила. Потом в кафе вошел экипаж какой-то европейской авиакомпании. Две стюардессы в голубых кокетливых пилотках и с прямыми до плеч светлыми волосами. Стюардессы сели рядом, закинув ногу на ногу — ноги были красивые и длинные. Пилоты тоже сели. У них были квадратные мужественные подбородки, словно их подбирали по конкурсу фотографий.

— Володя, погляди, не ищет ли нас Вспольный, — сказал Отар.

Я подошел к перилам галереи и заглянул вниз. Отар был прав. Вспольный стоял посреди пустого зала, сверкал очками, разыскивал нас и опасался, что нас опять куда-нибудь увели. Он поднял голову, увидел меня и обрадовался.

— Идет, — сказал я Отару, возвращаясь на свое место. Я поглядел, тут ли девушка с цветком. Она так же сидела перед нетронутым бокалом. Мне ее стало жалко.

Вспольный был взволнован.

— Ума не приложу... — сказал он Отару. Он вообще предпочитал разговаривать с Отаром. — Такая ситуация, и все на мою ответственность.

Отар вежливо налил ему лимонада.

— Спасибо, — сказал Вспольный, — нет желания.

И тут же в два глотка опустошил бокал.

К девушке за соседним столиком подошла пожилая массивная женщина с напудренным смуглым лицом. Женщина была в национальной одежде — длинной юбке и белой блузке с широкими пышными рукавами.

— Значит, так. — Вспольный снял очки и протирал их платком. — Мне удалось связаться с посольством, и я имел беседу с Иваном Федоровичем. Оказывается, в посольство уже звонили из Революционного комитета и сказали, что лигонская сторона обещает выполнить взятые предыдущим правительством обязательства.

— Ну и хорошо, — сказал Отар.

— Да, — вздохнул Вспольный, — за исключением того, что в горах сложная обстановка, а мы должны вылетать. Иван Федорович специально обратил мое внимание на это и просил довести до вашего сведения. Вы можете отказаться от поездки, и никто не будет вас упрекать.

— Исключено, — сказал я.

— Мы уже об этом говорили, — сказал Отар. — И летим. Но вы можете остаться.

— Нет, — возразил Вспольный без энтузиазма. — Если вы летите, то и я лечу. Так сказал Иван Федорович. И Революционный комитет выдал мне специальное разрешение.

Вспольный дотронулся до пиджака, показывая, где у него лежит это разрешение.

— Я даже собраться не успел, не переоделся...

— Мы с вами поделимся, — сказал я. — А зубную щетку и полотенце купим.

Не надо было мне вмешиваться. Вспольный посмотрел на меня с укоризной. Я представил себе, какая буря бушует в сердце нашего толстяка: в горы, в глушь, в Саратов — и без зубной щетки! Но меня сам черт за язык тянул. Я позвенел в кармане мелочью и сказал:

— Я сейчас, одну минутку.

— Володя, не дури, — сказал Отар. Он все понимал, он знает меня как облупленного.

Человек часто совершает двойные поступки. Так и я. Вроде бы поспешил за зубной щеткой для нашего сопровождающего лица, а при том хотел взглянуть, куда пожилая женщина увела ту печальную девушку.

В зале внутренних авиалиний ее не было. Упустил. Вся

жизнь, должен сказать, соткана из встреч и расставаний, и, как известно, расставаний больше, чем встреч.

Киоск, торговавший всякой мелочью, был открыт. Возле него стоял лишь один покупатель — грузный невысокий индиец, странно выглядевший в теплом черном пиджаке, белой тряпке, обмотанной наподобие кальсон вокруг ног, и черных, замечательно начищенных ботинках. Словно он торопился из дому и забыл натянуть брюки. Голову его притом украшала вязаная шапочка, как у лыжника. Индиец держал в руке такой же грузный, как и он сам, саквояж (вещи и собаки часто похожи на своих хозяев), а перед ним на прилавке лежала куча лекарств в пачках, бутылочках и целлофановых пакетиках. Я заподозрил, что он намеревается открыть небольшую аптеку. А может быть, он так сильно болен? Я пригляделся. Но не обнаружил на его лице никаких следов близкой кончины. Профиль у него был строгий, античный, как у римского кесаря периода упадка. Если бы убрать один из трех подбородков, облачить его в латы, то не стыдно поставить такого героя во главе легионов. Но когда он, почувствовав мой взгляд, обернулся, оказалось, что фас его никак не соответствует героическому профилю. Подбородок и линия носа терялись в массе обвислых щек, а желтые белки черных глаз и слишком красные губы делали его похожим на клоуна, который не успел снять грим.

Я показал на зубную щетку и сказал по-английски «плиз», что означает «будьте любезны», затем отыскал глазами тюбик зубной пасты, надеясь, что это не крем для бритья. Продавщица выложила товар на прилавок и информировала меня по-английски, что все это обойдется мне в два вата. Я достал пятидолларовую бумажку.

— Ноу, — сказала женщина, показав на курившего метрах в двадцати солдата. Все ясно, сегодня мы принципиально не имеем дела с иностранной валютой.

— Я помогу вам, — сказал толстый индиец. — Банк закрыт.

Чтобы я не заподозрил его в злых умыслах, он показал на окошко с английской надписью «Обмен валюты, чеки путешественников». Окошко было закрыто.

Я взглянул на продавщицу. Я не был уверен, что поступаю правильно, вступая в валютные сделки с иностранцами, но зубная щетка была мне нужна.

Женщина отвернулась.

— Совершенно честно, по курсу, — сказал индиец.

На указательном пальце у него было два золотых перстня.

Один из них с красным камнем. Его пальцы двигались с поразительной быстротой, и алые губы шевелились в такт — я догадался, что он производит сложные математические расчеты, переводя доллары в ваты и стараясь меня при этом случайно не обмануть.

Не успел я опомниться, как у меня в руке были две купюры по десять ватов, одноватовая бумажка и много мелочи. А пять долларов исчезли в кармане пиджака.

— Спасибо, — сказал я индийцу. — Спасибо, — сказал я продавщице. Она изобразила улыбку. Индиец поспешил в дальний конец зала. Там обнаружился наш майор, возле него стояли пожилая напудренная дама и грустная девушка. Майор беседовал с женщинами, а индиец стоял в пяти шагах, скособочившись под тяжестью саквояжа.

Юрий Сидорович Вспольный

Выходка Владимира Ли вывела меня из себя. Я сам бы купил себе все необходимое. Я смотрел в окно, как цепочка пассажиров вливалась по трапу в темное чрево самолета, и представлял, как им там жарко. Отар Давидович тщательно пережевывал салат, а у меня не было аппетита. Затем мы с ним начали есть протертый томатный суп — неизбежную принадлежность такого рода заведений. В аэропорту господствует выхолощенная европейская кухня. Я даже мог угадать, что последует за супом: невкусный бифштекс с кетчупом и обжаренными ломтиками картофеля.

Пожалуй, на месте Ивана Федоровича я бы настоял на том, чтобы дать отдохнуть нашим товарищам, прежде чем кидать их в отдаленный район. Однако я тут же изгнал эту мысль из головы, ибо Иван Федорович облечен ответственностью, позволяющей ему принимать решения. Я был легко одет, а в горах вечерами температура падает чуть ли не до нуля. В моем распоряжении находилась лишь небольшая сумма денег, случайно оказавшаяся в бумажнике. Правда, Иван Федорович заверил меня, что деньги будут немедленно переведены в тангийское отделение банка.

— Простите, — отвлек меня голос Отара Давидовича. — Но хочу заверить вас, что желание Володи купить вам зубную щетку — не вызов. Он очень отзывчивый молодой человек.

— Я сам могу о себе позаботиться, — отрезал я. Но тут же спросил: — Сколько мы пробудем в Танги?

— По нашим расчетам, чуть более двух недель. Может, меньше, может, и месяц.

Ответ меня удивил. Оформление заграничной командировки требует точности и знания сроков. Это связано с валютными расходами, билетами, переговорами с соответствующими зарубежными организациями...

— Тогда я уточню вопрос: на какой срок выписана командировка?

— Без срока.

Я откашлялся. Я не видел оснований скрывать от меня обстоятельства поездки. Если лигонская сторона в курсе, то я, как ответственный работник, имею полное право...

— Не поймите меня превратно, — сказал Котрикадзе. — Длительность нашей командировки зависит от Бога.

— От лигонской стороны? — уточнил я.

— Нет, от Господа Бога.

Я пожал плечами.

— Даже от конкретного бога. От Плутона. Вы, видно, не успели ознакомиться с деталями?

— Меня подключили лишь за час до вашего прилета. Если бы не переворот...

— Мы с Володей работаем в ЛПСЗ. Это расшифровывается как лаборатория по прогнозированию сильных землетрясений.

— Да, я видел это название в письме.

— Мы разрабатываем методику предсказания землетрясений. Нам удалось добиться некоторых успехов. Особым образом измеряя напряжения в различных участках земной коры, мы можем определить очаг будущего стихийного бедствия и даже его сроки.

К столику подошел Володя Ли. Он держал в руке пакетик, который положил на стол у моей руки. Затем как ни в чем не бывало уселся на место и набросился на салат.

Я развернул бумагу. Внутри лежали зубная щетка и крем от перхоти.

— Спасибо, — сказал я холодно. Я устал от этих мальчишеских выходок. — Сколько я вам должен?

— Потом сочтемся.

— Володя, не устраивай купеческих представлений, — сказал Котрикадзе. — Юрий Сидорович их не любит.

— Два вата за все, — сказал Ли.

Я молча передал молодому человеку деньги. Отар Давидович крутил в пальцах тюбик с кремом.

— Так и знал, — сказал он Володе Ли. — Тебе еще учиться и учиться.

— А что?

— Это крем от перхоти.

— Ужас! Я забыл, как по-английски «зубная паста».

Он был расстроен. Меня это раскаяние, как ни странно, несколько примирило с молодым человеком.

— Я сбегаю поменяю, — сказал Ли.

— Не беспокойтесь, я найду применение крему, — остановил я его. — Продолжайте, Отар Давидович. И не старайтесь излагать свои мысли популярно. Надеюсь, моего образования хватит, чтобы следить за ходом изложения.

— Не сомневаюсь, — согласился со мной Отар Давидович. Он отхлебнул кофе. — Недавно нами окончены испытания установки, позволяющей улавливать и измерять напряжения в любой точке земного шара. Следовательно, если мы получаем такого рода информацию, скажем, с Камчатки, мы тут же обращаемся к сейсмическим картам и определяем, нет ли в том месте опасного разлома... Но такие карты составлены далеко не везде.

— В том числе их нет в Лигоне, — догадался я.

— Карт здесь, конечно, нет, — поддержал меня Ли.

— Дело не только в картах, — продолжал Котрикадзе. — Мы засекли сигналы, источник которых находится в четырехстах километрах к северу от Лигона. Конвекционный поток, движущийся по границе разлома, может привести к стрессовой ситуации в течение ближайших недель. При этом в зависимости от характера местности предполагается освобождение энергии порядка...

— То есть будет землетрясение?

— Возможно, крайне сильное. Мы передали наши сведения в академию, а оттуда они были посланы в Лигон.

— Представляете, — вмешался Ли, — взяли данные через половину шарика! Первая удача такого масштаба.

— Вернее, редкое по силе землетрясение, — добавил Котрикадзе.

— И вас пригласили в Лигон? — Я не трусливый человек, но обыденность, с которой они говорили о том, что собираются провести ближайшие дни буквально на вулкане, меня нервировала.

— Для локализации очага и определения даты возмущения мы должны провести полевые исследования.

— И землетрясение, которое вы предсказываете, может начаться в любой момент?

Эти слова вырвались у меня помимо моего желания. И жаль, что я не сдержался. Ли откровенно усмехнулся. Но Отар Давидович был тактичнее.

— Во-первых, оно может вообще не начаться, — сказал он. — Рост напряжения не обязательно приводит к катаклизму. Все зависит от конкретных условий.

— Ну а если?..

— Наша задача — определить сроки и силу землетрясения. И рекомендовать меры по защите населения и имущества.

— Мы как врачи на чумной эпидемии, — сказал Ли. — Совсем не обязательно заражать себя чумой. Лучше, если вылечим других.

В его словах я уловил иной смысл. Ведь известны же случаи, когда врачи сознательно заражали себя чумой. В интересах науки. Хотя в данном конкретном случае...

— А разве местные ученые не могли провести все это без нашей помощи? Ведь землетрясение предсказано...

— Предсказано! — Ли совершенно не умеет владеть собой. Он почти кричал, забыв, что находится в зарубежной стране, где за ним, представителем великой державы, наблюдают тысячи далеко не всегда доброжелательных глаз. — Кому это удавалось до нас? Каждый школьник знает, что над этой проблемой бьются тысячи ученых! Наша лаборатория разрабатывала методику двадцать лет, и ни одного года мы не провели дома...

— Сколько вам лет? — прервал я несколько неуместный поток красноречия молодого ученого.

— Тридцать один. Я кажусь моложе.

К нам подошел майор, которому было поручено осуществлять связь с нашими специалистами от имени лигонской стороны.

Тильви Кумтатон

Я решил, что высплюсь в самолете, и эта мысль меня утешила. И я занялся делами. Из всего экипажа на аэродроме обнаружился только второй пилот. Дежурный помочь мне не мог — у него еле хватило людей, чтобы обслужить транзитные рейсы. Пришлось связываться через Вана с командованием ВВС. Вместо десяти автоматчиков, которых мне обещали, приехали только восемь. Врач исчез. Зато появился лейтенант из

управления пропаганды с кипами листовок и сказал, что летит с нами. Радиста кто-то по ошибке направил в морской порт. При этом возникали тысячи мелочей — то мне звонили из ресторана, чтобы выяснить, кто будет платить за обед для русских, то обнаруживалось, что к миномету, который прислали из штаба округа, нет мин. Потом управление снабжения потребовало, чтобы я обеспечил место директору Матуру, а я этого директора в глаза не видал... На секунду я замер посреди зала, чтобы привести в порядок мысли, и тут рядом со мной возникла тетушка Амара, моя родственница, у которой я жил, когда учился в университете. Она драла с меня за постой дороже, чем в гостинице «Кинг», а удрать от нее оказалось труднее, чем из объятий питона.

— Кумти! — воскликнула она, словно специально приехала из города, чтобы полюбоваться моей военной формой. — Как ты вырос, мой мальчик!

— Здравствуйте, тетя Амара. Что вы здесь делаете?

— Такое счастье, — продолжала она, не отвечая на мой вопрос, — что именно ты командуешь рейсом в Танги!

Каким-то чудом по аэродрому распространился слух, что в Танги уходит спецрейс, и уже человек двадцать пытались получить у меня место. Я мог бы разбогатеть.

— Это военный рейс, тетушка, — сказал я. Наверно, она тоже собралась в горы.

— Неважно, — отрезала тетушка. — Ты обязан помочь нашей родственнице. Бедная девочка едет к умирающему отцу, которого ранили бандиты. Ты не можешь ей отказать. Покойные предки вернутся оттуда, чтобы преследовать тебя.

Она толстым наманикюренным пальцем показала в пол, откуда прибудут мои предки.

Я попытался отказаться. Но если вы полагаете, что я победил тетушку, вы плохо знаете силу родственных связей в Лигоне. Тетушка Амара тут же передала мне привет от моего двоюродного дедушки, пригрозила мне гневом дяди и, наконец, бросила в бой тяжелую артиллерию в виде девушки, красота которой поколебала мои бастионы.

— Тетушка Амара просила за меня, — сказала девушка, стараясь не робеть. Она была одета так, как одеваются студентки в небогатых семьях, сочетая традиции с европейской модой. — Я бы не посмела обеспокоить вас, если бы не мой отец. А я везу лекарство, которое может ему помочь.

Я хотел было сказать, что с удовольствием отвезу лекарство и

передам его по назначению, а вместо этого услышал свой собственный хриплый голос, приказывающий девушке пройти к выходу номер три и сказать там солдату, что ее прислал майор Тильви.

Я пытался оправдать себя тем, что если бы мой отец был болен... но должен признаться, что решающую роль сыграла боязнь гнева родственников.

Шагах в пяти от меня стоял толстый индиец в пиджаке, надетом поверх дхоти, с губами, измазанными бетелем, и с толстым саквояжем в руке. Он слышал весь разговор и этим меня разозлил. Ну уж ты, голубчик, места на самолете не получишь, подумал я и тут же услышал:

— Господин майор, куда мне проходить?

— А какое мне дело?

— Я лечу с вами в Танги, — сказал он.

Я не люблю торгашей независимо от национальности. Но я был официальным лицом.

— На этот рейс пассажиров не берут.

— Даже прекрасных девушек?

Это было слишком. Я повернулся и пошел прочь. Индиец обогнал меня и старался поймать мой взгляд.

— Я пошутил, господин майор, — сказал он. — Я директор Матур. Я имею право лететь.

— Какой еще директор Матур?

Торгаш в мгновение ока извлек аккуратно сложенную бумагу на бланке управления снабжения. В ней доводилось до моего сведения, что директор Матур направляется в Лигон по делам революционного правительства.

— Вы можете проверить, — сказал он. — Вы можете позвонить. Моя репутация...

Я не стал звонить. Я вспомнил, что мне уже звонили. Мне не хотелось с ним разговаривать.

— Вы знаете, куда идти?

— Разумеется, к выходу номер три.

Удивительно, подумал я, когда он успел получить эту бумагу? У этого человека солидные связи.

Наконец нашелся первый пилот — его прислали с базы ВВС. Мой экипаж был кое-как укомплектован, миномет выброшен, патроны для гарнизона в Танги получены, груз русских геологов был на борту. Я поднялся в ресторан и пригласил русских в самолет.

— Груз на месте, — сказал я.

Юрий Сидорович Вспольный

Майор с новенькими погонами на плечах, которые не вязались с пропотевшей запыленной формой, видно, только что произведенный прямо из лейтенантов, пригласил нас к самолету, заверив, что груз уже на месте. Мы последовали за ним через пустой зал, и тут меня остановил крик:

— Юрий, погоди!

Мы остановились. К нам подбежал взмокший, растрепанный Саша Громов. На мгновение меня охватило чувство облегчения, что мой вылет отменяется. Но оказалось иначе.

Громов протягивал мне мой же чуть потертый атташе-кейс, купленный в прошлом году в Дели и всегда сопровождавший меня в деловых поездках.

— Мне твою комнату сторож открыл, — сказал он. — Здесь мыло, щетка и так далее. Еще я рубашку положил и, простят меня дамы, трусики.

Последнее слово он произнес, понизив голос, однако даже эта неуместная шутка не перевесила чувства благодарности, овладевшего мной.

Громов вытащил бумажник и, протягивая мне пачку денег, продолжал:

— Тут пятьсот ватов. Все это не от меня, а от Ивана Федоровича. Он вспомнил, что ты отправляешься в поход гол как сокол. Потом в бухгалтерии отчитаешься. Если понадобятся деньги, телеграфируй прямо мне. Я в курсе.

Он обернулся к моим спутникам, представился им, передал наилучшие пожелания от Ивана Федоровича и добавил:

— Что касается Юрия Сидоровича, то он лучший в посольстве знаток лигонского языка и тщательно собирает материалы для будущей книги об этой чудесной стране.

Я был тронут личной заботой Ивана Федоровича, пониманием важности моей миссии.

— Не буду вас задерживать, — сказал Громов. — Ни пуха ни пера!

— Катись к черту! — в сердцах сказал я.

Мы попрощались с Громовым, а он стоял в дверях, пока мы не скрылись в багажном отделении.

За дверью, ведущей прямо на летное поле, жарился на солнце небольшой «Вайкаунт» местных авиалиний. В дверях толпилась группа людей. Несколько солдат, молодой лейтенант, толстый индиец в пиджаке поверх дхоти с красными от бетеля губами и молоденькая девушка, возможно, медицинская сестра, в

длинной юбке с увядшим белым цветком дерева татаби в черных как смоль волосах. Девушка была красива той характерной для Юго-Восточной Азии хрупкой, изящной, какой-то птичьей красотой, которая приятно подчеркивается независимостью осанки, происходящей от самостоятельности, которой испокон веку пользуются в Лигоне представительницы прекрасного пола. Всем известно, что еще в XIV веке в армии короля Нанасабаука числился женский отряд. И прекрасные амазонки верхом на слонах сыграли важную роль в битве с бирманской армией под стенами монского города Пегу.

Наша небольшая процессия пересекла раскаленную полосу бетона, отделявшую аэропорт от самолета. Шел третий час, жара была тяжелой, отягощенной близким муссоном. Я подумал, что Громов наверняка забыл положить в чемоданчик мою верную полотняную кепочку.

Поднявшись по короткому шаткому трапу в присевший на хвост самолет, я внутренне сжался от ожидавшей меня духоты. И не ошибся в худших ожиданиях. На секунду я задержался, размышляя, сесть ли мне поближе к двери, сквозь которую проникал воздух, или занять место в хвосте, где больше шансов уцелеть при вынужденной посадке. Наконец сел сзади и начал обмахиваться найденным в спинке кресла журналом. Майор разрешил солдатам снять каски и расстегнуться. Сам остался при полном параде.

— Отар, я сейчас умру, — услышал я слабый голос Ли.

— Нельзя ли попросить воды? — спросил индиец.

— Потерпите, — услышал его майор.

Дверь закрылась, медленно начали вертеться винты. Наконец самолет сдвинулся с места. И когда я уже буквально терял сознание, самолет оторвался от земли, и вскоре в кабину хлынул прохладный воздух. Я с минуту наслаждался им, затем застегнул ворот, чтобы резкое переохлаждение тела не привело к простуде.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ИОКОГАМЕ

«1 сентября 1923 года началось так же, как многие прекрасные дни ранней японской осени. Я поднялся еще до восхода солнца. В чарующей тишине раннего утра я наблюдал мягко надвигающийся рассвет. Серебристый месяц смотрел вниз на тихие, почти неподвижные воды... Сегодня мои друзья уезжали домой, и я должен был их проводить...

Пирс имел праздничный вид, он был украшен флагами, развевающимися на ветерке. Наконец в без одной минуты двенадцать сходни были подняты, множество рук с платочками поднялось для последнего прощания, лица расплылись в улыбке или принимали печальное выражение.

Внезапно люди вытянулись, и на какое-то мгновение все замерли, прислушиваясь к подземному гулу... Этот гул сигнализировал парализованным страхом людям о катастрофе. Огромный пирс заколебался — удержаться на ногах было невозможно. Люди поднимались, но их тут же кидало на асфальт. Крики объятых ужасом мужчин и женщин заглушались грохотом разваливающихся строений и ревом земли. Люди чувствовали себя так, словно очутились внутри колеса парового катка, катящегося по разбитой дороге.

Инстинктивно я пытался покинуть пирс, но в это время произошел второй, еще более сильный подземный толчок. Пирс разламывался под действием страшной силы. Деревянная часть его упала в воду. Я почувствовал, что куда-то лечу. Ухватившись за наружный забортный трап, я выбрался на уцелевшую часть пирса. Я увидел, что привычная панорама Иокогамы закрыта темной завесой пыли, нависшей над городом и приближающейся к морю. Я понял, что рев, который последовал за первым толчком, означал неожиданное разрушение огромного города. Вслед за пылью в воздух поднимались столбы черного дыма и пламени. Подгоняемый усиливавшимся ветром, огонь быстро распространялся, горящие головешки летали над головами... Приблизившись к складам на каменной набережной, пламя прыгнуло на них, как тигр на добычу, и с громким треском взвилось в небо, торжествуя победу. Ветер превратился в ураган. Волны носили по гавани горящие лихтеры, и те несли с собой разрушение и смерть».

Эллис М. Захариас. Секретные миссии. М., 1959.

Тильви Кумтатон

Все обошлось. А я боялся, что кто-нибудь в самолете умрет от жары.

Мы взлетели. Директор Матур вытащил из саквояжа шерстяной шарф, замотал шею и принялся сосредоточенно жевать бетель, став похожим на черепаху. Девушка — ее зовут Лами — закрыла глаза. Дремлет? Русские, что прилетели из Москвы, оживленно разговаривали, а третий, совсем белокожий, с жел-

тыми волосами, в очках, глядел в иллюминатор и хмурился. Солдаты смеялись. Я прошел к пилотам.

— Когда будем в Танги?

— Через час двадцать, — ответил военный пилот, — если не придется обходить грозовой фронт.

Я вернулся в салон и сел. Почему-то не спалось. Словно я перешел грань, за которой можно уже никогда не спать. Молодой геолог, похожий на горца, улыбнулся мне и спросил на плохом английском языке:

— Когда прилетим?

— Часа через полтора. Вам не жарко?

— Теперь уже нет. Нам приходится много ездить. Мы охотники за землетрясениями.

— Большая охота, — сказал я. — А как вы их убиваете?

— Чаще всего опаздываем, — ответил за молодого геолога профессор Котрикадзе. — Они успевают сделать свое черное дело.

— Я был в одном землетрясении, — сказал я.

— Где?

— В горах южнее Танги. Я жил тогда у дедушки в монастыре, учился в монастырской школе.

— А в самом Танги?

— Лет сорок назад весь город был разрушен.

— Правильно, — сказал профессор.

— Скоро будет новое, — сказал молодой геолог.

— Нельзя предсказать собственную смерть и землетрясение. Так говорит дедушка Махакассапа.

— Когда-то не умели предсказывать и солнечные затмения, — сказал профессор.

— А когда будет землетрясение в Танги? — спросил я. Но ответ меня не интересовал. Я вдруг понял, что если сейчас не усну, то умру от усталости. Профессор что-то ответил, но я уже проваливался в глубокий сон.

А проснулся я оттого, что заложило уши — самолет снижался. Директор Матур склонился надо мной и больно вцепился в плечо.

— Проснитесь, майор!

Владимир Кимович Ли

Наш бравый офицер, который полагал, что землетрясение нельзя предсказать, как собственную смерть, заснул мгновенно, не дослушав Отара. Словно его выключили.

— Рядом с городом, в долине, есть озеро, — сказал Отар. — Подземный стресс хорошо читается в упругой среде.

Я поглядел в окно. Сначала мы летели над плоской равниной, потом начали появляться невысокие пологие холмы, поля карабкались по их склонам, лишь на вершинах были заметны купы кустарника или деревьев. Потом холмов стало больше, склоны их круче, а лес занимал все больше места, лишь по берегам речек остались проплешины полей и цепочки домиков. Отар что-то писал. Он умеет отключаться и работать. В этом его достоинство и, на мой взгляд, слабость. Я обернулся к девушке. Хорошо, что она все-таки попала в самолет. Девушка закрыла глаза, но длинные ресницы чуть подрагивали. Я сказал Отару, что наш майор не похож на «черного полковника». Отар не любит, когда его отрывают. Он буркнул, что в жизни ни одного «черного полковника» не видал.

Прошло около часа с тех пор, как наш самолет поднялся в воздух. Пить хотелось жутко. Мой организм был совершенно обезвожен. Самолет летел невысоко. Над нами было голубое небо и солнце, зато сбоку, над горным хребтом, стояла стена сизых туч, и мне показалось, что я вижу, как там сверкают молнии. Я решил узнать у кого-нибудь, нет ли на борту воды. Отстегивая ремни, я еще раз взглянул вниз. Мне показалось, что кто-то сигналит нам с земли зеркальцем. «Какая чепуха, — подумал я, — как можно заметить зеркальце с километровой высоты!» И в тот же момент я увидел — и не сразу понял значение того, что увидел, — как кто-то невидимый провел над плоскостью самолета рукой, измазанной в чернилах. Чернила упали цепочкой капелек. Самолет тряхнуло, и я тогда догадался, что это не капельки, а дырки в крыле. И тут же из мотора потянулся черный дымок.

Наверно, я непроизвольно привстал и вжался в стекло. Отар сразу почувствовал неладное.

— Что?

Он пытался встать, но его не пускали ремни. Линия горизонта начала медленно клониться, будто перед нами был склон горы. И тут заверещал толстый индиец в пиджаке. Он вскочил, подбежал к майору и стал его трясти:

— Майор, проснитесь! Майор, мы падаем!

Лами Васунчок

Молодой иностранец, похожий на горца, с широким и добрым лицом, довольно бесцеремонно глядел на меня в ресторане, где я ждала тетушку Амару. Наверно, вид у меня был неприглядн-

ный. Странно, что в такой тяжелый момент я обратила внимание на молодого человека.

Когда тетушка подвела меня к майору, я с удивлением узнала в нем Тильви Кумтатона, который учился с моим братом в колледже, даже приходится мне родственником и раз или два бывал у нас дома. Меня он, конечно, не узнал. Десять лет назад я была девочкой. Тильви был недоволен тем, что из-за меня придется нарушать правила, но разрешил лететь. Я надеюсь, что у него не будет неприятностей.

Вообще-то все было чудом, цепью чудес. Господин Сун встретился со мной и оказался таким вежливым и отзывчивым. Когда я узнала о перевороте, он велел мне не беспокоиться. Утром я пришла к нему снова, там меня уже ждала тетушка Амара, которую я три года не видела и которая всегда была злой, но у господина Суна вела себя словно мама и сама предложила поехать на аэродром добиться, чтобы меня взяли на самолет. Она выполнила свое обещание.

Потом мы долго ждали у выхода на поле, прежде чем пришел Тильви и с ним иностранцы. Один из них тот, который смотрел на меня. И я обрадовалась, что они полетят с нами, хоть и стыдно в этом признаться.

В самолете молодой иностранец сидел по другую сторону прохода и иногда смотрел на меня. Я делала вид, что не чувствую его взгляда. Я старалась думать об отце. Я знала, что отец может умереть. Поэтому я решилась и пошла к господину Дж. Суну. Я думала об отце и представляла, как ему больно, а потом задремала и не сразу поняла, что случилось. Самолет начал снижаться, но не в Танги, а прямо над лесом. Господин директор Матур громко кричал. Я испугалась, что мы разобьемся, но еще больше испугалась, что разобьется лекарство. Я прижала сумку к груди, чтобы лекарство не разбилось, если мы упадем.

Директор Матур

Сидя в самолете, я размышлял о том, что прошедшее утро следовало бы внести в графу убытков. Телефонный звонок с аэродрома в город обошелся мне в семьдесят ватов: двадцать — сторожу, который провел меня в кабинет к диспетчеру, и пятьдесят — самому диспетчеру. Это как минимум семь долларов. Даже если вычесть из этого прибыль, которую я получил, обменяв по курсу пять долларов для молодого русского, все равно

убыток слишком велик... Но разговор с Тантунчоком все-таки состоялся. Я спросил его, сбылось ли мое предсказание, и Тантунчок вежливо выразил благодарность за предупреждение.

— Готов ли ты поставить точку на вчерашнем разговоре? — спросил я. — События развиваются быстро.

— Я всегда готов обсудить разумные предложения. Мне предлагают за товар двести пятьдесят тысяч.

Что же, цена упала. Тантунчоку нельзя отказать в здравом смысле. Но цена была высока, и я был убежден, что ни один здравый человек не предложит за фабрику такую бешеную по сегодняшним меркам цену. Это я сказал Тантунчоку. И предложил ему сто тысяч, иначе будет поздно.

Я представил себе, как улыбается Тантунчок, как собираются добрые морщинки у его глаз. И он сказал:

— Исключительно ради старой дружбы я могу уступить товар за двести тысяч.

— Любая половина, — сказал я.

Мой план таил в себе большой риск. Если все пройдет гладко и мне удастся приобретенную фабрику тут же передать управлению снабжения, придется делиться с теми, кто поможет провести эту операцию. Я получу не четыреста тысяч, а не более трехсот. Но где гарантия, что эта сделка состоится? Что расположение, которым меня дарят некоторые влиятельные люди, сохранится завтра? Разумнее было отказаться от сделки вообще, чем рисковать всем свободным капиталом. Ведь в ближайшие дни могут появиться другие соблазнительные предложения — в опасении национализации дельцы будут распродавать недвижимость... О, жестокий Дж. Сун! Сейчас, именно сейчас мне следовало находиться в Лигоне, где вершатся дела. И хоть я уверен в моем младшем брате Сааде, как в самом себе, у мальчика нет еще опыта и он скареден. Надеюсь, теперь вам понятно, почему я был так непреклонен в беседе с Тантунчоком?

— У меня готовы все документы, — настаивал Тантунчок. От его неприятного голоса у меня чесалось в ухе.

— Я через час вылетаю из Лигона, — сказал я.

— Куда?

— Неважно.

— Может, ты позвонишь мне еще? — В голосе его звучала неуверенность.

Я повесил трубку. Не зря ли я потратил семьдесят ватов?

Самолет миновал долину Кангема. Дальше наш путь лежал через гряду гор к озеру Линили, за которым стеной поднимают-

ся отроги Тангийского нагорья. Я не первый раз летел из Лигона в Танги, хотя предпочитал ехать поездом до Метили, а потом на машине. Этот путь длиннее, зато не кажешься себе жуком в банке, которую можно кинуть и разбить. Минут через двадцать должен был показаться выход из ущелья. Но тут самолет начал менять курс, наверно, из-за муссонных туч, поднимавшихся впереди. Я подумал о том, что в этом году весна была жарче обычного и в деревнях начались пожары. Скорей бы приходил муссон.

Я привстал, чтобы посмотреть, что делает девушка, которую я видел у господина Дж. Суна. Ее присутствие на борту меня тревожило. Я благословлял собственную осторожность, которая заставила меня скрыться в полутьме холла, когда Сун провожал ее из гостиницы. Что за указания она везет в Танги? Не связаны ли они с моей скромной особой? Дж. Сун коварен. А вдруг он узнал, что я потратил час на визит к Тантунчоку?

Тревога настолько овладела мной, что я не сразу сообразил, что случилось ужасное. Из-под крыла тянулся дым. Самолет резко пошел вниз. Мы падаем! Эта картина неоднократно преследовала меня в кошмарах, но чтобы такое могло случиться со мной в действительности! Со мной... Нет!

Я подавил готовый вырваться из груди крик. Нет, я должен что-то предпринять. Я быстро отстегнул ремни и направился к спящему майору Тильви. Я дотронулся до его плеча и негромко, но внушительно произнес:

— Проснитесь, майор. Мы падаем.

* * *

«...В горных районах Лигона состав лесов меняется, в первую очередь в связи с изменением термических условий. В горах происходит значительное понижение температуры с высотой, что оказывает существенное влияние на растительность. Появляются субтропические и бореальные виды, и постепенно исчезают типичные тропические представители. До высоты 1800 метров растут горные вечнозеленые леса. Климат этого пояса довольно теплый и влажный. Температура колеблется от 17° до 25°. Зимой, с декабря по февраль, бывают единичные понижения температуры до 5—6°, но заморозки, как правило, не случаются. По условиям увлажнения этот пояс почти сходен с равнинами, но отличается большей влажностью из-за пониженных температур, а также частых туманов и довольно обильных рос.

Растительность горных вечнозеленых лесов очень богата. По-прежнему многочисленны лианы и эпифиты. Постепенно

исчезают диптерокарповые, стеркулиевые, сапиндовые и другие семейства, характерные для равнинных лесов... Начиная с 500 м увеличивается число дубов, каштанов, лавров, мелиевых, появляются такие типично горные виды, как береза. В нижних ярусах по-прежнему господствуют типичные тропические бамбуки, дикий банан, древовидные папоротники... Еще выше на склонах в условиях зимней сухости и пониженных температур появляются хвойные леса...»

Е.А. Рабэн. Лигон. Природные районы и ландшафты. Гаага, 1972.

Отар Давидович Котрикадзе

Я пролетел в своей жизни больше миллиона километров, впору получать значок, но попадать в катастрофу мне еще не приходилось. Все произошло слишком быстро, чтобы я мог потом на досуге понять, что же случилось в эти минуты, хотя они показались мне долгими. Я помню, что заставил пристегнуться Володю, который никак не мог понять, чего же я от него хочу, и, наверно, считает меня человеком без нервов. Вокруг кричат люди, дым за окном закрыл все небо, земля несется нам навстречу, а я сую ему в руки конец ремня и требую, чтобы он пристегнулся, словно перед нормальной посадкой. Но ведь если суждено уцелеть, то больше шансов у того, кто пришпилен к своему месту.

Никто из пилотов не вышел из кабины — они были слишком заняты спасением самолета, чтобы успокаивать пассажиров. Даже не будучи летчиком, я понимал, насколько сложно наше положение. Неожиданно загоревшийся мотор заставил нас срочно снижаться, пока машина не взорвалась. Если бы дело происходило над равниной, мы могли бы сделать это сравнительно спокойно — высота полета невелика. Но под нами тянулись покрытые лесом горы.

Я не потерял способности наблюдать происходящее вокруг. Это шло не от излишней смелости или фатализма. Просто мне не хотелось верить, что через минуту меня не будет в живых, и эта здоровая реакция организма заставила меня вообразить, что ничего страшного не случится. Пристегнув наконец Володю, который рванулся на помощь девушке, сидевшей по другую сторону прохода (но, к счастью, ремень тут же вернул его на место), я огляделся. Юрий Сидорович был смертельно бледен и смотрел

перед собой, ничего не видя. Потом он мне признался, что перед его мысленным взором прошла вся жизнь. Майор Тильви боролся с толстым индийцем, который повис на нем, вцепившись в мундир толстыми пальцами, словно в этом и заключалось его спасение, так как майорам по чину не положено разбиваться в самолетах. Молоденький офицер, который присоединился к нам у самого самолета, что-то кричал на вскочивших солдат; девушка, которую порывался спасать Володя, прижимала к груди сумку, будто ей важнее всего было сохранить ее содержимое. А где мой портфель? Почему-то я занялся лихорадочными поисками портфеля и, найдя его под ногами, постарался вытянуть на колени. Самолет накренился в нашу сторону, и совсем близко под окном мелькали кроны деревьев. Сквозь рев моторов, крики я услышал звук от падения тела. Мимо промчался, стараясь сохранить равновесие, майор и рванул дверь пилотской кабины. Володя что-то крикнул. Когда потом я спросил его, он ответил коротко: прощался. Больше мы с ним к этим минутам в воспоминаниях не возвращались.

Самолет выпрямился. На мгновение отнесло дым, стало светлее, и тут же я ощутил серию ударов — наверно, машина билась корпусом о вершины деревьев. Скрежет был такой, словно самолет рассыпался на куски, нас подбросило вверх, потом самолет нырнул, ударился о землю, подпрыгнул, мое тело рванулось вперед, и ремни, как ножи, полоснули меня по груди. Видно, из меня вышибло дух, потому что следующее, что я помню, — тишина...

Мы были живы.

Сначала появилась боль. Болела грудь. Ремни удержали меня, но сделали это немилосердно. Я даже не мог глубоко вздохнуть. Хорошо бы ребра остались целы. Потом возникла боль в колене. Я хотел поднять руки, чтобы отстегнуться, но руки были ватными и не хотели подниматься. И только тогда я понял, что сижу с закрытыми глазами.

Я заставил себя открыть глаза. Они повиновались нехотя. И сразу включился слух. Продолжался гул — может, еще работали моторы, может, ревело пламя, может, шумело в голове. Сквозь гул я услышал, как кто-то рядом причитает, словно по покойнику, — однообразно и грустно. Потом донесся стон. Как Володя? Я повернул к нему голову и понял, что вывихнул шею — так было больно.

И тут же меня охватил справедливый гнев. Это было первое человеческое чувство, вернувшееся ко мне. Именно гнев. Вы по-

лагаете, что он думал обо мне? Володя был в полном сознании, голова его была повернута в мою сторону, но смотрел этот подлец не на меня — сквозь меня, туда, где сидела девушка. Я проследил за его взглядом. И рассмеялся. Потому что девушка тоже была жива, она сидела, прижимая к груди дорожную сумку, и глазела на моего Володю.

— Приехали, — сказал я сквозь смех. — Приехали.

Наверно, со стороны казалось, что я впал в истерику, но мне было просто смешно, что первым моим чувством был гнев на Володю, и смешно, что они сидели в разбившемся, горящем самолете и смотрели друг на дружку.

Руки мои действовали независимо от меня. Они отстегивали ремни. Я должен был встать, чтобы помочь майору. Майор лежал в полуоткрытой двери в пилотскую кабину, и по тому, как он лежал, я понял, как ему досталось.

— Вы что, Отар? — услышал я голос Володи.

— Скорее, — сказал я Володе, и мне наконец удалось вздохнуть. Припадая на ушибленную ногу, я бросился к майору. И знал, что Володя тоже поднимается. Он уже опомнился. Я мог на него положиться. Крушения кончились, началась работа, а работать Володя умеет.

Майор был жив, дышал и, если не считать вывернутой руки, был цел. Нам удалось оттащить его от двери. Я открыл ее, чтобы проникнуть в кабину пилотов, и краем глаза заметил, что над майором склонилась наша соседка.

Все мои действия, быстрые, наверно, даже суматошные, мерились на секунды. Мне даже некогда было обернуться и поглядеть, что же творится в салоне.

В лицо мне ударил дым. Дымом была полна пилотская кабина, вернее, то, что от нее оставалось. Самолет — это я понял уже погодя — тянул к прогалине в лесу, к рисовому полю, но пилоты не смогли удержать машину, и она, уже потеряв скорость, врезалась в лес по ту сторону поля, и стволы сокрушенных самолетом деревьев превратили его нос в мешанину стекла и металла. В тот момент я ничего этого не знал — я на ощупь пробирался сквозь дым, стараясь отыскать пилотов. Володя пошел было за мной, но я обернулся и крикнул:

— Назад! Открой дверь! Выводи людей!

Мне казалось, что путешествие сквозь дым и джунгли гнутого металла и битого стекла продолжалось очень долго. Кабина — несколько шагов в длину — превратилась в бесконечный коридор, в котором нельзя было дышать... Но тут порыв ветра на

мгновение отогнал дымовую завесу, и оказалось, что я стою на некоем подобии балкона, к которому вплотную подступают переломанные кусты и стволы деревьев. Листья и сучья, забившиеся в кабину, стирали грань между лесом и самолетом. В зеленом месиве я увидел тело одного из пилотов. Тут же дым снова набросился на кабину, и мне пришлось вытаскивать пилота из груды обломков вслепую, задыхаясь и боясь не только близкого взрыва, но и того, что я потеряю сознание и останусь здесь. Я с таким отчаянием тащил пилота, словно он был жив, но тогда я еще не понял, что он мертв. Я спрыгнул на землю и потащил непослушное тяжелое тело к себе. Оно свалилось на меня, а я лишь подумал, что пилоту не так больно падать на меня, как на корни и сучья. Потом я волок его сквозь переломанные бамбуковые заросли, и лишь метров через двадцать дым рассеялся настолько, что я смог осмотреться и сообразить, что нахожусь на краю рисового поля. Я действовал как автомат, который получает приказания и послушно спешит их исполнить — правда, приказания исходили от моего собственного мозга.

Владимир Кимович Ли

Наверно, в жизни я не видел ничего более страшного, чем Отар, выходящий из леса. Хоть я много езжу, нагляделся на стихийные бедствия и буйство земных сил, но при этом я оставался в пределах цивилизованного общества, в котором никто никого не убивает и не стреляет. Оттого складывается убеждение, что иначе и быть не может. Так должно быть везде, а что вне твоего опыта — это литература. И вот Отар, выходящий из леса, знаменовал окончательный крах моего внутреннего благополучия.

Все, что произошло раньше, было сном, кошмаром, с удивительными и даже приятными пробуждениями, но все это вписывалось, скажем, в модель «авария». Я понимал, что лучше всего в моем положении подчиниться Отару. Полностью. Это было благодарное чувство освобождения от ответственности, подчинения тому, кто согласен взять на себя право распоряжаться судьбой других людей. В острых ситуациях я начинаю вертеть головой и искать, кто же будет мной распоряжаться. Тогда я не думал о том, что самолет может взорваться. Как будто, если мы на земле, дальше все должно постепенно превратиться в воспоминание, о котором мы будем рассказывать московским знакомым, а те будут ахать и верить. Или не верить.

Подчиняясь приказу Отара, я пробежал по проходу к двери. «Пробежал» — слово приблизительное. Проход был загроможден, будто кто-то специально сбросил туда все, что было непригодно. В проходе валялись сумки, чемоданы, ящики. В одном месте они возвышались грудой, скрывая под собой толстого индийца. Поэтому по пути к двери я вынужден был остановиться и разгрести барахло, чтобы извлечь из-под него господина, который явно симулировал смерть: глаза у него были закрыты, очень красный язык вывалился наружу, как у жаждущего пса, но при этом он быстро и мелко дышал. Я решил, что следует шлепнуть его по щеке — по крайней мере так приводят в чувство барышень в художественной литературе. Господин тут же открыл глаза и страшно удивился, что он на этом свете.

— Вставайте! — сказал я ему. — Скорее.

На что он выразительно ответил:

— О-о!

То ли стонал, то ли радовался воскрешению. Справа от меня зашевелилось. Это отстегивался Вспольный.

— Сейчас, — сказал он мне, — одну минуточку.

Словно я его торопил. Мои глаза выхватывали отдельных людей, и я не видел, что происходило вообще, в целом. Салон затянуло дымом, не очень густым, в нем можно было разобрать человеческие фигуры неподалеку от себя, но все-таки достаточно плотным, чтобы не увидеть того, что творится метрах в пяти. Дым этот проникал в салон через приоткрытую дверь в пилотскую кабину, где скрылся Отар.

Я миновал индийца и, когда сделал еще несколько шагов вперед, увидел сбоку светлое пятно. Дверь. Причем открытая. Я совсем забыл о солдатах и молоденьком офицере. Они, оказывается, не дремали и успели добраться до двери раньше меня. Я на секунду остановился в проеме. Передо мной было небольшое поле, покрытое высохшим желтым жнивьем, оно уходило вниз, под уклон, а за ним синей стеной поднимались горы. Лес подступал почти к самолету. Повернув голову направо, я понял, что наш самолет проскочил поле и на последнем издыхании врезался в деревья, так что его нос был полностью скрыт в зеленой массе листвы. Эту в целом буколическую картину нарушал треск пламени, рвавшегося из горящего мотора, и клубы черного дыма. Над полем дул порывистый ветер, поэтому и дым, и пламя метались клочьями над головой и казались под ярким солнцем не более чем вторичной деталью пейзажа. Теперь, вспоминая те

минуты, я думаю, что все-таки я находился в остаточном шоке, если мог так легкомысленно рассуждать об огне.

Довольно далеко, метрах в ста, по полю, удаляясь от самолета, трусили две человеческие фигурки. Я понял, что это павшие духом солдаты, но удивился, с чего они так спешат? Ведь мы уже сели. Тут же я увидел остальных солдат и молоденького офицера. У офицера были разодраны лоб и щека, и он все время стирал рукавом кровь, чтобы она не заливала глаза. Он покрикивал на солдат, которые старались широкими ножами открыть багажный люк. Солдат было двое. Третий сидел неподалеку, неестественно вытянув перед собой ногу. Он был очень бледен и стонал.

Вдруг меня сильно толкнули в спину. Я не удержался и кулем вывалился из самолета на мягкую землю. Нечто тяжелое, словно бегемот, рухнуло на меня, и когда я вскочил, еще не соображая, что произошло, то понял, что меня выпихнул толстый бизнесмен. С неожиданной для его веса и объема резвостью он подхватил черный саквояж и припустил вслед за дезертирами по склону. Очевидно, зрелище было не лишено комизма, потому что солдат, сидевший на земле, вдруг засмеялся.

Я попросил знаками у офицера выделить мне одного из солдат, чтобы вынести майора. Почему-то я временно забыл английский язык. Офицер меня понял и сам полез за мной в машину. Там уже стало совсем темно и трудно дышать. Почти на ощупь мы продвигались по проходу и через несколько шагов столкнулись с округлой спиной Вспольного, который тащил по проходу майора. Девушка старалась помочь ему, не выпуская из руки своей драгоценной сумки. Вчетвером, мешая друг другу, мы эвакуировали майора из машины и отнесли его на несколько метров от самолета. Я хотел отправиться на поиски Отара, который слишком долго не возвращался, но тут услышал крик девушки: Отар выходил из леса. Он тащил, подхватив под мышки, пилота и был настолько залит кровью, что казалось, будто на нем нет ни одного живого места. Мы не сообразили, что это кровь пилота. Увидев нас, Отар рухнул на землю.

Юрий Сидорович Вспольный

Бывают моменты близости смерти, о которых нельзя распространяться. В них есть что-то интимное. Даже в своей книге о Лигоне если я и упомяну об опасном полете в горы, о катастрофе, постигшей наш самолет, то сделаю это сдержанно, вкратце,

поскольку это будет способствовать развитию сюжета. Сам же постараюсь забыть о тех мыслях, что пронеслись в моей голове в минуты гибели самолета.

Первое, что возникло в мозгу после осознания, что я жив, — это дым, чей-то стон, донесшийся снизу, от моих ног, мелькание темных фигур. Потом я увидел, что молодой геолог Ли освобождает из-под груды вещей индийца. Я ощупал себя, поднял одну руку, затем вторую. Руки двигались. Я попытался встать, но не смог и не сразу понял, что это ремни, спасшие меня в момент удара самолета о землю. К тому времени, когда я освободился от них, Володя куда-то исчез, а индиец тяжело поднялся и пополз к выходу из самолета. Я хотел было последовать за ним, потому что меня охватил страх, что обо мне забыли, но услышал впереди, где дым был гуще, женский голос. Мне показалось, что зовут на помощь. Я с трудом пробрался вперед и увидел, что на полу лежит майор, а девушка, присев на корточки, поддерживает на весу его голову. Я с трудом вспомнил, как по-лигонски объяснить ей, что не следует оставлять раненого в этих условиях. После этого я с помощью девушки начал тянуть майора к выходу. К счастью, когда я понял, что эта задача мне непосильна, послышались голоса и мне на помощь пришли Володя Ли и молоденький офицер без фуражки, с окровавленной щекой. Все вместе мы вынесли майора из самолета.

Тогда я смог оглядеться и оценить создавшуюся обстановку, которая внушила мне тревогу. Самолет горел, и пламя грозило добраться до баков с горючим, и тогда машина взлетела бы на воздух вместе с нами. Мы же находились в непосредственной близости от нее и могли пострадать. Я намеревался довести это до сведения остальных, однако в этот момент наше внимание было отвлечено появлением окровавленного профессора Котрикадзе, который, рискуя жизнью, проник в кабину и вынес оттуда пилота.

К счастью, моя тревога о состоянии здоровья профессора Котрикадзе оказалась необоснованной. Он с помощью Ли поднялся с земли и тут же высказал вслух мои тревожные мысли о неминуемом взрыве самолета.

Я полагал, что профессор Котрикадзе, который по возрасту и общественному положению взял на себя руководство спасательными работами, немедленно прикажет всем эвакуироваться, однако он попросил меня подойти к нему и выступить в роли переводчика. Солдаты с помощью выстрелов из ручного оружия осуществили открывание багажного отделения, он одобрил их

действия и попросил меня объяснить молоденькому лейтенанту желательность оттащить груз как можно дальше. Затем профессор Котрикадзе попросил меня помочь девушке эвакуировать майора, у которого была сломана рука, и я подчинился, не переставая беспокоиться о судьбе моих товарищей, действия которых я считал рискованными.

Мы оттащили майора метров на сто и положили за небольшим холмом. Солдат приполз вслед за нами. Когда я собирался возвратиться к самолету, ибо не имел права отсиживаться в укрытии с женщинами и ранеными, раздался страшный взрыв, взметнулся столб черного дыма и осколков. Взрыв был так силен, что комья земли и осколки посыпались на нас градом.

Я пережил страшный момент, полагая, что все остальные погибли, и бросился к самолету, невзирая на возможность повторных взрывов.

На открытом месте я увидел, что части самолета разбросаны на расстоянии многих метров по полю и все люди, находившиеся в непосредственной близости к нему, лежат на земле на полпути от самолета к холму.

Подбегая к ним, я увидел, что они шевелятся и один за другим поднимаются на ноги, стряхивают с себя комья земли и листья и даже смеются и громко разговаривают, вторично избежав смертельной опасности.

Оказалось, что за полминуты до взрыва Отар Давидович понял, что он неминуем, и велел всем бежать от самолета, что спасло моих спутников.

Когда же я по истечении первых радостных минут обратился к Отару Давидовичу с закономерным упреком за то, что ради груза он рисковал жизнью вверенного ему коллектива, он ответил мне, что этот груз предназначен для того, чтобы спасти жизни многих людей, и потому споры и рассуждения о правомочности его действий представляют лишь академический интерес. И так как все обошлось без жертв, я счел за лучшее больше не поднимать эту тему.

ДЕЛО О НАРКОТИКАХ

«В Нью-Йорке закончился в минувшую пятницу необычный судебный процесс. Открывая его неделю назад, председательствовавший на процессе судья Эдвард Уейнфельд с самого начала трижды предупредил присяжных заседателей, что им предстоит

услышать о «крайне опасном преступном заговоре»... Данный процесс является стартом целой серии уже подготовленных судов над несколькими десятками китайцев, арестованных в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и канадском городе Ванкувере. В этих городах орудует крупная международная шайка контрабандистов, имеющая опорные пункты также в Гонконге, Сингапуре и Бангкоке... Всем им предъявлено обвинение в нелегальном ввозе и тайной распродаже на территории США сотен килограммов героина и опиума общей стоимостью 25 миллионов долларов».

«Нью-Йорк таймс», 30 марта 1973 г.

Отар Давидович Котрикадзе

Мы дешево отделались. Сесть на лоскут горного поля в горящем самолете, так что почти все находившиеся на борту остались живы, более того, уцелел почти весь груз (из того, что мы успели снять), — это, наверно, чудо. Погиб лишь первый пилот, тот, кому мы были обязаны жизнью.

Мы перенесли майора в пустовавшую хижину на краю поля. Майор все еще был без сознания. К несчастью, среди нас не было ни одного медика. Девушка, которую зовут Лами, помогла мне кое-как перевязать раненых.

Работы для Лами оказалось много. Все были поцарапаны, избиты, у майора оказалась сломанной рука, у одного из солдат — нога. У двоих солдат не выдержали нервы, и они бросились бежать. Вернулись они вскоре после взрыва — прятались неподалеку в лесу. Вернулись, поддерживая второго пилота, которого выбросило из самолета при падении. Они услышали его стоны. Пилот был в их глазах страховкой против сурового наказания за попытку дезертирства. Не знаю, каким оно будет, но молоденький лейтенант, который принял командование, корил их по-лигонски последними словами, поминутно указывая на Лами, видно, проводя позорные для них сравнения с девушкой. Солдаты переминались с ноги на ногу, иногда старались оправдаться, а их товарищи посмеивались над ними. Самое страшное было позади, и нами овладело странное, немного истеричное настроение, когда любой пустяк может рассмешить. Не вернулся лишь толстый директор Матур. Может, от этого будет польза: наткнется на кого-нибудь, направит к нам помощь. В пустой хи-

жине рядом с майором устроили также солдата со сломанной ногой и второго пилота.

Потом мы перетаскивали к хижине груз. Один из ящиков с датчиками погиб в самолете, второй остался. Кое-как управимся. Хорошо, что мы в Москве решили подстраховаться. Взяли больше датчиков, чем нужно. Вытащили и ящик с компьютером. Интересно, цел ли он. Вся надежда на Василия Эдуардовича, институтского столяра, который запаковывал наше добро, приговаривая: «Теперь можно хоть с самолета кидать». Он оказался пророком. Кроме наших вещей, вытащили десяток ящиков и тюков, принадлежащих военным. Один из тюков разорвался, и из него высыпались листовки. Ветер кинул их веером над полем, и молоденький лейтенант долго гонялся за ними.

Начало смеркаться. Когда я в последний раз, прихрамывая, вернулся к самолету, вернее, к тому, что от него осталось, на небе уже появились первые звезды. Они загорались на восточной половине неба, западная была закрыта темной тучей. От этого сумерки начались раньше, чем следовало. Я поглядел на часы. Половина седьмого. Катастрофа произошла в пятом часу.

Вокруг царил мир. Природа уже забыла о грохоте и огне, с которыми мы ворвались в эту долину. От обломков самолета поднимался дымок. Жужжали комары, совсем как у нас. Большой черный жук пронесся перед самым лицом, и я отпрянул. В полутьме самолет казался древними руинами, давным-давно оплетенными лианами.

— Знаете, Отар... — Задумавшись, я не услышал шагов Володи по мягкой земле. — Перед самой аварией я заметил одну любопытную деталь.

— Выкладывай.

— Пойдите сюда.

Обломок крыла, отлетевший от фюзеляжа, лежал у наших ног, словно плавник акулы. Он был покрыт копотью. Володя наклонился.

— Вот, — сказал он.

Я с трудом разглядел линию круглых отверстий в крыле. Отверстия тянулись под углом к основанию крыла и обрывались в покореженном металле.

— Что это?

— По-моему, с земли в нас стреляли. Нас сбили, понимаете?

— Ясно, — сказал я.

Мы медленно пошли обратно к хижине. Она черным конусом виднелась на фоне поднимавшегося от речки тумана. У хижины метался желтый огонек. Солдаты разожгли костер и кипя-

тили воду. Еды у нас не было, но, по моему разумению, поблизости должно было быть и жилье.

У костра сидел Вспольный и заносил воспоминания в записную книжку.

— Не следовало отходить в темноте, — сказал он поучительно. — Здесь могут быть ядовитые змеи. — Очки у него уцелели и зловеще отражали пламя.

— Где лейтенант? — спросил я.

— В хижине.

В хижине было темно. Кто-то тихо стонал.

— Лейтенант! — позвал я.

— Я здесь.

Я не увидел, но понял, что лейтенант поднимается с пола.

— Я хотел немного поспать, — сказал он, словно оправдываясь. — На рассвете мы пошлем за помощью. А может быть, нас найдут раньше.

Мы вышли с ним вниз, к реке. Звезды были такими яркими, что при их свете я смог разглядеть, как молод этот офицер. Лет двадцать, не больше.

— Я хотел поговорить с вами, — сказал я. Мы стояли над морем тумана, который медленно тек у самых ног. — Мой спутник видел, как по нашему самолету стреляли с земли. Он показал мне пробоины в крыле самолета.

До того, как я произнес эти слова, мы были жертвами воздушной катастрофы. Причины ее находились вне компетенции офицера. Если я окажусь прав, то мы превращаемся в объект нападения, и это меняет дело.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я не военный. Но мне кажется, что это так. Поговорите с пилотом. Если он уже пришел в себя.

— Я поговорю, — сказал лейтенант. Он старался придумать, что следует делать. Пожалуй, он был в армии недавно и пороха не нюхал.

— Кто мог в нас стрелять? — спросил я.

Лейтенант ответил не сразу. И когда ответил, в голосе его не было уверенности.

— Сепаратисты, — сказал он. — А может, люди Джа Ролака. Наверно, люди Джа Ролака. Ведь они должны еще сопротивляться. Но и коммунисты, простите, тоже.

Видно, он знал, что мы из Советского Союза, и боялся оскорбить наши чувства намеком на неправильные действия наших идеологических коллег.

Звук собственного голоса помог лейтенанту справиться с растерянностью. Он продолжал увереннее:

— Пойдемте обратно. Надо погасить костер... И раздать всем оружие.

Первая мысль была разумной, хоть и оставляла нас без горячей воды. Вторая — утопической. Лишнего оружия у нас не было.

Но мы не успели дойти до хижины. Мы увидели, как из темноты на свет разгоревшегося костра выходят вооруженные люди. Вспольный (я узнал его силуэт) поднялся, приветствуя их. Солдат, подбрасывавший в огонь сучья, выпрямился. А меня охватило дурное предчувствие новой беды — один из вошедших в освещенный круг поднял автомат. Несколько ярких, словно прожекторы, лучей карманных фонарей уперлись в людей у костра.

— Назад! — крикнул мне лейтенант.

Кричать в такой ситуации не стоило. Промолчи этот юноша, мы с ним могли бы скрыться в тумане.

Пришедшие к костру люди знали, как вести себя в лесу. Два или три сильных луча метнулись к нам, и я, как бомбардировщик в лучах прожекторов, был ослеплен, виден отовсюду и беззащитен. От костра что-то крикнули по-лигонски. Я счел за лучшее покориться. Я поднял руки и медленно пошел навстречу лучу. Я слышал, как мимо пробежали люди, раздался выстрел, другой. Я продолжал медленно идти к костру и понимал, что сейчас я во власти того, кто держит меня в луче фонаря и на прицеле. Скорей бы костер. Еще выстрел. Крик. Меня ударили в спину, подталкивая вперед. Через минуту я стоял у хижины.

Рядом стоял Вспольный. Он держал в руке полуоткрытую записную книжку. Кто-то осторожно посветил фонарем внутрь хижины. Другой вошел туда и вытащил Лами. За ней последовал еще один пленник — Володя.

Выстрелы со стороны реки умолкли. Я попытался через костер разглядеть тех людей, которые напали на нас. Обычные люди, без злобы или остервенения в глазах. Один из них перехватил мой взгляд и улыбнулся. Он был в куртке защитного цвета, перепоясанной наискось пулеметными лентами, и в обтрепанных зеленых брюках. На ногах солдатские башмаки. Но автомат он держал уверенно и даже щегольски, и автомат был направлен на нас.

И тут за его спиной я увидел еще одну знакомую фигуру. Наш старый знакомец директор Матур с синяком под глазом,

без саквояжа. Моя надежда на то, что он приведет к нам людей, оправдалась, но странным образом.

Человек в армейской каске, с широким равнодушным лицом и висячими редкими усами приказал автоматчикам загнать нас в хижину, что и было сделано. Все произошло быстро, и единственным громким звуком был треск захлопнутой двери. Стало совершенно темно. Молоденький лейтенант, которому так и не удалось покомандовать, не вернулся. Я надеялся, что ему удалось бежать.

ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ
ОСУЖДЕННЫЙ СДЕРЖАЛ СЛОВО

«Когда судья Джа Уэолсо на основании вердикта присяжных объявил о том, что горец Па Пуо, задержанный речной полицией на катере, между двумя слоями обшивки которого было найдено более сорока килограммов опиума, и оказавший вооруженное сопротивление, приговаривается к восьми годам каторжных работ, осужденный громко воскликнул:

— Ни дня не заставите меня работать!

На углу улиц Свободы и Сияна путь тюремному фургону, в котором перевозили из суда в центральную тюрьму Па Пуо и двух других осужденных по тому же делу, преградил грузовик. К остановившемуся фургону подбежали неизвестные в чулках, натянутых на головы, и под угрозой оружия заставили охранников открыть двери. Преступники скрылись.

В ходе суда Па Пуо, несомненно, связанный с одной из групп контрабандистов северных провинций (он родом с верховьев Кангема), не назвал ни одного имени.

Начальник полиции заверил журналистов, что бежавшие преступники будут задержаны в ближайшие дни. Дозволено ли нам поставить под сомнение эти полные обычного оптимизма слова?»

«Лигон дейли», 8.1.1975.

Директор Матур

Когда я пришел в себя, я возблагодарил господина Будду за чудесное спасение. Но тут же понял, что нельзя терять ни минуты. Самолет был полон дыма, и в любой момент я мог сгореть.

Какие-то люди бегали туда-сюда, толкая мое беспомощное тело. Общая паника царила на борту погибшего самолета. Я был единственным в этом аду, кто на первое место ставил заботу о долге.

Судьба была милостива ко мне. В дымной темноте мне удалось отыскать саквояж. В моем распоряжении было всего несколько секунд. И за эти секунды я должен как можно дальше отойти от места гибели самолета.

Почти ощупью, не обращая внимания на боль во всем теле и предательскую слабость в ногах, я нашел дверь. Каждый был занят собственным спасением, но некоторые при этом старались что-то вытащить из самолета, чтобы не уходить с пустыми руками. Два солдата взламывали багажное отделение — даже в такой страшный момент они думали о своем обогащении. Я понимал, что ничем не смогу помочь раненым или убитым, но, если до темноты доберусь до какого-нибудь селения, смогу послать сюда людей.

Я быстро миновал рисовое поле, на которое сел самолет, и увидел тропинку. Тропинка вела в лес. Я остановился на берегу мутной холодной речки и положил саквояж в тени бамбука. Спустившись к воде, ополоснул лицо и постарался привести в порядок одежду. Мои противоударные японские часы остановились — зря выброшенные деньги. Но, судя по всему, было около пяти часов пополудни. Я попытался представить себе, где я нахожусь. Без сомнения, мы упали в округе Танги, в диких горах. Когда-то князь Урао, правда, с улыбкой, говорил, что некоторые племена еще не отказались от дикого обычая охотиться за головами. Они ловят какого-нибудь случайного путника и, убив его, закапывают тело на ритуальном поле, чтобы обеспечить себе хороший урожай на будущий год. Хотя прошло уже много лет, обычай мог сохраниться. Правда, я рассчитывал на то, что знаю магическую фразу: «Сабао Урао Као», что означает — князь Урао Као. Если я скажу эта слова, меня должны пощадить. Ведь главное — спасти пакет, который доверил мне господин Дж. Сун.

Размышляя таким образом, я подобрал свой саквояж и поспешил по глухой тропинке, стараясь не шуметь, не наступать на ветки и при первом признаке опасности скрыться в зарослях бамбука и диких бананов, которые подступали к самой дорожке. Лес вокруг меня таил смертельные опасности — здесь водились дикие звери, и я в любой момент мог встретить тигра или слона. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на змею.

Печальна участь одинокого путника в диком лесу. Он у всех на виду — сам же не видит никого.

Голоса птиц, царивших над рекой, в иных обстоятельствах пробудили бы в моем сердце любовь к прекрасному, преклонение перед вечно живой природой, к которой я так трогательно отношусь, но сейчас птицы казались мне разведчиками, указывающими на мое продвижение.

Внезапно я услышал впереди треск сучьев. Я замер. Треск приблизился. Я метнулся в чащу и, потеряв равновесие, упал на траву. Мне казалось, что шум, поднятый мной при этом неудачном отступлении, слышен на милю вокруг. Я замер, прижавшись к земле, и пролежал несколько минут. Так и не знаю, кто был источником треска — может, тигр или даже стая тигров, может быть, слоны, может быть, каннибалы. Я решил считать до тысячи, чтобы опасность миновала, но, когда досчитал до пятисот, ощутил движение совсем близко от моей головы. Я приподнял голову и замер: прямо на меня ползла небольшая, на вид смертельно ядовитая змея. Я не помню, как очутился снова на тропе, но именно быстрая реакция и решительность спасли меня: змея не успела броситься.

Время близилось к шести часам. Я не позволял себе отдыхать. Тропинка начала подниматься вверх, ветер, прилетавший с гор, не приносил прохлады, солнце достигло края муссонных облаков, висевших над хребтом.

Новая опасность — быть застигнутым темнотой в диком лесу — заставила меня забыть об усталости. Вскоре я вышел к развилке тропинок и свернул на более исхоженную и широкую. Это вселило в меня надежду. Мне очень хотелось пить, но спуститься к реке я не мог — для этого пришлось бы продираться через заросли, кишащие змеями и хищниками. Еще через несколько минут ходьбы я позволил себе присесть на ствол, свалившийся поперек тропы. Почему-то мне показалось, что путешествие близится к концу. Мои мысли вернулись к сделке с Тантунчоком. Может, мне стоило согласиться на двести тысяч?

Наверно, я сидел так несколько минут, и тут меня вновь охватил страх. Надо самому оказаться в первозданном глухом лесу, чтобы понять этот страх. Пока светило солнце, лес не был так страшен, но теперь солнце скрылось в облаках... И в этот момент кто-то совсем рядом сказал:

— Руки вверх! Брось сумку!

Вот так, сидя на стволе, лишенный возможности убежать

или оказать яростное сопротивление, я попал в плен к людям Па Пуо.

Их было пятеро. Они вышли из кустов и окружили меня. Па Пуо — крепкий, зловещего вида человек в армейском шлеме, усатый и узкоглазый — обшарил меня и вытащил из карманов все мое добро. Другой, совсем еще молодой бандит, раскрыл саквояж и стал выбрасывать из него вещи.

Страх за судьбу пакета, адресованного князю Урао, вернул меня к жизни.

— Остановитесь! — уверенно сказал я бандитам.

К этому времени я уже понял, что эти люди не каннибалы. Они были облачены в европейскую одежду, у троих были автоматы, один держал на плече пулемет. Сам Па Пуо (так к нему обращались остальные) нацепил на пояс две пистолетные кобуры и выглядел очень воинственно. Не были они и военными. Одеты они были неодинаково и слишком небрежно, чтобы принадлежать к армии. Мой цепкий и быстрый ум оценил ситуацию, и у меня возникло правдоподобное предположение, что люди, схватившие меня, относятся к сепаратистским инсургентам, о которых немало писали в последнее время в газетах.

Когда правительство Джа Ролака после долгих колебаний под давлением левых пошло на рискованный шаг, решив урезать привилегии горных князей и вождей, в среде горцев произошел раскол. Некоторые из князей во главе с просвещенным и разумным Урао Као приняли эту весть хоть и без радости, но со спокойствием, достойным их высокого наследного сана. Они предпочли путь парламентской борьбы и публичных выступлений, указывая противникам, что лишение князей наследственной власти наносит жестокий ущерб всему государству, ибо отныне князья не смогут должным образом контролировать своих беспокойных подданных и поддерживать авторитет. О, как они были правы! Ведь другая часть князей, менее цивилизованных, призвала своих подданных к оружию, и в горах возникли очаги сопротивления, а некоторые из горных старшин нашли общий язык с бандами коммунистов и торговцами наркотиками. Князь Урао не раз выступал посредником между правительством и мятежными князьями, однако в газетах начали появляться сообщения о нападениях на полицейские участки и автобусы. Был и другой тревожный знак. Стало известно, что у инсургентов есть и современное оружие, которое им доставляли контрабандисты и враги государства. Не секрет, что некоторые из князей не только поощряли выращивание мака на отдаленных горных плантациях, но и участвовали в большой контрабанде — через южные порты переправляли опиум в другие страны.

Положение было тревожным, и князь Урао приложил немало усилий, чтобы уговорить князей на мирные переговоры с правительством. Эти переговоры должны были начаться завтра, но князья не успели прибыть, как армия своим несвоевременным переворотом сорвала намечавшееся согласие между князьями и правительством, ибо в армии взяли верх радикалы, сторонники силовой политики.

Вот почему при виде вооруженных новенькими автоматами людей я предположил, что они подчиняются одному из горных владетелей. А раз так, то авторитет князя Урао должен быть для них непререкаем.

— Не смейте трогать саквояж! — воскликнул я. — Я иду к сабао Урао Као. Я его друг.

Па Пуо открыл взятый у меня бумажник и грубыми толстыми пальцами достал оттуда мою визитную карточку. «Господин директор Матур. Посредник, коммерсант». Он прочел надпись вслух, медленно, с трудом, он не производил впечатления грамотного человека.

— Ты? — спросил он, избрав наиболее уничижительное из многочисленных в лигонском языке местоимений. В переводе на английский его можно истолковать: «ты, слизняк».

— Я друг сабао Урао Као, — повторил я с достоинством.

Па Пуо, ухмыляясь, вытаскивал из бумажника записки, счета, квитанции и не спеша, получая от этого садистское удовольствие, пускал их по ветру. Я не выдержал и рванулся, чтобы отобрать бумажник у бандита. Он держал фотографию моей супруги и детей. Я не мог позволить издевательства над ними. Но один из бандитов ударил меня башмаком по колену, и я покатился по земле, крича от боли. Но ни на секунду я не потерял сознания. Я видел, как Па Пуо выбросил драгоценную фотографию и, найдя в бумажнике деньги, переложил их в карман зеленой куртки, а бумажник тоже бросил в кусты.

— Эй! — крикнул другой бандит, который копался в саквояже.

Он сидел, окруженный разбросанными по дороге рубашками, предметами туалета, носками, носовыми платками. Бандит нашел пакет, который я вез князю. Он рванул его длинными грязными ногтями, пакет разорвался, и на пыль тропинки полетели пачки денег. Не просто денег — долларов, пачки зеленых купюр. Клянусь, для меня это было не меньшей неожиданностью, чем для грабителей.

— Ого, — сказал Па Пуо.

Он приказал своим подчиненным собрать деньги. Моя жизнь катилась к своему завершению. Либо меня убьют бандиты, чтобы не оставлять следов, либо, если я чудом останусь жив, меня убьют люди Дж. Суна. Он никогда не простит пропажи.

Па Пуо вручил по пачке долларов каждому из своих спутников. Те протягивали грязные лапы и хватали добычу.

Па Пуо обернулся ко мне.

— Ты с самолета? — спросил он.

— Это деньги князя Урао, — сказал я. — Доставьте меня к князю. Если не доставите, он вас накажет.

Па Пуо усмехнулся, как тигр над куском мяса.

— Князь Урао? — спросил он, словно никогда не слышал этого имени. — Какой князь Урао?

И его прислужники расхохотались.

— Что с тобой делать, торгаш? — продолжал представление Па Пуо. — Ты бежал из Лигона, спасая шкуру?

— Я не бежал. Это военный самолет.

Открыв рот, я сразу понял, что совершаю ошибку. Они слушали меня внимательно. Я осекся.

— Продолжай, — сказал Па Пуо. Он не ухмылялся.

Я молчал.

— Убей его, — сказал Па Пуо одному из бандитов. И сказал это спокойно, словно речь шла о цыпленке. Он хотел убить меня, умного, доброго человека, лишь чудом оставшегося в живых после ужасного крушения, он хотел убить меня и пресечь этим чудесную ткань мыслей и ощущений, картин мира и рифм, убить как собаку в диком лесу, где никто и никогда не узнает, что случилось со мной. Мне вынесли смертный приговор доллары, найденные в саквояже. Меня следовало убить, чтобы никто не узнал, откуда они. И списать мою смерть на ядовитую змею, тигра, на каннибалов...

Бандит поднял автомат. Я увидел черное отверстие, из которого должна была сейчас вылететь блестящая пулька. Вылететь и прервать мое земное существование...

«Лейтенант» Па Пуо

Я с людьми ждал в долине Лонги. Утром десятого пришел человек и сказал, что груз будет сегодня. Мы должны были расстелить на поляне знак. Вертолет придет с севера. Если его не будет

до темноты, зажечь костры, как условлено. Ждать два дня. Парашюты закопать. Груз отнести к пещерам у озера Линили. Еще человек сказал, что ночью в Лигоне взяли власть военные. Армия. Это плохо. У них везде люди. Поэтому быть настороже. Ни с кем ни слова. Я сказал, что мои люди будут молчать. Если что — мы люди вождя Ма, который скрывается в лесу, потому что враждует с правительством. Я сказал, что мне понятно. Зачем повторять? Я был в армии сержантом, мои люди знают законы леса. Еще человек сказал, что военные могут знать о вертолете с севера и тогда постараются его перехватить или выследить груз. Чтобы мы этого не допустили.

Я позвал людей, и мы пошли по тропе. Мы пришли на место в полдень. Мы расстелили знаки, установили пулемет и скрылись в кустарнике. Через долгое время послышался гул моторов. С севера прилетел вертолет. Он снизился над поляной. На нем не было опознавательных знаков. Вертолет кинул три тюка на парашютах. Мои люди побежали к тюкам. И тогда я услышал звук самолета. Он шел с юга. Я объявил тревогу. Этот самолет мог быть только лигонский. Самолет шел низко. Это был старый «Вайкаунт», я помню их с армии. Парашюты лежали на поляне, и мы были на открытом месте. Я приказал стрелять. Мы успели дать две очереди. Я увидел, как из левого мотора пошел дым. Мы его подбили. Самолет резко снижался. Мы стояли и ждали взрыва. Мы думали, что самолет ударится в гору. Но взрыва не было. Мы поняли, что самолет ушел. Я приказал быстро грузить тюки на коней и закопать парашюты. Когда мы собирались уходить, услышали далекий взрыв. Один из моих людей сказал, что, наверно, это гром — пришли муссонные тучи. Но это не было похоже на гром. Я решил, что самолет все-таки сел, а потом взорвался.

Я оставил четверых людей, чтобы они ушли с вьюками к озеру Линили. С остальными и пулеметом мы быстро пошли в ту сторону. Если самолет все-таки сел, то могли остаться люди. Им нечего делать в Танги.

Мы шли долго. Мы сделали больше десяти миль, перевалили через хребет и дошли до того места, где в реку впадает ручей Белого Нага. Мои люди стали ворчать, что мы ничего не найдем. В горах можно спрятать целый город. И тут нам повезло. Один из моих людей из племени синих фенов, хороший охотник, сказал, что он слышит человека на тропе. Мы остановились и потом пошли туда кустами. Толстый городской индус сидел на стволе дерева. У его ног стояла черная сумка. Это был человек с самолета.

Мы спросили, откуда он. Человек очень испугался и ничего не мог сказать. Я понял, что он торгаш, который устроился на самолет, чтобы удрать от военных. Этот человек, видно, бывал в Танги. Он начал плакать и говорить, что он знает князя Урао. Это мне не понравилось. Если он думает, что мы люди князя Урао, то он думает, что самолет сбили люди князя Урао. Я хотел убрать его, но подумал, что человек выведет нас к самолету. Я решил его попугать. Я взял у него бумажник и выкинул все листочки — они все равно ему уже не пригодятся. Потом я достал из бумажника деньги, чтобы взять их себе. Там было немного долларов. Когда торгаш, которого звали Матур, увидел, что мы берем деньги, он стал драться, чтобы вернуть их себе. Мой человек его ударил. Матур сидел на земле и плакал, чтобы мы его не убивали. Он сказал, что это был военный самолет.

Тут человек, который искал в черной сумке, нашел пакет. В пакете оказались деньги. Очень много долларов. Когда Матур посмотрел, как я делю пачки долларов между моими людьми, а остальные беру себе, он понял, что он умер, потому что никто не должен знать про эти доллары. Он стал кричать, что это деньги князя Урао, и не понимал, что, если он прав, тем более ему не жить. Я не скажу князю, что взял его деньги. Все хотят жить, но судьба каждый день делит людей на тех, кто будет жить завтра, и на тех, кто не увидит восхода солнца.

Матур увидел свою смерть в моих глазах и от страха лишился чувств. Мои люди стали требовать, чтобы мы убили этого Матура, но он был нам нужен, чтобы провести нас к самолету до темноты. Я приказал облить Матура водой. Он пришел в чувство. Я сказал ему, что он будет жить, если приведет нас к самолету. Матур сразу встал. Мои люди смеялись и заставили Матура нести пулемет, но я приказал взять пулемет, потому что Матур мог умереть раньше времени.

Начало темнеть. Я спросил Матура, сколько там людей и как они вооружены. Матур думал, что я в самом деле сохраню ему жизнь, и стал просить, чтобы мы отдохнули. Но я не позволил. Когда мы вышли с тропы на прогалину, уже почти стемнело. От реки поднимался туман. Я понял — мы на зимнем поле одинокого Ку-и. Его сына убили в драке, и он уехал в деревню Лонги.

Около пустого дома мы увидели костер. Мои люди хотели заткнуть рот Матуру, чтобы он не крикнул и не предупредил своих. Я сказал, что Матур мой лучший друг. Матур кивал головой и соглашался. Он повторял, что я его лучший друг и он благодарен, что будет жить.

Мы спокойно подошли к костру и взяли их всех. Потом загнали в хижину. Была только одна ошибка — два человека были в стороне и, когда они подходили к костру, один бросился бежать. Он был офицер и вооружен. Два моих человека побежали за ним. Офицер ранил в руку автоматчика. Поэтому его убили и отомстили его телу. Мне принесли его голову. Я показал ее тем, кого мы загнали в дом, чтобы им было страшно. Матура мы заперли с ними.

Мои люди хотели перестрелять их до рассвета, но я не люблю спешить. Если самолета хватились, все равно никто не знает, где он упал. Искать его в горах можно целый месяц. Но у меня был план. Не зря меня зовут хитрым Па Пуо. Я решил, что мы их убьем без пуль. Так, чтобы казалось, что они разбились в самолете. Когда самолет найдут, все будут думать, что они разбились. Их надо будет убивать дубинками. Мы решили ждать света. Когда темно, кто-нибудь может убежать. Никто не должен убежать. Мы сделаем все на рассвете и сразу пойдем к Танги. Скажем, что искали самолет, но не нашли. Я приказал моим людям не брать ничего из вещей. Даже отдал Матуру его золотые перстни. Если взять вещи, то могут подумать, что мы нашли самолет. А у нас много долларов. Все мои люди сказали: хорошо. Я подумал, что всех их оставлять в живых нельзя. Надо будет потом, по пути домой, двоих убить. Они из племени фен, а на людей этого племени нельзя положиться.

И еще я хотел поговорить с пленными. Я мог узнать что-нибудь интересное. Никогда нельзя отказываться от знания. Если ты открыл уши, то тебе откроется будущее. Среди этих людей были три инглиза. Зачем инглизам в такой день летать на военном самолете?

Владимир Кимович Ли

Когда все это случилось, я был в темной хижине. Как назло, у нас не оказалось ни одного фонаря, ни свечки, ничего. Отар ушел к реке с молодым офицером, я знал зачем. Они говорили о пулевых дырках в крыле. Надо выставить охрану, будем дежурить по очереди — может, и в самом деле здесь начинается гражданская война и нас под шумок пристрелят. Это было бы весьма грустно в свете тех приключений, которые мы уже пережили. Пожалуй, для рассказов дома их уже хватит.

— Когда мы пойдем к людям, в Танги? — спросила Лами.

Мне не было ее видно. Мы разговаривали тихо, по-английски, и наш словарный запас был почти одинаковым (примерно 300:200 в ее пользу), так что мы отлично друг друга понимали. Иногда она просила меня зажечь спичку, чтобы проверить, как себя чувствуют раненые. Солдат со сломанной ногой спал. Пилот не спал. Он лежал с открытыми глазами. Один раз он сказал что-то по-лигонски. Я спросил Лами, что он сказал, а та ответила:

— Он видел людей.

Но мы не поняли, когда и где он видел людей.

Мы беспокоились о майоре. Наверно, его придется оставить пока здесь. Я сказал Лами:

— Утром солдаты пойдут за помощью.

— Я пойду с солдатами, — сказала Лами. Я не стал спорить, а спросил:

— Вы учитесь?

— Да, — сказала она, — в университете.

— А ваши родители в Лигоне?

— В Танги. Мой отец болен. Я везу ему лекарство.

Тихо скрипнула кожа ее сумки. Теперь понятно, почему Лами не расставалась с сумкой. Там лекарство.

Майор застонал. Я достал коробок со спичками. Ну что мне стоило взять с собой зажигалку? Лами протянула руку к майору и нечаянно коснулась моей руки. Прикосновение было шелковым и прохладным.

Я зажег спичку. Майор морщил лоб. Наверно, ему было больно. Отар соорудил ему из палок лубки, к которым примотал сломанную руку.

— Набери воды, — сказала мне Лами.

Спичка погасла. Я ощупью нашел канистру и налил воды в крышку от термоса, которая стояла на канистре. Вода пахла бензином. Я подал сосуд Лами, зная, где встречу ее протянутые пальцы.

И в этот момент за дверью послышались голоса.

Мы замерли. Я сначала решил, что пришла помощь. Но думал так недолго. Ведь в отличие от Лами я знал о пулях и понимал, что к нам могли добраться и те, кто стрелял по самолету. Когда я хотел встать, чтобы выйти наружу посмотреть, что происходит, она схватила меня за руку и задержала. Вода выплеснулась из крышки.

— Назад! — крикнул кто-то за хижиной.

Потом яркий луч фонаря ослепил меня и, отпустив на секунду мои глаза, обшарил хижину.

— Выходите! — сказал невидимый голос. Он сказал по-лигонски, но у меня не было никаких сомнений в значении приказа.

Так мы и вышли, держась за руки. Я сразу посмотрел, здесь ли Отар. Отар стоял у стены хижины, мрачный как туча. Рядом был Вспольный с записной книжкой в руке. И несколько солдат. Не хватало только молодого офицера.

Со стороны реки из тумана донеслись выстрелы. Значит, офицер убежал. Хорошо бы его не нашли в тумане.

Мои глаза немного привыкли к свету. Люди, которые на нас напали, не были военными, и в то же время я бы сказал, что война была их профессией. Уж очень уверенно они держали автоматы...

Нас обыскали. Быстро и деловито. Потом один из них, наверно, начальник, с зеленой сумкой через плечо и двумя кобурами на поясе, усатый и широколицый, пересчитал нас, загибая пальцы. И нас загнали обратно в хижину.

Хлопнула дверь. В хижине было тесно. Все молчали. Выстрелы у реки тоже смолкли. Я сидел на полу, прижавшись к одному из солдат. Солдат шептался с невидимым мне соседом. Стенки хижины были такими тонкими, что слышно было, как переговариваются люди снаружи. Потом к разговору присоединился еще один голос, запыхавшийся и взволнованный. Услышав, что он говорит, сидевший рядом со мной солдат произнес короткую фразу.

— Что там? — спросил я в темноту. Ответил мне голос Вспольного:

— Они убили лейтенанта.

И тут же дверь распахнулась, и свет фонаря уперся в руку. Рука держала за волосы отрубленную голову лейтенанта. Я невольно отшатнулся. Кто-то там, снаружи, коротко засмеялся. Дверь снова закрылась. Я не мог дотянуться до Лами. Она сидела далеко от меня.

— Мне плохо, — прошептал Вспольный.

Вообще-то он не пищал и терпел наравне со всеми.

За стеной продолжали плести какой-то глухой, как во сне, рисунок непонятные голоса. Надо было что-то делать. Нельзя же быть овцами. Так нас всех перебьют.

— Нельзя же быть овцами, — сказал я вслух...

Майор быстро забормотал, словно в бреду. Плохо наше дело. В темноте зашевелились. Я не сразу понял, что Отар пробирается ко мне.

— Ты здесь? — Он коснулся меня.

— Может, убежим? — сказал я. — Ведь их всего пятеро. Разберем заднюю стену — и в туман.

— Прислушайся, — сказал Отар.

За задней стеной хижины были слышны шаги.

— Они ходят вокруг. Мы не можем бросить раненых.

— Эти люди — бандиты. — Я узнал голос Матура. — Бандиты и убийцы. Они всех убьют, как лейтенанта...

— Не паникуйте, — прервал его голос Вспольного. — Зачем им нас убивать? Это сепаратисты?

Вспольный лучше нас разбирался в обстановке.

— Может быть, — промямлил Матур.

— Я задал этот вопрос не случайно, — сказал Вспольный. — Если это сепаратисты, то их поведение нетрудно объяснить. Мы им нужны как заложники. Мы — это выкуп. Две недели назад в плен к сепаратистам попали два канадских инженера. Правительство пошло на то, чтобы заплатить выкуп. Дурные примеры заразительны.

Тогда я не знал еще о наркотиках, о долларах, отнятых у Матура, и потому доводы Вспольного мне показались резонными. Мне вообще понравилось, что наш толстяк не потерял присутствия духа и ведет себя спокойно, я бы даже сказал, с определенным интересом к окружающему, как мальчик из хорошей семьи, которого допустили поглядеть на настоящую драку между плохими мальчишками: он смотрит и не боится, что его заденут.

Вспольный обращался к нам по-русски, и Матур не понял его, но, как только Вспольный замолчал, он тут же повторил:

— Они нас убьют.

Я ждал, что скажет Отар. Он знал, что нас сбили из пулемета. Он сказал:

— Ложитесь спать. Это самый разумный выход.

Вспольный вздохнул, но промолчал.

— Как ты там, Лами? — спросил я.

— Плохо, — сказала Лами.

— Тебе плохо?

— Нет. Я думаю об отце.

— Спать, ребята, — сказал нам Отар по-английски.

В плетенье бамбуковых матов проглядывали звезды. Иногда их закрывала тень человека — нас сторожили. Костер уже угас или его погасили, и его отсветы больше не проникали в щель у двери. Все замолкло вокруг. Я так устал и был так измотан за день, что мне совсем не хотелось спать. Почему-то вдруг захлюпал директор Матур. Я подумал, что ему досталось больше, чем

остальным. Куда-то делся его черный саквояж. Наверно, отобрали. Бормотал в бреду майор, звякнула крышка термоса о канистру — я догадался, что Лами дает ему напиться или смачивает лоб. Засопел, привалившись ко мне, солдат. Я старался думать о том, хватит ли нам оставшихся датчиков, но перед глазами все время маячили те последние минуты в самолете... и я заснул.

Юрий Сидорович Вспольный

Мне не спалось. Когда солдат зажег спичку, чтобы набрать воды из канистры, я увидел при этом неверном и слабом язычке пламени, что Володя Ли сладко спит и даже улыбается во сне. Я поразился счастью безмятежной молодости — умению забыться.

Я должен был поддерживать в моих спутниках оптимизм. Этим объясняется настойчивость, с которой я уверял их, что напавшие на нас люди — сепаратисты, заинтересованные в выкупе. Более того, я позволил себе небольшую ложь о двух канадских инженерах, будто бы похищенных и отпущенных инсургентами. Такой случай был, но в Бирме или Малайе. Не в Лигоне.

Я мог бы убедить и себя, если бы не смерть молодого офицера. Из слов, которыми обменивались инсургенты, я понял, что офицер в перестрелке ранил одного из преследователей и именно этот факт вывел их из себя. Я допускал, что инцидент с головой офицера был вызван желанием запугать нас. Но для чего? А убежденность Матура, что они нас убьют? Известно ли ему что-то, избегшее моего внимания?

Размышлять о нашей судьбе было бесперспективно. Но я не мог думать о чем-либо ином. Мне казалось, что я вижу все происходящее со стороны. Вот на склоне горы хижина. В ней в темноте и тесноте сидят и лежат разные люди, которые вчера и не подозревали о взаимном существовании. У них нет даже общего языка. И среди них человек по фамилии Вспольный, Юрий Сидорович, средних лет, рано располневший от сидячей жизни, не приспособленный ко всяким передрягам. Он чуть было не погиб, упав с неба на землю. И может погибнуть завтра. Если люди, которые мирно беседуют за стеной, решат, что ему не следует больше жить на свете как лишнему свидетелю, как обузе — мало ли почему они могут решить, что Юрию Сидоровичу Вспольному не следует жить... Чтобы не терять времени даром, я достал записную книжку и стал заносить в темноте события последних часов...

Не знаю, сколько я спал. Наверно, недолго. Я проснулся от голосов снаружи. Туманный рассвет проникал сквозь щели хижины. Пока я не очнулся и не вспомнил, где нахожусь, прошло несколько секунд в сладком неведении. Чувства, память обманывали меня, милосердно убеждая, что я в туристском походе в Карпатах — в институте я побывал в таком походе, и он остался в памяти прохладными туманными рассветами и черникой на склонах холмов. Но голоса за стеной были чужими, деловитыми. Язык, на котором они разговаривали между собой, был схож с лигонским, но отличался большим числом гортанных звуков.

В хижине все спали. Привалившись друг к другу, спали солдаты, сидя, опустив голову на руки, спал Матур. Клубочком у ног майора спала девушка Лами. Не спал лишь сам майор. Он лежал с широко открытыми глазами, прислушиваясь к голосам за стеной. Он встретился со мной взглядом. Я предостерегающе поднял ладонь. Но и без того майор молчал. Наверно, он давно лежал так и слушал, что происходит снаружи. Одна рука майора лежала на груди, закованная в самодельные лубки, другой он поманил меня. Я приподнялся, но тут дверь скрипнула, и на фоне голубого прямоугольника появился силуэт человека с автоматом.

— Эй! — сказал он, и его голос показался мне настолько громким, что я чуть было не огрызнулся: «Вы с ума сошли, все спят». — Выходи!

Я выпрямился, подчиняясь его окрику, и решил, что если я сразу выйду, то не потревожу остальных. Но словно по уговору все начали шевелиться, поднимать головы, вытягивать затекшие ноги.

— Что там? — спросил профессор Котрикадзе.

— Меня просят выйти, — сказал я. — Хотят поговорить.

— Пошлите их подальше, — мрачно произнес Володя, как сонный ребенок, которому помешали спать.

Я понимал, что мы полностью во власти этих людей. Я положил записную книжку у стены и вышел.

Усатый начальник бандитов ждал меня у погасшего костра. Вокруг лежали какие-то тряпки, одежда, отобранная у нас вечером. В поле моего зрения попали ящики с грузом и тюки, которые мы с таким трудом оттащили от самолета. Ящики были взломаны, и приборы частично разбросаны по стерне. Я обратил внимание на длинный ящик с пулеметными лентами. Ленты вылезли из него, словно змеи, доставшие головами до мокрых от росы стеблей.

— Имя? — сказал по-английски человек в каске.

— Вспольный, — ответил я.

— Вы кто?

— Культурный советник посольства Советского Союза, — сказал я, несколько преувеличив свою должность. Он не все понял. «Советского Союза», — повторил он. Я перешел на лигонский: — Советник Советского Союза. России.

Человек в каске был удивлен. Он понял.

Я увидел, как один из автоматчиков подошел к ящику с пулеметными лентами и начал разбрасывать их по земле. Другой вспорол тюк с книгами и листовками и, вытаскивая их наружу, бросал в сторону, словно пахарь семена. Я вспомнил, как тщательно собирал их вчера несчастный молодой лейтенант. Зачем они это делают?

— Почему летели? — спросил человек в каске.

— По приглашению правительства, — ответил я по-английски. Я понимал, что люди в хижине слышат меня.

Спутники человека в каске продолжали заниматься странной работой, уничтожая содержимое ящиков. Один из них вытащил прибор, принадлежавший геологам, и размахнулся, чтобы бросить его о землю.

— Стой! — крикнул я. — Что ты делаешь!

— Что он делает? — услышал я из хижины голос Отара.

— Молчать! — прикрикнул на меня человек в каске.

Но он совершенно не знал моего характера. Я патологически ненавижу ссориться с людьми, вступать в ненужные конфликты. Я даже кажусь многим чересчур осторожным и склонным к компромиссам. Но меня, простите за банальное выражение, нельзя загонять в угол.

— И не подумаю, — ответил я. — Существуют элементарные нормы человеческого поведения!

— Молчать! — повторил человек в каске.

Его вислые длинные усы шевельнулись, как у сома. Он вскочил с намерением ударить меня. Я инстинктивно выставил вперед руку. И я был так занят конфликтом с этим инсургентом, что не видел происходившего за моей спиной. Но человек в каске видел. Он вдруг остановился и начал расстегивать кобуру. Он глядел мимо меня. Я обернулся.

Сорванная с петли дверь повисла под острым углом. Над ней возвышался, придерживая здоровой рукой сломанную, майор Тильви. Майор был без фуражки, в распоротом мундире, но, несмотря на это, было очевидно, что молодой офицер — человек,

имеющий право, как судия, появиться в решающий момент драмы. Наверно, я был крайне возбужден, если вид бледного, шатающегося, оборванного майора показался мне столь внушительным. Но так показалось не только мне.

Я вновь бросил взгляд на главного бандита. Тот уже справился с кобурой, и в руке у него был пистолет.

И наступила какая-то длительная, почти бесконечная тишина, как будто вокруг разворачивался замедленный немой фильм. Я видел, как медленно-медленно поднимается рука человека в каске, и знал, что обязан что-то сделать, чтобы предотвратить убийство. Я должен был вмешаться, но мое тело протестовало против того, что ему предстояло сделать. По тому, как стали приближаться ко мне глаза бандита, я понял, что иду к нему, может, бегу, может, прыгаю, потому что я должен был остановить его, и в то же время я предпочел бы остаться на месте...

Я дотянулся до человека в каске в тот момент, когда он выстрелил. Нет, не в меня, в майора, но я потерял равновесие и упал, к счастью для меня, свалив и стрелка. Мы возились с ним на земле, как два хоккеиста, я понимал, что мне нельзя отпускать его, иначе он выстрелит еще раз и убьет не только майора, но и меня.

Владимир Кимович Ли

Я сел, протирая глаза, когда Вспольный вышел из хижины. Отар подошел к двери и слушал, о чем они говорят. Впрочем, в этом не было нужды — и так каждое слово проникало сквозь стену. Усатый в каске допрашивал Вспольного, иногда они говорили по-английски, иногда по-лигонски, и тогда я не понимал, но все равно догадывался. Говорили они мирно, и я даже ждал, когда поднимется разговор о выкупе. Почему-то мне хотелось, чтобы нас выкупили. Только поскорее, пока не началось землетрясение.

Майор вдруг поднялся. Поддерживаемый солдатом, он пошел к двери. Словно был намерен разобраться в происходящем безобразии. Ему было больно идти, даже пот выступил у него на лице, но он шел, опираясь здоровой рукой на плечо солдата, и пять шагов, отделявших его от двери, прошагал, как король по анфиладе к тронному залу. Молодец майор! Он что-то приказал солдату, и в тот момент я услышал, как за стеной голоса повысились. Вспольный был рассержен и отчитывал своего следователя.

— Что он делает! — сказал Отар в отчаянии.

— Молчать! — кричал тип в каске.

Солдат со всего размаха ударил плечом в дверь. И дверь (о условность тюрьмы!)... слетела с самодельной петли и повисла под углом. Майор во весь рост стоял в проеме.

Я не видел, что там происходило. Но Отар был за спиной майора и все видел. За стеной раздавались голоса, майор тоже что-то громко крикнул, а потом я увидел, как Отар дернул майора на себя и они свалились внутрь хижины. Я услышал выстрел, и с потолка хижины посыпалась труха.

Когда я выпутался из кучи тел и выскочил на белый свет, неподалеку лежал Вспольный, впившийся ногтями в куртку человека с усами. Один из бандитов, видимо, и ударивший Вспольного, поднимал автомат за дуло и замахивался на Отара. Другой, отбежав назад, поднимал автомат, чтобы внести свою лепту в сражение с безоружными пленниками. Наше положение было безнадежно. Но это теперь ясно, тогда же я бросился к ближайшим врагам, не сообразив, что оно безнадежно.

Я только пригнулся, чтобы тому, кто стоял сбоку и целился в нас из автомата, было труднее попасть.

Но он не выстрелил. Выстрелы раздались с другой стороны.

Сначала я увидел, как человек, целившийся в нас, вдруг уронил автомат и начал медленно нагибаться вперед. Другой человек, стоявший неподалеку, обернулся к лесу, еще не сообразив, что произошло, а я уже знал, что и он упадет. Как в кино. В критический момент приходит возмездие. Славный шериф прискакал в последнюю минуту... Нет, конечно, в тот момент я ничего такого не думал. И еще я успел заметить, что главный бандит прилег за Вспольным, использовав нашего массивного друга в качестве естественного укрытия. Остальные бросились бежать по склону.

Кажется, наконец-то кино кончилось. Можно приступать к исполнению прямых обязанностей. Только предварительно следовало привести в чувство Вспольного.

Отар Давидович Котрикадзе

Вышедшие цепочкой из леса люди показались мне сначала выше ростом, красивее, чем на самом деле. Видно, такова привилегия спасителей. Их было человек десять. Еще несколько побежали к реке, вслед за убежавшими бандитами. Наши спасители, очевидно, разделялись на две категории. Большинство их

было в военной форме, а человек пять были наряжены экзотично. Очевидно, это были горцы в национальной одежде, состоявшей из короткой черной юбки и накидки на плечах. На шее у них красовались ожерелья из белых ракушек. На цветных перевязях висели короткие прямые мечи. Эти люди были вооружены длинноствольными старинными ружьями.

Последними появились два человека, командовавшие операцией. Один из них был офицером. Мое внимание привлек второй. Он был удивительно, тем более для этих мест, высок и худ. Наверно, более двух метров — находка для азиатского баскетбола. Из-за такого роста он шел, несколько сгорбившись, как бывает с очень высокими людьми, привыкшими стесняться своих габаритов. Его фигуру несколько портил выдававшийся вперед животик. Голова его была непропорционально мала, однако изящно красовалась на длинной шее. Он был облачен в наряд для гольфа, правильный, без изъянов, вплоть до кепи, приобретенный в хорошем английском магазине. Только вместо клюшки в руке у него был армейский пистолет.

Цепочка спасителей мелкой рысью добежала до нас, стоявших, надо сказать, пассивно и не выражавших радости криками. Солдаты довольно бесцеремонно подхватили с земли начальника бандитов, покорного, как теленок. Один из его подчиненных (тот, что целился в Володю) был мертв, и, убедившись в этом, они забыли о нем. Второй проявил признаки жизни, и потому его бесцеремонно подняли и бросили на землю рядом с вождем.

Майор Тильви сделал шаг вперед.

— Майор Тильви Кумтатон, — представился он.

Последовал монолог по-лигонски. Я мог догадаться, что майор излагает события последнего дня.

Высокий господин в гольфах перебил майора, спросив его о чем-то. Тот ответил, и высокий господин тут же поспешил к хижине, откуда только что вышли Лами и директор Матур.

Матур выходил последним, еще не уверенный окончательно, что все беды позади. Из-за спины девушки он увидел высокого господина.

— О, сабао Урао Као! — возопил он, словно ему лично явилось божество, и он, стеная, как сотня плакальщиц, оттолкнул Лами и бросился к ногам высокого господина, треща словно пулемет и умудряясь при этом рыдать. Реакция высокого господина была быстрой, что выдавало в нем хорошо тренированного спортсмена. В мгновение ока он отшвырнул рвущееся к нему

тело директора Матура и подхватил девушку. Девушка затрепетала у него в руках и вдруг вся обвисла. Только плечи ее дрожали.

Вы думаете, господин Матур обиделся на высокого господина? Ничуть не бывало. Он поднялся на колени и стоял, как суслик перед норой, сложив на груди ручки, и свет восходившего солнца отражался в массивных перстнях, на которые почему-то не позарились бандиты.

— Профессор Котрикадзе, — оторвал меня от лицезрения этой сцены голос майора Тильви. Я обернулся к нему. — Профессор Котрикадзе, — повторил он, обращаясь к армейскому офицеру, краснощекому и упитанному.

Я поклонился. Наверно, я менее всего был похож на профессора.

— Комендант Танги капитан Боро.

Офицер взял под козырек.

— Я выразил благодарность господину капитану, — Тильви был официален, как король на аудиенции, — за помощь в критических обстоятельствах.

— Благодарите господина князя Урао, — ответил офицер, показав мне, как много у него красивых белых зубов. — Если бы не его помощь, мы бы опоздали.

Господин князь Урао, высокий горный джентльмен, помог Лами сесть на распоротый тюк с пропагандистской литературой и соблаговолил прислушаться к жалобной речи директора Матура. Слушая его, он смотрел на девушку, положив по-отечески ей на плечо изящную руку.

Тильви Кумтатон

Когда-то дедушка Махакассапа, у которого мальчишкой я жил в монастыре, потому что матери было трудно с четырьмя детьми, собрался к настоятелю соседнего лесного монастыря. Это был проступок — лесной монастырь относился к другой, еретической секте, его монахи носили тогу через оба плеча, ели мясо и не верили в карму, то есть верили, но не так, как положено. Поэтому дед обманул всех, сказав, что уезжает совсем по другим делам. Дед не боялся ересей. С тем лесным еретиком они были из одной деревни, оба собирали старые книги на пальмовых листах и любили спорить о путях к нирване и тонкостях винайи. Дед взял меня с собой, и мы поехали по горам в арбе на высоких,

выше человеческого роста, колесах, запряженной парой низеньких пони.

Мы ехали два дня, ночевали в горной деревне, где для нас освободили мужской дом, и вечером дедушка читал горцам проповедь, а они курили завернутые в кукурузные листья вонючие сигары, и перья на их головах покачивались, когда они соглашались с мудрыми словами дедушки. Из этой поездки я запомнил синеву гор, схожую с синевой неба, мелькание форели в горных ручьях, холод прозрачных вечеров, иней на утренней траве, шум ветра в сосновых рощах и пение синих птиц над дорогой. И еще слонов, вереницей идущих по ущелью под звон цепей, которые свешивались с их серых шершавых боков.

Фельдшер сказал, что у меня сотрясение мозга и мне нужен покой. Он дал мне пять таблеток аспирина и велел не двигаться. Я смотрел в небо, на пушистые облака, менявшие очертания, словно сказочные животные, и мне казалось, что я снова еду с дедушкой в повозке...

Мы ждали вертолет. Единственный исправный вертолет улетел еще вчера на рубиновые копи.

На поляне все занимались своими делами. Князь о чем-то беседовал с директором Матуром. Князь возвышался над ним на три головы и смотрел не на собеседника, а вдаль. Матур всплескивал руками. Русские геологи разложили на стерне спасенные приборы и громко переговаривались на своем варварском языке. Все-таки зря я их взял. Завтра они бы добрались до Танги на поезде и на машине.

Господин Вспольный из русского посольства с обмотанной бинтом головой сидел на плоском камне и заносил свои впечатления в черную записную книжку.

Я подозвал капитана Боро. Тот присел рядом на корточки. Солнце уже поднялось высоко, и стало тепло.

— Расскажи, брат, — попросил я, — как вы нас нашли.

— Вам вредно разговаривать, майор, — сказал капитан. — Фельдшер советует полный покой.

— Пусть твой фельдшер... — Я выразился не очень вежливо.

Капитан был предупредителен, но насторожен. Он один из хозяев гор и со временем уйдет в отставку обеспеченным человеком, если сумеет лавировать между центральной властью, местным губернатором, горными князьями, контрабандистами, инсургентами, да так, чтобы никого не разгневать. Для такого провинциального капитана любая смена власти опасна и нежелательна... При ней будут новые порядки, он окажется недостаточно умен, энергичен, честен... и мое появление в Танги тому доказательство. Надо спрятать концы в воду и показать свою деятельность в лучшем свете — может, пронесет.

Впрочем, возможно, я несправедлив. Если начинаешь строить в голове портрет незнакомого человека, строишь его из черточек, принадлежащих другим портретам.

— Мы только в пять часов узнали обо всем.

Я сочувственно прикрыл глаза. Я не хотел пугать этого офицера. Здесь мне нужны союзники, а не враги.

— Мы готовились к встрече. Даже написали лозунг. В городе все с удовлетворением приняли известие о приходе к власти нового правительства.

Этому я не поверил, но спорить не стал.

— Бывший господин губернатор нанес мне визит.

Интересно, какие дела они обделывали с губернатором?

— И вдруг с аэродрома сообщают, что самолет не прилетел. Вы знаете, город наш небольшой, сразу поползли слухи, что в гибели самолета виноваты духи гор, не желавшие вашего прилета, господин майор.

Капитан Боро показал в улыбке белые зубы и развел руками — такой, понимаете, темный у нас народ.

— Я сразу связался с полицией, чтобы они узнали по окрестным деревням, не видели ли там самолета. Население у нас редкое, места дикие. Самолет отклонился от курса — десять миль для самолета ничто, а для гор много. Другая долина, другой хребет... Поздно вечером мне сообщили, что в деревне Лонги — это миль двенадцать отсюда, вверх по реке, — видели дым и слышали взрыв. Глубокой ночью я примчался туда. Я допросил людей, но не мог найти проводника.

— Почему?

— Ночь. Ночью они не выходят из деревни. Боятся бандитов...

— Этих? — спросил я, показав на связанных Па Пуо и его сообщника.

— Не знаю, — сказал капитан. — Они же не говорят. От них ничего не добьешься. Мы решили ждать рассвета. Это был единственный выход в нашем положении, правда?

Капитану хотелось, чтобы я согласился. Хотя он понимал, как прозвучит в Лигоне мое донесение: «Капитан Боро, не дойдя двенадцати миль до места аварии, остался ночевать в деревне, поставив тем под угрозу жизнь и безопасность...» Нет, пускай не боится, такого донесения я не пошлю. Ночью в горах нечего делать.

— Правильно, — сказал я.

— Ну вот. — Капитан был рад. — И тут нам повезло. В деревню приехал господин князь Урао Као.

— А что он там делал?

— Он искал вас.

Я не выказал удивления. Пусть продолжает.

— У князя Урао большое влияние в нашем округе. Князь узнал, что самолет потерпел крушение в горах за Лонги, и, даже не переодевшись, вскочил в машину. Когда он увидел нас, то очень обрадовался. У него был человек, который знает эти тропы. Вот мы и решили объединить усилия. Три мили мы проехали вверх по дороге, а потом дорога кончилась, мы пять часов шли в темноте по тропам. Я сегодня за ночь ни минуты не спал.

Если он надеялся, что я повешу орден ему на грудь, он ошибался. Почему же князь так спешил? Какое ему дело до самолета? Но он знал, что на самолете летели Лами и директор Матур. Оба ему знакомы. Может, кто-то из них вез из Лигона важные вести. А впрочем, какое мне сейчас до этого дело? Мы спасены, и я надеюсь, что завтра смогу встать. Иначе придется Лигону прислать другого комиссара.

— Вы информировали Лигон, что мы живы?

— Первым делом, господин майор. Первым делом.

— А предводителя бандитов вы не знаете?

Капитан поглядел в сторону лежавшего у хижины связанного Па Пуо. Его лицо осталось равнодушным.

— Не знаю, — сказал он.

Вертолет прилетел после полудня. К тому времени часть людей ушла к деревне Лонги и ожидавшим там машинам.

Ушли князь Урао со своими телохранителями и два солдата, которые конвоировали пленных.

В два часа вертолет взял нас на борт, и вскоре мы были в Танги.

* * *

Танги. Резиденция князя Урао. 11 марта 1974 г.

Господину Дж. Суну, гостиница «Империал», Лигон.

Уважаемый Сун!

Это письмо доставит вам верный человек, которого я посылаю машиной. Так надежнее.

Письмо и деньги получил. Не сразу и не при тех обстоятельствах, на которые рассчитывал.

Частично о событиях вы уже, наверно, знаете. Об остальном сообщу сейчас.

Известие о гибели самолета я получил с опозданием. Я находился в резиденции. Городские власти уже направили на поиски самолета своих людей, а я еще ничего не знал. Как вы знаете, я должен был получить груз, для чего я отправил к озеру Линили группу Па Пуо. Дальше все было цепью совпадений — Па Пуо испугался, самолет прошел на небольшой высоте над посадочной площадкой, где лежал груз. Па Пуо открыл стрельбу по самолету из крупнокалиберного пулемета и (везет дуракам) подбил машину. Самолет упал неподалеку. Па Пуо, отправив часть группы с грузом, пошел к самолету. За это я его не виню. Они не добрались бы до самолета к ночи, но, на их счастье (или несчастье — это диалектика, мой дорогой Сун), они встретили по пути уважаемого Матура, к которому вы так строги. Они сообразили, что Матур с самолета, а когда обыскали его, нашли пакет, который вы мне передали. Им бы убить Матура и спешить ко мне — сказали бы, что не нашли самолета, и, может, я бы им поверил (вернее всего, не поверил). Но они погнали Матура впереди как проводника. Их план был прост, но не гениален: перебить всех оставшихся в живых и изобразить, что они погибли при крушении. Утром, когда они принялись за исполнение своего жестокого и наивного плана, подоспели мы с комендантом.

Вы вправе спросить, почему я оказался там ранним утром, причем в такой странной компании. Все объясняется просто. Один из людей, оставленных Па Пуо с грузом, по собственной инициативе поспешил в Танги. Я не думал, что кто-нибудь остался жив после крушения, но Па Пуо мог найти деньги и письмо. Мне ничего не оставалось, как бросить все дела и самому ночью мчаться к месту падения самолета.

Наш край населен негусто, но падение самолета заметил не только Па Пуо. Слухи о взрыве дошли и до коменданта. Этот жулик опасался, что новое правительство дознается о его делишках, и ему хотелось отличиться — он тоже бросился искать самолет. И вот мы встретились в деревне. Пришлось дальше отправиться вместе.

Мы успели вовремя. Па Пуо как раз намеревался убрать всех свидетелей.

Матур рассказал мне о том, что Па Пуо забрал деньги.

О, власть денег! Она лишает тебя самых верных людей.

Я был искренне огорчен. Ведь этот подлец знал, сколько труда и денег стоило нам его освобождение. К сожалению, я не

мог должным образом наказать Па Пуо, хоть он и заслуживал смерти. Он мне нужен.

Мы отправились по тропе вниз, к деревне Лонги. Мили через две мы устроили привал. Я сказал солдатам, что хочу допросить Па Пуо, и они отошли на несколько шагов.

— Ты знаешь, что тебя ждет, предатель? — спросил я его.

— Я не предавал вас, князь, — ответил он. — Я никому не сказал, что знаком с вами.

— Отдай мне сумку, — сказал я.

Па Пуо сразу понял, что я все знаю.

— Здесь все? — спросил я.

— Нет, — ответил Па Пуо. — Я отдал по пачке моим людям.

— Тогда ты и позаботишься, чтобы все деньги вернулись ко мне.

— Я так сделаю, сабао, — склонил голову бандит.

— Я не могу оставить тебя в руках солдат.

Па Пуо кивнул. Он тоже на это рассчитывал.

— Ты убежишь на развилке. Я отвлеку солдат. Будешь ждать моих распоряжений в пещере у Линили.

Если он и заподозрил, что я хочу его убить, то ничем этого не показал. Ему нельзя отказать в фатализме, столь свойственном этим простым людям.

Дальше все прошло по плану. Я отвлек солдат. Па Пуо и его человек бросились бежать. Их преследовали солдаты и мои телохранители. Солдаты беспомощны в лесу и вскоре прекратили преследование. Им казалось, что в лесу их поджидают враги. Последним вернулся мой телохранитель, передавший мне пачку долларов, которая до того оставалась у человека Па Пуо. Его щадить не стали.

На кого можно положиться в этом жестоком мире? Не сочтите это за жалобу, почтенный Сун. Я провел несколько лет в цивилизованной Европе и отлично понимаю, что за внешним порядком там скрываются те же страсти и то же предательство.

Итак, все кончилось благополучно, несмотря на большие издержки. Полагаю, что гибель самолета свяжут с Па Пуо. Если ему будет здесь жарко, переправлю его в Лигон или за границу.

Ваше отрицательное отношение к директору Матуру я не разделяю. Он по-своему куда более верный человек, чем Па Пуо. Образование и привязанность к семейству заставляют его панически бояться смерти или моего гнева. В любом случае я убежден, что он никогда бы не посмел скрыть деньги. Семья Матура всегда остается заложниками в наших руках. В будущем надеюсь пригреть Матура. Вам же отводится роль пугала (не сердитесь на меня за этот чисто тактический ход). Пусть он бегает ко мне с жалобами на грубого и жестокого господина Суна.

Я благодарен вам за заботу о Лами. Лекарства, переданные Вами, благополучно добрались до Танги. Хоть я ничего не имею против преждевременной смерти ее отца, но, если его жизнь угодна небу, пусть мы будем орудием спасения, а не орудием гибели. Благодарность Лами искренна и глубока. Но я не буду использовать ее в своих целях. Пусть все идет своим чередом.

Русские остались живы. Не могли бы вы подробнее узнать в Лигоне об их истинных планах?

Майор Тильви Кумтатон пока в госпитале. Я поговорил со знакомым врачом, и тот обещал мне задержать его там как можно дольше. Пусть город пока остается без твердой власти: комендант Боро избрал путь полного невмешательства, что меня устраивает.

Полагаю, что в настоящий момент отправка груза в Лигон опасна. Следует подождать, пока энтузиазм военных несколько утихнет и они займутся драматическим дележом портфелей и выгодных должностей. В любом случае груз останется в пещере до тех пор, пока я не получу от вас сообщения о возможностях его отправки. Осторожность — лучшая политика.

Завтра съезжаются соседние князья, чтобы решить, как вести себя с новым правительством. Некоторые горячие головы считают, что сейчас самое время объединиться со сторонниками Джо Ролака и поднять восстание. Мне придется потратить немало усилий, чтобы уговорить этих недалеких, трясущихся над своими эфемерными привилегиями людей воздержаться от самоубийственных акций. Полагаю, что военное правительство молит небо, чтобы мы восстали. Тогда нас удобно раз и навсегда привести к покорности. Нельзя давать им такого предлога.

Еще раз напоминаю о русских.

Искренне ваш Урао Као.

* * *

«Окрестности г. Танги представляют особый интерес для туриста. К сожалению, туда трудно добраться, если в вашем распоряжении лишь несколько дней, однако тому, кто располагает временем, эти места подарят чудесные воспоминания о горах и лесах Юго-Восточной Азии.

Танги (4 756 футов над уровнем моря) является центром этого края, и здесь турист может получить современные удобства. Город расположен среди покрытых соснами холмов, в 78 милях от железнодорожной станции Митили, связанной с Танги постоянным автобусным и автомобильным сообщением. Кроме того, по четным числам в Танги совершает рейс самолет местной авиалинии «Лигон Эйруэйз». Остановившись в Танги, турист может посетить некоторые места, представляющие интерес.

Отель «Эксельсиор» (телеграмма «Эксельсиор», Лигонская контора: ул. Свободы, тел. 10747): 25 номеров, кондиционирования нет, центральное отопление. Отдельный номер — от 37 до 45 ватов, двойной — от 60 до 70 ватов (включая питание). Кухня: лигонская, индийская, европейская. Экскурсии к водопаду Колу, на озеро Линили — живописный водоем, где в окрестных деревнях можно приобрести серебряные изделия местных мастеров, в пагоду Пяти золотых будд, в которой находится семь древних священных изваяний. Их золотили столько раз, что они превратились в золотые шары. Знаменитый водный праздник на озере Линили проходит в начале октября...

Раз в пять дней в Танги бывает базар, на который собираются окрестные горцы, представляющие собой живописное зрелище».

«Нью Голден Гайд» — Южная и Восточная Азия».
Составление и редакция Даниэля Уолстона.
Гонконг, 1969.

* * *

«Город Танги. Центр одноименного округа на севере Республики Лигон. Город основан в XIV в. князем Урао Справедливым, который в XVI в. признал вассальную зависимость от короля Лигона Партавармана VI. Город расположен на краю горного плато на высоте 1600 метров над уровнем моря. Население 12 500 человек (по переписи 1979 г.). Лигонцы, индийцы, китайцы, тайцы, представители местных народностей. Местная промышленность — механические мастерские, спичечная и ткацкая фабрики, лесопилка, кустарные мастерские. В городе заседает совет по делам горных народов, в котором большую роль продолжают играть горные феодалы...»

Справочник «Города Юго-Восточной Азии».
М., Наука, 1980.

Владимир Кимович Ли

За окном нашего номера сквозь ветки сосны видна тихая улочка. Такая тихая и мирная, усыпанная желтыми листьями, что невозможно поверить, что мы живем на краю света, а не проводим отпуск в подмосковном доме отдыха. И листья на асфальте — осенние. А ведь обман: хитрые здешние деревья сбрасывают их, чтобы достойно встретить сезон дождей цветами и юными листочками. По улочке едет рикша на велосипеде с коляской. Рикша в шерстяной шапочке и пиджаке. Вон пастор в черном костюме — узкой полоской выглядывает белый воротничок. Домики здесь, в центре города, чистые, аккуратные, солидные, чужие. Сюда приезжали отдохнуть от жары долин скучающие английские чиновники.

Мы с Отаром весь день проспали. Старый лакей, сохранившийся с колониальных времен, не смог разбудить нас к обеду. Мы очнулись вечером, полные раскаяния за потерянный день (по крайней мере я был полон раскаяния, а Отар подвел под наш сон здоровую теоретическую базу, чем меня почти утешил).

У нас большая комната, высокий белый потолок которой разделен на квадраты темными деревянными рейками, что напоминает об английской таверне, где мне, правда, не приходилось бывать. На планках мирно спят маленькие ящерки — неужели они никогда не падают? Вспольный разместился за стеной.

— Разбудить его? — спросил я Отара.

— Даже не знаю, — сказал Отар. — Намаялся он....

Такое проявление нежности со стороны Отара — явление редкое.

Все-таки я, презрев условности, постучал к Вспольному.

— Мы идем ужинать, — сказал я ему.

— Я тоже, — откликнулся Вспольный. — Спасибо.

Он спал меньше нас. С вертолета он бросился на телефонную станцию и пробился в Лигон, чтобы лично доложить Ивану Федоровичу, что все обошлось.

В столовой, с такими же планками на потолке, было почти пусто. Наверно, не сезон. Или туристы поспешили домой. Туристы не любят переворотов — это нарушает график осмотра достопримечательностей.

За соседним столом сидел господин Матур. Синяк у него под глазом пожелтел. Вид был удрученный.

— О, дорогие друзья! — воскликнул он при нашем появлении.

По-моему, радость была искренней.

— Вы разрешите присоединиться к вам?

Вспольный, по-моему, был не рад, так как отвечал за нашу нравственность, а от Матура так и несло безнравственностью. Я сказал:

— Пожалуйста.

Все-таки мы вместе пережили все приключения. Матур успел как-то переодеться. Он был в темном, узком для него костюме, шея обмотана толстым шарфом.

— Ваш саквояж не нашелся? — спросил я.

— Эти бандиты выкинули мой саквояж. И деньги, представляете, деньги.

Я должен был бы спросить, много ли денег. Но вместо меня вопрос задал Отар:

— Вы знакомы с князем Урао?

— А что?

Матур был настороже. Не успел Отар что-либо добавить, как он уже заговорил, как отличник на экзамене:

— Мы с ним друзья детства. Вместе учились в колледже. В одном классе. Славное давнее время... Но потом князь получил настоящее образование в Кембридже.

— Это видно, — сказал я, вспомнив наряд князя.

Вспольный осуждающе фыркнул. Он уже успокоился, от его героизма и следа не осталось. По дороге в ресторан он успел сообщить мне, что от окна дует, что Иван Федорович беспокоится о нас, что атташе-кейс погиб при вынужденной посадке и он вновь оказался без носильных вещей.

— Знаете... — Матур наклонился к нам и понизил голос, хотя в зале не было никого, кроме официанта, перетиравшего вилки в дальнем конце зала. — Бандиты убежали. Солдаты и телохранители князя гнались за ними по джунглям и, возможно, убили их. А если не убили?

Матур театрально оглянулся — он допускал, что бандит скрывается под столом.

— А кто они, не удалось установить?

Матур развел руками. Вспольный недоверчиво прищурился. Он-то знал, что Матур приспешник империализма.

Мы замолчали. Несколько часов, проведенных в мягких постелях, в чистой комнате с соснами за окном, превратили всю фантасмагорию последних суток в какой-то сон. И Матур напомнил о прошлом. Я даже ощутил к нему неприязнь, словно он хотел снова утащить нас в ночь, к выстрелам, взрывам и всяким противоестественным вещам. Видно, Матур почувствовал это.

— И когда вы приступаете к работе? — спросил он.

Директор Матур

Я с трудом досидел до конца ужина. Новости взывали к немедленным действиям. Я не понял деталей. Но для делового человека важнее охватить проблему в целом.

Разумеется, предсказать землетрясение нельзя. Но они не производят впечатления шарлатанов. Значит, стоит рискнуть? Поставить на темную лошадку?

Я подождал, пока русские поднялись к себе, и подошел к портье — заморенному англолигонцу из неполноценной расы гибридов, оставленных англичанами в память о своем многолетнем господстве.

— Я могу заказать телефонный разговор с Лигоном?

— Линия не работает, — ответил он внешне вежливо, но с внутренним вызовом, свойственным людям, когда-то обладавшим маленькой административной властью.

— У меня срочное дело, — сказал я.

— Линия отключена по распоряжению военного коменданта.

— Тогда примите срочную телеграмму.

— Не могу, — нагло усмехнулся портье. — Дойдите до телеграфа.

— Телеграф открыт? — спросил я, стараясь улыбаться.

— До восьми, — сказал портье.

Было двадцать минут восьмого. Скорее. Вторично я оказался обладателем информации, стоимость которой трудно переоценить. И я должен был отправить две телеграммы.

— Господин Матур, — догнал меня голос портье.

— Что?

— В Танги комендантский час. С шести вечера.

Я махнул рукой и выбежал на улицу. Комендантский час для тех, кто обладает документами, я же не обладаю ничем — я ограблен и гол. Мне нечего терять.

И с разумной осторожностью, скрываясь в тени деревьев, я побежал к телеграфу.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН ЭКСПОРТ ИМПОРТ ТАНТУНЧОК СРОЧНО СОГЛАСЕН УСЛОВИЯ ПРОДАЖИ УТРОМ ЗАВЕРШИТЕ СДЕЛКУ МОИМ БРАТОМ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВЛАДЕНИЕ

МАТУР

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 САД РАХМАН СРОЧНО НЕМЕДЛЕННО ВСТУПАЙ ПЕРЕГОВОРЫ ТАНТУНЧОКОМ ПО ИЗВЕСТНОМУ ДЕЛУ ПРИНИМАЙ ЕГО УСЛОВИЯ ЖДУ РЕЗУЛЬТАТОВ ЗАВТРА УТРОМ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР

Директор Матур

Я покидал телеграф со странным ощущением наготы — много лет я не выходил на улицу с голыми пальцами. Я стал беднее на два золотых перстня общей ценой не менее двух тысяч ватов. Телеграфист нагло улыбался мне вслед. Графа расходов росла. Доходов пока не предвиделось. Зато телеграммы ушли, минуя военную цензуру.

Городской дом князя Урао стоит на окраине Танги над самым обрывом. Из его сада с большими правильными газонами и аккуратно подстриженными деревьями, за которыми следит садовник, выписанный из Калькутты, открывается вид на много миль вперед — на горные хребты и долины, на голубое озеро Линили.

Но в тот сумрачный вечер долину скрывал туман.

Я чудом избежал встречи с патрулем. Пришлось просидеть несколько минут в колючем кустарнике. Перед воротами дома стоял, кутаясь в шинель, охранник.

— Скажи князю, что директор Матур по делу чрезвычайной важности.

Сторож знаком велел мне стоять в стороне, поднял трубку телефона, стоявшего в нише у ворот, и через несколько минут я уже приближался к крытому широкому подъезду дома, принадлежавшего когда-то английскому вице-губернатору, который проводил здесь жаркий сезон.

Я шел по широкой бетонной дорожке и на полпути от ворот увидел, что дверь в дом отворилась и кто-то быстро пошел напрямик через газон. Я замер, приглядываясь. Мои глаза уже привыкли к темноте. Человек не видел меня, он шел быстро, он хорошо знал этот сад. Я его узнал и в ужасе замер. Это был бандит Па Пуо, убитый сегодня утром при попытке к бегству.

Я стоял, пока его шаги не смолкли в отдалении...

Князь встретил меня в обширном холле.

— Как себя чувствуешь, друг? — спросил он со свойственной ему любезностью. Князь был в халате, с трубкой и чисто выбрит, свеж и бодр, словно ему не пришлось провести всю ночь и часть дня в тяжелом горном походе. — Ты плохо выглядишь, Матур. Что тебя привело ко мне?

— Князь, — сказал я, стараясь унять дрожь, — в вашем саду я видел страшного человека.

— Кого? — спросил князь, не теряя хладнокровия.

— Разбойника Па Пуо. Он жив и подстерегает вас.

— Ты не ошибся?

— Я не мог ошибиться.

Князь хлопнул в ладоши. Мгновенно появился телохранитель.

— Прикажи обыскать территорию, — сказал князь. — Моему другу показалось, что здесь бродит убитый разбойник Па Пуо. Если найдете, ведите сюда. Но я полагаю, что это его дух, который жаждет мести.

Возможно, князь был прав. Телохранитель провел рукой перед лицом, отгоняя злых духов.

— Мы же с тобой, Матур, цивилизованные люди. Духи нам не страшны. Не так ли?

Я вынужден был согласиться с князем.

В библиотеке князь указал мне на кресло и спросил:

— Что будешь пить?

— Спасибо, ничего не хочется.

Я вообще не употребляю спиртных напитков и в это время дня предпочитаю чай с молоком.

— Тебе нужны деньги? Прости, я совсем забыл, что ты больше всех пострадал в горах. Вот, возьми сто ватов, и надеюсь, тебе хватит, пока ты не получишь от брата.

Князя нельзя обвинить в щедрости, но любой подарок друга — ценность. Я с благодарностью принял деньги.

— Я пришел не за этим, князь, — сказал я. — Помня о вашем всегдашнем расположении, я спешу сообщить новость, которую сегодня узнал от русских геологов. Эта новость настолько изумила меня, что я счел своим долгом, несмотря на военное положение, поспешить сюда.

— Рассказывай, дружище, — сказал князь, наливая себе виски.

— Через несколько дней в Танги будет землетрясение.

— Да?

— Сильное землетрясение.

* * *

Лигон. Дж. Суну
ШИФРОВАННАЯ РАДИОГРАММА

НЕМЕДЛЕННО ВСТУПИ ПЕРЕГОВОРЫ ВЛАДЕЛЬЦЕМ МЕХАНИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ И ОТЕЛЯ «ЭКСЕЛЬСИОР» АРГУМЕНТИРУЙ СВЕДЕНИЯМИ О БЛИЗКОЙ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПЛАТИ НАЛИЧНЫМИ НЕ БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ СТРАХОВОЙ ЦЕНЫ ТЕЛЕГРАФИРУЙ РЕЗУЛЬТАТЫ ШИФРОМ

УРАО КАО

* * *

ТЕЛЕГРАММЫ

ТАНГИ КОМЕНДАНТУ ГАРНИЗОНА КАПИТАНУ БОРО СРОЧНО СООБЩИТЕ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ МАЙОРА ТИЛЬВИ СПОСОБНОСТЬ ИСПОЛНЯТЬ ЗАДАЧУ ОБЕСПЕЧЬТЕ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

ПОЛКОВНИК ВАН

ТАНГИ МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ
ПОЛОЖЕНИЕ СЛОЖНОЕ СООБЩИТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОДОЛЖАТЬ РАБОТУ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДМЕНЫ

ПОЛКОВНИК ВАН

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
ПО ПРОСЬБЕ ПОСОЛЬСТВА СССР СООБЩИТЕ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ РУССКИХ ГЕОЛОГОВ ОБЕСПЕЧЕНЫ ЛИ УСЛОВИЯМИ ЖИЗНИ

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛКОВНИК ДЖА ПОЛНИ

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ
ОБЕСПЕЧЬТЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РЕЗИДЕНЦИЕЙ КНЯЗЯ УРАО ВОЗМОЖНЫ ВСТРЕЧИ СЕПАРАТИСТОВ

ПОЛКОВНИК ЛИНИОК

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ
ВЧЕРА ДВЕНАДЦАТЬ СОРОК ТРИ ПОГРАНИЧНЫЙ ПОСТ В ОРГАЛЕ ОТМЕТИЛ ПРОХОЖДЕНИЕ НЕОПОЗНАННОГО

ВЕРТОЛЕТА В НАПРАВЛЕНИИ ТАНГИЙСКОГО ОКРУГА ВЕРТОЛЕТ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРОШЕЛ ОБРАТНО В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СОРОК СРОЧНО СОБЕРИТЕ РАССПРОСНЫЕ СВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЗМОЖНОЙ ПОСАДКЕ ИЛИ ВЫБРОСКЕ ГРУЗА НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ

ПОЛКОВНИК ЛИНИОК

Майор Тильви Кумтатон

Я окончательно пришел в себя часов в пять вечера. Мною владело чувство вины. Я не оправдал доверия господина бригадира Шосве и вместо того, чтобы проводить в Танги линию Революционного комитета, сам попал в плен и получил ранения. В дверях палаты гудели приглушенные голоса. Я повернул голову — там стоял капитан Боро с портфелем в руке. Медсестра в зеленой наколке не пускала его ко мне. И он не знал, настаивать ему или уйти.

— Проходите, — сказал я негромко, чтобы не разбудить соседа по палате — неподвижно лежавшего человека с забинтованным лицом. Когда меня днем привезли в палату, уже вымытого, перевязанного, запакованного в гипс, он спал. — Я не сплю. Какие новости из Лигона?

— Все в порядке, — бодро и слишком громко ответил капитан. Для него я был хоть и немощным, но посланником божества и остальные окружающие интереса не представляли. — Все районы, кроме южной провинции, признали власть Революционного комитета.

— Южной провинции?

— Туда бежал министр внутренних дел. Но не сегодня-завтра сопротивление прислужников империализма и внутренней реакции будет раздавлено.

Он внимательно слушал лигонское радио. В его голосе звучали барабанные интонации управления пропаганды.

— Что еще?

— Я отправил в Лигон отчет о происшествии с самолетом. В отчете я указал, что виновны бандиты, задержавшие вас. Диаметр отверстий в крыле совпадает с калибром пулемета, отобранного у бандитов.

— И ни одного не удалось доставить в Танги?

— Ни одного. — Капитан был огорчен.

— Последних двух прикончил князь Урао. Это не дает вам повода для размышлений?

— Мы не докажем, что он к этому причастен, господин майор. Он старался их догнать, но солдаты тоже стреляли...

— Продолжайте.

— Тут у меня радиограммы из штаба и из комитета. Я проглядел радиограммы. Большинство связано с аварией или русскими геологами. Я представил себе, какой шум поднялся в Лигоне, когда самолет пропал без вести. Нашему революционному правительству необходимо показать всему миру, что оно твердо держит в руках власть. Любое нападение на иностранцев будет расценено его врагами как доказательство слабости.

— Как они, между прочим?

Капитан Боро понял, о ком я спрашиваю.

— Мы их разместили в «Эксельсиоре». Хорошая гостиница. Они легли спать. Еще спят, наверно.

— Завтра дадите им охрану, которая будет полностью исполнять все их указания. Не забудьте о транспорте.

— Обязательно. Если не тайна, в чем их миссия?

— Они занимаются землетрясениями.

— У нас давно не было землетрясений.

— Они полагают, что скоро будет.

Боро был поражен и не пытался этого скрыть.

— Они в России об этом узнали?

— В России. А теперь можете идти.

— Что касается слежки за сепаратистами...

— У вас там нет своего человека?

— Как сказать...

Капитан Боро покосился на моего соседа с забинтованным лицом.

— Ничего, — сказал вдруг тот, словно ощутил взгляд капитана. — Я знаю, кто ваш человек у князя. Боюсь, что князь тоже об этом знает, но не трогает его, чтобы вы не подсунули нового.

— Господин Васунчок? Это вы? — ахнул капитан Боро.

— Он самый.

— Я совсем забыл! Как ваше драгоценное здоровье?

— В данный момент ему ничто не угрожает. — Голос моего соседа дрогнул, будто он хотел засмеяться.

— Ну, я пошел, — поднялся капитан Боро. — У меня много дел.

Когда капитан ушел, стало совсем тихо. Мой сосед молчал. Интересно, кем он был? Откуда у него такие сведения о князе Урао и делах военного коменданта?

В дверях появилась пожилая медсестра в зеленой наколке. На этот раз посетитель к моему соседу.

— Господин Васунчок, к вам пришли.

И я увидел мою спутницу Лами.

Я понял, что она уже была у этого человека утром, потому что их встреча была будничной.

— Лекарство помогает тебе, отец? — спросила Лами.

Тут она увидела меня.

— Господин майор! — воскликнула она. — Как я рада! Вы себя хорошо чувствуете?

— Отлично, — сказал я. — Значит, это твой отец?

— Папа, — сказала Лами торжественно, — майор Тильви нарушил правила ради того, чтобы взять меня на борт, потому что я сказала, что везу тебе лекарство.

— Скажи лучше, что он тебя чуть не погубил, — возразил ее отец. — Мое счастье, что они скрыли от меня дурные вести о самолете. Я благодарен тебе, майор. Я понимаю, что значит взять человека на военный рейс.

— Там была тетушка Амара, — сказал я. — Она страшней, чем военный трибунал.

— Представляю, — сказал Васунчок. — Она никогда не отличалась добротой к нашему семейству.

— Ко мне тоже, — сказал я.

— Это она помогла тебе достать лекарство?

— Нет, — сказала Лами тихо.

— А кто?

Лами покраснела. Мне был виден ее профиль. Она молчала.

— Почему ты молчишь?

— Я достала его... у чужих людей.

— Не хочешь — не говори. Я старый неблагодарный хрыч. Но должен с удовольствием заметить, что в столице ты не научилась лгать.

Я видел, что щека Лами стала малиновой. Она была готова провалиться сквозь землю. Но почему такая тайна?

Когда Лами ушла, ее отец сказал:

— Так неудачно получилось с моей раной.

— Я ничего не знаю.

— Я начальник полиции округа Танги.

Конечно, мне следовало об этом знать. Перед отлетом Ван дал мне список должностных лиц округа, но я не удосужился с ним ознакомиться.

— Ну что же, очень приятно познакомиться. — сказал я. — Комиссар ВРК майор Тильви.

— Знаю. Я знаю сейчас куда больше тебя, мой мальчик. И не

обижайся на такое обращение. Ты мой двоюродный племянник и в детстве бывал в нашем доме, только, конечно, не помнишь об этом.

— Нет, — признался я. — Прошло столько лет... Вот если бы вы не были забинтованы...

Он не удивился и не обиделся. Семья наша, как обычно в Лигоне, большая, двоюродных и троюродных дядей у меня десятка три.

— Я отдохну немного, — сказал он. — Устал.

Но молчал он недолго. Минуты через две я снова услышал его голос:

— Вы не уверены, что Па Пуо убит?

— Вы его знаете? — спросил я.

— Бывший десантник. Закоренелый преступник. В свое время он убежал из тюрьмы в Лигоне.

— Он связан с князем Урао?

— Не скажу. Не знаю. Па Пуо с верховьев Кангема, у них в деревне испокон веку живут контрабандой. Сам он служил когда-то в армии сержантом. Лет пять назад пытался организовать свою группу по перевозке опиума. Но большие акулы его вытеснили. Потом он к кому-то нанялся... но вряд ли к Урао. Тот у нас джентльмен и вряд ли рискнет связаться с такой фигурой, как Па Пуо.

Странный шел разговор. Два человека, ответственные за порядок в крае, лежали в больничной палате и рассуждали о преступниках. А те гуляли на свободе.

— Меня заинтересовало место, где был подбит самолет... — продолжал Васунчок. — Постарайся представить расположение горных цепей и долин: наш город на окраине плато. У подножия плато лежит широкая долина, по которой протекает речка Линили, впадающая в озеро с тем же названием. За долиной три параллельных невысоких, покрытых лесом хребта. Между хребтами два ущелья, также дикие, почти не населенные, лишь в одном месте между двумя ближайшими к Танги хребтами ущелье расширяется, и там лежит деревня Лонги, соединенная дорогой с шоссе Митили — Танги. Представляешь?

— Пока все понятно.

— Самолет на Танги должен лететь над долиной Линили и озером. Но самолет отклонился немного в сторону и пошел над тем ущельем, в котором стоит деревня Лонги. Вот там его и подбили. Снижаясь, самолет проскочил между вершинами второго хребта и упал в дальнем ущелье, между вторым и третьим хребтом.

— И что это значит?

— Люди, которые стреляли по самолету, почему-то оказались в первом ущелье. То есть их отделял от широкой и густонаселенной долины Линили лишь невысокий хребет. Хотел бы я поговорить с пилотом...

— Зачем?

— Важно точно знать место, где по самолету стреляли. У меня есть подозрение, что стреляли с поляны, от которой идет тропа к пещерам озера Линили... Это недалеко.

— А если так?

— Меня ранили у озера Линили, когда мы шли за группой контрабандистов, надеясь отыскать их тайник. У меня были надежные сведения, что он находится в районе пещер. Но мы были неосторожны и попали в засаду.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В КАЛАБРИИ И СИЦИЛИИ 15/28 декабря 1908 г.

«Бессвязные слова тех людей, которые спаслись от гибели, сплетаются в рассказ одного существа: оно в это утро как бы поднялось над землею, и его взгляд, изощренный ужасом, охватил всю картину восстания стихий на человека.

Накануне катастрофы и всю ночь перед нею выл ветер, море яростно бросало на берега высокие волны: спасаясь от непривычного холода, жители Мессины и прибрежных городов Калабрии плотно закрыли двери и окна домов и спали крепким предутренним сном.

В 5 ч. 20 м. земля вздрогнула: ее первая судорога длилась почти десять секунд: треск и скрип оконных рам, дверных колод, звон стекол, грохот падающих лестниц разбудил спящих; люди вскочили, ощущая всем телом эти подземные толчки, от которых вдруг теряешь сознание, наполняясь уничтожающим разум диким страхом.

...Перекошенные двери невозможно было открыть во тьме, не попадало под руки ничего, чем можно было бы разбить их, выломать рамы и ставни. Когда люди вырывались в коридоры, их встречала густая туча мелко измолотой извести и ослепляла. В темноте все качалось, падало, с треском проваливаясь в какие-то вдруг открывшиеся пропасти. На месте лестниц зияли темныя ямы, из них вздымалась эта страшная пыль разрушения; обезумевшие люди, хватая на руки детей, с криком бросались

вниз, ища земли, ломали себе кости, разбивали головы, ползали по грудам обломков, поливая кровью камни и мусор, а вокруг все дрожало под толчками новых и новых ударов, а отовсюду доносился крик и стон десятков тысяч человеческих голосов. В сумраке одно за другим рушились с грохотом разорванные здания, прыгали камни, сыпалась известь, раздавливая и погребая разбитые, истекающие кровью тела полуголых, дрожащих от холода и ужаса людей.

...Земля глухо гудела, стонала, горбилась под ногами и волновалась, образуя глубокие трещины, как будто в глубине проснулся и ворочается века дремавший огромный червь, — слепой, он ползет там в темноте, изгибаются его мускулы и рвут кору земли, сбрасывая с нее здания на людей и животных...»

М. Горький. Землетрясение в Калабрии и Сицилии.
С.-Петербург, 1909.

Юрий Сидорович Вспольный

До поздней ночи за стеной слышались голоса — мои товарищи приводили в порядок пострадавшую аппаратуру. Я не стал им мешать. Только зашел, когда нам нанес визит капитан Боро, начальник местного гарнизона. Он обещал с утра предоставить машину, чтобы осмотреть окрестности Танги и выбрать места для приборов, а также прислать мастера — требовалось кое-что починить, а у наших товарищей не было нужных инструментов. По уходе капитана Боро Отар Давидович сказал, что вряд ли моя помощь понадобится сегодня, и посоветовал мне отдыхать. Я счел его соображения разумными и потратил остаток вечера на приведение в порядок записей.

Я лег спать пораньше, несмотря на то что выспался уже днем. Поэтому я долго не мог заснуть, прислушиваясь к стуку дождика за окном, шуршанию сосен, отдаленной заунывной песне и неразборчивым голосам за стеной. Я старался гнать от себя мысли, которые возвращались с настойчивостью комнатной мухи, — мысли о близкой смерти, о том, насколько тонка грань между продолжением жизни и той случайностью, которая готова легким ударом разрезать ее нить. И если крушение самолета было событием, в котором я не принимал никакого участия, то, рассматривая в перспективе мое столкновение с бандитом Па Пуо, следует признать, что мой порыв, хоть и был оправдан в тех конкретных обстоятельствах, в принципе не типичен

для моего характера и полностью расходится с моим представлением о себе. Чаще всего я лишь по истечении определенного промежутка времени нахожу правильное решение либо слова, в споре же и в действиях я скорее склонен к ошибкам и компромиссам. Я всегда боялся столкнуться с ситуацией по-настоящему критической, которая потребовала бы от меня единственно правильного и быстрого решения. Поясню: например, я не выношу детей, стоящих на краю платформы, и по мере сил стараюсь обратить на этот факт внимание их родителей или самому оттеснить ребенка от опасного места. Я не могу видеть, как дети или моя мама выходят на балкон. В таких ситуациях мое живое воображение немедленно рисует картину падения ребенка на рельсы или с балкона. И зная, что в такой обстановке я не решусь броситься на рельсы вслед за ребенком, я делаю все, чтобы критическую ситуацию устранить. Но как же тогда объяснить мое нападение на вооруженного озлобленного человека? Наверно, объяснение этому кроется в моей же трусости. Во мне действовал тот же инстинкт, что заставляет отвести ребенка от края платформы. Я предотвращал опасный момент, хотя сам обращал на себя гнев бандита.

Я проснулся совсем рано, на рассвете, и голубой свет его настолько был похож на свет, проникавший вчера утром сквозь щели хижины, что я внутренне сжался. К счастью, страх длился всего мгновение. Я услышал за стеной голос Володи Ли и понял, что пора вставать.

В соседней комнате я обнаружил удивительную сцену. Казалось, они вообще не ложились спать. Пол был буквально устлан деталями, и посреди них, подобно мальчишкам, играющим в железную дорогу, сидели три человека — Котрикадзе, Володя и незнакомый мне молодой скуластый лигонец. Игра так увлекла их, что они не сразу заметили мое появление.

— Вы даже не завтракали? — спросил я. И тут же подумал, что мой вопрос неуместен — ресторан еще закрыт. И как бы в опровержение моих слов в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Котрикадзе, не отрываясь от рассмотрения печатной схемы.

В раскрытой двери стоял солдат, лицо которого было мне знакомо. Нашитая на рукаве его куртки морда тигра подтвердила мои подозрения — этот отличительный знак носили солдаты, сопровождавшие нас в самолете. Автомат висел у него на плече, мешая нести термос ярко-оранжевого цвета с большими полоса-

тыми пчелами на сверкающих боках. В другой руке он держал судки. Солдат кивнул мне, как старому знакомому.

— Ага, — сказал Котрикадзе, как будто ему всю жизнь приносили термосы солдаты с автоматами. — Поставьте туда же, сержант.

Я проследил взглядом за сержантом и увидел на столе уже два таких же термоса, а также ряд чашек с остатками кофе и недоеденные сандвичи.

Сержант поставил термос, постоял посреди комнаты, наблюдая за работающими, затем мирно положил автомат на диван, уселся рядом и задремал.

И я вдруг понял, что нет смысла укорять этих людей за неразумное использование своего рабочего дня. Они вежливо выслушают меня, но удивятся — по какому праву я вмешиваюсь в то, что они знают и умеют лучше меня? Я даже пожалел, что у меня нет технического образования, что в школе я по всем точным дисциплинам имел твердую тройку, чем маму не столько огорчал, сколько утверждал в мнении, что передо мной открывается карьера великого писателя или лингвиста. Эти люди играли в свои всегда запретные и завидные для меня игры, а я был только зрителем.

— Юрий Сидорович, — сказал Володя, — выпейте кофе, а то ресторан еще закрыт. Нам сержант Лаво из гарнизонной кухни носит.

Я поблагодарил и не отказался от кофе со свежим сандвичем. Вкус местного хлеба показался мне более приятным, нежели в Лигоне, где он схож с ватой. Я сидел на диване рядом со спящим сержантом.

— Голова не болит? — спросил Котрикадзе, представив меня молодому лигонцу, оказавшемуся механиком по имени Фен Ла.

— Нет, спасибо.

Я инстинктивно поднял руку и ощупал шишку, оставшуюся у меня на лбу, как боевое отличие.

— В восемь придет машина. Вам, наверно, любопытно будет поехать с нами.

— Сочту своим долгом, — сказал я. — Пожалуй, мне следует переодеться?

Котрикадзе кивнул.

Переодеваться мне было не нужно. Да и во что переодеваться? Но я воспользовался этим предлогом, чтобы избавиться от тягостного ощущения собственной ненужности, и покинул комнату.

Но к себе я тоже не попал. В коридоре меня подстерегал господин Матур.

— Доброе утро, господин советник, — приветствовал он меня. — Вы рано поднимаетесь. Значит, вы хороший работник. Лишь бездельники спят до полудня.

Я не мог обогнуть его в узком коридоре и избежать неуместных восторгов.

— И ваши друзья также работают? Меня всегда восхищало трудолюбие русского народа! Великие свершения социализма — это результат самозабвенного труда. И я, как прогрессивный человек, могу лишь восхищаться!

Новый костюм господина Матура был ему узковат. Куда-то делись сверкающие перстни. Неужели наш спутник разорился и сменил классовые позиции? Это маловероятно.

— Приехать для того, чтобы помочь маленькой далекой стране! Жертвовать жизнью и здоровьем ради нас — это гуманизм в высшем смысле, не так ли? И совершенно бескорыстно!

Он готов был заплакать от умиления. Шоколадные зрачки неустанно крутились в желтых с красными прожилками белках глаз.

— А мы и не подозревали, насколько близка к нам угроза страшного бедствия. Теперь же мы сплотимся вместе с вами и спасем нашу маленькую страну. Только бы успеть! Как вы думаете, мы успеем?

Он замер с полуоткрытым ртом. Ждал ответа.

— Еще рано говорить, — ответил я сдержанно, стараясь отыскать просвет между стеной коридора и тушей нашего друга. — Для того мои товарищи и работают. Но пока нельзя сказать ничего определенного.

— Но, может, приблизительно? С точностью до двух дней? Ведь необходимо предупредить население?

— Как только станет известно, мы тотчас же сообщим.

Я не решился спрятаться в своей комнате, куда он мог беззастенчиво проникнуть, а позорно отступил обратно к Котрикадзе, захлопнул дверь и с облегчением вздохнул. В комнате было по-прежнему. Володя и механик спорили на странной смеси языков, тыча друг другу в лицо какой-то деталью. Котрикадзе тестером проверял нутро вскрытого ящика, напичканного печатными схемами и проводами. Сержант Лаво спал на диване, положив на живот автомат.

Котрикадзе оторвался от своего дела, взглянув, кто пришел.

— Передумали переодеваться? — спросил он.

— Отар Давидович, — сказал я, — не забудьте, что мы должны предупредить власти о сроках землетрясения. Ведь предстоит принятие мер. Некоторые уже интересуются...

— Вы совершенно правы, Юрий Сидорович, — сказал Котрикадзе вежливо. — Мы это непременно сделаем.

Я стоял посреди комнаты, не двигаясь, чтобы не наступить на что-нибудь. Котрикадзе сжалился надо мной.

— Юрий Сидорович, — сказал он, — если вы не заняты, будьте любезны, помогите нам. Вон там в коробочке винты. Рассортируйте их по размерам.

* * *

Из записи показаний Дани Джа Думали, пилота государственной авиационной компании «Лигон Эйруэйз», взятых в муниципальном госпитале города Танги 12 марта 1976 года:

«...В 14 час. 10 мин. ввиду близости муссонного фронта было решено изменить курс с северо-северо-западного на северо-западный с таким расчетом, чтобы повернуть на тангийский аэродром после пересечения дороги Митили — Танги. В Танги о перемене курса мы не сообщали. Мы следовали новым курсом до 14 час. 22 мин., после чего были обстреляны с земли из крупнокалиберного пулемета, в результате чего были повреждены левая плоскость и левый мотор.

— На какой высоте шел в это время самолет?

— Высота была чуть более 2400 метров, однако по отношению к горной долине высота была 600—800 метров.

— Не опасно ли было лететь так низко над горами?

— Нет. И мне, и первому пилоту эти места хорошо знакомы. Кроме того, мы хотели сэкономить время при посадке в Танги, выйдя к аэродрому на минимальной высоте.

— Вам удалось что-либо заметить на земле в тот момент, когда вас обстреляли?

— Да. Мы пролетали над узкой длинной поляной в ущелье реки Лонги, примерно в двадцати пяти милях вниз по течению от деревни Лонги. На поляне я видел разложенные парашюты, несколько человек и лошадей.

— Какова была ваша реакция?

— Я крикнул первому пилоту: «Смотри, парашюты!» Но тут же с земли был открыт огонь — я не сразу понял, в чем дело. И мотор загорелся.

— О парашютах вы не говорили?

— Конечно, нет. Мы думали, как спасти машину.

— Но вы предположили что-нибудь, когда увидели парашюты?

— Я решил, что это контрабандисты. Здесь близко граница. Но в тот момент я думал, как посадить самолет. У нас было мало шансов спастись.

— Но, может быть, вы заметили что-нибудь еще?

— А что я должен был заметить? Знаки различия? Лица? Вы когда-нибудь пробовали сделать это с высоты чуть меньше километра при скорости четыреста километров в час?

— Нет, не пробовал...»

Показания записал инспектор полиции г. Танги Е. Минтани. Показания прочитаны вслух пилоту Дани Джа Думали и подписаны им.

Показания взяты по приказу начальника полиции г. Танги Джа Васунчока с согласия комиссара Временного революционного комитета.

* * *

«Страшно подумать, какому риску подвергает себя человек, живущий в Токио...» — признался бывший премьер-министр Японии Какуэй Танакка после того, как в двухстах километрах южнее Токио, на южной части полуострова Ису, было зарегистрировано сильнейшее за последние девять лет землетрясение. Оно было настолько сильным, что в столице зашатались небоскребы. Число убитых достигло 30 человек. 150 зданий были полностью уничтожены, и свыше тысячи зданий пострадали частично. Это нагнало на людей страху, тем более что японцы еще не забыли 1 сентября 1923 года, когда в «землетрясении столетия» погибли более 143 тысяч жителей Токио.

Прогнозы японских и американских экспертов этот страх еще более увеличивают. Ученые предполагают, что в ближайшие годы Японию вновь ожидает сильное землетрясение, настолько сильное, что могут погибнуть около миллиона человек... Этим прогнозом не замедлил воспользоваться при написании своего бестселлера «Гибель Японии» известный автор Сакио Камацу. Своей книгой, а позднее и фильмом он вызвал настоящий ажиотаж: Камацу пишет о катастрофе, уносящей 40 миллионов жизней, а сама Япония вообще перестает существовать...»

Журнал «Живот», Братислава, февраль 1975.

* * *

ТЕЛЕГРАММЫ

ТАНГИ ГОСТИНИЦА ЭКСЕЛЬСИОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ СРОЧНО 12 МАРТА 4.46 ИЗ ЛИГОНА

ПОЛУЧИЛ ТЕЛЕГРАММУ ТАНТУНЧОК СОГЛАСЕН ТВОИХ НАЛИЧНЫХ НЕДОСТАТОЧНО ЧТО ДЕЛАТЬ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ САД

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО

ВАШУ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛКЕ ДВУХ ВЕРТОЛЕТОВ НЕ МОЖЕМ УДОВЛЕТВОРИТЬ ПРИЧИНОЙ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЮГЕ СТРАНЫ ОБХОДИТЕСЬ СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ

ПОЛКОВНИК ВАН

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 ГОСПОДИНУ САДУ 7.15 ИЗ ТАНГИ

РАЗ В ЖИЗНИ РИСКНИ СОБСТВЕННЫМИ ДЕНЬГАМИ ГАРАНТИРУЮ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ НА ВЛОЖЕННЫЙ КАПИТАЛ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР

* * *

Лигон (ТАСС — ЛигТА). 12 марта. В Лигоне опубликовано постановление Временного революционного комитета о национализации внешней торговли, а также о безвозмездной национализации собственности крупнейших иностранных компаний. В их числе «Лигон-Шелл корпорейшн», «Лигон-Бритиш Вольфрам Тангстен лимитед» и др.

Лигонская общественность с глубоким удовлетворением восприняла решение революционного правительства о ликвидации позиций иностранного монополистического капитала. В своем выступлении, посвященном последним решениям Временного революционного комитета, его председатель бригадный генерал Шосве отметил, что шаг правительства направлен в первую очередь на укрепление экономической независимости страны и ликвидацию засилья иностранных монополий. Шосве указал также, что в настоящее время Революционный комитет рассматривает вопросы, связанные с национализацией некоторых крупных предприятий национальной промышленности.

Майор Тильви Кумтатон

Я превозмог недомогание, заставил себя утром встать и доплестись до комендатуры. Было рано. По улице шли женщины к спичечной фабрике, ребятишки бежали к миссионерской школе.

Запряженные буйволами повозки тянулись к базару. На широком газоне перед губернаторским дворцом, в который я еще вчера приказал перевести комендатуру, было людно. Два солдата у подъезда лениво переругивались с желавшими проникнуть внутрь. Чувствуя, что все взгляды обращены ко мне, я подтянулся. У самого входа несколько в стороне от солдат стояла группа молодых людей, по виду старшеклассников, с плакатами «Да здравствует революция!», «Долой угнетателей!», «Запрещается запрещать!» и «Наш вождь — Мао!». Я на ходу прочел лозунги, но не понял, одобряют эти молодые люди революцию или нет. Мои сомнения были развеяны их криками, в которых они называли меня милитаристом и реакционером и требовали, чтобы я покинул город и дал им возможность сделать свою революцию. Какая-то женщина в белой траурной одежде бросилась ко мне, протягивая лист бумаги. Она поклонилась, и я взял лист. И тут же ко мне протянулись другие руки с прошениями и жалобами. Один из солдат сошел со ступенек и начал оттеснять просителей.

— Ничего, — сказал я ему, — не беспокойся.

В коридоре, ведущем к губернаторскому кабинету, кучкой стояли отцы города. Вид у этих людей был растерянный, словно они собирались что-то сделать, предпринять, сказать, придумать, но ничего не придумали, а уйти им было неловко. Среди них были знакомые мне с детства лица — хозяин кондитерской у базара, директор школы, аптекарь... В маленьком городке люди живут подолгу и авторитеты, завоеванные давным-давно, сохраняются десятилетиями. Танги — не современный город, здесь мало фабрик или мастерских, сюда не тянутся энергичные люди, наоборот, они стараются уехать отсюда в долину, где можно выдвинуться.

Я поклонился отцам города и быстро прошел мимо. Настоящих хозяев этой горной страны среди них не было. Ни горных князей, ни губернатора, который лежал дома с дипломатическим радикулитом, ни господина Джа Дина, сенатора от округа Танги, который выехал на своей машине к таиландской границе...

Я вошел в кабинет губернатора — теперь мой кабинет. За столом сидел капитан Боро. Капитан вскочил, не скрывая радости по поводу моего появления — теперь он мог снять с себя ответственность.

— Как ваше здоровье, господин майор? — осведомился он.

Голова у меня кружилась, рука ныла, и я ответил:

— Не будем говорить о моем здоровье. Вы выпустили политических заключенных?

— Я ждал официального подтверждения, господин майор. Ведь у меня было лишь ваше устное указание, а депеши из центра на этот счет я еще не получил. Кроме того, для меня неясен вопрос, кого мы будем относить к этой категории. У меня в тюрьме три коммуниста... — тут он достал листок бумажки, чтобы не перепутать, — красного флага, то есть пекинской ориентации, и шесть коммунистов желтого флага, то есть русско-вьетнамской ориентации, шесть контрабандистов, которые утверждают, что занимались этим делом ради освобождения народа фен, а также три участника позавчерашней демонстрации в поддержку Джа Ролака.

— Пускай пока сидят, — сказал я, — подождем инструкций.

В открытое окно влетали воинственные фразы песни, которую распевали экстремисты.

— А с ними что делать? — спросил Боро.

— Пускай пока попоют, — сказал я. — Принесите мне списки должностных лиц. А вы пока подумайте, кто может временно заменить гражданского губернатора.

— Может, бургомистр? — спросил Боро неуверенно.

Я согласился и выпил стакан воды, услужливо поданный капитаном.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ ЭКСЕЛЬСИОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ СРОЧНО 12 МАРТА ПРИНЯТА 9 ЧАСОВ 6 МИНУТ ИЗ ЛИГОНА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ТРЕБУЮТ НАЛИЧИЯ СВОБОДНЫХ СРЕДСТВ КАЖДЫЙ БЬЯ НА СЧЕТУ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНО СОГЛАСИТЬСЯ НА ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ МИНИМУМ ПЯТНАДЦАТЬ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ САД

* * *

Лигон. Рейтер. 12 марта. По сообщениям из Куала-Лумпура, военное правительство Лигона натолкнулось на упорное сопротивление в южной провинции, возглавляемое бежавшим туда

министром внутренних дел Лигонской Республики. Вчера вечером к его частям присоединился прорвавшийся из Лигона батальон особой полиции. Сопротивление на юге может быть поддержано выступлениями северных горных князей. Представитель Министерства иностранных дел Великобритании на пресс-конференции в Лондоне заявил, что в свете возникших осложнений в Лигоне правительство Ее Величества воздерживается от признания де-факто Временного революционного комитета.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 ГОСПОДИНУ САДУ

СКОРБЛЮ БЕССЕРДЕЧИЕМ БЛИЖАЙШЕГО ДРУГА И РОДСТВЕННИКА СОГЛАСЕН ПЯТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР

Владимир Кимович Ли

В час ночи, когда мы собирались спать, появился присланный комендантом техник Фен Ла. Появился узнать, что за помощь нам нужна, и остался до утра.

Этот парень, Фен Ла, оказался горцем из племени фен, которое живет по берегам озера Линили, ловит рыбу, разводит чай на склонах холмов и не подчиняется князьям. Но главное в нем то, что он псих по части техники. Он ведь зашел на минутку, договориться. При виде наших приборов в глазах у него возник хищный блеск, и Отар сказал мне: «Это наш человек. Мы его увезем к нам в институт». Конечно, Отар шутил, но в институт его взять было бы не грех. Бывает же у человека призвание, как у скрипача. А ведь этот Фен из племени фенов до десяти лет не видел ни одной машины сложнее велосипеда. Зато, когда попал в город, начал мучиться неутолимой страстью к винтам, гайкам и триодам. Вспольный, когда сунулся к нам на рассвете, решил, что это мы с Отаром такие сознательные, ночей не спим, трудимся. Не станешь же объяснять нашему Пиквику, что в этой компании самый сознательный — это взъерошенный и недокормленный представитель развивающихся стран, а вовсе не посланцы страны почти победившего социализма. Правоверный Пиквик в такую крамолу не поверит. А нам неловко было идти спать, ког-

да господин техник Фен Ла золотыми руками спасает свою страну от стихийных бедствий.

В процессе ночных ремонтных работ Фен Ла осознал, зачем мы сюда приехали, и обещал познакомить нас с нужными людьми в механических мастерских, потому что и здесь самые краткие пути — окольные. У них тут не знают, к чему приведет переворот. Правда, на лучшее не надеются: это пятый переворот за последние десять лет.

С ночи в наш небольшой, но дружный коллектив влился коренастый сержант Лаво с автоматом, с которым он не расстается, как Вспольный с очками. Лаво — это наша охрана. Всю ночь он таскал нам бутерброды и термосы с кофе, а в свободное время похрапывал на диване.

К утру мы завершили кое-какой ремонт, отвезли остальное в механические мастерские, уверенные, что Фен Ла нас не подведет, и поехали искать точки для датчиков.

Ехали на армейском джипе. Сержант Лаво держал на коленях автомат и термос. Отар держал на коленях карту, выданную ему предупредительным капитаном Боро, Вспольный держал записную книжку, а я держал сумку Отара — все были при деле.

Джип не спеша катил через центр города, и я наконец смог разглядеть, куда мы попали. Я испытал искреннюю радость, увидев магазинчик с сувенирами. После гибели в самолете моих делийских слоников я чувствовал себя обездоленным.

Здесь прохладно и растительность странно смешивается в садах и между домами — тут и сосны, и пальмы, и кактусы, и лианы, и бамбуки. Представьте себе сосну, опутанную лианами с руку толщиной. При этом на лиане сидит мартышка, а под сосной дремлет мохнатый пес, родной брат нашей дворняги. Вот из-за этого город Танги показался мне сказочным, декоративным и несколько ненастоящим.

Специальность у меня довольно печальная. Редко удается побывать в мирно живущем городе. Чаще всего я приезжаю в места, уже пораженные землетрясением, разрушенные, подавленные бедой, разоренные и печальные. Мы, сейсмологи, ближе всего к патологоанатомам — имеем дело с неблагоприятно окончившейся болезнью. Сейсмологи должны сложиться на памятник Отару при жизни. Теперь мы будем приезжать в живые, здоровые города. Хватит анатомии, да здравствует лечение!

Мы подъехали к роскошной вилле, построенной, видно, еще в английские времена. Перед виллой стояли два или три армейских джипа и пятнистый бронетранспортер. Вокруг было довольно много народа, даже с плакатами. Над домом развевался лигонский флаг — синий с красной косой полосой и большой белой звездой на полосе. Здесь наш джип притормозил, и шофер пошел к начальству получать талоны на бензин, чтобы заправиться по дороге. Пока мы его ждали, мои мысли потускнели. Чего же это я обрадовался? Да, теперь мы будем приезжать в живые города, но ведь в них, как в больном теле, невидимый и неумолимый, таится враг. И он убьет их. И этот дом, который простоял сто лет, рухнет, подняв к небу тучу известковой пыли, пальмы возле него покосятся, через ровный газон пробежит рваная трещина... Мы сделали шаг вперед, стали хирургами, учимся предсказывать болезнь, даже можем вовремя вывезти из города людей и машины, кровати и стулья. Но не умеем и долго еще не научимся предотвращать землетрясения. А хорошо бы. Завтра намечается землетрясение в районе Вальпараисо. И тут же я нажимаю кнопку и говорю: «Снять напряжение в районе Вальпараисо на глубине восемьдесят километров»... И Вальпараисо спит спокойно.

— Пессимистические мысли? — спросил Отар.

— Отражаются на челе?

Из дома вышел майор Тильви. Рука у него была на перевязи, но в остальном он выглядел молодцом. Я обрадовался, увидев его. За Тильви бежал, не думая о солидности, капитан Боро. Отар распахнул дверцу джипа и спрыгнул на землю. Мы со Вспольным последовали за ним. Обменялись приветствиями, как добрые знакомые.

— Меня замучили из Министерства иностранных дел. О вашем здоровье беспокоятся, — сообщил нам Тильви.

— Я информировал посольство, — ответил Вспольный. — Все в порядке.

— Начинаете работать? Как с ремонтом?

— Все в порядке, — в тон Вспольному ответил Отар. — Мы уже многое сделали. Остальное отвезли в механические мастерские. Спасибо капитану Боро за помощь.

— Я пошлю туда человека, — сказал Тильви.

— Не надо, — возразил Отар. — Мы уже договорились.

Тильви посмотрел на профессора с любопытством.

— Кстати, — сказал он, — я полагаю, что пока не стоит широко объявлять, что будет землетрясение. Понимаете, в городе разные люди, кое-кто ударится в панику, кое-кто воспользуется этими слухами во вред Ревкомитету...

Отар кивнул. Но, видно, не хотел связывать себя обещаниями.

— Я понимаю, — сказал майор, — такую тайну не сохранить... — Он нахмурился. Еще землетрясения ему не хватало. Он спросил серьезно: — А может, удастся обойтись без землетрясения?

— Вряд ли, — так же серьезно ответил Отар.

— Я приду к вам завтра.

Люди с плакатами что-то кричали нараспев. Вернулся шофер с талонами. Мы снова залезли в машину.

— Счастливо, — сказал майор Тильви. Потом добавил: — Если землетрясение случается внезапно — это стихийное бедствие, и никто в нем не виноват. Если о нем знаешь заранее, то уже несешь ответственность...

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ СРОЧНО КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ

СООБЩИТЕ ВРЕМЯ И МАСШТАБЫ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ОБЪЕМ РАЗРУШЕНИЙ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ СРЕДСТВА ЭВАКУАЦИИ ВСЕ СВЕДЕНИЯ КЛАССИФИЦИРОВАТЬ СЕКРЕТНО ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПАНИКИ УЧИТЫВАЙТЕ ВОЗМОЖНЫЙ ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ЭФФЕКТ СОБЫТИЙ ДЛЯ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ СВЯЗЬ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ С НАШИМ ВЗЯТИЕМ ВЛАСТИ БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПРИСЫЛАЕМ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВРК БРИГАДИР ШОСВЕ

Князь Урао Као

У моей матушки сидел отец Фредерик, ее духовный наставник и близкий друг. У них сохранились странные сентиментальные отношения с тех времен, когда молодой Фредерик появился в наших краях распространять слово Божие и моя мать, тогда еще девушка, стала одной из наиболее преданных прозелиток в округе. Я подозреваю, что действительной причиной была влюбленность мамы в молодого иностранца — его фотография тех лет, умеренно аскетичная и умеренно скучная, висит в ее спальне. Я склонен рассматривать мамину набожность как выражение подавленных сексуальных эмоций. Несмотря на то что у нее было четверо детей, отец не баловал ее супружескими ласками и

супружеской верностью. У него было по крайней мере три младших жены, одну из них он открыто держал в Танги, и маму это шокировало не столько как ревнивую женщину, а как христианку, наблюдающую греховное падение человека.

Я не стал приближаться к старым друзьям, чтобы не подвергаться ритуалу приветствий, а с порога розовой гостиной информировал маму, что жду к вечеру гостей и полагаю, что ей не стоит выезжать сегодня в город: новая власть еще не установилась, в любой момент может начаться сопротивление, даже стрельба, на что мама ахнула, а отец Фредерик сообщил, что слушал радио из Бангкока, и там говорилось, что правительственные войска терпят поражение в южной провинции. Я знал министра внутренних дел и не верил в серьезность его сопротивления. Старый миссионер совершенно не разбирался в современной политике. Я решил подбросить ему приманку.

— Я слышал, что есть какой-то перст судьбы в том, что самолет, везший нового комиссара, разбился.

— Так говорят темные люди, — возразил Фредерик.

— Но говорят. Замечательный материал для проповеди.

— Негодный материал, — ответил смиренно отец Фредерик. — Военные привезли в город кусок крыла самолета. Он прострелен из пулемета. А пулемет такого калибра был у Па Пуо, который убежал от тебя, мой мальчик.

Про крыло я не знал. Мои люди проморгали то, о чем уже знает каждая старуха в городе. Это никуда не годится.

— Па Пуо убит, — сказал я.

— Дай Бог, — сказала моя мама. — На совести этого бандита было много грехов. Его именем пугали детей.

— Сплетни, — сказал я. В моей маме уживается христианское смирение с определенной долей мстительности — это от горных предков.

Значит, после того как я ушел, они взяли с собой кусок крыла. Мне об этом говорить не стали. И подозревают, что это дело Па Пуо. Значит, на совести старого бандита еще одно преступление. Что ж, грехом больше, грехом меньше — не играет роли. Хорошо, что я послал его на Линили. Нечего ему болтаться у нашего дома. Отправим его с грузом в Лигон, там у него все шансы случайно погибнуть — большой город куда более уединенное место, чем дикие горы.

— Что делают русские геологи? — спросил меня отец Фредерик. — В городе много говорят о них.

— Странно, — сказал я. — Есть куда более важные темы.

— Ты такой информированный, Као, — вмешалась мать. — Правда, что они смотрят, чтобы не было землетрясения?

— Это русские, мама. — Я старался говорить нравоучительно. — Я бы скорее поверил в то, что они устроят нам землетрясение.

— Не поняла. — Мама наморщила напудренный лобик. — Как так?

— Земля, мама, единый организм, все в нем связано. Если у нас дожди, в Австралии засуха. Если Москве грозит землетрясение, то надо выпустить его силу в другой точке земли...

Мать и отец Фредерик смотрели на меня, приоткрыв рты. Я вошел в роль. Впрочем, наука достигла таких высот...

— Откуда ты можешь это знать? — воскликнула мама. — Это же, наверно, военная тайна.

Она не посмела усомниться в моих словах, я ждал возражений отца Фредерика.

— А зачем правительству...

Я не дал Фредерику закончить вопрос:

— Одним ударом без всяких забот они уничтожают основной оплот оппозиции. Все мы погибаем и лишаемся имущества. Край разорен, люди бедствуют — и тогда сюда входят войска из Лигона.

— Какой ужас! — воскликнула мама.

Я знал, что к ленчу мама ждет жену опального губернатора и кое-кого из знатных дам. Она не удержится, чтобы не поделиться с ними новостями. Поэтому я строго добавил:

— Мама, умоляю тебя, никто не должен знать, что я об этом говорил.

— Что ты, Као! — Мать зазвенела браслетами. — Никто никогда не узнает, что об этом рассказал ты.

— Иначе у меня будут неприятности. Меня даже могут посадить в тюрьму.

— И все-таки у меня остаются сомнения, — сказал отец Фредерик. Не хватало мне его сомнений. Хотя они даже полезны, они укажут на слабые места в моей теории.

— Какие сомнения, отец? — спросил я.

И произнеся это обычное, тысячу раз сказанное слово, я вдруг задумался о его значении. А вдруг он в самом деле мой отец? Вдруг поклонение и восторг моей матери в адрес молодого миссионера не были столь невинны, как принято считать? Ведь еще в Кембридже мне говорили, что я похож на европейца. А вдруг?.. Зачем этот старик вернулся после войны в наши края?

— Решение пригласить русских геологов было принято давно. Ведь не будешь ты утверждать, что Джа Ролак в сговоре с бригадиром Шосве.

— Не утверждаю. — Я внимательно вгляделся в морщинистое лицо моего духовного отца. Что ж, пожалуй, у меня больше сходства с ним, чем с широколицым покойным князем Урао Варо. — Но разве старое правительство любило нас? Разве политики Джа Ролака не мечтали разделаться с последним гнездом свободы в нашей стране? Разве буддисты не ненавидели нас, христиан и анимистов, не подсылали к нам миссионеров, лишая нас древних привилегий?

В гостиную сунулся лакей в идиотской ливрее, заимствованной моей мамой из иллюстрированного журнала, посвященного коронации наследника престола в Иране.

— Господин князь, вас ждут.

Меня ждал посланец с юга. Я оставил стариков пережевывать идиотские новости. Идиотские ли? В наши дни мало кто осмеливается смеяться над чепухой, если на ней висит этикетка: «наука». А кто разбирается в науке? Ученые? Нет, они лишь с удивлением и страхом глядят на джинна, выпущенного ими из бутылки. А чем моя теория хуже других? Давайте, умники, опровергайте отсталого горного феодала. Но, пока не опровергли, моя теория существует — она находится под защитой презумпции невиновности. Итак, для того чтобы избежать землетрясения, надо устроить такое же в противоположной точке земного шара. Разве не убедительно? Надо будет нанять какого-нибудь голодного учителя, чтобы он украсил ее уравнениями, как рождественскую елку.

Меня ждал усталый, запыленный, загнанный человек. Этот человек опоздал.

Позавчера вечером он вылетел из Порт-Эдуарда на вертолете. Это был последний вертолет защитников правительства, а так как он мог понадобиться для бегства в случае поражения, им не стали рисковать. Вертолет высадил связного в ста километрах к востоку от столицы и вернулся обратно. Трижды посланец чудом спасался от засад и патрулей, падал в пропасть, горел в машине... и вот он здесь, с опозданием по меньшей мере на сутки. Не трясись его начальники о собственной безопасности, все могло бы сложиться иначе. Князья, жаждущие схватиться за оружие, узнали бы о союзниках на юге вчера утром. Я вряд ли смог бы их удержать. И не знаю, стал бы я их удерживать. Нельзя плыть против течения горной реки. Но сегодня я уже знал, что

министр внутренних дел с несколькими политиками и офицерами особой полиции намерен улететь из страны. Порт-Эдуард держат мальчишки из методистского колледжа и две сотни полицейских. Он падет через несколько часов. Я знал куда больше, чем серый от пыли и усталости связной, и мой приговор ему был вынесен до того, как я его увидел.

Он говорил мне о том, что наши братья бьются на юге, что каждая минута промедления... Наверно, я говорил бы то же самое, окажись на его месте. Ему нужно было оправдание тем невероятным усилиям и преданности проигранному делу, которые он потратил на то, чтобы добраться до меня. Ему и не могло прийти в воспаленную голову, что наши интересы, интересы гор, заключаются сейчас в сохранении сил, в полном невмешательстве. Пока.

И еще я думал о том, что даже у самого безнадежного дела есть свои подвижники и герои. Ну что ему мешало отсидеться где-нибудь у родственников или сдаться властям, ведь победители милостивы. В этом была какая-то недоступная моему развитому уму тупость. И этот герой проигранной войны был в моих глазах жалок.

— Идите отдыхать, — сказал я ему, потому что не время было говорить о бегстве его вождей. Мало ли чего он мог натворить в беспамятстве. — Я посоветуюсь с друзьями.

— Нельзя ждать...

Он был по-своему прав. Ждать было нельзя. Надо было изолировать посланца надежно, чтобы о его существовании не догадался кто-нибудь из горячих голов.

Я с чувством пожал мужественную руку связного и обещал ему принять решение в ближайшие часы. И, выйдя из комнаты, приказал обезвредить этого человека. Только без шума, уважая его преданность пустым идеалам.

Кстати, верю ли я в то, что русские могут предсказать землетрясение?

Лами Васунчок

Утром я пришла в больницу к отцу. Он был в палате один. Майор Тильви встал, поругался с врачом и ушел из больницы. Отец чувствовал себя лучше. Когда я была у него, он написал какое-то письмо и передал его с полицейским, который дежурил в коридоре. Потом при мне ему принесли еще одну записку, он

подчеркнул в ней какие-то строчки и переслал в комендатуру майору Тильви.

Я покормила отца, потом он спросил меня о Лигоне, как там произошел переворот, а я ничего толком ответить ему не смогла, потому что в ту ночь и утром думала только о лекарстве для него.

— Майор Тильви спросил меня, — сказал отец, — любишь ли ты молодого князя.

Я испугалась, что покраснею, потому что даже отец не должен спрашивать о таком у девушки.

— А почему он спросил?

— Он уверяет, что, когда князь пришел, ты прямо бросилась к нему на шею.

— Ты считаешь, что князь плохой человек?

— Не мне судить о нем. Мы разные люди. Моя работа — охранять закон, а он не друг закона... А что у тебя за знакомство с молодым князем?

— Ты же знаешь, отец, что я с ним давно знакома...

— Я никогда не одобрял твое увлечение теннисом. Это не дело для молодой девушки.

— Но, к счастью, никогда не мешал.

— У тебя нет матери, и я в ответе за твое поведение.

— Отец, ты не любишь князя и его друзей.

— Мы принадлежим к разным мирам. Он — знатный горец, мы с тобой — выходцы из долины.

— Но я не могу сидеть дома и ткать юбки, как моя бабушка. Не надо было отдавать меня в колледж и готовить в университет. Я люблю играть в теннис, и княгиня была так добра, что давала мне читать книги из библиотеки.

Это был давнишний спор. Отец никогда не запрещал мне делать то, что я хочу, но его очень огорчало, что я бывала в доме князей Урао, так что я старалась не рассказывать об этом отцу. Хотя он все равно знал.

— Не вскружил ли тебе голову молодой князь своими английскими костюмами и английской речью?

— Нет, отец, клянусь тебе, нет. Но он добрый человек и помогал мне, ничего не прося взамен.

— Чем помогал?

Я не ответила отцу. Я не могла сказать, что князь написал мне письмо в Лигон, в котором говорил, что скучает без меня и, если мне понадобится помощь, я могу обратиться к его другу господину Дж. Суну в гостинице «Империал». Я знала, что мой отец старается никому не быть обязанным. И, чтобы отец не говорил больше о князе, я сказала строго:

— Ты уже старый, отец. Когда ты перестанешь бегать по горам за бандитами?

— Когда уйду в отставку, — ответил отец.

Мы оба замолчали, думая о своем. Потом отец сказал:

— У меня к тебе просьба.

— Я рада выполнить любую твою просьбу.

— Я хочу, чтобы ты уехала на время из Танги.

— Я же так спешила сюда, ты болен...

— У тебя ведь сейчас нет занятий?

— Сейчас весенние каникулы. Но все равно в Лигон не летают самолеты. К тому же я никогда не сяду снова в самолет. Я уеду через Митили поездом.

— Я не прошу тебя вернуться в Лигон. Я хочу, чтобы ты поехала к почтенному Махакассапе.

— К дедушке?

— Да. Он стал совсем старый, никто не навещает его. Я хочу, чтобы ты отвезла дар монастырю в благодарность Будде, который не допустил моей смерти. Ты же знаешь, что, выйдя в отставку, я собираюсь постричься в монахи и поселиться в том монастыре и умереть хочу там...

Это была любимая тема моего отца после того, как умерла мама. Князь Урао говорил мне как-то: «У твоего отца гипертрофированное чувство долга. Он, подобно христианским святым, разрывается между двумя родами долга — долга перед правительством, который заставляет его носиться по горам, стрелять в контрабандистов, арестовывать воров, и долгом перед вечностью, который зовет его отряхнуть мирскую пыль и шадить все живое, включая надоедливых комаров». Тогда вечерело, вокруг звенели комары, и сравнение Као было очень образным.

Но я понимала, что отец думает не об одиночестве настоятеля и не о даре. Почему-то он считает, что мне небезопасно оставаться в городе.

— В городе неспокойно, и князья, которые недовольны Лигоном, в любой момент могут поднять восстание. Правда, я надеюсь, что Урао их переубедит.

— Вот видишь, отец, — сказала я. — Ты тоже думаешь...

— Урао умнее, а главное — образованнее остальных князей. Князья большей частью остались где-то в шестнадцатом веке, а он — детище нашего. И потому он опаснее их всех, вместе взятых.

Отец поднял руку, останавливая мои возражения.

— Конечно, мне будет спокойнее, если ты в эти дни побудешь в монастыре. Но, помимо этого, мне нужно, чтобы ты передала настоятелю письмо, которое я не могу доверить никому

больше, и узнала от него то, что он никому, кроме меня, не скажет. Почтенный Махакассапа отказался от суетного мира, но суетный мир близок к стенам его монастыря.

— И долго я должна быть в монастыре?

— Думаю, что нет. Несколько дней.

— Но тебе тоже опасно здесь оставаться. Если князья поднимут восстание...

— То меня защитит твой любимый князь. Он большой политик, и ты ему нравишься. А теперь расскажи о русских. Зачем они приехали? Что ты о них знаешь?

— Они очень приятные люди, — сказала я. — В городе я слышала, что они ищут золото, а потом военные построят здесь рудник и все золото отдадут русским.

— Быстро же они умудрились распространить нужные слухи, — сказал отец, но я не поняла, кого он имел в виду.

Когда отец убедился, что я покорилась, он достал из-под подушки уже заготовленное письмо, написанное неровным крупным почерком, положил его в белый конверт без адреса, заклеил и передал мне.

— Спрячь, — сказал он. — Я уже послал человека сообщить дедушке, что ты приедешь. Он ждет.

Отец заранее знал, что уговорит меня.

* * *

ШИФРОВАННАЯ РАДИОГРАММА

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПО НАШИМ СВЕДЕНИЯМ К КНЯЗЮ УРАО МОЖЕТ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ПРИБЫТЬ СВЯЗНОЙ С ЮГА С ТРЕБОВАНИЕМ НЕМЕДЛЕННОЙ ПОМОЩИ ПРИМИТЕ МЕРЫ ПО ПЕРЕХВАТУ СВЯЗНОГО УСИЛЬТЕ НАБЛЮДЕНИЕ

ПОЛКОВНИК ВАН

Юрий Сидорович Вспольный

Наверно, лишь я смотрел на окружающее свежим взглядом человека, который получает удовольствие от окружающей красоты. Как только мы миновали окраины города, дорога пошла серпантином вниз по крутому, заросшему лесом склону плато. Иногда навстречу попадались старые, перегруженные, размале-

ванные автобусы, на крышах которых громоздились корзины, ящики, тюки, и становилось страшно при мысли, насколько неустойчивы эти машины. На повороте дороги стоял рабочий слон и чего-то ждал. Володя ради него отвлекся от разговора с Отаром Давидовичем, с запозданием вытащил фотоаппарат и хотел остановить машину, чтобы сделать снимок. Отар Давидович совершенно справедливо отказал ему в этой просьбе как по причине узости дороги, так и потому, что мы еще не раз встретим рабочих слонов. Володя был разочарован, но его разочарование длилось ровно три минуты, после чего он с новым энтузиазмом включился в научный спор со своим начальником.

Иногда с поворота открывался вид на долину с громадным длинным озером. За озером поднимались лесистые отроги гор, и я вдруг понял, что именно там мы были вчера утром, именно там пролилась кровь и я пережил, быть может, самые напряженные секунды своей жизни.

Дорога распрямилась и пролегла далее через плоскую долину. По сторонам тянулись рисовые поля. Возле дороги в неглубокой канаве нежились буйволы. На их спинах дремали маленькие белые цапли. К счастью, Володя не заметил эти экзотические картинки, и мы благополучно миновали объект для съемок.

Через полчаса мы достигли небольшого городка, от которого расходятся под углом дороги на деревню Лонги и к отделенному от него хребтом озеру Линили. Мы остановились на несколько минут у небольшой лавки, перед которой в тени дерева стояли простые деревянные столы. Шофер и сопровождающий нас сержант Лаво попросили разрешения выпить чаю, и все с радостью согласились. Хотя я обычно не питаюсь в случайных придорожных заведениях, так как некачественное мытье посуды может привести к распространению амебной дизентерии, на этот раз я разделил с товарищами трапезу. Это не означает утери бдительности с моей стороны, но мне вдруг подумалось, что эта командировка принципиально отличается от предыдущих, ибо я выступаю в ней не только как сотрудник СОДа, но и как участник рискованного дела, и соображения гигиены отступают на второй план.

Пока миловидная девочка сомнительной чистоты руками собирала на стол, я заглянул в лавку, где продавались всяческая бакалея, лекарства, а также книги и журналы. Среди прочих выделялась обложка последнего номера журнала «Земля советская», издаваемого на лигонском языке нашим представительством. Знакомая обложка заставила на секунду сжаться мое серд-

це — это было похоже на нечаянную встречу с давнишним другом, который не бросил меня в этом далеком краю. Сентиментальное чувство принудило меня купить журнал и принести его на открытую площадку, где мои спутники уже принялись за сладкий с молоком чай, круглые кексики и слоеные пирожки, начиненные жгучей смесью мяса, лука, перца и других незнакомых мне ингредиентов.

— Вот, — сказал я, — занесло его сюда.

Я положил журнал на стол и тут же осознал, что мой жест может показаться хвастливым, но что поделаешь, если мои спутники занимаются здесь делом, а мне не хочется быть бездельником, мне желательно, чтобы чувствовалось, как я способствую развитию понимания и росту дружбы между лигонским народом и народами Советского Союза.

— Что это? — спросил Володя, глядя на изображенную на обложке девушку из балета на льду в кокошнике, украшенном блестками.

— «Собье Камзе», — прочел шофер. Это значило по-лигонски «Земля советская». — Хороший журнал, — сказал он.

Мне были приятны эти слова.

— Это вы здесь издаете? — спросил Отар.

— Надо же, — сказал Володя. И я понял по его тону, что ему, как часто бывает с представителями точных наук, наш скромный труд кажется более сложным и значительным, чем его работа. О, мир взаимных заблуждений и ложных представлений!

Чудесное это чувство: прохладное горное свежее утро, душистый чай, солнце, путающееся в листве старого дерева, темная поверхность влажных деревянных столов, домашние запахи жареного мяса и пряностей, долетающие из кухни, голубые горы, висящие, словно занавесы, со всех сторон, но не сужающие мира, а лишь подчеркивающие его законченность и совершенство...

Отар Давидович Котрикадзе

Вспольный принес журнал. Он был полон спокойной, достойной радости человека, который может показать нам, что и он не зря ест свой хлеб. Мы пили сладкий, крепкий, со сгущенным молоком чай, дул свежий ветерок, солнце пронзало лучиками листву старого дерева, и, если взглянуть вверх, казалось, что на дереве висят тысячи маленьких ярких солнц. Из кухни тянуло домашними вкусными запахами, и совсем близко зыбкой в ут-

реннем тумане голубой стеной поднимались горы. Но меня раздражала эта тишь, этот слишком спокойный и тихий мир, потому что он был ненастоящим, непрочным и конечным во времени, и я не мог отделаться от гнетущего апокалиптического предчувствия, заставлявшего меня видеть эти домики в развалинах, эту девочку, вытирающую мокрой тряпкой соседний столик, бегущей в ужасе по улочке, эти яркие журналы летящими, словно тропические птицы в порывах бури, и потому я сказал:

— Кончайте пить чай, поехали, а то жарко будет.

Этим я, по-моему, расстроил наших солдат, мирно прихлебывавших чай и ведших какой-то тихий неторопливый деревенский разговор, и даже Юрия, настроившегося на созерцательное и благодушное настроение.

Юрий Сидорович Вспольный

Мы расплатились, вернулись к машине. Сухие раздраженные слова профессора Котрикадзе разрушили очарование утра, и я с некоторой грустью подумал о том, как черствеет душа человека, не способного ощутить красоту и благородство этого мира. Два старика, сидевшие за соседним столом, проводили нас равнодушными взглядами. По дороге мимо нас, не останавливаясь, проехал потрепанный «Фольксваген». Я не заметил, кто в нем, но Володя вдруг поднял руку и помахал вслед машине. Мне показалось, что в ответ мелькнула в окне белая рука.

— Кто это? — спросил Котрикадзе.

— Это Лами, — сказал Володя. — Разве не узнали?.. Лами, — повторил он. Ему нравилось, как звучит это слово.

Котрикадзе попросил остановить машину на берегу речки, у нового бетонного моста. Они спустились с Володей к самой воде, а я остался в машине, открыл записную книжку, чтобы описать утренний чай в городке возле Танги и мои мысли по поводу окружающей природы. Стало теплее, над нами на головокружительной высоте парил орел. Сержант Лаво читал журнал «Земля советская», шофер копался в моторе. Когда геологи вернулись, Отар сказал:

— Было бы побольше датчиков, мы бы всю долину засеяли.

И мы поехали дальше, чтобы остановиться через два километра и стоять в задумчивости на краю обрыва, выбирая места для датчиков. Порой я выходил из машины вместе с геологами, порой оставался, стараясь им не мешать. К полудню, когда солнце начало жарить вовсю, а ветерок стих, мы оказались на

юго-западном берегу озера Линили. Теперь лишь горный хребет отделял нас от тех мест, где наш самолет обстреляли бандиты.

Дорога поднялась на вершину пологого холма, и мы вышли из машины, чтобы поглядеть на открывавшийся вид.

Действительно, озеро Линили заслуживает того, чтобы его называли жемчужиной лигонских гор. Оно занимает дно плоской котловины и тянется с севера на юг километров на двадцать, стиснутое горным хребтом, у подножия которого проходит дорога, и обрывом плато, на котором расположен Танги. Его небесная голубизна, заросли тростника у плоского северного берега, где в озеро впадает река, редкие деревни по берегам, квадратные паруса рыбачьих лодок и белая пагода на островке, окруженная купами бамбука, подчеркивают первозданную красоту и покой, царящий над этим водоемом.

* * *

Капитану Васунчоку

По моему мнению, Па Пуо жив. Его встретил в саду князя приезжий из Лигона директор Матур, который прошедшей ночью посетил князя. К князю приехал связной с юга с просьбой немедленно поднять силы княжеств для удара по военному правительству с двух сторон. Связного больше никто не видел. Полагаю, что князь не хочет, чтобы связной встретился с другими членами совета правителей. Поверьте моему опыту — князь не пойдет сейчас ни на какие открытые действия против правительства, так как понимает, что военные могут воспользоваться ситуацией, чтобы установить в горах прямое правление.

Без подписи.

* * *

РАПОРТ

Капитану Васунчоку

Следуя вашему указанию, я лично в сопровождении капрала Кхун верхами отправился к известной поляне на реке Лонги с целью обнаружения на ней следов людей.

При обследовании поляны нами обнаружены в кустах два спрятанных и присыпанных листвой и землей парашюта, один из которых мы взяли с собой. Там же, в кустарнике, нами обнаружены гильзы от крупнокалиберного пулемета и окурки. Я пришел к выводу, что на поляне недавно находились несколько человек, вооруженных пулеметом, из которого они стреляли. Мы

нашли у реки следы, которые говорят, что эти люди пришли через перевал с озера Линили.

Подозрительных людей в Лонги и окрестностях в последние дни мы не встречали. Вернее всего, это люди из долины.

На ваш запрос о самолете ответить точно не можем, некоторые в деревне говорили, что слышали самолет, но могли ошибаться. Тем более что, следуя вашему приказу, я вел это расследование негласно.

Начальник поста в уезде Лонги сержант Фен Тони.

Направляю вам:
парашют неизвестного изготовления — 1,
гильзы от крупнокалиберного пулемета — 3,
окурки от сигарет лигонского производства — 2.

* * *

Князю Урао Као

Сегодня полицейский начальник с капралом ездили утром по реке. Вернулись в полдень. Что-то привезли. Потом капрал с тюком поехал в Танги. После приезда сержант спрашивал у людей, кто слышал или видел чужой самолет. У сержанта был приказ из Танги. Он так говорил. Сержант сам слышал самолет, но боится наших людей. Про Па Пуо он не скажет.

Лами Васунчок

Я ехала в монастырь в стареньком папином «Фольксвагене», которым правил полицейский. Полицейский должен был завтра вернуться в Танги с ответом от дедушки Махакассапы. Мне было грустно уезжать из города, хотя ночью страшно спать одной в пустом доме. Я была расстроена, что не пойду вечером к старой княгине, приглашение которой мне передал князь Као, мне было жалко, что я больше не увижу молодого русского геолога, и не хотелось верить, что он ищет золото, чтобы потом украсть его у лигонцев.

Когда мы проезжали городок Линили, я увидела, что в тени за столиком пьют чай русские геологи. Мне показалось, что молодой геолог обернулся и узнал меня. За столом с русскими сидели солдаты, наверно, их охрана, а неподалеку стоял джип из комендатуры. Значит, правда, что военные заботятся об этих русских.

Мы ехали по берегу прекрасного озера Линили, с которым у меня связано столько хороших детских воспоминаний, когда мы все — папа, мама и я — в воскресенье выезжали из города, потом брали лодку до деревни и смотрели, как рыбаки ловят рыбу, заходили в дом, где живет мастер, который лучше всех умеет делать серебряные браслеты со слонами и тиграми, а потом доплывали до островка, посреди которого стоит белая пагода, и отдыхали под темным деревянным навесом. Отец с матерью зажигали желтые свечи на покрытой оплывшим воском приступочке у пагоды, а я ставила в медный горшок привезенные из Танги цветы.

Мы миновали остров, но за деревьями не было видно, есть ли кто-нибудь у пагоды. Может, такая же, как я десять лет назад, девочка расправляет цветы, чтобы им вольнее было жить в медном кувшине, полном прозрачной холодной озерной воды. Но мне уже никогда не вернуться на этот остров и никогда уже не почувствовать этой безмятежности. Никогда после смерти мамы.

Дорога ушла от озера, и мы долго ехали в зеленом полутемном коридоре, а где-то за горами была та поляна...

Потом «Фольксваген» сразу выехал на деревенскую улицу. Худая бурая свинья перешла дорогу, в тени дремали серые волы, и хромая собака бежала в пыли за машиной. За деревней потянулись мандариновые деревья — это уже был монастырский сад. Когда-то в деревне жили монастырские рабы, но их лет сто назад освободили, они стали такими же крестьянами, как и жители других деревень, но все равно ухаживали за монастырским садом и ловили для монахов рыбу на озере, а за это брали себе часть урожая и возили мандарины на базар в Танги.

Машина свернула на дорожку за невысокую полуразрушенную старинную ограду и остановилась. Ворота в монастырь были открыты, и внутренняя ограда кое-как подновлена и даже побелена известкой. Я оставила в машине сандалии и сумку с даром отца — позолоченным бодисатвой, который всегда стоял у него в комнате. Два молодых любопытных монаха в оранжевых тогах вышли на дорожку и смотрели на меня, как на кинозвезду. Полицейский возился со шнурками ботинок. Передо мной расстилался устоявшийся мир буддийского монастыря, вокруг которого могут бушевать войны, пролетать столетия, а внутри меняются лишь лица монахов, и братья, племянники тех, кто провел здесь жизнь, будут сменять их и так же будут выходить утром за подаянием или, раскачиваясь, твердить бесконечные сутры в большой прохладной комнате.

Дедушка вышел мне навстречу. Он стал совсем старенький, и на бритой его голове, словно сияние, реял редкий серебряный ежик волос, а борода из нескольких белых волосков стала длиннее. Я поставила перед дедушкой на землю статуэтку и низко поклонилась ему. Один из монахов подобрал статуэтку и стоял рядом, ожидая приказаний.

— Моя внучка будет жить в доме привратницы, — сказал пандит Махакассапа. — Как доехала? — спросил он потом.

Дедушка Махакассапа очень уважаемый человек. Его все знают в Танги, и, когда самые главные настоятели собираются в Лигоне, дедушка тоже ездит туда, потому что он пандит и знает наизусть всю трипитаку. Он мне не родной дедушка, а двоюродный или даже троюродный, но это неважно, он все равно как родной. И когда мой отец был послушником, и когда мои дяди были послушниками, они все жили в этом монастыре и учились в монастырской школе, потому что тогда не было городских школ. Когда-то дедушка был военным и воевал с англичанами, даже командовал отрядом, и англичане объявили большую награду за его голову. А после разгрома сопротивления дедушка скрылся в монастыре, принял постриг и изменил имя. Когда пришли японцы, он укрывал в монастыре партизан, и японцы даже держали его в тюрьме и допрашивали в кемпетаи, но потом отпустили, потому что за дедушку вступились влиятельные люди и японцы не стали с ними ссориться.

— Мне нужно поговорить с вами, дедушка, — сказала я.

— Знаю, — ответил он. — Идем ко мне в комнату.

* * *

Почтенный пандит Махакассапа!

Да будет к тебе благосклонно небо!

Прости, что пишу кратко. В том виновата моя рана. Еще раз спасибо за то, что ты оказал мне помощь, когда меня ранили, и не дал мне умереть.

Я посылаю с этим письмом Лами, которая приехала из Лигона. Я не хочу, чтобы в такое сложное время она жила одна в городе, где у меня есть враги. Девочку могут похитить или обидеть. Я прошу тебя дать ей кров и защиту.

Когда я был ранен, ты обещал узнать о людях в пещерах и про груз. По моим сведениям, новый груз прибыл с севера днем 10 марта и был переправлен на Линили в тот же вечер.

Прости еще раз, почтенный пандит, за то, что беспокою тебя мирскими заботами, но дело тех людей неправое.

Надеюсь, что скоро смогу присоединиться к тебе в монастыре Пяти золотых будд и завершить тем самым круг моих земных страданий.

С уважением, Васунчок.

Владимир Кимович Ли

Мы остановились в маленькой лесной деревеньке неподалеку от озера. Мотор заглох прямо посреди единственной тенистой улочки, и две женщины, шедшие от колодца с глиняными горшками на плечах, остановились, с любопытством глядя, как наш шофер по пояс исчез в моторе.

Наконец он высунулся оттуда и жизнерадостно информировал нас, что придется загорать. Я предложил было свою помощь, но мне было сказано, что обойдутся без нее. Сержант Лаво, способность которого к перманентному сну просто удивительна, продрал глаза и сообщил, что мы будем отдыхать в монастыре Пяти золотых будд, а тем временем наш шофер справится с временными трудностями.

По обочине пыльной дороги мы пошли вдоль ухоженного сада, мимо полуразрушенной кирпичной ограды и наконец оказались у открытых ворот монастыря, где в тени стоял «Фольксваген», в котором часа три назад я видел Лами.

Я это предчувствовал. Когда я увидел «Фольксваген» у ворот монастыря, я ничуть не удивился.

Сверху, с горы, налетел ветер, зашуршал листьями. Монах в оранжевой тоге стоял у ворот и смотрел, как мы снимаем ботинки (так положено у буддийских святых мест). Монах провел нас в большое деревянное здание. Дерево, темно-серое с серебристым отливом от старости, было покрыто грубоватой, но выразительной резьбой.

В большой пустой комнате (если не считать нескольких статуй, глядевших на нас с возвышения) стоял круглый низкий стол, вокруг которого были разложены циновки. Мы расселись вокруг, несколько монахов вошли в комнату и устроились на корточках возле входа, глядя на нас внимательно и иногда перешептываясь. Монахи были большей частью молодые, здоровые и бритые, как новобранцы. Старик в широких серых штанах до колен принес поднос с мутным оранжадом, что меня разочаровало — могли бы угостить чем-нибудь более экзотичным, чем синтетический городской напиток. Я все время поглядывал в

широкие без стекол окна, на пересеченную полосами теней и солнца площадку перед белой пагодой, надеясь увидеть Лами.

Чувствовали мы себя довольно неловко. Вспольный начал было читать нам популярную лекцию о распространении и роли буддизма в Лигоне, но скоро замолк.

Тут появился древний хрупкий сказочный старичок с редкой серебряной бородой, в застиранной, когда-то оранжевой тоге. Монахи сразу вскочили, как дети, которых учитель застал за бездельем, солдат низко поклонился старику, мы встали.

— Садитесь, — сказал старик по-английски. — Отдыхайте. Я рад, что вы пришли сюда. — У него был глубокий, звучный молодой голос.

Солдат стал объяснять старику, что у нас сломалась машина, и старик ответил, что знает об этом. Этот старик вообще обо всем знал, монахи и солдат принимали это как обычное проявление его всепроникающей мудрости, а я подозревал, что ему рассказала о нас Лами.

— Вы геологи, — сказал старик, усаживаясь на циновку, — из России.

Он не спрашивал, а констатировал.

— И что же вы ищете в наших краях?

Ну конечно же, Лами не знает, что мы сейсмологи. Я повернулся к Отару.

— Мы ничего не ищем, — сказал Отар. — Мы изучаем землетрясения, чтобы установить, не грозит ли новое бедствие.

Старик спросил:

— А вы не ищете золото в наших краях?

— Разве здесь есть золото?

— В горных речках находят золотой песок. Люди в Танги говорят, что вы ищете золото.

Здесь вмешался наш сержант. Он произнес длинную речь, полагаю, в нашу защиту, потому что Вспольный, который приподнялся было на циновке, сел обратно и согласно кивал головой, как мудрый слон.

— Правильно, — сказал старик, обернувшись к нам, когда сержант завершил свой монолог.

— Можно задать вам несколько вопросов? — сказал Отар.

— Я всегда готов ответить гостям.

— Скажите, когда здесь в последний раз было землетрясение?

— Большое или маленькое? — спросил старик.

— Расскажите обо всех.

Монахи переползли к нам поближе.

— Когда я был мальчиком, — начал старик, взяв в костлявый

кулачок свою бородку, — неподалеку отсюда, за монастырем, была большая скала...

Отар разложил на столе карту.

Минут через пять я осторожно поднялся с циновки и вышел наружу. Меня не задержали, только один из монахов выскочил вслед за мной и показал рукой на купу деревьев за площадкой, ложно истолковав мои желания.

Я подошел к воротам. «Фольскваген» стоял там. По теплому песку дорожки было приятно ходить босиком. Я присел на камень и закурил.

— Здравствуйте, — сказала, бесшумно подойдя, Лами.

Она села неподалеку от меня на другой камень. На ней были широкие черные брюки и белая блузка. Она показалась мне давнишней хорошей знакомой, будто мы с ней познакомились в Ташкенте и теперь вот встретились на курорте. И мне было приятно, что она не стесняется...

— Вы зачем рассказали старому монаху, что мы ищем золото? — укорил я ее.

Потом мы с ней обулись и пошли гулять в сад. Она рассказывала о своем отце, я тоже ей что-то рассказывал. Мы не все понимали, но нам было интересно. И когда мы увидели, как к монастырю едет наш джип, я даже огорчился.

Мы попрощались с Лами в роще, нам обоим не хотелось, чтобы нас видели вместе, — это наше личное дело и никого не касается. Я узнал, что Лами несколько ближайших дней будет жить здесь, у дедушки Махакассапы, и обещал приехать. На берегу установлены наши датчики.

* * *

Джонсону, портье в гостинице «Эксельсиор»

Займись наблюдениями за русскими. Ни в коем случае не мешай их работе. Сообщи, как только у них будут новости. Пускай работают спокойно. Скажи Ахмеду, чтобы установил микрофон в их номере. Обрати внимание на их встречи с майором. Держи меня в курсе дела. Записку сожги.

Князь Урао Као

Обед с князьями и вождями был длинным и утомительным. Я знал, что в конце концов уговорю их воздержаться от активных действий, но это далось нелегко. Хорошо еще, что я успел перехватить связного с юга. Его призывы могли оказать плохое

влияние на горячую голову вождя Па Кратенга, который вооружил сотню молодцов и полагал, что с их помощью навсегда освободится от опеки Лигона.

Меня беспокоило отсутствие сведений из столицы. Сун молчал. Я знал, что по расписанию груз должен уйти на гонконгском пароходе 15-го числа, для этого ему нужно было покинуть пещеру еще сегодня утром.

После совещания меня позвала к себе мать, но я вынужден был сначала встретиться с человеком, которому я передал часть долларов, привезенных Матуром и чудом спасенных от моих же собственных недостойных бандитов. Оружие доставит делец из Сингапура, которому выгоднее быть честным. Мне надоело иметь дело с первобытными людьми, с первобытными инстинктами, первобытными страстями и современной ненадежностью. Как-то отец Фредерик доказывал мне, что беда моих соотечественников не столько в их отсталости, сколько в том, что они эмоционально разодраны между законами прошлых веков и современностью. В первую очередь это относится к тем воинственным молодцам, которых двадцатый век лишил естественных для них набегов, схваток и заставил искать другие занятия. Бывшие воины пополняют городское дно, поставляют кадры в преступный мир и готовы наняться к кому угодно, лишь бы взять в руки винтовку и броситься за добычей... Отца Фредерика отличает определенный цинизм, прикрытый, я бы сказал, языески понимаемой христианской моралью. Странно, что моя мать не раскусила этого разуверившегося во всем человека, который не нашел себе места в Европе и вернулся, чтобы убедиться, что и здесь его услуги никому не нужны...

От Матура тоже никаких вестей. Мне донесли с почты, что он обменялся несколькими телеграммами с Лигоном — решил в этой суматохе урвать кусок и для себя, а именно спичечную фабрику. Я на него не в обиде. Все-таки он прибежал ко мне и рассказал о землетрясении.

Меморандум

Мы, наследственные князья и вожди округа Танги, пограничных трактов и верховьев Кангема, торжественно объявляем о своей полной и безоговорочной поддержке Временного революционного комитета Республики Лигон и выражаем глубокую

уверенность в том, что новое прогрессивное руководство страны будет действовать в соответствии с интересами всех племен и народов, ее населяющих, уважая традиции и обычаи всех без исключения граждан нашей многонациональной родины. Мы выражаем надежду на то, что трения и взаимонепонимание, существовавшие между горными народами и правительством Лигона, вытекавшие из вопиющих случаев нарушения внутреннего суверенитета этнических меньшинств, будут пресечены и новые пути к взаимопониманию и общему благосостоянию будут открыты перед нашими согражданами...

Князь Урао Као

Мне потребовалось два часа отчаянных уговоров, прежде чем они согласились подписать эту ничего не стоящую бумагу, дающую нам нужную отсрочку.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

МЕЖДУНАРОДНАЯ. ИЗ МОСКВЫ 12 МАРТА 13 ЧАС 40 МИН МОЛНИЯ ЛИГОНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ГОРОД ТАНГИ ПРОФЕССОРУ КОТРИКАДЗЕ /ЧЕРЕЗ МИНИСТЕРСТВО ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ШАХТ/ (ПО-РУССКИ ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ)

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАМЕРЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ КРИТИЧЕСКИЕ НАПРЯЖЕНИЯ ЭПИЦЕНТРОМ ТАНГИ СИДОРОВ ПОЛАГАЕТ ОЧАГ ГЛУБИНЕ СОРОК ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ОПРЕДЕЛЯЙТЕ ИЗОСЕЙТЫ ИСХОДЯ ЭТОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ВСТРЕВОЖЕНЫ ОТСУТСТВИЕМ ВЕСТЕЙ

КОЛОГРИВОВ

* * *

С телеграфа
Князю Урао Као
Из Лигона на имя профессора Котрикадзе пришла шифрованная телеграмма. Так как отправлена она через Министерство шахт, ее получил и повез русским майор Тильви.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПОЯС

«...Третья ветвь не входит в тихоокеанский пояс. С нее начинается другой большой сейсмический пояс земного шара, а именно евразийский, или альпийский... От Зондских островов евразийский пояс проходит вдоль западного побережья Бирмы, достигает Гималаев и твердо поворачивает на запад вперед. ...Страдающие от землетрясений острова Ява и Суматра отвесно поднимаются над глубочайшими подводными впадинами. В том же районе находится одна из самых изученных геосинклиналий. Образовавшиеся в ней складки и разрывы лучше всего объясняют частые землетрясения...»

Пьер Руссо. Землетрясения. Париж, 1961.

* * *

Директору Матуру

Не пытайся скрыть от меня свои дела со спичечной фабрикой. Я недоволен очередным предательством. Постарайся поменьше думать о своей выгоде. Господин Сун зол на твое поведение в день переворота. Тебе придется всерьез подумать о ценности собственной жизни. Не могу же я вечно отводить от твоей головы опасность. Ближайшие дни полностью посвяти русским геологам. Дружи с ними, будь им полезен, если нужно, перейди в коммунизм и ходи по улицам с красным флагом. Мне нужно (и тебе тоже) знать как можно скорее и точнее:

1. Действительно ли русские намерены предсказать землетрясение или они занимаются военной разведкой?

2. Если они те, за кого себя выдают, насколько им можно верить? Как известно, человек не может угадать день своей смерти и час землетрясения.

3. Когда начнется землетрясение? Сильное оно или слабое?

Внимательно следи, где они будут устанавливать свои приборы. Ты должен точно знать их расположение.

Ни в коем случае не появляйся больше в моем доме. Сведения передавай ночному портье в гостинице Джонсону. В крайнем случае обращайся к коменданту капитану Боро. Однако, если его провалишь, лишишься головы. Несмотря на нашу старую дружбу, должен тебя предупредить, что государственные соображения заставляют меня значительно выше ценить помощь капитана, чем твою, дорогой Матур.

Записку сжечь в присутствии моего посланца.

Урао Као.

* * *

РАСПИСКА

Дана мною, капитаном Боро, князю Урао Као в получении от него десяти тысяч ватов для помощи бездомным детям и других благотворительных целей.

Капитан Боро, 12 марта 1976 г.

* * *

Дорогая Лами!

Моя мама вне себя от горя, что ты не нанесла нам визита и так неожиданно убежала из Танги. Только сейчас мне стало известно, что отец отправил тебя в монастырь Пяти золотых будд. Могу только приветствовать его мудрое решение — в такие тревожные времена лучше быть в стороне от событий. Зная недостаточно теплое (незаслуженное) отношение ко мне твоего отца, не смею предложить тебе гостеприимство нашего дома, однако будь уверена, что в любой момент двери его для тебя открыты. Как жаль, что ты лишилась верного теннисного партнера!

Прими, пожалуйста, вместе с этим письмом небольшой букет роз из нашего сада. Считай его совместным подарком от меня и моей матери.

Вечно твой Урао Као.

Отар Давидович Котрикадзе

Мы вернулись вечером, выбрав точки для установки датчиков и определив на глазок сейсмически наиболее интересные места. Володя сразу уехал в мастерские. Меня ждал майор Тильви. Он принес телеграмму из Москвы. Я перевел ему телеграмму на английский, и это встревожило его. Я полагаю, что на него жмут из Лигона. Я чувствую себя в положении недоброго вестника. Когда-то таких гонцов немедленно убивали, как бы отождествляя их с самим бедствием. Я никак не хотел умалять интеллекта майора Тильви, но в его глазах явно горел зловещий огонек.

— Кто-то распустил новый слух по городу, — сказал он.

— Я знаю. Мы ищем золото, чтобы увезти его домой.

— Нет, хитрее. Вы собираетесь устроить здесь землетрясение.

— Устроить?

— Да. Будто бы землетрясение должно быть в России, но ес-

ли вы его выпустите здесь, то тогда избавитесь от беды у себя дома.

— Остроумно, — сказал я.

Майор подошел к окну и посмотрел на грозовые тучи, висящие над горами.

— Не сегодня-завтра начнутся дожди. Здесь они начинаются раньше, чем в долине. Горы как бы стена, о которую ударяются тучи. А где господин Ли?

— Он в механических мастерских.

— Нужна помощь?

— Капитан Боро все обеспечил.

Майор Тильви подошел к двери и потрогал пальцем шнур, ведущий к выключателю.

— Я хочу знать, где будут стоять ваши приборы. Человек, распускающий слухи о том, что вы хотите сделать землетрясение, знает, чего добивается. Если темные люди послушают его, они могут причинить вам вред. Так я и знал...

Майор подковырнул ногтем тонкий проводок, бегущий параллельно основному проводу, и дернул за него. Клочок обоев отлетел, и в кулаке майора оказался черный жук. Он раскрыл ладонь и показал мне жука. Это был микрофон.

— Так что, я думаю, у нас нет от них тайн, — сказал он буднично. — Кто заходил в эту комнату?

— Кто угодно, — сказал я. — Нас не было весь день.

— Я разберусь, — сказал майор. — Итак, где вы будете устанавливать свои приборы?

Мы с Володей договорились в принципе о распределении нашей поредевшей техники. «Искру-12-бис», один ультрасейсмоскоп и прочую вычислительную технику мы оставляем в Танги. Второй сейсмоскоп желательно установить на островке на озере Линили, там же — два или три датчика. Последний датчик мы установили на берегу за монастырем.

— Очень далеко вы все раскидали. — Майор был недоволен.

— Это минимальное расстояние. Без трех точек нам не обойтись. Один из нас останется в Танги, наверно, я. Володя отправится на озеро.

— Очень далеко, — повторил майор. Он не спорил, он был озабочен. Майор крутил в пальцах микрофон, думал... Потом сказал: — Наверно, в гостинице неудобно ставить приборы. Тесно и слишком много ушей...

Я молчал.

— Я договорился об одном доме. Это дом начальника полиции. Он стоит на окраине города, совершенно изолирован, и мне легче его охранять.

— А как хозяин дома?

— Он порядочный человек, — сказал Тильви. — Он сейчас в госпитале. Он ранен контрабандистами.

— Хорошо, — сказал я.

Тильви повернулся, чтобы уходить, а потом вспомнил и от двери сказал:

— Этот полицейский начальник — отец Лами. Она везла ему лекарство.

— Она в монастыре, — сказал я.

— Васунчок говорил мне. Он считает, что у пандита ей безопаснее, чем одной в городе. Кстати, и я когда-то жил у него в монастыре...

— Он мне очень помог. У него отличная память. Он рассказал мне обо всех землетрясениях за пятьдесят лет и даже показал на карте наиболее сильные разрушения. Это очень помогло нам в выборе мест.

Майор попрощался, его башмаки застучали по коридору, и сквозь полуотворенную дверь я услышал высокий голос директора Матура:

— Добрый вечер, дорогой господин майор. Навещали наших общих друзей?

Я подумал, что придется провести ужин в компании Матура. Он наверняка подстережет нас, чтобы еще раз выразить свое восхищение успехами нашей великой страны.

Юрий Сидорович Вспольный

Как только я вошел в холл гостиницы, предупредительный портье господин Джонсон сообщил, что меня два раза вызывал Лигон, советское посольство, и будут снова звонить через полчаса. Я был весь в пыли и поту после утомительного путешествия, но не решился подняться к себе, чтобы не пропустить разговор с Лигоном.

Сидя у старого поцарапанного телефона в холле гостиницы, я обдумывал, что скажу Ивану Федоровичу.

Но, к моему разочарованию, я услышал в трубке голос Саши Громова.

— Как у вас дела, Пиквик? — спросил он. Слышно было хо-

рошо. Я подумал, что наш разговор обязательно прослушивают и его неуважительное обращение может быть ложно понято местными директивными органами, как выражение непочтения ко мне со стороны посольства.

— Вы, Саша, в своем репертуаре, — сказал я резко.

— Извини, Юрий Сидорович. Я забыл, что ты у нас начальник. Слушай, Иван Федорович беспокоится, как вы там, обеспечены ли всем необходимым, как работается?

— Все в порядке, — сказал я сухо. В разговоре с самим Иваном Федоровичем я был бы более многословен.

— Страшно было гробануться с небес?

— Умеренно, — сказал я. — Я об этом уже забыл.

— Счастливец, — неуместно иронизировал Саша. — Другим только в самом конце жизни удается разбиться в самолете. Иван Федорович интересуется, не прислать ли тебе кого-нибудь на подмену? Вернулся из отпуска Ногтев....

— Спасибо, — сказал я. — Справлюсь.

— А что, скоро намечается... событие?

— Скоро.

— Что передать Ивану Федоровичу? Нас не тряхнет?

— Передай, что мы выполняем свой долг, надеемся, что не подведем тех, кто доверил нам важную задачу.

— Господи, Юрий, ты опять читаешь мне передовицу?

— Что в СОДе? — спросил я.

— Хорошо. Твой шеф вышел на работу. Передает тебе привет. Деньги нужны? Мы перевели на твое имя тысячу ватов. Говорят, в Танги очень дешевое серебро. Тут вот Люся моя просит — поищи ей браслетик.

— У нас одно осложнение, — сказал я, сделав вид, что не расслышал нетактичного намека. — Группа завтра разделяется. Профессор Котрикадзе остается в Танги, а товарищ Ли уезжает в горы, в монастырь, с частью аппаратуры.

— А в чем осложнение?

— С одной стороны, мое присутствие в Танги и связь в нужный момент с посольством могут оказаться весьма важными, кроме того, может возникнуть нужда в переговорах с местными властями...

— Котрикадзе хорошо знает английский?

— Отлично.

— А Ли?

— Посредственно.

— И там, в монастыре, он будет один?

— Разумеется.

— Я не могу тебе приказывать, но могу дать совет: наверно, Ли будет без тебя труднее, чем Котрикадзе. Ты сам как думаешь?

Мы попрощались, и я повесил трубку. Пожалуй, я зря поднял этот вопрос в разговоре с Громовым. В конце концов, он не компетентен в подобных вопросах.

Владимир Кимович Ли

Утром тринадцатого марта мы переехали в пустой дом на окраине Танги. Дом был небольшой, но двухэтажный. Нам хватило гостиной внизу и веранды. Пока электрики тянули к веранде силовой кабель, а армейский радист устанавливал рацию, я поднялся наверх. Я не собирался ходить по чужим комнатам. Мне только хотелось увидеть ту, в которой жила Лами. Наверху было всего две комнаты. В одной, побольше, стоял письменный стол, на стене висели две фотографии — грустной женщины, похожей на Лами, и самой Лами, еще девочки, с двумя тугими косичками, торчащими в разные стороны. Это была комната ее отца. Во второй раньше жила она. Комната была пустой, прибранной, за окном на толстой ветке висели гнезда ткачиков, похожие на груши, и птицы суетились у подоконника. Лами мне рассказывала про этих птиц. В комнате сохранился ее необычный пряный аромат. Я спустился вниз.

Часов в двенадцать мы выехали на джипе к озеру. Вспольный всю дорогу дулся, видно, не хотелось ему уезжать из Танги, но чувство долга пересилило. С нами ехал радист, сонный Лаво с термосом и автоматом и еще один солдат.

В тесноте, но в согласии мы добрались до деревни у монастыря, оставили там сержанта Лаво договариваться о лодке, потом мимо монастыря по разбитой повозками безлюдной дороге проехали километра три. Здесь, на широкой пологой террасе, с которой открывался великолепный, как в рекламном туристском проспекте, вид на озеро и горы за ним, в светлой звенящей сосновой роще поставили палатку, в которой установили датчик. Это заняло около часа. Вспольный заявил, что, когда выйдет на пенсию, построит себе здесь дачу и будет писать мемуары. Я решил, что он смирился со своей участью. Оставив при приборах солдата — он тут же разложил небольшой костер и повесил на него мятый алюминиевый чайник, — мы вернулись в деревню, где застали в полном разгаре битву между сержантом Лаво и

местным старостой. Лаво наседал на старика, грозя всевозможными карами, но тот отвечал длинными убедительными речами, которые зарождались где-то в складках его живота и выползали наружу, как рокот отдаленного барабана. В конце концов Лаво сдался и отсчитал старосте пачку казенных ватов. Староста долго мусолил деньги, жалел, что не заломил больше, потом повел нас по узкой тропинке вниз, к озеру, где в бухточке стояла моторка, на корме которой спал здоровый молодой парень.

— Мой сын, — торжественно прогудел староста, звеня серебряными браслетами.

— Стал бы он торговаться за чужого, — прокомментировал это заявление мрачный Лаво, который переплатил и рассматривал свою оплошность как поражение армии.

Мы умаялись, перетаскивая аппаратуру из машины в лодку, но бережливый Лаво отказался привлечь на помощь физическую силу деревенских жителей.

Наконец перегруженная длинная моторка отчалила. Вспольный остался на берегу и объяснил мне, что не хочет перегружать корабль и топить аппаратуру. Борта были почти вровень с водой, и я понимал его опасения, хотя мне пригодились бы на острове его лингвистические познания. Увидев, что мы бросили на берегу такого важного и такого белого господина, староста все-таки расчувствовался и пригнал (бесплатно) жалкий челнок, который предоставил в распоряжение Вспольного. На потном и красном от горного загара лице Юрия Сидоровича отражались душевные страдания. Староста смело ткнул веслом в воду, челнок черпнул воды, Вспольный зажмурился, и они отправились вперед на утлом суденышке, а наш моторист все еще дергал за шнур, вызывая к жизни мотор. Мы обогнали челнок метрах в ста от берега, Вспольный вяло помахал нам вслед и тут же вновь вцепился в тонкий борт.

Видно, люди редко приезжали на островок. Моторка подошла к шатучим деревянным мосткам, которые далеко выдавались в озеро. Какая-то птица умудрилась свить гнездо прямо на мостках, в широкой щели между досок. Она обиделась на нас за вторжение и кружилась над самыми головами, выражая недовольство криками. Полоска песка, отвоеванная волнами у травяного откоса, была чистой, лишь следы птичьих лап и маленькие холмики вокруг крабьих норок свидетельствовали о кипучей жизни. Устланная лопнувшими каменными плитами дорожка вела вверх, где в чаще коренастых деревьев стояла пагода, давно не крашенная, с кирпичными проплешинами на белом теле. За

пагодой берег острова обрывался скалой вниз и уходил глубоко в воду. Высота обрыва была метров десять. Дальше, до самых гор на том берегу, километров на семь-восемь протянулась ровная голубая поверхность воды, лишь кое-где потревоженная бурыми и белыми парусами рыбачьих лодок.

Мы перетащили аппаратуру к пагоде. Здесь был покосившийся навес на резных столбах. Какой-то благочестивый человек, соорудивший для паломников этот навес, потрудился на славу, доставив сюда цемент и гравий — пол под навесом был бетонный. И хоть по бетону пошли трещины, сквозь которые лезли яркая трава и молодые кустики, он отлично подошел для установки аппаратуры.

Вскоре появился Вспольный. Он был бледен, наверно, не единожды прощался с жизнью по дороге сюда, но на мой вопрос, как он себя чувствует, сказал лишь:

— Я видел очень большую рыбу. Около метра длиной. Здесь, наверно, хорошая рыбалка.

Я подозревал, что он никакой не рыбак. Я спросил:

— Кстати, Юрий Сидорович, вы плавать умеете?

— Нет, — признался он, снял очки и долго их протирал.

* * *

Сокращенная расшифровка магнитофонной записи совещания у чрезвычайного комиссара ВРК майора Тильви Кумтатона

Строго секретно

14 марта 1976 г. 11 часов 30 минут утра.

Присутствовали: Майор Тильви Кумтатон, комиссар округа Танги.

Капитан Боро Джа Па, комендант г. Танги.

Профессор Отар Котрикадзе.

Джа Локри, бургомистр г. Танги, временно исполняющий обязанности губернатора округа Танги.

Майор Т.: Мы собрались здесь для обсуждения важного вопроса.

Может быть, самого важного в истории этого города. Уважаемый Джа Локри еще не имел чести встречать профессора Котрикадзе, приехавшего из Советского Союза, чтобы оказать нашей стране научную помощь. Я попрошу профессора Котрикадзе сделать нам краткое сообщение.

Профессор К.: Как известно, мы приехали сюда, так как наши изыскания с помощью новейших приборов привели нас к выводу, что в районе города Танги возникла опасность землетрясения значительной силы. Для того чтобы убедиться в точности нашего прогноза, требуется провести измерения на месте. В силу не зависящих от нас обстоятельств мы смогли установить наши приборы только вчера днем, и потому сведения, которые я сейчас сообщу, не окончательны. Но в целом они подтверждают наш прогноз.

Майор Т.: Значит, землетрясение все-таки будет?

Профессор К.: И очень скоро.

Майор Т.: Как скоро?

Профессор К.: Мне придется пояснить. Под поверхностью земли горные породы находятся в нестабильном состоянии. Они сжаты громадным давлением, они деформированы, и потому в зависимости от более общих процессов напряжение, существующее внутри земной коры, может ослабевать или усиливаться, требовать выхода. Земная кора эластична, и при росте напряжения горные породы деформируются. Чередование деформаций вызывает колебания, и они порой достигают поверхности земли. Может наступить такой момент, когда напряжение превысит предел сопротивления породы. В это критическое мгновение достаточно любого случайного толчка, изменения атмосферного давления, эха отдаленного землетрясения — и курок будет спущен.

Д.Л.: Значат ли слова уважаемого гостя, что земля под нашим городом напряжена и даже мой случайный шаг может оказаться роковым?

Профессор К.: Вчера наши приборы, которые регистрируют напряжение на заданной глубине, — а глубина потенциального очага землетрясения, которое мы ожидаем, около пятидесяти километров, — показали нам, что напряжение близко к критическому, и, возможно, нас отделяют от взрыва всего несколько дней. Мы ждем новых известий из Москвы, где установлены более сильные приборы, которые наблюдают за положением во всем районе. Но пока я могу сказать одно — землетрясение неизбежно. И произойдет оно через несколько дней.

Д.Л.: Каким сильным оно будет?

Профессор К.: К сожалению, гипотетический очаг находится сравнительно недалеко от поверхности. Это означает, что разрушения, которые оно может принести, будут невелики по площади, но значительны в эпицентре. Мы предполагаем, что землетрясение способно высвободить энергию порядка десяти в двадцать третьей степени эргов и его интенсивность в эпицентре может достичь десяти баллов.

Д.Л.: Не могли бы вы перевести эти данные на более понятный для непосвященных язык?

Профессор К.: Десятибалльное землетрясение означает частичное или полное повреждение почти всех зданий, трещины в земле, оползни, разрушение мостов. Возможны обвалы в горах...

Д.Л.: Не может быть! Это слишком жестоко! Вы хотите сказать, что город Танги будет разрушен?

Профессор К.: К сожалению, я не могу управлять стихией. Эпицентр находится в горах, у линии разлома, идущего вдоль прибрежного хребта. Расстояние по прямой до города Танги — не более двенадцати километров.

Капитан Б.: Но вы можете ошибиться?

Профессор К.: Наш метод, хоть и опробован на небольших возмущениях, впервые применяется вдалеке от нашей лаборатории, в полевых условиях. Так что вероятность ошибки существует. Но не обнадеживайте себя. Мы можем ошибиться в частностях, но в главном сомнений нет.

Капитан Б.: Ваши приборы были повреждены при вынужденной посадке самолета и частично погибли. Может быть, приборы врут?

Профессор К.: В наши интересы не входит пугать вас или преувеличивать опасность.

Майор Т.: Мы понимаем. Поймите и вы капитана Боро. Ничто не предвещает беды, которую вы пророчите. Нам трудно поверить в то, что на наш город обрушится такое бедствие. Нам очень хотелось бы, чтобы вы ошиблись. Но мы не имеем права действовать в надежде на вашу ошибку. Скажите, когда вы будете точно знать день и время землетрясения?

Профессор К.: Сегодня ночью мы продолжим обработку материалов. Завтра к утру из монастыря мне пришлют ленты датчиков. Полагаю, что завтра к вечеру, в крайнем случае послезавтра я смогу дать более точный прогноз. Пока я могу сказать — в течение семи-восьми дней.

Капитан Б.: Может быть, вы отложите его хотя бы на неделю?

Майор Т.: Не будьте наивным, капитан. Это стихия, а мы всего-навсего люди.

Д. Л.: Мы должны будем сказать людям, чтобы они вышли из домов и вынесли свое имущество. Я не знаю, как я скажу это

людям. Многие не поверят, потому что полагают, что землетрясение — это гнев богов.

Майор Т.: В горах большинство населения — язычники, которые верят в злых богов и злых духов.

Д.Л.: Кроме того, мы должны предупредить людей, которые живут в деревнях. Вы можете начертить на карте тот район, которому грозит разрушение?

Профессор К.: Такую карту я представлю завтра утром.

Капитан Б.: Гнев людей может обратиться против военного комитета.

Майор Т.: Мы с вами находимся здесь для того, чтобы осуществлять власть правительства.

Капитан Б.: Мы должны связаться с Лигоном.

Майор Т.: Мы выражаем признательность профессору Котрикадзе, который не жалеет времени и усилий для того, чтобы помочь нам избежать грозящей беды, и надеемся, что профессор Котрикадзе в будущем будет проявлять такое же старание. Я немедленно информирую Лигон о положении дел. Как только будет известен срок, мы созовем совещание представителей партии и национальных групп, чтобы обсудить проблемы эвакуации. Большое спасибо за внимание.

Расшифровал и записал лейтенант Кальмичок.
Отпечатано в трех экземплярах.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН ВРЕМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ БРИГАДНОМУ ГЕНЕРАЛУ ШОСВЕ ПОЛКОВНИКУ ВАНУ ИЗ ТАНГИ 14 МАРТА 12 ЧАСОВ 50 МИНУТ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ РУССКИХ ГЕОЛОГОВ ПОДТВЕРЖДАЮТ БЛИЗКОЕ БЕДСТВИЕ ПРЕДСКАЗАНО ПОЛНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА МАКСИМУМ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ВСКОРЕ СООБЩУ ТОЧНУЮ ДАТУ НЕМЕДЛЕННО ПОВТОРЯЮ НЕМЕДЛЕННО ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ ОПАСАЮСЬ ВОЗМУЩЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОПЫТОК АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ РАСПРОСТРАНЯТЬ ПОРОЧАЩИЕ СЛУХИ ПРОШУ ВЕРТОЛЕТЫ ГРУЗОВОЙ ТРАНСПОРТ ПОЛАГАЮ ОПЕРАЦИЯ В ТАНГИ БОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННА ЧЕМ ЛИКВИДАЦИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ЮГЕ

КОМИССАР МАЙОР ТИЛЬВИ КУМТАТОН

* * *

Князю Урао Као

Прилагаю записанные мной по памяти разговоры, которые шли сегодня у майора Тильви в моем присутствии. Русский профессор убежден, что землетрясение будет через неделю. Как только он получит ленты или пленки с озера Линили, точно скажет день и час. Надеюсь, никто не узнает о том, что я сообщил, ибо подозрение неизбежно падет на меня.

Преданный друг.

* * *

ШИФРОВКА

Князю Урао Као

Задержка с грузом опасна. К. сообщил, что готовится отправка подкрепления в Танги. Послезавтра груз следует отправить вниз к Кангему. На той неделе будет корабль. Положение здесь трудное. Национализация задела крупных людей, многие недовольны. Надеюсь, что правительство долго не продержится. Тем не менее будь осторожен, не спеши с выступлением. Указания о покупке недвижимости в Танги выполняю. Завтра жду результатов. Привет Матуру. Когда-нибудь я сам оторву его глупую голову.

Преданный Дж. Сун.

Директор Матур

Утром я наконец получил подтверждение от Саада, что спичечная фабрика моя. Я нанес туда визит. Я медленно шел по территории, мимо лесного склада, мимо сушилен и цехов, а сам с печалью думал о том, что через несколько дней этой фабрики не будет. Ни ее, ни этих машин, режущих древесину, клеящих коробки, размешивающих серу... Если, конечно, у русских получится их землетрясение.

Я поднялся в контору и спросил у китайца-управляющего, получил ли он подтверждение из Лигона о моем вступлении в права владения. Управляющий этого не знал, но был со мной вежлив, и я подумал, что, может быть, оставлю его в этой должности. Тут же сообщил ему об этом и пообещал прибавку к жалованью.

Китаец проводил меня до ворот, и я должен признаться, что

это было мне приятно. Пройдет пять лет, и люди будут кланяться мне везде. Если только военное правительство не отнимет у людей их собственность. Нет, пора готовиться к отъезду отсюда, в какую-нибудь тихую страну, где нет армии, где уважают бизнесменов. В Сингапур?

— Работайте, — сказал я по-отечески управляющему.

— А что слышно о национализации? — крикнул он мне вслед. Ах, как не вовремя вспомнил!

Я остановился.

— Это ложные слухи, — сказал я.

И решил, что не буду повышать ему жалованье. Жаль, что я не нанял машину. Хоть это и дорого, зато производит впечатление. Тогда бы управляющий не посмел кричать мне вслед.

И тут рядом со мной замерла новенькая «Тойота». В ней сидел шофер в синей фуражке. Шофер спросил:

— Вы господин Матур? Господин князь ждет вас.

Садясь в машину, я бросил взгляд назад. Управляющий глядел вслед. Ну и поделом ему, будет знать, с кем имеет дело. Понятно, что друзья молодости не забывают тебя, ценят и нуждаются в твоей помощи.

Мой друг Урао Као ждал меня в гостиной.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал князь, — потому что ты один из самых верных моих друзей... — Он задумался, наморщил свой высокий лоб и добавил грустно: — А может быть, единственный верный друг.

— Ты никогда не раскаешься в этой дружбе, — заверил я князя.

Мы сели в мягкие кресла. Со стены на меня глядела голова тигра, которого убил отец князя в 1939 году.

— Только что майор совещался с русским профессором. Русские наметили землетрясение на конец недели. Но, к счастью, они пока не решили, в какой день. Майор запросил подкрепление. Ты понимаешь, что это значит для нас с тобой?

Я понимал. Я хорошо соображаю.

— Проблема не только в твоей спичечной фабрике, которую ты перекупил у меня под носом.

— И не в механических мастерских, и не в текстильной фабрике, — добавил я с улыбкой.

Князь не рассердился на эту вольность. Он продолжал:

— Не в моих интересах, чтобы правительство смогло бахвалиться на весь мир, что обезвредило природу. Нельзя, чтобы военные были сильнее неба, которое посылает землетрясение на грешников.

Я подумал, что князь преувеличивает. Он еще в школе отличался живым воображением, и стоило ему соврать кому-нибудь из учителей и товарищей, в оправдание лжи он с удивительным умением изобретал новые кучи небылиц, чтобы за ними забылась первая ложь. В конце концов он так запутывал своего собеседника, что тот не знал, чему верить. Князь, как образованный человек, не считал землетрясение наказанием судьбы и готовил речь для другой аудитории.

— Пусть же, — сказал князь, — все идет своим ходом. Если землетрясению суждено погубить наш замечательный город, значит, так и будет.

Если дело касалось наших только что приобретенных фабрик, то князь был совершенно прав. Мы с ним оба рисковали. В любой момент их могли национализировать. Мы оба были заинтересованы в том, чтобы фабрики были разрушены. Без всякой эвакуации. Я заплатил за спичечную фабрику двести тысяч. За будущую неделю я выдам еще несколько тысяч на зарплату рабочим, и вряд ли я могу рассчитывать на реализацию накопившихся на складе спичек. Следовательно, из страховки в триста пятьдесят тысяч мне останется чуть более ста. А может, и меньше. На моих плечах семья, дети, неразумный Саад.

— Но пускай люди будут спасены, — сказал я.

— Я не изверг, — сказал князь. — Люди, разумеется, будут спасены. Но есть дела, которые я не могу доверить своим телохранителям, ибо для их исполнения требуются интеллект и сообразительность.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ КОМИССАРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 19.45

ПРИНИМАЕМ СРОЧНЫЕ МЕРЫ КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ ВЫШЛА ИЗ ЛИГОНА ЧАС НАЗАД СОСТАВЕ ДВАДЦАТЬ МАШИН ТРИ ВЕРТОЛЕТА ИЗ РЕЗЕРВА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ БУДУТ НАПРАВЛЕНЫ ВАМ ЗАВТРА ТРАНСПОРТОМ КОМАНДУЕТ ПОДПОЛКОВНИК КЕНГИ КОТОРЫЙ ПРИДАЕТСЯ ВАМ ОПЕРАТИВНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ СОСТАВЬТЕ ПЛАН ЭВАКУАЦИИ ПОДГОТОВЬТЕ АЭРОДРОМ ПРИЕМУ ТРАНСПОРТНЫХ САМОЛЕТОВ НЕМЕДЛЕННО ПО ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ ИНФОРМИРУЙТЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРНЫХ ТРАКТОВ ВЕРТОЛЕТАМИ ВЫСЫЛАЕМ ДВЕС-

ТИ ПАЛАТОК КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО УСТАНОВИТЬ ЗАРАНЕЕ В БЕЗОПАСНОМ МЕСТЕ ОБЕСПЕЧЬТЕ ЗАГОТОВКУ ПРОДУКТОВ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ ПОВТОРЯЮ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДОПУСТИТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ НЕСЕТЕ ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

БРИГАДИР ШОСВЕ

Майор Тильви Кумтатон

Получив эту пространную телеграмму, я понял только одно — подкрепление будет, но пока его нет. Помощь будет, но пока ее нет. Землетрясение будет, но неизвестно когда. Я не мог побороть раздражения против современной науки и профессора Котрикадзе, хотя отлично понимал, что без него землетрясение обрушилось бы на меня внезапно и если бы я сам остался жив, то мне пришлось бы не эвакуировать, а считать трупы. Через полчаса после первой телеграммы я уже получил следующую.

* * *

ТЕЛЕГРАММЫ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ КОМИССАРУ ВРК СРОЧНО ИЗ ЛИГОНА 20.15

ОБЕСПЕЧЬТЕ ЭВАКУАЦИЮ ОБОРУДОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСПИТАЛЯ СКЛАДОВ ИНФОРМИРУЙТЕ РУДНИКИ НЕСЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ ДОСТОЯНИЯ РЕСПУБЛИКИ НАЧАЛЬНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

БРИГАДИР ПЕРИ

МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ТАНГИ СРОЧНО ИЗ ЛИГОНА 20.50

В ПАЛАТКАХ ОТПРАВЛЕННЫХ ГРУЗОВИКАМИ НЕ УЧТЕНЫ ШЕСТЫ И КОЛЬЯ НЕМЕДЛЕННО ОРГАНИЗУЙТЕ ЗАГОТОВКУ КОЛЬЕВ И ШЕСТОВ

ПОЛКОВНИК ВАН

* * *

Начальнику полиции Васунчоку

Сегодня в полдень князь объявил, что уезжает в горы. Он уговорил свою мать переехать в летний домик в горах.

Можно предположить, что князь опасается землетрясения. Хочу обратить ваше внимание, дорогой друг, что князь приказал найти и привезти к нему директора Матура.

Возможно, что груз находится на озере, но теперь придется спасать его от землетрясения. Они будут спешить. Жаль, что вы, мой друг, сейчас не можете лично руководить операцией. Я бы на вашем месте не очень доверял (не обижайтесь за прямоту) вашим людям. Среди них несколько (вы и сами об этом знаете) получают зарплату не только у вас.

Ваш друг.

* * *

Князю Урао

Они установили свою машинку в роще над монастырем близко к пещерам. Охраняет машинку один солдат, и он много спит. Сегодня приезжал молодой русский, взял из машинки какие-то длинные бумаги и уехал. По пути к озеру, где он живет, останавливался в монастыре. К его машине выходила известная вам особа, и они разговаривали. Когда он уезжал, держались за руки. Второй русский оставался на острове. На всякий случай я проколол две шины у джипа.

Па Пуо.

Майор Тильви Кумтатон

Поздно вечером я получил очередную телеграмму из Лигона, на этот раз из управления информации и пропаганды. Они известили меня, что завтра в Танги вылетают два корреспондента, чтобы должным образом осветить события. Я готов был головы поотрывать там, в пропаганде. У них нет свободных машин, но они находят вертолет для двух бездельников, которые будут болтаться под ногами и задавать глупые вопросы. Мной овладел гнев, и я составил резкую радиограмму в Лигон.

И тут же позвонил мне профессор Котрикадзе.

— Что еще? — рявкнул я в трубку по-лигонски.

— Простите, майор, что так поздно, — сказал он, — но мне только что позвонил с острова Ли. Связь все время нарушается...

Конечно, нарушается. Радиотелефоны, которые я отыскал на складе и отдал русским, наверно, побывали под танком, а затем были кое-как скреплены проволокой.

— ...Но я понял, — продолжал профессор, — что кто-то проколол шины у джипа, оставленного в деревне. И у них нет машины, чтобы привезти ленты с датчиков и бумаги, подготовленные Ли. Вы не могли бы помочь?

Его правильный английский язык и спокойная вежливость в этот момент были невыносимы. Мне показалось, что он улыбается, разговаривая с нами, дикарями.

— Разумеется, профессор. Я дам распоряжение, чтобы туда выслали другую машину.

— Спасибо, майор, спокойной ночи.

— Где капитан Боро? — спросил я, выйдя во внешнюю комнату, где дремал дежурный капрал.

— Спит, наверно, — ответил тот.

— Поднимите его и приведите ко мне. И пошлите трех автоматчиков к дому начальника полиции, где живет русский профессор.

— Но там уже стоит часовой.

— Не возражать!

Вот теперь я стал настоящим начальником. Я заставлю этого добродушного Боро наладить в городе порядок, а затем поеду в госпиталь.

* * *

Я сердит на твое непослушание. Неужели ты не понимаешь, что теперь майор пошлет туда солдат, чтобы охранять эти машины? Ты вызвал подозрения раньше, чем следовало. Может быть, поставил под угрозу наше дело. Предупреждаю, это твоя последняя ошибка. Ни в коем случае не трогай машинку на горе без моего указания.

Као.

Владимир Кимович Ли

Я считал весь вечер при свете голой электрической лампочки, питавшейся от аккумуляторов, и рой летучих тварей устраивал такие массовые танцы под ней, что она казалась укутанной в густую черную вуаль. В этих условиях компьютер годится только, чтобы колоть им орехи. Расстроенный сержант Лаво долго клял нерасторопного шофера, который не уследил, как прокололи шины, и предложил отправиться в город пешком, чтобы искупить свою вину. Но Отар позвонил мне и сказал, что майор

обещал прислать другую машину. Вспольный опух от комариных укусов, но получал некоторое удовольствие от того, что живет на необитаемом острове и что где-то неподалеку бродят коварные недруги и завтрашний день сулит новые приключения.

— Какие планы на завтра? — спросил он меня, признавая мое главенство на острове.

— Завтра, как рассветет, отвезем данные в Танги.

Было еще не поздно, и я думал, что через час управлюсь.

— Кто повезет данные? — спросил Вспольный, сверкнув очками, и смахнул с носа черного жука.

— Я, а кто же?

— Почему? — строго спросил Вспольный. Он стремился к настоящему делу.

Я отложил ручку.

— Отару трудно одному. Мы вместе быстрее просчитаем.

— А датчики? — Голос Вспольного приобрел стальное звучание.

— Датчики?... Ими займетесь вы.

— Я? — Он был польщен и немного напуган. — Но я этого еще не делал.

— Утром объясню. Надеюсь, они догадаются прислать запасную резину для нашего джипа.

И я снова занялся расчетами.

Вспольный некоторое время бродил вокруг, выходил на обрыв, вглядывался в смутную полоску огоньков Танги, потом что-то записывал в свой блокнот. Наконец сказал:

— Пора спать, Володя. Завтра нам рано вставать.

— Ничего, потом отоспимся, — возразил я в лучших традициях скромных героев. — Вот вам надо бы выспаться.

Он словно ждал приказа. Тут же улегся на циновку, закутался в одеяло, чтобы его не сожрали комары, и отключился.

Я просидел до рассвета, и спать мне, в сущности, не хотелось. А когда стало светать, я положил плоский камень на стопку бумаг, дополз до циновки и заснул, как только коснулся ее... Через мгновение меня разбудили.

Было уже совсем светло, солнце косо резало лучами листву, надо мной стояли два солдата и негромко выясняли вопрос, будить меня или подождать.

— Доброе утро, — сказал я им по-лигонски. И оглянулся, чтобы разбудить Вспольного.

Но не тут-то было. Вспольный вышел из-за кустов с полотенцем в руке.

— Не забудьте, Володя, в спешке, — сказал он голосом отличника, — проинструктировать меня по части снятия показаний с датчиков.

Отар Давидович Котрикадзе

В семь утра меня разбудил телефон. Звонил майор.

— Доброе утро, профессор. Я жду вашего звонка.

Я воспринял этот упрек без обиды. И не стал объяснять майору, что поздно лег спать.

— Извините за задержку, — сказал я. — Изосейсмическая карта готова. К сожалению, у нас не было подробной геологической карты района, а сведения о прошлых землетрясениях я наносил со слов вашего дедушки.

— Я пришлю за картой машину.

— Не надо, — ответил я. — До комендатуры десять минут пешком. А я привык утром делать прогулку.

— Хорошо, — сказал майор, — тогда мы вместе позавтракаем. Вы не возражаете?

— Спасибо.

Я умылся и вышел из дома.

К моему удивлению, оказалось, что моя охрана за ночь увеличилась. Два солдата стояли у ворот, еще двое мирно спали на веранде, и над ними суетливо летали птички, гнезда которых были прикреплены к столбам веранды.

Когда я выходил из ворот, один из солдат поднялся и пошел шагах в трех сзади.

Улица была по-утреннему деловита. Мне встретился монах, тога которого была туго обмотана вокруг тела. Монах прижимал к животу черный горшок, из которого высовывались маленькие судки. Под мышкой у него торчал длинный темно-красный зонт. Две девчонки в одинаковых синих юбках и белых блузках остановились, глядя, как солдат с автоматом ведет куда-то дядю в мятом костюме.

Я свернул за угол, к комендатуре, и тут меня ждало неожиданное потрясение. Какой-то человек кинулся на меня так неожиданно, что я инстинктивно отшатнулся, прикрывая лицо руками. Этот момент растерянности чуть не стоил мне черной папки с картой для майора. Человек вцепился в нее и рванул к себе. Я, скорее со страху, чем из излишнего мужества, еще крепче вцепился в папку, и мы несколько секунд изображали собой статичную группу борцов.

Ситуацию разрядил сопровождавший меня солдат, который вышел из-за угла и сразу сообразил, что к чему. Он не догадался бросить стебель сахарного тростника, который жевал с увлечением, и этот стебель помешал ему схватиться за автомат. Нападающий оказался проворнее всех. Он зигзагами побежал по улице и нырнул в кусты. Солдат наконец выбросил драгоценный тростник и бросился за бандитом. А я, никем более не задержанный, дошел до комендатуры.

Майор, насколько понимаю, наблюдал за моим приключением из окна и встретил меня на лестнице мрачнее тучи.

— Солдат будет наказан, — были его первые слова.

Я поспешил успокоить майора. Я протянул ему черную папку.

— Карта здесь.

Майор овладел собой.

— Завтрак готов, — сказал он. — Я еще раз приношу извинения за прискорбный случай.

Когда мы сидели за письменным столом майора, покрытым белой жизнерадостной клеенкой с изображенными на ней плодами и ягодами, и пили чай с молоком, я спросил:

— А машина на озеро?

— Машина ушла еще ночью, — сказал майор.

Задумчиво хрустя гренком, он добавил:

— Если известие об этом нападении дойдет до Лигона...

— Не дойдет, — успокоил я майора. — В следующий раз буду внимательней.

Майор ничем не показал, что рад ответу. Он отставил недопитую чашку.

— Мне не нравится, — сказал он, — что человек, который приказал этому бандиту напасть на вас, много знает.

— А что именно?

— Он знает, что вы сегодня должны были принести мне карту. Он знает про джип с озера. И он почему-то очень заинтересован в том, чтобы мы не были готовы к землетрясению.

Капитан Васунчок

Рано утром ко мне пришел майор Тильви. У него болела рука, и он был обеспокоен. Он принес мне карту, полученную от профессора Котрикадзе. Если ей верить, хуже всего придется деревням по западному берегу Линили, да и сам город Танги может быть разрушен. Русский обещал ему дать точную дату к обе-

ду — он ждал, когда приедет его спутник с озера и привезет свои записи.

Пока не подойдет помощь из Лигона, Тильви было трудно что-либо предпринять. Договорились, что, как только станет известна дата, я пошлю полицейских по окрестным деревням, чтобы они предупредили людей.

Потом майор заговорил о другой своей тревоге. Он считал, что у него есть враг, который хочет, чтобы землетрясение произошло неожиданно. Он рассказал мне о случае с картой, о том, что кто-то проколол шины у джипа на озере, о микрофоне в комнате русских геологов.

— Вы знаете людей, дядя Васунчок, — сказал он. — Вы можете подсказать.

— А кто знал о карте? — спросил я.

— Кроме нас с русским профессором, бургомистр Джа Локри и капитан Боро. Они были на совещании.

— А подслушать вас не могли?

— Я велел Фену Ла проверить мою комнату и комнату русских.

— Фен Ла простой механик.

— У меня нет специалистов У меня никого нет, особенно теперь, когда Боро с двумя взводами умчался на рубиновые копи. У меня два десятка солдат и один джип.

— Зачем Боро уехал на рубиновые копи?

— Он получил телеграмму На копи напали люди вождя Вао. Если так — значит, кто-то направил их...

— Иди, Тильви, — сказал я ему. — Я буду думать. Вернешься после обеда.

Как только Тильви ушел, сестра сказала, что перед госпиталем сидит какой-то монах, который хочет меня видеть.

— Впусти его, — сказал я.

Монах выглядел молодо, его оранжевая тога была вся в пыли, он явно устал. Я спросил его:

— Ты шел пешком из монастыря Пяти золотых будд?

— Да, — ответил он. — Я вышел ночью и пришел только сейчас. Но в гору я поднялся на автобусе.

— У тебя ко мне письмо?

— Нет. Почтенный Махакассапа не дал мне письма. Он сказал, что письмо могут отнять, а то, что лежит в моей голове, не видно чужому глазу.

— Говори.

— Почтенный Махакассапа сказал, что то, чем интересуется господин начальник полиции, хранится в пещере за сосновой рощей. Оно сейчас там.

— Хорошо, — сказал я. — Почтенный Махакассапа знает, в какой из пещер груз?

— Да, — ответил монах. — Он знает.

— Еще что-нибудь он передавал?

— Почтенный Махакассапа думает, что вчера один охотник из деревни видел Па Пуо. Только Па Пуо сбрил свои знаменитые усы. Но его можно узнать.

— Как моя дочь?

— Твоя дочь живет в доме привратницы. Мы по очереди незаметно смотрим за ней, чтобы чего-нибудь не случилось. Почтенный Махакассапа думает, что сердце Лами расположено к молодому русскому, который сейчас живет на острове. Русский приезжал к монастырю, и Лами выходила к нему. Они разговаривали в саду.

— Скажи сестре, чтобы тебя накормили.

— Спасибо, господин, — ответил монах. — Я пойду обратно. Только зайду на базар, потому что почтенный Махакассапа велел мне купить орехового масла для монастыря.

— Да не оскверняют деньги руки монаха.

— У меня нет денег, — ответил монах. — Масло мне даст торговец, который обещал подарить его монастырю.

— Я пошутил, святой монах, — ответил я. — Я знаю, что у вас в монастыре строгие правила.

Монах ушел.

Я должен был думать о делах, но беспокоился о Лами. Я знал, что князь смотрит на нее с вожделением и оказывает девочке знаки внимания. Она неравнодушна к вниманию, хотя ее сердце не отзывается на чувства князя. Князь не любит меня так же, как и я не люблю его. Я знал, что в меня стреляли у озера люди князя. Но пока я не могу никому доказать, что князь торгует опиумом. Я убежден в этом, мой друг, близкий к князю, убежден в этом, но что толку, ведь не поймаешь тигра за лапу, когда он крадет курицу. Князь слишком силен в Танги, а майор которому я мог бы доверить тайну, слишком занят своим землетрясением. Па Пуо там, у монастыря. Значит, князь знает обо всем... Я почти не сомневался, что именно князь хочет помешать майору. Старый губернатор, которого сместили военные, сидит у себя дома и с утра до вечера совещается со сторонниками Джа Ролака. Он меня не беспокоит, он не мог приказать проколоть шины или поставить микрофон — старые политики трясутся от страха. Капитан Боро? Он слишком продажен. Он мо-

жет выполнять приказы князя или губернатора, но сам не решится ни на что.

Кто еще? Торгаш Матур? Зачем-то он купил спичечную фабрику и вчера объявился там. Зачем человеку покупать фабрику, когда все хотят продавать? Но у Матура нет в Танги корней, нет сообщников. А вот князь мог его использовать... Опять князь.

Я вызвал полицейского, что сидит у двери в палату, и приказал созвониться с рубиновыми копями и узнать, почему не сообщили оттуда о нападении людей вождя Вао, который, как мне известно, с небольшим отрядом две недели назад ушел к таиландской границе.

* * *

Господину Сааду Матуру
Серебряная долина, 18.
Лигон.
Дорогой и любимый брат!

Обстоятельства моей жизни сложились таким образом, что я снова стою перед трудным для меня решением. С одной стороны, моими действиями руководит искренняя и бескорыстная дружба, а также забота о моей семье и, в частности, о тебе. С другой — я понимаю, что ввергаю себя в трагическое положение. Может произойти так, что это письмо станет моим завещанием. Но верь мне, что, какие бы слухи ни распространяли враги, я всегда думал лишь о благе друзей и родных.

Дорогой Саад, если со мной что-либо случится, прошу взять на себя заботу об Эльвире и детях. Я не хочу обременять тебя оставшимся после меня наследством, которое, как я уже распорядился, достанется моим детям. Однако твоя преданность моей жене и мне лично заставит тебя, надеюсь, стать достойным опекуном, учителем и вторым отцом малышам.

Что касается спичечной фабрики, то ей, вероятно, придется тем или иным способом погибнуть (национализацию я также рассматриваю как гибель). Я же сделаю все, чтобы гибель ее не повлекла за собой убытков.

Сумму страховки ты разделишь соответственно сделанным нами с тобой вкладам и, надеюсь, не станешь грабить своих племянников.

Прощай еще раз.

Твой старший брат Матур.

Если же нарушишь свой долг, будь уверен, тебя достанет карающая рука судьбы.

Владимир Кимович Ли

Майор прислал полный джип автоматчиков во главе с бравым лейтенантом, который тут же выставил посты на острове и погнал двух солдат наверх, в сосновую рощу. Когда я уезжал в Танги, лейтенант сидел на ящике из-под пива под развесистым деревом и допрашивал старосту о том, кто продырявил шины у джипа. Староста нависал над ним как гора и гудел, призывая в свидетелей своей невиновности всех богов и духов гор.

Вспольный проводил меня до машины. Он сообщил мне, что намерен отпускать бороду. Я думаю, что это была его давнишняя тайная мечта, но сначала мама не позволяла, потом начальство смотрело косо на бородатых, и наконец он и сам отказался от такой революционной мысли.

Когда я забрался в машину, он подошел поближе и прошептал:

— Я загляну в монастырь, посмотрю, все ли там в порядке. Не беспокойтесь, Володя.

Он может быть трогательным.

Я сидел впереди, рядом с шофером. Новый шофер оказался человеком суровым. Он положил автомат на пустое заднее сиденье и время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что он никуда не сбежал.

Я никак не мог понять, кому может быть польза от того, что наша работа не получится. Кто мог проколоть шины? В конце концов я пришел к не очень утешительному, но трезвому выводу о том, что виной всему местные суеверия — если слухи о том, что мы ищем золото, овладеют местными массами, то нас могут и побить.

Мы миновали городок Линили, в котором останавливались на пути к монастырю, затем дорога начала взбираться наверх, к Танги. Она была узкой, а перегруженные автобусы неслись как очумелые, забывая сигналить, и порой нам приходилось, пролетая мимо них, повисать колесами в воздухе. Я не стал объяснять шоферу, что люблю тихую и размеренную езду по подобным дорогам. «Водитель, помни, что тебя ждут дома» — такую надпись на скале я видел где-то под Хорогом. Справедливое замечание.

И тут машина резко затормозила.

В этом месте дорога делала крутой поворот. На повороте, чудом не улетев в пропасть, упершись смятым радиатором в дерево, стояла только что разбившаяся машина.

Ее передняя дверь была открыта, и из нее вывалился головой

вперед мой старый знакомец директор Матур. Видно, его прижало рулем, так как он мог только простирать руки в нашу сторону.

— Стой! — крикнул я шоферу, который намеревался игнорировать катастрофу.

Я бросил портфель с моими расчетами и лентами датчиков на заднее сиденье и на ходу выскочил наружу.

— Спасите! — призывал Матур слабым голосом. — Спасите! Я погиб!

— Погодите, — постарался успокоить его я, подбираясь так, чтобы взять его под мышки и выволочь наружу. — Сейчас все обойдется. Ничего страшного.

Когда я потянул Матура на себя, он вдруг взвыл таким страшным голосом, что я с перепугу его отпустил.

— Ноги! — закричал Матур. — У меня сломаны ноги!

— Да помогите же мне! — крикнул я водителю, который стоял у джипа, не принимая участия в спасательных работах.

Матур присоединился к моему призыву по-лигонски.

Водитель поглядел на нас, потом наверх, не идет ли какая-нибудь еще машина, протянул руку внутрь, взял с заднего сиденья автомат, словно выполнял неизвестные мне статьи устава лигонской армии, требовавшие обязательного применения автомата при выволакивании из машины пострадавших на горных дорогах.

Я ждал водителя с нетерпением, уговаривая господина Матура немного потерпеть, чего он не хотел делать.

Наконец шофер присоединился ко мне, и мы начали тянуть Матура вдвоем. Матур криками выражал возмущение нашими действиями. Пришлось мне открыть заднюю дверцу и влезть в машину так, чтобы обойти Матура с тыла. Мне не следовало при этом смотреть в окно машины, потому что прямо за ним открывался слишком выразительный вид на стометровую пропасть, подстеленную мягкими на вид вершинами деревьев, растущих на дне. Мне показалось, что машина опасно покачивается. Но отступать было некуда, и я продолжал продвижение вперед, через спинку переднего сиденья, чтобы высвободить сломанные ноги господина Матура. Мало ему было авиационной катастрофы, мало ему было пленения бандитами — нет, он еще умудрился покалечиться на горной дороге.

Наконец я подобрался к ногам господина Матура. Шофер по моему приказу, послушно переведенному Матуром, начал тянуть пострадавшего наружу, а Матур пытался между криками и

стонами объяснить, что ехал по своим делам на железнодорожную станцию Митили, но какой-то негодяй чуть не сшиб его с дороги.

Вместо того чтобы нам помогать, Матур сопротивлялся, будто мы хотели выбросить его в пропасть. Но, несмотря на это, мы извлекли господина из машины и, запыхавшись, как после восхождения на Эверест, уложили на траву. Мимо промчался очередной автобус с корзинами мандаринов на крыше, и его пассажиры как один повернули к нам головы и криками выражали негодование, полагая, что мы и есть виновники несчастья господина Матура.

— Как ноги? — спросил я Матура, ощупывая их в некотором страхе натолкнуться ладонью на торчащую кость.

— Больно, — информировал меня Матур. — Я в шоке.

Он закатил глаза и ушел в глубокий обморок.

— Придется везти его на нашем джипе в город, — сказал я шоферу и подкрепил слова пантомимой. Шоферу такая перспектива не понравилась. Он ответил мне длинной тирадой, но я был тверд. Но когда мы попробовали было поднять грузного, килограммов на четыреста живого веса, господина Матура, тот вдруг открыл глаза и сообщил, что ему уже лучше. Он сказал:

— Помогите мне встать.

— Но ваши ноги?

— Я постараюсь, — сказал Матур, и на его глазах выступили прозрачные желтоватые слезы. — Вы не понимаете, — упрекнул меня господин Матур, — что я взял эту машину напрокат и должен буду теперь оплатить всю ее стоимость. Я разорен.

— Ну, ремонт небольшой, — постарался я его утешить. — Радиатор помят, а так все в норме.

— Но кто мне поверит! — возопил Матур, поднимаясь тем временем на ноги и переступая по траве, чтобы убедиться, что ноги в самом деле его держат. — Здесь же нет дорожной полиции.

— Так что же вы предлагаете?

— Ничего. Я останусь здесь и буду ждать грузовик, который вытянет машину на дорогу и отбуксирует наверх.

— Я предпочел бы отвезти вас в госпиталь.

— Ни в коем случае. Я уже почти пришел в себя.

В доказательство этого Матур притопнул и готов был пуститься вприсядку. Я остановил его.

— И если я уеду от машины, то какой-нибудь хулиган навер-

няка столкнет ее вниз. Вы совершенно не знаете дикарей. Я попрошу вашего шофера, и он вызовет грузовик.

Матур обратился к шоферу со страстной речью, всовывая ему в руку какую-то купюру. Шофер отказывался. Я отвернулся, чтобы не смущать собеседников. Когда я вновь взглянул на них, шофер был уже совращен, купюра исчезла, а Матур оперся о свою покореженную машину и поднял руку, благословляя меня в путь.

— Я буду ждать, дорогой друг, — сказал он с чувством. — Я никогда не забуду бескорыстной помощи, которую оказал мне советский гражданин.

Нам ничего не оставалось, как проследовать дальше.

Забираясь в машину, я посмотрел на часы. Было половина девятого. Мы потеряли на спасательных операциях около получаса.

— Поехали, — сказал я шоферу и обернулся к заднему сиденью, чтобы забрать портфель. Но портфеля не было.

Юрий Сидорович Вспольный

Проводив Володю, я собрался в горы. По договоренности с ним я должен был сначала снять ленты с датчика, находившегося в сосновой роще, затем вернуться на остров и проделать там такую же операцию. Более того, я должен был лично проглядеть все ленты и, если пики на них пересекут красную линию, связаться с городом и сообщить обо всем Отару Давидовичу.

Утро было прекрасное, свежее, правда, меня смущали тяжелые облака, вновь нависшие над хребтом.

Двухдневная поросль на щеках зудела, и я некоторое время обдумывал, не сбрить ли мне щетину, однако отказался от этой мысли как по причине спешки, так и потому, что надеялся на защиту дополнительного волосяного покрова от докучавших мне комаров, которые омрачали мое в целом полное интереса существование.

— Я пойду в гору, — сказал я новому лейтенанту.

— Подождите, сэр, — ответил мне лейтенант, который уже допросил старосту и ничего от него не добился. — Сейчас мы кончим чинить джип и отвезем вас на машине.

Я посмотрел на шофера нашего старого джипа, который с помощью сержанта Лаво, отстраненного от командования, латал

камеры. На мой взгляд, они лишь приступили к работе и не завершат ее раньше обеда.

— Благодарю за внимание, — сказал я лейтенанту. — Я пройду пешком. Тут всего три мили, а утро хорошее.

— Слушаюсь, сэр, — сказал лейтенант, но когда я прошел десять шагов, то услышал за собой топот. Это был сержант Лаво. Я понял, что без эскорта мне не обойтись, и послушно пошел рядом с сержантом, воспользовавшись случаем для того, чтобы попрактиковаться в разговорном лигонском языке.

Минут пятнадцать мы шли деревней и садом, пока наконец не поравнялись с оградой монастыря. Я вспомнил о своем обещании Володе Ли навестить Лами и узнать, как она живет. Я остановился возле ограды, но в монастыре было пустынно, лишь из-за деревьев доносился нестройный речитатив монахов, распевавших сутры. Я не стал заходить в монастырь и нарушать их дневной распорядок, отложив визит на возвращение.

Пыльная узкая дорога шла в гору. Тревожные облака не застилали солнца, но придавали освещению несколько зловещий оттенок. Я представил себе, с какой сокрушительной силой ударяют по этим горам муссонные ливни.

Лаво цокнул языком. Я оглянулся. Лаво стоял, замерев, глядя в кусты, близко подступающие к дороге.

— Что случилось? — спросил я. — Зверь?

И мое сердце невольно сжалось в предчувствии встречи с тигром. Я даже подумал, что хорошо, что Лаво вооружен.

— Нет, — прошептал Лаво, прыгнул в сторону и исчез в кустах. Я остался стоять на дороге. Лес загадочно молчал. Молчали птицы, молчали грозовые тучи над головой.

Рядом послышался треск ветвей. Потом крик. Наверно, это Лаво крикнул: «Стой!» Снова тихо. И тут неожиданно очередь из автомата. Я сделал шаг к стволу большого дерева, чтобы не стоять на открытом месте. Снова тишина.

Минуты через три выше меня на дороге показался Лаво.

— Что же там было? — спросил я спокойно.

— Там люди, — сказал Лаво. — Чужие люди.

— Может, из деревни? — сказал я.

— Нет, не из деревни.

Мы отправились дальше.

— Вы думаете, что это те люди, которые повредили нашу машину?

— Может быть. Но они убежали. Я не стал бежать за ними, потому что я должен идти с вами.

Это прозвучало почти укором.

Я немного утомился, потому что дорога шла в гору. Несколько раз мы останавливались отдохнуть, и Лаво терпеливо ждал, пока я приду в себя. Я подумал о том, что за эти дни я наверняка сбросил килограммов пять. И если дело так пойдет дальше, то к возвращению в Лигон я стану стройным. Это была приятная мысль.

В конце концов, после полутора часов ходьбы, мы вышли на открытое место. Перед нами была пронизанная солнцем сосновая роща, за которой отвесно поднимались освещенные солнцем светлые скалы.

В роще поднимался белый дымок. Солдаты, сторожившие датчик, сидели у костра и играли в карты. Но наше приближение они заметили издали и приветствовали нас, словно соскучились по людям. Датчик был в порядке. Линии не пересекли красную полоску.

Князь Урао Као

Я отправил мать в летний дом. Мать настаивала на том, чтобы ее сопровождал отец Фредерик. Но тот наотрез отказался, потому что считал, что в случае землетрясения его помощь может понадобиться здесь. При миссии была небольшая начальная школа.

Проводив мать, я стал рассуждать о последовательности необходимых действий.

Первое и главное — сделать так, чтобы русские не смогли предсказать землетрясение. К этому было два пути: первый — вывести из строя их приборы. Путь наиболее простой и логичный. К сожалению, перестаравшийся Па Пуо, которого я на свою голову пожалел, закрыл мне этот путь. Повредив джип, он взбесил майора, и тот, чтобы сохранить свое лицо, окружил датчики такой стеной охраны, что для выведения их из строя пришлось бы начать небольшую войну, которая не входила в мои планы. Второй путь заключался в том, чтобы лишить русских документов, на основании которых они делают свои расчеты. К счастью, в этом мне помог капитан Боро. Я знал и о карте (она мне нужна, чтобы представить себе масштабы землетрясения и воспользоваться этим), и о том, что они утром должны были привезти с озера необходимые им для расчетов данные.

С картой ничего не вышло. Зато толстый Матур, который от-

лично понимает, что, если им удастся эвакуировать предприятия, наша страховка улетучится как дым, постарался на славу. Он так сыграл роль погибающего в автомобильной катастрофе, что русский геолог и его шофер совершенно позабыли, что их машина осталась без присмотра, и унести оттуда портфель было делом несложным. Как слабо разбирается в людях старина Сун!

Нет, поистине во мне погиб полководец. Я люблю и умею представлять мир как поле боя, людей — как солдат или офицеров, обыденные и мирные действия — как военные вылазки, разведку боем. Вот и сейчас, облачившись в старый, добрый, привезенный из Лондона халат, взяв в зубы трубку из шотландского вереска, я планирую бои.

Спасибо отважному Матуру — и назовем его отважным, ибо отвага свойственна лишь робкому сердцу. Что за цена храбрости, если носитель ее не осознает всех опасностей, связанных с его поступком. Воспоем же славу трусливому Матуру!

Итак, мы выиграли время. Майор не сможет рапортовать в Лигон. Лигон не даст санкции на эвакуацию.

Я строю свой расчет на том, что чиновник остается чиновником, даже если он одет в мундир. Чиновнику нужны письменные основания для энергичных действий. Представляю, как сейчас буйствует молодой Тильви, как растерянны его русские советники. Небольшая тактическая вылазка с моей стороны лишила их возможности дать лигонскому чиновнику в руки бумажку с точной датой.

Ведь для полковников в столице русские сейсмологи все же злые колдуны! Все обойдется, уговаривают себя полковники!

Подумаем теперь, каковы резервы у противника? Чем он может ответить на мой удар? Объявить эвакуацию сейчас, собственной властью, майор не в силах.

Майор сейчас разрывается в нерешительности, я наблюдаю за ним со стороны, я холоден сердцем. Инициатива в моих руках. Я знаю, что подполковник Кенги, командующий колонной грузовиков, многим мне обязан, и потому он уже сделал важное упущение — он забыл взять запасные бочки с горючим. Я знаю, что капитан Боро, хоть и страшно боится разоблачения, еще с ночи отправил два взвода на рубиновые копи (оправдательную телеграмму мы ему сделали), на которые якобы напал вождь Вао. Этим он обескровил маленький гарнизон Танги и лишил майора возможности подготовить аэродром для приема транспортных самолетов.

Пускай же майор останется без людей и помощи из Лигона, это увеличит его растерянность.

Я буду ждать, когда вздрогнет земля и уничтожит мою собственность, застрахованную от стихийных бедствий! Разорви меня, о небо! Я — игрок, я ставлю на зеро!

* * *

РАПОРТ

Капитану Васунчоку

Наш пост из рубиновых копий сообщает, что никакого нападения вождя Вао на копи не было. Капитан Боро на двух грузовиках с бронетранспортером прибыл сюда полчаса назад. Он введен в заблуждение. Никто не посылал телеграммы о нападении.

Дежурный по полицейскому посту сержант Фен Кха.

Юрий Сидорович Вспольный

Я заглянул в палатку. Датчик был в порядке, я даже нагнулся и слышал шорох перематываемой ленты. До десяти, когда нужно сменить ленты, оставалось чуть больше часа. Мы пришли слишком рано.

Чайник закипел, один из солдат достал банку сгущенного молока и примерился ножом, чтобы вспороть ее.

Ощущение внутренней тревоги не покидало меня. Час, который мне предстояло провести здесь, казался бесконечным. Я представил, как Отар Давидович и Володя сейчас уже склонились над привезенными лентами, высчитывая дату. Сколько дней, часов, минут отделяет нас от беды? Мне никогда не приходилось попадать в землетрясение. Я читал об этом, но сам никогда не ощущал того ужаса, который охватывает людей, когда самое надежное, что есть на свете, — земля предает тебя и уходит из-под ног, образуя страшные трещины и провалы, сжирающие целые города. Я представил себе, как трещина проходит вот здесь, у меня под ногами, заставляя падать высокие золотостволь ные сосны, обнажая корявые корни.

Ответ таился в лентах, которые медленно перематываются в датчике...

Не в силах выдерживать далее напряжение, я медленно пошел вверх по склону, к отвесным скалам.

— Господин! — крикнул мне сержант Лаво. — Сейчас будем пить чай.

— Спасибо, — сказал я, — пейте. Я немного пройдусь.

Лаво нехотя поднялся, чтобы последовать за мной, но я отмахнулся. Он с облегчением снова уселся у костра.

Роща была прозрачная, я отошел далеко, но дымок костра и солдаты, сидящие у него, были отлично видны. Я посмотрел на часы. Прошло всего десять минут.

Роща незаметно кончилась, я шел по открытому лугу, отделявшему деревья от скал. Луг был крутой, кое-где по нему были разбросаны каменные глыбы, оторвавшиеся от скал и скатившиеся вниз. Я присмотрелся, стараясь обнаружить в скалах пещеры, о которых говорил сержант Лаво, но ничего не различил. Я решил подойти поближе.

У скал трава лишь кое-где проглядывала сквозь каменные осыпи. К счастью, я вышел на узкую тропинку, протоптанную охотниками или оленями, и пошел по ней вдоль скалистого обрыва. Я не боялся диких зверей или разбойников — был день, и местность была открытой. Поэтому когда я услышал впереди голоса, то совсем не испугался, хотя отступил за громадный обломок скалы и притаился в тени. Что мною руководило? Простая осторожность. Я полагал, что увижу охотника или крестьянина, возвращавшегося с горного поля.

Но человек, показавшийся из-за камня, рассеял мое мирное настроение. Я сразу узнал его, хотя он сбрил усы, и это повергло меня в ужас. Да, я не боюсь этого слова — при виде Па Пуо, бандита, который грозил нам смертью, я испугался. Мне захотелось слиться с камнем. Я поборол внезапно возникшее паническое желание закричать, чтобы прибежали солдаты, но я понимал, что никакие солдаты не помогут, если Па Пуо меня увидит.

И сразу клочки многоцветного одеяла моих подозрений встали на свои места. Вот кто он, наш тайный недоброжелатель, вот кто проколол шины у джипа, кто таился в лесу, когда мы с Лаво шли к приборам...

Па Пуо обернулся к тем, кто шел сзади, и прошипел:

— Тише, здесь же полно солдат.

ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕМ

«Мы с женой долго путешествовали, прежде чем помимо своей воли повстречались с одним из самых сильных землетрясений в истории Земли. Нашей целью был сбор образцов флоры в Гималаях для Лондонского музея естественной истории...

Темнота опустилась на долину Верхнего Люита в восточном Тибете. Наш простой ужин был закончен, и моя жена уже улеглась спать. Я поглядел на часы — было ровно восемь часов.

Неожиданно возник совершенно невероятный грохот, и земля начала яростно содрогаться. Разрывая мертвую вечернюю тишину в этом отдаленном горном убежище, грохот превратился в неумолчный рев. Казалось, что обрушивается само небо. Встревоженный, потрясенный, но тем не менее не потеряв любопытства, я вскочил и высунул голову из палатки. Вокруг стояла полная темнота, и мне показалось, что черный гребень гор на фоне неба задрожал. Лес на склоне горы трепетал, как под бурей.

Мы выскочили из палатки, но новый толчок бросил нас на землю.

...Землетрясение продолжалось. Громадные горы попали в лапы силе, которая трясла их, как терьер трясет крысу. Порой кто-то словно начинал молотить по земле гигантским паровым молотом. Казалось, что земля, на которой мы лежим, не более как тонкая оболочка, протянутая через долину и укрепленная концами за бока гор.

...Прошло несколько недель, прежде чем мы узнали о размахе землетрясения. На пространстве более тысячи квадратных миль оно превратило местность в сплошной хаос. Вся связь была прервана. Лавины погребли под собой целые деревни и перекрыли реки. А когда эти плотины прорвало, разрушительные потоки хлынули вниз по долинам, сметая все на своем пути...»

Ф. Кингдом Уорд. «Пленники Ассамо-тибетского землетрясения». «Нейшнл Джиографик». Нью-Йорк, март 1952 г.

Капитан Васунчок

— Ну, что будем теперь делать? — спросил меня майор Тильви, присаживаясь у моей кровати. Рука его беспокоила. Он непроизвольно поглаживал ее здоровой рукой. Он вернулся рассказать мне о новой беде.

Я посоветовал ему отпустить Матура — ничего его задержание не даст. Он к портфелю не прикасался.

— Я его отпустил, — сказал Тильви.

Он чуть улыбнулся. Я знал, что он не поверил ни единому слову директора.

— Что обещают русские? — спросил я.

— Профессор обещал все уладить.

— Как?

— Он сказал, что его помошник помнит основные цифры.

— Когда они дадут ответ?

— До обеда.

— Но теперь они могут ошибиться.

— На озере остался советник из посольства. Он прочтет записи, которые приборы сделали за сегодняшнее утро, и через час передаст их сюда.

Мы помолчали. Тильви уже несколько раз связывался с Лигоном, но бригадир Шосве вылетел на юг, где еще держались сторонники Джа Ролака, а, как бывает в такие моменты, бригадир был единственным человеком, который мог принять решение. Его военные помощники были настолько поглощены дележом власти, что землетрясение в далеком горном районе казалось им не стоящим внимания, которое уделял ему бригадир. Они настаивали, чтобы Тильви сообщил им точный срок землетрясения.

— Вернулся капитан Боро, — сказал Тильви.

— С солдатами?

— Нет, один. Оказалось, что тревога преувеличена. Правда, кто-то ночью стрелял, но кто и почему — не выяснили. Он оставил солдат с лейтенантом, а сам вернулся.

— А где вождь Вао? — спросил я.

— Боро говорит, что он скрывается в том районе. Поэтому он и оставил солдат.

— Вождь Вао уже две недели как перешел тайскую границу и не возвращался обратно! — воскликнул я. — Каждая сойка в горах об этом знает.

— Значит, Боро ошибся, — сказал Тильви равнодушно. Голова у него была занята другими проблемами. Пока у меня не было уверенности в том, что Боро состоит на жалованье у князя, я не считал себя вправе говорить об этом.

— Ты же остался без людей, — возмутился я.

— Полчаса назад спустился транспортный самолет с двумя саперными взводами из первой гвардейской дивизии. Эти солдаты получше, чем гарнизон Боро.

Я решился. Такого момента больше не представится. Мне ведь нужен всего один день...

— Значит, у тебя есть люди... Ты не дашь мне на день десять человек?

— Откуда у меня... — и тут же он рассмеялся. — А зачем тебе?

— Ты знаешь, с севера из Китая и Таиланда через округ Танги идет опиум. Контрабандисты имеют сильных покровителей, и мы не можем обратиться к людям в горах: некоторые из них сами вовлечены в эту торговлю, большинство боятся рот раскрыть — здесь такой клубок больших денег, мелкой политики и опасных интриг...

— Я понимаю, — сказал Тильви. — И знаю, почему ты, дядя, оказался в госпитале.

— Так вот, — сказал я, — у меня есть сведения, что известный тебе Па Пуо жив, что он состоит на службе у князя Урао и что груз контрабанды, спрятанный у озера Линили, был виной гибели твоего самолета...

* * *

ПРИКАЗ ПО ГАРНИЗОНУ ОКРУГА ТАНГИ
14 марта. 10 час. 10 мин.

Коменданту города капитану Боро

Приказываю вам немедленно проследовать в район сосновой рощи в трех милях южнее монастыря Пяти золотых будд, взяв с собой отделение солдат 1-й гвардейской дивизии, а также группу полицейских.

В пещерах за сосновой рощей Вы должны захватить и доставить в Лигон находящийся там груз опиума.

Вы должны принять все меры к задержанию лиц, охраняющих этот груз, и в первую очередь скрывающегося в этих местах известного бандита Па Пуо. Указываю на необходимость взять Па Пуо и его сообщников живыми.

Операцию проводить по мере сил скрытно. В случае необходимости можете воспользоваться поддержкой группы, охраняющей приборы геологов на озере Линили.

Транспорт в количестве двух машин предоставляется полицейским управлением.

В составе полицейской группы будет находиться проводник.

Исполнение приказа немедленно по получении.

Комиссар округа Танги Тильви Кумтатон.

* * *

Князю Урао Као

Пишу в спешке. Только что меня вызвал Тильви Кумтатон. Дает десять солдат и посылает с полицейскими к пещере за монастырем. Он получил сведения от полицейского капитана, что

в пещере груз. Выезжаю немедленно на полицейских машинах. Особый приказ — поймать живьем Па Пуо, который, как они думают, скрывается в пещере. Майор сердит за то, что я оставил солдат на рубиновых копях. К нему только что прибыл самолет с двумя взводами из 1-й дивизии. Вечером будут еще самолеты. В ближайшие дни нам лучше не встречаться.

Без подписи.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ СРОЧНО КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 10.40 14 МАРТА

ДО СИХ ПОР НЕ ИМЕЕМ СВЕДЕНИЙ СРОКЕ ОБЪЯСНИТЕ ПРИЧИНУ ЗАДЕРЖКИ СВЕДЕНИЙ В ИНОМ СЛУЧАЕ ПРИОСТАНАВЛИВАЕМ ВЫСЫЛКУ СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА НЕОБХОДИМОГО В ДРУГИХ МЕСТАХ

ПОЛКОВНИК ВАН

Князь Урао Као

Что ж, в ответ на мои вылазки враг предпринял меры. Я сидел в библиотеке, держа в руке донесение Боро.

В дверь сунул голову слуга и сказал, что меня хочет видеть отец Фредерик.

Отец Фредерик мог входить ко мне без предупреждения, но никогда не пользовался этим правом, и каждый раз мы разыгрывали небольшую светскую комедию.

— Что привело вас ко мне, наставник? — спросил я.

— Вряд ли я имею право считаться твоим наставником, — ответил старый миссионер. — Наставник тот, кто может похвалиться плодами своего труда, я же не имел возможности и времени уделять внимание твоему образованию, Као. И не таким я хотел тебя видеть.

— Лучше?

— Это субъективный вопрос. Для кого лучше? Наверно, если бы я мог, то создал бы из тебя человека, негодного к реальной роли, которую ты играешь в горах.

— Вы бы испортили меня?

— Боюсь, что искалечил бы тебя морально.

— Поясните, отец.

— Понятия добра и зла невероятно разнятся. Ты смешение двух культур. Твой отец — буддист: он не знал греха и не знал Бога, его жизнью руководила неумолимая карма, накапливавшая сумму деяний для последующего рождения. Твоя мать — христианка, вечно одержимая страхом перед Богом, для которой грех очевиден и наказание за него конкретно. Твои подданные буддисты...

— Среди них немало анимистов.

— Не в этом суть. Ты формально буддист и остался им, хотя приобрел несвойственный для буддиста цинизм, рожденный Западом. Что бы дало тебе мое воспитание? Груз христианского страха перед Богом или внутреннюю борьбу с грехом? Вернее всего, лицемерие, рожденное из неестественного симбиоза.

— Но почему так пессимистично?

— Я верю, что ты мог стать неплохим правителем для своего народа, не вторгнись западный мир в твои горы. Но ты не сможешь быть им, потому что ты забыл о буддийском равнодушии к деньгам и власти.

— Много вы знаете буддистов, которые отвечают вашему идеалу?

— Я говорю о психологии вообще, не о конкретных людях. А знаешь ли ты собственный народ? Ты европеец в том, что эти люди для тебя лишь средство для достижения земных целей. Но в тебе нет Бога, страх перед которым удерживал бы тебя.

— Вы говорите, как буддийский проповедник.

— Я признаю мудрость буддизма. Я очень долго жил в этой стране. И мне горько видеть тот средний путь между мирами, который ты избрал. Он ведет к бедам не только тебя, но и твой народ.

— Не говорите об этом матери, — попытался я отшутиться. — Она разочаруется в вас. Она во мне души не чает.

— Зачем? Ты мне как сын. Но сын, на которого я иногда готов призвать кару Господню.

— Как сын? Скажите, отец, меня мучает мысль...

— Мысли не мучают тебя, а забавляют. Не будем говорить об этом...

— О чем же тогда говорить? Зачем вы пришли?

— Я скажу.

Я видел, что старик взволнован. Его серые щеки порозовели, мешки под глазами, темные от лихорадки, которая не раз трепала старого миссионера, набухли, и я подумал о том, как близок этот старик к концу своего существования, к итогу жизни, не

принесшей ни славы, ни удовлетворения. Он пытался совратить наш народ в чужую для него веру, и хоть успехи его были невелики, даже то, что удалось, обернулось в конце концов против него самого. Ну что же, он белый человек, и ему нечего делать в нашей стране. Я в более выгодном положении. Я знаю и понимаю белых людей, я знаю и умею повелевать моими соотечественниками. Мне пришлось потерять на этом пути некоторые иллюзии, которые старик называет моральными достоинствами. Не мне скорбеть об этом.

Славная идея родилась между тем в моей голове. Мне следовало обезвредить моего главного врага — нет, не наивного майора, а Васунчока. И я догадался, как мне пресечь его назойливую и бессмысленную деятельность...

— Говорите, отец, — сказал я, призвав на помощь свою кембриджскую выдержку. — Продолжайте.

— Я хотел сказать о твоем участии в контрабанде наркотиками.

— Что?

— Не надо удивляться. Я думаю, что ты не так наивен, чтобы полагать, что твоя тайна нечто большее, чем секрет полишинеля. Если бы это была контрабанда, скажем, золотыми часами, я не стал бы вмешиваться в твои дела — не потому, что я аморален. Я знаю, насколько трудно изменить обычаи гор. Контрабанда — вечная беда этих мест. Но контрабанда наркотиками — особое дело.

— Почему?

— Потому, что ты несешь смерть тысячам молодых людей в других странах, ты бросаешь их на дно человеческой жизни ради денег, которых у тебя и без того довольно.

Старик распалился и являл собой жалкое зрелище. Я не хотел бы, чтобы его хватил удар в моей библиотеке. Но я не мог оставить его обвинения без ответа.

— Слушайте, — сказал я сдержанно. — Во-первых, мне нет дела до хлюпиков, которые травят себя. Во-вторых, если я не буду заниматься этим, найдется другой — вы не можете пресечь торговлю наркотиками... И третье — мне нужны деньги. И не для себя, а для освобождения моего народа от власти лигонцев...

— Ах, чепуха!.. — сказал старик и этим так разгневал меня, что я встал и вышел из комнаты, чтобы не видеть этого дряхлого моралиста. И выйдя, я вспомнил, что побудило меня к этому. Я должен был отдать распоряжения.

Когда я вернулся через десять минут в библиотеку, остыв и не сердясь более на отца Фредерика, который, как и любой человек,

имеет право на убеждения, старика уже не было. Ну ладно, пусть его христианский Бог убережет его от апоплексического удара. Я подобрал со стола донесение Боро. Надеюсь, что отец Фредерик достаточно тактичен, чтобы не читать чужих записок.

Я разорвал записку Боро в мелкие клочки и поджег ее в пепельнице.

Теперь наступила моя очередь вступать в бой. Я приказал подать машину. Надеюсь, Боро еще не выехал к озеру. Иначе он не стоит тех денег, которые я в него вложил.

Юрий Сидорович Вспольный

Я не потерял способности рассуждать трезво и спокойно. Если я побегу за солдатами, находящимися от меня более чем в полукилометре, то к этому времени бандиты скроются в скалах. Значит, я должен проследить, куда они идут. Я последовал за ними, перебегая от камня к камню и ни в коем случае не показываясь на открытом месте, так как понимал, что бандиты знают здесь каждый камень. Я же городской житель, и лишь уверенность бандитов в себе может обеспечить мне некоторую безопасность.

Тропинка вышла на открытую осыпь, и бандиты направились наверх, к расщелине в скалах.

Я подождал, пока они скрылись, и избрал иной и более трудный путь, чтобы добраться до скал, не пересекая открытого пространства. В некоторых местах мое продвижение было сильно затруднено препятствиями, и я даже разорвал последние брюки и сильно оцарапал себе руку. Однако через несколько минут пути я дошел до расщелины и присел на корточки, прежде чем заглянуть за поворот, так как полагал, что часовой, если таковой там есть, смотрит на уровне своих глаз и меньше шансов, что он заметит мою голову, выглянувшую у самой земли.

Мои опасения оправдались, и я похвалил себя за осторожность, которая оказалась нелишней. Совсем близко, метрах в трех от меня, в расщелине стоял часовой с автоматом поперек груди. Он курил большую, завернутую в кукурузные листья сигару и смотрел на озеро.

Я отпрянул назад. Просто чудо, что он не услышал моего приближения. Я постарался отойти, но из-под моих ног посыпались камешки, и я замер, с ужасом чувствуя, как осыпь под моими ногами предательски движется, стягивая меня вниз.

* * *

Капитану Васунчоку

Дорогой друг, должен сообщить тебе грустные новости, которые еще раз заставляют меня усомниться в людской доброте. Только что мне попалась на глаза записка, сочиненная тем, кто получил приказание от майора Тильви немедленно отправиться с солдатами в горы, к пещере. Этот офицер успел переслать изложение приказа князю, и тот в курсе дела. Я наконец-то решился высказать князю кое-что об аморальности торговли наркотиками, но князь со свойственной ему легкостью цинично опроверг все мои доводы.

Боюсь, мой дорогой друг, что уважаемому Махакассапе, к которому я питаю глубокое и искреннее уважение, может грозить опасность.

Не хотел бы тебя беспокоить, зная, что ты не оправился от раны, но положение серьезно.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО ИЗ БАНГОНИ 11.35

КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ ЗАДЕРЖАНА В БАНГОНИ НЕХВАТКИ БЕНЗИНА

ОЖИДАЕМ БЕНЗОВОЗ ВЫЗВАННЫЙ С АВИАЦИОННОЙ БАЗЫ ПРИБЫТИЕ ТРАНСПОРТА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ ПРИНИМАЕМ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ

КОМАНДИР КОЛОННЫ
ПОДПОЛКОВНИК ХОЗЯЙСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ КЕНГИ

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ ПРОФЕССОРУ КОТРИКАДЗЕ ИЗ МОСКВЫ 9.20 14 МАРТА

ЗАРЕГИСТРИРОВАНА КРИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА В РАЙОНЕ ТАНГИ СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ СКОРЕЕ ЧЕМ ХОТЕЛОСЬ БЫ НАДЕЕМСЯ ВЫ В КУРСЕ

СИДОРОВ

Отар Давидович Котрикадзе

Ах, Матур, ах, лукавец! Уж очень быстро ты забыл о своих переломанных ногах...

Положение осложнилось тем, что я сомневался в памяти Володи. И вот почему. Он утверждал, что резерва времени у нас почти не осталось, всего день, может, чуть больше. Володя был непреклонен. Он себе верил.

— Когда будет звонить Вспольный? — спросил я.

— В час. Он снимет ленты с датчика в роще, потом вернется, проделает то же на острове и позвонит нам.

Я решил дозвониться до острова. А вдруг Вспольный вернулся раньше? Мне помогал наш связист, а потом и подошедший Тильви, которому не сиделось у себя, наверно, не только из-за наших дел, но и от желания избавиться от нескончаемого потока телеграмм, распоряжений, указаний и советов, исходящих из столицы. Остров долго не отзывался. И когда в конце концов связист сказал: «Есть», я не поверил своему счастью.

— Вызывайте Вспольного, — сказал я Тильви.

Тильви заговорил. Мне нравится лигонский язык — он певуч, и когда двое разговаривают, кажется, что они ведут речитативом сложный оперный дуэт.

Тильви обернулся ко мне, прикрывая трубку ладонью.

— Господин Вспольный уехал утром в горы.

— Я так и думал, — успокоил я Тильви. — Он должен проверить приборы в сосновой роще за монастырем.

— Где?

— В сосновой роще.

Тильви был встревожен.

— Только не вешайте трубку, майор, — сказал я. И спросил у Володи: — Телефон далеко стоит от датчика?

— В двух шагах. Под тем же навесом.

— Отлично. Вы с кем разговариваете, майор?

— Со связистом.

— Спросите его, видит ли он серый блестящий ящик, похожий на передатчик.

— Да, видит.

— На той стороне его, где три окошка со стрелками, внизу ряд переключателей.

— Да, он видит.

— Пускай он повернет вправо крайний левый переключатель. Раздастся щелчок.

Тильви перевел мои указания. Через минуту сказал:

— Он так сделал.

— Теперь, отведя вниз кнопку, он может открыть сбоку крышку.

— Он сделал.

— Внутри он увидит кассету. Вы сможете объяснить ему, что такое кассета от магнитофона?

Снова пришлось ждать. Пока мы ждали, я растолковал Тильви, как отмотать ленту.

— Мне нужно только одно, — сказал я, — чтобы ваш связист внимательно следил, разматывая ленту, за тем, как идут нарисованные на ней черные зигзаги. Как только он увидит, что острие пика достало до тонкой красной линии, идущей вдоль ленты, или пересекло ее, он должен сообщить нам, какая цифра соответствует этой точке. Цифры идут по нижнему краю ленты и сверху, над красной линией. Нижние цифры — черные, верхние — синие, они могут быть напечатаны не совсем ясно. Если у него возникнут сомнения, пускай скажет нам соседние.

Тильви долго объяснял связисту, это было похоже на детскую игру в испорченный телефон, и, когда посреди монолога Тильви связь все-таки прервалась, острый упрямый подбородок майора еще более выдался вперед, ноздри раздулись, он боролся с техникой, как с драконом, и я отлично представил себе Тильви лет через двадцать в чине генерала, возглавляющего еще какой-нибудь переворот или как минимум большие маневры.

Когда связь наконец восстановилась, Тильви на всякий случай повторил все инструкции, и еще минут через пятнадцать мы начали получать сведения с озера.

Пиков за пределами критических было куда больше, чем я ожидал, и больше, чем мы имели в Танги, — информация шла из эпицентра. Связь еще раза два прерывалась, и когда наконец мы кончили запись, я взглянул на часы и понял, что прошло больше часа.

— Спросите их, — попросил я Тильви, — Вспольный еще не возвращался?

— Я уже спросил, — сказал Тильви. — Может, у лодки сломался мотор...

— Передайте, чтобы, как только вернется, сразу нам звонил.

— Я уже сказал.

Майор сел на стул в углу и задумался, глядя прямо перед собой.

Ему пришлось ждать еще минут двадцать. Я хотел быть совершенно уверен.

— Ну вот, майор, — сказал я. — Должен вас огорчить. Землетрясение начнется завтра примерно в шестнадцать часов по местному времени.

Если я ожидал бурной реакции — возмущения, паники, растерянности, я ошибался. Тильви буднично спросил:

— А раньше может быть?

— Нет, это самый ранний срок. Девяносто процентов за то, что землетрясение будет после шестнадцати часов.

— Пускай так, — сказал майор. — Лучше, если будет еще светло. — Он встал. — Я пошел, — сказал он. — У меня чуть больше суток.

— Да, — согласился я, — чуть больше суток.

Когда майор ушел, Володя сказал:

— Я поеду обратно. Куда-то Вспольный запропастился.

— Перекуси сначала. На столе кофе и сандвичи.

* * *

ШИФРОВАННЫЕ РАДИОГРАММЫ

ЛИГОН ВРК БРИГАДИРУ ШОСВЕ ПОЛКОВНИКУ ВАНУ ИЗ ТАНГИ 12.20

ТОЧНЫЙ СРОК СОБЫТИЯ ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ 15 МАРТА ПОДТВЕРДИТЕ РАЗРЕШЕНИЕ СРОЧНОЙ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ЦЕННОСТЕЙ УСКОРЬТЕ ПРИБЫТИЕ КОЛОННЫ ГРУЗОВИКОВ ГДЕ ВТОРОЙ ТРАНСПОРТ С САПЕРАМИ ЖДУ МЕДИКОВ И ПРИПАСЫ СООБЩИТЕ МЕРЫ ПОМОЩИ

КОМИССАР ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОН

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 12.45

ПОДТВЕРЖДАЕМ ПОЛУЧЕНИЕ РАДИОГРАММЫ ОТДАН ПРИКАЗ ПЕРЕБРОСКЕ ГОРЮЧЕГО КОЛОННЕ ГРУЗОВИКОВ ВЕРТОЛЕТАМИ С АВИАЦИОННОЙ БАЗЫ ПОДПОЛКОВНИК КЕНГИ ОТОЗВАН ЛИГОН ТРАНСПОРТНЫЙ САМОЛЕТ САПЕРАМИ И МЕДИКАМИ ВЫЛЕТАЕТ ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА ГОТОВА ЛИ ПОСАДОЧНАЯ ПЛОЩАДКА ОБЕСПЕЧЬТЕ ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПРЕДЛАГАЕМ НАЧАТЬ НЕМЕДЛЕННО ЭВАКУАЦИЮ ГОСПИТАЛЯ ШКОЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЕСПЕЧЬТЕ ПОДДЕРЖКУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВЕТА ГОРНЫХ ФЕОДАЛОВ

БРИГАДИР ШОСВЕ

Князь Урао Као

— Вы не будете возражать, уважаемый господин капитан, — сказал я, входя в палату, — если я отниму у вас пять минут драгоценного времени? Я очень спешу, но счел своим долгом навестить вас.

— Что же, — сказал Васунчок, — я ждал, что вы придете, князь. Одну секунду... Капрал, эту записку немедленно пошли с нарочным майору Тильви Кумтатону.

Он протянул полицейскому конверт. Дорого бы я дал, чтобы узнать, о чем доносит Васунчок новому хозяину.

— Как ваше здоровье? — осведомился я. — Когда мы можем надеяться увидеть вас снова здоровым?

— Боюсь, что я уже не вернусь на свой пост, — ответил мне старый шакал. — Уйду в монастырь и там закончу свои дни. Надо взяться за мое дело кому-то помоложе.

— Ну что вы, капитан, — возразил я. — Кто может быть энергичнее вас? Именно ваша непреклонность вызывает наше искреннее восхищение и желание видеть вас на этом ответственном посту еще многие годы.

Голова полицейского была забинтована так, что он казался старушкой из горного селения, укутанной в платок. Кожа лица была желтой, болезненной, но глаза блестели и не отрывались от моего лица. Его даже пули не берут. Я взглянул на часы. Времени было в обрез. Капитан Боро уже в пути. Мои резервы на исходе, а враги в любой момент могут получить подкрепление из Лигона. Поэтому я начинаю штурм их линии обороны. Ее фортов. Один из опорных пунктов — этот немощный старик.

— Какое же дело заставило столь занятого человека снизойти до больного старика? — спросил капитан.

Я оглянулся. Полицейский стоял в дверях. Капитан ценил свою скромную персону, не смел остаться без охраны.

— Прикажите полицейскому выйти, — сказал я.

— Выйди, — сказал капитан. — Постой в коридоре.

— Я несколько раз старался найти с вами общий язык, — сказал я.

— Меня нельзя купить.

— Я не о деньгах. В интересах округа, чтобы между нами царило понимание.

— У вас было полное понимание с губернатором. Это мешало мне, потому что я не раз получал приказ остановиться на полпути.

— Губернатор — это наше прошлое. У меня с ним были свои разногласия, я никогда не считал его своим другом. Зато вам теперь повезло. В качестве комиссара вы получили родственника.

— Это не относится к делу.

— Мы квиты. Однако я все еще надеюсь, что мы договоримся. Хотя бы перед лицом бедствия, которое надвигается на наш город.

— Вы хорошо информированы, князь, — сказал капитан. — И когда же, по вашим сведениям, оно нагрянет?

— Неизвестно, — сказал я печально. — Русский геолог, который вез бумаги в Танги, умудрился потерять их по дороге. Теперь русские говорят, что не могут сказать точного срока.

— А мне сказали, что документы у русского геолога кто-то украл. И, возможно, не без помощи Матура.

— Ну вот, видите, как легко распространяются в нашем городе слухи. Мне горько сознавать, что подозрение пало на достойного человека, который приехал сюда по своим делам, не имеющим отношения к землетрясению.

— Покупать спичечную фабрику?

— Как заблуждаются те, кто считает вас больным и немощным. Вы, господин капитан, как орел, с высоты обозревающий мелочную суету и человеческие деяния.

— Меня удивляет это решение господина Матура. Он делец, а никто из дельцов не стал бы покупать фабрику, которую могут в любой момент национализировать.

— Предположим, что господин Матур плохой делец, предположим, наконец, что в страхе перед национализацией старый владелец продал ее Матуру за бесценок.

— Тантунчок? За бесценок?

Я предпочел оставить эту тему. Старик умело уводил меня от главного разговора.

— Господин капитан, я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать сделки господина Матура.

— Почему же? Господин Матур ваш близкий друг...

— Я мог бы подружиться с вами, но никогда с бенгальским торговцем... Я пришел к вам с просьбой.

— С просьбой?

— Как вы знаете, мое сердце давно раскрыто в сторону вашей прекрасной дочери. Более того, Лами привлекла к себе симпатии моей матери, что сделать нелегко. Я, как вам известно, веду себя по отношению к Лами как джентльмен. Ни разу не воспользовался влиянием для того, чтобы привлечь Лами. Мне

хотелось бы, чтобы ее сердце открылось навстречу моему по доброй воле...

Он не отвечал. Может быть, устал. Я продолжал:

— Склоняясь расположением к вашей уважаемой дочери, господин капитан, я рассматриваю вас как моего отца. Я не обращаю внимания на ваше нерасположение ко мне, потому что оно мотивируется служебным долгом. Через своих людей с громадным трудом я достал и передал с Лами лекарство для вас...

Капитан поморщился. Не сдержал злости, шакал.

— Я так и думал, — сказал он тихо. — Она обманула меня.

— Не сердитесь на Лами за ложь. Я лично просил ее не открывать правду. Что за радость мне добиваться вашего расположения подарками! Мы оба мужчины и понимаем, что лишь наши достоинства могут нас сблизить.

Я уже потерял пятнадцать минут. Машины капитана Боро едут к сосновой роще.

— Я пришел просить вашего согласия на то, чтобы Лами стала моей женой.

Ну сколько можно молчать! Ни один полицейский капитан в Лигоне не мог мечтать о такой чести. Я мог сделать предложение в Лондоне любой баронессе, я мог, наконец, жениться на правнучке последнего короля Лигона, но я делаю предложение дочери капитана полиции. Во мне бушевал восточный князь. Западный же джентльмен понимал, что среди сотен невест, которых подсовывали мне соседние вельможи или благонамеренные родственники, не было ни одной женщины, которая могла бы составить мне пару не только в этих диких горах, но и в любом европейском городе, которая была бы не традиционной дурой-супругой, сидящей в горном доме и плодящей детей, а дамой, достойной встать рядом со мной на самой высокой платформе под лучами юпитеров — подобно Жаклин Кеннеди. Ибо выбор жены в наши дни — это не вопрос престолонаследия. Старые феодальные традиции — фикция, которую могут стереть с лица земли росчерком пера чиновник в Лигоне или демонстранты с дурацкими лозунгами. Женитьба — это союз, который должен хорошо смотреться на экранах телевизоров.

— Что стоит за вашей просьбой? — нарушил молчание капитан.

— Я вас не понял.

— Почему вы пришли за этим сейчас, в спешке, когда в любой момент может начаться землетрясение?

— Именно поэтому, отец, — сказал я. — Мы переживаем

дни, которые могут прервать нить нашей жизни. И я хочу успеть...

— Неубедительно, князь, — сказал капитан. — Давайте вернемся к разговору через месяц.

— Могу ли я считать, что мои слова приняты благосклонно и я впредь могу именовать вас отцом?

— Подождите, князь. — Старый шакал не верил в мою искренность. И был прав. — Мы еще не спросили Лами.

— Я сам спрошу ее.

— Вы не увидите ее в ближайшие дни.

— Я надеюсь увидеть ее сегодня. На озере. Вам не скрыть красавицу от воина, едущего на боевом слоне... — Я весело засмеялся.

— Хорошо, князь. Я не могу вас останавливать. Вы хотели еще что-нибудь сказать?

— Да, отец. Только два слова. Комендант Танги капитан Боро вместе с вашими полицейскими уехал в сосновую рощу за монастырем. Кто-то сообщил полиции.

— Продолжайте, князь, — сказал полицейский. — Что уж таиться между родственниками. Боро вам сам доложил. Сколько он получил от вас в последний раз? На помощь беспризорным детям?

— Хорошо же, — сказал я, стараясь, чтобы угроза в моем голосе не была слишком очевидной. — Меня тоже устраивает откровенный разговор. Капитан Боро, вернее всего, не сможет отыскать пещеру с грузом.

— Чем же я могу ему помочь?

— Ничем. Но остаются ваши полицейские. Капитан Боро — трус. При них он не сможет действовать решительно. Я же не могу рисковать грузом. В нем будущее нашего с вами народа.

— Там наркотики. Опиум, который вы получили десятого марта. Там же лежит не отправленный ранее груз, из-за которого я получил три пули от ваших людей.

Полицейский говорил размеренно и тихо. И я понял, что он ненавидит меня. Это было неприятно. Я предпочитаю, чтобы люди относились ко мне хорошо, и потому, если приходится причинять кому-нибудь боль, я делаю все возможное, чтобы мое имя с этим не было связано.

— Нет, отец, — сказал я, — вас обманули. Там лежит оружие. Вернее всего, оно не понадобится. Но если груз обнаружат, это будет великолепный повод для военной хунты обрушиться с репрессиями на горцев и лишить нас остатков самостоятельности.

— Нас — это князей?

— Нас — это народы гор. И потому я униженно прошу вас, отец, во имя наших родственных отношений, во имя справедливости, послать записку — три слова вашим полицейским, отзывая их назад. Вот и все. Полицейские очень нужны в городе, потому что приближается землетрясение и надо следить за порядком. Я сам передам им записку.

— Нет, — сказал капитан.

Я почувствовал почти непреодолимое желание вытащить пистолет, висящий у меня под мышкой, и всадить пулю в эту желтую голову. Но это слишком рискованно.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь, потому что князь Урао Као не может просить об одном дважды. — Я уезжаю. Надеюсь, что вы сохраните наш разговор в тайне.

Капитан не ответил.

— Надеюсь также, — продолжал я, — что вы пошлете мне требуемую записку с нарочным. У вас же есть дежурный мотоциклист.

— Нет.

— На этот раз я не прошу. Я просто выражаю надежду. Я надеюсь, что ради счастья и безопасности вашей дочери вы сделаете это. А также ради безопасности старого Махакассапы, которому не стоило на старости лет становиться осведомителем. И чтобы у вас не оставалось сомнений, я заявляю, что отныне беру на себя безопасность Лами. Сведения о ее местонахождении я сообщу вам в обмен на записку. Иначе мне придется расправиться и с полицейскими, и с некоторыми другими людьми.

И тут нервы капитана не выдержали.

— Стойте! — крикнул он. — Сержант! Задержи его!

Я быстро направился к двери. Сержант влетел в нее и в растерянности замер на пороге. Я отшвырнул его. Серебряная серьга в правом ухе сержанта указывала, что он из племени Лоэ, которое уже триста лет вассал моего княжества. Сержант не смел задержать меня, но крики капитана подстегивали его. У выхода я обернулся. И моим глазам предстало неприятное зрелище.

Я видел, как капитан, похожий на привидение, обмотанный бинтами, в простыне, волочащейся за ним по полу, цепляясь за косяк двери, пытается выйти в коридор. Он тянет ко мне желтую руку, и пальцы дергаются в воздухе, как у мартышки, которая никак не может схватить банан. Он захрипел, и струйка крови прочертила подбородок. Сержант бросился к нему. «Надеюсь, теперь капитан одумается», — подумал я, подбегая к машине.

Мои телохранители на заднем сиденье смотрели на меня, разинув рты. Они никогда не видели, чтобы их повелитель так спешил.

Пока что я двигался на шаг впереди моих оппонентов.

Но это преимущество уменьшалось с каждой минутой, и, если я не буду энергичен, оно может исчезнуть вообще.

Я приказал шоферу пересесть назад, и он едва успел это сделать, как я рванул машину вперед. Времени оставалось в обрез. А мне еще надо было заехать в монастырь свести кое-какие счеты с неблагодарным человечеством.

* * *

Майору Тильви Кумтатону

Сейчас получил сведения: без всякого сомнения, капитан Боро — человек князя. Он сообщил ему о твоем приказе.

Васунчок.

Майор Тильви Кумтатон

В комендатуре я сразу пошел к связистам. Минут двенадцать я читал радиограммы, полученные в мое отсутствие, и составлял ответы. Когда я вышел оттуда и поспешил к себе в кабинет, меня догнал полицейский, который сказал, что у него ко мне записка от капитана Васунчока. Я взял конверт, и тут же меня отвлек связист, получивший новую радиограмму из Лигона. Я сунул конверт в карман и принялся за радиограмму. А потом, к стыду своему, забыл о конверте. Если бы я прочел записку сразу, то мог бы избежать многих осложнений.

В кабинете меня ждал бургомистр Джа Локри. Он сидел за моим столом, черкая что-то на бумаге. Я поглядел с неприязнью на его высушенную клерковскую фигурку, на большие очки. Я подозревал, что кто-то из близких мне людей информировал противников о наших планах. Скорее всего, им был бургомистр.

— Что у вас? — спросил я с порога.

Рука болела. Было такое ощущение, словно кто-то загонял в нее острые иглы. Я боялся, что началось воспаление.

— Я принес план эвакуации, — сказал бургомистр смиренно. Мой воинственный вид его смущал. — Как мы договаривались.

— Вы никому не рассказывали?..

— Даже жене, клянусь вам.

Я подошел к столу, и бургомистр быстро поднялся, чтобы

уступить мне место. Это еще более разозлило меня. Я заранее был готов к тому, что его план — чепуха.

— Вот список того, что надо эвакуировать в первую очередь, — сказал он, протягивая мне лист бумаги, исписанный ровным аккуратным писарским почерком.

Пока я пробегал взглядом список, он спросил:

— Срок еще неизвестен?

— К сожалению, известен, — сказал я, подчеркивая красным карандашом некоторые строчки... Карандаш шел криво, царапая бумагу, и я испытывал странное удовлетворение от того, что разрушаю произведение каллиграфического искусства, над которым бургомистр корпел всю ночь. — Срок — четыре часа пополудни. Завтра.

— Ох, — сказал бургомистр. — Я так надеялся...

И вдруг вся моя злость испарилась. Передо мной стоял худой пожилой человек в очках с толстыми стеклами. Человек этот был расстроен и подавлен диагнозом, в который он до последней минуты старался не верить. Это был его город, в нем жили его друзья и родственники, здесь ему был знаком каждый дом и почти каждая семья. Для него смерть этого города была подобна смерти близкого человека...

— Садитесь, господин бургомистр, — сказал я ему. — К сожалению, мы не можем ничего изменить.

— Да-да, конечно, — сказал бургомистр, садясь напротив меня. — Но всего один день... Я не предполагал...

— И я не предполагал.

— Здесь в списке...

— Погодите, — сказал я, отпирая ящик стола и доставая карту, принесенную мне профессором Котрикадзе.

Карта была разрисована концентрическими кругами, которые были похожи на изображение возвышенности на военной схеме. Вершина этого холма — самый маленький круг — у западного берега озера Линили, он захватывал островок на озере, деревню и монастырь Пяти золотых будд. Это эпицентр землетрясения, где толчки будут самыми сильными. Второй круг проходил через городок на северном берегу озера и длинным неровным овалом охватывал все озеро, прибрежные деревни и часть хребта на западном берегу. Город Танги и западная оконечность плато попадали внутрь третьего эллипса, на котором было написано: «8—9 баллов», что означало почти полное разрушение города.

— Мы должны, — сказал я, — решить, куда мы будем эвакуировать людей и имущество.

— Я полагаю, вниз, к железной дороге.

— До железной дороги сто миль. Кроме спуска с плато к озеру, на пути еще два перевала. Боюсь, что мы ничего не успеем сделать. Посмотрим в другую сторону.

Я провел карандашом линию по дороге, которая вела из Танги на плато, на восток, к рубиновым копям. Когда карандаш вышел за пределы последнего круга, я поставил точку.

— Нет, — сказал Джа Локри. — Все равно придется ехать почти сто миль по плохой дороге.

— Что же вы предлагаете?

— Вот здесь, — сказал он, показывая на точку примерно на середине красной линии, проведенной мной, — стоит большая деревня Моши. Она расположена в широкой высокогорной долине. Я знаю эти места. По вашей карте землетрясение здесь будет силой три-четыре балла. Это опасно?

— Я спрошу профессора.

— И дорога до Моши приличная, без перевалов.

— Часть палаток уже прибыла, — сказал я. — Штук сто. Они восьмиместные, солдатские. Сегодня же надо отправить в Моши взвод саперов, которые будут устанавливать палатки.

— Это капля в море, — сказал бургомистр.

— Сколько жителей в Танги?

— По моим расчетам, более десяти тысяч. Не считая, конечно, деревень по берегам озера, вдоль дороги. Наверно, наши заботы, господин майор, должны распространиться на двадцать тысяч человек.

— Двадцать тысяч! — Только тогда до меня дошла необъятность этой цифры. Одних палаток нужно больше двух тысяч! А если вспомнить, что этих людей надо везти, кормить, обогревать, потому что в горах ночью холодно... — Ну что стоило русским сообщить мне об этом хотя бы два дня назад!

Бургомистр никак не реагировал на восклицание, не делавшее мне чести. Он, наверно, знал, что лишь три дня назад мы с русскими чудом выбрались из долины Лонги.

— Хорошо, — сказал я, скорее чтобы утешить себя. — Мы не одни. Лигон нам уже помогает.

Бургомистр покорно кивал головой.

— Значит, куда вывозить людей, мы решили, — сказал я. — Теперь список. Я просмотрел его.

Я прочел вслух то, что подчеркнул сам.

Госпиталь, родильный дом, муниципальная школа, миссионерская школа...

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН СРОЧНО БРИГАДИРУ ШОСВЕ ИЗ ТАНГИ 13.50
ПРИ ПЕРВЫХ ЖЕ ПОДСЧЕТАХ ОБНАРУЖИЛОСЬ ЧТО ОПАСНОСТЬ ОБВАЛОВ И ПРЕКРАЩЕНИЕ СВЯЗИ СО СТАНЦИЕЙ МИТИЛИ ПРИВЕДЕТ К ОСТРОЙ НЕХВАТКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И МЕДИКАМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЬТЕ ПЕРЕВОЗКУ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ТЕЧЕНИЕ СУТОК УЧИТЫВАЙТЕ ОПАСНОСТЬ ТОГО ЧТО АВИАЦИОННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕННО ПРЕКРАТИТСЯ КОЛИЧЕСТВО ПРИСЛАННЫХ ПАЛАТОК НЕДОСТАТОЧНО ДО СИХ ПОР НЕ ПРИБЫЛА КОЛОННА ГРУЗОВИКОВ ПОСЛЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ РАЙОНА МОШИ КУДА НАМЕЧАЕМ ЭВАКУАЦИЮ ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ПРИСЛАННЫЕ ВОЙСКА НЕДОСТАТОЧНЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОРЯДКА ТРЕБУЕТСЯ ЕЩЕ ОДНА РОТА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ МОШИ НЕМЕДЛЕННО СООБЩУ ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОТРЕБНОСТИ И ПЛАНЫ

МАЙОР ТИЛЬВИ

Директор Матур

Обнаружив пропажу портфеля, шофер машины, мрачный и грубый солдат, опасаясь, что ему попадет от начальства, заставил меня под угрозой физических действий забраться в джип и привел в комендатуру, где лишь моя настойчивость спасла меня от дальнейшего задержания. Я был искренен в своем неведении. Я не видел, кто и когда взял портфель: я выполнял маленькую роль в этом спектакле — отвлекал внимание мистера Ли и шофера.

Меня в конце концов отпустили, но, разумеется, с той минуты я потерял доверие русских геологов и господина майора. И я глубоко убежден, что в интересах князя было лучше сберечь мою репутацию для более важных дел.

Выйдя из комендатуры, я некоторое время сидел на краю зеленого газона. Мне никуда не хотелось идти. Я был одинок и никому не нужен. Всю свою жизнь я пекусь о благе других людей, порой забывая о своих интересах, и мой идеализм в результате приводит к горьким разочарованиям. Да, я сделал большое дело, возможно, помог спасти значительную часть состояния моему другу князю Урао Као. Но сам я был использован и выброшен, словно грязная зубочистка.

Размышляя так, я наблюдал за происходящим вокруг. Ку-

да-то поспешил майор Тильви, и мне подумалось, что он слишком легкомысленно относится к собственной безопасности — многие бы люди в Танги не пожалели денег и усилий для того, чтобы избавиться от этого слишком деятельного человека. Через несколько минут джип майора снова промчался мимо дворца, на этот раз в сторону госпиталя. Еще раз — на аэродром, еще раз — к дому геологов. Как тщетны его усилия, как бессмысленна жизнь!

В поле моего зрения попал медленно бредущий по газону человек, в облике которого ощущалось чрезмерное покорство судьбе. Это был Чин Цзоу-ши, хозяин кинотеатра «Кинг». Китаец узнал меня и поклонился.

— Чем вы опечалены, уважаемый Чин? — спросил я старика.

— Тяжелые времена, господин директор, — сказал он.

— Да, — согласился я, — тяжелые времена.

— Вы слышали, — спросил Чин, — что национализировали иностранные компании? Что будет дальше?

— Дальше? Дальше будет еще хуже. — Я не хотел пугать старика, я сам в это верил. — Они дойдут до того, что национализируют все вплоть до разносчиков лимонада, а потом лопнут, как обожравшийся москит.

Я был мрачен. Старик совсем растерялся. Он вцепился пятерней в свою бородку и тянул ее книзу, словно хотел оторвать. Он был похож на старичка с древней китайской картинки. Такие прогуливаются по садам и смотрят на сосны. На самом деле это был довольно жадный и коварный старик.

— Но у меня лигонский паспорт, — сообщил он мне, словно это могло спасти его от бед.

— Паспорт! — Я вложил в это слово все возможное презрение. — Уже у моего деда был лигонский паспорт.

— И они все отнимут? — спросил Чин, желая, чтобы я его разубедил.

Тут меня осенила мысль. Это была случайная мысль, рожденная за момент до того, как превратилась в слова.

— Вы еще можете что-то спасти, — сказал я.

— Как?

— Продавайте. Продавайте все немедленно.

— Но кто купит мой кинотеатр?

— Да. Кинотеатр — это плохо. Армия намерена в первую очередь взять в свои руки все идеологические учреждения.

— И он старый, я собирался его ремонтировать, но совсем нет свободных денег...

Чин — мелкий делец. Мне понадобилось всего девять минут, чтобы узнать, что кинотеатр застрахован на сто двадцать тысяч. И старик готов с ним расстаться тысяч за тридцать. Но я не мог предложить свои услуги. Как только я выражу желание купить этот кинотеатр, старик тут же заподозрит неладное. Что же делать?

Я распрощался с китайцем, поклявшись, что буду весь день думать, где отыскать покупателя на кинотеатр. В моей жизни возникла цель. И я побежал на телеграф.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН СЕРЕБРЯНАЯ ДОЛИНА 18 МАТУРУ САДУ
ПОД ЗАЛОГ МОИХ АКЦИЙ БРИТИШ ПЕТРОЛЕУМ СРОЧНО ВЫШЛИ СОРОК ТЫСЯЧ ВАТОВ А ТАКЖЕ ТЕЛЕГРАФОМ ОТ ИМЕНИ НАШЕГО ДЯДИ ДЖА РАДЖЕНДРЫ СОГЛАСИЕ НА ПОКУПКУ СОБСТВЕННОСТИ В ВИДЕ КИНОТЕАТРА КИНГ В ТАНГИ УПОЛНОМОЧИВАЯ МЕНЯ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ И ЗАКЛЮЧАТЬ СДЕЛКИ ПРИБЫЛЬ ГАРАНТИРУЮ

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ МАТУР

Лами Васунчок

Я верю в предчувствия. И сколько бы я ни училась в университете и ни читала бы книг, я все равно останусь в глубине души девочкой из горной деревни, верящей в злых духов, которые живут на деревьях, и в вестников судьбы, приходящих к людям во сне и наяву.

В то утро я проснулась сама не своя. Всю ночь мне снились кошмары, но я их не запомнила. Когда я проснулась, то решила, что плохо с Володей. Мой отец в госпитале, там вокруг люди, отцу ничего не грозит. Дедушка Махакассапа сказал, что местные крестьяне видели человека, похожего на Па Пуо, и поэтому я боялась за Володю, который ездит по горам совсем один. Но в то утро я неправильно разгадала предчувствие.

Я ушла из монастыря, миновала сад и остановилась под деревом недалеко от деревни, чтобы видеть, как Володя поедет в город. Он сказал мне вчера, что с утра уедет в город, но скоро вернется. Я стояла долго, но меня никто не заметил. Потом я увидела Володю. Он был вместе с толстым русским господином в очках. Они говорили, стоя возле машины, потом Володя уехал.

Он не увидел меня и не чувствовал, что я смотрю на него. Я еще постояла немного, и мне было лучше, потому что Володя веселый и здоровый. Потом я пошла к дедушке Махакассапе. Я хотела, чтобы он меня успокоил, он знает слова, которые могут вернуть душе покой. Но пришли люди из деревни Лонги, которые хотели посоветоваться с пандитом, потому что слышали, будто новое правительство отберет землю у Фена Мо и отдаст китайцам.

Я взяла книжку из библиотеки дедушки. Это была старая книжка джатак, многие из них я помнила с детства. Мимо ворот прошли пешком русский в очках и солдат. Они шли в сосновую рощу, чтобы смотреть на приборы.

Я знала, что здесь будет землетрясение, но меня это не пугало. Мне даже хотелось, чтобы землетрясение обязательно было, иначе люди подумают, что Володя и высокий профессор их обманывают.

Потом я снова ходила в сад и ждала, когда вернется Володя, но Володя все не возвращался.

Я не знаю, сколько я стояла в саду, наверно, долго.

Наконец я услышала, что едет машина.

Но это был не Володя. Это была большая машина Као. Као сам правил ею. Шофер сидел сзади вместе с телохранителями из племени Урао, которым Као велел одеваться в древнюю боевую одежду воинов. В этом не было нужды, но Као всегда опасается, что другие феодалы будут над ним подсмеиваться, потому что он учился в Англии, играет в гольф и одевается, как иностранец. Као всегда беспокоится, что скажут о нем люди, и из-за этого иногда совершает поступки, над которыми люди смеются. Мне иногда кажется, что есть два Као — один добрый, интеллигентный, который играет со мной в теннис и говорит о новых книгах, а другой — чужой и холодный, погруженный в политические интриги и какие-то темные дела.

Као остановился у ворот монастыря, выскочил из машины и, не снимая ботинок, побежал внутрь. Видно, что-то случилось. Као всегда гордится тем, что никогда не теряет присутствия духа. Он говорил мне, что из него вышел бы хороший генерал, и даже в шутку спрашивал меня, не прельщает ли меня роль жены боевого генерала.

Я подошла к воротам как раз в тот момент, когда Као, не найдя меня, снова выбежал на дорогу.

— Лами, дорогая, как хорошо, что я тебя нашел! — воскликнул он. — Я мчался к тебе от самого Танги.

— Что случилось? — спросила я, чувствуя, как сжимается сердце.

— Твоему отцу стало хуже, — сказал Као взволнованно. — Отец просил меня быстро привезти тебя к нему.

— Ой, Као! — воскликнула я. — Подожди минутку, я только переоденусь.

— Неужели ты будешь терять время из-за таких пустяков? — укорил меня князь. — Я мчался...

Я без слов направилась к машине.

— Сядешь впереди, рядом со мной, — сказал Као.

— Постойте, молодой человек, — услышала я голос дедушки Махакассапы, который был недоволен тем, что князь даже не поздоровался с ним. — Вы привезли какую-нибудь записку от господина Васунчока?

— Заткнись, грязный доносчик! — крикнул вдруг Као так громко, что, наверно, было слышно в деревне.

Старик даже пошатнулся. Я никогда не думала, что кто-нибудь может оскорбить пандита Махакассапу. Монахи, стоявшие поодаль, ахнули.

Као уже был в машине и включил зажигание.

— Как ты мог, Као... — сказала я.

— Молчи! — ответил он. — Я знал, что говорил. Этот монах — грязный полицейский доносчик.

И я замолчала. Као был так взволнован, что я боялась, что он может натворить что-нибудь страшное. Дедушка сделал шаг, чтобы встать на пути машины, но Као успел рвануть руль в сторону, я ударилась головой, машина подпрыгнула и помчалась вверх, в гору. Машина проехала, наверно, полмили по лесной дороге, прежде чем я настолько пришла в себя, что сообразила, что мы едем не в ту сторону.

— Као, — сказала я, — ты хотел отвезти меня в Танги.

— Конечно, — ответил князь. — Но сначала я должен заехать в сосновую рощу и встретить там человека.

И в ту же секунду небо наказало Као. Если бы он поехал в Танги, как обещал, его шина не напоролась бы на острый камень или гвоздь. Вдруг машину занесло, что-то застучало, князь стал тормозить, и машина остановилась, уткнувшись носом в кювет.

— Шина! — крикнул князь, распахивая дверцу и выскакивая наружу.

Из задней двери уже вылезали шофер и телохранители. Князь был так возбужден, что, несмотря на свою тревогу, я заме-

тила, как он похож на журавля, который гонится за змеей и никак не может схватить ее клювом.

Шофер открыл багажник, чтобы вытащить запасное колесо. Я спросила князя:

— Что с отцом?

— Его арестовал майор, — сказал князь, не глядя на меня. — Прямо в больнице. И отцу плохо с сердцем.

— Тильви?

— Да. Он объявил твоего отца реакционером и грозится его расстрелять.

— Но Тильви... — Мне хотелось думать, что это еще одна выдуманная князем история.

— Тильви с его русскими готовит в Танги землетрясение, — сказал Као, глядя, как шофер крутит ручку домкрата. — Капитан Васунчок хотел им помешать.

«Как хорошо, — подумала я, — что Као опять лжет».

— Као, — сказала я, — раз ты задержался, я вернусь в монастырь и переоденусь. На обратном пути ты меня захватишь.

— Ты что думаешь, — взвился он, — что я буду тормозить перед логовом этого мерзавца?

— Даже твоим людям стыдно слушать богохульство, которое ты извергаешь, — сказала я.

Наш спор оборвался, потому что снизу загудела машина. Я подумала, что это возвращается Володя, и испугалась. Он один, а князь со своими людьми...

— Сейчас же в машину! — сказал Као, открывая дверцу. — И не шевелиться!

Я не посмела ослушаться. На этот раз меня втолкнули на заднее сиденье, и один из телохранителей сел рядом. Телохранитель был молодой парень, на его щеках были наведены белой краской боевые узоры, перья на голове упирались в потолок машины, и у него был идиотский вид, словно он ехал на съемки фильма про индейцев. Но в руке у него был самый настоящий автомат.

Я замерла. Я думала, что для Володи будет лучше, если он меня не увидит. А то он встревожится за меня, начнет спорить с князем, и ему будет угрожать опасность.

Я осторожно обернулась. Через заднее стекло я увидела, что нас догнали два голубых полицейских джипа. В передней машине рядом с водителем сидел капитан Боро.

Князь вышел на дорогу и поднял руку. Но джипы и без того уже остановились.

Князь сказал что-то капитану, тот засмеялся, и солдаты, выскочившие из второго джипа, тоже засмеялись. Князь с капитаном давно знакомы. Капитан Боро иногда приходит на корт князя. Но он плохо играет в теннис, даже я с ним играю с гандикапом.

Потом князь обнял Боро за плечи и склонился к нему, потому что был на две головы выше. И они пошли в нашу сторону, подальше от солдат, и остановились шагах в десяти от машины, на краю леса.

Князь, видно, забыл, что окно в машине опущено и мне все слышно.

— Мы не спешили, — говорил капитан Боро. — Я даже приказал свернуть с дороги и вымыть машины в озере. Но я не мог совсем не ехать. Полицейские мне не подчиняются. Они обязательно донесут своему капитану...

Так и есть, ничего с отцом не случилось. Но если бы я в тот момент знала о том, что Као убил моего отца, разве я бы осталась в машине? Я бы выскочила наружу, я бы так кричала, что капитан Боро взял бы меня к себе в машину. Он не посмел бы при солдатах и полицейских подчиняться князю. Но я ничего не знала и послушно сидела в машине.

— Я сровняю тебя с землей, — тихо и страшно сказал князь, — если ты посмеешь своевольничать.

— Я могу арестовать вас, князь, — ответил Боро.

Он стал малиновым. Густые брови наползли на узкие глаза.

— Арестуй, — сказал князь. — И долго ли ты проживешь после этого?

— Я пошутил, — сказал Боро почти шепотом, и его брови полезли вверх.

— Я тоже люблю шутки, — сказал князь.

— Но я не могу ослушаться приказа.

— Выполняй свой приказ. Но дай мне еще полчаса.

— Как?

— Не мне тебя учить. Объяви привал, допроси солдат, не видели ли они чего-нибудь подозрительного.

— Ясно, князь, но ведь я не один.

— Я рискую большим. Ты останавливался. А это что такое? — Князь словно увидел привидение.

Я оглянулась и увидела, что с солдатами стоит староста из монастырской деревни.

— У меня были инструкции, — сказал капитан, — взять этого человека в деревне. Махакассапа велел ему показать нам пещеру.

— Это еще не хватало!

— Я ничего не могу сделать, — сказал Боро. — Я же между двух огней.

— Мой жжет сильнее, — сказал князь. — Ты не останавливался в монастыре?

— Нет. Староста ждал меня в деревне.

— Старосту не слушайся. Скажи, что сначала ты должен поговорить с солдатами в сосновой роще. Иди.

Князь подошел к машине.

— Готово? — спросил он. — Пошевеливайся.

— Да, — раздался голос шофера откуда-то снизу. — Сейчас только подкручу.

— Отдыхайте! — крикнул Боро солдатам. — Привал десять минут.

Не замечая меня, Као сел за руль. Шофер гремел багажником, укладывая туда колесо. Князь крикнул:

— Брось колесо на дороге! Потом заберем!

Шофер послушался. Као рванул машину вперед, и она помчалась к роще, оставив позади полицейские джипы.

Не доезжая до сосновой рощи, Као свернул на широкую тропу, и, ударяясь о корни, наша машина начала продираться вверх. Мне казалось, что она вот-вот разобьется или застрянет. Но Као, закусив нижнюю губу, упрямо вел машину в гору. «Только бы Володя не приехал, — повторяла я. — Пускай он не спешит...»

Отар Давидович Котрикадзе

На веранде послышались голоса, шум, женский плач, и мне пришлось оторваться от компьютера. Там стояла медсестра с узлом в руке, вся в слезах.

— Что случилось? — спросил я хрипло.

Неожиданное появление человека, связанного с миром болезней, ран и смертей, всегда вызывает тревогу. Но сестра с помощью солдата объяснила мне, что в госпитале умер хозяин этого дома — капитан полиции. Медсестра принесла домой его пожитки, а взамен ей надо было взять какие-то вещи из его комнаты, чтобы одеть мертвого. Они с солдатом поднялись наверх. Я слышал их шаги над собой. Потом вдруг понял, что этот капитан — отец Лами, в которую влюбился мой Володя. Я вспомнил, как Лами везла ему лекарство из Лигона, как трогательно старалась спасти в самолете сумку с лекарством... И я минут пять сидел, ничего не делая, прислушиваясь к шагам и голо-

сам наверху и думая о том, как ты соприкасаешься с другими людьми, приближаешься к ним, иногда даже временно превращаешься в часть их мира, чтобы потом уйти дальше, потерять этих людей и потеряться для них...

Потом я заставил себя вернуться к вычислениям. И тут же появился майор Тильви, который хотел, чтобы я подтвердил выбор деревни Моши для эвакуации и, если возможно, съездил бы туда сам. Поездка, сказал Тильви, займет часа два. И может, я на всякий случай поставлю там свой ящик? Он имел в виду датчик. Он показал мне это место на карте. По моим расчетам, деревня находилась вне четырехбалльной изосеймы. Я быстро собрался и сказал майору:

— Оставьте здесь кого-нибудь, знающего английский язык, на случай, если позвонит Володя.

— Хорошо, — сказал майор.

В этот момент сверху спустилась медсестра. Тильви спросил ее, что она здесь делает. Сестра заплакала и объяснила, в чем дело. И тут я понял, как молод наш майор и как он устал. Он сделал шаг назад, нащупывая спинку стула, опустился на него, подняв к глазам сломанную руку, и серая перевязь закрыла его лицо подобно парандже...

Через час с небольшим я был в деревне Моши, широко раскинувшейся в пологой горной котловине. Место было удачное. Даже если толчки здесь превысят расчетные, эвакуированным ничего не угрожает.

На большой поляне солдаты окапывали четырехугольники и ставили большие армейские палатки. Голые мальчишки кружились стаей в восторге от такого развлечения, а поодаль стояли в ряд женщины в коротких черных накидках и с множеством бус.

Я установил датчик на зеленом склоне, за деревней.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 15.20

УСКОРЬТЕ ЭВАКУАЦИЮ СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ ПОДЧЕРКИВАЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПАЛАТКИ ПЕРЕШЛЕМ СООБЩИТЕ ПРИБЫТИЕ КОЛОННЫ ГРУЗОВИКОВ ИНФОРМИРУЙТЕ НАС ТРУДНОСТЯХ

ПОЛКОВНИК ВАН

Юрий Сидорович Вспольный

Меня хранили духи местных гор. Когда я почувствовал, что камни предательски поползли из-под ног, я несколько секунд старался сохранить равновесие, буквально царапая ногами скалу, но не удержался и на животе поехал вниз. Я ничего не слышал и не видел, мне казалось, что мое падение привлекло внимание не только часового, но и каждой мухи в радиусе десяти километров. Камни резали мне живот, сдирая одежду и кожу...

Мое скольжение вниз прервалось столь неожиданно, что я не сразу понял, что остановился.

Оказывается, я пролетел по крутой осыпи метров двадцать и задержался за скалу, которая поднималась над осыпью. Эта скала имела глубокую выемку с той стороны, где я находился. Так что, когда, больно ударившись в камень ногами, я замер, обнаружилось, что я был прикрыт скалой от часового, который услышал шум моего падения. но, выглянув из своего укрытия, меня не заметил.

Это везение имело и отрицательную сторону. Я был в ловушке. Ниже меня метров на сто тянулась голая осыпь без единого крупного камня. Подняться на двадцать метров вверх к обрыву или отползти в сторону я не мог, потому что осыпь была крутой и эти двадцать метров я преодолевал бы так долго и шумно, что часовой за это время меня бы раз двадцать подстрелил.

Помимо этих соображений, было еще одно, личного порядка, которое также препятствовало моему уходу из этого укрытия. Оно заключалось в том, что при падении с откоса я разорвал камнями всю переднюю сторону моей одежды. Даже трусы были разорваны в клочья. То есть я, оставаясь одетым сзади, был спереди совершенно обнажен. Осознание этой беды повергло меня в глубокое расстройство, ибо, помимо физического неудобства, я был лишен достоинства представителя нашего государства.

Не думая пока об отступлении, я присел за скалой и, превозмогая резкую боль в исцарапанном теле, постарался из остатков брюк соорудить себе набедренную повязку. Затем, все так же соблюдая осторожность и таясь за скалой, я снял пиджак и рубашку (то есть спину пиджака и спину рубашки), надел рубашку таким образом, чтобы она закрывала мне грудь, а поверх натянул пиджак, прикрывающий спину. Теперь мой вид был почти приличным. Тут я понял, что разбил очки. В погнутой оправе осталась лишь половинка одного из стекол. Покрутив остатки очков в руках, я умудрился сделать из стекла и дужки нечто вроде монокля, который приходилось держать в руке.

В таком положении я скрывался за скалой, беспокойно размышляя о том, как мне вернуться в рощу. Ведь подошло время менять ленты в датчиках и возвращаться обратно, а сделать этого я не мог.

Вокруг стояла тишина. Солнце палило сверху, и маленький кусочек тени у скалы постепенно передвигался наверх. Я не имел возможности последовать за ним, так как немедленно оказался бы в поле зрения часового. Я понял, что непременно обожгу неприкрытые ноги, так как моя белая кожа плохо поддается загару. Надо мной кружились надоедливые мухи, которые почуяли запах крови, сочившейся у меня из царапин на груди и животе и ссадин на коленях. Прошло больше часа, но никто не шел мне на выручку. Я уже подумал о том, чтобы сломя голову побежать вниз, а там будь что будет, но отказался от этой мысли во избежание дипломатического скандала.

Внезапно мое внимание было привлечено натужным ревом автомобильного мотора. Я понял, что со стороны монастыря приближается машина, что было странно, так как дорога проходила значительно ниже, более чем в километре. Может, это ищут меня? Однако вскоре шум мотора оборвался, и я снова оказался в полной тишине, если не считать назойливого жужжания мух. В вышине надо мной кружили орлы или какие-то другие, схожие с ними птицы, которые, очевидно, рассчитывали, что я скоро умру и стану их добычей. Это вконец меня расстроило. По причине своего легкомыслия я оказался не в состоянии выполнить задание товарища Ли, тогда как советские ученые возлагали на меня большие надежды.

Еще через несколько минут я услышал голоса — кто-то шел по тропе, ведущей к расщелине. Надеясь, что это мои союзники, я со всей осторожностью лег на камни и пополз вниз, чтобы заглянуть за скалу.

По тропе поднимался князь Урао Као, тот высокий джентльмен в гольфах, который пришел к нам на выручку после катастрофы. На этот раз он был облачен в обычный костюм. За ним следовала девушка Лами, наша спутница по самолету. Шествие замыкали два телохранителя князя. В первый момент я ощутил радость по поводу того, что я спасен, но тут же меня пронзила мысль: зачем эти люди идут именно к расщелине? Там же бандиты! Я открыл было рот, чтобы криком предупредить их, но остановился, ибо склонность к логическому мышлению подсказала мне, что их выбор именно этой тропинки не случаен. И в этом моем подозрении меня укрепило то, что девушка шла к расщелине не по своей воле.

Не надо быть опытным психологом, чтобы убедиться в этом. Один из телохранителей шел за девушкой, и его автомат упирался ей в спину. Господи, подумал я, как я расскажу об этом Володе?

Процессия скрылась за скалой, и мне пришлось переползать так, чтобы оказаться по другую ее сторону. Когда я осторожно высунул голову в открытое пространство между скалой и обрывом и приставил к глазу запылившийся монокль, я понял, что был совершенно прав в своих подозрениях. Как это ни странно, горный аристократ князь Урао был союзником бандита Па Пуо. «Вот он, союз бандита и феодала, — подумал я, — вот он, путь, по которому идет местная реакция!»

И, как бы желая наглядно проиллюстрировать мой тезис, из расщелины навстречу князю вышел Па Пуо и поклонился феодалу. Тот остановился, показав знаком своим телохранителям, чтобы они провели Лами в расщелину. Мне видно было, как девушка бросила последний взгляд вниз, словно надеялась, что я приду к ней на помощь. Князь и бандит еще некоторое время советовались. Мне следовало немедленно организовать освобождение Лами. Несмотря на срочность смены лент датчиков, на первое место мы обязаны ставить проблемы гуманности.

Однако мне не сразу удалось оставить свое укрытие.

Часовой снова вышел на площадку у расщелины и стоял там, поглядывая в сторону рощи. Возможно, ему было с высоты видно что-то, укрывшееся от моего взора. Мне пришлось опять заползти за скалу. Ноги начало щипать — они обгорели. Я представил, какие муки ждут меня ночью. Положение было отчаянным. Еще немного, и я, невзирая ни на что, побежал бы вниз. Но снова послышались голоса, из расщелины показался князь Урао. Он вел под руку Лами, и могло показаться, что они мирно беседуют, но руки девушки были связаны. За князем следовали телохранители и бандиты во главе с Па Пуо, они тащили тюки. Лишь часовой остался на месте. Это заставило меня предположить, что они вернутся. И в самом деле, не прошло и пятнадцати минут, как бандиты показались вновь. Они так спешили, что бежали рысцой. На этот раз часовой тоже взял тюк и покинул расщелину. Я знал, что они далеко не уйдут. Дождавшись, когда последний бандит скрылся за стеной кустарника, начинавшегося за осыпью, я поднялся и побежал, поддерживая остатки моего костюма, в другую сторону.

И лишь когда я миновал открытое пространство и приближался к сосновой роще, навстречу мне вышли солдаты во главе с капитаном Боро и сержантом Лаво.

При виде меня они замерли, и мои призывы срочно следовать за мной остались без внимания, так как они стояли как вкопанные. Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался, что виной тому мой внешний вид. Ведь сержант Лаво расставался со мной, когда я был одет вполне прилично, а сейчас перед ними стояло чудище, подобного которому им, наверно, не приходилось видеть.

Князь Урао Као

Убедившись, что груз перенесен в резервную пещеру и надежно укрыт — сыщикам Васунчока его не найти, я решил возвратиться в Танги. Существует высшая мудрость командира — пребывать в штабе и оттуда руководить операциями.

Я оставил Лами под охраной Па Пуо, заверив несчастную девушку, что он ни при каких обстоятельствах не причинит ей зла. Более того, я сказал ей о том, что только сегодня, несмотря на занятость, я просил ее руки у отца. Наконец мне пришлось прибегнуть к последнему аргументу: любая ее попытка убежать плачевно закончится для ее отца.

Я не лицемерил. В тот момент я не подозревал, что капитана Васунчока уже нет в живых.

На обратном пути я доверил руль шоферу, чтобы спокойно подумать. Меня беспокоило, что до сих пор не появился гонец от капитана Васунчока с приказом полицейским вернуться в Танги. Неужели жалкая принципиальность старика доведет его до аморального решения пренебречь безопасностью единственной дочери? Значит, я плохо разбираюсь в людях. Все равно капитан полиции у меня в руках. В случае, если он окажется слишком непреклонным и попытается поднять на меня лапу закона, я всегда оправдаюсь безумной любовью к его дочери, которую я, как дозволено возлюбленному, унес на руках в джунгли. И общественное мнение будет на моей стороне...

Монастырь показался мне обезлюдевшим, мертвым, заброшенным. Мне как-то пришлось набрести в горах, куда я порой удаляюсь с ружьем и телохранителем, на заброшенный монастырь. Нечто патетическое было в растрескавшейся пагоде, в облезлых, пятнистых, опутанных лианами фигурах Хранителей у ворот, в провалившейся кровле зала Посвящений — сик транзит глория мунди. Так проходит людская слава — учили меня наставники в миссионерском колледже.

В деревне у поворота к озеру стояли два армейских джипа. Возле них о чем-то возбужденно разговаривали незнакомый мне

офицер и молодой русский. Не его ли видел Па Пуо с Лами? Ну что ж, тебе придется прекратить свои свидания с невестой самого князя Урао.

Я спешил вернуться в Танги, потому что не хотел обольщаться временными удачами. В любой момент положение могло измениться к худшему.

Когда мы проезжали городок Линили, я обратил внимание на необычную суету на улицах. Случилось нечто, заставившее людей покинуть свои дома. У меня мелькнула надежда, что военное правительство пало и власть вернулась к сторонникам закона и порядка. Толпа людей стояла у наклеенного на стену дома объявления. Один из мужчин, размахивая в такт рукой, читал его вслух. Я протянул было руку к шоферу, чтобы остановить машину, но затем передумал и сказал:

— Гони.

У въезда в Танги я увидел одинокую фигуру, стоящую у дороги. При виде моей машины фигура замахала руками, привлекая внимание. Я узнал Матура.

— Какое несчастье, князь! — закричал толстяк. Он обежал машину вокруг, и я опустил стекло.

— Что случилось?

— Плохо. Очень плохо! Полчаса назад по городу расклеили объявления, в которых сообщается, что завтра в городе ожидается землетрясение... Вот, смотрите, я сорвал... Что делать, что делать? — повторял Матур убитым голосом, и его мокрые красные губы дрожали, как у обиженного ребенка.

— Заткнись, не мешай читать! — оборвал я его.

* * *

Гражданам города Танги и горных трактов Линили,
Лонги, Фен, Вао, Тхань.
От военного комиссара округа Танги
и временного гражданского губернатора Танги.

ОБРАЩЕНИЕ

Согласно научным прогнозам, в районе города Танги и округов Лонги, Линили, Фен, Вао и Тхань ожидается землетрясение большой разрушительной силы. Землетрясение начнется завтра, 16 марта, во второй половине дня, примерно в 4 часа пополудни.

В связи с опасностью для жизни и имущества граждан по поручению Временного революционного комитета объявляем:

1. Все без исключения жители указанных трактов и населенных пунктов, расположенных на них, должны после полудня 16 марта покинуть помещения и находиться по возможности дальше от горных склонов, скал, ущелий, осыпей и других мест, опасных для людей во время землетрясения.

2. Население города Танги и окрестных населенных пунктов немедленно эвакуируется в район деревни Моши, для чего магистрат и военное правительство предоставляют транспорт, помогают жильем, обеспечивают продовольствием и одеждой.

3. Помимо населения, из города Танги по возможности вывозятся все ценности, включая оборудование фабрик, мастерских, школ, больниц и т. д.

4. Все население должно деятельно помогать правительственным органам в осуществлении указанных мероприятий по ликвидации опасности для людей и ценностей.

5. Время, последовательность и маршруты эвакуации будут разъяснены последующими приказами.

6. Для обеспечения порядка эвакуации создается специальный комитет общественного спасения во главе с чрезвычайным комиссаром Временного революционного комитета майором Тильви Кумтатоном. Указания и распоряжения комитета являются обязательными для всех жителей округа Танги.

7. Для обеспечения полной безопасности и порядка, для пресечения в корне злонамеренных слухов, попыток саботажа, грабежа оставленного имущества и т. д. в округе Танги с 17.00 15 марта объявляется чрезвычайное положение. Любой нарушитель законности и порядка подлежит наказанию по законам военного времени.

Граждане Танги, мы надеемся, что за короткий срок с помощью населения нам удастся полностью нейтрализовать стихию! Не поддавайтесь панике и унынию! Впервые в истории нашего государства мы намерены обезвредить бедствие, ранее вызывавшее ужас у населения. Подобный результат стал возможен лишь после прихода к власти Временного революционного комитета. Сохраняйте спокойствие! Доверьтесь своему правительству!

Комиссар ВРК майор Тильви Кумтатон.
Временный гражданский губернатор Джа Локри.

Владимир Кимович Ли

Вспольного на острове не было. Так мне сказали солдаты у дороги. Все-таки я добрался до острова, снял показания сейсмоскопа, проверил датчики, поискал, нет ли записки от Юрия Си-

доровича. Мне хотелось думать, что он пьет чай в сосновой роще и не спешит возвращаться, потому что жарко. Но утешить себя было трудно.

Радиотелефон на острове, конечно, не работал, и хоть я потратил еще полчаса на попытки добиться от него толку, ничего из этого не вышло. Отар ждет меня с лентами, а Вспольный пропал. Надо ехать в рощу, разыскать Вспольного и ленты, а оттуда срочно в Танги. Пятнадцать минут до рощи, час с небольшим до города. К закату мы с Вспольным будем в Танги. О возможных осложнениях думать не хотелось, потому что их уже хватало по горло — скорей бы прошло это проклятое землетрясение, и можно будет свободно вздохнуть. Вот уж не думал, что научная экспедиция превратится в драматическое действие.

Когда я стоял на дороге, договариваясь с лейтенантом о машине, мимо проехал «Кадиллак», не гармонировавший с патриархальной обстановкой деревушки. Знакомая птичья голова князя Урао повернулась в мою сторону, и в его взгляде я прочел: «А ты что здесь делаешь?»

Над головой пролетел большой самолет, описывая круг, чтобы опуститься в Танги. В городе уже тревога. Мне приходилось бывать в городах, которые эвакуировали после землетрясений, но эвакуация перед землетрясением — это что-то новое. Чистое небо над головой, земля тверда как никогда, а тебе велят собирать скарб, снимать со стены любимые дедушкины часы и отправляться в добровольное изгнание. Не завидую я майору Тильви, который и сам верит нам лишь по долгу службы. Он рискует — а что, если землетрясения не будет? Это же конец его карьере и сильный удар по его правительству — вот уж князья и другие враги посмеются над военными, которые умудрились выселить целый город, потому что им это подсказали сумасшедшие русские. Меня такие сомнения не одолевали. Часом позже, часом раньше, но землетрясение состоится.

У монастыря я велел шоферу остановиться и побежал к дому настоятеля. Старик, поддерживаемый под руку молодым монахом, шел мне навстречу. Мы остановились в двух шагах друг от друга. Я не знал, как здороваются с настоятелями, и поздоровался по-английски.

Старик что-то ответил. Молодой монах смотрел на меня злыми глазами, словно я хотел причинить старику зло.

Я попытался собрать воедино мой словарный запас.

— Завтра будет землетрясение, — сказал я. — Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал старик, как будто я сообщал ему о завтрашнем дожде.

— Надо принять меры, — сказал я.

— Лами, — сказал наконец старик, — увез князь Урао.

Странно, в машине князя Лами не было.

— Он увез ее в Танги? — спросил я.

— Нет. — Старик показал в сторону сосновой рощи.

Плохо. Вспольный уехал в рощу и пропал, Лами уехала в рощу и не вернулась.

Я попрощался со стариком и бросился к джипу. Только забравшись в него, я понял, что бегал по монастырю, не разувшись.

В роще никого не было, на полянке догорал костер, над ним выкипал чайник. Рядом стояли два голубых джипа. Солдатская куртка валялась на траве. Я заглянул в палатку. Там отщелкивал информацию датчик.

Тайна «Марии Целесты» возродилась в новом издании. Никаких следов солдат, сержанта Лаво, Вспольного, Лами... Все исчезли. Солдаты, приехавшие со мной, были удивлены не меньше меня. Я подобрал с травы черную записную книжку Вспольного, с которой тот никогда не расставался. Раскрыл ее — вдруг она оставлена с умыслом, для меня? Но последняя запись была помечена вчерашним днем... Солнце уже спустилось к самому хребту.

Майор Тильви Кумтатон

Оппозиция была довольно разрозненной. Некий шок, возникший от делового тона нашего воззвания и появления на площади колонны из двадцати армейских грузовиков, наконец достигшей Танги, заставил ее притихнуть. Стало ясно, что землетрясение — не пропагандистская забава. Мне впервые приходилось проводить такую эвакуацию. Поэтому учились мы на ходу. Например, выяснилось, что люди, узнав о землетрясении, сразу начали связывать в узлы и готовить к отправке все свое добро. Для такой операции мне не хватило бы и Ноева ковчега. Пришлось дать разъяснение, что с собой можно брать только самое необходимое. Остальное надо выносить из домов и складывать на открытых местах. Мы же гарантируем сохранность имущества. А откуда взять людей для такой охраны? Мы решили в первую очередь отправить грузовики к госпиталю, родильному дому и школам. Детей и больных размещать не в палатках, а в монастыре деревни Моши. Бургомистр, который переехал в Моши и не отходил от телефона, сообщил мне, что настоятель монастыря согласился разместить у себя больных, а вот староста деревни

требует, чтобы за школьников ему заплатили. Денег в городской кассе не было, а мы не могли отправить по домам ребятишек с горных трактов, живших в интернатах муниципальной школы и в школе миссии. Мне очень хотелось арестовать этого корыстного старосту, а пришлось добиваться в Лигоне дополнительных ассигнований. Вдруг обнаружилось, что на спичечной фабрике и на лесопилке никого из рабочих нет на месте. Хозяин лесопилки распорядился выдать внеочередную зарплату. Я заподозрил неладное. Ведь на лесопилке работают в основном горцы. Если буддиста не удивишь таким подарком, то горец редко задумывается о будущем. Есть сегодня деньги — их надо потратить. До сих пор в некоторых горных деревнях не сеют, если в прошлом году выдался хороший урожай. Зачем?

Я попросил клерка дать мне список всей недвижимой собственности в городе с указанием владельцев. Через час список лежал на столе.

Механические мастерские принадлежали князю Урао Као. Лесопилка — его матери, вдовствующей княгине Урао Валомире. С помощью клерка я выявил у князя еще полдюжины оформленных через подставных лиц владений, в том числе мастерскую серебряных изделий, два магазина и ресторан «Горный воздух». А спичечная фабрика была куплена господином директором Матуром не больше не меньше как в день переворота, и документы на это поступили лишь вчера. А что касается кинотеатра «Кинг», клерк сказал:

— Сегодня в магистрат подано уведомление о передаче прав на кинотеатр господину Джарадхе из Лигона. Интересы его представляет господин Матур.

Здесь крылась тайна, но найти верную ниточку я не мог. И не мог посоветоваться со старым капитаном Васунчоком. Чем князь настолько вывел из себя старого полицейского, что тот поднялся с постели, чтобы догнать князя? Тело Васунчока родственники повезли в Моши.

А что делать с Лами? Вызывать ее или скрыть эту весть до завтра? В конце концов я написал записку для дедушки Махакассапы. Записку отвезут с приказом об эвакуации.

Владимир Кимович Ли

Время шло. Я послал солдат поглядеть, нет ли людей за рощей и в той стороне, где скалы, а пока суть да дело, извлек из датчика ленты и быстро проглядел их. Ленты мне не понравились. Похоже было, что землетрясение не дотерпит до завтрашнего вечера. Солнце уже скрылось за хребтом. Тишина мне казалась зловещей. Мои солдаты вернулись, никого не найдя.

Вдруг земля дрогнула под ногами. И еще раз. Пролетела испуганная птица. Солдаты замерли, взволнованно перекидываясь словами. Я спокойно ждал еще одного толчка и не дождался. Мелкие толчки, предвещающие большой взрыв, случаются подобно звонкам перед началом спектакля. Это еще не землетрясение.

Солдаты подошли к нашему джипу. Им хотелось поскорее убраться отсюда. Я последовал было за ними. Послышались голоса. Потом шуршание камней.

— Идут, — сказал я.

Мы встретили их на краю рощи. В сумерках люди казались бесплотными тенями, лишь огоньки сигарет вспыхивали, освещая лица и руки.

— Вспольный! — позвал я.

— Я здесь, Володя.

На нем была слишком узкая армейская куртка и армейские брюки, которые не доставали до щиколоток и не сходились на животе. Владелец этих брюк в одних трусах ежился от вечернего холода в двух шагах сзади.

— Что случилось?

— Я так виноват... Когда землетрясение?

— Завтра днем. Так что же случилось, Юрий Сидорович?

Вокруг было много людей, человек двадцать. Я всматривался, надеясь увидеть Лами. Но ее не было. Почему-то рядом со мной оказался краснощекий капитан Боро. А он здесь почему?

— Пусть он сам расскажет, — сказал Вспольный, показывая на капитана Боро, который шел в двух шагах от нас, готовый к объяснениям.

Капитан Боро подошел еще поближе.

— Мы приняли все меры, — сказал он мне, словно я был его начальником. — Но, к сожалению, обнаружить преступников не смогли.

Капитан Боро был глубоко огорчен.

— Не слушай его, — сказал Вспольный.

Луч карманного фонарика скользнул по его лицу, и я увидел, как он осунулся за день. По щеке шла кровоточащая царапина.

— Он и не хотел искать, клянусь тебе. Все время ухлопал на пустую пещеру, несмотря на все мои уговоры.

— А где Лами? — вырвалось у меня.

— У них, у людей князя. Слушай по порядку...

Пока мы добрались до деревни, Вспольный поведал мне о

своих приключениях, о том, как они с Боро и Лаво в течение трех часов безрезультатно лазили по скалам, но ничего не нашли. Несколько раз Боро порывался свернуть операцию и вернуться, и лишь настойчивость Вспольного и полицейского сержанта останавливала его. В конце концов он воспользовался сумерками — и был таков.

Слушая Вспольного, я уже принял решение, которое не стал доводить до сведения Юрия или Отара. Они запретили бы мне и думать об этом. И были бы правы.

Я передал Вспольному все ленты и сказал, что ему надо с машинами капитана Боро вернуться в Танги. Я же останусь здесь. Он попытался было спорить, но я объяснил ему, что в госпитале ему промоют раны, иначе можно получить столбняк. Это его сразило, и он покорился.

* * *

«Первую помощь пострадавшим подали команды отряда миноносцев, который стоял в порту Мессины, граждане Катании, прибывшие на пароходе «Вашингтон», и русская эскадра. Она крейсировала неподалеку от берегов Сицилии. Разделяясь на небольшие отряды, наши моряки, не обращая внимания на ежеминутные обвалы все еще падавших зданий и новые, хотя и слабые толчки, сотрясавшие землю, храбро лазили по грудам мусора и кричали:

— Эй, синьор, синьор!

И если в ответ им раздавался стон или крик, они принимались за работу, покрикивая выученные слова:

— Субито! Корраджо!

...Матросы с «Макарова» увидали в развалинах женщину: почти обнаженная, она сидела среди обломков, держа в руках оторванную от туловища детскую голову, прижимала ее к груди своей и напевала какую-то грустную песенку... Матросы позвали итальянцев, и те сказали, что женщина эта — жена офицера, считалась одной из первых красавиц Мессины, а в руках у нее голова сына, мальчика Уго, и она поет колыбельную песню... Вся семья этой женщины убита.

Лил дождь, было холодно, на площадях жались раненые, не имея ни хлеба, ни воды. Те из уцелевших, кто мог работать, присоединились к морякам, указывая, где под развалинами живые, вызывая криками ответы засыпанных...

Страшную картину представлял разрушенный город: все еще

вздрагивали развалины, падали и, погребая живых и мертвых, вызывали на площадях панический ужас, дикие крики».

М. Горький. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. С.-Петербург, 1909.

Директор Матур

Князь выслушал меня, не вылезая из машины. В ином случае меня бы это не возмутило — разница в нашем происхождении и общественном положении настолько значительна, что я не мог рассчитывать на равенство в отношениях. Но я был взволнован и находился буквально на грани нервного срыва.

— Что же делать? — спросил я князя.

— Это входит в план моей кампании, — ответил князь, изображая хладнокровие. — Экономит нам силы...

— Как?

— Теперь мне не надо уничтожать их приборы, и я могу уделить внимание более насущным проблемам.

Человеку пятый десяток, а он играет в солдатиков. Благо это позволил бы себе кто-то, не имеющий живых солдатиков в своем распоряжении. В тот момент я впервые усомнился во всемогуществе и мудрости князя Урао.

Князь поднял руку, и шофер, увидев этот жест в зеркальце, тут же рванул машину вперед. Я не мог рассчитывать на помощь. И я побрел в город.

Вокруг творилось нечто невообразимое. В какой-то момент мне показалось, что землетрясение уже произошло. Под закатным солнцем сверкали кастрюли и тазы, громоздились матрасы и циновки, одеяла, шторы, кресла, диваны, шкафы — вещи, извлеченные из пыли забвения, оставшиеся с английских времен и чуть ли не с королевских.

Среди гор имущества увлеченно резвились дети, для которых это было веселым приключением. Я возблагодарил Бога за то, что землетрясение грозит Танги, а не Лигону, ибо в том случае я был бы подавлен зрелищем моих собственных детей, вынужденных покинуть родной дом. Если в Танги и был сейчас человек, торопящий землетрясение, то этим человеком был я. Пускай люди уйдут отсюда, пускай не будет человеческих жертв. Но мое имущество должно погибнуть — такова воля неба, и не мне, маленькой песчинке в потоке мироздания, бороться с этим.

Наступил короткий мягкий вечер. Я поспешил к своей спичечной фабрике. Как там дела?

По улице медленно ехали три грузовика, возглавляемые машиной «Скорой помощи». В грузовиках стояли больничные койки. Зеленые и синие наколки медсестер покачивались над ними. Перевозили госпиталь. Я подумал, что в этом есть определенное отсутствие гуманизма, так как больным трудно выдержать длинную дорогу к Моши.

Я ожидал увидеть фабрику тихой, покинутой всеми, ибо сейчас все заняты собственным спасением. Мое удивление было безграничным, когда я, подходя, понял, что фабрика полна народа, что там горит свет, слышны громкие звуки и крики. Может, какие-то злоумышленники, пользуясь беспорядком и анархией в городе, пытаются нажиться на моем добре? Я побежал, спеша выяснить, в чем дело.

Никто не охранял ворота. В вечернем сумраке по двору носились люди, во всех окнах горел свет, из распахнутых ворот главного цеха кучка людей, схожая с муравьями, выволакивала нечто сверкающее под лучами фонарей.

Так как я был один, без охраны, я осторожно, стараясь оставаться незамеченным, подошел поближе. Похитители были плохо одеты. Станок, который они пытались выволочь наружу, был очень тяжел и громоздок, и в тот момент, когда я приближался, один из тросов порвался, и те, кто тянул за него, упали на землю. Это происшествие вызвало взрыв хохота со стороны остальных.

Кто-то тронул меня за плечо. Я быстро обернулся и узнал управляющего.

— Какое счастье, что вы пришли, господин хозяин, — сказал он. — Я обыскался вас по городу, никто не знал, где вы. Нам нужен еще один грузовик. Вы близки с господином майором и сможете это сделать.

— Грузовик? — спросил я, осознавая, что мой управляющий замешан в этом акте вандализма.

— Конечно. Мы вытаскиваем крупные станки из главного корпуса, а распиловочный корпус решили разобрать. Видите?

Подняв голову, я, к своему ужасу, убедился, что несколько человек, взобравшись на крышу соседнего помещения, разбирают ее.

— О! — вырвался у меня вопль сожаления.

— Не правда ли, великолепная идея? — спросил идиот-управляющий. — Этим мы защитим пилораму от пожара или повреждения упавшими балками... Моя идея.

Он ожидал, что я поглажу его по головке за этот разбой.

Я наконец обрел дар речи.

— Что все это значит?! — воскликнул я, перекрывая общий гам. — Кто позволил губить мою фабрику?

Полагаю, что в тот момент я был страшен. Я редко позволяю себе впасть в гнев, но не советую кому-нибудь сталкиваться со мной в эти минуты, как нельзя сталкиваться в джунглях с бешеным слоном.

При звуках моего голоса постепенно наступила тишина. Люди бросали работу и медленно, с некоторым страхом подходили поближе, чтобы послушать, что происходит.

— Разве вы не знаете, господин, — спросил меня управляющий, — что завтра у нас в Танги землетрясение?

Он сказал это так, словно в Танги раз в месяц бывало землетрясение и по этому поводу устраивались подобные развлечения.

— Ну и что? — поинтересовался я.

— Если будет сильное землетрясение, то вся фабрика погибнет.

— Кто вам сказал, что будет землетрясение?

— Но это везде написано. Уже вывозят людей.

— Людей, — повторил я. — Людей. При чем здесь моя фабрика? Пускай все люди спешат домой, чтобы позаботиться о своих близких. Зачем вы их отрываете от семей?

Я в самом деле был возмущен небрежением управляющего к нуждам рядовых тружеников.

Я сделал над собой усилие и закончил спокойно:

— Я благодарю всех, кто не пожалел времени, чтобы помочь своему хозяину, и я не забуду ваших стараний. Можете идти по домам.

Никто не двинулся с места.

— В чем дело? — спросил я управляющего.

Из толпы выдвинулся человек в рваных джинсах и повязке на голове. В руке у него был разводной ключ.

— Не беспокойтесь, хозяин, — сказал он. — Тем, кто спасает оборудование, с самого утра будут поданы грузовики. Детишек уже отправили, а добра у нас немного.

— Нам потом обещали дома построить! — крикнул кто-то из толпы. — Новые дома.

— А за сверхурочные хозяин заплатит?

Это было уже открытой провокацией. Этих наивных людей водят за нос.

— За что платить? За то, что вы фабрику разрушили?

— Но ведь завтра землетрясение, — подсказал мне растерянно управляющий, словно я забыл об этом.

— Вас обманули, — сказал я так, чтобы все слышали. — Все это обман, чтобы нас разорить и погубить! Военные хотят посе-

лить здесь людей из Лигона. У них тесно, они давно хотят захватить наши горы.

— А ты сам, хозяин, разве не из Лигона? — крикнул кто-то, и в толпе захихикали.

Но я не сдавался.

— Вот вас выселят из Танги, а обратно не пустят.

— Если так, то зачем им фабрику разбирать? — спросил идиот-управляющий.

— Вы его не слушайте, — сказал, обернувшись к остальным, человек с разводным ключом. — Мы его не знаем. А то завтра тряхнет — и нет фабрики. И все мы без работы.

— Я ваш хозяин, это моя собственность. Я призываю вас разойтись. Тех, кто не подчинится, увольняю.

Толпа растерянно молчала. Чаша весов колебалась. Но опять вмешался мой основной оппонент:

— Им лучше, чтобы все погибло, только бы не досталось правительству. А нам что на хозяина работать, что на правительство. Правительство даже будет больше платить. Это я вам точно говорю.

Толпа зашумела одобрительно, и я понял, что мое дело проиграно. Мне было ясно, что за этим скрывается жестокая и коварная рука майора Тильви.

— Господин хозяин, — шептал мне на ухо управляющий, — лучше уйдите отсюда. Люди злые, они могут вас обидеть. Они боятся остаться без работы. Уйдите.

— Нет, — произнес я твердо. — Я забочусь об интересах рабочих. Их обманывают. В этот момент их семьи гонят в горы, а они, наивные, разбирают машины, чтобы военным было легче увезти их в Лигон.

— Гони его! — крикнул кто-то. Но более осторожные прислушивались к моим словам. Другой голос возразил:

— Надо проверить. Какой смысл хозяину свою фабрику губить? Может, он знает что-то.

К сожалению, решение, к которому пришли эти люди, оказалось совершенно неприемлемым для меня. Какая-то горячая голова предложила послать одного из них в комендатуру, узнать, как там дела, заглянуть по домам. А меня, пока суть да дело, запереть на складе.

Я сопротивлялся как тигр. Но эти темные озлобленные люди, столь далекие от понятий законности и порядка, сволокли меня к темному складу, и я услышал, как звякнул засов. Лишь зарешеченное окошко связывало меня с миром. И меня охватил ужас. Я почувствовал себя погребенным заживо. Меня

не успокоил даже шепот управляющего, который вскоре подошел к окошку и сказал:

— Я вас, как только станет потемнее, выпущу.

Он не понимал, что мне не к кому бежать, некого молить о помощи. Снаружи слышались голоса, крики, и я на всякий случай удалился в дальний угол склада и спрятался там, ибо опасался, что, вернувшись, посланец принесет приказ перевести меня в тюрьму. Я слышал, как он вернулся и как возбужденно переговаривались рабочие. Потом они вновь принялись за разрушение фабрики, забыв обо мне. Лишь через час до меня случайно донеслись слова:

— А что с хозяином делать?

И ответ:

— Пускай сидит, отдыхает.

И взрыв хамского хохота.

Когда управляющий, не нарушив своего слова, открыл засов и выпустил меня, было уже за полночь... Последние рабочие, завершая уничтожение фабрики, возились у разобранного цеха, закрывая станки дерюгой. Управляющий вывел меня задами на пустырь и прошептал:

— Простите, хозяин, что так вышло... Простите, хозяин...

Майор Тильви Кумтатон

Вечером я побывал в доме у русских и говорил с советником Вспольным. Военный фельдшер так обработал его йодом и зеленкой, что он стал похож на воина племени Урао, вышедшего на тропу войны.

Господин Вспольный был мною разочарован. Его близорукие светлые глаза в желтых ресницах сердито блестели на красном, обожженном горным солнцем, небритом лице. Профессор Котрикадзе не участвовал в разговоре. Он сидел за столом и просматривал ленты, привезенные Вспольным с Линили. Ли не было. Он остался на озере.

Господин Вспольный, наверно, думал, что, узнав о роли князя Урао и поведении капитана Боро, я тут же прикажу объявить мобилизацию и отправлюсь восстанавливать справедливость. Он ошибся, и это его огорчило.

К сожалению, я ничего не мог поделать, хотя знал больше Вспольного.

Участники неудачной экспедиции на Линили уже разошлись по домам и, полагаю, сейчас помогали своим семьям го-

товиться к отъезду. Все мои солдаты были заняты — или здесь, или в Моши. Им следует выспаться перед завтрашним днем. Я бы тоже с радостью прилег на час, но в комендатуре меня ждали.

Да и как объяснить русскому, что я только час назад и то случайно обнаружил у себя в кармане последнюю записку Васунчока, в которой он сообщал мне о предательстве Боро! Если бы я прочел ее вовремя, Лами была бы в безопасности, а груз опиума — в наших руках. Как объяснить Вспольному, что Боро не явился ко мне с докладом об экспедиции на озеро, что его нет дома, что его нет в городе? Что же его спугнуло?

Не могу я бежать сейчас в дом князя Урао. Он готов к моему визиту. Я не могу устраивать осаду и штурм резиденции председателя совета горных правителей и поднимать на восстание горные племена за несколько часов до землетрясения... Я вежливо поблагодарил господина Вспольного за рассказ о событиях в горах.

Вспольный покраснел. Профессор Котрикадзе чуть улыбнулся, не поднимая головы от бумаг. Даже в трагедии бывают смешные детали. Вспольный подтянул слишком длинные брюки, пожертвованные ему профессором, и покинул комнату.

Я спросил профессора:

— Ничего нового?

— Прогноз остается в силе. Но постарайтесь все закончить к четырем часам.

— Постараемся, — сказал я. — Спокойной ночи.

Несмотря на поздний час, губернаторский дворец гудел, как городской базар. Носились по коридорам клерки и военные телеграфисты, в коридорах сидели и стояли неизвестные мне люди, кто-то ругался с запыленным лейтенантом из транспортных войск. У дверей моего кабинета кто-то прислонил прибитый к фанере плакат «Долой милитаристское правительство!». Под плакатом стоял мужчина с разводным ключом в руке. Вид у него был мрачный, и моя рука непроизвольно потянулась к кобуре.

Но мрачный человек был делегатом со спичечной фабрики. Оказывается, туда заявился паршивец Матур и пытался сорвать эвакуацию. При этом лгал несусветно о наших целях и намерениях. Люди заперли Матура на складе, но все-таки решили послать кого-нибудь ко мне, развеять сомнения — не будем ли мы переселять в опустевшие дома людей из Лигона? Я поклялся, что этот план родился в жадной голове Матура. Но почему? Это же его фабрика — так помогай, спасай ее.

В кабинете у меня сидели два князя с верховьев Лонги и настоятель местного монастыря. Ждали своей очереди корреспондент «Лигон дейли» и еще человек пять. За час отпустив их, я попросил ординарца принести мне чашку кофе и таблетку аспирина. Глаза слипались. Но ведь осталось меньше суток...

Кофе был теплым, из термоса, да и на чем его сейчас разогреешь? Я пил его медленно, стараясь убедить себя, что уже не хочу спать.

Я думал не о землетрясении, я думал о Лами и Васунчоке.

Будь я европейцем, то есть цивилизованным человеком (хотя это ложь: лигонская цивилизация старше европейской на тысячелетие), я бы выбрал самое главное и без колебаний занялся бы спасением города. В конце концов, в пещере лежит не первая и не последняя партия опиума, и, если получше подготовиться, мы их обязательно поймаем. Да и с Лами, вернее всего, ничего дурного не случится — думаю, что князю она нужна как заложница. Со смертью капитана шантаж теряет смысл, и девушка скоро вернется обратно. Но я дал слово капитану, что выполню его просьбу. Его просьба задержать груз оказалась предсмертной. Духи предков никогда не простят мне, если я это слово нарушу. И не будет мне успокоения ни в этом, ни в последующих рождениях. А если я оставлю без защиты дочь капитана, то семь кругов ада откроются для меня и семь кругов неба навсегда останутся для меня закрыты. Я говорю не как майор армии и бывший студент университета — называйте это национальной психологией, чем угодно, но клянусь: окажись на моем месте сам бригадир Шосве, он сказал бы то же, что и я. А раз так...

Вошел скучный клерк из отдела имуществ, который составлял для меня списки собственников недвижимости. Я взглянул на часы. Первый час ночи.

— Что привело вас ко мне? — спросил я, вновь услышав голоса и шум моторов за окном, мычание волов, лай собак, плач детей.

— Я думал, господин майор, — сказал он, — над вопросом, который вы мне задали днем.

— Вопросом?

— Да. Вы соблаговолили спросить: кому и зачем нужно, чтобы срок землетрясения остался в тайне? Может быть, вы и не связывали эти свои слова со сведениями, которые я для вас подбирал, но я осмелился тоже думать об этом, господин майор.

— Ну и что?

Это был старый клерк, высохший от сидения над бумагами в

окружном управлении, бумажная крыса, на которую никто никогда не обращал внимания. Он трепетал от служебного страха передо мной, но еще более от крамольности пришедшей ему в голову мысли.

— Садитесь, — сказал я ему.

— Я проставил возле каждого из порядковых номеров сумму, на которую застрахована эта собственность. И оказалось, что, как правило, она превышает сумму, уплаченную новыми хозяевами.

Так, думал я, господин директор Матур был на дороге, когда пропал портфель. Господин директор Матур прибежал на спичечную фабрику и начал кричать на рабочих...

— За сколько куплена спичечная фабрика? — спросил я.

— Двести тысяч ватов, — сказал клерк, ткнув узловатый палец в нужную строчку.

— А страховка?

— Триста пятьдесят тысяч...

— Механические мастерские?

— Стоимость неизвестна, плюс модернизация цехов... но сумма страховки почти миллион ватов...

Я готов был обнять эту бумажную крысу. Все становилось на свои места, как кубики в детской игре.

Я рванул телефонную трубку.

— Соедините меня со спичечной фабрикой... Никто не отвечает? Тогда с механическими мастерскими. Там должны оставаться люди, которые демонтируют оборудование... Срочно.

Я, прикрыв ладонью телефонную трубку, сказал таким голосом, что клерк тут же бросился к двери:

— Срочно наряд солдат! В машину!

Директор Матур

Я недалеко отошел от фабрики и осторожно присел в кустах у обочины. Отсюда мне были видны дорога и выходившие из ворот фабрики люди. Они смеялись и громко разговаривали, словно то, что они делали сегодня, было добрым делом, которое зачтется им в будущем. Я смотрел, как мимо меня проходили орудия злого гения майора Тильви, не понимавшие, что отнимают кусок хлеба у моих детей. На фоне синего неба, освещенные луной, стояли ободранные, без крыш и стен, корпуса фабрики. Я терпеливо ждал. Я не намеревался сдаваться на милость грабителей.

Далеко, на башне церкви Св. Иуды, часы пробили двенадцать. Над городом пылало зарево огней. Электростанция работала на полную мощность. Наверно, ее владельцы заплатили немалые деньги за то, чтобы их не трогали. Они-то свою страховку получат полностью.

Последний рабочий прошел мимо меня. Наступила тишина, прерываемая иногда вспышками шума, долетавшими от центра города. Над воротами горела лампа. Я надеялся, что они не догадались оставить сторожа.

Какая-то паршивая, хромая собачонка из тех, что стаями бродят по улицам, увязалась за мной. Я кинул в нее камнем, собака взвизгнула и отстала.

Как назло, у ворот маячила фигура сторожа — старого гурки с изогнутым кукри за поясом армейской куртки. Наверняка это приказал сделать майор Тильви. Пришлось обходить фабрику вдоль трухлявого забора, рассчитывая найти в нем дыру. Я рисковал наступить на змею или провалиться в яму. Я попал в колючки и еле выдрался из них, порвав пиджак и оцарапав ногу. Но я упорно шел, пока не нащупал место, где доски разошлись. Собачонка вернулась и следила за мной, и я сильно пнул ее ботинком. Собачонка завизжала так, словно фабрика принадлежала ей. Я замер, опасаясь, что сторож услышит вой. Но все было тихо.

Я был скрыт от сторожа штабелями леса и потому осмелился зажечь спичку, чтобы разглядеть, где я нахожусь. К сожалению, я не успел изучить расположение моей собственности и не был уверен, как мне лучше пройти к складу, в котором меня держали в заточении. Там за часы позорного плена я, не теряя даром времени, собрал в кучу валявшиеся на земле щепки и мусор. Я не знал, горит ли сера, сложенная на складе, но рассчитывал, что она должна загореться, так как горит на спичках.

Вот и дверь на склад. Я остановился, прислушиваясь. Сторож, стоявший ярдах в ста от меня, что-то мурлыкал себе под нос. Жаль, что у меня нет с собой керосина. Ведь никто не будет исследовать причин пожара — завтра землетрясение все сровняет с землей. Засов громко скрипнул, я замер, но сторож продолжал петь. Меня вдруг охватило раздражение против сторожа. Я словно раздвоился. Во мне жил хозяин этой фабрики, возмущенный тем, как плохо ее охраняют, и поджигатель, который не хотел, чтобы сторож исполнял свой долг.

Я вошел в непроницаемую темноту склада. Где же здесь подготовленный мной костер? Я представил себе, как вспыхнут сухие доски и фанера... Оказалось, что я ошибся дверью. Это был совсем другой склад. На полках лежали запасные части, винты,

подшипники, инструменты. Это поджечь нелегко. Я вышел наружу и стал думать, где же нужное мне помещение.

Я услышал дребезжащий голос:

— Кто здесь?

Я различил фигуру сторожа, который щелкал выключателем старого карманного фонаря, пытаясь зажечь его, и при этом дрожал от страха.

— Кто? Кто? — повторял он. Рядом с ним виляла хвостом хромая собачонка, которая и привела его сюда.

Я хотел броситься в сторону, скрыться в темноте, но при первом же шаге натолкнулся на штабель досок и остановился, потому что понял, что сторож лучше ориентируется здесь и мне от него не убежать.

— Свои, — сказал я. — Не беспокойся. Свои.

В этот момент фонарь все-таки загорелся, хотя я молил небо, чтобы он не зажигался.

Солнце уперлось мне в глаза. Я зажмурился.

— О, это вы, хозяин, — сказал сторож с облегчением.

— А кто же? Мой дух, что ли?

— Может, дух. — Сторож боялся их больше, чем людей.

— Отведи фонарь, — сказал я ему. — Не слепи меня.

Луч фонаря дрогнул и отошел в сторону, упершись в деревянную стену.

— Все в порядке? — спросил я. — Никто не приходил?

— Все в порядке, господин. А как вы миновали меня?

— Я проверял тебя. Хорошо ли ты сторожишь. А ты сторожишь плохо.

— Да, господин, — покорно согласился со мной сторож. — Мне велено никого не пускать на фабрику, но ведь забор совсем старый.

Мы с ним вышли из-за штабелей и оказались на широкой площадке, где стояли станки. Сюда доставал свет лампы у ворот. Сторож приободрился.

— Такой день, хозяин, — сказал он. — Меня сменят в шесть часов, чтобы я мог собраться.

— Дай сюда фонарь, — сказал я.

Он подчинился.

Это был старый тяжелый армейский фонарь. Таких теперь уже не делают. Я взвесил его в руке. Сторож меня узнал. Я теперь не могу отпустить его отсюда.

Сторож отвернулся, глядя вслед побежавшей к воротам собачонке. Я резко размахнулся и, призвав на помощь небо, изо всех сил ударил сторожа по голове. Мне никогда раньше не при-

ходилось бить человека, я оставался и остаюсь принципиальным противником насилия, даже стараюсь щадить мух и комаров. Но я был в безвыходном положении, ведь сторож меня узнал.

Сторож ухнул, будто выпустил воздух, как продырявленный воздушный шарик, и медленно-медленно, словно в воде, опустился к моим ногам.

Я подхватил его под мышки, стараясь не потерять фонарь, и потащил за штабеля. Сторож был не лигонцем, он был гуркой — невелика потеря для человечества. Но я тут же дал себе слово, что, если со сторожем что-либо случится, я обязательно позабочусь о его семье. С помощью фонаря я без труда разыскал дверь в склад, где я был заточен. Куча щепок и горючего хлама словно ждала меня. Я вернулся к штабелям дров и подтащил к ним все, что мог отыскать вокруг, чтобы огонь занялся скорее и ярче. Мусором я завалил тело сторожа — пускай его никто не узнает. Я надеялся на то, что в эту ночь некому будет тушить пожар — пожарные бегут в Моши. Но рисковать я не мог.

Когда я уже вернулся на склад и только чиркнул спичкой о коробок, проводя в жизнь смелый и рискованный план, я вдруг услышал в тишине ночи, прерываемой лишь треском цикад и мычанием лягушек, что к фабрике приближается машина. Я замер, сидя на корточках на складе, молясь, чтобы машина проехала мимо. Моя рука между тем поднесла спичку к ветоши, щепкам, бумаге, и огонек быстро побежал по мусору, набирая силу.

Машина взвизгнула тормозами у ворот.

Я бросил догоревшую спичку и начал чиркать второй, чтобы поджечь кучу с другой стороны. Спичка сломалась.

У ворот были слышны голоса.

Я зажег вторую спичку, метнулся к штабелям, присел за ними, вновь и вновь чиркая спичкой по коробку.

Чирк! Занялась бумага. Огонек побежал по щепкам.

За моей спиной послышался треск — я успел! Огонь разгорается!

И тогда я бросился к дырке в заборе, чтобы с помощью провидения скрыться в гостеприимном и глубоком сумраке ночи. О, эта проклятая собачонка!..

Владимир Кимович Ли

Я думал, что лучше бы мне до рассвета поспать, но сон не шел. Я выкурил пачку сигарет, пересчитал звезды над островом, потом спустился к берегу и искупался в парной воде сонного

озера. Потом я сидел на берегу и глядел на черный склон горы, стараясь увидеть там огонек костра или отблеск фонарика. В деревне забрехали собаки. Снова гудящая цикадами тишина. Гулко плеснула рыба недалеко от берега... И тут меня разбудил звонок.

Оказывается, я задремал, сидя на песке и положив подбородок на колени. Я вскочил, спросонья решив, что я дома и кто-то звонит в дверь. Зуммер гудел сверху — заработала наша прискорбная связь. Я стрелой взлетел на холм, занозив по дороге пятку. Это был Отар.

— Вы чего не спите? — удивился я. — Четвертый час.

— Я сплю, — сказал Отар. — Просто захотелось узнать, как ты там.

— Не беспокойся. Ничего нового.

— Извини, что разбудил. Ты датчики смотрел?

— В полночь. Все по-старому.

Я не поверил Отару. Я знал, его беспокоило, намерен я совершать глупости или нет.

— Спокойной ночи, — сказал я. — Скоро рассвет.

— Только без глупостей, — сказал Отар.

Небо над Танги начало светлеть. Связист, проснувшийся от вызова Отара, снова заснул, закрыв голову курткой от комаров. Я зажег фонарик и еще раз проверил приборы. Я был зол на Матура, ведь каждый сантиметр нашей пленки — невероятная ценность для науки. Это ведь первый в мире подробный и достоверный рассказ о том, как варится настоящее землетрясение, шаг за шагом, минута за минутой. Эта пленка ценнее, чем все его банки, заводы и пароходы. А вот теперь по милости его друзей важного куска этой информации не существует. И в музее, где будет выставлена эта лента рядом с надкусанным яблоком Ньютона и бочкой Диогена, появится пробел, на котором печатными буквами наши потомки напишут: «По халатности некоего В. К. Ли эта часть данных для науки пропала».

Пленки меня порадовали, как радуют мрачные результаты анализов врача, поставившего правильный диагноз. Земля вела себя как надо — землетрясение состоится в шестнадцать часов столько-то минут, и местные жители получат право с теплым чувством вспоминать некоего В.К. Ли со товарищи — своих спасителей.

Ну ладно, почти рассвело. У меня тоже хобби — встречать рассветы в Лигоне. Я спустился к берегу, стараясь не разбудить связиста и второго солдата, охранявшего датчики, и потихоньку отвязал лодку.

Легкая лодочка, которую я с вечера предусмотрительно отвел за скалу, чтобы какой-нибудь любитель ранней рыбной ловли не спер ее в решающий момент, глубоко осела под моим сравнительно нетяжелым телом. Разбирая весла, я дебатировал сам с собой вопрос, не украсть ли у мирно спящего солдата автомат, но затем отказал себе в таком соблазне — если что-нибудь случится, для недругов майора Тильви и прочих плохих людей нет ничего приятнее, как растрезвонить на весь мир о том, что вооруженный легким стрелковым оружием русский «так называемый геолог» шлялся по горам мирного Лигона и устраивал геноцид.

Я причалил к кустам на берегу, в полукилометре у деревни, где на высоком обрыве над берегом виднелись черные на рассвете верхушки мандариновых деревьев. Привязав лодку, я поднялся наверх и, стараясь не поднимать больше шума, чем это необходимо в данных обстоятельствах, пересек мандариновый сад и оказался перед воротами монастыря. Я рассчитывал в этих краях на одного союзника — старого настоятеля дедушку Махакассапу.

Я разулся у ворот. Монастырь только-только просыпался. У колодца плескались голые до пояса здоровые молодые монахи. Оранжевыми знаменами сушились их тоги на веревках за колодцем. Я подошел к купальщикам и поинтересовался, где их наставник. Монахи сделали вид, что пять утра — самое удобное время для укрепления международных связей. Один из них, совсем мальчишка, побежал в большой, серый от старости деревянный дом с резной многоярусной крышей, где нас когда-то, впрочем, не так давно принимал почтенный пандит.

— Иди, — показал мне появившийся на ступеньках монах.

Солнце еще не вышло из-за гор, и откуда-то от дальних строений, где жила монастырская прислуга, белой змеей полз вкусный дымок. Стаей пролетели большие летучие мыши, возвращаясь домой после трудовой ночи.

Старик Махакассапа сидел на циновке. Перед ним горела керосиновая лампа, отчего сумрак в комнате казался гуще.

— Здравствуйте, пандит Махакассапа, — сказал я. — Простите, что побеспокоил.

— Садись, молодой человек, — сказал старик. — Что за новости ты принес?

Как всегда в таких случаях, несколько монахов вошли в комнату, присели на корточки у двери и, хотя они вряд ли понимали хоть слово по-английски, сразу придали нашей встрече характер конференции на высшем уровне. Иногда кто-нибудь из них

громко зевал, разгоняя сон, порой они начинали громко перешептываться.

— Кроме меня, вам еще кто-нибудь говорил о землетрясении, Махакассапа?

— Да. Сегодня ночью в деревню приехал человек из Танги. Он привез бумагу. Раньше я не видел таких бумаг.

Мне хотелось напомнить, что появление ее — результат, в частности, моего скромного труда, но старик не дал мне такой возможности.

— Это вы узнали со своим начальником, слушая шорохи земли? — спросил он.

— Да.

Я подумал, что он удачно сказал — именно шорохи.

— Вы правы, — сказал старик. — Сегодня ночью беспокоились собаки и земляные крысы покинули свои норы. Так бывает перед землетрясением. Я пошлю человека к роднику — поглядеть, поднялась ли там вода. Вода в роднике всегда поднимается в день бедствия.

Старика ничем нельзя было удивить. У него был научный склад ума. Старик замолчал, ожидая, что я скажу.

— Землетрясение будет после полудня, — сказал я. — И очень сильное.

Старик кивнул.

— Люди в деревне предупреждены, — сказал он. — Они вынесут вещи на улицу.

— Может, лучше уйти отсюда в безопасное место?

— Нет. Сюда не достанут осыпи. Зато тебе лучше убрать свои приборы из сосновой рощи. Там опасно.

— Я обязательно это сделаю, — сказал я. — Еще есть время. А как вы?

— Я выйду на улицу. Не беспокойся, молодой человек.

Что ж, можно переходить к сути дела. Мне надо было повести разговор так, чтобы старик не удивился, что я вмешиваюсь не в свои дела.

— Лами, — начал я, — жила в вашем монастыре.

— Да, — сказал старик, не меняясь в лице, — ее покойный отец поручил ее мне.

— Покойный?

— Капитан Васунчок умер вчера. Ты не знал об этом?

— Нет. Он же чувствовал себя лучше. Лами мне говорила.

Старик не ответил.

— И Лами не знает об этом...

— Лами не знает об этом, — сказал старик. — Если ей не сообщил князь Урао. Но я думаю, что князь Урао тоже не знал. Он украл ее, потому что думал, что капитан жив. Чтобы капитан его слушался.

Наступила пауза. Я прервал ее:

— Вчера солдаты из города и полицейские искали контрабандистов Па Пуо. Но не нашли их.

— Солдат вел староста деревни, — сказал старик. — Но князь Урао успел перенести груз в другую пещеру.

— Мой друг, который был там, сказал, что капитан Боро не очень хотел найти груз.

— Я знаю, староста тоже так думает. Но он не стал спорить с солдатами.

— Но там Лами...

— Я знаю, молодой человек, что ты выделяешь Лами среди других девушек. Но ты приехал сюда, чтобы делать свою работу. Твоя работа важная. У тебя есть свой начальник. Он разрешил тебе идти сюда?

— Нет, — сказал я. — Он ничего не знает.

— Тогда почему ты не сказал ему?

— Потому что он, как мой начальник, не должен был бы разрешить мне идти в горы.

— Ты сказал правду. Но не пострадает ли твое дело от того, что ты отправился в горы искать девушку?

— Нет, — сказал я. — Мы уже точно знаем, что землетрясение будет после полудня, и сейчас люди покидают Танги.

Вошел молодой послушник и поставил передо мной чашку чая. На блюдце лежала лепешка.

— А вы? — спросил я.

— Мне не надо, — ответил старик и улыбнулся.

Что же он скажет? Я отхлебнул чая. Чай был горячий и сладкий.

— Князь Урао оскорбил меня, — сказал старик. — Он оскорбил в моем лице всю сангху. Оскорбление наполнило меня печалью за участь князя. Он плохой человек и не сможет стать хорошим.

За окном, словно по сигналу, запели птицы.

— И потому, — закончил Махакассапа, — я беспокоюсь за Лами.

Я допил чай и поставил чашку на блюдце.

— Ты хочешь пойти в горы?

Как будто не было предыдущего разговора.

— Да. Но вряд ли я буду полезен Лами без вашей помощи.

— Ты поступил разумно. Сейчас придет староста деревни. Я жду его. Староста знает, где Па Пуо.

— Если будет землетрясение, опасно оставаться в пещере. Надо, чтобы Лами ушла оттуда как можно скорей, — сказал я.

Майор Тильви Кумтатон

К тому времени, когда мы заперли визжавшего, перепуганного Матура в комендатуре, сдали медикам обожженного сторожа, расставили посты у механических мастерских, лесопилки и в других важных точках города, чтобы грустные события не повторялись, ночь уже перешла через экватор. Город немного притих. Я доплелся до кабинета и, не раздеваясь, прилег на диван. Я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к тому, что происходит на улице, и не спал. Наконец я решил подняться и узнать у связистов, что нового сообщил мне Лигон. Но подняться с дивана не было сил, и я продолжал лежать в тяжелом полусне, стараясь перечислять дела на завтра, чтобы ничего не забыть.

Мне показалось, что по коридору кто-то идет. Медленно, осторожно. Шаги остановились у двери. Я знал, что люди, которые идут на все, чтобы помешать мне, могут решиться меня убрать. Это не значит, что я трус, но нет ничего позорнее, чем стать жертвой нападения, лежа на диване.

Я вскочил, стараясь не поднимать шума, взял со столика кобуру и на цыпочках подбежал к двери, так, чтобы, когда она откроется, оказаться за ней.

В дверь тихо постучали костяшкой пальца, словно проверяя, здесь ли я. Я молчал. Я видел, как медленно опускается ручка двери, и это напомнило мне кадр из какого-то фильма ужасов. Я вынул пистолет из кобуры.

Дверь медленно открылась, и я поднял пистолет так, чтобы он был на уровне груди вошедшего.

Я не сразу узнал человека, потому что свет от настольной лампы почти не достигал двери. Этого человека я меньше всего ожидал увидеть здесь ночью. При виде его меня охватил стыд за то, что я, комиссар округа, прячусь за дверью, словно царь, опасающийся заговорщиков.

Отец Фредерик сделал шаг внутрь и остановился, осматриваясь.

— Вам не спится, святой отец? — спросил я, выходя на середину комнаты.

— О, господин майор, вы меня так испугали!

— Как вы прошли мимо солдата?

— Солдат спал, и я не стал его будить.

— Хорошо, — сказал я, проходя за стол и указывая миссионеру на стул напротив. — Что привело вас, святой отец, ко мне в такое необычное время? Если вы беспокоитесь за участь вашей школы, то не сомневайтесь — детей вывезут с утра. Церковное добро пускай выносят ваши прихожане. Это не дискриминация. То же самое я сказал буддистам.

— Я знаю, знаю... Я очень благодарен. Я пришел совсем не за тем.

Я осторожно выдвинул ящик письменного стола и положил пистолет внутрь.

Лишь важное дело могло заставить миссионера заявиться ко мне в четыре часа ночи. Как странно, думал я, разглядывая его длинное белое лицо. Вот я был мальчишкой и бегал по улицам, мы дрались с учениками миссионерской школы, а отец Фредерик разнимал нас, и он был точно таким же старым. Прошло двадцать лет, появились новые государства и города, сколько людей умерло и родилось, а миссионер все шагает по улицам Танги, направляясь к белой, словно сложенной из детских кубиков, церкви с острым длинным шпилем. Враг ли он моей стране? В университете мы устраивали демонстрации, чтобы изгнать из Лигона всех миссионеров и христианских епископов, ведь они здесь чужие. Они пришли сюда с англичанами и воспитывали рабов. Но отец Фредерик настолько сросся с нашим Танги, что трудно было считать его колонизатором.

— Вы знаете, майор... — сказал отец Фредерик глубоким грудным голосом. Он говорил по-лигонски не хуже меня, я даже как-то видел написанную им грамматику лигонского языка. Он знал и языки горцев. — ...что я провел в этом городе большую часть жизни. И я люблю эту страну и надеюсь, что похоронят меня здесь, у церкви.

Я молчал.

Миссионер на несколько секунд замолк. Потом продолжал, без связи с предыдущим:

— С возрастом становится все меньше и меньше друзей, как воды в реке к концу засухи. Моим самым близким другом был капитан Васунчок.

— И семейство князей Урао, — добавил я.

— Что ж, вы правы. Я много лет знаком с вдовствующей княгиней. Она моя прихожанка. И в свое время я возлагал большие надежды на князя Као. Мне хотелось, чтобы он вырос полезным для своей страны человеком.

Я посмотрел на часы. Четверть пятого. Мне так и не удастся поспать. Отец Фредерик заметил мой взгляд.

— Я буду краток, — сказал он. — Ведь я пришел не для воспоминаний. Я давно знал, что князь имеет дополнительный источник доходов, чтобы финансировать свою политическую деятельность. Он, в сущности, избалованный сорокалетний ребенок, воображающий себя диктатором. Он обладает достаточными способностями, чтобы пользоваться влиянием среди горных феодалов.

Я не перебивал отца Фредерика. Я был с ним согласен.

— С моей точки зрения, контрабанда наркотиков — самое низменное из человеческих занятий, придуманное дьяволом, ибо наркотики отнимают у человека не только тело, но и душу. Я долгое время не хотел в это верить, несмотря на доказательства, которые приводил мне покойный капитан Васунчок, но, когда я убедился наконец в этом, я попытался поговорить с вдовствующей княгиней.

— Она сказала, что в первый раз слышит об этом? — перебил я его.

— Примерно так. И я ей поверил. В дела сына она не смеет вмешиваться. Несмотря на то что она христианка, она остается горной княгиней, рабой мужа, а после его смерти — старшего сына. Потом я попытался поговорить с князем, который поднял меня на смех и тут же придумал фантастическую историю, полностью обелявшую его в моих глазах. Версия князя была очень изобретательной и убедительной. Полгода назад я пришел к тяжелому для себя, но единственно возможному решению. Я решил сделать все, чтобы пресечь торговлю наркотиками. И спасти этим не только тех людей, которым предназначается опиум, но и самого князя. К сожалению, я не мог обличать князя в проповедях или на улицах, вы же знаете, какой властью он пользуется в городе, какое число людей в той или иной степени зависит от милостей князя.

— Включая военного коменданта капитана Боро, — добавил я.

— И, разумеется, капитан Боро, — сразу согласился отец Фредерик. — Я знал лишь одного человека, обладавшего смелостью, чтобы бороться с князем. Это был капитан Васунчок. И с тех пор я передавал ему все, что мог почерпнуть из разговоров с князем или из тех слов, которыми князь и его приближенные обменивались в моем присутствии, не считая меня опасным. С моей помощью капитану удалось узнать, когда с севера прибывает очередной груз опиума, и Васунчок попытался перехватить его. Это было за две недели до вашего прилета. К сожалению, капитана постигла неудача. Он был ранен. Затем мне удалось узнать еще об одном грузе. Вчера отряд солдат уезжал к сосновой роще, но я не знаю, чем это кончилось. Думаю, что ничем, потому что во главе отряда был капитан Боро, который вряд ли посмел что-либо предпринять без разрешения князя.

— Вы правы, — сказал я.

— Вчера Васунчок умер. Я глубоко убежден, что виновником его смерти, как ни тяжело это говорить, был князь Урао. Он вывел капитана из себя.

— Да.

— Тогда я решил прийти к вам. Вы здесь новый человек, и вряд ли князь успел опутать вас, как других.

— Нет, — сказал я, не улыбаясь. — Он даже и не пытался этого делать.

— Я знаю, — сказал отец Фредерик. — Я позволил себе говорить так долго, чтобы вы постарались понять меня и поверить мне. То, что я скажу, — правда, но вам придется сделать усилие над собой, чтобы поверить в нее, так как эти сведения исходят от меня, белого миссионера.

— Я верю вам, отец, — сказал я. — Я ведь сам из Танги. И мой отец был с вами в одном японском концлагере.

— Да, я помню его. Он погиб там... Довольно давно, может, полгода назад в доме князя было совещание с другими сепаратистами. Я никогда не вмешивался в их дела, так как полагал, что каждый народ сам избирает себе правление и в случае, если правительство ему не нравится, некого винить, кроме самого себя. Тогда, может, вы помните, была вспышка сепаратистских настроений в связи с очередной попыткой правительства лишить князей их привилегий. Князья готовились к восстанию, которое сорвалось из-за их разногласий, но, когда обсуждалось, как обороняться от лигонских войск, они решили заминировать некоторые мосты и здания в Танги...

— Что?! Вы знали об этом и молчали?!

— Я думал тогда, что это не более как похвальба князей. Об этом открыто говорилось на обеде, который давал князь Урао своим сторонникам. На этом обеде, кроме меня, был и тогдашний губернатор, и капитан Боро. Они даже имели название для этого плана: «Треугольник».

— Но что заставило вас изменить...

— Судите сами. Вечером я навестил княгиню Валомиру в загородном доме, а затем ездил на своей машине в Моши, чтобы поглядеть, как будут размещены школьники. По дороге из Моши я встретил гроб с телом капитана Васунчока. В подавлен-

ном состоянии я вернулся в город и поспешил к князю, так как его мать просила узнать, когда он покинет город. Слуги отлично меня знают, и потому я прошел к дому без предупреждения. Князь находился в библиотеке с двумя своими помощниками. Так как я в последние недели взял за правило останавливаться у дверей и слушать, о чем говорит князь, то и на этот раз я услышал о том, что они намереваются привести в действие операцию «Треугольник». Я сразу вспомнил о бахвальстве князей на обеде, и меня охватило страшное подозрение, что князь намерен взорвать что-то в Танги. Я попытался успокоить себя тем, что такие действия не входят в интересы князя. Войны нет... Но чем больше я думал, тем больше тревожился. Что я знаю об истинных интересах и намерениях Урао? А вдруг в своей дьявольской игре он хочет, чтобы землетрясение больнее ударило по городу, чтобы вы не смогли вывезти ценности и людей, а затем свалить вину на военное правительство? Может так быть?

— Да, — сказал я. — Это одна из причин. Есть и другие. Но вы узнали, когда и что он намерен взорвать?

— Нет, — сказал Фредерик. — Я ничего не знаю. Когда я вошел в библиотеку, они прервали разговор. В последние дни мне кажется, что князь о чем-то догадывается. Может быть, у меня на старости лет разыгрались нервы. Мне даже казалось, что за мной следили, когда я шел сюда.

В тот момент я не придал значения последней фразе отца Фредерика. Я был поражен этой новостью, хотя ничего необычного в ней не было. В самом деле, полгода назад князья готовились к восстанию, и, с их точки зрения, было логично заминировать пути подхода к Танги. Директор Матур хотел поджечь свою фабрику, но никаких попыток напасть на лесопилку или механические мастерские не было. А это подозрительно. Князь тоже заинтересован в том, чтобы спасти свои деньги.

— Вам надо подумать, — сказал отец Фредерик. — Вы разрешите мне уйти? Не хотелось бы, чтобы меня видели около этого дома.

— Спасибо, отец, — сказал я. — Конечно, идите. И не беспокойтесь за ваших учеников. Грузовик будет в восемь у школы.

Я проводил миссионера до двери и остановился, размышляя, с чего начать. Действовать надо было быстро. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, стоит ли у подъезда дежурная машина. Машина стояла. Уже начало светать, и отец Фредерик, широко шагающий по дорожке вдоль газона, был до колен скрыт утренним туманом. Я смотрел ему вслед и думал о «Треугольнике», о том, что надо поднимать дежурное отделение, снова куда-то нестись.

«Хороший старик, — подумал я вдруг об отце Фредерике, — всегда давал нам, мальчишкам, конфеты». Это было давно, но вкус конфет сохранился. Тогда были голодные времена, и больше нам никто не давал конфет.

Сверху, со второго этажа, мне были видны и газон, и окружающие его кусты, и проходящая дорога, и даже деревья вдали, за дорогой. За кустами стоял человек, так же, как и отец Фредерик, по колено в тумане. Человек выбрался из-за кустов и пошел сбоку к отцу Фредерику. Миссионер не видел его, он шел, опустив голову и задумавшись. Я вдруг понял, что миссионеру грозит опасность. Я хотел крикнуть ему, но окно было закрыто, и я, вместо того чтобы выстрелить прямо сквозь стекло, стал возиться с запорами, чтобы открыть окно. Я увидел, как сверкнул маленький, сверху нестрашный огонек. Отец Фредерик, не останавливаясь, прошел еще три шага и со всего роста упал вниз, в туман. И исчез.

Убийца побежал к кустам и скрылся в них. Глядя на солдата, выскочившего снизу, от подъезда, и побежавшего к кустам, я подумал, что отец Фредерик все-таки был прав. Его похоронят в Танги, около церкви, если она останется стоять после землетрясения. Я бросился вниз по лестнице. Последний день Танги начался с выстрела.

* * *

ТЕЛЕГРАММЫ

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ СРОЧНО ИЗ ЛИГОНА 6.20

ВАШ ЗАПРОС СООБЩАЕМ ВРК ПРИНЯЛ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ РАЗРЕШАЮЩЕЕ КОМИССАРУ ВЛАСТЬЮ ВРК НАЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ ЛЮБОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ИЛИ СОБСТВЕННОСТЬ В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ВЛАДЕЛЕЦ ПРЕПЯТСТВУЕТ НОРМАЛЬНОЙ ЭВАКУАЦИИ ВОПРОС КОМПЕНСАЦИИ БУДЕТ РАЗОБРАН ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАСШТАБЕ СТРАНЫ

ПОЛКОВНИК ВАН

ТАНГИ КОМИССАРУ ВРК МАЙОРУ ТИЛЬВИ КУМТАТОНУ ИЗ ЛИГОНА 6.40

ГЛЮКОЗА ШОКОЛАД СУХОЕ МОЛОКО ОДЕЯЛА НАПРАВЛЕНЫ ВЕРТОЛЕТАМИ ВВС ВЫЛЕТАЮЩИМИ ВОСЕМЬ ЧАСОВ ИЗ МИТИЛИ

КОМАНДУЮЩИЙ ВВС ПОЛКОВНИК ДЖА ПОЛИ

* * *

Срочно, господину князю

Сегодня утром, в пять часов, я следил, как вы приказали, за отцом Фредериком. От вас он пошел к себе и некоторое время находился в своем доме. В пять часов отец Фредерик вышел из дома совершенно одетый и, оглянувшись несколько раз, поспешил по городу. Я шел за ним на некотором расстоянии. Вскоре я понял, что он идет к дому комиссара. Я не мог его догнать, потому что он шел быстро, а на улице встречались люди, которые не спали. Когда я догнал его, он уже входил в дом коменданта. Так как вы сказали, что он ни в коем случае не должен туда войти, я вынужден был выстрелить. Не знаю, мертв он или нет, потому что после выстрела я вынужден был бежать.

Джонсон.

Князь Урао Као

«Есть ли высшая справедливость, — подумал я, прочтя в постели записку портье Джонсона. — И кто направляет безжалостную руку судьбы?» Клянусь всем святым, что у меня и мысли не было убивать отца Фредерика, в котором я угадывал собственного отца, хотя этот человек оказался предателем.

Зная человеческую натуру и умея смотреть в будущее, я подозревал, что миссионер побежит с доносом к майору. Я полагаю, что отцом Фредериком руководила не корысть, а неправильное понимание чувства долга, а может, просто страх перед смертью и воображаемым Высшим судией — проявление старческого маразма. Подозревая покойного Фредерика, я приказал следить за ним, ибо полагал, что он мог подслушать наши разговоры. Вряд ли он что-либо понял, но... И я приказал следить.

И вот записка.... Что ж, мои руки чисты, думал я. Будем считать отца Фредерика праведником, мучеником идеи, позаботимся о его погребении и щедром даре на его школу. Субъективно я был возмущен поступком Джонсона. Объективно судьба поступила правильно: гибелью Фредерика оберегая права и независимость горных княжеств, оберегая мое Дело, мою Идею. Рассудив так, я собирался вновь заснуть, но не прошло и четверти часа, как оказалось, что я совершил ошибку, свойственную многим великим людям и связанную с благородством и доверчивостью моего характера.

Почему-то я решил, что предательство отца Фредерика исчерпало на сегодня чашу человеческой подлости. Будь я более подозрителен, я бы с самого начала усомнился в правдивости записки Джонсона. Но я мог предположить все, что угодно, кроме правды: что Джонсон не решился задержать Фредерика, когда тот шел к майору, убоявшись моего гнева, и напал на него, когда уже было поздно, когда миссионер сделал свое черное дело.

Итак, я лежал в постели, размышляя о том, насколько лучше было бы для Фредерика и христианской церкви, если бы он умер в японском концлагере и попал в число мучеников. И в этот момент я услышал — ночью слышно далеко, — что кто-то подъехал к воротам и препирается со стражником. Я лежал спокойно, пытаясь сообразить, кто бы мог примчаться ко мне так рано. Кто-нибудь из соседних князей, напуганных слухами о землетрясении? Или отряд с гор, который я ожидал с минуты на минуту? Перебранка у ворот смолкла, и слышно было, как машина тормозит у дверей. Я сел, протянул руку, чтобы достать халат. В коридоре раздался знакомый резкий голос, но я не сразу сообразил, кому он принадлежит.

— Ничего, — произнес голос. — Мы его разбудим.

Дверь распахнулась, и ко мне в спальню, словно в свою казарму, вторгся майор Тильви Кумтатон с левой рукой на перевязи, с пистолетом в правой руке, а за ним два автоматчика в форме гвардейской бригады. Из-за их спин выглядывали виноватые, растерянные рожи лакеев. «Вот так, — подумал я, — попал в плен и Наполеон. Никто не захотел жертвовать жизнью ради своего маршала — ни одна сволочь даже не крикнула, чтобы предупредить меня».

Я встал и накинул халат.

— Чем обязан, — спросил я, — такому вторжению?

— Вы останетесь здесь, — сказал майор. В его глазах сверкал фанатизм догматика.

Я стоял, возвышаясь над ним и сохраняя свое превосходство. Главное было не поддаться на провокацию. У меня здесь слишком мало людей, и эти люди ненадежны. Мои верные горцы прибудут утром.

— Вы понимаете, какую ответственность берете на себя, врываясь среди ночи в дом члена высшей палаты парламента? — спросил я.

— Парламент распущен, — ответил майор. Вся сущность простолюдина таилась в этом ответе. Он был холуем, которому дозволено поизмываться над помещиком, перед которым он пресмыкался всю свою рабскую жизнь.

— Тем не менее я надеюсь, что в этом государстве сохранились хоть какие-то правовые нормы, — заявил я.

— Если вы взяли на себя право убить беззащитного старика Фредерика, довести до смерти Васунчока, если вы с помощью бандитов торгуете наркотиками...

— Остановитесь! — воскликнул я. — Вы пожалеете о своих словах. Я надеюсь, что присутствующие здесь выступят, когда мы будем судить вас за клевету.

— Не тратьте время на парламентские речи, — съязвил майор. — Где находится план операции «Треугольник»?

— Что? — вырвалось у меня. — Он был у вас?

— Если вы имеете в виду отца Фредерика, то он успел мне все рассказать.

— Подлец! — не выдержал я. И майор не понял, что я имел в виду жалкого убийцу Джонсона. Нет, не отца Фредерика, ибо я ему не судья.

— Отец Фредерик подвергся нападению человека, опознанного нами как портье гостиницы «Эксельсиор» Самуэль Джонсон. Надеюсь, когда мы его задержим, он не станет скрывать, кто отдал приказ?

— Он будет рад оклеветать меня, — ответил я, взяв себя в руки. — У вас есть ордер на мой арест?

— Вы арестованы без ордера, — позволил себе усмехнуться майор. — В связи с чрезвычайным положением. Вы сами расскажете нам, какие объекты города заминированы вами, или придется обыскивать дом?

— Я не знаю ни о какой операции «Треугольник».

Я попытался бровями приказать лакею, глядевшему на нас, как на актеров в бродячем театре, чтобы он бежал за помощью. Тот сделал вид, что не понимает.

— Дайте ключи от сейфа.

Майор попал в точку. Планы операции хранились там. О, легкомыслие и доверчивость, которые могут стоить жизни!

— У меня нет ключей от сейфа.

— Тогда мы взорвем его.

— Не удастся, грабители!

Но, обвиняя майора, я знал, что не должен перегибать палку. Он может приказать своим подручным расстрелять меня и потом сумеет оправдаться перед начальством. А может, он уже готов это сделать?

— Ключи, — приказал майор.

Я молчал.

— Неужели вы в самом деле хотели взорвать город?

Я молчал.

Предательство порождает предательство, как лавина тянет за собой все новые камни.

— Ключи у него в кармане пиджака, господин майор, — раздался голос от двери. Это был голос лакея, тупого парня, которого я кормил десять лет. — Разрешите, я достану?

Я стоял, парализованный очередным предательством, глядя, как мой лакей подошел к гардеробу, открыл его и протянул майору связку ключей. Он протягивал их, как протягивал мне бокал с виски, — так же подобострастно и угодливо. А я молчал.

— Проводите меня к сейфу, — сказал майор лакею.

Солдаты остались у дверей.

Я сделал шаг к гардеробу, чтобы одеться, но один из солдат рявкнул: «Назад!», словно я был простым воришкой.

О подлость и одиночество!..

Директор Матур

Я сидел на железной койке на гауптвахте и чувствовал, что из меня вытащили кости. Меня жестоко толкали и ударяли солдаты, пока везли сюда, и я ждал, что в любой момент меня расстреляют, как последнюю собаку. Я был разорен и обесчещен, я был унижен и раздавлен, дети мои будут нищими ходить по улицам, протягивая ручки за подаянием, а моя жена, которую покинет мой любимый брат Саад, будет вынуждена выйти на панель... Как я докажу этим людям, что я не желал никому зла, что я хотел, чтобы все были довольны и добры друг к другу? Как мне доказать священную истину, что я в душе поэт и всю свою жизнь старался жить честно и достойно памяти моих родителей? Неужели я когда-либо осмелился бы поднять руку на моего брата — человека, если бы не был в помрачении рассудка, насланном на меня злыми духами? Как я объясню им, что главной моей целью было после завершения дел на фабрике вынести несчастного сторожа в безопасное место? Если мне дадут возможность нанять адвоката, я надеюсь, что мой дядя Дауд не пожалеет денег для спасения чести семьи. Ведь я ничего не сделал: фабрика цела, сторож жив...

В моей голове пролетали образы, воспоминания, я вновь прожил всю свою недолгую и неудавшуюся жизнь.

Вдруг меня настигло жуткое подозрение: они хотят оставить меня здесь на время землетрясения, потолок обрушится на меня и заживо погребет под развалинами. Я просидел несколько ми-

нут, ожидая первого толчка, а потом, не в силах вынести ожидания смерти, которое страшнее самой смерти, я бросился к железной двери и начал молотить в нее, отбивая кулаки и взывая к состраданию тюремщиков.

Кто-то услышал мои призывы, и тяжелые сапоги застучали по коридору. Я отпрянул от двери, она распахнулась, и вместо того, чтобы выпустить меня наружу, солдаты втолкнули нового пленника. Это был князь Урао. Его, видно, подняли с постели — он был в красном стеганом халате, подпоясанном золотистым шнуром с кистями. Несмотря на унизительное состояние, князь старался сохранять высокомерный вид, но это ему не удавалось.

Появление князя столь удивило меня, что я забыл о надвигающемся бедствии. Нет, я не злорадствовал, во мне проснулся философ. Где твоя спесь, князь Урао, который заставлял меня, бедного мальчишку, давать ему списывать контрольные работы и избивал меня в уборной миссионерской школы, если я осмеливался ему не подчиниться? Где твоя спесь, князь, который не захотел узнать меня, когда я нанес визит ему после возвращения из Кембриджа, и который третировал меня, полагая, что я, гордый наследник брахманов, принимаю эти унижения как должное?..

Глаза князя привыкли к темноте. Он сидел на койке так, словно проглотил длинный шест, и его птичья взлохмаченная голова, которую я впервые увидел не приведенной в геометрический порядок домашним парикмахером, поворачивалась вокруг оси, как у грифа, попавшего в клетку.

— Ты здесь, Матур? — спросил он без выражения.

— Да, князь, — сказал я. — Мы здесь. И мы равны.

— Равны ли? — спросил князь. Он подумал немного и добавил, не притворяясь, просто потому, что пришел к такому заключению: — Нет, мы с тобой не равны.

Я внутренне улыбнулся.

— Что привело вас сюда? — спросил я.

Князь пожал плечами.

За решеткой светлело, и в этом туманном синем свете я разглядел, что у князя какие-то мутные, пьяные глаза, словно он не понимает, что происходит.

— Я член верховной палаты парламента, — сообщил он мне доверительно. — Я пользуюсь неприкосновенностью.

— Вы сообщили об этом майору Тильви?

— Он жестоко поплатится.

В голосе князя не было убежденности. Ничего не было, пустой голос человека, который смотрит на рушащийся вокруг мир и не осознает, что сам он часть этого мира.

— Отец Фредерик умер, — сказал князь, запахиваясь потуже в халат. В камере было прохладно. — Мы скорбим.

Я не понимал, к чему он это говорит. Ну, умер миссионер. Надо же было ему когда-нибудь умереть.

— Как майор осмелился посадить вас сюда?

— Он боится меня.

— Это наркотики? — спросил я. — Они перехватили груз?

Князь поманил меня пальцем. Я приблизился.

— Меня скоро освободят, — сказал он шепотом. — Но не смей доносить об этом. Я тебя убью. Меня все предали. Но ты не посмеешь.

— Я не намерен вас предавать, — сказал я. — Я всегда оставался вашим верным другом. — Мне стало страшно.

— Знаю, знаю, — отмахнулся князь и продолжал шепотом: — Мои люди сейчас спускаются с гор. Мы выгоним этого майора, и я уеду с Лами в Европу. У меня капиталы в Швейцарии. Мне больше нечего делать в этих диких горах. Лами ждет меня. Только тише, никому ни слова.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ЛИГОН БРИГАДИРУ ШОСВЕ СРОЧНО ИЗ ТАНГИ 7.40

ПЕРВЫЕ ПАРТИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДОСТИГЛИ МОШИ ЖДУ ВТОРУЮ КОЛОННУ ГРУЗОВИКОВ МЕДИКАМЕНТЫ ВЕРТОЛЕТ ОБЕЩАННЫЙ ИЗ МИТИЛИ ПРЕСЕЧЕНА ПОПЫТКА КНЯЗЯ УРАО ВЗОРВАТЬ ДОРОГУ К ТАНГИ МОСТ МЕХАНИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ У ТАНГИ ЗАДЕРЖАН ГРУЗОВИК С ГОРЦАМИ ПЛЕМЕНИ КХА ШЕДШИЙ В ГОРОД ПОДДЕРЖКУ КНЯЗЮ УРАО ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАРТИИ ВЫРАЗИЛИ ПОДДЕРЖКУ ВРК ОТМЕЖЕВАЛИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ КОМИТЕТА СПАСЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ ВЛАСТЬЮ ВРК МНОЮ НАЦИОНАЛИЗИРОВАНЫ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ГОРОДЕ И СОБСТВЕННОСТЬ КНЯЗЯ УРАО КОТОРЫЙ АРЕСТОВАН НА ДОПРОСЕ ПРИЗНАЛ УЧАСТИЕ КОНТРАБАНДЕ ОПИУМА ПОЛАГАЮ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЗАДЕРЖАНИЯ

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

* * *

«Вот что писал житель Катании:

«...Со всех сторон просили о помощи. На каждом шагу лежали мертвые, массы раненых, улицы стали неузнаваемы, да и не существовало их больше, вместо них стояли остатки домов и горы обломков.

Когда я шел по улице Мессины, я заметил, как один грабитель пытался сломать ящик, я прицелился в него из револьвера, приказывая ему бросить банковые билеты, которые он уже держал в руках. В ответ он стал что-то бормотать, грозя ножом, но тут показались солдаты, схватили его и увезли.

Когда его вели солдаты, все встречающиеся плевали на него, а жители хотели убить этого жалкого человека...»

«Только когда мне удалось пригласить с собой двух русских моряков, стала продуктивнее моя работа...

Среди этих моряков я видел много контуженых, раненых, продолжавших работать, рискуя своей жизнью при каждом случае спасения. Они взбирались на такие места, где, казалось, смерть несомненно угрожала им, но они побеждали и спасали людей...

На остатке балкона пространством не более метра, зацепившись рубашонкой за изломанную решетку, висит девочка лет шести. Только половина ее тела на обломках, а голова и грудь в воздухе: девочка молчит и смотрит вниз. Снять ее почти невозможно: обломок стены едва держится, достаточно толчка лестницы, приставленной к ней, и тяжести человека, влезающего по лестнице, стена упадет и ребенок погибнет.

Матросы действуют словно акробаты, они ставят лестницу, не касаясь ею стен, на вершину ее влезают двое, один садится верхом на другого, горизонтально вытягивает свое тело и снимает девочку. Это было сделано так ловко, что среди стонов боли и криков о спасении раздался, может быть, и неуместный, но неудержимый крик победы и радости».

М. Горький. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. С.-Петербург, 1909.

Владимир Кимович Ли

Староста пришел, когда уже взошло солнце. Он был в выцветшем армейском мундире с тремя медалями на груди. Махакассапа был недоволен его опозданием и что-то строго выговаривал здоровяку. Тот оправдывался. Потом они обратились ко мне, и Махакассапа сказали:

— У старосты свои счеты с Па Пуо. Вчера он не посмел спорить с капитаном Боро. Он думает, что знает пещеру. Если они за ночь не ушли дальше.

Мне хотелось спросить, что мы можем сделать вдвоем со старостой, но я не стал задавать лишних вопросов. Эти люди были моими союзниками. Если бы мне отказали в помощи, я побежал бы в горы один.

— Идите, — сказал старик.

Я поднялся и на прощание еще раз попросил Махакассапу после полудня покинуть дом.

Тот только улыбнулся.

На монастырском дворе под деревьями сидели в ряд с десяток крестьян из деревни. У двоих из них были длинные, по-моему, капсульные ружья, остальные были вооружены бамбуковыми палками, за поясами у них были заткнуты чуть изогнутые ножи. При виде этой маленькой армии у меня отлегло от сердца. Староста и Махакассапа были не так наивны, как я предположил.

Совсем уж неожиданное подкрепление мы получили, когда наш отряд вышел из ограды монастыря. Там, за оградой, стоял джип, в котором сидел, рот до ушей, сержант Лаво. При виде меня сержант Лаво состроил такую зверскую рожу, что я предположил, что сейчас меня скрутят и отправят в Танги, чтобы я не занимался самостийной охотой на контрабандистов. Но оказалось, что мое бегство с острова было замечено, и, решив, что я собрался по холодку проверить приборы в роще, Лаво сел в джип, чтобы меня сопровождать. Что ж, пускай сопровождает.

Я думаю, что Лаво быстро сообразил, что меня на самом деле влечет в горы, но остался с нами. Не доезжая до сосновой рощи, мы свернули в заросли на тропу. В одном месте мы пересекли низинку, где по сырой земле протекал ручеек. Там я увидел следы легковой машины. Все правильно, здесь проезжал вчера князь Урао.

Минут через пять наш джип остановился, крестьяне, слишком громко разговаривая и смеясь, гурьбой пошли вверх. Мне это не нравилось, но вряд ли я смог бы втолковать им, что надо быть осторожными, преследуя врага. Мы имеем дело с профессионалами. Я завидовал Лаво, у которого был автомат. Я чувствовал себя беззащитным, но тем не менее я принадлежал к этому веселому войску. И когда один из крестьян хлопнул меня по плечу и предложил толстую, в кукурузных листьях, сигару, я раз-

дал оставшиеся у меня полпачки «Шипки», и боевой союз еще более укрепился.

— Эй! — крикнул ушедший вперед сын старосты, который столько раз перевозил нас на остров.

Лаво, пригнувшись, перебежал к сыну старосты. Впереди кусты расступились, неподалеку поднималась серая скала. Они смотрели вправо. Меня подмывало подойти поближе, и я даже сделал шаг в ту сторону, но вдруг услышал хлопок выстрела и увидел, что Лаво и сын старосты присели в кусты. Мне видно было, как Лаво медленно поднимает автомат. Еще один выстрел справа. Упала ветка дерева. Лаво дал очередь из автомата. Староста крикнул что-то крестьянам, затрусил к кустам и стал пробираться сквозь них, звеня медалями. Лаво дал еще одну очередь из автомата. Никто не ответил. Он выпрямился, сделал шаг вперед, но тут же новый выстрел заставил его отпрянуть. Не знаю, сколько времени прошло в этой непонятной мне перестрелке. Ни Лаво, ни другие не выказывали желания двигаться вперед. Я попытался знаками показать, что, может, нам лучше наступать, но солдат велел мне оставаться на месте.

И он оказался прав. Через несколько минут далеко справа раздался гортанный крик. Сын старосты откликнулся.

— Пошли, — сказал Лаво.

Он выпрямился и смело вышел на открытое пространство. Мы прошли метров сто по тропинке под самой скалой и увидели старосту. Он сидел на большом плоском камне. Я огляделся. Никаких пещер, никаких контрабандистов. Что же дальше?

Увидев нас, староста поднялся и пошел вперед. И только поравнявшись с камнем, я вдруг увидел, что за ним, вытянувшись во весь рост, лежит человек. Он лежал, отвернув от меня голову, словно его сморила усталость, но гравий около его головы потемнел от крови. Крестьяне проходили, не глядя на него, словно он был плодом моего воображения. У старосты в руках был новенький автомат.

Тропинка шла по густому кустарнику, поднимаясь все выше. Потом староста отвел куст в сторону, и я увидел широкий и низкий вход в пещеру.

Староста заглянул внутрь и крикнул. Голос его отразился от скалы и вернулся, усиленный втрое. Лаво отцепил от пояса карманный фонарь и посветил внутрь. На каменном полу лежали смятые пожухшие ветки — видно, на них спали. Луч фонаря задержался на нескольких окурках, на забытой веревке, на кучке углей.

— Они ушли, — сказал Лаво, словно извиняясь передо мной.

Директор Матур

Часы мои остановились. Я не знал, сколько времени. Меня могли бы и покормить, ведь заключенных следует кормить. Князя Урао увели, и он долго не возвращался. Я попытался выглянуть в зарешеченное окошко, для чего подтянул к нему койку. Но все равно видел только покрытое тучами мрачное небо. Сюда почти не доходили звуки, хотя я очень прислушивался, потому что мне казалось, что все уже ушли из города и меня забыли.

Стоя на койке, я не заметил, что дверь открылась и вернулся князь Урао. Солдат, втолкнувший его в камеру, не обратил на меня внимания и тут же ушел.

Я пригляделся к князю, стараясь обнаружить на его лице следы побоев, но следов не нашел. Князь уселся на койку. Он казался совершенно спокойным.

— Слезьте, Матур, — сказал он. — Вы загораживаете мне свет.

Я подчинился, потому что и в самом деле нелепо разговаривать, стоя на кровати.

Князь казался подавленным.

— Что-нибудь еще? — спросил я, стараясь проявить сочувствие.

— Тактическое отступление, — ответил князь, не глядя на меня. — Вынужденное отступление.

Я ждал, что он еще скажет.

— Операция «Треугольник» провалилась. — Князь загнул палец. — Заводы эвакуируются... — Второй палец замер в полусогнутом состоянии. — Но ведь Джонсона они не поймали. Они ничего не могут со мной сделать. Минирование проводил не я... — Палец разогнулся.

Князь прислонился головой к серой, плохо оштукатуренной стене и закрыл глаза. Я осмелился нарушить его размышления.

— В любой момент, — сказал я, — может начаться землетрясение. И мы будем погребены здесь заживо. В любой момент.

Князь ответил мне, не открывая глаз:

— До землетрясения еще несколько часов. К тому времени меня здесь не будет.

— Вас выпустят?

— Конечно, выпустят. Они не посмеют, — говорил он, словно твердил латинские спряжения. — Скоро прибудут воины из племени кха, и эти солдаты разбегутся как крысы...

— А если не прибудут?

— Меня все равно отпустят. Меня нельзя здесь держать.

— Князь, — сказал я с достоинством, — возьмите меня с со-

бой. Я здесь нахожусь по ошибке. Вы же меня знаете много лет. Обо мне нельзя сказать ничего плохого.

Он думал о своем. Я никак не мог размягчить жесткую броню, в которую было заковано его маленькое сердце.

Внезапно он открыл глаза.

— Я ему обещал, — сказал он. — Я отойду от политики. Я уеду из Лигона. Да, я возьму Лами и уеду из Лигона. Мы будем жить в Швейцарии и кататься на лыжах. Матур, ты никогда не катался на лыжах. На этих условиях они выпустят меня из страны.

Такой разговор никуда не вел.

— Вы должны помочь мне выбраться отсюда, — настаивал я. — Меня будут пытать. Я не выдержу. Я все расскажу. И о Суне, и о подполковнике Кенги...

— Ах, какое мне до этого дело! Ты зачем, Матур, убил отца Фредерика?

Я был в отчаянии. Он ничего не слышал и не понимал. Он был вне себя.

— При чем здесь отец Фредерик!

— Да, при чем?

Мне показалось, что князь заснул.

За окном было тихо. Конечно, все уже ушли из города. Сейчас начнется...

Я метнулся к князю.

— Очнитесь! — умолял я его. — Очнитесь! Мы должны уйти отсюда.

Князь вяло попытался стряхнуть мою руку. Я бросился к двери. Я стучал в нее, но шум лишь улетал куда-то по коридору и замирал там, в пустоте. Все ушли...

Наконец я влез на койку и, встав на цыпочки и прижав лицо к решетке, *принялся звать на помощь... Никого...*

Вдруг в дверь постучали. Три раза.

Услышали!

Приоткрылся «глазок», и кто-то заглянул в камеру. Не слезая с кровати, я закричал:

— Сюда, скорее!

Кто-то возился с засовом. Я подбежал к двери, чтобы быть первым.

Дверь отворилась, и человек прошипел:

— Тише!

Открывавшаяся дверь отодвинула меня в сторону. Я узнал капитана Боро. Он закрыл за собой дверь и сказал:

— Князь, скорее! Я рисковал всем, пробираясь к вам.

Князь открыл глаза.

— А-а! — сказал он спокойно. — Это вы, капитан. А где мои люди из племени кха?

— Им рассказали о землетрясении, они сели в грузовик и поспешили к себе в деревни.

— Только ты? — спросил князь. — Ты не предал меня?

— Скорее, князь, — ответил Боро. — В любой момент они могут вернуться. У них мало людей, их всех отправили на аэродром разгружать самолеты с продовольствием. Они могут вернуться.

— Идем, — сказал князь.

— В машине моя жена и дети. И вещи. Я всю ночь скрывался в сарае, меня ищет майор Тильви. Но я счел своим долгом...

— Я не забуду, Боро, — ответил князь. — Ты можешь и в будущем рассчитывать на мое покровительство.

— Мне придется бежать из Лигона.

— Не беспокойся. Ты уедешь со мной в Швейцарию.

— Но у меня нет места для господина Матура.

— Не расстраивайся, капитан. Он остается здесь.

— Вы не имеете права! — закричал я.

Капитан Боро пропустил князя вперед. Я попытался пробиться к двери, но капитан Боро вытащил пистолет и прицелился в меня. Мне пришлось отступить.

— Прибить его? — спросил Боро, словно речь шла о бродячей собаке.

— Пускай живет, — сказал князь. — Вы же знаете мою доброту. Он ничего не скажет. И запомни... — добавил он, стоя в дверях и запахивая свой халат, словно тогу императора. — Если ты заговоришь, то будешь иметь дело со мной. Когда все кончится, мы снова станем друзьями.

И он улыбнулся своей застенчивой и зловещей улыбкой испорченного мальчика, показав красивые белые зубы.

Хлопнула дверь, звякнул засов. И я остался один.

Я не знаю, сколько я простоял посреди камеры, опустив руки, не в силах сделать ни шага. Я был обречен, я был забыт, я был брошен, я никому не был нужен.

Владимир Кимович Ли

В глубине пещеры я нашел смятую открытку с Василием Блаженным. Я подарил ее Лами. Может, она надеялась, что я ее буду искать, и оставила открытку в пещере. Я показал открытку Лаво:

— Лами!

Староста взял открытку и расправил ее.

— Они пошли в горы, — сказал он.

— Мы пойдем? — спросил я.

Я боялся, что он откажется. У него в деревне остались родные, о них надо позаботиться. Если бы он сказал «нет», я бы не мог возражать.

— Немного пойдем, — сказал староста, подбирая английские слова. — Если близко стоят — найдем.

У контрабандистов тяжелый груз, а мы шли налегке. Тропинка бежала все время вверх, иногда повисая над скалами, порой спускаясь вниз, в узкие щели, прорезанные ручьями. Солнце поднялось высоко. Я старался не думать о том, что скажет Отар и как разгневается Вспольный, потому что я веду себя неподобающим образом для человека, присланного в служебную командировку. Охотники громко переговаривались, шутили, курили, но я уже обратил внимание, что всегда один из крестьян шел шагах в пятидесяти впереди.

На седловине горы, покрытой густой невысокой травой, мы остановились передохнуть. И как раз вовремя. Еще бы двадцать метров, и я бы свалился от усталости. Я рухнул на траву, спугнув какую-то змею, но так устал, что не обратил на это особого внимания. Змея как змея. Представьте себе, как бы я начал прыгать, если бы такое случилось со мной под Москвой, в мирной обстановке! Минут через пять я отдышался и смог сесть.

Остальные уселись в кружок, курили. Мне не следовало рассиживаться здесь, словно я слабее других. Я поднялся и начал взбираться за старостой к недалекой вершине горы. Идти было не так трудно, дул свежий ветерок, и подъем был легкий. Но, наверно, прошло не меньше получаса, прежде чем я догнал их у вершины. Отсюда открывался вид на долину, по дну которой, появляясь в зеленой спутанной вате деревьев и снова исчезая, текла узкая извилистая речка.

Лаво достал из футляра на поясе большой армейский бинокль и начал внимательно разглядывать долину.

— Эй! — сказал он, показывая вниз, туда, где речка пересекала зеленое пятно поляны. Я ничего не видел. Лаво протянул мне бинокль. Староста положил ручищу мне на затылок и повернул голову так, чтобы я смотрел куда следует.

— Лонги, — сказал староста и показал рукой направо. — Деревня Лонги.

Деревню отсюда не было видно, но места были почти знакомые. За следующим хребтом мы встретились с Па Пуо.

Махонькими точками вдоль реки передвигались людишки.

Воздух был чистым, но от жары колебался, и потому люди словно плыли сквозь прозрачный поток.

— Мы пойдем туда? — спросил я неуверенно. До тех людей было так далеко...

Староста пожал плечами и молча стал спускаться к своим спутникам.

Лаво трусил под горку рядом со мной и что-то объяснял извиняющимся тоном. Я понимал, что он оправдывает старосту, который не может так далеко вести людей. Я обратился к последнему аргументу.

— Мы с тобой, — сказал я, — пойдем вдвоем?

Лаво улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Нас убьют. Вдвоем плохо.

Староста стоял, окруженный крестьянами. Когда мы с Лаво подошли, они достигли компромисса.

— Он, — сказал староста, показывая на сына, — и Лаво. Здесь. Смотрят. Ты, — он показал на меня, — Танги, телефон. Самолет...

Он был прав. Конечно, он был прав. Но уйти отсюда, находясь в двух шагах от Лами, я не мог.

— Я останусь здесь, — сказал я. Голос у меня был пасмурный, как у младенца, вымаливающего конфету.

— Быстро! Быстро! — Староста подгонял своих спутников, они подбирали копья, ружья, подтягивали пояса. Автомат он оставил сыну.

Староста первым повернул к озеру, вниз, где пеной зеленого прибоя нас ждал лес.

Мы вошли в лес, когда солнце уже перевалило через зенит. Староста шел рядом, покачивал своим обширным брюхом, солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, отражались от медалей, босые ноги ступали крепко. Наверно, я выглядел погано, и староста утешал меня, повторяя:

— Самолет прилетит. Быстро. Лаво смотрит, куда идти. Далеко не уйдут. Ты не думай, далеко не уйдут.

Я повторил про себя: «Далеко не уйдут», но это меня никак не утешало, потому что я оставил Лами. Я украдкой достал расправленную открытку, перевернул ее, словно искал послание от Лами, но она не могла оставить никакого послания, потому что ей нечем было писать.

Староста остановился. Я натолкнулся на его спину. Вокруг замерли другие крестьяне. Лес был дневным, шумным, и я, наверно, последним услышал, что кто-то, не скрываясь, круша сучья, поднимается навстречу.

Юрий Сидорович Вспольный

Я устроился внизу, в гостиной, на узком плетеном диванчике, подстелив серое солдатское одеяло. Отар Давидович работал. Я проваливался в зыбкий сон и, неудачно повернувшись, просыпался от боли в обожженных ногах. Лампа все так же горела на столе, рука профессора мерно нажимала на какие-то кнопки компьютера, словно он играл на беззвучном фортепьяно, а я вновь забывался на несколько минут, бежал по горам, светило солнце, в меня стреляли, за мной гнались... Толком я заснул уже под утро.

Когда я очнулся, солнце ослепительно светило в окно, в листве дерева суетились золотистые пичужки, под верандой громко разговаривали солдаты. Отара Давидовича не было. Его раскладушка была убрана.

Поднявшись, я с трудом расправил затекшие, ноющие члены моего тела и добрался до стола, на котором обнаружил записку.

«Дорогой Юрий Сидорович!

Я уехал в Моши. Вернусь к одиннадцати. Попытайтесь дозвониться до Володи. Если Володя приедет без меня, он знает, что делать. Будьте дома к одиннадцати. Надо будет вытащить аппаратуру, важно, чтобы приборы работали непрерывно. Кофе в термосе.

Котрикадзе».

Я читал записку, поднеся ее к самым глазам. Без очков я почти инвалид. Как грустно, что все так неладно получается. Я долго разыскивал мой самодельный монокль. Потом догадался поглядеть на часы.

Было без двадцати одиннадцать.

Меня охватил горький стыд. Оказалось, я постыдно, преступно проспал все утро, а мои товарищи трудились. Я бездельничал в часы, когда должен был метаться по улицам с фотоаппаратом, записной книжкой, наконец, просто смотреть, впитывать, запоминать это неповторимое, уникальное событие — драму и скрытый оптимизм титанической борьбы мысли со стихией.

Меня охватило почти неодолимое желание, несмотря на свой недостаточный туалет и раскрашенное лицо, бежать на улицу, чтобы ничего не пропустить, но я понимал, что это невозможно. Я нужен здесь.

Я отвинтил крышку термоса, налил кофе и начал дозваниваться на остров. Безрезультатно.

Это, разумеется, меня встревожило. Мне хотелось бы уверить себя, что Ли возвращается в Танги, но в это я не верил. Теперь, когда срок землетрясения точно установлен и участие молодого человека в последующих событиях будет лишь пассивным, он может позволить чувствам овладеть собой, взять верх над долгом... Это привело бы к нежелательным последствиям. Но вправе ли я, даже сознавая это, осуждать возможные поступки Владимира Кимовича?

Эту моральную проблему я решить не смог...

Отар Давидович не вернулся ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Я старался не терять времени даром. Я убедил охрану вынести из дома вещи Васунчоков и даже частично снять железную крышу. Следует сказать, что это занятие не из легких. Несмотря на то что солдаты меня не допустили к непосредственному снимению железных листов, я принимал участие в разборке дома, подхватывая и складывая в стопку снятые железные листы, и к моим ранам прибавились новые — все руки были изрезаны в кровь, и, что хуже всего, в двух местах порвались новые брюки Отара Давидовича.

Лишь когда солдаты, уморившись, спустились с крыши и отправились умываться, я позволил себе обмотать правую руку носовым платком, чтобы не испачкать трубку телефона. Я уже несколько раз пытался дозвониться до острова. Каждая проезжавшая машина казалась мне машиной Володи, но мои надежды рушились, не успев окрепнуть.

Отар Давидович вернулся в половине первого. Он сразу спросил:

— Володя не приезжал?

— Нет.

— И не звонил?

— Нет.

— Так, — сказал Отар Давидович. — Займемся аппаратурой.

Около часа мы перетаскивали приборы в сад. Отар Давидович молчал, да и я не разговаривал, потому что, несмотря на кажущуюся простоту, разборка аппаратов, переноска их и установка на новом месте требовали больших физических усилий и крайней осторожности.

Работа была в разгаре. Отар Давидович сказал:

— Дальше я один справлюсь. У меня к вам большая просьба, Юрий Сидорович. Возьмите, пожалуйста, машину и найдите

майора Тильви. Я очень беспокоюсь за Володю. Я рассчитываю на его здравый смысл, но тем не менее...

— Я сделаю все возможное, — заверил я Отара Давидовича. — Будьте совершенно спокойны.

Мне пришлось идти пешком: капот джипа, на котором вернулся Котрикадзе, был откинут, и шофер задумчиво знакомился с устройством мотора.

Через десять минут я уже был в губернаторском дворце, где мне пришлось вступить в длительную дискуссию с дежурным капралом, который не желал пропустить меня внутрь, видимо, смущенный моим внешним видом — одеждой не по размеру, ободранными и нечищеными ботинками, пятнами пластыря и йода на лице. В конце концов мне удалось добиться от него, что майора нет — он уехал в механические мастерские. Я решил сходить туда пешком, благо все расстояния в Танги сравнительно невелики. Я двинулся напрямик, через газон. Когда я приблизился к кустам, обрамляющим его, я обратил внимание на то, что в одном месте трава измята и залита кровью. Я осторожно обошел это место, раздумывая, какая трагедия разыгралась недавно перед дворцом? Возможно, недоброжелатели пытались ночью завладеть штабом округа и случилась перестрелка с охраной?.. Наверно, я никогда не узнаю правды: лишь малая часть чужих судеб, как вершина айсберга, открывается постороннему наблюдателю.

Дорога вывела меня на боковую улочку. С минуту я простоял, глядя, как какая-то семья покорно и вроде неторопливо грузит свой нехитрый скарб на повозку, запряженную низкорослыми пони. О чем думают эти люди, покоряясь приказу и, возможно, не веря в горькую правду? Малыш вышел из дома, неся в руке блестящий алюминиевый чайник. В его памяти останется лишь туманное воспоминание о ярком весеннем дне, о том, как он, папа, мама, сестры ехали в повозке в горы, и ему будет казаться, что это был не более как веселый пикник, и он никогда не задумается о том, что его хрупкая жизнь была спасена, в частности, молодым человеком по имени Владимир Ли, который в данный момент пробирается сквозь джунгли в поисках похищенной девушки. До чего сложна жизнь!

Дальше мой путь лежал мимо маленькой церкви, подобной тем, что изображаются на немецких или швейцарских рождественских открытках. Белый кубик под двухскатной крышей и над ней четырехугольным столбиком колокольня со шпилем. Дверь в церковь была открыта. Оттуда доносился чей-то монотонный

голос. Любопытство заставило меня заглянуть внутрь. Свет из узких высоких окон освещал старика, лежащего в гробу. Его лицо являло собой зрелище полного умиротворения и покоя, словно этот человек долго шел, устал и заснул. Я подумал, что смерть настигла его во сне. Какая-то женщина в темной одежде стояла у гроба. Я пошел дальше. Люди рождаются, умирают, и город, доживающий свои последние часы, кажется постоянным и вечным, куда постоянней живущих в нем людей. И это тоже лишь видимость...

В механических мастерских было пусто. Несколько рабочих покрывали брезентом вытащенный во двор пресс. Один из них спросил, кого я ищу. Я ответил, что майора Тильви. Рабочий сказал, что майор уехал на аэродром, а это в двух милях от города. Я поблагодарил его и пошел дальше. Раза два меня обгоняли повозки с домашним скарбом. У домов городской окраины был странный вид, словно все жители собирались выехать на дачу: вещи стояли на улице, в палисадниках — шкафы, кровати, сундуки, но сами дома были пусты. На крыше одного из домов сидел человек и снимал черепицу. Два других подхватывали плитки, которые он ловко кидал им, и складывали в аккуратный штабель.

На маленьком аэродроме мне сказали, что майор только что был здесь, а какой-то лейтенант с повязкой Красного Креста на рукаве вмешался и поправил:

— Вон он.

Я взглянул на поле и увидел, что майор Тильви, которого я издали узнал по руке на перевязи, направляется к вертолету, стоящему в стороне от взлетной дорожки.

Я понял, что майор намеревается улететь в Моши, и бросился через поле к вертолету.

Когда я добежал до машины, винты уже вертелись, поднимая пыль и сухую траву. Я стал отчаянно махать руками, чтобы привлечь внимание пилота. Вертолет завис над землей, словно раздумывая, в какую сторону ему лететь, дверца в нем открылась, и оттуда вывалилась веревочная лестница, как бы приглашая меня подняться. Я подбежал к лестнице и остановился. Блестящее брюхо вертолета нависало надо мной, и когда я, вцепившись руками в боковины лестницы, поставил ногу на ступеньку, прогнувшуюся под моей тяжестью, меня сразу понесло куда-то вбок, я потерял равновесие и, перекрутившись в воздухе, тяжело рухнул на землю. Но тем не менее я тут же поднялся, подумав, что на моем израненном теле появится еще один синяк, и вновь

направился к лестнице. Из люка высунулся сам майор Тильви и знаком показал мне, чтобы я отошел. Вертолет мягко опустился на землю, и вскоре его винты, прекратив вращение, опустились вниз, как уши подбитого зайца.

— Входите! — крикнул мне майор Тильви. — Мы теряем время. Вы что, никогда по лестнице не поднимались?

— Простите, — сказал я, — профессор Котрикадзе обеспокоен судьбой товарища Ли...

— Я говорю, входите!

Я подчинился. Майор Тильви является представителем законного правительства этой страны, и я должен с уважением относиться к его просьбам.

Внутри вертолет оказался просторным. Мне никогда ранее не приходилось совершать путешествия на вертолетах, и потому я их недооценивал. Вдоль боковых стен тянулись скамейки, на которых сидели солдаты. Один солдат сел на пол, и майор Тильви показал мне на освободившееся место. Я хотел все объяснить майору, но в этот момент с оглушительным треском заработал мотор, и продолжать разговор стало невозможно.

* * *

ТЕЛЕГРАММА

ТАНГИ ОТЕЛЬ ЭКСЕЛЬСИОР ДИРЕКТОРУ МАТУРУ ИЗ ЛИГОНА 12.50

ОЗНАКОМИЛСЯ УСЛОВИЯМИ СТРАХОВКИ СПИЧЕЧНОЙ ФАБРИКИ КИНОТЕАТРА ДРУГОЙ НЕДВИЖИМОСТИ УЩЕРБ ОТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ПОЛИСОМ НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ИМЕЙ В ВИДУ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДРУГИХ СДЕЛОК ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДАЛЬНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ В ИНОМ СЛУЧАЕ ВЗЫСКИВАЮ ТЕБЯ УБЫТКИ ЧЕРЕЗ СУД

ЛЮБЯЩИЙ БРАТ САИД

* * *

«Почему до сих пор не страхуются от землетрясений? Ведь страхуются же от штормов, и страховые компании готовы в таких случаях трезво оценивать риск. К сожалению, иное отношение проявляется к землетрясениям. Условия страхования и сумму страховой премии можно уточнить лишь тогда, когда статистические данные позволяют дать точную количественную

оценку вероятности ущерба. Что касается страхования жизни, то всем известно, какими точными стали статистические данные по этому вопросу. Когда же нужно застраховаться от землетрясения, все подсчеты оказываются несостоятельными.

Вот почему в 1906 году страховые компании, которые согласились оплатить ущерб, нанесенный землетрясением в Сан-Франциско, сели на мель. То же самое произошло и в 1925 году, когда им пришлось выплатить 6 662 650 долларов после катастрофы в Санта-Барбаре. Вот почему в наши дни такой риск обычно не находит отражения в полисах. Нетрудно догадаться, что пожары как следствие землетрясения не учитываются в обычных полисах страхования от огня».

Пьер Руссо. Землетрясения. Париж, 1961.

Владимир Кимович Ли

Из кустов вышли и замерли от неожиданности князь Урао и капитан Боро с толстой сумкой в руке.

В первый момент меня более всего поразило одеяние всесильного князя: пурпурный стеганый халат, подпоясанный золотым витым шнуром, и разорвавшиеся от ходьбы по камням домашние туфли.

За капитаном Боро шла толстая, грустная, когда-то красивая женщина, которая несла на руках ребенка, второй семенил за ней, вцепившись в ее длинную юбку. Шествие замыкал потный солдатик, волочивший два чемодана и толстый мягкий тюк, перекинутый через плечо.

Все молчали. Ну просто остолбенели. Староста обернулся ко мне, словно я сейчас дам ему ценный совет.

Светлые узкие глаза князя последовали за взглядом старосты и замерли на моем лице. Теперь староста смотрел на меня, крестьяне смотрели на меня, князь и капитан Боро смотрели на меня, даже дети смотрели на меня.

— Их надо задержать, — сказал я старосте.

Князь все понял.

— Так, — сказал он. — Я вас не сразу узнал. Вы так не похожи на европейца.

В словах его звучало определенное презрение ко мне, как к самозванцу, укравшему европейский паспорт.

— Теперь я понимаю, кто стоит за всеми действиями майора Тильви.

Князь был склонен к театральным эффектам и в этот момент изображал византийского императора.

— Вот кому майор Тильви продал наши горы! Вот кого он пригласил разрушить наши дома!

После этого князь отвернулся от меня и сказал небольшую, но страстную речь по-лигонски, наверно, апеллируя к гордости и свободолюбию местных жителей. Местные жители неуверенно переминались с ноги на ногу, потому что одно дело — гоняться за контрабандистами, другое — обидеть князя, который принадлежит к роду, правящему этими местами тысячу лет.

После окончания страстной речи князя ничего не произошло. Крестьяне все так же стояли, стараясь не глядеть на грозного владыку, ребеночек заплакал. Видно, князь разгневался, он повысил голос и начал сурово корить крестьян. В тот момент я не догадывался, что мои спутники из монастырской деревни — бывшие рабы из долины, так что князь для них авторитет относительный.

Капитан Боро взял князя под локоток и начал его успокаивать. Я воспользовался паузой для последней попытки повлиять на старосту.

— Если мы задержим их, — сказал я, — они отдадут Лами. Ведь они заодно с Па Пуо.

Староста отрицательно покачал головой.

— Мои люди, — сказал он, — не будут этого делать.

Кстати, почему комендант бежит из Танги вместе с князем? Неужели Вспольный был прав в своих подозрениях?

Князь, не вняв увещеваниям Боро, протянул длинную руку к кобуре капитана и начал расстегивать ее, чтобы добыть пистолет. Боро испугался, стал отдирать пальцы князя. Они молча боролись за оружие, сопя и тяжело вздыхая. Зрелище могло бы быть смешным — маленький круглый Боро и длинный князь в пурпурном халате, но никто не смеялся. И я с некоторым облегчением увидел, как один из охотников поднял длинное ружье и наставил его на дерущихся. Охотники не хотели, чтобы в них стреляли.

Староста сказал две или три фразы. Довольно громко. Он велел князю и Боро идти своей дорогой. Иного перевода я не придумал.

От этих слов князь сразу отрезвел. Его рука опустилась. Боро снова застегнул кобуру и прикрикнул на женщину и маленького солдатика, который поставил было чемоданы на землю. Солдатика мне было жалко.

Мы стояли, а они проходили между нами, как сквозь строй,

и не глядели по сторонам, даже дети. Князь прихрамывал, видно, разбил ноги в кровь, но шел, задрав голову (если бы я ему сочувствовал, то сказал бы «подняв голову»).

Один за другим они пропадали в кустах. Я вдруг представил себе, сколько им еще идти, и понял, что им не успеть выйти из ущелья до начала землетрясения — остался час, может, два, и они могут погибнуть под обвалом.

Я оглянулся на старосту. Что толку стоять, если все равно отпустили князя? Но он стоял.

— Пошли? — спросил я.

— Нет, — вдруг ответил староста. — Слушай!

Вертолет, летевший совсем низко, появился неожиданно, как ревизор в известной пьесе Гоголя.

Очевидно, никто не осознал, что ревизор — это лицо, облеченное правом опускать занавес. Мы задрали головы, глядя наверх, а машина, наклонившись, начала быстро спускаться на седловину. Ее винты прижали к земле траву.

Вертолет еще не коснулся земли, как люк в нем открылся и оттуда стали выпрыгивать солдаты в голубых беретах, быстро и четко, как на учениях. И тут же разбегались веером, так, чтобы охватить нас кольцом.

Опомнившись, капитан Боро почему-то подхватил один из чемоданов и бросился в мою сторону. Он размахивал пистолетом, забыв о его прямом назначении, и несся, как носорог. Я не хотел вмешиваться в схватку, но должен признаться, что дороги я ему не уступил, а стоял точно на его пути. Капитан врезался в меня, и мы оба покатились по траве. Удар был настолько силен, что я на секунду выключился. А может, прошло больше секунды, потому что следующее, что я помню, — это участливое, ужасно разрисованное и заклеенное пластырями лицо добрейшего Юрочки Вспольного, который склонился надо мной и спрашивал:

— Вы не ушиблись, Владимир Кимович? А то Отар Давидович очень беспокоится.

Отар Давидович Котрикадзе

Это было похоже на немецкую сказку. Помните, там все по очереди идут в подвал, видят кувшин, который может упасть, начинают плакать и обратно не возвращаются! Так было с Володей, теперь со Вспольным.

В два сорок я, так и не связавшись с островом, не дождавшись вестей от Вспольного, пришел в гадчайшее состояние духа. Но работа остается работой, и, кроме меня, ею некому было заняться.

Я проверил, нормально ли работают приборы. Они работали почти нормально. Но если верить им, землетрясение уже началось. Потом я тщательно зарядил кинокамеру, сунул в сумку запасные пленки и вышел из дома. Солдат я отпустил полчаса назад. Они уехали на грузовике, который подбирал отставших. Со мной остался только шофер моего джипа, полагавший, что ему и его любимой машине безопаснее с господином профессором, который ни за что не станет подвергать риску свою драгоценную жизнь.

— Поехали? — спросил он, когда я с камерой вышел из ворот. — В Моши?

— Нет, — сказал я. — Я останусь в городе. Я буду снимать кино. Довезите меня до центра и уезжайте.

— Нет, — улыбнулся шофер, раскусив мою хитрость. — Здесь хорошо, там плохо.

Я надеялся, что, если мы не будем приближаться к зданиям, ему ничего не угрожает.

Мы медленно ехали по улицам не только мертвого, но и выпотрошенного города. «Когда-нибудь, — подумал я, — будут издаваться специальные справочники «Методика подготовки к землетрясению и эвакуация населения и оборудования». В них обязательно будут сноски: «Как показывает опыт проведения (почему бы не ввести это слово?) землетрясения в округе Танги в марте 1974 года, оправдал себя съем кровель с несейсмостойких сооружений»...» Последнее я внес в предполагаемый справочник, когда увидел двух спокойно бредущих по улице солдат. Один из них заглянул в пустой дом, другой остановился перекинуться парой фраз с моим шофером. Я воспользовался остановкой, чтобы снять панораму улицы и ободранных домов. Солдат появился из дома, таща за хвост кошку. Кошка мяукала и норовила вырваться. Неужели она не понимает? Считается, что животные предчувствуют землетрясение. Но город пуст: в нем нет птиц, нет всегдашних собак, даже как будто нет насекомых — город покинуло все живое. В подтверждение моих мыслей две большие черные крысы выскочили откуда-то и быстро побежали через дорогу. Чувствуют. Чтобы крысы бегали по улицам днем... этого не бывает в Танги.

— Не подходите больше к домам. Скоро начнется, — сказал

я солдатам, прекращая съемку. Они не поняли, шофер перевел им, и солдаты засмеялись.

— Хорошо, хорошо, — сказал один из них, и они пошли дальше, поглядывая по сторонам, видно, полагая, что приказ командования охранять пустой город вздорен. Но от этого не перестает быть приказом. Один из них все еще нес кошку.

Мы выехали на центральную площадь. Здесь меня ждало еще одно удивительное зрелище: посреди площади, чувствуя себя неуютно, но тем не менее не намереваясь сдаваться, стояли два подростка с большим плакатом «Да здравствует свобода от любого насилия!». Им было страшновато, и потому я сказал им лезть в машину.

— Нет! — закричал мне тот, кто помоложе, совсем мальчишка, обрадовавшись появлению хоть какой-нибудь аудитории. — Мы умрем за свободу от законов!

Я подумал, что им ничего не грозит посреди площади. И не стал больше настаивать.

Я снял площадь, и дворец губернатора, и подростков. В панораму попала церквушка. Когда она была в объективе, я услышал звон колокола. Какой-то сумасшедший сидел на колокольне — вот кто наверняка погибнет. Поднялся ветер, тучи опустились к крышам.

— Давай к церкви, — сказал я шоферу. Он понял.

Мы подъехали к открытым дверям. Я вбежал внутрь и замер. Посреди церкви между двумя рядами скамеек стоял открытый гроб. В гробу лежал старик-миссионер, я его видел раньше. Все убежали и забыли о нем. Я подумал сначала, что надо бы вынести гроб, но время было слишком дорого, чтобы тратить его на мертвых. Оно нужнее живым. Наверно, этот старый священник не имел здесь ни друзей, ни учеников, он был чужим этому народу и остался один, когда люди ушли. Я обогнул гроб и заглянул наверх, на колокольню, куда вела по стене винтовая лестница. Но там было пусто. Оказалось, что колокол отвязан и его раскачивает ветер. Я потерял еще три минуты, снимая панораму города сверху. Это мне следовало сделать раньше, но все было недосуг. Я заставлял руки вести камеру медленно и уговаривал себя, что время еще есть, и в то же время критик, живущий во мне и следящий за каждым моим шагом, нещадно клял меня за легкомыслие. Наука обойдется без этой панорамы, а вот быть погребенным под развалинами церкви — неразумно.

Кончив снимать, я сбежал вниз и только хотел уйти из церкви, как заметил за гробом нечто черное. За постаментом, на ко-

тором стоял гроб, сжавшись в комок, пряталась женщина. Я попытался поднять ее. Женщина повисла у меня на руке, бормоча по-лигонски.

— Идемте отсюда, — говорил я ей как можно спокойнее. — Сейчас здесь нельзя оставаться...

Женщина подняла ко мне лицо. Она была стара, но лицо почти без морщин, широкое, гладкое, усталое.

— Нет, молодой человек, — сказала она по-английски. — Я останусь с ним.

— Но он мертв.

— Я останусь с ним.

— Скоро церковь рухнет.

— Хорошо, — сказала женщина. — Я останусь с ним.

Господи, ну что же делать в такие минуты? Женщина не притворялась, она хотела остаться с миссионером.

Я попытался потянуть ее за рукав. Она вцепилась в край гроба. Быстро выйдя из церкви, я бросил камеру на сиденье машины и сказал шоферу:

— Пошли.

Он послушно спрыгнул с машины и побежал за мной. Не хватало еще сейчас начаться землетрясению. Будут три невинные жертвы.

Женщина сидела у гроба, закрыв лицо руками.

— Берись, — сказал я шоферу. — Быстро.

Мы подхватили жутко тяжелый гроб и, надрываясь, потащили его к выходу. Я шел первый, спиной к входу, и видел, что женщина, как сомнамбула, поднялась и последовала за нами.

Мы опустили гроб шагах в двадцати от входа в церковь. Я бы не смог пронести его ни шагу дальше.

Шофер стоял по ту сторону гроба, смотрел на меня, шевеля пальцами, чтобы восстановить кровообращение. Видно, я казался ему идиотом. Я показал за его спину. Шофер обернулся. Женщина, наклонившись над гробом, гладила спокойное лицо старика.

Неожиданно для меня шофер поклонился женщине.

— Поехали, — сказал я.

Шофер подчинился. Он подал машину задом, и мы попятились к улице. Шофер сказал, не отрывая глаз от уменьшающейся фигуры женщины в темном:

— Княгиня Урао Валомира...

Мы проехали мимо одноэтажного здания военной комендатуры, потом мимо бараков. Бараки были из гофрированного же-

леза, жить в них, наверно, было жарко. Я снял их потому, что важно было потом проверить, как такие строения будут реагировать на толчки. Вдруг послышался отдаленный крик.

Я выключил камеру. Крик послышался снова.

— Слышите? — спросил я шофера.

Тот кивнул и направил джип в открытые ворота. Мы миновали плац. Крик, как будто кричал исплакавшийся голодный ребенок, доносился из забранного решеткой окна.

— Скажите ему, чтобы выходил оттуда, — попросил я шофера.

Тот перевел мои слова. Из-за решетки донесся невнятный ответ.

— Что он говорит?

— Он не может выйти. Это военная тюрьма.

Я взглянул на часы. Пять минут пятого. Наши коллеги в Москве сейчас сидят, не отрываясь от сейсмоскопов, ждут, когда пойдут большие пики.

Мы побежали с шофером по длинному коридору. Три дальние двери были окованы железом. Узник, догадавшись помочь нам, молотил в среднюю дверь. К счастью, она была не заперта, лишь закрыта на засов. Шофер отошел назад, когда я отодвигал засов. Наверно, ждал, что оттуда покажется страшный преступник.

К нашим ногам мешком вывалился старый знакомец — директор Матур. Он пытался подползти к моим ботинкам с явным намерением их облобызать, но я успел отступить.

Мы подхватили грузного, потного, обессиленного директора под руки и поволокли к выходу.

— Спасибо, — бормотал он, узнав меня. — Я никогда не забуду бескорыстной помощи Советской страны...

— Лучше старайтесь идти.

— У меня нет ног...

Первый толчок застал нас у самого выхода из здания. Он, к счастью, был не сильным — земля дернулась из-под ног, словно кто-то живой шевельнулся там, в глубине, вырываясь наружу. Утробный гул поднимался изнутри.

Ноги директора Матура ожили и рванули его вперед.

— Куда ты? — крикнул я. — В машину!

Но он не слышал, он несся по улице, движимый паникой, которая далеко не всегда подсказывает лучший путь.

Я выхватил из машины камеру. Шофер стоял у меня за спиной.

— Поедем? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Ложись!

И тут последовал второй толчок. Я еле успел отпрыгнуть от машины. Джип подскочил на полметра и покатился вперед, набирая скорость, пока не врезался в стену барака. Барак подался, и джип исчез, словно суслик в норе.

Шофер упал на землю. Но я еще держался на ногах.

Во мне сидела одна мысль — снимать процесс разрушения. Таких кадров еще не было. Не обращая внимания на гул и грохот, на ураган, налетевший на город, я побежал по улице, держась середины. Любопытно, что я уговаривал землетрясение, чтобы оно не спешило с толчками, дало мне использовать пленку. Шофер бежал за мной.

На центральной улице меня настиг третий толчок — он был сильнее первых. Я в этот момент снимал, но толчком меня бросило на землю и покатило, словно сухой лист. Остановил меня шофер, вцепившийся мне в ботинок.

Дальше я снимал сидя, стараясь не слышать и не видеть ничего, что не вмещалось в видоискатель.

Потом, когда фильм все-таки был проявлен и мои коллеги в Москве после просмотра пожимали мне руку, уверяя, что ничего более драматичного и умело снятого им не приходилось видеть, я старался не улыбаться. Камера прыгала в руках, порой в кадре оказывалось одно небо, я думал лишь о том, чтобы не поддаться приказам собственного тела, которое желало одного: вжаться в землю, держаться за нее, предательскую, неверную, коварную землю, старающуюся стряхнуть с себя дома, деревья, горы, людей — все лишнее, включая директора Матура, который ползал по площади кругами неподалеку от нас.

Я не в первый раз был в землетрясении. Правда, к таким толчкам я не успевал, лишь видел их последствия, но должен признаться, что первобытный ужас, овладевающий человеком, неборим, как сон после трехсуточного бодрствования. Мне помогло только то, что в моем мозгу сидела упрямая мысль: ты должен снимать, никто до тебя никогда не снимал этого...

Юрий Сидорович Вспольный

Через пять минут после встречи с Володей мы уже снова поднялись наверх.

Володя сидел, держась за лоб, на котором выросла шишка. Капитан Боро пытался все время что-то объяснить майору, но солдаты его придерживали. Князь был совершенно безучастен, он сидел на полу, закутавшись в красный халат, и смотрел в одну

точку. Раньше он мне казался значительно моложе, как бывает с женщиной, которая вечером, при свечах, под слоем грима, кажется чуть ли не юной красавицей, но не дай бог увидеть ее утром... Это был потрепанный жизнью, изношенный фат лет за сорок.

Вертолет опасно кренился, спускаясь в ущелье, и я не стал выглядывать в окно, чтобы не закружилась голова.

Сержант Лаво крикнул что-то, пилот положил машину набок, князь потерял равновесие и пополз к стенке машины, чуть не натолкнулся на меня. Я едва не потерял монокль. Потом машина выпрямилась, один из солдат распахнул люк, и они все начали вставать и выпрыгивать наружу. За грохотом винтов ничего не было слышно. Я тоже поднялся и вслед за Володей побежал к двери. Земля была близко. Я прыгнул, и очень удачно, даже не ушибся. Но, оказалось, опоздал к главным событиям.

Посреди поляны, подняв руки, стояли несколько человек. Их окружили солдаты в синих беретах. Володю я увидел чуть в стороне. Там была куча тюков, возле них на земле сидела Лами, протянув к Володе связанные руки, а Володя пытался зубами разодрать узлы. Я подошел к ближайшему от меня солдату и потянул у него из ножен широкий солдатский нож. Солдат взглянул на меня дикими глазами.

— Не волнуйся, — сказал я ему по-лигонски. — Мне нужно развязать девушку.

Я подошел к Володе и, протягивая ему нож, сказал:

— Так будет удобнее.

Девушка меня не заметила. Она смотрела на Володю и молча плакала.

Володя взял у меня нож и начал осторожно перепиливать веревки.

— Спасибо, — сказал он.

— Конечно, можно и зубами, — пошутил я. — Однако это требует времени.

Володя не слышал. Он сидел перед девушкой на корточках и массировал ей руки. Пожалуй, эта сцена показалась мне более будничной, нежели хотелось бы для финала.

Но это был не финал. Внезапно горы зашатались. Я говорю буквально. Горы зашатались, я видел это собственными глазами, земля ушла из-под ног, и я оказался на тюках с опиумом. Следующий толчок отбросил меня в сторону, и мне пришлось вцепиться в траву. Монокль куда-то улетел, и все происходившее было усугублено тем, что мир для меня был окутан туманом.

Но хуже всего был грохот, гул, рвущий барабанные перепонки... Время стало бесконечно длинным. Мне казалось, что земля может расступиться и поглотить меня. Именно поглотить, потому что я тогда понял на своей шкуре, как тонка твердая оболочка нашей планеты.

И все-таки, лежа на земле, без очков и даже монокля, я многое заметил и запомнил.

Я видел, как первым или вторым толчком опрокинуло набок вертолет, я видел, как Володя распластался по земле так, чтобы прикрыть своим телом девушку, я видел, как над лежащими и кричащими от ужаса людьми (а может, это кричали горы) стоит, пытаясь удержать равновесие, майор Тильви, я видел, как из опрокинутого вертолета красным пятном вывалился князь Урао и, падая и снова поднимаясь, побежал к склону горы, к деревьям, я видел, клянусь вам, как упавший на землю майор Тильви стреляет вслед князю, но тот, словно тропическая бабочка, удаляется от нас, я видел, как князь карабкается вверх по откосу и как навстречу ему несется жидкий и легкий поток камней, я видел, как камни встретили князя, отбросили его назад и скрыли под собой, лишь языками пламени высовывались из-под них полы красного халата.

А потом, когда все стихло и земля лишь вздыхала, сжимаемая вялыми судорогами, пошел тяжелый холодный дождь...

* * *

Лигон. 16 марта (ТАСС — ЛигТА). Вчера в горных районах Республики Лигон произошло сильное землетрясение. Почти полностью разрушен город Танги и ряд окрестных населенных пунктов. Озеро Линили вышло из берегов, волнами смыты две прибрежные деревни. В горах произошли обвалы.

Однако благодаря своевременно принятым мерам число человеческих жертв невелико.

ГОЛЫЕ ЛЮДИ

От составителя

Мне выпала честь описать некоторые невероятные события, имевшие место в государстве Лигон, где я проработал несколько лет на ниве укрепления культурных и дружеских отношений между лигонским и советским народами. Помимо научно-популярных и документальных очерков, моему перу принадлежит документальная повесть «На днях землетрясение в Лигоне», изданная под псевдонимом Кир Булычев, однако почти не замеченная за пределом узкого круга специалистов-сейсмологов, от которых я получил весьма лестные отзывы.

События, имевшие место в Лигоне и описанные в моей документальной повести «На днях землетрясение в Лигоне», произошли в 1974 году, в дни военного переворота во главе с бригадным генералом Шосве, который захватил власть под популистскими лозунгами и ввел жестокое военное правление. Революционный комитет под руководством Шосве, присвоившим себе звание фельдмаршала, так и не выполнил своих громогласных обещаний улучшить жизнь населения, победить коррупцию и провести свободные выборы. Неудивительно, что уже осенью 1975 года этот антинародный режим пал после массовых выступлений студенчества и молодежи. К власти пришло коалиционное временное правительство Джа Восенвока.

Драматические события, связанные с находкой дикого племени, помимо моей воли, втянули меня в свою орбиту. И я вынужден в интересах истины вновь взяться за перо. Но не более чем в качестве составителя нижеследующего сборника. Хотя по мнению ряда объективных свидетелей, моя роль куда значительнее, чем функция историографа.

Ожидая, что ко мне обратятся с просьбой поделиться воспоминаниями о драматических коллизиях, ныне известных всему миру, я решительно отказывался давать интервью представителям прессы до возвращения на родину. В настоящее время опубликованы уже статьи, очерки и книги почти всех моих спутни-

ков, в том числе пухлый том, принадлежащий бойкому перу директора Матура. И если в работах Аниты Крашевской, Питера Никольсона и профессора Сери Мангучока встречаются лишь отдельные неточности, вызванные недостаточной осведомленностью, то труд господина Матура в целом оставляет желать лучшего.

Еще находясь в долине Пруи и затем, по возвращении в Лигон, я не только беседовал со всеми пожелавшими общаться со мной свидетелями и участниками событий, но и просил их представить свои воспоминания в письменной форме либо наговорить их на магнитофонную пленку. Некоторые мои скромные достижения в области лингвистики позволили мне добыть информацию, недоступную остальным. Таким образом, по получении внеочередного отпуска и возвращении в Москву мне предстояло лишь систематизировать записи и пленки, снабдить их комментарием и несколькими связующими разделами (моими личными впечатлениями), и настоящий манускрипт, хоть и не обладающий большими литературными достоинствами, зато имеющий преимущество аутентичного документа, был готов к публикации. В таком виде, не меняя стиля отдельных параграфов, я представляю его на суд читателей.

Вспольный Ю. С., заместитель представителя Союза обществ дружбы СССР в Республике Лигон
Лигон — Москва — Переделкино, январь — декабрь 1977 г.

ЭТНОГРАФЫ ЗАСЕДАЮТ

ЛигТА — АПН. 20.4.1976 г. Сегодня в столице Лигона открылась конференция этнографов и антропологов, изучающих обычаи племен Азии, находящихся на ранних стадиях развития[1]. В составе шестидесяти участников и гостей конференции немало специалистов с мировым именем.

* * *

«Ученые проверят»

Лигон (ТАСС). 22 апреля. Люди каменного века обитают в отдаленном северном районе этой небольшой страны, расположенной в Юго-Восточной Азии, утверждают лигонские военнослужащие, побывавшие в верховьях реки Пруи. Как сообщает агентство ЛигТА, они рассказали, что неподалеку от Гитанского перевала обнаружена пещера. В ней живут люди, которые не

знают, что такое одежда, и не умеют пользоваться огнем. Для проверки достоверности этих сведений и проведения соответствующих исследований в ближайшее время к Гитанскому перевалу отправится научная экспедиция.

Юрий Сидорович Вспольный

Двадцать первого я не видел газет, так как у нас шло пленарное заседание, к тому же приподнятая атмосфера международного форума захватила меня настолько, что подавила обычную мою любознательность, которая вкупе с внутренней дисциплиной всегда заставляет меня знакомиться с местной прессой до начала рабочего дня.

Двадцать второго ко мне подошел Геннадий Фроликов, корреспондент ТАСС в Лигоне, и сказал:

— Юра, я информацию в Москву дал. А что у вас слышно?

Я решил было, что Геннадий имеет в виду нашу конференцию, и ответил:

— Сегодня будет доклад профессора Мангучока о кельтах Лигона и Малайи, потом выступит доктор Когановский из Парижа. Он только что вернулся с Минданао.

Геннадий с обычной самоуверенностью журналиста сразу спросил:

— Разве кельты здесь жили?

— Кельты, — ответил я, — разновидность каменных топоров. И вообще не понимаю, почему тебе не взять сегодняшнюю программу. Ты все увидишь.

Не следует думать, что я всегда так некоммуникабелен. Однако мое положение на конференции было несколько необычным, что давало возможность скептикам вроде Геннадия Фроликова ставить под сомнение мою компетентность в вопросах культуры первобытных обществ. Дело в том, что советская делегация в Лигон не прибыла, так как оргкомитет поздно послал приглашение. Узнав о том, что Советский Союз по не зависящим от него причинам не будет представлен на этом важном форуме, я обратился в наше посольство с просьбой разрешить мне участвовать в конференции. Получив разрешение лично от товарища Соломина, я приехал в Лигонский университет к председателю оргкомитета профессору Мангучоку, с которым меня связывает чувство взаимного уважения. Именно он в свое время рекомендовал меня в члены-корреспонденты Лигонского иссле-

довательского общества и содействовал тому, что две мои небольшие статьи лингвистического характера были опубликованы в журнале общества.

Профессор Мангучок выразил искреннее сожаление ввиду того, что советская делегация по вине оргкомитета не сможет принять участие в первой в истории Лигона международной конференции такого типа, и тут же, даже без моих просьб, предложил мне участвовать в конференции в качестве ее гостя. Поэтому шутка Александра Громова, второго секретаря нашего посольства, о том, что «наш Пиквик сам себя пригласил на конференцию», не имеет под собой никаких оснований.

— Извини, Юра, — сказал мне Фроликов, — я не о кельтах. Я о голых людях.

— Каких еще голых людях?

— Я же говорю — информацию с утра послал в Москву. А потом думаю: здесь, наверное, сенсация.

— Мы работаем, — ответил я. — Повседневный упорный труд исследователей не терпит дешевых сенсаций.

Геннадий был настолько смущен, что я его пожалел.

— Покажи, — сказал я, — свою информашку.

Геннадий вытащил из папки копию телекса, приведенного мною выше. К нему была приколота заметка на ту же тему из «Лигон таймс» от вчерашнего числа.

— К сожалению, — сказал я, — это очень похоже на утку. Иначе бы мы этот факт отметили.

— Не может быть! — Геннадий испугался. Если он посылает в Москву газетные утки, его по головке не погладят. Видя его расстроенное лицо, я обещал использовать свои связи, чтобы узнать, откуда возникла информация.

— К сожалению, — продолжал я, — ты не знаком с историей и географией Лигона. И, разумеется, не понимаешь, что такое долина Пруи и перевал Гитан. Именно по долине Пруи в древние времена пролегал караванный путь, связывавший южнокитайские государства с Индией, а перевал Гитан упоминается в ряде летописей. В частности, именно через него проник в Лигон на рубеже второго века нашей эры известный буддийский паломник Фу Цзи.

— Значит, там дорога? — спросил Геннадий. Я видел, что он внутренне уже проклинает тот час, когда поверил заметке в «Лигон таймс».

— Дорога была заброшена в начале девятого века, — поправил его я, — ввиду начала миграции тибетских племен и усиле-

ния государства Нань Чжао. Об этом написано во всех учебниках истории. Достаточно проявить элементарную любознательность.

Говоря так, я понимал, конечно, что любознательность в таких пределах недоступна рядовому журналисту.

— Черт возьми, ну и прокололся я! — сказал корреспондент. — Спасибо, Пиквик.

Его благодарность была вынужденной. И я его понимал, недаром в прошлом гонцов с плохими вестями казнили.

В этот момент прозвенел звонок к началу утреннего заседания, и делегаты, которые подобно нам с Геннадием прогуливались по прохладному гулкому холлу построенного еще в английские колониальные времена университета, потянулись в актовый зал. Я потерял Геннадия из вида, так как меня окликнула прелестная Анита Крашевская, магистр из Польской Народной Республики, которая, несмотря на молодость и привлекательность, является автором двух монографий, посвященных морским даякам и куру с Калимантана. Для сбора материалов она участвовала в нелегких экспедициях. Я полагаю, что ее расположение ко мне проистекало не только оттого, что я был представителем социалистического лагеря, но и ввиду моего элементарного знания польского языка. Я спросил Аниту, как ей понравился храмовый комплекс Тангунгей, куда делегатов возили вчера после ланча.

— Восхитительно! — ответила Анита, поправляя свои пышные каштановые волосы. — А вы слышали о том, что военные нашли первобытное племя в верховьях реки...

— Пруи? Думаю, что это обычная утка, — ответил я. — Ведь по долине Пруи на рубеже нашей эры проходил караванный путь в Китай. Это обжитые, известные еще в древности места. Именно там проник в Лигон пилигрим Фу Цзи.

— А сейчас? — спросила Анита.

Мы сели рядом. Я поправил на груди зеленый прямоугольный значок гостя конференции. У Аниты значок был голубой — делегата. Впрочем, это не играло роли. Я пользовался теми же правами, что и делегаты. Например, мое отсутствие на вчерашней экскурсии к храмовому комплексу объяснялось лишь тем, что я уже три раза там был, а вчера мне надо было провести лекцию и кинопоказ для детей в Доме дружбы.

— Сейчас, — ответил я, — сведения о том районе скудны. Но нельзя сказать, что он безлюден.

— Жаль, если это неправда, — сказала Анита по-польски. —

Такое открытие было бы достойным завершением нашей конференции.

Я пожал плечами. Будь моя воля, я бы отыскал для прекрасной польки десять первобытных племен — рядом с такой женщиной хочется быть галантным.

— Так мало осталось в мире неожиданностей, так трудно сделать какое-нибудь открытие! — сказала Анита. — Это могло быть последнее неизвестное науке племя. Живая лаборатория для антрополога и этнографа. Юрий, будьте любезны, попросите этого молодого пана дать мне бокал оранжада.

Я подозвал юношу в малиновой куртке, из тех, что разносили по рядам прохладительные напитки, и в этот момент почувствовал на себе внимательный взгляд. Я обернулся. В дальнем конце зала стоял знакомый мне по предыдущим моим приключениям в этой стране директор Матур. При виде меня он изобразил на лице восторг. Его красные от жевания бетеля губы сложились в тонкий опрокинутый полумесяц, черные глазки сощурились, ручки взметнулись над пухлым животом и сложились ладонями к груди. Директор Матур в своем репертуаре — подобострастен, лицемерен и труслив. Кто его сюда пустил? Но тут же я обратил внимание, что к нему подбегают разносчики напитков, и понял, что он пристроился на какую-то хозяйственную должность. Я холодно кивнул ему в ответ.

С запотевшим бокалом в руке я вернулся на свое место и передал его Аните Крашевской, которая наградила меня ослепительной улыбкой.

Председательствовал Питер Никольсон, худой, желчный, согнутый англичанин, родившийся еще в колониальной Индии и не скрывавший консервативных взглядов. Он ударил молоточком в местный гонг, висевший перед ним на председательском столе. Гонг поддерживали два слоника из черного дерева. На трибуну вышел профессор Сери Мангучок, гладкий, полный, добродушный, чем-то похожий на Будду в момент постижения нирваны. Я открыл свой блокнот, чтобы конспектировать выступление, но, к моему удивлению, профессор заговорил совсем о другом.

— Уважаемые коллеги, — сказал он по-английски. Кстати, он мог бы говорить и по-лигонски, которым я владею в совершенстве, но не все делегаты находятся в таком же выгодном положении. — Я должен нарушить порядок ведения конференции, так как к нам поступило необычное сообщение. В верховьях реки Пруи обнаружено первобытное племя, не знающее огня и

одежды. Даже если бы судьба нарочно хотела сделать подарок первой международной этнографической конференции в нашей стране, вряд ли она смогла бы придумать лучший сюрприз.

Я выслушал слова профессора с осторожностью. Ведь мало кто в этом зале знал, что еще на рубеже нашей эры по долине Пруи проник в Лигон паломник Фу Цзи.

Профессор сначала зачитал сообщение из газеты «Лигон таймс», а затем продолжал, переждав волну возбуждения в зале:

— Как ученые, мы должны бы скептически отнестись к подобному сообщению, но, к счастью, человек, собственными глазами видевший первобытных людей, находится сегодня среди нас. Он любезно согласился выступить перед нашим собранием. Разрешите предоставить слово майору Тильви Кумтатону, командиру батальона, солдаты которого проводили разведку в долине реки Пруи.

Господи, подумал я, старина Тильви! Мой старый знакомец, милейший человек! Его свидетельство проливало совершенно новый свет на эти события.

После ухода в отставку Революционного комитета, назначившего его губернатором горного района Танги, он потерял, разумеется, эту хлопотную должность и был направлен командовать батальоном в северный приграничный район, что было явной ссылкой. Но, как бы я политически ни оценивал военное правительство, у меня сохранились симпатии к самому майору.

— Я с ним знаком, — сообщил я Аните Крашевской. В тот же момент я ощутил укол совести — зачем же я был так суров с Геннадием Фроликовым.

Тильви Кумтатон, худощавый, еще молодой человек с темным обветренным лицом и большими умными глазами, поднялся на трибуну. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, попав в столь избранное международное общество, и мне даже хотелось крикнуть ему: «Не робей, Тильви! Здесь твои друзья!»

Но Тильви, разумеется, не увидел меня в зале, где находилось около сотни участников и гостей конференции. Он откашлялся, выпил стакан воды, подвинутый к нему профессором, и сказал, будто отбарабанивал урок:

— По приказу командующего северной зоной отряд под моим командованием в сопровождении двух вертолетов проводил рекогносцировку долины реки Пруи в направлении от поселка Бавон к Гитанскому перевалу. Наша экспедиция была вызвана необходимостью обследовать эти ненаселенные места, так

как имелись сведения, что этим путем пользуются контрабандисты опиума.

Тут Тильви Кумтатон поглядел на господина министра просвещения — почетного председателя нашей конференции, как бы сомневаясь, не сказал ли чего лишнего. Министр утвердительно кивнул головой, и Тильви продолжал рассказ:

— Склоны ущелья, по которому протекает река Пруи, покрыты лесом, и потому наблюдение за долиной затруднено. Посадочные площадки для вертолетов отыскать трудно. Наша партия разделилась на две группы. Первая группа продвигалась пешком, погрузив продовольствие на мулов, а вторая страховала ее на вертолетах и обеспечивала разведку трудных участков. На восьмой день пути от поселка Бавон в районе пагоды Трех духов нами была обнаружена небольшая терраса.

Все слушали, затаив дыхание. Мне хотелось задать майору вопрос, не встречал ли он следов пребывания в той долине китайского пилигрима Фу Цзи, однако я понимал, что в этой ситуации мой вопрос вряд ли будет уместен.

— Наземная группа достигла террасы примерно в десять тридцать и остановилась на привал, сообщив нам по рации о своем местонахождении. Вскоре после этого один из солдат, отойдя в сторону, почувствовал, что он находится в кустах не один. Он осторожно раздвинул ветви и увидел неподалеку абсолютно обнаженного дикаря. Солдат ничем не выдал своего присутствия. После того как дикарь отправился далее, солдат проследил за ним. Через несколько метров между зарослями бамбука и обрывом обнаружилась прогалина. В обрыве солдат увидел вход в пещеру, куда и направился дикарь. Солдат затаился в кустах и увидел, как через некоторое время из пещеры вышли два дикаря, вооруженные бамбуковыми копьями, которые отправились на охоту. Солдат вернулся в расположение своего подразделения и доложил о виденном командиру, который немедленно связался со мной по рации...

Директор Матур

В апреле, перед началом дождей, в Лигоне сложилась сложная ситуация. Начинался грандиозный международный конгресс, на который съехалось несколько тысяч профессоров со всего мира. Правительство было в растерянности. Кто-то должен был взять на себя ответственность за мировых знаменитостей. Один не ест свинины, у второго гастрит, у пятого камни в

желчном пузыре, восемнадцатый пьет только молоко. В Лигоне не оказалось ни одного человека, который бы взял на себя эту ношу. Кроме меня.

Ко мне приехал сам Кумран Сумасвами, владелец завода прохладительных напитков, лично близкий к высоким кругам, и от имени нации попросил меня пожертвовать собой.

Здесь я должен отвлечься. Некоторые недоброжелатели утверждают, что я не имею лигонского паспорта. Вы можете плюнуть этим сплетникам в лицо. Уже мой папа был натурализованным лигонским гражданином, оставаясь тамилом по национальности, а мой двоюродный дядя Сони, тот самый, который некогда выписал сюда нашу семью из Читтагонга, жестоко пострадал в качестве активного участника национально-освободительного движения, потерпев удар по голове дубинкой наймита британского империализма — полицейского-пенджабца.

Итак, в беседе со мной господин Сумасвами обратился к моему бескорыстному патриотизму и предложил взять подряд на обслуживание конгресса и удовлетворение потребностей иностранных профессоров. После некоторых колебаний, вызванных моей крайней занятостью, я согласился на просьбу высоких инстанций. Таким образом, я сделал еще один шаг на пути накопления положительной кармы и благодеяний для человечества.

Мои обязанности на конгрессе многочисленны и разнообразны. В первую очередь приходится следить за жуликами-официантами, пресекать махинации поставщиков, держать связь с правительством и медицинскими учреждениями — в общем, делать так, чтобы, несмотря на все препятствия, честь нашей страны не пострадала[2].

Находясь в гуще событий, я тем не менее давал волю своей природной любознательности. Должен сказать, что некоторые из профессоров не производили должного впечатления. Порой я слушал глубокомысленные рассуждения какого-нибудь немца об обычаях малайских дикарей и думал: вам бы мой жизненный опыт, профессор! Вас бы кинула жизнь в пасть такому племени! Вы бы сразу забыли о вышивках и циновках, ведь эти дикари куда хитрее нас с вами. Им не заплатишь — сожрут с костями. Заплатишь — ограбят. Им выгодно ходить голенькими, им выгодно, чтобы выжившие из ума старцы писали о них в газетах, а правительство тратило деньги на их просвещение и одежду. На самом деле они все торгуют опиумом, бандитствуют на перевалах и бесстыдно воруют.

И вот, когда профессор Мангучок принялся с трибуны рассказывать о том, что якобы у Гитанского перевала отыскали пле-

мя голых лицемеров, я чуть было не сплюнул от отвращения. И должен сказать, что был не одинок.

Еще вчера я заметил в зале заседаний господина Юрия. Господин Юрий — важный работник русского посольства. Мне приходилось с ним встречаться, и мы, полагаю, остались уважающими друг друга джентльменами, несмотря на некоторые разногласия. Следует сказать, что господин Юрий сносно владеет лигонским языком, и, если бы не излишний вес, из-за чего господин Юрий плохо переносит наш тропический климат, я назвал бы его истинным джентльменом, насколько это возможно для человека, не имевшего удачи родиться под властью британской короны.

Я заметил, что господин Юрий не смог скрыть скептического отношения к сообщению о дикарях и даже оглянулся в поисках моральной поддержки. К сожалению, он не заметил моего выразительного взгляда, иначе бы понял, что нашел во мне союзника.

Однако в следующий момент мне пришлось удивиться. Профессор представил майора Тильви Кумтатона, весьма положительного молодого человека, с которым мне приходилось сталкиваться и с которым мы достигли полного взаимопонимания[3].

Из краткого и не очень умелого выступления майора я понял, что голые туземцы в самом деле скрываются в ущелье Пруи. Таятся они или нет, все равно они жулики. И стоят лишь одного: чтобы о них немедленно забыть.

К сожалению, ничего подобного не произошло. Профессора загудели, как будто узнали, где лежит клад в миллион фунтов стерлингов. А один английский джентльмен по имени Никольсон тут же потребовал, чтобы конференция в полном составе отправилась в горы поглядеть на вшивых дикарей. И ни один разумный человек не дал ему отпора. Я надеялся, что вся эта пустая история так и закончится, но случилось непредвиденное: профессор Мангучок обратился к сидевшему в зале высокому покровителю конгресса господину министру просвещения, и тот неожиданно согласился, чтобы, правда, не все, но три или четыре профессора вылетели в тот район. Мне захотелось крикнуть: что вы делаете! Эти места кишат амебной дизентерией, москитами, змеями и бандитами! Но я промолчал, и моя скромность также попала в общую копилку человеческих ошибок, приведших к трагедии.

Но мне ли, скромному противнику насилия, поднимать голос против решения нашего правительства?

Юрий Сидорович Вспольный

Когда корреспондент ТАСС Геннадий Фроликов узнал о том, что я наряду с профессором Никольсоном, профессором Мангучоком и Анитой Крашевской включен в состав группы, которая отправится к Гитанскому перевалу, он позеленел от зависти. Я утешил его, сказав:

— По крайней мере ты теперь можешь быть совершенно спокоен, что твоя информация была правдивой.

— А как же китайский пилигрим? — спросил он ехидно.

— Китайский пилигрим прошел той дорогой очень давно, — ответил я. — И обещаю, что первым информацию о нашей экспедиции получишь именно ты.

— И на том спасибо. — Потом он спросил: — А может быть, тебе трудно, с твоим весом? Я готов тебя заменить.

— К сожалению, — ответил я, — в нашу группу включили только ученых. Независимо от их научных степеней. Ни одного журналиста с нами не будет. Это решение лигонского правительства, и не нам с тобой его оспаривать.

Полагаю, что я удачно поставил Геннадия на место. Почему-то журналисты полагают, что им всегда должно предоставляться первое место. Нет, не всегда!

Нас провожали на конференции, как будто мы отправлялись к Северному полюсу. Многие завидовали. И я их понимаю. В самом деле, возможно, мы вскоре увидим самое последнее в истории человечества забытое и оторванное племя. Руководство конференции и лично министр просвещения сделали все возможное, чтобы наша поездка была удобной. Транспортный самолет, который должен был доставить нас в окружной центр город Танги, был нагружен всем необходимым. Армия предоставила нам палатки, продовольствие, с нами отправились к тому же военный фельдшер, сутулый молодой человек по имени Фан Кукан, и, что меня удивило, пронырливый директор Матур. На аэродроме, пока мы ждали погрузки в самолет, он подошел ко мне и на правах старого знакомого стал жаловаться на судьбу, бросившую его в дикие горы, и даже намекал на то, что эти дикари — никакие не дикари, а американские хиппи или торговцы опиумом. Я холодно выслушал его ламентации и не стал их комментировать. Я убежден, что майор Кумтатон никак не спутал бы американских хиппи с настоящими дикарями. Директор Матур объявил мне, что он руководит административной группой. Эта группа состояла из него, повара-китайца, имени которого я не

запомнил, и нескольких ящиков с продуктами и прохладительными напитками. Полагаю, что директор Матур присоединился к нам потому, что надеялся заработать на этой экспедиции. Иначе его и калачом не заманишь в такие дикие места.

Как сейчас у меня стоит перед глазами сцена нашего отлета в горы, такая мирная и деловая, что невозможно было предположить, к каким событиям она приведет.

Небольшой транспортный самолет жарился посреди летного поля, и мы, пассажиры, не спешили подниматься по железной лесенке в его раскаленное чрево. Мы стояли в тени под козырьком здания аэропорта: смуглый, высокий для лигонца, черноглазый майор Тильви; сухой, желчный, явно недовольный всем (возможно, это просто манера общения) профессор Никольсон; похожий на китайского божка, добродушный профессор Мангучок, одетый по-арктически тепло — в шерстяной костюм, который он берег для торжественных случаев, толстый свитер под пиджаком, ярко надраенные армейские башмаки, на голове шерстяная шапочка, как у лыжника. Анита Крашевская лениво обмахивалась круглым красным опахалом. Я сразу догадался, что она купила его вчера в пагоде. Такие носят монахи. Вряд ли женщине, причем иностранке, следует ходить с таким опахалом. Я подумал, что надо будет ей сказать об этом, но только очень деликатно. В джинсах и мужской рубашке с расстегнутым воротником она казалась совсем молоденькой. Студенткой. И удивительно — всем было жарко и все были потные, разгоряченные, а она была совершенно свежей, какой-то прохладной, и ее каштановые волосы лежали послушно, пышно, как в осенний день в Варшаве. Чуть в стороне возвышался грузный директор Матур с очень красными губами, как у всех любителей бетеля. Из-под черного пиджака свисали холстинные дхоти, а на голых темных, не очень чистых ногах были сандалии.

Трудно осудить меня за то, что я подошел к Аните спросить, не нужно ли ей чего-нибудь. В конце концов, она, во-первых, молодая женщина, ей труднее других. Во-вторых, она представитель социалистического лагеря из дружественной Польской Народной Республики.

Анита с улыбкой сказала мне, что ни в чем не нуждается, и я решил, что при первой же возможности украду у нее опахало, чтобы не начинать ненужных разговоров.

К Тильви подошел пилот. Я решил, что нас приглашают в самолет, но оказалось, что пилот жалуется на перегрузку, и Кумтатону пришлось нас покинуть, чтобы отдать распоряжения. Полеты над горами вообще небезопасны, поэтому известие о перегрузке меня встревожило, однако я не подал виду. Рядом со мной Никольсон и Мангучок негромко, хотя оживленно, спорили о том, что они будут делать по прибытии на место. Я прислушался к этому разговору.

— Приобщение к цивилизации... — с нескрываемым презрением говорил Никольсон. — Что оно может дать вашим подопечным? Вы хотите, чтобы к ним приехал такой торговец, как тамил, что стоит в двух шагах от вас? Чтобы он заразил туземцев сифилисом или оспой?

— И вы полагаете, что лучше дикарям оставаться в первобытном состоянии?

— Я убежден, что в этом их спасение.

— Ваша надежда, коллега, иллюзорна. — Профессор Мангучок сердился, его темные щеки побагровели, но он старался сохранять спокойствие. — Мы никогда не сможем оставить их в том состоянии, в каком они пребывали до нашего появления. О племени уже известно. И если мы их не будем охранять, если мы не поможем им войти в семью современных народов, тогда они, оставленные на произвол судьбы, станут легкой добычей для любого злоумышленника.

— Вы намерены отобрать у них детей и отправить в интернаты?

— Простите, господа, — бесцеремонно вмешался в их беседу Матур. — Господин Никольсон указал на меня как на тамила и злоумышленника. Я отвечу на это без обиды. Я отвечу так, как вы того и не ожидаете. Потому что вы мыслите по книжкам писателя Жюля Верна. Скажите мне, кому нужна горстка голых туземцев? Рабами в наши дни никто не торгует. Ценностей у этих голых людоедов нет. Даже их земля никого не интересует. Вам еще придется как следует поискать злоумышленника, который согласится угнетать и грабить дикарей. Грабить!

Директор Матур даже фыркнул от негодования.

Никольсон не удостоил Матура ответом, достал трубку и начал набивать ее табаком. Мангучок был куда вежливее.

— Вы ошибаетесь, господин Матур, — сказал он. — Опыт учит нас, что корыстные люди всегда найдут, чем поживиться. Я горячий сторонник строгого контроля над поселением племени. Да, мы должны быть втройне осторожны, потому что переход к новой жизни для небольшого племени может оказаться трагическим. Без государственного контроля он будет трагическим наверняка.

В этот момент к нам вновь подошел пилот и сообщил, что самолет готов к отлету.

Юрий Сидорович Вспольный

К счастью, самолет не задержался на земле, иначе бы мы все изжарились в нем. Он круто поднялся над полем, и в иллюминатор мне были видны ангары и дома вокруг аэродрома, рисовые поля, отделяющие его от города. Когда мы поднялись еще выше, то открылся чудесный вид на невысокие зеленые холмы, увенчанные пагодами — священный комплекс Нефритового Будды, — и дальше на неорганизованные, толпящиеся домики окраин и правильные, распланированные еще в колониальные времена кварталы центра. Море скрывалось в дымке и сливалось с блеклым небом.

Я сел рядом с Тильви Кумтатоном, так как счел нетактичным все время находиться рядом с Анитой Крашевской — такое настойчивое внимание могло быть ложно истолковано моими коллегами.

— Вы теперь живете в Танги? — спросил я майора.

— Нет, в Бавоне.

— И не тянет в столицу? — И тут я понял, что проявляю бестактность. Мне надо было догадаться, что майор в немилости у новых лидеров страны. Бавон — это глухомань, деревня на краю света... Но Тильви и вида не подал, что вопрос ему неприятен.

— Изредка я в ней бываю. Но обычно я занят.

— Вы так и не женились?

— А вы? — улыбнулся майор. — Мы вам можем найти очень хорошую невесту. Из хорошей семьи.

— Ну кто пойдет замуж за такого старого толстяка, как я?

— Вы уважаемый человек, Юрий, — сказал Тильви Кумтатон. — Учитель. Профессор. Вас пригласили на такое важное собрание.

Я знал, что майор очень серьезно, как человек, которому так и не удалось окончить университет, относится к образованию. В Лигоне, как и в других буддийских странах, к образованным людям питают уважение.

— А кого напоминают те люди? — спросил я. — Они тибето-бирманцы?

— Я, конечно, их не разглядывал вблизи. Мы были осторожны. Кожа у них темная, волосы прямые, черные. И плоские лица. А вот глаза большие и светлые. Таких я в наших горах не встречал.

— А скажите, майор, вам не приходила в голову мысль, что они могли мигрировать из Китая или из Тибета? Ведь к северу до самой границы тянутся довольно дикие горы.

— Я думал об этом, — сказал майор. — Но понял, что этого не может быть.

— Почему?

И майор одним логичным ударом разрушил мои надежды на научное открытие.

— Они же голые, — сказал он. — Они не знают одежды.

— И что же?

— Значит, они жители тропического леса.

И я вынужден был согласиться. Не говоря уж о Тибете, где зимы довольно суровы, даже в Южном Китае вы не отыщете племен, которые даже в незапамятные времена обходились без одежды. Зимой там холодно.

Профессор Никольсон, который сидел передо мной рядом с Анитой, достал из своего портфеля большой термос и налил в крышечку кофе. Его редкие седые волосы прилипли к шее. Я подумал, что в таком возрасте следует стричься короче, вообще помнить, что тебе уже семьдесят. Розовая рубашка и длинные седые пряди, прилипшие к шее. Не очень эстетично. Матур сидел по ту сторону прохода. Он извлек из кармана пиджака очень толстую растрепанную записную книжищу, набитую листочками, счетами, записками, и принялся копаться в ней с наслаждением скряги, который пересчитывает свои дублоны. Кожа надутых оливковых щек шевелилась — он жевал бетель.

Я отвернулся к иллюминатору. Внизу пошли предгорья — зеленые лесистые холмы, на крутых склонах которых еще сохранились деревья, давно вырубленные во всех равнинных местах и на склонах, годных для культивации, что ведет, как известно, к эрозии почвы. Из-за этого в долине Кангема большая область стала полупустыней, по которой в сухой период гуляют пыльные бури, а в дожди случаются катастрофические наводнения. Скоро начнутся горы. Нет, еще не те, куда мы летим, а невысокие лесистые горы вокруг Танги, на Фанском плоскогорье, разделенные дикими ущельями. Два года назад здесь со мной и еще двумя присутствующими в самолете людьми — майором и директором Матуром — случилось несчастье. Наш самолет сбили контрабандисты, приняв за правительственный патруль. И мы чудом остались живы...

— Ума не приложу, — сказал мне майор Тильви, — как вы будете с этими дикарями общаться?

— А что? — Я с трудом вернулся в сегодняшний день.

— Я жалею, что нашел это племя, — сказал майор и этим отвлек меня от воспоминаний.

— Почему? — не сразу понял я.

— Конечно, я понимаю, наука, приказание правительства. Но у меня собственный командующий округом, и ему плевать, простите, на голых дикарей. Я должен был к концу месяца закончить съемку района. А теперь?

— Теперь вы останетесь с нами?

— Вот именно. К тому же вам нужна охрана. Неизвестно, как поведут себя дикари.

— А где ваши солдаты?

— Я приказал им не приближаться к пещерам.

— А вдруг дикари ушли?

— Вряд ли. Я оставил посты на перевале и у выхода из ущелья. А через хребты им, пожалуй, не перебраться... Может, вы управитесь быстрее чем за неделю?

— Тильви, — сказал я, — к сожалению, я не могу дать вам такого обещания. Факт обнаружения дикого племени — большое событие в мировой науке, и участники конференции намерены специально задержаться в Лигоне, чтобы ознакомиться с первыми результатами наших наблюдений. Вы же интеллигентный человек...

— Но мой командующий округом, — улыбнулся Тильви, — не настолько интеллигентный человек, чтобы понять, как важна для мировой науки дюжина голых дикарей.

— Вот именно! — У директора Матура слишком хороший слух. Оказывается, он подслушивал наш разговор, несмотря на шум моторов. — Мне также совершенно непонятно, что мы там увидим. Увидим жуликов, которые начнут просить у нас бакшиш. Я не представляю, как мне охранять продукты. Ведь растащут.

— Мы не будем останавливаться у самых пещер, — сказал Тильви, обращаясь ко мне и игнорируя директора. — Мы подобрали место у воды, в двух милях от пещеры.

— Правильно, — согласился я.

Но директора Матура слова майора не убедили. Он раскачивал головой, как китайский болванчик, демонстрируя этим неодобрение всей операции. И я снова подумал: а какого черта он с нами увязался? Сидел бы в Лигоне, поил оранжадом делегатов, горя бы не знал.

Директор Матур

Господин Юрий смотрел на меня с подозрением. Мне показалось, что я с моей обычной проницательностью улавливаю в его взгляде вопрос: а зачем вы, господин директор Матур, столь занятый человек, отправляетесь с нами в дикие горы, если не интересуетесь этими дикарями?

Ну что ж, господин Вспольный, ваш невысказанный вопрос справедлив. Давайте, как умные люди и джентльмены, признаем это.

Разумеется, я мог бы ответить господину Юрию, что с детства меня влекут тайны развития человечества, что первобытные народы хранят для меня в себе странные загадки... и это будет неправдой.

Поэтому я вынужден сделать признание, которое мне делать не хотелось, но теперь, когда все уже позади и некоторые обстоятельства, о которых я (о человеческие слабости!) предпочел бы забыть, уже всплыли на поверхность, можно приоткрыть завесу тайны, оставаясь при том честным и чистым человеком. Да, я летел в том самолете, несмотря на то что не выношу полетов, по причине, не имевшей отношения к голым дикарям.

Вечером того дня, когда на международном конгрессе было объявлено о диких людях, ко мне подошел старший официант и передал мне просьбу моего старого друга, владельца завода прохладительных напитков, господина Сумасвари заглянуть к нему на чашку чая.

Будучи человеком общительным, я всегда с благодарностью принимаю приглашения моих друзей. И на этот раз я поспешил на встречу, рассчитывая провести ее за мирной беседой. Однако мой друг был взволнован. И огорчен. Причина его огорчения заключалась в том, что его близкий друг пропал без вести в районе Гитанского перевала. Узнав, что туда направляется самолет, мой старый приятель умолил меня полететь вместе с профессорами и постараться узнать, не стал ли его друг жертвой голых людоедов.

К счастью, полет до Танги прошел без приключений, и через час мы приземлились на небольшом аэродроме этого тихого горного городка, недавно разрушенного страшным землетрясением. Правда, за два года небольшие дома уже были восстановлены, почти отремонтирована миссионерская церковь. Кое-какие здания еще были в лесах, а на окраине города лежала в развалинах резиденция местного правителя покойного князя Урао Као, где обитала его престарелая мать. Я намеревался нанести ей визит, но не успел, потому что погрузился в дела и заботы.

Анита Крашевская

Город был чудесен. Даже то, что он пострадал от землетрясения, не могло уничтожить его очарования. Поросшие соснами холмы подступали с севера, а на юге плоскогорье, где он распо-

ложен, обрывалось уступами к большому, небесной синевы озеру, за которым голубыми отрогами поднимались горные хребты.

Здесь, на плоскогорье, весна была не такой раскаленной, сухой и душной, как в долине, с гор дул ветерок, неся по тенистым улицам сухие листья.

Мне очень захотелось побыть здесь одной, чтобы впитать в себя аромат этого затерянного на краю света уголка, и я совершила небольшое моральное преступление — сбежала от милейшего русского Пиквика — Юры Вспольного. Боюсь, ему кажется, что он в меня влюблен. При виде меня он начинает бесконечно говорить, будто опасается, что, как только он замолчит, я исчезну. На конференции он усаживается рядом и просвещает меня по части местных обычаев и древней истории Лигона, бегает за лимонадом и занимает мне очередь в кантине[4], где мы перекусываем в перерыве между заседаниями. При этом он страшно конфузится и тщательно делает вид, что совершенно мною не увлечен[5]. В самолете он даже пересилил себя и сел от меня отдельно, но я все равно шеей ощущала его нежный близорукий взгляд. Нет, он в самом деле добрый и милый человек, но я несколько устала от его лекций, и, наверно, придется их как-то прервать, стараясь при этом не оскорбить его чувств.

Я узнала от профессора Мангучока, что мы задержимся в Танги до утра, и, пока Юрий был занят научной беседой с Никольсоном, я спустилась по лестнице деревянной гостиницы, обошла поросшую бамбуком груду щебня и кирпичей, которая когда-то была местным отелем, и углубилась в город.

Я прошла мимо базарчика, где женщины из племени синих фанов в красных тюрбанах и широких коротких ультрамариновых юбках торговали мандаринами и яблоками. Я даже купила фунт мандаринов и потом пожалела, что не купила больше. Крутой извилистой улочкой я поднялась к старой, построенной, видно, в начале прошлого века церкви. Само здание при землетрясении устояло, но колокольня рухнула и теперь стояла в лесах — ее восстанавливали. Оттуда, от церкви, я полюбовалась видом на озеро. Я даже залезла на леса и оттуда сделала несколько удачных слайдов. Два пожилых каменщика бросили работать, глядели на меня, не говоря ни слова, и вежливо улыбались.

На зеленой, аккуратно подстриженной лужайке у церкви, в тени цветущего алыми цветами дерева я увидела мраморное надгробие с именем местного священника или миссионера и относительно недавней датой смерти — позапрошлым годом. Может

быть, этот старый англичанин, отец Фредерик, погиб во время землетрясения?

Затем улица привела меня к небольшому буддийскому монастырю, затаившемуся в тени широких крон манговых деревьев. Между ними бродили, что-то разыскивая в траве, небольшие черные свиньи.

Молодой монашек с бритой головой, читавший в тени книгу в кожаном переплете, раскрыл рот, увидав меня, и что-то сказал по-лигонски. Потом долго глядел мне вслед.

Начались сумерки, и я решила, что пора возвращаться. Сумерки здесь короткие, стемнеет быстро, и я могу заплутаться. Я повернула обратно и решила срезать путь, пройдя по узкой улочке между небольших деревянных домов. На открытых верандах сидели люди в свитерах и вязаных шапочках — видно, для них этот парной вечер казался прохладным. Они пили чай или ужинали. Некоторые мне улыбались и что-то говорили вслед. Но не зло, а так, как глядят на проходящую мимо пушистую кошку.

Улочка уперлась в парк. Может, это был ботанический сад, потому что перед некоторыми деревьями стояли палки с прибитыми названиями по-лигонски и на латыни. Дорожки вились между деревьев и кущ кустарника. Темнело.

Я ускорила шаг. Здесь было очень тихо. Даже птицы замолчали. Вообще-то я не трусиха и мне приходилось попадать в разные переделки, но в той вечерней тишине была какая-то зловещая загадочность, будто природа ждала чего-то.

И тут я услышала тихие голоса.

Если бы те люди говорили хоть чуть погромче, я бы обязательно подбежала к ним и спросила дорогу к гостинице. Но именно потому, что они говорили тихо, не как влюбленные, боящиеся спугнуть тишину, а как люди, обсуждающие что-то плохое, я испугалась и остановилась.

Прямо передо мной, скрытые большим кустом, стояли два человека. Одного я сразу узнала. Это был грузный, вечно жующий бетель снабженец нашей экспедиции. По крайней мере так я поняла его функцию в нашей группе. Кажется, его звали Матур. Я не слышала, о чем они говорят, да и не интересовалась этим. Но идти дальше я не могла, а вернуться обратно тоже боялась. Так что остановилась и ждала, когда они расстанутся.

За это время я смогла разглядеть второго собеседника. Он был невысок ростом, очень худ и оттого подвижен. Маленькие люди обычно подвижнее больших. Я даже успела, помню, поду-

мать, что это общее правило в живом мире. Слон редко бегает. Райская птичка или мышь-полевка всегда в движении. Чтобы прокормить свой маленький организм, у которого нет никаких запасов на случай голода, они вынуждены носиться как угорелые и беспрестанно жрать. Разумеется, к людям это относится лишь в условной степени. Но наполеоны и сталины не бывают громоздкими.

Несколько злых комаров выследили меня и стали бросаться на меня со всех сторон, как собаки на медведя. За что они так меня возненавидели? Я даже не смела их прихлопнуть, а бесшумно помахивала ладонями, чем вызывала лишь дополнительную злобу в кровососах. Ну скорее же, умоляла я Матура. Пора ужинать.

Собеседник Матура был главнее. Это было видно по поведению нашего хозяйственника. Его грузное тело все время совершало плавные подобострастные движения, стараясь согнуться в ответ на каждую фразу маленького человека. Маленький человек был одет в европейский костюм и держался прямо, будто помнил об армейской выправке.

И тут мы оба с Матуром испугались. Маленький человек вдруг вытащил из кармана неизвестно как там помещавшийся довольно крупный пистолет. Мы с Матуром решили, что он сейчас начнет стрелять. Матур даже отпрыгнул в сторону и поднес к лицу пухлые лапы.

— Да не бойтесь же! — повысил голос маленький человек. Он говорил по-английски. И тут же снова перешел на лигонский. Матур растерянно улыбнулся и ответил ему длинной тирадой, почти беззвучно. Я поняла, что он уверяет собеседника, что ничуть не испугался.

Маленький человек протянул пистолет Матуру, и тот начал отчаянно трясти головой, отказываясь от такого подарка. Но в конце концов вынужден был согласиться. Он принялся засовывать пистолет поочередно во все карманы пиджака, и пистолет никак не хотел подчиняться ему. И тут маленький человек повернулся и быстро пошел в мою сторону. Я присела за куст и замерла, сжавшись в комок. Он прошел в двух шагах от меня, и ему стоило лишь повернуть голову, чтобы увидеть прекрасную польскую даму в невероятной позе и понять, что дама выслеживала его в безлюдном парке. Что бы он сделал, трудно предположить, но я решила, что у него был запасной пистолет именно на случай такой встречи.

Я просидела, скорчившись, за кустом минут пять. За это

время комары сожрали меня до костей, а я была вынуждена терпеть. Я старалась призвать на помощь благородные исторические ассоциации, уверяя себя, что Жанне д'Арк было куда хуже, но на исходе пятой минуты поняла, что с готовностью поменялась бы местами с французской героиней. Но, как назло, все эти пять минут господин Матур переминался с ноги на ногу по другую сторону куста, ворчал себя под нос, чавкал и переживал. Видно, комары его не трогали. Наконец он тяжело вздохнул и побрел, поскрипывая подошвами, прочь. Я сосчитала до ста и после этого с наслаждением прихлопнула самого наглого комара. Ладонь сразу стала мокрой от крови.

Потом я пошла за ним следом, стараясь его не догнать. Мне почему-то казалось, что господин Матур боится пистолета, врученного ему, больше, чем я. Идет сейчас и думает, не кинуть ли его в кусты. А кинуть тоже страшно. Попадаться на глаза Матуру мне не хотелось. Еще стрельнет с перепугу.

Юрий Сидорович Вспольный

Разумеется, в тот момент, да и позже, я не подозревал, что директор Матур встречался с кем-то в вечернем парке и напугал очаровательную Аниту. Не знал я и о том, что у него есть пистолет. Для меня, как и для всех остальных, наша поездка оставалась чисто научным предприятием, которое могло сулить любопытные открытия и даже приключения, но никаких опасностей. Тем более что нас опекала лигонская армия в лице Тильви Кумтатона.

На следующее утро мы ждали вертолета с оживленным нетерпением. После обильного, сытного завтрака нас отвезли на летное поле на армейских джипах. Утро было легким, свежим, крутые горы со всех сторон ограничивали видимость, и я с нетерпением глядел на север, где находится долина реки Пруи. Правда, я должен сказать, что Матур показался мне удрученным и осунувшимся, что я объяснил для себя его боязнью летать на самолетах и вертолетах.

Из событий, достойных упоминания, я бы назвал лишь одно.

К вертолету майор Тильви принес отпечатанные фотографии. Оказывается, его заместитель лейтенант Мутаран сделал их за два дня до того и прислал с пилотом вертолета. Разумеется, мы с интересом ознакомились с этими фотодокументами. Фотографии, к сожалению, были любительскими, большей частью

нечеткими. На первой был виден широкий, высотой метра в два и шириной метров в пять, вход в пещеру, над которым нависала козырьком скала. Масштаб легко угадывался, так как возле входа, не подозревая о том, что за ними наблюдают, стояли два дикаря. Совершенно обнаженные. Один из них держал в руке копье с привязанным к нему наконечником, второй был безоружен. Куда более интересной мне показалась вторая фотография. Лейтенанту удалось подстеречь дикаря, когда он приблизился к зарослям, и потому было видно его напряженное, суровое лицо, лицо охотника и воина. Длинные вьющиеся космы обрамляли его скулы, маленькие глаза из-под нависших надбровных дуг смотрели холодно и жестко. Должен признаться, что нечто схожее с неожиданным порывом холодного ветра пробежало по моей спине. Лучше с таким дикарем не сталкиваться на узкой лесной тропинке.

Еще больше меня заинтриговала третья фотография. На ней лейтенанту удалось запечатлеть жилистого старика, облысевшего и согбенного, который сидел на корточках перед пещерой, поставив вертикально на землю палочку и вращая ее между ладоней. Я не сразу догадался, что старик добывал огонь. Вернее всего, он был хранителем традиций племени, может, даже первобытным жрецом, чье умение возжечь огонь ставило его над прочими. Рядом со стариком стояла молодая женщина. Когда я разглядывал ее, я услышал сзади чмоканье. Оказалось, что лукавец Матур заглядывает мне через плечо. И его взгляд также задержался на дикарке. Женщина была молода, полногруда, и, если бы не примитивное выражение лица и не низкий лоб, она могла бы показаться красавицей.

— А говорят, что голые, — произнес Матур.

Я понял, что он имеет в виду, — на бедрах дикарки была короткая юбочка из стеблей тростника.

— Вы не правы, — сказал я Матуру. — Это естественная женская стыдливость.

— Жалко, что она все-таки не совсем дикая, — нагло возразил Матур, но я не стал ввязываться в спор, а передал фотографии подошедшему профессору Никольсону, который вцепился в них, как умирающий от жажды в стакан с водой. Они тут же вступили в отчаянный спор с профессором Мангучоком, и спор их концентрировался вокруг антропологических проблем, в которых я не весьма компетентен.

Вертолет, как объяснил мне Тильви, был десантным, поэтому мы смогли в нем свободно разместиться, хватило места и для

нашего оборудования и запасов продовольствия, тщательно проверенного и пересчитанного Матуром. Сам перелет к месту нашего лагеря занял почти два часа, в ходе которых я имел беседу с Анитой Крашевской, которая обменялась со мной впечатлениями о городе Танги, произведшем на нее благоприятное впечатление своим климатом и растительностью. Я же, со своей стороны, в силу того, что уже бывал в этих краях, смог рассказать моей польской коллеге об этническом составе окружающих гор, а также об истории города и роли его населения в национально-освободительном движении. К тому же я напомнил пани Крашевской, что во время Второй мировой войны в этих местах шли упорные бои между английскими войсками и девятнадцатой японской армией генерала Ямаситы, а также о разгроме японских войск летом 1945 года.

— До сих пор, — сказал я, — в джунглях иногда можно встретить остатки дотов и блиндажей, ибо сопротивление японских солдат, отрезанных от моря, было отчаянным и даже известие о капитуляции Японии не завершило боев. Эта земля, эти тихие на вид горы буквально залиты кровью, — закончил я.

Тут вертолет медленно пошел на посадку, как бы разыскивая ту точку в море лесистых отрогов, где можно приземлиться. Я отдал должное искусству лигонского пилота, который не только отыскал лужайку в этом зеленом море, но и смог посадить машину точно посреди нее.

Здесь, на высоте тысячи шестисот метров над уровнем моря (эти данные я почерпнул из географического атласа еще до отлета), было свежо. Наверное, градусов двадцать, не более. Ветер был северным, очевидно, несколько более прохладным, чем в Танги. Ночью, подумал я, здесь бывает совсем прохладно. Надо обладать большим генетическим опытом и привычкой к лишениям, чтобы проводить жизнь в раздетом состоянии в этих местах.

Шум лопастей вертолета стих, наступила тишина. Я подумал, что наша активность — полеты, походы и так далее — должна неизбежно привлечь внимание дикарей и они в любой момент могут сняться со своей стоянки и затаиться в лабиринте горных долин.

Лейтенант Мутаран, командовавший отрядом в отсутствие Тильви Кумтатона, оказался совсем юным офицером, только что из училища. Он подбежал к вертолету и вытянулся, докладывая Тильви Кумтатону. В то же время он не сводил с нас взгляда. Наверное, он впервые в жизни видел такое собрание солидных ученых. Три солдата стояли в отдалении, и, когда мы выгрузи-

лись, они принялись таскать ящики и мешки, привезенные нами. Директор Матур остался возле вертолета, чтобы следить за выгрузкой.

Лейтенант провел нас в палатку, которая стояла над высоким обрывом к реке Пруи, в тени высоких сосен. Их иглы усеивали землю густым слоем, и я непроизвольно оглянулся в поисках грибов — я заядлый грибник, и иногда мне снится, как я выхожу в подмосковный лес и вижу колонии боровиков или красные шляпки подосиновиков. Здесь же грибы совершенно незнакомые, и никто их не собирает. Трудно было поверить, что мы находимся в нескольких тысячах километров от дома, в отрогах Гималаев, неподалеку от экватора. Уж очень свежим был воздух и уж очень по-родному шумели сосны.

В большой палатке был накрыт длинный стол — солдаты приготовили для нас чай со сгущенным молоком и с бисквитами, и мы искренне отдали должное их гостеприимству.

Лейтенант любезно объяснил нам, что от палатки до пещеры немногим более двух миль (три километра), так как ближе располагаться к первобытным людям они не решились из опасения, что последние могут испугаться. Лейтенант говорил, поглядывая на своего командира, как отличник, хорошо затвердивший домашнее задание.

Профессор Никольсон, хотя и был старшим среди нас, настаивал на том, чтобы немедленно отправиться к пещерам. Мне было удивительно наблюдать за этим сухим и весьма немолодым джентльменом. Полевая обстановка его буквально преобразила. Я только сейчас пригляделся к его одежде. В Танги он успел переодеться и теперь выступал в шортах и армейской рубахе защитного цвета, а на ногах его были альпийские ботинки и светлые гетры. Профессор на боевой тропе!

Однако Тильви Кумтатон воспротивился немедленному выходу в горы. Время подходило к полудню, и, по наблюдениям военных, в это время мужчины еще находятся на охоте, а женщины занимаются собирательством. Лишь в три часа пополудни они возвращаются в пещеру. Тогда мы сможем поглядеть на первобытных людей вблизи.

Мы вышли через час. К счастью, было нежарко и сухо. Тем не менее путь оказался не таким уж и легким. Грешным делом я даже внутренне укорял Тильви и его сотрудников в том, что они не подбросили нас поближе к стоянке первобытных людей на вертолете, хотя понимал, что такой перелет нарушил бы скрытность нашего приближения. Разумеется, никаких тропинок не

было, и приходилось перебираться через корни, обходить заросли кустарников, карабкаться по каменным осыпям, остерегаясь змей или случайного хищника. И главное, выслушивать стенания директора Матура, который зачем-то увязался с нами и теперь стенал, полагая, что живыми нам до пещеры не добраться. Я даже счел необходимым сделать замечание Матуру, суть которого сводилась к тому, что мое телосложение так же, как и его, не приспособлено для хождения по горам, тем не менее я не жалуюсь, ибо сам выбрал себе такую долю.

Обливаясь потом и задыхаясь, я старался не отставать от остальных и держался несколько в стороне от Аниты Крашевской, которая, подобно горной серне, легко преодолевала все препятствия, словно гуляла по дорожке парка. Мне не хотелось, чтобы мой потный, раскрасневшийся и взлохмаченный образ запечатлелся в ее сознании.

Наш поход завершился неожиданно, в тот момент, когда я понял, что сейчас упаду и больше не встану.

Шедший впереди солдат поднял руку, сделав нам знак остановиться, и выглянул вперед, раздвинув кущу бамбука. Через минуту он показался вновь, и мы вслед за ним вышли на невысокий обрыв. По другую сторону ущелья ниже нас находился вход в пещеру, которая была видна как на ладони.

До пещеры было примерно двести метров, и, так как мы все были снабжены биноклями, Анита Крашевская и Тильви Кумтатон принесли с собой кинокамеры, а солдаты, шедшие сзади, циновки для того, чтобы нам не сидеть на земле, то условия для наблюдения были прекрасными.

Мы расселись вдоль края обрыва, стараясь не шевелиться, чтобы колебание стеблей бамбука не выдало нашего присутствия. Комаров не было. Солнце стояло над самыми головами, но не жгло. Пели птицы. Было очень приятно.

Площадка перед пещерой, вытоптанная и неопрятная от палок, камней, сучьев и прочих мелких предметов естественного происхождения, валявшихся на ней, была пуста. Если первобытные люди и вернулись с охоты, то они удалились в пещеру для отдыха и усвоения пищи.

Я смотрел на эту площадку и думал, что вот сейчас усталый после долгого дня охоты там появится первобытный человек, которому в ближайшем будущем мы отыщем какое-нибудь более ученое название. Его мир — это долина мало кому известной за пределами округа реки Пруи. Горы — предел известного мира. И он, и его прадеды, и пращуры обитали в этих или схо-

жих местах, насколько тянется вглубь их коллективная память. И хозяева в этом мире они — Люди. А с другой стороны, это не так. Потому что люди — это Человечество, это миллиарды подобных существ, которые связаны между собой видимыми и невидимыми нитями общности. Вот мы здесь, на обрыве, с биноклями и камерами в руках, пришли подивиться на потерянных братьев наших, потому что существование вне человечества нам мыслится как ненормальное, достойное удивления и изучения. И какая пропасть пролегла сейчас между нами! Пропасть взаимного незнания, непонимания, могущая привести к трагедии...

— Интересно, — прошептала рядом со мной Анита Крашевская, которая удобно устроилась на циновке и разглядывала в бинокль вход в пещеру. — Они утром ушли из пещеры и, наверное, рассказывали друг другу анекдоты или ссорились из-за плохо поджаренной яичницы. А мы на них смотрим, как на муравьев.

— Вы не правы, Анита, — ответил я, удивляясь тому, как схоже и в то же время несхоже мы с ней только что размышляли. — Они вряд ли умеют жарить яичницу. К тому же наверняка не знают анекдотов. Их слишком мало.

Анита промолчала, и я не понял, осознала ли она, что я шучу, или нет. Поэтому я счел нужным добавить:

— Как вы понимаете, это шутка.

— Понимаю, — сказала Анита.

Я с такими подробностями описываю минуты, в течение которых ничего не происходило, по той причине, что субъективно они тянулись подобно долгим часам.

— Странно, — услышал я негромкий голос профессора Мангучока. Это слово он произнес по-лигонски, и потому только я его понял.

— Что вас удивило, профессор? — спросил я тихо.

— Неужели, — продолжал Мангучок по-английски, — у них на стойбище совсем нет детей?

— В этом нет ничего удивительного, — послышался сварливый и слишком громкий голос профессора Никольсона. — Они вырождаются. Я убежден, что мы увидим целый ряд генетических уродств — следствие инбридинга.

— Судя по фотографиям, этого не происходит.

— Мы видели лишь три особи, а их, по словам наших военных друзей, более дюжины.

— Торгуют они детьми, вот что, — нетактично вмешался в разговор директор Матур. — Продают за перевалом. Потому что это типичные работорговцы.

— Какие у вас основания нести подобную чепуху? — возмутился профессор Никольсон.

— Вместо того, чтобы сидеть в чаще, где нас может ужалить любая змея, — проворчал Матур, — надо было совершить налет на их пещеру. Там у них и одежда, и деньги, и ручное стрелковое оружие. — Голос его звучал настолько убежденно, что, когда в тот момент из леса на площадку настороженно, словно чувствуя недоброе, вышел один из охотников, мне в первое мгновение показалось, что у него в руке не дротик, а автомат.

Появление первобытного человека немедленно прервало все разговоры. Над обрывом наступила мертвая тишина. И щелчок магнитофона, который включил профессор Никольсон, хотя вряд ли на таком расстоянии можно было бы разобрать хоть слово, показался мне выстрелом.

Дикарь оглянулся. Прислушался. Я затаил дыхание. И уверен, что моему примеру последовали все остальные.

Видно, он решил, что опасности нет. Он издал короткий отрывистый звук, схожий с лаем собаки. И почти мгновенно в отверстии пещеры показался старик, тот самый первобытный жрец с фотографии, который умел с помощью палочки разводить огонь. Охотник снял с плеча привязанную лианой крупную рыбину, которую я раньше почему-то не заметил, и кинул ее старику. Старик подхватил рыбину на лету и даже покачнулся, потому что она весила, наверное, не меньше трех килограммов. Старик понюхал рыбину, его лицо озарила робкая улыбка, и я понял, что этот жрец — не глава племени. Да, его искусство добывать огонь может показаться волшебным необразованным и темным соплеменникам, но в то же время основным критерием полезности в этом маленьком обществе остается умение добывать пищу, в котором старик ограничен. Мне хотелось поделиться своим наблюдением с кем-либо из антропологов, и я даже обратился к Аните, но она, заметив мое нечаянное движение, приложила палец к губам, останавливая готовую сорваться с моих уст фразу.

Старик исчез в пещере, а охотник присел на корточки и, положив дротик на истоптанную площадку, подобрал острый камень. Оглядел его и начал что-то чертить на земле. Мне представилось, как под неумелой еще рукой охотника рождается грубый силуэт оленя или быка, которого он сегодня увидел в чаще, но не посмел на него напасть. Может, он сейчас проткнет стрелой этот силуэт в надежде на то, что в следующий раз охота будет удачнее.

Тут из зарослей появились две молодые женщины. Они несли охапки зелени. Я сразу мысленно прокомментировал то, что увидел, а именно: зарождение сельского хозяйства и медицины. Собирательство диких злаков и съедобных трав предшествовало началу сельского хозяйства.

В одной из женщин я угадал пышноволосую красавицу в травяной юбочке, которую видел на фотографии. Ее дикая первобытная красота, детали которой не просматривались с нашей позиции, чем-то взволновала меня, цивилизованного жителя городов. Какой контраст она представляла изысканной красоте Аниты Крашевской!

Увидев женщин, охотник поднял голову, но не встал, чтобы им помочь. Впрочем, вряд ли можно было ожидать галантности от дикаря.

Старик вышел из пещеры с двумя палочками в руках. За ним последовала пожилая женщина, которую мы раньше не видели. Она тащила охапку сухих веточек и щепы, которую сложила на открытом месте. Остальные с интересом наблюдали за тем, как старик составил две палочки вместе, уперев конец одной в кучку растопки, а вторую, потоньше, начал крутить между ладонями, стараясь трением вызвать огонь.

Крутил он долго, несколько минут. У меня затекла нога, и я переменил позу. Анита не отрывалась от бинокля. Никольсон склонился к своему магнитофону, хотя я совершенно не понимаю, что тот мог уловить. За то время, пока старик, обливаясь потом, трудился, из леса вышли еще три охотника разного возраста. Один из них тащил за задние ноги зайца, двое других вернулись с пустыми руками. По тому, как открывались и закрывались рты присутствовавших, я мог догадаться, что они давали советы старику. И тут меня осенило!

Мы же присутствуем при великом моменте в истории человечества! Мы видим, как люди учатся добывать огонь! Явно старик не был мастером по этой части. Свидетельством тому было раздражение, с которым первый охотник оттолкнул его, отобрал палочки и стал крутить их сам. Старик обиженно поднялся и отошел к входу в пещеру, откуда он смотрел, как продолжается процесс добывания огня.

Я оглянулся, чтобы убедиться, что этот удивительный момент снимается на пленку. К счастью, Тильви Кумтатон понял важность момента и непрерывно снимал кинокамерой добывание огня.

Наконец из-под палочки появился легкий белый дымок, что вызвало взрыв оживления у дикарей. С непосредственностью

каменного века они начали прыгать вокруг дыма, вознося хвалу своим первобытным духам.

Однако тут случилось непредвиденное. Первый охотник, еще с минуту покрутив палочки и убедившись, что, кроме дыма, он ничего не получит, вдруг вскочил, сломал палочки о колено и гневно зашвырнул их далеко в кусты.

Женщины всплеснули руками, а старик начал раскачиваться, демонстрируя крайнюю степень расстройства.

— Неудача, — услышал я голос Никольсона.

— Притворяются, — поправил его неугомонный Матур.

Тут уж я не выдержал.

— Зачем им притворяться? — зашипел я. — Неужели вы думаете, что они знают о нашем присутствии и совершают эти действия специально для нас?

— Все может быть, — отмахнулся Матур.

На этом нам пришлось завершить первую встречу с дикарями, так как неожиданно с гор свалилась туча и начался дождь, который становился все сильнее. Дикари поспешно убрались в пещеру, а Тильви Кумтатон, сделав строгий выговор солдатам, которые не догадались захватить с собой зонты или пластик, чтобы оградить гостей от шалостей природы, предложил нам срочно вернуться в лагерь, что мы и сделали. Путешествие назад было нелегким, но так как мы шли под горку, то добрались до палаток быстрее, чем шли к пещере. К тому же нас подгоняли острые и сильные струи дождя.

К счастью, оставшиеся в лагере солдаты расставили к тому времени привезенные нами палатки, чтобы мы могли переодеться и обсохнуть. Я же так устал и переволновался, что улегся на надувной матрас и неожиданно для себя уснул, отказавшись от обеда. И проспал до вечера.

Профессор Никольсон

Я был настроен пессимистично и не скрывал своего настроения. Исторический опыт свидетельствует о том, что подобные небольшие, оторванные от человечества группки людей оказываются беззащитными перед лицом всемирной цивилизации. Если они не вымрут в первые же месяцы от оспы или гриппа, даже элементарный насморк может оказаться для них смертельным. Целые народы, отколовшиеся от цивилизации, погибали. Если были уничтожены многочисленные тасманийцы, если мы можем проследить горькую судьбу лесных племен Южной Аме-

рики или Филиппин, то лигонский уникум — исторический нонсенс — исчезнет с лица земли мгновенно, как мотылек-однодневка. И что бы ни делали охваченные научным энтузиазмом наши лигонские коллеги, какие бы грозные бумаги ни подписывало правительство этой страны, максимум, что они дадут, — годовую отсрочку гибели микроскопического социума. К ним все равно проберутся туристы, проникнут торговцы опиумом или появится владелец какого-нибудь ярмарочного зоопарка. И снова повторится печальная и уже известная картинка. Последний представитель народца будет кривляться в голом виде в балагане под яркой вывеской «Обнаженный дикарь. Чрезвычайно опасен! Женщинам вход воспрещен». Было это, все было...

Мой коллега Мангучок, милейший человек, которого я помню еще по Оксфорду, где он был моим аспирантом, надувал свои и без того круглые щеки и утверждал, что именно в Лигоне эти бедняги обретут счастье. По-моему, ему свойственно заблуждение, характерное для наших бывших колониальных народов. Он распространяет собственную судьбу на судьбы малых племен. Однако забывает при этом, что антагонистами лигонцев либо индусов выступали англичане — могучая цивилизованная империя, которая не только брала у колоний, но и немало давала им. Сегодня лигонское правительство заботится о том, чтобы дать образование десяткам тысяч молодых людей, забывая, что избытком адвокатов не создает рабочих мест и в результате лишь плодит недовольство.

Удивительно, как освободившаяся нация обретает право решать судьбы своих младших братьев, не решив еще толком своей судьбы. Если раньше, лет сто назад, в подобном случае из Лигона приезжал прыщавый и измученный амебной дизентерией двадцатилетний мистер Джонс в сопровождении иссохшего от скуки и сознания собственного величия англиканского миссионера, то теперь можно ожидать, что армейского майора сменит чиновник из Танги в сопровождении буддийского наставника. А результат будет тем же. Плачевным.

— Что вы говорите, профессор? — спросил Мангучок.

Я задумался и начал бормотать вслух — непростительная черта для ученого, но простительная для старого склеротика, каковым я, к сожалению, становлюсь.

Уже подкрался вечер, и стало прохладно. Я люблю свежий воздух и морской ветер. Польская молодая леди с видом послушной ученицы что-то писала в блокноте. Она уже готовилась выступать с докладами на партийных собраниях в своем родном университете, а может, строчила статью для популярного журна-

ла. Какое несчастье эти популярные журналы! Скольких способных молодых ученых они развратили легким куском хлеба! Из палатки доносился храп русского толстяка. Я с ужасом подумал, что вынужден буду делить с ним палатку и не смогу толком выспаться. Видно, становлюсь стар для экспедиций. Я уже с тоской думал о ванной в гостинице Танги. Эту экспедицию надо было завершать. Все равно настоящих полевых исследований мы провести не сможем. Для этого нужны месяцы работы, жизни среди дикарей. Мы выступаем здесь в роли зевак, пришедших поглядеть на аутодафе. Жизнь осужденного нам все равно не откроется. Оставить дикарей в покое — вот единственное спасение. Забыть. В конце концов, их система верований повторяет те, что сложились в этих местах тысячи лет назад, уровень их материальной культуры настолько низок и банален, что можно изучать его на Филиппинах или в Малайе. Ничего нового... Но мое мнение не будет принято во внимание.

Я направился к реке, которая невнятно шумела внизу. Мне хотелось побыть одному. Я вдруг понял, что давно и сильно устал. Я езжу по этим конгрессам, летаю в самолетах и сижу в президиумах не потому, что мне этого хочется, а потому, что не знаю иного занятия, не могу отказать инерции, цепляюсь за видимость жизни, которая давно уже кончилась. Я в какой-то степени такой же оторванный от мира дикарь, как и жалкие обитатели пещеры.

Не знаю, сколько я прошел, но мне пришлось остановиться, потому что путь мне преградили густые заросли бамбука. Несколько секунд я простоял, тупо глядя на стену зеленых ветвей, на чуть колышущиеся под вечерним ветерком узкие листья, не совсем соображая, что я делаю и почему здесь стою. И тут я понял, что в кустах кто-то есть. Я пригляделся. Темное человеческое тело мелькнуло в полутьме и растворилось среди ветвей. Я понял, что не только мы изучаем дикарей, но и дикари проявляют желание изучить нас.

Я повернулся и, спотыкаясь о корни, поспешил обратно. Я не оборачивался и старался не думать о том, что в спину мне может вонзиться дротик.

Анита Крашевская

Я проснулась рано, в начале рассвета. Оглушительно, словно палкой по висящей на веревке простыне, прохлопала крыльями какая-то ночная птица.

Я спала в палатке одна — больше женщин в нашем лагере не было. Я стала думать о том, что дома лежит неоконченная работа, которую надо кончить, и обязательно через месяц, потом почему-то представила себе, что мама сейчас уже встала и гремит на кухне посудой. Сейчас зашумит кофемолка... Где я? Тут закашлял кто-то совсем рядом. Я удивилась и вернулась сюда, в лигонские горы. А ведь этим дикарям, если они знают, что мы прилетели, ничего не стоит пройти две мили и залезть в палатку. Сейчас откинется полог и там покажется злобная физиономия. Странно, подумала я, не отрывая взгляда от полога, почему-то никогда мне еще в моих экспедициях не приходила в голову такая мысль. Неужели нервы расшатались? Или в этих дикарях была особая враждебность, особая дикость, которую чувствуешь кожей и которую нельзя объяснить? Как будто эти дикари были первобытнее, чем возможно для человека, будто они пришли откуда-то из такого далекого прошлого, когда человека еще и быть не могло...

Больше вот так лежать и ждать не было сил. Я поднялась и, стараясь не сделать ни одного лишнего движения, оделась и подползла к выходу.

Белыми полотнищами туман тянулся по лагерю, поднимаясь снизу от реки. Лес казался черной стеной, непроницаемой и непроходимой. Никаких дикарей в лагере не было. Кашлял, оказывается, солдат, который дремал, сидя у почти потухшего костра. Странный дребезжащий звук привлек мое внимание. Я с минуту прислушивалась к нему и только потом сообразила, что он доносился от палатки, где спали Никольсон и Вспольный. Кто-то из них храпел. И тут же я поняла кто, так как Никольсон, завернувшись в одеяло, спал у костра. Сбежал, бедный профессор. Это мирное зрелище сразу разогнало все мои рассветные сумеречные страхи. В конце концов, ничего страшного и не могло произойти. Мы на три дня вылетели в горы для того, чтобы поглядеть на первобытное племя. Живем мы под охраной красивого майора. Еще дней через пять я уже буду во Вроцлаве, поднимусь на третий этаж старого дома на улице Мернича, и мой пес Доцент ахнет за дверью, угадав на лестнице мои шаги.

Я присела на корточки у входа в палатку, раздумывая, вернуться ли досыпать или зажечь фонарь и приняться за статью для «Дооколо свята» — я обещала им очерк еще полгода назад, но никак не могла найти времени, да и не было ничего достаточно увлекательного и сенсационного.

Пока я рассуждала, полог палатки, что стояла ближе других к

лесу, шевельнулся. Ага, подумала я, еще один встревоженный антрополог. Но это был не антрополог. На поляну выполз директор Матур. Настроение у меня — реакция на испуг и печальные мысли — было озорное. Мне вдруг захотелось окликнуть его и спросить, не одолжит ли он мне пистолет поохотиться на слонов.

Матур оглянулся. Прислушался. Вид у него был настороженный и в то же время настолько перепуганный, что я решила: не стоит добавлять ему тревог. Меня он не заметил — я сидела неподвижно. На полусогнутых ногах он направился к лесу. Я подумала: он отправляется в кусты по нужде и при этом жутко боится змей и тигров.

Зашуршали листья бамбука. Солдат проснулся было, взглянул в ту сторону и ничего, конечно, не увидел. Я собралась уже вернуться в палатку, но тут увидела еще одного бодрствующего. Им оказался майор Кумтатон. Армейские палатки стояли по другую сторону поляны, и я увидела майора, когда он уже подошел к костру.

Майор дотронулся до плеча солдата и, когда тот вскочил, остановил его жестом, спросил что-то шепотом по-лигонски. Солдат отрицательно покачал головой. Майор отошел от костра и секунду-две стоял, задумавшись. Потом вдруг направился к той палатке, в которой жил Матур, откинул полог, заглянул внутрь. Ага, подумала я, значит, он что-то подозревает. Майор вернулся к солдату, они тихо поговорили, и майор отправился к лесу, а солдат, будто и не дремал, начал расхаживать вокруг костра, оглядывая палатки. Я поняла, что он сейчас увидит меня и тоже в чем-нибудь заподозрит. Так что я тихонько заползла обратно и легла. Я не стала зажигать фонарь и писать статью. И не спала. Меня мучила одна мысль: ведь как только я догадалась, что майор отправляется в лес за Матуром, мне надо было остановить его и предупредить, что у Матура есть пистолет. Ведь майор об этом не знает.

Я лежала и ждала чего-то. Наверное, полчаса. Никто не возвращался. Я слушала, как постепенно просыпается лес, как запела первая птица, как начало светлеть и стенка палатки стала голубой. Наконец я поднялась снова, подошла к солдату и постаралась втолковать ему, что ищу лейтенанта. Он разбудил лейтенанта, и я сказала лейтенанту, что у Матура есть пистолет. Лейтенант не сразу понял, в чем дело, он ведь не видел, как уходил Кумтатон. Но когда понял, то принялся быстро, но многословно обсуждать этот вопрос с часовым. Обо мне они забыли.

Минут через десять лейтенант и поднятый им солдат ушли в лес в ту сторону, где скрылся Кумтатон. А я достала книжку и села на пороге палатки, стараясь читать и надеясь, что скоро проснется повар и сварит кофе.

Майор Тильви Кумтатон

Разумеется, я не думал, что мой рапорт вызовет такую лавину событий. Находясь в лесу, я не читал газет и о конференции в Лигоне тоже не знал. Может, если бы знал и связал эти события вместе, то не спешил бы с рапортом. В конце концов, эти дикари жили в лесу тысячу лет и прожили бы без мирового внимания еще два дня. Но, когда я спохватился, было поздно. Губернатор сообщил обо всем в столицу, оттуда затребовали меня, и вот я оказался на трибуне конференции и выглядел довольно глупо.

Решение направить профессоров в горы не было таким уж неожиданным, как подумали сами профессора. Еще до того, как я вышел к микрофону, меня остановил министр просвещения и стал говорить о важности международного престижа для нашего небольшого государства. Оказалось, идея свозить ученых к пещере уже родилась к тому времени в мозгу министра. Дальше надо было только подтолкнуть ученых к тому, чтобы они сами до этого додумались. Ученым всегда нужно оставлять инициативу.

Из небольшой, но разномастной компании, что отправилась с нами в горы, я знал раньше двоих — русского культурного советника Вспольного, неплохого человека, который удосужился выучить наш язык. Вторым оказался директор Матур, который в прошлом доставил мне немало неприятностей. К сожалению, я поздно узнал о том, что он заведует хозяйством в нашей экспедиции, а когда пытался заявить в Лигоне, что обойдусь без него, мне указали, что кормление ученых в мою компетенцию не входит.

В Танги я послал следить за ним одного человека, которому удалось узнать, что Матур ходил на встречу с неким Фан Махоном, местным тангийским контрабандистом и бывшим бандитом, который отбыл свой срок за перевозку опиума, вышел из тюрьмы и вроде бы зажил мирно и спокойно. Но у местной полиции были основания полагать, что Фан Махон мог быть связан с рубиновыми копями.

Я старался не обращать на Матура явного внимания, но все равно время от времени ловил на себе его скользящий заячий

взгляд. И я был убежден, что у Матура есть тайная причина оказаться в ущелье Пруи. Я ждал, когда он себя выдаст. Он не мог себя не выдать...

Я проснулся на рассвете от неприятного предчувствия. В лагере было тихо. Только монотонно похрапывал Вспольный. Я выглянул из палатки. Часовой, разумеется, дремал у костра.

Я оделся, вышел на поляну, незаметно подошел к нему и положил руку на плечо. Солдат проснулся и обрадовался, что видит меня, а не дикаря.

Затем я заглянул в палатку Матура и с первого взгляда понял, что Матур меня перехитрил. Он ушел. Но куда? Чтобы этот трусливый толстяк отправился ночью в лес, должна быть веская причина.

Идти на юг, в низовья Пруи, ему не было смысла. Отсюда миль на тридцать тянутся непроходимые заросли, а река течет, стиснутая высокими обрывистыми берегами. Остается путь наверх, к пещере дикарей.

Туда я и поспешил.

Через час я добрался до обрыва над рекой напротив пещеры. Совсем рассвело, туман рассеялся, вставало солнце, птицы словно взбесились, приветствуя его. Я поглядел на часы — половина восьмого. Скоро проснутся дикари.

Я внимательно оглядел поляну в бинокль, но никаких следов Матура не обнаружил.

И тут меня одолели сомнения. Почему я решил, что он идет именно к пещере? Может быть, он спустился где-то по дороге к реке. Но зачем?

Я был растерян. Надо возвращаться в лагерь. И сделать это незаметно. Я был уже почти уверен, что Матур вернулся туда и спокойно сидит в своей палатке.

У меня хорошо развито обоняние. Я уже собирался уйти, когда ощутил какой-то неприятный запах. Чужой для этого леса. Я не сразу понял, что это такое. Оглянулся. Если встать, то запах пропадает. Как охотничья собака я встал на корточки. Хорошо еще, что меня никто не может увидеть в этой нелепой позе... Я раздвинул траву и сразу заметил окурок вонючей дешевой сигары — черута, свернутой из кукурузных листьев. Только скряга Матур курил такие сигары. Значит, он тут побывал. И недавно. Так что же его потянуло к пещере? Только не пустое любопытство...

Я стоял на корточках, принюхиваясь к окурку, когда сзади раздался тихий голос:

— Господин майор, мы пришли!

От неожиданности я чуть не свалился с обрыва.

Сзади, в трех шагах стояли мои лейтенант и солдат. Они все же увидели своего любимого майора на карачках.

— Что вас сюда принесло? — Я был разозлен. Не столько потому, что они покинули лагерь, а потому, что застали меня в такой позе.

— Господин майор, — сообщил мне со всей своей юной почтительностью мой лейтенант, — у господина Матура есть пистолет, и потому мы сочли необходимым вас охранять.

— С чего вы решили, что у него есть пистолет?

— Молодая женщина-профессор сказала.

Я сообразил, что речь идет о молодой польской госпоже.

— Она откуда это знает? — В голосе моем продолжало звучать раздражение.

— Она не сообщила. — Лейтенант был смущен. Его поступками руководила забота о командире, но забота эта, как он сам уже понял, была проявлена неразумно.

Я поглядел на окурок сигары, который держал в руке, и поднялся на ноги.

— В любом случае, — сказал я, — он им не воспользовался.

Еще пистолета мне здесь не хватало, подумал я. И эта полька могла бы сказать об этом раньше. К тому же почему она не спит по ночам? Откуда она знает о пистолете?..

— Может, он где-нибудь в кустах сидит? — спросил лейтенант. — Увидел вас и спрятался.

— Это был бы не худший вариант, — сказал я. — Но сильно сомневаюсь. Если бы он побежал обратно, увидев меня, вы бы его встретили.

— Увидели бы, это точно, — сказал солдат.

— Давайте покричим, — предложил лейтенант. — Может, откликнется.

Я, по-моему, настолько выразительно поглядел на него, что лейтенант тут же сказал:

— Простите, не подумал.

— Эй! — приглушенно воскликнул солдат, показывая на тот берег реки.

Я оглянулся.

С некоторым запозданием я увидел, что какие-то люди входят в пещеру. Последним шел старый охотник.

Но вот перед ним...

Я не успел разглядеть его толком, но, по-моему, тот человек был одет. Может, мне показалось? Я даже не смог бы сказать,

как он был одет — что-то минимальное. Какой-то клок одежды, что-то выцветшее: куртка ли... может, штаны. Знаете, бывает так: сначала кажется, что ничего не увидел, потому что глаза не готовы к этому. В пещеру должны входить только раздетые люди, голые, понимаете?

— Кто это был?

— Не знаю, майор, — сказал солдат. — Я вижу, кто-то входит.

— А раньше ты их не заметил?

— Я смотрел на вас, господин майор.

— Тогда постарайся напрячься. Припомни, что ты увидел.

— Вошел... дикарь вошел... С копьем.

— Один вошел?

— Нет, что вы! Не один.

— А кто с ним был?

— Другой дикарь.

— А какой он был?

— В штанах, — ответил солдат.

— Это был директор Матур? — вмешался лейтенант.

— Никак нет, — ответил солдат. — Директор Матур толстый и в черном пиджаке. Я бы его узнал.

— Значит, ты видел, как в пещеру вошел одетый человек? — настаивал я.

— Наверно, они штаны где-то украли, — сказал солдат, который относился к той породе людей, которые в настоящих дикарей не верят, так как с ними не сталкивались. И полагают, что в этом таится какая-то каверза. Или простое житейское объяснение. Например, крайняя бедность.

— Значит, ты уверен, что это был не Матур?

— Никто из наших не мог быть. Это тоже дикарь, — сказал уверенно солдат. — Только в штанах.

Я еще раз взглянул на пещеру. Тихо. Может, в самом деле кто-нибудь из дикарей раздобыл штаны?

— Они кого-нибудь съели, — сообщил мне трагическим шепотом лейтенант, — и потом раздели.

Солдат нащупал пальцами приклад автомата. Он не хотел, чтобы его ели. Репутация дикарей катилась вниз.

— Нет доказательств того, что они людоеды, — строго сказал я. И подумал: нет доказательств и обратного.

Но лейтенант не сдавался.

— Этот Матур, — сказал он, — мог им попасться. Они его съедят.

— Или уже съели, — сказал солдат, который, оказывается, разделял сомнительную точку зрения лейтенанта.

Я не придумал лучшего аргумента, как сказать:

— Они сытые. Они вчера хорошо поохотились.

— Рыба! — Солдат поморщился, как будто, если его кормить рыбой, он бы не отказался от каннибализма.

Кричать мы не осмелились. У нас было строгое указание — дикарей не беспокоить, пока ученые с ними не разберутся. Мы обыскали все кусты вокруг. И потом ушли, потому что солнце поднялось выше, дикарки выползли из пещеры и принялись чистить корешки и грибы.

Тогда мы поспешили в лагерь, надеясь, что директор Матур вернулся и ждет нас.

В лагере его не было.

АВОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

«...До прихода европейцев австралийцы почти не знали одежды. В Центральной Австралии, например, вся одежда ограничивалась у женщин передником, да и то не всегда, у мужчин — поясом из человеческих волос и подвешенной к нему перламутровой раковиной... Знаком принадлежности к определенным возрастным и тотемическим группам были также рубцы на теле или раскраска тел во время обрядов».

Страны и народы мира. Австралия и Океания.
Москва, 1981.

Юрий Сидорович Вспольный

На данном этапе повествования я столкнулся с серьезной структурной проблемой. Разумеется, я могу придерживаться формальной схемы, как было объявлено на первых страницах настоящего труда, то есть излагать события только устами их участников. Но человеку свойственны слабости. И чем тревожнее ситуация, чем сложнее обстоятельства, тем менее искренним он становится.

Если я опубликую здесь показания директора Матура, данные им впоследствии компетентным органам, то мне придется к каждой его фразе давать комментарий, в котором я должен показать, как и почему мистер Матур лжет. И лжет так изощренно,

подробно и многословно, будто надеется издать свои воспоминания в пятидесяти томах, как Александр Дюма.

Однако читатель заинтересован как можно скорее добраться до сути дела и разгадать тайну голого племени. Так что, начиная с этой части записок, в тех случаях, когда считаю необходимым, я буду отступать от передачи недостоверных свидетельств и сам расскажу о том, как все происходило. Тем более что в моем распоряжении есть и протоколы допросов, и дополнительные показания незаинтересованных лиц и, наконец, собственные наблюдения. Но, повторяю, ни одного лишнего слова от меня не будет вставлено, ни один эпизод не будет выдуман.

Я начну с событий того утра, как они представлялись мне лично.

Проснулся я, к сожалению, довольно поздно и обнаружил, что нахожусь в палатке один.

Солнце проникало сквозь откинутый полог, снаружи доносились голоса. Место моего соседа по палатке — профессора Никольсона пустовало, не было и его спального мешка. В тот момент я еще не догадался, что виной тому моя привычка храпеть, которая заставила английского профессора сбежать из палатки посреди ночи и устроиться на открытом воздухе. Профессор ни словом, ни намеком не дал мне понять, что я виновник его неприятностей. И, лишь собирая главы для настоящей книги, я узнал из чужих уст о профессорских неприятностях.

Я выбрался наружу и в первый момент не почувствовал ничего неладного. Я совершил скромный туалет и когда собирался, приведя себя в порядок, подойти к наскоро сколоченному столу, где дымился кофейник, из леса вышел майор Тильви в сопровождении молоденького лейтенанта и еще одного солдата. Они выглядели усталыми и встревоженными. Помню, я подумал, как им трудно выбирать время для своих профессиональных занятий, когда на них лежит забота о нас и о дикарях.

Меня удивила реакция Аниты Крашевской, которая до того стояла неподалеку от стола и глядела на вершины гор, видные сквозь листву деревьев.

Анита буквально бросилась навстречу Тильви. Словно их объединяла какая-то тайна. Неужели они почувствовали личную склонность друг к другу? — подумал я, и эта мысль, как ни странно, меня огорчила.

Понизив голос, Тильви задал Аните вопрос:

— Не возвращался?

Она отрицательно покачала головой.

— Я надеялся, что он вернулся, — сказал Тильви.

— Что-нибудь случилось? — спросил профессор Никольсон, выключая механическую бритву.

Тильви Кумтатон ответил не сразу. Очевидно, в тот момент он думал, имеет ли право делиться новостями с учеными, которым, может быть, лучше остаться в неведении. Но потом он принял решение и сказал:

— Сегодня ночью директор Матур ушел из лагеря. Мы его не нашли. Хотя нашли место, где он отдыхал и курил. Напротив пещеры.

— Его могли и сожрать, если сунулся не вовремя, — сказал Никольсон, как ни в чем не бывало продолжая бритье. Меня несколько коробили шутки этого человека. Казалось, жизнь подарила ему много разочарований, с которыми он не смог справиться так, как положено достойному человеку, и от того он озлобился. Он мне казался чем-то похожим на британскую колониальную империю — все в прошлом, но признать это невозможно.

— Не может быть, — сказал я тогда, — чтобы Матур прошел две мили сквозь темный лес, перебрался через бурную реку и полез в пещеру к первобытным людям. Для этого он слишком труслив.

— А что ему было там делать? — спросил Мангучок, отрываясь от книги, которую он читал, усевшись возле костра.

Тильви Кумтатон пожал плечами. По его взгляду мне показалось, что он рад бы воспользоваться советом старшего, но гордость и ответственность за эти события не позволяют ему обратиться к нам.

И тогда профессор Никольсон дал совет, который несколько противоречил духу нашей экспедиции, но, очевидно, имел определенный смысл:

— Надо заглянуть в пещеру и выяснить, не хранятся ли там его бренные кости.

— Но мы тогда потревожим первобытных людей! — услышал я собственный голос. — Мы можем нанести им травму.

— Мы все равно нанесем им травму, — сказал Никольсон. — Я уверен, что они знают о нашем здесь присутствии. Да и странно было бы, если б охотники, следопыты не услышали шума, какой производим мы в непосредственной близости от их убежища.

— Почему вы так решили? — спросил Мангучок.

— Вчера поздно вечером я видел в кустах, вот там, темную фигуру. Я убежден, что не только мы за ними наблюдаем, но и

они не чужды любопытства. Вполне возможно, что, когда ваш неосторожный друг приблизился к пещере, дикари увидели, что он один, и решили разобрать его на винтики и поглядеть, как он тикает. Я убежден, что если мы сейчас подойдем к пещере, то один из дикарей уже будет щеголять в его пиджаке, второй в дхоти, а третьему достанутся ботинки и подштанники.

— Что вы говорите! — в ужасе воскликнула Анита.

— Я говорю лишь о том, что людям свойственно любопытство, — сказал Никольсон, выдувая обрезки волос из бритвы, — и это любопытство порой разрушительно.

— Наше любопытство не менее разрушительно, — возразил Мангучок.

— Оно фатально.

— Значит, ему не следует препятствовать?

— Ни в коем случае. Лучше наше любопытство, чем любопытство торговца. Если бы у господина Матура был пистолет, он бы проявил свое любопытство в трагической для дикарей форме.

— У него был пистолет! — закричала тут Анита.

Но, к моему удивлению, на ее слова все прореагировали очень спокойно.

— Значит, — сказал Никольсон, — он не успел или не посмел им воспользоваться.

— Хватит, господа ученые! — твердо произнес Тильви. — Так мы можем проговорить до вечера. Мне нужен ваш совет. Имеем ли мы право войти в пещеру и проверить, не находится ли там господин Матур, или вы считаете, что мы не должны этого делать?

Тильви замолчал, глядя на нас. Момент был напряженный. Мои мысли лихорадочно метались в голове. Но я понимал, что скажу одно: надо идти и искать Матура. Так я и сказал. Сказал первым, так как был младшим по званию.

Возможно, некоторым из нас Матур неприятен и сам повод отправиться в пещеру предосудителен. Но если мы опасаемся за его жизнь, мы должны его найти.

— С другой стороны, — сказала Анита Крашевская, — мы должны помнить и об опасности для первобытных людей. Я точно знаю, что у Матура был пистолет. Если пистолет останется в руках господина Матура, он может быть опасен для жителей пещеры. Если он попал к ним, то он представляет опасность как для них самих, так и для Матура.

— Мое мнение вы знаете, — сказал Никольсон. — Все равно дикарям никуда не деться от цивилизации. Следовательно, надо идти.

И тут все повернулись к Мангучоку. Он был местным и самым известным в Лигоне ученым. Он как бы нес ответственность за все голые племена.

— Только не надо врываться в пещеру, — сказал он. — Попробуем найти какой-нибудь контакт с этими людьми.

На поляне было тихо, только звенели насекомые и снизу доносился шум горной реки.

Кто-то должен был найти выход из положения, потому что каждая секунда промедления могла грозить смертью директору Матуру.

И тогда я нашел простое и почти гениальное решение, которое впоследствии помогло нам разрешить важную антропологическую загадку.

— Если нельзя прийти к дикарям, — сказал я, — в виде цивилизованного человека, не испугав их при том до полусмерти, значит, к ним должен отправиться голый человек, которого они не испугаются.

Никто не ответил на мое предложение. Но никто и не засмеялся. Как это ни парадоксально, мое предложение несло в себе понятный любому здравый смысл.

— И если нужен доброволец, — добавил я, — то можете рассмотреть мою кандидатуру.

И только тут Анита Крашевская сказала:

— Пан сошел с ума!

Действительные приключения директора Матура

Если выбросить в корзину те тома ложных показаний, которые дал впоследствии директор Матур, и те страницы бреда, которые он посвятил своим приключениям в книге, опубликованной им в Калькутте, то на самом деле он был один виноват в своих злоключениях.

Разумеется, господин Сумасвами, у которого в то время Матур состоял на службе, беспокоился не о судьбе своего друга, а о партии рубинов, которые курьер должен был доставить с копей в Моши. Верные люди на рудниках скупали у старателей рубины, затем курьер нес небольшой мешочек с ценной добычей в Танги, откуда лучшие из камней доставлялись в Лигон, а обыкновенные шлифовались на месте — в Танги бывают туристы из Ев-

ропы и Америки, а также японцы, среди которых лигонские рубины очень популярны.

Курьер идет в путь один, без охраны, вооруженный лишь пистолетом, потому что мир диких гор на севере Лигона, примыкающий к всемирно известному «золотому треугольнику» — местам выращивания опиума, — вовсе не такое уж дикое место. Там каждый занимается своим делом. Левые экстремисты тянутся к китайской границе, куда они скрываются, если их прижмет армия, и откуда выходят с концом дождливого сезона, когда начинается сезон военный. Остатки четвертой гоминьдановской армии базируются на лигоно-бирманской границе — они контролируют там сто квадратных миль — так называемую территорию Свободного Китая. В соседних долинах правят местные князья и вожди племен, которые живут по законам, установленным тысячу лет назад. Кроме того, этими путями идут контрабандисты самого различного толка и национальностей. И все они занимаются перевозкой наркотиков или собирают подати за проход через их территорию. Если бы в этом мире совсем не было порядка, конкуренты давно бы перебили друг друга. А так все живут, все получают прибыль, а погибают лишь посторонние — такая жизнь требует дипломатических способностей от соседей по лесным долинам.

Курьер господина Сумасвами шел через Гитанский перевал. И в ущелье Пруи исчез. В Танги он не пришел.

Разумеется, в глухом лесу может случиться всякое — здесь остались даже тигры и леопарды. А в позапрошлом году видели черного носорога. В глухом лесу могут встретиться и люди, не признающие правил общежития. Наконец, курьер мог попасть в плен к военным, которые как раз в те недели начали съемку долины реки Пруи.

Все возможно, но маловероятно.

Как только стало известно, что курьер пропал, господин Сумасвами связался с Танги и попытался послать человека на поиски курьера. Но человек ответил, что сделать это невозможно, пока армия не уйдет из ущелья.

И тут, как назло, эти голые люди!

Ну каким ветром их занесло в эти края? Как получилось, что никто их раньше не видел? В какой пещере они скрывались?

Господин Сумасвами чуть с ума не сошел от злости, когда узнал, что правительство решило послать в ущелье кучу иностранцев под охраной армии. Таким образом, ущелье закрывалось еще на несколько дней.

И когда господин Сумасвами крошил нажитую нелегким трудом мебель и колотил бамбуковой палкой своих верных и неверных жен, он вспомнил, что на конференции у него есть свой человек — директор Матур. Старый пройдоха, разорившийся после очередной неудачной махинации, за рупию готовый продать собственного папу, к счастью, помершего своей смертью.

И вот Матура, хоть он, трусливый, как шакал, страшно сопротивлялся, загнали в группу, которая отправилась в ущелье, и велели ему в первый же удобный момент пробраться в пещеру, расположенную в ущелье, где всегда останавливался курьер, и на пути к которой он был в последний раз замечен местными жителями из деревушки племени фанов, лежащей сразу за хребтом.

Матура пришлось припугнуть, обещав в случае неповиновения рассказать в полиции о его делишках, и в то же время подкупить, посулив пять тысяч, если мешочек с рубинами достигнет Лигона.

Матур понимал, что никуда не денешься. В Танги он встретился с представителем Сумасвами, и тот выдал ему карту ущелья с указанной на ней пещерой, а также пистолет, чем перепугал Матура чуть ли не до смерти.

Подчиняясь воле Сумасвами, Матур на вторую ночь ушел в лес и не возвратился.

Только через несколько дней стало известно, почему поход Матура завершился так неудачно.

* * *

Господин директор Матур в собственных записках и интервью, которые он так любит давать последнее время, предстает перед нами если не бескорыстной жертвой обстоятельств, как он того бы желал, то по крайней мере робким исполнителем злой воли сильных мира сего.

Этому верить не следует.

Как только обстоятельства ему позволяют, Матур тут же показывает зубы и готов пожирать тех, кто слабее его.

Так случилось и в истории с голыми людьми.

Вначале Матур утверждал, что хотел лишь оказать дружескую услугу господину Сумасвами. Затем, когда всем уже было ясно, что ни о какой дружеской услуге при отсутствии дружбы и речи быть не могло, он принялся утверждать, что был запуган Сумасвами.

Разумеется, Сумасвами припугнул Матура. Насколько смог.

Но важнее было обещание щедрой награды, и еще важнее — надежда Матура поживиться без разрешения его шефа. Другими словами, Матуру казалось, что, если курьер сгинул, он сможет позаимствовать часть рубинов и некому будет проверить, сколько же их первоначально было в мешочке.

Без этой надежды Матур никогда бы не пошел ночью в джунгли, в пасть к крокодилу или тигру, под пули контрабандистов или коммунистов. Скажем так: его вела забота о будущем своей большой семьи.

Сначала Матур шагал по тропинке, протоптанной солдатами, по которой ходили днем ученые. Так он достиг пункта напротив большой пещеры, занятой племенем. Там он отдохнул, выкурил дешевую сигару и, убедившись, что никто за ним не следит, отправился дальше.

Матуру была нужна совсем иная пещера. Обрывистый берег ущелья Пруи в той местности на несколько километров изрезан пещерами, нишами и трещинами, здесь испокон веку таились дикари, дикие звери и отшельники. В наши дни дикари занимаются изучением пулемета или пропалывают маковые плантации, дикие звери почти вывелись даже в таких местах, как долина Пруи, а последний отшельник вымер здесь триста лет назад. Если, конечно, не считать старшего унтер-офицера Сато.

Ночь была лунной, к тому же у Матура был фонарь, а на подробной карте, выданной ему связником в Танги, был указан спуск к реке, брод и потом подъем на тот берег, к небольшой пещерке километрах в двух выше по течению от той пещеры, где мирно спали голые дикари.

Нельзя сказать, что Матур не трусил. Он отчаянно трусил и несколько раз, заслышав подозрительный шорох, выставив перед собой пистолет, присаживался на корточки за ближайшим стволом. И горе тому живому существу, которое осмелилось бы показаться в тот момент толстому директору, — с перепугу он бы обязательно пронзил его несколькими пулями.

Но возвратиться — значит отказаться от надежды на рубины. К тому же с каждым шагом Матур удалялся от лагеря.

Противоположная сторона ущелья казалась в ночи близкой, а темные пятна провалов и углублений в ней представлялись глазами чудовища, следящего за бедным Матуром.

Директору Матуру страшно хотелось закурить, но он не осмеливался зажечь огонь — пламя будет видно издали.

Наверно, прошло часа три с тех пор, как Матур выбрался из лагеря.

И вот наконец, если он не ошибся от усталости и страха, спуск к мирно журчащей внизу речке.

Пришлось зажечь фонарь — луна скрылась за гребнем скал и стало совсем темно. Фонарь освещал лишь небольшой участок земли под ногами, и неясно было, что дальше — обрыв или ступенька, чтобы поставить дрожащую от усталости и напряжения ногу.

Матуру показалось, что спуск к реке продолжался дольше, чем путешествие от лагеря. И когда наконец он вышел на покрытое галькой дно ущелья, ноги отказались держать его тучное тело, и Матур уселся на камень, благодаря небо за милость — за окончание пути и в то же время наполняясь страхом за то, что ему еще предстоит пройти.

Он спустился правильно — в том месте речка широко разливалась по дну ущелья и из нее торчали округлые камни, которые, как догадывался Матур, в считаные минуты покроются бурной водой, если в верховьях пройдет дождь. А сезон дождей уже начинается, и не исключено, что, перебравшись на тот берег, Матур не сможет вернуться обратно.

Запугав себя до полусмерти, Матур, скользя по камням и поддерживая дхоти, чтобы не замочить, перебрался на тот берег и стал карабкаться к пещерам, цепляясь за редкие кусты, которые, как назло, оказались страшно колючими.

Подъем был куда тяжелее спуска — ноги срывались с крутого склона, вниз летели камешки и гулко падали в воду, сердце вырывалось из груди — каждый куст казался черным человеком... И тут Матур увидел Его.

Он стоял на пути Матура, чуть выше и в стороне, и, склонив небольшую голову, увенчанную шлемом, рассматривал свою жертву. Его белый, расширяющийся к земле плащ был недвижен, как был недвижен сам воздух...

Даже ночные птицы, даже цикады замолкли, дыхание Матура прервалось, и сердце его отказывалось сделать следующий удар...

Белый воин — страшный дух лигонских гор выследил несчастного путника, и значит, пришла смерть!

...Давным-давно, очевидно, в тринадцатом веке, тайцы осадили тогдашнюю столицу Лигона Раваннапуру. Король же с войском ушел усмирять горцев в те края, где ныне стоит город Танги. Столица держалась из последних сил, и командовала обороной города отважная Рами — сестра короля Касунчока II, а главную башню защищал сын Рами, племянник короля Футан.

Когда стало ясно, что город не удержать, Рами призвала к себе любимого сына и велела ему скакать к королю и позвать его на выручку.

Двое суток скакал на своем белом коне юный Футан, и наконец конь выбился из сил. Тогда Футан расседлал его и отпустил попастись, а сам улегся под деревом, чтобы поспать, пока конь отдыхает.

Отдохнув, конь пошел по берегу реки Пруи и вышел к людям! Оказывается, Футан спал, не доскакав тысячи локтей до лагеря своего дяди.

Воины доложили королю, что в их лагерь пришел белый конь Футана — короли обычно знают всех коней во дворце. Король сразу почуял неладное. Он решил, что его племянника убили. Он сразу послал воинов обыскать окрестности лагеря, и через полчаса ему сообщили что принц Футан спит под деревом неподалеку.

Король сам разбудил племянника и спросил:

— Что тебя привело в горы?

И Футан рассказал дяде, что столица вот-вот падет.

И тогда короля охватил страшный гнев.

— Как? — закричал он. — Как ты посмел спать рядом с моим шатром, когда столица в опасности?

Принц пытался объяснить, что его конь выбился из сил, но король, разумеется, не слушал никаких возражений и пронзил грудь принца острым копьем.

Король вернулся в столицу, перебил всех тайцев, а через два дня его отравила на пиру мать несправедливо погибшего принца — отважная Рами. Отравив брата, она заняла трон и благополучно правила страной еще восемь лет, пока не пала от руки своего фаворита.

А столь страшно и несправедливо погибший принц Футан превратился в злого духа. Он сторожит горные ущелья и продолжает защищать от пришельцев пределы Лигона. Если его встретит путник, то принц, всегда одетый в белый плащ и высокий шлем, убивает его без разговоров.

И потому неудивительно, что, увидев принца, Матур начал сползать вниз на животе и отчаянно кричать:

— Пощади меня, принц! Я лишь мирный торговец!

Принц не двигался.

Матур сполз до самого дна ущелья. Оттуда принц был еле виден, потому что его прикрывали кусты.

Матур уселся на берегу речки и понял, что вода в ней поднялась — видно, он накликал дождь в верховьях.

Что делать? Перебираться обратно через речку, которая становилась все более бурной и полноводной, или идти вперед, где его поджидал дух принца?

Вода отгоняла Матура к крутому склону ущелья.

Вот она уже покрыла плоское, усыпанное галькой дно.

Матур был вынужден подняться на несколько футов по откосу...

И тут он вспомнил слова посредника, сказанные им в Танги: «Когда перейдешь речку и поднимешься до половины склона, увидишь маленькую белую ступу, поставленную черт знает когда и недавно побеленную каким-то из местных дикарей. По этой пагодке ты найдешь нужную пещеру».

И как только Матур вспомнил эти слова, словно неведомая сила вознесла его вверх, к привидению Футана. Через минуту он уже стоял рядом с белой пагодкой ростом с человека, схожей с детской пирамидкой из колечек — все меньше, меньше и меньше, а наверху медный зонтик.... Не шлем воина, а позолоченный зонтик!

Матур медленно обошел пагодку вокруг и даже похлопал ее по теплому боку, хранившему жар знойного дня. Какой-то путник привязал к зонтику пагодки белые и красные ленточки — дар духам гор.

Дальше подъем к потайной пещере был куда более пологим, чем от реки, и Матур даже пытался насвистывать — конечно, он дышал тяжело и сердце часто билось, но ощущение избавления от опасности наполняло тело счастьем.

Правее... еще правее — вот и расщелина, скрывающая пещеру от случайного взгляда с той стороны ущелья.

Треугольный вход в пещеру открылся неожиданно — он был чернее ночи и чернее скалы. Матур зажег фонарь — здесь его никто не увидит.

Расширяющийся луч быстро обежал мешок пещеры. Дно ее было плоским и утоптанным. Еще в доисторические времена здесь скрывались люди, а когда они уходили из этих мест, пещеру занимали медведи.

Прежде чем увидеть труп человека, одетого в камуфляжный военный комбинезон, Матур почувствовал тяжелый, тошнотворный запах разлагающейся плоти.

Без сомнения, в пещере лежал курьер Сумасвами, и он был давно мертв.

Морщась и еле сдерживая тошноту, Матур все же осмотрел карманы комбинезона, ощупал раздувшийся труп и, не найдя мешочка с рубинами, стащил с трупа небольшой рюкзак и вынес к выходу из пещеры, потому что еще секунда — и его бы вывернуло.

Рюкзак тоже был почти пуст, если не считать засохшей лепешки и рубашки. Курьер уходит в путь без документов.

Матур уже знал, что курьер убит сзади ударом по затылку — наверное, дубиной или камнем. Убийца пожалел для него пули или не решился стрелять. Убийца знал, где подстеречь курьера, и знал, чего искать...

На этот раз Матур спускался к реке осторожно, стараясь не шуметь, хотя это уже не играло роли — вряд ли убийца неделю сидит у пещеры.

Настроение у Матура было ужасное — курьеру было лучше, чем ему. Потому что тот уже покончил счеты с этой жизнью и ждет нового рождения, тогда как несчастному Матуру придется держать ответ перед Сумасвами.

Ноги так устали, что Матур уселся на берегу речки и некоторое время тупо слушал шум воды и никак не мог придумать, что делать дальше. Потом он догадался, что курьера, вернее всего, убили голые люди. А потом взяли камешки, потому что любят, как и все дикари, яркие штучки. И у Матура даже родилась мысль: а не дойти ли берегом до их пещеры, не войти ли внутрь и не потребовать ли у голых дикарей, чтобы они немедленно вернули камни? Но он отказался от такого плана, потому что если дикари убили курьера, то они не остановятся и перед убийством Матура.

Положение его было безнадежным.

И оно усугублялось тем, что за последний час уровень воды в Пруи поднялся по крайней мере на метр, и если Матур переходил на этот берег, перепрыгивая с камешка на камешек, то теперь ему пришлось бы возвращаться в резиновой лодке, хотя и она не удержалась бы в мутном потоке.

Придется идти обратно по правому берегу!

Этот путь приведет его к большой пещере, в которой живут дикари. Это никуда не годится, но и ждать у реки, не спадет ли вода, тоже рискованно. Ведь дожди могут зарядить на месяц, тем более что муссон должен вот-вот обрушиться и на этот район. Значит, остается лишь путь вниз по ущелью, где ниже убежища дикарей через реку перекинут непрочный подвесной мостик, которые плетут фаны на своих охотничьих и торговых тропах.

По середине откоса тянулась тропинка, то ли звериная, то ли протоптанная охотниками. Ее кое-как было видно, так что путь не был труден. Но Матур уже страшно устал.

Ноги его еле двигались.

По его расчетам, он добрался до пещеры голых людей — она должна была находиться где-то ярдах в ста над его головой. Нет, он не будет заходить к ним и требовать рубины, он мечтает лишь об одном — вернуться в лагерь живым...

Еле переставляя ноги, Матур плелся по берегу...

Вдруг ему почудилось, что сзади что-то зашуршало в кустах. Матур замер, прислушиваясь, потому что очень боялся хищников.

Он стоял и слушал...

Но ничего не услышал, потому что некто, подкравшись совсем близко, ударил его по голове дубинкой.

Так и не поняв, что с ним произошло, Матур упал на землю головой вперед.

Юрий Сидорович Вспольный

К моему смущению, майор Тильви Кумтатон не выразил желания доверить мне миссию освобождения Матура. Впрочем, я понимаю, он был совершенно прав — он не имел права подвергать риску жизнь ученых.

— Во-первых, — заявил майор, — я не обязан спасать торговца, который неизвестно как попал в нашу группу. А во-вторых, если поиски и будут проводиться, то только военнослужащими.

Нет, я не был обижен. Я все понял.

А майор спокойно пригласил нас к завтраку.

Завтрак начался в молчании. Что ни говори, а судьба этого несчастного человека, хоть и не члена международного сообщества ученых, всех нас беспокоила.

Анита не удержалась и спросила:

— Неужели вы совсем ничего не предпримете, майор?

Майор не успел ответить, как заговорил мрачный, похожий на богомола профессор Никольсон:

— К сожалению, наш эксперимент закончен, так и не начавшись. Мы лишены возможности подглядывать за несчастными детьми природы хотя бы потому, что теперь они знают, что не одиноки в этой долине. И, подозреваю, они знали об этом до встречи с Матуром.

— Но он мог пропасть совсем по другой причине, — сказал профессор Мангучок.

— Вряд ли его растерзал тигр — думаю, что тигров распугали на сто миль вокруг. Если же он попал в руки таким же, как он, авантюристам, — ответил Никольсон, — то значит, наше ущелье не такое уж безлюдное место. И дикари не впервые видят современного человека.

— Вы все отказываетесь от самого простого объяснения, — возразила Анита. — Допустите, что он попал к дикарям. Это несчастные запуганные существа. У них свои понятия о ценности человеческой жизни. Вы же все этнографы, и не мне вам объяснять...

В ответ на удивленный взгляд майора Мангучок объяснил:

— Мисс Крашевская имеет в виду ритуальный каннибализм, но я полагаю, что это предположение лишено оснований.

Я испытывал приступ холодной дрожи! Это в наши-то времена, во времена, когда на шестой части суши строится развитое социалистическое общество, когда в небе летают космические корабли, мы не имеем права подозревать некоторые отсталые народы в людоедстве. Наша цель — стремиться к братству всех людей.

Именно в таком духе я немедленно высказался перед моими коллегами и был вынужден выслушать ядовитую реплику профессора Никольсона:

— Я думаю, мы зря не разрешили господину Вспольному отправиться голышом в пещеру. Ведь директора Матура хватило лишь на жаркое, а вот сладкого пудинга дикарям не досталось.

Тут пришел солдат, который, как я понимал, дежурил напротив пещеры, и доложил майору обстановку. Мы все замолчали, ожидая, что же скажет Тильви.

— За последние часы, — сказал нам Кумтатон, — ни один человек не вышел из пещеры и не вошел в нее. Обычно же утром охотники уходят в лес, а женщины готовят пищу перед входом в пещеру. Племя ушло.

— Когда же? — воскликнул я.

— Возможно, на рассвете. До того, как мы поставили там пост.

— Но как же Матур? — воскликнула Крашевская.

— А это мы сейчас узнаем, — сообщил майор. — Я пойду туда с солдатами, и мы осмотрим пещеру.

— Мы пойдем с вами, — сказал Мангучок, — и будем наблюдать с другого берега.

Майор кивнул.

В результате сразу после завтрака мы начали собираться в поход.

Некоторые думали, что стоит вызвать вертолет и лететь на нем к пещере, чтобы затем солдаты взяли пещеру штурмом. Но этот вариант, высказанный майором, был отвергнут остальными, потому что они надеялись на то, что Матура все же в пещере нет. И в таком случае травмировать голых дикарей бесчеловечно.

Но так как река от дождей вздулась и перейти ее вброд было невозможно, мы все отправились вниз по тропинке к висячему мостику, а от него уже вверх по течению Пруи к пещере.

Хорошо сказать — отправились. В район пещеры мы приползли — я не знаю другого более точного слова — к двум часам дня и производили такой шум, словно по чаще двигалось стадо слонов. При этом прошу учесть, что к пещере отправились не все члены экспедиции — профессор Никольсон, например, остался в лагере, потому что полагал, что спасение Матура выходит за пределы его научных интересов. С ним остались повар и два солдата.

Так что из кустов, что подходили к пещере почти вплотную, тяжело дыша, наблюдали за входом три этнографа, включая вашего покорного слугу, майор Тильви Кумтатон и два солдата.

Мы просидели в этих кустах до тех пор, пока нас не сожрали слепни и неизвестные мне жгучие мухи, но черный зев пещеры был безмолвен.

Я поглядел на часы. И, к своему изумлению, обнаружил, что мы пробыли в ожидании лишь десять минут. Вот так субъективно восприятие времени человеком! А ведь на сладостном любовном свидании часы превращаются в секунды.

— Пошли, — сказал негромко майор Тильви Кумтатон.

Он подал сигнал солдату, который направился первым, держа перед собой автомат, за ним шел сам майор, потом Анита, которая категорически отказалась остаться в лагере, профессор Мангучок и я. Сзади процессию замыкал второй солдат, вернее, солдатик, так он был мал и пуглив — похожий на мышонка, вооружившегося противотанковой пушкой.

Я ступил на каменный козырек, прикрывавший часть площадки перед пещерой. Здесь было несколько прохладней, чем в кустах, но мне в ноздри ударил неприятный запах тухлой пищи. Я понял, что он исходит от валявшихся на утоптанной площадке рыбьей чешуи и внутренностей, клочьев шерсти и полуобглоданных костей. Из холодного пепла кострища на меня глядела белым мертвым глазом еще покрытая шерстью голова оленя мунжака.

Я поспешил миновать неприятное место в надежде на то, что внутри пещеры будет лучше.

Но оказалось, что это вовсе не так.

...Мы стояли в большом зале, достаточно освещенном сквозь широкий вход, которым мы туда проникли. Потолок нависал довольно низко ровной сплошной плитой на высоте метров трех, постепенно понижаясь в глубину. Зал широко раздавался в стороны, словно пустой мешок. Я бы сравнил его по размеру с волейбольной площадкой. Пол был плоским, но неровным, кое-где в нем поднимались холмики и выпуклости, у дальней правой стены они были очевиднее, и оттуда доносился неприятный запах. И лишь по реакции Аниты я догадался, что именно там голые люди устроили свою уборную.

Мы миновали это место, стараясь ни на что не наступить, а я, в свою очередь, задумался, как много мы упускаем в истории подсознательно, зато и сознательно вычеркивая из нее ту обычную обязательную физиологическую деятельность человека, без которой он не может существовать. С ходом столетий все превращается в прах и камень. А камни не пахнут. Обедненные и лишенные земной плоти, наши предки оказываются как бы призраками... А ведь они были такими же, как и мы, только мы специально выдумали водопровод и канализацию, свалки и выгребные ямы, чтобы скрыть от археологов будущего, которые вознамерятся нас изучать, действительную нашу жизнь — полнокровную, но некрасивую.

К счастью, дальше, по мере углубления в пещеру, воздух стал чище и прохладней. Мы продвигались по широкому, но сужавшемуся туннелю, скорее низкому, чем узкому, и вскоре попали в следующее расширение пещеры. Там зажженные майором и солдатами сильные фонари осветили жалкую спальню дикарей — вороха высохшей травы и клочья шкур, составлявшие их постели, или, вернее, лежбища. Лишь одна из «постелей» была устроена лучше прочих — на ней лежало несколько шкур, — видно, там почивал вождь племени.

Здесь тоже чувствовался запах жилья — пота, немытых тел, остатков пищи. Мы задержались в зале — майор осматривал его в надежде, как я понимаю, отыскать следы пребывания директора Матура.

Из спальни дикарей были видны два хода в глубь горы. Оба низкие, узкие, негостеприимные.

Майор оглянулся, как бы выбирая добровольца обследовать дальнейший путь, и его взгляд остановился на маленьком солдатике, который поежился, молча проклиная свою судьбу.

Майор приказал ему поглядеть в правом ходе. Солдатик вздохнул, поправил автомат и, светя перед собой фонарем, согнувшись, прошел вперед. И исчез.

Мы все склонились, заглядывая в ход и стараясь по неверному пятну света угадать успехи солдатика.

— Как ты там? — окликнул его майор.

— Иду! — отзывался солдат.

Мне показалось, что его движения с каждой минутой становятся все медленнее и неувереннее.

И как бы в ответ на мои подозрения, изнутри донесся голос солдата:

— Дальше хода нет!

— Ты хорошо посмотри, — приказал майор, становясь на четвереньки, чтобы лучше видеть.

— Клянусь, там завалено.

Кумтатон не стал дожидаться, пока солдатик выберется из хода, а, поднявшись, обратился ко второму солдату, велев ему осмотреть другой лаз.

На этот раз солдат ушел так далеко, что пропал из виду, а потом в глубине хода возник огонек возвращающегося фонаря и послышался голос солдата:

— Идите сюда! Здесь много места!

Мы поспешили в тесный и, казалось, бесконечный проход. Лишь после долгого путешествия, пригнувшись, чтобы пролезть дальше, и прикрывая голову от возможных острых сталактитов на потолке, мы добрались до следующего зала пещеры.

Там было прохладно, воздух был чист и недвижим. Тихо журчала вода — маленький ручеек протекал у наших ног и исчезал в каменном завале.

Майор приказал нам не расходиться по сторонам, чтобы не упасть в трещину или яму. Все мы зажгли фонари, и потому вдруг в подземном зале возникло ощущение праздника — многочисленные лучи света пересекались, как прожекторы во время салюта, отражались от свисавших с потолка сталактитов, от отшлифованных временем или водой выступов в стенах... Нами всеми овладела беспричинная радость от этого зрелища, мы громко перекликались и смеялись. Я помню, как солдатик выломал из стены крупный кубический золотой кристалл и спрашивал майора, что это такое, и когда тот сказал «пирит», разочарованный, но не до конца убежденный в этом солдатик спрятал кристалл в карман.

Я помню, как Анита Крашевская в медленном танце двигалась между тесно стоящих столбов, поддерживавших кровлю этого зала, и луч ее фонаря танцевал перед ней. Профессор Мангучок медленно и методично обходил зал по периметру, и мы с ним переговаривались, чтобы он невзначай не свернул в какой-нибудь опасный ход.

— Ой, что я нашла! — сказала Анита, но я не успел к ней, потому что профессор Мангучок обратил мое внимание на зловещий в этой обстановке предмет — у самой стены, брошенные, словно ненужная тряпка, валялись дхоти — то самое марлевое подобие штанов, которое носят индусы и в котором мы столько раз видели Матура.

Призванные профессором, мы все собрались вокруг этого предмета. Майор Кумтатон осторожно приподнял дхоти с камня и сказал:

— Вряд ли здесь часто ходят индусы.

И все мы согласились. Хотя, разумеется, возможны и совпадения. Чего только не бывает на свете!

Мы продолжали поиски, и вскоре солдатик отыскал одну сандалию директора.

Воодушевленные находками и в то же время всерьез встревоженные их возможным значением, ведь одежду человек снимает либо перед мытьем и купанием, либо теряет ее вместе с жизнью, мы продолжили обход зала, но вскоре вынуждены были признать, что он только казался обширным из-за того, что его пространство было заполнено сталактитами, сталагмитами и столбами, образовавшимися от срастания этих геологических формирований. Вскоре обе партии, шедшие вдоль стен, сошлись нос к носу. Поиски продолжились еще немного, но ничего не дали, и минут через пятнадцать мы выбрались из пещеры.

Мы стояли под каменным козырьком, жмурясь от света и еще не смея выйти на залитую солнцем площадку. Я смотрел на майора, который брезгливо, как лягушек, держал детали одежды пропавшего директора Матура. Я оглянулся в поисках Аниты, чтобы спросить, как она себя чувствует, и тут обнаружил, что ее с нами нет.

Возле меня стояли майор Тильви Кумтатон, профессор Мангучок и два солдата.

Примерно в то же мгновение к схожей мысли пришел и майор, который спросил:

— А где польская госпожа?

Он спросил об этом у меня, причем строго, словно я скрывал госпожу в кармане.

— Не имею представления! — отрезал я.

Но за этим ответом на самом деле скрывалось мое искреннее беспокойство. Что еще могло случиться?

Сначала мы решили, что Анита отстала в пещере, и послали солдата помочь ей выбраться. Но вскоре он вернулся, не найдя ее. Тем временем мы обыскивали окрестности пещеры и звали Аниту, надеясь, что она выбралась раньше нас.

Мне сейчас трудно вспомнить, как долго и упорно мы искали Аниту. Я не могу говорить о чувствах остальных, но я пребывал в глубоком отчаянии, сердце мое разрывалось от тревоги за нее. Одна, беспомощная, совершенно городская девушка находится... Может быть, она тоже попала в руки дикарей? Но где? Когда?

Трижды мы возвращались во внутренний зал и осматривали его, облазили все кусты вокруг входа в пещеру, спускались к речке в тщетной надежде найти там какие-нибудь следы Аниты.

Мы старались вспомнить, когда в последний раз ее видели. Все припомнили, как она танцевала между каменных столбов, потом я как бы вновь услышал ее возглас: «Ой, что я нашла!», и я проклинал себя за то, что мое внимание обратилось к этим проклятым дхоти!

У нас не было с собой рации, но к вечеру, обеспокоенные нашим исчезновением, дежурные в штабе батальона прислали вертолет, который завис над площадкой у пещеры, как раз когда мы уже были готовы отправиться в обратный путь к лагерю, потому что все возможности поиска Аниты мы исчерпали. Как и поиска племени голых людей.

Погрузившись в вертолет, мы сделали на нем несколько кругов над ущельем, даже поднялись по нему на несколько километров, высматривая на земле хоть какое-нибудь подозрительное движение.

Мы ничего и никого не нашли.

И удрученные, измотанные, не в силах произнести ни слова, мы возвратились в лагерь, где нас ждал не менее нас огорченный профессор Никольсон.

Юрий Сидорович Вспольный

События, описанные ниже, я реконструирую по целому ряду свидетельских показаний и косвенным данным. Поэтому я не могу приписать их тому или иному из действующих лиц нашей драмы.

Отныне местоимение «я» временно исчезает из текста и заменяется словами «они», «он», «она». До этого нам удалось лишь кинуть первый, поверхностный и приблизительный взгляд на голых людей с другого берега реки Пруи. Теперь же я предлагаю вам мысленно пересечь ущелье и оказаться среди дикарей. Правда, для того чтобы разрешить тайну их появления в долине Пруи, необходимо немного отступить назад во времени и поведать о трагедии, разыгравшейся в нескольких десятках миль южнее перекрестка снежных горных вершин, представляющих собой естественную границу между Бирмой, Лигоном, Китаем и Индией. Эта граница условна, население здесь чрезвычайно малочисленно, а растительность и животный мир настолько скудны, что не позволяют заниматься сельским хозяйством или прожить охотой.

Заранее прошу прощения у любителей абсолютной точности. Ведь я не мог присутствовать при увертюре и опоздал к первому акту драматического зрелища.

ПРЕДЫСТОРИЯ ГОЛЫХ ЛЮДЕЙ
Февраль 1977 года

Как ни трудно в это поверить скептическому уму, но мы во Вселенной далеко не одиноки.

Не мне, дикарю, может быть, даже питекантропу по меркам космических цивилизаций, описывать и объяснять устройство Галактического Союза, либо Центра. Наверняка нашлось бы немало желающих и умеющих растолковать человечеству смысл и тонкости всех космических терминов. Но так как среди нас нет уже тех, кто мог бы проверить и критически оценить наши переводческие потуги, я буду придерживаться самых простых объяснений, именно тех, которые предпочитал в разговоре с нами капитан Утонченный Директор (Ут-дирек).

Итак, корабль «Восхищение Великим Разумом» с экипажем в восемь Высокоученых обоего пола был направлен с планеты,

именуемой в просторечии Домом, к Земле для проведения исследований.

Необходимо иметь в виду, что это строжайше запрещено галактическими законами, ибо планета Земля находится в карантине по причине исторического этапа, на котором она пребывает. Другими словами, если мы все перемрем или взорвемся, то Галактическое содружество (братство) нести ответственности не намерено.

Однако ввиду того, что в Галактический центр входит несколько сотен населенных миров, не везде точку зрения Центра разделяют. В частности, на Доме. Там торжествует точка зрения, по которой наша Земля нуждается в гуманной помощи, что ей можно помочь выкарабкаться из кризиса и долг цивилизованных миров в том и состоит, чтобы спасти нас с вами от близкой гибели, за что благодарная Земля поделится своей площадью и ресурсами со спасителями, страдающими от перенаселения.

Разумеется, Дом не намерен портить отношения с Братством (Центром), что могло бы плохо кончиться. Но что-то предпринять хочется. Положение осложняется (а может, упрощается) тем, что во Вселенной есть много планет, которые то и дело нарушают решения Галактического Союза (Содружества). В частности, некоторые из них посылают к Земле летающие тарелочки и прочие не опознанные нами, но хорошо известные им объекты, которые фиксируют то, что происходит на Земле[6].

В отличие от обыкновенных тарелочек, порой набитых жадными до порнографии туристами и любителями заглянуть в чужую ванную, корабль «Восхищение Великим Разумом» был направлен исключительно с научно-исследовательскими целями.

Экипаж (команда) «ВВР» был подобран с особым тщанием. Это были крупнейшие авторитеты в своих областях знания. А именно:

1. Утонченный директор (Ут-дирек) — капитан корабля и начальник экспедиции. Убеленный сединами, благородный, правда, не отличавшийся крепким здоровьем, психолог, экономист и педант.

2. Утро, бегущее за ним по пятам (Ут-пя) — штурман корабля, специалист по машинам и приборам, в то же время замечательный эксперт по инопланетной технологии. Мужчина во цвете лет, лишь недавно преодолевший свое шестисотлетие, Ут-пя отправился в полет, чтобы после него занять кафедру в Университете Изысканных наук.

3. Утешающий в беде и беспорядках (Ут-бе-бе), знаток человеческой души, облетевший множество планет, всегда стремящийся помочь живым существам, молодой гуманист, не достигший еще и трехсотлетия, но уже известный в научных кругах далеко за пределами родного Дома.

4. Несущая людям радость (Не-лю). Умудренная жизненным опытом и в то же время тонкая специалистка по биологическим и социальным сообществам, она же замечательный доктор.

5. Немеркнущий свет Любви (Не-свелю). Как раз перед отлетом с Дома Не-свелю заняла первое место на конкурсе красоты своего университета, что никогда не мешало ей отдаваться в первую очередь научным занятиям, много заниматься телепортацией и антигравитацией, но главным ее увлечением всегда оставалась экспериментальная физика. Ради полета к Земле Не-свелю прервала начинавшийся последние четырнадцать лет роман с Утраченным мгновением (Ут-мгн), одним из крупнейших пожарных планеты, изобретателем пенотушителя.

6. Утерянный во мраке рассвета (Ут-во-мраке) — второй штурман экспедиции, родственник Ут-пя. Он заменил собой в последний момент заболевшего специалиста и не оправдал возлагавшихся на него надежд.

7. Помощник Извилин (По-из) — отличный переводчик, умеющий понимать внутреннюю речь на любом языке Галактики и передавать на этом языке мысли и слова любого из известных вам ученых. Он немолод — ему уже за тысячу. Ведь его профессия, хоть и не дающая прав ученого, требует многих лет совершенства.

8. Любая барсендия (непереводимое слово) (Люба) — помощник переводчика, специально обслуживавшая ученых женского рода, чтобы не возникало неловких ситуаций от заглядывания в чужие мозги. Люба — еще совсем молоденькая, но очень способная переводчица.

Вот эти существа и были на борту корабля «Восхищение Великим Разумом» («ВВР») в тот момент, когда он подлетал к Земле.

Уже прочтя этот список, можно сделать некоторые любопытные заключения. Например, что уважаемые мужчины на Доме носят имена, начинающиеся на «ут», а уважаемые женщины — на «не». Существа же, не имеющие высокого статуса в обществе, могут именоваться, как вздумалось их родителям.

К науке на Доме относятся с чрезвычайным уважением, а сами ученые пользуются массой прав, недоступных простым, менее образованным жителям. Например, при некотором перенаселении ученый имеет право на отдельную комнату, а если у

него рождаются дети, иметь которых запрещено простолюдинам, ему выделяют еще одну комнату. Ученые имеют право совокупляться только друг с другом — аспирант с аспиранткой, а профессор с профессоршей, ибо правительство Дома очень надеется, что от этих союзов родятся новые ученые, которые догадаются, как решить некоторые имеющиеся на Доме проблемы.

И происходят эти проблемы большей частью от того, что продолжительность жизни на Доме уже перевалила за тысячу лет, а средний возраст приблизился к тысяче. Никто не хочет умирать, несмотря на определенные демографические трудности. Разумеется, тамошняя дама и в семьсот лет смотрится, как бальзаковская мадам Бовари[7].

Корабль «ВВР» приблизился к Земле весьма осторожно. И опасался он, разумеется, не землян, которые его все равно не смогли бы увидеть или засечь локаторами, а крейсера из Галактического центра (Содружества) или конкурентов с какой-либо другой планеты.

Как удалось понять, где-то в пределах орбиты Марса второй штурман Ут-во-мраке совершил ошибку при работе с компьютером и корабль потерял управление.

* * *

Капитан корабля Ут-дирек собрал в кают-компании всех обитателей корабля и откровенно поделился с ними возникшей проблемой.

«ВВР» падал на Землю. Другого варианта не существовало. Выйти на связь и попросить помощи у Галактической службы безопасности они не могли — этим они бы автоматически подписали себе смертный приговор. Как бы ни были гуманны галактические цивилизации, преступление, совершенное экипажем «ВВР» и соответственно правительством Дома, было столь велико, что с ними обошлись бы беспощадно. Так что им предстояло либо погибнуть с кораблем, либо покончить с собой.

Так как корабль неумолимо приближался к Земле, капитан был вынужден применить закон по отношению к злополучному второму штурману. Он лично передал удрученному Ут-во-мраке капсулу с ядом, и тот, попрощавшись коротким кивком головы, под строгими взглядами своих товарищей проглотил капсулу и почти мгновенно упал мертвым. Младшая переводчица (телепатка) Люба упала в обморок, не выдержав душевной боли, которую испытывал второй штурман во время перехода в состояние смерти, а старший переводчик (телепат) По-из стал биться в

судорогах, что произвело на остальных удручающее впечатление — каждому предстояло вот-вот пройти краткую дорогу к смерти, совершить над собой казнь, и по поведению переводчиков (телепатов) ясно было, насколько ужасна эта смерть.

Капитан Ут-дирек посыпал тело второго штурмана специальным порошком, отчего тело превратилось в жидкость и вытекло через решетку в полу кают-компании.

А корабль «ВВР» («Восхищение Великим Разумом») тем временем продолжал падать на Землю.

Умудренная жизненным опытом, Не-лю (Несущая людям радость) задала капитану вопрос:

— Нет ли способа избежать смерти?

Капитан объяснил ей то, что она знала и без его ответа:

— Мы можем катапультироваться в момент столкновения корабля с Землей и принудительной аннигиляции. Тогда мы останемся в живых. Но если об этом кто-то узнает — неважно кто: галактический патруль, или правительство нашей планеты, или даже президиум Академии наук Дома, мы будем подвергнуты медленному умерщвлению, которое в зависимости от тяжести преступления может продолжаться неделю, месяц или даже столетие.

При этих словах Люба снова упала в обморок, а Не-свелю принялась горько плакать, потому что она еще не успела насладиться жизнью, а главное — любовью.

Корабль уже вошел в верхние слои земной атмосферы, и все старания замедлить его падение были тщетны.

— Мой долг, — сказал капитан, — велит раздать вам смертельные капсулы, а ваш долг состоит в том, чтобы их проглотить и умереть. Затем я посыплю ваши тела порошком смерти, вы превратитесь в жидкость, а я прослежу за тем, чтобы вы попали в корабельную канализацию, а затем взорву себя вместе с кораблем.

Так сказал капитан, но недоверие закралось в души членов экипажа.

Впервые за все дни и месяцы полета они подумали, что капитан, убив их, может сохранить свою жизнь.

И тогда общие мысли высказал переводчик (телепат) По-из, потому что для него было мало секретов в умах товарищей. Он не мог уловить лишь те мысли, которые не принимали словесной формы. Но стоило вам сформулировать мысль и найти для нее слово, как По-из заглядывал вам в череп, и все становилось на свои места.

— Уважаемый капитан, — сказал По-из, — мы все решили остаться в живых.

— Это невозможно!

— Это возможно при условии, если никто не будет нас искать. Если все будут убеждены, что нас более нет.

— В одежду каждого из нас вживлены поисковые датчики, — сказал капитан Ут-дирек. — Они включаются, как только поле корабля перестает нас защищать.

— Значит, — сказал По-из после паузы, собрав мысли своих товарищей, — нам надо избавиться от датчиков.

— Чепуха! Вся одежда — сплошной датчик! В этом гениальность спасательной службы.

— Значит, — сказал По-из, собрав мысли своих товарищей, — нам придется избавиться от одежды.

Капитан засмеялся. Он принадлежал к такой древней и высокой цивилизации, что даже само слово «голый» на его языке было грубым ругательством. Капитану за его семьсотдвадцатитрехлетнюю жизнь не приходилось еще видеть обнаженного человеческого тела. По обычаям Дома он даже сам мылся в темноте, выключив свет.

Может возникнуть вопрос: возможно ли совместное проживание супругов при таких условиях, возможны ли романы, измены и любовные извращения? Ответим: да, все это возможно! Супруги погружаются в постель, одетые в ночные одежды, и производят любовные действия в полной темноте. Существует даже древняя легенда о человеке, который возжелал увидеть тело околдовавшей его женщины. Он догнал ее в лесу, где она собирала съедобные грибы, и начал срывать с нее одежды. Однако боги превратили ее одежды в раскаленные латы. Насильник обломал ногти и сжег ладони, но своего не добился. Правда, и его жертва не выжила — у нее сгорела кожа. Такую грустную легенду рассказывают детям на Доме.

Конечно, в любой цивилизации есть свои развратники и извращения. Не обошла эта пакость и Дом. Говорят, что в трущобах столицы есть места разврата, где показывают обнаженных кукол.

В свете этого можно понять, в какой шок не только капитана Ут-дирека, но и остальных путешественников ввергла реплика телепата По-иза, который, кстати, высказал их собственные подспудные мысли.

Наступила тягостная пауза.

За иллюминаторами падающего корабля клубилась атмосфера Земли. Решать надо было немедленно.

Переводчица Люба, чутко воспринимавшая эмоциональный фон, ломала в отчаянии руки. В отчаянии остальные обводили взглядами кают-компанию корабля, тесно уставленную столь дорогими их сердцам вещами, ведь цивилизацию Дома можно назвать цивилизацией приятных предметов (ЦПП). Каждый житель планеты тратит значительную часть жизни на аккумуляцию красивых и приятных его изысканному вкусу вещей.

Отчаянная борьба корабельного компьютера и земного притяжения привела к тому, что на корабле погас свет — энергия требовалась для более важных целей.

Зловещий гул наполнял корабль.

В темноте кают-компании можно было угадать лихорадочное движение.

Капитан нажал на кнопку, превращавшую кают-компанию в спасательную шлюпку.

Шлюпка вылетела из корабля, а невидимая и неосязаемая громада «ВВР» пронеслась к Земле, и с легким звуком, схожим со звуком открываемой бутылки шампанского, гигантский корабль перестал существовать.

Неосвещенная шлюпка плавно опустилась на Землю. С легким ударом она коснулась ее поверхности.

Капитан откинул люк, чтобы при внешнем свете отыскать в аптечке капсулы с ядом и порошок, который превратит тела спутников в безвредную воду.

И тут его глазам предстало зрелище, которого он никак не ожидал увидеть.

Шесть членов экспедиции — штурман Ут-пя, гуманист Ут-бе-бе, умудренная Не-лю, красавица Не-свелю, а также переводчики (телепаты) Люба и По-из стояли перед ним, прикрывая ладонями причинные места. Все они были абсолютно обнажены.

Перед ними стоял выбор: жизнь или честь. И они избрали жизнь.

Капитан был среди них единственным одетым.

Не в силах выдержать отвратительное зрелище, он закрыл глаза и протянул руку к аптечному шкафчику, чтобы убить себя и избежать стыда.

И тогда его остановил голос умудренной жизнью Не-лю:

— Капитан, лишь вы знаете условное слово, которое уничтожит спасательную шлюпку. Если этого не сделать немедленно,

на планете Дом получат сигнал, что мы спаслись со всеми вытекающими из этого последствиями. Если вы твердо решили покинуть нас и удалиться в лучший мир, не завершив ваших научных планов, то скажите нам пароль — вы же не такой садист, чтобы утащить всех нас за собой на тот свет?

— Это мой долг, — мрачно ответил капитан.

Тогда переводчик По-из, подчиняясь коллективной воле экипажа, схватил стул и ударил им по стеклянному шкафчику аптечки. И капсулы с ядом рассыпались по полу.

— У вас одна минута, капитан! — закричала Люба.

Остальные присоединились к ее призыву, уверяя капитана, что жизнь прекрасна даже в обнаженном виде.

И за шесть секунд до истечения критической минуты капитан начал снимать штаны...

Еще через три минуты все они отбежали на пятьдесят шагов от спасательной шлюпки, и обнаженный капитан произнес кодовое слово, после чего спасательная шлюпка испарилась.

Путь назад был отрезан.

С этой минуты обитатели планеты Дом — знаменитые ученые и переводчики должны были отыскать себе место в новом мире. Без единого орудия и без единого клочка одежды. При условии, что никто на этой планете никогда не догадается, что шестеро пришельцев — пришельцы.

Как это сделать — никто не знал.

Над ними светило слишком яркое чужое солнце. Вокруг жужжали местные насекомые, пели местные птицы, шуршали местные кусты и деревья, а внизу журчала река.

Им было страшно.

Некоторые уже жалели о том, что не приняли смерть.

Они смотрели на капитана с надеждой, но капитан ничего не мог им посоветовать.

* * *

Гибель космического корабля «ВВР» имела место в долине реки Пруи в стране Лигон, в тридцати милях к северу от той пещеры, где происходили последующие события. Там располагалось плоскогорье, заросшее редким кустарником.

Первые же минуты, проведенные на Земле, заставили космонавтов горько пожалеть о том, что они лишены привычной защиты корабля. Под ногами были острые камни и колючая трава, сверху светило жаркое солнце, ветер, скатывавшийся с голубых гор, налетал ледяными волнами. И главное — безнадежность.

Они стояли жалкой кучкой, стараясь не глядеть друг на друга, потому что в жизни им не приходилось сталкиваться с таким отвратительным зрелищем. Для всех впервые обнаружилось, что помимо приятных лиц и изящных пальцев каждый обладает еще животом, растительностью на теле, половыми органами и острыми коленями.

Люба опять была готова упасть в обморок, но По-из обратился к спутникам с просьбой не разглядывать друг друга, иначе он не отвечает за жизнь бедной переводчицы (телепатки).

Нелегко подчиниться такому запрету, но, к счастью для здоровья Любы, над головами пришельцев начал кружить орел. Не зная, чем это грозит, капитан предложил спутникам рассредоточиться и отступить к деревьям, вершины которых поднимались ниже по склону, ведущему к реке.

Быстро передвигаться они не могли, так как их ступни были очень нежными, и они с трудом сдерживали крики — каждая травинка причиняла им острую боль.

Со стороны эти люди выглядели странно, так как при каждом шаге они взмахивали руками, ноги их совершали нелепые движения, и при этом они старались скрыть от окружающих свою наготу.

Лишь через несколько минут, взмыленные от быстрых движений, пришельцы собрались в тени большого тикового дерева, которое росло на опушке леса. Они тяжело дышали и молчали. Приходили в себя.

— Т-а-ак, — сказал вдруг капитан Ут-дирек. — Вот именно этого нам не хватало.

Обвиняющим перстом он указал на Не-лю, мудрую немолодую исследовательницу, которая на пути к тиковому дереву смогла сорвать лист банана и держала его перед собой, прикрывая грудь, живот и ноги до колен.

— В любой момент, — продолжал капитан, — мы можем и должны встретить местных жителей. На этой планете их пять миллиардов и нет такого уголка, в котором бы они не встречались. Мы с вами совершенно не представляем, каким образом прикрывают свой стыд жители именно этих мест, и в случае если они не используют для этого таких больших листьев, мы окажемся под подозрением. А от подозрения до обвинения один шаг. И скоро нас попросту казнят, потому что справедливо заподозрят в нас шпионов и инопланетян. А ну, убрать лист!

Не-лю, густо покраснев, уронила на землю лист банана, но в последний момент ее пальцы выхватили из листа кусок размером с ладонь и удержали его перед грудью — честная и мудрая Не-лю в тот момент не представляла, какую часть обнаженного тела она должна прикрыть, но понимала, что совсем ничего не прикрыть нельзя.

Капитан в отчаянии махнул рукой.

Наступила долгая пауза.

— Как вы думаете, — спросил штурман Ут-пя, — пригодна ли для питья местная вода? Я полагаю, что это вопрос принципиальный, потому что, если она непригодна для приема внутрь, мы обречены на смерть куда более мучительную, чем та, от которой мы отказались. Ведь у нас теперь нет капсул мгновенного действия.

Они прислушались к журчанию воды, доносившемуся снизу, а затем, не сговариваясь, начали спускаться к реке.

Внезапно Люба вскрикнула.

Они обернулись к ней.

Люба держала ладонь прижатой к ключице. По ее лицу катились слезы.

— Что с тобой? — спросил капитан.

— *Я укушена, — мысленно ответила Люба.*

Она подняла руку, и на траву упало придавленное ею небольшое насекомое, а на месте, где это насекомое было убито, быстро распространялись краснота и припухлость.

— И даже нет аптечки, — печально произнесла прекрасная Не-свелю. — От следующего укуса мы умрем.

Но так как пока что никто не умер, они продолжали спуск и вскоре оказались на камнях, окаймлявших прозрачные струи реки. Чуть ниже по течению река расширялась, образуя неглубокую заводь.

— Хорошо, — сказал тогда молодой гуманист Ут-бе-бе (Утешающий в беде и беспорядках). — Как самый молодой, я пожертвую собой и попробую эту воду, тем более что меня так донимает жажда, что по мне лучше смерть, чем дальнейшие муки.

Он встал на колени, а все отвернулись и не стали смотреть на него, потому что вид обнаженного человеческого тела, стоявшего на коленях и опустившего голову в воду, был более чем неэстетичен.

После первого глотка Ут-бе-бе испуганно воскликнул:

— Ой, холодно! Зубы ломит!

Но затем он пересилил себя и стал пить большими глотками, получая удовольствие и не собираясь умирать.

Первыми последовали его примеру переводчики По-из и Люба, а затем и остальные.

Густые кроны деревьев нависали в том месте над рекой, бабочки и стрекозы медленно парили над прозрачными струями, от которых распространялась свежая прохлада.

И этот царивший вокруг покой и отсутствие непосредственных опасностей дали возможность космонавтам собраться с духом и трезво оценить свое положение и перспективы остаться в живых. Они расселись по берегу, каждый скрывался за кустиком, чтобы не тревожить сотоварищей своей наготой и самому не видеть голых тел.

— Что будем делать? — спросил капитан Ут-дирек.

Ответили ему далеко не сразу. Каждый в меру своей мудрости искал нужное решение, а телепаты прикрыли внутренние глаза, чтобы не вмешиваться в эти далеко не всегда им понятные мучения мозгов.

— Нам надо питаться, — сказал мудрый Ут-бе-бе. — Но мы не знаем, как это сделать без приборов.

Капитан не перебивал его, хотя понимал, что вопрос о пище — тактический. Надо было сначала решить главный вопрос — жить ли дальше либо, осмотревшись вокруг и убедившись, что шансов победить судьбу нет, все же покончить с собой.

— Нам следует отыскать местных жителей и внимательно наблюдать за ними, — сказала мудрая Не-лю. — Потом одеться, как они, научиться их разговору и влиться в их число так, чтобы они не заметили.

Это уже было конструктивное предложение, однако техническая сторона дела оставалась неясной. Во-первых, неясно было, захотят ли местные жители, чтобы их изучали...

— Я категорически против такого решения, — отозвался из-за колючего куста штурман Ут-пя. — Судя по известным картам Земли, в области, где мы приземлились, находятся обширные незаселенные пространства. Климат здесь пригоден для жизни. Мы должны затеряться в этих горах.

— Нам надо калорийно питаться, — напомнил горячий Ут-бе-бе, — иначе клетки головного мозга не будут получать должного питания и мы станем глупыми, как обезьяны.

— О нет! — вырвалось у умудренной Не-лю. — Только не это!

Не-лю, как и большинство жителей Дома, полагала, что самое страшное, что может приключиться с человеком, — это оглупление.

— Я не совсем представляю, как нам здесь выжить, — мрачно заявил капитан Ут-дирек, который вернулся к мысли склонить своих подчиненных к самоубийству, так как уже не видел смысла в продолжении жизни и накоплении позора. — Я полагаю, что лучше закончить все сразу.

— Ах, оставьте, капитан! — сказал штурман Ут-пя, который не мог простить капитану смерти своего помощника, приходившегося ему к тому же двоюродным племянником. — Вы имели все возможности уйти от нас дорогой чести, но предпочли испить с нами чашу позора.

— Я капитан, — ответил с достоинством Ут-дирек, — и как таковой должен разделять все испытания моего экипажа.

Ут-пя лишь отмахнулся, потому что знал, как на такое решение капитана посмотрят дома. Ведь каждая минута пребывания экипажа «ВВР» на Земле увеличивает опасность разоблачения. И никто их щадить не будет — речь идет о чести родной планеты. Этот старый циник понимал, что капитан испугался и не может признаться в такой слабости, потому что потеряет власть над командой.

Ут-пя поднялся и, скрываясь за кустами, отправился вниз по течению речки к тихой заводи, потому что его привлекло движение в водоеме. Не обращая внимания на укоризненные взгляды сотоварищей, он вошел в воду и стал приглядываться к существам, которые, поблескивая серебристым покровом, скользили под водой. Отдаленно они напоминали тех рыб, которых Ут-пя еще недавно ловил в речке, протекавшей у его родного города. Правда, там не встречались рыбки длиннее пальца, но и здесь, в горах, в небольшой речке, они были невелики.

Старый переводчик По-из, уловивший ход мыслей штурмана, присоединился к нему, не обращая внимания на наготу собеседника, и они заговорили о том, как бы лучше поймать рыбок.

Люба, нанервничавшаяся за день, задремала на камнях.

Капитан, обратившийся к умудренной Не-лю, подумал вслух, что недурно бы для начала отыскать какое-нибудь прикрытое от непогоды и любопытных глаз пристанище.

А так как штурман и переводчик пока не придумали, как ловить рыб в реке, то после некоторых споров все вместе, разбудив Любу, направились вниз по течению, надеясь отыскать приют до темноты.

Любопытно, что каждый из ученых, как они потом признавались, страдал по какому-нибудь пустяку и жалел, что не захватил его с собой. К примеру, капитан жалел, что не взял в нарушение правил маленький кипятильник, без которого неизвестно, как обеззараживать воду от местных, возможно, смертельных микробов.

А вот красавица Не-свелю мечтала о гребне — о своей полуавтоматической щетке, которая и мыла, и сушила, и завивала волосы. Зато умудренная Не-лю страшно боялась того, что, оставшись без книг, не захватив с собой хотя бы карманный словарь, она рискует поглупеть.

Постепенно голод все более мучил странников. Прошло уже несколько часов после катастрофы, и никто с тех пор не держал во рту и маковой росинки.

Однако пока не удалось придумать, как ловить рыбу, неизвестно было, можно ли поймать и убить какое-нибудь животное, съедобны ли грибы и ягоды, которые встречались на пути. Тем временем Ут-пя мысленно изобретал лук, пользуясь образами, почерпнутыми в историческом музее.

Уже начало темнеть и отчаяние охватывало путников, когда быстроногий Ут-бе-бе, заметив на обрыве темное пятно, поднялся туда и убедился, что это вход в небольшую нишу, углубление в обрыве, куда они смогли набиться, тесно прижавшись друг к другу.

С каждой минутой воздух становился все холодней. Голые люди впервые в жизни ощутили, что такое тепло обнаженного тела соплеменника.

Они долго не спали, прислушивались к звукам леса.

Страшно ухала какая-то ночная птица, бесшумно стаями пролетали перед пещеркой летучие лисицы, внизу неровно шумела вода...

— Если отыскать каменный наконечник, — сказал Ут-пя, — и приделать его к палке, получится копье.

Все зашикали на него, им показалось, что его голос разнесся на тысячи шагов вокруг.

Поэтому По-из, который чувствовал к Ут-пя симпатию, шепотом добавил:

— Можно сделать и дубинку. Хорошую крепкую дубинку. Должны же здесь быть звери.

— Но мы не можем есть их сырыми, — сказала Не-лю.

— Я сейчас готова съесть сырую лягушку, — ответила Не-свелю.

Вокруг раздались приглушенные возмущенные голоса, и только телепаты знали, что Не-свелю дразнит остальных, а на самом деле скорее умрет, чем съест сырую лягушку.

* * *

Ночь прошла почти без сна, в кошмарах, всхлипах, вскриках, стонах, храпе, тяжелом дыхании. Забываясь, пришельцы неслись по волнам космоса или даже благополучно возвращались к родным пенатам. Но укол комара, укус блохи, струя ледяного ветра с ледников возвращали их к тяжкой действительности, и, зажмурившись, они старались вновь от нее отрешиться.

С первыми лучами солнца, осветившими верхушки деревьев и горные вершины, клубок человеческих тел зашевелился энергичнее, встрепанные головы поднялись, чтобы лучше разглядеть окружающую природу.

Искусанные насекомыми жаловались на боль и опухоли, но целитель Ут-бе-бе ничем не мог помочь, потому что у него не было с собой компьютера и лекарств. Хуже всего пришлось переводчице Любе, так как она тонко чувствовала других людей, и у нее чесалось все тело от укусов, нанесенных ее товарищам...

Стараясь не видеть друг друга, пришельцы разошлись по кустам, чтобы совершить туалет, а затем спустились к реке напиться и утолить водой жестокий голод.

Ут-бе-бе, замешкавшийся в нише, вытряхивая из волос песок и пыль, нечаянно увидел проходившую мимо, словно пугливая лань, прекрасную мыслительницу Не-свелю (Немеркнущий свет любви) и вдруг с внутренним содроганием понял, что зрелище это не вызывает в нем должного отвращения, и, более того, он направился к реке следом за прекрасной коллегой, со все растущим удовольствием глядя на движения ее бедер и лопаток.

Почувствовав его взгляд, Не-свелю оглянулась, словно за ней крался хищник.

— Что? — воскликнула она. — Что-нибудь случилось?

Но в этот момент ее взор уперся в обнаженный фасад Ут-бе-бе, и ей пришлось зажмуриться, чтобы не упасть в обморок. Ут-бе-бе тоже смутился и нырнул в кусты, которые оказались колючими.

Так что, когда он выбрался из зарослей у самой воды, он был исцарапан, чем воспользовались жгучие мухи и оводы, которые до того мирно резвились над струями воды.

Спасаясь от них, Ут-бе-бе погрузился в холодную воду, и его сразу же вынесло в заводь, где нежились под солнечными лучи-

ками серебряные рыбы, которые приняли Ут-бе-бе за крупную, но вполне безопасную рыбу, так как никогда еще не встречались с опасной рыбой. Для них, форельной мелочи, опасность исходила с суши.

Неожиданно для самого себя Ут-бе-бе наткнулся растопыренными пальцами правой руки на небольшую форель, и та не успела уплыть, так как его пальцы сомкнулись, и, сам не веря своему успеху, Ут-бе-бе вскочил, подняв фонтан сверкающих брызг, и закричал, распугивая птиц:

— Я поймал рыбу!

В мгновение ока его спутники сбежались к заводи — никто из них уже не видел, что Ут-бе-бе голый. Все видели рыбу. Все желали ее.

— Давайте разожжем костер, — предложила Не-лю.

— Зачем? — быстро спросил Ут-бе-бе.

— А что вы предлагаете? — спросила Не-лю.

— Я предлагаю ее съесть, — сказал Ут-бе-бе.

— Сырую! — воскликнула Не-лю.

— Один? — закричал Ут-пя.

— А почему бы и нет? — спросил Ут-бе-бе. — Ведь я ее поймал.

— Ут-бе-бе, — вмешался в разговор капитан, — вы, очевидно, забыли, что, даже лишившись одежды, даже не имея средств к существованию, мы остаемся представителями передовой, развитой цивилизации.

— Которая нас укокошит, когда узнает, что мы не покончили с собой, — возразил Ут-бе-бе, поднося рыбу ко рту.

— Она может быть ядовитой! — воскликнул По-из.

— А может и не ядовитой, — ответил Ут-бе-бе и вгрызся зубами в жабры форели.

— Но, в конце концов, вы же интеллигентный человек! — закричал Ут-пя. — Вспомните о чувстве собственного достоинства.

Ут-бе-бе начал жевать рыбку, которая продолжала бить хвостом.

И тут нервы у его спутников не выдержали.

— Делить! — закричали они. — Да здравствует справедливость!

Ут-бе-бе, занятый поеданием форели, оказался недостаточно резв, и толпа пришельцев опрокинула его в воду. Отчаянным усилием форель рванулась из руки и ушла вниз по течению, увлекая за собой своих товарок.

А пришельцы, удрученные, одураченные, голодные и злые,

по очереди вылезали на берег и усаживались там, отмахиваясь от комаров и оводов.

— Добились справедливости, — сказал Ут-бе-бе. — Мыслители!

На что капитан ответил:

— Поделился бы по справедливости, и тебе бы достался кусок.

Затем капитан продолжал:

— Мы с вами, коллеги, попали в невероятно сложную ситуацию. В отличие от вас я всю ночь не спал и думал. Я пришел к выводу, что остаться живыми и умными мы сможем, только если будем неукоснительно соблюдать правила человеческого общежития, беречь высокие законы нравственности. Какими мы были дома, какими мы были на борту космического корабля, такими мы должны остаться здесь...

Капитан пожевал губами и окинул бывших подчиненных внимательным взглядом. Все молчали, все внимательно слушали, хотя Ут-бе-бе криво усмехался, стараясь хоть этим дать понять, что он выше капитанской морали.

— Мы только что наблюдали превращение человека в грязное животное. Да, именно так! И не пытайся возразить, уважаемый Ут-бе-бе. Ты еще не видел жизни и не знаешь, что человек силен только в коллективе. Тем более если он попал во враждебную среду. Сегодня ты сожрал в углу пойманную рыбку, завтра ты украл у меня кусок хлеба...

При слове «хлеб» телепаты сглотнули слюну, потому что воображение капитана воспроизвело кусок хлеба.

— Послезавтра... — Голос капитана окреп и вознесся к вершинам гор. — Послезавтра мы соберемся и зарежем самого вкусного и молодого члена нашего общества.

Капитан показал на Любу. Ут-бе-бе заплакал, но неизвестно, от искреннего раскаяния или от притворства.

— У меня есть предложение, — продолжал капитан совсем другим, обыкновенным, мирным голосом. — В лесу есть ягоды, плоды, орехи и грибы. Мы не знаем, какие из них ядовитые, а какие нет. Мы не можем выделить из нашей среды пробовальщика, но, как гуманисты, мы все должны поочередно выполнять эту роль. Один день пробовать будет Ут-пя, второй Не-лю... и так далее.

Будучи цивилизованными людьми и учеными, присутствующие согласились, что при таком решении шансы погибнуть от отравления становятся равными. И это справедливо. А справедливость, высказанная и принятая всеми и определившая всем одинаковые условия риска, поставила Ут-бе-бе перед обязательным выбором — подчиниться большинству или в одиночестве двинуться по пути, ведущему к дикости. За Ут-бе-бе был соблазн зверя, в решении капитана — стремление выдержать напор этой дикости. Не умерев со всеми, капитан вознамерился жить со всеми. И помогать слабым.

После этого пришельцы разбрелись по окрестностям, собирая ягоды и плоды, а также орехи и грибы. Все это было снесено на берег и разложено на плоском камне.

Затем капитан оглядел всех присутствующих и спросил:

— Будут ли возражения против того, чтобы первым пробовальщиком стал уважаемый Ут-бе-бе, который сегодня уже проявил склонность и способности к знакомству с местными продуктами?

Ни у кого, кроме Ут-бе-бе, возражений не оказалось, да и Ут-бе-бе, деморализованный недавним поражением, не смог сопротивляться.

К сожалению для пришельцев, март — это конец зимнего сезона. Большинство кустов и деревьев уже дало плоды, и после трехмесячного сна они лишь распускают свои разнообразные душистые цветы. Правда, людям удалось отыскать на земле некоторое количество лесных орехов, часть из них еще не успела сгнить и была съедобна. Женщины забрели в банановые заросли у реки, из тех, что цветут и плодоносят круглый год. Бананы были еще зелеными, но есть их было можно. Грибы — высокие поганки — Ут-бе-бе отказался пробовать наотрез, объяснив свой бунт тем, что покончить жизнь самоубийством он мог раньше и безболезненнее.

Тем временем Ут-пя с По-изом старались вспомнить, как разжигают огонь. Конечно, им это бы удалось, если бы нашлась хоть какая-нибудь линза. В школе они учили, что огонь добывается и трением. Но что обо что тереть, они так и не вспомнили.

Пока Ут-пя и По-из добывали огонь, капитан и Не-лю фиксировали достижения Ут-бе-бе, который смиренно давился добычей, остальные пришельцы занимались рыбной ловлей — бродили по мелководью и время от времени плюхались животами в воду. Но рыба больше не попадалась — она быстро поумнела.

Примерно через час, отчаявшись добиться успеха, они окружили изнемогшего от усилий Ут-бе-бе и наблюдали, нет ли в его лице признаков приближающейся смерти. Ут-бе-бе это надоело, и он закричал на своих коллег:

— Ну что вы сбежались, как хищные крысы к моему свежему трупу! Если я даже помру, вам никогда не догадаться, что же меня погубило.

— Догадаться, догадаться! — возразил капитан. — Мы все записываем.

Под этим он имел в виду изобретенную им систему камешков, которые он укладывал возле себя на песочек.

В результате Ут-бе-бе признался, что придется пока питаться орехами и зелеными бананами. Так и было решено, хотя этих продуктов в долине было недостаточно.

Во второй половине дня они отправились вниз по течению реки, надеясь, что там должно быть теплее по ночам, а также богаче растительность. Все были голодны, устали от тщетности усилий накормить себя и растерянности перед завтрашним днем.

Исключение составлял Ут-бе-бе, который, хоть и мучился расстройством желудка, не был так голоден, как остальные. К тому же он был зол на капитана и не намеревался более подчиняться правилам цивилизованного общества, правда, в будущем решил быть осторожнее и не попадаться на глаза общественности.

Они шли, стараясь не удаляться от реки, однако ущелье порой сужалось, и волей-неволей им приходилось подниматься выше, пользуясь звериными тропками. Однажды удалось даже увидеть одно из животных. Это случилось при драматических обстоятельствах.

...В тот момент, на закате солнца, они взошли на высокий обрыв, и оттуда была хорошо видна теснина, где шумела ставшая уже более полноводной река.

Они переводили дух, отмахиваясь ветками от комаров, когда зоркая Люба воскликнула:

— Смотрите вниз!

И они увидели, как из чащи к воде осторожно, оглядываясь, вышло изящное четвероногое животное с рогами на голове и копытцами на ногах. Оно стало пить воду, поминутно поднимая голову и оглядываясь.

— Сколько мяса! — сказал тогда Ут-пя.

— Надо кинуть камень! — спохватился капитан. — Надо попасть ему в голову.

Тут же все как по команде кинулись в разные стороны и стали ползать над обрывом в поисках достойного камня. Но отыскать его не успели, потому что людей обогнал крупный хищник, тело которого было поперек поделено на желтые и черные полосы, а раскрытая в момент прыжка пасть была алой. Хищник в прыжке ударил свою жертву, и потому она почти не сопротивлялась. Острые громадные зубы хищника сомкнулись на тонкой шее жертвы, та засучила в муке ногами, взрывая острыми копытами траву и камешки, и замерла, залитая кровью.

Хищник тут же начал пожирать жертву, а пришельцы стояли на краю обрыва и в ужасе смотрели на эту сцену.

Неподвижность коллег нарушил непокорный Ут-бе-бе, который все же нашел камень и поднял над головой, намереваясь метнуть его вниз.

Не-лю заметила это движение и кинулась к Ут-бе-бе, отчаянно шепча:

— Что вы делаете! Не смейте! Он же нас съест.

— Нет, — отвечал Ут-бе-бе, отбиваясь от умудренной женщины. — Он струсит, он всего лишь зверь. А если мы его не отпугнем, он утащит труп своей жертвы.

И с этими словами Ут-бе-бе метнул камень, который упал возле головы хищника, заставив того отпрянуть. Хищник запрокинул кверху страшную морду и зарычал, отпугивая людей. Люба была близка к обмороку, а По-из уже тащил еще камень. Ут-бе-бе метнул его точнее и угодил хищнику в бок. Это возымело действие. Рыча от боли, зверь отпрыгнул от добычи и попытался взобраться на утес, чтобы напасть на людей.

Почувствовав силу, пришельцы стали собирать камни, палки и сучья, и вниз посыпался град предметов, что испугало хищника настолько, что он убежал, поджав хвост.

Ут-бе-бе начал быстро спускаться к трупу погибшего животного, потому что не без оснований полагал, что здесь водятся трупоеды, которые могут обогнать людей. Он вооружился дубиной, вернее, отломанным от сухого дерева суком, и теперь ему не был страшен хищник, потому что вряд ли тот осмелится вернуться к добыче, на которую претендуют столь агрессивные ученые.

Через считаные минуты они стояли, окружив труп несчастного рогатого существа.

— А что теперь делать? — спросила Люба и не нашла телепатического ответа на высказанную мысль. Никто не знал, как подступиться к добыче.

— Для начала, — произнес наконец Ут-бе-бе, и от его слов и мыслей Люба упала в обморок раньше, чем он успел перевести мысли в слова, — мы можем отсосать его кровь — она должна быть питательна.

Но сам он не сделал никакого движения, чтобы привести свой план в жизнь.

— Лучше убейте меня, — сказала Не-лю.

— Вот бы и убивалась вовремя, — мрачно заметил Ут-пя.

— Давай, — сказал капитан, — пей кровь, как комар.

— И выпью, — сказал Ут-бе-бе. В нем было упрямство, которое в свое время помогало ему не раз побеждать на физических олимпиадах и конкурсах, потому что, когда остальные участники падали в изнеможении, он продолжал рисовать и писать и уже за одно это получал премии.

Ут-бе-бе встал на колени перед убитым животным. Шея животного была разодрана зубами хищника, и кровь еще сочилась из нее. Над рваной раной стайкой вились уже пронюхавшие о добыче зеленые мухи.

— Ну! — крикнула Не-лю.

В голосе ее звучало злорадство. Ут-бе-бе ничего не оставалось, как выполнить свое намерение. Он дотронулся губами до кровавой раны. Кровь отвратительно пахла, и Ут-бе-бе понял, что сейчас упадет бездыханным рядом с трупом жертвы.

Нет, мысленно произнес он и, сделав вид, что отпил крови, выпрямился. Кровью было измазано все его лицо, и кровь сползала густеющими полосами по груди.

— Ой, нет! Только не это! — закричала прекрасная Не-свелю и кинулась в реку.

Вода понесла ее и ударила о камень. Ут-бе-бе бросился в воду следом за красавицей и, будучи неплохим пловцом, быстро настиг ее, заодно отмывшись от крови. Когда он помогал ей выбраться из реки, которая, впрочем, была чуть шире ручья, то на нем и следа не осталось от недавнего ужаса.

— Нет, сначала надо добыть огонь, — сказал капитан. — Кстати, у нас нет ножа?

Все с облегчением согласились с капитаном, и для того чтобы сохранить труп животного от гниения, насекомых и хищников, они сволокли его в глубокий бочаг посреди реки и оставили в воде.

— Ничего, — сказал Ут-пя, — сейчас найдем укрытие, разведем огонь, выточим ножи — и заживем!

— Только бы дожить до этого, — вздохнула мудрая Не-лю. Она уже ослабела, и каждый шаг давался ей с трудом. К тому же из-за комаров она потеряла много крови.

Так и не отведав мяса, они вновь направились вниз по реке и, наверно, в тот день не смогли бы отыскать себе убежище, по-

тому что страшно устали и изголодались, если бы вдруг не услышали впереди угрожающий шум и треск.

Они замерли, полагая, что возвращается полосатый хищник, чтобы востребовать добычу. Но действительность оказалась куда страшнее.

Вдоль берега реки медленно поднимались несколько гигантских животных, подобных которым на планете Дом не водилось. Впоследствии выяснилось, что жители Земли называют этих животных слонами, или элефантами, и слоны не едят людей. Но обо всем этом пришельцы не подозревали, и потому, увидев серых гигантов с двумя хвостами — спереди и сзади толстого туловища, они кинулись во все стороны, стараясь забраться как можно выше по склону...

Слоны остановились, удивленные таким поведением людей, и, будучи научены уже тому, что люди — это злобные враги других животных, они повернули обратно.

Пришельцы влезли на склон и оказались на широкой плоской площадке под каменным навесом. Далее зияла темнота — обширное подземное помещение, пещера.

Жизнь, столь жестокая к ним в последние часы и дни, вдруг смилостивилась. Впрочем, у каждой палки бывает два конца, и, ухватившись за приглянувшийся конец, пришельцы совершенно не подозревали, во что выльется для них жизнь в большой пещере в долине реки Пруи.

* * *

— Ну вот, постепенно все и образуется, — сказал штурман Ут-пя, усаживаясь на камень возле входа в пещеру и глядя на зеленое вечернее небо с яркими звездами, одна из которых была родной Вассапой, вокруг которой вращалась планета Дом. Штурмана Ут-пя охватила тихая безнадежная грусть — так, видно, и придется до конца дней своих лицезреть Дом лишь трудно угадываемой искоркой на чужом небе. Штурману безумно хотелось вернуться к работе, ведь он был математиком, и небо в звездах, напомнив ему о доме, превратилось в мыслях в громадный дисплей...

— Мне надо выйти, — сказала негромко Не-свелю, останавливаясь рядом со старым штурманом, — но я боюсь — там кто-то есть.

— Да, в чаще могут таиться дикие звери, — согласился штурман.

— Может быть, вы пойдете со мной и побудете неподалеку,

пока я буду... — Не-свелю не смогла заставить себя произнести вслух название того, что она будет делать, потому что в цивилизованном обществе это было бы верхом неприличия, а Не-свелю даже здесь не забывала о том, что она представительница высокой цивилизации.

— Ничего не выйдет, — ответил штурман. — Если мы пойдем вместе, то дикие животные сожрут нас обоих. Меня такой вариант не радует.

— Но что же делать? — воскликнула красавица.

— Найти себе более отважного провожатого или ходить в кусты всем коллективом.

В тропиках темнеет очень быстро. За время короткого разговора небо стало темно-синим. Кусты возле пещеры казались черным зевом ночи, и оттуда доносились шорохи, треск, шуршание и даже вздохи таившихся там существ, враждебных обнаженным ученым.

Не-свелю не нашла себе отважного провожатого и, пользуясь темнотой, совершила свой туалет у стены пещеры, подальше от размышлявшего о компьютере Ут-пя.

Благоразумный По-из еще в сумерках нарвал на склоне травы и соорудил себе во внутреннем зале пещеры относительно мягкую постель. Люба последовала его примеру, остальные же были заняты иными проблемами — спорами о будущем, жалобами, рассуждениями и стенаниями — попыткой изобретения огня, планами изготовления рыболовной снасти... Так что темнота застала многих неподготовленными, и, когда пришло время отойти ко сну, По-из почувствовал, как в темноте пещеры вокруг него собираются коллеги, все более ощущающие прохладу подземного убежища и охваченные страхом провести ночь в одиночестве. И потому добрый По-из сказал:

— Давайте опять спать в обнимку — у меня здесь много травы, а если Люба соединит свою постель с моей, то всем хватит.

Пришельцы потянулись к переводчику По-изу и вскоре уже лежали клубком, как и в первую ночь.

Правда, ничто не повторяется в точности. Вчера их заставляли сжиматься в клубок тесные стенки ниши, в которой они затаились, сегодня же они лежали на плоском полу, кое-как прикрытом травой. Вчера царил такой холод, что зуб на зуб не попадал, сегодня же было прохладно, но терпимо. Вчера никто не смел шелохнуться и покинуть клубок тел, сегодня же время от времени кто-нибудь поднимался и уходил к выходу из пещеры, потому что у всех наевшихся зеленых бананов и орехов с непривычки испортился желудок.

К тому же голод мучил людей так сильно, что Ут-бе-бе, например, жевал травинки, которые составляли их ложе, и не мог заснуть, капитану же так явственно снился ужин в родительском доме, что переводчица Люба проснулась и чуть не захлебнулась слюной от этих очевидных мыслей.

Более зрелую и умудренную Не-лю мучили мысли о бесславном завершении жизни. В свое время, отправляясь в рискованную экспедицию, Не-лю с готовностью согласилась на жестокое условие — самоубийство в случае провала или опасности разоблачения миссии. Она приняла это условие, как человек принимает мысль о собственной неизбежной смерти. Да, это случится в каком-то будущем.

Когда же оказалось, что перст судьбы направлен ей в сердце, все в Не-лю взбунтовалось против необходимости оборвать цветение собственной жизни в момент, когда она лишь достигла своей вершины. Смерть из невнятной и далекой угрозы превратилась в конкретный образ — шаг к пропасти, и тебя нет... И в тот момент инстинкт самосохранения оказался сильнее высших соображений преданности планете и государству. Подвиг совершается в момент самозабвенного движения, но не в момент рассуждения, что выбрать — послушание или жизнь.

Так рассуждала Не-лю, лежа на жесткой траве, чувствуя затекшим боком прикосновение холодного камня и понимая, к собственному удивлению, что она счастлива — счастлива выбором, который заставляет ее теперь испытывать холод и голод, укусы комаров и боль в сбитых ступнях — это же и есть продолжение жизни! Это победа ее выбора над слепой волей холодных сердцем чиновников.

И еще ничего в жизни не закончилось — главное, что с этого момента она свободна и никому свою свободу не уступит. Пускай ей осталось прожить год, месяц, неделю — но прожить на свободе!

Улыбаясь в полусне сквозь слезы, женщина теснее прижалась к спине капитана Ут-дирека и, преисполненная нежности, прикоснулась горячими губами к его шее. Капитан удовлетворенно хмыкнул во сне — ему снилось что-то приятное.

* * *

Утро, туманное, прохладное, сырое, низвергло путешественников на еще более низкую ступень отчаяния. Белая вата ползла по площадке перед пещерой, от сырости было зябко, а к реке

спуститься трудно, потому что туман в глубине ущелья был гуще.

Люба проснулась раньше других и лежала, досматривая вместе со своими спутниками их утренние сны. Она намеревалась, как только станет совсем светло и поднимется солнце, отправиться на поиски фруктов. Но густой туман заставил ее замереть на краю площадки.

Вскоре к ней присоединился По-из, которому тоже не спалось. Они молча стояли и смотрели на текущее перед ними молоко, им не надо было обмениваться словами, чтобы понимать друг друга.

Как известно, на Доме переводчики (телепаты) чаще всего вступают в браки между собой. И, несмотря на некоторое неудобство постоянного знания того, что творится в голове твоего партнера и прозрачности для него твоей собственной головы, такие браки обычно прочнее, чем браки между переводчиками и обычными людьми. И неудивительно, что По-из, еще перед отлетом познакомившись с новой молодой и способной переводчицей и притом привлекательной девушкой, сразу подумал, что она может подойти ему в качестве подруги жизни.

— Еще один такой день, — сказала Люба, — я не могу переносить мучения других людей. Они же умрут с голода, а я вынуждена буду умереть с ними вместе.

— Неужели тебя не учили, как закрывать свои органы чувств от воздействия чужих волн?

— Мы проходили это в школе, — ответила Люба. — Но я такая трепетная, что все равно чувствую...

— Не беспокойся, — сказал По-из, кладя руку на обнаженное плечо своей младшей коллеги, и та отпрянула в удивлении.

— Что вы имеете в виду?!

— Ты побледнела, — сказал По-из. — Ты еще так молода и наивна. У тебя никогда не было мужчины...

— Мне еще не назначили мужа, — согласилась Люба.

— Теперь ты выберешь его сама.

— Кого захочу?

— Кого захочешь — из нас.

— Нет! — вырвалось у девушки. — Я надеюсь, что здесь есть другие мужчины.

— К сожалению, ты не сможешь найти счастья с чужим. Я тебе это гарантирую.

По-из не считал нужным скрывать свои вполне земные желания от девушки. Но облекал их, опытный соблазнитель, в туман, подобный тому, что струился у их ног. И Люба понимала опасность, но в опасности была запретная сладость... Она даже забыла о голоде.

Люба нечаянно взглянула на ступни По-иза, а оттуда взгляд ее скользнул выше, по его ногам... Нет, это немыслимо!

Но Люба не успела ничего сказать и даже не успела упасть в обморок, потому что сначала По-из, а через две секунды и она сама почувствовала и услышала, как к пещере идет некто совсем чужой. Но разумный.

Они начали отступать под навес пещеры... И тут-то Люба лишилась чувств.

По-из растерянно склонился над ней, стараясь поднять ее и унести, но не успел, потому что как раз в этот момент из тумана вышел старший унтер-офицер Сато.

Старший унтер-офицер Сато

Семья, к которой я принадлежу, занималась крестьянским трудом. Однако низкое происхождение никогда не мешало мне иметь высокие идеалы. В школе я принадлежал к обществу Вишневого бутона и воспитывался в духе преклонения перед волей императора. Я поднимал дух бусидо и зачитывался приключениями ронинов. Я намеревался после школы поступить в военное училище, потому что шла великая война и войска империи проливали кровь для создания Великой Азиатской сферы сопроцветания. Однако плохое зрение и залеченный в детстве туберкулез не позволили мне стать летчиком и, поднявшись с палубы авианосца, взять курс на американские линкоры в Пёрл-Харборе. Я смирился с жизненным поражением и продолжал тренировать свое тело и дух. Я был убежден, занимаясь военной подготовкой на пыльном поле за школой в нашей деревне, что моя жизнь будет нужна императору.

Меня мобилизовали в армию в марте 1943 года в возрасте 18 лет. До этого я, помимо обучения и активного участия в деятельности общества Вишневого бутона, регулярно дежурил в отряде противовоздушной обороны. У меня была невеста, однако имени ее я не помню.

В качестве солдата я был направлен сначала в Сайгон. Командиром моей роты был первый лейтенант Камико, а командиром взвода лейтенант Имада. В течение первого года моей службы я участвовал в трех операциях по борьбе с партизанами. Я был в

роте на хорошем счету, потому что, несмотря на относительно слабое здоровье, я всегда выполнял приказы командования, не щадя себя, и проявлял верность императору и любовь к командирам.

В начале 1944 года наш полк был направлен в Бирму, где мы участвовали в араканской операции и отразили английское наступление. Я был ранен, но остался в строю. Мною были убиты три английских солдата. Летом 1944 года я был произведен в младшие унтер-офицеры. В то время ходили слухи, что нас направят на острова в Тихом океане, где шли тяжелые бои и где решалась судьба Великой сферы сопроцветания. Однако нас перебросили в Лигон. В Лигоне было тихо. В то время он еще был тылом. Я был направлен на железную дорогу, которую строили английские и голландские пленные. Там был очень тяжелый климат, и многие болели дизентерией. Мне пришлось участвовать в одной акции против деревни, в которой находили себе кров и защиту некоторые враги нашей империи. Я делал это с удовлетворением, потому что около той деревни в засаде погиб мой друг, имени которого я не помню. Мы сурово отомстили за него. Мы стояли у двух выходов из деревни, и, когда другие поджигали дома, мы стреляли в тех, кто пытался убежать. Если бы меня спросили, чувствую ли я раскаяние, я бы ответил, что высшая справедливость требует идти на ограничения излишней совестливости. Совестливые опасны в бою. Я убежден, что беда японской императорской армии заключалась в излишней мягкости в борьбе с противником. Будь наши противники больше напуганы, они бы скорее сдались и в конечном счете пролилось бы меньше крови, как японской, так и крови наших противников.

Вы полагаете, что за все эти годы я стал диким зверем, лишенным умения думать, подобно детям, взращенным волками? Я убежден в том, что я не озверел. Но у меня была возможность долго и много думать. Я понял, что в этом мире лишь разумная жестокость может принести мир и спокойствие. Любое послабление ведет к появлению различных мнений, а наличие различных мнений приводит к беспорядку и, следовательно, к междоусобной грызне и гибели как людей, так и самой идеи. Я убежден, что, если бы мою точку зрения разделили тысячи и тысячи солдат и офицеров императорской армии, то наша закалка, умение переносить трудности, немыслимые для обычных людей, позволили бы нам создать новую армию, перед которой, как жалкий тростник, склонились бы наши враги. На этом я заканчиваю свои рассуждения и перехожу к описанию событий моей жизни.

В августе 1945 года после тяжелых боев в долинах Лигона наш полк был отведен на отдых и переформирование в горные восточные области страны. Мы получили две недели отдыха, в которых очень нуждались. Наша часть стояла на окраине городка Танги, и мы могли выходить в город. Английские войска имели преимущество в технике и боевой силе, в то время как американский флот перехватил инициативу на коммуникациях в океане. Однако мы с уверенностью смотрели в будущее, потому что понимали, что боевой дух нашей армии и секретное оружие, над которым трудились японские ученые, помогут нам преодолеть временные трудности. Должен сказать, что в нашей части не все, к сожалению, разделяли мою точку зрения, однако наши командиры отличались мужеством и не переставали вливать в нас уверенность в окончательной победе. В те дни у меня произошел конфликт с младшим лейтенантом Макино. В частной беседе лейтенант Макино разговаривал со мной и еще двумя унтер-офицерами нашей роты о том, что война проиграна и наша империя должна будет долгие годы расплачиваться за преступления самураев и генералов. Я единственный из присутствующих резко возражал младшему лейтенанту, несмотря на то что он был мой старый боевой товарищ. Я понимал, что его речи вызваны усталостью и упадком боевого духа. Будь я гражданским лицом, я бы забыл об этом разговоре, но я понимал, что в часы тяжелых испытаний речи младшего лейтенанта Макино могут оказать деморализующее влияние на боевой состав роты. Поэтому я решил в свободный день посетить штаб военной полиции — кемпетаи — и посоветоваться там с кем-либо из офицеров.

В ближайший же выходной я выполнил свое намерение. Уйдя в увольнение, я сказал моим товарищам, что намерен посетить гарнизонный публичный дом, но на самом деле такого намерения у меня не было.

В кемпетаи меня провели к полковнику — командующему окружной полицией, и я сообщил ему о нашем разговоре в роте.

Лейтенанта Макино в тот же день взяли в кемпетаи. Вскоре он был допрошен и расстрелян как предатель. Я полагаю, в батальоне никто не узнал о моем визите в кемпетаи, хотя кое-кто догадывался. Когда через две недели мы вернулись на фронт, в первом же бою кто-то стрелял мне в спину, но промахнулся.

Тяжелые бои, начавшиеся после того, как мы вернулись на фронт, проходили вдоль горного хребта, который мы оседлали,

выкопав вдоль гребня индивидуальные окопы. Погода была плохая, шли дожди, в окопы налилась вода, с деревьев все время срывались тяжелые капли. Я знал, что это мой последний бой, потому что за нашими спинами было большое длинное озеро, которое мы не могли бы переплыть, а английские войска превосходили нас числом и у них было много самолетов, тогда как наших самолетов уже не было. Англичане начали наступление на рассвете после артиллерийской подготовки. Нам удалось отразить атаку англичан, так как у нас оставался пулемет. Однако потери у нас во взводе были велики. Тем не менее я должен сказать, что в ходе всего боя я ощущал воодушевление и подъем духа, несмотря на голод и усталость.

Ночью к нам на гребень вышел четвертый взвод под командой унтер-офицера Аоки. Аоки был похож на школьника. Он извинился, что пришел так поздно. Теперь в общей сложности на гребне стало тридцать шесть человек. Примерно в девять часов утра я услышал отдаленные команды на английском языке. Пули ударялись в землю вдоль линии окопов. Я выкрикивал по очереди имена моих солдат, и каждый, кто был жив, отвечал мне криком: «Хай!». Потом я закричал, что, если англичане подойдут ближе, можно кидать гранаты. Наконец я увидел в просветах между кустами отдельных вражеских солдат. Я закричал: «Третий взвод! Прикрепить штыки! Приготовить гранаты!» Издалека сквозь шум боя до меня донесся тонкий голос Аоки: «В атаку!» Я увидел, как юный командир взвода вскочил на ноги. Я испугался, что мои солдаты поддадутся его порыву, и закричал сам: «Третий взвод, оставаться на местах!»

Юный Аоки упал, а те его солдаты, что остались живы, вернулись и спрятались в такоцубо. Я слушал, как плещет вода от падения их тел. Англичане были совсем близко, и до меня доносились их голоса. Мы стреляли и кидали в них гранаты. Но они все равно приближались. К счастью, в этот момент в дело вступили три горные пушки, которые были подняты на руках на гребень. Англичане растерялись и покатились назад. Командир роты лейтенант Яхиро выбежал вперед и приказал идти в штыки. Мы побежали за ним. Кругом были только мертвые англичане. Я вернулся на вершину гребня, где нашел командира роты лейтенанта Яхиру и доложил ему о действиях взвода, от которого осталось четыре человека. Лейтенант сказал: «Спасибо вам, старший унтер-офицер Сато, за то, что вы испытали такие трудности». Я как сейчас помню его голос. Там же был и батальонный командир, который имел с собой список заслуг, на первой

странице которого он записал мое имя. Это было большой честью для пехотинца и называлось «цветком мечты».

Ночью вновь начался обстрел наших позиций из минометов.

Неподалеку от меня разорвалась мина, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, была уже глубокая ночь. Я услышал невдалеке голоса англичан. Было тихо, и голоса звучали мирно. Сквозь заросли я увидел огонь костра. У меня очень болела голова, онемела и не гнулась рука. Нога тоже была ушиблена. Я пополз к огню, надеясь, хоть и не было к тому оснований, что у огня я увижу своих товарищей. Я ошибся. У огня сидели англичане. Они разговаривали так, словно были на прогулке и никого не боялись. Мне захотелось расстрелять их из автомата, и только тогда я понял, что безоружен. Может быть, автомат я потерял, когда меня отбросило взрывом, а может быть, его сняли с меня, решив, что я мертвый. Я почувствовал сильный голод, так как вторые сутки ничего не ел, а от костра вкусно пахло.

Англичане долго ели, а потом стали петь песню, и я подумал, что, наверное, наши отступили далеко, иначе бы англичане не смели петь. И только тогда я вспомнил, что за гребнем идет крутой обрыв к озеру и отступать нам некуда. Может быть, решил я, подоспели плоты и эвакуировали нашу часть?

Наконец англичане кончили ужинать и разошлись по палаткам, которые они поставили на площадке на склоне. Один из них, который был дневальным, взял кастрюлю и вылил из нее суп в кусты. Я готов был его убить. Потом он ушел спать, а я пополз к догорающему костру. Я помнил то место, куда англичанин вылил остатки супа. Я испытывал ненависть к англичанам, которые выбрасывают пищу в то время, как солдаты императорской армии вынуждены голодать. Я готов был всех задушить, но испытывал боль и дурман в голове. Я думал, что как-нибудь подкреплюсь, а потом украду у них оружие и всех их расстреляю. Но, когда я залез в кусты и шарил руками по черной траве, чтобы найти объедки, близко раздался голос англичанина. Я совсем забыл о часовом, которого они все же оставили, и он услышал, как я роюсь в кустах. Я замер, а англичанин выпустил очередь из автомата по кустам. Остальные начали вылезать из палаток и спрашивать, что случилось.

Когда все утихло, мне удалось уползти подальше от английского лагеря. Затем я перебрался через хребет. С некоторой печалью я поглядел на такоцубо, в котором провел два дня. Окопчик был до половины полон водой. Мне пришли в голову такие строки:

Желтый лист плавает в черной воде.
В этом пруду утоплены мои надежды.

Но мне некому было сказать эти строки. И не на чем их записать. Я спустился дальше, к озеру, которое было разрезано серебряным следом луны. Я шел осторожно, потому что здесь могли встретиться английские солдаты. В темноте я споткнулся о распростертое тело. Я наклонился и узнал своего солдата Оцуки, которого еще вчера видел живым. Недалеко от воды в естественной нише располагался штаб батальона. Сюда светила луна. Я увидел три или четыре тела. В глубине лежал труп майора — командира батальона.

Я пошел на север вдоль берега озера, скрываясь в чаще и надеясь, что выйду к шоссе на город Танги, который еще, наверно, удерживается нашими частями. Днем мне пришлось залечь в кустах, потому что я случайно попал прямо в центр английского лагеря. Несколько раз я был на волосок от разоблачения. Дождя не было, меня мучила жажда, но голод несколько утих. Следующей ночью я вышел к шоссе, по которому шли на восток английские машины. И тогда я понял, что мой долг — вести войну так, словно я остался в рядах императорской армии. Через день я отыскал пистолет и к нему обойму. Из этого пистолета я застрелил одного лигонца в деревне, когда он сдирал с флагштока японский флаг, и потом мне пришлось три дня, как зверю, укрываться в лесу, а они охотились на меня, как загонщики. Я научился находить съедобные корни, похищать с полей ямс и из садов бананы и манго. Я убил за эти месяцы двух отставших англичан и потому был хорошо вооружен. Но с началом сухого периода мне пришлось уходить дальше на север, в глухие места, потому что с деревьев спала листва и меня легко было найти. А обо мне в тех местах уже знали и боялись меня, ненавидели и хотели поймать. Я стал как маленькая армия, грозная и неуловимая. Несколько раз я пытался сворачивать к востоку. Но, как я ни прислушивался, артиллерийская канонада затихла, и я понял, что меня отделяют от моих товарищей десятки, а может, и сотни миль. Я не знал судьбы моей страны, но я был убежден, что до тех пор, пока я стою на своем посту, Великая сфера сопроцветания существует и слава японского оружия распространяется на Лигон.

Человек привыкает ко всему — к плохому и хорошему. Он привыкает к новой жизни, и она идет не медленнее, чем обычная. Иногда я думал, был бы я счастливее, если бы вернулся в Японию? Я не знаю. Я был воспитан для того, чтобы выполнить

свой долг. И по крайней мере здесь, в глухих местах, я его выполнял. Я не был пешкой, ничтожеством, я, как один из сорока семи ронинов, мстил за своего микадо, потому что думал, что, если нас победят, микадо будет унижен и уйдет из этого мира.

Я вел счет месяцам, потом годам по сезонам дождей и по сухим месяцам. Мне не нужно было огнестрельное оружие — зачем привлекать чье-то внимание выстрелами, — хоть оно у меня и было. Мне верно служил штык, похожий на широкий нож...

Иногда долиной реки по тропе проходили контрабандисты. Если их было много, я их не трогал. Если же я видел одинокого путника, я его мог и убить. Это случилось трижды за эти годы. Я несколько раз сильно болел и немного потерял ловкость движений, но в общем в горах был здоровый климат, и я ел сырую пищу и потому сохранил силы. Я был уверен, что обязательно наступит день, когда я услышу отдаленную канонаду с востока, над моей головой пролетит истребитель с красным кругом на крыльях и я встречу моих товарищей.

Вопрос: Неужели за все эти годы вы не имели сведений о том, что происходит в мире?

Ответ: Я не хотел об этом знать. Мир — внутри меня, мир создан мной. Другие люди ошибаются.

Вопрос: Вы не знали, что Япония признала свое поражение и свою неправоту в мировой войне?

Ответ: Я повторяю, что поражение в войне Япония потерпела в каком-то другом мире. В моем же она подвергла меня испытанию одиночеством. Когда я выдержу это, она призовет меня к себе.

Вопрос: А если этого не случится?

Ответ: Это не так важно. Значит, это случится в будущем рождении. Я приду в мир Спасителем, Боддисатвой. Для меня нет законов, кроме тех, которые я сам устанавливаю.

Вопрос: Если вы считаете себя Спасителем, Боддисатвой, значит, стремитесь к миру, к добрым стараниям?

Ответ: Вы решили, что я буддист? Нет, я не принадлежу ни к какой религии. Я — Чакравартин, повелитель Вселенной. Я приведу мир к законам, установленным мною.

Вопрос: Что это за законы?

Ответ: Вы все время стараетесь подтолкнуть меня к ответам, которые вам нужны. Не я подчиняюсь законам кармы, а карма подчиняется мне.

Вопрос: Значит ли это, что более двух десятилетий, когда вы таились от людей, скрывались в чаще, боясь показаться жителям гор...

Ответ: Я никогда никого не боялся, я всегда был верен закону бусидо — самурайской чести. Но я знал, что мой день еще не наступил, и потому был хитер и молчалив, как летающая змея.

Вопрос: И тем не менее вы скрывались в чаще. Вам приходилось нелегко?

Ответ: Это не так. Я привык к одиночеству, я привык ждать. Я не чувствовал ни в чем недостатка, потому что лес может прокормить умного и сильного человека, который умерен в своих потребностях. В течение этих лет я сменил несколько жилищ. Как правило, это были пещеры, сухие, близкие к воде. Если не спешишь, то всегда найдешь такую пещеру.

Вопрос: А если ее нет?

Ответ: Даже в самых отдаленных и забытых ущельях гор можно найти развалины покинутого старинного монастыря или постоялого двора, а то и крепости. Человеку легко затеряться — я умею сливаться с лесом и землей, я часть этого мира. И его хозяин.

Вопрос: Такое жилище у вас было в долине Пруи?

Ответ: Да, в долине Пруи я нашел хорошую пещеру и оборудовал ее. Я решил, что буду жить в ней долго.

Вопрос: Не угрожали ли вам дикие животные?

Ответ: Все животные знали, что я хозяин леса. Они боялись меня.

Вопрос: А люди?

Ответ: Люди плохо ходят по диким горам. Если они появляются в моих краях, я их чую за милю. Даже горцев.

Вопрос: Значит, вы их не боялись?

Ответ: Зачем бояться, если они мне помогали.

Вопрос: Как они могли вам помочь?

Ответ: Они того не желали. Ведь я люблю хорошо поесть. Для этого недостаточно дичи и рыбы, фруктов и овощей, которые дает лес. Я совершал набеги на деревни. Например, у меня был припрятан мешок с рисом, который я взял во время похода в деревню племени фан. Это был далекий поход, но он оправдал себя с военной и тактической точки зрения.

Мне удалось взять там соли, в которой я всегда испытывал недостаток, и других продуктов, которыми хотел себя побаловать.

Утром, когда я перетащил часть добычи на холм, от которого я намеревался идти к перевалу, я увидел, как одна молодая девушка отправилась в лес собирать грибы как раз в мою сторону. Во мне возникло желание.

Я бросил свои вещи в кустах и преследовал ее так, как пре-

следовал олениху, стараясь ничем не выдать своего присутствия. И я должен сказать, что мой опыт войны в лесу и жизни в горах приучил меня передвигаться по лесу так же бесшумно, как летучая мышь, и так же быстро, как олень мунжак. Я следил за ней, и мое желание росло. Я даже не подозревал, что оно будет таким всеохватывающим. Это была молодая девушка, горянка, на ней была короткая, сшитая из одного куска черная юбка, распахнутая блуза, черная же накидка и еще, помню, ожерелье из серебряных монет. Волосы были убраны под синий тюрбан, и оттого ее широкие скулы выдавались еще больше. Корзинка была приторочена к спине. У нее были короткие толстые ноги. Я шел за ней, и она не чувствовала моего присутствия, а потом она остановилась и наклонилась, чтобы сорвать гриб. Там было много грибов, они росли, покрывая собой всю поляну. Я подумал, что на будущее я буду знать, что эти грибы можно есть. Я не собирал грибы, потому что боялся отравиться. Тогда я понял, что мы отделены от деревни лесом и холмом и ее криков никто не услышит, и я спокойно вышел на поляну и пошел к девушке, но она увидела меня и сразу все поняла, потому что кинула корзину и бросилась бежать.

Наконец я нагнал ее, она стала отбиваться. Может быть, я бы не сделал ей ничего, но она отбивалась, и мои руки почувствовали, что она слабая упругая женщина. Я много лет не знал женщины, но желание войти в женщину во мне никогда не пропадало.

Когда я сорвал с этой дикарки юбку, она перестала бороться со мной и была покорна. Я вошел в нее, и это было сладко. И я подумал: почему я не делал этого раньше? Почему я позволил себе думать, что женщины гор — всего-навсего животные? Эта девушка не была животным. Она была очень напугана и старалась сделать мне как можно лучше, чтобы я к ней хорошо относился. Я подумал: как хорошо бы оставить ее мне навсегда. Она бы заботилась обо мне и готовила пищу.

Вопрос: Что вы сделали потом?

Ответ: Я был вынужден убить девушку, потому что людям нельзя верить. При первой возможности она бы убежала в свою деревню, и меня бы выследили и убили. Я не хотел ее убивать. Потом я закопал ее в землю, я сделал настоящие похороны, как делают в ее племени. Я хотел, чтобы дух этой девушки был спокоен и не преследовал меня. Потом я ушел из того ущелья, потому что охотники стали бы искать пропавшую девушку и выследили бы меня.

Вопрос: Вам приходилось еще кого-нибудь убивать недавно?

Ответ: За последние месяцы я убил только одного человека. Я думаю, что это был вор с рубиновых приисков. Он остановился на ночь в моем ущелье. Я испугался, что он найдет мое убежище. Я его убил. У него был пистолет с патронами, который мне пригодился, а также мешочек с рубинами.

Вопрос: Это случилось задолго до встречи с голыми людьми?

Ответ: За несколько дней до этого.

Вопрос: Расскажите немного о встрече с голыми людьми.

Ответ: В ту ночь я ночевал не в пещере, а выше в горах. Я не спешил возвращаться в мою пещеру, потому что меня тревожило появление в тех краях солдат. Раза два над долиной пролетел вертолет. Что-то солдатам было нужно в моем царстве. Я знал, что они мне не опасны, но все же решил быть осторожным. В лесу, высоко в горах, я увидел олененка, потерявшего мать. Я долго преследовал его, потому что захотел его мяса. Только поздно вечером я его затравил и убил. Я напился его крови и съел его мяса.

Вопрос: Вы не готовили себе пищу? Не варили, не жарили ее?

Ответ: Во-первых, это опасно — дым виден издалека. Во-вторых, в сыром мясе и крови много витаминов, а мне надо поддерживать себя в боевой форме — я не могу стать слабым. Поэтому и мясо, и рыбу я ел только сырыми. На рассвете я поднялся, разделал тушку, взял с собой язык, печень, задние ноги и пошел к своей пещере. Был туман.

Я вышел из кустов к пещере и увидел, что у входа в нее стоят два дикаря, вернее, дикарь и дикарка. Совершенно голые. И что-то шепчут на своем диком языке.

Они кинулись в пещеру, в мою пещеру! Молодая девушка лишилась чувств, а старый тащил ее, словно надеясь спрятать от меня. Это было комическое зрелище!

Вопрос: И вы не стали их убивать?

Ответ: Не было смысла их сразу убивать.

* * *

Старший унтер-офицер Сато не спешил войти в пещеру. Он неподвижно стоял под навесом, каждой клеткой тела прислушиваясь к тому, что происходило внутри пещеры, как бы незримо присутствуя там — его слух и прочие первобытные чувства обострились за десятилетия жизни в лесу настолько, что он мог сравниться с диким зверем.

А в пещере были и еще люди — несколько человек. Они

были испуганы и переговаривались на непонятном языке. Но вот вопрос: было ли у них оружие? А то сейчас всадят в него из темноты очередь... Да, ты становишься беспечным, унтер-офицер Сато. Ты уже привык, что стал господином маленького на карте, но в действительности гигантского просторного мира, тебе на самом деле и не нужна уже ни Япония, ни Лигон — твое величие соразмеримо лишь с горами и шумом лесов.

И тогда, удивляясь собственной уверенности, Сато сделал шаг в сторону, чтобы не стоять на пути возможных пуль. Он положил ладонь на рукоять ножа — отличного армейского штыка, который служил ему столько лет.

У Сато было настоящее оружие — карабин и пистолет. Карабин он нашел давно в блиндаже высоко в горах. Там в сухости и хрустальном воздухе он пролежал несколько лет после войны рядом со скелетами трех англичан, которые защищали этот блиндаж в 1942 году и не ушли оттуда живыми. Там же Сато взял плоскую английскую каску, которая пригодилась как миска, и много патронов. Надо бы взять больше, но ведь тогда, двадцать лет назад, Сато не знал, что останется здесь надолго. И еще у унтер-офицера был пистолет, совсем новый, недавно взятый у убитого контрабандиста. Вместе с красивыми рубинами. Но и карабин, и пистолет лежали далеко внутри пещеры, в тайнике. Сато никогда не ходил на охоту с огнестрельным оружием — звук выстрела мог выдать его.

Простояв неподвижно с минуту, Сато начал продвигаться ко входу в пещеру, прижимаясь спиной к скале.

Он замер, когда следующий шаг должен был вывести его на открытое пространство, все еще не в силах решить, как выманить дикарей поодиночке, чтобы можно было их при нужде зарезать. Его мысли смогли проникнуть в пещеру и добраться до сознания чуткой Любы. Она тут же передала, что слышала, По-изу.

— Он один, — сказал По-из остальным. Говорил он беззвучно, не размыкая губ, посылая свои мысли непосредственно в мозг. Такое общение допускалось лишь в случае острой нужды, иначе считалось на Доме неприличным. — Он один. Он вооружен ножом. Он думает, что мы можем на него напасть, и потому хочет нас убить.

— О небо! Еще этого не хватало! — мысленно возопила Не-лю. — Кто только не желает моей смерти!

— Он остановился, думая, как выманить нас, — продолжал По-из.

— Кто он? — спросил капитан. — Является ли он представителем властей? А если является, обычно ли в их стране сразу убивать незнакомцев? Возможно, здесь просто недоразумение? Может быть, он ожидает от нас каких-нибудь пропусков или удостоверений?

— Вы предлагаете, чтобы я с ним заговорил? — спросил По-из.

— Очевидно, у нас нет другого выхода.

— К тому же в крайнем случае мы с ним расправимся, — заявил Ут-бе-бе. — Нас много, а он один. И отнимем у него нож. Нож нам пригодится.

Ут-бе-бе уловил восхищенный взгляд Не-свелю. Красавица любила решительных мужчин. Ее возлюбленный Ут-мгн даже отсидел несколько лет за вызывающий переход улицы в неположенном месте.

— Прекратите нести чепуху! — оборвал молодого человека капитан. — Мы не знаем, как он связан с местными властями, сколько людей ждут его и какие беды обрушатся на нас, если мы не проявим лояльности.

— К тому же, — заметила умудренная Не-лю, — может быть, он не такой плохой. Если его не пугать, он может стать нашим спасителем.

И эта мысль всем понравилась.

— Иди, — приказал капитан переводчику По-изу.

Тот сделал несколько шагов навстречу старшему унтер-офицеру, и тот услышал, вернее, ему показалось, что он услышал, тогда как на самом деле он уловил мысль:

— Простите, пожалуйста, но мы не желаем вам зла.

Сато не шевельнулся. Он теперь думал не так быстро, как раньше. Он понял, что они с ним разговаривают. Но он никак не мог различить, откуда донесся голос.

В пещере царила мертвая тишина. Люба передавала слова По-иза остальным.

— Кто ты? — спросил наконец Сато. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и держал нож перед собой.

— Меня зовут По-из, — ответил переводчик. — Мы никому не причиняем вреда. Мы чужие здесь и рады, что встретили человека.

— Чужие? Откуда вы, чужие?

— Мы спустились по реке с гор.

— Из Китая?

По-из не знал, что такое Китай, и не мог получить о нем информации из головы Сато, поэтому спорить не стал.

— Чего вам тут нужно? — спросил Сато. — Зачем вы забрались в мою пещеру?

— Нам было холодно. Мы искали дом.

— Сколько вас?

— Нас семеро.

— Какое оружие? — спросил Сато.

— У нас нет оружия.

— Так не бывает. Вы идете по горам без оружия?

— Мы попали в беду. У нас ничего не осталось.

— Выходи на открытое место, — приказал тогда Сато. — Один выходи. Руки держи перед собой.

По-из подчинился. Он вышел из пещеры, вытянув вперед руки.

Туман рассеялся, но солнца еще не было — стояла светлая теплая мгла.

— Стой! — приказал Сато.

Он рассматривал дикаря. Дикарь рассматривал унтер-офицера и передавал информацию о нем внутрь пещеры.

Сато увидел человека выше среднего роста с темной, не загорелой, не бронзовой, не красной, а просто темной кожей, какой бывает стоячая вода в глухой тени. У него были большие глаза, зрачки которых были светлее кожи, и волосы светлые, возможно, седые. Волосы были короткими и странно подстрижены ежиком на затылке, но спереди падали на лоб.

Человек этот был совершенно голым. Такого Сато раньше не видел. Он знал, что в горах водятся дикие племена. Он видел сам и нага, и голубых фанов, и танги-циней, женщины которых ходили обнаженными по пояс, а мужчины лишь в набедренных повязках. Но они компенсировали недостаток одежды избытком бус, колец, браслетов и других украшений. А этот был голым. И, более того, он, что не свойственно дикарям (правда, Сато об этом не подумал), стеснялся своей наготы и старался опустить руки так, чтобы закрыть некоторые части своего тела.

По-из же смотрел на сухого, морщинистого, высохшего человека без возраста, с длинными гладкими черными волосами, забранными сзади в пучок, в рваной брезентовой куртке с оторванными рукавами и коротких штанах.

Разумеется, По-из не мог предположить, что этот человек не происходит из этих краев, а родился и вырос далеко за морем,

что попал он сюда по приказу его соотечественников, чтобы захватить эту страну.

Он видел человека и знал, что от него исходит опасность, злоба к тем, кто открыл его убежище (дом? нору?). Но многие мысли и соображения старшего унтер-офицера Сато были переводчику непонятны ввиду сильных различий между этими культурами и того, что цивилизация Дома обогнала земную на несколько столетий.

— Выходи вперед, — приказал Сато, — руки над головой!

По-из с удивлением заметил, что пришедший опасается, нет ли у него оружия, хотя не понимал, как можно скрыть оружие, если ты совершенно раздет. О чем он и сообщил старшему унтер-офицеру.

Менее всего Сато ожидал услышать японскую речь из уст голого дикаря. У него даже мелькнула мысль, не встретил ли он остатки еще одной скрывающейся в лесах японской части, пообносившейся больше, чем он сам.

— Вы откуда? — спросил он переводчика.

— Мы живем там, — сказал По-из и, почувствовав недоверие в мыслях Сато, неопределенно повел рукой вокруг себя, признавая этим, что живет не в этом ущелье.

— Ты японец? — спросил Сато.

По-из видел, что в собеседнике возникла радостная надежда, но при всем желании укрепить его в ней он не посмел сказать неправду и ответил, не разжимая уст, что он вряд ли может считать себя японцем, потому что не знает, кто такие японцы.

И только тут Сато заметил, что По-из говорит с ним, не раскрывая рта, как чревовещатель на ярмарке, и это окончательно убедило Сато, что надежда на встречу соотечественников провалилась.

Сато решил пока отложить вопрос о происхождении пришельцев и приказал:

— Выходите и выстраивайтесь у стены! — Сато сделал шаг назад, чтобы при необходимости скорее убежать.

По-из мысленно позвал своих товарищей, и те стали выходить из пещеры.

Сначала, разумеется, вышел капитан.

Хоть бы какую-нибудь тряпочку надел на чресла, подумал Сато, который сам никогда не позволял себе оголиться и этим сравняться с дикими зверями.

За капитаном последовала Не-лю.

Женщина! Типичная женщина! И не очень старая. И совершенно голая!

Сато стало интересно — кто же выйдет следующим?

Не-лю робко улыбнулась унтер-офицеру. По-из держал товарищей в курсе мыслей Сато. И сообщил, что при виде Не-лю он несколько смягчился.

Ут-пя не вызвал в Сато интереса, зато Ут-бе-бе показался опасным и унтер-офицеру не понравился, о чем По-из и сообщил Утешающему в беде и беспорядках.

В заключение взор Сато был обрадован появлением красавицы Не-свелю, которая и не могла бы считаться красавицей по строгим европейским или даже лигонским нормам, но здоровьем, молодостью и уверенностью в себе производила сильное впечатление на мужчин разных планет.

Старший унтер-офицер Сато не был исключением[8].

Чувства, вспыхнувшие в нем, были настолько очевидны, что вышедшая за Не-свелю переводчица Люба была готова провалиться сквозь землю, и руки ее жалко метались перед телом, стараясь прикрыть именно те его участки, которые попадали в поле зрения старшего унтер-офицера, хотя эти участки далеко уступали размером выдающимся формам Не-свелю...

И вот все они выстроились у стены.

И были они смирны и покорны.

Сато обозрел их и даже прошел перед строем пришельцев, неожиданно для себя ощутив давно забытое чувство младшего командира, проходящего перед строем взвода.

И именно тогда, всего через несколько минут после первой встречи, Сато уже понял, что никуда он не отпустит так неожиданно свалившееся ему на голову племя голых людей и оставит его при себе, потому что ему пришла пора повелевать людьми. Он завершил испытание одиночеством, и за это небо прислало ему подданных.

Мысль о собственном взводе вертелась в его мозгу, искала словесного выражения, а между тем старший унтер-офицер все прохаживался мимо строя пришельцев и, как бы разговаривая сам с собой, задавал им вопросы. И ему уже было приятно, что не надо повышать голоса — даже шепот его подхватывался переводчиками.

— Давно идете? — спрашивал он.

— Давно, — отвечал По-из. Ведь не могли они признаться местному жителю в своем иноземном происхождении.

Сато остановился напротив Любы. Он разглядывал ее ноги,

слишком нежные и ухоженные, чтобы принадлежать дикарке, и в то же время исцарапанные и исколотые, что говорило о том, что девушке пришлось некоторое время ходить по лесу пешком. Это было странно, и объяснения этому Сато найти не мог. Следовало продолжить допрос.

— А что едите?

— Собираем... срываем...

— Врете, — сказал Сато. — Сейчас не сезон. Сейчас в лесу трудно. А вы гладкие, смотри какие!

Он неожиданно сделал шаг вперед и жесткими, как кость, пальцами схватил и потянул к себе складку жира на животе штурмана Ут-пя.

— Нет, — сказал старший унтер-офицер, — вранье! Брехня! Сознавайся, откуда сбежали!

— Мы живем в горах, — упрямо сказал По-из, потому что иного ответа они дать не могли.

— Ладно, — сказал с угрозой Сато. — Сегодня же пойдете со мной в лес, покажете, какие грибы, какие ягоды собираете. Если будете обманывать — убью.

— Мы голодные, — сказала умудренная жизнью Не-лю. Она испытывала симпатию к Сато, потому что он был груб и мускулист. Он был хозяином жизни. «Парадокс заключается в том, — говорила она себе, — что он считает нас дикарями, а мы знаем, что он-то и есть настоящий дикарь».

Тут Сато заметил, что не понимает слов зрелой женщины. И обернулся к По-изу. По-из перевел. Сато торжествующе ткнул пальцем в грудь По-изу:

— Ты — японец. Они — дикие.

По-из согласился. Было очевидно, что лучше считаться японцем, чем диким.

— Мы голодные, — повторила Не-лю.

— Идите и возьмите, — ответил Сато. — Как всегда берете, так и сейчас возьмите.

Капитан Ут-дирек, внимательно наблюдавший за старшим унтер-офицером, уже сделал для себя некоторые логические выводы. Он немало времени посвятил изучению пленок и записей, которые были доступны в Галактическом центре, державшем под скрытым наблюдением Землю уже несколько десятилетий, и не забывал о существовании на Земле высокоразвитого общества, летательных аппаратов и атомной бомбы. У капитана были все основания полагать, что человек, вышедший к пещере, не относился к сливкам земного общества, а скорее всего сам дикарь или отщепенец иного рода, не исключено, что и преступный элемент.

Рассуждая так, капитан понимал, что, возможно, несмотря на опасность, проистекающую от контактов подобного рода с преступным элементом, для них, изгоев, в этом есть преимущество — изгой изгоя не выдаст. Или по крайней мере не будет спешить с выдачей.

— А вы кто такой? — спросил капитан.

Сато удивился. Вопрос исходил из уст худого мужчины с редкими, прилегающими к черепу волосами. Глаза этого человека были посажены так близко к переносице, словно это был один глаз, разделенный перегородкой.

— Здесь вопросы задаю я, — заявил Сато, вспомнивший, как любил выражаться лейтенант Макидо.

И для того чтобы не оставалось сомнений в том, кто здесь главный, он выхватил из-за пояса нож.

Капитан пожал плечами, но по неслышной унтер-офицеру подсказке эстафету подхватил Ут-пя. Он был глубоко обижен этим дикарем, который посмел дотронуться до его живота.

— Мы вас не звали, — сказал Ут-пя.

— Не дразните его! — воскликнула Не-свелю.

Сато услышал этот оклик, насторожился, но, естественно, не понял его значения.

— Они правы, — сказал По-из. — Этот незнакомец агрессивен и хотел бы подчинить нас своей воле.

— Мы ему не нужны! — поддержала молодую женщину Не-лю. — Зато он нам нужен. Он нам расскажет, как здесь добывают пищу, он нас всему научит!

— Правильно, — сказал капитан. — Но вы хотите, чтобы он делал это с позиции силы, а мы желаем, чтобы он подчинился нам.

Углубившись в спор, они на несколько секунд забыли о Сато, а тому надоело выслушивать их тарабарскую речь, которую старый переводчик почему-то не хотел переводить на нормальный японский язык. В эти секунды направление мыслей Сато было схоже с рассуждениями капитана. Он тоже желал управлять людьми, но для этого, оказывается, их надо было напугать. А как напугаешь семь человек, если ты один и у тебя только нож?

Это можно сделать, лишь применив неожиданное нападение. И напасть надо на самого главного — на лысого начальника, который заварил эту кашу.

По-из и Люба, отвлекшись на разговор своих коллег, проморгали это решение и движение унтер-офицера.

Он одним прыжком преодолел три шага, отделявших его от капитана, и ловко, мгновенно, словно нож был продолжением его пальцев (как, впрочем, и было на самом деле), он воткнул его острие в глотку капитана, в самое его основание — на сантиметр, не более, и полоснул ножом в сторону так, словно намеревался отсечь капитану голову, хотя это, конечно, не входило в планы Сато — ему требовалось лишь испугать дикарей и доказать им, как он силен. Вот и все. И пускай они увидят кровь. Красную кровь. Может, они отвыкли на нее смотреть?

Раз — прыжок. Два — сверкание ножа. Три — капитан отшатывается, не понимая, что произошло. Четыре — алая кровь хлещет из горла капитана... Капитан понимает, что убит, и медленно опускается на камни.

И все понимают, что капитан убит, но никто не понимает, как это произошло.

Сато сделал легкий шаг назад — никогда не подумаешь, что ему за пятьдесят. Нож скользит обратно в ножны.

Капитан, обмякнув, сполз на камни у стены, он в ужасе смотрел на свои пальцы, покрытые кровью. Вздох ужаса прокатился по его товарищам. Все были готовы кинуться ему на помощь, и всех удержит на секунду, на две секунды, на три секунды... на пять секунд грозная неподвижность унтер-офицера Сато, неподвижность змеи перед добычей.

— О, боги! — закричала, не выдержав молчания, Не-свелю. — Неужели он его убил?

И вот она уже склонилась к капитану.

Капитан смотрел на окровавленные пальцы — никогда в жизни он не видел сразу столько человеческой крови. Вторую руку он прижал к горлу, и между его пальцев медленно протекала кровь.

Остальные тоже придвинулись к капитану, и чем ближе они сходились, тем более ощущали единство, способность к сопротивлению и к ним возвращалось вполне цивилизованное возмущение диким бесчеловечным актом, который позволил себе этот оборванец.

— Ты его убил! — произнесла Не-свелю, употребив самое презрительное из обращений, существующих в родном языке.

Сато улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Я его поцарапал, чтобы он не говорил лишнего, — сказал Сато.

— Я умираю? — спросил капитан.

— Трус, — сказал Сато.

— Я презираю вас, убийца! — сказал капитан. Ему стало так больно, что спасительная дурнота охватила его, и он потерял сознание.

— Он умер! — ахнула Не-лю.

— Нет, — сказал По-из.

— Ему не угрожает смерть, — сказала Люба, оглянувшись на Сато и не уловив в нем намерения продолжать наказание ученых. — Но ему плохо от голода и страха.

— Переведи! — потребовал Сато, глянув на По-иза. Он не догадался, что Люба тоже переводчица.

По-из повторил слова Любы.

— Правильно, — сказал Сато и прошел внутрь пещеры, чтобы проверить, не спрятался ли там еще кто-нибудь из гостей. Он прошел спокойно, потому что эти голые люди наверняка были собирателями ягод и улиток, а не настоящими людьми. Если они не напали на него сразу, значит, у них нет силы напасть на него потом. Для этого их придется время от времени пугать.

Сато был не совсем прав. Мы не знаем, как бы развивались события дальше, если бы не необходимость для инопланетян сохранять тайну своего происхождения. Ведь, придя в себя, капитан сам остановил рвавшегося в бой Ут-бе-бе.

Беда была в другом — кровь не переставала течь, видно, Сато все же задел какой-то важный сосуд. И потому, когда через несколько минут Сато снова вышел из пещеры, он убедился, что голые люди остались на своих местах. По-из обратился к нему с такими словами:

— Человек, вы нанесли незаслуженную рану нашему товарищу. Как вы видите, он истекает кровью. Вы можете стать виновником его смерти. Если у вас есть совесть, вы должны нам помочь.

— Как? — спросил Сато.

Он был искренне удивлен. Он никому не помогал уже много лет и не намеревался этого делать в будущем.

— У вас есть какой-нибудь перевязочный материал? — спросила умудренная жизнью Не-лю.

— Не нужно, — сказал Сато.

Не-лю смело подошла к унтер-офицеру и сказала:

— Вы немедленно поможете нашему... капитану, или я никогда в жизни не буду с вами разговаривать...

Она окинула взглядом окруживших капитана пришельцев и добавила:

— И никто из нас не скажет с вами ни одного слова.

Главное — удивить оппонента. Сато мог ожидать чего угодно, но не такой угрозы.

Некоторое время он стоял, прищурив глаза и глядя на женщину, словно хотел пронзить ее взглядом. Но Не-лю выдержала взгляд и даже не сочла нужным прикрыть грудь.

Сато резко повернулся и одним прыжком исчез с площадки перед пещерой.

— Ну, как прикажете это понимать? — спросила Не-лю.

Никто ей не ответил.

— Может, принести листьев? — сказал По-из.

И как бы в ответ на эту фразу Сато вновь появился перед пещерой. В руке он держал охапку длинных бархатных листьев. Он подошел к капитану и протянул их ему.

— Это надо приложить к ране, — перевел его слова По-из. — Кровь не будет идти.

Капитан так ослаб, что Ут-бе-бе, имевший медицинское образование, встал перед ним на колени и приложил листья к ране, придерживая их пальцами.

Сато стоял неподалеку и обстругивал ножом палочку. Мысли его текли так медленно и просто, что переводчики не могли их уловить. Словно рядом с ними была пустота. Наверное, он был похож на пастуха, тупо глядящего на то, как пасется стадо.

Остальные тоже молчали, поглядывая на унтер-офицера и стараясь осознать очередную перемену в их судьбе. Теперь они зависели от этого загадочного человека, который может напасть на себе подобного без всякой видимой причины, тяжко ранить его и не испытывать никаких угрызений совести. Причем ведь никто не знает, один он здесь или скоро за ним последует целая банда ему подобных.

— Вы здесь один живете? — спросила Не-свелю. Она не была к нему так сурова, как старшие товарищи.

Сато не ответил. Такой вопрос ему не понравился. Он отошел от пришельцев и уселся, скрестив ноги.

Он сидел к ним в профиль, не показывая, что наблюдает за ними, но и не смея повернуться спиной: все же дикие люди — это дикие люди. С ними надо быть осторожным, если не хочешь, чтобы тебе перекусили жилу.

Затем Сато снял с плеча домотканую открытую суму — мешок на широкой ленте через плечо, отнятый у горянки, которую

он изнасиловал, а потом убил. Сума ему очень нравилась, и к тому же он любил ее нюхать — ему казалось, что она сохраняет запах той девушки.

Теперь он никогда не расставался с этой сумой. В нее он складывал все нужные или вкусные вещи, что встречались в походах и которые следовало приберечь про запас.

Он вынул из сумы два яблока, которые отыскал внизу, затем несколько крупных и вкусных, по мнению Сато, фруктовых улиток. Он давно не ел и потому проголодался.

Рядом с улитками он положил горсть хороших орехов и самую главную добычу — четыре большие сладкие луковицы, каждая с кулак.

Сато размышлял, с чего ему начать трапезу.

Остальные смотрели на него. Ут-бе-бе сказал капитану:

— Сами держите, вам уже легче.

Капитан послушно придерживал листья и тоже смотрел на обед старшего унтер-офицера.

Сато начал с луковицы.

Помимо своей воли пришельцы начали придвигаться к нему. Все они понимали, что Сато не любит их, что он им не друг, что понятия гуманизма ему чужды, что они должны сохранять гордость и взаимовыручку — в ином случае они бессильны... Все они понимали, но вид пищи вызывал слюноотделение и туман в голове.

Не-свелю первой оказалась возле Сато.

— Это вкусно? — спросила она, и По-из перевел.

— Обыкновенно, — сказал Сато.

— А можно попробовать?

Предложение молодой женщины удивило Сато. Он еще не решил, выгнать их или сделать своими рабами, а они уже просят есть.

Не отвечая, Сато придвинул к себе суму и вытащил оттуда плоскую алюминиевую флягу. Он протянул ее женщине и приказал:

— Принеси воды.

Не-свелю оглянулась, как бы обращаясь к товарищам за советом, но совета не получила, потому что остальные были недовольны ее несдержанностью. Возможно, если бы они сговорились заранее и о еде заговорил бы некто, выбранный собранием, все было бы иначе. Но Не-свелю просила только о себе. Что было неэтично.

— Дружок, — сказала Не-свелю, делая шаг в сторону

Ут-бе-бе, который, как подсказывала женская интуиция, был к ней неравнодушен, — ты не будешь любезен поухаживать за мной?

Не-лю не смогла сдержать смешок. Ут-бе-бе смутился. Но нежелание показаться глупым в глазах сограждан заставило его ответить почти грубо:

— Я рад бы поухаживать за вами, но не хочу прислуживать этому монстру.

Ут-пя захлопал в ладоши, что служило знаком одобрения.

Сато поднял голову, оглядел дикарей.

— Ну! — крикнул он.

И положил руку на рукоять ножа.

Не-свелю, поставившей себя в ложное положение, не оставалось ничего иного, как медленно пойти по узкой тропинке вниз, к реке, и Сато со все возрастающим желанием смотрел ей вслед и даже приподнялся, готовый погнаться за ней и сделать с этой дикаркой то же, что и с девушкой, убитой раньше. Но мысль о том, что эти дикари обязательно воспользуются его легкомыслием и растащат его завтрак, остановила Сато, и он, не дрогнув ни одной ресницей, продолжал задумчиво жевать сладкий корень, и лишь чрезвычайно чуткая к чужим чувствам Люба почувствовала неладное, испугалась неладному, но не смогла для себя определить суть дела и даже спросили мысленно у По-иза: «О чем он подумал?» «Я не разгадал», — честно признался По-из. Впрочем, иной ответ был немыслим, потому что переводчики (телепаты) никогда не лгут друг другу. Это же невозможно.

Между тем кровь из глубокой царапины на горле капитана перестала сочиться, и он уже смог начать вычислять линию поведения. Надо было что-то делать. Если в первые минуты знакомства этот негодяй мог напасть на него, то через час он кого-нибудь убьет.

Следовательно, надо будет его обезоружить.

Капитан поманил штурмана, и тот присел на корточки возле капитана и сказал первый, словно сам был телепатом:

— У нас есть два пути, капитан.

Еще вчера они недолюбливали друг друга, еще час назад Ут-пя был сердит на капитана за то, что тот уничтожил его родственника, но сейчас оба понимали, что только совместное противостояние грубой силе может их спасти.

— Говори, — сказал капитан.

— Или мы уничтожаем его...

— И что получаем?

— Трофейный нож!

— И все?

— Нож, штаны, суму... Это уже немало.

— Очень мало, — возразил капитан, — слишком мало, чтобы смогли выжить семь человек.

— Тогда, может быть, лучше второй вариант? — Говоря так, Ут-пя смотрел, как от воды поднимается Не-свелю, неся в протянутой руке старую битую алюминиевую флягу. Не-свелю шла с высоко поднятой головой, как бы бросая вызов своим согражданам.

— Говорите, говорите, — торопил капитан, недовольный тем, что Ут-пя отвлекся.

— Вижу опасность раскола, — сказал Ут-пя.

— Я с ней потом поговорю, — пообещал капитан. — Продолжайте.

— Второй вариант — терпеть, — сказал штурман. — Терпеть для того, чтобы с помощью наших переводчиков постепенно, в течение нескольких дней, узнать, где он живет, что представляют собой жители окрестных мест, узнать все, что можно...

— Но мы должны будем улещать его, — с сомнением возразил капитан. — А как известно, мерзавцы наглеют от того, что им потворствуют.

— Я и без вас знаю, что мы рискуем. Но третьего пути нет.

Не-свелю подошла к унтер-офицеру и присела перед ним на корточки, передавая флягу и в то же время втягивая расширившимися ноздрями запах сытных луковиц.

Сато принял флягу из рук молодой женщины и положил рядом с собой.

Потом, подумав, отломил дольку от луковицы — совсем небольшую дольку — и протянул Не-свелю.

— Не много же тебе досталось, — сказал стоявший на краю площадки Ут-бе-бе, который искренне переживал эту сцену, потому что ему очень нравилась Не-свелю, особенно теперь, когда она была обнажена и приобрела совсем иное назначение в его глазах, то есть стала менее коллегой и менее товарищем по экспедиции, а более женщиной независимо от уровня ее магистерской диссертации.

— Будет больше, — сказала Не-свелю с вызовом. Она понимала, в какое глупое положение она попала, противопоставив себя коллективу.

Она хотела сказать еще что-то ироничное и тонкое, чтобы

окончательно поставить на место Ут-бе-бе, позволявшего себе смотреть на нее без всякого уважения, но ничего сказать не успела, потому что завизжала и подпрыгнула — по простой причине: воспользовавшись тем, что женщина смотрела в другую сторону, а может, и не обращая на это внимания, старший унтер-офицер протянул жесткие пальцы и уверенно схватил ее за полную высокую грудь. Такой груди унтер-офицеру еще не приходилось видеть, потому что его жизненный опыт ограничивался деревней, девицами в дивизионном публичном доме да тремя или четырьмя случайными встречами во время войны. Но все без исключения партнерши унтер-офицера были малогрудыми азиатками, тогда как женщины планеты Дом телосложением скорее напоминают жительниц южной Европы, пышногрудых и широкобедрых.

Не-свелю подпрыгнула и чуть не подавилась долькой луковицы.

— Как вы смеете! — воскликнула она.

Все остальные обернулись к ней, но, честно говоря, никто в тот момент не видел трагедии в этой ситуации — наоборот, она показалась всем забавной. Люди, даже принадлежащие к самым высокоорганизованным галактикам, бывают поражены слепотой.

И тут впервые унтер-офицер засмеялся.

— Коза! — повторял он, а переводчики не понимали, что же он имеет в виду. — Коза! Ускакала! Иди сюда, я тебе еще дам! Никому не дам, а тебе дам.

По-из покорно переводил слова Сато. Не-свелю, прикрывая груди правой рукой, подошла ближе и протянула левую. Сато дал женщине дикую луковицу. Однако не удержался от очередной шутки: когда она брала луковицу, он попытался схватить ее за низ живота, но не преуспел, потому что красавица уже была готова к его выпадам и вовремя отбежала, но не к своим товарищам, а в другую сторону, к краю площадки, чтобы ни с кем не делиться.

Она кидала в рот дольку за долькой, а голодные люди не могли оторвать от нее взгляда.

Капитану потребовалось немало труда, чтобы продолжить разговор с Ут-пя.

— Есть третий путь, — наконец негромко произнес он.

— Какой?

— Мы его обезопасим, отнимем у него нож и, если нужно, запрем в пещере. И тогда пускай наши переводчики постараются извлечь из него всю нужную информацию. То есть без дружбы, но и без убийства.

Тихая Люба не выдержала и подошла к красавице Не-свелю.

— Простите, — сказала она, — но по вашим ощущениям я чувствую, что вы едите что-то очень вкусное.

Не-свелю засунула в рот луковку и начала жевать энергичнее.

— Я бы попросила немного, — сказала Люба, сглатывая слюну, ведь ей было труднее всех — она так явственно ощущала вкусовое наслаждение Не-свелю, будто ела сама, только в рот ей ничего не попадало.

— Неужели вы не видите, — ответила, не переставая жевать, Не-свелю, — какая у меня маленькая луковица! Я не могу с вами поделиться. Но могу дать хороший совет.

— Какой? — спросила Люба. Задавая этот вопрос, она уже знала ответ.

— Подойдите к этому мужчине, который сидит перед вами, и попросите у него луковицу — вы же видите, что у него их еще две. Видите?

— Вижу, — покорно произнесла Люба, не двигаясь с места.

— В худшем случае он вас пощупает, — продолжала Не-свелю. — Очевидно, на Земле это национальный обычай. Ничего страшного с вами не произойдет.

Чтобы прекратить этот унизительный для Любы разговор, переводчик По-из решился на крайнюю меру: он сам направился к Сато.

— Простите, — сказал он, — вы были так любезны, что угостили Не-свелю. — По-из указал на красавицу, которая дожевывала последнюю дольку, мысленно проклиная Любу за то, что та заставила ее поспешить.

— Не-свелю, — произнес неуверенно Сато.

— Но у нас есть другие голодные женщины. Не могли бы вы и им выделить немного пищи из ваших запасов? Мы постараемся вам отплатить добром.

— Хай! — воскликнул Сато. — Пускай она попросит сама.

— Она боится вас, — ответил По-из.

— Кто боится, ходит голодным, — сказал Сато. Эти люди казались ему все интереснее. Самые настоящие дикари — совершенно глупые и доверчивые. Нет, он не будет их убивать. Может, убьет только того, старого, которому он порезал глотку. Очень уж у него взгляд нехороший. А остальные будут трудиться. — Пускай она не боится.

— Иди, — печально произнес По-из.

— Нет, — сказала Люба. — Я боюсь.

— Надо действовать сейчас, — сказал капитан штурману. — Немедленно.

— Вы возглавите операцию? — спросил Ут-пя.

— К сожалению, мне придется возложить руководство на вас, — ответил капитан. — Вы же видите, что я небоеспособен. Но, как только приду в себя, вновь возьму на себя руководство группой.

— Так дело не пойдет, — сказал Ут-пя. — Потому что мне не на кого опереться.

— Вас трое здоровых мужчин!

— По-из не воин, он боится даже пролетающей бабочки. А Ут-бе-бе я и в лучшие времена не доверял. Он типичный избалованный эгоист, плод нашей либеральной системы образования.

По-из подталкивал Любу к Сато, который сидел, скрестив ноги, и держал на ладони луковицу.

Люба сопротивлялась, и это стоило ей страшного напряжения нервов.

И в этот момент неожиданно для остальных Не-свелю сделала несколько быстрых шагов, наклонилась, схватила луковицу с ладони Сато, но тот успел сжать пальцы, и красавица осталась ни с чем.

Сато засмеялся еще веселее.

Как раз в это время Люба наконец-то поддалась напору По-иза и, потеряв равновесие, упала на колени перед японцем.

— Поздно, — сказал Сато, схватив с земли третью луковицу и водя ею перед носом переводчицы.

Этого По-из не выдержал. Он стал вырывать луковицу из руки Сато, и тот резко рванул луковицу к себе, По-из потерял равновесие и свалился на камни и Любу.

И тогда капитан, забыв о том, что ранен, бросился вперед, чтобы скрутить Сато. На бегу он кричал:

— Ут-пя, Ут-бе-бе, за мной!

Но те промедлили и дали возможность Сато отпрыгнуть назад, выхватить из-за пояса нож и остановиться, широко расставив ноги.

— Ну что же, — прошипел он, и По-из, сидя на земле, послушно переводил, потому что в этом заключался его главный долг перед человечеством. — Иди сюда, старая змея! Иди, я тебя еще мало порезал!

Тут Сато увидел, что двое других мужчин тоже надвигаются на него, нерешительно, но надвигаются.

— А вы, — крикнул он им, — два шага назад! Ну!

Ут-пя и Ут-бе-бе от неожиданного оклика остановились.

Теперь у Сато был только один противник. Капитан.

И капитан понял, что его бой проигран. Он повернулся спиной к Сато и ушел в пещеру.

* * *

В отсутствие капитана его роль попыталась сыграть умудренная Не-лю, для чего она обратилась к Сато с длинной речью, в которой выражала ему свое сдержанное недовольство его поведением. Она попыталась довести до сознания Сато простую истину: чтобы тебя уважали, ты должен уважать окружающих.

На этом месте речи Не-лю Сато растянул губы в известной уже всем зловещей улыбке и сказал:

— Женщина!

По-из не смог передать презрения, вложенного в это слово старшим унтер-офицером, которому не приходилось еще встречать женщин умных и образованных и который поэтому полагал, что все женщины годятся лишь, чтобы использовать их в качестве любовниц, жен и, как естественное продолжение, — кухарок.

— И все же! — воспротивилась окрику Не-лю, которая понимала, что, если спустить этому мерзавцу сейчас, потом будет куда труднее его укротить. — Не забывайте, сударь, что нас семеро, а вы один! Даже если у вас есть нож! Или вы сейчас согласитесь на мир и сотрудничество, или мы все покинем вас.

Почему такая угроза возникла в голове Не-лю, она сама бы не могла понять. Возникла, и все тут. Хотя, как всем показалось, именно этого Сато и желал.

На самом деле слова женщины унтер-офицера встревожили. Он уже свыкся с мыслью, что племя голых людей послано ему судьбой для того, чтобы ему было кем управлять и кому являть свою справедливость, свой гнев и свое милосердие. Впрочем, последнего слова ему слышать не приходилось. Уход голых людей оставил бы его в одиночестве, а этого Сато в тот момент никак не желал. Его увлекла игра в вождя племени.

Поэтому угроза женщины, которая хотела быть вождем вместо старого вождя, унтер-офицеру не понравилась. Еще минута, и за ней уйдет вот тот молодой человек (Сато имел в виду Ут-бе-бе) — и как тогда бегать за ними по лесу?

Сато протянул руку, нащупал на земле небольшой, чуть больше грецкого ореха камень и, почти не замахиваясь, запустил им в Не-лю. Камень попал ей в щеку, и это было так больно, что Не-лю схватилась за лицо и зарыдала, а Люба пошатнулась и чуть не упала в обморок — к счастью, По-из успел ее подхватить.

— Я тебя ненавижу! — воскликнула Не-лю. Когда она отняла руку от щеки, все увидели, что под глазом уже расплылся кровоподтек.

Если Сато думал, что он сломил сопротивление женщины, то он ошибся. Ведь все же перед ним была не горянка, а доктор наук, выдающийся ум планеты Дом.

Держась за щеку, Не-лю повернулась и при полном молчании остальных пошла к краю площадки. Она спускалась по тропинке, и все смотрели, как ее голова скрылась в кустах. Ут-бе-бе намеревался пойти следом за ней, потому что нельзя оставлять женщину в одиночестве в лесу. Но тут вскочил Сато.

Он не мог оставить такой бунт без внимания.

— Всем стоять здесь! — приказал он.

По-из содрогнулся от злобы, которая изливалась из оборванного маленького человека. И потому он перевел не только приказ Сато, но и собственный комментарий к нему: надо подчиниться.

И все подчинились.

А Сато быстро пошел, не оглядываясь, легкий как волк, следом за Не-лю.

И на площадке наступила тишина.

Через минуту или две кто-то спросил:

— Как там? Что с ней?

— Я думаю, что он ее не убьет, — сказал По-из. И всем было приятно это слышать, потому что в ином случае надо было бы бежать следом и столкнуться со злобой жестокого незнакомца.

А Сато тем временем быстро и легко спускался следом за женщиной, которая, разумеется, шла куда медленнее, так как не привыкла ходить босиком и даже в гневном состоянии все же смотрела под ноги и поджимала пальцы, чтобы не наступить на ядовитое насекомое или острый сук.

Так что Сато догнал женщину возле самой воды.

Солнце поднялось уже высоко, тучи его пробивали листву и касались быстро бегущей воды, над которой, сверкая прозрачными крыльями, парили стрекозы.

Не-лю не услышала, как Сато подошел к ней вплотную. Он ходил по лесу беззвучно. Иначе бы не выжил.

Не-лю стояла у воды, неожиданно для себя захваченная дикой красотой этого чужого мира, завороженная игрой солнечных лучей и щебетом птиц, звонким движением хрустальной воды... Она вдруг забыла, что привело ее сюда и какие опасности ей могут угрожать. И потому голос Сато, прозвучавший совсем рядом, незнакомый и в то же время уже отвратительный, разрушил неясные мечтания женщины и жестоко швырнул на землю.

Сато говорил быстро и ровно. Он улыбался, но это было видно лишь в промежутках между фразами, когда губы оставались растянутыми. Сато ругал эту женщину и втолковывал ей, чтобы она выкинула из головы свои капризы, потому что он запросто может отрезать ей голову и ничего особенного не произойдет, а ее соплеменники только обрадуются, потому что им достанется больше пищи, которую он, Сато, будет им давать.

Сато говорил и сам уже верил в свою справедливость и великодушие. И ему казалось, что эта дикарка должна его понять и смириться перед ним.

Но женщина ничего не поняла, кроме того, что этот наглец ей угрожал. И потому она сухо попросила его убираться, откуда пришел. Она восприняла его погоню за ней как знак слабости и надеялась, что остальные тоже правильно поймут движение разбойника и сейчас со всех сторон набросятся на него и погонят, униженного, прочь с глаз.

Сато слушал ее, наклонив голову. Ему было странно, что только сейчас он все понимал, а теперь ничего не понимает и даже не уверен, понимает ли его эта женщина. Поэтому он жестом приказал ей возвращаться.

Но женщина сделала вид, что не понимает жеста, и показала на кровоподтек под глазом. Она сказала старшему унтер-офицеру:

— Я никогда не прощу тебе, свинья, того, что ты осмелился поднять руку на женщину.

Сато схватил ее за локоть и подтянул к себе, желая лишь, чтобы она вернулась в пещеру. Он тоже понимал, что ему надо вернуть ее как можно скорее. Иначе у ее соплеменников могут появиться ненужные идеи.

Не-лю стала вырываться. «Нет, вы только подумайте! Он смеет меня трогать!»

— Сейчас я закричу! — предупредила она Сато.

— Все равно пойдешь! — ответил Сато.

Чтобы было удобнее тащить ее, Сато обхватил Не-лю за талию крепкими жилистыми руками. А плоть ее была нежна и не укреплена физическими упражнениями или тяжкой хозяйствен-

ной работой. Несколько сотен лет Не-лю проработала у компьютера, а в свободное время купалась в бассейне или совершала долгие пешие прогулки. Она сменила нескольких мужей, но в последние восемьдесят лет жила одна, не потому, что стала старой — нет, до старости ей еще было далеко, — а потому, что научная деятельность все более увлекала ее.

Стараясь заставить Не-лю подняться к пещере, Сато прижал ее к себе, и именно в тот момент он наконец понял, что обнимает незнакомую, пышущую зрелым здоровьем женщину, которая неумело рвется из его объятий.

Не-лю тоже уловила мгновение, когда Сато из грубого дикаря, желавшего наказать ее, вдруг превратился в мужчину, который ее возжелал. И Не-лю стало так страшно, что она лишилась голоса и способности сопротивляться. Она как бы обмякла в руках сжимавшего ее Сато, а тот еще более распалился желанием, и его руки принялись мять ей груди и живот. Не-лю не могла двинуться, а если и вырывалась, то ее попытки были робкими и заранее обреченными на неудачу.

Никогда в жизни, за много сотен лет, никто не пытался овладеть ею без ее согласия и, более того, без ее к тому инициативы. На Доме относящиеся к интеллигентным кругам общества женщины сами выбирают партнера, хотя порой они и предпочли бы отказаться от такой чести. Но так высоко уважение к женщине-товарищу, женщине-возлюбленной, что и мужчины подчиняются решению женщин, даже если им этого не хочется. Так что любовные драмы, которые разыгрываются на Доме — а они там есть, как и везде в Галактике, — связаны чаще всего с превышением женщиной ее возможностей или столкновением интересов различных женщин.

— Нет, — шептала Не-лю, в ужасе ощущая на больной щеке и на шее прикосновение сухих губ и мягких длинных усов и понимая, что она совершенно беззащитна. — Нет, — шептала она, чувствуя, как этот насильник раздевается, опрокидывает ее на траву и ложится на нее, а она все не может собраться с силами и изгнать его...

А затем наступило самое страшное — этот дикарь, это ничтожество, претендующее на роль вождя, уже вторгся в нее, уже тихо рычал от наслаждения, которое Не-лю, разумеется, не могла разделить и все пыталась столкнуть с себя не тяжелого, но жестокого и цепкого насильника.

Острые камешки под спиной давили и резали кожу, и она не

могла даже объяснить этой мерно ухающей машине, что она раздерет себе всю спину...

А тем временем наверху, у пещеры, события также приняли неожиданный оборот.

Увидев, что унтер-офицер скрылся в кустах, Ут-бе-бе не смог сдержаться и, как бы гуляя, направился к суме Сато, оставленной без присмотра. Возле нее лежали недоеденные припасы. Проходя мимо сумы, Ут-бе-бе как бы невзначай нагнулся и подхватил луковицу. И прошел далее в глубину, в темноту пещеры, хрупая луковицей так нагло, словно он продолжал пробу плодов леса.

Все остальные смотрели на него обезумевшими глазами, и не успел он еще скрыться в пещере, как возле сумы произошла небольшая свалка, о которой никто потом не хотел вспоминать, потому что тогда необходимо было бы признаться, что ученые вели себя недостойно. Ведь даже крайним голодом нельзя оправдать тот факт, что Ут-пя оттолкнул Любу так, что она ушибла коленку, а По-из вырвал (для Любы) длинный белый корень у красавицы Не-свелю, а та поскользнулась на улитке.

Еще минута — и сума была пуста, а пришельцы делали вид, что не имеют к этому акту никакого отношения.

Именно это событие и объясняет, почему никто не пришел на выручку несчастной Не-лю, которая, распростертая на траве и камнях, была вынуждена стать объектом похоти старшего унтер-офицера Сато, в те минуты ограбленного ее соплеменниками.

Но один человек не участвовал в свалке.

Это был капитан корабля Ут-дирек, загнанный, почти уничтоженный унтер-офицером, но не сдавшийся.

Из темноты пещеры он видел и поступок Ут-бе-бе, и последующую свалку. Но не вмешался в эти действия, потому что не считал себя вправе это делать. Он понимал, что его друзья становятся рабами собственных желудков. И как таковые могут стать легкой добычей Сато.

Капитан понимал, что куда важнее сначала спасти Не-лю, которой могла угрожать смертельная опасность, если она будет сопротивляться диктату дикаря.

И, приняв решение еще раз вмешаться в борьбу против Сато, капитан решительно покинул пещеру и, выйдя на площадку перед ней, обратился к По-изу, который уже поделился добычей с Любой и проглотил то немногое, что ему досталось.

— Пошли! — приказал он переводчику.

— Куда? — Переводчик не читал мыслей капитана.

— Вниз. Наша помощь может понадобиться Не-лю.

Переводчика охватил стыд. Он ничего не сказал.

И когда капитан пошел по тропинке вниз, По-из покорно засеменил следом.

Они спускались молча.

Тропинка была узкой, над ней смыкались кроны деревьев, и жара не чувствовалась в вечной тени.

Вдруг По-из прошептал:

— Стойте.

— Что? — испугался капитан. — Что-то плохое?

— Я не знаю, — прошептал По-из и далее мысленно сообщил капитану, что до него докатываются волны странных смешанных чувств, причем чувства Сато полны вожделения и растущего внутреннего трепета, тогда как в чувствах госпожи Не-лю По-из разобраться не смог — в них смешалось отвращение, страх, безнадежность, смирение и некоторая доля наслаждения, с которым женщина боролась с источником этого отвращения и наслаждения.

Через несколько осторожных шагов и сам капитан, раздвинув кусты, смог увидеть и понять, что происходит.

— Почему же она молчит и не зовет на помощь? — мысленно спросил он По-иза.

— Ей стыдно, что мы ее увидим, — ответил мысленно переводчик. — Она более всего боится, что мы догадаемся о ее позоре. Она скорее умрет, чем признается в этом.

— Я ее понимаю, — сказал в конце концов капитан.

Капитан первым пошел обратно, по дороге мысленно попросив По-иза никогда и никому не рассказывать о том ужасном позоре, которому подверглась Не-лю...

Сато возвратился к пещере первым, минут через десять после капитана и По-иза, которые ни с кем не стали делиться своими наблюдениями.

Первым делом он увидел, что ограблен, и начал кричать на пришельцев высоким гнусавым голосом. Но пришельцы к тому времени отступили в тень пещеры. Они, конечно, слышали крики Сато, но не отзывались.

Когда на площадку вышла, еле переставляя ноги, обесчещенная Не-лю, Сато обернулся к ней, выразительно показывая на пустую суму и на вход в пещеру.

— Чего же было ждать? — ответила ему Не-лю. — Люди, которые не смогли или не захотели прийти ко мне на выручку, вполне могли опуститься до низкого воровства.

Сато ругался, кричал, но на самом деле не был глубоко расстроен.

У него в тайниках было запрятано достаточно еды, чтобы прожить в пещере полгода. И он понимал, что, раз украв пищу, все эти люди стали его должниками. Им стыдно. Они еще не умеют воровать.

* * *

Сато стоял посреди площадки перед пещерой и смотрел, как вкусные яблочные улитки медленно ползли по камням — их дикари не тронули. Сато подобрал улитку с камня, покрепче сжал тонкую скорлупу, отбросил осколки и с удовольствием проглотил. Вторую он протянул Не-лю.

Не-лю ощущала враждебные взгляды соплеменников, обжигающие из темноты пещеры.

Меньше всего на свете ей хотелось глотать живую улитку, но она понимала — наступил, может быть, самый решающий момент ее жизни. Она должна сделать выбор, как бы тяжел он ни был. «С кем мы, — подумала она, — мастера науки? С теми, кто груб, невоспитан, нахален, но прост и заботлив, или с теми, кто был близок тебе вчера, но предал тебя сегодня?»

Не-лю сильно сжала пальцы, хрустнула скорлупа ракушки, но от этого усилия скользкий моллюск вылетел из пальцев и, описав дугу, скрылся в кустах.

— Дура! — в сердцах воскликнул Сато, но бить женщину не стал — может, она и не видела раньше улиток, может, она не с гор, а из-под земли или из какого-то иного места.

Не-лю почувствовала облегчение, полагая, что испытания улиткой закончились, но тут же она в ужасе увидела, что Сато был способен к жалости и заботе. Он отыскал у самой стены еще одну, самую большую, больше сливы, улитку, сам содрал с нее скорлупу и, подойдя к замершей, обесчещенной им женщине, приказал:

— Открой рот.

— Он просит вас открыть рот, — донесся из пещеры перевод По-иза.

Не-лю зажмурилась и стала извлекать кубические корни из простых чисел с точностью до шестого знака.

Рот ее заполнило нечто скользкое, теплое и отвратительное, но женщина знала, что обязана, если не хочет стать посмешищем своих соплеменников, проглотить улитку, не подавившись, не вытошнив ее, не упав в обморок.

Пальцы Сато упорно проталкивали улитку в глотку Не-лю, и та уже готова была к смерти от удушья, когда ее глотка совершила спазматическое движение — видно, уж очень не хотелось умирать, — улитка послушно скользнула по пищеводу, и это чувство вкупе с облегчением, охватившим Не-лю, было сказочным.

«Странно, — подумала Не-лю. — Еще час назад он был мне отвратителен. И с тех пор у меня не должно было возникнуть к нему теплых чувств — к насильнику, лишившему меня человеческого достоинства, грубой скотине. Очень грубой... И в то же время он, дитя первобытных инстинктов, оказался единственным, кто подумал о том, что я голодна и одинока. Со стороны, наверное, смешно наблюдать за тем, как он проталкивает мне в глотку живую улитку — бррр! какой ужас! — и в то же время это естественно для сына природы. Он заботится обо мне как может. И больше у меня нет ни одной близкой души во всей Галактике».

Слезы благодарности и грусти текли по щекам женщины, она обернулась к Сато и прошептала:

— Спасибо.

И он уже не казался ей таким гадким, как недавно.

* * *

А Сато между тем размышлял, как сделать, чтобы дикари больше не воровали. Воров ему тут не нужно.

— Эй! — приказал он громко. — Все выходите сюда и стройтесь вдоль стены. Слышали мою команду?

— Слышали, — ответил из пещеры По-из.

Он же и вышел первым из пещеры, чуть согнувшись и держа руки перед собой ладонями вверх и являя этим полную беззащитность. Следом потянулись другие пришельцы, охваченные чувством стыда, потому что никто из них еще никогда не осквернял себя воровством — оно было немыслимо на планете Дом.

Сато, глядя, как эти люди выстраиваются вдоль каменной стенки, думал, что они испуганы, потому что ждут неминуемого наказания. На самом деле испуг был второстепенен. Пришельцев терзало чувство стыда, давно забытое старшим унтер-офицером.

Они не смотрели в глаза своему мучителю.

Сато оглянулся на Не-лю, которая стояла в шаге сзади.

Он не любил, когда кто-то стоял сзади.

— В строй! — приказал он женщине, и Не-лю не сразу поняла, чего от нее хотят.

Она была убеждена, что теперь, после жертвы, принесенной ею, она самой судьбой выделена из толпы мелких воришек. Поэтому, даже поняв приказ Сато в переводе По-иза, она замешкалась, подыскивая правильные слова, чтобы не выдавать товарищам сути их новых отношений и в то же время показать свое презрение к усатому дикарю. Унтер-офицер же, который не мог долго ждать, был вынужден подтолкнуть Не-лю в строй, и она, покраснев от нового оскорбления, заняла место с краю, рядом с Любой, которая помимо своей воли прочитала некоторые из мыслей Не-лю и была ими встревожена.

— Вы воры! — закричал высоким голосом Сато, как кричал когда-то лейтенант Макидо. — Вы грязные собаки! Я вас всех расстреляю!

По-из старался переводить не сами слова, а образы, которые виделись унтер-офицеру за этими словами, и следует сказать, они были не столь страшны, как слова, служившие скорее ритуальным действом.

— Я вас отучу! — Сато подошел к строю. Первым стоял капитан. Капитан поднял глаза на разъяренное лицо Сато и непроизвольно прикрыл рукой красную полосу на горле, чем позабавил унтер-офицера.

Сато не стал вынимать ножа. Дикари уже знали, как он действует. Он обойдется без него.

Рука Сато быстро поднялась. Он резко ударил капитана по щеке — голова дернулась, затылком капитан ударился о стену.

Сато не стал задерживаться. Продолжая ругать дикарей и грозить им смертью, он вышагивал вдоль строя и каждому (каждой) отвешивал пощечину — больно, оскорбительно, безжалостно.

Хрупкую Любу он чуть не сшиб с ног. По-из, который получил свою пощечину безропотно и даже успел чуть отклониться, подхватил Любу, подавляя в себе ненависть к Сато и надеясь, что она не прорвется наружу.

Удар — голова мотнулась, глаза помутнели от боли и обиды.

Удар — человек ударился затылком о стену.

Удар — за что? Так нельзя!

Подошла очередь последней — Не-лю.

Та смотрела в ужасе на своего насильника. Неужели он осмелится ее ударить?

Сато потрепал Не-лю по щеке — уверенно, как собаку.

Не-лю поняла, что предпочла бы, чтобы он ее ударил.

— Каждый замеченный мною в противоправных действиях, — заявил Сато, отступая от наказанных дикарей, — будет же-

стоко наказан. Сегодня это было не наказание. Сегодня было предупреждение. Сегодня я шутил и учил вас. Вы не заслуживаете другой участи. Но я не люблю повторять уроков. Вам ясно?

Никто не ответил ему, но Сато и не ждал ответа.

Он продолжал говорить, потому что уже продумал свои следующие шаги.

— Вы видите облака?

Облаков почти не было, если не считать ватных клочьев на синем небе.

— Пока облаков мало. Потом будет много. Потом будут дожди, каждый день. Вы паршивые бездельники, и я не хочу вас кормить. Но я добрый, и я покажу вам, где искать еду и как ее хранить. Если вы будете слушаться меня, то всегда будете сытые. Если вы будете делать глупости, я буду вас наказывать, и вы будете голодные.

Закончив монолог, Сато подумал вдруг, что неплохо бы одеть голое племя, ведь неприлично же женщинам ходить в чем мать родила. Но потом он отказался от такой попытки, которую было бы трудно осуществить без набега на деревню фанов или город Танги. Ведь пока эти дикари остаются голыми, им некуда спрятать оружие или замыслить иную гадость против своего благодетеля. Нет, пускай ходят голыми. Голыми родились, голыми прожили жизнь, пускай доживают как могут.

В то время старшему унтер-офицеру не приходила в голову мысль, что голые люди могут морочить его, что они на самом деле вполне одетые и даже ученые. Ни один человек не станет жить хуже, чем может, ни один не выкинет одежду. Если он не сумасшедший.

Все безропотно собирались на поиски пищи, только Ут-бе-бе попытался сопротивляться. Он ненавидел этого хама, он презирал Не-лю, которая, вернее всего, пожертвовала большим, чем имела на то право цивилизованная женщина, ради сомнительной позиции фаворитки. Он вознамерился бросить вызов Сато, но тут все начали уговаривать его не устраивать бессмысленных акций.

— Будьте разумны, — уговаривал его капитан. — В данной ситуации дикарь желает нам добра, не делая при этом добра. Вам понятен ход моих мыслей?

— Совершенно непонятен.

— Он признал нас своими, скажем, подопечными, но понимает, что прокормить нас будет нелегко. Значит, он должен научить нас искать и готовить пищу. А это в наших интересах. Каким бы ни было последующее наше решение, одним из главных условий выживания на Земле должно стать умение самостоятельно питаться. Неужели это вам непонятно?

— Понятно, — буркнул Ут-бе-бе.

— Тогда собирайтесь вместе с нами, а революцию оставьте на сытый желудок.

— Все революции совершаются голодными, — возразил Ут-бе-бе.

— Какое наивное заблуждение, почерпнутое из учебников официальной истории! На самом деле революции замышляются и проводятся в жизнь сытыми или очень сытыми людьми. А вот сражаются на баррикадах, как правило, голодные. И зачастую умирают раньше, чем успевают понять, на чьей стороне они оказались.

После этого внушения Ут-бе-бе согласился идти вместе со всеми.

И начался первый совместный поход старшего унтер-офицера Сато и племени голых людей.

* * *

Поход прошел мирно, правила игры, установленные старшим унтер-офицером, были приняты всеми — голые люди побаивались далеко отходить от наставника, так как он увел их вниз по течению реки в болотистую, пышущую влажным полдневным жаром долинку, где и росли всевозможные вкусные и полезные растения. От некоторых в еду шли стебли, другие имели сочные сытные корневища, третьи давали путнику свои плоды. Без помощи Сато пришельцы никогда бы не догадались искать эти растения, а если бы стали пробовать все без разбора, то уже через несколько дней вымерли бы в мучениях.

— Нам его послало небо, — сказал капитан, сидя на поваленном дереве и умело плетя из тростника корзину — вспомнились детские деревенские забавы. Не-лю, подносившая ему сорванные стебли тростника, соглашалась с капитаном, тем более что он ничем не показал, что был свидетелем насилия. — Мы обязаны как можно быстрее научиться у него всему, что он нам может дать.

— А потом мы его убьем, да? — Вопрос показался капитану странным. Он не мог для себя решить, движет ли Не-лю желание отплатить обидчику или она, отринув эмоции, рассуждает сейчас как член экипажа.

Обе версии капитана были неверными. На самом деле, не

желая себе в этом признаться, Не-лю уже с не свойственным ей вожделением перебирала в памяти сцену насилия и, желая на словах лишь смерти Сато, думала о том, намерен ли он покуситься на нее вновь.

— Если возникнет необходимость убить это существо ради спасения интеллектуального багажа нашей группы, мы будем вынуждены пойти на это, — ответил капитан, задумчиво глядя на кучевые облака. Эти слова подслушал Ут-бе-бе, мывший в луже неподалеку клубни дикого ямса.

— Вы непоследовательны, капитан, — сказал он. — Лишь вчера вы доказывали нам необходимость общей гибели ради чести планеты, а сегодня вы уже тщитесь сохранить наш интеллектуальный потенциал. Да наш потенциал уже равен нулю! Мы уже оглупели, если разрешаем дикарю делать с нами что угодно.

— Вовсе не все, что угодно! — огрызнулась Не-лю, воспринявшая упрек на свой счет. — И я, например, вовсе не поглупела. Мы должны быть благодарны... кормильцу. Да, кормильцу! Сегодня мы так можем его назвать.

Ут-бе-бе сардонически расхохотался, привлекши этим внимание Сато, который сидел на скале, свесив ноги и держа в поле зрения всех своих подданных. Порой он покрикивал на сборщиков пищи, если они вели себя глупо или рвали несъедобные плоды. По-из, стоявший у подножия скалы, передавал его слова остальным.

Старшему унтер-офицеру нравилась его новая роль. Ведь, не будь голых людей, ему самому пришлось бы заготавливать еду на дождливый сезон. Нравилось ему и то, что дикари оказались не настолько идиотами, как он решил вначале. Головы у них были. И даже кое-какие первобытные умения. Например, старик, которого Сато наказывал и даже хотел убить, оказался неплохим рукодельником — он плел корзину, и если корзины у него будут получаться, то такой старик — большая ценность. Молодой здоровяк, которому надо-то всего-навсего вымыть клубни дикого ямса, уже снова начал вводить в смущение старика и ту женщину, которой Сато сегодня благополучно овладел. Возможно, наказывать придется не старика, а вот этого молодого и наглого самца.

Солнышко пригревало, влажный зной расползался над долиной.

Господин старший унтер-офицер потянулся и подложил руку под голову. Он уже не боялся этих голых людей. Они сегодня будут послушными. Со зверями и детьми всегда надо чередовать плеть и плошку риса. Плетью он их наказал, и они испугались. Они ждали, что он будет бить их и дальше. А он оказался умнее. Теперь он привел их к плошке риса. И они испытывают благодарность.

Сато мирно заснул, о чем По-из сообщил остальным.

И сразу темп работ в долине упал, и только капитан продолжал плести корзину, думая о чем-то далеком.

А остальные, кто как мог, разлеглись на возвышенных местах и, отмахиваясь от насекомых, задремали.

* * *

Сато проснулся первым. Над горами, в стороне от ущелья, шел вертолет — он летел так далеко, что звук его мотора непосвященному показался бы комариным писком. Но Сато сразу проснулся. Он лежал, бодрствуя, но неподвижно, не открывая глаз — весь обращенный в слух. В последнее время вертолеты стали часто шуметь над этими дикими горами, но Сато не знал, что причиной появления вертолетов была активизация торговцев наркотиками и намерение Лигона вступить в АСЕАН, для чего требовалось доказать всей Юго-Восточной Азии, что правительство страны решило положить конец всевозможным безобразиям в районе «золотого треугольника»... Чтобы успешнее бороться с базами контрабандистов, надо было их найти, и в Лигоне началась большая операция по составлению подробных карт северных районов, для чего были использованы армейские части.

Ничего этого Сато не знал, но еще со времен войны усвоил, что самое опасное для солдата — звук авиационного мотора: скройся, исчезни, замри.

...Вертолет замолк — значит, ушел к фанским деревням.

Сато открыл глаза и тут обнаружил, что его новые подданные, воспользовавшись тем, что вождь задремал, тут же бросили работу и сами разлеглись отдыхать.

Если так пойдет и дальше, они быстро распустятся.

Эта мысль испугала Сато, а то, что его пугало, приводило старшего унтер-офицера в бешенство.

Он вскочил, как разъяренная пантера, и кинулся со скалы вниз. Усы его развевались, как тонкие косички на ветру, он прыгал среди разморенных жарой, сонных пришельцев, колотил их руками и ногами, как плантатор-рабовладелец, решивший, что обленившиеся рабы его разорят.

Только-только задремавшие люди вскакивали и пытались

укрыться от гнева самозваного вождя. Досталось и Не-лю. Лишь капитан сумел избежать наказания, потому что не спал и при приближении бури в образе Сато подхватил почти готовую корзину и сумел отбежать, прижимая ее к груди.

Обратно в пещеру возвращались подавленные, еле переставляя ноги. Каждый волочил свою долю продуктов, а капитан вместе с Ут-бе-бе, который шепотом рассказывал, как уничтожит этого бандита, волокли корзину, полную клубней ямса.

На площадке возле пещеры все еще мрачный Сато велел разложить продукты, чтобы просушить их. Затем приказал выделить дежурных, которые будут отгонять от продуктов птиц и зверей.

После этого он объяснил голым людям, что они ему надоели. Он не намерен терпеть их распутство, лень и никчемность. Пускай они убираются, откуда пришли, и не мешают ему жить, как ему хочется. Уходите.

Никто не двинулся с места, хотя Ут-бе-бе промычал нечто невразумительное, вроде бы намереваясь последовать предложению Сато. И этого-то Сато только и ждал.

— Кто сказал, что уходит? Это ты, шакаленок? — Он обнажил нож и бросился на Ут-бе-бе.

Ут-бе-бе был по своему развитию и силе молодых мышц куда сильнее и здоровее Сато. Но он не знал о насилии за пределами площадки для толкания мяча. И когда он увидел, как на него несется нож, к рукояти которого прикреплен бешеный убийца, он принял единственное возможное решение — не обращая внимания на камни и колючки, он понесся вниз по тропинке, да так быстро, что закаленный Сато отстал от него у реки.

Конечно, старший унтер-офицер мог бы догнать непокорного голого человека, не сейчас, то через полчаса. А догнав, спокойно зарезать, потому что Ут-бе-бе не знал, как остановить острый нож. Но Сато вспомнил, как дикари разделались с его пищей, и представил, как они сейчас, давясь и чавкая, пожирают собранные запасы. И потому он плюнул на сбежавшего Ут-бе-бе и быстро поднялся наверх, готовый к новой расправе.

Но расправляться было не с кем, потому что на площадке царила напряженная, но мирная атмосфера. Ведь пришельцы не были дикарями — то, что они позволили себе под влиянием крайнего голода, теперь, заморив червячка, они, конечно же, не могли себе позволить. К тому же они понимали: вся собранная пища предназначалась им самим. Так что они сидели на площадке, несчастные, потные, усталые и с трепетом прислушивались к звукам леса, ожидая услышать предсмертный крик Ут-бе-бе.

Когда Сато вернулся, они потянулись навстречу ему, а По-из, прочтя в его мыслях, что вреда Ут-бе-бе он не причинил, сообщил об этом остальным.

Остаток дня прошел без особых событий, и Сато был даже благодушен. Поэтому стороны употребили свободное время для того, чтобы побольше узнать друг о друге. И постараться, узнавая о другом, как можно меньше сообщить о себе. Будучи куда умнее и тоньше, чем старший унтер-офицер, пришельцы поняли, что некогда в этих краях была война и их новый вождь по имени Сато, вернее, господин Сато командовал одним из отрядов. Но потом наступала неясность, которую не смогли расшифровать даже переводчики, — почему-то отряд ушел, а господин Сато предпочел остаться в этих горах. Здесь он главный хозяин, все его боятся, и он не хочет уходить к другим людям...

Затем наступил второй вечер на Земле.

Небо начало быстро темнеть, переливаясь тропическими красками заката, сразу появились яркие звезды. Из ущелья потянуло холодом. Сато приказал Не-свелю принести с реки воды, для чего дал ей английскую каску, а сам, велев остальным оставаться у входа в пещеру, углубился внутрь. Там он забрался в тайник, где у него были спрятаны одеяло и валик, набитый сеном, чтобы класть под голову. Он устроил себе постель поближе к выходу, а потом сам раздал всем пищу на ужин, и никто из пришельцев не возражал, хотя Сато дал куда больше пищи женщине Не-лю и капитану — за корзину.

Тем временем Не-свелю спустилась к реке и стала зачерпывать воду. Внизу царили густые сумерки, и молодой женщине было очень страшно — за каждым кустом она видела образ подкрадывающегося хищника, и потому, когда, зачерпнув каской воды, она услышала мужской голос: «Не бойся, это я!», то испугалась и кинулась наверх, потеряв по дороге каску.

Когда она взлетела на площадку, там как раз заканчивался дележ продуктов на ужин.

— Что случилось? — спросил Сато, насторожившись.

— Простите, — ответила Не-свелю. — Но там кто-то есть. Я испугалась. Я убежала. Простите...

Сато вскочил. Он был готов к бою.

— А где миска? — спросил он.

— Я ее потеряла.

— Ты будешь наказана, — сказал Сато и медленно и бесшумно двинулся к краю площадки.

Но ему так и не удалось спуститься и узнать самому, куда делась каска.

Каска появилась на краю площадки — на вытянутых руках ее нес Ут-бе-бе. Он держал ее так, чтобы господин Сато видел, что Ут-бе-бе не питает никаких умыслов.

— Это я, — заявил он, и По-из поспешил перевести, чтобы Сато не зарезал молодого ученого. — Я был внизу, когда туда спустилась Не-свелю. Она испугалась и уронила каску. И я решил, что господин Сато, наверно, беспокоится, где же каска?

С этими словами Ут-бе-бе осторожно поставил каску у ног Сато.

Тот ловко поднял ногу и толкнул пальцами ноги Ут-бе-бе в лицо, так что тот свалился с площадки.

Затем Сато повернулся к Не-свелю и сказал:

— Ты все равно будешь наказана! Ты могла потерять миску. Ты поняла?

— Но я же не виновата! — громче, чем требовалось, воскликнула женщина. — Он меня испугал!

— Он уже наказан, и он поступил правильно, что принес миску с водой. Он может прийти сюда.

У всех наступило облегчение. Все переживали за судьбу Ут-бе-бе, которого могли сожрать дикие звери. Да и сам он боялся того же, иначе не принес бы наполненную водой английскую каску.

По-из прокричал Ут-бе-бе приглашение Сато.

Потом все сели за ужин. Наказанные Не-свелю и Ут-бе-бе должны были довольствоваться маленькими луковками. Хорошо еще, что во время сбора продуктов они успели поесть.

Быстро темнело. Появились комары. Все молча съели то, что им было положено. Затем Сато разрешил идти спать в пещеру. Сам он занял свою удобную постель из сена и накрылся одеялом.

Остальные разлеглись на травяных подстилках.

В пещере было темно. Но сквозь широкий вход можно было увидеть яркие звезды.

— Спокойной ночи, — сказал всем капитан. — Желаю вам здоровья и завтрашнего дня.

Это была обычная фраза, с которой капитан корабля обращается вечером к своему экипажу.

И все пришельцы были благодарны капитану Ут-direку за эти слова, напомнившие им, что они принадлежат к цивилизованному обществу и, если они будут поддерживать друг друга, есть надежда на спасение.

* * *

Сато не спалось.

Он был взволнован.

Двадцать два года он прожил в этих горах. И эти годы пролетели быстро, потому что Сато всегда был занят — трудно было прокормить себя, избежать встреч с людьми и зверями, перенести болезни и холода. И в то же время с сорок пятого года пролетело столько лет, что война и другие люди стали как бы привидениями. Можно убеждать себя, что они существуют, но ведь, вернее всего, их нет в живых. Они утонули на пути в Японию, они погибли в последних боях или умерли от болезней. И Сато остался последним человеком на Земле. Последним настоящим человеком. Но если это так, значит, жизнь его потеряла смысл, потому что он был как облако, которое пройдет над горами, даже не излившись дождем... Может быть, не надо было убивать ту горянку? Она родила бы ему сына. Но зачем так грустить, старший унтер-офицер? Ведь вместо горянки у тебя есть несколько жен, боги прислали тебе рабов. А что, если это тоже испытание? Испытание его мудрости? Может, сейчас за ним следят сверху, с небес, чтобы решить, достоин ли он княжеской власти. Ведь, конечно же, голые люди — не настоящие люди, а, вполне возможно, оборотни. Разве могут быть настоящие дикари с такими нежными руками и ногами, разве может быть в мире племя, которое не умеет само себя прокормить? Словно они свалились с неба. Вот именно — свалились с неба!

Быстро холодало — ночи в горах куда прохладнее, чем в долине. Сато натянул одеяло до самого подбородка. Он подумал, что голым людям, наверно, тяжко переносить такую погоду, но если они идут с севера, то для них такие холода привычны.

Сато слушал, как кашляют, ворочаются, вздыхают, но не смеют переговариваться его люди.

Он угадал, скорее чутьем, чем глазами — даже его остроты зрения не хватало, чтобы разглядеть, что происходит в пещере, — что к нему осторожно, на четвереньках, приближается женщина. Он понял, что Не-лю, которую он осчастливил сегодня днем у реки (а он уже нашел для себя самого нужное слово: осчастливил), замерзла на жалкой кучке травы и будет проситься под одеяло. Сато даже улыбнулся этой мысли и подумал, что зря он сам не приказал ей лечь с ним. Это и приятно, и тепло.

Сато не боялся этой женщины — он уже почти не боялся дикарей. Потому что они его боялись.

Женщина склонилась к нему и что-то прошептала на своем неразборчивом языке.

— Давай, — сказал Сато, и его голос пронесся по пещере, но Сато было безразлично, слышат его или нет.

Женщина шарила руками по одеялу, нащупывая старшего унтер-офицера, чтобы возлечь к нему. Когда женщина забралась под одеяло, обнаружилось, что у нее такие холодные ноги, что Сато чуть не убежал. Но средние части тела были куда теплее, чем ноги и пальцы рук, и Сато вскоре забыл о том, что ноги у нее холодные.

Женщина нежно прижималась к Сато, и у нее был гладкий шелковый живот и полные нежные губы, а волосы были пышными и упругими.

— О-ляляля, — горячо шептала женщина, и Сато подумал, что он не уверен в том, что обнимает свою Не-лю, — кажется, у той волосы были короче и скуднее. Да и запах иной. Как зверь джунглей, Сато имел тонкое обоняние и память на запахи — все звери имеют память на запахи. Запах у женщины, которая так прижималась к унтер-офицеру, был иной, чем у Не-лю.

Руки женщины были ловкими и настойчивыми. Они щупали, гладили, пощипывали, царапали унтер-офицера, и в нем проснулось страстное желание обладать этой женщиной, и он не отказал ей в удовлетворении ее желания, потому что исполнял свой долг — быть мужем всех женщин своего племени.

Но все равно его смущало то, что он входит за один день во вторую женщину. Может быть, произошла ошибка? Может быть, эта женщина шла к другому мужчине и в темноте ошиблась?

Вряд ли это возможно. Ведь неизвестная женщина только что сняла с него штаны, а у других мужчин штанов не было. Зачем снимать штаны с того, на ком их нет? Значит, ее не удивило, что на нем были штаны?

На этом ход мыслей Сато был вынужденно прерван, потому что дыхание неведомой женщины стало учащаться, руки ее все сильнее прижимали к себе податливое, но непривычное к таким объятиям жилистое тело старшего унтер-офицера. От женщины уже исходил такой жар, что Сато начал погружаться в него, словно в горячую ванну — как в детстве в деревенской бане...

И тогда, не умея и не желая побороть в себе зверя, Сато подмял под себя трепещущее тело, отыскал дверь в него и ворвался внутрь, как снаряд трехдюймового орудия, и начал производить опустошительные действия внутри женского тела, которое, разумеется же, не принадлежало доброй и мудрой Не-лю, а принадлежало кому-то еще — скорее Не-свелю, красавице, полной сил и энергии, нежели субтильной и робкой Любе.

А пещера не спала.

Пещера завороженно вслушивалась в учащающиеся вздохи и стоны, но так как акт любви происходил в полной темноте, лишь переводчики (телепаты) были уверены, что знают истину, вслушиваясь в попытку замерзшей в ночной пещере и потому презревшей условности и преступившей гордыню красавицы Не-свелю попасть под теплое одеяло к пожилому японскому унтер-офицеру.

Остальные терялись в догадках.

Капитан почему-то решил, что любовная сцена разыгрывается между Ут-бе-бе и красавицей Не-свелю, а штурман Ут-пя полагал, что, пользуясь темнотой, сблизились телепаты. Ут-бе-бе надеялся, что стал свидетелем того, как развивается роман между Сато и Не-лю.

Не-лю, к сожалению, знала точно, что лежит на холоде, а Сато рядом нет. Она знала также, что стонущий мужской голос принадлежит ее недавнему насильнику, и ей было ясно, что унтер-офицер не удовлетворился ее стареющим телом, а поддался провокации одной из двух других женщин — вернее всего, этой кошки Не-свелю, которой мало было загубить талантливого изобретателя Ут-мгн и которая теперь ради лишнего куска хлеба пытается оттолкнуть локтями других, более достойных людей.

Любовные стоны, достигшие апогея, заставили остальных людей заткнуть уши, а Любу даже выбежать из пещеры, на ночной холод, так ее смутили и раздразнили чувства, проникшие в ее подсознание.

— Ты настоящий мужчина, — благодарно прошептала женщина, лежавшая в объятиях Сато. Но Сато не понял ее слов, хотя ему было очевидно одобрение.

Не-свелю, а это была, разумеется, она, одарив унтер-офицера искренней и горячей любовью, подобной которой он, конечно, не знал ранее, рассчитывала не только и не столько на постоянную склонность, как на то, чтобы не замерзнуть ночью. Да и желание подарить свое прекрасное тело дикарю возникло у нее в полусне, когда она поняла, что не доживет до рассвета. Так что, став сосудом, одарившим Сато любовью, она обняла его горячими руками и вознамерилась счастливо заснуть под теплым одеялом.

Но не тут-то было! Именно в тот момент, когда Не-свелю

начала успокаиваться, по-хозяйски прижав к себе старшего унтер-офицера, лопнуло терпение у ее старшей товарки — магистра наук Не-лю.

Та понимала, что ее держит в когтях морозная зима, что к ней приближается смерть и виной тому — эгоистический, недостойный цивилизованного человека поступок шлюхи Не-свелю. Не-лю не могла более мириться с этим. Она поднялась с кучки колючей травы и сделала шесть шагов, которые отделяли ее от ложа любви. По-из, на которого она наступила по пути, попытался мысленно ее успокоить и остановить, но, конечно же, в этом не преуспел.

Злобной фурией Не-лю рухнула на одеяло и стала вытаскивать из-под него только что задремавшую соперницу.

Та не сразу сообразила, что за беда на нее обрушилась, но, когда поняла, стала сопротивляться, пустив в дело ногти и зубы, однако хуже всех пришлось Сато, потому что схватка двух женщин происходила на его теле, которое пинали, рвали, царапали, втаптывали в каменный пол две крупные и хорошо упитанные женщины.

Остальные обитатели пещеры вскочили, но не подходили ближе, чтобы не попасть под случайный удар. Все молчали, кроме Ут-бе-бе, который громкими веселыми криками подбадривал воительниц.

В конце концов Сато удалось откатиться в сторону, освободиться от женщин и от одеяла.

В кромешной тьме он видел не намного лучше пришельцев, но все же имел преимущество перед ними, точно зная, кто где находится.

Поэтому, изловчившись, Сато схватил за волосы Не-лю и вспомнил, как недавно ласкал эти волосы, гладил их и трогал губами. Тут же он изгнал из себя ненужное воспоминание и принялся молотить ее кулаками, чтобы она пришла в себя. Женщина сначала отбивалась, не понимая, кто ее так больно колотит, но потом перестала сопротивляться и постаралась уползти и спрятаться как можно дальше.

Сато не стал ее преследовать, а вытащил из своей постели вторую, еще горячую любовницу и задал ей, совсем уж ни в чем не виноватой, такую же взбучку, как и старшей женщине. А потом изгнал ее со своего ложа.

Уверенный в том, что больше никто не нарушит его сна, Сато завернулся в одеяло и попытался заснуть.

А женщины так и не смогли отыскать в темноте свои жалкие

постели, и тогда По-из открыл для них свой мозг и позвал их мысленно к себе, чтобы обняться и всем вместе согревать друг друга.

Почти все пришельцы сбились в живой ком и постарались заснуть, только Не-лю и Не-свелю не спали — слишком болели места побоев, нанесенных унтер-офицером. Поэтому они тихо плакали, стараясь не разбудить остальных.

Не спал и Ут-бе-бе.

Он хотел уничтожить Сато, но затем решил уничтожить Не-свелю. Он думал о том, что мы терпим несправедливости и переносим беды по собственной вине. В конце концов, женщины сами напрашивались на обед к людоеду. И еще неизвестно, кто же более всех достоин смерти — может быть, и не дикарь, а цивилизованные женщины, доктора наук, унизившие не только себя, но и великую цивилизацию, отправившую их в космос.

Рассуждая так, Ут-бе-бе мирно задремал, и его осторожная дремота вскоре превратилась в мирный глубокий сон, который, однако, был снова и еще более драматически прерван.

Как ни странно, новое возмущение произошло от наиболее спокойного члена экипажа — штурмана Ут-пя, который ранее не вмешивался в конфликты и не изъявлял желания расправиться с Сато.

Но в ту ночь, лежа на жесткой подстилке и страшно страдая от холода, Ут-пя мысленно прошелся по своей относительно долгой и относительно успешной жизни и понял, что ей суждено завершиться здесь, на отдаленной дикой планете, хотя бы потому, что у него не осталось больше сил сопротивляться судьбе. Представляя себе, как и каждый разумный человек, возможность своей смерти, он не мог предположить, что она будет столь грязна, бессмысленна и унизительна. Оказываются, в приказе правительства об обязательном самоубийстве экипажа в случае опасности высадки на Землю заключалась высшая мудрость — умереть надо достойно. Струсил, сохранил себе жизнь ценой сделки с совестью — вот ты и обречен на медленное умирание, как свободолюбивый хищник в зоопарке.

Ут-пя был крайне огорчен тем, что благородные женщины планеты Дом ради ночного тепла, ради лишнего куска пищи стали продавать свою честь и тело. Ему было грустно видеть, как его коллеги покорно сносят издевательства унтер-офицера, хотя ничто не мешает им объединиться и изгнать его. Итак, цивилизация Дома не выдержала испытания прошлым, испытания звериными законами древнего мира. Но честь этой цивилизации

можно было спасти. А спасти ее мог теперь только один человек — бывший штурман Ут-пя, уже готовый пожертвовать собой ради свободы остальных.

«Сейчас я подползу к нему, — планировал свою акцию штурман, — и отыщу в темноте его горло. Я тяжелее его, я его задушу... Нет, не годится! Он сбросит меня и вырвется. Значит, надо отыскать тяжелый предмет, чтобы ударить унтер-офицера по голове».

Второй вариант был проще, не требовал борьбы с еще живой жертвой, и его можно было завершить в одну секунду. Надо было только отыскать камень..

Ут-пя понимал, что остаток жизни его будет мучить совесть за страшное преступление, на которое он идет ради своих товарищей. «Вернее всего, единственным выходом для меня станет смерть, — думал штурман. — Зато остальные вздохнут свободнее. И не придется честным женщинам торговать своим телом, а отважному капитану подставлять глотку под острый нож».

Камень отыскался на удивление быстро, как будто лежал под рукой и ждал своего часа. Это обрадовало штурмана, это было знамением удачи.

Теперь надо было встать так, чтобы никто не услышал его движения.

Штурман приподнялся на локте и некоторое время прислушивался к дыханию других обитателей пещеры. Но не смог расслышать ничего подозрительного.

Тогда он пополз на четвереньках к ложу унтер-офицера, ощупывая перед собой пол свободной рукой. Главное — не ошибиться, главное — не поднять руку на кого-то из своих...

Но и тут счастье было на стороне штурмана.

Его ощупывающие камень пальцы наткнулись на грубую ткань — край одеяла, которым был накрыт Сато,

А где же его голова? Полцарства за фонарик!

Штурман прислушивался к дыханию унтер-офицера. Во сне тот заскрипел зубами, задышал часто, словно бежал.

«О небо! — подумал штурман. — Ведь это тоже человек! Живое существо, с его надеждами, болью и разочарованием! Имею ли я моральное право поднять на него руку и прервать его жизнь, даже если по отношению к нам этот человек ведет себя не лучшим образом?»

Штурману захотелось ощупать голову, чтобы еще раз убедиться в том, что не произойдет ошибки. А вдруг какая-либо из женщин все же вернулась под одеяло к Сато и он сейчас совершит убийство невинного человека?

Так Ут-пя и замер с камнем в руке, а мысли его скакали, неслись, сшибая друг дружку. С одной стороны, он был убежден в правильности своего решения — ему было ясно, что пришельцы столкнулись с бессовестным преступником, который по мере того, как ему будут уступать, будет становиться все наглее. Сегодня он порезал ножом капитана и изнасиловал женщин, завтра он начнет калечить и убивать невинных людей. Долг, именно долг заставляет Ут-пя заняться самосудом... И тут же появились мысли иные, требующие иной справедливости. Почему действия капитана, убившего второго штурмана, допустимы и простительны, ведь второй штурман хотел жить не меньше, чем капитан? Почему правительство планеты Дом считает себя вправе издать приказ, предписывающий космонавтам массовое самоубийство ради неких государственных мертворожденных ценностей, ради того, чтобы некие чины в управлении стали еще более могущественными и послали новых людей в новые авантюры с тем же бесчеловечным приказом? Неужели действия Сато, мучающего и угнетающего людей ради собственной маленькой выгоды, хуже, чем действия гигантской машины, которая придает своим бандитским приказам форму закона? Чем страх, который испытываем мы перед Сато, отличается от страха, который мы, хоть и не признаемся в этом, испытываем перед государством? Не потому ли, что государство называет свои преступления нашими жертвами во имя высокой цели?

Так Ут-пя стоял на коленях над человеком, накрытым одеялом, занеся камень над его головой и никак не решаясь ударить им этого человека.

И в конце концов случилось то, что должно было случиться. Ут-пя покачнулся от напряжения, и это движение разбудило Сато. Тот в мгновение ока догадался, что ему грозит опасность, вскочил, выхватил камень из руки штурмана Ут-пя и сильно ударил того по голове.

И случилось это столь быстро, что даже переводчики не проснулись — им лишь снились кошмары, кровь и смерть...

Сато вновь улегся под одеяло, но долго не мог уснуть, потому что ему все грезилось, как голые мстители подкрадываются к нему со всех сторон.

* * *

Когда рассвело и за пределами пещеры запели первые птицы, луч света, проникший в пещеру, обнаружил там такую картину: в одной стороне зала, накрывшись одеялом с головой,

мирно похрапывал старший унтер-офицер, в другой стороне клубком, перепутав руки и ноги, так как каждый стремился забраться в теплую сердцевину клубка, спали все остальные люди, а разделяло эти два спальных ложа недвижное тело штурмана Ут-пя, на лысой макушке которого располагалась гигантская шишка. Рядом с ним лежал небольшой округлый камень, которым, видно, и был нанесен удар.

Медленно и бесшумно, как привидения, пришельцы поднимались с камней и скапливались вокруг тела Ут-пя, не смея обеспокоить сон старшего унтер-офицера.

Женщины опустились перед штурманом на колени, а Ут-бе-бе, имевший медицинское образование, приподнял веко штурмана и одними губами произнес:

— Сомневаюсь.

На что чувствительная Люба мысленно ответила:

— А мне кажется, что в нем еще теплится жизнь.

В этот момент, почувствовав движение в пещере, очнулся Сато. Он сразу сел и схватился за нож.

«Странно, — подумал он, окидывая быстрым взглядом группу голых людей. — Еще вчера вечером я их не боялся, а теперь, когда мною подавлено всякое сопротивление, когда они боятся даже слово сказать в моем присутствии, что-то меня тревожит и терзает, я жду удара в спину».

— Он хотел меня убить, — сказал Сато громко. — Вы слышите?

Все обернулись к переводчикам.

— Он так думает, — сказал По-из. — Он искренне так думает. Ут-пя напал на него.

— Молодец Ут-пя, — заметил себе под нос Ут-бе-бе, — хоть смог умереть достойно. В отличие от прочих... — Под прочими Ут-бе-бе самокритично подразумевал и себя.

— Так будет с каждым, — продолжал Сато, — кто осмелится поднять руку на создателя государства справедливости и вечного покоя!

И все догадались, что государством справедливости теперь будет именоваться темная пещера с ее обитателями.

Не выпуская ножа, Сато поднялся и подошел к телу Ут-пя.

— Шакал! — сказал он презрительно. — В темноте, ползком, хотел меня убить... А ну, всем кричать: шакал!

Все негромко крикнули слово, обозначающее на языке планеты Дом животного, которое питается падалью.

От этого звука Ут-пя очнулся, открыл глаза, но, к сожалению, никого не узнал.

— Простите, — спросил он склонившуюся ближе других Любу, — где мы находимся?

— О небо! — обрадовалась Люба. — Он жив!

Все стали радоваться тому, что Ут-пя жив. Сато не стал радоваться с остальными, а вышел на площадку и понял, что забыл оставить часового на ночь — с рассветом на площадку слетелись птицы и сбежались мелкие животные, чтобы поживиться плодами вчерашних трудов.

Сато закричал на мародеров, а затем призвал своих подданных перетаскивать поредевшие запасы внутрь пещеры.

Ут-пя продолжал лежать на каменном полу и никак не желал узнавать своих товарищей. Ему казалось, что он находится на родной планете Дом, в детском лагере отдыха, а от роду ему одиннадцать лет.

К вечеру он решил, что он старушка Не-коватон, некогда покорившая северный полюс его родной планеты. Вернуть его к сознательному образу мыслей не удалось.

В последующие недели весны 1977 года голое племя во главе со своим вождем вело размеренный и организованный образ жизни. С утра после краткого туалета и уборки помещения Сато лично проводил час строевой подготовки, затем мужчины уходили на поиски пищи, а женщины, если не были заняты тем же, принимались за приготовление обеда, а также обрабатывали продукты питания на дождливый период. После обеда Сато распределял поощрения и наказания. Последних было куда больше. Затем снова начиналась строевая подготовка, смысла которой никто из голых людей так и не осознал. А объяснения Сато никого не смогли удовлетворить. Пришельцы остались в убеждении, что строевая подготовка — это религиозный ритуал жителей горных областей Земли.

Вечером проходили очередные наказания и поощрения, а после наступления темноты Сато отправлялся спать, беря к себе на ложе Не-лю либо Не-свелю в зависимости от настроения. Эти две женщины порой ругались и дрались из-за права спать с унтер-офицером, потому что это давало немало преимуществ в питании и занятости, а Сато, будучи в принципе разумным повелителем, отдавал свободную от его постели наложницу наиболее отличившемуся в строевой подготовке мужчине. Этот факт был неприятен женщинам, потому что никто из них не хотел спать с По-изом или потерявшим память и рассудок Ут-пя. Но закон есть закон. Любу Сато не стал использовать в качестве на-

ложницы, так как не любил костлявых женщин. Люба была счастлива.

Апрель не принес успехов в строевой подготовке, и Сато отказался от мысли раздать мужчинам деревянные ружья и сабли.

Тогда в ущелье появились лигонские солдаты.

Сначала участились полеты вертолетов. Каждый день над ущельем проходила одна, а то и две машины. Правда, голые люди вертолетов не боялись — может быть, встречались с ними, когда жили севернее, в китайских горах, а может быть, принимали их за больших птиц.

Затем наступил тот плохой день, когда Сато, собравшись за улитками, увидел идущих вдоль реки лигонских солдат. Солдаты громко переговаривались, смеялись и ничего не боялись. У Сато кольнуло в сердце — как у человека, который стриг газон у дома и вдруг увидал, как чужой автомобиль подминает зеленую травку.

Сато сидел на толстом, нависшем над рекой суку и представлял себе, как прыгнет на солдат сверху, разорвет их, растопчет, растерзает... Но он был достаточно осторожен, чтобы не дать ненависти овладеть собой. Чего он добьется, напав на патруль? Ведь он один, а солдат много и в случае его нападения будет еще больше. Иное дело, если бы удалось натравить на патруль контрабандистов, но этим ущельем крупные группы контрабандистов и торговцев наркотиками не проходили — оно было слишком диким и тесным.

Пропустив солдат и надеясь, что они не заметят пещеру, Сато вернулся домой.

Он собрал голых людей перед пещерой и сказал так:

— В наше ущелье забрались бандиты, которые ищут голых людей, чтобы их убить.

— Зачем им нас убивать? — удивился Ут-бе-бе.

— Когда убьют, тогда и узнаете, — ответил Сато. — А пока вы мои люди, и я хочу, чтобы вы были живыми. Приказываю: ни в коем случае не попадаться на глаза людей в зеленой одежде и зеленых шляпах. Если они выследят нашу пещеру, то я раньше убью вас всех, чем допущу этих солдат замучить вас до смерти!

Сато был так искренен, что По-из и Люба растерялись — лжет он или на самом деле эти ненавистные люди в зеленой одежде охотятся на голых людей?

— Не исключено... — заметил капитан, когда пришельцы обсуждали эту проблему в отсутствие Сато. — Не исключено, что некая группа, местная или инопланетная, получила приказ от Галактического центра найти нас и обезвредить.

— Или наши, с Дома, их послали, — сказал Ут-бе-бе.

— Я буду им играть и петь, — сказал сумасшедший Ут-пя.

— Помолчи! — приказала Не-лю.

На Доме к юродивым, сумасшедшим и маразматикам относятся плохо. Само их существование — сильный аргумент в пользу теории оглупления — самого страшного, что может ожидать человека. Так что потерявший память штурман Ут-пя не пользовался сочувствием своих соплеменников. Плохое отношение к нему объяснялось также и тем, что всем приходилось тратить немало времени на строевую подготовку, которая, несмотря на старания новобранцев и строгость унтер-офицера, не давала желаемых плодов. Пришельцы отвратительно держали строй и сбивались с ноги. Сато объявил потерявшего память штурмана Ут-пя оркестром. Тот сделал себе дудочку и с наслаждением упражнялся в самое непотребное время суток. А когда, невзирая на пол и возраст, ученые под душным грозовым небом тянули носок или делали все «на-пра...во!», Ут-пя сидел в тени и пронзительно дудел, вызывая всеобщую ненависть. Дважды пытались разломать дудочку, но, как и любая борьба не с причиной, а со следствием, эти покушения ни к чему не привели, если не считать того, что каждая последующая дудочка становилась пронзительней предшественницы.

— Возможно, они лишь замаскированы под людей, — заметил Ут-бе-бе, который в последние дни переменил отношение к Сато, так как тот произвел его в ефрейторы и обещал при первой же возможности нашить ему на петлицы три золотые звездочки, а пока разрешил спать с Не-свелю в те ночи, когда она не была занята с господином старшим унтер-офицером.

Люба подумала, что лучше бы она покончила с собой, когда было надо, чем переживать, страшиться угроз. Ведь По-из, хоть и хороший человек, все же не защитник.

По-из уловил мысль любимой девушки и смирился с ее правотой.

— Нам надо уходить, — сказал капитан Ут-дирек. — Наверное, господин Сато знает укромные уголки, где можно отсидеться, пока не кончатся поиски.

— Откуда ты знаешь про укромные уголки? — рассердился Сато. Но По-из добавил, что капитан ничего не знает, но думает, что такой предприимчивый и осторожный человек, как господин Сато, обязательно должен иметь запасное убежище.

Сато хмыкнул и ничего не ответил.

Он не знал, зачем шастают по ущелью солдаты, и потому

беспокоился втройне. Если они решили устроить пост, то никакие запасные убежища ему не помогут.

На следующий день появились новые основания для тревоги.

Из пещеры Сато увидел, как в кустах на том берегу кто-то таится. И не только таится, но и скрытно наблюдает за входом в пещеру. Сато провел больше часа, стараясь понять, кто этот наблюдатель. В тот день он не стал рассказывать об этом своим подчиненным — зачем их пугать? Но сам — по зайчику от стекла бинокля, по слабому отблеску на кокарде, по светлому пятну лица, разрезанному стволом бамбука, — был уверен, что за ними наблюдают военные и что внимание к пещере не случайно. Что-то военные узнали, кто-то был неосторожен.

Сато рассердился и, хоть в этом не было большого смысла, вызвал к себе Не-лю и зашел вместе с ней за скалу. Не-лю выполняла должность фискала, за что получала дополнительное питание. Не-лю высказала предположение, что неосторожность проявила Люба, которая в последнее время стала единолично и без разрешения вождя собирать бесполезные цветы.

Сато выдал Не-лю премиальное яблоко, затем взял плетку, сплетенную для наказаний умельцем-капитаном, и велел Любе, которая в тот момент чистила дикие луковицы, следовать за ним к речке. Уходя, он приказал Ут-бе-бе не пускать По-иза на выручку девушки — он знал, что По-из наверняка уловит внутренние крики наказанной. Ут-бе-бе ответил, что приказ будет выполнен, а Люба, поняв уже, что ее ждет порка, причем незаслуженная, задрожала — ее еще ни разу не пороли. Бить — били, но не пороли.

— Повернись.

Сато велел девушке встать на четвереньки и принялся ее пороть. Люба не сопротивлялась и терпела, в первую очередь чтобы не доставлять горя несчастному По-изу. Она терпела, содрогаясь от ударов плетью, и Сато постепенно возбудился этим зрелищем и, несмотря на сопротивление переводчицы, вошел в нее — и стал ее первым мужчиной. Люба горько рыдала. По-из тоже плакал и грозил самоубийством. Капитан собрал всех космонавтов, и коллектив постановил выразить порицание Не-лю, которая донесла на переводчицу, в результате чего та пострадала физически и морально. Но Не-лю не приняла упрека, заявив, что ее саму не раз так унижали.

Солдаты не ушли из ущелья — они устроили лагерь милях в двух выше по реке, на другом берегу. Там были палатки для жилья с кроватями, а также большая палатка со столом для еды.

Еще палатка — кухня. Сато понимал, что такой лагерь продержится до сильных дождей, потом его смоет. Дожди должны были начаться со дня на день. Во всем этом была загадка.

Загадка еще более усугубилась, когда на вертолете привезли совсем чужих и непонятных людей. Одна женщина и двое мужчин были инглизами, толстый индус в черном пиджаке, который жевал бетель, командовал поварами и прислугой, а еще один важный господин был лигонцем, но одевался как инглиз. С ними прилетел майор лигонской армии. Сато показалось, что именно он наблюдал за пещерой несколько дней назад.

Все эти люди ели, пили, громко разговаривали, словно были у себя дома. Сато пожалел, что не взял с собой По-иза, который бы мог забраться к ним в мысли и разгадать, зачем они сюда приехали. Но брать По-иза опасно после истории с наказанием Любы.

Следующий день принес новые беды.

Инглизы подобрались к пещере и смотрели на нее из кустов с той стороны. Наверно, они думали, что в пещере живут больные идиоты, которые ничего не видят и не слышат. Впрочем, здесь Сато был не совсем прав: именно его голые люди и вели себя так, словно никогда раньше не жили в лесу. Они не замечали самых очевидных вещей — следов, оставленных солдатами, подходившими к речке, и мелькания многочисленных наблюдателей всего в ста шагах от пещеры. Скоро они будут сталкиваться с солдатами в лесу и говорить: простите, мы с вами еще не встречались?

Голые идиоты занялись между тем проблемой добывания огня. Они заявили своему вождю, что огонь можно добывать трением. Сато, мысли которого были заняты куда более важными проблемами, не стал с ними спорить. Капитан сам сделал какие-то паршивые палочки, тер их, а когда из этого, разумеется, ничего не вышло, страшно расстроился и чуть не расплакался — ему, видите ли, захотелось жареной рыбки. А унтер-офицеру хотелось сказать: будет тебе жареная рыбка, все тебе будет.

Конечно, если бы жизнь была иной, Сато дал бы им зажигалку. У него была хорошая газовая зажигалка — нашел на убитом контрабандисте. Но дым — самое опасное, чем себя может выдать отшельник: дым видно за много миль. Особенно сверху.

Сато ничего не стал говорить голым людям. Пускай живут, как индюки, предназначенные на убой, пускай себе квохчут. Дикими жили, дикими и помрут. Сато даже отменил строевую подготовку и изучение японских команд.

Он уже принял решение — уходить в секретное убежище. Надо было взять с собой все припасы, заготовленные на дождливый период, иначе племя вымрет — там, в секретном убежище, с едой не очень хорошо.

Но Сато медлил. Медлил потому, что так и не понимал, что нужно от него и голых людей приехавшим военным и инглизам. Почему инглизы и лигонцы действуют вместе? Они охотятся за Сато? Или за голыми людьми? А может быть, они ищут контрабандистов?

Готовый уже объявить своим подданным о подготовке к эвакуации, Сато решил подождать еще одну ночь.

Ночью произошли события, которые все изменили.

Этой ночью толстый индус в черном пиджаке ушел из военного лагеря и направился вверх по течению реки.

Сато не спалось, и он даже выгнал в ту ночь Не-свелю, которая надеялась понежиться под одеялом, вышел на площадку перед пещерой и услышал, как толстый индус, совсем не приспособленный к хождению по горам, ломится сквозь бамбук. Сначала Сато решил даже, что бредет сошедший с ума слон.

Убедившись, что по лесу в одиночестве прет индус, Сато покинул пещеру и последовал за директором Матуром.

Он сопровождал его до пещерки, в которой Матур нашел труп гонца, потом шел за ним обратно до самой своей пещеры. Он не хотел ничего делать с индусом, чтобы не вызывать к себе дополнительного внимания и подозрений военных, но, когда толстый индус поперся к большой пещере, Сато потерял присутствие духа. Ему вдруг показалось, что толстый индус догадался, кто убил контрабандиста и где надо искать мешочек с рубинами. А может быть, не догадался, а узнал? Может быть, у них с покойником был условный знак, который тот успел оставить перед смертью?.. Индус может потребовать мешочек с рубинами, а не отдашь — завтра придут солдаты.

У самой пещеры Сато догнал Матура и сильно ударил по голове дубинкой.

В тот момент он не думал, убьет Матура или нет, он просто не хотел пускать его в пещеру.

Матур лежал на земле. Сато присел возле него на корточки и стал думать.

Он думал долго, пока Матур не застонал. Оказалось, он еще живой.

Что же теперь? Добить и спрятать труп? Здесь труп спрятать не так просто — опытные горцы, а их-то и набирали в погранич-

ную стражу, скоро его отыщут. А Пруи слишком мелка на перекатах, чтобы унести труп в долину.

И вот, глядя на бесчувственного Матура, Сато понял, что сначала его нужно допросить. Узнать у него, кто и зачем пожаловал в ущелье.

«А потом, перед тем как уходить, мы его добьем».

И, решив так, Сато взвалил неподъемное тело Матура на спину и, пошатываясь под его тяжестью, поднялся к пещере.

Юрий Сидорович Вспольный

Я вынужден ненадолго вмешаться в последовательность событий, потому что хронологически они уже подошли к тому моменту, когда на сцене появляемся мы — участники международной конференции в Лигоне.

Вряд ли кто-нибудь сможет обвинить нас в слепоте. Поймите меня правильно — если бы пришельцы были в скафандрах, если бы их глаза излучали сияние, а по бокам болтались три пары рук, разумеется, мы бы догадались, что имеем дело с инопланетянами. Но как можно было предположить такое, если мы видели самых обыкновенных голых дикарей, которые вели себя как голые дикари. Мы словно заглянули в баню и не смогли угадать, кто там генерал, а кто нищий.

Не помогло и посещение пещеры, потому что там мы не увидели ничего, кроме экскрементов и кучек сухой травы.

Так что, несмотря на мою неприязнь к директору Матуру, я вынужден признать, что ему нелегко было бы догадаться, с кем же мы имеем дело. Разумеется, если бы в плен к голым людям первым попал я, то открытие не заставило бы себя ждать и было бы квалифицированно оформлено. Но мне не повезло, потому что я не дружу с контрабандистами.

Я на время предоставлю слово директору Матуру и процитирую некоторые отрывки из его в целом лживой книги. Но, как мне кажется, те страницы, что описывают его появление в пещере, в общем правильно отражают действительность.

Директор Матур

Я пришел в себя в полутемном помещении с низко нависающим каменным потолком. Лежать было неудобно. Попытавшись подняться, я понял причину неудобства — мои руки были связа-

ны за спиной, а ноги, очевидно, также опутаны веревкой или лианой. По крайней мере я не смог их раздвинуть, а попытка подтянуть их к себе, чтобы понять, в каком они состоянии, не увенчалась успехом. Резкое движение вызвало вспышку боли в затылке. Тут я вспомнил, как шел по ночному лесу и услышал шорох в кустах... Все! Значит, на меня напали эти людоеды, значит, они связали меня, притащили в свой вертеп и теперь, вернее всего, готовят большой костер, чтобы меня поджарить, или ушли на поиски душистых приправ. Может, они не едят людей без перца, лука и чеснока?

Я мог с уверенностью сказать, что лежу на полу в той самой пещере, за которой мы наблюдали. Значит, самые худшие мои опасения сбылись.

Каждый человек знает, что он в конце концов умрет. Некоторые относятся к этому с ужасом, другие спокойно или даже с ожиданием прекращения земных страданий и беспокойств. Но в один прекрасный день доктор говорит тебе: «Что-то мне не нравится этот прыщик! Сделайте-ка онкологический анализ!» И все! В тот же момент ты выпадаешь из среды прочих людей, которые умрут когда-то, и оказываешься в числе тех, кто умрет скоро.

Так случилось и со мной. Только что я наблюдал за этой пещерой со стороны, даже сочувствуя несчастным дикарям, которым нечем прикрыть чресла. И вдруг — о несправедливость моей кармы! — я стал пленником, то есть существом ниже, чем они сами.

Мои тревожные мысли прервал странный звук. Музыкальный, но непривычный, неприятный и тревожный, он доносился из темноты пещеры. С большим трудом я приподнял голову и разглядел там, у стены, сидящего на корточках голого дикаря, который дул в подобие свирели. Так вот кто мой тюремщик!

— Эй! — воскликнул я, намереваясь поставить на место этого хама. — Приказываю сейчас же развязать меня, иначе я от вас здесь камня на камне не оставлю!

Дикарь удивился звуку моего голоса, поднялся и подошел поближе.

Вид у него был очень зловещий, рот изогнулся в коварной ухмылке. Кулаки покачивались над моей головой.

Я честно и по мере сил точно стараюсь передать мои чувства в тот момент. Учтите, что я был лишь беспомощной жертвой, связанной, как баран перед закланием. Что иное я мог подумать, если только что видел в другой, маленькой пещере, труп жестоко

убитого курьера, а сам лишь чудом остался в живых после удара по голове?

И все же я смог собрать в кулак всю свою волю и недюжинную храбрость и потребовал:

— Немедленно развяжите меня! Иначе я буду жаловаться господину майору!

Но дикарь меня не понял. Он начал раскачиваться и напевать что-то на незнакомом мне языке, и я решил, что он поет ритуальную песню перед жертвоприношением.

Однако в тот момент, когда я готов был уже воззвать к помощи, в пещеру вошли другие дикари. Они окружили меня и с любопытством рассматривали.

Я старался разглядеть дикарей вблизи. Должен вам сказать, что зрелище совершенно голого и не стесняющегося своей наготы человека вызывает в интеллигентном бизнесмене отвращение. Правда, женщины были исключением. Одна из них — тонкая как тростинка, изящная и маленькая, вовсе не показалась мне слишком голой. Я бы скорее назвал ее приятно обнаженной. Как я потом узнал, эту девушку звали Люба.

Пока я разглядывал дикарей, в моем сознании послышался голос:

— Не надо так обо мне думать. Я стесняюсь.

Кто мог произнести эти слова?

Я не успел ни о чем догадаться, как в пещеру вошел пожилой японец с длинными, свисающими на грудь, черными тараканьими усами и в коротких штанах. Из-за пояса у него торчала рукоять ножа. Я сразу догадался, что этот японец здесь главный. Как говорится, среди слепцов и одноглазый — король.

Вновь пришедший обратился ко мне на своем языке, и я опять ничего не понял. Но голова моя, старая умная голова, начала работать. Что общего, задала она себе вопрос, между пожилым японцем и голыми людьми совсем другой расы? А ничего общего!

Значит ли это, что японец каким-то образом влился в эту группу людей и даже смог их себе подчинить?

— Да! — услышал я у себя в мозгу тот же голос. — Именно так!

Я обвел взглядом лица дикарей, и мне показалось, что хрупкая девушка, которая мне так понравилась, незаметно прикрыла веки, как бы давая мне знак, что она меня понимает.

Японец рявкнул что-то, обратившись к самому пожилому из дикарей — робкому и сутулому мужчине, который, как я вскоре

узнал, тоже был переводчиком-телепатом. И его называли По-из.

По-из посмотрел на меня, и тут же в моем мозгу прозвучал другой, его голос:

— Господин великий вождь нашего народа спрашивает, откуда вы пришли и что вам здесь нужно?

— Я требую меня сначала развязать, — приказал я.

Мои слова были переведены, потому что японец нахмурился и оскалился.

Два дикаря склонились ко мне и начали распутывать лианы, а голос переводчика проговорил в моем мозгу:

— Господин великий вождь просит вас, чужестранец, вести себя достойно и не убегать.

Я смотрел на их великого вождя, и у меня родилась гипотеза: а что, если это один из тех японцев, которые остались в самых диких местах еще со времен войны и которых находят порой на Филиппинах или Калимантане? Их забыли, потеряли, а они, будучи безмерно преданы своему императору и присяге, продолжают служить теням забытой войны, ожидая, что о них вспомнят и их отыщут.

А если так, то японец, конечно же, случайно столкнулся с племенем.

«Может быть, вы правы, — услышал я голос в своей голове. — Но ваши мысли не совсем понятны. Кто такой японец, кто такой император?»

Я попытался ответить так же мысленно, но в этот момент в нашу беседу вмешался сумасшедший музыкант и начал громко петь.

Японец ткнул его в бок кулаком, и музыкант покорно отошел к стене.

Я был развязан. Но мои руки и ноги затекли так, что я не мог ими шевельнуть. Наверно, мои страдания донеслись до мозга Любы и По-иза. Они склонились ко мне и стали массировать мои конечности. Я постарался сесть и только тут понял, что я так же обнажен, как и прочие дикари.

— Что такое?! — вскричал я, возмущенный таким произволом. — Немедленно приказываю возвратить мне одежду! За кого вы меня принимаете?

Но дикари не поняли моего возмущения, а японец если и понял, то предпочел игнорировать мою просьбу.

В таком ужасном и унизительном положении мне еще никогда не приходилось пребывать. Я схватил с пола клок сена и

прикрылся им, однако, как вам известно, я склонен к полноте, и потому этот клок скрылся под моим животом без видимого эффекта.

Никто не смеялся, ведь они не знали одежды!

Может быть, они не племя, думал я, отступая в темный угол пещеры, а банда сектантов-нудистов?

— Нет, — послышалось у меня в голове. — Мы не сектанты-нудисты. Мы вынуждены быть обнаженными из высоких соображений.

— Это ваше собачье дело, — согласился я.

Все смотрели на меня с интересом, но никто не намеревался мне помочь.

— Кто это меня раздел? — спросил я, не подумав, что в моем поясе было двести долларов — мой неприкосновенный запас.

Голос в моем мозгу разъяснил мне, что я раздет по приказанию господина вождя. Так я и думал.

— Вы говорите по-английски? — спросил я японца.

— Мало-мало, — ответил он скорее от неожиданности, чем от желания в этом признаться.

— Ты служил в охране лагеря для военнопленных? — спросил я, не давая японцу опомниться.

— Всего полгода, — ответил японец по-английски.

— И с тех пор все в наших местах?

— Я не буду отвечать, — огрызнулся японец. Но он уже ответил, выдал мне все свои маленькие секреты. Отныне он не представлял для меня интереса. — Пойдем река, — сказал японец по-английски. Его английский был ужасен, но все же можно было понять. — Не убегай. Я быстро бегать, я имею нож.

Он показал мне штык, надеясь меня испугать.

— Пойдешь с нами, — приказал японец пожилому переводчику по имени По-из.

Я сделал несколько шагов и оказался на площадке перед пещерой. День был в самом разгаре. Я надеялся, что с того берега реки за мной уже наблюдают встревоженные глаза моих коллег-этнографов. Ведь, наверно, организованы поиски и армейские вертолеты спешат сюда, чтобы спасти мою скромную персону.

Я стоял и не делал следующего шага.

Почему этот старый негодяй пошел со мной к реке? Не потому ли, что счел удобным убить меня подальше от пещеры, не на глазах у дикарей?

В тот момент я не знал, конечно, насколько безраздельна

власть старшего унтер-офицера Сато над племенем голых людей, и полагал, что он с ними вынужден считаться.

— В его сердце нет намерения убить тебя, незнакомец, — услышал я в мозгу голос переводчика По-иза. — Он желает знать о тебе.

Верить или нет?

— Верить. — Переводчики могли читать мысли. И меня это не удивило. Мой дядя Сони, в период его вооруженной борьбы с английскими колонизаторами, однажды услышал внутренний голос, который подсказал ему не выходить на следующий день на демонстрацию. Он подчинился голосу. А демонстрация была расстреляна англичанами.

Я начал спускаться к реке следом за японцем. Я знал, что чем дольше я буду находиться на открытом месте, тем больше шансов, что меня найдут.

Однако у воды японец выбрал местечко в тени большого мангового дерева. Нас не было видно со стороны.

— Пей, — приказал японец.

Меня уже начало возмущать то, что он сам ходит в штанах, тогда как культурные люди вынуждены обходиться ладонями, чтобы прикрывать стыд.

Но сначала мне надо было подкрепить силы.

Я спустился к воде чуть в стороне от японца и поглядывал на него краем глаза — мало ли какие каверзы он мог замыслить?

Но, к моему удивлению, японец сидел неподвижно, вперив взор узких глаз в скалу на том берегу речки. Это меня успокоило, и я не спеша напился. Для этого мне пришлось опуститься на четвереньки.

Японец произнес фразу. Я сразу посмотрел на По-иза. И тут же в моей голове прозвучал перевод:

— Зачем ты к нам пришел?

Я решил, что именно теперь я должен запугать этого ничтожного дикаря и варвара, иначе он обнаглеет.

Я скрестил руки на груди и обернулся к японцу.

— Я пришел сюда, потому что хожу где хочу и делаю что хочу, — со всей возможной резкостью и твердостью ответил я. — Моя армия находится на том берегу, готовая напасть на пещеру и перебить всех, кто в ней спрятался. Так что ты должен как можно скорее отдать мне мою одежду и попросить прощения.

Последовала долгая пауза — видно, По-из переводил мои угрозы в японские мысли.

Затем По-из мысленно сказал мне:

— Господин вождь Сато спросил меня, не лжешь ли ты о своей армии и своей силе?

— А ты? Что ты ответил? — Меня охватил страх. Вот где таилась измена!

— Я ответил ему, что ты многое придумал.

— Зачем ты это сделал? — Я готов был растерзать глупого старика.

— Потому что я не умею лгать, — ответил По-из.

Сато улыбнулся, догадываясь, о чем мы говорим.

— Что ты искал? — был следующий вопрос японца.

— Мы ученые, — сказал я. — Нас много. Мы летаем на воздушной машине, которая называется вертолет. Мы нашли вас и вашу пещеру. Мы смотрим на вас, как на муравьев.

Сато вскочил и закричал. Я понял, что меня снова обвиняют во лжи.

Но на этот раз По-из печально наклонил голову.

Я был в безвыходном положении. Я понимал, что нельзя пугать этих дикарей и ставшего во главе их японского отшельника. Они решат, что спокойнее меня убрать и бежать куда глаза глядят. Но и утверждать, что я одинок, я тоже не мог. Меня бы убили, как беззащитного львенка.

— Господин Сато догадался, что ты был в маленькой пещере выше по течению, где лежит мертвый человек, — вдруг сказал По-из.

— Нет!

— Образ этой пещерки в твоей памяти, уважаемый путник, — сказал переводчик.

— Лучше бы ты не думал, — в сердцах произнес я, чем еще более опечалил простого душой дикаря, который не питал ко мне зла, но оказался мне вреден.

Я и сегодня остаюсь в убеждении, что эти так называемые пришельцы с нашей, культурной точки зрения все равно дикари. Они не понимают самых обычных вещей. А которые понимают, то делают совершенно неправильные выводы. Ну разве мог бы один бандит пожилого возраста подчинить себе целую группу взрослых людей, установить над ней власть только потому, что у него были нож и наглость?

Но вопрос Сато, не сразу дошедший до меня, вдруг озарил мне все будущее нечаянной логической догадкой.

Почему японский бродяга задает вопрос именно о курьере, о человеке, найти которого просил меня уважаемый Сумасвами? Но я не должен был сразу выдавать своей догадки. Ведь если

Сато убил его, то он и взял посылку, которую нес курьер. И тогда мое общение с обитателями пещеры обретало совсем иной смысл. Я обязан был узнать правду.

А тем временем Сато продолжал допрос:

— Ты говоришь, что ты большой начальник?

— Да, — честно ответил я. — я главный начальник.

— И тебя будут искать?

— Уже ищут. И скоро найдут.

— Плохо твое дело, — сказал тогда японец. — Чтобы тебя не нашли, нам придется тебя убить.

— Но почему? За что?

— Потому что нельзя найти то, чего нет. Тебя не будет — тебя не найдут.

— Но вас все равно накажут.

— Меня уже наказывали, и не раз, — усмехнулся японец. — Я никого не боюсь.

— Но голые люди обязательно расскажут о вашем злодейском преступлении.

— Их я тоже уберу, — сказал японец. — Мне это нетрудно сделать.

— Неужели он так думает? — спросил я у По-иза.

— Смерть всегда у него в мыслях. Но он не собирается прямо сейчас кого-нибудь убивать. Он еще не решил.

И тут мы услышали отдаленные голоса. Вернее, я не успел услышать их — у японца и дикаря слух был лучше моего, недаром они провели столько лет в джунглях, — как Сато вскочил. Он резко поворачивал голову — точно как дикий зверь. Мне показалось даже, что его уши настороженно вздрагивали.

В мозгу у меня — никак не мог я к этому привыкнуть — прозвучали слова переводчика:

— Сюда идут люди. Много людей.

— Разумеется, — сказал я спокойно, — меня ищут. И если хоть волос упадет с моей головы, вы дорого за это заплатите!

Сато поднял руку, умоляя меня замолчать.

Затем он обратился ко мне:

— Я отпущу тебя, уважаемый господин Матур. Но умоляю, не говори никому, что тебя посмели ударить. Я не хочу, чтобы наказание упало на головы невинных женщин.

— Не беспокойся! — сказал я насмешливо. — Полетит только твоя голова.

Видно, эти мои слова были тактической ошибкой. Гнев японца сразу же обрушился на голых дикарей.

— Я их уничтожу! — закричал он. — А сам убегу!

И с этим криком Сато кинулся вверх по склону, а По-из обратился ко мне:

— Умоляю вас, директор Матур, спасите моих соотечественников.

— Но как я могу им помочь? Хотите ли вы, чтобы я поспешил навстречу моим друзьям, которые меня ищут, и поторопил их?

Несчастный переводчик отрицательно покачал головой.

— О нет, только не это! — воскликнул он. — За это время Сато убьет всех остальных. Только на вас наша надежда! Поспешите же, спаситель!

Я понял, что переводчик прав. Если я не спасу дикарей, таких ценных для этнографической науки, то они погибнут и нам некого будет изучать. Я помчался вслед за японцем и успел в пещеру как раз следом за ним.

Все дикари, человек пять-шесть, не больше, сжались испуганно у стены.

— Я сейчас вас убью! — закричал хрипло японец.

Дикари упали на колени и простирали к нему тонкие руки, умоляя пощадить. Но Сато был непреклонен. Он выхватил из-за пояса острый штык и устремился к молодой хрупкой девушке-переводчице.

— Только не она! — закричал По-из. — Кто угодно, но только не она!

Сато хохотал дьявольским смехом.

— Остановись, несчастный! — произнес я тем громовым голосом, который возникает у меня в минуты душевных переживаний.

— И не подумаю! — настаивал японец.

И я вложил в свою фразу все благородство моей души:

— Я согласен быть заложником!

— В каком смысле?

— Ты пощадишь этих несчастных. Я же останусь с тобой. И если ты решишь, что твоей поганой жизни что-то угрожает, вот моя открытая грудь. Ударь в нее ножом, но пожалей несчастных!

Сато задумался.

Дикари, все как один, упали передо мной на колени, благодаря за спасение их жизней.

Я понимал, что хитрый японец сообразил, что я как заложник стою в тысячу раз больше, чем все голые дикари вместе взятые.

— Согласен, — сказал он. — Только ты пойдешь вместе с нами в мое тайное убежище.

— Хорошо, — ответил я. Я купил главное — время! Я купил жизни дикарей. Человечество этого не забудет.

— Собирайте припасы! — приказал Сато. — Кто сколько может унести. Мы уходим в тайное убежище.

Сато первым вбежал в пещеру. В полутьме я смог разглядеть ход в следующее помещение.

— За мной! — приказал Сато.

Мы, нагруженные связками луковиц и кореньев, плодами и стеблями растений, поспешили за японцем.

Раздался скрежет.

Я не сразу понял, что Сато поднимает плиту в полу, которая перекрывала скрытый от наблюдателей тайный ход.

Мы все спустились в узкий коридор. Там было холодно.

Сато закрыл плиту и велел нам идти вперед. Сам же он остается сзади.

Мы шли довольно долго и наконец впереди увидели свет.

Подобно заблудившемуся в пещере Тому Сойеру, мы побежали на свет и вскоре оказались перед выходом из пещеры.

Этот узкий выход вывел нас в небольшую глубокую котловину или кратер между двух горных пиков. Дно котловины было занято небольшим озерцом.

Там мы долго стояли, ожидая Сато.

Но каково было мое удивление, когда вместо Сато из черного круга — тайного выхода из пещеры — появилась, щурясь, Анита Крашевская!

И только после нее вышел Сато.

Юрий Сидорович Вспольный

На этом я позволю себе отнять слово у директора Матура, потому что чем дальше, тем больше он отступает не только от истины, но и от здравого смысла. Здесь имеет место лавинообразный эффект лжи. Стоит тебе начать лгать, как требуется оправдание лжи. На ложь накладывается новая ложь. И так далее...

Стоило директору Матуру солгать относительно мотивов своего поведения, которые не имели ничего общего с заботой о голых людях, а диктовались лишь страхом и надеждой добыть мешочек с рубинами, как ему пришлось вносить коррективы в описание бегства из пещеры.

Я не хочу цитировать его записи далее. Одна ложь влечет за

собой другую, и постепенно Матур погружает читателя в мир, полностью вымышленный. Возникает образ самоотверженного героя, благородного и бескорыстного Матура, который не только спасет сейчас голых дикарей, но и сохранит мир на Земле.

До появления в пещере Аниты Крашевской я мог опираться лишь на сомнительные записки Матура. Но рассказ Аниты позволяет все расставить по местам.

* * *

...Аниту подвела наблюдательность.

Лучик ее фонаря коснулся щели в полу. В тот момент Сато, прежде чем закрыть плиту в каменном полу и поспешить вслед за своими подданными, решил кинуть последний взгляд на пещеру, полную недругами. Вот с этим взглядом и встретились глаза Анита. Анита ахнула — этот возглас я услышал, но не придал ему значения — и поспешила к шели в полу, чтобы выяснить, кто там таится. В отличие от жителей планеты Дом и директора Матура, эта польская паненка, представительница славного и древнего шляхетского рода, была лишена чувства страха[9].

Сато, понявший, что его раскрыли, принял единственно возможный вариант поведения: он действовал быстро и безжалостно — плита откинулась, жилистая рука унтер-офицера схватила Аниту, и, потеряв равновесие, она ухнула в подземелье. Плита тут же легла на место. Потому наши поиски и ни к чему не привели.

А о том, что произошло дальше, Анита рассказала мне только после освобождения.

Анита Крашевская

Вместо того, чтобы позвать на помощь, я направилась к черной щели, из которой кто-то выглядывал — по крайней мере луч фонаря отразился в чьих-то зрачках. Я решила, что меня разглядывает какой-то зверек, затаившийся в щели. А щель была такой узкой, что тигр там бы не уместился. Поэтому я и подошла поближе и даже наклонилась над щелью, чтобы разглядеть «зверька».

Именно в это мгновение плита откинулась, словно канализационный люк, неудачно ударила меня по лбу, отчего я на мгновение «поплыла» и качнулась вперед. Этого мгновения «зверьку» оказалось достаточно, чтобы рвануть меня к себе.

Мое следующее воспоминание — это неприятное ощущение того, что ты половая тряпка и тобой вытирают камни, чтобы прибрать нору к визиту соседа-крота.

Окончательно я пришла в себя уже на свету.

Я сидела, прислонившись к каменной стене, вертикально уходившей в небо. Казалось, я нахожусь в гигантском стакане, на дне которого осталось немного серой воды, — такими отвесными и высокими были скалы, окружавшие долинку, в которую я попала. Густой, выше человеческого роста кустарник и купы невысокого бамбука росли на кольце гальки, отделявшем воду от стен. Место было неуютное, зловещее, пришедшее из страшной сказки. Словно именно в таких стаканах драконы высиживают свои лиловые яйца.

Голова гудела. Я провела пальцами по спутанным волосам и подпрыгнула от неожиданной боли — на макушке у меня была огромная кровоточащая шишка.

Когда я открыла глаза вновь, то увидела наконец и самих голых людей.

Они стояли в некотором отдалении от меня, в низком кустарнике, спиной к скале.

А на берегу озера, глядя в серое небо, стоял их начальник, который в отличие от остальных был не голым, а облаченным в шорты, переделанные из армейских брюк, и в древней английской каске, из-под которой торчали длинные черные космы. Он был, очевидно, китайцем или японцем, тогда как прочие голые люди принадлежали к европеоидам, но отличались своеобразным зеленоватым цветом кожи.

Мое внимание было привлечено еще одной человеческой фигурой, которую я увидела не сразу, потому что она таилась за кустом, присев на корточки. Не подумав о последствиях, я обрадовалась и не скрыла своей радости.

— Господин Матур! — закричала я. — А мы так за вас боялись!

Забыв о своей ране, я вскочила на ноги и побежала к родной душе — пану директору газированной воды.

Тот почему-то не выразил никакой радости по поводу моего появления и всем телом стал отворачиваться от меня. Но опоздал. Я уже обогнула куст и оказалась рядом.

И тут я поняла причину странного поведения индуса: он был абсолютно гол. Катастрофически гол. Нагота очень толстого пожилого человека — это особый вид кошмара, даже в музее вос-

ковых фигур такую фигуру нельзя выставить — беременные зрительницы будут преждевременно рожать лягушат.

В растерянности я обернулась к прочим голым людям. Я все делала не по порядку. Я ведь еще не соображала, где я нахожусь и почему.

— Здравствуйте, — сказала я голым людям. — Меня не надо бояться. Я только хочу на вас посмотреть. Я специально прилетела сюда, чтобы с вами познакомиться.

Они смотрели на меня, потрясенные то ли моей прической, то ли джинсовым костюмом, прошедшим пустыню Гоби и остров Врангеля.

Я не ожидала никакой реакции, но она последовала.

Пожилой, очень худой дикарь с лысой, обрамленной венчиком бывших кудрей головой быстро затараторил, обернувшись к прочим. Остальные тараторили в ответ. Я обратила внимание, что у них совсем иные, чем у нас, жесты. И подумала тогда, что, живя много веков в изоляции, они не имели возможности узнать у сведущих людей, как надо выражать согласие или отрицание.

И тут я услышала голос. На хорошем польском языке некто невидимый сообщил мне, что рад моему появлению, но хотел бы уточнить, кто прислал меня знакомиться с ними и что я намеревалась делать, познакомившись.

Потрясенная этим, я окинула взглядом дикарей, скосила взор на японца, который задумчиво подводил баланс кучкам и связкам продуктов, принесенных голыми людьми. Наконец я решила, что никто здесь не знает польского языка, потому что им не повёзло с учителями, а общаются со мной методом телепатическим и главный телепат среди них — лысенький пан с кудряшками за ушами.

«Правильно, — подтвердил лысенький. — Вы все правильно угадали, и мы рады встретить разумного человека».

Я поняла, что пахнет Нобелевской премией. Ведь одно дело — дичайшее племя, другое — то же племя с телепатическими способностями, позволившими ему выжить в условиях экологических бедствий.

Господин Матур тем временем углубился в кусты и оттуда выразил радость по поводу моего прихода.

Его интересовало, прибыла ли я для его спасения, а если нет, то где те спасатели, которые должны это сделать?

— Где вы потеряли штаны, коллега? — спросила я.

— Эти изверги! — закричал в ответ Матур, но докричать свой текст до конца он не сумел, так как мы с ним одновременно

услышали внутренний голос лысенького, который оказался переводчиком по имени По-из. Переводчик сделал шаг вперед, чтобы нам лучше было слышно, но по мне он лучше бы этого не делал. Увидев так близко совершенно голого пожилого человека, который был не дикарем, а вернее всего, почтенным отцом семейства, ушедшим в секту опрощенцев, я смутилась, так как при такой степени обнаженности воспринимаешь как нечто неприличное совершенно приличные части тела.

— Простите, — сказал По-из и отпрыгнул за куст.

Вы спросите, почему я именно тогда догадалась, что дикари — вовсе не дикари, а обыкновенные сектанты? Да потому, что переводчик По-из был пострижен! Покажите мне стриженого троглодита!

И на это мое наблюдение По-из мысленно ответил:

— Но ведь из этого можно заключить, что и первобытные социумы производят обработку волосяного покрова.

— Но первобытные социумы не смогут объяснить эту процедуру корявым наукообразным языком, — ответила я.

— Женщина! — услышала я голос человека в шортах.

Вот этот, хоть и одетый, о парикмахере не слышал давно. Говорил он по-японски. И когда По-из хотел переводить, я сказала:

— Не надо, я училась в аспирантуре Токийского университета.

После этого я обернулась к человеку в шортах и спросила его на сносном японском языке, чего ему от меня требуется. К тому времени я уже сообразила, что именно его глазенки сверкали из-под плиты и именно он утащил меня в этот каменный стакан.

— От тебя требуется, чтобы ты разделась, — сказал он.

Как ни странно, его совершенно не удивило мое знание японского языка. Он был примитивно устроен, иначе бы не выжил столько лет в лесу, к тому же за последние дни телепаты подготовили его к тому, что весь окружающий мир может изъясняться понятно для него.

— Исключено, — сказала я. — Я не хочу раздеваться.

— Я приказал, — сообщил мне Сато. — Все раздеты, ты тоже. Ясно?

— А вы? — спросила я.

— Мне нельзя. Я старший унтер-офицер императорской армии.

— Я не вижу знаков различия, — сказала я, чтобы его позлить. Некоторые чувства у него были далеко запрятаны.

— Солдат японской армии всегда остается в строю, даже

если выполнение секретных заданий требует, чтобы он общался с людьми, не будучи в военной форме.

Наверно, это был параграф из какого-то устава для лазутчиков.

— И давно вы здесь скрываетесь?

Почему-то этот ответ вывел его из себя.

— Я не скрываюсь! — закричал он высоким голосом. — Я остаюсь на посту!

Он кричал что-то еще, но я плохо слушала и не все понимала — все-таки почти десять лет без практики. Я уже сообразила, кто это такой, — забытый при отступлении воин-завоеватель, о таких мне приходилось читать. Наверно, своего рода чемпион — с конца войны прошло больше тридцати лет.

Тут я заметила, что в руке у Сато длинный кинжал, которым он тычет мне в лицо. Сато упорно настаивал на стриптизе.

— Но зачем вам это? — спросила я.

— Тебя ищут одетую, а голую не ищут, — сказал Сато. — И у голых нет карманов. Нельзя спрятать оружие!

И он улыбнулся, показав мне много гнилых зубов.

— Только попробуй меня раздеть! — сказала я, постаравшись изобразить на лице полное равнодушие.

Сато стал приближаться ко мне, не спеша и получая садистское наслаждение от предвкушения... Интересно, он хочет меня зарезать или только раздеть?

— Госпожа Анита! — воскликнул директор Матур, выглянув из-за куста. Кстати, вид его был ужасен, но не порнографичен, потому что живот нависал над коленями, словно целомудренный занавес. — Я вас умоляю, разденьтесь, пожалуйста. Нам нужна ваша жизнь! Вы еще так молоды!

— При чем тут моя молодость! — рассердилась я. — Я не хочу раздеваться. Мне мама не разрешает раздеваться перед незнакомыми дядями.

— Что она сказала? — спросил Сато. Его ножик приближался с неотвратимостью танка.

— Прекратите, пожалуйста, — попросила я господина унтер-офицера, — а то я буду вынуждена принять меры.

— О, не надо, госпожа Анита! — вопил Матур. Но не двигался мне на помощь.

И этот феномен меня заинтересовал.

— Ну почему же никто не хочет меня защитить? — воззвала я к голым людям, но не успела получить ответ, потому что унтер-офицеру надоело мне угрожать и он кинулся на меня с но-

жом, без сомнения, надеясь проткнуть мой плоский, гладкий, без единого грамма жира живот.

Мне пришлось несколько отклониться, чтобы дать возможность пожилому хулигану пронзить ножом воздух, затем я, несколько выдвинув бедро, захватила летящего мимо меня японца за руку, вывернула ее и кинула обидчика в озеро, куда он и рухнул, подняв фонтан брызг.

Кинжал зазвенел, ударившись о камни.

Все стояли как громом пораженные и глядели на меня.

— Ну вот, — сказала я. — Вы все свободны.

И тут же я вынуждена была обратить взор к озеру, потому что Сато шумел и бултыхался, а вода здесь наверняка холодная — еще утонет...

Я подошла к воде и протянула руку, чтобы помочь ему выбраться на берег.

Сато перестал бултыхаться и решил утонуть, для чего погрузился с головкой в воду. Но в трех шагах от берега из этого ничего не вышло, он тут же сел на дно и вскочил, чтобы глотнуть воздуха. Воды там было чуть ниже пояса.

— Вылезай, — сказала я. — Прошу больше не хулиганить.

Но Сато лишь кинул на меня возмущенный взор и, глядя поверх моего плеча, принялся кричать своим соратникам, чтобы они схватили меня, иначе им будет плохо.

Я только хотела сказать голым людям, что речь Сато свидетельствует о его бессилии, но тут на меня навалилось стадо слонов, и я рухнула на гальку под их тяжестью.

Они ему подчинились!

Несчастные дикари рвали на мне одежду, дергали, терзали, я пыталась уговорить их не стараться так отчаянно, ведь у меня нет с собой других джинсов, но единственный, кто внял моим призывам, был директор Матур.

Он сказал дикарям:

— Держите ее, пожалуйста, покрепче. Я лучше вас знаю, как раздевать женщин.

И он довольно погано засмеялся.

Убить его я не могла, потому что дикари и в самом деле крепко держали меня за ноги и за руки, а кто-то уселся мне на голову. Матур квалифицированно раздел меня, несмотря на мои попытки сопротивляться.

К счастью, насиловать меня он не стал, в планы Сато это также не входило. Как я потом узнала, в племени у него были

две свои пассии, а таких худых и жилистых баб, как я, он на дух не переносил.

Я все еще лежала, пригвожденная к камням, когда Сато подошел поближе. Вода капала с его длинных волос и коленок мне на лицо.

Он показал мне пистолет. Видно, за то время, пока меня раздевали, он успел вытащить его из тайника.

— Пускай отойдут, — сказала я, и голые люди с облегчением разошлись.

Матур стоял в трех шагах и прижимал к груди мою одежду.

— Хоть бы трусики вернул, — укорила я директора.

— Все должны быть равны, мадам, — наставительно возразил Матур. — Я был бы рад вам помочь. Но вы же видите — он вооружен и очень опасен.

Я не была уверена, что дело в оружии. Или только в оружии. Шоколадные глазенки Матура сверкали, обвислые щеки тряслись, он виновато поглядел на Сато и спросил:

— Куда прикажете сдавать одежду?

Сато величественно показал на черную дыру у стены — наверно, там был его тайник. Матур просеменил туда и кинул мое драгоценное добро в черноту. А мне хотелось сесть на корточки, свернуться в клубок под внимательными взглядами дикарей, которые молчаливо рассматривали детали моего тела.

Но я не могла сесть на корточки, потому что взявший верх с помощью своих робких подданных Сато начал визгливо читать мне нотацию и грозить всевозможными карами, а я раздумывала, врезать ли ему еще раз, ведь я могла выбить у него пистолет и совершить военный переворот, но потом рассудила, что риск выше возможных выгод. С минуты на минуту нас отыщут и извлекут отсюда.

Когда Сато утомился, к делу подключился Матур.

— Госпожа, — говорил он, поглядывая на переводчика По-иза и рассчитывая, очевидно, что тот доведет его речи до сознания мокрого вождя, — вы не правы. Господин Сато поддерживает дисциплину, потому что только так можно контролировать таких диких людоедов, как эти.

Переводя эти слова, По-из даже съежился от негодования. Но стерпел.

— Госпожа, — продолжал Матур, разглядывая меня масленными глазками, — вы же могли нанести травму женщинам и детям!

— Детей я здесь пока не видела, — возразила я. — А что каса-

ется женщин, то до сегодняшнего дня я к ним относила и себя. Кстати, не выношу, когда мужчины кидаются на меня с ножами.

Пистолет в руке унтер-офицера дрогнул, и Матур заговорил вдвое быстрее:

— В настоящее время я не рискнул бы назвать вас женщиной, мадам Анита! Ваше поведение — не женское, нет! Вы нанесли господину Сато травму, напав на него.

— Если не можете говорить правду, тогда заткнитесь, — оборвала я Матура и почувствовала внутреннее одобрение переводчика По-иза. Но, к сожалению, это одобрение почувствовал и Сато, который только что блаженно улыбался, слушая монолог Матура, а тут, подпрыгнув, ловко ударил По-иза пяткой в бедро. Тот даже упал. А когда я кинулась ему на помощь, Сато сразу же показал мне внутренность пистолетного ствола — такую черную дырочку.

Никто не пришел на помощь стонущему переводчику.

Даже тоненькая девица — переводчица Люба осмелилась лишь приблизиться к его распростертому телу.

Я помогла переводчику встать, опасаясь, правда, что этот маньяк все же спустит курок. Но обошлось. Переводчик мне помогал. Он мог заглядывать в темную голову Сато и угадывать если не мысли его, то господствующие желания. И предупредить меня... На этот раз Сато стрелять вроде бы не намеревался. Он думал, что со мной делать. И придумал.

— Ты, толстый индус, — сказал он, ткнув пистолетом в сторону директора, — вел себя правильно. И говорил правильно. Понятно?

— Понятно, — пискнул Матур.

— Мы сейчас будем говорить. Если эта женщина будет отвечать неправильно, я буду наказывать женщину. Остальным отойти вон туда, построиться и заняться строевой подготовкой! Ответственный — Ут-бе-бе.

Молодой человек, неплохо сложенный, с приятным лицом, вытянулся в струнку и ответил:

— Слушаюсь, господин старший унтер-офицер!

И все голые люди, невзирая на пол и возраст, ушли от нас на ровную площадку. Я смотрела им вслед. И отметила еще одну важную деталь: они шли, поджимая пальцы ног и ковыляя, как люди, которые никогда в жизни не ходили босиком и для которых такая ходьба — мучение. «Где же вы потеряли ботиночки?» — подумала я.

— И ты иди, — приказал Сато По-изу, который задержался, собираясь, видно, помогать нам.

По-из ушел, а я пожалела об этом — он мог бы мне подсказать и помочь. Я чувствовала, что он добрый человек. Если Сато решит меня неожиданно подстрелить, некому будет предупредить жертву.

Сато огляделся и увидел директора Матура, который послушно стоял в трех шагах от нас.

— И ты тоже! — крикнул он. — Шагать! В ногу! Я вас научу дисциплине!

Матур растерялся.

— А мне зачем? — спросил он. — Я же не дикарь.

— Ты и есть голый дикарь!

Сато издевался над толстяком, и я получила от этого злорадное удовольствие, потому что всегда и всем доказывала, что любое потворство негодяям ведет к вашему же унижению. Негодяи знают только один язык — язык силы. И я не намерена была сдаваться. Правда, я была одна, значит, придется хитрить. Будем хитрить...

Матур, понурив голову, отправился заниматься шагистикой, и это было зрелище, достойное богов. Правда, никто не смеялся — мне было некогда, Сато был лишен чувства юмора, а голые люди не знали, над чем здесь принято смеяться, а над чем — запрещено.

Голый строй был потешен и ужасен. Без сомнения, все новобранцы господина Сато были людьми городскими, далекими от спорта и редко бывающими на берегу моря. Они покорно выстроились у стенки. Молодой человек встал лицом к строю, полный понурый мужчина средних лет поднес к губам самодельную свирель и принялся извлекать из нее пронзительные звуки. Остальные переминались с ноги на ногу.

— Ты зачем сюда пришла? — спросил Сато, убедившись, что никого близко не осталось.

Я смотрела, как Матур проталкивается в строй.

— Наверно, мистер Матур уже все вам рассказал.

— Зачем вы пришли сюда?

Раздался сухой выстрел. Я подпрыгнула — брызнули осколки гальки из-под ног, новобранцы замерли в ужасе.

— Говори, — потребовал Сато.

Какое несчастное существо, подумала я. Все тело в шрамах от ран, порезов и язв, лицо изрезано морщинами, белки глаз желтые, в красных прожилках, волосы редкие, грязные, ногтей на ногах нет — какие-то костяные наросты...

— Мы приехали, чтобы смотреть на голых людей, — сказала я по-японски.

— Зачем?

— На земле не осталось голых людей. А мы ученые. Мы хотели узнать их язык, их обычаи.

— Зачем?

— Чтобы много знать.

— Врешь, — сказал Сато, но не очень уверенно.

— А то, что вы здесь, никто не знал. И вы никому не нужны. Вы можете идти, куда хотите.

— Нет! — воскликнул унтер-офицер. — Это моя река! Это мой лес! Это мои люди!

— Река и лес ничьи, — сказала я как можно тише и спокойнее. — Люди тоже ничьи.

— Люди все поделены, — ответил Сато. — Солдат имеет офицера, ты имеешь мужа.

— Я не имею мужа, — на свою голову возразила я этому бандиту. Тут в нем ожила садистская жилка.

— Ты! — закричал он, тыча в Матура. — Ко мне!

По-из объяснил Матуру, что от него требуется, и сам затрусил следом за толстяком.

— Матур, — спросил Сато, — ты меня любишь?

Не знаю уж, чем Сато так прельстил нашего толстяка — я не присутствовала при завязке их романа, — но Матур, ни секунды не промедлив, вытирая пот, выступивший на лбу от энергичных строевых упражнении, воскликнул:

— Я вас люблю, господин офицер Сато!

— Ты будешь мне помогать?

— Я буду вам помогать.

— Ты готов погибнуть ради императора?

— Ради кого? — спросил Матур, который не знал, кто такой император. Только я в этой компании могла догадаться, что имеется в виду император Хирохито, коротающий свою почетную старость в токийском дворце.

— Ради моего императора! — На всякий случай Сато ткнул пистолетом в сторону Матура.

— Так точно! — обрадованно завопил Матур.

— Тогда знай, что и я люблю тех, кто мне предан. И я дарю тебе жену.

— Что? — Матур захлопал веками. Меньше всего он ожидал получить жену в этом каменном стакане.

— Вот твоя жена. Она будет тебе покорна. — Сато показал на

меня. — Она будет готовить тебе пищу, она будет тебя ублажать и родит тебе много детей.

— Так точно! — повторил Матур, и я почувствовала в выражении его лица безмолвный вопль: «Еще этого мне не хватало!»

— Скажи мне, — продолжал Сато, — эта женщина, твоя жена, кому-нибудь нужна?

— Я вас не понял... — Матур согнулся, насколько позволял ему живот. — Кому она может быть нужна?

— Ее будут сильно искать?

Я видела, как крутятся, высекая искры, шарики и колесики в голове директора — он никак не мог сообразить, что скрывается за вопросом Сато, какая каверза? Как выгоднее ответить? Как угадать?

Лицо Матура покрылось потом. По-из, стоявший за его спиной, задрожал от чужого напряжения.

— Женщина... — произнес Матур и сделал паузу, надеясь увидеть нечто на каменном лице японца или услышать подсказку от По-иза. — Об этой женщине уже забыли!

Все, он решил мною пожертвовать, идиот! Объявив меня царицей Савской или мадам Тэтчер, он бы усилил и свои позиции. Но ему показалось, что я унтер-офицеру не понравилась и, уничижая меня, он попадет в фавор.

Сато обернулся ко мне.

— Женщина, — вопрошал он, — что ты скажешь о человеке, которого я дал тебе в мужья? Так ли он ничтожен, как ты? Так же о нем забыли, как обо мне?

— О нем никогда не забудут, — вежливо ответила я. — Вся великая Индия, затаив дыхание, приблизилась к экранам телевизоров и следит за тем, как идут поиски великого господина Матура! Я думаю, что сюда будут стянуты все авиационные эскадрильи из Бангкока и Рангуна. Перед тем как попасть к вам, я слышала, что к ущелью продвигается второй Сомерсетский батальон.

Матур смотрел на меня, выпучив глаза от удивления.

Сато был встревожен и растерян. Допрос рухнул...

— А ты? — спросил он.

— А я была послана, чтобы передать господину Матуру послание от генерала, который командует операцией по его спасению.

— Ха! — радостно закричал Сато. — И попала ко мне в ловушку!

— Но я выполнила свой долг.

— Ты сказала?

— Я все доложила великому господину Матуру. Теперь я никому не нужна. Я могу умереть.

— Нет, — сказал Матур. И замолчал. Может быть, я говорила правильно? Или это злая шутка и за нее Матура расстреляют?

Не хотела бы я быть на его месте.

Сато вытащил было пистолет из-за пояса, потом заткнул его на место.

— Пускай попробуют! — заявил он мне. — Пускай поищут! Меня здесь не найдут за сто лет!

И он пошел вдоль берега, туда, где голые дикари совершали странные телодвижения, которые должны были изображать строевую подготовку.

Уже на подходе к ним он начал кричать, требуя тянуть носок и держать голову выше.

— Что ж вы, Матур? — сказала я. — В капралы захотелось?

— Госпожа, поймите меня правильно! — взмолился нехрабрый директор. — Я хотел сделать лучше, я хотел, чтобы он не обращал на вас внимания. — При этом он сладострастно смотрел на мою обнаженную грудь и шевелил губами, напоминая, что он мой муж.

Я хотела врезать ему в челюсть кулаком, но тут его призвал к себе Сато.

— В строй! — кричал он. — А ну быстро в строй!

Я только отмахнулась от Сато и пошла в другую сторону. Мне надо было подумать. А для этого лучше всего немного искупаться. В моем положении было преимущество — не надо раздеваться.

Я ступила в холодное озеро. Дно круто уходило в глубину. Через пять шагов я была по пояс в воде и, оттолкнувшись от каменного дна, нырнула вперед.

Я вынырнула посреди озерца. Оттуда, на расстоянии пятидесяти метров, я видела, как, прекратив строевую подготовку, голые люди подбежали к краю воды, очевидно, решив, что я утонула. Сато даже ступил в воду, но при виде моей головы тут же сделал шаг назад и погнал дикарей к стенке продолжать упражнения.

Над каменным стаканом нависли темные тучи, они двигались медленно, как готовые к дойке коровы. Стало прохладнее. Вот-вот начнется ливень. А я знаю, что такое муссон, — он обрушивается, как лавина, он на недели заливает долины Лигона, и здесь, в горах, голым людям будет несладко. Кто они на самом деле? Откуда пришли? Что за секта такая? Как ни странно, я не

смогла придумать версии лучшей, чем сектантское происхождение голых людей.

Мне стало любопытно, глубокое ли озеро. Я нырнула. Дна я не достигла, но, к своему удивлению, обнаружила на глубине десяти метров движение воды. Если это родник, то он очень силен и напорист, раз сносит меня. Но куда тогда девается вода? И девается ли?

Когда я вынырнула наружу, стало еще темнее. Я обратила внимание на то, что Сато и Матур с тревогой глядят на небо. Они-то понимают, что означает начало дождей. А вот дикари, для которых приход муссона должен быть важным событием, совершенно игнорируют тучи. Они уморились после строевой подготовки, расселись вдоль берега озера и глядят на меня во все глаза. Может быть, они плавать не умеют? Или боятся холодной воды?

Я видела, как Сато, пригнувшись, скрылся в подземном ходе, которым мы пришли сюда из большой пещеры. Вернее, все пришли, а меня притащили.

Я доплыла до берега и вышла из воды. Воздух был парной, напоенный влагой, будто смоченный скорым дождем.

Матур подошел ко мне, как побитый пес.

— Я прошу прощения, мадам Анита, — прошептал он, оглядываясь на черный ход, откуда мог выскочить страшный Сато. — Но все, что я говорил, я говорил, чтобы его обмануть. Вы меня понимаете?

— Нет, я вас не понимаю, — сказала я.

Мне удалось поговорить с голыми людьми после обеда. Если можно назвать обедом ту пищу, которую распределяет лично господин Сато. Причем делал он это несправедливо, поощряя фаворитов и унижая слабых. Матуру для поощрения досталась лишняя луковица, а когда дошла очередь до меня, господин унтер-офицер впал в раздумье. Мое ничтожество, декларированное Матуром, не казалось ему убедительным. И все же он дал мне уменьшенную порцию, как переводчикам-телепатам и аккуратному старику по имени Ут-дирек. Меньше всего дали музыканту, который принялся ныть, и я подумала, что он не совсем нормален.

Я имела возможность присмотреться к своим товарищам по несчастью. Я уже была убеждена, что они здесь сидят не по своей воле, а так же, как и я, стали узниками унтер-офицера. Хотя я не знала еще, как это могло произойти и зачем они нужны японцу. Людей было семеро. Из них три женщины: одна неопределенного возраста, статная и, я бы сказала, сексапильная

дама по имени Не-лю и две молодые — скуластая высокогрудая Не-свелю и хрупкая переводчица Люба.

Сато часто уходил в черный ход пещеры — то ли выбирался наружу, смотрел, как разворачиваются поиски бесценного господина Матура, то ли проверял тайники и секретные подземные ходы. Воспользовавшись его очередным отсутствием, я завязала разговор с голыми людьми. И придумала неплохой ход: я беседовала с ними по-польски. Ведь переводчикам-телепатам было все равно, на каком языке я говорю, если я умею думать. А вот Матур не понимал ни слова, хотя сидел, расставив уши, чтобы потом донести все японскому господину.

Стоило мне задать По-изу первый вопрос, как вмешался встревоженный Матур:

— Вы о чем разговариваете?

— Я говорю о погоде, — сказала я. — Мне интересно, сильный ли муссон в той местности, откуда они родом.

— Можно было бы спросить по-английски, — сделал мне замечание Матур.

— Господин муж, — ответила я, — разрешите мне говорить на моем родном варварском языке?

— И что они ответили про муссон? — спросил он.

— Это вас волнует?

— Конечно, волнует! — искренне воскликнул Матур. — С минуты на минуту хлынет ливень и ни один вертолет не поднимется в воздух! Как нас найдут?

— Убежим, — сказала я убежденно.

— Он нас перестреляет!

— Нет, если мы объединимся.

— С ними? — Голос Матура наполнился презрением.

В этот момент возвратился Сато, и нам пришлось прервать плодотворную беседу.

Но я ее вскоре продолжила, потому что в следующий раз Сато удалился в пещеру надолго, а По-из по секрету сообщил мне, что господин лег спать.

— Отлично, — сказала я, — а мы можем к нему подобраться и скрутить его?

— Нет, — ответил По-из. — Во-первых, это неэтично, а во-вторых, он спит, как хищный зверь, и все время слушает.

— Спасибо за информацию, — сказала я. — А может быть, вы теперь расскажете, как вы сюда попасти?

— Мне надо посоветоваться с остальными, — сказал По-из, и я не мешала ему советоваться в течение получаса.

— Я сообщил моим друзьям, — произнес наконец По-из, — что в вашем сердце нет опасности для нас.

— Спасибо за комплимент, — ответила я. — И чтобы не было никаких недоразумений, давайте я вам сначала расскажу, почему я здесь оказалась и как вас отыскала.

Они сгрудились вокруг меня. Трижды начинал моросить дождик, но потом таял в теплом воздухе. Храпел Матур. По-из подтвердил, что я не лгу, и только после этого они наконец поведали мне о своем спасении от самоубийства и последующих печальных приключениях. Так я стала первым человеком на Земле, который вполне достоверно встретился с пришельцами из космоса и не только встретился, но и беседовал с ними.

Пришельцы с Дома заявили, что после всех лишений, которые выпали на их долю, жизнь им не дорога. И если я намерена сдать их властям, то завтра же о их трусливом поведении будет сообщено в Галактическое содружество, их планета заплатит гигантские штрафы за нарушение международных договоренностей, а специальные агенты-ликвидаторы прибудут сюда для того, чтобы испепелить их до последнего человека. Так что если из двух зол выбирать меньшее, то они предпочтут остаться со старшим унтер-офицером и тихо сгинуть в этих горах.

Положение было безвыходным.

С одной стороны, я намеревалась выбраться отсюда и надеялась, что с помощью голых людей я одолею маньяка. С другой — я должна была понять и разделить чувства несчастных пришельцев. Я совсем не хотела, чтобы таких милых, интеллигентных и, к несчастью, голых людей уничтожили ликвидаторы космических служб.

Как странно, рассуждала я, выслушивая стенания инопланетян, что мы могли с самого начала принять их за дикарей! Лишь шоры, добровольно надетые на наши очи, заставляли нас допустить, что дикари здесь водятся, а вот пришельцы не залетают. Наше мнение было предвзятым с самого начала — нам сказали, что следует увидеть, и мы это увидели.

Слезы лились по щекам Не-лю, когда она рассказывала мне, как ее изнасиловал этот военный маньяк, другие женщины молчали, но по их глазам я догадывалась, что и им пришлось испытать это страшное унижение.

— Вот сидит Ут-пя, — сказал капитан, указывая на полного музыканта. — Разве вы угадаете в нем тонкого ценителя поэзии, диалектика и острослова?

— Вы о ком? — спросил Ут-пя и начал дуть в дудочку. Пронзительно и однообразно.

— О тебе, несчастный, о тебе, — сказал Ут-бе-бе.

— А я не жалуюсь, — сказал штурман. — Наконец-то я получил свободу и слился с природой.

И он запустил такую трель, что нам пришлось замолчать, пока штурман не насладится свободой.

— Я тоже подвергся ударам, — сказал капитан.

— И я! — вмешался молодой и внешне приятный Ут-бе-бе.

— А может быть, стоило связать этого бандита и оставить его в пещере? Пускай отдыхает, — предположила я.

— И погубить невинного человека?

Нет, они были гуманистами, а гуманисты такого рода опасны тем, что найдут словесное оправдание любому поступку. Сейчас они борются за право каждого человека на жизнь. Но завтра могут с таким же энтузиазмом броситься в бой за уничтожение реакции.

— Не надо его губить, — сказала я. — Достаточно обезвредить.

— Но вязать веревками разумное существо — это немыслимо! — сообщила нам Не-лю.

— Я тоже не вижу в этом смысла, — поддержал ее капитан Ут-дирек. — Ведь нам некуда деться.

И я поняла, что в его словах есть печальный смысл. Ну хорошо, уберу я их угнетателя, оставлю их снова, как и в начале пути, свободными. И куда они денутся? Они же утонут в этом каменном стакане, заблудятся в лесу или же, оказавшись в цивилизованных местах, будут разоблачены и попадут в лапы ликвидаторов. Но куда и как пристроить их? Об этом я еще не знала. И допускала даже, что не узнаю без совета с более опытными и доброжелательными коллегами. Тот же Юра Вспольный, милый мужчина из русского посольства, — он знает местные языки и обычаи. Или профессор Никольсон...

— Пожалуй, как наступит ночь, я убегу отсюда, — сказала я. — Я постараюсь отыскать добрых и умных людей.

— Очень опасно убегать от господина Сато, — сказал По-из. — Господин Сато может наказать.

— Он может вас наказать только тогда, когда вы это позволите, — сообщила я пришельцам.

Все согласились со мной, потому что признали мою правоту.

— Но он не спрашивает нашего разрешения, — сказала умудренная Не-лю.

— А вы тоже не спрашивайте, — сказала я, и после этого наша дискуссия зашла в тупик. Голые люди как бы символизировали большую и лучшую часть человечества, которая предпочитала покоряться власть имущим и таким образом выживала в тяжелые времена. Я же относила себя к бунтарям, которым не суждено дожить до рассвета.

— Сейчас обстоятельства переменились, — заявила я. — Вы не одиноки. Я с вами.

Никто не спорил, только По-из сдержанно заметил, что Матура можно отнести к союзникам Сато.

Я поклялась, что с Матуром справлюсь в одиночку, и только тогда в рядах покорных рабов произошел раскол. На мою сторону перешел молодой человек Ут-бе-бе, который воскликнул:

— Нельзя отступать бесконечно! Мы теряем интеллектуальное превосходство над этим маленьким чудовищем. Мы глупеем, так как в рабстве все глупеют!

— Только не это! — ахнула Не-свелю.

— Мы его обезоружим, когда он уснет, — заявил Ут-бе-бе.

— И свяжем! — поддержала его Не-свелю.

— И будем ждать, когда вы приведете помощь, — согласился наконец капитан.

Я обрадовалась, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Только не отступать, не пасовать, не трусить, — потребовала я. — Как только кто-то даст слабину, Сато станет втрое нахальнее.

И тогда все пришельцы поклялись великой клятвой долины Колючих Роз, традиционной на планете Дом, что будут совместно бороться против произвола и угнетения и не отступят, даже если им будет грозить смерть.

Мне трудно сказать, сколько было тогда времени, но день клонился к закату. Облака нависали столь плотно и низко, что в стакане царили сумерки.

Я велела пришельцам спокойно дожидаться вечера. Я возьму на себя нападение на Сато. Я его обезоружу. Остальные должны по мере сил помогать мне или по крайней мере не мешать. В случае необходимости — нейтрализовать Матура. Хотя вряд ли этот толстый трус посмеет вмешаться в бой.

На этом подготовка заговора завершилась — мне жутко хотелось есть.

Но Сато куда-то спрятал припасы — наверно, в подземном ходе, а мне не хотелось начинать военные действия раньше времени. Я не была окончательно уверена в тех, кого собиралась освободить. Вдруг в самый решительный момент они разбегутся?

...Сато вылез из подземного хода и внимательно осмотрел берег. Пришельцы разбрелись по нему в поисках скудных пло-

дов земли. Я же улеглась за кустом, намереваясь немного подремать.

Так что, когда Матур, завидев обожаемого Сато, пригибаясь, подошел к нему, они меня не заметили.

— Господин Сато! — прошептал Матур. — Тебя пиф-паф!

Он показал, как некто зловещий целится в Сато и стреляет. Сато понял. И спросил по-английски:

— Кто? — Он знал несколько английских слов — то ли помнил с войны, то ли поднабрался в лесах.

Я приподняла голову, наблюдая за Матуром.

Он выразительно обрисовал ладонями мою фигуру и показал, крутя пальцами над головой, что у меня короткие вьющиеся волосы.

— Да, — сказал Сато. — Хорошо.

— Я, — Матур ткнул себя пальцем в грудь, — друг. — Он перевел палец к груди унтер-офицера. — Сато, — опять палец в действии, — друг Матур. Сато давай Матур камни.

— Камни?

Из-под ног Матур поднял несколько камешков и стал смотреть сквозь камешек на небо.

— Камни! — повторял он. — Рубины. В мешочке. Дай мне. Я — хороший.

Сато не понял или сделал вид, что не понял.

Мне надоело их слушать, и я сказала по-японски:

— Директор Матур просит вас поделиться с ним рубинами, которые лежат у вас в мешочке.

Сато не удивился тому, что я лежу так близко, хмыкнул и сказал:

— Передай ему, что он будет мой хороший друг много ночей и тогда я дам ему камешки. Но не сегодня.

Что я Матуру и сообщила. К большому неудовольствию индуса. Причем, как мне кажется, он был больше недоволен тем, что я услышала их разговор и донос Матура на меня.

Сато обогнул куст и встал надо мной.

— Ты хотела меня убить? — спросил он.

— Нет, — ответила я.

— Он говорит, что хотела.

— Пускай говорит.

Я всей шкурой чувствовала приближение опасности. Ну что ж, может, лучше и не ждать темноты?

Я продолжала лежать, чтобы казаться безопасной. Но, видно, моя нагота натолкнула Сато на обычную для него светлую мысль.

— Матур! — позвал он. — Это твоя жена.

— Да, господин!

Матур тоже чуял неладное, но ему было сложнее, чем мне. Ему и жить хотелось, и мешочек с камнями очень требовался. К тому же он должен был догадываться, что жизнь в подчинении у унтер-офицера не вечна. А потом придется возвращаться в цивилизованный мир, где я — доцент Варшавского университета, а он — заведующий бутылками в нашей временной столовой.

— Я велю тебе получать удовольствие, — приказал Сато.

— В каком смысле? — поинтересовался Матур.

— Это твоя женщина. Покажи ей, что она — твоя.

Все. Начинается последнее действие, поняла я.

Матур вяло переминался с ноги на ногу, не в силах подойти ближе. Голые люди стояли неподалеку.

— Панове, — сказала я по-польски, чтобы только По-из с Любой меня поняли, — приготовьтесь к действиям.

Мои слова повергли их в смятение. Они боялись потерпеть поражение.

— Иди! — Сато издевался над Матуром.

— С вашего разрешения, я хотел бы подождать ночи. В наших краях принято жениться в ночное время, вы меня понимаете?

— Я тебя понимаю, — сказал Сато. — Ты сказал, что ты мой слуга. Как же ты себя ведешь?

— Я подожду, можно?

Тогда Сато сунул руку в карман своих полушортов и извлек оттуда небольшой кожаный кисет.

— Знаешь, что здесь? — спросил он.

— Нет, — тупо ответил Матур.

— Тогда смотри.

Сато отошел на шаг, чтобы Матуру было до него не допрыгнуть, развязал мешочек и вынул оттуда пригоршню камешков, в основном размером с горошину. Размахнувшись подобно сеятелю, он кинул их в озеро. Матур взвизгнул.

Сато завязал мешочек и спрятал в карман.

— Ну как? — спросил он у Матура.

Толстыми пальцами Матур делал совершенно ненужные движения в области живота, словно расстегивал и снимал несуществующие штаны.

Он был в трансе.

— Матур! — строго окликнула я его. Мне было стыдно за этого пожилого человека.

— Да, конечно, — сразу откликнулся он. — Простите меня, мадам Анита. Я совсем этого не желаю, клянусь вам, я отношусь

к вам с уважением, но ведь это просьба господина Сато. А у меня есть жена и дети, я их очень люблю.

— Тогда вам не нужна вторая жена. — Мне не хотелось, чтобы он попал в безвыходное положение.

— Вы совершенно правы, — согласился Матур. — Но вы, пожалуйста, потерпите, я недолго, я сделаю и уйду, ведь вы не девушка, правда?

— Эти вопросы я обсуждаю только с любимыми мужчинами, — гласил мой ответ. — И не на виду у коллектива.

Он начал склоняться вперед, и мне пришлось прикрикнуть на него:

— Пошел прочь, подонок!

А он продолжал надвигаться на меня, так что мне уже стало опасно дальше лежать на песочке.

— Панове! — обратилась я к пришельцам. — Сейчас я займусь Сато, а вы накидывайтесь на Матура. Он безопасен.

— Что? Что она говорит? — Надо отдать должное Сато — интуиция у него была дьявольская.

— Она не хочет, — растерянно заявил Матур, как мальчик, который жалуется маме на подружку, которая не дает ему игрушку.

— Сейчас захочет, — сказал Сато и вытащил из-за пояса пистолет.

— Хватайте Матура! — крикнула я остальным, а сама вскочила так, чтобы Матур оказался между мной и Сато.

Потеряв меня из виду, Сато начал водить стволом пистолета, и тут — а счет пошел на доли секунды — я прыгнула на Сато так, чтобы вышибить из его руки пистолет. Что мне и удалось.

Сато успел отпрыгнуть и удержался на ногах. А мои голые союзники оторопели и остановились, хотя Матура можно было брать голыми руками. Из-за их очередного предательства я потеряла преимущество внезапного нападения. Матур подхватил пистолет и трясущейся рукой направил его на застывших в позах отчаяния пришельцев. Я увидела, как Сато тянет руку к Матуру, чтобы отобрать пистолет, и поняла, что моя участь решена. И мне ровным счетом ничего не оставалось, как бежать.

У меня было два направления — подземным ходом в пещеру или в озеро.

Узкий ход наверняка станет ловушкой — пока я буду по нему карабкаться, Сато пять раз меня подстрелит, а если чудом мне повезет и он меня не подстрелит, то уж обязательно достанет, пока я буду поднимать каменную плиту.

Озеро тоже не обещало спасения, но лучше оно, чем ничего.

Так что я нырнула и постаралась как можно дольше не появляться на поверхности. И пока я плыла под водой, я рассуждала, укрыться ли мне на том берегу или нырнуть...

Я вынырнула посреди озера, чтобы набрать в легкие воздух, и тут же пуля обожгла мне ухо: Сато стоял на самом берегу и целился весьма уверенно. Никаких шансов скрыться на другом берегу у меня не было.

Значит — вниз.

Я успела глубоко вдохнуть и мысленно попрощалась с самой собой, Анитой Крашевской, тридцати одного года (честно!), разведенной, красивой и талантливой.

Внизу меня подхватил поток, и я не сопротивлялась ему, чтобы как можно дольше сохранить воздух в легких.

Меня несло все быстрее, раза два ударило о камни, раз я чуть не застряла на каком-то повороте, но я не очень чувствовала внешние толчки, потому что была занята лишь одним — как бы не глотнуть воды... Это было страшно и отвратительно, в какой-то момент мои глупые легкие заставили меня потерять контроль над собой и вдохнуть воду, после чего я начала терять сознание... И не знаю, как меня вынесло потоком на крутой склон и выкинуло на камни, что, видно, и спасло меня — от удара я начала судорожно кашлять, выплескивая из легких воду и стараясь носом втянуть воздух... А потом я долго лежала на каких-то колючках, наслаждаясь тем, что на свете есть колючки и самый настоящий воздух, и зарекаясь подходить к воде иначе, как к умывальнику. Я пролежала там, пока не почувствовала, что готова идти дальше.

Поток, который вырывался из-под скал и скатывался по камням, вливался в Пруи несколько ниже нашего лагеря. Так что мне пришлось перебраться через реку, благо я нашла широкий плес, и пробираться тропкой к палаткам, уже не веря тому, что лишь недавно жила в махонькой империи страха.

Я подошла к лагерю, никем не замеченная, и уже увидела сквозь листья бамбука площадку и палатки на ней, как остановилась, словно громом пораженная. Я вспомнила, в каком я виде!

Впереди, разгуливая по травке, мирно беседовали Вспольный с Никольсоном, чуть дальше несколько солдат — их явно стало больше, чем было раньше, — прислушивались к отдаленному звуку вертолетного мотора.

Я не могла выйти из леса. Я не могла подойти к ним. Я готова была умереть, но — ни шагу дальше.

Может показаться странным — ну прикрылась бы каким-ни-

будь банановым листом, крикнула бы, чтобы мужчины отвернулись... Нет, я стояла столбом — вся моя наглость и уверенность в себе, которые поддерживали меня в каменном стакане, куда-то испарились. И ни тяжкая судьба голых людей, ни беспокойство за их жизнь, ни жалость к этому подонку Матуру — ничто не могло подвигнуть меня на то, чтобы покинуть убежище и показаться моим коллегам и солдатам в образе Афродиты, которой не досталось морской пены.

Я уселась и стала ждать, когда площадка опустеет.

В ущелье стояло безветрие, и меня начали жрать комары и всяческие летучие твари. Мне пришлось отступить к реке и некоторое время, мучаясь голодом и отчаянием, подпрыгивать у воды. Тут на берег, конечно же, пришли за водой солдаты, и мне пришлось спрятаться в самых колючих на свете зарослях, где кроме меня жил еще гигантский паук-человекоед, впрочем, я не настолько хорошо разбираюсь в энтомологии — может быть, он был обыкновенным слоноедом. Паук смотрел на меня, я на паука, и в конце концов паук, по-моему, решил, что я недостойная его размеров и аппетита добыча, и отправился на настоящую охоту. Когда я выбралась из обморока, я сползла в воду, залезла туда по шею и сидела так минут десять, пока окончательно не закоченела.

Но это помогло мне прийти в себя, а когда я вернулась к засаде у лагеря, пошел редкий дождик и комары разлетелись по своим бомбоубежищам.

Начало темнеть, и я надеялась через полчаса или в худшем случае через час вернуться к себе в палатку, к такому милому халатику и тапочкам.

Но не тут-то было.

Раньше меня на поляне появился другой гость — господин директор Матур!

Он не скрывал своей наготы. Он гордился ею, как племенной жеребец сомнительных кровей. Ах ты, мой муженек!..

Я не сердилась на него — он тоже был близок к смерти, его унижали и даже чуть было не заставили меня изнасиловать, что, как вы знаете, невозможно без моего одобрения.

Все бросились к нему.

Пошатываясь, Матур стоял на краю прогалины. Его тут же подхватили под руки и поволокли к большой палатке, желая немедленно положить в спальный мешок и лечить либо эвакуировать в Танги. Но Матур держался мужественно. В вечерней тишине мне было слышно каждое слово, произнесенное моим собратом по несчастью.

— Что с вами было? — спрашивал майор Тильви Кумтатон, и ему вторили остальные участники экспедиции. Даже господин Никольсон, с презрением сухопарого жеребца относившийся к толстой жабе — Матуру, не мог не сочувствовать господину директору.

— Я там был! — воскликнул Матур. — Я был схвачен!

Затем последовал короткий раунд борьбы между фельдшером и Матуром, в ходе которой тот отбился от лекарств и продолжил свою душераздирающую историю.

Рассказ Матура занял добрых полчаса, так что мне придется изложить его здесь вкратце.

Оказывается, камешки, из-за которых Матур на самом деле отправился в ночной поход, были ни при чем. На самом деле его выманили с помощью прекрасной дикарки, которая подкралась к его палатке и умоляла прийти на помощь ее маленькому народу, который попал в злобные лапы японского военнослужащего.

Ну хорошо, подумала я, сердиться за это на Матура нельзя. Он скрывает свое богатство, свою добычу... Меня больше занимало, как он вырвался из каменного стакана? Беглец он или шпион?

Далее Матур довольно сбивчиво, но горячо рассказывал, как он решил освободить голых дикарей от власти японца, как он пришел вместе с дикаркой к запрятанному высоко в горах озеру, где угнетал дикарей жестокий японец.

Матур вступил с японцем в отчаянную борьбу, что было нелегко сделать, потому что японец был вооружен автоматом, пулеметом и еще гранатами, а Матур сражался голыми руками. Эта титаническая схватка закончилась в конце концов победой Матура, который изгнал японского милитариста, но, к сожалению, за это время неблагодарные дикие люди разбежались по ущелью и, может быть, ушли за хребет, в сторону Китая.

Тут профессор Никольсон, который делал вид, что верит в плохо слепленную версию Матура, спросил, не встречал ли Матур в своих боевых странствиях некую женщину по имени Анита Крашевская.

И тут мой Матур искренне зарыдал.

— Никогда! — воскликнул он. — Никогда не прощу себе, что не удержал эту девушку. Да, она была в плену у японца, но я умолял ее потерпеть, она же испугалась, кинулась в озеро... и утонула!

Я собралась было засмеяться, но передумала, ведь тут Матур говорил правду: он видел, как я нырнула в озеро, и не видел, как я из него выбралась. А следовательно, я утонула.

Майор Тильви Кумтатон стал выспрашивать у Матура, где же находится это озеро, и я поняла, что мой муженек или не знает карт, или не хочет, чтобы озеро нашли.

Пока военные вежливо, но настойчиво допрашивали Матура, я услышала, как к зарослям, в которых я скрывалась, подошли Никольсон и Юра Вспольный. И тут я, к удивлению своему, услышала, что Вспольный плачет. Этот большой и толстый белый джентльмен в очках плакал, как маленький мальчик, забывая английский и переходя на русский язык:

— Я пойду ее искать, может быть, она жива.

— Скоро будет темно, — отвечал Никольсон. — А с утра мы пойдем вместе. Я полностью разделяю ваши чувства.

— А может быть, Матур врет? — спросил Вспольный.

— К сожалению, я не вижу нужды для него врать.

— Да, — согласился Вспольный. — Нужды лгать нет.

Растроганная, я уже готова была выйти из кустов, но тут меня обеспокоила другая мысль: если Матур что-то скрывает и лжет, то почему? Что случилось в каменном стакане? Может, это дьявольская хитрость Сато и он таится поблизости, чтобы ночью зарезать всех моих товарищей, включая трогательного и милого Юру Вспольного?

Я поняла, что сейчас сделаю, — я быстро добегу до пещеры и узнаю, где же на самом деле пришельцы, живы ли, что им грозит... И это будет куда быстрее, чем организация военной спасательной экспедиции.

И я вновь отказалась от уютной палатки и горячего кофе, потому что мне было жалко этих нелепых пришельцев, о которых никто не должен знать, что они пришельцы.

Было еще светло, и дорога к пещере была мне отлично знакома.

Духи гор покровительствовали мне. Неожиданно распогодилось, облака разбежались. Оказалось, что солнце только-только ушло за зубцы гор и их вершины еще окрашены желтым закатным светом. Так что в моем распоряжении было достаточно времени, чтобы дойти до пещеры, не поломав по дороге ног.

Мне странно было идти по ущелью. За последние дни оно стало мне знакомым, будто я прожила здесь больше месяца. Я возвращалась в особый, никому не известный мир, о котором и я вчера имела самое смутное представление.

Последние лучи солнца оторвались от вершины самой высокой из гор, и ущелье было залито вечерней синевой, когда я поднялась на площадку перед большой пещерой и отвернулась от

открытой уборной пришельцев. Мне не хотелось поднимать каменную плиту в темном внутреннем зале пещеры и лезть в узкий проход, ведущий к озеру, но у меня не было другого выхода.

К счастью, мне не понадобилось этого делать.

Как только я ступила под навес над площадкой, внутри пещеры раздались радостные голоса и в моем мозгу прозвучали слова Любы:

— Смотрите, кто к нам пришел!

— Не может быть! — сказал По-из. — Вы же, к сожалению, утонули.

— К счастью, я чудом не утонула, — ответила я. — И не пытайтесь изобразить меня духом.

— Вы не бросили нас! Вы не забыли о нас! — стенали пришельцы, окружив меня. Их нагота была мне привычна и не пугала. Моя собственная не играла здесь роли. Даже Ут-пя с его дудочкой меня почти умилял.

— Мне стало любопытно, — сказала я, — потому что мне встретился директор Матур.

— И что он вам сказал? — спросил капитан Ут-дирек. Голос его звучал сдержанно.

— Он меня не видел, он говорил с другими. Он сказал, что уговаривал вас встретиться с людьми, но вы убежали.

— И вы не поверили? — спросила умудренная жизненным опытом Не-лю.

— Разумеется, — сказала я. — Он же сказал, что Сато от него убежал.

— У нас есть фонарь, — сказал капитан. — Это ваш фонарь. Его потом забрал Сато. А теперь это наш фонарь.

Он протянул мне фонарь, но я не сразу поняла зачем.

— Зажгите, — сказал капитан. Он выглядел подавленным, а я тупо стояла с потушенным фонарем в руке.

Потом зажгла его.

Луч его обежал лица пришельцев. Пришельцы жмурились и отворачивались от яркого света. Потом он натолкнулся в глубине пещеры на лежащего навзничь человека.

Глаза Сато были закрыты, щеки ввалились и потемнели, нос заострился — я его даже не сразу узнала.

— Когда вы пропали, господин Сато очень сердился. Он даже пошел в воду, чтобы вас найти, — рассказывал между тем По-из.

— Он хотел меня спасти? — Я была поражена непоследовательностью этого человека.

— Он очень сердился, но не хотел, чтобы вы утонули. Он снял пояс и штаны и нырнул в воду. Он вас не нашел, а толстый человек Матур схватил мешочек, кожаный мешочек с красными камнями, и хотел убежать. Сато вылез из воды и полез за ним в подземный ход.

— А потом вы услышали оттуда выстрелы.

— Да, — сказал По-из. — Мы услышали выстрелы и испугались. Мы сидели и ждали. Мы долго ждали.

— А потом он начал стонать, — сказала Люба.

— Кто? — не поняла я.

— Господин Сато. Я почувствовала, что он жив, но ему очень больно. И мы полезли туда, чтобы ему помочь, — ответила Люба.

Я так живо представила себе эту сцену — голые пришельцы толпятся у черной дыры подземного хода и прислушиваются к стонам, несущимся из-под земли.

— Мы нашли его у самой пещеры. Видно, он догнал господина Матура, когда тот открывал каменную плиту. Мы подняли господина Сато наверх и положили здесь. Мы не делали ему больно. Но он все равно умер. Раны были смертельные. — Люба говорила виноватым голосом, хотя это мне только казалось, нельзя же мысленно говорить виноватым голосом. Но пришельцы чувствовали себя виноватыми.

И капитан даже сформулировал это состояние:

— Если бы мы не свалились ему на голову и не нарушили весь порядок его жизни, он бы и дальше охотился, ходил по горам и, может быть, вернулся в свою страну Японию. Но мы оказались соблазном. Он изменил жизнь.

— Вы не правы, — сказала я. — И без вас сюда бы прибыл Матур или какой-нибудь другой курьер, чтобы выяснить, куда делся контрабандист, который нес рубины. А мы с вами знаем, что контрабандиста убил Сато и забрал себе мешочек с камнями. Виноваты рубины, виноваты контрабандисты, виновата жадность Матура...

Но, по-моему, я не убедила пришельцев.

Они сбились в кучку, как замерзшие котята, и тихо гудели — то ли пели, то ли плакали, а я не знала, что же делать дальше.

Наконец я поняла.

Я собралась было идти обратно в лагерь, но желание это было половинчатым — если ты не знаешь, зачем идти, то не очень хочется продираться сквозь ночной лес.

И я решила остаться вместе с ними.

Мы стащили в одно место сено, что лежало кучками по залу, легли, прижавшись друг к дружке, и постарались накрыться одеялом японца. Его хватило только на женщин, которых положили в середину.

Лишь Ут-пя не хотел спать. Он остался сидеть над телом Сато, наигрывая, к счастью, негромко, на своей дудочке.

Я спала в объятиях Любы, прижавшись к Не-свелю, от пришельцев исходил чужой, необычный, но не неприятный запах, и мне всю ночь снились странные сны.

Я проснулась на рассвете от того, что мне было холодно. Оказывается, все остальные уже поднялись. Одеялом они накрыли фигурку Сато.

Кто-то сходил к озеру и принес оттуда припасы. Я поела вместе с пришельцами.

— Мы решили... — сказал капитан. — Мы пойдем через горы. Мы уйдем из этих мест. А дальше будет видно.

Я стала доказывать им, что стоит подождать еще день, я переговорю с моими коллегами, и мы что-нибудь придумаем.

Но пришельцы не согласились ждать, потому что они чувствовали мою неуверенность.

Они решили идти вверх по реке — там меньше людей.

Мы собрались расстаться, но никто не решался сделать первый шаг.

Так мы и стояли на краю площадки, глядя на долину Пруи, над которой плыл рассветный туман.

И вдруг издалека донесся звон колокольчика. Тихий такой, мелодичный звон. Он оборвался.

— Идут, — прошептал По-из, но замолчал, потому что не смог объяснить, кто же идет.

Потом прозвучал негромкий голос.

Несколько человек неспешно спускались по ущелью.

Я приблизилась к самому краю площадки и увидела людей, о приближении которых мы слышали.

Это были молодые, а то и совсем юные люди, они были странно одеты, а некоторые и не одеты вовсе. У одних головы были выбриты, у других оставлены косички, кто-то был облачен в розовую марлевую накидку, а на ком-то были лишь рваные плавки. У каждого через плечо висела холщовая сумка, и все были босые... Впереди шествовал буддийский монах, тоже бритый, в оранжевой тоге.

Сделав знак пришельцам оставаться на своих местах и по-

звав с собой Любу, я осторожно начала спускаться к воде, потому что путники как раз сделали там привал.

Мы остановились за кустами, чтобы не пугать людей своим видом, и Люба сказала:

— Они ни о чем не думают, они замерзли за ночь. Они здесь чужие.

— Спроси вон у того, старого человека в оранжевой одежде, кто они и куда идут?

Услышав голос в своей голове, буддийский монах вовсе не испугался и не удивился, а ответил по-лигонски:

— Это неизвестные паломники. Они идут к реке Ганг. Они пришли в наш горный монастырь Манудаунток, или Сокровище трех Боддисатв, и мы их лечили и кормили. А теперь я провожаю их до монастыря в деревне Линили. Мы туда придем послезавтра.

Паломники замолчали. Они поняли, что их проводник с кем-то разговаривает, и потому насторожились.

Было тихо, только пели утренние птицы. Паломники негромко разговаривали между собой.

— С кем это он треплется? — спросила голая до пояса, бритая девушка с плоской грудью, которой лучше было бы носить лифчик, подбитый ватой, чем ходить голышом.

— Наверно, здесь немало бесплотных астральных тел, — ответил юноша с длинным носом и тонкой косичкой на затылке. — Блаватская предупреждала в своих работах, что в предгорьях Индии надо быть вдвойне внимательным.

— Я потерял равновесие духа, — сказал капризно исхудавший паренек в розовой майке — единственном предмете туалета, который ему достался.

Меня смущало то, что я так легко понимаю этих молодых паломников. Имя Блаватской тоже мне было откуда-то знакомо. О, Матерь Божья! Они же говорят по-русски!

Я так удивилась и обрадовалась, что выбежала из-за куста и оказалась среди молодых людей.

Сначала они шарахнулись было во все стороны, скорее от неожиданности, чем от страха. Но далеко не отошли. Их нелегко было удивить.

— Привет! — сказала я им. — Вы откуда здесь взялись?

Юноша с длинным носом, который предупреждал об астральных телах, посмотрел на меня с подозрением.

— А вы что, здесь и живете?

— Пока живу.

— По принципиальным соображениям? — спросила девица

с большим животом, месяце на восьмом. У нее было обиженное лицо, словно ее пригласили на прогулку, а теперь заставляют таскать немыслимые тяжести.

— Нет, я здесь ненадолго.

Люба, почувствовав, что от молодых людей не исходит опасности, тоже вышла из-за кустов и присоединилась к нам, ни у кого не вызвав удивления. Лишь монах все поглядывал наверх, на кусты, словно ждал, что оттуда появятся новые лесные феи. Затем он вспомнил, что он монах, а не любитель эротических зрелищ, потому склонил голову и начал усердно перебирать четки. Четки были рубиновые, цены им нет. Как хорошо, что Матур далеко отсюда!

— Куда путь держите? — спросила я. Наверно, получилось неестественно, но я никак не могла найти нужного тона в беседе с этими странными созданиями. Когда я жила в Москве, там таких еще не водилось.

— В Бенарес, — ответил мне длинноносый — видно, их вождь. — В святой город.

— И зачем же?

— Там нас ждет гуру Нилаканта Шастри.

— Долго будет ждать, — сказала я.

— Почему? Почему? — спросил длинноносый.

— Потому что дорога на Бенарес чуть правее, — сообщила я. — А таким путем вы скоро доберетесь до Сиамского залива.

И тут я поняла, что они плохо изучали в школе географию и разницы между Сиамским заливом и Панамским каналом не ощущают.

— Не слушай ее, Денис, — сказала беременная паломница. — Это типичная провокация. Ты лучше спроси ее, в какой школе ЦРУ она русский язык выучила?

Туг все паломники посмотрели на меня, как на врага, и я поспешила ответить:

— Никакого ЦРУ! Я здесь нахожусь в экспедиции.

— Вот видишь, Василиса! — сказал человек с челкой.

— А какая же, позвольте, экспедиция? — не сдавалась беременная девица. (Впрочем, если беременная, то по-русски уже не девица, да?)

— Ищем трон царя Соломона, — призналась я.

— Евреи, — пояснил остальным мрачный тип с челкой.

— Нет, ты скажи, в самом деле промахнулись? — спросил исхудавший паренек.

— А давно идете? — спросила я.

— Мы верим в великого Кришну и вечное благо. В спасение через добро! — крикнула беременная девица. Видно, ей все это уже порядком надоело.

— И давно идете? — спросила я.

— Мы сами из Люберец. Мы примкнули к туристской группе в Монголию, — сказал длинноносый.

— На поездку в Индию характеристик не дали, — сказала беременная, а мрачный тип с челкой пояснил:

— Монголия является страной социалистического лагеря.

Исхудавший паренек показал мне крепкую палку, всю изрезанную зарубками.

— Шестьсот семьдесят дней, — сказал он. — Особенно трудно приходилось в Китае. Но мы в коммуне работали.

— Всех бы повесила! — закричала беременная.

— Василиса, Василиса, — стали уговаривать ее товарищи. — Где твое смирение?

— Нет, — сказала я. — В таком состоянии вам идти дальше нельзя. Вам не выдержать пути до Бенареса.

— А что делать? — пискнула бритая девица с плоской грудью. — Мы уже на грани истощения!

— Мне вредно питаться одними овощами, да еще немытыми! — поддержала ее беременная.

— Тогда послушайтесь моего совета. Следуйте за этим добрым буддийским монахом, который ведет вас к монастырю. Остановитесь в монастыре, поживите там, может, месяц, может, два. А там уж решайте. Возможно, кто-то захочет вернуться домой, а кто-то перейдет в буддизм.

— Только не это! — закричал длинноносый.

— А если не оставят? — пропищал исхудалый паренек.

— Оставят. — Я обратилась к монаху, который не поднимал на меня глаз, и с помощью Любы спросила, насколько добры и гостеприимны монахи монастыря в Линили. Монах ответил, что монастырь славится своей заботой о странниках, в нем можно будет жить в качестве помощников, собирать плоды в саду, чинить и мастерить — кто что может.

Это я перевела бывшим советским туристам, а ныне кришнаитам, ищущим Бенарес и, возможно, покойного гуру Наликанта Шастри.

Как вы, может быть, догадались, пока я разговаривала с советскими паломниками, у меня созрела идея.

— С вами пойдут еще шесть местных кришнаитов, — сказала я. — Вы включите их в свою группу.

— Еще чего не хватало! — возмутилась беременная, но длинноносый сообразил, что заинтересован в моей поддержке, и сказал:

— Если они наше жрать не будут, пускай идут. И пускай учтут, что язык общения — русский! Везде.

— Хорошо, — пообещала сообразительная Люба.

Она же и поскакала как серна к пещере, чтобы привести своих спутников.

К сожалению, я не могла дать им денег на дорогу, но предусмотрительная Не-лю взяла высыпавшиеся из мешочка рубины, так как правильно рассудила, что раз земные жители ценят эти блестящие камешки, значит, стоит ими запастись. Я же убедила По-иза и Любу проявлять в будущих сделках с рубинами крайнюю осторожность.

По моей подсказке пришельцы разделили между собой части одежды покойного Сато и раздетого Матура. Зрелище было странное, но именно эта нелепость в одеяниях примирила советских кришнаитов с пришельцами с планеты Дом. Склонному к пижонству Ут-бе-бе достался пиджак Матура, Не-лю взяла себе полушорты Сато, капитан натянул марлевые дхоти Матура, По-изу досталось его нижнее белье...

И когда я, стоя на склоне, смотрела на увеличившуюся группу, она показалась мне вполне гомогенным образованием, словно паломники топали вместе через весь Китай. Только потом я вспомнила о себе, но не было сил и отваги лезть в подземный ход и искать одежду на берегу озера, так что я ограничилась набедренной повязкой из рваного мешка.

Я прошла с паломниками три мили, что отделяли пещеру от военного лагеря.

По дороге мы говорили мало и тихо. Я предупредила советских друзей, что там сидят в засаде солдаты, которые вылавливают всех кришнаитов и отправляют на родину. Поэтому кришнаиты шли буквально на цыпочках.

А когда тропинка, миновав лагерь, свернула от реки, я попрощалась с пришельцами. Прощание получилось сдержанным, потому что я не знала, как у них на Доме прощаются сердечно. Я обещала приехать в монастырь и помочь им советом, но надеялась, что вместе с советскими друзьями они доберутся даже до Бенареса.

Потом я попрощалась с советскими друзьями и пожелала беременной Василисе замечательного сыночка, на что исхудавший

юноша сказал, что он хотел бы девочку. Я не ожидала, что он и есть отец семейства, потому замолчала.

Длинная процессия малоодетых людей человек за человеком исчезала в банановых зарослях. Вдруг беременная Василиса, по-утиному переваливаясь, поспешила назад и сунула мне в руку какую-то палочку.

— Анита, — прошептала она, — товарищ Крашевская! Советский Союз в моем лице надеется на сознательность польских товарищей.

И засеменила следом за остальными, сверкая черными пятками.

Оказалось, что Василиса оставила мне туго скрученную полоску тонкой коры, на которой спичкой или палочкой было выдавлено:

«Совершенно секретно. Предс. КГБ лично.

Двигаемся на Бенарес. Прод. наблюдение. ЦРУ внедр. шесть агентов. След. послание оказией. Майор Пупыщ.».

Когда я поднялась в лагерь, утро уже вступило в свои права. Поляна была залита солнцем. Она была пуста, если не считать часовых, стоявших в отдалении. Из большой палатки, где была столовая, доносились голоса.

Я устало добрела до той палатки и, откинув полог, вошла внутрь. Я не хотела никого удивлять, мною владела лишь одна мечта — поесть и завалиться спать.

Но почему-то все обернулись ко мне — один за другим, и на их лицах появилось одинаковое обалделое выражение.

Все молчали.

Молчание нарушил директор Матур.

— О нет! — завопил он на всю долину. — Изыди, злой дух!

Он закатил шоколадные глаза и грохнулся в обморок, потянув на себя скатерть вместе с кофейником и кастрюлей с поррижем, и оставил меня, мерзавец, без завтрака.

Юрий Сидорович Вспольный

Появление Аниты Крашевской, уже похороненной и оплаканной нами, за несколько минут до выхода очередной партии на поиски ее тела вызвало шок в палатке, где мы завтракали. Эта милая молодая женщина была обнажена, как Афродита, вышедшая из морской пены.

Первым спохватился профессор Никольсон.

Когда Матур потерял сознание, потащив со стола скатерть, Никольсон ловким движением старого тореадора подхватил эту скатерть и, сделав несколько быстрых шагов, накинул ее на Аниту.

Тогда Анита поняла, в чем дело, устало улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Вы очень любезны, сэр.

И так поправила на себе скатерть, что показалась нам прекрасной гречанкой, одетой в лучших гомеровских традициях.

Оказалось, что майор Кумтатон с самого начала подозревал Матура в связях с контрабандистами, и ему не стоило труда отыскать в тот же день останки убитого японцем гонца.

Я не должен был этого знать, но, когда живешь в палатке, нужно говорить шепотом. Поэтому я услышал, как майор допрашивал директора Матура. Он обещал ему свободу и забвение, если тот вернет рубины, которые Матур отнял у Сато. А в этом майор был убежден, потому что два или три камешка были найдены в подземном ходе и в пещере.

Но Матур был тверд как скала. Его допрашивали весь день, но без результата.

Матур сопротивлялся, как буйвол, до тех пор, пока майор не пригласил ожившую свидетельницу — Аниту. Анита показала, что не видела, чтобы Матур убивал Сато, но видела злополучный мешочек с рубинами.

Не знаю, как они сговорились, — в конце концов, оба жители зарубежного государства, и я не имею права вмешиваться в их внутренние дела, но, насколько я знаю, Матур сдал все-таки мешочек с рубинами, а дело о смерти бездомного японца было закрыто.

Об исчезнувших голых людях также более никто не упоминал — все как бы сговорились, что голые люди исчезли в неизвестном направлении.

Версия, высказанная Анитой о том, что это инопланетные пришельцы, которые скрываются в каком-то горном буддийском монастыре, не нашла подтверждения. Монастырей в Лигоне тысячи. Документов у монахов и служителей отродясь не было — ну как тут угадаешь, кто лигонец, кто пришелец, а кто и вовсе советский кришнаит.

Существование последних — не плод воображения Аниты, как можно было бы предположить. В первый же вечер Анита незаметно для окружающих передала мне свернутую в трубочку кору с донесением майора Пупыщенко (или Пупыщева). Я отне-

кивался, говоря, что не знаю никого из этой организации, но Анита отмахнулась от моих возражений и ответила:

— Знаешь, коханый, знаешь. Если сам не оттуда.

Но сказала это без озлобления, а так, в шутку.

Она была, разумеется, права. Я знаю, кому передать это донесение.

Что же касается пришельцев, то надеюсь, они нашли себе место на Земле и постепенно вжились в лигонскую действительность. Порой, встречая на базаре или на улице людей с зеленоватым цветом кожи, я буду думать, не один ли это из потерпевших крушение? Впрочем, я не теряю надежды отыскать их следы. Это может случиться, когда к нам поступит новое донесение майора Александры Ивановны Пупыщенко. На этот раз с точными координатами.

ДОПОЛНЕНИЕ

Сегодня, провожая участников конференции, прошедшей плодотворно и принесшей ряд новых открытий, но, к сожалению, не доставившей нам счастья обнаружить новое отсталое племя, я встретился на аэродроме с майором Кумтатоном и профессором Мутанчоком.

Майор сообщил мне, что в соответствующих лигонских органах ознакомились с моей рукописью и сочли ее очень интересной, несмотря на то что в ней рассказано о невероятных событиях. В свете этого и для дальнейшего развития дружбы между советским и лигонским народами было принято решение разрешить мне публикацию рукописи о «голых людях» при условии, что я буду указан ее автором (хотя могу воспользоваться любым псевдонимом), а само документальное повествование будет названо «фантастической повестью».

Первой моей реакцией было возмущение. Я не мог допустить, чтобы тщательно документированное, совершенно фактологическое, основанное на показаниях живых свидетелей изложение было сознательно объявлено сказочкой.

Тогда, к сожалению, сообщил мне профессор, интересы Республики Лигон требуют отказа от публикации моей книги в любой форме.

— Но книга Матура! Ему же вы разрешили!

— Это было условием нашего соглашения, — улыбнулся майор. — Он отдал рубины и получил разрешение напечатать

книгу. Но учтите, он не подозревает, что голые люди — пришельцы с другой планеты, и не мог поставить под угрозу их безопасность. Во-вторых, он врал там так много и часто, что название «документальная повесть», которое поставил на титульном листе книги написавший ее со слов Матура журналист, кажется издевательством над здравым смыслом.

— Послушайтесь дружеского совета майора, — сказал тогда профессор Матунчок. — Имеющий уши да слышит и имеющий глаза да видит. Лучше райская птица в руках, чем орел в небе. Мы не хотим никаких неприятностей. Ни с японским консулом, ни, не дай бог, с так называемым Галактическим сообществом.

— Все-таки верите? — спросил я.

— А почему бы не верить? — сказал майор.

— Может быть, вы и пришельцев отыскали?

— Это крупные ученые, которые могут оказать большую помощь нашему бедному развивающемуся государству, — загадочно произнес майор.

— Нашли или нет? — воскликнул я, дрожа от возбуждения.

— Не так уж много буддийских монастырей в округе Танги, — сказал профессор.

— Кстати, — завершил разговор майор Кумтатон, — вам тут просили передать.

И он протянул мне сложенный треугольником листок бумаги.

Там было написано по-русски:

«Сов. секр. Предс. КГБ. Нахожусь монаст. (дальше вычеркнуто)... кормят без мяса.

Убегу. Со мной два кришн. Жду инструкц. Пупыщ.».

— Но эта записка совершенно не по адресу! — возмутился я. — Я не знаю никакого майора Пупыщенко.

— Они уже убежали, — сказал Тильви Кумтатон. — Я ему передал инструкции. Завтра он будет в Лигоне. Я хотел бы, чтобы ваше посольство оплатило майору Пупенченко...

— Пупыщенко! Александра Ивановна Пупыщенко!

— Вот именно, чтобы посольство оплатило майору Пупыщенко и ее новорожденной дочке Сарасвати Семеновне билет на самолет.

На этом наша беседа закончилась.

Больше я ничего не слышал о голых людях.

[1] IV Международная конференция «Первобытные этносы Азии» (Здесь и далее примечания мои. — *Ю.Вспольный*).

[2] Как вы понимаете, директор Матур исполнял на конференции скромную роль агента фирмы прохладительных напитков.

[3] Очередная ложь директора Матура. В свое время у майора были все основания отвертеть голову Матуру. Он не сделал этого только потому, что у Матура нашлись покровители.

[4] Университетская столовая.

[5] Я публикую записки Аниты без сокращений, несмотря на то что Анита позволила мне вносить в них любые сокращения. Величие летописца и собирателя древних рукописей зависит от его беспристрастия. Что было, то прошло. И мне ли переживать сегодня о мыслях, пришедших в прекрасную головку Аниты более года назад!

[6] Но никогда не берут себе на борт людей. Контакты и встречи с инопланетянами — это плод измышлений психопатов, жуликов и желтой прессы. И я с гордостью хотел бы отметить, что на моей Родине, в Советском Союзе, отлично понимают нежелательность обращать внимание на тарелочки, и наша пресса о них молчит. Надеюсь, что наше государство просуществует еще сотни лет и даже в обществе победившего коммунизма никто на тарелочки не обратит внимания.

[7] Так в тексте, предоставленном нам Ю.Вспольным. Очевидно, автор имел в виду собирательный образ (*Прим. ред.*).

[8] Появление голых людей в долине Пруи стало роковым ударом по тем сторонникам уфологии, которые рассказывали нам о зеленых человечках или трехногих кузнечиках. К счастью, восторжествовала теория панспермии, то есть существования во всей Галактике лишь одного вида хомо сапиенс — человека разумного. Факт, очевидный и известный с детского сада любому жителю безграничной Галактики, для нас стал открытием по значению не меньшим, чем открытие закона тяготения. Разумеется, в первую очередь он воодушевил представителей различных религий, но и мы, атеисты, теперь можем с презрением отвергнуть всякие домыслы и суеверия и смело заявить: все люди в космосе — братья! Не только по разуму, но и по хромосомам!

[9] Прадедом пани Аниты был известный и невероятно плодовитый исторический романист И.Крашевский.

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

Часть первая

ДО ПОЛУНОЧИ

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминались возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим, аэродромные огни желтыми. Потом вереницей пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие остановились в ожидании багажа. Там было натоптано и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» — сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, и ее звали Элей.

Серый «Москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик вытащил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее, да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

— Мы вам, конечно, не сможем заплатить, как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индейцы майя не носили. Машина ехала по обледенелому шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

— Это вы по телевизору на той неделе выступали? — спросила Эля. — Я вашу фамилию запомнила.

— Этот факт повысит посещаемость, — сказал Николайчик. — А то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

— Я с вами прощаюсь, — сказал Николайчик. — В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

— Спасибо, что вы меня встретили.

— Это наш долг. Мы всех встречаем, — сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны. — Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

— А мне когда за вами? — спросила Эля.

— Как всегда, — сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

— Как всегда — это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим, и эти дома опоясывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

— А вы Сергиенко не знаете? — спросила Эля. — Он к нам в том месяце приезжал.

— А что он делает?

— Он химик, — сказала Эля. — Экологией занимается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызывал, чтобы больше таких не приглашать.

— А чем он Силантьеву не угодил?

— У нас комитет, — сказала Эля. — За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

— Ясно, — сказал Шубин.

— Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

— У вас здесь строго.

— Гронский, Николаев и Силантьев — большая тройка, — сказала Эля. — Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная линия двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенным колоннами могучим присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универмага.

— В соборе склад? — спросил Шубин.

— Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади было людно.

— Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится, — сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду, и завершение площади — типовая гостиница в пять этажей — весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, направленное против самого себя. «И что меня сюда занесло? Три сотни, которые я заработаю лекциями, или нежелание спорить с московским обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?»

Эля сказала:

— Вы идите, я машину запру и догоню.

— У вас всегда так пахнет? — спросил Шубин.

— Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой. Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Администратора не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить всю гостиницу и принялась громко спрашивать:

— Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

— Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

— У вас паспорт есть?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать броню. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но броня нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

— Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрасывались быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара!».

Эля сказала:

— Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона — шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

— Вы отдыхайте, — сказала она. — В десять он не позвонит. До двенадцати проспит. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не ложилась.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

— Спасибо, — сказал он. — Значит, у меня пять часов.

— Как минимум, — улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

— Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

— Есть, есть, — сказала администраторша. — Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

— Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

— На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обозрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

— Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

— Вы что? — дежурная была даже обижена. — У нас второй год этого нету.

— Но как можно? Даже в районных гостиницах...

— Не дают! Вы пишите, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

— Но, может, можно купить?

— Нету у меня.

— Хотите, я дам кусочек? — спросила горничная. — У меня один оставил в номере. Если не брезгуете.

— Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу, и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся оттого, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

— Доброе утро, — послышался унылый голос Николайчика. — Как вы отдыхаете?

— Спасибо, — сказал Шубин. — Я спал.

— Можете продолжать, — сказал Николайчик. — В два за вами будет машина. Серый «Москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

— А у вас много машин?

— Одна, — серьезно ответил Николайчик.

— Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

— Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности, — сказал Николайчик.

— Хорошо, спасибо, — сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в

гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игральных автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах — иной, чем у воды, но ощутимый, проникающий, гадкий, будто где-то рядом валялась дохлая мышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по нескольку суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, просмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск—Пермь прибывает на первую платформу, и вокруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа — он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и масло бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все меньше. И его не примирили с ним даже милые, приземистые, провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял Нептун в трусах, но книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся в глубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли многочисленные тома Всемирной литературы, а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

— Вас что-то конкретно интересует?

— Нет, конкретно меня ничего не интересует.

— Вы любите книги?

— Кто их не любит?

— У нас редко бывают интересные книги, — сказала девушка. — Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

— Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду ничего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

— Я имею в виду, на улице, — добавил он поспешно.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказала девушка. — Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас, совсем недавно. Но потом у автора были неприятности. Наше начальство приняло меры.

— Такие длинные руки?

— Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

— Мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

— Мы хотим провести митинг, — сказала девушка. — Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. Сказали, что меры принимаются.

Человек с черной бородой и длинными нечесаными волосами подошел совсем близко и высоким настырным голосом сказал:

— Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

— Борис! Я тебя не заметила.

— Меня трудно не заметить, — ответил длинноволосый. — Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступать с начальством в конфликты.

— Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец, — продолжал Борис. — Человек вы респектабельный, бывавший за рубежом. Я бы сказал — старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрять на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда, оставаясь вне пределов вони. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал! Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен — от жирных немытых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

— Нет, не угадали, — сказал Шубин и отвернулся к полке.

— Не хотите, не надо, — сказал Борис. — Мы не гордые.

— Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека, — сказала, покраснев, Наташа.

— А я их всегда обижаю, — сказал Борис. — Между нами слишком много барьеров — классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

— Спасибо, — сказал Шубин Наташе и отошел от полок. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним.

За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину:

— Убийцы! Все они из одной своры...

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее. Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей — заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке, по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала кашица, которая брызгала из-под колес набитых народом автобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый воздух!» Борьба за чистоту окружающей среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали походя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

— Вы хорошо отдохнули? — спросил он.

— Спасибо.

— Я забыл провентилировать с вами вопрос питания, — сказал он. — На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитывать утром в машине.

— Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

— С колбасой по талонам? — спросил Шубин.

У него разболелась голова, не привык к здешним миазмам.

— Ценю юмор столичного жителя, — сказал Николайчик. — Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидированы очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силантьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожаной куртке.

— Федор Семеныч, — обратилась она к Николайчику. — Вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

— Да, — проснулся Николайчик. — И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

— Вы машинку пишущую всегда с собой возите? — спросила она.

— Всегда.

— Чтобы, когда мысль придет, ее сразу схватить, да?

— Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

— Мне пора, — сообщила Эля, не трогаясь с места.

— Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

— Он вполне приличный, — сказала Эля. — Только запуганный. Его из гороно выгнали, за прогрессивность. С тех пор он

боится. Я думала, что когда он квартиры дождется, то перестанет бояться. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь.

Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

— Мы не опоздаем, Эльвира?

— Я быстро поеду, — сказала девушка. — А мы о вас говорили.

— Я знаю, — Николайчик поднялся, напялил шляпу. — Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

— Я его отвезу и прямо за вами! Вы пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в раскрытую дверь и увидел, что пространство за ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застекленные таблички. Справа — «В. Г. СИЛАНТЬЕВ», слева — «В. Г. Мышечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

— Привела, — сказала она.

— Пусть товарищ подождет, — сказала первая секретарша. — У Василия Григорьевича совещание.

— Вы сидите, — сказала Эля, — я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плутает. Сколько раз был, а плутает.

Шубин уселся на мягкий стул, рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

— У меня детей из города увозят, — басил начальственный голос. — Завтра они по Свердловску понесут.

— Ты же знаешь, Василий Григорьевич, — отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше. — Все это бабьи сплетни. Кирилл, подтверди.

— Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы непрерывно проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

— Кирилл — специалист. Ему за это деньги платят.

— Кто платит? Кто платит? — рычал Василий Григорьевич. — Ты знаешь, что они митинг назначили на завтра?

— А вот это надо пресекать, — сказал второй голос наставительно. — Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал, тоном ниже:

— Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет...

— Откуда?

— Из Москвы.

— Я имею в виду — кто его прислал?

— Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

— Ну и что? Знаем мы этих международников.

— Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

— Точно международник?

— Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

— Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

— Милиция и без меня знает. Но я думаю... всегда лучше запретить, чем разгонять.

— Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

— А перестройка?

— Мы не шутить собрались.

— А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть — прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

— Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

— Наши общие интересы — служение народу.

— Смотри, как заговорил. Место бережешь?

— А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская... знакомая фамилия.

— Из пединститута.

— Давно на пенсию пора. А тот еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

— Борис Мелконян. Он в списке есть.

— Армянин?

— Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

— Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

— Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

— Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

— А что я могу? Я же пишу, звоню, а мне: давай план!

— Детей из города вывозят.

— Положение нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

— Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными, — произнес долго молчавший тенор.

— А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

— Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мял мокрую шляпу.

— Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали, — сказал он. — Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

— А что? Он занят? — Николайчик повесил шляпу на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто. — У него кто-то есть?

— Гронский у него, с санинспекцией, — сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

— Тогда мы подождем, — сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным. — Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

— В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

— Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

— Разумеется! — Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер. — Нет, — сказал он твердо. — В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый, будет директор химзавода Гронский, а налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора — Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

— У нас там воздух сказочный... тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонившегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

— Простите, заговорились, — сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина. — Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

— Как же, — сказал он, — слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

— Вот именно, — обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому: — Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

— Ты же знаешь, — смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку, — конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

— Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай Родине большую химию! А вы, товарищ Шубин, заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это

дело — отдаленного будущего. Заходите, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленней. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой Т для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью — стол для заседаний. Над столом висел отретушированный портрет М.С. Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В.И. Ленина, а также размещались медали, скульптурки и вымпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

— Чай, — сказал он, — живительный напиток. Вы на Западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

— Пока еще индийский есть, — доверительно сообщил Силантьев. — Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

— Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? — вставил Шубин.

— Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командированных со стажем, всегда больше всего шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно, и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

— Приходилось.

— Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз напротив нашей гостиницы. По крайней мере, сто сортов чаю, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери. Я, знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал — всем привез. Да что деньги беречь — все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

— Спасибо, — сказал Силантьев. — Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез из ФРГ?

— Замечательный чай, — вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

— Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию — пусть люди встретятся, поговорят, послушают очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытащил из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

— Верю, верю, знаю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

— Василий Григорьевич, — сказал Николайчик, — вы обещали для нашего «Москвича» резину выделить. Помните?

— Что? Какую резину?

— Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

— Ну и хитрец ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

— Как устроились? — спросил Силантьев. — Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

— Чисто, — сказал Шубин. — Только вода у вас не очень.

— Что? Вода? Какая вода? — Силантьев будто выпустил на секунду из себя другого человека, с начальственным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. — У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович, как старожил, помнит — какая вода у нас была! А в речке — каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, из Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали... Прогресс. Губим мы природу, не жалеем. Любую газету откроешь — что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит — план! Нужна стране химия? Отвечаю — нужна. Но не за счет здоровья людей. Моя позиция бесспорна.

— А позиция завода? — спросил Шубин.

— В целом — конструктивная. Если будет у вас время, отве-

зем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Шубин.

— Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

— Пожалуйста.

— У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное или, скажем, тревожное, — пожалуйста ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите — я ваш!

Силантьев поднялся.

— Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагал по просторному кабинету, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И подкованы. Уши прижаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающуюся лысину.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

— Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов — быстро просчитал Шубин — по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов — женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом остановил аплодисменты и подошел к микрофону.

— Среди нас, — сказал он, — находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд

назад, но там был лишь Николайчик — весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить, и совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента в США для тех, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор — еще относительно молодой и внешне интересный, хоть и небольшого роста, — все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазине вечерняя очередь.

— А теперь я хотел бы, чтобы вы мне задали вопросы, — услышал Шубин собственный голос, что его удивило, потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно, гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать: «Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание...» И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

— Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неуемного желания чиновниц засыпать Шубина вопросами.

— Нельзя ли уточнить, и поподробнее, товарищ лектор, — прогудел ветеран, — взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шуршал, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготав-

ливая новый вопрос, резко вскочила женщина, из породы крикливых, простоволосых любительниц правды-матки.

— Вы нам вместо Аргентины скажите, — выкрикнула она, — как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

— Я просил, — грозно сказал он, — задавать вопросы по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену.

Николайчик был огорчен.

— Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

— Я не сомневаюсь, — сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала: «Спасибо, что приехали». Чья-то рука дотронулась до его пальцев — Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик заметил и спросил:

— Что это вам дали?

— Записку, — сказал Шубин.

— Можете отдать ее мне, — сказал Николайчик. — Вам она не нужна.

— Не беспокойтесь, — сказал Шубин. — Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался — сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городе такое тяжелое положение, но обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устро-

ят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недосягаемым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному розовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно, Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он оттого, что в комнате стояла Эля.

— Что? — спросил Шубин, открывая глаза. — Пора?

— У вас лицо выразительное, — сказала Эля. — У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедем, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей — номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем, десятым, сотым, от которого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

— Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

— Извини, — сказал Шубин.

— А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федор Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой. Шубин натягивал аляску и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

— Волосы у тебя красивые, — сказал Шубин, выходя в коридор.

— Это раньше были красивые, — сказала Эля. — Я химию делала. А когда на машине стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. «Какое тупое, злое лицо», — подумал Шубин.

— Он всегда так? — спросил Шубин.

— Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

— Или его предупредили?

— О чем предупредили?

— Что приехал ревизор, остановился в гостинице.

— Да какой вы ревизор?

— Вот и я говорю. А что, не похоже?

— Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

— Почему?

— А потому что целоваться с шофершей не полезли бы. Ревизоры свое место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сиденье. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

— А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем, — сказала она поучительно. — Люди на мелочах попадаются.

— Как шпионы, — сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

— Не смотрите, — сказала Эля. — А то никогда не заведу.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

— Расскажи мне про общество защиты природы.

— Про «зеленых»?

— Они себя так зовут?

— Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось — не представляете. Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «зеленые», а в пединституте — политический клуб. Смешно, правда?

— Это везде происходит, — сказал Шубин.

— У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

— А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

— Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

— Кого?

— У меня сын есть, в садик ходит.

— Вот не думал...

— Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

— А муж? — Шубину стало неловко — командированный козел! Мужчина в сорок лет...

— Не беспокойтесь... — улыбнулась Эля. — Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью. Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

— Мне бы от получки до получки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей — туда-сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

— А он помогает ребенку?

— Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

— Идите, — сказала она. — Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

— Вам не здесь раздеваться, — сказала она. — Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

«Сейчас скажет, — подумал Шубин, — что видела меня позавчера по телевизору».

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время ее. В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

— Подкрепитесь, — сказал он наставительно.

— Уже надо идти.

— Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, водят по кабинетам, а чтобы покормить — это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла.

Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

— Вода у нас, можно сказать, целебная, — сказал Николайчик. — Я смотрел сводку — по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

— Лучше бы без микроэлементов, — сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке вычитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у выхода. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подработать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки, — та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему было неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

— А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

— Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

— Но есть такие, которые к вам не относятся.

— А вот это мы сейчас и посмотрим, — сказал Шубин в микрофон.

— Читайте, читайте! — кто-то крикнул из зала.

Шубиным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

— «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

— Это к делу не относится. — Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку:

— «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?» — Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

— «Какие меры принимаются в Японии или Америке по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокомбинат травят нас, как мышей. А разве мы полевые вредители?»

— Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке, — сказал Николайчик, и зал зашумел.

— Ничего, — сказал Шубин. — Я отвечу. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

— Еще как! — крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом бородатого Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

— Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют сильные общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

— А у нас он платит из государственного кармана! — крикнул Борис, поднимаясь, словно в Римском сенате, и указуя пер-

стом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

— Спокойно! — кричал в микрофон Николайчик. — Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закруглился, так как Николайчик пошел на предательский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции намечен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому, что Шубин был особо бездушен — он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда приедет какая-нибудь комиссия, и фильтры в конце концов построят.

— Значит, так, — сказал Николайчик, когда они вышли за кулисы, — в будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

— Я не совсем понимаю, — сказал Шубин. — Мне кажется, что встреча прошла интересно.

— Юрий Сергеевич! — сказал Николайчик. — Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее — созидателем.

— Вы серьезно?

— Я не сторонник демагогии, — сказал Николайчик твердо. — И не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то, что происходит?

— Значит, митинга завтра не будет? — спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благодарить Шубина за замечательную лекцию. Она пошла их провожать, но Шубин

и Николайчик быстро пошли вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

— Что вы знаете о митинге? — спросил Николайчик.

— Все о нем говорят.

— Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно откуда.

— Так будет или не будет?

— Я не милиция, — сказал Николайчик. — Но хотите знать мое личное мнение?

— Я его знаю.

— Да?

— Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

— Примерно так, — согласился Николайчик. — А вы со мной не согласны?

— Категорически.

— Интересно, это ваше личное мнение?

— Нет, — ответил Шубин. — Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье:

— Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

— Я вас провожу.

— Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик официальным голосом. — Если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

— Не беспокойтесь, звоните спокойно, — сказал Шубин. — Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

— Как так?

— И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

— Я бы этого не хотел.

— До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти домой Шубина и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

— Я хотел сегодня вас пригласить к себе, — сказал он, — но

моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

— Разумеется, — сказал Шубин. — Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

— Мы хотели бы с вами поговорить, — сказала Наташа. — Вы извините, если вы устали.

— Одну минуту, — сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

— Я пойду до гостиницы пешком, — сказал он.

— Я была в зале, — сказала Эля. — Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

— Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

— Он звонить побежал? — сказала Эля.

— Ты его хорошо знаешь.

— Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

— Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

— Нет. А зачем?

— Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

— Позже некуда. Девятый час.

— Ну тогда до завтра.

— Вы с ними гулять пойдете?

— До гостиницы.

— Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании — испугается.

— За меня?

— За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

— Спасибо за предупреждение.

— Долго не гуляйте, — сказала Эля. — У нас неспокойно. На химии зэки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четырем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

— Пошли?

Борис был без шапки — его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородкой клинышком. Такие бородки давно не в моде — они неизбежно вызывают представление о владельце как о человеке с оппортунистическими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса. Бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь. Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

— Мы хотим вам нашу реку показать, — сказала Наташа.

— Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не было никаких неожиданностей, — сказал Шубин. — Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

— А мы и не думали, — сказал Борис. — Это те, кто боятся, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверно, «Вольво» привезли?

— У меня «Жигули», — сказал Шубин без обиды.

— Боря, не цепляйся к человеку, — сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера тянулась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные светящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в неспокойное небо светлые клубы дыма.

— Это не вода, — сказал Бруни. — Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу — они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

— Это еще что такое? — спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

— Я постараюсь прийти сюда завтра, — сказал Бруни, — чтобы разобраться.

— И пахнет иначе, — сказал Борис. — Еще гаже, чем всегда.

— Это у тебя нос слишком большой, — сказал парень в ватнике.

— В самом деле — пахнет иначе, — подтвердил Шубин. — Я тут человек новый, еще не принюхался.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

— Наша беда в том, — сказал Бруни, — что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздействия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

— Пошли отсюда, — сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

— Но почему вы не пишете, не скандалите?

— Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят, — сказал парень в ватнике. — Я уже отсидел пятнадцать суток.

— За что?

— Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

— Я уверен, что наши письма и обращения доходят, — сказал Бруни. — Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя — в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое народом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девчушек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

— Кофе приходится класть втрое больше, — сказал Бруни, — чтобы отбить у воды этот вкус.

— Я его убью, — сказал Борис.

— Кого?

— Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

— Я уже слышал об этом, — сказал Шубин.

— От Николайчика? — спросила Наташа.

— Здесь все друг друга знают?

— Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур, — сказала Наташа. — Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудищу?

— Наш город численно разросся, — сказал Бруни. — В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов — стандартных кварталов. Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи и прочая подобная публика.

— А еще зона, — сказал Борис.

— К сожалению, на заводах мало интеллигенции, — сказал Бруни. — Большей частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов

нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

— Нет, ты не прав, есть хорошие ребята. На биокомбинате политический клуб организовали, — сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные, милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего...

В самом деле Шубин так не думал. Он как бы проигрывал чужую, не свою роль, за неимением своей... Он уедет, они останутся.

— А что, становится хуже? — спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

— Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дают лавинообразный эффект, — сказал Бруни.

— Николай Николаевич работает в пединституте, — сказала Наташа. — Он биолог.

— Вы читали про Черновцы? — спросил Бруни. — У нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

— И что же?

— Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

— Еще кофе будете? — спросила Наташа.

— Нет, спасибо, — ответил Шубин. Он вспомнил, что в чемодане у него початая банка бразильского кофе. Вернется, выпьет.

— Положение ухудшается, — сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за конец бородки, будто пробуя ее на крепость. — Первый фактор, — продолжал Бруни, — введение в строй третьей очереди на биокомбинате. Они так спешили, что добились отсрочки ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо, Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за окном еще полутемно, а в аудитории уютно и тепло. И все спят.

— Второй и важнейший фактор — стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере...

— Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, — сказала Наташа. — Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

— Вряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление тех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают кумулятивный эффект. Достаточно знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе...

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише и тише...

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

— Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случится обязательно, — закончил лекцию Бруни.

— Но если вы считаете, что положение такое опасное, — сказал Шубин, просыпаясь, — почему вы не послали телеграмму, письмо...

— Есть указание: не выпускать порочащую информацию из города, — сказал Борис.

— Передайте письмо с проводником поезда.

— Письмо без убежденного человека — полдела.

— Так поезжайте в Москву.

— Нас никто слушать не будет.

— А кого будут?

— Вас, Юрий Сергеевич! — воскликнула Наташа.

— Но почему же?

— Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить — в полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то...

— У вас получается, что городом правят изуверы, — сказал Шубин.

— Ни в коем случае, — сказала Наташа. — Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

— Гронскому нужен план, — сказал парень в ватнике.

— Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем, — добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

— У Силантьева шестидесятилетие, — сказала Наташа. — Он хочет получить орден.

— У других тоже всякие соображения, — сказал парень в ватнике. — Николаев с биокомбината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойной жизни.

«Правдоподобно, конечно, все это бывает — и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, — думал Шубин. — У нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта — они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться мученичеством! Конечно же — это ранние христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью».

— Не думайте, что мы преувеличиваем, — сказал Бруни.

— Я не думаю.

— По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом, даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

— Притом они сейчас страшно нервничают, — сказала Наташа. — Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

— И тут приезжаете вы, — сказал парень в ватнике.

— Я совершенно ни при чем, — сказал Шубин.

— Мало ли что? У всех перепуганных людей развито воображение, — сказал Бруни. — А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух? Черт вас знает.

— Спасибо. Но они ошиблись.

— Мы тоже думаем, что они ошиблись, — согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

— С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора, — сказал Борис.

— Что вам далось мое благополучие?

— Бедных всегда раздражает богатство, — сказал Борис. — Из-за этого было столько революций!

— А я думал, что не я ваш главный враг.

— А я думаю, — повторил Борис начало шубинской фразы, — что живи вы здесь, то были бы с ними. Вообще, вы очень похожи на редактора нашей газеты.

— Мне уйти? — сказал Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

— Не надо всерьез обижаться на Борю, — сказал Бруни. — Его несдержанность — его беда. В побуждениях он чист.

— В самом деле пора, — сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

— Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? — спросил он.

— Нет, это не главное, — обрадовалась Наташа. — Главное — чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они проталкивались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

— А им и дела нет, — сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысль Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

— Мы вас проводим до гостиницы, — предложил Бруни.

— Далеко?

— Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

— Мы с вами расстанемся на углу, — сказал Бруни. — Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

— Возьму.

— Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

— Зачем такая конспирация? — улыбнулся Шубин.

— Вы не знаете, наверное, — сказал Бруни, — на что способны испуганные люди, облеченные властью.

— На что же?

— Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

— Меня трудно скомпрометировать.

— Трудно? — ухмыльнулся парень в ватнике. — Вот, видишь, ребята идут? Устроят драку. Попадем в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники — хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает — ничего не случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далек от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить...

А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хоть и отважные заговорщики, а уверенный в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе, и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

— Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

— Четверть десятого.

Шубин продолжал идти впереди, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

— Ты не уходи, папаша, не спеши, закурить найдется?

— Я не курю, — сказал Бруни.

— Он не курит? — послышался удивленный голос второго парня.

— Отстаньте! — это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который тоже рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере, их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

— Да погоди ты! — рявкнул Шубин, вырываясь у парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса. Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки и скользнул, а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел — было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

— Осторожнее! — крикнул Шубин. — Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим, но он не мог обернуться — он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

— Милиция! — закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое ухо Шубина:

— Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша, один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож, — тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома. Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее.

Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял в арке, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

— Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

— Но мы ничего не делали.

— Беги, идиот! — прошипел парень в ватнике. — Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке...

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

— Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал в арку, по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать фланирует по улицам города, потому что он знал, что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади послышались голоса — невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, стали смотреть — сначала направо, потом налево.

«Сейчас они посмотрят на забор и догадаются», — понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, вглядываясь в темноту.

— Это кто там? — спросила она.

«А милиционеры слышат, — понял Шубин. — Они все слышат».

Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где — не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова выглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста, потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

«Ну и черт с вами!» — сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, мысленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да, я гулял, я никого не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевой пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему, полагая, что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случи-

лось, — вроде бы его никто не бил... Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он словно оказался в другом городе — шумном, громыхающем поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами. Видно, пришел поезд — на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды у респектабельной парочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло — снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было — даже разговоров в кафе и у вонючей реки. Но, как назло, от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плывшей над площадью, — почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и преградил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гостиницу. Подвыпившие, модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщицки пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Она возникла за спиной молодого человека с красной повязкой, и Шубин не сразу узнал ее, потому что уже привык к энергичному существу в кожанке и надвинутой на глаза кепке. А Эля была в синтетической дубленке, на плечах белый платок, темные волосы были завиты к концам.

— Этого пропустите, — сказала она громко, и человек с повязкой тут же подчинился, не столько словам, как тону:

— Проходите, товарищ. Вы чего жметесь, гражданин, вы

чего там жметесь? — словно Шубин сам был виноват в том, что до сих пор не вошел в гостиницу. Неандертальские глазки дежурного издевались над Шубиным — конечно же, он узнал постояльца.

Хорошо одетые юноши нехотя пропустили его.

В холле было тепло и светло. Эля сразу увидела ссадину над бровью.

— Что с вами? — спросила она. — Вы упали?

— Подрался, — сказал Шубин.

— Ну уж шутки у вас, Юрий Сергеевич.

— А ты что здесь делаешь?

— Я ждала вас, Юрий Сергеевич.

— Ждала? Почему?

— Хотела и ждала. А вы не рады?

— Очень рад. Только не ожидал.

— Значит, я сюрприз вам сделала.

Они стояли посреди холла, возле забытых ремонтниками козлов.

Мимо прошли хорошо одетые юноши, они повернули налево, к приоткрытой двери в ресторан, и, проследив за ними взглядом, Шубин услышал, как ресторанный оркестр настраивает инструменты.

— Что же мы будем делать? — спросил Шубин.

Он был раздосадован, увидев Элю, потому что мечтал о том, как бы забраться в номер и остаться одному, совершенно и абсолютно одному. Очевидно, Эля почувствовала это в его голосе и быстро сказала:

— Я могу уйти. Мне все равно домой пора. Я просто шла из гаража и думаю — зайду. А вас нету. Вот и решила подождать — мало ли что, город чужой...

— Готовилась искать меня по моргам?

— У нас это бывает, — сказала она серьезно. — А морг у нас один.

— Тогда пошли ко мне, — сказал Шубин.

— В номер?

— Ну не стоять же здесь?

— Нет, в номер я не пойду.

— Почему?

— Я по номерам не хожу.

Она сказала это с вызовом, и Шубин улыбнулся.

— Ты уже ходила, — сказал он. — Сегодня у меня была. Даже раза три. И один раз, когда я спал.

— Так это днем. По делам.

Шубин понизил голос и спросил:

— А целовалась тоже по делам?

— Вот поэтому и не пойду, — обиделась вдруг Эля.

— Ну что тогда делать? Мне в любом случае надо умыться.

— Вы идите, я домой пойду.

— Слушай, — сказал Шубин, — а ты сегодня когда обедала?

— Днем перехватила, — сказала она. — День трудный, в разгоне. А домой зашла, Митьке все сделала и к вам забежала.

«Значит, не прямо из гаража, — отметил Шубин. — Врать не умеет».

— Я что предлагаю, — сказал Шубин. — Давай тогда поужинаем в ресторане. И я за день ничего толком не поел.

— В ресторане? Нет, дорого.

— Это не твоя забота, — сказал Шубин. — Только, наверное, туда не попасть.

— Почему это?

— Желающих много.

Шубин уже жалел, что предложил ужинать. Он знал, что стоит ему потерять из глаз Элю, как разорвется связь, возникшая оттого, что ради него другой человек поздно вечером притащился в гостиницу.

Правда, оставалась надежда, что в моральном кодексе Эли ресторан не значится.

Эля широко улыбнулась. Сверкнула золотая коронка.

— Я это устрою, — сказала она. — У меня официант знакомый. Миша. Я его уже видала, пока вас ждала. Он меня спросил даже — гулять собралась? Мы с ним в школе учились. В соседнем классе.

— Вот и отлично, — сказал Шубин. — Только у меня смокинга нет.

— Чего нет? — Эля не поняла его.

— Я не одет для ресторана.

— Вы что, сдурели, что ли? Сюда каждый как хочет ходит. А я прямо как подозревала — надела платье.

И было ясно, что ресторан — ее потаенная мечта, хотя сама она предложить такое развлечение не смела.

— Тогда веди переговоры с Мишей, а я через пять минут приду.

Шубин поднялся к себе. Отдавая ключ, рыхлая дежурная по этажу сказала:

— Вас тут женщина искала.

В голосе было осуждение.

— Я знаю, — сказал Шубин. — Я ее уже встретил.

— После двадцати трех посторонним в номерах не разрешается, — сказала дежурная.

— Еще десяти нет, — сказал Шубин. — Да и в номере у меня пусто.

— Я предупредила, — сказала дежурная, протягивая ему ключ с отвращением, словно некий символ разврата.

Шубин прошел к себе в номер. В туалете на раковине сидел таракан, удивленный столь поздним человеческим визитом. Он не спеша ушел в щель. Шубин поглядел на себя в зеркало. Ссадина была невелика, но вокруг была видна подсохшая кровь. Он начал мыться. Висок и бровь защипало от мыла.

Ничего страшного не произошло, рассуждал он. Давай считать путешествие сюда цепью различных, большей частью забавных, приключений, которые еще не закончились, но неприятностей не сулят... сулят, сулят! Шубин был суеверен.

Вот вроде и прилично. Жалко, что нет пластыря, впрочем, порез почти незаметен.

Шубин взглянул на часы — было без двадцати минут десять. Неужели прошло только двадцать минут с того момента, когда пьяный спросил время у Бруни? А ведь в них уместилась драка, потом бегство, потом разговор с Элей... Шубин приложил часы к уху — забыл, что электронику не слышно. Он переложил сигареты в карман пиджака.

Площадь за окном была оживленна, свет фонарей поблескивал в складках одежд монумента труженикам перед вокзалом. Как же он не заметил его днем?

Шубин прикрыл фрамугу, чтобы не так тянуло запахами. И в самом деле, после переживаний следует выпить. Он старался не вспоминать о драке и о том, что могло случиться с его знакомыми. В конце концов, они сами хотели, чтобы он ушел, и это было разумно. Они местные, им ничего не будет. А ему... получить телегу в Москву о недостойном поведении лектора? Кто-нибудь из недругов этим воспользуется, и в Женеву поедет другой. Желающих достаточно.

Шубин запер комнату и спустился вниз.

Эля раздобыла столик недалеко от эстрады и была тем горда. На нем стояла табличка «Стол не обслуживается». Добродушный увалень с широким плоским лицом — друг Миша — убрал табличку и подсадил за стол двух командированных среднего уровня. Они были раздражены и все еще переживали битву с администрацией. Один из них, горбатенький и унылый, сразу на-

чал рассказывать Шубину, что они прописаны в гостинице и потому имеют первоочередное право скромно поужинать в ресторане:

— А свободные места есть, и их берегут для спекулянтов. Везде одно и то же, поглядите за соседний стол. Вы видите кавказскую компанию? Получается, что именно они, торговцы, и есть хозяева жизни. А один даже кепку не снял.

— В какую гостиницу ни приедешь, — вторил другой командированный, налитой здоровьем и потому особенно контрастный рядом со своим спутником, — везде они толкутся в вестибюле. Твою бронь найти не могут — понятно, почему не могут. У них связи с администрацией. Все куплены.

К счастью, не видя особого сочувствия, соседи по столу принялись жаловаться друг другу и забыли о Шубине и Эле.

На Эле было плохо сшитое платье из толстого сукна. «Она его специально надела, — понял Шубин, — потому что надеялась, хитрая, что мы с ней сюда пойдем. Тобой манипулируют, Шубин. А впрочем, не так уж и плохо получилось. Все равно надо где-то питаться».

Миша принимал заказ у командированных. Они долго выясняли, что можно есть, а что нельзя, почему этого нет, а в меню оно указано, а жесткое ли мясо. Эля сказала Мише, когда он обернулся к ним, держа перед собой книжечку:

— Мишенька, ты уж сам сообрази, хорошо?

— Горячее есть будете? — спросил Миша, тускло глядя на Шубина.

— Мы голодные, — сказал Шубин.

— Мишенька, ты все неси, — сказала Эля. — А мы пить будем? — Это относилось к Шубину.

— Будем, — сказал Шубин. — Обязательно будем.

— Вот видишь, — сказала Эля, словно он ранее высказывал сомнения. — Мы выпьем немного.

— Есть водка, коньяк и сухое вино, — сказал Миша.

Командированный напротив услышал и вставил обиженно:

— Почему вы нам не сказали, что водка есть?

— Я в буфете спрошу, — сказал Миша. — А вам тоже?

— Нет, нам не надо, — сказал второй командированный. — Мы будем пить коньяк, как заказывали.

Миша ушел с заказом, и Эля спросила:

— Вы обещали рассказать, что там у вас случилось.

— Меня ждали общественники, — сказал Шубин. — Мы с ними разговаривали.

— Это психованный Борис, да?

— Там их четверо было. Еще девушка из книжного магазина.

— Очкастая? Знаю. Чего им нужно? На Силантьева жаловались?

— Рассказывали, как дела в городе.

— Дурачье они, — сказала Эля. — Они только злят начальство. А лучше не будет.

— Ты им не веришь?

— Разве так дела делаются? Это все равно что в этот ресторан без знакомства идти. Там снаружи человек пятьдесят стоят, руками машут. А мы здесь сидим, понимаете?

— А завтрашний митинг?

— Они уже вам рассказали? Разгонят митинг. А им только неприятности.

— Ты откуда знаешь?

— А мы, водители, рядом стоим у всех учреждений, — сказала Эля. — Ждем начальство и разговариваем. Если бы среди нас шпион сидел, он бы даже удивился, как мы много знаем. Водителей не замечают. Говорят, а не замечают. А мы все слышим. Мы же нормальные люди. Они уже решили. Сначала сомневались, а потом решили — разгонят. Им бы несколько дней протянуть...

— Пока силантьевский юбилей отпразднуют? — сказал Шубин.

— Ну вот, вы тоже много знаете. Один день у нас, а столько знаете.

Подошел Миша, поставил салат, бутылку водки, нарезанные помидоры. Командированным пока ничего не дали — только хлеб. Командированные глядели на Шубина и Элю волками, но молчали.

— Вам сейчас будет, — сказал им Миша.

Оркестранты были навеселе, видно, тоже поужинали, один из них рассказывал анекдот, певица в длинном декольтированном платье, вся в блестках, от висков до пола, тонко хихикала.

— Но потом случилась странная история, — сказал Шубин. — Когда мы вышли из кафе, навстречу два парня...

Он рассказал о драке, правда, не стал признаваться в том, как бегал и прятался от милиционеров.

— Он велел бежать? — спросила Эля. — Думали, что это подстроили?

— Да, тот парень думал, что меня хотели скомпрометировать.

— Нет, — сказала Эля. — Если бы их, чтобы на митинг зав-

тра не пришли, то возможно. Они сейчас сидят в отделении, пишут показания. Вот смешно!

— Значит, я зря убегал?

— Нет, не зря. А то бы вы тоже объяснения писали, а я бы тут сидела одна, в новом платье.

— Платье у тебя красивое, — сказал Шубин.

— Откуда здесь красивому быть? Это я еще в сентябре купила, подруга из Москвы привезла. А вам нравится?

— Честное слово, нравится.

Они выпили. Эля опрокинула рюмку резко, незаметно и привычно. В этом была неприятная для Шубина бравада. Или привычка?

Он немного не допил, поставил рюмку. Эля с удовольствием принялась за салат. Потом сказала:

— Нет, про вас они не знали. У нас здесь молодежь такая дикая, вы не представляете! Еще хорошо, что шапку не сняли.

— Я кепку потерял.

— Ой, и другой нет?

— Другой нет.

— Я вам завтра шапку лыжную принесу. У меня от мужа осталась. А то простудитесь. Она почти новая.

Шубин налил водки.

— За ваше здоровье, — сказала Эля. — Чтобы не простужались.

И выпила так же, как первую.

Она ела салат, потом вдруг отодвинула тарелку и сказала:

— Не знали они про вас. Николайчик вышел, когда вы уже отошли. Он меня спросил, куда вы пошли, а я сказала, что не видела. Значит, они не знали.

— Ну и отлично, — сказал Шубин.

Оркестр грянул с тем остервенением, с которым умеют играть ресторанные оркестры. Разговоры пришлось прекратить. Подошел Миша, небрежно поставил на стол две тарелки супа для командированных и ушел.

— Пошли потанцуем! — крикнула Эля на ухо Шубину. — А то не поговоришь.

Они пошли танцевать. Танцевали все, и Шубин подумал, что многие танцуют от невозможности поговорить иначе. От тесноты получался не танец, а некое коллективное покачивание. Эля запрокинула голову, откровенно глядя на Шубина. Он прижал ее к себе, и она была послушна. Они не говорили, да и не хотелось. Водка сразу затуманила голову, потому что Шубин был голоден. Но это ощущение было приятным. Эля положила голову

на плечо Шубину, она была ниже его ростом. Он дотронулся губами до ее волос. Волосы пахли мылом.

Когда они возвращались к столу, толпа танцующих рассосалась, и Шубин увидел, что у стены, за длинным столом, уставленным бутылками шампанского и водки, сидит знакомый человек, похожий на породистого дога, и внимательно рассматривает Шубина.

Шубин встретил его взгляд и, не узнав еще, чуть поклонился, но человек не пошевелил головой, а продолжал смотреть, и тогда Шубин вспомнил: это же Гронский, директор химзавода. Он глядел на Шубина тяжелым пьяным взглядом, и, хоть до него было метров десять, ощущение было неприятным, как от физического прикосновения.

За стол возвращались со своими пышнотелыми дамами соседи Гронского. Народ солидный, крепкий. Когда Шубин уже подходил к своему столику, он обернулся и увидел, что Гронский что-то говорит склонившемуся к нему молодому человеку с оттопыренными ушами. Молодой человек поднял голову, шаря глазами по залу, взгляд его отыскал Шубина. Молодой человек выпрямился и быстро пошел прочь.

— Вы что увидели? — спросила Эля.

— Там Гронский?

— У них банкет сегодня, — сказала Эля. — Комиссия работала по расширению производства, из министерства. Провожают.

Молодой человек с оттопыренными ушами прошел близко от их столика, старательно не глядя в сторону Шубина.

— А это кто такой? — спросил Шубин.

Эля кинула взгляд в спину молодого человека.

— Референт, что ли... шестерка.

Шубин сказал:

— Давай еще выпьем.

— Давайте, чтобы забыть о всех неприятностях.

Оркестр снова загремел, и они снова танцевали. Шубин поцеловал Элю в висок, а она теснее прижалась к нему. Шубину почему-то казалось, что Гронский исподтишка наблюдает за ним, он поглядывал на него, но Гронский был занят разговором с соседом, похожим на Хрущева.

Когда они вернулись после танца за стол, командированные уже доели суп и Миша расставлял тарелки — с котлетами для командированных и с подобными же котлетами, но украшенными зеленью, маринованными сливами и дольками лимона, для Эли с Шубиным.

Один из командированных вынул из кармана плоский калькулятор и принялся жать на кнопки.

— Должно быть по четыре сорок с носа, — сказал он горбуну.

— Ага, — горбун загадочно улыбнулся, и Шубин понял, что они уже точно рассчитали, сколько должны заплатить, и готовятся к обману, обсчету, скандалу и жалобам. Симпатии Шубина были на стороне Миши, но, правда, не настолько, чтобы предупреждать его о намерениях клиентов.

Молодой человек с оттопыренными ушами вернулся к столу Гронского и, склонившись, шептался с ним. Шубин решил, что если Гронский или молодой человек в ходе разговора посмотрят на него, значит, их разговор и уход шестерки как-то связан с ним. Но никто на Шубина не смотрел. И он сказал вслух:

— Мания преследования.

— Что?

— Ничего, Эля, давай еще выпьем. Не пропадать же доброму напитку?

Эля протянула под столом руку и дотронулась до колена Шубина.

— Вы очень добрый, — сказала она. — Честное слово.

— С чего ты так решила?

— Я чувствую людей. Я как увидела вас утром, так вы мне понравились. Честное слово.

Котлета была теплой. Мишино расположение не распространялось на качество пищи.

Шубин смотрел на Элю. Она была удивительно хороша. Грубоватой, чуть восточной, чистой красотой лани. Конечно же, лани — даже это идиотское платье не может скрыть гибкости и крепости ее фигуры, о чем, с танца, помнили его пальцы.

Оркестр, молчавший уже несколько минут, вдруг оживился, пианист вышел к микрофону и объявил:

— По просьбе друзей Руслана Квирикидзе, отмечающих его день рождения, исполняется песня «Сулико».

Песню «Сулико» оркестр умудрился исполнить в том же громовом ключе, как и прежние композиции.

— Будете танцевать? — спросила Эля.

— Давай доедим сначала, — сказал Шубин.

Мимо проходил Миша, один из командированных поймал его за рукав, и по движению его губ Шубин понял, что тот требует счет. Второй держал руку в кармане — Шубин знал, что там ждет своей минуты бесстрастный калькулятор.

— Я рад, что тебя встретил, — сказал Шубин, наклонившись

к уху Эли. Она кивнула, прожевывая кусок котлеты. Прожевала и крикнула:

— Я тоже! Я просто счастливая. Спасибо.

Оркестр застонал, завершая песню. Грузины с длинного стола громко хлопали в ладоши. Миша положил перед командированными счет, и те впились взорами в итог. Миша обернулся к Шубину и спросил:

— Что еще будем?

Шубин отрицательно покачал головой. Он следил за командированными.

На лицах их было написано отвращение.

Они вынули из карманов бумажники и принялись выкладывать деньги, потом искали мелочь. Значит, Миша обманул их чаяния — посчитал все правильно.

Миша стоял рядом, делал вид, что его интересует лишь Шубин.

Он спросил:

— Как котлета, понравилась?

— Очень вкусная, — сказала Эля. — Спасибо, Мишенька.

Командированные сложили деньги на скатерти, и горбун подвинул их к официанту.

— Здесь точно? — спросил Миша, подчеркивая свой триумф.

Командированные не ответили. Грозно и шумно отодвинув стулья, они поднялись и пошли к выходу.

Эля засмеялась.

— Ты тоже видела? — спросил Шубин.

— Конечно, с самого начала. И Миша видел.

— Да мне от кухни было видно, как они с калькулятором играют, — сказал Миша. — Я им на шестнадцать копеек меньше посчитал. Для страховки. Так ведь не сознались.

Он сгреб деньги и, не считая, сунул в боковой карман пиджака, как бы отделяя их этим от остальных, более благородных.

— Кофе будем? — спросил Миша.

Эля выжидательно посмотрела на Шубина. Он понимал, что ей не хочется уходить отсюда.

— Несите, — сказал Шубин. Теперь они с Мишей были почти друзьями.

— А вашей даме мороженое, хорошо? — спросил Миша.

— Ну уж и даме! — сказала Эля.

Ей было очень смешно.

— Здесь, наверное, кофе никуда не годится, — сказал Шубин.

— Синтетика, — сказала Эля. — Из бочки.

— У меня растворимый есть. Хороший, настоящий. И кипятильник.

— Где?

— В номере.

— Вы принесете, да?

— Зачем? Пойдем ко мне, выпьем кофе. Потом я тебя провожу.

— Ой, что вы! Уже скоро одиннадцать. Они не пустят.

— Мы ее попросим.

— Да вы что! Здесь строго.

— А им можно? — спросил Шубин, указывая на стол Гронского.

— Им все можно.

— Жалко, — сказал Шубин. — Я люблю справедливость.

Эля положила пальцы на руку Шубина и погладила:

— Не расстраивайтесь. Мы попробуем. Я тогда скажу Мише, что кофе не надо.

Она не успела встать, как подошел Миша с мороженым. Пока Шубин расплачивался с ним, Эля быстро ела мороженое. Уголки губ стали белыми.

— Я ужасно мороженое люблю, — призналась она.

— Ты не спеши.

Шубин посмотрел на стол Гронского. Человек, похожий на Хрущева, смеялся, тыча пальцем в сидевшую напротив статную даму.

— Пошли, — сказала Эля. — Пошли, а то автобус ко мне перестанет ходить.

Когда они вышли в холл, Эля сказала:

— Вы по лестнице идите. И отвлекайте ее разговорами.

Шубин пошел к лестнице. У стойки администраторши толпился народ — наверное, пришел поезд или самолет. Шестерка с оттопыренными ушами, перегнувшись через стойку, говорил по телефону.

— А ты?

— Я на лифте выше поднимусь и потом вниз по лестнице.

Так и сделали. Дежурная была занята беседой с кем-то из постояльцев, она кинула на Шубина равнодушный взгляд, тот миновал ее стол и пошел по коридору. Коридор был пуст. Он остановился у своей двери, достал ключ, повернул его. И увидел, что по коридору быстро идет Эля. Обошлось. Обошлось, черт возьми.

И тут за спиной Эли в конце коридора возникла фигура дежурной.

— Это ты куда? — грозно спросила она, и голос ее ядром пролетел по коридору.

Эля пробежала еще несколько шагов и замерла, словно ждала следующего выстрела в спину.

Шубин пошел навстречу ей.

Дежурная спешила по коридору, переваливаясь, словно утка. Она догнала Элю и схватила ее за руку. Эля рванула руку, но остановилась. Шубин подошел к ним.

— Это ко мне, — сказал он, стараясь произнести эти слова официальным тоном, но язык не послушался его.

— Вижу, что к вам, — сказала дежурная. — Время одиннадцать, а к нему идут. Я же предупреждала.

— Но мы на минутку, — сказал Шубин.

— Я книжку в номере оставила, — сказала Эля.

— Вот и вынесет он твою книжку.

— Ну что за безобразие! — не выдержал Шубин. — Почему я должен все время чего-то просить, чего-то нарушать, перед кем-то унижаться! Мне нужно, чтобы эта девушка зашла ко мне в номер. Она зайдет и выйдет совершенно целая.

Голос Шубина помимо его воли повышался, в нем появились визгливые нотки. Эля втиснулась между ним и дежурной, уже готовой к большому скандалу, и заговорила быстро, тихо и напористо:

— Вы не сердитесь, все тихо, все нормально.

И Шубин вдруг увидел, как Эля сует в руку дежурной красную бумажку, и чуть было в справедливом гневе не вырвал эту бумажку, но Эля и тут успела остановить его — будто понимала все, что в нем клокочет. Она отстранила его другой рукой, и он отступил на шаг.

— Только чтобы быстро, — сказала дежурная. — Взяла книгу — и быстро. Поняла?

Она и не смотрела больше на Шубина.

Они были в номере.

— А ты чего хотел? — спросила Эля. — Чтобы я не пришла?

— Противно все это.

— Я к тебе в номер не просилась.

— Да я не о том...

— Ты бы радовался, что обошлось.

Она поцеловала его в щеку.

— Разве в других местах не так?

— В Швейцарии не так.

— Но мы же не в Швейцарии. Нам и здесь хорошо.

Шубин понял, что гнев его вымирает, и в самом деле — все хорошо. Они вдвоем. Дверь закрыта. За окном вокзальная площадь чужого города. Дежурная заработала свой червонец. И это

даже к лучшему, потому что она куплена и не сунется. Мы не в Швейцарии.

— Я тебе отдам десятку, — сказал Шубин.

— Глупо, — сказала Эля. — Вы же за ужин платили. Больше.

— Сравнила. Сколько я зарабатываю, сколько ты!

— А я сегодня больше червонца заработала, пока вы там лекцию читали.

— Ты не была?

— Вы лучше кофе сделайте. Обещали ведь.

Шубин достал банку с кофе и кипятильник.

Эля взяла банку и стала рассматривать.

— Я такого не видела, — сказала она. — С собой привезли?

— С собой. Только у меня ничего сладкого нет.

— Ну и не надо.

— И выпить мы ничего не взяли.

— С меня хватит. Я завтра работаю.

Шубин налил в стакан воды, вложил в него кипятильник. Поставил на письменный стол. Эля стояла совсем рядом. От ее волос пахло мылом. Шубин взял ее за плечи и притянул к себе. Поцелуй был таким долгим, что, когда Эля вдруг рванулась и воскликнула громким шепотом: «Стакан лопнет!» — Шубин не сразу сообразил, что вода в стакане закипела.

— Ты хочешь кофе? — спросил он так же шепотом, выключив кипятильник.

— Не знаю, — сказала Эля и сама приблизилась к нему, подняв голову и отыскивая губами его губы.

— Я запру дверь? — сказал Шубин.

— Да.

...Эля лежала, уютно вписавшись в тело Шубина, голова мягко давила на выемку под плечом.

— Я такая счастливая, — шептала она. — Очень счастливая. Ты не думай, я не навязываюсь. Я не думала, что пойду к тебе. Ты, наверно, думаешь, что я со всеми такая — без мужа, шоферка.

— Я так не думаю.

— А у меня грудь красивая, да?

— Очень красивая.

— Я мороженое ела и боялась, что ты сейчас скажешь, что спать хочешь, а что мне уходить пора.

— Я не хотел, чтобы ты уходила.

Шубин поправил подушку, он любил, чтобы голова была высоко. Эля приподнялась, чтобы ему было сподручней это сделать. Он увидел светящееся небо за окном. Зеленоватое с синими и черными провалами. В здешнем небе была всегдашняя тревога. На улице заверещала сирена «Скорой помощи».

— Кипяток, наверное, совсем остыл, — сказал Шубин.

— Я сейчас согрею, — сказала Эля, но не двинулась. Шубин почувствовал, как она считает секунды, которые ей остались. Он прижал ее к себе теснее, и она принялась быстро и нежно целовать его руку.

Такая сладкая и горькая нежность к этой женщине одолела Шубина, что сдавило в груди от неминуемого конца этой встречи.

— Я думала, что ты на меня даже не посмотришь.

— Глупо. Ты красивая и знаешь об этом.

— У меня ноги не очень длинные.

— Я не смотрел.

Кто-то тронул дверь. Толкнул. Как будто человек, неверно шагавший по коридору, ударился о нее плечом.

Так сначала Шубин и подумал, но потом раздался стук.

Часть вторая

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

— Ошиблись номером, — сказал Шубин шепотом.

— Она не придет, — сказала Эля. — Она червонец взяла.

Стук повторился. На этот раз он был громче и требовательнее.

— Может, телеграмма? — спросила Эля. — Тебе из Москвы не могут телеграмму прислать?

— Лежи, — сказал Шубин, поднимаясь. Коврик у кровати поехал, и Шубин с трудом удержал равновесие. В дверь ударили так, словно хотели ее сломать.

— Погодите! — крикнул Шубин. — Сейчас открою.

Босиком он подошел к двери.

— Кто там? — спросил он.

— Откройте, телеграмма, — послышался мужской голос.

— Ну вот, — сказала Эля за спиной Шубина. — Я же говорила.

Шубин оглянулся. Эля сидела на кровати, ее силуэт был черным на фоне светящегося неба.

Что-то удерживало Шубина от того, чтобы открыть дверь. Может, голос был не телеграфный.

— Откуда телеграмма? — спросил он.

— Из Москвы, — ответили из-за двери.

— Знаете что, — сказал Шубин, — я уже сплю. Суньте ее под дверь.

Была пауза, и Шубину показалось, что за дверью шептались.

— А расписаться? — спросил голос.

— Завтра распишусь.

— Нет, возьмите телеграмму и распишитесь.

— Да открой ты, — сказала тихо Эля. — Может, что дома случилось?

Шубин повернул ключ в двери и приоткрыл ее, протягивая руку, чтобы взять телеграмму:

— Давайте, — сказал он.

С той стороны дверь пихнули так, что Шубин, не ожидавший толчка, потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. Дверь распахнулась. Яркий свет ударил в лицо из коридора.

Тут же загорелась лампа в прихожей — поднимаясь, Шубин увидел, что перед ним стоит молодой человек с красной повязкой и лицом неандертальца, которому положено охранять вход в гостиницу. Он держит руку на выключателе.

— Это что такое? — взъярился Шубин.

Дежурный с красной повязкой шагнул вперед, но Шубин загородил путь в номер.

— А ну, пропустите, — сказал неандерталец, — я при исполнении.

Шубин ощутил такой взрыв злобы, что с силой оттолкнул дежурного, и тот, чтобы не упасть, вцепился сильными пальцами в майку Шубина. Майка с треском разорвалась.

— Драться? — закричал неандерталец. — Мало ему разврата, он еще драться!

И тут же, словно его подтолкнули в спину, в дверях появился молодой милиционер в мокрой шинели и мокрой фуражке.

— А ну, бери его, — сказал дежурный. — И в отделение.

Шубин отскочил в номер, но милиционер был резвее — он рванул за плечо и тут же заломил ему руку за спину.

Пролетным, неверным взглядом Шубин успел увидеть Элю. Она стояла возле дивана, завернувшись в простыню.

— Не смейте! — крикнула она, но не могла двинуться, потому что была как бы прикована к месту длинной простыней.

Левой рукой Шубин цеплялся за вешалку, дверь в туалет, за свое пальто, но милиционер лишь сильнее давил на руку, уверенный, что Шубин подчинится, и было так больно, что Шубин вынужден был подчиниться. Он вылетел в коридор, и милиционер толкнул его к стене лицом.

Дежурный тут же ударил его в бок. Милиционер сказал:

— Ну, это лишнее.

— Он на меня напал, — сказал неандерталец. — Приезжают тут хулиганить.

— Я его не пускала, — услышал Шубин испуганный и потому визгливый голос дежурной по этажу. — Вижу, что пьяный, и не пускала.

— Выходи, — сказал неандерталец, и Шубин понял, что это относится к Эле. Но повернуться не мог.

— Я оденусь, — сказал Эля.

— Умела блядовать, умей и ходить в чем мать родила, — сказал неандерталец.

— Слушай, — сказал милиционер. — Не тебе разбираться. Пускай оденется.

— Тебя вызвали, ты исполняй.

Дежурный подогревал себя, злился, был на грани истерики, как уголовник, нарывающийся на драку.

— Отпустите, — сказал Шубин милиционеру. — Вы что, хотите меня в трусах тащить?

— И потащим, сука, — сказал дежурный. — За избиение меня при исполнении потащим. При свидетелях.

— Одевайтесь, — сказал милиционер.

Хватка ослабла. Шубин выпрямился. Дежурная по этажу отошла подальше. Неандерталец стоял рядом и тяжело дышал, от него пахло чесноком.

— Только без штучек, — сказал милиционер, входя в номер следом за Шубиным.

Эля уже была в платье, она надевала сапоги.

Шубин увидел на кресле свои брюки. Там же валялась скомканная рубашка. Было стыдно, что чужие люди смотрят на его вещи.

— Вы бы отвернулись, — сказал Шубин. — Здесь женщина.

За окном взвизгнула еще одна «Скорая помощь». Загудел паровоз. Гудок его коротко оборвался.

— Блядь, а не женщина, — сказал дежурный.

Милиционер сразу же сделал шаг к Шубину, отрезая его от дежурного, Эля сказала тихо и зло:

— Ты у меня кровавыми слезами будешь плакать.

— Не пугай.

Шубин сказал:

— Товарищ милиционер, вы свидетель оскорблениям, которым нас подвергают.

— Одевайтесь, одевайтесь, — сказал милиционер, глядя в окно.

— И я вас предупреждаю: завтра же я буду у вашего секретаря горкома.

— Разберемся, — сказал милиционер.

— То-то он тебя примет, — сказал неандерталец.

— Оделись? — спросил милиционер. — Тогда следуйте за мной. В отделение.

— Почему? Вы обязаны мне сказать, в чем вы меня обвиняете.

— В нарушении режима гостиницы, — сказал милиционер.

— Нет! — крикнул неандерталец. — В нападении и хулиганстве.

— А вам не стыдно, товарищ сержант? — спросил Шубин.

— Это вам, гражданин, должно быть стыдно, — ответил милиционер.

У него было простоватое, почти мальчишеское курносое

лицо. И видно было, что милиционеру не хочется ни во что вникать и мысль его далеко отсюда.

— Пойдем, — сказала Эля. — Ты им ничего не докажешь. Достали все-таки тебя. А я сначала не поверила.

И только тут Шубин понял, что, вернее всего, Эля права. Его достали. Его старались достать у кафе, а в ресторане, увидев его, Гронский понял, что представляется замечательный шанс ликвидировать журналиста.

— Я не пойду в отделение, — сказал Шубин.

— Надо, — сказал милиционер. — На алкоголь проверим.

Он взял со стола ключ от номера и подтолкнул Шубина к двери.

Эля сама пошла впереди.

— Документы не забыли? — спросил милиционер.

Вопрос был задан буднично, и Шубин, стукнув ладонью по груди и убедившись, что бумажник на месте, так же буднично ответил:

— Не забыл.

Милиционер сам запер дверь и протянул ключ дежурной. Она подбежала и взяла ключ.

— Червонец отдай, — сказала Эля.

— Что? Какой? — Дежурная поспешила по коридору впереди, она раскачивалась, как утка, которая спешит спрятаться в камыши.

Неандерталец шел за ней, ежесекундно оборачиваясь, словно боялся, что Шубин приблизится на опасное расстояние. Замыкал шествие милиционер.

Они вышли на лестничную площадку. Там стоял смертельно пьяный парень в дубленке и волчьей шапке. Увидев Шубина, он невнятно, но громко и дружелюбно спросил:

— Что передать на волю?

И пьяно засмеялся.

Снизу донесся короткий крик. Перешел в хрип, оборвался.

— Я одеться должна, — сказала Эля милиционеру. — У меня пальто в ресторане. В гардеробе.

Милиционер обдумывал эту информацию. Они спустились еще на один пролет.

— Эй, — сказал милиционер, — охрана!

Неандерталец обернулся.

— Проводишь девушку одеться.

— Так дойдет.

— Проводишь, говорю. Мы тебя у машины подождем.

Дежурный не ответил, он продолжал спускаться вниз.

За последним пролетом открылся холл гостиницы.

С первого взгляда Шубину показалось, что он видит иллюстрацию к сказке о Спящей царевне.

Там все спали.

В желтом прозрачном тумане, заполнившем холл, спали на полу те люди, что недавно толпились у стойки в ожидании места, спала, положив голову на стол, администратор, спали те, кто коротал время в креслах. Спал официант у приоткрытой двери в ресторан. И было очень тихо.

В этом сонном царстве была такая заколдованная странность, что милиционер тихо сказал:

— Стоять!

И все послушно остановились, кроме неандертальца, который продолжал спускаться по лестнице.

Снизу поднимался тяжкий, неживой запах, который, хоть и был знаком, не разбудил бы в Шубине воспоминания, если бы не мерцание желтоватого тумана. И Шубин увидел: черная река... желтый туман по воде... кашель Наташи и слова Бруни о непредвиденных сочетаниях сбросов. Это узнавание мелькнуло и пропало, изгнанное невероятной действительностью.

Шубин видел, как неандерталец вступил в прозрачно-желтоватую пелену тумана и движения его стали замедляться. Он схватился двумя руками за горло, повернулся обратно к лестнице, но подняться больше чем на ступеньку не успел, а упал, ударился головой о нижнюю ступеньку и замер.

Шубин схватил за руку Элю, которая кинулась было к дежурному.

— Сказали же, стой! — крикнул он. И крик его был слишком громким для этого зала.

Они стояли втроем на лестнице, и вокруг была страшная тишина, потому что ни из ресторана, ни с улицы не доносилось ни звука. После минутной оторопи вниз двинулся милиционер. Он сделал шаг.

— Да нельзя же! — крикнул Шубин, и голос его странно раскатился по холлу, будто тот был гулким храмом.

Желтое легкое марево чуть клубилось, мерцало, словно воздух в жаркий летний день над перегретой дорогой. Шубин физически почувствовал его жадное движение, он понял, что это марево, поглотившее тех людей, которые, казалось, спали, но по нелепым, неестественным позам было ясно, что они мертвы, стремится к лестнице, чтобы дотянуться до живых людей, заставить его, и Элю, и милиционера упасть и утонуть в нем, как утонул дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Там люди, — сказал милиционер. Над верхней губой его проступили капельки пота.

— Ты им не поможешь, — сказал Шубин. — А сам умрешь.

— Умрешь? — тихо спросила Эля. — Как же так?

— Не знаю. Но туда нельзя. Пошли наверх.

Шубин почувствовал дурноту и жжение в горле. Может, это было самовнушение, может, и в самом деле марево испарялось, удушая все вокруг.

Он потянул Элю за руку, а она вдруг жалобно сказала:

— Но у меня пальто в гардеробе.

Шубин начал подталкивать вверх милиционера и Элю, и они нехотя подчинились.

— Они сознание потеряли, — говорил милиционер. — Надо «Скорую» вызвать.

Вытолкнув их за площадку на ступеньки, откуда не был виден холл, Шубин остановился и стал шарить по карманам — где сигареты? Все было нереально, нет, не сон, а нереальность, в которой он бодрствует. Один раз в жизни с Шубиным такое было: у самолета — старого, трижды списанного «Вайкаунта», принадлежавшего небольшой частной компании, что делала дважды в неделю рейсы из Боготы в провинцию, загорелся в воздухе мотор. Шубин сидел в салоне, вокруг кричали, кто-то пытался встать — густой шлейф дыма несся за иллюминатором, самолет кренился, кружил, искал места сесть, а внизу были покрытые курчавым лесом горы. Шубин понимал, что все это не сон, а собственная смерть, но продолжал сидеть спокойно и старался, как бы помогая пилоту, сквозь разрывы в дымном шлейфе углядеть прогалину в лесу или плоскую долину для посадки. Самолет все же сел на кочковатом поле, всем набило синяков, потом пилоты выводили пассажиров, выталкивали их из самолета. Люди, не соображая, хватали свои вещи, чемоданы, сумки, а пилоты кричали и гнали их, чтобы они отошли от самолета... И уже издали Шубин увидел, как самолет взорвался, и с каким-то странным удовлетворением понял, что он-то успел взять свой чемодан.

Сверху по лестнице спускался, покачиваясь, парень в дубленке.

— Затормозились? — спросил он. — Хочешь, я тебя освобожу?

Шубин не понял его, он забыл, что только что был арестован, потому что между той сценой в номере и виденным в вестибюле была непроницаемая вековая граница.

— Что? — спросил Шубин.

Милиционер сказал:

— Туда нельзя.

— Ну и дела, — сказал парень в дубленке. — Свободная страна, свободный город. Кого хотят, того хватают.

Он толкнул милиционера, и милиционер отступил, потому что не ощущал себя сейчас милиционером.

— Погоди, — сказал Шубин. — Там опасно. Какой-то газ.

— Газ так газ.

Парень был силен и по-пьяному размашист.

Эля зашлась в кашле.

Шубин сказал парню:

— Как хочешь, только поздно будет.

— Да нельзя же, нельзя! Там все мертвые лежат! — закричала Эля и снова закашлялась.

— Какие такие мертвые? — Парень отрезвел. Ему не ответили.

Шубин поддерживал Элю, которой стало плохо, ее начало рвать. Она старалась сдерживаться, Шубин подвел ее к урне, что, к счастью, стояла на лестничной площадке.

Парень прошел на площадку и заглянул вниз. И остановился. Потом тихо выругался, запахнул дубленку и побежал наверх.

Шубин поддерживал обмякшую Элю, ему стало страшно, что она отравилась.

— Ты как? — спросил он. — Это от волнения. Сейчас пройдет.

Словно старался уговорить ее, что это не имеет отношения к желтому мареву, к тому, что они увидели.

— Мне лучше, — сказала Эля. — Ты извини.

— Тебе надо наверх, в номер, тебе надо лечь, — сказал Шубин.

— Да, конечно, — Эля сразу согласилась.

— Где ключ от моего номера? — спросил Шубин.

— Ключ? Я его дежурной отдал, — сказал милиционер.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Надо позвонить.

— Точно, — милиционер вдруг улыбнулся с облегчением. Словно получил толчок, вернувший его к реальности.

И он первым побежал наверх.

Шубин достал платок, и Эля вытерла рот.

Когда они поднялись вслед за милиционером наверх, то поспели как раз к тому моменту, когда дежурная по этажу привстала от удивления, увидев, что милиционер возвращается один. Она спросила:

— А что? Что еще? Я денег не брала.

— Ключ от номера. Быстро! — сказал Шубин.

Дежурная стала копаться в ящике с ключами.

— А что? Случилось что, да?

— Внизу несчастье. Авария, — сказал Шубин. — Вниз не спускайтесь. И никому не разрешайте. Стойте на лестнице и никого не пускайте.

— Убили кого, да? Кого убили?

Милиционер увидел телефон на ее столе.

— Помолчите, — сказал он.

Он набрал три номера, ударил по рычагу.

— Через восьмерку, — сказала дежурная. — Город через восьмерку.

— Раньше бы сказали.

Милиционер набрал номер и стал ждать.

Шубин взял ключ. Он сказал милиционеру:

— Я отведу Элю в номер. Двести тридцать два. Я вернусь.

Милиционер кивнул и стал снова набирать номер. Дежурная стояла возле.

— Не отвечают, — сказал милиционер.

— Тогда пошли ко мне, позвони от меня. Может, телефон неисправен.

Они втроем побежали по коридору. В номере горел свет. Его забыли выключить. Милиционер прошел к столу, отодвинул банку с бразильским кофе и начал набирать.

— Через восьмерку, — напомнил Шубин.

Он подошел к окну и откинул штору. Почему-то раньше это не пришло в голову. Ведь в этом ответ на все вопросы — случилось ли это только в гостинице или и на улице.

Окно было как бы большим экраном, отделяющим Шубина от того, что он увидел. На площади перед вокзалом по-прежнему горели фонари. Их желтый свет как бы рождал ответное желтое мерцание, поднимающееся от земли. Снег потерял свою ночную голубизну.

Это был стоп-кадр.

Площадь была неподвижна.

Человеческие фигурки были разбросаны по площади, будто их, куколок, высыпали с большой высоты. Они были везде. Совсем маленькие, кучками, темными пятнами — возле вокзала и на троллейбусной остановке. Реже на самой площади, между редких машин и у киосков. Совсем мало — справа, на тротуаре, возле темных магазинов.

Еще были машины. Одна из них на скорости налетела на столб, и тот вошел в радиатор, как бы обнятый им. Дверца в машине распахнулась, и водитель до половины выпал головой на мостовую.

Шубин хотел обернуться и сказать, чтобы другие тоже подо-

шли и смотрели, но тут он увидел, как на площадь въезжает высокий «Икарус». Желтое мерцание поглотило его колеса и заклубилось впереди. Видно, водитель понял, что впереди неладно. Автобус резко затормозил. Открылась дверь.

Шубин стал рвать на себя окно, забыв повернуть задвижку, — он хотел предупредить водителя.

Тот показался в дверях. Огляделся, спрыгнул на мостовую и уже в прыжке потерял сознание или умер, потому что его подошвы так и не успели коснуться асфальта — он согнулся и упал головой вперед.

Дернулся, будто хотел отползти... и замер.

— Нельзя! — кричала Эля, и Шубин только сейчас услышал ее крик. Она повисла на его руке, отрывала ее от окна, чтобы он его не открыл.

— Ты смотри, смотри! — пытался объяснить ей Шубин.

— Я все понимаю, я все видела... ты не поможешь — они же не слышат!

Милиционер, не выпуская трубки из руки, тоже смотрел на автобус.

Пассажиров в нем было немного. Человека три.

Первый из них появился в открытых дверях сразу за водителем и задержался на верхней ступеньке, глядя вниз. Он смотрел на водителя и, видно, что-то говорил. Потом повернулся внутрь автобуса — к нему подошел второй пассажир. Затем пассажир начал спускаться вниз. Но медленно, осматриваясь. Шубину было видно, как ноги его утонули в желтом мерцании, взметнувшемся облачком навстречу. Пассажир, испугавшись, хотел подняться обратно в автобус, но вдруг ноги его подломились, словно он хотел усесться на ступеньку, и, нырнув головой вниз, он упал на водителя.

Шубину наконец удалось открыть окно.

— Назад! — закричал он отчаянно. — Не выходите!

Неизвестно, услышал ли второй пассажир крик или сам догадался, что выходить нельзя, но он обернулся к женщине, последней пассажирке, что собиралась выйти через заднюю дверь. Та остановилась, оглянулась. Отмахнулась от его слов и через несколько секунд уже лежала на мокром снегу у задней двери.

Остался последний пассажир. Он отошел от двери, видно было, как он прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть, что там, на площади. Эля закрыла окно.

Милиционер сказал, показывая трубку Шубину:

— Не отвечают.

— Милиция одноэтажная? — спросил Шубин.

— Дежурная часть на первом этаже.

— А второй этаж есть?

— Второй этаж? Зачем?

— Если газ добрался до первого этажа, то на втором могут остаться люди!

— Но там сейчас нет никого. Ночь.

— Тогда звоните в городское управление. Звоните в горком! В «Скорую помощь»! Неужели не понятно!

— А я не знаю, — сказал милиционер жалобно. — Я наш телефон знаю, а других не знаю.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Пошли к дежурной. У нее справочник может быть. Эля, милая, не выходи, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ты куда, Юра?

— Надо узнать телефоны.

— А я?

— Ты тоже звони. Звони Николайчику. Кого знаешь — звони. Надо, чтобы принимали меры.

— А что случилось? Это газ?

— Откуда я знаю? Мы же с тобой вместе были.

— Мне надо домой, — Эля остановила его. Милиционер стоял в дверях, ждал. Он признал главенство Шубина и его права распоряжаться.

— Зачем тебе домой? Жить надоело?

— Митька дома.

— Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом.

— И пускай спит. Он с кем?

— С мамой.

— Тогда позвони маме и скажи, чтобы заперлась и никуда не выходила. И пусть посмотрит в окно — есть ли желтый туман. Только ты ей лишнего не говори, не пугай, понимаешь, только не пугай!

Эля покорно слушала, кивала, словно старалась запомнить, а потом сказала:

— У нас телефона нет.

— Звони соседке.

— У нас в доме нет телефонов.

— Звони Николайчику домой. У него-то есть?

— У него есть.

Шубин с милиционером вышли в коридор. Из-за соседней двери доносилась музыка. Слышны были громкие голоса.

— Надо будет поставить кого-то на лестнице, — сказал Шубин. — Чтобы не пускал жильцов вниз.

— Они на лифте могут спуститься, — сказал милиционер.

— Посмотрим.

Дежурной по этажу на месте не было. Вместо нее они увидели человека с чемоданом. Это был один из командированных, грустный горбун. Он покорно стоял возле столика дежурной.

— Вы куда? — спросил Шубин.

— Я уезжаю, — сообщил командированный. — А ее нет. Мне ключ сдать надо.

— Вот вы и будете стоять на лестнице. Вот здесь, — сказал Шубин. — И никого не пускать вниз.

— Это еще почему? — спросил горбун. — Мне уезжать нужно.

— Сержант, объясните, — сказал Шубин. Он увидел горящий свет в комнате горничной. Может, дежурная скрывается там? Нет, комната была пуста.

— Не может быть, — говорил горбун милиционеру. — Это вымысел. Я был на улице полчаса назад.

— Ваше счастье, — сказал Шубин раздраженно, — что вы вернулись живым.

Он дернул ящик в столе дежурной. Он был заперт. Шубин рванул сильнее.

— Что вы делаете? — спросил горбун.

— Вы стойте, где вам сказали! — рявкнул Шубин.

— Стойте, стойте! — поддержал его милиционер. — А чемодан оставьте. Никто его не возьмет.

Горбун, все еще сомневаясь, сделал несколько шагов к лестничной площадке, но чемодана не выпускал.

Ящик с треском вылетел из стола. Посыпались бумажки. Шубин начал ворошить их, надеясь отыскать какую-нибудь тетрадь или список телефонов.

Зажужжал, проезжая мимо, лифт.

— Черт! — вырвалось у Шубина. Он кинулся к лифту. Но пока он бежал к нему, услышал, как лифт остановился на первом этаже, его двери открылись. Кто-то вскрикнул. И снова тишина. Красный огонек продолжал гореть рядом с дверью лифта.

— По крайней мере, теперь его уже никто не использует, — сказал Шубин.

— А что? Что случилось?

— Спуститесь на один пролет вниз, — сказал Шубин горбуну, — но не больше — загляните вниз и тут же возвращайтесь обратно, если вам мало того, что сказал сержант.

— Но он сказал — там отравление газом.

— Вот именно.

Горбун осторожно пошел вниз.

Наверху кто-то забарабанил в дверь лифта — видно, не мог вызвать и сердился.

— Я пойду наверх, — сказал Шубин. — Может, у кого из дежурных есть телефонный справочник. Вы знаете, что делать?

— Так точно, — ответил милиционер, который не знал, что ему делать.

Шубин подбежал к лестнице. Остановился. Где этот чертов горбун? Вместо того чтобы бежать наверх, Шубин сошел на несколько ступенек ниже. То, что он увидел, его не испугало: разозлило.

Горбун сидел на нижней ступеньке лестницы, откинув голову к стене и приоткрыв рот. Чемодан он продолжал держать на коленях.

— Эх, черт, — сказал вслух Шубин. — Проверить решил!

Он посмотрел на холл. Он уже привыкал к этому зрелищу. Оно было невероятным, но не сказочным и не граничило более со сном. Это была тяжелая реальность, и мозг ее воспринимал трезво.

Уровень желтого мерцания поднялся. Зал был залит им метра на полтора. От движения газа контуры предметов были размыты, и казалось, что люди движутся. Шубин заставил себя не смотреть более на холл.

Наверху милиционер по-прежнему стоял у телефона.

Он увидел Шубина и обрадовался.

— Нигде не отвечают, — сказал он, смущенно улыбаясь, словно был виноват в этом. — Я в «Скорую» позвонил и в пожарную команду. И никто не подходит. Странно, да?

— Плохо, а не странно, — сказал Шубин.

— Вы думаете, что и там? — спросил милиционер.

— Мы с вами вместе смотрим это кино, — сказал Шубин. — Я пойду наверх, поищу телефонный справочник. Я хочу дозвониться до заводов или до аэропорта.

Он не стал говорить милиционеру о горбатом командированном. Вернее всего, милиционер забыл о нем.

Шубин не успел подняться до третьего этажа, как услышал, что сверху, громко и весело разговаривая, спускается группа людей.

— Нам нет преград ни в море, ни на суше! — загудел бас.

— Стойте! — приказал он, отступая на шаг перед поющими гостями и видя лишь напряженное лицо Гронского.

— Что еще? Это что еще, нам мешают петь! — воскликнула толстая матрона. — Витя, он нам мешает!

— Он пьян! — нашелся референт. — Уже милицию вызывали, а он все хулиганит.

— И мы тоже пьяные! — запела матрона. — Давайте петь вместе.

Шубин резко оттолкнул ее и оказался лицом к лицу с Гронским.

— Отойдите сюда, — показал он наверх. — Мне надо сказать вам два слова.

— Ты поосторожнее! — закричал референт. — Без хулиганства.

Гронский был насторожен и зол. В глазах читалось опасение: если Шубин смог вырваться из цепких объятий милиции, значит, он нашел какой-то ход, какие-то связи? Какие?

— А вы, — сказал Шубин остальным, — стойте здесь. И не спускайтесь ниже.

В голосе Шубина была та уверенность в праве приказывать, что быстро угадывается и признается людьми иерархии. Это умение, происходящее от внутренней убежденности, трудно подделать.

Компания прервала пение, все замолчали. Стояли, глядели на Гронского, будто он был старшим в этой стае и ему принимать решение.

— Подождите, — сказал он и поднялся на ступеньку выше, так что теперь его отделяло от остальных метра два. Референт приклеился сбоку, чтобы не оставить шефа в опасную минуту.

— Отойдите, — сказал ему Шубин брезгливо, как и положено говорить с шестерками.

Тот смотрел на Гронского.

— Ну! — сказал Шубин.

Гронский сделал движение головой, отправляя шестерку к остальным.

Шубин дотронулся до плеча Гронского, отводя его еще дальше от компании.

— Случилось несчастье, — прошептал он. — Катастрофа. Много людей погибло.

Гронский не отвечал. Он почуял опасность и весь подобрался. Ноздри породистого носа побелели, даже брыли подобрались.

— Вернее всего, это химическое отравление.

— Где? — спросил Гронский шепотом.

— Два этажа вниз, — сказал Шубин. Он уже говорил нормальным голосом и слышал тяжелое дыхание прочих слушателей.

— Если это шутка...

— Тогда идите, только идите один, — сказал Шубин. — Я вам не советую подвергать риску жизнь ваших гостей.

— Это бессмыслица какая-то, — сказал Гронский. Он смотрел не на Шубина, а на очень толстого, туго затянутого в костюм краснощекого лысого гостя. Гость тронул Шубина за рукав.

— Повторите, что произошло, — сказал он.

У него были красные щеки и красный носик. Очень светлые, живые, не замутненные водкой глаза.

— Я не знаю причин катастрофы, — сказал Шубин. — Но внизу лежат мертвые люди. На площади тоже. Много людей.

— На площади? Где? — Толстяк как бы взял в свои руки командование. Он был главнее Гронского, и Шубин понял, что банкет происходил именно в его честь.

— Спуститесь на пролет ниже — можете выглянуть в окно, — сказал Шубин. — В холл спускаться нельзя. Там газ.

— Какой газ? — Гронский был раздражен, ему хотелось не верить Шубину, он подозревал в этом какую-то месть за милицейский рейд. — Какой может быть газ?

Шубин пошел с ними вниз. Теперь не было нужды искать телефонный справочник. Если можно говорить о везении в такой ситуации — Гронский был этим везением. Уж он-то знает все телефоны.

Толстяк первым оказался на лестничной клетке. Милиционер все еще стоял у телефона. Больше ничего за эти минуты не изменилось. Толстяк подошел к окну возле стола дежурной и отодвинул занавеску резким жестом пьяного человека. Гронский подошел к нему, остальные стояли сзади, заглядывали через плечи.

— Не отвечают? — спросил Шубин у милиционера.

— Боюсь, что да, — сказал милиционер. Он взял фуражку, что лежала на столе. Надел ее. Он знал, когда имел дело с начальством.

— Чепуха какая-то, — сказал Гронский. Толстяк молчал. — Возможно, они потеряли сознание, — сказал Гронский.

— Сознание? — Толстяк обернулся к Гронскому. Потом перевел взгляд на Шубина: — Давно это случилось, товарищ...

— Шубин.

— Шубин. Очень приятно. Спиридонов. Когда это случилось, товарищ Шубин?

— Я увидел это... минут двадцать назад.

— Как увидели?

— Я спустился в холл. Вместе с сержантом.

Милиционер кивнул. Присутствие толстяка все ставило на свои места. Этот будет принимать меры. И если даже милиционер знал в лицо Гронского, все равно на роль начальника он выбрал именно Спиридонова.

— Там то же самое?

— Да. Там все мертвые. И когда человек, который был с нами, все же спустился в холл, он упал.

— Это случилось быстро?

— Практически мгновенно.

— Что вы можете сказать, Виктор Иннокентьевич? — спросил Спиридонов у Гронского.

— У нас такого не бывает, — сказал Гронский.

— Знаю, что не бывает. Иначе бы давно всю Россию перетравили, — сказал Спиридонов.

— Может, диверсия? — спросил шестерка. Уши его шевельнулись.

— Диверсия? — повторил Спиридонов. — И наверное, американская? Или сионистская? Замечательное объяснение.

— Надо позвонить на биокомбинат, — сказал Гронский. — Может, у них выброс?

— Вот и займитесь, — сказал Спиридонов.

Одна из толстых женщин громко рыдала, прислонившись к стене. Гронский подошел к ней. Он сказал:

— Верочка, не надо.

— Милиция не отвечает, — сказал Шубин.

— «Скорая помощь» тоже, — добавил милиционер. — И пожарники молчат.

— Понятно, — сказал Спиридонов. — Товарищ Шубин, пойдемте со мной, покажете мне, что там, в холле.

Шубин подчинился, подумав, правда, что даже в такой ситуации Спиридонову, привыкшему, чтобы его провожали и ему показывали, не приходит в голову пойти посмотреть на холл одному. Шубин понимал, что это происходит не оттого, что Спиридонов боится — он не производил впечатления пугливого человека. Просто он не привык действовать без человека, которому в случае нужды мог бы отдать приказание. А из окружающих он выделил себе в помощники Шубина.

Гронский взял телефонную трубку, протянутую милиционером. Шубин последовал за Спиридоновым к лестнице.

— Осторожнее, — сказал он, когда они начали спускаться. — Туман постепенно поднимается.

— Туман? Почему вы раньше не сказали?

— Я не уверен, что он — причина гибели людей, — сказал

Шубин. — Но там есть желтый туман, и я думаю, что люди погибли из-за него.

Они остановились у последнего пролета. Спиридонов стоял, уперев кулаки в бока, и медленно поворачивался, как бы впитывая в себя зрелище.

Два человека лежали, заклинив открытую дверь лифта. Певица из оркестра скорчилась в дверях ресторана, и блестки ее платья мерцали в тумане золотыми звездочками.

— Мертвые, — сказал Спиридонов.

Он чуть двинул голову в сторону, чтобы вобрать в поле зрения Шубина.

— Воняет, — сказал он. — Чувствуете?

— Да.

— Здесь всегда воняет, даже вода воняет — я уж отмечал, — сказал Спиридонов. — А так чтобы воняло — не помню.

Шубин не стал отвечать.

— И что же вы предлагаете делать? — спросил Спиридонов.

— Надо связаться с другими районами, — сказал Шубин. — Мне говорили, что город стоит в низине, а заводы расположены выше.

— И зачем? — спросил Спиридонов.

— Они смогут сказать причину.

— Вряд ли, — сказал Спиридонов. — Ночь на дворе. На заводах только сторожа.

— А ночная смена?

— Сомневаюсь. Начало месяца, — сказал Спиридонов. — Но людей поднимать надо. Добраться бы до армии...

Наверху появились Гронский, рядом его референт. Они смотрели вниз, на холл, лица их были неподвижны.

— А вы что скажете? — спросил Спиридонов.

— Очень странно, — ответил Гронский.

Сверху послышался шум. Чей-то громкий голос кричал:

— У меня самолет через час. Вы что, не понимаете?

В ответ бубнил что-то милиционер.

— Успокойте его, — сказал Спиридонов Гронскому, тот кивнул шестерке, который сразу сорвался с места. Шубин смотрел ему вслед.

— Чего мы стоим? — сказал он.

— Есть предложения?

Желтый туман закрутился под ногами, и Спиридонов отошел на ступеньку выше.

— Почему мы до сих пор не позвонили в Москву?

— В Москву? — переспросил Спиридонов. Пожевал губами. — Может быть, и в Москву.

— Зачем в Москву? — спросил Гронский. Он не возражал, он задал спокойный вопрос, как человек, который хочет разобраться в трудной задаче.

— В любом случае мы должны сообщить, — сказал Шубин. — Там примут меры.

Гронский смотрел на Спиридонова. Спиридонов — на Гронского.

— Нет, — сказал твердо Гронский. — Мы не знаем ни масштабов аварии, ни причин — ничего не знаем. Что мы скажем Москве? Что в гостинице какое-то отравление?

— Не только в гостинице, — сказал Шубин.

— Пускай не только в гостинице. Пускай и на площади. И нас спросят, а какие вы приняли меры? И мы скажем — позвонили в Москву. Это же, простите, несерьезно! — Гронский развел руками, чтобы все поняли, насколько это несерьезно.

Чувствуя неуверенность Спиридонова, Гронский загремел вопросами:

— И куда мы будем звонить в Москву? В штаб ПВО? В Министерство здравоохранения? Куда? В ЦК?

Слова Гронского звучали разумно, но в них была ложь, в них был страх, что сильнее страха от увиденного. Страх перед собственной гибелью, но не физической, а моральной, карьерной, деловой.

Вернулся шестерка с оттопыренными ушами. Он не скрывал восхищения перед филиппикой Гронского. Радостно кивая, будто ждал, когда начнут раздавать конфеты.

— Дело говоришь, — сказал Спиридонов. — До Москвы больше тысячи верст. Пока мы будем дозваниваться да искать, с кем побеседовать, утро наступит. Давайте сначала попробуем задействовать местные силы. Чем больше сделаем сами, тем меньше будет претензий у Москвы. Как там, Гронский, на биокомбинате? Что тебе сказали?

— Никто не подошел.

— Это ничего не значит. Что у тебя предусмотрено на случай аварии?

— Есть программа у дежурного.

— Ты ему приказал действовать?

— Сергей Иванович, но ведь нет аварии на моем заводе! Нет аварии! Что-то случилось здесь, в центре. А завод вон там. Вы же знаете.

— Так, значит, на завод ты еще не звонил? Иди звони.

Заметив, что шестерка хочет бежать за Гронским, Спиридонов приказал ему:

— А ты, Плотников, давай в номер люкс, держи ключ! Неси сюда бутылку и стакан.

Спиридонов посмотрел на Шубина.

— Два стакана. Нам подкрепиться надо... Так, Шубин?

— Так, — Шубину захотелось улыбнуться. В Спиридонове была внутренняя ясность, которая позволяет подчиняться без сопротивления.

— Гронский на завод не дозвонится, вот увидишь, что не дозвонится. У него там тоже все дрыхнут. А мы с тобой знаешь что сделаем? Мы с военным аэродромом свяжемся. Здесь есть, в Нехаловке. Пускай поднимут вертолеты и облетят город. Прежде чем действовать, мы должны знать, с чем имеем дело. Разумно?

— Разумно, — сказал Шубин.

— Вот и я так думаю. Пошли, а то я помру от этой вони. Мутит. Тебя мутит?

— Мутит, — сказал Шубин и отметил про себя, что ему очень хотелось добавить «так точно!».

Наверху народу прибавилось. Гронский был у телефона. Все смотрели на него. Эля стояла в сторонке, увидела Шубина и обрадовалась. Но не подошла, не посмела. Она понимала, что теперь наступило время начальников.

В стороне стояли три грузина из ресторанной компании. Они допрашивали милиционера, хотели посмотреть, что там, внизу, но милиционер пришел в себя и говорил властно. У лифта, где все еще горел красный огонек, стоял второй из командированных, что был с Шубиным в ресторане. Надо ему сказать, что его товарищ погиб. «Потом скажу», — подумал Шубин. Он хотел было подойти к Эле, но тут Гронский громко сказал:

— Это кто у телефона? Почему не подходите? Кто, кто — Гронский, вот кто! Что там у вас происходит?

Гронский послушал ответ. Все замерли, замолчали.

— А кто у телефона? — продолжал Гронский. — Так вот, Ховенко, выйди из дежурки, обойди территорию. Я тебе через десять минут позвоню. А если что — немедленно отзвонишь сюда. Какой телефон?

Гронский спросил, зажав трубку ладонью:

— Какой здесь телефон?

— Двадцать триста четыре, — отозвалась дежурная по этажу.

— Двадцать триста четыре. Гостиница «Советская». Немедленно отзвони.

Гронский положил трубку с таким видом, словно у него гора свалилась с плеч.

— У нас все в порядке, — сказал он.

Получалось, что все происходящее вокруг — лишь видимость, недоразумение.

Это уловил и Спиридонов.

— У тебя в дежурке все в порядке, — сказал он. — А что это значит? Ничего не значит! Люди погибли, а ты — все в порядке!

— Мы будем искать причину, — сказал Гронский, проводя ладонью по гладкой щеке. — Мне позвонят. Все выяснится. Я уверен, что утечка на биокомбинате.

Появился шестерка Плотников. Он нес поднос, на котором стояли початая бутылка водки, два стакана и лежала нарезанная колбаска.

Он остановился перед Спиридоновым, не кланяясь ему, но всем своим видом изображая поклон.

— Молодец, — сказал рассеянно Спиридонов, — поставь на стол.

Тот поставил поднос на стол дежурной, и все смотрели молча, как Спиридонов разливает водку в два стакана, будто решая задачу, с кем разделить бутылку.

— Шубин, — сказал Спиридонов, — примем за знакомство.

Гронский не скрывал ненависти. Если бы не беда — ох бы он до Шубина добрался!

Может, в ином случае Шубин бы отказался, но именно из-за взгляда Гронского он стакан взял.

— За здоровье, — сказал Спиридонов. — Твое лицо мне знакомо. Откуда?

— Товарищ Шубин позавчера по Центральному телевидению выступал, — сказал шестерка, легкомысленно предавая своего шефа.

— Точно, — сказал Спиридонов. — У меня память на лица.

Он выпил свой стакан в три глотка.

— Давай, набирай аэродром, Гронский! Поднимем родные ВВС в темное небо. Ты чего не пьешь? — спросил он Шубина.

— Я знаю, куда позвонить в Москве, — сказал Шубин. — Надо позвонить к нам, в «Известия». Они знают, что делать.

— Зачем? — быстро ответил Гронский. Он уже цепко держал телефонную трубку. — Мы собственными силами, без прессы.

— Испугался, — без злобы сказал Спиридонов. — Ты понимаешь, Шубин, что будет, если Москва сейчас вмешается?

— Я думаю о пользе дела, — сказал Гронский и стал набирать номер.

Шубин знал, что все равно позвонит в газету. Сейчас же. Из своего номера.

— Сейчас он с крылышками свяжется, потом твоя очередь, — сказал Спиридонов. — А ты пей, не люблю, когда мои люди манкируют своими обязанностями.

Шубин понял, что никуда ему не деться от принадлежности к людям Спиридонова. И пить придется.

Он выдохнул воздух. И подумал: «Господи, спаси меня от этой чести...»

Свет погас. Он погас везде — на лестнице, в коридоре, даже погас красный огонек лифта.

Это произошло не беззвучно — все здание будто ахнуло — так отозвался в ушах Шубина общий вздох, вскрик всех, кто стоял вокруг. И сразу стало видно, что небо за окном зловеще светится желтоватым отблеском.

Шубин посмотрел туда. Фонари на площади потухли, потухли окна в домах на площади. Погасли окна в вокзале. И лишь в автобусе, что стоял посреди площади с открытыми дверями, у которых лежали его водитель и пассажиры, горел яркий свет. И дальше к вокзалу светился еще один автобус. Тоже пустой.

Шубин поставил стакан на край стола. «Если высшие силы прислушиваются к моим просьбам...» — началась мысль, но так и не кончилась, потому что невдалеке возник голос Эли:

— Юра, ты где?

— Я здесь, — сказал Шубин. Он пошел к Эле, наткнулся на кого-то. — Я здесь!

Эля была рядом. Вот она. Она вцепилась в его руку, как цепляется перепуганный ребенок.

За спиной голос Спиридонова произнес:

— Как связь? Работает?

— Нет, — ответил Гронский. — Молчит.

— Значит, энергию вырубили. Кто-то догадался, что опасно.

— А может, не догадался, — сказал Шубин. — Может, до них добрался туман.

— Это может быть? — спросил Спиридонов,

— Электростанция старая, на реке, — сказал Гронский.

— В низине?

— На нашем уровне.

— Мог добраться, — сказал Спиридонов. — Так что, Шубин, со звонком в Москву придется потерпеть.

— Вижу, — сказал Шубин.

Небо за окном светилось, по нему быстро бежали синие облака, между ними открывалась и сразу пропадала луна.

— Гражданка дежурная, — сказал Спиридонов. Он всегда успевал сказать раньше других. — Дежурная по этажу здесь?

— Здесь, — отозвалась та.

— На случай перебоев в энергии где хранятся свечи или лампа?

— У горничных в комнате, — ответила дежурная.

— Тогда несите.

— Не могу, — сказала дежурная. — Как раз керосин кончился. Обещали завтра принести.

— Все у вас наперекосяк!

— Но ведь обещали. Если бы знать, из дому бы принесла.

— Все равно несите, — сказал Спиридонов. — В каких-то лампах должен остаться керосин. Вы ведь его не выпивали? Спички есть?

— Ой, кто тут? — раздался голос дежурной — значит, она все же двинулась и натолкнулась на кого-то в темноте.

— Да помогите ей кто-нибудь, — рявкнул Спиридонов.

Его квадратная фигура закрыла окно. Шубин подошел к нему.

— Нас, конечно, вызволят, — сказал Спиридонов тихо, будто сам себе. — Но скандал будет большой. Гронскому не удержаться.

Сзади что-то гремело, дежурная искала лампы.

— Вы что-то сказали? — послышался голос Гронского.

Шубин подумал, что Гронский услышал слова Спиридонова, но предпочел не разобрать их.

— Ничего, — сказал Спиридонов. — Просто меня интересует, как вы дошли до жизни такой?

— Это не мой завод!

— Все равно будут искать виноватых. Смотри, сколько народу погубил.

— Когда разберутся, поймут, что мы ни при чем.

— Завтра на митинге бы и выяснилось, — сказал Шубин.

— Какой еще митинг?

— Да так, общественники, вы же знаете, сколько их теперь развелось, — сказал Гронский. — Сейчас нам надо думать о том, как выбраться отсюда.

— Общественность, говоришь? — Спиридонов не стал поддаваться на отводящий маневр Гронского. — И чем она была недовольна?

— Я с ними разговаривал, — сказал Шубин. — Вполне серьезные люди. Их беспокоило состояние атмосферы в городе. Они хотели написать коллективное письмо в Москву.

— Не успели, — сказал Спиридонов. — Но были правы. Понимаешь, Гронский, что были правы?

— Сначала надо разобраться, что случилось, — упрямо сказал Гронский.

— Тебя не собьешь.

— Что же делать, на этом держимся. Вы завтра поглядите, сколько мы писали в министерство, чтобы нам выделили фонды. Вам и писали. Мы этим воздухом дышим, а вы, Сергей Иванович, приехали и уехали.

— Еще напомни, что банкет вместе гуляли, — сказал Спиридонов.

— Я не это имел в виду. Я о нашей общей ответственности за дело. Мы — подчиненные люди, мы старались как можно лучше выполнить указания.

— Ну вот, — усмехнулся Спиридонов, — топи всех, может быть, в коллективе выплывем... Нет, Гронский, боюсь, что тебе это не удастся.

Сзади замелькал огонек.

— Нашла, — сказала, подплывая, дежурная. — Нашла! И керосину там наполовину.

— Вот и отлично, — сказал Спиридонов, поворачиваясь и как бы сбрасывая с себя разговор с Гронским. — Иди обратно, ищи еще.

— Да она же горит! — сказала дежурная.

— Сколько их там у тебя?

— Штук шесть есть.

— Так вот бери лампу и иди обратно. Из шести еще две должны гореть. Мы одной не обойдемся. А когда найдешь, одну поставь мне сюда, с другой пойдешь по этажам, скажешь другим дежурным, чтобы тоже лампы зажигали. И собирали людей. Никого в номерах оставаться не должно. Всех поднимать и гнать... Большое помещение сеть? Чтобы повыше?

— Все холлы одинаковые, — сказала дежурная. Она высоко подняла горящую керосиновую лампу, и в круге света замелькали лица — Шубин понял, что народу вокруг прибавилось.

Тишина, владевшая гостиницей, сменилась растущим гулом голосов, окликов, шагов, стуков.

— Значит, так: собираем всех, кто живет в гостинице, в холле третьего этажа. Понятно? С дежурной пойдут Плотников и Гронский. Нужны еще добровольцы — по одному на этаж. Ну, кто?

Второй командированный откликнулся:

— Я пойду.

— Я могу пойти, — сказал Шубин.

— Нет, ты останешься со мной.

— Я тоже, пожалуй, останусь здесь, — сказал Гронский тихо и требовательно. — Надо организовать мозговой центр.

— Мозговой центр — это я, — сказал Спиридонов. — При мне будут Шубин и милиция. Ты здесь, милиция?

— Здесь, — сказал сержант.

— Остальные — исполнять.

Появилась вторая лампа. Стало веселее и уютнее. Был установлен вроде бы порядок, который помогает не думать о тех людях, что лежат этажом ниже. Дежурная, преисполненная ощущением собственной значимости, двинулась вверх по лестнице. За ней — группа мужчин. Шубин заметил, что Гронский, шедший сзади, в последний момент отвернул от лестницы и остался в глубине холла.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин, — мы забыли про наш этаж. Я пройду, разбужу, не возражаете?

— Давай, и возвращайся поскорее.

— Я с тобой пойду, — сказала Эля. — Мне страшно здесь оставаться.

Шубин взял со стола лампу.

Она легко шла за Шубиным, касаясь его рукой.

— Юрочка, — сказала она, как бы моля, чтобы он ее переубедил. — А газ до моих не доберется?

— Он тяжелее воздуха, — сказал Шубин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Вверх он не поднимается. Сюда же не поднялся. Твои ведь на четвертом?

— На четвертом.

— Значит, они в безопасности.

— А вдруг они проснутся и вниз пойдут?

— Я надеюсь, что скоро все это кончится. Ведь не все же в городе вымерли. Есть районы, куда газ не добрался. Особенно на возвышенных местах. Поднимется ветер и все сгонит...

— А вдруг...

— Да подожди ты, — огрызнулся Шубин. — Лучше помогай. Я буду стучать в правые двери, ты — в левые.

Он постучал в первую дверь.

Не ответили. Постучал сильнее. Внутри кто-то завозился, недовольно прокашлялся.

Эля стучала в дверь напротив. Потом засмеялась.

— Ты что? — смех ее был удивителен.

— Я подумала, — сказала она, — что там они, как мы с тобой... Ведь сейчас больше двадцати трех.

Господи, улыбнулся Шубин. Как давно все это было! Целый час назад!

— Открывайте! — крикнул Шубин. — Авария! Одевайтесь и спокойно выходите из номера. Авария, понимаете?

— Что? Что такое? — открылась дверь дальше по коридору, где было совсем темно. Голос оттуда испуганно спросил: — Почему нет света?

— Где авария? — откликнулись за дверью.

Скрипнула дверь напротив. Шубин услышал, как Эля говорит двум девчушкам, стоящим в дверях в ночных рубашках:

— Ничего страшного. Но надо выйти из номера. Одевайтесь.

— А вещи с собой брать нужно? — спросили издали, из конца коридора.

Шубин пошел вдоль дверей, молотя в них кулаками. Некогда было уговаривать каждого в отдельности.

— Срочно одеваться! — кричал он. — Срочно выходить!

А в ответ раздавались голоса — казалось, они доносились не только из-за дверей, а со всех сторон — катились по коридору, отражались от потолка, от стен...

— Что? Пожар? Где свет? Что случилось? Кто там хулиганит?..

Три лампы горели на столе дежурной на третьем этаже.

Холл этажа был тесно набит тяжело дышащими, перепуганными, сонными людьми. Некоторые не поместились, толпились в коридоре, все время подходили новые люди и шепотом, а то и громко спрашивали, что произошло.

Говорил Спиридонов. Неверный свет ламп обтекал его грубое, щекастое лицо. На кого он похож? На Фантомаса? За его спиной стояли несколько человек, среди них, конечно же, Гронский и его шестерка. Как бы штаб. Шубин, обняв за плечи Элю, встал у окна.

— Пока не прибыла помощь, — продолжал Спиридонов, — а на ее прибытие мы рассчитываем, как только восстановится связь, никто из гостиницы не выходит. Никто не спускается ниже второго этажа, там высокая загазованность. Опасно для здоровья.

— Насколько опасно? — спросил кто-то из толпы.

— Очень опасно. Если не верите, можете проверить. Жильцы второго этажа переходят на этаж выше. Занимают пустые номера или остаются в коридорах.

— А водой пользоваться можно?

— Водой пользоваться не рекомендуется. Пока ее не проверят специалисты. Оснований для паники нет. Приказываю:

строго подчиняться административной группе, которая размещается здесь. Я — Спиридонов Сергей Иванович. В случае необходимости обращаться лично ко мне.

Толпа качнулась к центру, к столу, за которым стоял Спиридонов. Начали спрашивать, перебивая друг друга, вопросы повторялись: про вещи, про радиацию. Спиридонов отвечал уклончиво и уговаривал оставаться в номерах. Но в номера мало кто ушел, спрашивали друг друга, никто толком ничего не понял. Но потом кто-то выглянул в окно, ахнул, все стали давиться у окна. Шубина оттолкнули. Он сказал Спиридонову через головы:

— Я пойду вниз, передайте мне лампу.

— Зачем? — спросил Спиридонов.

Шубин пробился к столу.

— Я хочу проверить, не поднимается ли газ.

— Рациональная идея, — сказал Гронский.

Спиридонов взял одну из ламп, протянул Шубину.

— Доложишь мне лично, чтобы никто не знал.

И тут же крикнул:

— Милиция, ты здесь?

— Здесь, — откликнулся сержант от лестницы.

— Никого вниз не пускать.

— Слушаюсь.

— Как же так? — раздался высокий голос. — Я же вещи из номера не взяла.

— Вещи возьмете завтра! — крикнул Спиридонов.

— Там мертвые! Они же все мертвые! — крикнули от окна.

Шубин пошел к лестнице. Эля собачонкой спешила за ним.

— Пойду погляжу, как там, — сказал он милиционеру.

— Вы осторожнее, — сказал тот.

— Спасибо.

— Может, девушка ваша здесь останется?

— Ничего, — сказал Шубин. — Она шофер.

— Шофер? — удивился милиционер. — А мне сказали, что это... из ресторана с вокзала.

— Они скажут, — огрызнулась Эля. — Я еще им покажу.

— Не покажете, — сказал милиционер. — Он там лежит, задохся.

Им удалось спуститься только до второго этажа. И тут же, тремя ступеньками ниже, Шубин увидел желтое, маслянистое в свете керосиновой лампы, мерцание. Что-то произошло, заставив туман ожить и двинуться выше. Впрочем, если источник тумана, где идет смертельная реакция, продолжает действовать — а почему бы и нет? — то газ постепенно заполняет котловину го-

рода. Люди, что живут в одноэтажных домах, давно уже умерли. Вернее всего, умерли. И не заметили, как это случилось.

— Поднимается, — сказала Эля. — Почему поднимается?

— Не знаю, — сказал Шубин.

— И сколько будет подниматься?

— Вернее всего, это предел, — сказал Шубин. — Газ будет растекаться вокруг — он уже наполнил низину, а теперь будет растекаться.

И убивать тех, кто выше?

Шубин пожалел, что разрешил Эле идти сюда. Она дрожала, голос срывался.

— Надо посоветоваться со Спиридоновым, — сказал он. — Пошли обратно.

Милиционер наклонился, увидев, как поднимается Шубин с лампой в руке. За спиной милиционера гудели голоса.

— Ну что? — спросил он.

— Немного поднялось, — сказал Шубин. — На второй этаж лучше не ходить.

— У вас закурить не найдется?

— Черт возьми, кончается, — сказал Шубин, достав пачку.

— Тогда не надо.

— Нет, берите, я в номере возьму.

— Ты туда не ходи, — сказала Эля.

— Слушайте, мы с вами вроде теперь знакомы, — сказал Шубин милиционеру. — А я не знаю, как вас зовут.

— Сержант Васильченко.

— А по-человечески?

— А по-человечески Коля, Коля Васильченко.

— Меня Юрой.

— Вот познакомились, даже странно, — сказал милиционер. — Сначала вроде как вы нарушали, а теперь мы вместе.

— Это ты точно заметил, — сказал Шубин. — Только когда-нибудь потом расскажешь мне, чего я нарушал?

— Сами знаете, — сказал Коля и покосился на Элю.

— Ладно. Слушай, Коля, Эля останется с тобой. Чем скорее я схожу в номер, тем лучше. У тебя, Эля, там ничего не осталось?

— Нет. У меня только сумка была.

Он подтолкнул Элю к милиционеру и быстро спустился вниз.

Огонек в лампе затрепетал, чуть-чуть уменьшился. Еще не хватало, чтобы она погасла. Шубин покачал лампу, вроде бы внутри булькнуло.

На площадке второго этажа он остановился и снова поглядел

вниз. Желтый туман мирно лежал у его ног. От него исходил мертвый запах. «Это как вода, — подумал Шубин.— Как океан или озеро. На дне его лежат утонувшие люди. Было крушение, утонул корабль, и там лежат люди. И между мной и ними толща воды. И эта вода разлилась широко, еще неизвестно, насколько широко. Затопила много домов... Наводнение на Урале, могут сообщить по телевизору. Хотя наводнения обычно случаются в Бангладеш. Да и лучше, если было бы наводнение. Или землетрясение. В этом никто не виноват. А здесь смерть безмолвная, подлая, придуманная людьми».

Он пошел по коридору. Еще недавно здесь были люди, даже запахи остались. Но теперь стояли тишина и запустение покинутого корабля, который чудом удерживается на плаву. В номере Шубин открыл чемодан. Что взять? Наверное, самое разумное — взять весь чемодан и отнести его наверх. Но неловко. Кто-нибудь заметит, и люди со второго этажа начнут рваться вниз. Нет, если всем нельзя, то и ему тоже. Шубину раньше не приходилось попадать в стихийные бедствия, и он даже удивился собственному решению. «Оказывается, совесть твоя не дремлет, Юра», — сказал он себе.

Он достал из чемодана сигареты, потом положил в карман аляски банку с кофе. Документы здесь. Больше человеку на плоту в открытом океане ничего не нужно. Он хотел уже выходить, но тут его посетила мысль: а что, если предметы, попавшие в желтое мерцание, заражаются? Тогда он больше чемодана не увидит. Жалко, хороший чемодан, небольшой, крепкий, красивый, в Кельне покупал. И он забросил его на верх шкафа. Все же лишние полтора метра — может, не достанет. Потом заглянул в ванную, взял оттуда зубную щетку и пасту — тоже может пригодиться.

Перед тем как уйти совсем, вернулся к окну.

Площадь была такой же — по ней тянулись тени от луны. В пустом автобусе все еще горел свет. Люди на снегу лежали так же покорно и неподвижно, как прежде. На крыше вокзала было какое-то шевеление. Шубин пригляделся. Там был человек. Нет, два человека. «Ну и холодно им», — подумал Шубин.

Где сейчас Бруни, Борис, Наташа? Если их забрали в милицию, то, вернее всего, их уже нет в живых. Шубин подумал об этом отстраненно, будто решал логическую задачу. Хорошо, если их отпустили. Тогда они дома. И если Бруни увидел, что творится, до того, как погас свет, он мог успеть позвонить в Москву или в Свердловск. Кто-то же должен был сообразить! Есть железная дорога, аэродром и воинская часть — город как бы

вписан в паутину постоянных связей с внешним миром. Значит, сейчас уже поднимается тревога — надрываются телефоны, спешат самолеты...

Шубин спохватился. Пора идти. Эля там с ума сходит. Вчера Эли не существовало. А сейчас он убежден, что она сходит с ума. И ничего в том странного. Может, никогда жена не была ему так близка, потому что за одиннадцать лет жизни ему ни разу не пришлось бояться за нее, да и она никогда не дрожала от мысли, жив ли он. Даже когда родилась дочка, он был за границей. Узнал об этом из телеграммы как о событии радостном и не тревожился. И расстались они как-то без трагедии. Он знал, что у нее роман, и даже почти знал — с кем, и даже понимал, что тот, другой, сильнее и отнимет Дашу. Когда захочет Даша, тогда он ее и отнимет. Так и произошло.

Два человека шли по гребню крыши вокзала.

Шубин закрыл дверь в номер. В этот момент керосиновая лампа погасла. Он потряс ее. Не булькает. Пришлось возвращаться, придерживаясь рукой за стену, а потом, уже в холле, возле стола дежурной, стало страшно — ему представилось, что желтый туман подобрался к лестничной площадке и молча поджидает его. Шубин набрал воздуху и задержал дыхание. Он шел, выставив вперед руки. Сердце заколотилось, и не хватало воздуха — грудь разрывало, так хотелось вдохнуть. И потом воздух сам прорвался в легкие. Даже зашумело в ушах. Но ничего не случилось, Шубин отыскал ступеньку и стал подниматься, хватаясь за перила ослабшей от страха рукой.

— Это ты? — прошептала сверху Эля.

— Лампа погасла, — сказал Шубин. И голос сорвался. Он кашлянул. — Все в порядке. Только лампа погасла, керосин кончился.

Эля бросилась к нему. Она плакала.

— Я хотела к тебе бежать, — сказала она. — А Коля не пускает.

— У нее же света нет, — сказал рядом не различимый в темноте Коля. Они, оказывается, спустились на пролет, ожидая его.

— Да чего со мной случится? — сказал Шубин. — Ничего не случится... — Чуть не забыл, — добавил Шубин. — Держи. Сигареты.

— Вот спасибо, — обрадовался Коля. — А я думал, что забудете.

— Спички есть?

— Есть.

Они с Элей поднялись выше. Лампа на столе мигала, в ней тоже кончался керосин. Можно было различить силуэт Спири-

донова, который стоял, опершись ладонями о стол. Возле него было несколько черных теней. Толпа куда-то рассосалась.

— Основа, очевидно, сероводород, — негромко бубнил Гронский, — он сам по себе опасен. Но без анализа я не скажу.

— Ты же химик. Придумай, что делать, — сказал Спиридонов.

— Я не химик, а администратор. Но даже химик другого не скажет.

— Мать вашу! Довели город до ручки!

Спиридонов почувствовал приближение Шубина.

— Куда провалился? — сказал он ворчливо.

— За сигаретами ходил, — сказал Шубин. — Пока не поднимается.

— Дай-ка сигареты, — сказал Спиридонов. — Хоть я и бросил.

Шубин открыл пачку. Спиридонов взял сигарету.

— «Мальборо», — сказал он. — Фирменные куришь?

Из темноты протянулись еще две руки, взяли по сигарете.

— Вы будете? — спросил Шубин Гронского.

— Я не курю, — ответил тот, словно в предложении Шубина было нечто неприличное.

Потянуло вкусным дымом.

...Слабенькое пламя керосиновой лампы, огоньки сигарет вокруг, тишина, чей-то повествовательный голос неподалеку, доносящиеся до слуха слова: «И был еще такой у меня случай. Попал я в командировку в Курган...» — все вместе создавало по-своему гармоничный, законченный ночной мир, и, если забыть, что внизу, под слоем желтой воды, лежат утопленники, то можно придумать вполне мирную, обыденную причину, объединившую этих людей, ожидающих, но не напуганных ожиданием.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин, — я хочу подняться на крышу.

— Зачем? Хотя ты прав, надо, наконец, осмотреться. Иди. Доложишь. Возьми с собой только кого-нибудь. Один не ходи.

— Я милиционера возьму, — сказал Шубин. — Он местный, он может объяснить.

— Разумно. Идите. Плотников, смени милиционера на лестничной площадке.

Эле Шубин велел остаться внизу, потому что она была без пальто. Эля не стала спорить. Она сказала, что поищет свободный номер, чтобы там устроиться, потому что Юре надо поспать.

С ними пошла дежурная со второго этажа. Этажом выше они

нашли лампу. Лампы горели и на пятом этаже, и на шестом, последнем. Во всех холлах был народ — люди боялись расходиться по темным номерам. При виде милиционера с Шубиным люди оборачивались, вставали, спрашивали, что нового. Какая-то женщина сказала:

— Я видела пожар. Из моего окна.

— Спасибо, мы сверху поглядим, — сказал Шубин.

На шестом этаже играла музыка — она доносилась из глубины коридора. Музыка была современная, рваная, с выкриками.

— Что там? — спросил Коля у старика, который сидел за столом дежурной и читал при свете керосиновой лампы.

— Гуляют, — сказал старик равнодушно. — Видно, большие запасы спиртного. Вот и решили ликвидировать.

— Со страху, что ли? — спросила дежурная.

— А им с шестого этажа ничего не видно, — сказал старик и перевернул страницу.

— А вы что читаете? — спросил Шубин.

— Евангелие, — ответил старик. И снова перевернул страницу.

— Чудак, — сказал милиционер, когда они вышли на служебную лестницу.

Дежурная показала дверь на чердак. Дверь была закрыта и опечатана.

— Здесь печать, — сообщил Коля.

— Вижу, — сказал Шубин. — Срывайте.

Милиционер колебался. Шубин протянул руку и сорвал печать. Он нажал на дверь, та не поддавалась.

— Дайте я, — сказал милиционер. Он отклонился назад и ударил в дверь плечом. Дверь послушно распахнулась.

Дежурная сказала:

— Вы там найдете выход. А я не пойду. Не одетая я. Я здесь подожду. Вам лампа не нужна?

Они легко нашли выход на крышу.

Было холодно, но безветренно. Большинство домов в городе были ниже гостиницы, потому был виден весь город до невысоких холмов, ограничивавших котловину, разделенную посередине рекой.

Видно было хорошо. Светила луна, чуть светилось небо, а за рекой полыхал пожар. Дворы и крыши домов были покрыты снегом. Так что город был виден почти как днем.

Крыша была плоской, снег лежал на ней ровно — никто не поднимался сюда за последний день.

Город спал. Ни в одном из домов не было огня. Хотя нет, если напрячь зрение, увидишь, что далеко, там, где стоят пяти-

этажки, в одном или двух окнах мерцает слабый свет — кто-то зажег свечи.

Шубин поглядел вниз — видна была улица, ведущая от вокзала к центру. Он сразу увидел те же игрушечные фигурки, темные полоски и закорючки на снегу и на грязной мостовой — всюду лежали люди. Их было не так много, потому что несчастье случилось поздно, а город после одиннадцати засыпает. Но все равно в поле зрения оказались десятки тел. Там несколько человек тесно лежат на автобусной остановке, а вот и сам автобус — окна светятся, как у того, что у станции.

Дальше по дворам и переулкам, видным лишь частично, мертвых было очень мало. Один, два... но переулки были застроены одноэтажными домами, и желтый газ забрался в них.

Газ можно было угадать. Не столько увидеть, сколько угадать — настолько он был прозрачен. Он накрыл центр города ровным спокойным слоем прозрачной воды. На главной улице он достигал середины окон первого этажа, дальше в переулках он кое-где залил одноэтажные строения до самых крыш. Местность постепенно понижалась к реке — черной полосе за домами. Там, у реки, туман поднимался даже до третьих этажей.

Над водой он клубился, двигался, жил, как бы рождался из воды, выплескивался и, успокаиваясь, как вода, выбивающаяся из подземной скважины, растекался во все стороны. Слева река вливалась в черное незамерзшее озеро, также покрытое подушкой желтого тумана.

Значит, понял Шубин, процесс рождения газа продолжается. И он постепенно поднимается. В желтом тумане там, за рекой, играли отблески пожара. Горело большое трехэтажное здание — в его широких окнах светилось адское пламя, языки прорывались уже сквозь крышу, черный дым порой закрывал луну.

— Что там? — спросил Шубин.

— Текстильная фабрика, — сказал Коля.

Удивительна была безжизненность пожара. Ведь пожар всегда привлекает к себе — не только пожарные машины, но и зеваки окружают место пожара, он вызывает мельтешню людей. А этот пожар пылал в полном безмолвии и равнодушии города.

Шубин старался понять, рассеивается ли желтый туман рядом с огнем, но на таком расстоянии нельзя было вычленить его бесплотную суть из сполохов огня.

Еще один пожар разгорался дальше — там горел жилой дом, стандартная пятиэтажка, частично перекрытая другими домами, и потому земля вокруг нее не была видна. Но даже если бы и была — лучше не смотреть, потому что люди, выбегая из дома,

наверняка погибали тут же от газа — дом стоял неподалеку от реки.

А за рекой и такими же немыми и темными кварталами, как по эту ее сторону, город взбирался на пологий склон. Там тоже стояли дома — одноэтажные улицы сбегали к озеру, погружаясь в туман. Дальше начинались заводские здания. Над лесом труб не было дыма, в окнах — темнота. А есть ли там люди и что они делают — отсюда не разберешь.

— Юра, ты здесь?

Эля вылезла на крышу и побежала к ним. Она была в одном платье.

— Ты зачем сюда пришла? Здесь ничего мне не грозит, — сказал Шубин. — А ну, давай обратно, простудишься.

— Ну и пускай, — сказала Эля. Она отмахнулась от Шубина она смотрела в сторону горящего дома.

— Ты что?

— Ой, — сказала Эля.

— Это твой дом? — впервые за эту ночь Шубин ощутил холодный ужас.

— Нет, это двадцатый, — сказала Эля. — Мой дальше, правее.

— Не бойся, огонь не перекинется, — быстро сказал Шубин. — Ты же видишь, между ними сквер.

— Но там Верка живет... ты не знаешь. Подруга моя...

— Уходи, — сказал вдруг милиционер. — Уходи, а то силой уведу!

— Нет, не надо, я боюсь, там темно. Пожалуйста, не надо.

Шубин снял аляску, накинул на плечи Эле.

— Коля, — спросил он осторожно, — а ты где живешь?

— Я в общежитии, — сказал милиционер. — Я же после армии. Отсюда не видно... за теми домами. Мне не за кого беспокоиться. Как и вам.

— А почему он загорелся? — спросила Эля.

— Кто-то мог оставить утюг или плитку...

— Оставить и умереть, да?

— Тише!

Над головами родился отдаленный гул. Он приблизился. Над ними летел самолет.

— Нет, — сказал милиционер. — Это рейсовый. Высоко летит.

— Если никто не заметил, что нет энергии, — сказал Спиридонов, который тоже вышел на крышу, — то пожар заметят. Уже заметили.

— Хорошо бы заметили, но плохо, если поедут тушить, — сказал Шубин.

— Далеко не доедут, — согласился Спиридонов.

Спиридонов был в расстегнутом пиджаке, обширный живот наружу. Галстук съехал набок.

— Сейчас бы выпить, — сказал он. — Твой стакан где остался?

— На втором этаже.

— И бутылка там?

— Там, наверное.

— Ладно, потом схожу.

Между тем Спиридонов оглядывал город. У него плохо поворачивалась голова, и потому он разворачивался всем телом.

— До воинской части далеко? — спросил Спиридонов у милиционера.

— Километров двадцать, — Коля показал в сторону завода.

— Дым должны заметить. Не могут не заметить. А аэродром где?

— Там же, только поближе, — сказал милиционер. — Сейчас самолет пролетал.

— Чего же вы молчали? И куда полетел?

— Наверное, рейсовый, — сказал Шубин. — Он высоко пролетел.

— Не люблю, — сказал Спиридонов, — сидеть и ждать, пока тебя сожрут с дерьмом. Этого не люблю. Как ты думаешь, есть какое-нибудь противоядие?

— Не знаю.

— Я тут допрашивал — есть ли химики? Один нашелся, но никакой версии не дал. Потом смылся куда-то.

— Надо сделать ходули, — сказал милиционер. — Только подлиннее, чтобы голова выше была.

— Хорошая мысль, — сказал Спиридонов. — А потом что?

— Потом уйти.

— Много ты на ходулях в своей жизни ходил?

— Не ходил еще.

— И на скрипке не играл?

— Нет, не играл, а что?

— А то, что всему научиться надо. Выйдешь ты на ходулях на площадь, гробанешься на третьем шаге — и прощай, деревня.

Спиридонов прошел на ту сторону крыши, Шубин присоединился к нему. Оттуда были видны подъездные пути с темными вагонами, трупы на рельсах, далее — погруженные по пояс в желтый туман дома, склады... С той стороны город кончался раньше — можно было разглядеть в темноте щетку леса.

— Я что думаю, — сказал Спиридонов, — у них в гостинице должен быть штаб гражданской обороны. Милиция, случайно не знаешь, где он?

— Нет, не знаю.

Милиционер тоже подошел к ним, на той стороне крыши осталась только Эля. Она все смотрела на свой дом и соседний, горящий.

— Жаль, — сказал Спиридонов. — Но вернее всего — на первом этаже. И какого черта все склады устраивают на первом этаже?

— Потому что города редко затопляет, — сказал Шубин.

— Обыскать бы первый этаж, там наверняка противогазы гниют.

— Если противогазы помогут от этого, — сказал Шубин. — Нет гарантии. Нужны с автономным питанием.

— А мы бы попробовали. Надели бы на Гронского и отправили его. Останется живой, мы все спасены, а погибнет — почетные похороны.

— Жалко, но ваш план не пройдет.

— Вижу, что не пройдет. А может, морду замотать мокрым полотенцем? Я читал где-то.

— И куда пойдете?

— Заведу автобус...

Сзади донесся гулкий звон. Еще удар, еще...

Они кинулись на тот край, к Эле.

— Что это? — спросил Спиридонов.

— Это в церкви, — сказала Эля. — Звонят.

— Зачем? — спросил Спиридонов. — Это еще зачем?

— Набат, — сказал Шубин. — Слышите, как бьют? Часто и одинаково.

— Кто разрешил? — И тут же Спиридонов опомнился, махнул рукой.

— Странно, — сказал Шубин. — Он ведь как-то прошел в церковь?

— Церковь на холме, — сказала Эля. — А он, наверное, в доме живет возле церкви. Красный дом такой.

— Точно, — согласился милиционер. — Он там живет.

— Зря он колотит, — сказал Спиридонов, — и без него плохо.

— Может, он хочет предупредить, — сказал Шубин. — Или привлечь внимание.

— Не знаю, не знаю, — сказал Спиридонов. — Какой дурак услышит, выскочит из дома — вот ему и конец.

Они замолчали, колокол продолжал бить, словно пытаясь разбудить мертвый город.

— Я бы полжизни сейчас отдала, только бы до дому дойти, — сказала Эля.

— Не швыряйся жизнью, девушка, — сказал Спиридонов. — Еще нарожаешь.

Эля поежилась, но сделала вид, что не расслышала.

Она потянула Шубина за руку, чтобы уйти.

— И точно холодно, — сказал Спиридонов, заметив ее движение. — Пошли, я совершу рейд на второй этаж, чтобы бутылка не пропадала.

Шел второй час ночи, на шестом этаже холл опустел. Три человека спали в креслах, поставив рядом вещи, остальные все же разошлись по комнатам.

На четвертом этаже все еще играла музыка. Спиридонов сказал:

— Разогнать их, что ли? Пир во время чумы устроили.

— Не тратьте силы, только нарветесь на скандал, — сказал старик. Он все еще читал Евангелие. — Они хотят заглушить страх. Каждый это делает как может.

— Но нам-то бояться нечего.

— Люди, которые мертвые, тоже ничего вчера не боялись.

— Ладно, пошли, — насупился Спиридонов, — нечего тут мистику разводить.

На третьем этаже у стола стояли Гронский и шестерка Плотников. О чем-то шептались.

— Вас долго не было, — сообщил Гронский Спиридонову. — Пока никаких происшествий не произошло.

— Отдыхайте, — сказал Спиридонов. — Завтра трудный день.

Звук колокола сюда не проникал.

— Я пошел на второй этаж, — сказал Спиридонов. — Надо проверить.

— Я с вами, — вызвался Гронский.

— Обойдусь, — сказал Спиридонов.

Лампа совсем уже выгорела, вот-вот погаснет.

— Ты лучше сходи, Гронский, наверх, — сказал Спиридонов. — Принеси другую лампу, там вроде лишняя есть. Только у старика не отбирай.

Он подмигнул Шубину.

— Даю вам пять минут, — сказал Шубин. — Потом высылаю спасательный отряд.

— Я сам кого хошь спасу, — сказал Спиридонов и, убедившись, что Гронский с шестеркой ушли, уверенно двинулся к лестнице.

Лампу он взял с собой. Стало темно.

— Я комнату нашла, — сказала Эля. — Пойдем, ты поспишь немножко. Тут рядом, вторая от края.

Шубину спать не хотелось, но он послушно пошел за Элей — она должна быть занята, думал он, хотя никак не мог придумать ей такого занятия, чтобы она отвлеклась от мыслей о доме.

Эля толкнула дверь. Номер был куда больше, чем у Шубина.

— Люкс, — сказала она. — Он был пустой, они всегда люксы держат для особых гостей. Как Спиридонов.

— А кто он такой, не знаешь?

Шубин отодвинул тяжелые шторы, чтобы впустить в комнату лунный свет.

— Вроде бы начальник главка. Из Москвы. Он Гронского начальник.

— Странный человек. В нем нет страха. И нет вины. Как будто он на каких-то маневрах.

— Это хорошо или плохо? — не поняла Эля.

— Не знаю. Но знаю, что сейчас лучше, что он с нами. Бывают люди, которые умеют командовать. Это призвание.

— Он умеет, это точно, — сказала Эля.

Шубин притянул к себе Элю, поцеловал ее в закрытые глаза. Она покорно стояла рядом. Потом сказала:

— Не надо сейчас, хорошо?

— Что не надо? — не понял Шубин. И тут же догадался, улыбнулся и ответил: — Я просто тебя поцеловал. Понимаешь — просто потому, что ты очень хорошая и я тебя люблю.

— Правда?

— Честное слово.

Он смотрел в ее глаза — удивительно, как он привык к темноте, словно лемур какой-то.

— Мне страшно, — сказала Эля. — Но я очень счастливая. Это плохо?

— Почему плохо?

— Потому что Митька и мама там, а я счастливая?

— С ними ничего не будет. Я тебе слово даю.

— Спасибо, ты добрый.

Шубин посмотрел в окно — как там люди на крыше вокзала? Но никого не увидел.

И замер от удивления. К вокзалу подходил товарный поезд. Яркой звездой появился огонь прожектора, ударил по вокзалу, протянулся дальше. Даже сквозь стекло было слышно, как сту-

чат колеса. Поезд миновал вокзал. В просвете между зданием вокзала и багажными строениями было видно, как проскакивают вагоны.

— Неужели он не заметил? — спросила Эля.

— Он и не должен здесь останавливаться, — сказал Шубин. — Только если впереди какое-нибудь препятствие.

— Какое?

— Может быть, состав не увели с пути или человек лежит... Не знаю.

— Пускай ничего не будет, пускай он проедет, — сказала Эля.

И как бы в ответ на ее слова раздался отдаленный скрежет. Вагоны начали как-то дергаться, замедляя ход, поезд останавливался.

— Черт, сглазил, — сказал Шубин.

Он представил себе, как машинист, увидев какое-то препятствие или почувствовав неладное, потому что не освещен вокзал и не горят светофоры, начал срочно тормозить. Он остановит состав... вот-вот. Потом скажет своему помощнику: «Свяжись со станцией, что у них там приключилось, чего не отвечают?»

И никто им не ответит.

Видно было, как все медленнее тянутся мимо вокзала вагоны. И вот поезд остановился... А сейчас машинист спрыгнет на землю... вот он упал... Вот его помощник спускается к нему, чтобы узнать, что случилось...

— Все!

— Что все?

— Ничего, это я про себя. Сколько времени прошло? Пойду посмотрю, что там со Спиридоновым. Ты останешься здесь?

— Нет, только не здесь. Я лучше к дежурной пойду.

У стола дежурной Спиридонова не было. Милиционера тоже. Где Коля?

— Коля! — позвал он. Тот не откликнулся.

Лампа была у Спиридонова. Шубин ожидал увидеть ее свет, как только опустится на пролет ниже, но в холле второго этажа было темно. Куда же он отправился? Неужели вниз?

— Сергей Иванович! — позвал Шубин.

Шубин вспомнил о зажигалке. Сошел еще на несколько ступенек и остановился — не исключено, что желтый туман поднялся на площадку и Спиридонов попался.

Зажигалка горела ровно, но свет ее был очень слаб. Шубин присел на корточки — внизу, насколько доставал свет, тумана не было. Шубин спустился еще на две ступеньки вниз, снова по-

светил. Так он добрался до второго этажа, не обнаружив тумана. Он выпрямился.

Слабый свет падал через окно, на столе стояла бутылка из-под водки и пустой стакан.

Шубин прислушался. Из коридора донесся какой-то неясный шум. Хлопнула дверь.

Шубин окликнул:

— Сергей Иванович!

Кто-то громко выругался.

Шубин выскочил в коридор. Там, в дальнем конце, он увидел свет. На полу стояла керосиновая лампа. Возле нее дверь в номер была раскрыта, и в дверях возились какие-то темные фигуры.

Шубин побежал к свету. Там дрались... Невнятные и гулкие в темноте всхлипы, удары, возгласы...

Когда Шубин подбежал ближе, раздался тонкий, будто детский крик. Один из драчунов упал.

— Стой! — кричал Шубин. — Стой, я говорю!

Еще один человек старался подняться, перебирая руками по стене. Третий побежал к Шубину.

— Уйди! — кричал он на бегу.

— Не пускай! Не пускай! — кричали от открытой двери. И Шубин узнал голос Спиридонова.

Шубин кинулся навстречу бегущему, тот махнул рукой, но не удержался от встречного удара, что-то звякнуло о пол, человек упал, откатился к стене, но тут же поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

Второй, странно согнувшись, бежал следом. Нет, не Спиридонов — этот был тонок и невысок.

— Держи же, черт тебя дери! — Спиридонов лежал там, у двери, царапаясь, рвался прочь.

Шубин мгновенно вцепился в убегавшего, повис на нем. Человек вырвался из объятий Шубина, тот побежал за ним. Нет, не догнать. Он молодой и очень испуган.

— Ты куда?! — это был голос милиционера Коли. Он раздался сверху.

Милиционер стоял на лестнице, подняв керосиновую лампу.

Шубин успел увидеть искаженное дракой, отчаянием плоское лицо. И тут на площадку выбежал, держась за бок, второй — тот, за которым бежал Шубин.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Коля.

И оба беглеца, ничего не соображая и думая только о спасении, кинулись по лестнице вниз.

— Туда нельзя! — закричал Шубин. — Вы что!

Снизу раздался стон, глухой мягкий удар тела о пол. И еще один удар...

— Все, — сказал Шубин. — Идиоты.

— Чего же они, — сказал милиционер. — Не понимают?

— Теперь поздно рассуждать.

Шубин сказал:

— Дай лампу.

— А что там случилось?

— Что-то со Спиридоновым.

Он взял лампу и первым пошел по коридору. Коля шел сзади и задавал пустые вопросы:

— Слушай, а кто они? Ты их пугнул? А ты их рассмотрел? Здешние или пришли?

— Откуда пришли? — огрызнулся Шубин. — С крыши?

Спиридонова они увидели не сразу, потому что между ними и им была полоса огня: керосиновая лампа в драке упала, керосина в ней оставалось мало, но достаточно, чтобы пятнами занялся в коридоре грязный палас.

— Еще пожара нам не хватало! — крикнул Шубин. Он начал топтать пятна огня, от них сыпались искры. Шубин высоко поднял лампу, чтобы в нее не попадали искры.

Милиционер тоже принялся было протаптывать дорожку дальше. Было дымно, палас отвратительно вонял.

— Потом! — крикнул Шубин. Он перепрыгнул через полоску огня и наклонился над Спиридоновым. Тот полусидел, прислонившись к стене, закрыв глаза, прижав толстые крепкие пальцы к боку. Пальцы были темными от крови.

— Сергей Иванович! — позвал Шубин. — Что с вами?

Спиридонов ответил, еле шевеля губами:

— Пырнули, суки. У них нож был.

Милиционер продолжал вытаптывать очажки огня.

— Я думал, что сгорю, — сказал Спиридонов.

— Больно? — спросил Шубин.

— Нет, не больно, тошнит.

— Это от дыма, — сказал милиционер. — Давайте посмотрю, что там.

Спиридонов с трудом, как со сна, приоткрыл маленькие светлые глаза.

— А ты умеешь?

— Нас учили первую помощь оказывать, — сказал Коля.

— Тогда оказывай.

Шубин с милиционером помогли Спиридонову лечь на спину. Милиционер задрал пиджак и рубашку, чтобы увидеть рану.

— Эй! — сказал Спиридонов. — Огонь-то опять пошел.

Шубин поднялся и принялся топтать проклятый палас.

— Ну и что? — спросил Спиридонов. — Как говорится, жить буду?

— А черт его разберет, — сказал Коля. — Рана небольшая. Только не знаю, какая глубокая. Это у них пером называется.

— Черт меня дернул, — сказал Спиридонов. — Я услышал, что они тут шуруют, удивился. Думаю, ну кому придет в голову шуровать в такое время? Я решил, что, может, кто из клиентов решил свои вещички наверх вытянуть. А они... а они... Слушай, живодер, ты можешь пальцами не лазить? Больно же! Еще микробы занесешь!

— Я платком, — сказал милиционер.

Шубин осмотрелся. Кое-где палас еще тлел. Водой бы его полить.

— Товарища надо наверх отнести, — сказал милиционер.

Спиридонов натужно кашлял. Он снова схватился за обнаженный грязный бок, и видно было, как кровь течет сквозь пальцы.

— А может, не трогать меня? — спросил Спиридонов.

— Нет, — принял решение Шубин. — Сюда газ в любой момент может проникнуть. И дымно.

— Вы не дотащите, только замучаете.

Палас дымил, дышать и в самом деле было трудно, милиционер пропал за пеленой дыма.

— Мы на одеяле, — сказал он. — Я из номера возьму.

Он отыскал дверь в номер, споткнулся обо что-то, выругался. Спиридонов застонал.

— Паршиво, — сказал он.

— Черт знает что, — сказал Шубин. — В самом деле грабители. Неужели в такое время они бывают?

— А почему нет? — сказал Спиридонов. — В такое время грабить — самый шик. Сбежали они?

— Сбежали, — сказал Шубин.

— Зря вы их не поймали. Они же на других этажах этим займутся.

— Нет, они вниз побежали.

— Ясно... Значит, сильно мы их пугнули... черт, больно. Знал бы, не сунулся. Ты понимаешь, я думал, кто из клиентов...

Спиридонов замолчал. Он тяжело и быстро дышал.

Появился милиционер. Он тащил за собой одеяло. В дверях

опять натолкнулся на чемодан, который, видно, бросили мародеры. И Шубин с равнодушным отстранением понял, что это его чемодан. Хороший, купленный в Кельне и совершенно не нужный.

Они перетащили тяжелого, как камень, Спиридонова на одеяло. Потом пришлось оставить его и снова топтать тлеющий палас.

— И ведра нету, — сказал милиционер.

— Сейчас, отнесем его к лестнице, там народ позовем, с ведрами. Потушим.

Они поволокли одеяло по коридору. Оно рвалось из рук, выламывало своей тяжестью пальцы.

— Здоровый вы мужик, — сказал милиционер.

— Теперь сам жалею, — сказал Спиридонов. — Осторожнее, черти!

Пока они дотащили его до лестничной площадки, Шубин выбился из сил. Еще шаг — и сердце лопнет.

Он отпустил одеяло и сказал милиционеру:

— Погоди, я сейчас.

Только сейчас он сообразил, что милиционер так и не оставил лампы. Тащит одеяло одной рукой, лампа — в другой. Упрямый.

Шубин поднялся по лестнице — ему казалось, что он бежит, а дыхания не хватало, ноги были ватными. У стола сидели только Эля с дежурной. Они о чем-то разговаривали, и Эля резко подняла голову, услышав шаги и дыхание Шубина.

— Что случилось?

— Спиридонов ранен. У вас аптечка есть? — Шубин не дошел нескольких ступенек до этажа. Стоял, держась за стену.

— Должна быть, — сказала дежурная. — Сейчас поищу.

— Нам нужен доктор и мужчины, чтобы поднять его сюда. Где все?

— Кто выше перешел, а кто в номере сидит, — сказала дежурная.

— Беги по номерам! — приказал Шубин Эле. — Ищи доктора. Или сестру, ну, кого-нибудь ищи. И мужиков зови. Где Гронский с его шестеркой?

Шубин прислонился к стене. Не было сил сделать хоть шаг.

Эля бежала по коридору, барабанила в двери, и слышно было, как она спрашивает:

— У вас доктор есть? Там человека ранило! А мужчины есть — надо помочь?

Ему бы следовало подняться этажом выше и сделать то же там, но ноги не слушались.

Дежурная сказала:

— Вот аптечка, я думала, куда я ее сунула — вчера еще видела, а оказывается, в нижний ящик, голова садовая!

Шубин запрокинул голову и закричал в пролет лестницы:

— Если там есть доктор, пускай спустится на третий этаж! И мужчины, чтобы поднять раненого.

— Иду, иду, — послышалось сверху.

Быстро спускался старик, который читал Евангелие. Он нес лампу. За ним шел командированный.

— Вы доктор? — спросил Шубин.

— Нет, но я хотел бы помочь.

Шубин открыл коробку из-под ботинок и высыпал ее содержимое на стол. Аспирин, таблетки от кашля, йод... Он взял с собой только рулон ваты.

Внизу было дымно. Милиционер сидел на корточках возле Спиридонова и поддерживал его голову. Спиридонов глухо стонал, в горле булькало. Шубин взглянул вниз и увидел, что желтая мгла, как бульон, заполнивший чашку до краев, подступила к самой лестничной площадке. Вот-вот начнет переливаться через край.

Остальные этого не заметили. Шубин дал Спиридонову ком ваты, и тот окровавленной рукой приложил его к боку. Когда тащили Спиридонова к лестнице, Шубин покрикивал:

— Выше держите, выше!

Он боялся, что провисшее под тяжестью Спиридонова одеяло коснется желтого тумана.

Пролетом выше их встретили Гронский с толстой Верой. Гронский помог тащить Спиридонова. Вера испугалась, что Спиридонов рассердится на Гронского. Она шла рядом с одеялом и все время повторяла:

— Все обойдется, у вас замечательное здоровье... Ну как же вас угораздило...

А когда Спиридонова втащили, толкаясь и делая ему больно, в первый из номеров, Гронский протиснулся к Спиридонову и укоризненно сказал:

— Ну, как же так неосторожно, Сергей Иванович!

Спиридонов не отвечал. Он закусил губу, по подбородку текла струйка крови.

Эля отыскала среди постояльцев медсестру, они выгнали из комнаты всех, кроме милиционера Коли, который помог им раздеть Спиридонова, и закрыли дверь.

Тогда Шубин вспомнил о пожаре.

Он стоял в холле, вокруг возникли люди. На шум пришли те, кто сидел по номерам.

— Кто пойдет со мной на второй этаж? — спросил Шубин, нарушив ожидательное молчание. Никто не назначал его заместителем Спиридонова, но тем не менее ждали именно его слов.

— Я пойду, — сказал старик, который читал Евангелие.

— Мы постараемся быстро посмотреть, что там творится. А остальные — срочно, понимаете, срочно — ищите ведра, миски — что угодно. Надеюсь, вы понимаете, что значит для нас пожар?

Снизу через лестничную клетку тянуло дымом.

— Я пожарный щит там видел, — сказал молодой грузин в кепке. Его звали, кажется, Русланом. — Огнетушитель есть.

— Это самое лучшее, — сказал Шубин.

Он колебался, сказать ли о желтом тумане или промолчать. Ведь испугаются.

Но паузу уловили окружающие.

— А что? Что? — спросил кто-то из темноты.

— А вот что: газ добрался до площадки второго этажа. Предупреждаю — площадку проходить быстро, не задерживаться.

— А если до ног дотронется? — спросил женский голос.

— До ног, надеюсь, не опасно, — очень надеюсь. Но гарантировать ничего не могу. Мы все тут равны... Впрочем, давайте договоримся: мы проходим к пожару. Если опасности нет, то вы не спускайтесь. А если есть... тогда нужны будут добровольцы.

Вокруг молчали. И в этой внезапной тишине послышались гулкие быстрые шаги. Из темноты выскочил Руслан. Он нес огнетушитель и багор.

— Я же говорил, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Шубин, протягивая руку.

— Багор возьми, — сказал грузин. — А огнетушитель сам буду использовать. Я инструкцию читал, а ты не читал.

— На площадке газ.

— Ты идешь? — обиделся Руслан.

— Иду.

— Значит, я иду, ара?

— Тогда вам не надо, — сказал Шубин старику.

— Прошу, не указывайте мне, что надо, а что нет, — тихо сказал старик.

Шубин не стал спорить.

Он взял с собой лампу, оставив холл третьего этажа в темноте. Лампа была последней, если не считать той, что горела в номере, где лежал Спиридонов.

Перед площадкой второго этажа Шубин остановился. Грузин и старик ждали сзади. Здесь было много дыма. Как Шубин ни вглядывался, он не понял — поднялся ли еще желтый туман.

— Не видно? — спросил сзади Руслан.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Подождите, — сказал старик. — Я вас буду держать за руку. Если вам, не дай бог, станет дурно, я вас вытяну.

— Спасибо, не надо, — сказал Шубин, но руку протянул. Пальцы старика были сильными и прохладными.

— И я возьму, — сказал Руслан.

Он ступил на площадку. Ничего не случилось.

— Пошли, — сказал он.

Так они и прошли площадку, держась за руки, втроем.

Дальше было так дымно, что свет лампы проникал метра на два, не больше.

— Я включу огнетушитель, — сказал Руслан.

— Рано, — сказал Шубин. — До очага метров двадцать, не меньше.

— Может, и меньше, — сказал Руслан. Они прошли еще метров десять и близко услышали треск настоящего пожара.

— Плохо дело, — сказал Шубин.

Было куда теплее, чем на площадке, в лицо дуло горячим ветром, сквозь дым пробивались оранжевые блестки.

— А теперь не рано, — сказал Руслан. Он перевернул огнетушитель. Он действовал по инструкции. Шубин подумал, что по закону подлости огнетушитель должен быть неисправен. У него же в руке был багор — бессмысленное оружие для борьбы с пожаром в гостиничном коридоре.

— Я пойду по номерам, — сказал старик.

— Зачем?

— Надо всюду включить воду. Пускай течет.

— Номера заперты, — сказал Шубин.

— Эх! — сказал Руслан радостно. Огнетушитель дернулся в его руке, и пенная струя рванулась вперед.

Шубин надеялся почему-то, что дым отступит, но струя пены смешалась с дымом, а тот не отступал. Дышать было невозможно — глаза резало так, что трудно было их открыть. Старик ударил ногой в дверь. Дверь открылась, а старик скрылся в темноте.

Стало слышно, как зашумела в ванной вода, — этот звук перекрыл треск пожара и шипение огнетушителя.

— Погоди, — Шубин схватил Руслана за руку. — Ты все истратишь.

— Понимаю, — сказал тот и скрылся впереди в тумане. Старик вышел из номера. Он нес большой белый ком.

— Я намочил полотенца, — сказал он. — Чтобы легче дышать.

Он вытащил из кома одно, и Шубин благодарно замотал им лицо. Показалось, что лучше.

— Эй, генацвале! — крикнул он. — Возьми противогаз!

Из дыма возник Руслан.

— Какой противогаз? — крикнул он.

Шубин протянул ему мокрое полотенце.

Сзади раздался крик:

— Вы где?

Это бежал командированный. Он нес ведро.

— Мы вас не дождались, — сказал он. — Что делать?

— Вон там открыта дверь, — сказал старик. — Там течет вода.

— Понятно, — сказал командированный.

Рядом появился еще человек, в дыму не разберешь — кто. Он тоже ринулся в номер, где текла вода, столкнулся в дверях с командированным. Командированный тут же, от двери, с силой плеснул водой вперед.

— Огонь дальше, — сказал Шубин.

— Без вас знаю! — крикнул командированный и снова исчез в номере.

— Простите, — сказал старик. — Вы не будете так любезны помочь мне отойти немного?

Старик стоял у стены, запрокинув голову, и глаза его над белым полотенцем были мутными.

— Вам плохо?

— Сейчас пройдет.

— Ведра ни у кого нет? — спросили рядом.

— Возьми багор, — сказал Шубин.

Он помог старику выйти в холл, что с трудом удалось сделать, так как навстречу бежали люди, в дыму и темноте они налетали друг на друга. Подняв лампу, чтобы обойти человека, который не мог разойтись с ними, Шубин узнал милиционера. Милиционер добыл где-то большой таз.

— Коля! — обрадовался Шубин. — Как там Спиридонов?

— А кто его знает. Лежит.

— Ладно. Возьми лампу и постарайся как-то организовать

людей, — сказал Шубин. — А то, боюсь, они только мешают друг другу.

— Слушаюсь, — ответил милиционер.

Шубин в полной темноте вывел старика в холл, но и тут задерживаться было нельзя — из-за дыма трудно дышать. Вокруг были крики, метались люди, и Шубин подумал, что пожар был для них делом понятным и даже спасительным, потому что очень страшно было сидеть в тишине и чего-то ждать, когда в любой момент можно подойти к окну и увидеть мертвых людей на площади. Люди бежали на пожар с остервенением, но без страха, потому что пожар был бедствием объяснимым и всем было известно, что пожар можно потушить.

Шубин помог старику подняться этажом выше. Дыма было много и здесь, но, по крайней мере, можно было дышать.

— Есть тут кто живой? — спросил Шубин.

— Я на месте, — ответила дежурная, и Шубин различил ее силуэт за столом.

— Где-то было кресло, — сказал старик, отцепляясь от Шубина.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, спасибо вам, — сказал старик. — Я уже сижу. Так что вы можете заниматься своими делами.

Шубин перевел дух, сердце еще билось, ноги еще бежали, надо было сообразить, что делать дальше.

— Вы идите, не беспокойтесь, — неправильно истолковал его колебания старик.

— Сейчас... Скажите, а вы кто по специальности?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы читали Евангелие.

— Нет, я не священник. Я пианист. Я здесь на гастролях. Моя фамилия Володиевский, не приходилось слышать?

— Простите, я плохо разбираюсь в серьезной музыке.

— Меня мало кто помнит, — сказал старик. — Я всю жизнь подавал надежды. Но не больше. Но очень приятно, когда кто-то говорит мне: «Как же, слышал, неужели это вы?»

— Я к вам еще подойду, — сказал Шубин. Он обернулся к дежурной и добавил: — У вас там в аптечке есть что-нибудь от сердца?

— Не надо, — сказал Володиевский. — Я уже принял нитроглицерин.

Шубин пошел к Спиридонову.

Дверь в первый номер была закрыта. Он постучал.

— Войдите, — сказала Эля.

Шубин закрыл за собой дверь, чтобы не просачивался дым.

На столике у кровати горела керосиновая лампа. Эля сидела на стуле, держа Спиридонова за руку. Тот лежал на спине, глядя в потолок, одеяло ровным и пологим горбом покрывало его живот.

— Это ты, Шубин? — спросил Спиридонов. — Ну как там?

— Горит, — сказал Шубин. — Но прибежало столько добровольцев, что, может, и обойдется.

— Если начало гореть как следует, нам не потушить, — сказал Спиридонов. — Глупо получилось.

— Почему глупо?

Эля поднялась со стула.

— Ты садись, — сказала она. — Хочешь, я тебе воды принесу? Только из-под крана.

Эля все еще была в его аляске.

— Слушай, — вспомнил Шубин. — Там в кармане — банка с растворимкой. Разведи мне холодной водой.

— Хорошо, — сказала Эля.

Она ушла в ванную.

— Я боюсь, что помру, — сказал Спиридонов.

— Еще чего не хватало.

— Ты думаешь, что я молодой? — сказал он. — Я же на фронте был. Я ран насмотрелся. Этот гад меня глубоко пронзил, слишком глубоко. А они кровь остановить не сумели. Перевязали, все сделали, а она идет. Я уж руку держу под одеялом, чтобы кровь под себя подгребать. Чего людей беспокоить.

— Нет, так не будет, — сказал Шубин, словно отменял приговор.

— Дурак ты, — сказал Спиридонов. — Может, я этого заслужил. Пожар почему? Потому что я сдуру сунулся, куда не следует, лампу опрокинул. Если погибнете, проклинайте меня.

— Вы хотели как лучше.

— Я всю жизнь хотел как лучше. А получилось не как лучше... А знаешь, мне лучше помереть как бы на боевом посту... Я не шучу, Шубин. Я же понимал, чего Гронскому надо — на повышение, в Москву. Он старался, вторую очередь пустил без очистных — и отрапортовал. А я знал, что здесь липа. И про общественность знал, и про митинг. Все знал и дал понять Гронскому, что не замечаю. Даже вони не замечаю, в которой люди жили. Думал, что обойдется. Мне же тоже рапортовать — уже министру. А я уже пенсионный возраст прошел, сечешь? Если не выполним, мне уходить. А я еще сильный, у меня работать

охота была... да что тебе говорить... Я и в Москву тебе не дал звонить... помнишь?

Шум воды в ванной прервался. В кране заурчало.

— Ну вот, — сказал Спиридонов.

— Что? — не сообразил Шубин.

— Я все ждал, — сказал Спиридонов. — Это же должно было случиться.

— Вода?

— Конечно. Там же насосная станция. Не из колодца же... А я все думал, как вы начали пожар тушить, вот и конец... вот и конец... Ко-нец... ко-нец...

Спиридонов будто играл этим словом, произнося его все невнятнее и тише.

В комнату вернулась Эля.

— Вода кончилась, — сказала она.

— Тогда плохо, — сказал Шубин. — Если они пожар потушить не смогли... не знаю, куда и бежать...

— Юра, — сказала Эля.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Надеюсь, у тебя еще будет в жизни немало поводов сказать это.

— Я правда тебя люблю.

Спиридонов застонал тонко и тихо, будто ребенок.

— Надо будет тащить его на крышу, — сказал Шубин, и мысль эта была просто ужасна. Эля не могла понять, что значит тащить Спиридонова.

— Почему на крышу?

— Это наш единственный шанс, — сказал Шубин. — Вниз нельзя. Это мгновенная смерть. А если уже поднялась тревога, то ищут на крышах.

— На вертолетах ищут?

— Наверняка... И пожар не сразу туда доберется.

«Господи, как я неубедительно говорю, — подумал Шубин. — Я должен говорить твердо, чтобы Эля мне верила. И сейчас будут другие люди, и я тоже должен говорить им твердо, чтобы они верили».

Шубин подошел к окну. Окно в этом номере выходило на пустые крыши домов, на мертвые улицы и зарево пожаров. Шубин поглядел на часы. Еще нет трех. Всего три часа прошло?

Эля стояла рядом с ним, осторожно касаясь его плеча.

— Эля, — сказал Шубин, — я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да?

— Ты не согласишься быть моей женой?

— Ты с ума сошел!

— Я никогда в жизни не был так серьезен. Ты для меня самый близкий человек на земле.

— Ой, ты для меня тоже. Митька и ты.

По коридору кто-то бежал. Остановился у двери. Громко спросил:

— Здесь?

Далекий невнятный голос дежурной ответил:

— Здесь, здесь.

Дверь распахнулась. Это был милиционер. Грязный, в саже. Он с порога закричал:

— Воды нет! Вода не идет!

— Знаю, — сказал Шубин.

— Но там горит! Весь этаж горит.

— Значит, не успели, — послышался слабый голос с кровати.

— Что делать?

Шубин вздохнул — никуда не деться.

— Будем выводить людей на крышу, — сказал он. — Сколько-то времени у нас есть. Давай, зови всех людей снизу. Пускай поднимаются. Проверьте по номерам, чтобы никто не остался. Я сейчас приду.

— Слушаюсь, — сказал милиционер. — Правильно, Юра.

— А сам придешь сюда. Гронского позови, нет, лучше того грузина, с огнетушителем... Будем поднимать наверх Спиридонова. — Шубин показал на кровать.

— Не надо, — сказал Спиридонов явственно. — Лишнее дело. Я умер.

— Иди, иди, — сказал Шубин.

— Сейчас. — Милиционер громко затопал по коридору.

Эля отошла к кровати. Посмотрев, Шубин увидел, что простыня и одеяло мокрые от крови, кровь течет на пол.

— Сергей Иванович, — позвал он.

Спиридонов не откликнулся.

— Он кровью истечет, — сказала Эля.

— Вижу. Перельют. Надо скорее его поднимать.

— А там мороз.

— Какого черта ты сомневаешься? — закричал Шубин. — Нельзя сомневаться. Если мы будем сомневаться, то останемся в мышеловке!

— Да, — сказала Эля робким голосом.

— Прости.

— Ты прав.

— Эля, если ты думаешь, что я сказал про женитьбу только потому, что у нас так получилось, — нет!

— Я верю тебе, Юрочка, — сказала Эля. — Ты не беспокойся, я тебе, конечно, верю.

По коридору снова затопали. Вошел милиционер, за ним Руслан. Руслан был черен — весь, от кепки до пяток. Кто-то еще топтался в дверях.

— Отнесем Спиридонова наверх, — сказал Шубин. — Нужно шесть человек, он тяжелый.

— Сейчас подойдут, — сказал Руслан. Зубы и белки глаз у него были белые. На кого же он похож? На шахтера, конечно же, на шахтера!

— Как там пожар? — спросил Шубин.

— Горит, — сказал Руслан. — Красиво горит.

— Нельзя понять, — сказал Коля. — Там дым.

Дым проникал и в номер, потому что дверь была открыта. Все толпились в махонькой прихожей.

— Заходите, — сказал Шубин. — Беремся за углы матраса, а двое посередине.

Спиридонов молчал. Эля наклонилась, попробовала пульс.

— Не задерживай, — сказал Шубин. — И захвати все одеяла. Сколько можешь. Его надо будет закутать.

Спиридонова они до крыши не донесли. Сначала пришлось остановиться между четвертым и пятым этажом. Спиридонов начал биться, будто хотел вырваться, он ругался, но невнятно, и непонятно было, чего он хочет. Эля, которая захватила с собой графин с водой, старалась его напоить. Он не пил. Потом вдруг перестал биться, замолк, вытянулся. Но еще не умер.

— Шубин, — прошептал он, — Шубин, ты здесь?

— Я здесь, Сергей Иванович.

— Прости, Шубин, — прошептал Спиридонов. Все замолкли, чтобы было слышно Шубину. Спиридонов быстро, мелко дышал. Потом заговорил снова: — Бойся Гронского. Он выживет. Ему надо будет это все дело покрыть... нейтрализовать. Понимаешь? Ты скажи... меня нет, а ты скажи... только осторожно, а жена моя проживает... ты паспорт мой возьми.

И вдруг он замолчал. И перестал дышать. Сразу.

Они стояли вокруг и ждали чего-то. Эля поставила графин на пол и пригнулась к его лицу, слушала. Потом наклонилась еще ниже и прижала ухо к груди.

— Молчит, — сказала она.

Шубин увидел, что глаза Спиридонова полуоткрыты. Он по-

ложил ладонь ему на глаза, и веки послушно сомкнулись. Лоб Спиридонова был горячим.

— Все, — сказал милиционер.

Мимо них проходили люди, обходили, поднимаясь наверх, некоторые несли вещи. Они старались не смотреть на лежащего человека. И ничего не спрашивали.

Шубин ощутил усталую тупость проходивших людей. Уже не страх, а усталость, когда все равно.

— Поднимем его? — спросил Шубин.

— Ты что, совсем дурак? — удивился Руслан. — Зачем мертвого таскать? Ему и здесь лежать хорошо.

Он натянул одеяло на лицо Спиридонову.

И они пошли наверх, на крышу.

На крыше уже было много народу. Некоторые принесли одеяла и кутались в них, сидя на чемоданах, другие стояли или ходили, вглядывались в даль, смотрели в небо, откуда должно было прийти спасение.

Говорили тихо.

— Старик, — вдруг вспомнил Шубин, — старик там сидит.

— Где? — не поняла Эля.

Но дежурная по этажу поняла. Она стояла рядом, закутанная в одеяло, которое капюшоном свисало на глаза.

— Помер старичок, вы ушли, а он помер, — сказала она. — Я точно знаю.

— Почему вы знаете?

— Потому что он со стула упал. Я слышу, со стула упал, а он помер. Инфаркт, наверно.

— Не надо, не ходи туда, — сказала Эля. — Он все равно умер.

— Все помрем, грехи наши тяжкие, — сказала дежурная. — Никто живой не останется.

Шубин подумал — чего-то не хватает, чего-то ожидаемого. И понял: молчит колокол в церкви.

— Возьми куртку, — сказала Эля.

— Не надо, мне не холодно.

— Возьми, у меня одеяло есть.

— Вернусь, тогда возьму.

— Ты куда? Тот старик умер. Я сама видела.

Шубин увидел Гронского. Он стоял у края крыши, за ним шестерка Плотников. И две толстые женщины. Они были одеты — значит, было время одеться. Шубин понял, что он давно уже не видел Гронского. И он не обгонял их, когда несли Спиридонова. Значит, он поднялся сюда раньше.

Гронский стоял, приложив к ондатровой шапке руку в перчатке, и смотрел вдаль, как моряк, ожидающий встречи с землей.

Шубин хотел было сказать ему, что Спиридонов умер, но потом передумал: если сам не спрашивает, значит, забыл о начальнике. Вспомнит.

Подул ветер. Это хорошо. Ветер очень нужен. Зачем? Голова работает с трудом. «Ветер нужен, — объяснил он себе терпеливо, — чтобы разогнать газ, и тогда мы все выйдем из гостиницы. Газ улетит, и мы выйдем. Если, конечно, огонь не отрежет нам путь».

— Коля, — позвал он, — пошли вниз.

— Пошли, — сказал Коля, святой человек. — Зачем?

— Посмотрим, где огонь. И можно ли выйти из гостиницы.

— Я с вами пойду, — сказал Руслан. — Здесь холодно.

— А выйти нельзя, — сообщил милиционер, спускаясь за Шубиным по лестнице. — Там газ.

Было темно, приходилось идти, придерживаясь за стену.

— Ветер, — сказал Шубин. — Если станет сильнее, он разгонит газ.

— Ветер есть, — сказал Руслан. — Еще какой!

Спиридонов лежал на площадке, и Шубин, проходя, не удержался — поднял его уже похолодевшую тяжелую руку и постарался нащупать пульс.

Руслан и Коля молчали, ждали.

— Пошли, — сказал Шубин.

Но они смогли добраться только до третьего этажа. Там уже был такой дым, что не выйдешь даже в холл. Снизу доносился громкий треск — огонь пожирал нижние этажи. Шубина охватил ужас от ненадежности существования, от того, что огонь пытается выгрызть низ гостиницы и скоро, очень скоро он подточит ее, и крыша со всеми людьми, и Эля, и он — все рухнут в оранжевое пламя.

Шубин даже забыл, что хотел найти старика Володиевского.

— Плохие дела, — сказал Руслан.

— Поднимемся на четвертый, — сказал Шубин.

Там они подошли к окну, что выходило на площадь. Луна спряталась, и стало куда темнее. И небо светилось меньше. Площадь порой скрывалась за клубами дыма, что рвались снизу. Клубы мешали смотреть.

— Что хотите? — спросил Коля.

— Хочу понять, есть ли ветер на площади.

Он вглядывался в прорывы в дыму, стараясь угадать, в каком

состоянии газ. Ему казалось, что желтая мгла завивается смерчиками... нет, наверное, он так хочет это увидеть, что видит.

— Погляди, — сказал он Коле.

Милиционер и Руслан прижались к стеклу.

— Поехала, — сказал Руслан. — Точно говорю, поехала.

— Кажется, гонит, — сказал Коля. — Только не знаю, хорошо это или плохо.

— Почему? — спросил Руслан.

— А потому, — рассудительно произнес милиционер, — что ее может нагнать еще больше, чем раньше. Ты думаешь, что ее отгонит, а ее может пригнать.

Это была здравая, хоть и грустная мысль.

Дым валил все сильнее, и площадь появлялась лишь в редких просветах.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Все ясно.

На крыше мало что изменилось — лишь возросло напряжение. Многие столпились у края, заглядывая вниз, показывали пальцами. Шубин понял, что надежда на то, что ветер, который не спадал, отгонит газ, овладела всеми.

Эля подбежала к Шубину.

— Разгоняет, — сказала она. — Ты знаешь?

— Хорошо бы скорее, — сказал Шубин. — Горит уже третий этаж.

— Не может быть, — прошептала Эля. Она сразу все поняла.

Высокий столб дыма поднялся над крышей, порывом ветра его бросило на людей, кто-то закашлялся. Испуганно вскрикнула женщина. Поднимавшийся ветер подавал надежду на спасение. Черный дым напомнил об опасности.

Шубин смотрел вдаль, на реку, завод. Зарево пожара на текстильной фабрике достигало реки, и Шубин мог поклясться, что видит не ровную желтую гладь, а клубы тумана, гонимого ветром.

— Надо спускаться, — сказал кто-то.

Гронский пошел к выходу с крыши. Шубина он обошел, словно не заметил.

За ним потянулись толстая Вера с приятельницей. Сзади шагал шестерка Плотников.

— Вы хотите спускаться? — спросил Шубин. — Я там только что был. Горит уже третий этаж. Вы не пройдете.

— Не поднимайте паники, — брезгливо сказал Гронский. — Мы намочим полотенца и пробежим.

— Вы забыли, что воды нет? — «Притворяется он, что ли? Или обезумел?»

— Как так нет воды? — Гронский подобрал брыли и нахмурился.

Шубин понял, что Гронский на крыше давно, он сюда поднялся еще до пожара, чтобы первым увидеть спасательные вертолеты.

— Воды нет давно, — сказал Шубин, понимая, что его слушают несколько десятков человек, готовых ринуться за спасителем — Гронским. — Вы сгорите. Это не лучшая смерть.

— Не может быть, — сказал Гронский, забыв следить за своим голосом. Оказалось, что в действительности он у него куда выше, чем полагают окружающие.

— Три этажа уже сгорели, — сказал весело Руслан. — А вы, гражданин, пока мы пожар тушили, по крыше гуляли, да? Самое интересное пропустили. Ничего, скоро крыша внутрь упадет — как фанерка в печку.

— Пускай он замолчит! — закричала толстая Вера, кутаясь в норковую шубу. — Запрети ему говорить.

— Он совершенно прав, — сказал Шубин. — Но мы еще не погибли. Еще есть время спастись.

Вокруг поднялся гомон, трудно было всех перекричать. Надо было успокоить людей. Как? Только не паника!

— Тише! Тише! — закричал шестерка Плотников. — Не мешайте товарищу Шубину!

— Опасности нет! Мы все спасемся. Если вы будете молчать и слушаться меня.

Когда Шубин начинал фразу, он еще не знал, чем ее закончит. И в середине фразы до примитивности простая мысль пришла в голову. И в самом деле был шанс.

— Да тише вы! — закричал Гронский.

Породистое, собачье величие его лица превратилось в оскал — словно лицо потеряло все мясо.

— Успокойтесь, — сказал Шубин негромко, хотя хотелось кричать. — Мы можем спастись только в случае абсолютной дисциплины. Полного самообладания. Потому что путь, который я предлагаю, сложный. Если начнется давка — погибнут все.

Он говорил, и вокруг уже было тихо. Так что слышен был треск пожара снизу.

— Мы забыли, что есть пожарная лестница, — сказал Шубин. — Вон она, справа.

Все смотрели туда. Там, словно передок саней, загибались на крышу поручни пожарной лестницы.

И тут же кто-то побежал к лестнице.

— Сейчас еще спускаться нельзя, — сказал Шубин. — Потому что внизу газ. Если кто хочет погибнуть, пускай пробует.

Человек, что побежал к лестнице, остановился в двух шагах от нее.

— Придется немного потерпеть, — сказал Шубин.

Он подошел к краю крыши и заглянул вниз. Раньше он всегда боялся высоты, а сейчас страх прошел, но Шубин даже не заметил этого.

Сначала он увидел не лестницу, а языки пламени, почти бездымного, яркого, что вырвались на втором этаже из окна, которое было рядом с лестницей.

Между вторым и третьим этажом лестница была забита досками — так часто делают, чтобы злоумышленники не забрались по ней в комнаты.

— Там доски. Их надо оторвать, — сказал Шубин, понимая, что долго рассматривать лестницу нельзя. — Сначала спустится... Руслан. Он их оторвет. Ты сможешь?

— Почему не смогу? — сказал Руслан.

— А почему не я? — вдруг выкрикнул шестерка. Уши его вылезали из-под шапки под прямым углом.

— Потому что там пожар. Посмотрите вниз, — сказал Шубин. — Руслану я верю. Он в пожаре был, а вам я не верю, вы только погубите все дело и сами погибнете.

Гронский подошел к краю крыши, присел на корточки и что-то достал из кармана. К изумлению Шубина, это был электрический фонарь. Луч его скользнул вниз, по ступенькам лестницы, до досок.

— Все правильно, — сказал он. — Товарищ Шубин прав.

«Если я скину его с крыши, — подумал Шубин, — на том свете меня оправдают. Как нужен был фонарь раньше!.. Впрочем, что бы от этого изменилось? Пускай живет...»

Эти мысли неслись как-то стороной и не помешали Шубину спросить Элю:

— Ты графин где оставила?

— Я его с собой взяла, — сказала Эля. — Я думала, вдруг тебе пить захочется.

— Дайте шарф, — сказал Шубин.

Никто не двинулся.

И тогда Шубин мстительно избрал Гронского, подошел к нему и рванул шарф на себя. Голова Гронского мотнулась, он еле успел подхватить очки.

— Это что? Это что такое? — жалобно крикнул он.

— Эля, — сказал Шубин, не глядя на него, — намочи шарф и дай Руслану. Пускай обмотает лицо.

— Меня огонь уже не возьмет, — сказал Руслан.

— Там может газ быть, — сказал Шубин.

Руслан быстро спустился до верхнего края досок. На секунду его скрыло дымом. Эля потянула Шубина за руку, чтобы не стоял близко к краю.

— Сверзишься, ты же усталый, — сказала она, словно извинялась. Она понимала, что Шубину надо смотреть вниз, но все равно боялась.

Шубин послушно присел за низкий парапет.

Руслан начал бить каблуком по концам досок, прикрепленных вертикально к лестнице. Ему пришлось спуститься пониже, чтобы удар получался сильнее. Огонь вырывался из окна на втором этаже, но пока до Руслана достигал только дым. Доски не поддавались.

— Сильнее! — крикнул сверху Гронский. — Не бойся!

Руслан не откликнулся. Он спустился еще ниже, стал пробовать концы досок руками. Затем, ловко держась за перекладины лишь носками ботинок, опустился за доски, так что лишь его голова поднималась над их концами. Шубин догадался, в чем дело: доски были не прибиты — их прикрутили к стойкам проволокой.

Шубину было холодно. Он насквозь продрог под морозным ветром. Только бы вытерпеть... Ведь не худшее испытание.

Вцепившись одной рукой в стойку лестницы, Руслан отматывал ржавую проволоку.

Гронский стал ходить по краю крыши, выказывая нетерпение.

Шубин старался понять, что же происходит с желтой мглой.

Ему казалось, что ветер выдул ее с той стороны здания. Но надолго ли?

— Я помогу ему, — сказал шестерка Плотников и перегнулся через край, чтобы тоже спускаться. Ему не терпелось скорее на землю, Гронский понял это, схватил за рукав, зарычал на шестерку, и обе дамы, что паслись возле Гронского, заверещали. Шестерка, напуганный, отступил.

Снизу донесся крик.

Шубин посмотрел туда. И изумился. За те несколько секунд, что он отвлекся, огонь прорвался в комнаты третьего этажа, и язык пламени, будто разумное существо, высунулся из окна и

как-то лениво, любопытствуя, потянулся к Руслану. Руслан, не заметивший этого нападения, обжегся, подтянулся и, перебирая руками, поднялся выше.

— Не трусь! — крикнул Гронский, который внимательно наблюдал за тем, что происходит внизу. — На тебя надеются женщины и дети.

— Смелее? — озлился Руслан. — Смелее сам сюда лезь, ара!

Язык пламени облизал доски, почернив их, и спрятался в доме, выпустив вместо себя черный удушающий клуб дыма.

Руслан со злостью ударил по доске. Проволока уже была ослаблена, доска с хрустом оторвалась верхним концом от лестницы и закачалась под прямым углом к зданию.

— Молодец! — закричал Гронский. — Действуй!

Кто-то из зрителей, сбежавшихся к краю крыши, захлопал в ладоши.

Руслан снова полез было вниз, но тут же ему пришлось ретироваться — лестница стала дорожкой между языками пламени, такими горячими, что жар достигал Шубина. Каково же там Руслану!

Эля наклонила графин. Струйка воды, светясь, пролетела мимо Руслана.

— Ну, это уж никуда не годится! — возмутился Гронский.

Шубин так и не понял — необдуманным поступком Эли или поведением Руслана.

Руслан держался из последних сил, на одном упрямстве. Он не мог вернуться с пустыми руками. Интересно, есть ли в грузинском языке слово для этого состояния? У испанцев его называют «мализмо».

Руслан снова сражался с досками. Вторая доска оторвалась. Язычок огня пробежал по плечу Руслана.

— Возвращайся! — закричал Шубин. — Скорее!

— Ну почему же? — сказала Вера. — Вы ему только мешаете! Ведь немного осталось.

Она не понимала, как больно Руслану.

— Наверх! — закричал Шубин. — Я приказываю тебе.

— Жалко, — махнул рукой Гронский, не споря, впрочем, с Шубиным. — Совсем немного осталось.

Одна из оторванных досок, что покачивалась у окна, занялась. Огонь лизал ее сбоку и был упорен.

На четвертом этаже со звоном вылетело стекло, и оттуда вырвался сноп искр.

Руслан поднялся на крышу. Он был чуть живой. Сразу несколько рук протянулись к нему, вытаскивая на крышу. Руслан жестоко обжегся, но сам этого еще не чувствовал.

— Можно спуститься, — сказал он. — Честное слово. И газа нет. Я смотрел.

— Нужна очередность! — Гронский взял на себя руководство спуском.

Шубину было все равно. Люди жались ближе к лестнице. Некоторые так и не выпустили чемоданов.

— Сначала женщины, — сказал Гронский. — И дети.

Детей, к счастью, не было. Среди женщин возникла заминка.

— Сначала пойду я, — сказал тогда Шубин. — Надо оторвать остальные доски.

— Возьмите себя в руки, — сказал Гронский. — Не отталкивайте от лодки слабых. Сначала пойдут женщины.

— Идиот, разве ты не видишь, что доски горят! Как твои женщины пройдут?

— Не спорь, Юра, — сказал милиционер. — Такая уж моя работа. Я пойду. Спущусь и буду принимать людей.

— Давай, — сказал Шубин. — Спасибо тебе за все... Смотри, чтобы газа не было.

— Увидимся, — сказал Коля. — Ты не дрейфь.

Он застегнул шинель, подтянул пояс, надвинул грязную фуражку на самые уши. Гронский замолчал, не вмешивался.

Милиционер спускался быстро. И все у него получилось ладно. Видно, проволока перегорела. Ему удалось сразу сбить оставшиеся доски. На несколько секунд его окутал дым, потом он возник уже внизу.

Коля стоял на последней ступеньке, которая не доставала до земли метра полтора, и внимательно смотрел вниз. Ему было страшно.

— Давай! — крикнул Гронский. — Не робей!

Подчиняясь этому голосу, милиционер оттолкнулся от лестницы и упал в снег. Сразу встал. Поднял голову.

— Порядок! — крикнул он.

Крик его донесся слабо, потому что с новой силой взвыл огонь.

— А теперь женщины, — сказал Гронский. — Верочка, иди сюда.

Только тут Шубин догадался, что эта матрона в норковой шубе — его жена.

— Нет! — закричала вдруг Верочка. — Ни за что! Я лучше умру!

Гронский тащил ее к краю крыши, ругал, она отбивалась.

— Пойдешь? — спросил Шубин Элю.

— Потом, — сказала она. — Пускай они идут.

Из двери, через которую они выходили на крышу, вырвался дым.

Шубину не хотелось подходить к Гронским, но он понимал, что придется. Время идет. В этот момент какая-то маленькая женщина в нейлоновой шубке кинулась к лестнице и начала спускаться.

Шубин испугался за нее. Эта шубка может вспыхнуть как спичка.

Он закричал:

— Снимите шубу! Вы слышите, снимите шубу! Бросьте ее вниз!

Женщина не слышала или не хотела слышать криков Шубина.

Многие догадались, в чем дело, и тоже начали кричать:

— Сбрось шубу!

Запрокинув лицо, кричал милиционер:

— Сбрось шубу!

— Мать ее! — зарычал Руслан, который только что сидел рядом с Шубиным и, тихонько воя, пытался унять боль в обожженных руках. Он перемахнул через бортик крыши и начал спускаться, чтобы догнать женщину раньше, чем она достигнет полосы огня.

Он тоже кричал. Все кричали. Только женщина не слышала. Может, она ценила шубу и боялась с ней расстаться, а может, полагала, что именно она ее защитит.

Женщина благополучно миновала третий этаж, и язык пламени догнал ее, когда она была уже у второго. Вместо того чтобы скорее спускаться вниз, женщина вдруг остановилась и, отпустив одну руку, стала сбивать с себя пламя, которое окутало ее легким искристым шаром.

Руслан, почти догнавший ее, принял отчаянное решение. Он прыгнул вниз, схватив в этом прыжке женщину и оторвав ее от лестницы.

Коля подставил было руки, чтобы их удержать, но они упали рядом с ним.

Женщина начала пронзительно и заунывно кричать.

Руслан с трудом поднялся и тут же упал — нога у него подкосилась. Видно, сломал.

Коля сначала потянул в сторону визжавшую женщину, затем помог отползти Руслану.

Люди стояли у лестницы, ждали чего-то.

Гронский все еще уговаривал жену:

— Я буду тебя поддерживать, я тебя не отпущу.

— Нет! — кричала она. — Нет! Ты же сказал, что нас спасут. Мы будем ждать, что нас спасут...

И тут — будто мольбы Верочки донеслись до небес — над ними появился вертолет.

За шумом пожара и криками они его не услышали — только когда луч его прожектором упал на крышу, все поняли, что с неба пришло спасение.

Это был большой военный вертолет. Он был темнее неба. Зависнув над самой крышей, он казался огромным, как дирижабль.

В брюхе вертолета образовался квадрат света. Все, кто был на крыше, потянулись к свету, поднимая руки... Наступила тишина.

И тогда стал слышен клекот вертолетного мотора.

По веревочному трапу, мягко упавшему на кровлю, ловко спустился офицер в комбинезоне.

— Спокойно, — сказал он, спрыгивая на крышу. — Без паники, товарищи.

— Я Гронский, директор химзавода. — Почему-то он первым оказался возле офицера.

— Я вас слушаю. — Офицер оглядывал толпу, жмущуюся к нему. Он выглядел усталым, и Шубин догадался, что для него это не первая подобная миссия.

— Мне необходимо в штаб, — сказал Гронский. — Он организован?

— Да, — сказал офицер. — Давайте сначала возьмем женщин.

— Разумеется, — сказал Гронский. — Верочка, скорее, тебя же ждут.

Верочка закричала снова, что она упадет.

Сквозь ее крик прорвался резкий голос Гронского:

— Товарищ капитан, неужели вы не можете опустить машину ниже? Вы же видите, в каком состоянии женщины.

Люди толпились вокруг трапа, многие держались за него руками, будто боялись, что вертолет улетит.

— Да не толпитесь! — закричал офицер. — Чем спокойнее вы будете себя вести, тем быстрее мы вас всех погрузим.

Гронский уже поднимался по трапу, буквально волоча за ворот шубы свою жену. Офицер удерживал трап снизу, Верочка кричала, из люка высунулся солдат, чтобы принять первых беженцев.

— Шестьдесят восемь человек, — сказал Шубин.

— Ты всех пересчитал? — удивилась Эля.

— Я хорошо учился в школе. Ты будешь пробиваться туда? За раз ему всех не взять.

— Нет, я с тобой, — сказала Эля.

— Тогда у меня есть предложение, — сказал Шубин.

— Пошли скорее, — сказала Эля, — пока можно спуститься.

Шубин опустил капюшон аляски и затянул «молнию», чтобы спрятать Элины волосы. Он тронул кончик ее носа.

Эля улыбнулась.

Шубин спускался по лестнице первым. Эля за ним. Шубин думал, что страхует ее, а Эля спускалась так, чтобы успеть протянуть руку, если Шубин будет падать.

Пламя хваталось за лестницу. Было очень жарко.

— Терпи! — крикнул Шубин, но Эля не услышала.

Шубину казалось, что он залез в духовку. Вспыхнули волосы — он догадался, что вспыхнули волосы, потому что стало больно голове. На какое-то время ему стало так жарко и так горяч был воздух, которым приходилось дышать, что он потерял Элю из виду.

Неизвестно, смогли бы они прорваться, если бы порыв ветра не рванул с такой силой, что пламя отлетело от лестницы... Потом была последняя ступенька — за ней ничего. Шубин не сообразил, что последняя, он упал, но Коля был там, он все еще стоял у лестницы. Он подхватил Шубина, потом Элю.

— У тебя голова обгорела, — это были первые слова Эли.

— Лучше расти будут, — сказал Коля. — Как в лесу.

Шубин провел рукой по голове. В ушах страшно гудело. Волосы были короткие, неровные, ежиком.

— Больно, — сказал он.

— Пройдет, — сказала Эля, — У мамы мазь есть от ожогов. Из трав.

И, сказав «мама», Эля мысленно перенеслась к себе домой. Шубин как бы потускнел в ее глазах — она заторопилась...

— Мне надо, — сказала она. — Мне надо, Юрочка, ты не сердись.

— До свидания.

— Погоди, — сказал Коля, — сейчас по городу опасно ходить. Кто знает, где этот газ затаился.

— Коля прав, — сказал Шубин. — Погоди, отдышусь, пойдем вместе.

Эля затихла. Шубин так и не спросил, не обожглась ли она. Рукав аляски оплавился — из него торчала обгоревшая подкладка.

Руслан лежал на снегу и выл сквозь зубы.

— Потерпи, — сказал Шубин, — мы «Скорую» вызовем.

— Найдешь здесь «Скорую», — зло сказал Руслан. — У меня нога сломана, понимаешь?

— Вы идите, — сказал Коля. — Я знаю, что у Эли ребенок дома, я знаю. А я не уйду, я помощь найду.

— Увидимся, — сказал Шубин, пожимая руку Коле.

— Обязательно увидимся, — сказал Коля и широко улыбнулся, как будто все плохое в его жизни уже кончилось. — Если вы меня, конечно, узнаете.

Шубин поглядел наверх. Вертолет все еще висел над крышей, и на той части трапа, что была видна снизу, висели люди. Они очень медленно поднимались вверх. Порывы ветра раскачивали трап и заставляли людей замирать, вцепившись в перекладины.

Вдруг вертолет загудел сильнее, перекрывая шум пожара, и резко пошел вверх.

— Смотри, что делает, гад! — воскликнул Руслан, который тоже смотрел на вертолет.

И только в следующее мгновение Шубин понял, что произошло.

В том месте, где за секунду до того был вертолет, возник клуб дымного пламени. Раздался зловещий утробный грохот, поглотивший все остальные звуки. Крыша провалилась внутрь. Вертолет уходил в сторону, быстро снижаясь, и люди, висевшие на раскачивающейся лесенке, казались тлями. Шубин понял, что пилот хочет как можно быстрее спуститься на вокзальной площади, чтобы спасти людей.

И тут он увидел, как один из них сорвался и черной кляксой, растопырив руки, полетел вниз... Что было дальше, Шубин не видел. Вертолет скрылся из глаз.

Руслан зло кричал по-грузински.

Шубин не знал, видела ли это Эля — она склонилась над плачущей женщиной в обгоревшей шубе.

Но оказалось, что Эля все видела. Потому что она сказала подошедшему к ней Шубину:

— Ты умный, что повел меня по лестнице. А то бы мы точно погибли. Мы бы последними поднимались, правда?

Они оттащили подальше от здания Руслана и ту женщину, потому что стало жарко. Казалось, что гостиница ярко освещена изнутри — в окнах горел желтый и оранжевый свет.

Теперь, когда наступала реакция на эту, так еще и не кончившуюся ночь — было половина пятого, еще далеко до рассвета, — Шубину стало смертельно холодно.

Эля сказала:

— Тут недалеко, если ты со мной пойдешь.

— Конечно, пойду, — сказал Шубин, который понимал, как страшно ей одной возвращаться домой.

— Но ты не дойдешь, — сказала она. — Ты по дороге околеешь.

— А мы побежим с тобой, — сказал Шубин.

Они вышли на улицу. По улице мело. На выходе из гостиничного двора лежал, согнувшись, будто старался согреться, человек, его уже припорошило снегом. Меховая шапка откатилась в сторону и лежала, как пустое птичье гнездо.

Эля наклонилась, подняла шапку и отряхнула, ударяя ею себя по бедру.

— Возьми, — сказала она. — Ему уже не нужно.

— Не надо, — сказал Шубин.

— Давай, давай, — Эля приподнялась на цыпочки и обеими руками натянула шапку на саднящую, обожженную голову Шубина.

— Погоди, — сказал Шубин. — Больно.

Он поправил шапку, она была мала.

— Это, в сущности, мародерство, — сказал он.

— Твою тоже кто-то носит, — сказала Эля.

Она выглянула на улицу, посмотрела направо, налево. Было темно. Облака, затянувшие небо, подсвечивались пожарами, и на открытых местах по снегу пробегали оранжевые блики.

Они вышли к автобусной остановке. Здесь люди лежали странной грудой, один на другом, будто хотели согреться. Автобус с открытой дверью въехал передним колесом на тротуар и уткнулся в столб.

Эля сказала:

— Ты, конечно, не захочешь, а может, пальто снимем?

— Перестань, — сказал Шубин. — Куда идти?

Шапка грела голову, конечно же, грела, но она была чужая, от нее неприятно пахло...

И в следующее мгновение Шубин очнулся.

Он лежал на мостовой. Эля стояла рядом на коленях, приподняв его голову, и прижималась к щеке губами.

— Миленький, — говорила она, — миленький, ну не надо, нельзя, ты что делаешь?

Голова раскалывалась так, что нельзя было двинуть ею, но попытку движения Эля уловила и вдруг принялась ругаться.

— Ты что?! — говорила она со злостью. — Ты зачем притворяешься? Поскользнулся, что ли, я не могу больше... ну, нельзя

же так. Вставай, вставай, простудишься. Тебе что, плохо стало? Ну вот, потерпи немного, придем домой, я тебе чаю сделаю...

Шубин с помощью Эли сел, его мутило.

— Извини, — сказал он, — отвернись...

Он приподнялся на четвереньки, и его вырвало. Это было мучительно, потому что безжалостно выворачивало, пока хоть что-то оставалось внутри. Эля что-то хотела сделать... но Шубин находил силы лишь отмахиваться, отталкивать ее.

Чтобы не приставала с пустой, как казалось Шубину, заботой, он попытался отойти на четвереньках в перерыве между приступами рвоты, но рука натолкнулась на холодную преграду — красивая девушка лежала на боку, и ее мертвые глаза внимательно смотрели на Шубина.

Шубин отпрянул, и тут же его снова свернуло пружиной приступом рвоты.

Шубин увидел, что Эля набрала в пригоршню снега, подбирая его у столбиков остановки, где было не натоптано. Он слабо ударил ее по руке, снег рассыпался.

— Ты что? Это как вода, охладит, — сказала Эля, как больному ребенку, не обижаясь.

— Дура, — сказал Шубин, стараясь подняться. — Не поняла, что ли? Там газ остался.

— Да, — согласилась Эля, так и не поняв. Она подобрала с асфальта шапку и протянула ее Шубину.

— Эля, — сказал он, стараясь говорить внятно и убедительно, — выбрось ее и не трогай ничего, что было на земле. Ничего. Я тоже не сразу догадался. Даже когда понял, что шапка воняет... Видно, она на мне согрелась... хорошо еще, что доза была невелика. Ты поняла?

— Ой! — Эля отбросила шапку на мостовую, шапка ударилась о днище лежащей на боку машины. Вторая машина стояла, уткнувшись в нее помятым радиатором, дверца была раскрыта, и человек, что лежал на переднем сиденье, все еще держался за ручку сведенными пальцами.

— Вытри руки об аляску, — сказал Шубин. — Как следует. И пошли.

Его все еще мутило, во рту было отвратительное ощущение, но он пошел дальше, обходя тела, лежащие здесь особенно тесно. Шубин никак не мог сообразить, почему погибло так много людей. А Эля, которая догнала его, сказала:

— Здесь кино «Космос», понимаешь? Они с последнего сеанса выходили.

— Побежали, — сказал Шубин, понимая, что вот-вот окоченеет совсем.

Ему казалось, что он бежит, но он трусил лишь чуть скорее, чем если бы шел шагом. Так что Эля, идя быстро и часто, успевала держаться за ним.

— Здесь направо, — сказала она. — Мы дворами пройдем.

Справа догорал дом, в котором жила Элина подруга Валя... или Лариса? Значит, близко... Здесь, между домов, росли тополя, голые, мокрые, пустыми были запорошенные снегом скамейки и детские качели. Здесь не было мертвых, и казалось, что дома мирно спят под утро.

Они миновали еще один дом. По дорожке вдоль дома стояли пустые автомобили. На скамейке возле клумбы сидели, обнявшись, двое.

Они сидели столь мирно и уютно, что Шубин сделал шаг в их сторону, словно хотел окликнуть.

И тут же он понял, что ошибся. И парень, обнявший девушку за плечи, и девушка, положившая голову ему на грудь, были мертвы.

— Ты что? — спросила Эля, которая уже дошла до угла дома.

Она их не заметила.

Шубин побежал следом за ней.

Эля остановилась возле угла дома. Впереди был переулок, на той стороне еще один дом.

— Я здесь живу, — прошептала Эля.

Шубин думал, что она сейчас кинется со всех ног к своему дому, но Элю вдруг оставили силы, и она буквально повисла на Шубине.

— Я не могу, — сказала она.

Дом был темен, он спал. В некоторых окнах были открыты форточки.

— Четвертый этаж? — спросил Шубин.

— Вон те окна.

— Пошли.

Шубин взял ее под руку и буквально потащил через мостовую.

Но в этот момент что-то заставило его поглядеть направо, туда, откуда прилетел очередной заряд снега.

Это их спасло. Снежный заряд был желтым.

Газ, смешанный со снегом, подхваченный ветром где-то над озером или в низине у реки, собрался в гигантский, в несколько метров в диаметре, шар и, легкий и даже веселый, мерцая под отблесками пожара, несся вдоль улицы.

— Назад! — крикнул Шубин и с силой последнего отчаяния рванул Элю назад, к дому, от которого они только что отошли. Эля не поняла, она пыталась вырваться, но Шубин, охваченный страхом, был столь силен, что оторвал ее от земли, кинул за дом и упал сверху.

И все это случилось так быстро, что он не успел ничего сказать. Но, лежа, отворачивая лицо от несущегося шара, прохрипел:

— Не дыши!

И сам постарался задержать дыхание.

Возможно, прошла минута...

Шубин поднял голову. Улица была пуста. Ветер стих.

Шубин встал первым, помог подняться Эле. Она придерживала рукой локоть — ушибла.

— Ты что? — спросила она. — Там что было?

— Газ, — сказал Шубин.

— Откуда газ?

— Его по улице несло.

Они быстро перешли улицу, крутя головами, словно боялись, что газ подстерегает их, завернули во двор и вошли в подъезд.

Шубин не дал Эле войти в дом первой. Сначала он открыл дверь в подъезд и сосчитал до пятидесяти.

— Ты газа боишься? — спросила Эля.

Она переступала с ноги на ногу от нетерпения. Она пыталась оттолкнуть Шубина. Она понимала, что он прав, но в ней уже не осталось ни крошки терпения.

Она вырвалась и вбежала в темный провал подъезда.

Застучали ее подошвы по лестнице.

Шубин пошел следом. Ему было страшно догнать Элю, ему было страшно, что будет потом.

Шубин поднимался по лестнице с трудом. Снова мутило, дыхание срывалось — не хватало почему-то воздуха. Он ощущал запах желтого газа в подъезде особенно на первых этажах, но шагов не ускорял, потому что был обессилен.

Он догнал Элю у двери ее квартиры.

Обыкновенная дверь, без «глазка», покрашенная коричневой краской, с номером 15.

Эля обернулась, услышав его шаги, и сказала:

— А ключей нет... Ключи в сумке... или в пальто. Не знаю.

— Тогда позвони.

Эля нажала на кнопку звонка, но было по-прежнему мертвенно-тихо.

— Дурачье, — сказал Шубин, упираясь ладонью в косяк двери, чтобы не упасть. — Электричества нет. Стучи.

Эля постучала. Тишина.

— Они же спят, — прошептала она.

Она не смогла ничего больше сказать. Лицо ее было неподвижно, и по грязным щекам катились слезы.

Шубин ударил по двери кулаком. Еще раз, начал молотить, только чтобы перебить высокие, жалкие звуки, что вырывались изо рта Эли.

И он молотил так, что не услышал, как из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Стой! — Эля повисла на его руке. — Это я, это я, мама! Где Митька? Это я, мама!

— Погоди, не шуми, — ответил голос, щелкнул замок, дверь открылась, и мать Эли произнесла фразу, которую намерена была сказать, еще не отворив дверь, и которая теперь прозвучала как из другого мира: — Ты что, опять ключи забыла?

И тут она увидела Элю и страшного — это Шубин только потом, увидев себя в зеркале, понял, до чего страшного, — мужчину.

— Господи! — сказала она.

За соседней дверью раздался недовольный мужской голос:

— Вы что шумите, не знаете, сколько времени?

— Порядок, — ответил голосу Шубин. — Извините. Все в порядке.

Эля упала внутрь, повисла на матери и начала судорожно смеяться. Шубин втолкнул ее в дверь и быстро захлопнул. Наступила кромешная тьма, и в ней был слышен лишь истерический смех Эли, который прерывался возгласами матери: «Ты что, ты что, что с тобой?» и попытками Эли спросить: «А Митька, где Митька?»

И снова смех.

— Положите ее куда-нибудь, — сказал Шубин. — Ей надо лечь.

Но Эля вырывалась — она рвалась в комнату, распахнула дверь. В свете догорающего пожара была видна кровать. На ней спал мальчик. Эля схватила его, мальчик начал отбиваться со сна, а Шубин оттаскивал Элю и кричал на нее:

— Не смей его трогать! Не смей! На тебе может быть газ.

Эля опустила мальчика на кровать, а сама как-то спокойно, тихо и мирно легла возле кровати на коврик, будто заснула. На самом деле это был глубокий обморок.

Шубин подхватил Элю и спросил ее мать, белая ночная рубашка которой светилась в темноте, как одежда привидения:

— Куда ее положить?

— Ой, а что с ней?

Мать все еще ничего не понимала — да и откуда ей было понять?

— Где диван?..

— Рядом с вами, туда и ложите.

Она была сердита, потому что уже уверилась в том, что ее непутевая дочь где-то напилась, попала в переделку и вот теперь хулиганит. Шубин не знал, бывало ли такое с Элей, — он ничего не знал о своей будущей жене. Он с трудом перетащил ее на диван.

— У вас валерьянка есть?

— А вы кто такой? — спросила мать Эли, в которой росло раздражение против бродяги, которого Эля притащила домой.

— Накапайте валерьянки. Или валидола. Ничего страшного. Она очень устала. И переволновалась.

И в голосе Шубина была такая настойчивость, что мать, бормоча что-то, пошла в другую комнату и принялась щелкать выключателем.

— Света нет, — сказал Шубин. Он присел на корточки перед диваном и положил ладонь на теплую щеку Эли. И та, все еще не приходя в себя, подняла руку и дотронулась слабыми пальцами до его кисти.

— Почему света нет? — спросила из той комнаты мать.

— Воды нет тоже, — сказал Шубин. — А если есть, то лучше ее не пить. В чайнике вода осталась? Из чайника налейте.

Митька повернулся в кровати и забормотал во сне.

— Да вы хоть скажите по-человечески, что случилось-то? — спросила из той комнаты мать. Она, видно, шуровала среди лекарств, разыскивая валерьянку.

— Авария, — сказал Шубин. — Авария. Выходить из домов нельзя. Закройте форточки...

Мать зашаркала шлепанцами на кухню, громыхнула там чайником.

Шубин прислушался к дыханию Эли. И понял, что она спит.

— Не надо, — сказал он, — она заснула...

Мать уже вернулась в комнату. Шубин не заметил как — в сознании пошли провалы.

— Вы сами тогда выпейте, — сказала мать уже без озлобления. — Вам тоже нужно.

Она вложила в его руку стаканчик с валерьянкой.

— А где авария? Серьезная, да? На химзаводе?

— Серьезная, — сказал Шубин. И заснул, сидя у дивана на коврике, положив голову на руки, которыми касался руки Эли.

Было пять часов утра. Те жители города, что остались живы, еще спали.

Шубин проснулся, и ему показалось, что он и не засыпал — только закрыл на минуту глаза, чтобы не так щипало. Он сразу вспомнил, где он, и первая мысль была хорошая: «Ну вот, обошлось».

Он лежал на том же диване, у которого, сидя на полу, отключился. В комнате стоял утренний полумрак — небо за окном было холодным, голубым. Повернув голову, Шубин увидел кровать и спящего на ней Митьку, которого он толком еще и не видел.

За стенкой тихо разговаривали.

Шубин вспомнил, что обгорел, спускаясь с крыши, он провел рукой по колючей голове. В комнате было холодно.

Он поднес часы к глазам, но света в комнате было слишком мало. Ничего не увидел. Он поднялся и пошатнулся, так что чуть было не уселся обратно. В голове все потекло.

Эля услышала и вошла в комнату.

— Ты чего встал? — прошептала она.

— Ты же тоже не спишь, — сказал Шубин.

Он прошел на кухню, где на табуретке сидела мать Эли, обыкновенная полная женщина, тоже скуластая и черноволосая. Только губы, в отличие от Элиных, у нее ссохлись и сморщились. Глаза были заплаканы.

На кухонном столе горели две свечи. От них уже наплыло на блюдце.

— Здравствуйте, — сказал Шубин. — Простите, что так вышло.

— Это вам спасибо, Юрий Сергеевич, — сказала мать Эли. Она всхлипнула, — Мне Эля все сказала, а мы вот сидим и боимся.

— Лучше не выходить, — сказал Шубин.

— А воды нет, — сказала мать, — и газа, знаете, тоже нет. Когда дадут, вы как думаете?

— И холодно, просто ужасно, — сказала Эля. — Знаешь, на улице похолодало.

В синее окно Шубину было видно, что на улице метет.

Наверху кто-то прошел, зазвенел посудой, дом был панельный — слышимость абсолютная.

— Сколько времени? — спросил Шубин.

Эля поглядела на ходики, висевшие над столом. Шубин сам увидал: половина восьмого.

— В это время уже машины ездят, — сказала Эля, — люди на работу идут. А мама мне верит и не верит.

— Чего ж не верить, — ответила та. — Многие говорили, что этот завод нас погубит. Детей вывозили. Вы слышали?

— Да, я даже видел.

— Но с них как с гуся вода. А Эля говорит, много народу погибло.

— Да, — сказал Шубин, — многие погибли.

Он посмотрел на Элю. Она встретила его взгляд настороженно, будто таясь.

Уже был другой день, другая жизнь, и он в ней был будто гостем. Да и что скажешь при матери?

Шубин подошел ближе к окну. Улица, на которую оно выходило, была пуста. Вон оттуда, из-за угла дома на той стороне, они пытались перейти улицу и потом спрятались от желтого шара. Он увидел истоптанный снег, там они лежали, боясь поднять головы. А чуть дальше за домом — лавочка, где сидят влюбленные.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Что? — не поняла Эля.

— Я пойду. Сама понимаешь, не сидеть же здесь.

— Я вас, Юрий Сергеевич, никуда не пущу, — сказала Эля, перейдя снова на «вы». — Вы на себя в зеркало посмотрите. Вы же на последнем издыхании.

— Я выспался, — сказал Шубин. — Я больше двух часов проспал.

— Я с вами.

— И не мечтай, — сказала ее мать.

И Шубин как эхо повторил:

— И не мечтай.

— Ну как же так... — покорилась Эля.

— Я очень прошу вас, — сказал Шубин, — никуда из дома не выходить. У вас четвертый этаж, это спасение. Мы не знаем, кончилось все уже или еще будут последствия.

— Холодно ведь, — сказала мать, — когда затопят?

— Я все узнаю и вернусь, — сказал Шубин.

— Правильно, — сказала мать, — сходите поглядите и возвращайтесь.

Шубин взял свечу, прошлепал босиком в ванную комнату. Вода не шла. И не могла идти. Он поднял голову, посмотрел в зеркало и увидел себя впервые с вечера. И не сразу узнал, потому что за тридцать девять лет жизни привык к другому человеку.

На него смотрело грязное, обросшее щетиной существо. Во-

лосы его и ресницы были опалены, от волос вообще остались какие-то клочья. На виске и щеке — высохшая кровь. И как назло — нет воды.

— Юрий Сергеевич, — сказала из-за двери Эля. — У нас в кастрюле вода осталась. Вам пригодится.

Шубин хотел было с благодарностью согласиться, но сказал:

— Отлей мне в стакан. Неизвестно, когда пустят воду. Надо экономить. Может, целый день придется терпеть... или больше. Ты же понимаешь, что водопровод может быть отравлен.

— Понимаю, — сказала Эля. — Щетку зеленую возьмите, это моя.

Он открыл дверь. Она протянула ему полный стакан.

Он услышал голос матери из кухни.

— *В чайнике еще осталось. Смотри не выплесни.*

Шубину было неловко, что он не может спустить за собой воду в унитазе. Он прикрыл его крышкой, потом почистил зубы, намочил водой край полотенца и протер кое-как лицо. На полотенце остались пятна сажи и крови.

Пока Шубин натягивал ботинки, Эля почистила его пиджак и пыталась уговорить его съесть холодного мяса. Но есть совсем не хотелось. Он бы еще выпил воды, но не посмел просить.

Эля стояла в смущении перед вешалкой, потому что Шубину надо бы переодеться, а дома не было мужских вещей. Она уговорила его надеть под рваную аляску свой толстый свитер, и Шубин согласился. Потом вытащила откуда-то белую лыжную вязаную шапку и сказала:

— Это ничего, что она женская, у нас ребята многие носят.

На шапке были изображены олимпийские кольца.

— *До свидания, — сказал Шубин матери, которая стояла в дверях кухни.*

— Приходите, — ответила та сдержанно.

Эля вышла проводить Шубина на лестницу.

Он пониже надвинул на глаза лыжную шапку.

— Ты адрес помнишь? — спросила вдруг она. — Улица Строительная, двенадцать, корпус два, квартира пятнадцать. Записать?

— Нет, запомню, — сказал Шубин. — Только не выходи, обещаешь?

— Обещаю, — улыбнулась Эля. Впервые он увидел ее улыбку с прошлого вечера. Блеснула золотая коронка. А он и забыл, что у нее золотая коронка.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянул громоздкий мужчина в пижаме.

— Привет, — сказал он, — гостей провожаешь?

В вопросе было плохо скрываемое презрение к соседке.

— Доброе утро, Василий Карпович, — сказала Эля, не выпуская руки Шубина.

Этот человек был из другого, обыкновенного, сонного, вчерашнего существования.

— Чего-то света нету? — спросил он. — Не знаешь?

— А вы проверьте, — сказал Шубин, — нет воды, нет газа, и не работает телефон.

— А что? — человек сразу поверил и испугался. — Что-то случилось, да?

— Эля, — сказал Шубин, отпуская ее руку, — я тебя очень прошу. Пройди по квартирам и еще лучше — возьми кого-нибудь из мужчин, на которых можно положиться. Сейчас люди будут вставать, они ничего не знают. Может быть паника, кто-то может заразиться... Ну, не мне тебя учить.

— Хорошо, Юрий Сергеевич, — сказала Эля.

Она хотела еще что-то сказать, но Василий Карпович из соседней квартиры не дал.

— Да что случилось, я спрашиваю! — почти закричал он. — Ты можешь человеческим языком объяснить?

Перешагивая через две ступеньки, Шубин сбежал с лестницы. Хлопнула бурая дверь подъезда.

Холодный ветер ударил в лицо. Он нес колючие снежинки. Шубин надвинул капюшон аляски.

На улице рассвело. Он перешел улицу и оглянулся. Эля стояла у окна. Она смотрела вслед. Тут же рядом с ней возникло лицо Василия Карповича — значит, он уже проник к ним в квартиру.

Шубин прошел за соседний дом. И остановился у его угла, не оборачиваясь больше. Он понимал, что через несколько шагов уйдет из той обыденности мира, в котором еще ничего не произошло, который только сейчас начинает открывать, и то не во всей полноте, масштабы бедствия, как будто от гостиницы, где они провели ночь, до этих домов много километров, и звуку несчастья еще предстоит их одолеть.

Конечно же, Шубин мог остаться у Эли и поспать еще несколько часов. Нет, он бы уже не заснул. Он-то знал, что жизнь этого и соседних домов — только видимость, а то, настоящее, к чему он принадлежит, начнется за углом.

И вдруг неожиданная мысль заставила его оглянуться.

Он посмотрел на Элин дом. Нет, не на четвертый этаж, а на первый. В трех, нет, в четырех окнах первого этажа открыты

форточки. Значит, почти наверняка там лежат мертвые люди. Лежат мирно, будто спят, но скоро эти двери взломают. Где водораздел? Два этажа — гробы, три верхних — обыкновенные квартиры, где люди просыпаются и удивляются, почему нет воды и света. Водораздел — на втором этаже...

Больше он не мог стоять — он должен был оказаться там, где много людей, где что-то делается, где он может пригодиться.

Шубин вышел в следующий двор. Навстречу ему рванулся крик. У скамейки, на которой сидели, обнявшись, влюбленные, стояла, подняв руки, женщина и неразборчиво кричала. Можно было лишь разобрать: «... моя девочка... девочка... Лидуша...»

Хлопнула дверь, из дома выбежал другой человек, побежал к скамейке. Шубин быстро пошел стороной, к главной улице, к вокзалу.

Дворами Шубин вышел на главную улицу, что вела к вокзалу, как раз к арке, через которую он убегал от милиционеров.

Сыпал снег, неровно, зарядами, зло. У кафе, где он сидел с общественниками, лежали тела. Возле них стояли два человека, непонятно зачем — просто смотрели.

По улице, вдоль домов, шел парнишка лет пятнадцати, он нес туго набитый пластиковый пакет. Перехватив взгляд Шубина, он побежал, одна ручка пакета оторвалась, и оттуда начали вываливаться меховые шапки. Парень остановился и принялся собирать их, не спуская взгляда с Шубина.

— Зря ты, — сказал Шубин, — они зараженные.

Прижимая пакет к животу, парень побежал в арку.

И тут Шубин увидел собственную кепку. Она лежала у края тротуара, совсем засыпанная снегом. Ждала его.

Шубин подошел к ней, поднял, снег примерз к ней, кепка была жесткой и чужой. И тут же Шубин уловил взгляд женщины, закутанной в серый платок. В ее взгляде было осуждение.

— Люди страдали, а вы пользуетесь, — сказала вдруг женщина.

— Это моя собственная кепка, — сказал Шубин. — Я ее вчера потерял.

И понял, как глупо это звучит.

— Понимаю, понимаю, — сказала женщина.

— А вы проходите, — озлился Шубин.

Женщина пошла у самой стены.

По улице ехал бронетранспортер. В нем стояли два солдата. Они смотрели по сторонам, видимо, изучая обстановку.

Шубин поглядел им вслед. Повернул туда же, куда ехала машина, — к вокзалу. Он миновал кинотеатр «Космос» и автобусную остановку. Автобус все стоял передним колесом на тротуа-

ре, но столкнувшиеся машины были убраны с дороги, и трупы тоже исчезли.

«Быстро работают, — подумал Шубин. — Молодцы». Кто молодцы и почему — он не задумывался. Ему приятно было, что кто-то думает, делает, принимает меры.

На остановке стоял старичок в военной шинели и заячьей шапке.

— Молодой человек! — окликнул он Шубина. — Почему нет автобуса? Я жду уже двадцать минут.

— Автобуса не будет, — сказал Шубин и пошел дальше.

— Почему? Вы мне можете объяснить, почему? — старичок стучал палкой.

Шубин увидел, куда убрали трупы, — их, оказывается, еще не успели вывезти. В просвете между большими домами они громоздились грудой, частично прикрытые бульдозером, которым, видно, их туда и отодвинули. Бульдозер был пуст, но возле него стоял милиционер и курил.

Он увидел, что Шубин остановился, и сказал устало:

— Идите, гражданин, смотреть не положено.

— Ладно уж, — сказал Шубин.

По улице медленно ехал грузовик. Задний борт его был откинут. Там тоже лежали тела.

Простоволосая растрепанная женщина в распахнутой шубе бежала посреди улицы навстречу грузовику и кричала, открыв рот, на одной ноте. Грузовик затормозил, гуднул, но она его не видела. Водитель подождал, пока она пробежит мимо, и снова дал газ.

Окна продовольственного магазина, мимо которого проходил Шубин, были разбиты, большие куски стекла валялись на тротуаре. Внутри шевелились какие-то темные фигуры.

Должна была показаться гостиница, но ее не было. И Шубин, пройдя последний большой дом перед вокзальной площадью, понял, что случилось: гостиница стала вдвое ниже — провалившись, крыша увлекла за собой два верхних этажа. Казалось, что в гостиницу попала бомба.

Развалины еще дымились, и снег вокруг был черным.

Шубин вышел на площадь. Как ни странно, подъезд гостиницы не был тронут огнем. Даже сохранились стеклянные двери и стеклянные вывески с названием гостиницы по сторонам. Но сквозь дверь было видно черное сплетение упавших балок.

Вокзальная площадь была странно оживленной. По какой-то организационной причине именно в вокзале находился штаб, который руководил спасательными работами. На площади

стояло несколько бронетранспортеров, дальше, между пустыми автобусами, тянулись крытые военные грузовики. У монумента труженикам стоял танк. Его зачехленная пушка была высоко задрана. У входа в вокзал Шубин увидел несколько легковых машин, в том числе две или три черные «Волги».

Правильно, понял Шубин, направляясь через площадь к вокзалу. Вокзал — это связь с другими городами. Здесь должны быть паровозы, так что можно обойтись без электричества. Пока не запустят станцию.

Трупы с площади уже убрали, и Шубин не стал искать глазами куда. Он пошел мимо танка. Люк его был открыт, в нем сидел солдат в шлеме и курил. Рядом стоял автобус, двери его были открыты, на полу, головой к открытой двери, лежал человек.

— Юрий Сергеевич! — услышал Шубин. — Юрий Сергеевич, это вы?

К нему бежал Борис.

И если он был неопрятен и даже страшноват в обычной жизни, то сейчас казался неким подземным чудовищем. Черные длинные волосы сбились неопрятным стогом, пальто было без одного рукава, из которого торчала ковбойка. Под глазом большой синяк.

Борис схватил Шубина за руки и принялся трясти. Солдат из танка смотрел на них сверху, потом сплюнул окурок и спрятался в башне.

— Я думал, что вас нет, что вы погибли. Я ведь специально пришел сюда, к гостинице, я уже час здесь, у меня теплилась надежда. Никто ничего не знает, мне только говорили, что ночью, когда гостиница сгорела, оттуда с крыши люди вниз кидались. Вот у меня и оставалась надежда.

— Успокойтесь, — сказал Шубин. Он был рад видеть этого психа. — Что с остальными, что случилось?

— Про Наташу я не знаю, — сказал Борис, — Наташу отпустили. Они, конечно же, вас искали, потом я был на допросе, только это неинтересно, они искали компромат, но в самом деле — письмо Бруни, они думали, что письмо Бруни у вас.

— Кто они, какие письма? — Шубин оглянулся, куда бы отойти с ледяной площади. — Пошли в вокзал, может, там хоть не дует.

— Не сходите с ума, кто вас туда пустит? Там же штаб. Там все оцеплено. Кто нас пустит?

Шубин посмотрел в ту сторону. Он просто не обратил раньше внимания на солдат, каждый из которых был как бы сам по себе, но все вместе они образовали редкую цепочку, перегора-

живавшую площадь примерно там, где стояли машины. Вот одна из них вдруг развернулась и, поднимая пыль, понеслась с площади. На заднем сиденье был виден профиль Силантьева. Значит, он остался жив.

Шубин повел Бориса в сторону, к киоскам, что тянулись вдоль площади, к стоянке автобусов.

— Зачем нам туда? — спросил Борис. — У нас так мало времени.

Шубин подошел к автобусу, дверь в который была открыта. Он поднялся внутрь и сказал Борису:

— Идите, здесь не дует.

В проходе лежал человек лицом вниз. Значит, сюда не догадались заглянуть те, кто убирал трупы.

Борис скользнул взглядом по мертвецу.

— Вы начали говорить о ваших друзьях, — сказал Шубин.

— Да? Я не знаю, что с Наташей.

— Вы говорили это. Что еще? А остальные?

— Бруни и Сырин погибли. Я видел. Меня наверх повели, меня там допрашивали. Они меня били, потому что я неприятен. Я вызываю раздражение, это я знаю. Даже в вас.

— Нет, вы не правы.

— Впрочем, вы тоже сейчас не красавец, — сказал Борис.

— Они погибли в милиции?

— Дежурный повел меня наверх, они меня допрашивали, а потом внизу был какой-то шум, дежурный заподозрил неладное, это было в одиннадцать сорок две, вы знаете?

— Догадываюсь.

В автобусе было холодно накопившимся за ночь тесным холодом. По площади проехала «Скорая помощь», остановилась у вокзала. Кое-где из соседних улиц возникали люди, тянулись к вокзалу, и Шубин увидел, как их останавливали солдаты и поворачивали назад.

— Он долго не приходил. Было тихо. Я посмотрел в окно и увидел туман. Вы видели туман?

— К несчастью, видел.

— А я видел, как он догонял людей и они падали. Но я был в лучшем положении, чем дежурный. Он не знал, чего ждать, а я ждал этого уже больше месяца. Бруни все это предсказал, он три письма послал об этом. Они лежат у них в делах.

— У кого?

— У Гронского, у Силантьева, в Госконтроле. Ну и, конечно, в эпидемстанции. Он даже механику предсказал — механику диффузии. Именно так... Он нам рассказывал, но вы сами пони-

маете, кое-что было слишком специально. Например, его расчеты о сочетании рельефа, розы ветров и этих компонентов... Помните, мы вчера просили вас взять в Москву письмо? Представляете, там уже все это описано! И смертельные случаи тоже. Только он не знал, что это будет в таких масштабах, — они пустили вторую очередь, очень спешили и перешли критическую массу... Я ждал, ждал, открыл дверь — никого в коридоре нет. Ночь. Внизу тихо. А я уже знал.

Борис перевел дух. Ему было жарко.

— Я вниз не побежал. Я только увидел, что капитан лежит внизу, у лестницы. И еще один милиционер. Оба лежат. А Бруни и Пашка Сырин, они же были в КПЗ — на первом этаже — и не могли выйти. Я сразу понял, что они не могли выйти. Что я остался один. Я всю ночь там просидел. И мне нужно найти вас, а если нет — вырваться и добраться до Москвы. Но лучше, чтобы вы, вы объективный человек. И у вас нет детей.

— А дети здесь при чем? — Шубину показалось, что Борис бредит.

— А я не сказал?

— Что?

— У меня жена, трое детей... я дома уже был.

— И что?

— Понимаете, простите, но моя жена погибла. Дети были у бабушки, мы в одном подъезде живем, а она, наверное, беспокоилась, куда я делся. И она спустилась вниз — она меня иногда встречала, — очень беспокоилась, куда я опять пропал. Она так и лежала у нашего подъезда — она пальто на халат накинула и спустилась. Вы простите, пожалуйста. Я ее отнес наверх, но не домой, потому что дети еще спали. Потом я разбудил Ниночку, она старшая, и сказал, что скоро приду, а в школу сегодня не надо. Вам неинтересно?

— При чем тут интересно или неинтересно! — крикнул Шубин. — Мне непонятно, чего вы здесь делаете! Идите домой!

— Я сейчас пойду, вы не волнуйтесь.

— Неужели вы думаете, что я скрою это в Москве? Что это вообще можно скрыть?

— У нас все можно скрыть, — сказал Борис. — И лагеря, и выселения народов... все.

— Но это было раньше, теперь все изменилось.

— Изменилось, да. Поэтому мы еще разговариваем, и я еще надеюсь. Но механика сокрытия осталась. Надо только отрапортовать, что случилась авария, есть человеческие жертвы. И все — далее молчок. И нет Аральского моря! Но тихо... И в другом городе — в Свердловске, в Кургане — накапливаются в отстойниках эти жидкости, идут реакции, чтобы взорваться, чтобы кинуться на людей... Бруни все это написал.

— Но, может, они поняли? — неубедительно сказал Шубин.

— Поняли? — Борис громко, делано засмеялся, как в плохом театре. — Ха-ха-ха! Горбатого могила исправит! Вы думаете, чем они занимаются?

— Как и любой штаб во время бедствия, — сказал Шубин. — Есть какие-то правила, неподвластные даже тем, кто этим занимается. Там, конечно, суматоха, неразбериха, но они стараются что-то сделать.

— Они стараются сделать так, чтобы не сесть в тюрьму, вот что они стараются сделать.

— Как вы видите, здесь в основном армия.

— Армия, потому что ее вызывают делать черную работу. Солдатики убирают трупы, а потом будут травиться, очищая озеро. Им прикажут, они сделают. А генералы будут обедать вместе с Силантьевым и Гронским и обсуждать, как сделать, чтобы империалистическая пропаганда не подняла шума, чтобы народ не испугался, чтобы великие свершения не скрылись за темным мраком отдельных недостатков.

— Даже если вы правы, Борис, — сказал Шубин, — то сейчас они уже бессильны.

— Почему же? — Борис сунул пятерню в спутанную шевелюру, пальцы запутались, он с остервенением дернул руку, чтобы освободить.

— Слишком велики жертвы. Этого не скроешь.

— А что вы знаете о том, что уже скрыли? Вы даже о Чернобыле узнали не сразу и не все, хоть он так близок к Киеву. А ведь купленные профессора и академики пели по телевизору, что опасности нет и жертв почти нет... У нас два года назад на Сортировочной цистерны рвануло — домов двести разрушено, народу перебило... а что вы об этом слышали? МПС отрапортовало, и в Москве согласились. Неужели вы не понимаете, что никому не нужны несчастья? От них портится настроение.

— Тогда мы с вами ничего не сможем поделать.

— И пускай моя жена погибла, да, и Бруни тоже? И еще люди? Может, вы провели ночь у бабы и ничего не заметили? Вам хочется поскорее в Швейцарию? В следующий раз они рванут так, что и от Швейцарии ничего не останется. Достанут вас, достанут, честное слово даю!

Борис поднял руку и вопил. Он вопил, как какой-то древний еврейский пророк в пустыне, он готов был пойти на костер, и

отблески его, рожденные усталым воображением Шубина, поблескивали за спиной.

— Я не провел ночь у бабы, — сказал Шубин. — Я был в гостинице.

Он вяло показал на дымящиеся руины.

— Тем более, — сказал Борис. — Ни черта вы не видели.

Шубин понял, что спорить с ним бесполезно, нельзя с ним спорить. Он имел монополию на высшее страдание. А впрочем, и право.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне очень грустно, что у вас такое несчастье...

— Дело не в моих несчастьях. Дело в будущих несчастьях! — закричал Борис, как учитель, отчаявшийся вдолбить тупым ученикам элементарную теорему.

— Что я могу сделать?

— То, о чем мы просили вас вчера. И вы должны это сделать ради памяти о Бруни, обо всех... Вы возьмете все документы — и все, что писал Бруни, копии наших писем, выкладки, прогнозы... и то, что написал я сегодня на рассвете. Я писал возле тела моей жены, вы понимаете? И вы отдадите все прямо в ЦК, прямо Генсеку — как можно выше. Пускай это будет набат.

— Понимаю, — сказал Шубин, голова просто разламывалась от этого надрывного крика. Жутко неприятный этот Борис, физически неприятный. Но у него правда; если бывает много правд, то у него более важная правда.

— Возьмете?

— Возьму.

— Тогда вам нужно как можно скорее отсюда выбраться. Пока не оцепили город. А может быть, они его уже оцепили.

— Как выбраться?

— Я скажу.

— Почему не сейчас?

— Но мне же нужно принять меры. У меня нет с собой писем. Не могу же я носить их с собой по городу, где меня каждая собака знает! Они за мной будут охотиться, если уже не охотятся. Они подозревают.

Шубин хотел сказать, что сейчас никому нет дела до Бориса, но понимал, что этим вызовет лишь очередную вспышку крика.

— И что вы предлагаете?

— Через сорок минут я снова буду здесь. В этом автобусе. Добро? А вы где-нибудь укройтесь. Не надо, чтобы вас видели. Где ваш чемодан?

— Сгорел.

— Ах да, конечно. Ну ничего, вы еще новый купите, в Швейцарии.

— И далась вам эта Швейцария!

— Ладно уж, мне ее не видать как своих ушей. Я пошел. А вы не суйтесь.

— Не сидеть же мне здесь все время.

— Лучше сидеть.

— Я должен увидеть как можно больше собственными глазами. Нет ничего глупее, чем отсиживаться. Я могу там пригодиться.

— Вы? Им? — вставил Борис с сарказмом. — Чтобы вас прихлопнули?

Борис подошел к двери автобуса и с минуту оглядывался, как в детективном фильме, нет ли за ним слежки.

И если бы кто-то посмотрел в ту сторону, наверное бы, уверился, что видит злоумышленника.

Шубин не стал ждать, пока Борис, пригибаясь и изображая из себя злоумышленника, убежал с площади. Он спрыгнул из промерзлого автобуса на снег, и ему показалось, что снаружи чуть теплее, чем в машине. Он сунул руки в карманы аляски, надеясь отыскать там сигареты, но нащупал только банку с растворимым кофе. «Чего же Эля не вынула, — подумал он. — Лучше бы вынула и положила сигареты».

Оттого, что сигарет не было, страшно хотелось курить, Шубин подошел к танку и только собрался постучать по броне, спросить, нет ли закурить у танкистов, как увидел табачный киоск. Киоск был открыт.

Шубин, ничуть не удивившись, пошел через площадь.

В киоске кто-то был.

Шубин спросил:

— Пачку сигарет не дадите?

После некоторой паузы изнутри послышался тонкий голос:

— А вам каких?

— «Прима» есть?

— Сейчас.

На полочку перед окошком легла черно-красная пачка. Ее держала тонкая детская рука.

Шубин сказал:

— Спасибо, — и положил рубль.

Рука сгребла рубль и исчезла.

— А спички есть? — спросил Шубин.

— Спичек нету.

Окошечко со стуком закрылось.

Шубин отошел на три шага, разломал пачку, вытащил сигарету.

Боковая дверь в киоск открылась, и оттуда высунулась голова мальчишки в вязаной шапке. Мальчишка вытащил мешок, явно набитый пачками сигарет, и ловко закинул его за киоск, прочь с глаз. Увидев, что Шубин наблюдает за ним, он ничуть не испугался, а разжал кулак, в котором оказался коробок спичек, и кинул его Шубину.

Тот успел подставить руку и схватить коробок.

Следом за мальчишкой из киоска выбралась девочка с таким же мешком. Оба спрятались за киоск.

Шубин пошел к вокзалу.

Солдат с автоматом, который стоял возле черных «Волг» и военных «газиков», число которых за время разговора с Борисом увеличилось, шагнул навстречу Шубину.

— Нельзя, — сказал он.

— Мне можно, — сказал Шубин. Он достал из кармана пиджака редакционное удостоверение. Солдат взял удостоверение, раскрыл, начал читать, шевеля губами. Потом посмотрел на Шубина, сравнивая его с фотографией, и Шубин понял, что сходства солдат отыскать не может. Он закрыл удостоверение и крикнул:

— Величкин! Товарищ старшина!

Старшина в теплой куртке, разрисованной камуфляжными узорами, подошел не спеша. Он был без автомата, но кобура повязана поверх куртки.

— Тебе же приказано — не пускать, — сказал он.

Солдат протянул старшине удостоверение Шубина, а сам посмотрел с тоской на дымящуюся сигарету. Шубин вытащил пачку, протянул солдату.

Тот взял сигарету, но закуривать не стал, он смотрел на старшину.

— И что вам там нужно? — спросил старшина.

— Мне надо пройти в штаб, — сказал Шубин. — Я журналист, из Москвы, корреспондент. Я в командировке.

— В командировке? — спросил старшина, и взгляд его проехал по Шубину — от вязаной шапки, заросшего щетиной, порезанного лица до рваной аляски и замаранных брюк. — Что-то не похоже. Паспорт есть?

— Есть здесь кто-нибудь постарше чином? — спросил Шубин терпеливо, отдавая старшине паспорт.

Солдат держал сигарету так, будто готов был вернуть ее Шубину, как только того разоблачат.

— Приказано посторонних не пускать, — сказал старшина. — Авария.

— Послушай, старшина, — сказал Шубин. — Я всю ночь был на этой аварии, пока ты в казарме спал. И мне некогда было себя в порядок приводить. Я там был.

Шубин показал на гостиницу. Солдат и старшина послушно посмотрели на гостиницу.

— Погодите, — сказал старшина и, взяв удостоверение, пошел к вокзалу.

— Самое время бюрократию разводить, — сказал Шубин и зажег спичку.

Солдат закурил. Солдат был из Средней Азии, он был напуган, ему было холодно.

Низко над площадью прошел вертолет. Загромыхал за вокзалом состав.

— Как оттуда ушел? — спросил солдат, показывая на гостиницу.

— По пожарной лестнице, с крыши, — сказал Шубин.

— Понимаю, — сказал солдат. — И вещи сгорели?

— Вещи сгорели.

Подъехал «рафик». Из него вылезали люди, некоторые сонные, одетые кое-как, напуганные. Из вокзала выбежал шестерка Плотников, издали замахал рукой и крикнул людям, что стояли у «рафика»:

— Сюда, товарищи, в зал ожидания, там вас ждут. Пропустите их!

Он убежал так быстро, что Шубин не успел его окликнуть. Но среди стоявших у «рафика» Шубин увидел Николайчика. Тот плелся за остальными к вокзалу.

— Федор Семенович! — крикнул Шубин. — Федор Семенович!

Николайчик остановился. Другие стали оборачиваться. Шубин подошел к нему.

— Шубин, — узнал его Николайчик. — В таком виде? Что с вами произошло?

— То, что и со всеми.

— Какой ужас! — сказал Николайчик. — Вы просто не представляете, какой ужас.

— Представляю, — сказал Шубин.

— Ну да, конечно. Но никто не мог представить. Меня разбудили час назад, вызвали сюда в штаб. Есть человеческие жертвы! — Последнее Николайчик произнес тихо, будто делясь с доверенным человеком государственной тайной.

— Даже у вас в доме, — сказал Шубин.

— Что?

— Те, кто жили на нижних этажах.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик, сразу насторожившись.

— Николайчик, — позвал кто-то из ушедших вперед.

— Сейчас. А вы почему здесь, Юрий Сергеевич? Хотите уехать?

— Меня не пропускают.

— Товарищ солдат, — сказал Николайчик, — надо пропустить товарища Шубина, он корреспондент из Москвы.

— А мне как прикажут, — сказал солдат.

— Пойдемте со мной. — Николайчик потянул Шубина за рукав, но увидел, что рукав рваный, обгорелый, и отпустил его.

Солдат неуверенно сделал шаг, желая перекрыть Шубину путь, но Николайчик был настойчив, и солдат сдался.

Николайчик шел рядом.

— Ужасное бедствие, — говорил он, будто втолковывал Шубину урок, — роковое стечение обстоятельств.

— Какое, к черту, роковое! — возразил Шубин. — К этому все шло.

— Нельзя так категорично, — сказал Николайчик. — Если бы были предпосылки, неужели вы думаете, что товарищ Силантьев не принял бы мер?

— Вот не принял.

Николайчик насторожился и замолчал. У него было чутье, у этого Николайчика.

Они вошли в здание вокзала. Длинные скамьи для ожидающих, недавно переполненные народом, были пусты, только кое-где в проходах стояли чемоданы и сумки. Никто там не бродил, не фланировал, не убивал время — все спешили, бежали, исполняли. Военных здесь было немного, встречались железнодорожники и милиционеры. Основное направление движения соединяло второй этаж и платформу — муравьиной дорожкой сбегали по широкой лестнице люди, хлопали двери, ведущие на перрон, оттуда также появлялись люди, и смысл этого движения Шубину был непонятен.

— Где здесь туалет? — спросил Николайчик у Шубина.

Шубин ответил не сразу. Он думал о том, сколько людей погибло здесь — ведь залы были переполнены...

— Туалет? Вон видите — стрелка вниз: камеры хранения, туалеты. Только учтите, воды нет.

— Но мне же надо! — капризно ответил Николайчик. — Подождите меня здесь!

Он поспешил к лестнице в подвал, пробежал возле приколотого к стене бумажного листа с надписью: «Вход воспрещен!» Рядом с Шубиным остановились двое мужчин в белых халатах.

— А может, еще повезло, — сказал один. — Почти нет пострадавших. Действовало сразу.

— «Почти», ты не был в первой больнице?

— Нет, меня из дома взяли.

— Там обожженные и раненые. В коридорах лежат, в вестибюле. А людей нету. Совершенно нету. Я даже не представляю, сколько наших погибло.

Неожиданно загорелся свет. Шубин настолько привык к полутьме, что зажмурился.

— Станцию запустили, — сказал медик.

— У тебя дома как?

— Обошлось.

— О-о-о! — раздался крик. Шубин обернулся. Николайчик выскочил из подвала и бежал к нему, поддерживая расстегнутые брюки.

— Там, — сказал он, — там...

— Все ясно, — сказал Шубин. — Можете не объяснять.

— Там... ужасно... Вы не представляете! Там люди!

— А вы думаете, куда должны были снести трупы отсюда? — спросил Шубин. — И надо сказать, что они это быстро сделали.

— Солдаты, — сказал медик. — Они сейчас на путях работают. Там платформы подали.

— А что же будет? Что с ними будет? Вы не представляете.

— Захоронение, — сказал медик, закуривая. — Коллективное захоронение. И как можно скорей. Указание уже есть.

— Почему? — не понял Николайчик. — Как же так?

— А потому, Федор Семенович, — ответил Шубин, — чтобы не портить вам настроения.

— Тонкое наблюдение, — сказал медик. — Но, в общем, они правы, я бы то же самое приказал. Мы не знаем, как будет действовать газ на окружающих, — тела могут стать источником опасности. Не говоря об эпидемиологии.

— Солдатам только сейчас противогазы привезли, — сказал второй медик. — Там у них на складе, оказывается, всех выбило...

— Но вы не понимаете! — сказал Николайчик медику. — Там они лежат горой, до самого потолка.

— Представляю. Я был в аэропорту, — сказал медик. — Придется привыкать.

— Туда тоже добралось? — спросил Шубин. — Я думал, что аэропорт выше...

— Как я понимаю, туда понесло эту дрянь, когда поднялся ветер.

— А что вы здесь делаете? — спросил Шубин.

— Черт его знает — дежурим. Нужна машина при штабе. Вот и дежурим. Считай, что нам повезло.

Медики пошли на второй этаж, а Николайчик все не мог успокоиться:

— Я туда спустился, понимаете, Юрий Сергеевич? Там же почти совсем темно. И запах... такой неприятный запах. Я чувствую, что не пройти — впереди преграда. Я стал руками искать проход — я не понял, что за преграда, может, вещи... совсем темно было. И вдруг загорелся свет. Я стою, а вокруг лежат мертвые люди — до самого потолка, вы понимаете? И такой страшный запах...

— Николайчик! — сверху перегнулся через перила незнакомый Шубину мужчина. — Срочно на ковер!

— Простите, — сказал Николайчик. — Вы идете?

— Иду, — сказал Шубин, но задержался, потому что вспомнил, что его удостоверение у старшины — надо забрать. Он пошел к выходу.

Шубин выглянул наружу — старшины не было видно.

Здесь должна быть какая-нибудь комендатура.

Шубин поднялся на второй этаж вокзала.

Зал ожидания был прибран, пуст, скрепленные по шесть железные вокзальные кресла отодвинуты к стенам. Но не сам зал был центром деятельности, а комната матери и ребенка, дверь в которую была распахнута, и вторая комната, над которой сияла неоновая, не к месту яркая вывеска «Видеосалон». Вокруг неоновых букв загорались поочередно лампочки, совсем как на новогодней елке.

Пока Шубин стоял в нерешительности, не зная, к какой двери направиться, из видеосалона выбежал шестерка Плотников. За ним спешил низенький потный железнодорожник.

— Ну как же я пропущу? Там же людям сходить надо, — говорил он.

— Пропустить без остановки. И всех пропускать — неужели вам не понятно? Ведь чрезвычайное положение.

— Вы бы мне бумагу дали, — сказал низенький.

— Будет бумага, будет, вы же видите, что я занят!

Шестерка побежал от железнодорожника, который со вздохом развел короткими руками и пошел обратно в видеосалон.

И тут Плотников увидел Шубина. Он пробежал мимо, не сразу узнав его, но затормозил где-то сбоку и сделал два шага задом наперед.

— Шубин? — спросил он.

— Он самый, — сказал Шубин. — И живой.

— Вижу, — сказал шестерка. — И очень рад. Очень рад, что у вас все в порядке. А что вы здесь делаете?

— Хочу встретиться с руководством штаба, — сказал Шубин. — Надеюсь, что могу пригодиться.

— Зачем? — сказал шестерка и, вместо того чтобы продолжать свой путь дальше, развернулся, кинулся к двери в комнату матери и ребенка.

Шубин пошел за ним. Пришлось посторониться — несколько солдат притащили тяжелый ящик и принялись втискивать его в двери комнаты матери и ребенка, застряв там и перекрыв движение людей.

Вокруг кипели голоса, ругательства и советы, отчего ящик еще больше заклинивало в дверях. Через головы солдат видны были люди, что стояли в зале. Их было много. Шубин увидел Гронского, к которому подбежал Плотников и что-то говорил ему, отчего тот повернул голову к двери, и они с Шубиным встретились взглядами.

Гронский тут же отвел глаза и стал что-то говорить незнакомому чиновнику.

Шубин протиснулся к Гронскому. Гронский выглядел усталым, глаза красные, под ними темные мешки, благородные брыли свисали до плеч.

Он протянул Шубину руку. Рука была холодной, влажной.

— Вижу, что вы уже пришли в себя, — сказал Гронский. Потом добавил, обращаясь к статному усатому чиновнику в финском пальто и шляпе, что стоял рядом: — Познакомьтесь, товарищ Шубин, журналист из Москвы. А это Николаев, директор биокомбината, заместитель начальника чрезвычайного штаба.

Рука Николаева была другой, твердой и широкой.

— Журналист? — недоверчиво спросил Николаев. Он был недоволен. Шубин словно услышал невысказанные слова: «Когда успел? Кто допустил?»

Гронский уловил недовольство. Он добавил, будто оправдываясь:

— Товарищ Шубин у нас здесь с лекциями по международному положению. Вот и попал в переделку. Мы с ним ночью в гостинице куковали.

— А, международник, — сказал Николаев облегченно и тут

же закричал на солдат, которые распаковывали ящик, где таился какой-то прибор с экраном и множеством кнопок: — Правее ставьте, правее, чтобы окно не загораживать!

Он потерял интерес к Шубину.

— Обзаводимся хозяйством, армия помогает, — сказал Гронский. — Ну как вы, отдохнули?

— А вы энергично взялись за дело.

— К сожалению, — сказал Гронский, — никто не будет нас хвалить за оперативную работу по спасению жизни и имущества граждан. У нас как бывает? Голову сносят за прошлые грехи, сегодняшние подвиги не в счет.

Гронский грустно улыбнулся. Он был искренен.

Шубин позавидовал: у него была возможность побриться.

— Как здоровье вашей жены? — спросил Шубин.

— Спасибо. Разумеется, ей придется отдохнуть — нервный шок. Вы знаете, какая трагедия произошла с вертолетом?

— Я видел.

— Мы буквально чудом остались живы.

— Я хотел быть чем-нибудь полезен, — сказал Шубин.

— Но чем, чем? — вдруг вспылил Гронский. Вроде бы оснований для вспышки Шубин ему не давал. — Вы пойдете в бригаду по уборке трупов? Или в пожарники — у нас пожарников не хватает! Или в госпитале кровь сдадите?

— Не волнуйтесь, — сказал Шубин. — Я понимаю, как вам трудно.

— А будет еще труднее. С каждым часом... Вам не понять.

— Я вас понимаю, — сказал Шубин, который более не испытывал неприязни к этому замученному человеку. Неприязнь осталась во вчерашней ночи. Какой он, к чертовой матери, убийца! Чинуша перепуганный. И о жене беспокоится, и надеется, что, может быть, каким-то чудом все обойдется, и понимает, что ничего уже не обойдется. По крайней мере, для него.

— И какого черта вы сюда именно вчера приехали, — сказал Гронский с горечью. — Приедете в Москву, начнете ахать — что я видел, что я видел!

— Ахать не буду, — сказал Шубин. — Но если вы в самом деле думаете, что мне здесь делать нечего, тогда помогите мне улететь в Москву. Я думаю, что смогу вам там чем-то помочь. Вам же нужно многое для города.

— Нам нужно все! — почти кричал Гронский. — У нас нет врачей, нет шоферов, ни черта нет — мы же не можем на одних солдатах спасать положение!

— Ну, не надо так нервничать, — послышался начальственный голос.

В зал, в сопровождении небольшой свиты военных и гражданских чинов, вошел Силантьев.

— От вас я не ожидал услышать капитулянтских высказываний.

Силантьев не заметил Шубина, не обратил на него внимания, а может, и не узнал — в отличие от Гронского, он видел корреспондента лишь в своем кабинете, в респектабельном обличье.

— Это не капитулянтские высказывания, — сказал Гронский, — а оценка ситуации.

— Ситуация критическая, но не трагическая, — сказал Силантьев. — Он обратился к стоявшему рядом генерал-майору, высокому брюнету с черными глазами и синими от щетины щеками: — Правда?

— Не могу я больше дать солдат, — ответил генерал, видно, продолжая разговор, который они раньше вели.

— Ты мне больше не давай, — сказал Силантьев, — ты мне оставь, сколько есть.

— Люди который час на морозе таскают трупы, — сказал генерал. — Им надо отдохнуть, мы их даже не покормили.

— Что у тебя, детский сад, что ли? — обиделся Силантьев. — А если бы война?

— Сейчас не война, — сказал генерал. Он говорил с легким восточным акцентом. — Сейчас катавасия.

— Еще один капитулянт, — сказал Силантьев и развел руками, будто призывая всех в свидетели тому, как ему трудно с такими людьми.

— Вы, Василий Григорьевич, не представляете, видимо, масштабы, — сказал генерал.

— Никто не представляет. Но мы уточним. И твоим орлам выделим из неприкосновенных запасов. Не обидим.

— У меня солдаты, — сказал генерал, — специалисты, а не могильщики.

— Ссориться будем? — спросил Силантьев, мягко укладывая ладонь на зеленый защитный погон генеральской куртки. — Не надо со мной ссориться. Всем трудно. А мне труднее всех. Это мой город, это мой народ!

Шубин нечаянно встретил взгляд генерала. Во взгляде была тоска. Или отчаяние. То же самое, что во взгляде Гронского. И других людей — медиков, Николайчика, даже солдатика на

площади. Не было тоски во взгляде Силантьева. Взгляд был ясен.

Подбежала женщина в белых сапогах и распахнутой дубленке. Длинный шарф размотался, доставал до колен.

— Василий Григорьевич, есть телефонограмма, — сказала она.

Силантьев развернул листок, пробежал глазами.

— Так, — сказал он. — Будем готовиться.

— Что? — спросил Гронский. — Кто едет?

— Область, — сказал Силантьев. — Через сорок минут самолет будет здесь.

— У нас ничего не готово, — сказал Гронский.

— Где принимать будем? — спросил Силантьев у женщины в дубленке.

— В горкоме нельзя, — сказала она. — Там не готово.

— Знаю. С аэродрома везем сюда. Тебе, Мелконян, главная скрипка, — это относилось к генералу. — Чтобы БТР спереди, танк сзади — психологическая атака по высшему разряду. Я буду встречать. Силина ко мне в машину. Ты, Гронский, тоже поедешь со мной, у тебя нервы расшатались. Николаев поедет во второй с Немченко. Слышал?

— Слышал, — сказал Николаев.

— Главная наша задача, чтобы они не очень глядели по сторонам. И если на пути следования будет хоть одно неживое тело, — Силантьев сжал руку в кулак, — убью.

Неизвестно, к кому это относилось, но ответил генерал.

— По Пушкинской и Советской мы все очистили, — сказал он. — Но на шоссе гарантии нет.

— Да там и не было никого, — сказал Николаев. — Главное, чтобы автостанцию проехать.

— Мелконян, пошли человека надежного, чтобы весь маршрут проверил. Немедленно. Весь. Если что — в кювет, в кусты — ты понял?

— Я пошлю, — сказал Мелконян, не глядя на Силантьева.

— Хорошо. Кто готовил цифры? — спросил Силантьев.

— У меня есть, — сказала женщина в дубленке. Она протянула Силантьеву смятый листок. — Здесь оценочное число жертв, зажиганий и так далее.

Силантьев смотрел на листок. Все ждали.

— До ста человек жертв? — спросил он женщину. — Да ты с ума сошла! Они же перепугаются. Это в Москву надо сразу рапортовать.

— Мы писали приблизительно, — сказала женщина.

— Они тоже не лыком шиты. Если доложу, что сто смертельных случаев, они полезут смотреть. Сделаем так: жертвы есть, подсчитываются... Ладно, сделаю. Иванов!

Иванов — расплывшийся человек в потертом костюме, с золотым перстнем на безымянном пальце — отделился от стены.

— Рви в резиденцию. Чтобы обед был готов через два часа. Возьми «рафик» и трех милиционеров. Проверь, чтобы вокруг было спокойно. А вы работайте, товарищи, — обратился он к солдатам. — Чтобы через час, когда мы вернемся, все сверкало и работало — пусть товарищи из области видят, как у нас все поставлено.

— А если они меня спросят, сколько жертв? — сказала женщина.

— Санитарный врач доложит. Доложишь?

Шубин видел его раньше, тот был в кабинете Силантьева, когда он случайно подслушал их разговор.

— Я предпочту воздержаться от оценки, — сказал врач.

— Надеюсь, все запомнили эти мудрые слова?

По толпе, окружавшей Силантьева, прошел согласный гул.

— А ты, Шубин? — Шубин так и не понял, когда Силантьев разглядел и узнал его. Но разглядел раньше, не сейчас, потому что, произнеся последние слова, он смотрел уже на дверь.

Шубину надо было молчать. Не только из-за опасения за себя — из интересов дела. От того, скажет ли он сейчас что-нибудь или нет, ничего в поведении Силантьева не изменится. А Шубин сможет тихо выбраться из города. Хотя, может быть, он недооценивал Силантьева и тот уже решил не выпускать его из города.

Шубин сказал:

— Все первые этажи — мертвые.

— Что? Я не понял.

— Сейчас люди начнут открывать первые этажи, а там все мертвые.

— Шубин, не пугай людей, — сказал мирно Силантьев. Он взял Шубина под руку и повлек к двери. — Ты же не знаешь, а я знаю — эта дрянь через стекла не проникает. А ночь морозная, форточки были закрыты. Да и среди наших товарищей есть немало таких, кто живет на первых этажах. Есть такие, товарищи?

В зале была полная тишина, будто боялись пропустить каждое слово, сказанное Силантьевым.

Никто не ответил. Силантьев резко повернулся к толпе, которая медленно текла за ним.

— Надеюсь, среди вас есть люди, проживающие на первых этажах?

И снова никто не признался.

Санитарный врач сказал:

— Мы не проверяли еще, Василий Григорьевич. У нас первоочередные дела.

— Мне кажется, — сказал Шубин, — что вы здесь занимаетесь чепухой.

— Что? — Силантьев даже остановился.

— Вы думаете, как это все притушить, закрыть, спрятать... вы даже об обеде уже подумали. — И, говоря, Шубин как бы освобождал себя. Страх, который сковывал его, потому что он был маленьким человеком в этой отлаженной, хоть и давшей сбой машине и ничего не мог в ней изменить, пропал, как пропадает волнение у неопытного оратора после первых удачных фраз с трибуны. — Кого вы обманете? Областное начальство? А потом? Когда станут понятны размеры катастрофы?

— Неуместное слово, — сказал брезгливо санитарный врач.

— Вы же правите сейчас мертвым городом! — кричал Шубин. — Городом, дома которого наполнены мертвецами, вы это понимаете? Вы хотите навести марафет на одной улице? Для чего? Чтобы завтра снова травить этот город? Чтобы завтра отравить всю страну? Весь мир?

— Нервы, нервы, — говорил Николайчик, оттаскивая Шубина в сторону.

— Погоди, пускай выговорится, — сказал Силантьев.

— Я выговорюсь не здесь, — сказал Шубин. — Я выговорюсь в Москве.

И в этот момент он уловил перемену в гуле, наполнявшем зал.

До этой секунды гул был сочувственным, потому что почти все, кто стоял там, были потрясены бедой, какими бы куцыми ни были обломки их моральных устоев. И Шубин пользовался их молчаливым сочувствием. Но в тот момент, когда он произнес слово «Москва», — он стал чужим.

— Ну что ж, — сказал Силантьев. — В Москве ты выговоришься. Но посмотрим, кому из нас поверят.

— Поверят, — сказал Шубин. — Поверят.

— А я бы хорошо подумал, прежде чем делать выводы, — сказал Силантьев, все еще владея собой. — Что ты видел здесь? Где ты прятался, когда мы все, в одном порыве, ликвидировали последствия аварии?

— Я был там же, где ваш товарищ Гронский, — сказал Шубин.

— Все ясно, — сказал Силантьев и даже улыбнулся: — С крыши наблюдали, как туристы. Хорошо еще, что мы успели вертолет организовать. Это там Спиридонов погиб?

Но вопрос был обращен не к Шубину, а к Гронскому.

Гронский вдруг подтянулся, словно вспомнил роль, которую должен был донести до публики.

— Обстоятельства гибели товарища Спиридонова загадочны, — сказал он. — Пока я организовывал спасение женщин, товарищ Шубин с группой мужчин должен был вынести раненого Спиридонова на крышу. Шубин появился на крыше один. Со своей любовницей.

— А, он и любовницей обзавелся! Ничего себе, моральный уровень.

Силантьев поглядел на часы.

— Разберитесь, — сказал он. — Слава богу, мы здесь не на пожаре. Таких вещей я никому не спускаю, Шубин. Ты мог вести себя трусливо, мог бежать в Москву и строчить доносы... Но смерть моего старого друга Спиридонова я тебе лично никогда не прощу.

— Все это ложь, — сказал Шубин. — И вы знаете, что это ложь.

— Я знаю то, что мне докладывают, — сказал Силантьев.

И он пошел к выходу из комнаты, на пороге наткнулся на забытую там куклу — наподдал ее начищенным ботинком.

— Все это полная чепуха! — Шубин пошел за Силантьевым, не в силах совладать с желанием оправдаться, объяснить.

Шубина никто не задерживал. Когда он проходил мимо генерала, тот сказал:

— Я бы на вашем месте здесь не оставался.

И прежде чем Шубин смог ответить, он быстро отошел от него и приблизился к офицерам, что стояли у двери в видеосалон.

Шубин шел вслед за Силантьевым в редеющей толпе «штабистов», и с каждым шагом желание поговорить, убедить Силантьева испарялось. Силантьев не будет его слушать. Но что делать? Может, взобраться на товарный поезд — они проходят тут? И на платформе попытаться доехать до соседнего города. Нет, лучше попробовать аэродром. Туда прилетают самолеты, аэродром открыт. Надо будет пробиться к летчикам, уговорить их...

Рассуждая так, Шубин вышел на лестницу и увидел, что Си-

лантьев с Гронским и приближенными уже сошли в нижний зал и направляются к двери.

Но как добраться до аэродрома? На какой-нибудь машине? Надо поговорить с генералом. Сейчас, когда Силантьева нет, генерал может помочь. Ему лично катастрофа вряд ли чем грозит. Наоборот, он сразу принял меры, и Шубин может это подтвердить...

Шубин хотел вернуться в видеосалон, но тут услышал внизу крики.

От дверей вокзала к Силантьеву и Гронскому кинулась девушка в развевающемся пальто. Неумело, в вытянутой руке она держала нож. Черные свалявшиеся волосы гривой окружали ее маленькое лицо. Свет люстры отразился в больших очках.

Гронский отпрыгнул назад, за Силантьева, а тот закрылся большим портфелем, который нес в руке. Нож несильно ударился в портфель, скользнул по нему и со звоном упал на каменный пол. И тут же на девушку со всех сторон накинулись несколько мужчин и повалили ее на пол. Мелькали руки, и непонятно было, чего они хотят — избить ее, связать или вытолкнуть.

Мешая друг другу, они подняли девушку с пола, заломили руки за спину. Она билась, кричала что-то. Шубин узнал в ней робкую Наташу из книжного магазина.

Он не слышал, что она кричала, потому что кричали все. Но слова Силантьева, выдержке которого можно было только позавидовать, донеслись до Шубина:

— Сумасшедшая. Бывает... Вы с ней осторожнее. Нервный стресс. Вызвать врачей!

И Силантьев продолжил движение к машине. Гронский отстал. Он, видно, совсем расклеился... Николаеву пришлось вернуться за ним. Он повел Гронского к выходу, поддерживая под локоть. Около девушки уже были медики, те, что курили внизу. Они повели ее куда-то в сторону. Зал опустел, только шестерка Плотников о чем-то разговаривал с милиционером.

Шубин был бессилен. По крайней мере, Наташиной жизни ничто не угрожало. Она жива, все обойдется...

Успокоив себя, Шубин пошел обратно. В видеосалон его не пустил солдат, что стоял за дверью.

— Мне нужно поговорить с генералом Мелконяном, — сказал Шубин.

— Нельзя.

Шубин пытался заглянуть в видеосалон через плечо солдата.

— Мелконян! — закричал он. — Мне надо с вами поговорить.

И в этот момент сильная рука рванула его от двери.

Он еле удержался на ногах. Перед ним стоял лейтенант милиции, такой же небритый, как сам Шубин. Рядом — еще один милиционер и шестерка Плотников.

— Этот? — спросил лейтенант у Плотникова.

— Этот.

— Пошли, гражданин, вы задержаны, — сказал лейтенант.

— Почему? — спросил Шубин.

— Пошли, разберемся.

Шубин обернулся, но Мелконян не вышел. Солдат, держа автомат у груди, равнодушно смотрел вслед Шубину. По его лицу бегали сполохи от веселой надписи «Видеосалон».

В станционной милиции лейтенант потратил на разговор с Шубиным минуты три. Его успели проинструктировать. Он потребовал у Шубина документы. Документов у Шубина не было, потому что их не вернул старшина. Об этом лейтенант, видно, уже знал. Затем лейтенант сказал, что товарищ, называющий себя Шубиным, задержан по подозрению в убийстве руководящего работника Спиридонова С. И. этой ночью в гостинице «Советская». Логика в этом тоже была. А идея, как решил Шубин, принадлежала самому Силантьеву. Можно спорить и даже отбрехаться, если тебя обвиняют в хулиганстве, скандале и даже оскорблении вышестоящих лиц. Но с убийцами, особенно в чрезвычайном положении, ведут себя строго.

Шубин пытался объясниться, но лейтенант слушал его равнодушно и устало. Будто только и ждал, когда Шубин замолчит, чтобы заснуть.

Он сказал:

— Я бы вас к стенке поставил.

И Шубин замолчал. Не исключено: кто-то мог посоветовать измученному лейтенанту поставить этого бродягу к стенке при попытке к бегству.

Лейтенант сам отвел Шубина в камеру, единственную камеру вокзального отделения милиции. Он шел сзади, вынув пистолет, и Шубину казалось, что лейтенант раздумывает, не прибавить ли Шубина к числу жертв катастрофы. Лейтенант никогда не поверит, что его арестант — заложник Силантьева, Гронского, всей этой благопристойной банды, что трясется не от чувства вины или боли, а от страха за свои шкуры.

Дверь в камеру громко захлопнулась. Под потолком горела тусклая лампочка, возле нар лежало на полу человеческое тело.

И Шубин даже не стал возмущаться этим, понимая, что у лейтенанта и тех милиционеров, что остались в городе, достаточно дел и без выволакивания трупов из КПЗ.

Окна в камере не было. Только дверь с окошком, затянутым решеткой, лампочка, унитаз в углу под крышкой.

Шубин подошел к унитазу и попытался спустить воду. Вода еще не шла. Не пустили воду. А на даче наверняка есть горный родник. Там и будут отдыхать инспектирующие чины, которым приятнее поглядеть на красоты природы, чем на вонючие трупы.

Тут Шубин вспомнил, что его давно уже ждет Борис. А вдруг с ним что-то случилось? Знает ли он, что Наташа бросалась с кухонным ножиком на городское начальство? Бориса вполне могли забрать. Ведь Силантьев — человек предусмотрительный, и они наверняка знают о письмах и бумагах Бруни. А если знают, то ищут. Если вчера эти бумаги были лишь неприятным раздражителем, то сегодня они могут оказаться смертным приговором.

И как бы в ответ на мысли Шубина в коридоре послышались шаги, перед дверью остановились, и Шубин представил себе, что сейчас в камеру войдет лейтенант и равнодушно произнесет:

— Именем закона о чрезвычайном положении вы приговариваетесь к смертной казни, которая будет приведена в исполнение немедленно.

И когда дверь отворилась, Шубин невольно отпрянул к стене. Он сам уже поверил в эти слова лейтенанта.

Лейтенант вошел и остановился у порога. С ним был второй милиционер. Плотников стоял в коридоре. Его оттопыренные уши посвечивали красным.

— У меня есть свидетели! — вдруг воскликнул Шубин. Он сам не знал за мгновение, что скажет это. Но сказал: — Ваш сотрудник, сержант Васильченко, он присутствовал, он все знает.

— Лицом к стене, — сказал лейтенант.

— Почему? Зачем? Я ничего не сделал!

— Встаньте на шаг от стены, — устало сказал лейтенант, — протяните руки к стене, обопритесь на них.

Он говорил докторским голосом, и Шубин вдруг понял, что его не будут расстреливать, зачем для этого упираться руками в стену. И он быстро, стараясь показаться послушным и неопасным, повернулся к стене и выставил вперед руки. Шестерка засмеялся. Жесткие твердые руки прощупали бока Шубина, брюки, аляску. Затем поднялись и задержались на секунду на карманах.

— Отойди назад! — сказал лейтенант.

Послышались поспешные шаги — милиционер и Плотников отпрянули. Что же испугало лейтенанта?

Лейтенант запустил руку в карман аляски.

— Это кофе, — сказал Шубин. — Растворимый кофе.

— Помолчите, — сказал лейтенант. — Вижу, что не граната. Бойченко, посмотри, что там внутри.

— Я сам посмотрю, — раздался голос Плотникова.

Руки Шубина заныли от неудобной позы.

— Повернитесь лицом ко мне, — сказал лейтенант.

Шубин оттолкнулся от стены, выпрямился и обернулся. Лейтенант стоял перед ним, милиционер на шаг сзади. Плотников в дверях завинчивал банку с кофе.

Лейтенант закончил обыск. Он вытащил из кармана бумажник. Отходя, задел ногой лежавшего человека. Тот что-то забормотал.

— Дайте сюда, — велел Плотников лейтенанту. Тот отдал бумажник. Шестерка сунул бумажник себе в карман.

— Больше ничего? — спросил он.

— Больше ничего, — сказал лейтенант.

Лейтенант пошел к выходу. Шубин осмелел:

— А вещи когда отдадите?

— Когда нужно будет, тогда и отдадим.

— Он еще спорит, — с деланым возмущением воскликнул Плотников.

«Лучше бы Эля оставила кофе дома, — подумал Шубин. — Ведь не отдаст, сволочь. Дефицит».

Когда дверь закрылась, Шубин присел на край нар.

Человек у его ног, который оказался не мертвым, а мертвецки пьяным, повернулся, уютнее устраиваясь на полу.

Ясно, что они искали бумаги Бруни. Плотников не сразу спохватился. Прибежал обратно и потребовал личного обыска.

Шубин сидел на краю нар. Спать совсем не хотелось. Ничего не хотелось, только вырваться из этой камеры. Но он понимал, что сейчас в этой суматохе никто его не разыщет. Эля? Эля спохватится, конечно, но кто она — шоферша? Случайная девочка? Борис? Бориса они постараются изолировать. Было бы окно — написал бы записку для генерала Мелконяна. Черта с два напишешь записку! Они отобрали бумажник и записную книжку, сейчас шестерка сидит у лейтенанта или в какой-нибудь спецкомнате — изучают его бумажки.

— Закурить не найдется? — трезвым голосом спросил сосед по камере.

— Сейчас, — сказал Шубин. Сигареты ему оставили.

Но пока он доставал сигареты и спички, сосед снова заснул.

Шубин закурил. За дверью простучали сапоги. Потом снова тишина. Шубин подошел к двери, приложив ухо к решетке, стал слушать. Далеко по коридору звучали голоса. Потом хлопнула дверь. И Шубин не столько услышал, сколько почувствовал тишину в отделении. А чего он ждал? Что они будут здесь сидеть, сторожить его?

Шубин постучал в дверь. Неизвестно зачем, но постучал. Потом сильнее. Ему хотелось стучать в дверь, ему хотелось колотить в нее, вкладывая в эти удары возмущение собственным бессилием.

— Не шуми, — сказал сосед. — Мешаешь.

Шубин спохватился. В самом деле глупо.

Не лучше ли продумать линию поведения? Может, изобразить полное раскаяние? Обещать, что будет молчать...

Далеко хлопнула дверь.

Кто-то вошел в отделение. Шаги замерли. Потом возобновились. Они приближались к двери. Шубин отступил в сторону. Шаги были медленные, осторожные, в них была угроза.

Звякнула щеколда. Дверь открылась. Шубин стоял, прислонившись к стене.

— Ты здесь? — услышал он голос Коли.

Коля вошел в камеру.

— Не бойся, — сказал он. — Это я.

Коля тоже был небрит, но у него светлые волосы, так что не очень заметно. На лбу ссадина.

— Коля! — Шубину захотелось броситься к нему, обнять как старого друга, но Коля был строг и сух.

— Выходи, — сказал он.

Затем протянул Шубину его бумажник. И Шубин подумал: кофе шестерка все-таки взял себе.

— Быстрее, — сказал Коля. — Я из-за тебя под суд идти не желаю.

— Сейчас. — Шубин почему-то принялся застегивать «молнию» аляски.

Коля выглянул в коридор.

— Там никого нет, — сказал Шубин.

— Без тебя знаю. Нет, не в эту сторону, в другую.

Он провел Шубина по коридору, открыл своим ключом белую дверь, и они оказались на перроне.

— Иди вперед и не оглядывайся, — сказал Коля.

Со стороны должно было казаться, что милиционер ведет задержанного. Перрон был пуст. По дальнему пути медленно двигался маневровый паровоз. Из открытых дверей товарного вагона солдаты разгружали какие-то мешки. Встретившийся железнодорожник скользнул по Шубину равнодушным взглядом.

— Направо, — сказал Коля.

Они остановились в темном проходе между вокзалом и одноэтажным зданием.

— Ну вот так, — сказал Коля другим голосом. — Вот как получилось.

— Ты откуда узнал, что меня забрали?

— Услышал, — сказал он. — Говорили.

— И ты понял почему?

— А чего тут не понять, — сказал Коля. — Они тебе хотели убийство Спиридонова пришить. Ты бы не отвертелся.

— Но ты же знаешь.

— У меня служба, — сказал Коля. — Ты сейчас сразу налево, не оглядывайся, выйдешь на площадь, иди за киосками. За третьим киоском остановись. Понял?

— Понял.

— А я пошел. Меня и так с тобой увидеть могли.

— Мы обязательно увидимся, — сказал Шубин.

— Может быть, — сказал Коля и скрылся за углом вокзала.

Шубин осмотрелся — никого. Он прошел темным проходом и оказался на вокзальной площади.

Шубин быстро прошел к киоскам, за третьим из них остановился и осторожно выглянул на площадь.

Ветер стих, снег падал редко. На площади было куда больше людей, чем час назад. Видно, в городе уже знали, что штаб расположен в вокзале. Кучками, поодиночке люди стояли возле цепочки солдат, просились внутрь. Голоса почти не доносились, но общий шум с визгливыми выкриками был явственно слышен.

Шубин вышел из-за киоска, и тут на площадь въехала кавалькада — с аэродрома. Впереди, как и было оговорено, бегемотом двигался БТР, затем три «Волги» — две черные, а одна, можно сказать, обыкновенная. Затем еще один БТР. «Лучше бы танк, — подумал Шубин. — Внушительнее».

Машины, объезжая заснеженный газон, проехали вереницей совсем близко от Шубина. В третьей, у самого окна, сидел Гронский. Он посмотрел на Шубина. Шубин не испугался. Он встретил его взгляд, и удивление Гронского его даже позабавило. Женщины у оцепления кинулись к машинам.

У него было странное чувство непричастности к этим собы-

тиям. Будто он был заколдован, заворожен, будто у него был иммунитет против этой болезни.

— Юрий Сергеевич! — окликнул его Борис.

Борис выглядывал из подъезда, рядом с комиссионным магазином.

— Сюда!

Шубин зашел в подъезд.

— Я думал, что мне вас не выцарапать, — сказал он. — Просто сказочное везение.

— В чем везение?

— Я сержанту деньги стал давать, он меня чуть не забрал. А когда узнал, что это вас замели, он велел ждать. Я понял, что он вас выручит. Откуда он знает?

— Мы с ним всю ночь в гостинице были, — сказал Шубин.

— Нет, все-таки Бог есть, — сказал Борис.

— Письма с вами?

— Проверил?

— Я давно проверил. Только не знаю, как мы их отсюда вывезем. Они же все перекроют.

— Силенок не хватит. Завтра с помощью области точно перекроют. А сегодня еще не перекроют.

Сзади кто-то плакал.

— Что это?

— Ты забыл, что тут тоже есть первый этаж и второй этаж? Кто-то к своим пришел — и увидел. Не отвлекайся. Слушай. Я украл машину.

— Как украл?

— Проще простого. Как машины крадут? Сейчас в городе, наверное, с тысячу машин без водителей. И ключи в зажигании, понимаешь?

— Понимаю.

— Машина за углом. Я тебя вывезу из города, я знаю, где нет заслонов. Довезу до Синевы, это станция такая. Там останавливается поезд на Москву. Через два часа ты в Перми. А дальше — сможешь? Деньги есть?

— Есть. Только паспорта нет и удостоверения.

Они пробежали за угол, там стоял «жигуленок».

— Без паспорта плохо, — сказал Борис. — Паспорт нужен. Возьмешь мой.

Он завел мотор и начал разворачивать машину.

— Мы с тобой не похожи.

— Когда я его получал, были похожи. У меня прическа была цивильная и без бороды. Смотри.

Свободной рукой Борис вытащил из кармана паспорт и кинул его Шубину на колени.

— Слушай, — сказал Шубин. — Мы не успеем заехать в одно место?

— Нет, — ответил Борис. — Мы никуда не успеем. Они сейчас объявят на тебя охоту. Чрезвычайное положение, убежал убийца, маньяк. Ты себя погубишь и дело.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне нужно обязательно передать записку одной девушке.

— Напиши ей письмо.

— Я не запомнил адреса.

— Глупо. Если хочешь писать записки, сначала запиши адрес.

— Обстановка не позволяла, — сказал Шубин, но Борис не уловил иронии.

Он пытался развернуться. Места было достаточно, но Борис оказался не очень умелым водителем.

— Давай я за руль сяду, — сказал Шубин.

— Тебе, может, придется прятаться — не хочу, чтобы твоя голова на виду торчала.

Шубин раскрыл паспорт. В самом деле, если особенно не присматриваться, сойдет. Борис Ашотович Мелконян.

— Я думал, что ты еврей. Генерал — твой родственник?

— Каждый дурак меня об этом спрашивает. Нет, нет, не родственник. Не нужен ему такой родственник!

Борис развернулся было, но тут над ухом взвыла «Скорая». Пришлось затормозить.

— А ты Наташу видел? — вспомнил Шубин.

— Я же тебе сказал — не знаю!

— А я видел!

— Что? — Борис ударил по тормозу. Машина подпрыгнула, и ее повело по скользкому снегу.

— Не волнуйся, она жива и, может быть, здорова, — сказал Шубин. — Ты продолжай, разворачивайся, не до вечера же нам крутиться.

— Я буду, буду, ты только расскажи, что видел.

Шубин стал рассказывать. Борис рычал, ругался, только непонятно было, кого он ругает — Наташу или Гронского.

Шубин посмотрел на площадь, словно прощался с ней. Слева — обугленные останки гостиницы, справа — оживший вокзал. У одной из «Волг», что стояли у подъезда, суетились люди. Дверцы были распахнуты. С одной стороны туда залезал знакомый лейтенант. С другой шестерка Плотников.

— Ах, черт! — сказал Шубин.

— Ты что? Ты что не рассказал? Куда ее увезли? В какую больницу?

— Это ты узнаешь. Меня другое волнует — по-моему, я сделал глупость.

— Ну, что еще?

— Когда они с аэродрома возвращались — меня, кажется, узнал Гронский.

— И что?

— Видишь, «Волга» — она по нашу душу.

— С чего ты решил?

— Знакомые лица.

— Тогда я лучше обратно поеду, по переулкам.

— Пока ты будешь снова разворачиваться, они уже на нас сядут. Давай вперед!

Борис подчинился. Возможно, это было не лучшим решением. Машин на ходу в то утро в городе почти не было. Зеленый «жигуленок», так резво промчавшийся мимо вокзала, конечно же, обратил на себя внимание. Наверное, Шубину надо было спрятаться. Впрочем, тогда бы он открыл не менее известный преследователям профиль Бориса.

— Ничего, мы тут свернем, — сказал Борис, глядя, как черная «Волга» отходит от вокзала.

Он свернул направо, потом, увидев, что преследователей еще не видно, повернул в ворота большого дома, но тут ему пришлось затормозить. Во дворе, блокировав въезд, лежали трупы.

— Черт, я же знал... — сказал Шубин. — И забыл.

Борис хотел тут же выбираться из ворот задним ходом, но Шубин удержал его.

— Пригнись немного, дай им проехать.

Он смотрел назад, пригнувшись к сиденью. Он оказался прав. Через минуту мимо пронеслась черная «Волга». В ней был лейтенант милиции, еще кто-то в штатском и шестерка Плотников. Зеленую малолитражку, уткнувшуюся носом в ворота, они не заметили.

Борис подал назад, они вернулись к вокзальной площади и оттуда уже поехали по другой улице.

— Давай письма, — сказал Шубин. — Мало ли что, а вдруг придется срочно расставаться.

— Ты прав. Возьми в бардачке.

Шубин достал толстый конверт. Конверт был заклеен, но без надписи.

Борис затормозил на перекрестке. Работал автоматический светофор.

Шубин достал из кармана ручку и, пока машина стояла, написал на конверте крупными печатными буквами:

«ПЕРЕДАТЬ В ЦК КПСС. СРОЧНО».

Потом с трудом втиснул конверт во внутренний карман аляски.

— Правильно, — сказал Борис, который видел, как Шубин писал. — А я не догадался. Надо предусмотреть каждую случайность.

Зеленый свет не зажигался. Справа, на первом этаже, было открыто окно и оттуда двое мужчин вытаскивали тело женщины. Женщина была в одной рубашке, ноги были белые, полные, тот мужчина, который тянул за ноги, все старался оправить рубашку.

— Давай нарушим, — сказал Шубин.

— А? — Борис тоже смотрел на то, как вытаскивают тело женщины. — Конечно, конечно, — сказал он.

Он рванул через перекресток.

— А я домой только на минуту забежал, — сказал он. — Там моя мама. Она все знает. Мою жену оденут и все сделают, да?

— Конечно, — сказал Шубин.

Он обратил внимание, что по тротуарам в ту же сторону, что ехали они, идут люди, быстро, деловито, словно на службу. Машина переехала железнодорожные пути, за ними было открытое место, спускавшееся к реке.

И тут Борис затормозил в изумлении.

Все поле до самой воды было усеяно телами. У края стояло три или четыре грузовика с откинутыми бортами, и солдаты уныло и методично выкидывали тела на землю.

Но между этих тел, многих тысяч тел, ходили люди.

Другие спешили туда, стекались с разных сторон. Некоторые вглядывались в лица мертвых, другие не смели подойти близко, одна женщина стояла на коленях перед телом мужчины и била себя кулаками в грудь.

— Вот сюда бы привезти весь обком, — сказал Шубин.

— Как только ты будешь в безопасности, — сказал Борис, — я это сделаю. Клянусь памятью моей жены, я это сделаю...

Они поехали дальше. Они ехали мимо одноэтажных домиков, улица была совершенно пуста, и Шубин понимал, почему она пуста, — ни в одном из домов не осталось ни души, на мостовой валялась раздавленная собака. Две курицы спокойно клевали что-то у забора. То ли пересидели беду на насесте, то ли у птиц иммунитет...

— А сейчас на всякий случай пригнись, — сказал Борис. — Будет пост ГАИ. Я думаю, здесь никого нет, но, если есть, они могли предупредить об особо опасном преступнике.

Шубин пригнулся. На полу машины у его ног лежала женская заколка.

— Можно подниматься. Пронесло, — сказал Борис.

— А хозяин этой машины? — спросил Шубин.

— Хозяйка. Она в соседнем доме жила. Я потом машину поставлю на место, ты не думай.

— Я не думаю.

По сторонам дороги тянулись склады, потом они миновали коровник.

— И сюда добралось, — сказал Борис.

Ворота коровника были распахнуты, и труп коровы валялся в них.

Они миновали опустевшую пригородную деревню.

— Нелегко будет Силантьеву это прикрыть, — сказал Шубин.

— У него сильная поддержка в области, — сказал Борис. — Потому мы и не смогли его сковырнуть. Он у нас всего второй год, как подающий надежды. А области тоже не нужны неприятности.

Они въехали в лес. Дорога начала подниматься. Она поднималась ровно, и ее было видно на несколько километров вперед. Объехали приткнувшийся к обочине автобус. Потом «Москвич», который стоял поперек шоссе.

— Это не главная дорога, — сказал Борис. — Только до Синевы. Поэтому я тебя и повез. Они думают, что мы на аэродром или по Свердловской трассе рванем.

«Жигуленок» легко катил в гору.

— Не обольщайся, — сказал Шубин. Он смотрел в зеркало над ветровым стеклом. Далеко сзади шла черная машина.

— Может, другая? — Борис качнул головой, чтобы лучше увидеть преследователей.

— А я говорю — не обольщайся. Много ли шансов, что другая черная «Волга» идет именно по этой дороге и в этот час? Тут что впереди, их резиденция?

— Нет, резиденция по Свердловскому шоссе.

— Тогда жми, — сказал Шубин, — это за нами.

Борис честно жал, и «жигуленок» шел на пределе. Дорога была покрыта снегом и давно не чинена, так что порой машину подбрасывало так, что казалось — на асфальт она уже не вернется. Шубину жутко хотелось взять руль — он был куда лучшим

водителем, чем Борис, но сейчас было некогда заниматься пересадками.

— Слушай, Борис, — сказал Шубин. — И все-таки ты выполни мою просьбу. Ты Николайчика из «Знания» знаешь?

— Знаю.

— У Николайчика работает шофером Эля.

— Знаю, — сказал Борис. — Она с парнем из моего класса жила.

— Когда?

— Ну, это давно было, года два назад.

— Вот моя карточка. Пускай она мне напишет. И еще мне нужен твой адрес. Ты хочешь узнать, что мне удалось сделать?

Черная «Волга» постепенно приближалась. Водитель на ней был профессиональный.

— Пиши, — сказал Борис. — Гоголя, шестнадцать, двадцать три.

Шубин записал его адрес на одной из своих карточек. Положил ее себе в карман. Вторую сунул в карман Борису.

«Волга» была уже угрожающе близко.

— Что-то надо делать, — сказал Шубин. — До станции далеко?

— Километров тридцать — тридцать пять.

— Догонят, — сказал Шубин.

— Я тоже так думаю. Как же они догадались?

— Они, наверное, думали, как и ты.

— Знаю! — крикнул Борис. — Через километр будет поворот, за ним дорожка, через лес, шесть верст, может, немного побольше. Выходит к разъезду Лихому. Там иногда товарняки останавливаются.

— Понял.

— На машине туда не проехать. Туда дорога с другой стороны путей, от Ловчей.

— Что предлагаешь?

— Я приторможу. Только на секунду — а ты беги, чтобы они не заметили, что ты ушел. Я их за собой поведу — как можно дальше. Тогда есть надежда, правда?

— Правда, есть надежда, — сказал Шубин.

Впереди был поворот. Шубин обернулся. До «Волги» метров четыреста. Они услышали скрип тормозов.

— Ты тормози не очень резко, — сказал Шубин, — чтобы они не услышали.

Он положил лыжную шапку с олимпийскими кольцами на спинку сиденья, чтобы сзади казалось, что пассажир в машине.

— Готовься! — крикнул Борис.

За поворотом начал тормозить, сдвигаться к обочине.

Шубин открыл дверь, — к дороге подступали деревья — из «Волги» их не было видно. Когда машина, на его взгляд, затормозила достаточно, он оттолкнулся и полетел руками вперед в кювет.

Был удар. Он не почувствовал боли, потому что знал — нужно уйти. Он приподнялся — но в руке была такая боль, что он упал снова. Он пополз вниз, в кювет, и замер, потому что отчетливо услышал, как из-за поворота вылетела, взвизгнув тормозами, «Волга». Шубин вжался лицом в холодный жесткий снег. Он даже не знал — лежит ли он на виду у края дороги или кювет достаточно глубок, чтобы скрыть его.

«Волга» промчалась мимо, но это ничего не значило. Может, кто-то из них смотрел в окно и увидел его, но нужно время, чтобы развернуться.

Шубин приподнялся, стараясь не опираться на больную руку, и побежал к деревьям. Здесь уже было немало снега, по щиколотки, и он понял, что его легко найдут по следам. Добежав до подлеска, к счастью густого, он вторгся в него, не обращая внимания на то, как стегают по лицу ветви. Потом остановился. Дорогу было хорошо видно. Она была пуста.

Здоровой рукой он тронул больную и чуть не подскочил от острого удара боли. «Хорошо, что не ногу сломал, — сказал он себе. — Мог и ногу».

Вокруг стояла удивительная, сказочная тишина. Вдалеке застучал дятел.

Несмотря на тупую боль, Шубин сломал густую еловую ветку и заставил себя вернуться к шоссе. Он тщательно заровнял истоптанный снег. Так, чтобы не заметили следов с проезжающей машины. Он отступал, размахивая своей метелкой, и думал о том, что еще не отыскал этой дорожки к разъезду, и не прошел потом по ней шести верст, и не дождался на неизвестном ему разъезде какого-нибудь товарняка. И все это впереди, все это надо вытерпеть.

А может быть, и вытерпеть те гневные и грозные письма, что, опережая его, рванутся из горкома и обкома. В них его будут обвинять во всех грехах, включая, может быть, и убийство начальника главка товарища Спиридонова. Считай — пропала Швейцария.

Он бросил ветку в кусты. Ох и будет Борису, сказал он себе и кустами пошел обратно вдоль дороги, пока не отыскал полузанесенную снегом тропинку, которая через два часа вывела его, вернее его упрямую тень, к разъезду Лихому.

УМЕНИЕ КИДАТЬ МЯЧ

УМЕНИЕ КИДАТЬ МЯЧ

Он коротко позвонил в дверь, словно надеялся, что его не услышат и не откроют. Я открыл. Его лицо было мне знакомо. Раза два я оказывался с ним в лифте, но не знал, на каком этаже ему выходить, и оттого чувствовал себя неловко, смотрел в стенку, делал вид, что задумался, чтобы он первым нажал кнопку или первым спросил: «Вам на какой этаж?»

— Извините, ради бога, — сказал он. — Вы смотрите телевизор?

— Сейчас включу, — ответил я. — А что там?

— Ни в коем случае! Простите. Я пошел. Я только в случае, если вы смотрите, потому что у меня сломался телевизор, а я решил...

— Да заходите же, — настаивал я. — Все равно сейчас включу. Делать нечего.

Мне пришлось взять его за локоть, почти затянуть в прихожую. Он поглядел на тапочки, стоявшие в ряд под вешалкой, и спросил:

— Ботинки снимать?

— Не надо, — сказал я.

Я был рад, что он пришел. Принадлежа к бунтующим рабам телевизора, я могу заставить себя его не включать. Даже два-три дня не включать. Но если я сдался, включил, то он будет работать до последних тактов прощальной мелодии, до слов диктора «спокойной ночи», до того, как исчезнет изображение ночной Москвы и сухо зашуршит пустой экран. В тот вечер я боролся с собой, полагая, что чтение — более продуктивный способ убить время. Я был доволен собой, но рука тянулась к выключателю, как к сигарете. Я обогнал гостя и включил телевизор.

— Садитесь, — сказал я. — Кто играет?

— Играют в баскетбол, — тихо ответил гость. — На Кубок европейских чемпионов. Я вам действительно не мешаю?

— Никого нет дома. Поставить кофе?

— Что вы! Ни в коем случае.

Он осторожно уселся на край кресла, и только тут я заметил, что он все-таки успел снять ботинки и остаться в носках, но не стал ничего ему говорить, чтобы не ввергнуть его еще в большее смущение. Гость был мне приятен. Хотя бы потому, что он мал ростом, хрупок и печален. Я симпатизирую маленьким людям, потому что сам невысок и всегда трачу много сил на то, чтобы никто не подумал, есть ли у меня комплекс по этой части. Он есть. Иногда мой комплекс заставляет меня казаться себе таксой среди догов и искать нору, чтобы спрятаться. Иногда принимает форму наполеоновских мечтаний и тайного желания укоротить некоторых из людей, глядящих на меня сверху вниз, по крайней мере на голову. Но я никого еще не укоротил на голову, хотя не могу избавиться от некоторой, надеюсь, неизвестной окружающим антипатии к родной сестре, которая выше меня и с которой я не люблю ходить по улицам. А вот тех, кто ниже меня ростом, я люблю. Я им многое прощаю.

Когда-то, еще в школе, мой комплекс разыгрывался, выходил из рамок и приводил к конфликтам, которые плохо для меня кончались. Я мечтал стать сильным. Я собирал сведения о маленьких гениях — я вообще одно время был уверен, что гении бывают лишь маленького роста, отчего исключал из их числа Петра Первого, Чехова и кое-кого еще. Я хранил вырезки о жизни штангистов-легковесов и боксеров в весе пера. Я смотрел баскетбол лишь тогда, когда на площадке играл Алачачян — это был самый маленький разыгрывающий в сборной Союза. Но как-то я увидел его в жизни и понял, что он человек выше среднего роста. И перестал смотреть баскетбол вообще.

С годами все это сгладилось. Я не стал гением и понял, что небольшой рост — еще необязательное качество великого человека. Я бросил собирать вырезки о спортсменах, сильно растолстел и подобрел к людям. Я спокойно смотрел на великанов, понимая, что и у них свои беды и трудности.

— Вот так, — сказал с удовлетворением мой гость, когда центровой югославов промахнулся по кольцу, хотя никто не мешал ему положить мяч в корзину.

В голосе гостя звучало злорадство. И я подумал, что он, наверное, не смог воспитать в себе философский взгляд на жизнь.

Центровой тяжело затрусил обратно, к центру площадки. Бежать ему было трудно, потому что каждая нога его была длиннее и тяжелее, чем я весь. Мой гость усмехнулся. Я лишь внутренне пожалел центрового.

— Курлов, — представился вдруг мой гость, когда югославы

взяли тайм-аут. — Николай Матвеевич. Физиолог. Две недели как к вам в дом переехал. На шестой этаж.

«Теперь хоть запомню, на какую кнопку нажимать, если окажусь с ним в лифте», — подумал я. И сказал:

— А я Коленкин. Герман Коленкин.

— Очень приятно.

Югославы распрямились и разошлись, оставив маленького тренера в одиночестве. Я знал, что это обман. Тренер вовсе не маленький. Он обыкновенный.

Наши били штрафные. Мне интересно было наблюдать за Курловым. Интереснее, чем за экраном. Он поморщился. Ага, значит, промах. Потом кивнул. Доволен.

Между таймами я приготовил кофе. Обнаружил в буфете бутылку венгерского ликера. Курлов признался, что я ему также приятен. Не объяснил почему, я не стал спрашивать — ведь не только сами чувства, но и побуждения к ним обычно взаимны.

— Вы думаете, что я люблю баскетбол? — спросил Курлов, когда команды вновь вышли на площадку. — Ничего подобного. Я к нему глубоко равнодушен. И за что можно любить баскетбол?

Вопрос был обращен ко мне. Глаза у Курлова были острые и настойчивые. Он привык, что собеседник первым отводит взгляд.

— Как — за что? Спорт — это... — Ответить было нелегко, потому что к вопросу я не готовился. — Понимаете...

— Сам принцип соревнования, — подсказал мне Курлов. — Азарт игрока, заложенный в каждом из нас.

Я нашел другой ответ:

— Скорее не так. Зависть.

— Ага! — Курлов обрадовался.

— Но не простая зависть. Очевидно, для меня, как и для других людей, спортсмены — воплощение наших тайных желаний, олицетворение того, что не дано сделать нам самим. Наверное, это относится и к музыкантам, и к певцам. Но со спортсменами очевиднее. Ведь никто не говорил и не писал о том, что Моцарту в детстве сказали, что у него нет музыкального слуха, и тогда он стал тренироваться, пока не превратился в гениального музыканта. Так сказать нельзя — здесь талант чистой воды. А вот про спортсмена такого-то вы можете прочесть, что в детстве он был хилым, врачи запретили ему все, кроме медленной ходьбы, но он тренировался так упорно, что стал чемпионом мира по барьерному бегу. Я понятно говорю?

— Дальше некуда. А что вы можете сказать тогда об этих? —

Курлов ткнул пальцем в телевизор и залихватски опрокинул в рот рюмку с ликером. Глаза у него блестели.

— То же самое.

— А не кажется ли вам, что здесь все зависит от роста? От игры природы. Родился феномен — два с половиной метра. Вот команда и кидает ему мячи, а он закладывает их в корзину.

Я не согласился с Курловым.

— Такие уникумы — исключение. Мы знаем о двух-трех, не больше. Игру делает команда.

— Ну-ну.

На экране высоченный центровой перехватил мяч, посланный над головами игроков, сделал неловкий шаг и положил мяч в корзину.

Курлов улыбнулся.

— Талант, труд, — сказал он. — Все это теряет смысл, стоит в дело вмешаться человеческой мысли. Парусные суда исчезли, потому что появился паровой котел. А он куда менее красив, чем грот-мачта с полным вооружением.

— Оттого что изобрели мотоциклы и появился мотобол, — возразил я, — футбол не исчез.

— Ну-ну, — усомнился Курлов. Он остался при своем мнении. — Поглядите, что эти люди умеют делать из того, что недоступно вам, человеку ниже среднего роста (я внутренне поклонился Курлову), человеку умственного труда. Они умеют попадать мячом в круглое отверстие, причем не издалека. Метров с трех-пяти. И притом делают массу ошибок.

Говорил он очень серьезно, настолько серьезно, что я решил перевести беседу несколько в более шутливый план.

— Я бы не взялся им подражать, — сказал я. — Даже если бы потратил на это всю жизнь.

— Чепуха, — возразил Курлов. — Совершенная чепуха и бред. Все на свете имеет реальное объяснение. Нет неразрешимых задач. Эти молодые люди тратят всю жизнь на то, чтобы достичь устойчивой связи между мозговыми центрами и мышцами рук. Глаз всегда или почти всегда может правильно оценить, куда следует лететь мячу. А вот рука после этого ошибается.

— Правильно, — ответил я. — Знаете, я когда-то учился рисовать. Я совершенно точно, в деталях представлял себе, что и как я нарисую. А рука не слушалась. И я бросил рисовать.

— Молодец! — одобрил Курлов. — Спасибо.

Последнее относилось к тому, что я наполнил его рюмку.

— Значит, — продолжал Курлов, — система «мозг—рука» действует недостаточно четко. Дальнейшее — дело физиологов.

Стоит лишь найти неполадки в этой системе, устранить их — и баскетболу крышка.

Курлов строго посмотрел на экран. Я понял, что комплексы, которые мне удалось в себе подавить, цепко держали в когтистых лапах моего соседа.

— Ради этого я и пришел.

— Сюда?

— Да. Пришел смотреть телевизор. И теперь я знаю, что могу превратить в гениального баскетболиста любого неуча. Вас, например. Хотите?

— Спасибо, — сказал я. — Когда же я стану баскетболистом?

— Мне нужно два месяца сроку. Да, два месяца, не больше. Но потом не жалуйтесь.

— Чего же жаловаться? — улыбнулся я. — Каждому приятны аплодисменты трибун.

...Я встретился с Курловым недели через две. В лифте. Он раскланялся со мной и сказал:

— Мне на шестой.

— Помню.

— И кстати, в моем распоряжении еще шесть недель.

— Как так? — я забыл о разговоре у телевизора.

— Шесть недель, и после этого вы становитесь великим баскетболистом.

Прошло не шесть недель, а больше. Месяца три. Но потом часов в семь вечера вновь раздался звонок в дверь. Курлов стоял на лестнице с большой сумкой в руке.

— Разрешите?

— У вас снова сломался телевизор?

Курлов ничего не ответил. Он был деловит. Он спросил:

— Дома никого?

— Никого, — ответил я.

— Тогда раздевайтесь.

— Вы говорите, как грабитель.

— Раздевайтесь, а то стемнеет. До пояса. Да послушайте, в конце концов! Вы хотите стать великим баскетболистом или нет?

— Но ведь это была...

— Нет, не шутка. Я решил эту задачку и дарю вам первому удивительную способность управлять собственными руками. Казалось бы, природа должна была позаботиться об этом с самого начала, так нет, приходится вносить коррективы.

Сумку он поставил на пол, из кармана пиджака извлек небольшую плоскую коробку. В ней обнаружились шприц и ампулы.

— Почему вы не поинтересуетесь, не опасно ли это для жизни? — спросил он не без сарказма.

— Признаться, я растерян.

— «Растерян» — правильное слово. Но, надеюсь, не напуган? Или мне сбегать домой за дипломом доктора медицинских наук? Нет? Ну и хорошо. Больно не будет.

Я покорно стащил с себя рубашку, майку, благо был теплый вечер. Мне тогда не пришла в голову мысль, что мой сосед может быть сумасшедшим, убийцей. Эта мысль мелькнула после того, как он вкатил мне под правую лопатку два кубика раствора. Но было поздно.

— Вот и отлично, — сказал Курлов. — Я уже ставил опыт на себе и на обезьянах. Результаты поразительные. Надеюсь, у вас будут не хуже.

— А что с обезьянами? — глупо спросил я, натягивая майку.

— Ничего интересного для профана, — отрезал Курлов. — У них эти связи функционируют лучше, чем у людей. Тем не менее павиан по кличке Роберт умудрился попасть грецким орехом в глаз нелюбимому смотрителю на расстоянии пятидесяти метров.

— Что теперь? — спросил я.

— Теперь — в Лужники, — ответил Курлов. — До темноты осталось три часа. Два с половиной. Посмотрим, что получилось.

— А уже действует?

— К тому времени, как подъедем, подействует.

В автобусе он вдруг наклонился к моему уху и прошептал:

— Совсем забыл. Никому ни слова. За неофициальный эксперимент с меня снимут голову и степень. Если бы не данное вам слово, человечество получило бы этот дар через пять лет.

— Почему через пять?

— Потому что каждый эксперимент надо проверить другим экспериментом. А тот — следующим. И еще ждать, не получатся ли побочные эффекты,

— А если получатся?

Курлов пожал плечами. Он был великолепен. У него был явный наполеоновский комплекс. Он подождал, пока автобус остановился, спрыгнул первым на асфальт, подобрал с земли камешек и запустил им в пролетавшего мимо шмеля. Шмель упал на траву и обиженно загудел.

— Я вкатил себе эту дозу две недели назад. С тех пор ни разу не промахивался.

Мы отыскали почти пустую баскетбольную площадку. Один

щит был свободен, у другого двое девчат перебрасывались мячом, словно не решались закинуть его в корзину.

— Надо раздеваться? — спросил я.

— Зачем? Сначала так попробуем.

Потом я удивлялся, почему за все время пути и в первые минуты на площадке я почти ни о чем не думал. То есть думал о каких-то глупостях. Во сколько завтра утром вставать, надо купить хлеба на ужин, погода стоит хорошая, но может испортиться — вот о чем я думал.

— Ну, — сказал Курлов, доставая из сумки мяч ровно за секунду до того, как я сообразил, что мяча у нас нет.

Я поглядел на кольцо. Кольцо висело страшно высоко. Оно казалось маленьким, и попасть в него мячом было совершенно невозможно. Девушки у второго щита перестали перебрасываться мячом и изумленно глазели на двух среднего возраста маленьких мужчин, толстого (я) и тонкого (Курлов), которые явно собирались заняться баскетболом. Девушкам было очень смешно.

— Ну, Коленкин, — произнес торжественно Курлов, — ловите мяч!

Я слишком поздно протянул руки, мяч выскочил из них и покатился по площадке к девушкам. Я тяжело затрусил за ним. Вид у меня был нелепый, и мне очень захотелось домой. Я начал себя ненавидеть за бесхарактерность.

Одна из девушек остановила мяч ногой, и он медленно покатился мне навстречу. Я сказал, не разгибаясь: «Спасибо», но девушки, наверное, не расслышали. Они смеялись.

— Прекратите смех! — крикнул с той стороны площадки Курлов. — Вы присутствуете при рождении великого баскетболиста!

Девушки просто зашлись от хохота. Курлов не ощутил веселья в ситуации. Он крикнул мне:

— Да бросайте, в конце концов!

Этот крик заставил меня поступить совсем уж глупо. Я подхватил мяч, думая, что он легче, чем был на самом деле, и кинул его в сторону кольца. Мяч описал низкую дугу над площадкой и упал у ног Курлова.

— Ой, я сейчас умру! — выговорила одна из девушек. Ей никогда в жизни не было так смешно.

— Если вы будете метать мяч от живота, словно обломок скалы, — строго проговорил Курлов, будто не видел, что я повернулся, чтобы уйти с этой проклятой площадки, — то вы никогда не попадете в кольцо. Прекратите истерику и кидайте мяч.

И не забудьте, что я вкатил вам весь запас сыворотки, выработанной в институте за две недели.

Последнюю фразу он произнес шепотом, вкладывая мне в руки мяч.

— Смотрите на кольцо, — сказал он вслух.

Я посмотрел на кольцо.

— Вы хотите попасть в него мячом. Представьте себе, как должен лететь мяч. Представили? Кидайте!

Я кинул и промахнулся.

Девушки обрадовались еще больше, а я почувствовал вдруг громадное облегчение. Вся эта сыворотка и весь этот кошмар — лишь сон, шутка, розыгрыш.

— Еще раз, — ничуть не смутился Курлов. — Уже лучше. И перед тем, как кинете, взвесьте мяч на ладонях. Это помогает. Вот так.

Он наклонился, подобрал мяч и бросил его в кольцо.

Мяч описал плавную дугу, не задев кольца, вошел в самый центр и мягко провалился сквозь сетку.

Почему-то это достижение Курлова вызвало новый припадок хохота у девчат. Но Курлов просто не замечал их присутствия. Он был ученым. Он ставил эксперимент.

И тогда я снял пиджак, передал его Курлову, взвесил мяч на ладонях, совершенно отчетливо представил себе, как он полетит, как он упадет в кольцо, и бросил.

Я никогда в жизни не играл в баскетбол. Я попал мячом точно в центр кольца. Ничуть не хуже, чем Курлов. Курлов догнал мяч и вернул его мне. Я вышел на позицию для штрафного удара и закинул мяч оттуда.

Чего-то не хватало. Было слишком тихо. Девушки перестали смеяться.

— Вот так-то, — сказал буднично Курлов и отбросил мне мяч. — А теперь одной рукой.

Одной рукой бросать было труднее. Но после двух неудачных попыток я сделал и это.

— А теперь бегите, — приказал Курлов. — Бросайте с ходу.

Бежать не хотелось. Я уже устал. Но Курлова поддержала девушка.

— Попробуйте, — попросила она, — ведь вы же талант.

Я тяжело пробежал несколько шагов с мячом в руке.

— Нет, — возразила девушка, — так не пойдет. Вы же мяча из рук не выпускаете. Вот так.

И она пробежала передо мной, стуча мячом по земле.

Я попытался подражать ей, но тут же потерял мяч.

— Ничего, — ободрила девушка. — Это вы освоите. Надо будет сбросить килограммов десять.

Девушка была выше меня на две головы, но я не чувствовал себя маленьким. Я умел забрасывать мячи в корзину не хуже, чем любой из чемпионов мира.

Бегать я не стал. Я просто кидал мячи. Кидал из-под кольца, кидал с центра площадки (в тех случаях, если хватало сил добросить мяч до щита). Девушка бегала для меня за мячом и была так довольна моими успехами, словно это она вырастила меня в дворовой команде.

Вдруг я услышал:

— Коленкин, я жду вас в кафе. Пиджак останется у меня.

— Подождите! — крикнул я Курлову.

Но Курлов быстро ушел. И я не успел последовать за ним, потому что дорогу мне преградили три молодца по два метра ростом и упругий, широкий человек чуть повыше меня.

— Кидайте, — велел упругий человек. — Кидайте, а мы посмотрим.

Из-за его спины выглянула вторая девушка. Оказывается, пока ее подруга занималась моим воспитанием, она сбегала за баскетболистами на соседнюю площадку. Так вот почему скрылся Курлов!

Мне бы надо уйти. В конце концов, я был в этой истории почти ни при чем. Но тщеславие, дремлющее в любом человеке, проснулось уже во мне, требовало лавров, незаслуженных, но таких желанных! Сказать им, что я всего-навсего подопытный кролик? Что я не умел, не умею и не буду уметь кидать мячи? И может быть, благоразумие взяло бы все-таки верх и я ушел бы, отшутившись, но в этот момент самый высокий из баскетболистов спросил девушку:

— Этот?

И голос его был настолько преисполнен презрения ко мне, к моему животику, к моим дряблым щекам, к моим коротковатым ногам и мягким рукам человека, который не только обделен природой по части роста, но еще притом и не старался никогда компенсировать это спортивными занятиями, голос его был настолько снисходителен, что я сказал:

— Дайте мне мяч.

Сказал я это в пустоту, в пространство, но уже знал, что у меня есть здесь верные поклонники, союзники, друзья — девушки на две головы выше меня, но ценящие талант, какую бы скромную оболочку он ни имел.

Девушка кинула мне мяч, и я, поймав его, тут же забросил в

корзину с половины площадки, крюком, небрежно, словно всю жизнь этим занимался.

И самый высокий баскетболист был разочарован и подавлен.

— Ну дает! — сказал он.

— Еще раз, — попросил тренер.

Девушка кинула мне мяч, и я умудрился его поймать. Забросить его было несложно. Надо было лишь представить, как он полетит. И он летел. И в этом не было ничего удивительного.

Толстый тренер вынул из заднего кармана тренировочных брюк с большими белыми лампасами блокнот, раскрыл его и записал что-то.

— Я ему кину? — спросил высокий баскетболист, который меня невзлюбил.

— Кинь, — согласился тренер, не поднимая глаз от блокнота.

— Ну лови, чемпион, — сказал баскетболист, и я понял, что мне несдобровать.

Я представил, как мяч понесется ко мне, словно пушечное ядро, как свалит меня с ног и как засмеются девушки.

— Поймаешь, — сказал баскетболист, — сразу кидай в кольцо. Ясно?

Он метнул мяч, и тот полетел в меня, словно ядро. И я сделал единственное, что мне оставалось: отскочил на шаг в сторону.

— Ну чего же ты? — баскетболист был разочарован.

— Правильно, — кивнул тренер, закрывая блокнот и оттопыривая свободной рукой задний карман, чтобы блокнот влез на место. — Паса он еще не отрабатывал. Играть будете?

— Как? — спросил я.

Тренер поманил меня пальцем, и я послушно подошел к нему, потому что он знал, как манить людей пальцем, чтобы они безропотно к нему подходили.

— Фамилия? — спросил он, вновь доставая блокнот.

— Коленкин, — сказал я.

— Вы что, серьезно? — обиделся баскетболист, нависавший надо мной, как Пизанская башня.

— Я всегда серьезно, — ответил тренер.

Как раз в тот момент я хотел было сказать, что не собираюсь играть в баскетбол и ничто не заставит меня выйти на площадку снова. Но высокий баскетболист опять сыграл роль демона-искусителя. Мне очень хотелось ему досадить. Хотя бы потому, что он обнял одну из сочувствующих мне девушек за плечи, словно так было положено.

— Так вот, Коленкин, — сказал тренер строго, — послезавтра мы выезжаем. Пока под Москву, на нашу базу. Потом, может, в Вильнюс. День на сборы хватит?

— Молодец, Андрей Захарович! — воскликнула девушка, освобождаясь из объятий баскетболиста. — Пришли, увидели, победили.

— Таланты, — ответил ей тренер, не спуская с меня гипнотизирующего взора, — на земле не валяются. Талант надо найти, воспитать, обломать, если нужно. За сколько стометровку пробегаете?

— Я?

— Нет, Иванов. Конечно, вы.

— Не знаю.

— Так я и думал.

— За полчаса, — вмешался баскетболист.

— Ой, молчал бы ты, Иванов! — возмутилась вторая девушка. — Язык у тебя длинный.

— А бросок хромает, — уел его тренер.

— У меня?

— У тебя. Коленкин тебе пять из двух десятков форы даст.

— Мне?

— Ну что ты заладил? Пойди и попробуй. И ты, Коленкин, иди. Кидайте по десять штрафных. И чтоб все положить. Ты слышишь, Коленкин?

И тут я понял, что совершенно неспособен сопротивляться Андрею Захаровичу. И лишь мечтал, чтобы пришел Курлов и увел меня отсюда. И еще чтобы тренер не заставил меня тут же бежать стометровку.

Мы вышли на площадку. Иванов стал впереди меня. Он был зол. Зол до шнурков на кедах, до трусов, которые как раз помещались на уровне моих глаз.

И я понял, что мне очень хочется, крайне желательно, забрасывать мячи в корзину лучше, чем это делает Иванов, который, очевидно, только этим и занимается с душой. Остальное — между прочим. А кстати, что я делаю с душой? Прихожу на службу? Сажусь за свой стол? Нет, выхожу покурить в коридор. Захотелось закурить. Я полез в карман за сигаретой, но мяч мешал мне, и я прижал его локтем к боку. И тут же меня остановил окрик всевидящего тренера. Моего тренера.

— Коленкин! О никотине забудь!

— Не путайся под ногами! — рявкнул Иванов и больно толкнул меня в живот коленом.

Я сдержал стон. Отошел на шаг.

Иванов обхватил мяч длинными пальцами, так что он исчез

в них, как арбуз в авоське. Присел, выпрямился и кинул. Мяч ударился о кольцо, подпрыгнул, но все-таки свалился в корзину.

— Плохо, Иванов, очень плохо, — сказал тренер.

Моя очередь. Мяч сразу стал тяжелым, и руки вспотели. Я хотел бросить его небрежно, но забыл мысленно проследить его полет, и мяч опустился на землю у щита.

Девушки охнули. Тренер нахмурился. Иванов улыбнулся. А я решил бороться до последнего.

Больше я не промахнулся ни разу. Из десяти бросков ни разу.

Иванов промазал четыре.

И когда мы вернулись к тренеру, тот сказал:

— Вот так, Коленкин. Только чтоб без обмана и увиливаний. Паспорт твой я скопировал.

Почему-то мой пиджак висел на ветке дерева рядом с тренером. Значит, хитрый Курлов вернулся и отдал тренеру мой пиджак. Какое коварство!

— Вот тебе, — продолжил тренер, — временное удостоверение нашего общества. Формальности я сегодня вечером закончу. Вот, держи, не потеряй, официальное письмо начальнику твоей конторы. Сборы двухнедельные. Я думаю, что он отпустит, тем более что ему будет звонок. Твоя контора, к счастью, в нашем обществе.

Я понял, что тренер делил все организации нашей страны по соответствующим спортивным обществам, а не наоборот.

— Вот тебе список, чего с собой взять: зубную щетку и так далее. Труднее всего будет форму подогнать. Ну ничего, придумаем. Разыгрывающего из тебя не получится, малоподвижен. Будешь центровым. — И на прощание, подталкивая меня к выходу, он прошептал: — Запомни, Коленкин. Ты — наше тайное оружие. На тебе большая ответственность. Зароешь талант в землю — не простим. Из-под земли достанем.

— Ну зачем же так, — сказал я виновато, потому что знал, что он достанет меня из-под земли.

Вернувшись домой, я долго звонил в дверь Курлову. Но он то ли не хотел открывать, то ли не пришел еще. Я решил зайти к нему попозже. Но как только добрался до дивана, чтобы перевести дух, сразу заснул, и мне снились почему-то грибы и ягоды, а совсем не баскетбол, как должно было быть.

Утром я шел на службу и улыбался. Улыбался тому, какое смешное приключение случилось со мной вчера на стадионе. Думал, как расскажу об этом Сенаторову и Аннушке, как они не

поверят. Но события развивались совсем не так, как я наивно предполагал.

Во-первых, у входа дежурил сам заведующий кадрами. Шла кампания борьбы за дисциплину. Я о ней, разумеется, забыл и опоздал на пятнадцать минут.

— Здравствуйте, Коленкин, — сказал мне заведующий кадрами. — Иного я от вас и не ждал. Хотя, кстати, как уходить со службы раньше времени, вы первый.

И тут же он согнал с лица торжествующее выражение охотника, выследившего оленя-изюбря по лицензии, и вымолвил почти скорбно:

— Ну чем можно объяснить, что весьма уважаемый, казалось бы, человек так халатно относится к своим элементарным обязанностям?

Скорбь заведующего кадрами была наигранной. Иного поведения он от меня и не ждал. И мне захотелось осадить его, согнать с его лица сочувствующую улыбку, распространившуюся от округлого подбородка до лысины.

— Переутомился, — поведал я, хотя, честное слово, говорить об этом не намеревался. — На тренировке был.

— Ага, — закивал кадровик. — Конечно. Так и запишем. И каким же видом спорта, если не секрет, вы увлеклись, товарищ Коленкин?

— Баскетболом, — сказал я просто.

Кто-то из сослуживцев хихикнул у меня за спиной, оценив тонкий розыгрыш, который я позволил себе по отношению к кадровику.

— Разумеется, — согласился кадровик, — баскетболом, и ничем другим. — Он посмотрел на меня сверху вниз. — И это запишем.

— Записывайте, торопитесь, — разрешил я тогда. — Все равно завтра на сборы уезжаю. Кстати, я попозже к вам загляну, надо будет оформить приказ о двухнедельном отпуске.

И я прошел мимо него так спокойно и независимо, что он растерялся. Разумеется, он не поверил ни единому слову. Но растерялся потому, что я вел себя не так, как положено по правилам игры.

— Коленкин! — крикнула из дальнего конца коридора Вера Яковлева, секретарь директора. — Скорее к Главному. Ждет с утра. Три раза спрашивал.

Я оглянулся, чтобы удостовериться, что кадровик слышал. Он слышал и помахал головой, словно хотел вылить воду, набравшуюся в ухо после неудачного прыжка с вышки.

— Здравствуйте, — кивнул мне Главный, поднимаясь из-за стола при моем появлении. Смотрел он на меня с некоторой опаской. — Вы знаете?

— О чем?

— О сборах.

— Да, — подтвердил я.

— Не могу поверить, — удивился Главный. — Почему же вы никогда никому не говорили, что вы баскетболист?.. Это не ошибка? Может, шахматы?

— Нет, — сообщил я, — это не ошибка. Приходите смотреть.

— С удовольствием.

Я был совершенно ни при чем. Меня несла могучая река судьбы. Каждое мое слово, действие, движение вызывали к жизни следующее слово, движение, привязанное к нему невидимой для окружающих цепочкой необходимости.

Из кабинета директора я прошел к себе в отдел.

— На кадровика нарвался? — спросил Сенаторов. — Если уж решил опаздывать, опаздывай на час. Пятнадцать минут — самый опасный период.

— А еще лучше не приходить тогда вообще, — добавила Аннушка, поправляя золотые волосы и раскрывая «Литературку».

— Я уезжаю, — сказал я. — На две недели.

— В командировку? — спросила Аннушка. — В Симферополь? Возьми меня с собой, Герман.

— Нет. — Я почувствовал, что краснею. — Я на сборы еду. На спортивные. Готовиться к соревнованиям.

— Ах, — вздохнула Аннушка, — сегодня не первое апреля.

— Глядите, — заявил я, не в силах оттягивать самый тяжелый момент. Ведь эти люди знали меня ровно одиннадцать лет.

Я передал Сенаторову официальное письмо о вызове меня на тренировочные сборы, завизированное директором.

— Так, — пробормотал Сенаторов, прочтя письмо.

За окном на ветвях тополя суетились какие-то пташки, солнце уже залило мой стол, который я давно собирался отодвинуть от окна, чтобы не было так жарко, но мысль о столь очевидном физическом усилии раньше отпугивала меня. Я подошел к столу, поднатужился и отодвинул его в тень.

— Так, — продолжал Сенаторов. — Если бы я что-нибудь понимал.

— Дай сюда, — попросила Аннушка. — Куда его отправляют?

— Тренироваться.

Аннушка хмыкнула, проглядела бумагу и сказала с несвойственным ей уважением в голосе:

— Хорошо устроился.

— Но я не устраивался, — возражал я, чувствуя, как неубедительно звучит мой голос, — они сами меня обнаружили и настояли. Даже шефу звонили.

— Тогда, — Аннушка возвратила мне бумагу, — если не секрет, что ты умеешь делать в спорте? Толкать штангу? Боксировать? Может, ты занимаешься самбо, но почему ты тогда не в дружине?

Я вдруг понял, что помимо своей воли подтягиваю животик и пытаюсь выпятить грудь. И Аннушка увидела это.

— Ага, ты орел, — съязвила она. — Ты собираешься бежать десять километров. Почему бы тебе не признаться товарищам, что у тебя есть знакомая врачиха, которая таким хитрым образом устроила тебе бюллетень в самый разгар отпускного сезона, когда нам, простым смертным, приходится потеть здесь над бумажками?

И я понял, что отвечать мне нечего. Что бы я ни ответил, для них будет неубедительно. И они будут правы.

— Ладно, — кивнул я. — Пока. Читайте газеты.

И то, что я не стал спорить, ввергло Аннушку в глубокое изумление. Она была готова ко всему — к оправданиям, к улыбке, к признанию, что все это шутка. А я просто попрощался, собрал со стола бумаги и ушел. В конце концов, я был перед ними виноват. Я был обманщиком. Я собирался занять не принадлежащее мне место в колеснице истории. Но почему непринадлежащее? А кому принадлежащее? Иванову?

Рассуждая так, я выписал себе командировку на спортивные сборы (директор решил, что так более к лицу нашему солидному учреждению), пытаясь сохранять полное спокойствие и никак не реагировать на колкие замечания сослуживцев. Новость о моем отъезде распространилась уже по этажам, и на меня показывали пальцем.

— Защищайте честь учреждения, — сказал кадровик, ставя печать.

— Попробую, — пообещал я и ушел.

Я уже не принадлежал себе.

Я ехал на электричке в Богдановку, так и не застав дома Курлова, и пытался размышлять о превратностях судьбы. В общем, я уже нашел себе оправдание в том, что еду заниматься бросанием мячей в корзину. Во-первых, это никак не менее благородное и нужное народу занятие, чем переписывание бумаг. Во-вторых, я и в самом деле, очевидно, могу принести пользу команде и спорту в целом. Я никак не большее отклонение от нормы, чем

трехметровые гиганты. В-третьих, мне совсем не мешает развеяться, переменить обстановку. И наконец, нельзя забывать, что я подопытный кролик. Я оставил Курлову записку со своими координатами, и он мог меня разыскать и контролировать ход опыта. Правда, я вдруг понял, что совсем не хочу, чтобы Курлов объявился в команде и объяснил всем, что мои способности — результат достижения биологии по части упрочения центров управления мышечными движениями. Тогда меня просто выгонят, как самозванца, а сыворотку употребят для повышения точности бросков у настоящих баскетболистов. Почему-то мне было приятнее, чтобы окружающие думали, что мой талант врожденный, а не внесенный в меня на острие иглы. Правда, во мне попискивал другой голос — скептический. Он повторял, что мне уже сорок лет, что мне нелегко будет бегать, что вид мой на площадке будет комичен, что действие сыворотки может прекратиться в любой момент, что я обманул своего начальника... Но этот голос я подавил. Мне хотелось аплодисментов.

Тренер стоял на платформе.

— Третий поезд встречаю, — признался он. — Боялся, честно говорю, боялся я, Коленкин, за тебя. У меня два центровых с травмами и разыгрывающий вступительные экзамены сдает. А то бы я тебя, может, и не взял. Возни с тобой много. Но ты не обижайся, не обижайся. Я так доволен, что ты приехал! А ты тоже не пожалеешь. Коллектив у нас хороший, дружный, тебя уже ждут. Если что — обиды и так далее, — сразу мне жалуйся. Поднимем вопрос на собрании.

— Не надо на собрании, — попросил я.

— Вот и я так думаю. Обойдется. Ты только держи нос морковкой.

Дорога со станции была пыльная. Мы заглянули на небольшой рынок неподалеку от станции, и тренер купил помидоров.

— Я здесь с семьей, — сказал он. — Парнишку своего на свежий воздух вывез. А то ведь, не поверишь, как моряк в дальнем плавании. Вот супруга и попросила покупки сделать.

На базе было пусто. Лишь в тени, у веранды, два гиганта в майках играли в шашки. Мы прошли мимо баскетбольной площадки. Я поглядел на нее с легким замиранием сердца, как начинающий гладиатор смотрит, проходя, на арену.

— Вот. — Тренер ввел меня в длинную комнату, в которой свободно разместились три кровати: две удлиненные, одна обычная, для меня. — Белье тебе сейчас принесут, полотенце и так далее. С соседями сам познакомишься. Обед через час. Так что действуй, а я к семье забегу.

И он исчез. Лишь мелькнула в дверях широкая спина и оттопыренный блокнотом задний карман тренировочных брюк. Я уселся на обычную кровать и постарался представить себе, что думает, оказавшись здесь впервые, настоящий баскетболист. Тот, что годами кидал этот проклятый мяч, поднимаясь от дворовой команды к заводской, потом выше, выше. Потом попадал сюда. Он, наверное, волнуется больше, чем я.

Где-то за стенкой раздавались сухие удары. Я догадался — там играли на бильярде. Я подумал, что вечером надо будет попробовать свои силы на бильярде. Ведь возникшие во мне связи вряд ли ограничиваются баскетболом. Это было бы нелогично. А как сейчас Аннушка и Сенаторов? Что говорят в коридорах моего учреждения? Смеются? Ну тогда придется пригласить их...

И тут в коридоре возникли громкие шаги, и я понял, что приближаются мои соседи, товарищи по команде. И я вскочил с постели и попытался оправить матрац, на котором сидел.

Вошла грузная женщина гренадерских размеров. Она несла на вытянутых руках пачку простынь, одеяло и подушку.

— Где здесь новенький? — спросила она меня, справедливо полагая, что я им быть не могу.

— Вы сюда кладите, — показал я на кровать. Я не осмелился сознаться.

— Вы ему скажите, что тетя Нюра заходила, — сообщила грузная женщина. — Тут полный комплект.

Она развернулась, чтобы выйти из комнаты, и столкнулась в дверях с длинноногими девушками, моими старыми добрыми знакомыми, свидетельницами моих первых успехов и поражений.

— Здравствуй, Коленкин, — сказала Валя, та, что светлее.

— Здравствуйте, заходите, — обрадовался я им. — Я и не знал, что вы здесь.

— Мы утром приехали, — объяснила Тамара, та, что потемнее. — А у тебя здесь хорошо. Свободно. У нас теснее.

— Это пока ребята не пришли, — добавила Валя.

Она очень хорошо улыбалась. И я искренне пожалел, что я ниже Иванова ростом. Иначе бы я позвал ее в кино, например.

— Сегодня вечером кино, — сказала Валя. — В столовой. Придете?

— Приду, — пообещал я. — А вы мне место займете?

— Мест сколько угодно. Еще не все приехали.

— Валь, — окликнула ее Тамара, — забыла, зачем мы пришли? — Она обернулась ко мне: — Мы по дороге Андрей Захарыча встретили. Он говорит, что Коленкин приехал. Мы тогда к

тебе. Позанимаешься с нами после обеда, а? У Валентины, например, техника хромает.

— Ну какая уж там техника, — застеснялся я. — Конечно, что могу — обязательно.

— Где тут наш недомерок остановился? — прогремело в коридоре.

Валя даже поморщилась. Я сделал вид, что непочтительные слова меня не касаются.

Лохматая голова Иванова, украшенная длинными бакенбардами (как же я не заметил этого в прошлый раз?), возникла у верхнего косяка двери.

— Привет, Коленочкин, — поздоровался Иванов и протиснулся в комнату. — Устроился?

И тут я понял, что Иванов совсем не хочет меня обижать. Что он тоже рад моему приезду. Пока я был чужим, толстячком, встреченным случайно, он испытывал ко мне недоброжелательство, теперь же я стал своим, из своей же команды. А уж если я мал ростом и не произвожу впечатления баскетбольной звезды, это мое личное дело. Главное — чтоб играл хорошо. Хотя при том я понимал: с ним надо быть осторожным, ибо щадить мое самолюбие он не намерен. Ему это и в голову не придет.

— Ты бы, Иванов, мог потише? — спросила Тамара. — Человек с дороги, устроиться не успел, а ты со своими глупыми заявлениями.

— А чего ему устраиваться? — удивился Иванов. Потом посмотрел, склонив голову, на девушек и спросил: — А вы что здесь делаете? Человек с дороги, устал, устроиться не успел...

Тут рассмеялись мы все и почему-то никак не могли остановиться. Так что, когда мои соседи, еще мокрые после купания, с махровыми полотенцами через плечо, похожие друг на друга, как братья, вошли в комнату, они тоже начали улыбаться.

— Знакомьтесь, мальчики, — представила меня Тамара. — Наш новый центровой, Коленкин. Андрей Захарович сегодня рассказывал.

Баскетболисты оказались людьми деликатными и ничем не выдали своего разочарования или удивления. А может быть, тренер их предупредил. Они по очереди протянули мне свои лопаты, аккуратно повесили махровые полотенца на спинки своих удлиненных кроватей, и в комнате стало так тесно, что у меня возникло неловкое чувство — сейчас кто-то из них на меня наступит.

— Ну что, обедать пора? — спросила вдруг Валя.

— Точно, — сказала Тамара. — Я чувствую, что чего-то хочу, а оказывается, я голодная.

И девушки упорхнули, если можно употребить это слово по отношению к ним.

Обедать я пошел вместе с соседями. Я шел между ними и старался привыкнуть к мысли, что по крайней мере несколько дней я буду вынужден смотреть на людей снизу вверх.

— Ты раньше где играл? — спросил меня Коля (я еще не научился их с Толей различать).

— Так, понемножку, — туманно ответил я.

— Ага, — согласился Коля. — А я из «Труда» перешел. Здесь больше возможностей для роста. Все-таки первая группа.

— Правильно, — согласился я.

— И в институт поступаю. А ты учишься или работаешь?

— Работаю.

У ребят явно перед глазами висела пелена. Психологический заслон. Они смотрели на меня и, по-моему, меня не видели. Рядом с ними шел маленький, лысеющий, с брюшком, сорокалетний мужчина, годящийся им в отцы, а они разговаривали со мной как с коллегой Герой Коленкиным из их команды, а потому, очевидно, неплохим парнем, с которым надо будет играть. И вдруг все мое предыдущее существование, налаженное и будничное, отошло в прошлое, испарилось. И я тоже начал чувствовать себя Герой Коленкиным, и особенно после того, как за обедом ко мне подошел Андрей Захарович, передал сумку и сказал, что там форма и кеды, мой размер.

Андрей Захарович с семьей обедал вместе с нами, за соседним столиком. Его сын смотрел на меня с уважением, потому что слышал, наверное, от отца, что я талант, что внешность обманчива. Мальчику было лет семь, но он старался вести себя как настоящий спортсмен, и тренировочный костюм на нем был аккуратно сшит и подогнан. Зато жена Андрея Захаровича, худая, усталая женщина, с темными кругами вокруг желтых настойчивых глаз, смотрела на меня с осуждением, ибо, наверное, привыкла вмешиваться в дела и решения добродушного мужа и это его решение не одобряла.

— Ну, мальчики-девочки, — сказал весело Андрей Захарович, — отдохните полчасика, и пойдем покидаем.

Он извлек из кармана блокнот и стал писать в нем. Я глубоко уверен, что вынимание блокнота относилось к области условных рефлексов. Именно с блокнотом к тренеру приходила уверенность в своих силах.

Меня представили массажисту, врачу, хрупкой девочке —

тренеру женской команды, и еще одному человеку, который оказался не то бухгалтером, не то представителем Центрального совета. Он осмотрел меня с головы до ног и остался недоволен.

В комнате Коля и Толя лежали на кроватях и переваривали пищу. Было жарко, томно, как бывает в летний день под вечер, когда все замирает, лишь жужжат мухи. Не хотелось мне идти ни на какую тренировку, не хотелось кидать мяч. Я сбросил ботинки и повалился на койку, моля бога, чтобы строгая жена отправила Андрея Захаровича в магазин... И тут же проснулся, потому что Андрей Захарович стоял в дверях и говорил укоризненно:

— Ох, Коленкин, Коленкин! Намучаюсь я с тобой. И чего ты решил жир нагонять в такое неурочное время?

Коля и Толя собирали свои вещи в белые сумки с надписью «Адидас».

— Извините, — сказал я. — Вздремнул.

— Даю три минуты, — сообщил Андрей Захарович. — Начинаем.

Я спустил вялые ноги с кровати. Встать, взять с собой полотенце, форму, собрать выданную мне скромную сумку стоило непомерных усилий.

— На бильярде играешь, Коленкин? — спросил Толя.

— Играю, — ответил я смело, хоть играть и не приходилось. Лишь видел, как это делается, когда отдыхал в санатории года три назад.

— Совсем забыл, — сунул вновь голову в дверь Андрей Захарович. — Вы, ребята, Коленкина к врачу отведите. Осмотр надо сделать.

У входа в кабинет мне стало страшно. Дверь была деревянная, обычная, как и в прочих комнатах домика, но я вдруг вспомнил, что у меня барахлит давление, случается тахикардия, есть шум в левом желудочке, постоянно болят зубы и вообще со мной неладно, как неладно с остальными моими сверстниками, которым под сорок и которые ведут сидячий образ жизни.

— Мы тебя, Гера, подождем, — предложили Коля и Толя. Наверное, почувствовали мое волнение. — Врач у нас свой, добрый. Кирилл Петровичем зовут. Не стесняйся.

Окно в кабинете было распахнуто, молодые сосенки качали перед ним темными пушистыми ветками, вентилятор на столе добавлял прохлады, и сам доктор, как-то не замеченный мною в столовой, хоть меня ему и представляли, показался мне прохладным и уютным.

«В конце концов, — подумал я, — если даже меня и отправят

домой по состоянию здоровья, это не хуже, чем изгнание из команды за неумение играть в баскетбол».

— Здравствуйте, Кирилл Петрович, — сказал я, стараясь придать голосу мягкую задушевность. — Жарко сегодня, не так ли?

— А, пришли, Коленкин? Присаживайтесь.

Доктор был далеко не молод, и я решил, что он стал спортивным врачом, чтобы почаще бывать на свежем воздухе. Я встречал уже таких неглупых, усатых и несколько разочарованных в жизни и медицине врачей в домах отдыха, на туристских базах и в других местах, где есть свежий воздух, а люди мало и неразнообразно болеют.

Доктор отложил книгу, не глядя протянул руку к длинному ящичку. Собирался для начала смерить мне давление. Другая рука привычно достала из ящика стола карточку и синюю шариковую ручку. Я решил было, что дело ограничится формальностью.

Сначала доктор записал мои данные: возраст, чем болел в детстве, какими видами спорта занимался, семейное положение и так далее. Пока писал, ничем не выражал своего удивления, но, кончив, отложил ручку и спросил прямо:

— Скажите, Коленкин, что вас дернуло на старости лет в спорт удариться? Не поздно ли?

А так как я только пожал плечами, не придумав настоящего ответа, он продолжал:

— Что движет людьми? Страсть к славе? Авантюризм? Ну, я понимаю мальчишек и девчонок. Понимаю редко встречающихся талантливых людей, для которых нет жизни вне спорта. Но ведь у вас приличное место, положение, свой круг знакомых. И вдруг — такой финт. Вы же, признайтесь, никогда спортом не интересовались.

Я слушал его вполуха. Меня вдруг испугала внезапно родившаяся мысль: а что, если сыворотка Курлова настолько меняет все в организме, что врач обнаружит ее? И скажет сейчас: «Голубчик, да вам же надо пройти допинговый контроль!» или «Это же подсудное дело!».

Продолжая говорить, Кирилл Петрович намотал мне на руку жгут, нажал на грушу, и руку мне сдавило воздухом.

— Что с пульсом у вас? — удивился Кирилл Петрович.

Я понял, что судьба моя висит на волоске, и решился идти ва-банк.

— Я волнуюсь, — сказал я. — Я очень волнуюсь. Поймите меня правильно. Вы же угадали: мне в самом деле сорок лет, я никогда не занимался спортом. Мне хочется хотя бы на время,

хотя бы на две недели стать другим человеком. Вам разве никогда не хотелось сказать: «Катись все к черту! Еду на Северный полюс!»?

— Хотелось, — коротко ответил доктор. — Снимайте рубашку. Я ваше сердце послушаю. Кстати, у вас тахикардия. Вы неврастеник?

— Не замечал за собой. Хотя в наши дни все неврастеники.

— Зачем обобщать? Вытяните вперед руки. Ага, дрожат. Тремор ощутимый. Пьете?

— Только за компанию.

— И как в таком состоянии умудряетесь попадать в кольцо? Я бы вам не рекомендовал играть в баскетбол. Сначала займитесь просто ходьбой, обтирайтесь по утрам холодной водой. Никогда не пробовали?

Он меня гробил. Моя откровенность обошлась мне слишком дорого.

— Будет он обтираться холодной водой. Прослежу. — В дверях стоял Андрей Захарович, блокнот в руке. — Все записываю. Все ваши советы, Кирилл Петрович, записываю. Ни одного не упускаю. И бегать он будет.

— Совсем не уверен, что будет. В его состоянии...

— В его состоянии полезно заниматься спортом, — настаивал Андрей Захарович. — Я уже все записал.

Андрей Захарович вспотел. На лбу блестели, сползали к глазам капли пота. Он тоже волновался. Доктор оказался неожиданным, непредусмотренным препятствием.

— Но ведь серьезного ничего нету? — спросил тренер заискивающе.

— Серьезного, слава богу, ничего. Просто распущенный организм. Раннее старение. Жирок.

Доктор взял брезгливо меня за жирную белую складку на животе и оттянул ее к себе.

— Видите?

— Вижу, — согласился тренер. — Сгоним. Давление в пределах?

— В пределах. Хотя еще неизвестно, что считать пределом. И не сердце, а овечий хвост.

— Все ясно. Так мы пошли на тренировку?

— Да идите вы куда хотите! — обозлился вдруг доктор. — Не помрет ваш центровой. Ему еще на Северный полюс хочется махнуть!

В коридоре ждали Толя и Коля.

— Здорово он тебя, — сказал Толя. — Я уж думал, не допустит.

Они и в самом деле были милыми ребятами. Их даже не удивило состояние моего здоровья. Они болели за меня и были рады, что в конце концов доктора удалось побороть.

— Только каждый день ко мне на проверку, — слышался докторский голос.

— Обязательно. Совершенно обязательно, — заверял его тренер.

Он догнал нас на веранде и сказал мне:

— Ну и поставил ты меня в положение, Коленкин! Нехорошо.

И мы пошли к площадке.

Я переодевался, слыша стук мяча, крики с площадки. И мне все еще не хотелось выходить. Сердце билось неровно — запоздалая реакция на врача. Ныл зуб. В раздевалке было прохладно, полутемно. За стеной шуршал душ.

— Ну! — крикнул Коля, заглядывая внутрь. — Ты скоро?

И я пошел на площадку, прорезанную ставшими длиннее тенями высоких сосен.

Тренировались мужчины. Девушки сидели в ряд на длинной низкой скамье. При виде меня зашептались. Кто-то хихикнул, но Валя, милая, добрая Валя, шикнула на подругу.

Ребята перестали играть. Тоже смотрели на меня. В столовой, где я видел почти всех, было иначе. Там мы были одеты. Там мы смотрелись цивилизованными людьми. Как в доме отдыха.

Я остановился на белой полосе. Все мы выдаем себя не за тех, кем являемся на самом деле. Мы стараемся быть значительнее, остроумнее перед женщиной, если она нам нравится. Мы стараемся быть умнее перед мужчинами, добрее перед стариками, благоразумнее перед начальниками. Мы все играем различные роли, иногда по десять на дню. Но роли эти любительские, несложные, чаще за нас работает инстинкт, меняя голос по телефону в зависимости от того, с кем мы говорим, меняя походку, словарный запас... И я понял, что стою вобрав живот и сильно отведя назад плечи, словно зрители, смотрящие на меня, сейчас поддадутся обману.

— Держи! — крикнул Иванов. — Держи, Коленкин. Ведь народ в тебя еще не верит.

Я приказал своим рукам поймать мяч. И они меня послушались. Я приказал им закинуть мяч в корзину отсюда, с боковой полосы, с неудобной, далеко расположенной от кольца точки. И мяч послушался меня.

— Молоток! — сказал Толя.

Труднее было бегать, стучать мячом по земле и получать пасы от других. Мяч был тяжел. Минут через десять у меня совсем отнялись руки. Я был покрыт потом и пылью. Я понимал, что больше не смогу сделать ни шагу. И я собрался уже было повернуться и уйти с площадки, как Андрей Захарович, стоявший в стороне со свистком и блокнотом, крикнул:

— Коленкин! Отойди, отдохни. У тебя режим особый. Не переутомляйся, а то нас с тобой Кирилл Петрович в Москву отправит.

Я был очень благодарен тренеру. Я сел на скамью, к девушкам, и они потеснились, чтобы мне было удобнее. И Тамара напомнила мне:

— Гера, обещал ведь нас с Валей погонять!

— Обязательно, — подтвердил я. — Только не сегодня.

Главное — я не опозорился.

Больше в тот день я не выходил на площадку, хоть Андрей Захарович и поглядывал в мою сторону, хотел позвать меня, но я чуть заметно, одними глазами, отказывался от его настойчивых приглашений. Ведь бегуном мне не стать. Я умею лишь одно — забрасывать мяч в корзину. И чем меньше я буду бегать, тем меньше будет противоречие между моим талантом и прочими моими качествами. Впрочем, я могу поднять свою репутацию в другом: бильярд.

После ужина я в кино не пошел. Валя, по-моему, на меня немного обиделась. Женщины, даже очень молодые, — удивительные существа. В них слишком развито чувство собственности. Думаю, что это атавизм, воспоминание о младенчестве, когда все мое: и ложка моя, и погремушка моя, и мама моя, и дядя мой. Я подходил под категорию «дядя мой». И я уже даже слышал, как кто-то из девушек, обращаясь к Вале и инстинктивно признавая ее права на меня, сказал: «Твой-то, Гера».

— Не хочется в зале сидеть, — объяснил я Вале.

— Как знаете.

— Но потом можно погулять.

— Никаких прогулок, — встрял тут же оказавшийся Андрей Захарович. — Режим. И ты, Коленкин, хоть и не обманул ожиданий, наших девушек не смущай. Они ведь к славе тянутся. К оригинальности. Вот ты и есть наша оригинальность. Не переоценивай себя. Не пользуйся моментом.

— Как вы могли... — начал было я.

— Мог. И ты, Валентина, голову парню не кружи.

А мне захотелось засмеяться. Как давно я не слышал ничего

подобного! Как давно двадцатилетние девчонки не кружили мне голову! И как давно никто — не в шутку, в самом деле — не называл меня парнем.

— Я, как кино кончится, к площадке подойду, — пообещал я, как только тренер отошел.

— Как хотите, — пожала плечами Валя. — А вот в кино вы зря не пошли. Вам, наверное, с нами неинтересно.

И только потом, уже в бильярдной, на веранде, я осознал, что она перешла на «вы».

Ну и чепуха получается!

У бильярда стоял Иванов. В одиночестве.

— Ты что в кино не пошел? — спросил он.

— Смотрел уже, — соврал я. Не говорить же человеку, что я подозреваю у себя исключительные способности к бильярду и горю желанием их испытать.

— Я тоже смотрел, — сказал Иванов. — Да и жарко там. Сыграем?

— Я давно не играл, — соврал я.

— Не корову проиграешь. Не бойся. Кием в шар попадешь?

— Попробую.

— Пробуй.

С первого же удара, когда кий у меня пошел в одну сторону, шары — в другую, я понял, что эта игра требует от изобретения Курлова большего напряжения, чем баскетбол. Несмотря на то что мои нервные клетки работали сейчас лучше, чем у кого бы то ни было на свете, передавая без искажений и помех сигналы мозга моим пальцам, задание, которое им надлежало выполнить, было не из легких. На площадке я учитывал лишь вес мяча и расстояние до кольца, здесь я должен был точно направить в цель кий, рассчитать, в какую точку ударить, чтобы шар правильно ударился о другой шар и пошел в узкую лузу. И главное, должен был унять легкую дрожь в пальцах, не игравшую роли на площадке, но крайне опасную здесь.

Рассудив так, я заставил свой мозг считать точнее. И пока Иванов, похохатывая над моей неуклюжестью и испытывая законное удовлетворение человека, взявшего реванш у сильного противника, целился в шар, я мысленно стал на его место и, не без труда проследив глазами за направлением его будущего удара, понял, что он в лузу не попадет. А попадет шаром в точку, находящуюся в трех сантиметрах слева от угловой лузы. Что и случилось. И тогда я понял, что победил.

— Держи, — сказал Иванов, протягивая мне кий. — Только

сукно не порви. Тетя Нюра тебе голову оторвет. Ей что звезда, что просто человек — все равно.

— Постараюсь, — пообещал я и оглянулся на звук приближающихся шагов.

На веранду поднялся доктор.

— Ну вот, — констатировал он не без ехидства, — вот спорт для вас, Коленкин.

Но я не обиделся.

— Главное — не побеждать, а участвовать, — разглагольствовал я. — Любой спорт почетен.

— Угу, — буркнул доктор и отошел к перилам, закуривая.

Мне тоже захотелось курить. А то ведь за весь день выкурил только две сигареты, и те украдкой, в туалете, а потом заглянувший туда после меня Андрей Захарович бегал по территории и кричал: «Кто курил? Немедленно домой отправлю!» Но, конечно, не узнал. А я был не единственным подозреваемым.

Уже совсем стемнело, и густая синь подступила к веранде, дышала сыроватой прохладой и вечерними запахами хвои и резеды.

Я не спеша взял кий, поглядел на шары. Понял, что надо искать другую точку, и медленно, точно тигр вокруг добычи, пошел вдоль стола.

— И не старайся, — настаивал Иванов.

— И в самом деле, не старайтесь, — поддакнул доктор. — Иванов здешний чемпион.

— Тем лучше, — сказал я.

Я наконец нашел то, что искал. Очаровательные, милейшие шары! И я знал, в какую точку надо попасть ближним по дальнему, чтобы оба полетели в лузы. Что я и сделал.

Иванов ухмыльнулся:

— Ага!

А доктор разочарованно вздохнул и тяжело спустился с веранды, словно он, а не Иванов терпел поражение.

Я протянул кий Иванову, но тот даже удивился.

— Ведь попал! — объяснил он. — Еще бей.

И так я, не возвращая кия Иванову, забил семь или восемь шаров. Столько, сколько было нужно. Я так и не знаю точно, сколько. С тех пор я ни разу не подходил к бильярду, хоть слава обо мне на следующий же день разнеслась по всей базе и меня многие просили показать мое искусство. Я не стал этого делать после того, как, поглядев на мой последний шар, Иванов сказал завистливо:

— Ты, Коленкин, большие деньги можешь на спор зарабатывать. В парке культуры.

Я не хотел зарабатывать деньги на спор.

Я ушел, отыскал в темноте скамью у площадки. Вечер был безлунным, а фонари далеко. Я курил, прикрывая огонек ладонью. Жена тренера долго и скучно звала домой сына. Потом из столовой выходили люди. Кино кончилось. Валя не шла. Я так и думал, что она не придет. В кустах за моей спиной раздался шорох, и я услышал девичий голос:

— Не жди, Гера, она не придет.

— Это ты, Тамара? — спросил я.

— Да. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил я и понял, что я очень старый и вообще совсем чужой здесь человек.

Кто-то смеялся вдалеке. Потом из столовой донеслась музыка. Я вернулся в свою комнату. Толи и Коли не было. Лишь белые сумки с надписью «Адидас» стояли посреди комнаты. Я распахнул окно пошире и лег. В комнату залетели комары, жужжали надо мной, и я заснул, так и не дождавшись, когда придут соседи.

На следующий день из Москвы приехали какие-то деятели из нашего ДСО. Андрей Захарович, глядя на меня умоляюще, попросил с утра пойти на площадку. Я старался изо всех сил, хотя у деятелей при моем появлении вытянулись лица. Я кидал мячи чуть ли не от кольца до кольца, взмок и устал, но Андрей Захарович все смотрел и смотрел на меня умоляющим взором, а деятели шептались, потом вежливо попрощались и ушли, а я так и не знал до самого обеда, решили они что-нибудь или сейчас меня попросят собирать вещи.

Но за обедом ко мне подошел тренер и сказал:

— Подождешь меня.

Доедал я не спеша. Толя и Коля ели сосредоточенно. Они устали. Они сегодня бегали кросс, от которого я отказался. И это как-то отдалило их от меня. Я не разделил с ними неприятных минут усталости и приятных мгновений, когда ты минуешь финиш. Я понимал то, что они не могли бы сформулировать даже для себя.

Валя тоже не глядела в мою сторону. Неужели она обиделась на то, что я не пошел с ней в кино? Странно. Но, наверное, объяснимо. Я почему-то чувствовал себя мудрым и старым человеком. Как белая ворона среди воробьиной молоди. В конце концов, что я здесь делаю?

Я не доел компота, встал, вышел из-за стола. Тренер сидел на веранде с бухгалтером и рассматривал какие-то ведомости.

— Ага, вот и ты.

Он с видимым облегчением отодвинул в сторону бумаги и поднялся. Отошел со мной к клумбе, в тень. Его жена прошлепала мимо, ведя за руку сына. Посмотрела на меня укоризненно. Словно я был собутыльником ее супруга.

— Я сейчас, кисочка, — сказал ей Андрей Захарович.

— Я тебя и не звала.

Тренер обернулся ко мне.

— Были возражения, — вздохнул он. — Были сильные возражения. Понимаешь, Коленкин, спорт — это зрелище. Почти искусство. Балет. И они говорят: «Ну что, если на сцену Большого театра выйдет такой, как ты? — Ты не обижайся, я не свои слова говорю. — Зрители будут смеяться». Ну, тогда я по ним главным аргументом: «А знаете ли, что нам угрожает переход во вторую группу? Последний круг остался. Знаете же, — говорю, — положение». Ну, они, конечно, начали о том, что тренера тоже можно сменить, незаменимых у нас нет и так далее. Я тогда и поставил вопрос ребром. «Если, — говорю, — отнимете у меня Коленкина по непонятным соображениям, уйду. И команда тоже уйдет. Во вторую группу. Как хотите». Они туда-сюда. Деваться некуда.

Из столовой вышли девушки. Валя посмотрела на меня равнодушно. Тамара шепнула ей что-то на ухо. Засмеялись. Солнце обжигало мне ноги. Я отошел поглубже в тень.

— Я бы с кем другим не стал так говорить, — продолжал тренер, запустив пальцы в курчавый венчик вокруг лысины, — но ты человек взрослый, почти мой ровесник. Ты же должен проявить сознательность. Если команда во вторую группу улетит, все изменится к худшему. Пойми, братишка.

Слово прозвучало льстиво и не совсем искренне.

— Ладно, — сказал я.

Не знаю уж, с чем я соглашался.

— Вот и отлично. Вот и ладушки. А сейчас к нам студенты приедут. На тренировочную игру. Ты уж не подведи. Выйди. Побегай. А?

— Ладно.

Коля с Толей прошли мимо. Увидев нас, остановились.

— Пошли на речку, — позвали они.

— Пошли, — согласился я, потому что не знал, как прервать беседу с тренером. — У меня только плавок нет, — сказал я ребятам, когда мы подходили к нашему домику. И тут же пожалел.

Если бы не сказал, то вспомнил бы уже на берегу и не надо было бы лезть в воду.

Ведь я все равно не смогу раздеться при них.

Плавки они мне достали. И отступать было поздно. Я последовал за ребятами к реке и, уже выйдя на берег, понял, что сделал глупость. Вернее, я понял это раньше, когда спросил про плавки. Но пока не вышел на берег, на что-то надеялся.

Баскетболисты играли в волейбол. Они были все как на подбор сухие, загорелые, сильные и очень красивые. Может, потому я сразу вспомнил о Большом театре. И представил, как я выйду сейчас на берег в одних плавках и каким белым, голубым, округлым, мягким и уродливым будет мое тело рядом с их телами. И Валя, тонкая, легкая, стояла на самом берегу, у воды, и глядела на меня.

— Пошли в кусты, переоденемся, — предложил Толя.

Но я никак не ответил. И раз уж уходить было нелепо, я сел под куст, на песок, обхватил руками колени и сделал вид, что смотрю, не могу оторваться, смотрю, как они играют в волейбол на берегу. И я, конечно, был смешон — один одетый среди двадцати обнаженных. Особенно в такую жару, когда окунуться в воду — блаженство. Но для меня это блаженство было заказано.

— Раздевайся, Коленкин! — крикнула мне из реки Тамара.

Я отрицательно покачал головой. Пора было уходить. Но не уйдешь. Все смотрели на меня.

— Он боится утонуть, — сказала вдруг Валя. — Он гордый отшельник.

Это было предательство. Они смеялись. Беззлобно и просто, как очень здоровые люди. Но они смеялись надо мной. И у меня не было сил присоединиться к ним, показать, что я умнее, смеяться вместе с ними. В чем и было мое единственное спасение. А я встал и ушел. И видел себя, каким я кажусь им со спины, — маленьким, сутулым и нелепым. А они смеялись мне вслед, и я отлично различал смех Валентины.

А вечером к нам приехали студенты. Они появились тогда, когда я уже собрал свой чемоданчик, спрятал его под койку, чтобы раньше времени не поднимать шума. Тренер обойдется без меня. И если команда даже вылетит во вторую группу — кто-то же должен вылететь. И у тех, кто вылетел бы вместо нас, то есть вместо них, тоже есть тренер и тоже есть Иванов, и Коля, и Толя, и даже доктор.

— Эй! — крикнул с дорожки массажист. — Коленкин! Выходи. Тренер зовет! Сыграем сейчас.

Он не стал ждать моего ответа. Я хотел было скрыться, но тут

же появились Коля с Толей, стали собираться на игру, и мне, чтобы не казаться еще смешнее, пришлось собираться вместе с ними. Я старался выглядеть равнодушным.

— Ты чего убежал? — спросил Коля. — Мы же так.

— Его Валентина задела, — сказал Толя. — Обидно человеку. Ведь каждый хочет — купается, хочет — не купается. А ты же ржал со всеми. Может, Гера и в самом деле плавать не умеет. Тогда знаешь как обидно!

— Правильно, — согласился Коля. — Меня однажды с парашютом прыгнуть уговаривали, а я жутко испугался.

Хорошие ребята. Утешили меня. Но мне было все равно. Я уже принял решение. Из меня не получилась созданная в колбе звезда мирового баскетбола. Доктор был прав. Мне лучше заниматься ходьбой. От дома до станции метро.

Но на площадку я вышел. Не было предлога отказаться.

Студенты уже разминались под кольцом, мое появление вызвало спонтанное веселье. Вроде бы ко мне никто не обращался. Вроде бы они разговаривали между собой.

— Плохо у них с нападением.

— Наверное, долго искали.

— Алло! Мы ищем таланты!

— Он два месяца в году работает. Остальное время на пенсии.

Тренер студентов, высокий, жилистый, видно бывший баскетболист, прикрикнул на них:

— Разговорчики!

— Не обращай внимания, — посоветовал мне, выбегая на площадку с мячом и выбивая им пулеметную дробь по земле, Иванов. — Они тебя еще в игре увидят.

А я понимал, что и это обман. В игре они меня не увидят. Потому что играть нельзя научиться в два дня, даже если у тебя лучше, чем у них, устроены нервные связи. И учиться поздно.

Это была моя первая игра. Тренер сказал:

— Пойдешь, Коленкин, в стартовой пятерке. Главное — пускай они на тебя фолят. Штрафные ты положишь. И не очень бегай. Не уставай. Я тебя скоро подменю.

Напротив меня стоял верзила с черными усиками. Ему было весело. Свисток. Мяч взлетел над площадкой. «Ах ты, верзила! Смеешься?» Я был зол. Я побежал к мячу. Именно этого делать мне не следовало. Потому что за какую-то долю секунды до этого Иванов кинул мяч в мою сторону. Вернее, туда, где меня уже не было. И верзила перехватил мяч. Я суетливо побежал за ним к

нашему кольцу и попытался преградить дорогу верзиле. Тот незаметно, но больно задел меня коленом, и я охнул и остановился.

— Ну чего же ты! — успел крикнуть мне Иванов.

Верзила подпрыгнул и аккуратно положил мяч в кольцо. Обернулся ко мне, улыбаясь во весь рот. У меня болело ушибленное бедро.

— К центру! — кинул мне на бегу Иванов.

Коля вбросил мяч. Я побежал к центру, и расстояние до чужого кольца показалось неимоверно длинным. Было жарко. Мне казалось, что смеются все. И свои и чужие.

— Держи! — крикнул Коля и метнул в меня мяч. Совсем не так, как на тренировке. Метнул как пушечное ядро. Как Иванов в тот первый день, приведший к сегодняшнему позору.

И я не мог отклониться. Я принял мяч на грудь, удержал его и побежал к кольцу. На пятом или шестом шаге, радуясь, что все-таки смогу оправдаться в глазах команды, я кинул мяч, и он мягко вошел в кольцо. Раздался свисток. Я пошел обратно, и тут же меня остановил окрик тренера:

— Ты что делаешь? Ты в ручной мяч играешь?

— Пробежка, — сказал мне судья, смотревший на меня с веселым недоумением. — Пробежка, — повторил он мягко.

Ну конечно же, пробежка. Как она видна, если смотришь баскетбол по телевизору! Мяч не засчитан. Надо было уходить с площадки. У меня словно опустились руки. Правда, я еще минут пять бегал по площадке, суетился, один раз умудрился даже забросить мяч, но все равно зрелище было жалкое. И я раскаивался только, что не уехал раньше, сразу после речки.

Андрей Захарович взял тайм-аут. И когда мы подошли к нему, он глядеть на меня не стал, а сказал только:

— Сергеев, выйдешь вместо Коленкина.

Я отошел в сторону, чтобы не столкнуться с Сергеевым, который подбежал к остальным.

— Подожди, — бросил в мою сторону Андрей Захарович.

Я уселся на скамью, и запасные тоже на меня не глядели. И я не стал дожидаться, чем все это кончится. Я прошел за спиной тренера.

— Куда вы? — спросила Валя. — Не надо...

Но я не слышал, что она еще сказала. Не хотел слышать.

Я прошел к себе в комнату, достал из-под кровати чемодан и потом надел брюки и рубашку поверх формы — переодеваться было некогда, потому что каждая лишняя минута грозила разговором с тренером. А такого разговора я вынести был не в силах.

Я задержался в коридоре, выглянул на веранду. Никого. Можно идти. С площадки доносились резкие голоса. Кто-то захлопал в ладоши.

— Где Коленкин? — услышал я голос тренера.

Голос подстегнул меня, и я, пригибаясь, побежал к воротам.

У ворот меня встретил доктор. Я сделал вид, что не вижу его, но он не счел нужным поддерживать игру.

— Убегаете? — спросил он. — Я так и предполагал. Только не забудьте — вам очень полезно обливаться по утрам холодной водой. И пешие прогулки. А то через пять лет станете развалиной.

Последние слова его и смешок донеслись уже издали. Я спешил к станции.

В полупустом вагоне электрички я клял себя последними словами. Потная баскетбольная форма прилипла к телу, и кожа зудела. Зачем я влез в это дело? Теперь я выгляжу дураком не только перед баскетболистами, но и на работе. Все Курлов... А при чем здесь Курлов? Он проводил эксперимент. Нашел послушную морскую свинку и проводил. Я одно знал точно: на работу я не возвращаюсь. У меня еще десять дней отпуска, и хоть отпуск этот получен мною жульническим путем, терять его я не намерен. Правда, я понимал, что моя решительность вызвана трусостью. С какими глазами я явлюсь в отдел через три дня после торжественного отбытия на сборы? А вдруг упрямый Андрей Захарович будет меня разыскивать? Нет, вряд ли после такого очевидного провала. Уеду-ка я недели на полторы в Ленинград. А там видно будет.

Так я и сделал. А потом вернулся на работу. Если меня и разыскивал тренер, то жаловаться на то, что я сбежал со сборов, он не стал. И я его понимал — тогда вина ложилась и на него. На каком основании он нажимал на кнопки и выцыганивал меня? Зачем тревожил собственное спортивное начальство? Итак, меня списали за ненадобностью.

А Курлова я встретил лишь по приезде из Ленинграда. В лифте.

— Я думал, — сообщил он не без ехидства, — что вы уже стали баскетбольной звездой.

Я не обиделся. Мое баскетбольное прошлое было подернуто туманом времени. С таким же успехом оно могло мне и присниться.

— Карьера окончена, — сказал я. — А как ваши опыты?

— Движутся помаленьку. Пройдет несколько лет — и всем детям будут делать нашу прививку. Еще в детском саду.

— Прививку Курлова?

— Нет, прививку нашего института. А что вас остановило? Ведь вы, по-моему, согласились на трудный хлеб баскетболиста.

— Он слишком труден. Кидать мячи — недостаточно.

— Поняли?

— Не сразу.

Лифт остановился на шестом этаже. Курлов распахнул дверь и, стоя одной ногой на лестничной площадке, сказал:

— Я на днях зайду к вам. Расскажете об ощущениях?

— Расскажу. Только заранее должен предупредить, что я сделал лишь одно открытие.

— Какое?

— Что могу большие деньги зарабатывать на спор. Играя на бильярде.

— А-а-а... — Курлов был разочарован. Он ждал, видимо, другого ответа. — Ну, — подумал он несколько секунд, — детей мы не будем учить этой игре. Особенно за деньги. Зато хотите верьте, хотите нет, но наша прививка сделает нового человека. Человека совершенного.

— Верю, — сказал я, закрывая дверь лифта. — К сожалению, нам с вами от этого будет не так уж много пользы.

— Не уверен, — ответил он. — Мы-то сможем играть на бильярде.

Уже дома я понял, что Курлов прав. Если через несколько лет детям будут вводить сыворотку, после которой их руки будут делать точно то, чего хочет от них мозг, это будет уже другой человек. Как легко будет учить художников и чертежников! Техника будет постигаться ими в несколько дней, и все силы будут уходить на творчество. Стрелки не будут промахиваться, футболисты будут всегда попадать в ворота, и уже с первого класса ребятишки не будут тратить время на рисование каракулей — их руки будут рисовать буквы именно такими, как их изобразил учитель. Всего не сообразишь. Сразу не сообразишь.

И, придя домой, я достал лист бумаги и попытался срисовать висевший на стене портрет Хемингуэя. Мне пришлось повозиться, но через час передо мной лежал почти такой же портрет, как и тот, что висел на стене. И у меня несколько улучшилось настроение.

А на следующий день случилось сразу два события. Во-первых, принесли из прачечной белье, и там я, к собственному удивлению, обнаружил не сданную мной казенную форму. Во-вторых, в то же утро я прочел в газете, что по второй про-

грамме будет передаваться репортаж о матче моей команды, моей бывшей команды. В той же газете, в спортивном обзоре, было сказано, что этот матч — последняя надежда команды удержаться в первой группе и потому он представляет интерес.

Я долго бродил по комнате, глядел на разложенную на диване форму с большим номером «22». Потом сложил ее и понял, что пойду сегодня вечером на матч.

Я не признавался себе в том, что мне хочется посмотреть вблизи, как выйдут на поле Коля и Толя. Мне хотелось взглянуть на Валю — ведь она обязательно придет посмотреть, как играют последнюю игру ее ребята. А потом я тихо верну форму, извинюсь и уйду. Но я забыл при этом, что если команда проиграет, то появление мое лишь еще больше расстроит тренера. Просто не подумал.

Я пришел слишком рано. Зал еще только начинал заполняться народом. У щита разминались запасные литовцев, с которыми должны были играть мои ребята. Все-таки мои. Мое место было недалеко от площадки, но не в первом ряду. Я не хотел, чтобы меня видели.

Потом на площадку вышел Андрей Захарович с массажистом. Они о чем-то спорили. Я отвернулся. Но они не смотрели в мою сторону. И тут же по проходу совсем рядом со мной прошел доктор Кирилл Петрович. Я поднял голову — и встретился с ним взглядом. Доктор улыбнулся уголком рта. Наклонился ко мне:

— Вы обтираетесь холодной водой?

— Да, — ответил я резко. Но тут же добавил: — Пожалуйста, не говорите тренеру.

— Как желаете, — сказал доктор и ушел.

Он присоединился к тренеру и массажисту, и они продолжили разговор, но в мою сторону не смотрели. Значит, доктор ничего не сказал. Андрей Захарович раза два вынимал из кармана блокнот, но тут же совал его обратно. Он очень волновался, и мне было его жалко. Я посмотрел вокруг — нет ли здесь его жены. Ее не было. Зал заполнялся народом. Становилось шумно, и возникала, охватывала зал особенная, тревожная атмосфера начала игры, которую никогда не почувствуешь, сидя дома у телевизора, которая ощущается лишь здесь, среди людей, объединенных странными, явственно ощутимыми ниточками и связанных такими же ниточками с любым движением людей на площадке.

А дальше все было плохо. Иванов несколько раз промахи-

вался тогда, когда не имел никакого права промахнуться. Коля к перерыву набрал пять персональных и ушел с площадки. Сергеев почему-то прихрамывал и опаздывал к мячу. Андрей Захарович суетился, бегал вдоль площадки и дважды брал тайм-аут, что-то втолковывая ребятам.

Валя и ее подруги сидели в первом ряду. Мне их было видно. И я все надеялся, что Валя повернется в профиль ко мне, но она не отрываясь смотрела на площадку. К перерыву литовцы вели очков десять. Задавят. Зал уже перестал болеть за мою команду. А я не смел подать голос, потому что мне казалось, что его узнает Валя и обернется. И тогда будет стыдно. Рядом со мной сидел мальчишка лет шестнадцати и все время повторял:

— На мыло их! Всех на мыло. Гробы. — И свистел. Пока я не огрызнулся:

— Помолчал бы!

— Молчу, дедушка, — ответил парень непочтительно, но свистеть перестал.

Когда кончился перерыв, я спустился в раздевалку. Я понял, что до конца мне не досидеть. Мной овладело отвратительное чувство предопределенности. Все было ясно. И даже не потому, что наши плохо играли. Хуже, чем литовцы. Просто они уже знали, что проиграют. Вот и все. И я знал. И я пошел в раздевалку, чтобы, когда все уйдут, положить форму на скамью и оставить записку с извинениями за задержку.

В раздевалку меня пропустили. Вернее, вход в нее никем не охранялся. Да и кому какое дело до пустой раздевалки, когда все решается на площадке.

Я вошел в комнату. У скамьи стояли в ряд знакомые сумки «Адидас». Наверное, это какая-то авиакомпания. Я узнал пиджак Толи, брошенный в угол. И я представил себе раздевалку на базе, там, под соснами. Она была меньше, темнее, а так — такая же.

Я вынул из сумки форму и кеды и положил их на скамью. Надо было написать записку. Из зала донесся свист и шум. Игра началась. Где же ручка? Ручки не было. Оставить форму без записки? Я развернул майку с номером «22». И мне захотелось ее примерить. Но это было глупое желание. И я положил майку на скамью.

— Пришли? — спросил доктор,

— Да. Вот хорошо, что вы здесь! А я форму принес.

И я попытался улыбнуться. Довольно жалко.

— Кладите, — кивнул доктор. — Без записки обойдемся.

— Все кончено? — запинаясь, спросил я.

— Почти, — ответил доктор, — чудес не бывает.

А когда я направился к двери, он вдруг негромко сказал:

— А вы, Коленкин, не хотели бы сейчас выйти на площадку?

— Что?

— Выйти на площадку. Я бы разрешил.

— Мне нельзя. Я не заявлен на игру.

— Вы же еще пока член команды. За суматохой последних дней никто не удосужился вас уволить.

— Но я не заявлен на эту игру.

— Заявлены.

— Как так?

— Перед началом я успел внести вас в протокол. Я сказал тренеру, что вы обещали прийти.

— Не может быть!

— Я сказал не наверняка. Но у нас все равно короткая скамейка. Было свободное место.

— И он внес?

— Внес. Сказал, пускай вы условно будете. Вдруг поможет. Мы все становимся суеверными перед игрой.

И я вдруг понял, что раздеваюсь. Что я быстро стаскиваю брюки, спешу, раздеваюсь, потому что время идет, ребята играют там, а я прохлаждаюсь за абстрактными беседами с доктором, который меня недолюбливает, зато он хороший психолог. И я вдруг подумал, что, может быть, я с того момента, как вышел из дому с формой в сумке, уже был внутренне готов к бессмысленному поступку. К сумасшедшему поступку.

— Не волнуйтесь, — сказал доктор. — Вряд ли ваше появление поможет. И когда выйдете, не обращайте внимания на зрителей. Они могут весьма оживленно прореагировать на ваше появление.

— Да черт с ними со всеми! — вдруг взъярился я. — Ничего со мной не случится.

Я зашнуровывал кеды, шнурки путались в пальцах, но доктор замолчал и только кашлянул деликатно, когда я рванулся не к той двери.

А дальше я потерял ощущение времени. Я помню только, что оказался в ревущем зале, который вначале не обратил на меня внимания, потому что все смотрели на площадку. Я услышал, как воскликнула Валя:

— Гера! Герочка!

Я увидел, как Андрей Захарович обернулся ко мне и с глупой улыбкой сказал:

— Ты чего же?!

Он подошел и взял меня за плечо, чтобы увериться в моей реальности. И не отпускал, больно давя плечо пальцами. Он ждал перерыва в игре, чтобы вытолкнуть меня на площадку. Краем уха я услышал, как сидевшие на скамье потные, измученные ребята говорили вразнобой: «Привет», «Здравствуй, Гера». Раздался свисток. Нам били штрафной.

И я пошел на площадку. Навстречу мне тяжело плелся Иванов, увидел меня, ничуть не удивился и шлепнул меня по спине, как бы передавая эстафету. И тут зал захохотал. Насмешливо и зло. И не только надо мной смеялись люди — смеялись над командой, потому что поняли, что команде совершенно некого больше выпустить. И я бы, может, дрогнул, но высокий, пронзительный голос — по-моему, Тамарин — прорвался сквозь смех:

— Давай, Гера!

Судья посмотрел на меня недоверчиво. Подбежал к судейскому столику. Но Андрей Захарович, видно, предвидел такую реакцию и уже стоял там, наклонившись к судьям, и водил пальцем по протоколу.

— Как мяч будет у меня, — шепнул мне Толя, — беги к их кольцу. И останавливайся. Ясно? С мячом не бегай. Пробежка будет.

Он помнил о моем позоре. Но я не обиделся. Сейчас важно было одно — играть. Я успел посмотреть на табло. Литовцы были впереди на четырнадцать очков. И оставалось шестнадцать минут с секундами. Литовцы перешучивались.

Наконец судья вернулся на площадку. Литовец подобрал мяч и кинул. Мяч прошел мимо. Литовец кинул второй раз, третий. Мяч провалился в корзину. В зале раздались аплодисменты. Я глубоко вздохнул. Я не должен был уставать. А красиво ли я бегаю или нет — я не на сцене Большого театра.

Я успел пробежать полплощадки и обернулся к Толе. Он кинул мне мяч из-под нашего щита. Я протянул руки, забыв дать им поправку на то, что мяч влажный от потных ладоней. Я не учел этого. Мяч выскользнул из рук и покатился по площадке.

Какой поднялся свист! Какой был хохот! Хохотал стадион. Хохотала вся вторая программа телевидения. Хохотали миллионы людей. А я не умер со стыда. Я знал, что в следующий раз я учту, что мяч влажный. И он не выскользнет из рук.

— Давай! — крикнул я Толе, перехватившему мяч.

Какую-то долю секунды Толя колебался. Он мог бы кинуть и

сам. Но он был хорошим парнем. И он мягко, нежно, высокой дугой послал мяч в мою сторону. Я некрасиво подпрыгнул и бросил мяч в далекое кольцо. И мозг мой работал точно, как часы.

Мяч взлетел выше щита и, будто в замедленной съемке, осторожно опустился точно в середину кольца, даже не задев при этом металлической дуги. И стукнулся о землю.

И в зале наступила тишина. Она была куда громче, чем рев, царивший здесь до этого. От нее могли лопнуть барабанные перепонки. Мой второй мяч, заброшенный от боковой линии, трибуны встретили сдержанными аплодисментами. Лишь наши девушки бушевали. После третьего мяча трибуны присоединились к ним и скандировали: «Гера! Ге-ра!» И наша команда заиграла совсем иначе. Вышел снова Иванов и забросил такой красивый мяч, что даже тренер литовцев раза два хлопнул в ладоши. Но тут же взял тайм-аут.

Мы подошли к Андрею Захаровичу.

— Так держать! — приказал он. — Осталось четыре очка. Два мяча с игры. Ты, Коленкин, не очень бегай. Устанешь. Чуть что — сделай мне знак, я тебя сменю.

— Ничего, — сказал я. — Ничего.

Иванов положил мне на плечо свою тяжелую руку. Мы уже знали, что выиграем. Мое дальнейшее участие в игре было весьма скромным. Хотя надо сказать, что никто не обратил на это внимания. Потом я бросал штрафные. Оба мяча положил в корзину. А минут за пять до конца при счете 87:76 в нашу пользу Андрей Захарович заменил меня Сергеевым.

— Посиди, — посоветовал он. — Пожалуй, справимся. Доктор не велит тебе много бегать. Для сердца вредно.

Я уселся на скамью и понял, что выложился целиком. И даже когда прозвучал последний свисток и наши собрались вокруг, чтобы меня качать, не было сил подняться и убежать от них.

Меня унесли в раздевалку. И за мной несли тренера. Впрочем, ничего особенного не произошло. Наша команда не выиграла первенства Союза, кубка или какого-нибудь международного приза. Она только осталась в первой группе. И траур, который должен был бы окутать нас, достался сегодня на долю других.

— Ну даешь! — сказал Иванов, опуская меня осторожно на пол.

Из зала еще доносился шум и нестройный хор:

— Ге-ра! Ге-ра!

— Спасибо, — растрогался Андрей Захарович. — Спасибо, что пришел. Я не надеялся.

— Не надеялся, а в протокол записал, — сказал Сергеев.

— Много ты понимаешь! — ответил Андрей Захарович.

Валя подошла ко мне, наклонилась и крепко поцеловала повыше виска, в начинающуюся лысину.

— Ой, Герочка! — пробормотала она, вытирая слезы.

А потом меня проводили каким-то запасным ходом, потому что у автобуса ждала толпа болельщиков. И Андрей Захарович договорился со мной, что завтра я в пять тридцать как штык на банкете. Тамара взяла у меня телефон и пообещала:

— Она вечером позвонит. Можно?

Я знал, что приду на банкет, что буду ждать звонка этой длинноногой девчонки, с которой не посмею, наверное, показаться на улице. Что еще не раз приеду к ним на базу. Хотя никогда больше не выйду на площадку.

Так я и сказал доктору, когда мы шли с ним пешком по набережной. Нам было почти по дороге.

— Вы в этом уверены? — спросил доктор.

— Совершенно. Сегодня уж был такой день.

— Звездный час?

— Можете назвать так.

— Вас теперь будут узнавать на улице.

— Вряд ли. Только вот на работе придется попотеть.

— Представляю, — засмеялся доктор. — И все-таки еще не раз вас потянет к нам. Ведь это наркотик. Знаю по себе.

— Вы?

— Я всегда мечтал стать спортсменом. И не имел данных. Так почему же вы так уверены в себе?

— Потому что баскетболу грозит смерть. Потому что через несколько лет то, что умею делать я, сумеет сделать каждый пятиклассник.

И я рассказал ему об опыте Курлова.

Доктор долго молчал. Потом сказал:

— Строго говоря, всю команду следовало бы снять с соревнований. То, что случилось с вами, больше всего похоже на допинг.

— Не согласен. Это же мое неотъемлемое качество. Мог бы я играть в очках, если бы у меня было слабое зрение?

Доктор пожал плечами.

— Возможно, вы и правы. Но баскетбол не умрет. Он при-

способится. Вот увидите. Ведь и ваши способности имеют предел.

— Конечно, — согласился я.

На прощание доктор сказал:

— Кстати, я настойчиво рекомендую вам холодные обтирания по утрам. Я не шучу.

— Я постараюсь.

— Не «постараюсь» — сделаю. Кто знает — сгоните брюшко, подтянетесь, и вам найдется место в баскетболе будущего.

Я пошел дальше до дома пешком. Спешить было некуда. К тому же доктор прописал мне пешие прогулки.

ЖУРАВЛЬ В РУКАХ

Базар в городе был маленький, особенно в будние дни.

Три ряда крытых деревянных прилавков и неширокий двор, на котором жевали овес запряженные лошади. С телег торговали картошкой и капустой.

Будто принимая парад, я прошел мимо крынок с молоком, банок со сметаной, кувшинов, полных коричневого тягучего меда, мимо подносов с крыжовником, мисок с черникой и красной смородиной, кучек грибов и горок зелени. Товары были освещены солнцем, сами хозяева скрывались в тени, надо было подойти поближе, чтобы их разглядеть.

Увидев ту женщину, я удивился, насколько она не принадлежит к этому устоявшемуся, обычному уютному миру.

В отличие от прочих торговок женщина никого не окликала, не предлагала своего товара — крупных яиц в корзине и ранних помидоров, сложенных у весов аккуратной пирамидкой, словно ядра у пушки.

Она была в застиранном голубом ситцевом платье, тонкие загоревшие руки обнажены. Высокая, она смотрела над головами прохожих, словно глубоко задумавшись. Цвета волос и глаз я не разглядел, потому что женщина низко подвязала белый платок и он козырьком выдавался надо лбом. Если кто-нибудь подходил к ней, она, отвечая, улыбалась. Улыбка была несмелой, но светлой и доверчивой.

Женщина почувствовала мой взгляд и обернулась. Так быстро оборачивается лань, готовая бежать.

Улыбка растаяла в углах губ. Я отвел глаза.

И, как бывает со мной, я сразу придумал ей дом, жизнь, окружающих людей.

Она живет в далекой деревне, и ее муж, коренастый, крепкий и беспутный, велел продать накопившиеся за неделю яйца и поспевшие помидоры. Потом он пропьет привезенные деньги и, мучимый похмельным раскаянием, купит на остатки платочек маленькой дочери...

Мне хотелось услышать ее голос. Я не мог уйти, не услышав его. Я подошел и, стараясь не смотреть ей в глаза, попросил продать десяток яиц. Тетя Алена ничего мне не говорила о яйцах — она велела купить молодой картошки к обеду. И зеленого лука.

Я смотрел на тонкие руки с длинными сухими пальцами и не мог представить, как она такими пальцами может делать крестьянскую работу. На пальце было тонкое золотое колечко — я был прав, она замужем.

— Пожалуйста, — сказала женщина.

— Сколько я вам должен? — спросил я, заглянув ей в лицо (глаза у нее были светлые, но какого-то необычного оттенка).

— Рубль, — ответила женщина, сворачивая из газеты кулек и осторожно укладывая туда яйца.

Я взял пакет. Яйца были крупные, длинные, а скорлупа была чуть розоватой.

— Издалека привезли? — спросил я.

— Издалека. — Она не глядела на меня.

— Спасибо, — сказал я. — Вы завтра здесь будете?

— Не знаю.

Голос был низким, глухим, даже хрипловатым, и она произносила слова тщательно и раздельно, словно русский язык был ей неродным.

— До свидания, — сказал я.

Она ничего не ответила.

Когда я вернулся домой, тетя Алена удивилась моей неловкой лжи о том, что молодой картошки на рынке не было, взяла кулек с яйцами, отнесла его на кухню и оттуда крикнула:

— Чего ты купил, Коля? Яйца-то не куриные.

— А какие? — спросил я.

— Утиные, наверное... Почем платил?

— Рубль.

Я прошел на кухню. Тетя Алена выложила яйца на тарелку, и они в самом деле показались мне совсем непохожими на куриные. Я сказал:

— Самые обыкновенные яйца, тетя. Куриные.

Тетя Алена чистила морковку. Она развела руками — в одной зажата морковка, в другой нож. Вся ее поза говорила: «Если тебе угодно...»

Тетя Алена — единственная оставшаяся у меня родственница. Пять лет подряд я обещал приехать к ней и обманывал. И вдруг приехал. Причиной тому был вдруг вспыхнувший страх перед временем, могущим отнять у меня тетю Алену, которая пишет обстоятельные письма со старомодными рассуждениями

и укорами погоде, посылает поздравления к праздникам и дню рождения, ежегодные банки с вареньем и ничем не выказывает обид на мои пустые обещания. Когда я приехал, тетя Алена не сразу поверила своему счастью. Я знаю, что она иногда поднимается ночами и подходит ко мне, чтобы убедиться, что я здесь. Детей у нее не было. Мужа убили на фронте, и меня она любила более, чем я того заслуживал.

Не прошло и недели в этом тихом городке на краю полей и лесов, как я, в который раз убедившись, что отдыхать не умею, начал тосковать по неустроенной привычной жизни, по книжкам Вольфсона и Трепетова на верхней полке и своей заочной с ними полемике. Но уехать так вот, сразу, когда тетя Алена заранее грустила о том, как скоротечны оставшиеся мне здесь две недели, было жестоко.

— Ты, наверное, куриных яиц и не видел, — догнал меня голос тети Алены. — И чем только вас в Москве кормят?

— Лучший способ разрешить наш спор, — ответил я, раскрывая старый номер «Иностранной литературы», — разбить пару-тройку яиц и поджарить.

Перед ужином я напомнил тете о своем решении.

— Может, до продовольственного добегу? — предложила тетя. — Простых куплю.

— Нет уж. Рискнем.

Поставив передо мной яичницу, тетя Алена налила заварки из чайника, извлеченного из-под подержанной, но все еще гордой ватной барыни, долила кипятком из самовара и отколола щипчиками аккуратный кубик сахара. Она делала вид, что мои эксперименты с яичницей ее не интересуют, плеснула чаю на блюдце, но в этот момент я занес вилку над тарелкой, и она не выдержала.

— Я на твоем месте, — сказала она, — ограничилась бы чаем.

Желтки были оранжевыми, выпуклыми, словно половинки спелых яблок.

— Посолить не забудь, — подсказала тетя, полагая, что мною овладела нерешительность. В ее голосе звучала ирония. Она поправила очки, которые всегда съезжали на сухонький, острый нос. — Не робей.

На вкус яичница была почти как настоящая, хотя, конечно, не приходилось сомневаться в том, что прекрасная незнакомка продала мне вместо куриных какие-то иные, неизвестные в наших краях яйца, и я доставил искреннее удовольствие тете Алене, спросив:

— А какие яйца у тетеревов?

— Почему только тетерева? Есть еще вальдшнепы, глухари и даже журавли и орлы. Все птицы несут яйца. — Тетя Алена много лет преподавала в младших классах, и ее назидательная ирония была профессиональной.

— Правильно, — не сдавался я. — Страусы, соловьи и даже утконосы. Но главное в яйцах — их питательность. И вкус. А яичница отменная.

— Чаю налить? — спросила тетя Алена.

Когда стемнело, я вдруг поднялся и отправился гулять. В городском парке я уселся на скамейку неподалеку от танцевальной веранды. Я курил, я был снисходителен к мальчишкам и девчонкам, плясавшим под плохой, но старательный оркестр, и даже поспорил с сердитым стариком, обличавшим моды и прически ребят с таким энтузиазмом, что я представил, как он приходит сюда каждый вечер, влекомый неправильностью того, что здесь происходит, и почти детским негативизмом. Призывая старика к терпимости, я неожиданно испугался того, что куда ближе к нему, чем к ребятам, и защищаю даже не их, а самого себя, каким был лет двадцать назад. А ребята, стоявшие неподалеку, слышали наш спор, но говорили о своем и тоже были снисходительны к нам. Что из того, что я могу представить себе, как накопилось электричество в невидной за желтыми фонарями туче и блеснуло зарницей над театрально подсвеченными деревьями, что я вижу энергию, которая заставляет присевшую на скамейку капельку росы подняться шариком, потому что выучил ненужный пока этим ребятам пустяк — поверхностное натяжение воды при двадцати градусах равно 72,5 эрга на квадратный сантиметр. И ребята в лучшем положении, чем брюзгливый старик: кто-то из них еще узнает эту цифру или другие цифры. И полюбит их. А старик уже ничего не полюбит.

— Всех стричь, — настаивал старик. — У них же там вши заведутся. Точно вам говорю.

Валя Дмитриев погиб этой весной, измеряя свободную энергию поверхности в грозовой туче. У него тоже были длинные волосы, до плеч, и как раз в тот день утром зам по кадрам устроил ему беседу о внешнем виде молодого ученого.

Я ушел.

Подобрав под себя ноги в толстых шерстяных носках — перед дождем мучил ревматизм, — тетя Алена сидела на продавленном диване и читала «Анну Каренину». Рядом лежал знакомый — от медных застежек до вытертого голубого бархата обложки — и в то же время начисто забытый за двадцать лет пухлый альбом с фотографиями.

— Помнишь? — спросила тетя Алена. — Я сегодня сундук разбирала и наткнулась. Раньше ты любил его разглядывать. Бывало, сидишь на этом диване и допрашиваешь меня: «А почему у дяди такие погоны? А как звали ту собаку?..»

Я положил тяжелый альбом на стол под оранжевый, с кистями абажур и попытался представить, что увижу, открыв его. И не вспомнил.

Альбом раскрылся там, где между толстыми картонными листами с прорезями для углов фотографий была вложена пачка поздних снимков, собранных, когда мест на листах уже не осталось. И сразу увидел самого себя. Я, совершенно обнаженный, лежал на пузе с идиотской самодовольной ухмылкой на мордочке, не подозревая, какие каверзы готовит мне жизнь. Признал я себя в этом младенце только потому, что такая же фотография, призванная умилять родственниц, была у меня в Москве. Потом в пачке встретилась групповая картинка «Пятигорск, 1953 год», с которой мне улыбались пожилые учительницы на фоне пышной растительности. Среди них была и тетя Алена. На фотографиях встречались знакомые лица, больше было незнакомых — тетиных сослуживцев, местных жителей, их детей и племянников.

Интереснее было полистать сам альбом, сначала. Мой прадедушка сидел в кресле, прабабушка стояла рядом, положив руку ему на плечо. Прадедушка был в студенческой тужурке, и я заподозрил, что он сидел не из избытка тщеславия, а потому, что был мал ростом, худ и во всем уступал своей жене. Это уже относилось к области семейных преданий. И я уже знал, что на следующей странице увижу тех же — прадедушку с прабабушкой, но пожилых, солидных, в иной одежде, окруженных детьми и даже внуками, а среди них и тетя Алена, помеченная у ног белым крестиком, — она когда-то сама пометила себя, чтобы не спутать с другими представителями того же поколения семьи Тихоновых. Дальше — моя мать и тетя Алена, юбки до щиколоток и высокие зашнурованные башмаки. Они очень похожи и почему-то взволнованны. Фотографу удалось вызвать в их глазищах этот восторг. Птичку он им, что ли, показал? Это уже где-то незадолго до революции. Потом было несколько фотографий незнакомых мне, вернее, забытых людей.

— Кто это, не могу вспомнить...

Тетя Алена отложила «Анну Каренину», поднялась с дивана, наклонилась ко мне.

— Мой жених, — сказала она. — Ты его, конечно, не знаешь. Он после революции в Вологде жил, каким-то начальником

стал. А тогда, в шестнадцатом, его звали моим женихом. Не помню уж, почему. Очень я стеснялась. И этих ты тоже не можешь знать. Это врачи нашей земской больницы. Они отправлялись на фронт в санитарном поезде. Второй справа — мой дядя Семен. Отличный, говорят, был врач, золотые руки. Среди земских врачей, должна тебе сказать, были замечательные подвижники. Моего дядю лично знал Чехов, они с ним на холере работали.

— А что потом с ним случилось?

— Он погиб в девятнадцатом году. И его невеста погибла.

Дядя был суров, фуражка низко надвинута на лоб, шинель сидит неловко, словно он взял на складе первую попавшуюся.

— Где ж его невеста? — задумалась тетя Алена. — Ее, кажется, Машей звали. Рассказывали, что, когда Семен погиб, она дня два была как окаменелая. А потом исчезла. И никто ее никогда больше не видел.

— Может быть, она куда-нибудь уехала?

— Нет. Я знаю, что она погибла. Она без него жить не могла. — Тетя Алена листала альбом. — Ага, вот она, завалилась.

Почему-то невесту дяди Семена сфотографировали отдельно. Наверное, он сам попросил, чтобы иметь ее фотографию.

Снимок порыжел от времени. Он был наклеен на картон. Внизу вязью выдавлены фамилия и адрес фотографа. Маша была в темном платье с высоким стоячим воротником, в наколке с красным крестом.

Я знал ее.

Не только потому, что видел двадцать лет назад в этом альбоме, а может, и слышал уже о ее судьбе. Нет, я ее видел вчера на базаре. Значит, она не погибла... Чепуха какая-то. Я даже зажмурился, чтобы отогнать наваждение. Женщина на фотографии не улыбалась. Она смотрела серьезно — люди на старых фотографиях всегда серьезны, выдержка камер тех лет была велика, и улыбка не удерживалась на лице. Они собирались к фотографу в Вологде все вместе. Начинался семнадцатый год. Маша опоздала. Прибежала, когда фотограф уже складывал пластинки. А доктор Тихонов, немолодой, некрасивый, умный, золотые руки, уговорил сестру милосердия Марию сфотографироваться отдельно. Для него. Один снимок взял с собой. Другой оставил дома. И ничего не сохранилось от этих людей. Лишь маленький клочок их жизни, те драгоценные, крепкие, казалось бы, вечные узы, которые связывали их когда-то, живут еще в памяти тети Алены. И теперь в моей памяти. И почему-то в этих местах через много лет должна была вновь родиться Маша.

— Если хочешь поподробнее прочесть про дядю Семена, во-

зьми книжку, я тебе достану. В Вологде вышла. «Выдающиеся люди нашего края». Там есть о дяде Семене. Несколько строк, конечно, но есть. Автор меня разыскал, он специально приходил...

Маша смотрела на меня серьезно, и белая наколка закрывала лоб, словно платок вчерашней незнакомки.

Тетя Алена долго укладывалась за стенкой, вздыхала, бормотала что-то, шуршала страницами книги. Далеко брехали собаки, и время от времени наш Шарик врывался в собачью беседу и тявкал под окном. По улице пронесся мотоцикл без глушителя, и не успел грохот мотора заглохнуть вдали, как мотоциклист развернулся и снова пронесся мимо, наверное, чтобы порадовать меня замечательной работой мотора. «Василий, — раздался за палисадником женский голос, — если не достанешь ребенку бадминтон, то я вообще не представляю, на что ты годен». Я посмотрел на часы. Без двадцати час. Самое время поговорить о бадминтоне.

...Листва яблони под окном была черной, но черной неодинаково — это создавало видимость объема, и дальние листья пропускали толику серого небесного сияния. На темно-сером летнем северном небе все никак не могли разгореться звезды, и, вздрагивая, листья сбрасывали их с шелкового полога. Но одна из звезд сумела пронзить лучом листву и, разгораясь, спустилась по этой дорожке к самому окну. Мягкое сияние проникло в комнату. Надо было бы встать, поглядеть, что происходит, но тело отказалось сделать хоть какое-то усилие. Кровать начала медленно раскачиваться, как бывает во сне, но я знал, что не сплю и даже слышу, как Василий длинно и скучно оправдывается, сваливая вину на кого-то, кто обещал, но обманул. Женщина с рынка вошла в комнату, причем умудрилась при этом не колыхнуть занавеской, не скрипнуть дверью. Она была странно одета — светлый длинный мешок, кое-где заштопанный, с прорезями для головы и рук, доставал до колен.

Ноги были босы и грязны. Женщина приложила к губам палец и кивнула в сторону перегородки. Она не хотела будить тетю Алену. Женщину звали Луш. Это было странное имя, даже неблагозвучное, но его легко было шептать: оно показалось мне пушистым.

...Мне не хотелось входить вслед за Луш в отверстие пещеры, потому что в темноте скрывалось нечто страшное, опасное — даже более опасное и страшное для Луш, чем для меня, потому что оно могло оставить там Луш навсегда. Луш протянула длин-

ную тонкую руку и крепко обхватила мою твердыми пальцами. Нам надо было спешить, а не думать о страшном.

Я потерял Луш в переходе, освещенном тусклыми факелами, которые горели там так давно, что потолок на два пальца был покрыт черной копотью. Но я не мог войти в зал, где было слишком светло, потому что тогда я не выполнил бы обещанного...

— Ты чего не спишь? — спросила тетя Алена из-за перегородки. — Туши свет.

Я был благодарен тете Алене за то, что она вывела меня из пещеры. Но тревога за Луш осталась, и, отвечая тете Алене: «Сейчас тушу», я уже понимал, что мне пригрезился приход женщины, хотя я был уверен, что, если бы тетя Алена мне не помешала, я бы нашел Луш и постарался вывести ее из пещеры, откуда никто еще не выходил.

Ночью я несколько раз снова оказывался в подземелье и снова и снова шел тем же коридором, останавливаясь перед освещенным залом и кляня себя за то, что не могу переступить круг света. Луш я больше не видел.

Я проснулся рано, разбитый и переполненный все тем же иррациональным, так не вяжущимся с действительностью беспокойством за эту женщину.

— Как спал? — Тетя Алена вошла в комнату и стала поливать герань на подоконнике. — Хорошие сны видел?

Для нее смотрение снов — занятие, сходное с походом в кино. Я же сны вижу редко. И сразу забываю. Я вскочил с диванчика, и он взвыл всеми своими пружинами.

— Пойдешь за грибами?

— Нет, поброжу по городу.

— Только яиц больше не покупай, — засмеялась тетя Алена. — Ты еще вчерашние не доел.

Через час я был на рынке. Я прошел мимо крынок с молоком и ряженкой, мимо банок с коричневым тягучим медом, подносов с крыжовником и кислой красной смородиной. Вчерашней женщины не было, да и не должно было быть.

На следующее утро — не пропадать же добру — тетя Алена сварила мне еще два яйца, в мешочек. Через полчаса после завтрака на пляже за городским парком я почувствовал жужжание в голове и увидел, как в небе среди облаков плывет остров, но смотрю я на него не снизу, как положено, а сверху. На плохо убранное поле, на стоящие вокруг хижины, обнесенные высоким покосившимся тыном. Луш выбежала из хижины к сухому дереву, на котором висел человек, и стала мне махать, чтобы я скорее к ней спускался. Но я не мог спуститься, потому что я был вни-

зу, на пляже, а остров летел среди облаков. Рядом со мной мальчишки играли в волейбол полосатым детским мячом, а у ларька с лимонадом и мороженым кто-то уверял продавщицу, что обязательно принесет бутылку обратно. Я смотрел сверху на удаляющийся остров, и фигурка Луш стала совсем маленькой; она выбежала в поле, а те, кто гнался за ней, уже готовы были выпрыгнуть из-за тына. Потом я заснул и проспал, наверное, часа два, потому что, когда очнулся, солнце поднялось к зениту, обожженная спина саднила, киоск закрылся, волейболисты переплыли на другой берег и там играли детским полосатым мячом в футбол.

По роду своей деятельности я пытаюсь связывать причины и следствия. Придя домой, я вынул из шкафа на кухне оставшиеся пять яиц, переложил их в пустую коробку из-под туфель и перенес к себе за перегородку. Тети Алены не было дома. Я поставил коробку на шкаф, чтобы до нее не добрался кот. Я думал отвезти яйца в Москву, показать одному биологу.

Но моя идея лопнула на следующий же день. Я проснулся от грохота. Кот свалился со шкафа вместе с коробкой. По полу, сверкая под косым лучом утреннего солнца, разлилось месиво из скорлупы, белков и желтков. Кот, ничуть не обескураженный падением, крался к диванчику. Я свесил голову и увидел, что туда же, с намерением скрыться в темной щели, ковыляет пушистый, очень розовый птенец побольше цыпленка, с длинным тонким клювом и ярко-оранжевыми голенастыми ногами.

— Стой! — крикнул я коту. Но опоздал.

В двух сантиметрах от протянутой руки кот схватил цыпленка и извернулся, чтобы не попасть мне в плен. На подоконнике он задержался, нагло сверкнул на меня дикими зелеными глазами и исчез. Пока я выпутывался из простынь и бежал к окну, кота и след простыл.

Я стоял, тупо глядя на разбитые яйца, на лежащую на боку коробку из-под туфель. Вернее всего, кот услыхал, как птенец выбирается на свет, заинтересовался и умудрился взобраться на шкаф.

— Что там случилось? — спросила тетя Алена из-за перегородки. — С кем воюешь?

— Твой кот все погубил.

В необычного цыпленка тетя не поверила. Сказала, что мне померещилось со сна. А про разбитые яйца добавила:

— Не надо было из кухни выносить. Целее были бы.

Мне не приходилось видеть ярко-розовых цыплят, которые выводятся из яиц, внушающих грезы наяву. Притом существо-

вала прекрасная незнакомка, присутствие которой придавало сюжету загадочность.

Я решил самым тщательным образом обыскать палисадник, столь прискорбно уменьшившийся со времени моих детских приездов сюда. Тогда он казался мне обширным, дремучим, в пору заблудиться. А всего-то умещались в нем, да и то в тесноте, два куста сирени, корявая яблоня, дарившая тете Алене кислые дички на повидло, да жасмин вдоль штакетника. Зато ближе к дому, там, куда попадал солнечный свет, пышно разрослись цветы и травы — флоксы, золотые шары, лилии и всякие другие полуодичавшие жители бывших клумб или грядок, порой случайные пришельцы с соседних садов и огородов, — из травы и полыни поднимались курчавые шапки моркови, зонтики укропа и даже одинокий цветущий картофельный куст. На его листе я и нашел клочок розового пуха.

Принеся пух домой, я заклеил его в почтовый конверт. Если науке известны такие птицы, розового пуха должно хватить.

— На базар? — спросила проницательная тетя Алена.

— Погулять собрался, — сказал я.

Ту женщину я увидел только на пятый день. Я ходил на рынок как на службу. Проходил его три, четыре, пять раз за день. Примелькался торговкам и сам знал их в лицо. На пятый день я увидел ее и сразу узнал, хотя она была без платка и лицо ее, обрамленное тяжелыми светлыми волосами, странным образом изменилось, помягчело. С реки дул свежий ветерок, она накинула на плечи черный с розами платок, и концы волос шевелились, взлетали над черным полем. Глаза ее были зелеными, брови высоко проведены по выпуклому лбу. У нее были полные, но неяркие губы и тяжеловатый для такого лица подбородок.

Она не сразу заметила меня — была занята с покупателями. На этот раз перед ней лежала груда больших красных яблок, и у прилавка стояла небольшая очередь.

Я уже привык приходить на рынок и не заставать ее. Поэтому ее появление здесь показалось сначала продолжением грез, в которых ее зовут Луш.

Мне некуда было спешить; чтобы успокоиться, я отошел в тень и следил за тем, как она продает яблоки. Как устанавливает на весы гири и иногда подносит их к глазам, будто она близорука или непривычна к гирям. Как всегда добавляет лишнее яблоко, чтобы миска весов с плодами перевешивала. Как прячет деньги в потертый кожаный плоский кошелек и оттуда же достает сдачу, тщательно ее пересчитывая.

Когда гора яблок на прилавке уменьшилась, я встал в очередь. Передо мной было три человека. Она все еще меня не замечала.

— Здравствуйте. Мне килограмм, пожалуйста, — сказал я, когда подошла моя очередь.

Женщина не подняла глаз.

— Мало берешь, — встряла старушка, отходившая от прилавка с полной сумкой. — Больше бери, жена спасибо скажет.

— Нет у меня жены.

Женщина подняла глаза. Она наконец согласилась меня признать.

— Вы меня помните? — спросил я.

— Почему же не помнить? Помню.

Она быстро кинула на весы три яблока, которые потянули на полтора кило.

— Рубль, — сказала она.

— Большое спасибо. Здесь больше килограмма.

Я не спеша копался в карманах, отыскивая деньги.

— А яиц сегодня нет?

— Яиц нет, — ответила женщина. — Яйца случайно были. Я их вообще не продаю.

— А вы далеко живете?

— Молодой человек, — сказал мужчина в парусиновой фуражке и слишком теплом, не по погоде, просторном костюме, — закончили дело, можете не любезничать. У меня обеденный перерыв кончается.

— Я далеко живу, — объяснила женщина.

Мужчина оттеснил меня локтем.

— Три килограмма, попрошу покрупнее. Можно подумать, что вы не заинтересованы продать свой товар.

— Вы еще долго здесь будете? — спросил я.

— Я сейчас заверну, — предложила женщина. — А то нести неудобно.

— Сначала попрошу меня обслужить, — вмешался мужчина в фуражке.

— Обслужите его, — согласился я. — У меня обеденный перерыв только начинается.

Когда мужчина ушел, женщина взяла у меня яблоки, положила их на прилавок и принялась сворачивать газетный кулек.

— А яблоки тоже особенные? — спросил я.

— Почему же особенные?

— Яйца оказались не куриными.

— Да что вы... если вам не понравилось, я деньги верну.

Она потянулась за кожаным кошельком.

— Я не обижаюсь. Просто интересно, что за птица...

— Вы покупаете? — спросили сзади. — Или так стоите?

Я отошел. Яблоки кончились. Я встал в тени, достал из кулька одно из яблок, вытер его носовым платком и откусил. Женщине видны были мои действия, и, когда я вертел яблоко в руке, разглядывая, я встретил ее взгляд. Я тут же улыбнулся, стараясь убедить ее улыбкой в своей полной безопасности, она улыбнулась в ответ, но улыбка получилась робкой, жалкой, и я понял, что лучше уйти, пожалеть ее. Но уйти я не смог. И дело было не только в любопытстве: я боялся, что не увижу ее снова.

Женщина не торопилась, движения ее потеряли сноровку и стали замедленными и неловкими, словно она оттягивала тот момент, когда отойдет последний покупатель и вернусь я.

Яблоко было сочным и сладким. Такие у нас не растут, а если и появятся в саду какого-нибудь любителя-селекционера, то не раньше августа. Мне показалось, что яблоко пахнет ананасом. Я добрался до середины и вытащил из огрызка косточку. Косточка была одна. Длинная, острая, граненая. Никакое это не яблоко.

Я видел, как женщина высыпала из корзины последние яблоки, сложила деньги в кошелек, закрыла его. И тогда, сделав несколько шагов к ней, я произнес негромко:

— Луш.

Женщина вздрогнула, выронила кошелек на прилавок. Она хотела подобрать его, но рука не дотянулась, замерла в воздухе, словно женщина сжалась, замерла в ожидании удара, когда все, что было до этого, теряет всякий смысл перед физической болью.

— Простите, — сказал я, — простите. Я не хотел вас испугать...

— Меня зовут Мария Павловна. — Голос был сонный, глухой, слова заученные, как будто она давно ждала этого момента и в страхе перед его неминуемостью репетировала ответ. — Меня зовут Мария Павловна.

— Именно так. — Второй голос пришел сзади, тихий и злой. — Мария Павловна. И вас это не касается.

Небольшого роста пожилой человек с обветренным, темным лицом, в выгоревшей, потертой фуражке лесника отодвинул меня и накрыл ладонями пальцы Марии Павловны.

— Тише, Маша, тише. Люди глядят. — Он смотрел на меня с таким холодным бешенством в белесых глазах, что у меня мелькнуло: не будь вокруг людей, он мог бы и ударить.

— Извините, — смутился я. — Я не думал...

— Он пришел за мной? — спросила Маша, выпрямляясь, но не выпуская руки лесника.

— Ну что ты, что ты... Молодой человек обознался. Сейчас домой поедем.

— Я уйду, — сказал я.

— Иди.

Я не успел отойти далеко. Лесник догнал меня.

— Как ты ее назвал? — спросил он.

— Луш. Это случайно вышло.

— Случайно, говоришь?

— Приснилось.

Я говорил ему чистую правду, и я не знал своей вины перед этими людьми, но вина была, и она заставляла меня послушно отвечать на вопросы лесника.

— Имя приснилось?

— Я видел Марию Павловну раньше. Несколько дней назад.

— Где?

— Здесь, на рынке.

Лесник, разговаривая со мной, поглядывал в сторону прилавка, где женщина неловко связывала пустые корзины, складывала на весы гири, собирала бумагу.

— И что дальше?

— Я был здесь несколько дней назад. И купил десяток яиц.

— Сергей Иванович, — окликнула женщина, — весы сдать надо.

— Сейчас помогу.

Кто он ей? Он старше вдвое, если не втрое. Но не отец. Отца по имени-отчеству в этих краях не называют.

Лесник не хотел меня отпускать.

— Держи.

Он протянул мне чашку весов, уставленную кеглями гирь. Сам взял весы. Мария Павловна несла сзади пустые корзины. Она шла так, чтобы между нами был лесник.

— Маша, ты яйцами торговала? — спросил лесник.

Она не ответила.

— Я ж тебе не велел брать. Не велел, спрашиваю?

— Я бритву хотела купить. С пружинкой. Вам же нужно?

— Дура, — сказал лесник.

Мы остановились у конторы рынка.

— Заходи, — велел он мне.

— Я тоже? — сказала Маша.

— Подождешь. Ничего с тобой здесь не случится. Люди вокруг.

Но Маша пошла с нами и, пока мы сдавали весы и гири сонной дежурной, молча стояла у стены, оклеенной санитарными плакатами о вреде мух и бруцеллезе.

— Я вам деньги отдам, — сказала Маша леснику, когда мы вышли, и протянула кошелек.

— Оставь себе, — проворчал Сергей Иванович.

Мы остановились в тени за служебным павильоном. Лесник посмотрел на меня, приглашая продолжить рассказ.

— Яйца были необычными, — продолжал я. — Крупнее куриных, и цвет другой... Потом я увидел сон. Точнее, я грезил наяву. И в этом сне была Мария Павловна. Там ее звали Луш.

— Да, — сказал лесник.

Он был расстроен. Ненависть ко мне, столь очевидная в первый момент, исчезла. Я был помехой, но неопасной.

— Мотоцикл у ворот стоит, — показал лесник Маше. — Поедем? Или ты в магазин собралась?

— Я в аптеку хотела. Но лучше в следующий раз.

— Как хочешь. — Лесник посмотрел на меня. — А вы здесь что, в отпуске? — Он стал официально вежлив.

— Да.

— То-то я вас раньше не встречал. Прощайте.

— До свидания.

Они ушли. Маша чуть сзади. Она сутулилась, может, стеснялась своего высокого роста. На ней были хорошие, дорогие туфли, правда, без каблуков.

Я не сдержался. Понял, что никогда больше их не увижу, и догнал их у ворот.

— Погодите, — попросил я.

Лесник обернулся, потом махнул Маше, чтобы шла вперед, к мотоциклу.

— Сергей Иванович, скажите только, что за птица? Я ведь цыпленка видел.

Маша молча привязывала пустые корзины к багажнику.

— Цыпленка?

— Ну да. Розовый, голенастый, с длинным клювом.

— Бог его знает. Может, урод вылупился. От этого... от радиации... Вообще-то яйца обыкновенные.

Лесник уже не казался ни сильным, ни решительным. Он как-то ссохся, постарел и даже стал невзрачным.

— И яблоки обыкновенные?

— К чему нам людей травить?

— Такие здесь не растут.

— Обыкновенные яблоки, хорошие. Просто сорт такой.

Сергей Иванович пошел к мотоциклу. Маша уже ждала его в коляске.

Из ворот рынка вышел человек, похожий на арбуз. И нес он в руке сетку, в которой лежало два арбуза. Арбузы были ранние, южные, привез их молодой южанин, задумчивый и рассеянный, как великий математик из журнального раздела «Однажды...». Продавал он эти арбузы на вес золота, и потому брали их неохотно, хотя арбузов хотелось всем.

— Сергей! — возопил арбузный толстяк. — Сколько лет!

Лесник поморщился, увидев знакомого.

— Как жизнь, как охота?

Толстяк поставил сетку на землю, и она тут же попыталась укатиться. Толстяк погнался за ней.

— Все к вам собираемся, но дела, дела...

Я пошел прочь. Сзади раздался грохот мотора. Видно, лесник не стал вступать в беседу. Мотоцикл обогнал меня. Маша обернулась, придерживая волосы. Я поднял руку, прощаясь с ней.

Когда мотоцикл скрылся за поворотом, я остановился. Арбузный человек переходил улицу. Я настиг его у входа в магазин.

— Простите, — сказал я. — Вы, я вижу, тоже охотник.

— Здравствуйте, рад, очень рад.

Арбузный человек опустил сетку на асфальт, и я помог ему поймать арбузы, когда они покатились прочь. Мы придерживали беспокойную сетку ногами.

— Охота — моя страсть, — сообщил толстяк. — А не охотился уже два года. Можете поверить? Вы у нас проездом?

— В отпуске. Вы, я слышал, собираетесь...

— К Сергею? Обязательно его навещу! Тишь, природа, ни души на много километров. Чудесный человек, настоящий русский характер, вы меня понимаете? Только пьет. Ох как пьет! Но это тоже черта характера, вы меня понимаете? Одиночество, он да собака...

— Разве он был не с женой?

— Неужели? Я и не заметил. Наверное, подвозил кого-то. А как он знает лес, повадки зверей и птиц, даже ботанические названия растений — не поверите! Вы не спешите? Я тоже. Значит, так, купим чего-нибудь и ко мне, пообедаем. Надеюсь, не откажете...

До деревни Селище по шоссе я ехал на автобусе. Оттуда попутным грузовиком до Лесновки, а дальше пешком по проселочной дороге, заросшей между колеями травой и даже тонкими ку-

стиками. Дорогой пользовались редко. Она поднималась на поросшие соснами бугры, почти лишенные подлеска, и крепкие боровики, вылезающие из сухой хвои, были видны издалека. Потом дорога ныряла в болотце, в колеях темнела вода, по сторонам стояла слишком зеленая трава, и на кочках синели черничины. Стоило остановиться, как остервенелые комары впивались в щиколотки и в шею. На открытых местах догоняли слепни — они вились, пугали, но не кусали.

Охотник я никакой. Я выпросил у тети Алены ружье ее покойного мужа, отыскал патроны и пустой рюкзак, в который сложил какие-то консервы, одеяло и зубную щетку. Но маскарад не был предназначен для лесника, скорее он должен был обмануть тетю Алену, которой я сказал, что договорился об охоте со старым знакомым, случайно встреченным на улице.

Трудно было бы вразумительно объяснить — и ей, и кому угодно, себе самому, наконец, — почему я пристал к арбузному толстяку Виктору Донатовичу, добрейшему, ленивому чревоугоднику, живущему мечтами об охотах, о путешествиях, которые приятнее предвкушать, чем совершать; пришел к нему в гости, обедал, был любезен с такой же ленивой и добродушной его супругой, скучал, но получил-таки координаты лесника. Чем объяснить мой поступок? Неожиданной влюбленностью? Тайной — грезы, цыплята, яблоки, страх женщины, которой знакомо странное имя Луш, гнев лесника? Просто собственным любопытством человека, который не умеет отдыхать и оттого придумывает себе занятия, создающие видимость деятельности? Или недоговоренностью? Привычкой раскладывать все по полочкам? Или, наконец, бегством от собственных проблем, требующих решения, и желанием отложить это решение за видимостью более неотложных дел? Ни одна из этих причин не была оправданием или даже объяснением моей выходки, а вместе они неодолимо толкали бросить все и уйти на поиски принцессы, Кощея, живой воды и черт знает чего. В оправдание могу сказать, что шел все-таки с тяжелым сердцем, потому что был гостем нежданным и, главное, нежеланным. Не нужен я был этим людям, неприятен. И будь я лучше или хотя бы сильнее, то постарался бы забыть обо всем, так как сам отношу назойливость к самым отвратительным свойствам человеческой натуры.

...Дом лесника стоял на берегу маленького озера, в том месте, где лес отступил от воды. К дому примыкали сарай и небольшой огород, окруженный невысокими кольями, по-южному за-

плетенными лозой. Дом был стар, поседел — от серебряной дранки на крыше до почти белых наличников. Но стоял он крепко, как те боровики, что встречались на пути. У берега, привязанная цепью, покачивалась лодка. Порывами пролетавший над водой ветер колыхал осоку. Вечер наступал теплый, комариный. Собиравшийся дождь пропитал воздух нетяжелой, пахнущей грибами и влажной листвой сыростью.

Я остановился на краю леса. Маша была в огороде. Она полола, но как раз в тот момент, когда я увидел ее, распрямилась и поглядела на озеро. Она была одна — Сергей Иванович, наверное, в лесу. Я понял, что могу стоять так до темноты, но не подойду к ней — ведь даже на рынке, в толпе, мои неосторожные слова едва не заставили ее заплакать. И конечно, не пошел к дому. Постоял еще минут пятнадцать, заслонившись толстым стволом сосны. Маша, кончив полоть, взяла с земли тяпку, занесла в сарай. Скрип сарайной двери был так четок, словно я был совсем рядом. Выйдя из сарая, она посмотрела в мою сторону, но меня не увидела. Потом ушла в дом. Начал накрапывать дождь. Он был мелок, тих и дотошен — ясно, что кончится не скоро. Я повернулся и пошел обратно, к Селищу. Я ведь никакой охотник и тем более никуда не годный сыщик.

Лес был другой. Он сжался, потерял глубину и краски, он уныло и покорно переживал вечернюю непогоду. Над дорогой дождь моросил мелко и часто, но на листьях вода собиралась в крупные, тяжелые капли, которые, срываясь вниз, гулко щелкали по лужам в колеях. Я выйду на шоссе в полной темноте, и неизвестно еще, отыщу ли попутку. И поделом.

Впереди затарахтел мотоцикл. Я не успел сообразить, кто это, и отступить с дороги, как Сергей Иванович, сбросив ногу на землю, резко затормозил.

— Ну, здравствуй, — сказал он, откидывая с фуражки капюшон плащ-палатки. Будто и не удивился. — Куда идешь?

— Я к вам ходил, — ответил я.

— Ко мне в другую сторону.

— Знаю. Я дошел до опушки, увидел дом, Марию Павловну. И пошел обратно.

Крепкие кисти лесника лежали на руле. Фуражка была низко надвинута на лоб.

— И чего же обратно повернул?

— Стыдно стало.

— Не понял.

— Я узнал ваш адрес, взял ружье, решил к вам приехать, поохотиться.

— Так охотиться ехал или как?

— Поговорить.

— Раздумал?

— Когда увидел Марию Павловну одну — раздумал.

Лесник вынул из внутреннего кармана тужурки гнутый жестяной портсигар, перетянутый резинкой, достал оттуда папиросу. Потом подумал, протянул портсигар мне. Мы закурили, прикрывая от дождя яркий в сумерках огонек спички. Лесник поглядел на дорогу впереди, потом обернулся. В лесу стоял комариный нервный звон, листва приобрела цвет воды в затененном пруду.

— Садись. Ко мне поедешь.

Лесник откинул брезент с коляски мотоцикла.

— Я бы тебя до Селища подкинул, да не люблю Машу одну вечером оставлять.

— Ничего, — сказал я. — Дойду. Сам виноват.

Лесник усмехнулся. Усмешка показалась мне недоброй.

— Садись.

Коляска высоко подпрыгивала на буграх и проваливалась в колеи. Лесник молчал, сжимая зубами мундштук погасшей папиросы.

Маша услышала треск мотоцикла и вышла встречать к воротам. Лесник сказал:

— Принимай гостя.

— Здравствуйте, — кивнул я, вылезая из коляски. Ружье мне мешало.

— Добрый вечер. — Маша смотрела на Сергея Ивановича.

— Сказал: принимай гостя. Покажи, где умыться, — человек с дороги. На стол накрой. — Он говорил сухо и подбирал будничные слова, словно хотел сказать, что я ничем не выделяюсь из числа случайных путников, если такие попадаются в этих местах. — В лесу встретил охотника, подвез. Куда человеку в такую темень до Селища добираться?

— Он не охотник, — возразила Маша. — Зачем он приехал?

— Ну, пусть не охотник, — согласился лесник. — Я мотоцикл в сарай закачу, а то дождь ночью разойдется.

— Я вас не стесню, — сказал я Маше. — Завтра с утра уеду.

— Так и будет, — подтвердил лесник.

Маша убежала в дом.

— Не обращай внимания, — сказал лесник, запирая сарай на щеколду. — Она диковатая. Но добрая. Пошли руки мыть.

В доме засветилось окно.

— У меня водка есть, — вспомнил я. — В рюкзаке.

— Это Донатыч подсказал?

— Он, — сознался я.

— А я второй год не пью. И потребности не чувствую.

— Извините.

— А чего извиняться? В гости ехал. Ты не думай, я за компанию могу. Маша возражать не будет. Как тебя величать прикажешь?

— Николаем.

Рукомойник был в сенях. Возле него на полочке уже стояла зажженная керосиновая лампа.

— Электричества у нас нету, — пояснил лесник. — Обещали от Лесновки протянуть. В сенокос бригада жить будет. Может, в будущем году при свете заживем.

— Ничего, — сказал я. — И так хорошо.

В комнате был накрыт стол: наверное, лесник возвращался домой в одно и то же время. Шипел самовар, в начищенных боках которого отражались огни двух старых, еще с тех времен, когда их старались делать красивыми, керосиновых ламп. Дымилась картошка, стояла сметана в банке, огурцы. Было уютно и мирно, и уют этого дома подчеркивал дождь. Дождь, стучавший в окно и стекавший по стеклу ветвистыми ручейками.

— Я эти стулья из города привез, — похвастался лесник. — Мягкие.

— Хорошо у вас.

— Маше спасибо. Даже обои наклеил. Если бы Донатыч или кто из старых охотников сюда нагрянул, не поверили бы. Да я теперь их не приглашаю.

На этажерке между окнами стоял транзисторный приемник. За приоткрытой занавеской виднелась кровать с аккуратно взбитыми, пирамидой, подушками. К стене, под портретом Гагарина, была прибита полка с книгами.

— Водку достать? — спросил я.

— Давай.

— Сергей Иванович, — услышала нас Маша.

— Не беспокойся. Ты же меня знаешь. Как твой рыбник, удался?

— Попробуйте.

Может, я в самом деле приехал сюда в гости? Просто в гости?

От сковороды с пышным рыбником поднимался душистый пар. Оказывается, я страшно проголодался за день. Маша поставила на стол два граненых стакана. Потом села сама, подперла подбородок кулаками.

— За встречу, — предложил я. — Чтобы мы стали друзьями.

Этого говорить не стоило. Это напомнило всем и мне тоже, почему я здесь.

— Не спеши, — возразил лесник. — Мы еще и незнакомы.

Он отхлебнул из стакана, как воду, и отставил стакан подальше.

— Отвык, — сказал он. — Ты пей, не стесняйся.

— Вообще-то я тоже не пью.

— Ну вот, два пьяницы собрались. — Лесник засмеялся. У него были крепкие, ровные зубы, и лицо стало добрым. Там, в городе, он казался старше, суше, грубее.

Маша тоже улыбнулась. И мне досталась доля ее улыбки.

Мы ели не спеша, рыбник был волшебный. Мы говорили о погоде, о дороге, как будто послушно соблюдали табу.

Только за чаем Сергей Иванович спросил:

— Ты сам откуда будешь?

— Из Москвы. В отпуске я здесь, у тетки.

— Потому и любопытный? Или специальность такая?

Я вдруг подумал, что в Москве, в институте, такие же, как я, разумные и даже увлеченные своим делом люди включили кофейник, который тщательно прячут от сурового пожарника, завидуют мне, загорающему в отпуске, рассуждают о той охоте, на которую должны выйти через две недели, — на охоту за зверем по имени СЭП, что означает — свободная энергия поверхности. Зверь этот могуч, обитает он везде, особенно на границах разных сред. И эта его известная всем, но далеко еще не учтенная и не используемая сила заставляет сворачиваться в шарики капли росы и рождает радугу. Но мало кто знает, что СЭП присуща всем материальным телам и громадна: запас поверхностной энергии Мирового океана равен 64 миллиардам киловатт-часов. Вот на какого зверя мы охотимся, не всегда, правда, удачно. И выслеживаем его не для того, чтобы убить, а чтобы измерить и придумать, как заставить его работать на нас.

— Я в НИИ работаю, — сказал я леснику.

А вот работаю ли?.. Скандал был в принципе никому не нужен, но назревал он давно. Ланда сказал, что в Хорог ехать придется мне. Видите ли, все сорвется, больше некому. А два месяца назад, когда я добился согласия Андреева на полгода для настоящего дела, для думания, он этого не знал? В конце концов, можно гоняться за журавлями в небе до второго пришествия, но простое накопление фактов хорошо только для телефонной книги. Я заслужил, заработал, наконец, право заняться наукой. На-у-кой! И об этом я сказал Ланде прямо, потому что мне об-

рыдла недоговоренность. Словом, после этого разговора я знал, что в Хорог не поеду. И в институте не останусь...

— А я вот не выучился. Не пришлось. Может, таланта не было. Был бы талант — выучился бы.

Он пил чай вприкуску, с блюдца. Мы приканчивали по третьей чашке. Маша не допила и первую. Мной овладело размягченное, нежное состояние, и хотелось сказать что-нибудь очень хорошее и доброе, и хотелось остаться здесь и ждать, когда Маша улыбнется. За окном стало совсем темно, дождь разошелся, и шум его казался шумом недалекого моря.

— На охоте давно был? — спросил Сергей Иванович.

— В первый раз собрался.

— Я и вижу. Ружье лет десять не чищено. Выстрелил бы, а оно в куски.

— А я его и не заряжал.

— Еще пить будешь?

— Спасибо, я уже три чашки выпил.

— Я про белое вино спрашиваю.

— Нет, не хочется.

— А я раньше ох как заливал. Маше спасибо.

— Вы сами бросили, — сказала Маша.

— Сам редко кто бросает. Правда? Даже в больнице лежат, а не бросают.

— Правда.

— Ну что ж, спать будем собираться. Не возражаешь, если на лавке постелем? Николай, все-таки как тебя по батюшке?

— Просто Николай. Я вам в сыновья гожусь.

— Ты меня старостью не упрекай. Может, и годишься, да не мой сын. Когда на двор пойдешь, плащ мой возьми.

Мы встали из-за стола.

— А вы здесь рано ложитесь? — спросил я.

— Как придется. А тебе выспаться нужно. Я рано подыму. Мне уезжать. И тебе путь некороткий.

И я вдруг обиделся. Беспричинно и, в общем, безропотно. Если тебе нравятся люди, ты хочешь, чтобы и они тебя полюбили. А оказалось, я все равно чужой. Вторгся без спроса в чужую жизнь, завтра уеду — и все, нет меня, как умер.

Сверчок стрекотал за печью — я думал, что сверчки поют только в классической литературе. Лесник улегся на печке. Маша за занавеской. Занавеска доходила до печки, и голова Сергея Ивановича была как раз над головой Маши.

— Вы спите? — прошептала Маша.

— Нет, думаю.

— А он спит?

— Не пойму.

— Спит вроде.

Она была права. Я спал, я плыл, покачиваясь, сквозь темный лес, и в шуршании листвы и стуке капель еле слышен был их шепот. Но комната тщательно собирала их слова и приносила мне.

— Я так боялась.

— Чего теперь бояться. Рано или поздно кто-нибудь догадался бы.

— Я во всем виновата.

— Не казнись. Что сделано, то сделано.

— Я думала, что он оттуда.

— Нет, он здешний.

— Я знаю. У него добрые глаза.

Слышно было, как лесник разминает папиросу, потом зажглась спичка, и он свесился с печи, глядя на меня. Я закрыл глаза.

— Спит, — сказал он. — Устал. Молодой еще. Он не из-за яиц бегал.

— А почему?

— Из-за тебя. Красивая ты, вот и бегал.

— Не надо так, Сергей Иванович. Для меня все равно нет человека лучше вас.

— Я тебе вместо отца. Ты еще любви не знала.

— Я знаю. Я вас люблю, Сергей Иванович.

Легонько затрещал табак в папиросе. Лесник сильно затянулся.

Они замолчали. Молчание было таким долгим, что я решил, будто они заснули. Но они еще не заснули.

— Он не настырный, — сказал лесник.

Хорошо ли, что я не настырный? Будь я понастырней, на мне никто никогда бы не пахал и Ланде в голову бы не пришло покуситься на эти мои полгода, — цепочка мыслей упрямо тянула меня в Москву...

— А зачем сюда шел? — спросила Маша.

— Он не дошел, повернул. Как увидел тебя одну, не захотел тревожить. Я его на обратном пути встретил.

— Я не знала. Он видел меня?

— Поглядел на тебя и ушел.

Опять молчание. На этот раз зашептала Маша:

— Не курили бы вы. Вредно вам. Утром опять кашлять будете.

— Сейчас докурю, брошу.

Он загасил папиросу.

— Знаешь что, Маша, решил я. Если завтра он снова разговор поднимет, все расскажу.

— Ой, что вы?

— Не бойся. Я давно хочу рассказать. Образованному человеку. А Николай — москвич, в институте работает...

Я неосторожно повернулся, лавка скрипнула.

— Молчите, — прошептала женщина.

Я старался дышать ровно и глубоко. Я знал, что они сейчас прислушиваются к моему дыханию.

— Как спалось? — спросил Сергей Иванович, увидев, что я открыл глаза. Он был уже выбрит, одет в старую, застиранную гимнастерку.

— Доброе утро. Спасибо.

Утро было не раннее. Сквозь открытое окошко тек душистый прогретый воздух. Сапоги лесника были мокрыми — ходил куда-то по траве. Топилась печь, в ней что-то булькало, кипело.

Я спустил ноги с лавки.

— Жалко уезжать, — сказал я.

— Это почему же? — спросил лесник спокойно.

— Хорошо тут у вас, так и остался бы.

— Нельзя, — возразил лесник и улыбнулся одними губами. — Ты у меня Машу сманишь.

— Она же вас, Сергей Иванович, любит.

— Да?.. Ты как, ночью не просыпался?

— Просыпался. Слышал ваш разговор.

— Нехорошо. Мог бы и показать.

Я не ответил.

— Так я и думал. Может, и лучше: не надо повторять. Путей к отступлению, как говорится, нету.

И он вдруг подмигнул мне, словно мы с ним задумали какую-то каверзу.

— Одевайся скорей, мойся, — сказал он. — Маша вот-вот вернется. На огороде она, огурчики собирает тебе в дорогу. Ей-то лучше, чтобы ты уехал поскорее. И — забыть обо всем.

— Огурчики обыкновенные? — спросил я.

— Самые обыкновенные. Если хочешь, в озере искупнись. Вода парная.

Я мылся в сенях, когда вошла Маша, неся в переднике огурцы.

— Утро доброе, — поздоровалась она. — Коровы у нас нет. Сергей Иванович молоко из Лесновки возит. Как довезет на мотоцикле, так и сметана.

— Вы, наверное, росой умываетесь, — сказал я.

Маша потупилась, словно я позволил себе вольность. Но Сергей Иванович сказал:

— Воздух здесь хороший, здоровый. И питание натуральное. Вы бы поглядели, какой она к нам явилась — кожа да кости.

Мы оба любовались ею.

— Лучше за стол садитесь, чем глазеть, — предложила Маша. Наше внимание было ей неприятно. — А вы, Николай, причешитесь. Причесаться-то забыли.

Когда я вновь вернулся в комнату, Маша спросила Сергея Ивановича:

— Пойдете?

— Позавтракаем и пойдем.

— Я вам с собой соберу.

— Добро. Ты не волнуйся, мы быстро обернемся.

За завтраком лесник стал серьезнее, надолго задумался. Маша тоже молчала. Потом лесник вздохнул, поглядел на меня, держа в руке чашку, сказал:

— Все думаю, с чего начать.

— Не все ли равно, с чего?

— Ты, Николай, подумай. Может, откажешься? А то пожалеешь.

— Вы меня как будто на медведя зовете.

— Говорю: хуже будет. Такое увидишь, чего никто на свете не видал.

— Я готов.

— Ох и молодой ты еще! Ну ладно, кончай, по дороге доскажу.

Он снял с крюка ружье, заложил за голенище сапога широкий нож. Маша хлопотала, собирая нас в дорогу. Мне собирать было нечего.

— Я Николаю резиновые сапоги дам, — предложила Маша.

— Не мельтеши, — сказал Сергей Иванович добродушно. — Там сейчас сухо. Ботинки у тебя крепкие?

— Нормальные ботинки. Вчера не промок.

Маша передала леснику небольшой рюкзак.

— А это анальгин. У Агаш опять зубы болят. Забыли небось?

— Забыл, — признался лесник, укладывая в карман хрустящую целлофановую полоску с таблетками.

— Может, Николаю остаться все-таки?

Я вдруг понял, что говорила она обо мне не как о чужом.

— Далеко не поведу. До деревни и обратно.

— Я вам там пряников положила. Городских.

— Ну, счастливо оставаться.

— Что-то у меня сегодня сердце не на месте.

— Без слез, — сказал лесник, присаживаясь перед дорогой. — Только без слез. Ужасно твоих слез не выношу. Откуда они только в тебе берутся?

Маша постаралась улыбнуться, рот скривился по-детски, и она слизнула скатившуюся по щеке слезу.

— Ну вот.

Лесник встал.

— Всегда так. Пошли, Коля.

Маша вышла за нами к воротам. И когда я встретился с ней взглядом, мне тоже досталась частица сердечного расставания.

У первых деревьев лесник остановился и поднял руку. Маша не шелохнулась. Мы углубились в лес, и дом пропал из виду.

Несколько минут мы прошли в молчании, потом я спросил:

— Далеко идти?

— Километра два... Жалею я ее. Люблю и жалею. Ей в город надо, учиться.

— А сколько Маше лет?

— День в день не скажу. Но примерно получается, что двадцать три.

— Но вы еще не старый.

— Куда уж. Пятьдесят шестой в апреле пошел. Хочу в Ярославль ее отправить. У меня там сестра двоюродная.

Мы свернули на малохоженую тропинку. Лесник шел впереди, раздвигая ветки орешника. Солнце еще не высушило вчерашний дождь, и с листвы слетали холодные капли.

Он сказал:

— Такое дело, что трудно начать. Если бы мы в городе заговорили, ты бы не поверил.

Мы перешли светлую, жужжащую пчелами душистую лужайку. Дальше лес пошел темный, еловый.

— Меня давно это мучает. Я как увидел, что ты под дождем обратно идешь, потому что Машу пожалел, я и решил, что расскажу.

— Давайте я рюкзак понесу. А то иду пустой, а у вас и ружье, и груз.

— Ничего. Своя ноша не тянет.

Лес поредел. Стали попадаться упавшие деревья. Мы вышли на прогалину. Кто-то повалил на ней лес, но вывозить не стал.

— Не удивляет? — спросил лесник.

— Это ураган был? Но лес-то вокруг стоит!

— Ураганом так не повалит.

В центре лесосеки обнаружился небольшой бугор, заплетенный полусгнившими корнями. Пробираться к нему пришлось

перепрыгивая с кочки на кочку через черные, непрозрачные лужи. Низина, на которой лес был повален, заболотилась. Кочки поросли длинным теплым мхом, и нога проваливалась в него по колено. Я старался ступать в след леснику, но раз промахнулся, и в ботинок хлынула ледяная вода.

— Ну вот, — сказал лесник укоризненно. — Надо было нам с тобой Машу послушаться, сапоги надеть.

Мы выбрались на бугор. Земля на нем была голой, покрытой сероватым налетом — то ли пылью, то ли лишайником, скрывающим крупные сучья и корни. Лесник разбросал груду валежника, и за ней под навесом переплетенных ветвей обнаружился черный лаз.

— Это я шалаш такой поставил, — пояснил Сергей Иванович. — Лапник натаскал. Высохло — не отличишь. Теперь отдыхай.

— Я не устал.

— А я не говорю, что устал. Потом устанем.

Он зарядил ружье, подобрал лямки рюкзака, чтобы не мешал.

— Там зверь есть, — сказал он. — Некул. Слыхал о таком?

Лесник нырнул в черный лаз, зашуршал ветками, сверху посыпались рыжие иглы.

— Ты здесь, Николай? — услышал я его голос. — Иди за мной. Темноты не бойся. А как схватит тебя, тоже не робей. Зажмурься. Слышишь?

Я пригнулся и пошел за ним, выставив вперед руку, чтобы ветки не попали в глаза. Впереди была кромешная тьма.

— Сергей Иванович! — окликнул я.

Его не было.

Тьма впереди была безмолвной и бездонной. Она не принадлежала к этому лесу, она была первобытна, бесконечна, и я не смог бы сравнить ее, например, с входом в глубокую шахту, хотя бы потому, что шахта или трещина в горе обещают конечность падения: брось камень — и когда-нибудь услышишь стук или плеск воды. А здесь я, даже ничего не видя, знал, что темнота беспредельна.

И я не мог решиться сделать шаг. Я понимал, что лесник уже там. Что он ждет меня. Может быть, посмеивается над моим страхом. Где был лесник?.. Я в тот момент об этом не думал, но в то же время понимал, что это не просто пещера, что лесник не прятался в темноте, а был там, за черной завесой... Бред какой-то! Вот сейчас, вот-вот он вернется, спросит с насмешкой: «Ну чего же ты, Николай?». И я сделал шаг вперед.

И в то же мгновение земля исчезла из-под ног, я оторвался

от нее и перестал существовать, потому что темнота не только сомкнулась вокруг меня, но и превратила меня в часть себя, растворила и понесла со стремительностью, которую можно ощутить, но невозможно объяснить или просчитать. В таких случаях старые добротные романисты писали нечто вроде: «Мое перо отказывается запечатлеть...»

Все это продолжалось мгновение, хотя отлично могло продолжаться год, а если бы кто-нибудь сказал мне, что меня несло сквозь темноту три с чем-то часа, я тоже поверил бы.

Но очнулся я в том же шалаше — с той лишь разницей, что впереди был свет и на его фоне я увидел силуэт Сергея Ивановича — он пригнулся, стараясь разглядеть меня.

— Прибыл? — спросил он. — А я уж собирался идти за тобой.

Он протянул мне руку. Я выбрался наружу. Густой кустарник подходил почти к самому шалашу. Сергей Иванович отошел на несколько шагов, поставил ружье между ног, достал папиросы, протянул мне, закурил, сплющив мундштук крест-накрест.

— Обернись, — сказал он.

Я не сразу понял, в чем дело. Мы подходили к шалашу по заболоченной лесосеке. А здесь за шалашом начинались густые, колючие, скрюченные, почти без листьев кусты. И ни одного поваленного дерева, ни кочки, ни мха, ни воды — никакого болота.

— Не понимаешь? Я в первый раз тоже не понял, — кивнул лесник. — Шалаш я потом соорудил. А тогда, в первый раз, прямо в дыру шагнул... И провалился.

За спиной лесника стояла сосна. Не сосна — старое раздвоенное, подобно лире, дерево со стволом сосны, но вместо игл на ветках мелкие узкие листья. На коре была глубокая зарубка, затекшая желтой смолой.

— Это чтобы дорогу обратно найти, — пояснил Сергей Иванович. — Такого второго дерева поблизости нету. Вход в шалаш видишь?

Под сучьями и пожухлой листвой чернело пятно входа.

Сергей Иванович подобрал разбросанные у шалаша ветки, свалил беспорядочной грудой, маскируя вход. Потом взял ружье на руку, дулом к земле.

— Я в войну снайпером был, — сообщил он неожиданно.

Было не жарко, но ветер казался сухим, и листва на кустах и редких деревьях была покрыта пылью. В ботинке у меня еще хлюпало.

— Путь один, — сказал лесник. — Через шалаш. Можешь проверить.

— Как? — На меня навалилась необъяснимая тупость.

— Обойди, — подсказал лесник.

Я обошел шалаш. Он был спрятан в гуще чего-то вроде орешника, приходилось нагибаться или отводить рукой ветви. Жужжал жук, сквозь листву проглядывало блеклое, высушенное небо. Я обернулся. Лесник шел за мной, держа ружье на сгибе руки. С задней стороны шалаш тоже был завален сучьями. В щелку между ними я увидел все то же небо.

— Убедился? — спросил Сергей Иванович. — Нет здесь никакого болота. И не было. И ни одной сосны в округе.

— Убедился, — кивнул я.

— Ты здесь со мной как на экскурсии по выставке. А каково мне было в позапрошлом году! Один я был. Струсил. Побежал обратно, а дыру потерял. Наверное, с полчаса по кустам бродил. А ведь я свой лес как пять пальцев знаю. Вижу, что не тот лес...

Мы снова вышли на открытое место у шалаша. Леснику хотелось, чтобы я понял, каково ему было тогда.

— Я, наверное, тысячу раз тем болотом проходил. Там лисья нора была. — Он показал папиросой в сторону шалаша. — На краю болота. Я всю ихнюю лисью семью в лицо узнавал. А вот на бугор не ходил. Какое-то неприятное место, даже не объясню почему. И сейчас уже не помню, зачем я в этот бурелом полез. Вижу, чернеется. Как берлога. Но пусто, знаю, что пусто. Никого там нет. Верю своему опыту. И не знаю, давно ли та берлога образовалась. Даже думаю, что не очень давно, иначе бы заметил.

— Слушайте, Сергей Иванович, — перебил я его, — а лес когда был повален?

— Лес? Не знаю, давно. До меня еще.

— А может, здесь падал метеорит? Никто в соседних деревнях не говорил?

— Специально я не спрашивал. Но если бы такое случилось, люди бы запомнили. Да ты погоди объяснение искать. Сначала я покажу, что и как. Хоть ты и ученый, но все равно не спеши. Дослушай. Значит, сунулся я в дыру, меня подхватило, не пойму, то ли медведь, то ли это смерть в таком виде меня заграбастала... Но жив. Вылезаю — дождь идет. А по ту сторону дождя-то не было... Я знаешь что решил? Я решил, что спятил. Голова до сих пор побаливает. Я решил — вот тебе и последствие...

Порыв сухого ветра пронесся по кустам, они словно забормотали, зашептались сухими листьями.

Сергей Иванович бросил папиросу, загасил ее каблуком.

Я заметил, что неподалеку есть еще несколько окурков, старых, серых.

— Пойдем, — позвал Сергей Иванович. — По дороге поговорим. Дела у меня здесь. Люди ждут.

Мы прошли краем широкого поля, заросшего высокой незнакомой травой, по которой волнами гулял ветер, и там, где он пригибал траву, она поворачивалась светлой стороной и эти светлые волны передвигались к кустам, и казалось, что мы идем по берегу настоящего моря.

— Под ноги посматривай, — сказал Сергей Иванович. — Здесь гадов много.

Трава, степь пахли сладко и тяжело, иначе, чем дома. Где же мы?

— Я долго голову ломал, — продолжал Сергей Иванович. — Куда меня угораздило провалиться? В Австралию, что ли?

Последние слова прозвучали вопросом. Сомнение родилось не от невежества, а от избыточного опыта.

— Так и представил себе дырку сквозь весь шарик. Потом передумал.

— Почему?

— Да никакая это не Земля. Для этого даже моих мозгов хватало.

Он обернулся, чтобы посмотреть, как я отнесусь к этим словам.

— Да?

Как на экзамене, когда нужно потянуть время, чтобы заполучить лишнюю минуту и вспомнить злосчастную формулу...

Он не стал ждать ответа:

— Конечно, удивление было, опаска, но чтобы я был потрясен, не скажу. Почему бы?

И в тот же момент ружье взлетело в его руке и дернулось.

Я вздрогнул. Выстрел был короток и негромок — кусты сглотнули эхо. А в кустах затрещали ветки и упало что-то тяжелое.

— Спа-койно, — сказал лесник. Он достал патрон, перезарядил ружье и только потом, приказав мне жестом оставаться на месте, вытащил из-за голенища нож и шагнул в кусты.

Теперь он был другой, вернее — уже третий человек. Первого — неуклюжего, староватого, неловкого — я увидел на рынке в городе. Второй — маленький, добрый, домовитый — остался в доме, с Машей. А третий оказался сухим, ловким, быстрым и сильным. Этот, третий, стрелял.

— Коля, — позвал лесник из кустов, — иди-ка сюда. Смотри, кого я свалил.

Подмяв длинные стебли, словно на травяной подушке, лежал большой серый зверь. У него были неправдоподобно длинные ноги, тонкие для массивного мохнатого торса, и вытянутая вперед, как у борзой, но куда более массивная, почти крокодилья, морда с оскаленными желтыми клыками.

— Уже прыгнул, — сказал лесник, упираясь в бок зверю носком сапога. — Повезло нам, что с первого выстрела взяли. Они живучие.

— Вроде волка?

— Говорят, они домашние раньше были, как собаки. Одичали потом, когда пастухов разорили. А теперь некул хуже волка. Человека знают, не любят. На человека охотятся.

Лесник ломал ветки, забрасывал ими некула.

— Скажу своим. Потом заберут. До ночи никто не тронет. Где-то логово близко. На меня один уже бросался, покрупнее этого. Я промахнулся.

— Они по одному ходят?

— Не бойся. Они только зимой в стаи собираются... Солнце высоко. Поспешим.

Мы шли дальше по кромке кустов.

— Вы кому-нибудь про все это рассказывали?

— Нет.

Мы вышли на тропу. Кустарник остался позади, тропинка тянулась среди редких лиственных деревьев, обогнула неглубокую обширную впадину, заросшую бурьяном. Из листьев выглядывали обгорелые балки.

— Тут раньше жили, — рассказывал Сергей Иванович. — Теперь не живут. Так вот, я ведь человек, можно сказать, обыкновенный. Образования не пришлось получить. Но повидал всякое. Всю войну прошел, награды имею, за рубежом несколько стран повидал. И по-худому жизнь поворачивалась, и по-хорошему. Так что не спеши меня судить. Тебе, может, сейчас кажется: проще простого — увидел в лесу дыру — другой мир, беги сообщай куда следует, умные люди разберутся. А оказывается, все куда сложнее...

Мы спустились в лощину, по дну которой протекал узкий ручей. Через него было переброшено два бревна.

— Дождей что-то давно не было, — продолжал лесник. Так говорят о засухе у себя дома, в деревне. — Я хотел понять, что к чему. Ведь не в городе живу, там до милиционера добежал — взгляните, гражданин начальник. Вот поеду я в город за три-

дцать километров, пойду по учреждениям пороги обивать. Не поверят. А насмешек боюсь. Когда осложнения пошли, вообще отложил. Увидишь почему. Поймешь. Но неуверенность осталась. И мучает. А теперь я на тебя кой-что переложу, ты и решай. Сначала погляди, пойми все, потом решай. Я подозреваю, что не Земля это. Понятно? Чего глядишь как черт на Богородицу?

— Почему вы так думаете?

— Звезды не такие, и сутки короче. На час, да короче. И другие данные есть. Ко мне тогда еще приезжали. Друзья-охотнички. Не столько наохотятся, сколько водки переведут. Один преподаватель там был, из области, я с ним теоретически побеседовал. Я его и так и эдак допрашивал, только чтобы не выдать про дыру. Я ему: «А если бы так, а если бы не так?» А он в ответ: «В твоем алкогольном бреду, Сергей, ты видел параллельный мир. Есть такая теория». Ты, Николай, о параллельных мирах слыхал? Как наука на них смотрит?

— Слыхал. Никак не смотрит.

— Будто это такая же Земля, только на ней все чуть иначе. И таких земель может быть сто... Отойди-ка, милый друг, в сторонку. В кусты. А то испугаешь.

В том месте тропа сливалась с пыльной проселочной дорогой. Я услышал скрип колес. Сергей Иванович вышел на дорогу и свистнул. В ответ кто-то сказал: «Эй». Скрип колес оборвался. Мне ничего не было видно из кустов. Мне показалось даже, что лесник нарочно оставил меня в таком месте, откуда мне ничего не видно.

Как бы еще какой-нибудь некул не догадался, что я здесь, в кустах, безоружный. Лесник и добежать не успеет. Кора дерева была черной, шершавой — я потрогал. Черный жучок с длинными, щегольски закрученными усами остановился и стал ощупывать усами мой палец, заградивший дорогу.

Параллельный мир... Почему-то меня занимала не столько сущность этого мира, говорить о котором можно будет лишь потом, когда я его увижу. Я думал о дыре. О двери на болоте. То есть о том феномене, о котором я уже знаю. В чем сущность этого переходника? Короток ли он, как сам шалаш, или бесконечно длинен? Отчего это ощущение падения, невероятной скорости? Мгновенный момент перехода или туннель, протянувшийся в пространстве? От природы этой двери зависит и принцип мира, в который мы попали. Если допустить, что этот мир параллельный, то о его расположении в пространстве даже не стоит пока гадать. Если же это мир, существующий в нашей, допустим, Га-

лактике, то искривление пространства... Тьфу, никогда не подумал бы, что придется ломать голову над столь невероятным феноменом. Но ведь невероятно все, с чем мы не сталкивались раньше.

Я привык к тому, что Земля круглая, а легко ли было поверить в это первым путешественникам, которые не знали о законах Ньютона? Сегодня мы можем снисходительно улыбаться, вспоминая ретроградов, которые уверяли, что антиподы обязательно упадут куда-то, как же иначе им удержаться вниз головой? А так ли он наивен, тот ретроград? Что такое гравитация, что за невидимые цепи держат материальный мир? Хорошо, с цепями мы смирились, а не пройдут ли недолгие годы и не смиримся ли мы также с тем, что можно шагнуть в иной мир, и уже меня, последнего могиканина из ретроградов, будут корить за то, что я пытаюсь выяснить: а где в самом деле находится та земля, в которую мы вступаем сквозь черную дыру?

— Николай! — окликнул с дороги лесник. — Поди сюда.

— Иду.

В туче пыли, уже почти осевшей, но еще скрывавшей колеса, возвышалась арба, запряженная парой маленьких, заморенных — торчали ребра — носорогов с потертыми ярмом холками. Туловища у носорогов были необычно поджарые, а ноги были довольно тонкие и очень мохнатые, серая, вроде собачьей, шерсть облезала клочьями. Над носорогами кружились слепни. У арбы стоял мужчина в серой домотканой одежде, мешком спускавшейся до колен. Он был бос. При виде меня он поднял свободную от поводьев руку и приложил к груди. Редкая, клочковатая бородка казалась нарисованной неаккуратным ребенком. Зеленые глаза смотрели настороженно.

— Приятель мой, — сообщил лесник. — Зуем звать. Я ему сказал, что ты — мой младший брат. Не обидишься?

Зуй переступил босыми ногами по теплой, мягкой пыли. Сказал что-то. Нет, это не испанский язык. Я все еще с тающей надеждой цеплялся за мысль о том, что мы на Земле.

— Говорит, что спешить надо. Садись в телегу.

Рюкзак лесника валялся в арбе на грязной соломе. Я сел подобрав ноги. Зуй протянул руку, пощупал материю на моем пиджаке.

— Труук, — сказал он.

— Да, — согласился я. — Материал хороший.

Лесник ухмыльнулся, усаживаясь рядом.

— Сообразил?

— А чего соображать? Когда человек выражает одобрение, это понятно на любом языке.

— Это точно. На будущее учти, что труук — это такая одежда, ее носят сукры. Так что Зую твой пиджак не понравился. Об этом он и сказал. Ясно? Одобрение на любом языке...

— Ясно.

— А то мы все по себе судим. Так и ошибиться недолго.

— Вы их язык хорошо знаете?

— Откуда мне? Тут способности надо иметь. Но разбираюсь. Понимаю.

Дорога была отвратительная. За телегой поднималось облако пыли, а раз арба двигалась медленно, то налетавший сзади ветер гнал пыль на нас, и тогда лесник и Зуй скрывались в желтом тумане. Мы ехали мимо скудного, кое-как засеянного поля. На горизонте поднимался столб черного дыма.

— Что это? — спросил я, но Зуй с лесником были заняты разговором и не услышали.

Было в этом что-то от четкого кошмарного сна с преувеличенной точностью деталей — ты понимаешь, что такого быть не может, но стряхнуть наваждение нет сил, и даже возникает любопытство, чем же закончится этот сказочный сюжет. Внизу, поднимаясь из пыли, словно горбы китов, покачивались серые спины носорогов... А может, это все-таки Земля? Нет, никто на нашей планете не запрягает таких тварей в арбу. Лесник говорил, что здесь иные звезды. Но если это звезды Южного полушария — тогда при чем здесь носороги? Это же не Африка!

— Зуй говорит, вчера приходили сукры, искали меня, — сказал лесник, разминая папиросу.

— Сукры?

— Здешние стражники.

— Кого и от кого они стерегут?

— Потом расскажу. Ты учти, Николай, — для них я за лесом живу. Будто там другая страна, но вход в нее запрещенный. Про дверь они, конечно, не знают. Не хотел бы я, чтоб кто из сукров к нам забрался. Помнишь, как Маша на рынке испугалась? Подумала сперва, что ты — отсюда. За ней.

— Я не совсем с вами согласен. Если бы вы все-таки настояли на своем, сообщили, можно было бы организовать охрану дыры...

— Погоди. — Лесник закурил. Зуй опасливо поглядел на дым, идущий изо рта. Но ничего не сказал. — Не могут привыкнуть. Я здесь стараюсь не курить, чтобы суеверия не развивать. И так уж черт-те знает что придумывают. Так вот, ты говоришь:

добился бы, поставил охрану. Ну ладно, а что дальше? Мне-то будет от ворот поворот. Простите, Сергей Иванович, с вашей необразованностью и алкогольным прошлым позвольте вам отправиться на заслуженный покой и не суйтесь в наши дела.

— Ну зачем же так?

— А затем. Я бы на месте ученых так же рассудил. Этот Сергей Иванович только всю картину портит. Бегает, пугает... А ведь ученые тоже не все понимают. Как ни учись, умнее не станешь.

— Как же так? — я постарался улыбнуться.

— А так. Образованнее станешь, а умней — никогда.

— Не считаете же вы себя умнее...

— Не знаю. Но мои-то без меня куда? Маша, Зуй, другие? Они же надеются. Если в соседний дом вор залез с ружьем, что будет умнее — бежать спасать или подумать: «А вдруг он меня из ружья пристрелит?»

— Вряд ли это аргумент. Соседний дом живет по тем же законам и обычаям, что и вы. А представьте, что в другой стране этот вор...

— Ну придумай! Придумай такую страну, чтобы от вора была польза!..

— Придумать можно, — не сдавался я. — Допустим, в соседнем доме живут люди, больные чумой, а не хотят уезжать в карантин. Вот и приходится их с оружием в руках вывозить, чтобы остальных спасти. Понимаете, я привел первый попавшийся довод...

— Ну что ж, я глупый, что ли?

— А представьте, что вы в ту деревню приехали вчера, не знаете ни про болезнь, ни про врачей и видите только внешнюю сторону событий.

— Знаю! Знаю же! — озлился лесник. — Чума?.. Скажешь тоже. Сам погляди сначала, а потом оправдывай. Так и Гитлера оправдать можно. Видишь ли, его нации места было мало, а у других свободная земля — вот и надо отобрать, да еще и людей извести... Ладно, не будем спорить.

Лесник выбросил в пыль папиросу.

— Не будем спорить. Я тебя для того и позвал, чтобы ты поглядел, чума здесь или простой грабеж. А если со мной что случится, то дыру сам отыщешь. И смотри, чтоб тебя сукры не выследили.

Арба подпрыгивала на неровностях дороги, пыль скрипела на зубах, в кустарнике у дороги шевелилось что-то большое и темное, кусты трещали и раскачивались, но ни лесник, ни Зуй не обращали на это внимания.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю, — признался лесник. — Иногда бывает такое шевеление. Я как-то хотел поглядеть, но они не пустили. Нельзя близко подходить. А если не подходить, то неопасно.

— Неужели вам не захотелось выяснить?

— Если все выяснять, жизни не хватит. Тебе в соседнем городе не все ясно, а здесь...

— Кстати, вам не приходило в голову измерить длину хода в шалаше?

— А я думаю, что длины никакой нет. Как занавеска.

— А вам не казалось, что вы падаете?

— Казалось.

— И что это падение продолжается долго?

— А вот это — чистый обман. К примеру, я тебя ждал. Ты от меня не больше чем на минуту отстал. Если бы больше, я бы тебя искать пошел. Так что это падение — одна видимость. Но я тебе другое скажу — хочешь верь, хочешь нет: если с другой стороны к дыре подойти, то ее вовсе нету.

— Как так?

— Ты с другой стороны сквозь это место можешь пройти и ничего не заметишь. Вот как.

У дороги стояло одинокое дерево. Под толстым горизонтальным суком, на котором были развешаны белые, голубые тряпочки и веревки, сидел почти голый старик. Свалявшиеся волосы доставали до земли, страшно худые ноги были подобраны к животу. Старик раскачивался и подвывал.

— Кто это? — спросил я.

— Таких здесь много. Отпустили его сукры, а деваться некуда, деревни нет, все померли. А может, бегал, скрывался. Всю жизнь бегал. Дерево это у них святое, трогать старика нельзя. Если только некул разорвет. Только некулы редко к дороге выходят. А старику кто лепешку кинет, кто воды поставит. Тем и живет. И будто бы духи здешние его охраняют. Чепуха это все, от дикости.

Зуй кинул что-то старику, морщинистые руки дернулись, как паучьи лапы, подхватили подачку.

— А откуда Зуй знал, что мы придем?

— Я на той неделе здесь был. Без предупреждения лучше в деревню не соваться. Сукра можно встретить. Меня они не любят.

— И многие знают о вас?

— Как же не знать? Я фигура заметная.

Мы догнали стадо. Четыре однорогие ну, что ли, коровенки

плелись по пыли, окруженные кучкой тамошних, наверное, овец. Голый мальчишка бегал, стегал этих коровенок и овец по бокам, чтобы не мешали нам проехать. Вдруг мальчишка замер, увидев меня.

— Курдин сын, — пояснил лесник. Вытащил из верхнего кармана гимнастерки кусок сахара и кинул его мальчишке.

Кусок сахара сразу перекочевал за щеку пастуха.

— Учиться бы ему, — вздохнул лесник. — Все думал — может, его к нам взять, в школу, детей у нас нет. А?

— Вы бы, наверное, не только его взяли, — сказал я.

— И не говори. Может, возьму еще...

Дорогу пересекал забор из жердей. Зуй спрыгнул с арбы, передав вожжи леснику, и оттащил несколько жердей в сторону, чтобы освободить проезд. Ставить их на место не стал, за нами шло стадо. Арба перевалила пригорок, и впереди появилась деревня.

Хижины стояли вкруг, обнесенные тыном, окруженные широким, но, видно, мелким, заросшим ряской рвом. Через ров вел бревенчатый мостик. Ворота в тыне, когда-то прочные, мощные, были полуоткрыты, накренились, уперлись в землю углами, и закрыть их было бы нельзя.

— Эй! — крикнул Зуй, придерживая носорогов у мостика.

Никто не откликнулся. Деревня словно вымерла. Носороги замешкались перед мостиком. Зуй хлестнул их кнутом. Носороги дернули арбу, она вкатилась на мост, бревна зашатались, словно собирались раскатиться.

Мы выехали на пыльную утоптанную площадь, на которую со всех сторон глядели, распахнув черные рты дверей, голодные, неухоженные хижины, словно птенцы в гнезде, отчаявшиеся дождаться кормилицу. С тына и соломенных, конусами крыш взлетели вороны или что-то вроде них. Взлетели и принялись кружить над нами и сухим корявым деревом, возле которого мы остановились.

Я знал эту деревню. Она пригрезилась мне на пляже, только я видел ее тогда сверху. И дерево видел.

И человека, повешенного на толстом длинном суку.

Порыв горячего, сухого ветра качнул тело, и оно легко, словно маятник, полетело в нашу сторону. У меня схватило сердце.

Лесник, соскакивая с арбы, подставил руку, и я понял, что это не человек — кукла в человеческий рост, чучело с грубо намалеванным на белой тряпке лицом: два пятна глаз, полоска рта и вертикально к ней полоса носа. Так рисуют дети.

— Ну и ну, — сказал я, последовав за Сергеем.

Куклу трудно было принять за человека. Виноват был мой сон — в нем я был уверен, что вижу человека. Поэтому теперь, наяву, смотрел на чучело, а видел человека.

— Это я, — пояснил лесник. — Это меня повесили. Так сказать, заочно, на устрашение врагам.

— Кто повесил?

— Стражники. Давно повесили, весной еще.

Зуй привязал вожжи к стволу, под ногами куклы. Лесник снял с арбы рюкзак.

— Очень мною недовольны, — продолжал лесник не без гордости. — Но поймать не могут. Вот и пришлось куклу сооружать. Наглядная агитация.

— А почему здесь пусто? — спросил я.

— А кому здесь быть? Какие бабы остались и старики — в поле. Мужики — кто скрывается, кто в горе. Сам понимаешь...

Ничего я не понимал.

Лесник закинул ружье за плечи и пошел к одному из домов. Я последовал за ним в раскрытую дверь и окунулся в тяжелый, затхлый воздух. Там было темно, лишь через дыру в крыше падал свет, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Лесник опустил рюкзак на землю.

— День добрый, — поздоровался он.

Ответа не было. Кто-то тяжело дышал в углу. Под стрехой завозилась какая-то птица, и оттуда ко мне спланировало знакомое розовое перышко.

— Как дела? — спросил в темноту лесник.

— Добри ден, Серге, — произнес глубокий, знакомый мне, чистый голос. — Как ехал?

Глаза начали привыкать. Лесник поставил ружье в угол, прошел в дальний конец хижины и наклонился над кучей тряпья.

— Хорошо доехал, — сказал он. — Я с братом приехал. Как живешь, Агаш-пато?

— Живу, — ответил тот же голос. — Где брат?

— Иди сюда, Николай, — позвал лесник. — С теткой познакомься.

В куче тряпья, прикрытая до пояса, лежала старуха в темной рубахе. Седые волосы аккуратно зачесаны, лицо гладкое, почти без морщин. Тетя Агаш была как две капли воды похожа на мою тетю Алену. Только без очков. Она должна была сейчас улыбнуться и спросить с неистребимой иронией школьной учительни-

цы, знающей, что я не выучил урок: «Все-таки надеешься решить эту задачку?».

— Подойди ближе, — позвала старуха. Она протянула ко мне тонкую, сухую руку. Мизинец и безымянный палец были отрублены. Она смотрела на меня в упор. Пальцы дотронулись до моего лица. Они были прохладными.

— Она не видит, — объяснил лесник.

— Твое лицо мне знакомо, — сказала тетя Агаш. — У меня был племянник с твоим лицом. Он взял меч. Его убили. Он был умный.

— Я зажгу свечу, — предложил лесник. — Здесь темно у тебя.

— Ты знаешь, где свечи. Как живет моя Луш?

Я обернулся к леснику. Лесник зажигал свечу.

— Луш передает тебе привет и подарки, — вспомнил он.

— Спасибо. Мне ничего не надо. Зуй меня кормит. И Курдин сын помнит закон.

Вошел Зуй. Он с грохотом ссыпал у глиняного очага посреди хижины охапку дров.

— Будете пить, — продолжала тетя Агаш. — Устали. У меня нет ног, — добавила она, повернув ко мне лицо. — Зуй сделает.

— Агаш по-русски почти как мы с тобой говорит, — сказал лесник. — Один раз слово услышит и уже помнит. Ты ихнего настоя много не пей. Полчашки — и хватит с непривычки. Но бодрость дает.

— Значит, все, что я видел, это отсюда?

— Отсюда. Что обыкновенное, я Маше не запрещаю. Она все хочет для своих чего-нибудь послать. И для меня. С деньгами у нас не богато. Вот и приходится. Но яйцами я не велел торговать. Строго запретил. Из них купу делают — такое лекарство. Но ты же Машу знаешь, своенравная.

— Что сделала Луш? — спросила тетя Агаш.

— Своенравная она.

— Она хорошая.

— А кто спорит?

В очаге трещали сучья, и на лицо тети Агаш падали отсветы пламени.

Агаш протянула руку за нары, на которых сидела, и достала оттуда две эмалированные кружки. Кружки были наши, обыкновенные.

Сергей Иванович сказал:

— Мы сюда много принести не можем. Опасаемся.

— Да, — согласилась тетя Агаш. — Нам опасно богатство. Чашки чистые. Курдин сын мыл в воде. Серге боится синей лихорадки. Много людей умерло от синей лихорадки.

— Не за себя боюсь, — сказал лесник. — К нам туда боюсь инфекцию занести.

— Сейчас нет лихорадки, — возразила Агаш. — В нашем роду никто не умер. Серге принес круглые камни.

Я не понял, обернулся к леснику.

— Таблетки принес, — пояснил Сергей. — Отправился, понимаешь, в аптеку. Знания у меня в масштабе журнала «Здоровье» — я выписываю. Аспирин взял, тетрациклину немножко, этазол. С антибиотиками осторожность проявлял, чтобы побочных эффектов не было. Каждую таблетку пополам ломал. Ничего, обошлось.

— Ну знаете, — взвился я. — Прямо удивляюсь порой. Вы же взрослый человек. Могли повредить. Организмы...

— Я не мог глядеть, как люди помирают, — отрезал лесник.

— Но если бы...

— Если бы да кабы, — передразнил меня лесник.

В его поступках была определенная логика, но во многом она была для меня неприемлема.

Я взял кружку с настоем. Настой был теплым, пряным. На дне кружки лежали темные ягодки.

— Пей, не спеши, — кивнул лесник. — Я тут человека жду.

Словно услышав его, в хижину вошел человек.

Агаш сказала что-то строгим голосом тети Алены.

— Сердится, что без предупреждения пришел, — пояснил лесник. — А чего сердиться? Кривой всегда так. Конспиратор.

Высокий одноглазый мужчина в коротком черном балахоне, подпоясанном ремнем, на котором висел короткий меч, поклонился Агаш. Лесник поднялся и, прижав руку к сердцу, подошел к пришедшему. Кривой заговорил быстро, швыряя словами в лесника. Все замерли.

— Хорошо, — произнес лесник по-русски.

— Хорошо, — повторил Зуй.

— Мой брат останется здесь. — Лесник подтянул ремень гимнастерки.

— Хорошо, — согласилась тетя Агаш.

Все они смотрели на меня. Я был обузой, помехой.

— Вы надолго? — спросил я. Первой реакцией было не согласиться: если все идут, значит, и я иду. И в ту же минуту я понял, что надо слушаться Сергея Ивановича, как слушаются проводника в горах. Только не ясно: сам-то он знает дорогу?

— Наверное, ненадолго, — сказал лесник. — Если что, сам найдешь, куда идти? Дорогу не забыл?

— Может, все-таки с вами?

— Если нужно, сказал бы. По незнанию еще чего натворишь. Ты останешься, порасспроси тетку. Ружье тебе оставляю. С ружьем мне нельзя.

— Почему?

— А если оно им в лапы попадет? У меня и так на совести всего достаточно.

Кривой вышел. Лесник положил мне руку на плечо, словно хотел еще что-то сказать, но не сказал.

— Дай мне кружку, Серге, — попросила тетя Агаш. — Я допью.

Я передал ей теплую кружку. Заглянул в свою. Никакой бодрости не пришло, и я сделал еще два или три глотка и спросил Агаш:

— Можно я выйду погляжу вокруг?

— Не ходи далеко, — сказала слепая. — Тебя нельзя видеть.

Я вышел на свежий воздух. Повозка уже переехала мостик и удалялась по дороге, окутанная пылью. Кривой ехал сзади на невысокой лошадке, так что его ноги болтались над самой землей. (Лошадка — пусть будет так.) Ветер раскачивал куклу. Полоска рта улыбалась. Я заглянул в соседнюю хижину. В ней было прохладно, стоял запах пыльного сена. Одно из бревен крыши когда-то рухнуло вниз, и сейчас казалось, что полоса света со взвешенными в ней пылинками соединяет крышу и пол, усеянный черепками и щепками. Деревня была полна звуков, рожденных ветром: скрипели жерди и доски, кричали вороны, шелестел сор в узкой щели между домами. Но звуки эти были пустыми, нежилыми.

Да, это тебе не Южная Америка. И не Индия... и не Австралия. Параллельный мир? Я представил себе, как заезжий охотник, разморенный теплом и обедом с водкой, снисходительно растолковывает леснику где-то как-то слышанную или вычитанную идею о параллельных мирах, а слушатель примеривает ее: сходится, не сходится... Ждал-то он, конечно, чего-то более четкого, приемлемого. С таким же успехом он мог бы тогда обратиться и ко мне.

В трещине пола росли грибы. На длинных белых ножках, со шляпками-колпачками, хилые и скучные. Будь я ботаник, хотя бы разбирался в наших грибах, смог бы сказать, такие же они или иные. А так... Я сорвал один из грибов, он раскачивался в пальцах... А какие, кстати, грибы в Южной Америке?

Я даже улыбнулся. Меня забавляла косность собственного мышления. Никакой Южной Америкой здесь и не пахло, а ведь

я продолжал цепляться за какое-нибудь объяснение, которое можно было бы втиснуть в пределы понятного.

На площади было пустынно. Ворона сидела на голове повешенной куклы, держа в клюве маленькое зеленое яблоко. Я вернулся к тете Агаш.

— Это ты, младший брат? — спросила она.

— Далеко они поехали?

— В лес. К людям.

— Я ничего не знаю.

— А что можно о нас знать? Зачем хорошо живущим знать о тех, кто живет плохо?

— А мой брат?

— Твой брат — большой человек.

— Он знает?

— Он знает. Но иногда он как ребенок. Он хочет хорошо, а не понимает, что потом будет плохо. Не понимает самых простых вещей. Тебе ясно, мальчик?

— Может быть. А как он к вам пришел?

— Он не сказал тебе?

— Я был далеко. Я вчера к нему приехал. Он не успел, потому что спешил сюда.

— Это было давно, — сказала тетя Агаш. Очаг догорал и дымил. — Два лета назад Серге пришел к нам в деревню. Тогда деревня была живая. В ней жило много мужчин. Мой брат был в лесу. На него напал некул. Ты знаешь некула?

— Я видел.

— Серге убил некула и замотал рану брата своей рубахой. На Серге была белая рубаха. Она стоит столько, сколько вся наша деревня. А он ее разорвал. Мой брат долго болел. Он сказал Серге: «Моя жизнь — твоя жизнь». Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Мой род взял Серге. Но сукры могли узнать. Нельзя брать в род чужого. Серге не хотел жить у нас. Он уходил. Так было три раза. Никто не говорил сукру про Серге. Все боялись закона сукра. Закон сукра нарушил — смерть. Но закон рода нарушил — тоже смерть. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— В тот год была лихорадка. Много людей умерло, а много бежало в лес. Когда пришли сукры, не было мужчин, чтобы сторожить ворота. Сукрам нужны были новые люди. Я была в деревне, когда они пришли. Они не должны были приходить. Наша деревня дает сукрам зерно и вещи. Мой сын погиб. Мой брат убит на пороге дома. Меня бросили умирать, кому нужна

старуха? И когда пришел Серге и принес лекарство, то мало было людей, чтобы есть лекарство. И я сказала Серге: твой брат, мой брат, мертв. Ты мой брат. Ты возьми его дочь Луш, и она будет твоя жена. Ты найди сукра, который убил брата, и убей сукра. И все, кто слышал, сказали: «Это нельзя, это запрещает закон. Нас всех убьют». И Серге сказал: «Законы придумали люди. И они их меняют».

— И он убивал?

Мне хотелось, чтобы старуха ответила «нет». Сергей не имел права судить и казнить. Даже если ему казалось, что это право дает ему справедливость.

— Он сказал: «Если я убью сукра, придет другой сукр. Только все вместе люди могут прогнать их».

— Правильно, — выдохнул я. — Это ничего не решает.

— А мы ждем, — закончила старуха. — И нас все меньше. А сукры все сильнее.

Где-то далеко, за пределами деревни, возник низкий протяжный звук, словно кто-то натянул и отпустил струну контрабаса. Агаш осеклась, невидящие глаза смотрели туда, откуда пришел звук. Пальцы, раздутые в суставах, вцепились в тряпку, прикрывавшую колени.

— Что это? — спросил я.

— Трубы, — сказала старуха. — Еще далеко.

— Идут сюда? — не отставал я.

— Смерть сторожит людей. Ты уходи. Серге сказал, чтобы ты уходил.

— А где Сергей? Где я найду его?

— Серге в лесу. Они ищут Серге. Уходи. Ты такой же, как он. Я была больна от горя. Я сказала Серге, что он должен убить сукра. А Серге сказал тем, кто остался в живых: «Почему вы даете себя резать как свиней?» Лучше бы он не приходил. Уже нет мужчин в нашем роду, уже нет деревни, и сукры убьют последних за то, что деревня дала приют Серге. Нельзя спорить с судьбой...

Звук контрабаса донесся снова. Чуть ближе. Или мне показалось, что ближе?

— Агаш-пато! Агаш-пато!

Вбежал, запыхавшись, мальчишка-пастух. Он размахивал сведенными в кулаки руками, помогая себе говорить. Старуха слушала, не перебивая. Потом протянула руку. Мальчишка разжал кулак. Там был комочек бумаги. Я расправил его. На листке, вырванном из записной книжки, было крупно, косо написано:

«Николай, быстро уходи. Не вернусь, позаботься о Маше. Я у нее один. Это приказ».

Записка была без подписи.

— Ты уходишь? — спросила Агаш.

Я посмотрел на часы. Чуть больше часа прошло с тех пор, как лесник ушел с мужчинами. Я знал, что не послушаюсь его. Я не мог вернуться один.

— Уходи быстро, — настаивала Агаш. — Курдин сын выведет тебя.

— А вы?

Она показала на черную щель позади нар:

— Я спрячусь в яме.

— Мальчик может провести меня к Сергею?

— Нельзя.

— Почему? — Я взял ружье лесника.

— Он не велел. Он знает лучше. Ты чужой.

— Я пойду к Сергею, — сказал я. — Он мой брат.

Старуха молчала.

— Тогда я пойду один.

Мальчик топтался у входа, будто хотел убежать, но не смел.

Старуха повернулась к нему, заговорила. Он ковырял ногтем притолоку.

— Иди к Серге, — согласилась старуха. — Ты мужчина. Мальчика от леса пришли обратно. Я не хочу, чтобы его убили. Он спрячется со стадом.

— Спасибо, тетя Агаш, — кивнул я.

Мальчишка бежал впереди, иногда оборачивался, чтобы убедиться, что я не отстал. Страшно худые, раздутые в коленях ноги мелькали в пыли, волосы стегали пастуха по плечам.

Мы выбрались через заднюю стену одной из хижин и сквозь дыру в тыне. Дорога вела вниз, с холма, к пересохшему ручью и снова вверх, к голым вершинам скал, торчавшим из далекого леса. Стало жарко. Пот стекал по спине, и ружье казалось тяжелым и горячим. Пыль оседала на мокром от пота лице и попадала в глаза.

Снова донесся звук трубы, утробный и зловещий. Так близко, словно кто-то невидимый стоял прямо за спиной. Мальчишка пригнулся и бросился к лесу, петляя, как заяц. Вторая труба откликнулась слева. Я побежал за пастухом. Лес приближался медленно, мальчишка далеко опередил меня.

Спереди, оттуда, куда бежал пастух, послышался крик. Я приостановился, но шум в ушах и стук сердца мешали слу-

шать. Кто кричал? Свои? Я был здесь от силы три часа, но уже делил этот мир на своих и чужих.

Когда я добрался до леса, мальчишки нигде не было. И тогда мне стало страшно. Страх был рожден одиночеством.

Я поймал себя на том, что стараюсь вспомнить путь назад, к раздвоенной сосне, к двери на болоте, к действительности, где ходят автобусы и тетя Алена то и дело выглядывает в окно, беспокоясь, куда я запропастился. Но что может мне грозить? Что я заблужусь в лесу? Опоздаю на автобус? А мне грозила смерть... Но мысль о тете Алене вызвала мысль об Агаш. Вот она, тетя Агаш, прислушивается в пустой хижине к гуду трубы, дожидаясь, когда в деревне раздадутся тяжелые шаги врагов, которых я еще не видел, потом сползает с нар и ощупью ищет ход в душную темную нору...

Я выпрямился и пошел по лесу. Я нездешний. Со мной ничего не должно случиться. Надо найти мальчишку. Ему страшнее.

Стрела свистнула над ухом. Сначала я не понял, что это стрела. В меня еще никогда не стреляли из лука. Стрела вонзилась в ствол дерева, и перо на конце ее задрожало. Я бросился в чащу, и еще одна стрела чиркнула черной ниткой перед глазами.

Кусты стегали по лицу, ружье мешало бежать, кто-то громко топал сзади, ломая сучья. Земля пошла под уклон, и я не успел понять, что уклон этот обрывается вниз.

Я не выпустил из рук ружья и, катясь по висящим над обрывом кустам, ударяясь о торчащие корни, старался ухватиться, удержаться свободной рукой. Больно стукнулся обо что-то лбом и рассек щеку. Мне казалось, что я падаю вечно. Может быть, я на какое-то мгновение потерял сознание.

Потом была боль. Острый сук вонзился в спину, не давая дышать. Я попытался подняться, но сук, прорвав пиджак, держал крепко. Саднило лицо. Я замер. Я понял, что произвожу слишком много шума. Они могут найти меня. Я старался дышать тише, медленней. Я оперся о ружье и резко приподнялся. Сук треснул и отпустил меня. Я довольно далеко откатился от обрыва, и примятая трава и кусты, лениво распрямлявшиеся на глазах, указывали мой скорбный путь. Наверху, близко, раздались голоса. Я замер. Преследователи спорили о чем-то. Потом замолчали. Спускаются вниз?

Что-то большое, темное зашевелилось в кустах неподалеку.

Кусты начали раскачиваться, будто под ветром. Резко окликнул кого-то голос сверху.

И я понял, что они не будут спускаться, потому что к шевелящимся кустам подходить нельзя. Темная масса проглядывала сквозь листья кустов, она была совсем рядом, но она не должна была меня тронуть, угрожать мне. Ведь я здесь чужой? Мне все только снится?

Постепенно движение в кустах утихомирилось, словно тот, кто шевелился там, улегся спать.

На случай, если они стоят сверху, слушают, не выдам ли я себя шорохом, я просчитал до тысячи. Потом еще до тысячи. Может быть, местные жители — великие мастера брать измором крупную дичь, но, если бы они стали спускаться, я бы услышал.

Я осторожно сел и ощупал ноющую ногу. На икре штанина была разодрана, дотронуться было больно. Я потянул ногу к себе — она повиновалась. Я поднялся. Отсюда был виден обрыв. Он оказался невысоким — высок он только для того, кто с него падает. На обрыве никого не было. Я заглянул в ствол ружья — не набился ли туда песок. Чисто. Пиджак я оставил под кустом — он разорвался на спине и своих функций более исполнять не мог.

Я решил отыскать дорогу. Она должна была идти через лес, ведь лесник со спутниками отправились туда на повозке. Несколько метров я прошел вниз по оврагу. Там я наткнулся на маленький родник, выбивавшийся из склона и стекавший в бочажок, обложенный галькой. В бочажке кружили мальки. Я напился ледяной воды — заломило зубы. Вспомнил, мне давно надо пойти к зубному, — мысль была естественной, но нелепой. Я промыл, морщась от шипучей боли, ссадины на ноге и на щеке, подхватил ружье и вскарабкался по склону оврага.

Я шел осторожно, прислушивался к шорохам и отыскал дорогу неподалеку от того места, где она входила в лес. Дорога была исчерчена следами повозок и человеческих ног. Лес был слишком тих, молчали птицы, и я пошел в глубь леса по кромке дороги так, чтобы при первой опасности нырнуть в кусты. Вскоре от дороги отделилась широкая тропа. Именно туда сворачивали следы — в одном месте колесо повозки раздавило оранжевую шляпку гриба.

Этот мир был жесток и несправедлив к слабым. И жестокость его обнажена, узаконена и привычна. И что удивительного, неправильного в том, что, попав сюда, лесник принял сторону слабых? И враги его деревни стали его врагами? Не от желания покуражиться или проявить доблесть, а от базисных,

неотъемлемых черт его характера он стал заниматься их делами, доставать таблетки тетрациклина, воевать с какими-то сукрами, убивать злобных некулов и привозить с Земли чайные кружки, не говоря уж о множестве дел, о которых я не поставлен в известность.

Но насколько объективно разумна его деятельность? Не схож ли он с человеком, разрушающим муравейник ради спасения гусениц, попавших муравьям в лапы? Что может он сделать здесь и нужен ли он?.. В заочном споре с Сергеем я старался удержаться от эмоций и остаться ученым, значит, в первую очередь наблюдателем, старающимся сначала отыскать цепочки причин и следствий, докопаться до механизма, движущего явления, и лишь затем принимать решения.

Когда впереди обнаружился просвет, я замедлил шаги, потом совсем остановился. На поляне еще недавно был лагерь. Остовы шалашей были ободраны, ветки и сучья разбросаны по траве. В истоптанной траве лежал убитый крестьянин, босой, в мешке вместо рубахи. Борода торчала к небу. В кулаке был зажат обломок кинжала.

Скрываясь за стволами, я пошел вокруг поляны. В подлеске наткнулся на знакомую повозку. Носороги исчезли, оглобля вонзилась в землю. Небольшая птица пролетела через поляну. Она не видела опасности.

Я подошел к убитому. Несколько стрел валялось на траве. Я поднял одну. Ее наконечник был зазубрен.

Дорога пересекала поляну и шла дальше, через лес.

Вчера я шел по лесу. Сегодня снова иду по лесу. И эти два леса разделены либо невероятным пространством, либо временем, либо и тем и другим. Путь был долгим, одиноким и нереальным, и я не раз задавал себе вопросы, на которые невозможно ответить: что я здесь делаю? Как попал сюда? Что за сила притянула друг к другу два мира и в той точке, где они соприкоснулись, создала туннель? Попробуем построить мысленную модель этого явления на основе знакомого нам феномена: представим себе СЭП — суммарную энергию планеты... Модель строилась плохо — я не мог пришпилить планету в точке пространства, ибо искривление его должно было быть невероятно сложным, какого не бывает и быть не может. Не может, но существует. А что, если обратиться к чисто теоретической, умозрительной модели почти замкнутого мира? Еще Фридман в двадцатые годы исследовал космологические проблемы в свете общей теории относительности. Отсюда придуманный Марковым «фридмон» — частица размером с элементарную, но могущая вместить в себя галактику — только проникни. И для тех, кто находится внутри фридмона, превращается в точку наш мир, вся вселенная, существующая частицей этой Земли.

Тут я остановился, потому что услышал позвякивание, голоса, скрип... Еще немного, и я бы налетел на идущих впереди. И хорошо, что я этого не сделал.

Вид разгромленного лагеря привел меня к мысли, что лесник и остальные его друзья либо смогли убежать, либо попали в плен. Хотя я и надеялся на первое, второй вариант казался мне почему-то более вероятным. Правда, огнестрельного оружия здесь не знают, и войны оказываются куда более тихими, чем в наше время. День открытия охоты где-нибудь в костромском лесу даст по части шума десять очков вперед целому феодальному сражению.

Мне были видны лишь те, кто шел сзади. Пришлось поэтому снова углубиться в лес и обогнать их.

Устал я невероятно. Надеяться на второе дыхание не было оснований. Так всю жизнь собираешься — как к зубному врачу: буду вставать на полчаса раньше, делать гимнастику, ходить до института пешком. Но ложишься поздно, утром никак не заставишь себя встать, бежишь за автобусом и снова думаешь: вот с понедельника обязательно... Я с понятной горечью думал об этом, ковыляя по лесу, нагибаясь, выискивая дорогу между елками. Вот вернусь, тогда уж... Я еще не стар, и мои сверстники играют в футбол и взбираются на Хан-Тенгри. А лето буду проводить в доме Сергея Ивановича... не откажет же он младшему брату...

Я выглянул из леса. Мимо меня в сумерках тянулись телеги. На телегах лежали люди. Кто-то стонал. Перед телегами горсткой брели крестьяне... И тут я впервые увидел вблизи их врагов.

Давно еще, когда мне было лет пятнадцать, я отыскал у нас дома в кладовке кучу фантастических книг — их читал мой отец в молодости. Среди них были фантастические романы о разумных муравьях. Авторы селили их на Марсе и на Луне, увеличивали до человеческого роста, наделяли коварством и жестоким, холодным разумом. К муравьям я стал относиться с тех пор погано и побаивался их более, чем они того заслуживали, а оттого награждал разумом и действия их маленьких земных собратьев. А потом, через год, прочел где-то, что насекомые не могут стать разумными. И не могут быть такими большими. Это было доказано мне популярно, и я хотел в это поверить. Да и новых романов о муравьях что-то не попадалось... И вот сейчас, в мире

Агаш и Луш, я увидел, как громадные, чуть ниже человеческого роста, муравьи ведут куда-то людей.

Громадные круглые головы насекомых, вытянутые вперед острым концом, круглые тельца и тонкие лапки придавали вечерней картине зловещий оттенок кошмара... И только тогда мне пришло в голову — а не сон ли все это? Должен признаться, что я больно ущипнул себя и больше к сомнениям не возвращался. Мне показалось, что один из муравьев обернулся в сторону леса, и я подумал, что у них здесь здорово должны быть развиты слух и обоняние... Я замер. Процессия тянулась мимо. Еще телеги, кучка муравьев с копьями и колчанами за спиной, закрытый возок, снова муравьи... В толпе крестьян, которых гнали перед телегами, лесника не было.

Когда колонна миновала меня, я решил снова обогнать ее и заглянуть вперед. Я не мог поверить, что лесник погиб. А может, он лежит раненый на телеге?

Я снова углубился в чащу. Там, внутри ее, было почти темно. Через несколько шагов я наступил на сучок, который затрещал так, словно в нем была спрятана противопехотная мина, и метнулся глубже в лес: если они за мной погонятся, мне не убежать, я слишком устал. И тут же я понял, что лес кончился.

Я стоял на его краю, глядя, как колонна, полускрытая облаком пыли, втягивается в широкую пустошь. Впереди переливалась сиреневым и оранжевым река, отражая закатные облака. За рекой поднималась невысокая, почти правильной формы, конусообразная гора. Далеко впереди, у самой реки, стояло еще несколько муравьев, и их панцири отблескивали закатным светом. Стражники стали подгонять колонну, носороги потянули быстрее, мне же пришлось остановиться. Мне нельзя было выходить на открытое место.

И пока я так стоял, размышляя, что же делать дальше, встречающие муравьи подошли к колонне и все шествие остановилось. Муравьи скопились у крытого возка, и, когда дверь в него раскрылась, оттуда вытащили человека. Это был Сергей Иванович. Мне показалось, что я вижу зеленую гимнастерку, седеющий ежик волос. Так и должно было быть. Иначе я зря спешил по лесу и прятался в овраге. В отличие от лесника я не могу устраивать здесь восстания и скрываться в лесу с Кривым. Я не свой, я тут же начну рассуждать о правомочности своих действий и приду к выводу, что решать такие вопросы должен не я, а кто-то другой, кто отвечает, кто подготовлен. Хотя кто, черт возьми, правомочен или подготовлен? Любое невмешательство —

это только новый вид вмешательства, зачастую только более лицемерный, потому что и невмешательство тоже кому-то нужно.

На основе этих моих рассуждений нельзя делать вывод о том, что я в чем-то согласился с лесником, перешел на его сторону. Нет, все сомнения, кипевшие во мне, остались, но какое-то время они были заглушены необходимостью. Цивилизованному человеку стыдно оставить собрата в беде — я не вступал в отношения с этим миром, я должен был спасти лесника. И только.

Но, увидев Сергея Ивановича, я успокоился. Я не представлял еще, как я выручу его, но не сомневался, что выручу. Хотя бы для этого пришлось на неделю застрять в этом мире. Я даже забыл, что не знаю языка, что каждый встречный отличит меня за версту, что я зверски голоден, что у меня ноги подкашиваются от усталости. Главное — я отыскал лесника.

Я следил за колонной до тех пор, пока она не пересекла реку и не скрылась в горе или где-то рядом с горой — я не разглядел. Над пустошью, расползаясь от реки, поднимался туман, смешанный с пылью; летучая мышь — или что-то вроде нее — промчалась низко, спеша к лесу. За рекой загорелся тусклый огонек. Быстро холодало. Вокруг было пусто, и в лесу, за моей спиной, раздался лай, перешедший в вой. Я вспомнил о некулах.

Я снял с плеча ружье, вышел на пустошь и через несколько минут был у реки.

...Уже почти стемнело, но вышла местная луна. Дорога спускалась к реке, а на мосту стоял муравей с длинным копьем. Как только я увидел его, то свернул с дороги и добрался до реки метрах в двухстах от моста. Низкий берег терялся в осоке, и, когда я попытался выйти к воде, ноги начали вязнуть в иле. Пришлось довольно долго идти пригибаясь по берегу, прежде чем я отыскал участок песчаного дна. Там река разливалась широко, посредине ее был островок, и я надеялся, что она неглубока. Как я переплыву ее с ружьем, когда мне его и по суше нести тяжело, я не представлял, но и сидеть на берегу дальше было нельзя. Я напился, отчего лишь усилился голод, еле отговорил себя от блаженной мысли полчасика поспать и вступил в теплую мелкую воду.

До островка я добрался довольно быстро, промок по пояс, но ночь не грозила заморозками, так что это можно было перетерпеть. Зато в протоке, отделявшей островок от дальнего берега, меня ждали испытания. Протока была узкой, рукой подать до черного обрывчика, опушенного кустами. Первый шаг погрузил меня по колени, вторым я ушел по бедра. Течение здесь было куда быстрее, чем в широком русле, меня сносило вбок, и я знал

уже, что следующий шаг заставит меня потерять равновесие. И тогда я поднял руку с ружьем и в полном отчаянии оттолкнулся — тут же меня понесло, одной руки не хватало для того, чтобы выгребать, я хлебнул воды, но ружье не выпустил.

В общем, на тот берег я все-таки выбрался, подняв больше шума, чем стадо слонов, переходящее через реку Ганг. Но промок я настолько, что пришлось, засев в кустах, выжимать, дрожа от холода, все, что было на мне. Самое печальное — промокли сигареты, а ведь именно сигарета могла сейчас спасти меня от заячьей дрожи: дрожали не только руки и ноги, но наверняка и селезенка и прочие внутренние органы.

Все еще дрожа, я натянул разбухшие ботинки на мокрые носки. До отвращения холодные брюки и рубашка сразу прилипли к телу. Я старался отвлечься от физических невзгод мыслями о том, что ждет меня впереди, но мысли получились кургузыми, и менее всего я был похож на полководца перед решающим сражением. Все время вылезал один бесконечно варьирующийся вопрос: «А что я здесь делаю?»

В этом разлившемся через бездну миров и человеческих судеб вечере были затеряны, разобщены и связаны лишь моим эфемерным существованием — словно рождены моим воображением — люди, никогда не видевшие друг друга: Маша, погибшая полвека назад, и Луш, стоящая у плетня за лесным озером и глядящая на дорогу, что выходит из леса. Тетя Алена, листающая семейный альбом, и тетя Агаш, сидящая в черной щели и сдерживающая кашель, чтобы не услышали сукры. И погибший в туче Валя Дмитриев, и мои соученики по университету, которые собирались со следующей недели отправиться по Волге на катере и звали меня с собой... И реальность этих искр в бесконечности превращала вечерние звезды в огни города, и в далекое окошко в доме тети Алены, и в лучину, и в светильник перед дверью в хижину Агаш.

Огненная россыпь оборвалась, очертив чернотой горб горы-муравейника, в котором мне следовало разыскать лесника. Взошедшая луна подсветила черные дыры входов в холм. Они были редко разбросаны по всей стометровой высоте откоса. Самый большой вход был внизу — прямо передо мной.

Моя миссия была совершенно бессмысленна, и, если бы я не так замерз, я бы догадался вспомнить детство и совершить вычитанные в книгах ритуалы прощания с жизнью. Но, на счастье, я все никак не мог согреться, зверски хотел курить, был голоден, у меня ныл зуб — так что было не до смерти. К тому же я надеялся, что в горе-муравейнике будет теплее, чем снаружи, и потому мысль о проникновении туда была не столь ужасна.

У муравейника должны быть часовые. Не только у моста, но и у входов и уж наверняка — у главного входа. А это значит, что лучше мне проникнуть туда через второстепенный туннель. Я подошел к горе так, чтобы меня нельзя было увидеть от моста или от главного входа, и на четвереньках полез к черному отверстию метрах в десяти вверх по склону. К счастью, муравейник был сложен из твердой породы, восхождение было несложным. У самого входа я лег наземь и некоторое время прислушивался. Тихо. Тишина эта могла происходить и оттого, что никто не подозревает о моем приближении, и оттого, что они затаились, поджидая меня, чтобы надежней и вернее схватить в темноте.

Я приподнял голову и подполз поближе. Свет местной луны проникал только на метр вглубь, дальше не было ничего, вернее, могло быть что угодно.

Я долго приглядывался к темноте, и мне начало казаться, что сама по себе темнота начинает шевелиться, дрожать, переливаться, наполняться искорками, которые концентрировались в глубине, выявляя источник света. Вернее всего, моим глазам очень хотелось увидеть там свет.

Ну что ж, сделаем этот шаг? Ведь с тобой, Николай Тихонов, ничего не случится. С тобой вообще ничего не может случиться. Случается с другими. Я утешал себя таким образом до тех пор, пока не разозлился, — такое утешение отказывало леснику в праве на равное со мной существование и в то же время увеличивало опасность для него. Какая у меня была альтернатива? Убежать к двойной сосне, или как ее там? Прийти к Маше и сказать: «Простите, но ваш Сергей Иванович попал в плен к муравьям, и вряд ли они выпустят его живым, потому что в своем радении поймать его они даже повесили изображающую его куклу на площади вашей деревни. Но не беспокойтесь, Маша, я буду о вас заботиться, причем куда более культурно и интересно, чем лесник, я покажу вам Москву, свожу в Третьяковскую галерею и покатаю в парке на аттракционах...»?

Я резко поднялся и, нагнувшись, вошел внутрь. Руку я держал перед собой — если с потолка что-нибудь свисает, по крайней мере не набью шишку. Кислый, затхлый запах густел по мере того, как я продвигался дальше от входа. Иногда сверху гулко падала капля воды или раздавался шорох. Я старался убедить себя, что муравьи должны спать, крепко спать. Свет впереди не становился ярче, но расплывался, ширился, и я понял, что ход, которым я следовал, вливается в другой, освещенный.

И когда я наконец добрался до него и увидел за углом неровно светивший факел, воткнутый в щель в стене, то сразу вспомнил, что здесь уже тоже был — в грезах. И даже копоть, нависшая опухолью над факелом за долгие годы горения, была мне знакома. А если так, то впереди должен быть ярко освещенный зал, куда входить нельзя. Раз уж я решил довериться информации грез, лучше было в тот зал не соваться.

Ход, в который я попал, был шире и выше первого. Второй факел виднелся шагах в ста, за ним еще один. На свету мои шансы разыскать лесника несколько увеличивались. Но зато и я был виден издали.

Я положил на пол у начала хода, которым я проник сюда, размокшую пачку сигарет, чтобы не промахнуться, если придется в спешке спасаться. Ружье я взял наперевес — не потому, что оно поможет мне в этих туннелях, так я чувствовал себя уверенней.

Я увидел глубокую нишу. Там что-то белело. Почему-то я подумал, что в нише хранятся муравьиные яйца, и поспешил прочь — у яиц могли дежурить солдаты. Из следующей ниши донесся глубокий вздох. Кто-то забормотал во сне. Люди? Ну хоть бы спичку, хоть бы огарок свечи! Я заглянул в нишу. Было так тихо, что можно было различить по дыханию — там спят человек пять-шесть.

— Сергей, — позвал я шепотом. Я был уверен, что, если лесник здесь, он не спит. Никто не отозвался.

Нет, его здесь быть не может. Если пленника везли в крытом возке и охраняли, вряд ли его оставили на ночь в открытой нише, в обществе других пленников. Муравьи должны понимать, что люди могут освободиться.

Я пошел дальше.

Странный мир. Люди и муравьи. Чем могут сгодиться люди разумным муравьям, холодным, организованным и лишенным чувств? Выращивают для них зерно и фрукты? Или, может, служат муравьям живыми консервами?

На перекрестке туннеля пришлось затаиться. Несколько муравьев пробежали неподалеку. Я не мог разглядеть их как следует в неверном свете далекого факела — лишь тяжелые головы отбрасывали блики света да стучали по полу ноги. Значит, спят не все. Я решил пока не пользоваться тем широким туннелем, по которому пробежали солдаты муравейника: могут пробежать и другие.

Я пересек этот туннель и пошел по узкому, хуже освещенному ходу, ниши стали попадаться чаще, порой в них спали люди — может быть, одурманенные ядом (что это — готовая пища?). Ход наклонно пошел вниз. Пожалуй, стоит спуститься. Тюрьмы чаще бывают в подвалах.

И тут я услышал пение. Заунывное, тоскливое, на двух нотах. Пение рабов.

Это была не ниша, а низкий круглый зал, в котором горели факелы, и я впервые смог поглядеть на рабов вблизи.

И тут рухнула гипотеза. Ведь стоит вам построить гипотезу, отвечающую поверхностной связи фактов, домыслить ее, достроить легендой, как она становится всеобъемлющей и отказаться от нее куда труднее, чем принять вначале.

У входа в зал кучей лежали муравьиные головы. Неподалеку, другой кучей — туловища муравьев. Словно кто-то рвал их на части и пожирал, обсасывая хитиновые оболочки.

Посреди зала в кружок сидели бледные, худые люди с плохо остриженными, спутанными черными волосами, в черной облегающей одежде, подобной старинным цирковым трико. Кто они? Союзники или пожиратели муравьев, мстители за людей?

Это были муравьи-солдаты.

Стащите с солдата громадный, вытянутый рыльцем вперед шлем, снимите кургузый пузатый панцирь и блестящие налокотники — внутри окажется человек. А виной моему заблуждению были несоразмерность их доспехов по сравнению с тонкими их конечностями да мое воображение, готовое к тому, чтобы скорее увидеть громадного разумного муравья, чем тупого, худого и грязного человека.

Солдаты пели песню из двух нот — сначала с минуту тянули одну, то тише, то громче, потом сползали на другую. И такая тоска исходила от этой кучки людей, скорчившихся в темном зальце при свете тусклых факелов, дым которых уходил не сразу, а полз по стенам, попадал в глаза и тек по полу, по сырым, плохо пригнанным плитам, что мне стало даже стыдно за то, что я их считал муравьями.

В сущности, ничего не изменилось. Отпала лишь предвзятость.

Рядом со мной громко процокали шаги. Кто-то оттолкнул меня и прошел в зал. Это тоже был воин — без шлема, но в пузатой железной кирасе. Из-под кирасы спадала короткая зеленая юбка. На черном трико вышиты зеленью звездочки. Вошедший крикнул что-то солдатам. Солдаты поднимались, подтягивались, и я подумал, что был не прав, полагая, что нет разницы

между муравьями и людьми. Никакой муравьиный начальник не оттолкнул бы меня от двери, спутав в темноте со своими солдатами.

Но на всякий случай я отошел подальше от зала. Начальник мог спохватиться, пересчитать свою команду. В зале был шум, позвякивание железа. Я догадался, что солдатам было велено привести себя в боевой порядок. Надеюсь, не для того, чтобы искать меня.

Два солдата, уже в муравьином обличье, — как только я мог спутать? — выскочили из зала и поспешили прочь. Офицер шел сзади, тыча коротким мечом в спину одного из них. Офицер был недоволен.

За неимением лучшего варианта я хотел было последовать за ними, но чуть было не столкнулся с остальными. Они не стали облачаться в доспехи, а, если я догадался правильно, решили избрать более укромное место для отдыха. Солдаты негромко переговаривались, один хихикнул, но тут же замолчал. Я замер. Но, не доходя до меня нескольких шагов, солдаты нырнули в какую-то дыру. Так меня никто и не заметил. Два солдата с офицером уже исчезли в глубине коридора, и я отправился в ту же сторону. По дороге я заглянул в зал. Там было пусто. Лишь чадили факелы и грудой лежали невостребованные кирасы и шлемы.

Вблизи не было ни души. Я не мог преодолеть соблазн. Хотя какой уж тут соблазн — маскировка кого только не спасала! Шлем с трудом налез, чуть не содрав уши, снять его будет еще труднее. Кираса же никак не сходилась, я запутался в крючках, и тут мне показалось, что кто-то приближается к залу. Я уронил кирасу на пол и под оглушительный грохот железа выскочил в коридор и побежал от зальца. Щель в шлеме была узкой, и мне приходилось все время наклонять голову, чтобы увидеть, что происходит впереди. «Не дай бог, — подумал я, — появиться в таком виде в институте — как минимум будет обеспечено увольнение по собственному желанию». И я решил в таком виде в институте не появляться.

Не знаю, то были те же самые офицер и солдаты или другие, но на освещенном перекрестке офицер молча и остервенело избивал двух солдат. Нет, это другая компания. Мои бы еще не успели раздобыть огромный котел с каким-то варевом и благополучно разлить его, за что и подвергались наказанию.

Довольно нахально, словно муравьиный шлем был шапкой-невидимкой, я остановился в десятке метров от офицера и ждал, чем все кончится. Кончилось тем, что офицер устал молотить солдат и те, опустившись на колени, принялись собирать с пола горстями похлебку и бросать непривлекательную пищу обратно в котел. Офицер помогал им, подгребая сапогами коренья и гущу поближе к котлу.

За этим занятием их застал какой-то другой начальник, проходивший, как назло, по коридору. Он прикрикнул на меня, но при виде безобразия на полу забыл, к счастью, о моем существовании. Новый начальник был повыше чином, чем первый офицер. Об этом свидетельствовали не знаки различия — черта с два их разберешь в этой пещере, — но манера обращения. У начальника в руке оказалась плеть, с помощью которой он тут же начал учить офицера получше следить за солдатами. Отношения в этом мире были просты до обнаженности. Солдат большой начальник не бил — солдаты замерли в суповой гуще, ожидая, когда экзекуция окончится, вернее, перейдет на более низкий уровень. Я правильно предположил последствия: как только начальник, поскользнувшись в супе и громко выругавшись, ушел дальше, офицер выместил свое унижение на солдатах, и те покорно пережидали гнев, а затем продолжили сбор похлебки с пола.

А я стоял и не уходил. Вряд ли столь небрежное обращение с похлебкой свидетельствовало о низком гигиеническом образовании. Похлебка предназначалась кому-то, кого следовало кормить, но чем — не имело существенного значения.

Сбор похлебки продолжался недолго. Офицеру надоело наблюдать, и он куда-то послал одного из солдат. Тот вернулся через минуту со жбаном воды, котел долили, и все остались довольны. Кроме меня. Пока я бегал по туннелям, я забыл о том, что устал, промок, голоден и разбит. Но по мере того, как я стоял, я вдруг пришел к странной и противоестественной для цивилизованного старшего научного сотрудника мысли о том, что похлебка, наверное, совсем не так отвратительна, как кажется с первого взгляда: у нее одно важное преимущество перед камнями, окружающими меня, — она съедобна. К счастью, офицер с таким энтузиазмом подгонял несчастных солдат, тащивших котел, что мне пришлось отказаться от мысли задержаться и отведать остатков затоптанной похлебки. Но, спеша за солдатами по коридору, я не без издевки над самим собой вспомнил, что мне, как легендарной Железной Маске, никогда уже не снять шлема и если только меня не станут кормить через соломинку, то придется помереть от голода, что, кстати, может случиться довольно скоро.

В таких радужных мыслях я спустился вслед за солдатами по скользкой узкой лестнице, пересек с десяток туннелей, еще раз спустился вниз: теперь мы были ниже уровня земли, стены стали совсем серыми, а по полу стекал тонкий ручеек нечистой воды.

Впереди послышался шум. Я не мог определить, из чего он слагается. Шум был неровный, глухой, но какой-то однообразный — он исходил из недр горы и словно заполнял какое-то обширное гулкое помещение. Туннель, по которому мы шли, открылся на широкую площадку, и, когда солдаты свернули в сторону, я смог рассмотреть источник этого ставшего почти оглушительным шума.

Множество факелов освещало огромный зал. От их дыма и мерцания было трудно дышать, и картину, ими освещенную, нельзя было придумать. Даже Данте, специализировавшийся на описании ада, остановился бы в растерянности перед этим зрелищем.

Не знаю, сколько там было людей, — наверное, больше сотни. Некоторые из них дробили камни, другие подвозили их на тачках, третьи отвозили куда-то вдаль, к огням и шуму, измельченную породу — этот зал был частью, говоря современно, технологической цепочки, которая, вернее всего, тянулась от рудников, спрятанных недалеко, в пределах этой же горы, к литейным и кузнечным цехам.

Но самое страшное началось после того, как один из солдат ударил в железяку, висевшую на площадке, и люди увидели котел с пищей.

Грохот молотков и скрип тачек, гул ссыпаемой породы оборвались. Возник новый шум, утробный, жалкий, — он слагался из слабых голосов, шуршания босых ног, стонов, ругани, вздохов — далеко не все могли подойти к площадке, некоторые ползли, а кто-то, лежа, молил, чтобы ему тоже дали поесть. Господи, подумал я, сколько раз в истории Земли вот так равнодушные солдаты, часто сами бесправные и забитые, ставили перед узниками котел с пищей и для тех в котле плескалась надежда прожить еще день и умереть на день позже, потому что из этой пещеры люди не выходили. И убедиться в том было нетрудно — из лежавших лишь один молил о пище. Остальные, а их было не менее десяти в пределах круга света, валялись неподвижно, будто спали. Здесь еще не додумались до того, что сытый раб работает лучше голодного.

Люди не брались за пищу. Они доставали откуда-то черепки

(один подставил ладони) и покорно ждали, пока солдат зачерпнет из котла этой похлебки, сегодня еще более ничтожной, чем всегда, разбавленной, и можно будет отползти в угол, обмануть себя процессом поглощения пищи.

Я был достаточно начитан в истории, чтобы знать, что в одиночку, даже вдесятером не изменить морали и судеб этой горы и других таких же гор.

Донкихотствовал мой лесник, сражался с ветряными мельницами. А я? Насколько допустима и простительна позиция благополучного, даже сочувствующего наблюдателя? Успокой себя, сочти дурным сном дохнущих с голоду рабов — где же тогда предел реальности? И когда же начнется противление злу?

Теперь мне втрое нужней было найти лесника.

Я брел по муравейнику, сам схожий с муравьем, в тесном шлеме, который больно жал уши. Пот стекал на глаза, и бешенство брало, оттого что нельзя было его вытереть.

Я думал, что непременно найду Сергея — гора не так уж велика, и расположение ходов в ней подчиняется определенной системе, и я уже мог начерно ее себе представить: по разным уровням к центру сходятся радиальные туннели, причем освещены только основные. Я заблудиться не могу. Мне угрожает лишь встреча с местным начальником или любознательным сукром, который решит со мной побеседовать либо усомнится, что мои джинсы сшиты в муравьином ателье. Необходимо лишь последовательно, не пропустив ни одного уровня, обойти все коридоры, даже если на это уйдет вся ночь.

К камерам, в которых были заперты пленники, я вышел потому, что вскоре нагнал солдата с котелком похлебки. Котелок был невелик, на несколько человек. Я знал, что иду правильно.

Камеры охранялись. Стражники сидели на корточках у грубо сколоченной двери, и, когда подошел солдат с похлебкой, один из них поднялся, отодвинул засов. Второй, вооруженный большим топором с двумя асимметричными лезвиями, встал за его спиной. Солдат с котелком не зашел внутрь, а наклонился, поставил котелок на пол камеры и хотел было выйти, но его остановили голоса изнутри. Солдат с топором рассмеялся: видно, то, что там происходило, было в его глазах очень забавно.

И тогда я услышал голос лесника. Обыкновенный голос, словно ничего такого и не случилось.

— Дурачье, — сказал он, — русским же языком говорят: как хлебать будем, если руки связаны?

Лесник будто догадался, что я рядом, будто хотел показать мне, где его искать.

Вот и все. Я пришел. Но не мог пока сказать об этом.

Я не сомневался в том, что мы уйдем. Я не планировал никакой боевой акции, да и любое планирование вряд ли имело смысл. Надо было все сделать как можно скорее, пока обстоятельства мне благоприятствовали. Солдат, который принес котелок, расстегнул кирасу и достал из-за пазухи стопку неглубоких плошек. Его товарищи спорили, стараясь разрешить проблему: как накормить пленников, но держать их при этом связанными?

Наконец они пришли к компромиссному решению. Из камеры выволокли двоих — лесника и Кривого. Руки у них были связаны за спиной. Двое стражников навели на них копья, один — тот, что с топором, — зашел сзади, еще один развязал им руки. При этом солдаты покрикивали на пленных, толкали их, всячески выказывали свою власть и силу, что исходило скорее от неуверенности в ней и от привычки самим подчиняться только толчкам и окрикам.

Лесник с трудом вытащил из-за спины затекшие руки и поднял кисти кверху, медленно шевеля пальцами, чтобы разогнать кровь. Момент был удобным — как раз разливали по мискам. Я был совершенно спокоен, уверен в себе — может, очень устал и какая-то часть мозга продолжала упорствовать, полагая, что все происходящее — не более как сон. А раз так, то со мной ничего не может случиться.

— Ироды железные, фашисты, — без особой злобы ворчал лесник. — Вас бы сюда засадить. Доберусь я еще до ваших господ, ой как доберусь...

Солдат прикрикнул на него, толкнул острием копья в спину.

— Сам поторопись, — ответил лесник. Разговаривал он с ним только по-русски. Будто ему было безразлично, поймут ли его.

— Ну вот, — продолжал он, поднимая с пола плошку, — даже ложку не придумали. Что я, как свинья, хлебать должен?

Вопрос остался без ответа. Солдаты смотрели на него с опаской, как на экзотического зверя.

— Нет, такой мерзости я еще не пробовал, — сказал лесник. — Так бы и плеснул тебе в морду...

И я понял эти слова как сигнал.

— Плескай! — крикнул я. И мой голос показался мне оглушительным. Звук отразился от внутренних стенок моего шлема и ударил в уши.

Лесник услышал. Реакция у него была отменной. Он не потерял ни доли секунды. И лишь когда плошка с похлебкой полетела в незащищенное лицо нагнувшегося к нему солдата, а вторая плошка вылетела из рук Кривого, я понял, что они это сделали бы и без меня. Не рассчитывали они на мою помощь. Больше того, Кривой понимал по-русски, и последние слова лесника относились к нему. Были сигналом.

А дальше, в следующую минуту, было вот что: почему-то я не стрелял — как-то в голову не пришло. Я бросился на стражников сзади, размахивая ружьем, как дубинкой, и моя акция была совершенно неожиданной как для стражников, так и для лесника с Кривым — я-то забыл, что вместо лица у меня железное муравьиное рыло. Ложе ружья грохнуло о шлем солдата, шлем погнулся, солдат отлетел к стене, сбил с ног другого стражника, и мной почему-то овладело желание немедленно заполучить двойной топор, которым размахивал солдат, правда, угрожая более своим, чем чужим. Я вцепился в древко топора и рванул его к себе — ружье мне мешало, но солдат с перепугу отпустил топор, и я оказался обладателем двух видов оружия, а на самом деле выключился из битвы за перевооруженностью. Пока стражники старались понять, что за гроза обрушилась на них с тыла в образе одного из них, Кривой свалил ближайшего к нему противника, еще с одним справился лесник и отнял у него копье. Остальные стражники сочли за лучшее сбежать, вопя как резаные.

Я с ружьем и топором бросился к леснику, и, заглушенные шлемом, мои возгласы испугали Кривого, который встретил меня выставленным навстречу копьем. Но Сергей Иванович соображал быстрее. Я полагаю, что он сначала узнал свое ружье, потом связал с ним страшилище в муравьином шлеме и разорванных джинсах.

— Спрячь пику! — крикнул он Кривому. — Это моя интеллигенция.

Не могу сказать, что это было самое приятное для меня обращение в темном туннеле горы, — наверное, я слишком закомплексован, но в принципе я был рад возможности сложить с себя ответственность — хватит с меня одиночных путешествий.

— Давай ружье, — сказал Сергей Иванович. — Что, пули берег?

— Не хотел поднимать шума, — ответил я.

Кривой уже был в камере, резал веревки на руках остальных пленников.

— Сейчас они вернутся, — сообщил я леснику. Я не ждал,

что он согласно правилам игры бросится мне на шею с криком: «Ты мой спаситель!» — но уж очень он был деловит и сух.

— Знаю, — сказал он. — Ружье в порядке? В реке не купал?

— В порядке, — кивнул я.

И все-таки встреча должна была быть иной.

— Ну, где там люди? — крикнул лесник в темноту камеры.

В конце коридора послышались крики и топот.

— Ты никого не прихлопнул? — спросил лесник, срывая со стены факел и придавливая сапогом плошку. Сразу стало темнее.

— Нет.

— И не должен был. Не в характере, — ухмыльнулся лесник. — Шлем так подобрал?

— Так.

Как будто я был мальчишкой, обязанным отчитаться дяде в шалостях, но все-таки не преступившим пределов дозволенного. Хотя неясно было, одобряет ли он мое миролюбие или не согласен с ним.

— Молодец, — сказал лесник. — Кривой тебя даже не признал.

Кривой выгонял своих товарищей из камеры. Делал он это бесцеремонно, не у всех даже были развязаны руки — он на ходу пилил путы, покрикивал на черные шатающиеся тени.

— Пойдешь за ними, у тебя топор — прикроешь. Да и защищен ты больше, чем другие. Я задержусь.

— Я с вами.

— Хватит, неслух, — возразил лесник. — Ведь случай, что ты нам помог. Скорее всего, должен был и сам погибнуть, и нам не помочь. Ясно? Ты хоть теперь слушайся. Я лучше знаю.

И я пошел за толпой узников, которые трусили к выходу из горы. Они успели разобрать оружие, брошенное солдатами.

Кривой обогнал толпу и бежал впереди, вырывая из стены редкие факелы и топча их. Я оглянулся. Маленький силуэт лесника, затянутый дымом, виднелся у стены.

Вдруг гулко, на всю гору раскатился выстрел. Ему ответил далекий крик. Силуэт лесника сдвинулся с места — он бежал к нам.

Я поспешил за толпой, туда, где впереди коридор пропадал в полной темноте.

Я чуть не проскочил нужного поворота, черного в темноте, и приостановился в нерешительности — и тут меня догнал лесник.

Он чуть было не налетел на меня, но каким-то шестым чувством понял, что я остановился, и крикнул на ходу:

— Сюда, направо, только на цыпочках. Теперь мы должны исчезнуть.

Я бежал шаг в шаг за Сергеем, и вскоре мы догнали остальных.

Лесник шепотом окликнул их, Кривой, тоже шепотом, отозвался. Мы остановились.

Мы отошли от входа в этот второстепенный штрек метров на сто, и я увидел, как в его отверстии промелькнул факел — преследователи бежали мимо по главному туннелю.

— Вы что, здесь были раньше? — спросил я лесника тихо.

— Чего я здесь не видал? — отозвался он.

— А как знали?

— Раньше обсудили, в камере. Кривой здесь бывал. А вообще-то отсюда не возвращаются.

— Знаю, — сказал я.

— Поглядел?

— Поглядел.

— Наверное, даже больше меня видел. Я-то все больше понаслышке.

Мы пошли дальше.

Я не сразу догадался, что мы вышли на склон, — ночь стала темной, луна зашла, и только по внезапной волне свежего воздуха я понял, что мы покидаем гору.

Я остановился, пока мимо проходили остальные. Поглядел на небо. И подумал, что, может быть, больше никогда не увижу этого звездного неба! Ни одного знакомого созвездия я не нашел.

Мы шли очень медленно, куда медленней, чем если бы оставались вдвоем с лесником. Мне хотелось припустить вперед — ведь впереди была еще река, потом открытая пустошь. А приходилось идти сзади плетущихся крестьян, и ничего другого не оставалось.

Нам дали передышку — ровно настолько, что мы успели спуститься с горы к реке ниже моста, примерно там, где я через нее перебирался. Но, к сожалению, нас увидели раньше, чем мы смогли затаиться в прибрежных кустах. Стрела на излете воткнулась в землю рядом со мной.

Мне казалось, что я давно, много дней, месяцев, иду по этому миру — и, в сущности, какая разница, параллельный он или

фридмановский, заключенный в электрон. Он живой, в нем убивают, мучают и даже живут. И я в нем живу. И лесник.

В кустах произошла задержка — пленники не решались ступить в воду. Сквозь листву угадывался мост, и по нему уже бежали черные фигурки — нас могли отрезать от леса.

— Тут глубоко, — предупредил я. — За островом мельче.

— Знаю, — сказал лесник. — Многие плавать не умеют. Говорил я Кривому — к мосту надо бежать. Сбили бы караул. Ты, может, эту банку с головы стянешь? А то перевернет тебя, как корабль в бурю.

— Ее не снимешь.

Кривой, ругаясь, размахивая руками, загонял в воду крестьян. Лесник присоединился к нему. От горы уже подбегали солдаты — стрелы начали ложиться среди нас.

— Топор не бросай! — крикнул мне лесник. — Если тяжело, Кривому отдай.

— Не тяжело.

— Тогда плыви впереди. Если кто из солдат на тот берег прибежит, круши, не стесняйся.

Я прыгнул в воду, ухнул по пояс, потом по грудь. Но на этот раз мне не надо было беречь ружье и я знал, что в пяти шагах будет мелко. Когда я выбрался на берег острова, в затылок ударила стрела — я так и клюнул головой вперед. Муравьиный шлем меня на этот раз спас. Я оглянулся. На середине протоки покачивалось несколько голов. Я поспешил дальше. В шлеме, с топором я чувствовал себя увереннее. Но никто меня не встретил. Голоса стражников звучали неподалеку, им ответил крик с того берега. Где же наши?

Первым вышел Кривой, он нес в одной руке копье, другой поддерживал совершенно обессилевшего человека. Человек попытался сесть на траву, но Кривой зашипел на него, сунул в руку копье и снова побежал к воде, чтобы помочь еще одному беглецу.

К тому времени, когда на берег вышел лесник, — а он замыкал наш отряд — сюда перебрались человек шесть-семь.

Впереди на полпути к лесу стояла стена тумана — белого, густого, спасительного. Но тут нас настигли стражники, бежавшие по берегу.

Не знаю, убил ли я кого-нибудь, ранил ли в той короткой схватке на берегу и потом на пути к пустоши. Я махал топором, бежал, снова махал, был треск металла, крики, но люди в муравьиных шлемах, возникавшие и пропадавшие в ночи, казались фантомами, безликими, бестелесными и неуязвимыми.

Мы скрылись в глубине леса, в густом ельнике. Уже светало. На ходу я несколько раз засыпал, но продолжал идти, в дремоте различая перед собой широкую спину Кривого, даже видя короткие, сбивчивые сны, действие которых происходило в лаборатории. В них я доказывал кому-то, что свободная поверхностная энергия планеты, сконцентрированная в точке искривления пространства, способна создать переходный мост между мирами, а на меня показывали пальцами и укоряли в необразованности.

Мы сидели в густом ельнике. Где-то неподалеку контрабасами гудели трубы — муравейник переполошился. Кривой вывел нас к зарослям, оттуда лесник знал тропку домой. В деревню возвращаться было нельзя, там наверняка ждут. Кривой и его люди уходили в дальний лес, к тем своим товарищам, что не пришли вчера, когда крестьяне из соседних деревень решили напасть на гору и освободить своих. Лесник и ездил к ним, чтобы отговорить от нападения малыми силами, обреченного на поражение еще до его начала. На прощание Кривой начал просить ружье. Лесник не дал. Отговорился тем, что нет патронов. Кривой насупился.

— Я скоро вернусь, — пообещал лесник.

— Куда? Некуда тебе возвращаться. В деревне никого нет. Агаш я с собой уведу. В дальний лес.

Мы попрощались.

Я шел за лесником по узкой тропке, он отводил ветки, чтобы не стегали по лицу.

— Дай ему ружье, — ворчал лесник. — У меня одно. Сам как без него обойдусь? А они все равно стрелять не умеют. Да и патронов нет...

Лесник оправдывался перед самим собой. Я молчал.

— А возвращаться мне сюда и в самом деле не к кому. До дальнего леса три дня ходу. Я там и не бывал. А здесь все опустошенное... Неудачный для тебя выход получился.

— Мы вернемся, Сергей Иванович, — сказал я. — Подумаем, как это лучше сделать. Обязательно.

Солнце уже поднялось, в шлеме было жарко, но я его не снимал, а лесник не возражал, сказал, что, если нас увидят, лучше, если я буду в шлеме. Топор оттягивал плечо.

— Долго идти? — спросил я.

— Через час будем. Пить хочется.

— А я уже, знаете, ничего не хочу.

— Дурак, — сказал он незло. Вдруг он обернулся. Он улыбался. Как будто поднатужился, сбросил разочарование, усталость,

горечь. И голос его звучал почти весело: — Молодой еще... Мне бы с Кривым уйти, в лес. Организация им нужна. Уж очень отсталые. Так ведь они никогда от горы не отделаются. Может, насовсем вернуться?

— Не спешите, — сказал я.

— Я не спешу. Видишь же, домой иду. Маша там с ума сходит. Вторые сутки... — Он опять обернулся и подмигнул мне. — А ведь меня боялись. Специально охотились. Слухи ходили, что я принц переодетый и с нечистой силой в друзьях... Вернусь. А то ведь как бараны, ну честное слово, как бараны.

И он пошел быстрее, словно спешил обернуться поскорее и заняться здешними делами — всерьез.

— А Маша? — спросил я.

— Машу тебе оставлю, — сказал лесник. — Не бросишь?

Я не ответил.

Когда мы проходили открытой поляной, увидели слева столб дыма.

— Деревню жгут, — прошептал лесник. — Как бы не нашу. Кривой-то тетку Агаш вывести должен.

Я представил себе, как загораются сухие хижины. Каждая коническая соломенная крыша становится круглым костром.

Далеко, метрах в полустах, дорогу перебежал некул. Я успел хорошо разглядеть его крепкое мохнатое горбатое тело на длинных, как у борзой, тонких ногах.

— Видели?

— Стрелять не хочу без нужды, — сказал лесник. — Могут услышать. Я так думаю, он не за нами охотится. У них теперь жратвы будет достаточно — спешит туда, к горе.

— Вы думаете, что они могут нас здесь подстерегать?

— Вряд ли. Но чем черт не шутит! Последнее дело — других дураками считать. Они же знают, откуда я в деревню приходил.

Эта мысль казалась мне почти нелепой, принадлежащей к другому слою сна — к ночной части кошмара. Здесь не должно быть стражников, они исчезают утром.

Мы попали в засаду у самой двери в наш мир.

Стражники не осмелились к нам приблизиться, только окликнули издали: не были уверены, кто я такой. Мы побежали. До раздвоенной сосны было метров триста, но лесник вел не прямо к ней, а кустами, немного в сторону. Даже успел крикнуть:

— К нам не выведи, путай их!

Стражники стреляли из луков. Стрела вонзилась в спину

лесника у меня на глазах. Он продолжал бежать, плутая между стволами, а черное оперение стрелы, как украшение, покачивалось за спиной. Когда Сергей Иванович упал, стражники уже потеряли нас из виду, в чащу они не пошли.

Другая стрела прошила мне рукав, оцарапала локоть, повисла, запутавшись, в ткани рубахи. Я остановился, чтобы выдернуть ее. Вот в этот момент лесник и упал.

— Что с вами?

Не в силах поднять голову с выгоревшей, желтой травы, он шепнул мне:

— Тихо.

Я дотронулся до стрелы, хотел выдернуть ее, но вспомнил, какие у стрел зазубренные, словно гарпуны, наконечники.

— Глубоко сидит, — прохрипел лесник. — Глубоко, до самого сердца. — В углу рта показалась капелька крови. — Не тяни... обломай...

Кто-то вышел на полянку. Я обернулся, шаря рукой по земле, где обронил топор, но не успел. Тяжелый удар пришелся по шлему и плечу. Я не потерял сознания, но упал, и боль была такой, что мне почудилось, я никогда уже не смогу вдохнуть воздух... Мне показалось, что я все-таки поднимаюсь, чтобы защитить лесника, потому что нельзя нам погибать здесь, в шаге от дома...

И тут я увидел, что над лесником склонилась Маша. Она гладила его по щеке, шептала что-то не по-русски, и, еще не сообразив, что это она ударила меня, приняв за стражника, я понял, что Сергей умер, — столько горя было в ее узких дрожащих плечах.

Почему-то, прежде чем подняться, подойти к ней, я принялся стаскивать муравьиный шлем, чуть не оторвал себе ухо, но все это было неважно, и неважно было, что не слушается рука и кружится голова, — я поднялся на колени и подполз к Маше. Она только мельком взглянула на меня.

— Скорей, — сказал я. — Они могут найти нас... Скорей.

Я не хотел думать, что лесник умер, — понимание этого отступало перед необходимостью как можно скорей перенести его обратно, домой. Если мы это сделаем, то все обойдется...

Я обломал стрелу у самой гимнастерки, мокрой от крови. Мы тащили Сергея лицом книзу, ни у меня, ни у Маши не оставалось сил, чтобы поднять его. Нам пришлось раза два останавливаться, чтобы отыскать дверь, и у меня тряслись руки от страха, что мы ничего не сможем сделать.

И когда мы, выбившись из сил, упали у самого шалаша, лесник сказал тихо, но четко:

— Ружье не оставляй.

— Господи! — ахнула Маша. — Какое ружье... какое еще ружье...

А я заставил себя подняться, пробежать по смятой траве к тому месту, где упал лесник, нашел ружье, взял почему-то и топор с двумя лезвиями, а когда вернулся, Маша уже наполовину втащила Сергея в шалаш, и я неловко, стараясь не упасть, помог ей протолкнуть его и самой втиснуться в черную завесу, бесконечную и краткую, и возвратить Сергея к себе, к болоту, соснам. Я знал, что если все это не сон, то там, у себя, я уже не смогу сделать ни шага, что Маше одной придется бежать по лесу, потом к дороге, в больницу, к врачу и она может не успеть.

ЦАРИЦЫН КЛЮЧ

1

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотьвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст южнее. Так, в обидах и небрежении, Нижнесотьвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотьвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрюша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко спрыгнул Андрюша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч патлы в сочетании со слишком потертыми джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрюша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

— Помоги Вениамину, — сказала Элла Степановна.

Вениамин как раз застрял в двери автобуса, заклинившись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самолюбив и легкораним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрюша, вместо того чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрюше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

— Где синяя сумка?

— Я так и знал, — сказал Андрюша и полез в автобус.

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотьвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекилометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

Рядом уселся местный доброхот Гриша Пантелеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистом.

— Нет, — говорил он, прихлебывая теплое пиво, — до Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался за малиной, малина там как яблоки, три дня попутки ждал, плюнул. И вам советую.

— Разве туда машины не ходят? — спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

— Ходят, — *согласился Гриша. — Прямо отвечу — ходят.* Молоко оттуда возят, в кружевную артель машина ходит. Ревизия в том месяце ездила тоже на машине.

— Почему ревизия? — спросил Андрюша. — Воруют?

Пантелеев удрученно поглядел на Андрюшины патлы и ответил Элле Степановне:

— Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а вытрясти не могут.

— Простокваша? — спросил Андрей.

— Масло, — ответил Пантелеев Элле Степановне. — Чистое масло. Наверное, вредители.

— Дорога плохая, — сказал Вениамин. — Происходит сепарация жиров.

— Дорога разная, — возразил Пантелеев. — Но, вернее всего, воруют. Клюкву видали? Клюква как помидор. Зачем это клюкве?

— А сегодня больше машин туда не будет? — спросил Вениамин.

Вениамину Пантелеев отвечал. Вениамин был в очках.

— Не надо вам туда, — сказал он. — Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, пого-

ворим, я вам такие песни спою — ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

— Спасибо, не надо, — сказала Элла Степановна терпеливо. — Нижнесотьвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полуехтовых Ручьев.

— Это последнее «белое пятно» на фольклорной карте Урала, — добавил Вениамин.

— Понимаю, — сказал Пантелеев, — как не понять. Пускай остаются «белым пятном». Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелеев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

— Пантелеич, уймись!

— Мы фольклор собираем, — возразил Пантелеев. — Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами, Андрюша сказал:

— Может, сбежим? Я с шофером на площади потолкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров не расстояние для энтузиастов.

— Убежим, — согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. *У него было длинное, очень белое лицо*, ровно расчерченное поперечными полосками — полоской рта, полоской усиков, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним вошел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое, младенческое лицо, голубые глаза навыкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипали ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина, — небрежно, лениво, все по карману, все доступно.

— Рыбки не привезли? — ласково спросила буфетчица.

— Рыбки нету, Вера, — печально ответил высокий.

— Гурген спрашивал, — сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь оттеснил локтем Пантелеева и приказал:

— Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. — Потом обернулся к высокому и спросил: — Эдик, шампанское будешь брать?

И тут в разговор вмешался Пантелеев.

— Слушай! — закричал он взволнованно. — Все правильно! Я же предупреждал!

Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.

— Ты не отворачивайся, не отворачивайся, — обиделся Пантелеев. — Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.

— Вы к Васе? — спросил высокий Эллу Степановну.

— Я им так и говорю, — сказал Пантелеев. — До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард с Васей захватят.

— Вы из Полуехтовых Ручьев? — догадалась наконец Элла Степановна. — И у вас есть машина?

Губы Эдуарда натянулись в улыбке.

— В гости? — спросил он. — Или по делу?

Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица, что экспедиция ему не нравится.

— Мы фольклорная экспедиция, — сказала Элла.

— Нет, — сказал Вася, — наша машина вам не подойдет.

— Ты что! Ты что! — возмутился Пантелеев. — Они песни собирают. Я тут им одну пел.

— Нам все равно! — вмешался Андрюша. — Хоть на танке.

— Танков у нас нет! — Высокий Эдуард направился к Элле, протягивая узкую руку. — Но чем можем готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров Эдуард Олегович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?

— За песнями тоже. — И Элла представила ему спутников.

— Это изумительно, превосходно! — обрадовался Эдуард. — У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?

— На месяц, если все пойдет как надо.

— Спасибо, — сказал Эдуард, — нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?

— Груз у нас в кузове, — сказал богатырь Вася. — Тесно.

— В тесноте, — назидательно обернулся к нему Эдуард, — но

не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?

— В любой момент готовы в море, — не выдержал Андрюша.

Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард положил на плечо руку и сказал:

— Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?

— На второй курс, — сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард руку убрал и посмотрел на электронные часы.

— Сбор на площади, — сказал он. — В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?

— Все здесь, — нежно ответила Элла Степановна. — Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.

Брови Эдуарда поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной, трагической маской.

— Не смейте так думать! — сказал он тихо. — Пошли, Вася.

Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и шампанским и повернул к фольклористам неодобрительную спину.

Элла гусыней увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:

— За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андрюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколол к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андрюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

2

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого коричневого собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андрюша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантное решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подошли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард спросил:

— Мы вас не заставили ждать?

— Что вы! — возразила Элла Степановна. — Не о чем говорить.

— Замечательно! Через двенадцать минут в путь. Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

— Я пошел, — сказал Вася.

— Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард обернулся к Элле и разъяснил:

— Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной деревне обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

— Разумеется, — согласилась Элла Степановна.

— А теперь, — Эдуард потер ладони, — наша насущная задача — поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помощь моих молодых коллег?

Андрюша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

— Я сам, — сказал он. Сказал сурово, просто, по-мужски.

Андрюша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигареты, и помчался через площадь к магазину — патлы веером, а Эдуард крикнул весело вслед:

— Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших!

— Есть, капитан! — ответил на бегу Андрюша.

Эдуард поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящал его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули, Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по-мягкому, придавив аспиранта, и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, проникнув между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплываясь в зловещую чернильную лужу.

— Кровь, — прошептала Элла Степановна, — человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

— Нет, — ответил, тоже шепотом, Эдуард, — это, наверное, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

— Почти ничего не пролилось.

— Ты поврежден? — спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борт. Эдуард обнял женщину и приподнял.

— Спасибо, — сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

— Я цел, — сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

— Что с тобой, мой мальчик? — Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

— Это вытекло из бидона, — сказал Вениамин. — Во всем виноват только я один.

— Вы должны были предупредить, — сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. — Отпустите меня!

Эдуард подчинился и перевел дух.

— Я хотел вам помочь, — сказал он.

— Надеюсь, — сказала Элла Степановна. — Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

— Ничего смешного, — сказал Вениамин.

— Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, — сказал Эдуард. — Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

— Спиртовая тушь? Это еще зачем? — спросила Элла Степановна.

— Пузырьками покупали, — сказал Эдуард. — Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красить хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной, раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрюша. Андрюша нес блок сигарет, Вася — детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке. Увидев полосатого Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбился с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрюша узнал Вениамина почти сразу.

— Не пижонь, Веня! — крикнул он. — Не надо!

Испуганные галки вились над колокольней кирпичного собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

— Придется, простите, спрятаться, — сказал Эдуард. — Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

— Все вылили?

— Самую малость, — сказал Эдуард. — Пузырьков десять.

— На что только мы не идем ради красоты, — сказал Андрюша. — Это сливки?

— Замолчи, — сказала Элла Степановна. — И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

— Рублей на пять как минимум.

— Мы заплатим, не беспокойтесь, — сказала Элла Степановна.

— Не надо, — сказал Вениамин, — плачу я.

— Вот и превосходно, замечательно! — веселым голосом воскликнул Эдуард. — Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

3

У моста через реку Сотьву простояли полчаса. Эдуард Олегович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блестела. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После сельца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подпиравшим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точеных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

— Остановитесь! — завопил Андрюша. — Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

— Чего еще? — спросил он.

— Наш юный друг, — разъяснил Эдуард, — увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

— Ехать надо, — сказал Василий. — Темно будет.

— Ничего, — возразил Эдуард Олегович. — Объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

— Откуда это могло произойти? — крикнул Андрюша.

— С дореволюционных времен, — сказал Эдуард. — В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

— Очень похоже на восемнадцатый век, — сказала Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде. — Наивно и провинциально.

— Здесь и была провинция, — согласился Эдуард. — Может быть, сам Полуехтов поставил.

— Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

— Местный помещик, майор, — сказал Эдуард. — О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

— Великолепно, замечательно, — обрадовался Эдуард. — Лучше, намного лучше.

— Еще сорок ручьев, — сообщил Андрюша, перематывая пленку, — и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

— Он не просто майор, а секунд-майор.

— Вы о ком? — спросила Элла.

— О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтовы.

— А давно он жил?

— До революции.

— У вас сохранились старожилы? — спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

— Есть один, который помнит, — сказал Василий. — Только не станет он с вами говорить.

— Переубедим, — возразила Элла Степановна. — У меня достаточный опыт. Как его зовут?

— Григорием.

— А фамилия?

— Не знаю. Не говорил он мне своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукружиями, ровно, словно на площади немецкого города. Грузовик сразу прибавил скорость, покатил веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

— Одна тайна набегает на другую. Кто мог ожидать?

— А что там? — спросил из угла кузова Вениамин.

— Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик баловался?

— В этих местах помещики не жили, — сообщил Вениамин. — Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно впереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребезжал, ревел, одолевая подъемы.

— А эта дорога только до Ручьев? — спросил Андрюша.

— Дальше пути нет. Тайга, болото, горы, — сказал Эдуард. — Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

— Без воды сможешь проглотить?

— Смогу, — сказал Веня.

— Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквалификация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Темнота сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатила на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные, теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благостную тишь этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплелся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно-печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листвы вековых берез у дороги.

— Что это? — прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

— Наяда, — сказал Андрюша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

— Шуберт, — сказал Вениамин. — Си минор.

— Наша, — улыбнулся Эдуард Олегович, и его зубы блеснули голубым, — Ангелина. Занимается у меня в самодеятельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду удалось нарушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома, потом Эдуард постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

— Здесь мы вас и разместим, — сказал Эдуард Олегович. — Школа у нас начальная, — добавил он, спускаясь на землю. — Небольшая, в данный момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной мзды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард выразительно посмотрел на Эллу Степановну. Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предлогами.

— Мы, разумеется, заплатим, — сказала Элла.

— Лучше к деду Артему, — сказал Василий.

— Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

— Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку. Андрюша разглядел острую, клинышком, седую бороду из-под кепки.

— Привез, Артем Никандрыч, — сказал Эдуард. — Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

— Экспедиция нам не помешает, — сказал старичок, — хоть пользы от нее мало.

— Артемий Никандрыч — наш краевед, хранитель природы, — сказал Эдуард Олегович.

Старичок поклонился. Об этом можно было догадаться по

тому, как бородка совершила резкое движение вниз, закрытая кепкой, и возникла вновь.

— Эколог, — поправил старичок. — Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард отыскал журнал в портфеле, а старик вместо благодарности проворчал:

— Ты с Василием меньше общайся. Ты интеллигенция, а он жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

— Заткнись, дед, — сказал Василий.

— Не заткнешь. Правду не заткнешь.

— А какие взятки? — вмешался нетактичный Андрюша.

— Шутка это, — сказал Эдуард. — Вася рыбкой балуется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

— Ушицу все любят, — донесся из темноты голос. — Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

— Иди ты! — озлился Вася.

— Уже ушел, — сказал дед издали.

И снова воцарилась тишь. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка. Взбрехнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разодрал, смыл и отбросил страшный, нечеловеческий крик:

— Омниамеемекумпорррто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаиться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

— Что это?! — ахнула Элла Степановна.

— Не волнуйтесь... Не надо... — Эдуард обернулся к застывшему у грузовика Василию: — Он вернулся. Понимаешь?

— Да, — ответил Василий. — Побегу, — добавил он и тяжело затопал в темноту.

— Что же это? — спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

— Не обращай внимания, — сказал Эдуард. — Это местный фольклор.

— Нет, — сказал Вениамин. — Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард бросил на аспиранта быстрый взгляд:

— Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой околице, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но, даже и поверив, Веня никогда бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

— Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

— Добрый вечер, Эдуард Олегович, — сказало привидение. — Мамы нету. А что?

— Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

— Пускай живут, — сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшей, и тот, хоть было и совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, фосфоресцировали.

— Вы заходите, — сказала девушка.

— Это вы пели? — спросил Андрюша.

— Она, она, — сказал Эдуард. — Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

— Ну что вы, — сказала девушка, — зачем?

— Это был Шуберт, — раздался голос из-за грузовика.

— Кто там? — спросила Ангелина.

— Это наш сотрудник, — сказал Андрюша. — Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард запустил руку в кабину.

— Это от Васи, — сказал он. — Гостинцы. Печенье и шампанское.

— Не надо, — сказала Ангелина.

— Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно, — обрадо-

вался Эдуард. — Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшей приняли от Вениамина, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

— *Идите*, — сказал Вениамин. — *Я потом.*

Ангелина прошла в дом первой. Она сразу принялась за хозяйство — делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем достал колбасу, консервы и вызвался помочь Геле накрывать на стол, но помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей — там на двух кроватях будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

— Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

— Кует себе железную маску, — сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

— Слушай, здесь ночевать бессмысленно, — сказал Андрюша. — Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени.

— Ах, оставь, — сказал Вениамин. — Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет потушат, пройду.

— Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

— Нет, не хочется, — ответил Веня так, словно отказывался от счастья.

— Ясно, — сказал Андрюша и вернулся в дом.

Веня проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное — таз и чайник с кипятком. Веня скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдается прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать Глафира — здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Ангелину, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике — иной человек не будет гулять в одиночку по околице и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

— Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились, — сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

4

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и било в маленькое оконце. На соседней кровати, такой же, как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил:

— Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам — закричал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы, и запели птахи.

Андрюша замотал головой и нырнул под одеяло.

Вениамину уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вела лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидев его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому

что был в майке и стеснялся своих тонких, бледных рук. А когда он, уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут замкнутые и скучные люди, наличники окон, коньки крыш и даже столбы ворот и калиток были резными, а кое-где и раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусил в сторону, вскидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстерегать его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, насторожил проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

— Эй, — сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта, — ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратил к Андрюше дикий взор:

— Там ходят медведи.

— Где ходят медведи? — удивился Андрюша.

— По улице. Я сам видел.

— Надо принимать меры, — сказал Андрюша и побежал к дому.

Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

— Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

— Некогда размышлять, — отвечал Андрюша. — Медведи и волки покоряются только грубой силе!

Из калитки дома поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей, выбежали двое мальчишек лет по семь. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых залатанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках ружье. А вслед за ним второй приезжий, поменьше ростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

— Опасность! Все по домам! — крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал — зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нащупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он засунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами, начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание. Медведь, заграбастав охотника, прижал его к широкой бурой груди и, подвывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топтыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому, покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коля-

ской, которым управлял мальчик лет двенадцати, в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шали.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратил к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обиженно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже встрепанный, в пижаме Эдуард, затем остановилась перед медведем.

— Ну! — сказала она. — Нельзя уехать на день! Чего натворил?

Медведь продолжал стонать, завозил лапами у груди, показывая женщине на рану.

— Погоди, — сказала женщина. — Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

— Кто тут нахулиганил? — спросила женщина и перевела взгляд с распростертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

— Вот, тетя Глафира. Они с ним бегали, — он показал на Вениамина, — и стреляли.

— Мое ружье, — сказала женщина. — Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он поспешно смежил веки.

— Все ясно, — сказал Эдуард Олегович. — Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

— Милые, говоришь? — удивилась грузная женщина. — Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

— Простите, — сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андрюше, о котором все забыли. — Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником, медведь заревел так, что Веня отступил снова, а Андрюша сжался в комок.

— Отойди, — сказала Глафира медведю. — Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. — Медведь

отходить не стал, но замолчал. — Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

— Я не ветеринар, — ответил Эдуард. — На это Ангелина есть. Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

— Боишься? — спросила Глафира Сергеевна.

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андрюшу, пошел в дом.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Эдуард.

— Подчиняйся, — сказала Глафира Сергеевна. — И учти, что Миша пострадал на работе.

— Бюллетень выписывать не буду, — буркнул Эдуард, запахнул пижаму и пошел вслед за медведем.

Андрюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

— Что? — холодно спросила Глафира Сергеевна. — Ранен? Тоже помощь нужна? Погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

— Нет, — сказал Андрюша, — спасибо.

Он встал. Его майка с гитарой была разорвана.

— Поймите, — сказал Вениамин, — мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

— Ладно, — сказала Глафира Сергеевна, — дома разберемся.

5

Элла Степановна узнала о драматических событиях только за чаем, который пили впятером: Глафира Сергеевна Полуехтова, бригадир колхоза, фактически руководительница деревни Полуехтовы Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

— Ну как, — повторял Вениамин, — как мы могли догадаться, что медведь ручной?

— Не ручной, — возразила Глафира Сергеевна. — Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

— На нем не написано. — Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы. — Кем же он работает?

— Из пушки стреляет. Больше некому, — сказала Глафира Сергеевна. — Мужиков в деревне недобор, все на работе, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

— Вы хотите сказать, что у вас есть пушка? — Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне. — Настоящая? Это же опасно.

— Без пушки мы, простите, не можем, — сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинадом. — Пушка у нас уже двести лет стреляет.

— А если вы в кого-нибудь попадете?

— Холостыми стреляем, — возразила Глафира Сергеевна. — Нам общество охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

— А почему медведь? — спросил Вениамин. — В других деревнях тоже все заняты...

— В других деревнях с пушками плохо, — сказал Андрюша, перекусывая нитку. — Очень мало пушек в других деревнях. — Он обернулся к Глафире Сергеевне: — А пушка старая?

— Пушка старая, — сказала Глафира Сергеевна. Андрюша ей не нравился. Неопрятен, не пострижен, бегает по деревне с чужим ружьем. — Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степановна достала блокнот.

— Глафира Сергеевна, — сказала она, — пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

— Не в легендарное, а в историю. Майор Полуехтов постановил сигнал давать, вот и тянется... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Совещание по льноводству в области, на кого хозяйство оставлю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

— Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

— Простите, — сказала Элла. — Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужнин китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смышленый, синеглазый, белобрысый.

— Хотите, про пушку расскажу? — сказал он.

— Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки, — сказала Элла Степановна. — Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

— Светосила вас устраивает? У этих «Юпитеров» она маловата.

— Чего? — спросил Андрюша. — Ты откуда знаешь?

— Я «Канон» предпочитаю японский, — сказал мальчик. — С «Никконом» резковато получается.

— Ага, — согласился Андрюша. — Резковато, значит? И откуда у тебя «Канон» и «Никкон»?

— Ясное дело, из Японии, — сказал Коля. — Легенду-то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

— Запишем, — сказал Андрюша. Мальчик ему понравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость...

— Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов.

Вениамин отложил учебник португальского языка, протер очки.

— Как же сюда викинги добрались? — спросил Андрюша.

— Не перебивай, пленку зря тратишь, — сказал Коля. — С моря добрались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полуехтов, мы тут полдеревни Полуехтовы в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, птенец гнезда Петрова, и он сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

— И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленный борьбой со стихией, в разгар бури к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

— С танками? — спросил Андрюша.

— Еще одна перебивка, и я кончаю рассказ, — пригрозил Коля. — И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

— Молчу, — сказал Андрюша.

— Так вот... Фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок — и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

— Как все? — удивился Андрюша. — А как же пушка и медведь?

— Пушку оставили как память о Полуехтове. Можете поглядеть, она в деревьях стоит на площади. И постановили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уже в самом деле.

— Как слабо здесь поставлено преподавание истории, — сказала Элла.

— Мифотворчество, — сказал Вениамин. — Современное мифотворчество. Майоры, фашисты...

— Что же я, не понимаю, что мифотворчество? — обиделся вдруг мальчик. — Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

— К сожалению, ничего не значит, Коля, — согласилась Элла Степановна. — Спасибо тебе за интересный рассказ.

— Пожалуйста, — успокоился Коля. — Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

— Обедать если будете, то к двенадцати тридцати как штык.

Андрюша сменил кассету.

— Чепуха, — сказал он. — Ребенок нас разыграл.

— Это не так и важно, — сказал Вениамин. — Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

— Меня волнует другое, — сказал Андрюша. — Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

— Нет, не легенда, — согласился Веня. — Помочь тебе джинсы зашивать?

— Зачем? Лишняя дырка им не помешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард.

— Доброе утро, — сказал он радостно. — Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

— Слышала, — сказала Элла. — Простите нас.

— Я тому Мишке не доверяю, — сказал Эдуард. — Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

— Но все-таки из пушки стреляет, — сказал Андрюша.

— Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него и дергает. Вот и вся тайна.

— Нет, Эдуард Олегович, — сказала Элла, — я не согласна с

вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

— Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

— Она бы промолчала, — ответил за Эллу Андрюша. — Потому что иной участи я не заслуживаю.

— А я в вашем поступке усмотрел благородство, — не согласился Эдуард Олегович. — Так вы не забыли, что нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

— Я не пойду, — сказал Андрюша.

— Это еще почему? — удивилась Элла Степановна.

— Мне пленки разобрать надо.

— Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю, — закручинился Эдуард, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

6

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает, хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонников интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно поводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле. Эдуард попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом, все же он оставался в Ручьях чужим, не только потому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако перед приезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

— Дома у нас вековые, — говорил он. — Бревна с возрастом

только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать — специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные!

— Резьба требует сравнительного анализа, — сказал Вениамин.

— Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

— А сколько их всего? — спросил Вениамин.

— Две. Тридцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Олегович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное: и колонны, и ступени — все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва по сторонам лестницы были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно легли, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехтовы Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца «Ручьи», «Кинотеатр».

— Центр культурной жизни, — сообщил Эдуард Олегович. — Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоянно. Справа — начальная школа, на этом краю — магазин. Вот и все.

— А пушка там? — Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

— Пушка там, — сказал Эдуард Олегович. — Давно пора на металлолом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

— А как же медведь время узнает? — спросил Вениамин.

— Бог его знает. Наверное, по солнцу, — сказал Эдуард Олегович. — Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнаружился каменный столб, скошенный кверху, как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «До Москвы 1386 верст», «До Санкт-Петербурга 1938 верст».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и прочел еще две надписи: «До Екатеринбурга 746 верст», «До Царицыного ключа 9 верст».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выбрался снова на полянку. Эдуард, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

— Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

— Эдуард Олегович, — сказал Вениамин, — а что такое Царицын ключ?

— Не знаю, — ответил Эдуард Олегович. — Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

— Это где-то недалеко, — сказал Вениамин.

На мягкой траве возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

— Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать, — сказал Эдуард.

Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды — может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее — заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

— Гамияэстомнисдивизаинпаррртистрррес! — раздался страшный, переливающийся гортанный вопль.

От неожиданности все замерли.

— Это мне знакомо! — вскричал Вениамин. — Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Олегович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не было реального желания схватить страшно кричащее существо.

— Опять? — спросила Элла.

— Тррес, — сказал Вениамин. — Я это расшифрую.

— Просто дикий крик, — сказал Эдуард Олегович. — По-

шли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех поползла к солнечному пятну. Было тихо.

7

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с крынкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обыкновенной.

— Вы уже встали? — удивилась Ангелина.

— Скоро девять, — сказал Андрюша. — Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

— Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встают. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

— Нет, — сказал Андрюша, — я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

— Я тоже с вами молока выпью, — сказала Ангелина. — Садитесь. А они куда ушли?

— Эдуард Олегович им деревню показывает.

— Чего у нас показывать? — сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки — пустую литровую банку. — Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

— Коля нам легенду рассказал, а потом убежал.

Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила полбанки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко.

— Зачем так? — спросил он.

— А вы из крынки не станете, — сказала Ангелина и улыбнулась. — Вы подумали, я жадничаю?

— Разумеется, — сказал Андрюша. — Я подозрителен.

— Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

— Так и сказали бы, что сливки.

— Это молоко, — сказала Ангелина. — Такое доим. — Она фыркнула, нос дернулся кверху, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша сидел разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: — Чего уставился? У меня жених.

— Василий?

— Нет, Василий только претендент. Безнадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

— Значит, и не видела?

— Может, увижу. А ваш товарищ музыкальный. Шуберта знает. Я его в темноте не разглядела, а голос приятный.

Ангелина подлила в стакан воды, получилось молоко, жирное, густое.

В окно постучали. На подоконнике с той стороны сидел громадный черный ворон.

Ангелина отворила окно, ворон перелетел на стол, сурово посмотрел на замершего Андрюшу, кивнул ему, потом повернулся к Ангелине, кивнул и ей.

— Сейчас, — сказала Ангелина, доставая с полки кусок хлеба. Ворон схватил ломоть большим, массивным клювом, как плоскогубцами, перепрыгнул на подоконник.

— Это еще что за явление народу? — спросил Андрюша.

— Григорий, — сказала Ангелина. — Что-то он в последнее время осторожный стал, опасается. А раньше совсем ручной был.

— У вас не деревня, а зоопарк какой-то, — сказал Андрюша.

Ворон шумно хлопнул крыльями и улетел.

— Ты медведя имеешь в виду? Он в лесу живет.

— Приходящий, значит? А почему он из пушки стреляет?

— Ой, это тебе лучше мама расскажет! Сколько себя помню, стреляет. Круглый год. Без этого нам нельзя — даже коровы без пушки в стадо не пойдут. Раньше, когда я девчонкой была, у нас медведица служила, потом подохла. Она этого Мишку с малолетства сюда водила, приучала. Пошли, что ли? А то мне обратно на ферму пора.

— Спасибо за молоко, — сказал Андрюша.

Они вышли. Громадный черный ворон сидел на крыше и клевал ломоть хлеба.

8

Хоть Ангелина и утешила Андрюшу, что смеяться не будут, все-таки он через деревню не пошел, а свернул в другую сторону, к околице. За льняным полем виднелась речка, узкая и чистая. Солнце поднялось высоко и припекало, но от голубых гор, поднимавшихся над близким темным лесом, тянул ветерок.

С дороги открылся умиротворенный вид на деревню. Андрюша достал камеру. И тут услышал за спиной голоса.

Голоса стихли. Босые пятки, отбивавшие дробь по дорожке, стихли тоже. Разумеется, они остановились и наблюдают.

— «Зоркий-Эм» у него. С «Юпитером». Я знаю.

— Какой «Зоркий»! Я что, «Зоркий» не узнаю?

Ребята углубились в спор, уходить не собирались, видно, ждали, когда фотограф обернется и разъяснит. Андрюша понял, что пора общаться, опустил свою «Практику» и обернулся.

— Ого! — сказал он.

— Ого! — сказали два мальчика лет по десять.

Мальчики узнали в фотографе героя, которого утром медведь таскал по площади, а Андрюша увидел, что мальчики волокут привязанную к длинной палке рыбину размером побольше метра. Даже удивительно, что такая поместилась в речке.

Рыбина чуть шевелила хвостом.

— А вы за мельницей приехали? — спросил один из ребят.

— Нет, — сказал Андрюша, — песни записывать будем и сказки.

— Дед Артем говорил, что мельница представляет исторический интерес. Ее обязательно увезут. Древняя она, понимаешь?

— Водяная?

— Не, ветряк...

— Покажете?

— А пофотографировать дашь? А то у Кольки Полуехтова «Канон» японский, а у нас только «Смена».

— Договорились, — сказал Андрюша. — Когда?

— Завтра с утра зайдем. Сейчас, видишь, дело есть.

— А рыба-то какая? Сом?

— Ну ты, видно, городской. Разве у сома лицо такое? Да мы на сома и не пойдем. Он в омуте живет, с дом ростом. И его нельзя трогать, у него золотое кольцо на жабре. Его специально выпустили. Для учета. А это селедка...

Мальчишки потащили рыбину дальше.

Андрюша постоял немного, подождал, пока они скрылись за крайним домом, и пошел дальше к реке. У тропинки по краю

льна росли васильки. Он, правда, не сразу догадался, что это васильки, — они были похожи на махровые гвоздики голубого цвета. Андрюша нарвал небольшой букет для Эллы Степановны.

— Спасите! — раздался крик от реки. — На помощь! Грабят!

Андрюша относился к тому разряду людей, для которых любой крик о помощи — приказ действовать. Забыв об утренней истории и медведе Мише, он кинулся по откосу вниз и влетел, ломая ветки, в заросли у речки, крича:

— Держитесь! Я иду!

Жертвой нападения оказался вчерашний старичок с седой эспаньолкой, мирно сидевший на пеньке.

— Что случилось? — крикнул Андрюша. — Кто напал?

— Кто напал, тот сбежал, — сказал старичок, поднимаясь на ноги и еле доставая Андрюше до груди своей блестящей, потной лысинкой. — Спасибо тебе. Ой, поясница болит! Это же надо, так толкать пожилого человека! Пойди корзинку мою подбери — в кустах она.

Андрюша пошел в кусты. Там на боку валялась корзина, из нее высыпались красные яблоки. Старичок подошел сзади.

— Ты их подбери, — сказал он, — будь любезный. Мне наклоняться больно.

Андрюша стал подбирать яблоки. Это оказались не яблоки.

— Что это? — спросил он. — Ананасы?

— Малины, что ли, не видел?

— Такой не видал, — сказал Андрюша. — Малина обычно мельче.

— Это обычно, а у нас крупнее.

— Кому, — спросил Андрюша, — ваша малина понадобилась?

— Не догадываешься? — изумился дед, прищурился. — Да ты дипломат! Из-за тебя же я пострадал. Это точ-на! Попал я в лапы мстителю!

Старичок погрозил в кусты кулаком, и издали донесся обиженный рев. Андрюша вздрогнул. Ему не хотелось снова встречаться с медведем. К счастью, старичок разделял опасения Андрюши.

— Побежали, — сказал он. — А то Мишка опомнится, сообразит, кто мне на помощь подоспел. Он же тебя за взвод пехоты принял. Это точ-на.

Старичок подхватил корзину и засеменил наверх, к тропинке. Андрюша поспешил за ним, очень стараясь не обогнать старичка.

9

У клуба-медпункта на длинной лавочке под бревенчатыми колоннами сидели десять старух в высоких кружевных кокошниках, разноцветных, до земли платьях и с выражением торжественного достоинства на лицах.

— Вот, — сказал Эдуард с некоторым облегчением, — а я боялся, что не придут в разгар трудового дня. Но пришли. И даже облачились. Это великолепно. Здравствуйте, товарищи пенсионерки!

Старухи наклонили головы, здороваясь, и Элле показалось, что своим коллективным взором они пронзили ее насквозь, знают, где родилась, как училась в школе и почему у нее не сложилась личная жизнь.

— Замечательно, — сказал Эдуард. — Вот наш народный хор. А перед вами, товарищи пенсионерки, специальная экспедиция Академии наук, приехали записывать и изучать. Большое внимание уделяют сохранению и утверждению народного творчества. Прошу взаимно знакомиться! — Эдуард Олегович отступил на шаг и сделал широкое движение рукой, как сеятель. Затем добавил: — Пошли внутрь помещения. Там поговорим, а то дождик собирается...

Вениамин в клуб не пошел. Эта мирная на вид деревня скрывала в себе тайны, ускользающие, но ощутимые, невыдуманные. Тайна утреннего выстрела из пушки вроде бы разрешилась. Но факт стрельбы из пушки не открывает причин этой стрельбы. Есть дрессированный медведь. Но зачем он?

Вениамин огляделся, раздумывая, куда направить свой путь. Он казался самому себе витязем на распутье. И потому решил подождать, как распорядится судьба, — должен же быть знак, который направит его в нужную сторону.

Намек материализовался через две минуты и принял форму знакомого грузовика, который медленно выехал из улицы на площадь. Вениамин сначала решил, что в деревне есть особые ограничения для единственной машины: может, охраняют медведей. Но тут же выявилась причина столь медленного движения: Василий, сидя за рулем, разговаривал с какой-то девушкой, чьи ноги были видны по ту сторону грузовика.

— В кино вечером пойдешь? — спросил Василий, глядя из кабины в сторону и вниз, так что Вениамину был виден только его крепкий, коротко остриженный затылок.

— Мне заниматься надо, — ответил почти заглушенный мотором девичий голос, который Веня узнал бы из тысячи.

— Я вот и без образования зарабатываю. Главное — уметь использовать обстоятельства.

— Кого цитируешь? — спросила Ангелина.

— Я не цитирую, я сам придумываю, — сказал Василий. — Ты не думай, для меня авторитетов нету.

— Поезжай в город, — сказала Ангелина, — молоко скиснет.

— Наше не скиснет, — сказал Василий. — Я его водой из ключа разведу.

— Ты не шути! — сказала Ангелина, прибавила шагу, и Вениамину было видно, как загорелые ноги переместились вперед, но Василий чуть прибавил скорость и догнал девушку.

— А в кино пойдешь? — спросил он.

— Не пойду.

— Ученые приехали? Я им покажу, где раки зимуют.

— Брось ты свои угрозы, — сказала Ангелина.

Дальше разговора Вениамин не слышал, потому что грузовик и Ангелина отошли далеко.

Вениамин побрел по дороге, любуясь резьбой на наличниках и столбах, греясь под северным, нежарким, но уютным солнцем, глядя с нежностью на жеребенка, который выскочил на улицу, оглянулся, взбрыкнул и погнался за курами, а те лениво разбегались, уступая ему дорогу. У крайнего дома, от которого дорога спускалась в низину, Вениамин остановился. Столбы ворот, седые от старости, представляли собой солдат в высоких гренадерских шапках. Носы у солдат уже откололись, как и дула ружей, но глаза гневно глядели вперед из-под насупленных бровей. Сюжет резьбы показался Вениамину необычным — ни в одной из специальных статей, несмотря на свою любознательность и осведомленность в народном творчестве, он о таком не читал. «Надо сказать Андрюше, чтобы сфотографировал», — подумал Вениамин и в этот момент услышал над головой стройное многоголосое пение, ровное и негромкое.

В окне высокого этажа показалась девичья головка, будто там догадались, что с улицы подслушивают. Брови удивленно взлетели при виде худого молодого человека в очках, при галстуке, со следами полосатости на лице. Девушка пропала, песня оборвалась, и тут же во всех четырех окнах возникли девичьи, женские и старушечьи головы, глядевшие на Вениамина с веселым интересом.

— Здравствуйте, — сказал Вениамин.

— Здравствуйте, — ответили во всех окнах. — Вы из экспедиции?

— Он за Мишкой бегал, — сообщила первая девушка.

— Они за мельницей приехали, — сказала женщина во втором окне.

— Нет, — сказали в третьем, — они песни собирают.

— Идите сюда, — сказали в четвертом, — мы вам споем.

— С удовольствием, — сказал Вениамин, забыв на минуту о своей раскраске.

На пороге большой, в два света, комнаты Вениамина встретила статная старуха с гладко зачесанными волосами. Девушки и женщины, пока Веня поднимался в дом, успели рассесться за валики, схожие с диванными, на которых были натянуты кружева, разобрать вересковые коклюшки.

— Добро пожаловать, — сказала торжественно старуха, — в ручьевскую кружевную артель.

Назвавшись директоршей артели, она повела аспиранта вдоль валиков, говоря солидно, медленно, но без перерыва, как профессиональный экскурсовод.

— Наши кружева некогда славились даже за пределами области и в 1897 году на выставке в Брюсселе получили серебряную медаль.

— Большую серебряную медаль, — уточнила толстуха в сильных очках.

— Это неважно, мы не спесивые, — сказала директорша. — Однако промысел наш захирел и почти иссох. Только в последние годы начала возрождаться слава ручьевских кружев. Но вот беда — в области наш узор не берут, говорят, что не народный, приходится ширпотребом заниматься.

— Ширпотребом! — раздались возмущенные голоса.

— А вы только поглядите, что мы умеем делать! Ведь этого больше никто не может.

Кружевницы повскакивали с мест и сгрудились за спинами директорши и Вениамина около большого стола, на котором лежал громадный альбом в дряхлом сафьяновом переплете. В нем были наклеены образцы кружев — некоторые пожелтели от старости, другие новые.

Вениамин и в самом деле удивился, увидев эти кружева. Тонкие нити сплетались в охотничью сцену — мужчина в камзоле и треуголке охотился на уток; на следующей странице дамы в пышных платьях играли в жмурки с изысканными кавалерами на фоне изящных павильонов. Замок соседствовал с русской церквушкой, и вокруг ходили хороводом девицы в кокошниках...

— Невероятно, — сказал Веня.

— Вот то же самое они нам и сказали, — подтвердила статная

директорша. — Сказали, что это не входит в рамки и, значит, это не искусство. Вы знакомы с такой узкой психологией?

— К сожалению, знаком, — сказал Вениамин.

— Они говорят, не народное, — вмешалась девушка в очках, — а у нас в деревне так плетут третий век подряд.

— Третий век, — прошептала древняя голубая бабушка из угла.

Вениамин взглянул в ту сторону и увидел над ее головой два потемневших от времени портрета в потертых золоченых рамах. Художник, который писал их, видно, не обучался в академии, пришел из иконописцев, но был талантлив и наблюдателен. В портретах чувствовалась крепкая рука и уверенность в себе.

Справа висел портрет мужчины в зеленом мундире с красными отворотами и обшлагами, с золотыми пуговицами и в треуголке, обшитой золотым галуном. Лицо мужчины было сурово, подбородок крепкий, а глаза светлые, голубые, как у всех кружевниц.

— Кто это? — спросил Вениамин.

— Майор Полуехтов, — сказала древняя бабушка, — ясное дело.

Но Вениамин уже не слышал. Он смотрел на второй портрет. На нем была изображена молодая женщина, тоже голубоглазая, с полными, чуть загнутыми в углах губами, доверчивая и добрая. Платье было открытое и обнажало округлые плечи и высокую грудь, закрытую кружевом.

— А это государыня императрица, — прошамкала бабушка. — Елизавета Петровна в бытность свою цесаревной.

— Это не более как сомнительная версия, — сказала директорша. — Мы думаем, что это жена Полуехтова.

— Нет, — сказала бабушка, — императрица любила нашего майора невестиной любовью, потому он сюда и попал.

Вениамин уже не слышал спора, горевшего, видно, не первый год. Он смотрел на портрет и страдал, ощущая бездну времени, отделявшую его от молодости той, что была изображена на портрете. И неважно было — принцесса, императрица, невеста, жена... ее нет, Вениамин опоздал, трагически опоздал родиться...

Он не помнил, как оказался на улице, хотя вроде бы его проводила до калитки директорша артели, а он вроде бы обещал ей поговорить со специалистами в Свердловске и постоять за ручьевские кружева. Он слышал лишь стук собственного сердца и знал, что полюбил безнадежно и навсегда.

10

Дальше дед с Андрюшей шли не спеша. Андрюша остановился там, где оставил фотоаппарат. Там же лежал букет голубых махровых цветов.

— Погоди, — сказал вдруг дед строго. — Ты зачем эти цветы погубил?

— Красивые, — сказал Андрюша. — Пускай в банке постоят.

— А ты чего в своей жизни посадил, молодой человек? Ты чего создал? Рвать научился? Рвать все умеют! Это точ-на.

— Это же васильки. Сорняки.

— Дурак, — сказал старик. — Рожь здесь растет обыкновенная, семена из района получили. А васильки уникальные, только в наших местах произрастают. Так что подорвешь экологию, и не будет больше такого сорняка.

— Ну и хорошо, — упрямился Андрюша, — урожаи увеличатся.

— Опять дурак, — сказал старик. — Уничтожишь ты этот так называемый сорняк невиданной красоты, а на нем, может, особый вид бабочек обитал, он тоже вымрет. Тебе их не жалко?

Дед протянул вперед коричневую ладонь, и сверху, из голубой небесной синевы, послушно опустилась ему на ладонь оранжевая бабочка с синими пятнами на крыльях.

— Ты с этим видом знаком? — спросил дед.

— Я бабочек не изучал, — сказал Андрюша, — может, она на соснах живет.

— Эндемик, — сказал дед. — Понимаешь? Все в природе уравновешено и взаимосвязано, как говорил Дарвин.

— Кто?

— Дарвин-младший, внук, я с ним состоял в переписке.

Очевидно, старик не врал. Бабочка вспорхнула с ладони, сделала круг над букетом васильков, огорченная экологическим бедствием, пришедшим с Андрюшей, и пропала в жаркой, душистой синеве.

— Что же мне теперь делать? — спросил Андрюша.

— Дари уж кому хотел. Только на будущее осторожней, береги природу. Пора нам здесь заповедник устраивать. Ты мальчишек двух не встречал, Сеньку и Семена?

— Видел.

— Из-за них, стервецов, я Мишке малину уступил, за ними погнался. Опять браконьерствовали.

— Вы рыбу имеете в виду?

— Ее самую. — Видно, от малого роста дед говорил громко, уверенно, с нажимом на некоторые слова. — А ты что, в поп-группе выступаешь?

— Не понял, — сказал Андрюша.

— Волосы у тебя дикие. И характер буйный. На медведей бросаешься. Я решил было, что ты на саксофоне играешь. В ансамбле. Я, понимаешь, больше классический джаз уважаю. На уровне диксиленда. Ты как к диксиленду относишься?

— Положительно, — сказал Андрюша. — А почему медведь из пушки стреляет?

— Традиция, — сказал дедушка. — Хочешь поглядеть, как он это делает?

— Конечно, хочу. Только он меня не узнает?

— На работе смирный. Понимает, что может зарплаты лишиться. Он за место держится. Сам-то он бескорыстный, но семья у него, медведица строгая. Да ты не бойся, в случае чего я ему объясню. Ведь это я шефство над пушкой осуществляю. Это точ-на.

— Так чего же он у вас малину отнял?

— Ты бы молчал — сам изранил, довел зверя до крайности. Он же в принципе дикий зверь. — Дед рассердился. Даже остановился, топнул ногой и строго спросил: — За мельницей приехали?

— Почему все про мельницу спрашивают? Мы же фольклористы.

— Понимаю, — сказал старичок. — Я все равно к мельнице бы дорогу не указал. Мельница у нас со странностями.

— Любопытно посмотреть, — сказал Андрюша.

Они дошли до крайней избы, остановились. Старичок сказал:

— Вон на той стороне второй дом мой. Запомнил? Жду к себе.

Старичок быстро пошел через улицу к своему дому.

Андрюше не хотелось возвращаться домой. Он уже понял, что в деревне все знают о его утреннем подвиге, но относятся к нему без особой издевки. Может, поискать Эллу? Все-таки он член экспедиции, и его фотографическое мастерство может пригодиться.

Тут он увидел знакомых ребятишек, которые натягивали веревку между могучими липами. Андрюша присел на траву, было тихо, мирно, деревня ему нравилась, утренние приключения уже ушли в прошлое. Он глядел на Сеню и Семена и думал, что они чем-то — разрезом глаз или длинными белесыми ресницами — похожи на Ангелину.

— Прыгать будешь? — спросил Семен. — У нас тренировка по прыжкам в высоту. Скоро тренер придет.

— Вы тренируйтесь, я погляжу.

— Гляди, — сказал Сеня. — За погляд денег не берем. Только если какой-нибудь новый стиль знаешь, не скрывай. А то мы все фолсбери-флопом прыгаем, а он имеет пределы.

Семен разбежался и прыгнул через веревку. Не фолсбери-флопом, а перекидным, да притом зацепился за веревку на высоте метра с небольшим, грохнулся, хорошо — земля мягкая, трава.

— Разминка, — сказал он, — неудачное приземление.

Теперь разбежался Сеня, веревку он преодолел и сказал Семену:

— Поднимай выше.

— Правильно, — сказал подошедший невесть откуда Вениамин, снимая очки и передавая их Андрюше. — Я принимаю участие. Вы не возражаете?

— Прыгайте, — сказал Семен. — Эту высоту будете брать или поднимем?

— Поднимем, — сказал Вениамин. — Во мне подъем чувств.

Он затрусил к веревке, затормозил перед нею и подпрыгнул. Веревка ударила его по коленям, и Вениамин перевалился, шлепнулся на живот и замер. Подниматься было лень — жаркая истома завладела воздухом. Веня отполз в сторону, в тень, перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сеня с Семеном подняли веревку повыше, до полутора метров. Сеня преодолел ее с первой попытки, Семен — со второй стилем фолсбери-флоп. Андрюша поглядел на редкие кучевые облака и сказал:

— Надо мне честь города защищать. Разойдись, братва!

Он хорошо разбежался, перепрыгнул с запасом и сказал:

— Разрешаю поднять планку еще на три сантиметра.

На следующей высоте сошел Сеня, но Семен остался, Андрюша его обошел только по числу попыток.

— Наша взяла, — сказал Андрюша, — а вы говорили.

Он запыхался, устал. И как-то вылетело из головы, что его противникам лет по восемь, не больше.

— Сегодня ваша, завтра наша, — сказал Семен. — Мы еще в длину не прыгали. Смотри, тренер пришел.

Коля Полуехтов с сумкой «Олимпиада-80» через плечо остановился поодаль.

— Как успехи, малыши? — спросил он.

— Скромные, — сказал Сеня.

— Стараемся, — сказал Семен. — Без тебя трудно.

Коля подошел к веревке, ладонью проверил высоту — получилось до его носа.

— Солидно, — сказал он. — Метр пятьдесят три. С какой попытки брали?

— Андрей взял со второй, — сказал Семен. — Я с третьей.

— Нет, — Коля поглядел на Андрюшу снизу вверх, — для тебя это не достижение. В тебе живого росту, наверное, метр восемьдесят.

— Метр семьдесят шесть, — сказал Андрюша.

— Свой рост надо брать без усилий. Это твой предел?

Мальчишки смотрели на Колю с уважением, верили каждому слову.

— Не знаю, — сказал Андрюша. — У меня другие цели в жизни.

— Цели прыжкам не помеха. — Коля говорил поучающим голосом. Андрюшу это разозлило.

— А ты свой рост можешь взять?

— Не проблема, — сказал Коля и, не снимая сумки и не раздеваясь, даже без разбега присел, оттолкнулся и перемахнул через веревку. Потом обернулся к Андрюше: — Ты на меня не обижайся. Я к зиме буду два метра брать. Такая у меня цель. Ну ладно, вы тут отдыхайте, а у меня дела.

Коля пошел через дорогу к дому, а Сеня сказал вслед:

— Редкого упорства он у нас.

— Энциклопедию читает, — вздохнул Семен. — Уже третий том.

Из калитки вышел пес, поглядел по сторонам, затрусил к околице. Вид у пса был деловой, задумчивый.

— За коровой пошел, — сказал Сеня.

По улице не спеша шли Элла Степановна и Эдик. У калитки они остановились. До молодых людей донесся вопрос Эдуарда:

— Вы удовлетворены встречей?

— Спасибо, Эдик, — сказала Элла Степановна. — Ваша помощь совершенно неоценима.

— Ну что ж, и нам надо идти, — сказал Андрюша, подождав, пока Эдуард откланяется.

11

Глафира задержалась в правлении, вела телефонные переговоры с районом. Ангелина осталась на ферме, там заболел теленок. Обед готовила Элла, а Коля истопил баню, и экспедиция

как следует вымылась. Баня оказалась настолько эффективной, что лицо Вениамина приобрело естественный бело-голубой цвет. Правда, он сам этого не заметил, так как его неожиданная влюбленность в портрет воздвигла между ним и действительностью стену. Элла Степановна, узнав о происшедшем, искренне расстроилась.

— Придется мне сходить и поглядеть, что там за портрет, — решила она.

Коля убрал со стола посуду и достал с полки четвертый том энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

— Почитаю немного, — сказал он. — До вечерней тренировки время есть.

— Андрюша, — спросила Элла, — у тебя магнитофон в порядке? С завтрашнего дня начинаем запись.

— Техника у меня готова... — ответил Андрюша. — Только я завтра утром на мельницу сходить хотел.

— На какую мельницу? — возмутилась Элла. — Мы приехали...

— Знаю, за песнями, — согласился Андрюша. — Но наш долг не проходить равнодушно мимо исчезающих памятников старины. К тому же она какая-то странная.

— Ничего странного, — заметил Коля, отрываясь от энциклопедии.

— На колесах? — спросил Андрюша.

— Нет. Просто бродячая. В прошлом году на холме стояла, за рекой. Потом пропала. Говорят, в Волчьем логу объявилась.

— И ты в это веришь?! — воскликнула Элла. — Ты же пионер!

— А чего же не верить?

— И как ты это объясняешь? — спросил Андрюша.

— А чего объяснять? Это все проделки секунд-майора, — сказал Коля. — Он на мельнице ходит и шалит. Все знают.

— Ну, это никуда не годится! — сказала Элла. — Я с твоей бабушкой поговорю.

— Поговорите, — сказал Коля и продолжил чтение энциклопедии.

— Местный фольклор, — сказал Вениамин. — Обычный местный фольклор. Рождается на глазах. Мельницы, может, и нет... Вот пройдет несколько месяцев, и будут обо мне рассказывать, как я влюбился в портрет, а он ожил и стал человеком. У Гоголя...

— В тебе живет Пигмалион, — сказал Андрюша.

— Но портреты не оживают, Вень, — сказала Элла. — Выкинь это из головы.

— Я пойду, — сказал тогда Вениамин, — в артель. Погляжу на портрет.

Коля вздохнул и снова отложил энциклопедию.

— Ну дети, прямо дети, — сказал он. — Что, у вас фольклористы все такие психованные?

— Меня это смущает, — серьезно ответила Элла. — Хотя и твой, Коля, рассказ о мельнице меня не утешил.

— Я все-таки пойду, — сказал Вениамин. — У меня предчувствие...

Он направился к двери, но в этот момент дверь открылась и вошла Ангелина.

— Вы уже пообедали? — спросила она с порога. — А я спешила...

Тут раздался глухой стук.

Вениамин со всего размаха грохнулся на пол.

Он лишился чувств.

12

— Эх, — сказал Коля, окончательно закрывая энциклопедию.

— Я что-нибудь не то сказала? — испугалась Ангелина.

— Он переутомился... Андрюша, воды, — сказала Элла, наклоняясь над Веней.

— История загадочная, — сказал Андрюша. — Вы знакомы?

Ангелина отрицательно покачала головой, зачерпнула из ведра кружку воды, дала Элле. Элла поднесла к губам Вениамина, но тот не прореагировал на это. Элла вцепилась аспиранту в пульс, а Андрюша перехватил кружку и вылил ее на голову своему коллеге.

Вениамин захлебнулся, чихнул, закашлялся, вскочил, увидел Ангелину и попытался тут же снова грохнуться в обморок, но этого не допустил Андрюша:

— Стой! Сначала объяснись!

— Это она... — промолвил Вениамин. — Я так и знал.

— Кто она?

— Портрет, — сказал Веня. — Я не зря надеялся.

После этого падать в обморок было уже не нужно, да и неудобно. Веня смертельно смутился, оттолкнул заботливые руки Эллы, резко поднялся и, пошатываясь, отошел к окну.

— Все ясно, — сказал Андрюша смущенной Ангелине. — Наш ученый сегодня побывал у ваших кружевниц и увидел там

женский портрет. Он влюбился в него с первого взгляда. И тут ты входишь...

— Это ваш портрет, — сказал Вениамин, не оборачиваясь. — Это вы.

— А если это был портрет императрицы Елизаветы Петровны? — спросил Андрюша. — Понимаешь, с кем ты теперь имеешь дело?

— Мне все равно, — глухо сказал Вениамин, глядя в окно. — Я потрясен. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Сходить к колодцу, — сказал Андрюша. — Чай будем пить.

— Не надо, — сказал голос от двери. — Чай погодит.

В дверях стоял вошедший незамеченным шофер Василий, который держал в кулаке два билета в кино.

— Добрый вечер, — сказала Элла Степановна. — Как приятно, что вы нас навестили.

Василий даже не взглянул на нее.

— Ты в кино идешь или не идешь? — спросил он сурово Ангелину. И сам ответил: — Не идешь.

— Если ты ревнуешь, — сказал Коля, — то зря. Веня в портрет влюбился.

— Камуфляж, — сказал Василий. — Ты мне мозги не пудри.

— Клянусь вам! — резко обернулся от окна Вениамин. — Клянусь, что я не видел Ангелину раньше. И мое отношение к ней вторично!

— Почему вторично? — удивилась Ангелина.

— А вы садитесь, посидите с нами, — сказала Элла. — Хотите, кто-нибудь из нас в кино с вами пойдет?

— Чего? — Василий только сейчас вспомнил про билеты. Он разжал кулак. Билеты закружились и упали на пол, а Василий подошел к Вениамину и сказал с угрозой: — Иди к своему портрету, понял? На Ангелину ни взгляда, ни вздоха, понял?

— Я не могу дать вам такого обещания, — сказал Вениамин. — Простите меня, пожалуйста. Это выше меня.

— Мое дело предупредить, — сказал Василий. Он смотрел на аспиранта с презрением и не уходил, не сказав последнего слова, но тут за окном мелькнула черная тень и раздался крик:

— Меакульпа!

Лицо Василия исказилось.

— Проклятие! — закричал он страшным голосом и выбежал из дома. Взревел за окном грузовик.

— Кто же это? — спросила Элла.

— Я думаю, что птица, — сказал Андрюша. — Та самая, да?

— Гришка, — сказала Ангелина. — Это Гришка. Вася за ним вторую неделю гоняется.

— Не догонит, — сказал Коля. — Хочешь, посмотрим?

Андрюша вслед за Колей выбежал на улицу.

Солнце клонилось к закату. Тени от домов и деревьев стали длинными и лиловыми, и трава казалась еще светлее и зеленее.

Далеко над улицей медленно летела громадная черная птица, за нею гнался грузовик.

— Не догонит, — повторил Коля, — ты не беспокойся.

Андрюша хотел сказать, что и не беспокоится, но сзади раздался голос Эдуарда Олеговича:

— Удивительно! Взрослый человек, а такая страсть!

— Страсть? — удивился Андрюша. — К Ангелине?

— О нет! К таксидермии.

— Не понял, — сказал Андрюша. Он не знал такого слова.

— Вася мечтает сделать чучело из этого редкого экземпляра и послать в Академию наук.

— Это не чучело! — возмутился Коля. — Гришка триста лет жил и еще проживет.

Неподалеку возникли Сеня с Семеном.

— Я пошел, — сказал Эдуард Олегович. — В клубе дела. Если захочешь, Андрюша, приходи. Гитару бери, послушаем.

— Спасибо, — сказал Андрюша. — Я вот о мельнице думаю.

— О мельнице? — улыбнулся Эдуард Олегович. — Старухи уверяют, что там вроде бы привидение проживает.

— Живет, — подтвердил Сеня. — Все знают, что живет.

— А кто-нибудь видел? — спросил Андрюша.

— Пойдешь, сам увидишь, — сказал Коля.

— Пойдем, — сказал Андрюша.

— Сейчас? — Коля посмотрел на небо. — Стемнеет скоро.

От реки донесся натужный вой двигателя. Все оглянулись туда.

В облаке пыли появился грузовик. Набирая скорость, он промчался по улице. Мелькнуло лицо Василия, пригнувшегося к рулю.

Грузовик выскочил на дорогу, пронесся по аллее берез, свернул за холм и исчез.

— Нет, — сказал Эдуард Олегович. — Пойду на репетицию. Совершенно недопустимо ездить по улицам с такой скоростью. А вам... — он печально поглядел на Андрюшу, — идти на мельницу не рекомендую. Вечером в лесу опасно, мало ли что почудится. К тому же мельницы, по моим сведениям, давно уже не существует...

— Не существует? — сказал Сеня обиженно. — А я что, слепой, что ли? Что я, школу-интернат в Волчьем логу видал?

— Все ясно, — сказал тогда Андрюша, оглядев молодежь. — Я иду за фотоаппаратом, через минуту выступаем.

13

Андрюша схватил сумку с камерой и тут же выскочил из дома.

Малолетняя гвардия переминалась с ноги на ногу. «Здоровый народ, — подумал Андрюша, — не болеют, сливки вместо молока пьют, занимаются спортом, телевизор смотрят, а вот верят в привидение секунд-майора. Стыдно».

— Далеко идти? — спросил он.

На лицах гвардии наметилось некоторое разочарование. Видно, надеялись в глубине души, что городской ученый пошутил.

— Нет, — сказал Сеня. — Если, конечно, не заблудимся.

Не заблудились. Правда, добирались до Волчьего лога больше часа. Шли напрямик через сосновый бор, затем по пологому склону, поросшему можжевельником, через небольшое болото, по лугу, где стояли стожки сена, потом попали в глухой бурелом, что остался от давнишнего лесного пожара.

В лесу было много грибов, крепкие боровики — шляпки с тарелку — умоляли собрать их, но собирать было некуда. Через полчаса Сеня с Семой устали, пришлось передохнуть на полянке, усыпанной черникой. Пока сидели, не сходя с места, наелись черники до синевы на языке, горстями стаскивая ягоды со стеблей.

Потом лес стал гуще, будто никто никогда по нему не ходил, но вдруг впереди обнаружился просвет. Солнце только село, и в лесу сразу стало неуютно. Путешественники поспешили к свету.

Оказалось, это заросшая по грудь дорога, угадать которую позволяли лишь канавы по сторонам. Правда, посреди нее трава была примята, видно, кто-то по этой дороге ездил.

— Тут когда-то скит был, — сказал Сеня. — Дикие отшельники прятались. Только их скит в озеро провалился.

— Сказки, — возразил Семен. — Лесоразработки тут были.

Дорога заросла крапивой, ее приминаешь, она поднимается лениво, с раскачкой, норовит хлестнуть по лицу смертельной болью. Из леса тянуло вечерним холодом, а на дороге еще было

светло и жужжали, спешили добрать дневную норму пчелы, стрекозы парили над головами.

Справа открылась низина.

— Вот он, Волчий лог, — сказал Сеня. — Тут мельница стоит.

Он поспешил через лужайку, остановился, огляделся.

— Вот. Здесь она стояла.

Трава в середине поляны была примята большим квадратом, особенно глубоко в землю уходили следы двух параллельных бревен. Внутри квадрата трава была низкой, жухлой и белесой.

Коля пошел кругами все шире, наконец крикнул:

— Она в эту сторону ушла!

Андрюша отмахнулся. Мистики он не любил. Мистика не входила в круг привычных для него понятий, а раз так, ее существовать не могло. Но похоже было, что они пришли именно в Волчий лог, а здесь недавно еще стояла мельница. Только мельница ушла.

— Я серьезно говорю, — сказал Коля. — Она следы оставила.

Мельница, видно, ползла по траве, кое-где вырывая ее целыми пластами. Борозды вели к дороге.

— Зачем? — спросил Андрюша. — Кому это нужно?

— Кому? — переспросил Семен. — Ясно кому. Секунд-майору. — Он протянул Андрюше что-то блестящее. — Смотри.

Это была старая медная пуговица, гладкая, выпуклая, размером с трехкопеечную монету.

— Он в мундире ходит, — сообщил Сеня. — Мундир у него военный тех времен. Пуговицы такие. Это все знают.

— Чепуха, — сказал Андрюша. — Если он привидение, то он нереальный. Откуда у миража медные пуговицы?

— Не знаю, — сказал Семен. — Значит, так нужно.

Следы мельницы доходили до лесной дороги, потом сливались с колеями.

— Когда же она ушла? — спросил Андрюша задумчиво. — Сегодня?

— Нет, что ты, — сказал Коля, — с тех пор дождь был. Все следы залило. А то бы мы лучше разобрались.

Не сговариваясь, пошли дальше. Солнце село, звенели комары. В глубине под большими деревьями посинело, краски размылись, тени стали непрозрачными. Но на дороге все еще было светло.

— Может, вернемся? — спросил Сеня. — Скоро стемнеет.

— Нет, — сказал Коля. — Мы до протоки дойдем. Не могла мельница далеко уйти. Она бы в реке утонула.

Андрюше, хоть он и был виновником похода, стало не по

себе — не приходилось раньше встречаться с бродячими мельницами, секунд-майорами и прочей ерундой, которой, разумеется, нет, потому что не может быть, но которая все-таки существует, а возвращаться придется по темному лесу, с ним трое мальчишек, еще потеряется кто-нибудь, а лес здесь бесконечный, и он, Андрюша, с ним незнаком. «Еще сто шагов, — сказал он себе, — и повернем...»

14

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеющем воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямоугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушить мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и задушевной беседе, но на самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша не потому, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь постоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко: чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опершись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезала серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали, — прошептал в ответ Коля. — Сенька с Семеном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую, тесную комнату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скупо освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннерветтер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — Снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий молотил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прут, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздался короткий вопль ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые, в обтяжку, штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.

А Андрюша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрюша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрюша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомо в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— Погоди, — сказал Андрюша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь не поздоровится. Секунд-майор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрюша приподнялся на локтях, вглядываясь в даль. И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрюша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля, — а с меня хватит.

— Ладно, — сказал Андрюша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, — туман, полосами поднимавшийся от протоки, уже заполнял ее — беззвучно выплыла еще одна фигура. Еще одно военное привидение: в синем мундире с красным воротником и обшлагами, в штанах, в отличие от первого привидения, красных, заправленых в высокие узкие сапоги с раструбами. Синяя треуголка была обшита позументом, блестевшим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор, — прошептал Коля. — Это перебор.

— Наверное, он из другого полка, — сказал Андрюша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колено в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь, и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли, — прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрюша слышал, как часто и неровно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убыстряя шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрюша с Колей, не сговариваясь, вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед околицей сзади послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шагу — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен подбежали к дороге.

— Мы вас ждем, — сообщил Сеня, — даже замерзли.

— Сбежали, — сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели, — сказал Семен. — Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели, — сказал Андрюша. — Они у вас в лесу как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего, — сказал Коля, — спокойной ночи, малыши.

15

— Ты где пропадал? — спросила Элла, увидев Андрюшу. — Я уже готова была поднимать на ноги всю деревню.

— Мы с Колей в лесу гуляли, — сказал Андрей. — А где наша молодежь?

— Веня с Ангелиной в клуб пошли. Там репетиция хора. Ангелина поет, а Веня хотел послушать, нет ли там интересных мелодий.

— Ясно, — сказал Андрюша. — Веню вела бескорыстная любовь к фольклору.

— Если ему нравится Ангелина, в этом нет ничего страшного, — сказала Элла. — Тебе это чувство пока незнакомо.

— К счастью, — сказал Андрюша. В тот момент подобные чувства были от него и в самом деле далеко.

Коля разжигал печку, поглядывая на Андрюшу. Он не понимал, чего Андрюша таится, не рассказывает о привидениях начальнице, но сам был человеком сдержанным и в чужие дела не вмешивался. Тем более тут же пришла Глафира, тяжело опустилась на стул.

— Уморилась до смерти, — сказала она, — рабочих рук не хватает. Хоть детей поднимай. Артель закрывать будем.

— Тетя Агафья не согласится, — сказал Коля, раздувая огонь в печи. — У нее план.

— Не знаю, что и делать. А тут еще совещание по льну. А у вас как день прошел?

— Эдуард Олегович познакомил нас с женщинами. Они мне обещали помочь. Вениамин сейчас в клубе на репетиции.

— Он в Гельку влюбился, — сказал Коля.

— Чего? Уже успел? Ах она мерзавка! — рассердилась Глафира. — Человек ученый, на работе, а она ему голову крутит!

— Нет, — сказал Андрюша, — она не виновата. Веня у кружевниц портрет увидел и восхитился. А Ангелина оказалась копией портрета... Тут его сердце не выдержало.

— Ох не смейся, Андрюша, — сказала Элла. — Ох не смейся. Когда-нибудь и сам попадешь в ситуацию похуже этой.

— Понятное дело. Девка в городе пожила, теперь тоскует, — сказала Глафира. — А тут образованный человек, в очках. Но меня больше Василий беспокоит.

— Мы Васю сегодня в лесу видели, — сказал Коля. — На мельнице. Мы Андрею мельницу показывали.

— В Волчьем логу?

— Нет, она дальше ушла, — сказал Коля серьезно. — Мы ее у Максимовой протоки нашли. Василий там Гришу пытал!

— Не может быть! — ахнула Элла. — Какого Гришу? Почему не остановили? Почему мне ничего не рассказали?

— Погодите, — сказала Глафира, тяжело поднимаясь из-за стола. — Ты, Николай, рассказывай по порядку. Меня давно этот Васька смущает. Чего пытал, чего узнать хотел?

— А мы не видели, — сказал Андрюша. — Понимаете, он стоял к нам спиной, а там плохое освещение...

— А потом он нас услышал и погнался. А тут привидение...

— Привидение? — спросила Элла.

— Секунд-майор, — сказала Глафира. — Я, правда, его не видела, но некоторые встречали.

— Но ведь этого быть не может, — сказала Элла.

— Правильно, — согласилась Глафира. — Рассказывай дальше, Николай.

— Нечего рассказывать. Привидение пришло в мундире и с пистолетом, Васька бежать, мы тоже.

— И все?

Коля поглядел на Андрюшу. И Андрей понял почему. Пока речь шла об одном привидении, вроде бы можно было в это верить.

— Не все, — сказал Андрюша. — Привидений было два.

— Чего меня морочить вздумали? — нахмурилась Глафира.

— Ей-богу, два, — сказал Коля. — Только один в зеленом мундире, а другой в синем. Первый в мельницу пошел, Гришу выпустил...

— Значит, беспокоится, ход бережет, — сказала Глафира.

— Гриша не скажет, — заметил Коля.

Андрюше вдруг стало грустно. Он здесь чужой. Вроде бы видит, что и другие, вроде бы с ним разговаривают, за столом сидят, в лес ходят, а от этого лишь накапливаются недоразумения и тайны. То нападаешь на медведя, а оказывается, что нападать не положено, то ищешь в лесу мельницу, и никого не удивляет, что мельница бродячая, а в ней допрашивают Гришу, тебе уже все кажется загадкой, а может, все просто объясняется, да некому объяснить?

Наступила пауза, которую ни Элла, ни Андрей не посмели нарушить. Элла накручивала на палец рыжий локон и старалась убедить себя, что хозяева шутят. Глафира снова уселась за стол, задумалась, потом надела массивные, модные очки и начала просматривать газету — передовицу про сенокос.

— Гляди-ка, — сказала она, — «Путь революции» шестьдесят

два процента скосил. Вы такое видели? Да они не начинали за Сотьвой косить!

— Вчера косили, — возразил Коля. — Известное дело, у них студентов тридцать человек.

— Студенты в лесу ягоды собирают, — сказала Глафира. — Поверь уж мне, поспешил Кондратий с отчетом. Ой поспешил.

— Значит, вы наблюдали фигуры в офицерских одеждах? — тихо спросила Андрюшу Элла. — А что, если здесь дислоцирована воинская часть? Они же имеют право в свободное время гулять по лесу.

— Если и была дислоцирована, — вздохнул Андрюша, — то лет двести назад как в Конотол перевели. Жаль, темно было, не сфотографируешь.

— Милиция по Ваське плачет, — сказала Глафира, откладывая газету. — Сколько лет мельница на месте стояла. Кому это нужно, не пойму. А ну-ка, Николай, добеги до Артемия, позови. Надо мне с ним поговорить.

Старик Артемий вошел в комнату несмело, задержался в дверях. В руке обвязанный веревкой старый чемоданчик, с такими ходят водопроводчики.

— Вечер добрый, — сказал он, поглаживая седую бороденку. — Не побеспокоил?

— Заходи, дед, — сказала Глафира, снимая очки, кладя на стол и припечатывая тяжелой ладонью, словно муху. — Садись.

Дед присел на стул.

— Чего приглашала? — спросил он.

— Претензии у меня к тебе. А какие, знаешь?

— Знать, конечно, не знаю. Не имею возможности. Но догадываюсь. На работу я сегодня не вышел. Это точ-на!

— Занемог снова? А косить кто будет?

— Правильно! Но не занемог. А волновался. За здоровье Михаила, сама понимаешь. Испугали они его. — Дед вежливо наклонил голову к Андрюше. — Без злого умысла, но подстрелили. А он у нас нервный стал, очень нервный. Малину у меня отобрал. Но завтра с утра, Глафира, это точ-на! С косой на поляну! Без обману, это точ-на!

— А то смотри, что пишут. «Путь революции» уже шестьдесят два процента скосил.

Дед вытащил из кармана серого пиджака старинный лорнет в золотой оправе, растворил его и наклонился над передовицей. Все молчали, пока дед, шевеля губами, читал сообщение о ходе косовицы.

— Да, — сказал он наконец. — Кондратий, можно сказать, преувеличил. Это точ-на!

Коля достал горшок с картошкой. Элла помогла ему, поставила рядом сковородку с рыбой, а Андрюша резал хлеб.

— Ты мне скажи, где Гриша? — спросила Глафира. — С ним чего не случилось?

Дед откашлялся, но промолчал.

— Чего молчишь? Люди это приезжие, все равно не поймут.

— Видел сегодня Гришку, — сказал дед. — Видел. Прилетел он. Крыло у него поврежденное, двух перьев на хвосте нет. Дал я ему политическое убежище.

— Василий? — спросила Глафира.

Дед удивился. Сильно удивился, вцепился себе в бороденку, дернул ее книзу, глаза остекленели.

— Василий? Чего Василий? — спросил он.

— Ну не хочешь как хочешь, — сказала Глафира. — Только учти, старый, вот эти ребята в лесу были, мельницу нашли. Василия там видели. И Гришу.

— Мельницу? В Волчьем логу? — спросил дед.

— Не, — сказал Коля, — дальше, у Максимовой протоки.

— Ага, — согласился дед, — дальше.

— А Гришка к тебе когда прилетел?

— Да полчаса не будет, как прилетел.

— А что сказал?

— А что он скажет, птица глупая.

Элла с Андрюшей слушали этот разговор, и смысл его был близок, почти раскрыт, но догадаться самим невозможно.

— Значит, ты ничего не знаешь? — спросила Глафира.

— Знать не знаю, это точ-на. Но обязательно догадаюсь, ты меня, Глаша, знаешь.

— Садись тогда, поешь с нами.

— Мне ни к чему, благодарствую. Я ужинал.

— А ты поешь. Не отказывайся. И люди с тобой поговорят. Ты ведь им тоже не без пользы... Странно мне. Вроде бы людей знаю и места, всю жизнь здесь прожила, а вот теперь чего-то не понимаю. Словно злой дух какой вмешался. Ну просто не понимаю!

— Я так тоже думаю, — сказал дед. Достал щеточку, принялся чесать бородку. — Тоже думаю, что есть какой-то злой дух, только не пойму еще, как его фамилия.

— Значит, не веришь?

— В кого не верю?

— В секунд-майора.

— Нет, — сказал дед скорбно, — верю. Не хотел бы, да верю. Сам видел. В лесу. Сегодня. Ходит, шастает. А чего ему надо, спрашивается?

— Вот поедим, — сказала Глафира, — и принимайся, дед Артем, за рассказ.

— О чем рассказывать-то?

— Не притворяйся, чемодан-то чего притащил? Кто не знает, что ты в нем свои бумаги хранишь?!

— Берегу, — согласился дед, — от дурных людей.

16

Дед достал длинный костяной мундштук, потом из другого кармана расшитый бисером кисет с табаком, закурил самокрутку, вставил ее в мундштук.

Элла с Колей убрали со стола. Дед поставил на стол чемоданчик, развязал веревки — и тот сразу распахнулся, из него ворохом полетели листы бумаги.

— Деревня наша, — сказал дед, раскладывая бумаги по столу, — имеет историю долгую и необыкновенную. А известна она узкому кругу людей, потому что другие не интересовались. Ты посмотри на своих гостей, Глафира. Они по специальности все волчьи углы облазили, а вот до нас только к концу двадцатого века добрались. Вот ты, рыжая, — это относилось к Элле, и та не обиделась, — скажи, почему Ручьи Полуехтовы?

— Помещик был Полуехтов, — сказала Элла. — Нам Эдуард Олегович рассказывал.

— Эдуарда Олеговича меньше слушай. Он человек пришлый, гордый, а без любопытства. Как приехал, так и уедет.

— Эдуард Олегович много делает для самодеятельности, — сказала Глафира.

— Когда по делу говоришь, Глафира, я к тебе всегда прислушиваюсь. Но когда о самодеятельности или, допустим, об американском джазе, то лучше помолчи. Ясно?

Глафира улыбнулась. За окном стало совсем темно, луна повисла над занавеской.

Дед Артем хитро прищурился, отложил лорнет, выставил бороденку, потом закачался медленно и ритмично, руки его поднялись над коленями, словно на коленях лежали гусли и дед собирался себе аккомпанировать.

— В некотором царстве, — начал он нараспев, — в некотором государстве...

— Послушай, Артемий, — перебила его Глафира, — а нельзя ли попроще?

— Попроще нельзя, — сказал Артемий. — Ты забыла, кого принимаем? Принимаем мы специалистов по фольклору — для них то, что начинается с трезвых дат и фактических сведений, в уши не пролезает. Продолжаю. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве жили-поживали добрые крестьяне, землю пахали, горя не знали, подати платили, лен молотили...

Андрюша включил магнитофон, и дед наклонился к нему поближе, чтобы магнитофон чего не пропустил, а сам поглядывал на зеленый дрожащий огонек индикатора, следил за качеством записи.

— Тебе ли фольклор придумывать? — усомнилась Глафира.

— Кто-то должен это делать, — сказал дед. — Не оставлять же на откуп неграмотным бабкам. А ты чего «Телефункен» не купишь?

— Чего? — не понял Андрюша.

— Качество невысокое, — сказал дед.

— Не отвлекайся, — сказала Глафира. — Думаешь, если новая аудитория, на тебя управы нету? Вот велю Кольке рассказывать...

— Нет, Кольке нельзя, — не согласился дед, — он романтик. Он обязательно приврет. Про крепость и индейцев.

— Тогда я сама расскажу.

— Давай, чего мне, я разве возражаю? Ты бригадир, ты здесь исполнительная власть. Давай рассказывай.

— Дело в том, — сказала Глафира, — что дед наш краевед. Он три отпуска в Ленинграде провел, в архивах, в музеях. Все наши легенды и сказки научно объяснил, но, разумеется, личная скромность его подводит, да и недостаток образования... — Глафира говорила, ухмыляясь, поглядывала на деда, тот вертелся на стуле: и приятно было слушать, и самому поговорить хотелось.

— Ладно, — сказал дед, — я сам продолжу.

Он обеими руками подвинул к себе кипу бумаг. Бумаги оказались различными — старыми, мятыми записками, машинописными страницами, фотокопиями документов, исписанных писарской вязью...

Дед порылся в бумагах, окинул строгим взором притихшую аудиторию и сказал:

— Начнем тем не менее с фольклора.

— Начнем, — сказал Андрюша и вытащил фотокамеру. Вид деда, лорнирующего фольклорную экспедицию, был экзотичен.

— Выдержку побольше сделай, — сказал дед строго. — Тут

света маловато. А начнем с чистой сказки. Как звучала она в народе и как ее записал от моей бабушки Пелагеи случайный человек, приват-доцент Миллер, добравшийся до наших мест из любознательности, свойственной положительному российскому немцу.

Дед извлек фотокопию журнальной страницы.

— Напечатано в журнале «Любитель Российской старины», номер шесть, декабрь 1887 года, на этом номере журнал прекратил свое существование. Найден мною в библиотеке Пермского института культуры. «Быль то или небылица...» — так моя бабушка начала свой рассказ, типичный запев в наших краях.

— Типичный, — согласилась Элла, — вы совершенно правы.

— «Быль то или небылица, летела птица, несла яицы». Последнее слово отношу на совесть Миллера, бабушка моя никогда так не рифмовала, — сказал дед.

— Это невозможно, — снова согласилась Элла. — Сказительницы всегда берегли русский язык.

— Будем думать, что бабушка здесь обошлась без рифмы, — сказал дед. — Суть в следующем. Вначале идет обычный текст об Иване-дураке, который намерен отыскать лекарство для царевны. Встречает Иван старца. Теперь слушайте текстуально. «И сказал ему старец: «За лесами, за морями, за высокими горами есть в лесу ключ, а вода в нем живая. Если дашь мертвецу испить, встанет мертвец, коли дашь болезному испить, исцелится болезный, коли дашь калеке испить, плясать пойдет».

— Так и написано?

— Повторяю, в записи немца Миллера. Продолжаю: «И сказал тогда Иван-дурак: «Пошли, царь-батюшка, за живой водой, вылечим мы твою царевну». Сильно разгневался царь-батюшка. «Как, — говорит, — смеешь ты, крестьянский сын, мне указания делать? Возьми, — говорит, — роту солдат и следуй к ключу, найди его, принеси воды и вылечи царевну. Вылечишь, будет тебе царевна в жены и еще полцарства в придачу».

Дед отложил листок, пролорнировал фольклористов и спросил:

— А часто ли Ивану-дураку придают роту солдат?

— Ну, это совершенно нетипично, — сказала Элла Степановна. — Герой в сказке всегда действует один.

— Вот видишь, — сказал дед Артем, — я тоже так рассудил. А ведь должен тебе сказать, что историю эту я слыхал от бабушки хоть и после того, как немец Миллер здесь побывал, но еще когда бабушка была в твердом уме и памяти. Я тогда, конечно, про Миллера не знал, но мне-то бабушка говорила, что ключ

живой воды находился в лесу за нашей деревней. Понимаешь, за нашей! Точ-на!

— А он там есть? — спросил Андрюша. — Или бродячий какой, как мельница?

— Вот это я и решил проверить. Тем более что с водой в нашей деревне необычно.

— В каком смысле? — спросила Элла Степановна, инстинктивно отстраняя чашку с чаем, чего никто, кроме Андрюши, не заметил.

— А в том смысле, что она у нас особенная. Чистая, добрая.

— Волосы отмываются, как в шампуне, — сказал Коля.

— Не в этом дело! От нашей воды здоровье улучшается, силы прибывают. Лучше боржоми.

— Ну уж скажешь, — возразила Глафира. — Патриот он у нас, даже писал в Кисловодск, чтобы прислали специалиста.

— И пришлют, — сказал дед. — Спохватятся, пришлют.

— Нет смысла, — сказал Андрюша. — Сюда добираться трудно. Кто поедет? Моря нет, пейзажей мало.

— А вот и дурак, — сказал дед убежденно. — Потому что, оказывается, раньше люди были поумнее, чем ты, студент. Что имел в виду народный эпос под видом Ивана-дурака и его роты солдат? Нет ли здесь исторического объяснения?

— Правильно, — сказал Андрюша. — Пушка на площади, верстовой столб, фамилия Полуехтовы.

Дед повертел стопку бумаг, подвинул к себе некоторые, не спеша проглядел, хотя, видно, знал их наизусть.

— В середине восемнадцатого века царствовала на престоле злая баба, царица Анна Иоанновна, слышали о такой?

Элла кивнула.

— И под конец своего царствования занемогла она от дурости и невероятного обжорства. И каким-то неясным пока для нас путем узнала, что есть на Урале целебный источник. Полагаю, слух шел от промышленников, что за мягкой рухлядью сюда ходили. Ведь цари — они как обыкновенные люди: заболеют, всему готовы поверить. Царица велела обязательно этот источник найти и сделать здесь курорт для своего величества. — Дед достал большой ветхий лист, свернутый в трубку, развернул. — «Мы, Божьей милостью Анна Иоанновна», — прочел он. — Без лупы не поймешь, а я два месяца сидел, пока понял... «Посылаем нашего войска секунд-майора Ивана Полуехтова...» А дальше уж совсем ничего не разобрать. И знаете, где я эту бумагу нашел?

Дед сделал паузу, подождал, пока все откачают отрицательно головами, сказал тихо и торжественно:

— В сундуке моей бабушки. Ясно? Это оригинал. Может, где в архивах и есть копия, но это оригинал. И из него ясно, что царица послала в наши края одного секунд-майора. Тут уже сказка не сказка, ничего не поделаешь. А вот, гляди, я из журнала «Русский архив» переписал. «Об одной забытой экспедиции XVIII века». Пишет некто Федоров-Гаврилов. Цель, сообщает он, экспедиции, которая в большой тайне была направлена из Петербурга на восток в декабре 1738 года, так и осталась невыясненной. Известно, что во главе стоял секунд-майор Полуехтов, отличившийся в Крымском походе с фельдмаршалом Минихом, — здесь все прописано, как и что. И полагал Федоров-Гаврилов, что экспедиция была направлена для достижения берега Ледовитого океана или за золотом, и рассуждает на эту тему и говорит, что экспедиция так и не вернулась.

— Вот это здорово! — не удержался Андрюша. — А они, значит, сюда добрались?

— Больше того, без дорог, по тропе они и пушку сюда дотащили на одной армейской дисциплине. Дом построили, пушку поставили...

— Значит, они нашли источник? — спросила Элла.

— Полагаю, нашли наш ручей, — сказал дед. — Вода в нем хорошая.

— Хорошая, — сказала Глафира, — но обыкновенная.

— А царице все хуже, — продолжал дед. — И спрашивает она своих бирона и остерманов: «Как там дела с моим срочным исцелением?» А они отвечают: «Не имеем сведений, кроме как знаем, что добрался Полуехтов и дорогу кладет». «А вода какая?» — спрашивает царица. «А про воду не могем знать», — отвечают бироны. «А ну-ка срочно узнать! — велит царица. — Самого-то главного не выяснили!» Засуетились здесь бироны и послали срочно лейб-медика Блюменквиста, чтобы проверил марциальные воды. И приехал сюда лейб-медик Блюменквист, который уж давно лечил царицу, да безуспешно. Я нашел его отчет о том, как он воду пробовал. Отчет по-немецки, но мне его добрые люди в Ленинграде перевели. Там заодно я и стереосистему купил для прослушивания джаза... Так этот лейб-медик вот что сообщил: «По прибытии на место я обнаружил, что климат здесь дождлив и негоден для дыхания высоких персон, а вода, кроме чистоты, иных достоинств не имеет».

— Что же он так категорически? — спросила Элла.

— Интриги, — ответил дед. — Зачитываю отрывок из личного дневника канцлера Остермана: «Помимо прочего, отъезд императрицы из Санкт-Петербурга крайне нежелателен, ибо может привести к возмущению гвардии, особливо ежели императрица скончается или сугубо занеможет в трудном пути. Имел беседу с прибывшим с Урала лейб-медиком Блюменквистом, доклад которого о посещении марциальных вод должен быть благоприятен для наших планов и судеб России». Ясно?

— Ясно, — сказал Андрюша. — А дальше что было?

— Здесь и начинается самое интересное. Майору велели строительство курорта пресечь и вернуться домой. А секунд-майор не отозвался. Слушайте, как сказка кончается. И говорит тут Иван-дурак: «Хоть казни меня, царь, хоть милуй, только обратно в стольный город мне пути нету. Будем мы с царевной здесь проживать и детей наживать. Избушку срубим, огород разобьем». Пошумел царь, позлился, да что делать — слово держать надо. Отдал он царевну Ивану. И остались они в лесу, избушку построили, детей народили, так наша деревня и на свет появилась. И до сих пор они живут, куда им помирать, живая вода рядом, хоть ведром черпай.

— То есть он остался здесь жить? — спросила Элла.

— Дорогая начальница, — сказал Андрюша, — ясное дело, секунд-майор живет здесь до сих пор, только на одной воде не растолстеешь, вот и превратился он в привидение.

— А в самом деле? — спросила Элла, проникшись доверием к детективному таланту старика.

— Точ-на! — старик торжествовал. — Имеем в деле документ номер девяносто три, датированный восьмым сентября от Рождества Христова лета тысяча семьсот сорок второго!

Он потряс в воздухе исписанным листом.

— Это последний штрих в моем научном поиске! Донесение сибирского губернатора о розыске пропавшего без вести секунд-майора Полуехтова с командой. Точ-на!

— Не томи гостей, — сказала Глафира. — Мы все знаем, что поговорить ты мастер.

— Все путем, — сказал дед, — подготовка нужна. Оказывается, велели губернатору отыскать Полуехтова и вернуть в столицу. Да еще вернуть с кассой. Почему так произошло? А вы на дату поглядите. Прошло-то два года, пока спохватились. Представьте себе — Анна померла, Остерман из фавора выпал, пришла к власти молодая царица Елизавета, которую собственное здоровье пока не беспокоило. И забыли в суматохе о нашем секунд-майоре. А он живет. Инструкций не имеет, ждет. И не знает, что живая вода объявлена обыкновенной.

— Моя бабушка, — вмешалась Глафира, — полагала, что приказ возвращаться был, только Иван его разорвал.

— Заваруха была, понимаешь, заваруха! — сказал дед. — Может, никому и дела не было до Полуехтова? А сам он на Елене женился.

— На ком? — спросила Элла Степановна.

— А вы в кружевную артель загляните, там два портрета висят. Один портрет — секунд-майора, а второй — Елены, ясно?

— Так она же возлюбленная Вени! — догадался Андрюша. — Точная копия Ангелины!

— Ничего удивительного, — сказал дед. — От ихней любви каждый второй в нашей деревне произошел.

— Кто она была? — спросила Элла.

— Местная, полагаю, — сказал дед. — И в заимке люди жили, а из Сотьвинска мужики приехали, дорогу строили, дом царицы. Я так полагаю, что и некоторые солдаты семьями обзавелись.

— Они очень друг друга любили, — сказала Глафира. — Про это у нас в деревне даже песни поют. И детей у них трое родилось: Петя, Константин и Елизавета.

— Но!.. — дед сделал паузу. — Такой союз неизбежно должен был обернуться трагедией. Это точ-на! Почему? Из-за зверских социальных условий, которые царили в те времена. Кем был секунд-майор? Он был дворянин. А Елена? Крестьянская дочь, низшее сословие. Нельзя было им обвенчаться. И предполагаю я, что жили они здесь в счастье, но в тревоге, что это счастье кончится.

— Чего предполагать, все знают, — сказала Глафира. — Про это песни сложены. И дети их были незаконными, и разлука их ждала...

— Неминуемая, — подхватил дед. — Не исключено, что у секунд-майора и другая семья была... Так вот, из отчета губернатора следует, что он получил в сорок втором году предписание отыскать секунд-майора с командой, вернуть его, а если он, случаем, преставился...

— То есть помер... — пояснил Коля.

— Тогда... Коля, не перебивай, уши оторву... Тогда доставить в Петербург кассу, тринадцать тысяч рублей золотом и серебром, выделенные секунд-майору на приготовление к царицыному приезду.

— Так много? — удивилась Элла.

— Еще бы. Дорогу построить, дом, удобства... Ладно, что губернатор делает? Как и все губернаторы — отдает приказания.

Шлет запрос из Тобольска в Екатеринбург, откуда едет человек в Нижнесотьвинск. «Что за майор у вас, что за касса? Почему ничего не знаю?» Губернатор-то новый был, а Ручьи от Тобольска ой как далеко! Из Нижнесотьвинска ему сообщают: есть такой секунд-майор, живет с крестьянской девкой в деревне, детей прижил, хулиган, с точки зрения дворянской морали, а деньги, наверное, все растратил.

— А он не растратил, — сказал Коля, — он их в пещере спрятал.

— Что за чепуха! — возмутился дед. — Секунд-майор на них дом построил, дорогу проложил, четыре года солдат содержал — откуда деньгам быть? Не смей клеветать на своего предка!

— Он их спрятал, это все знают, только найти нельзя. Их привидение охраняет.

— Мне тоже говорили, — сказала Глафира.

— Глафира, окстись! — дед кипел негодованием. — Не уподобляйся корыстному и наивному Василию!

— А ваша теория? — спросила Элла.

— Не теория, а уверенность. Эти деньги в Нижнесотьвинске подрядчики растащили. Майор-то человек военный, прямой, в тонкостях финансовых совершенно не разбирается. Но кто ему поверит, если даже вы, можно сказать, родные люди, не доверяете?!

— Дальше, дальше! — воскликнула Элла.

— Все по порядку. Шлет тогда губернатор майору приказ прибыть немедля для отчета с кассой и солдатами. А майор не отвечает. Тогда губернатор направляет в Ручьи военную команду с поручиком во главе. Как узнал секунд-майор о приближении команды...

— Об этом песни сложены, — сообщила Глафира и вдруг запела со слезой, с чувством:

И собирается ясный сокол во лесную чащу,
И молвит ясный сокол молодой жене...

— Да не плачь, молодая жена, да не лей понапрасну слез! — подхватил дед. И тут же оборвал себя, заговорил строго, деловито, прозой: — Воинская команда секунд-майора в деревне не застала. Ушел он в лес и не вернулся. Сгинул.

— Может, убежал? — предположил Андрюша.

— Нет, погиб он, это точ-на. Ворон Гришка прилетел, у Елены дома жил. Ворона этого он птенцом подобрал, выходил, всему научил, ну словно собака Гришка у него был. Никогда с ним не расставался... Солдат повязали, в колодки забивали, деньги

искали, всю землю перерыли. Губернатор отчет послал в Петербург — нет майора, нет кассы.

— Он к своему кладу пошел, — сказал Коля. — Его в пещере задавило. Вот он теперь и ходит привидением. Место знает, да не хочет показывать.

— Есть такое суеверие, — сказал дед. — Верят некоторые в привидение секунд-майора.

— А вы? — спросил Андрюша.

— Я тоже верю, почему не верить? Может, электрическое объяснение есть?.. Вот и сказка вся, — заключил дед Артем.

— Не вся. Сказка так кончается, что Елена, майорова жена, — заговорила нараспев Глафира, — выплакала все очи, его дожидаючись, а потом пошла через горы и реки, через лес и дубраву. И увидела она, неживой лежит, неживой лежит возле озера...

— Неживой лежит, от тоски иссох, — подхватил, не удержался на почве исторических фактов дед.

— От тоски иссох, без любви погиб, — запел Коля.

— И пошла она к ключу Царицыну. Как к тому ключу за живой водой... — пели Полуехтовы хором.

Дед прервал пение взмахом руки — как отрубил.

— В общем, считается, что она его оживила и они стали жить в лесу. А это чепуха. Елена Полуехтова и все ее потомство благополучно проживали в деревне Ручьи в последующие годы, о чем есть церковные записи в храме села Красное.

— Жалко, если клада нет, — сказал Андрюша. — А Василий знает об этой легенде?

— Все знают, еще говорить не научатся, а уже знают. У нас бабки вместо сказок эту историю рассказывают.

— И вы думаете, что он для этого Гришку ловил?

— Уверен, — сказал дед Артем. — Только Гришка тайну не открывает.

— Какая наивность! — сказала Элла. — Вороны неразумны. Птица не может хранить тайны.

— Куда ей, птице, — неискренне согласился дед.

— И вообще мне Василий последнее время не нравится, — сказала Глафира. — Замкнутый стал, в городе пропадает...

— Василий только проводник чужих идей, — сказал дед Артем.

— Чьих? — спросила Глафира.

— Вот разберусь, скажу.

— С чем разберетесь, простите? — раздался голос от двери.

— Вечер добрый, — сказала Глафира, узнав Эдуарда, остановившегося на пороге. — Заходи, чаю попьешь.

17

Андрюша проснулся от пушечного выстрела.

Вениамин тоже вскочил, сонно захлопал глазами. Некоторое время его лицо продолжало хранить испуганное выражение, но вдруг внутренний свет озарил его, и улыбка расползлась по впалым щекам. Со двора донеслось звяканье ведра. Вениамин метнулся к окошку и прилип к нему.

— Она прошла с ведром в руке? — спросил Андрюша с некоторой завистью, потому что просто влюбленный смешон, а влюбленный, который пользуется взаимностью, почти не смешон.

— Доброе утро, — прошептал Вениамин в окно так громко, что, наверно, было слышно на площади.

— Доброе утро, Веня, — послышался в ответ девичий голос.

— Мы с ней будем к сочинению готовиться, — сообщил Веня.

— Элла тебе голову оторвет, если ты совсем забудешь о работе, — возразил Андрюша. — И будет права. Впрочем, я тебе завидую хорошей белой завистью.

— Нет, — почему-то не согласился Веня. — Хорошей белой зависти не бывает. Зависть — это желание получить то, что есть у другого, но отсутствует у тебя. Поэтому зависть — чувство отрицательное.

— Не претендую я на твою Ангелину, — сказал Андрюша. — Я твой верный друг и пособник, если надо.

— Спасибо, — прочувственно ответил Веня.

Он никак не мог справиться со шнурками от ботинок. Андрюша с сочувствием наблюдал за его действиями. Бабочка-капустница с крыльями в ладонь влетела в окошко, и Андрюша сказал задумчиво:

— В детстве я отдал бы все сокровища за такой экземпляр.

— Ага, — сказал Вениамин, — бабочка.

— Тебе не кажется, что здесь все преувеличенное?

— Конечно, — сказал Веня. — А у нее на щеке родинка.

— Все ясно, — сказал Андрюша. — Иди, только не забудь поменять местами ботинки. Ты перепутал ноги. Будет жать.

— Чего же ты раньше молчал? — возмутился Вениамин. — А еще пособник!

Ковыляя в полунадетых ботинках, он выбежал в сени. Там загремел, налетев на какой-то тяжелый металлический предмет. Андрюша хотел пойти к нему на помощь, но в этот момент в окошко влетел комок бумаги. Андрюша развернул его. «Анд-

рей, — было написано там, — зайди ко мне. Быстро. Есть разговор. А.».

— Кто такой «А.»? — спросил вслух Андрюша.

— Это дед Артем, — ответил детский голос.

На дворе под окном стояли Сеня и Семен, вымытые, бодрые, еще не успевшие перепачкаться.

Сеня с Семеном убежали. Ангелина вышла из сарая с подойником, у дверей ее ждал Вениамин. Он начал шарить по карманам, ища очки. Андрюша подхватил их со столика, выскочил на крыльцо и, подойдя сзади, надел на нос Вениамину. Тот ничего не сказал, только поправил очки, видно, решил, что так и надо, чтобы они сами надевались на нос. Андрюша окинул взглядом зеленый двор, крупных, гусиного размера, кур, задумчиво глядевших на утреннюю встречу влюбленных, и тут его взгляд встретился с чужим глазом, вжавшимся в щель между досками забора. Кто-то подглядывал с улицы. Сеня? Семен?

Андрюша прошел к рукомойнику, наклонился, только тогда ему стало не по себе. Он понял почему. Глаз принадлежал взрослому человеку немалого роста. Андрюша выпрямился, обернулся. Ангелина и Вениамин все так же глазели друг на друга, но глаз в щели пропал. И тут Андрюша увидел, как нечто большое и блестящее по крутой дуге летит в небе, сопровождаемое черным хвостом. Когда это большое уже подлетало к земле, он понял, что летит молочный бидон.

Бидон глухо бухнулся о землю, и вверх, разлетаясь, ударил черный фонтан спиртовой туши. Девушка и аспирант, находившиеся у крыльца, там, куда грохнулся бидон, превратились в черные, сверкающие под утренним солнцем статуи, стоящие на блестящей подставке — на черной сверкающей траве.

— Василий! — закричал Андрюша, выскочил на улицу и увидел, что у ворот стоит грузовик, на котором сооружена грубая, но эффективная катапульта, а сам Василий уже лезет в кабину.

— Ну нет! — крикнул Андрюша. — Ты от меня не уйдешь!

Он побежал за грузовиком, который набирал скорость, бидоны с молоком в нем звякали и дребезжали. Из-за угла вышел медведь, с аппетитом уминая буханку белого хлеба, еле успел отскочить в сторону, замахнулся буханкой, но кидать не стал, пожалел хлеб.

Грузовик мелькнул вокруг рощицы с пушкой, а медведь побежал туда, видно, решил выстрелить вдогонку.

— Ну, это уже переходит все возможные границы, — сказал Эдуард Олегович, возникший неподалеку. — Куда он помчался?

Я полагаю, что пора поставить знаки ограничения скорости в нашей деревне. А вы, Андрюша, как думаете?

— Я думаю, что пора его в тюрьму посадить, — сказал Андрюша. — Пускай он только мне попадется!

— Что-нибудь произошло? — испугался Эдуард Олегович.

Андрюша ничего не ответил, повернул обратно к дому. Эдуард Олегович за ним. В калитке они остановились. Эдуард Олегович окинул взглядом ужасающую картину и сказал мрачно:

— Я заблуждался, выгораживая этого прохвоста.

18

Андрюша поднялся на крыльцо, постучал. Его как будто ждали — дверь сразу отворилась. Дед Артем появился в проеме, борода закинута.

— Входи, заждался.

— Там Василий хулиганил, — сказал Андрюша. — Закинул катапультой бидон с тушью, Ангелину и Веню облил.

— Ревнует, — сказал дед. — Понятное чувство. Ангелина никакой склонности не выказывает.

Он распахнул дверь в горницу, и Андрюше по ушам грохнул голос Луи Армстронга. Большая стереосистема расползлась по стенам, динамики дрожали от могучего голоса. На полированной крышке проигрывателя сидел, склонив голову, громадный ворон Гришка.

— Он тоже музыку обожает! — крикнул дед Артем. — Ты садись, садись.

— Может, потише сделать? — тоже крикнул Андрюша. Он посмотрел на башмаки с медными пряжками, стоявшие у двери.

— Потише можно, — согласился старик и убавил звук. Ворон приоткрыл клюв, приглушенно каркнул.

— Недоволен, — сказал дед Артем. — Нервничает. Ему вчера всю нервную систему этот мерзавец расшатал. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо, — сказал Андрюша, осматриваясь. Ящик с гайками, гвоздями, сопротивлениями и проводниками на столе, покрытом вытертой плюшевой скатертью с тигриными мордами на углах, разобранная кровать, шатучая этажерка с книгами, обычные деревенские фотографии на стенах, обклеенных обоями в цветочек, большой поясной портрет Чарлза Дарвина между окон, гипсовый бюст певицы Эллы Фицджеральд, стопки газет в углу, перевязанные веревками, сундук, окованный железными полосами, цветной телевизор...

— Я тебя позвал из-за твоей образованности, — сказал дед. — Мне моей не хватает. Языки знаешь?

— Английский, — сказал Андрюша, — и древнеславянский.

— Вот английский нам и нужен.

Ворон расправил крылья, в комнате стало темнее, потряс ими, сложил снова и прикрыл глаза белыми пленками.

— Старый он, — сказал дед. — Трудно ему, да и забывает многое.

— Вы зачем привидением одевались? — спросил Андрюша.

— Я Ваську уже вторую неделю выслеживаю. Мне представляется, что в деревне у нас завелась шайка, чего раньше не было. Они на мельнице гнездо свили. А мельница ушла, и я ее искал, а Гришка мне помогал. Нашли, только Гришка, когда летел ко мне с сообщением, в сеть попался. Вот и пришлось мне бежать туда.

— А почему под видом секунд-майора?

Андрюша бросил взгляд на ноги старика, они были в сношенных валенках. А башмаки стояли у двери. Солнечный луч упал на позолоченную пряжку, отразился зайчиком на портрете Дарвина.

— Я рассудил, что в моем естественном виде шайка меня не испугается. Еще пришибить могут. А привидений они боятся... И правильно рассудил.

Дед подошел к сундуку, с трудом отвалил тяжелую крышку. Сундук был полон одежды — старик вываливал оттуда на пол женские длинные платья, кафтаны, сермяги, уходил все глубже в недра сундука, одежда становилась все старше модой и возрастом, высокие сапоги со шпорами ударились о пол, ворон вздрогнул, спрыгнул с проигрывателя и клюнул шпору.

— Узнал... А где же камзол? — Дед хлопнул себя по лбу смуглой ладонью. — Маразм старческий! Ведь в другое место положил!.. — Он откинул одеяло, подушку. Под подушкой лежали зеленый камзол и треуголка. Дед натянул на голову старый капроновый чулок с прорезями для глаз, поверх нахлобучил треуголку. — Страшно?

— Я поверил, что привидение.

— Все было бы по-моему, если бы не настоящий секунд-майор.

— Вы второе привидение имеете в виду?

— Его самого, — сказал дед. — Пришлось отступить. Но я тебя чего позвал? Я тебя позвал, чтобы ты с Гришкой поговорил. Он по старости лет все больше на английском разговаривает. А может, и на немецком. Образованная птица, волнуется.

— Ну, он пока вообще не разговаривает, — сказал Андрюша.

— Он к тебе присматривается. Ты поговори с ним, поговори, что-то существенное он сказать хочет.

— Каррр! — сказал ворон.

— Это не по-английски, — сказал Андрюша.

— А мне в лес идти надо, — дед стащил с головы треуголку и чулок, — там на мельнице ихние секреты. Я их разгадать должен.

— А если привидение?

— Оно днем не ходит, солнечного света не выносит. Так что поговори с Гришкой, может, поймешь.

— Гамияэстомнисдивизаинпартистрррес! — вдруг заворчал ворон, широко открыв клюв и обнаружив белесую пасть размером с собачью.

— Видишь, — сказал дед, надевая камзол, — беседует.

— Это не английский. Вениамин, наверное, знает, — ответил Андрюша. — Он аспирант.

— Зови Вениамина, только скорей.

Камзол болтался на плечах деда, некоторых медных пуговиц не хватало.

— Как же его позовешь? Он же сейчас моется. Он же черный.

— Вот незадача, — сказал дед. — А времени ни минуты. Мне бежать пора. Давай вот что сделаем. Я вас до дому провожу, точ-на! А сам в лес.

Они перешли улицу. Впереди шел дед в дождевике, из-под которого поблескивали пряжками башмаки, потом Андрюша. Над ними тяжело летел ворон, держа в клюве шпору, прихваченную в доме деда Артема.

19

Андрюша с вороном нашли Вениамина в предбаннике.

Он сидел черный, страшный, но веселый. За дверью мылась Ангелина, и он ждал своей очереди.

— Ты куда пропал? — спросил Веня Андрюшу, когда тот приоткрыл дверь. — Тут на нас нападение было.

— Я знаю, — сказал Андрюша. — Я за этим типом гонялся.

В предбаннике было тепло, пар пробивался из-под двери.

— Мне не везет, — сказал Вениамин. — Я его на дуэль вызову.

— И не мечтай, — отозвался из-за двери голос Ангелины. — Без тебя справимся.

— А я все равно вызову, — Вениамин засмеялся, и зубы его

показались ослепительно белыми на черном блестящем лице. — Ох, до чего же кожу стягивает! Ты с вороном подружился?

Веня ничему не удивился и ничего не боялся. Его переродила любовь. Приди Андрюша с тигром, он бы и тигра принял как должное.

— Веня, ворон хочет сообщить нам нечто важное, но делает это на непонятном языке. Дед Артем просит твоей помощи.

— Говорите, — сказал Вениамин, — я давно подозреваю.

Гришка надул грудь, положил на пол шпору и сказал оглушительно, в одно слово:

— Пересперааадасстррра!

— Близко, близко! — закричал Вениамин. — Я слышал эти слова!

— Тем более, — сказал Андрюша, — расшифруй, будь другом, может, мы наконец разгадаем эту проклятую тайну.

— Продолжайте, — сказал Вениамин, соскребая тушь с очков.

— Меакульпа, — тихо произнес ворон.

— Что?

— Омниапреклаарррарррарррра!

— Ага, — согласился Вениамин, — я с тобой совершенно согласен. Геля, ты слышала, что он о тебе говорит?

— Почему обо мне? — спросила из-за двери Ангелина. — Он кричит на тарабарском языке.

— Нет, — сказал Вениамин. — Он говорит, что все прекрасное редко. И это касается тебя, я убежден.

— Погоди, — сказал Андрюша, — время не ждет. Что тебе сказал ворон и почему ты это понял?

— Он говорит по-латыни. Странно, что ты не догадался.

— Эгзегимонументэррреперррениус! — завопил ворон, найдя благодарного слушателя.

Властным движением руки Вениамин остановил ворона и продолжал с выражением:

— Регаликве ситу пирамидальциус, нон кво имбер идекс, нонаквили потенс!

Ворон склонил голову и сказал:

— Славно, славно! Вижу родственную душу.

— Ты о чем с ним разговаривал? — спросил Андрюша.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный, — ответил Вениамин. — К нему не зарастет народная тропа, понимаешь?

— Это что, из Пушкина?

— Нет, первоисточник. Ворон читает Горация в подлиннике.

— Жаль, — сказал Андрюша. — А мы с дедом думали, что он раскрывает тайну секунд-майора.

— Этого я не вынесу, — сказала заспанная Элла, возникая в дверях. — Почему никого нет дома?

— Простите, — сказал Вениамин, и Элла узнала его не сразу.

— Опять? — узнав, возмутилась она. — Сколько можно совершать необдуманные поступки?

— Ничего подобного, — сказал Вениамин, — это было покушение.

— Он прав, — сказал Андрюша. — Покусители скрылись. Но прохожие узнали, что это был известный гангстер Василий Полуехтов.

— Он опять приходил? — спросила Элла. — И зачем?

— Ревнивец, — сказал Андрюша. — Мститель из-за угла. Экстремист.

20

— Надежды не оправдались, — говорил Андрюша, собирая сумку. — Деда придется разочаровать. Ничего ворон не знает, кроме латыни.

— Ты куда так спешно собираешься? — спросила Элла. — Сегодня мы работаем, и твой магнитофон нужен.

— Я отработаю потом, — сказал Андрюша. — Возникла возможность вскрыть гнездо местных гангстеров. Я не могу упустить такую возможность. Песни подождут.

— Ох Андрюша, если бы я была твоей матерью...

Ворон слетел на край стола, поглядел на Эллу и сказал:

— Крррасавица.

— Ну что вы, — ответила машинально Элла и смутилась, что на равных разговаривает со старым вороном. А Гришка подхватил с пола шпору, с достоинством взлетел на подоконник и исчез.

За окном послышался скорбный рев. Ангелина кинулась к двери. За нею, естественно, Вениамин и Андрюша.

— Что-то случилось с дедом Артемом! — закричал Андрюша.

Медведь Мишка стоял возле ворот, покачивая когтистыми лапами, и изображал всем своим видом скорбь и волнение. Он узнал Андрюшу, попятился, будто не ожидал увидеть здесь своего врага.

— Дед Артем в лесу? — спросил Андрюша. — С ним плохо?

Медведь подумал, доверять ли студенту, потом опустился на

передние лапы и трусцой, покачивая толстым задом, побежал к околице. За ним бросились Ангелина, Андрюша и, конечно, Вениамин. Следом припустились оказавшиеся поблизости Сеня и Семен.

Бежать пришлось долго. Медведь не понимал, что люди бегают куда медленней, и умерил прыть, лишь когда Веня, совсем запыхавшись, остановился, привалившись спиной к сосне, а ворон Гришка, сделав круг над людьми, крикнул что-то неразборчиво, по-латыни.

Выбрались на лесную дорогу. По ней бежать было чуть легче, только крапива стегала по рукам и ногам. Веня преисполнился жалостью к Ангелине, которая подпрыгивала, когда крапива стрекала ее по икрам, и крикнул, задыхаясь:

— Давай я понесу тебя!

Но Ангелина не отозвалась, лишь Андрюша засмеялся на бегу.

Дорога пересекала низину, до мельницы оставалось бежать еще минут пять, но бежать не пришлось — они встретили деда Артема раньше. И не одного.

Через прогалину, путаясь в высокой траве, мешая друг дружке, медведица и два медвежонка, семья Михаила, толкали большую бочку, ревели, стонали, изображали волнение и беспокойство.

При виде людей медведи отпустили бочку, она медленно покатилась назад, и из нее послышался тихий стон.

Андрюша первым соскочил с тропы, догнал бочку, остановил:

— Есть кто живой?

— Я живой, — отозвался из бочки голос. — Это точ-на.

Бочка была заколочена, и никакого инструмента под рукой! Андрюша отломил сук, постарался поддеть им крышку, сук обломился. Остальные стояли вокруг, сочувствовали, но помочь не могли.

— Как вас угораздило? — спросил Андрюша.

— И не говори, — отвечал дед. — Ты скоро там? Задохнусь, ей-богу, задохнусь.

— Может, его до деревни докатить? — спросил Сеня. — Если вместе с медведями навалимся...

— С ума сошел! — сказал голос старика из бочки. — Еще двести метров, и от меня только фарш останется. Ты что, думаешь, медведи гладко бочки катают?

Медведи взревели, обиделись за неблагодарность.

— Нет, это безнадежно, — сказал Андрюша в отчаянии, когда сломал второй сук. — Придется вам, ребята, до деревни бежать.

— Не дотерплю, помру, — сообщил дед из бочки. — Возраст у меня не тот.

В этот момент с высоты грозно каркнул ворон, нечто золотое пронеслось перед носом Андрюши и упало в траву. У ног его лежала шпора — идеальное орудие для откупоривания бочек.

Когда доски, одна за другой, со скрипом, отлетели, из бочки, провонявшей тоскливым гнилым рыбьим запахом, вывалился дед. Чешуя пристала к камзолу привидения. Медведи, зажимая носы лапищами, шарахнулись в стороны.

— Что же произошло? — спросил Андрюша.

— Разве я знаю? — сказал дед печально. — Обошли меня опять. Я до мельницы добрался — стоит она пустая, дверь притворена. Я внутрь. Вижу, бочки, ящики, всякое добро. Ну, думаю, сейчас я все исследую, акт составлю на ихнее логово. Вдруг слышу голоса снаружи. И, надо сказать, оробел. Решил, спрячусь и подслушаю их разговор, планы выведаю. Смотрю, пустая бочка стоит, как раз мне по росту. Только спрятался — входят. Один говорит: «Ты, — говорит, — мерзавец нерасторопный, ревнивец глупый, ничего, — говорит, — тебе нельзя доверить, я, — говорит, — тебя в милицию бы сдал, если бы ты не был нужен». А второй отвечает: «Я тебе нужен, без меня ты как без рук».

— Это Василий был, — сказал Вениамин. — Он и есть ревнивец.

— Не сомневаюсь. Но тут меня любопытство взяло — кто же второй? Главный кто же? Я из бочки вылез немного, по глаза, а они увидели.

— Так кто же это был?

— Привидение было, вот кто, — сказал дед. — Очень меня это огорчило. Зачем, думаю, привидению с Василием в союз входить?

— А вы его не узнали?

— Как узнаешь? У него на лице что-то надето было. Он как увидел меня, подпрыгнул, крышкой придавил, а Васька, чертов сын, гвоздями прибил. Выкатил из мельницы и говорит: «Своим ходом добирайся». Если бы не Мишка...

— Они там еще? — спросил Андрюша.

— Наверное, куда им деваться.

— Давайте к мельнице! — сказал Андрюша. — Мы их прихватим с поличным.

Поляна открылась почти сразу. Она была зеленой и светлой. Мельницы на ней не было.

— Опять двадцать пять, — сказал Сеня. — И в Волчьем логу ее нет, и в распадке ее нету!

— Чудеса, — подтвердил Семен, — в газету надо написать.

— Только что я тут был, — сообщил дед. — Если мельницы не было, значит, я в бочку сам себя заточил?

Трава, где стояла мельница, была измята, следы от нее не успели заполниться водой. Они вели к дороге.

— Прямо по лесу она не ходит, — сказал Андрюша, — предпочитает передвигаться по дорогам.

— А это что? — спросила Ангелина. — Глядите!

— А это следы грузовика, — сказал Вениамин.

— А грузовик в деревне один, — сказал дед Артем.

21

— Я устал от шуток Василия, — сказал Андрюша. — А Веня буквально почернел.

— Не шути, — сказал Вениамин, шагая по следам мельницы и грузовика. — Это уже не шутки.

— Какие там шутки! — От деда Артема все еще исходил тухлый запах. — Хватит. Это точ-на.

— Куда мы бежим? — спросила Ангелина. — Может, нам в деревне его подождать?

— Вот этого мы не знаем, — сказал дед. — Они мельницу так перепрячут, что с миноискателем не найдешь. А это, не забывайте, культурный монумент. Она еще до Полуехтова стояла.

— Не верю я в нечистую силу, — сказал Андрюша. — А машина с мельницей на прицепе далеко не уйдет. Да еще по такой дороге.

Григорий взмыл высоко в небо, распугивая коршунов, которые робели перед черной птицей таких размеров. Затем он несколько снизился и пошел кругами впереди.

Не прошло и пяти минут, как дорога поднялась на холмик, у подножия которого было небольшое круглое озеро. Именно туда и направлялась мельница на буксире у отчаянно хрипящего грузовика. Мельница вздрагивала, продираясь сквозь кусты и крапиву, по кочкам, рытвинам и лужам. Троса издали не было видно, и потому казалось, что мельница, спотыкаясь, гонится за грузовиком.

Андрюша догадался, что хочет сделать коварный Василий: подогнать мельницу к крутому обрыву и свалить в озеро — утопить.

Видно, та же мысль пришла в голову и старику Артему, потому что сзади до Андрюши донесся его крик:

— Концы в воду? Концы в воду? Не посмеешь!

И вот тогда на пути Андрюши встало привидение секунд-майора, самое настоящее, второе. Оно широко простерло руки и глухим, проникающим в сердце голосом возопило:

— Остановитесь, несчастные! Ваша гибель близка!

Появись привидение ночью или хотя бы в сумерках, эффект был бы более драматическим. Но сейчас светило солнце, и видно было, насколько потрепан и ветх мундир секунд-майора, а голос его заглушала тряпка, намотанная на лицо, чего привидения обычно не делают.

Андрюша, ловко уклонившись от угрожающих рук привидения, не замедляя хода, понесся дальше. Желтые бабочки с ладонь размером крутились над его головой, ворон Григорий ободряюще кричал из поднебесья, кусты старались отклониться с дороги, целая семья ужей ползла спереди, приминая траву, кроты взрыхляли кочки и холмики, чтобы Андрюша не споткнулся, сзади мягко, но настойчиво подталкивали в спину малиновки и соловьи.

Казалось, все обитатели леса встали на защиту мельницы. Стрекозы и мухи роем вились перед ветровым стеклом, застилая тучей Василию глаза, осы рвались в боковые окна, чтобы искусать его до полусмерти, бобры тащили палки и сучья, чтобы перегородить дорогу, а стая дятлов, не жалея усилий и клювов, пыталась перебить стальной трос...

Когда Андрюша, обессилев, готов был свалиться на землю, из леса выбежал могучий лось, который упал перед ним на колени, зайцы подтолкнули Андрюшу, и последние метры пути он скакал на лосе.

Василий не сдавался, он выжимал последние силы из грузовика, и тот уже начал скатываться вниз, к обрывчику. Оставалось лишь несколько метров, когда Василий, не обращая внимания на укусы, высунулся из кабины, прикидывая, как развернуть машину, чтобы мельница завалилась в озеро. В этот момент рой насекомых раздался, и Василий увидел, что к кабине приближается могучий лось, а лежащий на его спине Андрюша делает руками угрожающее движение, намереваясь перескочить на подножку автомобиля.

Василий в панике нажал на газ, забыв, как близок он к обрыву, и грузовик медленно начал клониться вниз — его удерживал только трос, связывающий с мельницей. Бок машины задрался к небу, из кабины, лихорадочно размахивая руками, полез распух-

ший от осиных укусов невменяемый Василий, прыгнул в сторону, покатился по траве. Грузовик еще несколько секунд висел над обрывом, и тут трос, расклеванный дятлами, не выдержал, с оглушительным звуком лопнул, машина подпрыгнула и нырнула в озеро, подняв столб воды. Мельница тоже повалилась было на бок, но в последний момент бобры с риском для жизни успели подкатить под нее валун.

Василий на четвереньках шустро, словно всю жизнь так бегал, бросился к лесу. Андрюша понимал, что Василий уходит от ответственности и надо бы бежать за ним, но сил больше не было. Он присел на порожек мельницы и стал ждать остальных, глядя, как уменьшается, тает в траве звериная фигура Василия, как он приближается к деревьям, вот-вот скроется среди них, но, нет, не скроется — навстречу ему выходит бурый медведь. Василий пятится, прыгает к стволу, лезет наверх, а медведь садится у дерева и, склонив голову, любуется тем, как висит на суку, качается фигура шофера.

Из двери мельницы несло гнилой рыбой. «Что они там делали?» — подумал Андрюша. Прерывистое, мелкое дыхание подсказало ему, что прибежал дед Артем.

— Ах стервец! — сказал дед. — Ну хорошо, что ты успел!

Треуголка в кулаке казалась тряпкой с золотым галуном, один башмак где-то потерялся. Дед все-таки не лишился силы духа, сразу кинулся внутрь мельницы.

— Ну вот, — кричал он изнутри, — так я и думал!

Но у Андрюши не было сил глядеть.

Подбежали Сеня с Семеном.

— А привидение твоего очкарика забило! — закричали они.

— Что? — вскинулся Андрюша.

— Со страху, наверно, — сказал Сеня. — Оно как увидело, что на него Веня твой бежит, морда черная, глаза в очках, да как дрыном по нему долбанет, а само в кусты!

— Где Веня? — Андрюша вскочил на ноги. — Серьезно?

— Кровь идет, жутко! Ангелина убивается.

— Андрей! — раздалось из мельницы. — Ты чего не идешь?

— Привидение на Веню напало.

— Погоди... Ты смотри! — Из дверей мельницы показался дед Артем. Он протянул вперед сложенные горстью ладони, полные черной зернистой икры. Икра медленно проливалась между пальцами и шлепалась на порог. — Там две бочки икры, понимаешь? Так я и знал, так я и знал! Какая уж тут экология! Я их под суд!..

— Веня ранен! — повторил Андрюша. — А вы об икре!

И он помчался к другу, который лежал на траве, лоб рассечен, алая кровь на черной коже, глаза закрыты, над ним рыдающая Ангелина. Веня приоткрыл глаза:

— Ты победил? Ну и хорошо. Обо мне не беспокойтесь.

Подбежал дед Артем, руки измазаны икрой, сказал:

— Обопрись о нас с Андреем. Как-нибудь доберемся.

22

Веню привели в дом к Глафире и положили в горнице. Глафира с Колей еще не вернулись из района.

— С одной стороны, — сказал Эдуард Олегович Ангелине, которая взяла в свои руки уход за Вениамином, — требуется полный покой и тишина. С другой — его лучше отвезти в район. Вызовем вертолет, а?

Эдуард Олегович был сконфужен событиями в деревне и время от времени, когда окружающие не слышали, говорил Элле:

— Ах как неприятно, что экспедиция столкнулась с объективными трудностями! Моя вина, должен был предугадать.

— Ну при чем тут вы? — отвечала Элла. — Кто мог предположить?

— Я увидел неблагоприятные тенденции и не принял их во внимание... Это ужасно, это невыносимо...

— Погодите, — слабо произнес Веня. — Ну, упал я, ушибся, при чем тут вертолет? — В голосе его была такая внутренняя сила, что Эдуард смешался и сказал:

— Может быть, пролома и нет и даже трещины нет, но ушиб существует. Все равно в Красное ехать надо. Милиционер там. И трактор, чтобы грузовик вытащить.

— Зачем милиционер? — спросил Вениамин. — Акт составлять?

— Принять меры по отношению к этому мерзавцу, опозорившему всю нашу деревню. К Василию Полуехтову, воплотившему в себе худшие черты дворянского прошлого.

— Дворянское прошлое ни при чем, — сказала Ангелина. — Вы знаете, что дед Артем на мельнице отыскал?

— Нет. Я даже не знаю, что он мельницу отыскал, — сказал Эдуард. — В порядке ли этот памятник народной архитектуры?

— Покосился, но в порядке. Дед Артем там нашел две бочки черной икры. Вот куда рыба шла! — сказала Ангелина.

— Какая рыба? — удивился Эдуард Олегович. — Прости, Ге-

лечка, я здесь не первый день живу и уху обожаю, но ни осетров, ни белуги в нашей речке испокон веку не было.

— Не было, а икра есть. Да вот дед идет, у него и спросите!

Вошли Андрюша с дедом Артемом. Андрюша устал, волосы слиплись, но вид у него был победоносный. Дед ковылял сзади в одном башмаке, вместо второго — найденный где-то валенок.

— Как его здоровье? — спросил Андрюша у Ангелины.

— Завтра встану, — ответил сам Вениамин. — Попадись мне это привидение! Я сам виноват — испугал его.

— Привидение? — спросил Эдуард Олегович. И взгляд его уперся в порванный зеленый камзол деда Артема.

— Не я, — сказал дед, — другой призрак. Истинный. Если не притворяется. — Он кинул на стол связку ключей. — Сходи в погреб. Знаешь, за клубом? Мы этого преступника и спекулянта там заперли с Андрюшей.

— Мне сказали, что он грузовик утопил, — сказал Эдуард. — Вы не представляете, какое чувство стыда я испытываю из-за его грязных поступков.

— Якшался с ним, — сказал дед Артем, — а теперь осуждаешь.

— Я искренне надеялся его перевоспитать, — сказал с чувством Эдуард Олегович. — Нет безнадежных людей.

— Тогда бери ключи, осмотри его, раз уж ты фельдшер.

— Как войдете, не пугайтесь, — добавил Андрюша. — По дороге домой его Мишка раза два корябнул. Да и осы искусали. Глаза не открываются.

— Его немедленно надо вывести из подвала, — сказала строго Элла. — Как можно больного человека держать в сырости и холоде?

— Ничего, — сказал дед Артем, — под замком ему полезно посидеть. И охладиться.

— Дед Артем совершенно прав, — сказал Эдуард. — Совершенно, абсолютно. Василий может представлять опасность для общества. И эти две бочки с икрой меня очень насторожили. Я из правления позвоню в милицию.

— Это точ-на, — сказал дед Артем. — Погодя надо будет сходить в мельницу снова, опечатать помещение. А ты, — обратился он к Эдуарду, — бери йод, или зеленку, или какой там пластырь и отправляйся в тюрьму подвального типа. Если боишься, возьми с собой Андрея. А в милицию не дозвонишься. Кто-то в правлении телефон разбил. Вдребезги.

Андрюша вздохнул — он уже час мечтал, как ляжет и вытя-

нет ноги... такая усталость владела им. Но он понимал, что заменить его некем. Веня — инвалид, остальные мужики на сенокосе.

— Пойдем, — сказал он и подобрал ключи со стола.

23

Дед Артем поглядел им вслед, присел у кровати.

— Скажи мне, дорогой, — попросил он, — никакой надежды на узнавание?

— Какое узнавание? — не понял Вениамин.

— Привидения.

— Нет. Все так быстро произошло.

— Уж лучше бы я ему попался, — вздохнул дед Артем. Помолчав, добавил: — Надо на мельницу снова идти. А то привидение все следы заметет.

— Я пойду с вами, — оказал Вениамин слабым голосом.

— Молчи, — сказала Ангелина, — тебе говорить вредно.

— Нет, пойми, деду одному идти нельзя. Мы не знаем, чего привидению хочется.

— Хулиганить ему хочется, вот что, — сказал дед. — Я пока Мишку оставил у мельницы. Пускай побережет.

— Скоро должен Колька вернуться, — вспомнила Ангелина. — Он тебя на мотоцикле подвезет. Или хоть Андрюшу подожди.

— Это, конечно, правильно, — сказал дед Артем. — Я бы и подождал, если бы не тайна, которая в голове вертится, а не укушу.

— Что еще? — спросил Веня. — Если филологическая, могу быть полезен.

— Нет, гастрономическая, — сказал дед. — Я все о двух бочках с черной икрой. В наших краях никогда осетров не водилось.

— Вы думаете, они ее откуда-то привезли? — спросила Элла. — Ведь в магазине ее не бывает?

— У нас в магазине крупа бывает, — сказал дед.

— Это, наверно, контрабандисты, — сказал Вениамин. — Они ее переправляют дальше. Ниточка, понимаете, от Каспийского моря к Ледовитому океану.

— Через горы без дороги икру волочить? Нет, тайна не в этом. А в том, что икра черная бывает, красная, а вот желтой не бывает. А я в мельнице и бочку с желтой видал.

— Бывает, — раздался голос от дверей. Там стоял Сеня. — Вы не рыбаки, не знаете. Это селедочная икра.

— Селедочная? — Старик задумался. — Конечно, глупая моя голова! Конечно, как я сразу не понял!

— Это Васька ловил, — сказал Сеня. — И мы ему иногда ловили. Все ребята. А Васька в озерах глушил и в речке.

— Селедка у нас крупная, — раздумывал дед, — больше метра, весьма крупная, другой такой нигде нет, эндемик. Я Джеральду Даррелу на остров Джерси об этом уже сообщал. Но чтобы селедочную икру собирать...

— И красить, — сказал мрачно Вениамин. — Вот зачем ему черная тушь в таких количествах.

— Точ-на! — возрадовался дед. — Селедочную икру красить и за осетровую выдавать. Вот это преступники! Их производство в мельнице тысячи рублей дохода дает! Недаром привидение там ошивалось, особенно если ему кассу компенсировать хочется.

Вернулся Андрюша, распаренный и усталый настолько, что провалились глаза. Бросил куртку на стул, напился воды.

— Ну как там? — спросила Элла. — Как Василий?

— Обойдется, — сказал Андрюша. — Травма у него в основном психическая. Он Эдуарда даже не узнал сначала. И говорить не может. Рычит и прячется под подушку.

— Андрюша, свет мой, — сказал дед жалобно, — устал ты небось ужасно?

— Есть немного, — ответил Андрюша, усаживаясь на скамью и вытягивая ноги.

— А вот надо снова на мельницу сходить. Надо.

— Нет, — сказал Андрюша, — не надо.

— Надо, Андрюша, — поддержал деда Вениамин.

— Может, не стоит? — вмешалась Элла. — Подождем милицию. Там преступники и медведи.

— Милицию не дождешься, — сказал дед, — потому что ее еще и не вызывали. Да и медведя сменить надо, неблагородно животное держать так долго на посту.

— Может, вы Эдуарда позовете?

— Какой из него помощник, — сказал дед, — он чужой.

— А Андрюша?

— Андрей — человек военный, — сказал дед, — строевой.

Андрей не был военным человеком, но доверие деда, выраженное в столь странной форме, почему-то польстило. Он молча поднялся.

24

Еще за километр до мельницы они увидели столб черного дыма.

— Ах ты, — крикнул дед, — там же медведь! Как бы чего не вышло!

Они в молчании добежали до края поляны.

Мельница горела, как аккуратно сложенная поленница дров, ровным свечным пламенем. Видно, за столетия древесина просохла и прокалилась — таких дров нарочно не сыщешь.

Они подбежали ближе — пламя отражалось в озере и на крыше кабины утонувшего грузовика. Неподалеку в траве, оскалившись, но не зло, а удивленно, лежал убитый Миша.

Дед не смотрел на мельницу, присел на корточки рядом со зверем.

— Как часовой, — сказал он, — до последней капли крови.

— Опоздали, — вздохнул Андрюша.

— Я виноват, — сказал дед. — Мне думать надо. Эта липовая икра больших денег стоит.

— Но Василий сидит в погребе, я сам видел, мы с Эдуардом Олеговичем недавно там были...

— Разве это так важно?

— Важно, — сказал Андрюша. — Настоящие привидения не стреляют. Никогда не поверю.

— Поверишь в привидение, в остальное уж легче, — сказал дед. — Закопать его надо. А то кто-нибудь захочет шкуру снять...

Пламя от мельницы смешивалось с солнечным светом, накладывалось на него, и было неправильно, что пожар происходит в середине дня, а над Мишкой вьются мухи.

— Надо бы кому-нибудь здесь остаться, — сказал Андрюша.

— И пулю в лоб? Да, пулю в лоб? — спросил дед, поглядел на медведя и добавил: — Может, и лучше бы мне, дураку, эту пулю.

Вдали, на краю леса, зло ревела медведица. Но не подходила.

25

Вениамину вроде бы полегчало. Ангелина прибежала с фермы, пыталась уговорить его поесть, но Веню тошнило, от еды он отказался. Дед Артем, когда они с Андрюшей, закопав медведя, без сил приплелись из леса, спрятался у себя дома, сказав, что больше ничего не хочет и лучше помрет. Зато прилетел Гришка, сидел на окне, смотрел на Веню и говорил ему латинские фразы.

Веня переводил их слабым голосом, и ворон кивал, одобряя правильность перевода.

Элла сказала:

— Гриша, может, хватит отвлекать Вениамина? Ему нужен покой.

— Он мне не мешает, — возразил Вениамин.

— Никогда, — сказал ворон.

Андрюша, еще в запале и на нервном взводе, вдруг вскочил, бросился к погребу, присел на корточки перед маленьким окошком.

— Василий, ты знаешь, что мельницу сожгли?

— У-у-у, — сказал Василий в ответ. Он был в нервном шоке.

— Кто это сделал? — спросил Андрюша. — Лучше ответь сразу. Шуточки кончились. В деревне находится маньяк с ружьем.

Василий внимательно слушал, не перебивал, а потом вдруг ответил грубым словом и завыл снова. Больше Андрюше ничего добиться не удалось, но, когда он уходил домой, показалось, что вслед из погреба донесся смешок. Может быть, показалось.

А еще через час вернулся Эдуард Олегович, который на велосипеде укатил было в Красное, чтобы вызвать вертолет и милицию. Его встретили у околицы мальчишки и принесли за ним велосипед. Ему не повезло. Километрах в десяти от деревни, у моста со львами, он на повороте не удержался и упал в кювет. Переднее колесо отлетело — спицы наружу. Вот и тащил три часа обратно велосипед на себе.

— Понимаете, — сказал он, — велосипед не мой. Я не мог оставить его на дороге, где каждый может его похитить.

Эдуард Олегович был пропылен, волосы слиплись, косо приклеились к черепу. Он сидел у постели Вениамина, страшно расстроенный неудачей. Элле было жалко его.

— Вы поступили как настоящий медик.

— Я давал клятву Гиппократа. Другого морального пути у меня нету.

Эдуард Олегович поднялся, поманил Андрюшу на крыльцо. Там, понизив голос, сказал:

— Лично я, — усики его чуть шевелились под носом, как живые, — лично я не верю в местный фольклор. Но иногда начинаю сомневаться. Вороны говорят, медведи стреляют...

— О медведе не беспокойтесь, — горько сказал Андрюша. — Медведь погиб. Его застрелили.

— Как это случилось?

— Он мельницу защищал, а мы с дедом опоздали.

— Прискорбно. Они заметали следы. Преступники. Но кто они — вот главный вопрос. Завтра здесь будет милиция, и тогда

Василий во всем сознается. Вы ведь тоже думаете, что он был не один?

— Думаю, — сказал Андрюша.

Над деревней опускался мирный вечер, коровы расходились по дворам, пастух оттянул кнутом, и хлопок показался Андрюше новым выстрелом. Солнце садилось в сизое, с оранжевой оторочкой облако.

— Погода портится, — сказал Эдуард, проследив за взглядом Андрюши. — Кстати, где ключи от погреба? Мой долг осмотреть его.

— У деда ключи, — сказал Андрюша. — Но я думаю, дед спит.

— Ну тогда я попозже, хотя меня не прельщает возможность вновь встретиться с этим бугаем.

Вернулись в дом. У Вени оказалась повышенная температура — тридцать семь и пять. Не очень большая, но все-таки... Эдуард решил сходить за аспирином, а Элла вызвалась его сопровождать — ей хотелось на свежий воздух. Облако, в которое село солнце, постепенно закрыло половину неба, поднялся ветер. Ангелина вдруг расплакалась и ушла из комнаты. Ей было жалко медведя.

— Здесь больше странностей, чем положено деревне, — заметил Вениамин. — Весь день думаю об этом.

— Ноги гудят, — отозвался Андрюша. — Я слишком часто бегаю по лесу. По крайней мере двумя странностями с сегодняшнего дня меньше.

— Элла не зря говорит, что ты циник, — сказал Веня, морщась от боли. — Ты имеешь в виду мельницу и медведя?

— Да, прогресс цивилизации сильно бьет по сказкам. Сказку, как видно, можно эксплуатировать. В хороших ли, плохих целях, но эксплуатировать. Медведь стреляет из пушки, а из селедки делают осетровую икру. Главное, чтобы никто не удивлялся. Был бы дракон, сторожил бы колхозный амбар.

В комнате разливались голубые сумерки. Далеко-далеко раскатился гром, потом на мгновение комнату высветило зарницей.

— Свет зажечь? — спросил Андрюша.

— Не надо. А если это не сказка? — сказал Вениамин. — Если ей есть физическое объяснение?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрюша.

Ему хотелось спать и не нравилось, как блестят глаза Вениамина. Ангелина звенела посудой — мыла ее на кухне.

— Марциальные воды, — сказал Вениамин. — Эти загадочные марциальные воды для императрицы.

— Которые были развенчаны коварным медиком Блюменквистом.

— Но если в восемнадцатом веке до Петербурга докатился слух, он должен был на чем-то основываться!

— Кто-то хотел выслужиться и сыграл на царицыном суеверии, — сказал Андрюша и задремал. Слова Вени достигали его сознания, но путались с дремой, с началом сна.

— А если этот источник существует? На верстовом столбе у пушки есть надпись: «До Царицына ключа 9 верст». Подумай, какие здесь бабочки, рыбы, ягоды, Гришка, наконец! Разве бывают такие крупные вороны?

— И молоко, — откликнулась Ангелина из кухни, голос ее был далеким-далеким: Андрюша вновь бежал за грузовиком... — Есть ключ, — приближался девичий голос. — В горах, в лесу. Никто туда не ходит: ход завалило, секунд-майор как сгинул, так и завалило. Откуда у нас в реке такая вода хорошая? Дед Артем говорит: санаторий надо ставить. Она же откуда-то течет? Живая вода, живая вода — в этом есть смысл?

Живая вода текла и текла перед глазами Андрея, сияя на солнце и переворачивая маленькие камушки.

— Елена туда ходила, — сказал кто-то, — майора водой поливала, а царице не досталось. Смешно, правда? Царские сатрапы остались с носом.

Андрюша так и заснул, облокотясь о стол, и спал, пока рука не ушла в сторону и голова не ткнулась носом в скатерть. Показалось, что секунд-майор ударил палкой по лбу его, а не Веню... В комнате горел свет. Эдуард Олегович с тревожным, смущенным лицом склонился над кроватью. В одной руке он держал чайную ложку с таблеткой аспирина, в другой — стакан воды.

— Выпей, — говорил он Вениамину, — это проверенное средство. Поможет обязательно.

— Ему бы укол сделать, — сказал со сна Андрей.

— Зачем? — Глаза Вениамина агрессивно горели. У него начинался жар. — Мне лучше.

Таблетку он все-таки проглотил.

— Я тоже устал за сегодняшний день, — сказал Эдуард. — Испытания, выпавшие на мою долю, когда я, не жалея сил, мчался в село Красное за помощью! Нет, я не набиваю себе цену...

— Мы так не думаем, — сказала Элла, глядя на него с сочувствием, которое раздражало Андрюшу.

Он подошел к окну. Гром гремел чаще, а ветер уже наскакивал на дом так, словно хотел помериться силой со стенами. Андрюша прикрыл окно, и Веня сказал:

— Не надо, Андрюша, душно.

Элла положила ладонь на лоб Вене.

— Ну-ка, — сказала она, — давай еще разок поставим градусник.

Веня не сопротивлялся, глаза его горели, он что-то шептал.

— Что такое? — спросила Ангелина.

— Шучу, — прошептал Веня, — шучу, не обращайте внимания. — Он улыбнулся, но глаза смотрели отрешенно.

Дверь приоткрылась. Вошел дед Артем.

— Большая непогода, — сообщил он, оглядев сидевших в комнате. — А вы лекарство ему давали? Нужны антибиотики.

— Виноват, — сказал Эдуард. — Но ведь это первый случай в нашей деревне за два года. Я лекарства давно не выписывал.

— Он ездил на велосипеде в Красное, — сказала Элла.

— Небось не доехал, — усомнился дед.

— Велосипед сломался, — сказал Эдуард. — Можете посмотреть, колесо пополам. Чуть живой остался. Была бы еще одна жертва.

— Хватит жертв, — сказал дед, все еще стоя над Вениамином. — Ему бы живой воды.

— Неплохо бы, — сказал Эдуард Олегович. — Но лучше вертолет.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша.

— Ты не дойдешь до утра, — сказал Эдуард. — Тридцать пять километров под ливнем и в бурю.

— Я не могу позволить, — сказала Элла.

Три старухи из тех, что сидели вчера перед клубом, а потом пели для Эллы, вошли рядком, сели, поклонившись, на скамью у двери, отказались от чаю.

— Ты не пришла, — сказала одна из них Элле. — Вот мы и пришли.

— Спасибо, — ответила Элла. — У нас несчастье.

— Знаем, — сказали старухи. Они были разные, но схожи с Ангелиной глазами, чистотой кожи и статью.

— Спасибо, — сказал и Веня, окинув их лихорадочным взором. — Вы пришли петь? Пойте, вы мне не мешаете.

— Плох, — сказала одна из старух. — Жар повышается.

— А у Эдуарда, конечно, антибиотиков нету, — сказала вторая.

— Мне они были не нужны. Здесь все здоровы. Я даже их не заказывал.

— За живой водой надо, — сказала первая старуха.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша, — вызову вертолет.

— Вертолет — это хорошо, но лучше бы его не трогать, — сказала вторая старуха. — Живая вода лучше.

— Живая вода, жилая вода, пожилая вода, — мелодично и тихо запел Вениамин.

— Чувствует, — сказала первая старуха.

— Нуждается, — подтвердила третья, а вторая напомнила:

— Девица должна идти. Любящее сердце. — И все обернулись к Ангелине. Та покраснела, сказала серьезно:

— Я бы пошла, но пути не знаю.

— И никто не знает, — сказала первая старуха, — но ходили.

— Туда же ход потерян, завален обвалом, — сказал Эдуард.

— Ход потерян, — согласился дед Артем, — я проверял.

— Проверка — это, конечно, современно, — сказала первая старуха, — а моя бабка старика своего выходила, когда его волки задрали. Помирал ведь...

— А как она туда ходила? — спросил Эдуард.

— Незнамо, — ответили старухи. Потом третья сказала:

— Верно, Гришка дорогу знает к Царицыну ключу.

— Нет дороги, — сказал дед Артем. — Останемся, бабы, на почве исторической правды.

— А ты, баламут, молчи. Тоже мне, привидение! Не твоя колготня, стояла бы мельница, — сказала первая старуха.

— Стояла бы? А вы знаете, что там селедочную икру в черную красили?

— Красили, — согласились старухи. — На той неделе милиционер обещался приехать. Без шуму.

— Все-то вы знаете, бабы, — сказал дед с отвращением.

— Знаем, — согласилась вторая старуха и кивнула Элле на деда Артема. — Шебутной он, выдержки маловато. За архивным документом человека не видит. — Старухи захихикали.

— Хорошо, — вдруг сказала Ангелина, — я пойду. Пойду!

— Добро, — сказала первая старуха.

— Постыдись, — возразил Эдуард. — Ты же комсомолка, кончала училище, готовишься в вуз.

Резкий порыв ветра распахнул окно, молнии сверкали совсем близко. На подоконник уселся Гришка, скосил глазом в комнату.

— Сведешь девку к живой воде? — спросила вторая старуха.

— Омнианпрекларрррарара! — воскликнул ворон.

— Закрой окно, — сказала строго Элла, — у Вени жар.

— Рук нету, — ответил ворон, захлопал крыльями, взмыл, смешался с синевой вечера, молниями и черными облаками.

Элла бросилась закрывать окно.

— На рассвете пойдешь, — сказала первая старуха, — он покажет. Не отказался.

— Старый стал, — сказала, поднимаясь, вторая.

Скрипели ступеньки, старухи спускались с крыльца.

Ангелина проводила их, вернулась. Было тихо. Потом Андрюша глупо улыбнулся:

— Геля, если пойдешь, возьми меня, заодно кассу захватим.

— Глупец, — сказал дед Артем, — кассы не существует.

Эдуард Олегович молчал, поглядывал на всех, был бледен.

26

— Ничего страшного, — сказал серьезно Вениамин. — Стакан живой воды поставит меня на ноги. Разве не так?

— Спать, спать. — Эдуард Олегович поднялся. — Мне, к сожалению, еще одного пациента навестить надо. Долг прежде всего.

— Может, его на ночь выпустить из погреба? — сказала Элла. — Он же простудится.

— Нет, — сказал дед Артем, — и не подумаю. Делайте со мной что хотите. После того как мельница сгорела и Мишка погиб, нет ему пощады — это же банда, которая сама никого не жалеет!

— Я с вами полностью согласен, совершенно, абсолютно, — сказал Эдуард. — Но я гуманист и ничего не могу с собой поделать...

— Пошли вместе, — сказал дед. — Я послежу. Передай-ка мне ружье, Андрюша.

— Это лишнее, — сказал Эдуард Олегович, — вы устали, вы пожилой человек. Я с ним справлюсь.

— Не знаю, как уж и справишься, а вдвоем лучше. Пошли, пока дождь не хлынул.

— Идите, — согласился Веня.

Температура у него была тридцать девять и шесть.

Когда дверь за ушедшими закрылась, засобирался и Андрюша.

— Пойду в Красное, ничего со мной не случится.

— Куда ты пойдешь? — возмутилась Элла. — На тебе же лица нет!

— Хорошо, — сдался Андрюша. — Тогда я иду отдыхать. Че-

рез час прошу меня разбудить. К тому времени, надеюсь, и гроза пройдет. Дайте слово, что меня разбудите. — И он твердым шагом, хоть ноги и ныли от дневных хождений, прошел в холодную горницу, рухнул на постель и тут же заснул.

27

Андрюша не слышал, как бушевала гроза. Он проснулся от тишины, слагавшейся из ровного и густого шума дождя, который был постоянен и потому не слышен.

Андрюша вскинулся, вскочил в полной темноте с кровати, выбежал в сени. Ему показалось, что дом опустел, что все покинули его.

Но в щель под дверью в теплую половину пробивался свет.

Андрюша распахнул дверь, щурясь заспанными глазами. На ходиках было половина второго. Вениамин спал. Он был пятнист — черное с красным. Дышал часто, ворочался, сучил во сне руками. Возле кровати на стуле дремала Элла.

— Что случилось? — прошептал отчаянно Андрюша, злой на весь свет, оскорбленный предательством близких, а еще более предательством собственного тела, которое потратило на сон четыре часа. — Почему никто не думает о Вениамине?

— Ах, — вздрогнула Элла, — ты проснулся?

— Каждая минута на счету, — сказал Андрюша.

— Причешись, — сказала Элла, — ты дико выглядишь. Мы тебя не будили, ждали, что пройдет дождь.

Вениамин забормотал во сне. Вошла Ангелина со сложенным мокрым полотенцем, положила на лоб Вене.

— Какая температура? — спросил шепотом Андрюша.

— Сорок, — сказала Элла.

— Эдуард приходил? Что говорит?

— Нет, пропал куда-то, — сказала Элла. — Он тоже устал.

— У вас есть сапоги? — спросил Андрюша.

— Погоди... — Ангелина принесла резиновые сапоги и брезентовый плащ. — Впору будет? — спросила она.

— Впору, — сказал Андрюша, переобуваясь. — Ну я пошел.

— Иди, — сказала Элла, — только будь осторожен.

Андрюша пересек двор, скрипнула калитка. Почему-то ему показалось, что ливень на улице сильней, чем во дворе. Струи дождя сразу нашли путь за ворот, и плащ отяжелел. «Как я дойду до Красного? — подумал Андрюша. — Тридцать пять километров лесом. Пять километров в час... Семь часов. Главное, не терять темпа».

Он огляделся. Было темно так, что глаза с трудом, лишь по тусклому блеску луж находили дорогу. Небо было затянуто тучами. Силуэты домов и заборов угадывались лишь потому, что были темнее окружающей темноты. Дождь сыпал мельче, но густо и занудно. Собаки молчали, все в деревне молчало.

И сквозь этот бесконечный молчаливый шорох дождя до Андрюши донесся крик, приглушенный, еле слышный, и были в этом крике отчаяние, одиночество и безнадежность. Андрюша побежал, скользя по лужам, к площади. Крик заглох. Андрюша остановился, и ему стало страшно, страшно посреди деревни, и сознание этого заставило его содрогнуться от мысли, как он будет идти по тайге.

Крик возник вновь и вновь оборвался.

Андрюша упал, но он уже так промок, что это не имело значения. Плащ налился свинцовой тяжестью, и все было как в кошмаре, и хотелось открыть глаза, чтобы увидеть хоть какой-нибудь свет.

— Помогите! — донеслось сквозь дождь и оборвалось вновь.

— Иду, — сказал Андрюша, и голос его оказался тих, сорвался, не хватило воздуха.

И вдруг крик раздался снова, совсем рядом.

Глаза ли привыкли, или в тучах был просвет, но Андрюша вдруг догадался, что стоит возле погреба, куда заточили Василия. И его взяла злость — оказывается, бежал на помощь негодяю.

— Помогите! — Голос был тонким. Василий притворился немощным, чтобы вызвать жалость у прохожего. Но какой здесь прохожий?

— Молчи! — сказал в сердцах Андрюша, намереваясь повернуть обратно. Сколько времени потерял...

— Андрюша! — голос был близко. — Андрюша, счастье ты мое!

— Дед Артем? Почему вы здесь?

— Прелестно, великолепно, — раздался второй знакомый голос. — Мы никак не рассчитывали на вашу помощь. Это замечательно!

— И вы, Эдуард Олегович?

— Наша вина, наша вина, — сказал Эдуард. — И эта гроза, все за заборами, адский шум, ничего не слышно. — Пленники говорили сквозь маленькое окошко, голоса их доносились глухо.

— Обманул он нас, — объяснил дед Артем. — Притворился спящим, а потом ключи схватил и бежать. И замкнул.

— Мы виноваты, ах как мы виноваты! — сказал Эдуард. — Теперь он уже в лесу, в безопасности.

— Найдем, — твердо сказал дед Артем. — Отмыкай.

Андрюша нащупал замок, амбарный замок, крепкий.

— А где ключ? — спросил он.

— Ключа нету, — сказал дед Артем, — унес он.

Андрюша попытался сбить замок кирпичом, найденным рядом. Кирпич раскололся пополам.

— Не открывается, — сообщил он.

Все было мокрым. Весь мир был мокрым и холодным.

— Иди домой, — сказал дед Артем, — топор возьми, ничего не поделаешь.

— Глупо, — сказал Андрюша. Он хотел было добавить, что каждая минута на счету, а тут два... гм... человека дали запереть себя в подвале. Но сдержался, понимая, что все равно надо их спасать. — Иду, — сказал он и вдруг увидел, что из темноты на него глядит яркий тигриный глаз. Он сжался, колени стали мягкими... Но нет, это не глаза хищника, это фара. Кто-то ехал по дороге.

— Эй! — закричал Андрюша, как кричат моряки, завидя парус после года, проведенного на необитаемом острове. — Эй, стойте!

Мотоцикл ослепил Андрюшу. Голос Глафиры спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это ничего, — донесся голос из погреба, — это хорошо. Не плачь, Эдуард, спасение пришло.

28

Элла сопротивлялась, утверждая, что мальчику Коле одному ехать в Красное после трудного дня в такую темень совершенно невозможно, но Коля был как кремень. Поедет, и все тут, только заправится — в сарае есть запасные канистры. Расстроен Коля был смертельно: такой день, столько событий, а его не было. Он был глубоко убежден, что, будь он в деревне, и мельница не сгорела бы, и медведь бы не погиб, и Веня не пострадал бы. Но дело прошлое, теперь же спасение зависело от Коли, и тут все препятствия были несущественны.

Веня проснулся, он был в сознании, но сильно страдал. Элла

с Глафирой хлопотали возле него, а Коля с Андрюшей пошли в сарай.

— Василию не завидую, — сказал Коля. — Мы с милиционером его с утра возьмем. За ним еще дела найдутся.

— Может, с тобой поехать, чтоб не скучно было?

— Только машину перегрузишь, — сказал Коля. — Лучше за женщинами присмотри. Ты один тут мужик остался.

От похвалы стало приятно, хоть исходила она от мальчика.

— Как же этот Васька их скрутил? — рассуждал Коля. — Достань-ка мне масло с полки, ты повыше будешь, акселерат.

— Он на Эдуарда кинулся, зарычал, Эдуард струхнул, споткнулся о ящик, деда свалил. Остальное — дело техники.

— Это так, — согласился Коля. — Ну я поехал.

Андрюша помог выкатить мотоцикл за ворота, закрыл их, привычно ежась от дождя, глядя, как тает в струях воды красный огонек.

Напротив горел свет у деда Артема. Дед переживал. Был унижен. Может, навестить его?

Переходя улицу, Андрюша вдруг понял, что видит уже и дорогу, и темный забор деда. Три часа — начинает светать. Здесь рано светает. А спать не хочется. Дождь вроде бы стал потише, хотя за лесом все еще вспыхивали зарницы и перекатывался гром.

Короткий звук догнал Андрюшу: во дворе хлопнула дверь. Кто-то вышел. Звуки разносились далеко и гулко.

Снова тишина. Потом осторожные шаги по доскам, скрипнула калитка. Андрюша замер у дедова забора.

В калитке образовалась тень. Ангелина стояла, словно не зная, что делать дальше, куда идти.

— Эй, — тихо сказала она, — ты где?

Андрюша не откликнулся. Человек обычно чувствует, что зовут не его. И горькое подозрение мелькнуло в голове юноши — она зовет Василия, переживает за него, ждет, а все разговоры о живой воде, все сказки, ключи и компрессы — так, развлечение. «Все равно мы здесь чужие, — подумал Андрюша. — Вот приехали, уедем, а деревня будет жить дальше по своим странным законам... до тех пор, пока не построят здесь санаторий, не понаедут отдыхающие, которые обволокут своими, новыми и неинтересными легендами пушку на площади и странное название «Царицын ключ».

Черная тень пронеслась по светлеющему небу, захлопали крылья. Ворон опустился на забор рядом с Ангелиной, четкий силуэт его громоздился над девушкой.

— Гришка! — обрадовалась Ангелина. — А я боялась, что ты не прилетишь! Нам спешить надо.

Ворон взмахнул крыльями, как будто стряхивал с них капли дождя.

— Подожди здесь, я сапоги надену, банку возьму.

Стукнула калитка. Андрюше стало стыдно, что он подглядывает. В это время тонкий длинный скрип раздался сзади. Андрюша оглянулся. Приоткрылось окошко, и он угадал голову деда Артема. Вдруг стало темно — у деда погас свет.

— Ты чего здесь стоишь? — Дед разглядел Андрюшу.

— Я Колю провожал. Потом хотел к вам зайти, а тут Гришка прилетел.

— Ты не мешай, — сказал дед, — нельзя мешать. И за ней не ходи. Все испортить можешь.

— Вы же не верили, — сказал Андрюша.

— Я и сейчас не верю. Но мешать нельзя, понимаешь?

Снова стукнула калитка. Ангелина в тонком плаще и высоких резиновых сапогах, с бидончиком в руке вышла на улицу.

— Пошли, — позвала она.

Ворон тяжело поднялся с забора и полетел к площади. Ангелина двинулась за ним — захлюпали по лужам сапоги. И все стихло.

— Ну вот, — прошептал дед, — нам и спать можно. Иди домой.

В голосе деда был приказ. И Андрюша подчинился приказу.

Перейдя улицу, он оглянулся. Белая бородка деда вновь возникла в загоревшемся окошке. Андрюша вошел во двор, притворил калитку. И остановился. Он представил себе, как Ангелина одна идет сейчас к холодному мокрому лесу... А Василий или его сообщник? Ее могут выследить. Разве ворон — защита?

Дед не велит. Но дед относится к этому как к сказке, а если вспомнить, что сейчас конец двадцатого века, что сказок не бывает, а случаются необъяснимые, вернее, объяснимые, но еще не разгаданные физические явления? Почему Ангелине будет хуже, если кто-то поможет ей, если кто-то будет ее охранять?

Андрюша рассуждал так и думал, как бы выбраться из двора, чтобы дед не заметил. Ведь можно идти поодаль, только охранять ее, не приближаться... На улице блеснула лужа. Прижав глаза к щели в воротах, Андрюша увидел, что дед в ватнике, в высоких сапогах и мятой треуголке стоит у своего дома, прислушивается. «Ах ты, хитрец, — подумал Андрюша, — а сам-то решил идти за Ангелиной...»

Дед вышел, прикрыл осторожно калитку и засеменил по лужам к площади. «Все ясно, это снимает с меня моральные обязательства, — подумал Андрюша. — Где резиновые сапоги? Больше ничего не брать — только сапоги».

Он перебежал во двор, ворвался в сени, стал шарить в темноте.

Дверь из комнаты приоткрылась, выглянула Элла.

— Кто там? — прошептала она. — Это ты, Андрюша? Тише, Веня заснул. А Коля уехал?

— Все нормально. Я к деду Артему схожу.

— Три часа ночи, что за хождения? — сказала Элла скорбно. — И куда пропал Эдуард? Андрюша, если ты собираешься выходить на улицу, добеги до его дома. Может, он не спит... он обещал что-нибудь найти. Как ты думаешь, этично его разбудить?

— Этично, — сказал Андрюша. — Совершенно этично.

Он выбежал на улицу и, не скрываясь, не таясь, поспешил к площади. Да, надо заглянуть к Эдуарду. А может, не заглядывать? Пользы от него никакой, фельдшер он липовый, только переживает. Но, с другой стороны, Элле спокойней, если он рядом... «Ладно, постучу ему в окошко, — сказал себе Андрюша. — Передам и пойду дальше».

Он миновал деревья, скрывавшие пушку. Кто же из нее будет утром стрелять? Если старик не вернется, то впервые за много лет пушка не выстрелит. Так гибнут традиции. Не выстрелит раз, два, потом забудут и научатся вставать под будильник. Или вообще не встанут завтра утром? И птицы не будут петь, и коровы не дадут молока? Андрюша внутренне улыбнулся, но тут же вспомнил, как лежал, раскинув лапы, медведь возле мельницы...

У клуба он остановился. В окне Эдуарда горел свет. Андрюша приподнялся на цыпочки, заглянул — там никого не было. Из-под застеленной кровати выглядывало что-то синее. Андрюша постучал по стеклу. То ли подождать, — может, Эдуард вышел по нужде, то ли бежать дальше, пока дед с девушкой не затерялись в лесах? И тут он услышал тихие голоса, доносившиеся из-за угла дома.

— Чего, — спросил знакомый высокий голос, — тебе чего не сидится?

— Она пошла, — ответил низкий бас. Василий? О чем он разговаривает с Эдуардом? Неужели они уже помирились? — И старик поперся. Треуголку надел и поперся.

— Старика мы пугнем. Старик нам не страшен. Так что иди быстро, не выпускай ее из виду и не догоняй. Понятно?

— Понятно, да неприятно. В лесу медведи ходят.

— Нет твоего медведя, пришил я его.

— Все равно лес... — басил Василий.

— Девчонке в лесу не страшно, а ему страшно? Икру по твоей трусости потеряли, теперь и золото прозеваем. Оставайся, жди милицию, она по тебе плачет.

— Ты меня не пугай. Если так дело пойдет, я скажу, кто был моим инициатором.

— Слово выучил! А доказательства? Я в лесу не был, я не хулиганил, у меня все в порядке, комар носу не подточит.

— Римма в магазине скажет.

— Не скажет. Это ты ей икру привозил, ты ей лекарства передавал и рыбу — все ты.

— Все равно посадят.

— Да иди ты скорей! Надоел, зануда.

— Я тебя подожду.

Эдуард грязно выругался и бросился в дом. В окно Андрюша видел, как он скинул пиджак, вытащил из-под кровати синий мундир, натянул его, схватил треуголку из ящика стола — и на голову. Андрюша стоял не дыша, не двигаясь — совсем рядом, за углом, слышалось тяжелое дыхание Василия.

Вот тебе и тихий фельдшер, интеллигентный человек. Значит, это он убил медведя и сжег мельницу...

Эдуард-привидение метнулся по комнате, вытащил из шкафа складной зонтик. Все, к Вениамину он не пойдет, больные его не интересуют... Андрюша переступил с ноги на ногу и чуть не попался: дыхание Василия прервалось, но тут скрипнула дверь, свет в комнате погас. Эдуард был на улице. Андрюша вжался в стену.

— Пошли, — сказал Эдуард. — А куда идти, знаешь?

— Знаю, к Волчьему логу. Куда же еще?

Две темные фигуры отделились от угла здания и поспешили к лесу.

Андрюша понял, что выхода у него нет, только за ними! И не выдавать себя, пока возможно. На его стороне внезапность...

29

Сначала Андрюша шел быстро — ему показалось, что если все те, кто идет впереди него, свернут на какую-нибудь тропинку, то он проскочит мимо и придется тогда плутать по незнакомому лесу... Он спешил, боясь отпустить от себя Эдуарда и Василия.

Они уже вошли в лес, где под деревьями было совсем темно,

и Андрюша чуть не налетел на них, выскочив из-за толстого ствола. Совсем рядом скользнул луч фонарика, он шастал по листве и стволам, потом метнулся вбок, осветил позумент на камзоле и погас. Эдуард и Василий решали, видимо, по какой тропе идти. Андрюша зажмурился и услышал, как, перекрывая неровный стук капель, срывавшихся с листьев, запела первая птица. Услышав ее, принялась выводить несложную мелодию вторая, третья. Начиналось утро.

Андрюша старался держаться сзади, а на ровных участках дороги отставал настолько, что силуэты преследуемых сливались с сеткой дождя. Эдуард с Василием тоже шли осторожно, приостанавливались на поворотах.

Так прошло более часа. К пяти в лесу рассвело, дождь почти перестал. Вот-вот должно было взойти солнце, приближение его ощущалось в растущем буйстве птичьих голосов.

Лесная дорожка, кое-где заросшая, кое-где протоптанная плотно и широко, вывела к узкой и длинной долине, по которой протекал ручей. В зарослях тростника просвечивала вода, взрябленная дождем. Дорожка выбежала на берег и шла по опушке, но Андрюша не решился выйти на открытое место и потому пробирался кустами по краю леса, где с каждой ветки за шиворот сыпались ледяные капли.

Что-то тяжело вздохнуло в тростниках, взлетели утки, и сверху Андрюша увидел скользкую черную спину какого-то чудовища, которое медленно пробиралось к полосе открытой воды. Эдуард с Василием тоже заметили чудище и остановились. В тишине до Андрюши донесся высокий голос Эдуарда:

— Крокодил!

— Не, — ответил Василий, — крокодилы у нас не водятся. Сом это, о нем давно известно, что здесь обитает. Только ничем его не взять. Даже пулей.

— И не нужно, — сказал Эдуард. — Мясо у него несъедобное.

— И мясо паршивое, — согласился Василий.

Сом на секунду выставил из воды тупое рыло с маленькими тусклыми глазками, пошевелил усами в метр длиной и ушел в глубину, взбаламутив воду. Тростники долго еще покачивались, а утки летали над водой, не решаясь опуститься.

Дорожка подвела к самой воде. Здесь, в узкой горловине, ручей бурлил горным потоком, и переходить пришлось по скользкому бревну. Затем тропинка ушла в сторону от ручья, вверх, в светлую и прозрачную березовую рощу. Андрюша перебегал от ствола к стволу, солнце неожиданно выскочило из-за горизонта,

разорвав облака, его лучи ворвались в рощу, прорезав ее насквозь.

Эдуард и Василий остановились перед громадным серым валуном. Фельдшер наклонился и пошел вокруг камня. Василий закурил, потом зашагал дальше. Эдуард догнал его.

Когда Андрюша достиг того же места, он увидел на валуне слова «Царицынъ ключъ», выбитые глубоко, резко.

У камня дорожка кончалась, и Андрюша понял, почему Эдуард бродил вокруг — он искал следы.

Эдуард с Василием почти скрылись за деревьями. Высокая мокрая трава доставала до коленей, и Андрюша шел по узкой тропинке, протоптанной недавно. Тропинка вновь привела к ручью, к тому же, что впадал в тростниковое озеро. За ручьем к берегу, отороченному полосой камней и песка, подходили строем мрачные ели. Там и скрылись Эдуард с Василием.

Черный еловый лес не хотел пропускать, словно сторожил заколдованную страну. Стволы стояли тесно, сухие ветки, тонкие, колючие, хлесткие, с оттяжкой били по рукам и по лицу, и уже через несколько шагов Андрюше показалось, что он заблудился навсегда и безнадежно. Он остановился и услышал, как впереди трещат сучьями, продираются вперед, ругаются преступники. Вскоре он не только догнал их, но чуть не налетел на Василия. Шофер бился, дергался на небольшой прогалине, и Андрюша не сразу сообразил, что же произошло. Потом понял — Василий угодил во владения лесного паука, затянувшего седой, сверкающей каплями дождя сетью-занавесом ход между елями. Василий плясал, дергался, матерился, выдирая руки из клейких цепей. Паук размером с блюдце сидел на краю паутины и ждал, когда же его жертва успокоится.

— Эдик! — кричал Василий. — Кончай гоготать! Он же ядовитый!

Эдик не гоготал, просто от страха у него изо рта вырывались странные, кудахтающие звуки.

— Я, — выговорил он наконец, — я пауков боюсь.

— Режь! — закричал Василий. — Режь, говорю!

Эдуард поднял зонт как шпагу, сделал несмелый выпад.

— Коли! — вопил Василий. — Он же меня гипнотизирует!

Паук и в самом деле рассматривал свою жертву. Может быть, ему давно не попадались люди.

Эдуард, зажмурившись, принялся молотить зонтом по паутине, и в конце концов она покачнулась, нити обвисли.

— Да ты меня-то не бей! — кричал Василий.

Паук, поняв, что завтрак упущен, исчез за темным стволом.

Василий начал отрывать от себя прилипшие нити, а Эдуард сказал:

— Пошли дальше, а то упустим.

— Ты первый иди, — сказал Василий. — Не знаю, сколько их тут понавешено.

Поспорив, они пошли рядом, плечо к плечу. Фельдшер не выпускал из рук зонт, размахивал им, обламывал сучья.

Андрюша двинулся следом. Нагнулся, проходя под рваным занавесом паутины, миновав его, оглянулся. Паук выполз на ветку и начал чинить сеть. Он взглянул вслед Андрюше, и тому показалось, что паук подмигнул ему, чего, конечно, быть не могло.

Темный еловый лес внезапно поредел, и Андрюша вновь увидел Эдуарда и Василия. Они стояли у сгнившего некогда полосатого шлагбаума, упавшего на камни неширокой, мощенной булыжником дороги возле покосившейся маленькой будки, покрашенной в черную с белым елочку. Дорога начиналась от елей внезапно, будто выскочила из-под земли. А на холмике у самой дороги на солнышке сидели рядом дед Артем и Ангелина. Перед ними был расстелен на траве белый платок, лежало полбуханки хлеба, несколько яиц и огурец. Поодаль, на суку, нависшем над дорогой, сидел ворон. Из клюва торчал кусок хлеба.

Андрюша присел за кустом и пожалел, что ему не пришло в голову взять с собой съестного.

Видно, та же мысль посетила и Эдуарда.

— Проголодался я, — тихо сказал он Василию. — А у меня дома еще банка икры осталась... Выкинуть надо бы, а жаль, я в отпуск хотел съездить к бывшей теще в Ялту. Взял бы с собой.

— Дай поесть, — сказал Василий. — Я в подвале сидел.

— Потерпи, — прошептал Эдуард, — прошу, потерпи.

— И выпить бы. Надоело. Всю жизнь терплю. Всех убью!

— Возьмем клад, будет полная свобода.

— А вдруг денег мало? — спросил Василий, и у него громко заурчало в животе. Он сердито стукнул по животу кулаком, ворон Гришка заглотнул хлеб и взлетел с ветки.

— Ты куда? — спросил дед Артем.

— Сейчас, — ответил ворон и полетел назад, осматривая дорогу.

Василий с Эдуардом нырнули в кусты, замерли. Андрей сжался. Ворон сделал круг над кустами и вернулся обратно.

— Там есть кто? — спросил дед.

Ворон щелкнул клювом, Ангелина кинула ему кусок хлеба.

— Идти бы надо, — сказала она, — солнце уже поднялось. Парит.

— Сейчас, — сказал дед. — Он насытится и полетит.

— Только ты, дедушка, снаружи подожди. Может, и в самом деле надо, чтобы я одна пошла?

— Подожду, подожду, хоть и не верю я в это.

— А чего пошел тогда?

— Тебя одну оставлять не хотел. А вдруг Васька тут ходит?

Ворон поднялся и медленно полетел вперед. Артем и Ангелина собрали остатки еды в платок, дед сунул узелок в заплечный мешок.

— Не доели, — сказал Василий с ненавистью, — зажрались...

Преступники крались по кустам, а дед с Гелей шли неравномерно: то быстро, если ворон припускал вперед, то медленно, если он поднимался выше и кружил, припоминая дорогу. Иногда до Андрюши доносились обрывки их разговора.

— Это его дорога, — сказал дед Артем. — Ее мой отец видел...

— А почему не достроил? — спросила Ангелина.

— Может, указание получил, что не приедет императрица, а может, деньги кончились...

Перебивая слова деда, до Андрюши донесся злой шепот Василия:

— Слышишь, кончились деньги! А мне за что в тюрьму садиться?

— Врет все дед, — успокоил его Эдуард. — Потому и не достроил майор, что деньги спрятал. Дураку ясно.

Дорога пошла вверх между крутыми каменистыми холмами, снова вышла к ручью, он стал теперь узким, тек круто, звенел хрусталем по камням. В бочажке лениво кружились хариусы метровой длины. Андрюше пришлось выйти на дорогу, потому что она шла вокруг большой скалы: слева отвесный склон, справа обрыв.

На скале на большой высоте были выписаны белой краской метровые буквы: «Сандро Шейнкманишвили. Одесса, 1973».

— Смотри, — долетел возглас деда, — и сюда турист добрался!

— Они везде проникают, — сказала Ангелина. — Помню, проходили через деревню, пели про дикий Север, про моржей, иконы спрашивали.

— Экологическая угроза. Обязательно лес спалят!

Дед с Ангелиной исчезли за поворотом, и больше ничего не было слышно, кроме пения птиц да журчания ручья внизу.

30

Перевалив через горб горы, дорога покатилась вниз, в тесную долину, окруженную зубцами темных скал. Ручей исчезал в яркой зелени трав и появлялся вновь уже по выходе из долины. Попасть туда было нелегко. Сверху Андрюша видел, что дорогу, прорезавшую полукруг скальной стены, перегородил обвал. Перед баррикадой глыб, как перед закрытой дверью, остановились Ангелина с дедом. А где же бандиты? Ага, вот они, присели за скалой метрах в двадцати от завала.

Дед и Ангелина глядели на Гришку, который поднялся высоко вверх и кружил, будто забыв, куда двигаться дальше. Андрюше видно было, как старик первым полез вверх, положив на дорогу мешок с едой, чтобы не мешал. Ангелина взобралась следом, вот они уже смотрят сверху на зеленый стакан долины. В небе появились черные точки, они росли, приближаясь к Гришке, и тот нырнул вниз, видно, испугавшись, — к нему приближалась целая стая громадных летучих мышей. Они окружили Гришку, закрутили, потом от стаи отделилось черное пятно — распростерши крылья, ворон планировал, рывками приближаясь к земле. Он исчез за завалом, а стая, сделав круг, повернула обратно... Дед и Ангелина, спотыкаясь, бросились к нему. И тут же из-за камня поднялась неуклюжая фигура Василия, он кинулся к завалу, схватил мешок с едой, потащил к себе. Эдуард, поднявшись, шипел на него, махал руками:

— Брось, тебе говорят, брось, увидят!

Мешок был, видно, плохо завязан, раскрылся, из него посыпались на дорогу куски хлеба, покатились яйца и огурцы. Василий кинулся подбирать добро. Он заталкивал в рот яйца и огурцы, чавкал и рычал так шумно, что, видно, дед услышал — его голова вновь показалась над завалом. Эдуард нырнул за камень, а Василий продолжал ползать по дороге. Голова деда тут же исчезла. Эдуард кусал ногти и топал ногой.

— Все пропало! Увидел он тебя, понимаешь, увидел!

— А они и сами не найдут, — невнятно сказал Василий. — Гришку-то пришили. Нельзя туда ходить, понял?

Андрюше сверху было видно скрытое от Эдуарда: там, за завалом, по узким остаткам дороги, прижимаясь к скале, спешили прочь дед и Ангелина. Ангелина прижимала к себе Гришку, дед нес пустой бидон. Они осторожно спустились с обрыва и начали пробираться по краю зеленой поляны, перепрыгивая с камня на камень. Однажды дед оступился, и нога его ухнула в зелень. Андрюша понял, что зелень эта — трясина.

Ангелина с дедом обогнули половину зеленой топи и приближались к дальней стене долины, где из трясины торчали пальцами деревянные столбы — остатки моста. Эдуард уговорил Василия проползти вперед, забраться на завал. Увидев, что старик с девушкой ушли далеко, Василий вскочил на ноги и крикнул:

— Стойте! Вы куда?

Его крик настиг беглецов, но не остановил. Они оглянулись и исчезли в узкой расщелине среди скал. Василий скатился вниз, к зеленому полю.

— Стой! — крикнул ему Эдуард. — Меня подожди!

— Еще чего! — огрызнулся Василий. — Без тебя доберусь!

Он влетел в зелень большим прыжком и не сразу сообразил, что почва не держит его — жидкая грязь брызнула из-под ног, пачкая салатную траву. По инерции он пронесся еще два шага, завяз по колено, вырвал с трудом ногу, рванулся дальше... Уйдя в трясину по бедро, Василий повернул назад и только тут обнаружил, что до берега уже метров шесть.

— Эй! — крикнул он Эдуарду. — Дай руку!

— Как же я дам? — Эдуард понял, в чем дело, и замедлил спуск к болоту. — Сам выбирайся. Убежать от меня хотел!

Василий рванулся к нему и погрузился по пояс.

— Ты чего?! — вдруг испугался Эдуард, увидев тоску в глазах шофера. — Погоди!

Андрюша побежал со своей горы вниз, к завалу, и через несколько шагов потерял людей из виду. Когда он снова увидел их, Эдуард метался по берегу, протягивая Василию зонтик. Андрюша оглянулся — нужна какая-нибудь палка, шест, но вокруг не было ни единого деревца. Лес остался далеко позади.

Василий погрузился по шею, глаза его вылезли из орбит.

— Не могу! — крикнул ему Эдуард. — Прощай!

— Эдик, — хрипел Вася, — спаси, я тебе все деньги отдам, и клад себе бери, только спаси меня!

— Я бы рад... — расстраивался Эдуард. — Я бы рад...

— Вылезу, убью! — закричал Василий.

— Прощай, — развел руками Эдик. — Ты не мучайся, сразу ныряй.

— Нет, сволочь! — отказался от совета Василий. — Я на твердом стою! — Жижа подобралась ему к подбородку.

— Стоишь? — переспросил Эдуард. — Ну и ладушки. Это изумительно. Это восхитительно. Замечательно. Стой.

— Эдик! — закричал Василий. — Я тебя под суд подведу!

— Не надо. — Эдуард концом зонта стряхнул с майорского

сапога грязь. — Ничего это тебе не даст. Стоишь ведь, не тонешь? Я за ними сбегаю, клад отберу — и к тебе. А ты подожди. — И Эдуард пошел по краю трясины с камня на камень вдоль стенки, как недавно шли дед с Ангелиной.

— Эдик! — неслось ему вслед. — Эдик, погибну! Вернись! А то скажу, как лекарствами торговал! И где иконы лежат!

— Молчи, подонок! — Эдик подобрал ком земли и кинул так, что он упал в воду рядом с Василием, колыхнул топь и обрызгал шофера до затылка — голова стала бурой от грязи и без слов хрипела с ненавистью вслед фельдшеру. — Терпи, — сказал Эдик, — твой вид отвратителен. — И легко, с камня на камень, поспешил к расщелине.

Андрюша подождал, пока он скроется, и перебрался через завал. При виде его Василий заморгал глазами, всхлипнул с надеждой:

— Студент... Студент, спаси, я все скажу!

— Стой! — сказал Андрюша без жалости. — Чего мне тебя жалеть! Грязь для тебя оптимальная окружающая среда.

— Студент! — шипела голова. — Интеллигентный человек!

— Я тебя буду спасать, а Эдуард в это время на Ангелину нападет? Он же бессовестный.

— Студент! — упрямился Василий. — Я с тобой поделюсь. У меня облигации есть... Не хочешь? Убью!

Из трясины возникла лягушка, большая, зеленая, с белым гладким пузом. Приняв голову Василия за камень, вспрыгнула на нее и удобно уселась. Как шляпа. И пялила бессмысленные глаза на Андрюшу. Под тяжестью лягушки Василий ушел в воду еще глубже, даже подбородок скрылся в трясине. И он замолчал, чтобы не наглотаться.

— Я вернусь за тобой. Если он обманет, я вернусь, — сказал Андрюша и направился к глубокой темной расщелине.

31

Шаги в расщелине раздавались гулко, по стенам стекала вода, вливаясь в ручеек, что журчал по дну. Воздух был удивительно чист, пахло озоном, словно тут недавно ударила молния.

Скалы над головой сомкнулись, стало совсем темно, но через несколько шагов впереди забрезжило пятнышко света. Свет исходил от фонаря Эдуарда. Тот стоял перед новым завалом из рухнувших сверху глыб и шарил по нему лучом, разыскивая щель.

— Не может быть, — бормотал Эдуард дрожащим голосом. — Они завалить ее не успели бы... — Свободной рукой он раскачивал камни, ища тот, слабый, которым был закрыт путь. Раздался грохот, посыпались новые глыбы. Фельдшер отпрыгнул назад. — Ногу! — взвыл он. — Ногу зашибли, сволочи!

Андрюша вдруг понял, что не хватает привычного звука — пропало журчание ручейка, под ногами было сухо. И повернул обратно.

Услышав впереди журчание, Андрюша провел рукой по стене и обнаружил у самой земли дыру меньше метра диаметром, из нее и изливалась вода. Было страшно. А вдруг отверстие сузится? А вдруг и в самом деле обвал случился только что?.. В отдалении снова раздался грохот — Эдуард продолжал ворочать камни.

Андрюша сунул руку в низкую щель, и пальцы нащупали что-то мягкое. Птичье перо. Большое птичье перо.

Сомнения исчезли. Нагнувшись, Андрюша втиснулся под низкий свод. Пришлось передвигаться ползком, перебирая руками в ледяной воде. Острый край сталактита полоснул по ладони... Ход шел вверх, но не сужался. Андрюша уже не боялся, что он сузится. Но путешествие казалось бесконечным, саднила рука...

Наконец в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Андрюша зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что свет пробивается сквозь зелень листвы. Здесь уже можно было встать на четвереньки, еще немного, и он поднялся и раздвинул мягкие ветки.

Он стоял на краю небольшой зеленой долины, заросшей деревьями и кустами, замкнутой с дальней стороны отрогами высокой горы.

Здесь было тепло и сухо. Только звенели комары, принявшие его за долгожданный обед. Андрюша отмахнулся от них и увидел свою ладонь — она была располосована, из открытой раны текла кровь. Чтобы смыть ее, Андрюша опустил руку в ручеек, который исчезал в черной пасти скалы. Кровь розовым облачком унеслась с водой, края царапины побледнели. Он вытащил из ледяной воды руку и увидел, что кровь уже не течет, а рана затягивается на глазах.

Андрюша вымыл в ручье лицо и снова взглянул на свою рану. Рана окончательно затянулась, лишь светлый шрам напоминал о ней.

— Сказка, — произнес Андрюша и пошел дальше, вверх по ручью, не глядя еще по сторонам, потому что не мог оторвать

взгляда от собственной руки. — Нет, — сказал он, остановившись через несколько шагов, — этого не может быть.

— Что делать, — отозвался знакомый голос. — Я тоже не допускал такой мысли, а ведь являюсь коренным уроженцем!

Андрюша раздвинул кусты и оказался на прогалине, где стояла белая мраморная скамья, а на скамье сидели дед Артем и ворон Гришка, живой, здоровый, но насупленный.

— Я, понимаете, руку раскроил, — сообщил Андрюша.

— А Гришка успел подохнуть, — сказал дед, — то есть находился в состоянии клинической смерти.

— Винивидивичи, — хрипло сказал ворон.

32

— Где Геля? — спросил Андрюша.

— За водой пошла к ключу. Там она в чистом виде.

— Зачем вы ее одну отпустили?

— Ей захотелось. Хоть и суеверия, зачем портить картину?

— А Василий в болото попал, — сказал Андрюша.

— Потонул? — спросил дед спокойно.

— Нет, по шею сидит. Надо будет на обратном пути захватить. На Эдуарда надежды мало.

— На кого? — удивился дед.

— Эдуард Олегович, фельдшер ваш. Разве непонятно? Они с Василием заодно, он и есть второе привидение. Это он все организовал, и с икрой тоже, и лекарствами торговал, и молоко они разбавляли. У него даже икра дома осталась, целая банка, теще хочет отвезти в Ялту.

— Улика, значит, — сказал дед. — Это ужасно. А они что, выследили нас?

— Я потому и пошел, что испугался — их двое.

— Ага, их двое, а нас четверо. — Дед шлепнул Гришку по крылу. — Ах мерзавец, ах хитрец, даже в погребе со мной остался! Ваську выпустил, а сам остался! Все рассчитал, мерзавец...

— Дедушка! — послышался крик Гели. — Иди сюда. Я воды набрала.

— Идем, — откликнулся дед. Гришка хотел было возразить, но потом махнул головой, соскочил со скамьи и пошел впереди пешком, поглядывая на небо. — Опасается, — пояснил дед. — Летучие мыши здесь вместо сторожей. А Гришка, с их позиции, предатель.

— Филлантрррроп, — откликнулся ворон.

— Ну как знаешь. Я же тебя не осуждаю. А где Эдик-то?

— Он в пещере заблудился. У завала застрял.

— Это точ-на, — сказал дед. — Мы тоже сначала чуть не промахнулись. Дорога хитрая, видно, завал еще майор устроил.

Трава раздалась, открыв дорожку, выложенную плитами аккуратно, одна к другой. Дорожка раздвоилась, уткнувшись в прудик, окруженный мраморным бордюром. Камень кое-где раздался, осел, между плитами тянулась трава.

По ту сторону пруда виднелась каменная ротонда, которую берегли львы, мирно положившие морды на лапы. Внутри стоял мраморный медведь в натуральную величину, из его пасти бил небольшой фонтан воды. Что это живая вода, Андрюша догадался сразу, потому что увидел, как к источнику направляется крупный заяц, держа на весу пораненную лапу. Кося глазом на Ангелину, стоявшую поодаль с бидоном в руке, заяц подскочил под фонтан и замер. Вода смыла с лапы кровь, заяц промок, Ангелина засмеялась. Гришка гаркнул, отгоняя зайца, и тот громадным прыжком сиганул через резные каменные перила между колоннами. Ангелина увидела Андрюшу.

— За нами шел? Ах ты, любопытный!

— Он охранял тебя, — сказал дед серьезно. — Там не только Васька, там и его дружок Эдуард.

— Этот тоже? А раков вы видели?

Раки сидели в прудике, их было три. Зеленые, метровые, глупые, они таращили глаза на пришельцев сквозь прозрачную воду. Вокруг раков медленно плавали золотые рыбки.

Андрюша увидел за деревьями темную крышу. Бревна, из которых был сложен маленький домик, давно уже проросли, и он стал похож на купу деревьев. Ржавая, крытая железом крыша чудом удержалась в буйном переплетении ветвей.

— Я пойду, — сказала Ангелина, — мне надо спешить.

— Идите, — согласился Андрюша. — Я вас догоню. — Он пожалел, что не взял с собой фотокамеру. Едва ли он вновь попадет сюда. Не потому, что путь труден или далек: может, дорога все-таки тупиковая? Открылась по сказочному велению и закроется вновь, пока через сто или двести лет не понадобится еще одной Ангелине спасать своего возлюбленного.

— Санаторий здесь построим, — сказал дед Артем. — Корпуса, травматологическую лечебницу, ванны...

Ангелина поглядела на поляну, на ротонду, на глупые морды раков и сказала:

— Жалко.

— Жалко, — сразу согласился дед и пошел вслед за Ангелиной. — Значит, так, — продолжал он, — устроим здесь заповедник союзного значения и проведем отсюда трубопровод... — Голос старика глохнул в зарослях, треуголка его мелькнула еще раз над листвой...

Андрюша заглянул в домик. Там было сумрачно и пусто, застарело, извечно пусто... Когда-то здесь жили люди, да давно ушли. На скамейке валялся медный ковш, две плоские бутылки забыты на полуразвалившейся печке. И еще одна треуголка... Андрюша протянул руку, и треуголка рассыпалась, а он подумал: вот здесь, наверное, и скрывался секунд-майор от царских посланцев, здесь и умер, забытый всеми. Может, где-то возле дома лежит его скелет, если не погиб он в лесу... Ржавая шпага без ножен торчала рядом с широкой лавкой. Шпагу Андрюша решил взять с собой, отдать деду. Пускай лежит она в корпусе санатория или в правлении заповедника под стеклом.

Андрюша наклонился, чтобы достать шпагу, и увидел под лавкой сундучок. Потащил сундучок на себя. Тот был окован железными полосами и закрыт.

— А вот и клад, — подумал Андрюша вслух и понес сундучок наружу. — Тоже передам деду, — решил он.

Так он и выбрался из домика-дерева — сундук прижат к животу, за ремень заткнута шпага с позолоченной гардой. Но далеко не отошел, потому что услышал знакомый и неприятный слуху голос.

— Руки! — повторял этот голос занудно. — Руки!

Андрюша увидел, как по дорожке к ротонде пятятся Ангелина и дед. Дед держит обе руки кверху, Ангелина — одну, во второй драгоценный бидон. Под ногами у них путается, тоже отступает ворон, а шагах в десяти надвигается невероятная фигура со сложенным зонтом в руке, оборванная до удивления, в клочьях камзола, без треуголки, страшная, одичавшая, задыхающаяся.

— Где клад? Где клад, я спрашиваю?

Дед и Ангелина молчали.

— Клад где? Убью, мне терять нечего! Ставь бидон на землю!

Ангелина опустила бидон на дорожку.

— Назад! Еще назад!

Эдуард достал ногой до бидона, толкнул его, вода хлынула по дорожке, растеклась по камням, и тут же в щелях между ними полезли вверх тонкие зеленые ростки.

— Где клад?

— Эдик, — сказал дед, — не нужен нам твой клад. Оставайся здесь и ищи сколько твоему сердцу угодно. Отпусти нас. Нам нужно живую воду отнести. А ты ее разлил.

— Хватит, — сказала вдруг Ангелина, — надоело мне!

Она спокойно шагнула вперед, подобрала бидон.

— Не смей! — крикнул Эдуард.

Андрюша все эти долгие секунды никак не мог распутаться в сундуке и шпаге — сундук он не догадался поставить, и тот, тяжелый и неудобный, мешал вытянуть шпагу из-за пояса.

— Стой, подлец! — сказал Андрюша. Ему показалось, что говорит он значительно и веско, но голос сорвался на высокой ноте.

Эдуард оглянулся и увидел сундук. Он не увидел ни шпаги, ни Андрюши — он видел только сундук.

— Мой! — крикнул он и кинулся к нему.

Он налетел на Андрюшу, как бешеный бык, схватил сундук, рванул на себя, не удержал, тот упал, щелкнул, раскрылся, и из него стаей голубей разлетелись листы бумаги. Эдуард прыгнул вперед и накрыл собою сундук. Ожесточившись, Андрюша сделал выпад шпагой и с размаху воткнул ее в зад фельдшера. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Андрюша уже понял, что сундук пуст — серебряная монета выкатилась из него, побежала, сверкая на солнце, по дорожке к круглому прудику и улеглась на бордюре.

— Так я и думал! — сказал дед, подобрав один из листов. — Это отчет. Об израсходовании государственных средств.

— Значит, денег нет? — спросил Андрюша.

— Откуда же им быть? Наш предок реабилитирован! Посмертно!

— Я пошла, — сказала Ангелина. — Веня ждет.

Дед собирал листы отчета.

— Ты справишься? — спросила Геля Андрюшу.

— Справлюсь, — ответил тот, отбрасывая ногой в сторону зонтик. — Идите. И вы вставайте, Эдуард!

Эдуард не отвечал. Одной рукой он держал себя за уколотое место, второй шарил внутри сундучка, все еще не веря, что тот пуст.

— Подлец, — сказала Ангелина, проходя мимо. — Еще Ваську простить можно, а вас никогда.

— Где деньги? — кричал Эдуард, не видя никого вокруг.

Монета, сверкающая на краю пруда, попалась его отчаянному взору. Эдуард пополз к ней по дорожке. Зеленые раки удивленно глядели на него — думали, свой. Неловко дернувшись, Эдик свалил монету в воду и тут же рухнул вслед за нею и сам, а раки подняли клешни, словно желая защитить сверкающее сокровище.

— Я за Ангелиной побежал, — сказал дед. — Вдруг там Васька?

— Не бойтесь, — сказал Андрюша, — он теперь тихий.

Эдуард барахтался в прудике живой воды, сражаясь с раками, и победить в этой схватке никто не мог. Любая рана, любая травма затягивалась тут же, оторванная лапа на глазах отрастала у рака, наверное, если бы кто из врагов откусил Эдуарду голову, и она отросла бы заново. Но голову раки фельдшеру не откусили, и тот вырвался из их объятий, вылез на берег, голый, белый, в свежих шрамах, и пополз обратно к сундучку, сжимая в кулаке серебряный рубль.

Андрюше надоело смотреть на фельдшера. Он сунул шпагу за ремень и огляделся. Увидел заросшую подорожником тропинку. «Пройду по ней немного, — решил он. — Пять минут ничего не меняют».

Раздвигая ветви розовых кустов и лопухов, схожих с бананами, увернувшись от здоровенного шмеля, Андрюша миновал домик.

Заросший мхом склон холма не пружинил, был твердым, но твердым иначе, чем камень, — эту разницу нельзя было выразить в словах или даже в мыслях, но она была. Андрюша опустился на корточки, оторвал пальцами слой мха и увидел неровную, шершавую поверхность металла. «Железная гора», — подумал он и взобрался на вершину этого небольшого крутого холма. Буйная зелень долинки вокруг источника осталась внизу, здесь дул ветерок и было прохладней. Отсюда была видна крыша домика секунд-майора, скрытая зеленой шапкой листвы, белый купол ротонды и темный изумруд прудика... Андрюша огляделся. Долина Царицына ключа была кругла и ровным дном похожа на большой кратер, а металлический холм горбился как раз в центре этого кратера. И Андрюша понял, что, вернее всего, сюда в незапамятные времена упал огромный метеорит. Принесенные из глубины космоса странные соединения тамошних неведомых веществ пропитали родник, бьющий из земли, сказочной силой, и вода здесь приобрела свойства, которых нет больше нигде на свете.

А может, и не это? Может быть, эта металлическая глыба рождена в недрах земли и выдавлена оттуда сжатием или вулканическим взрывом? И сила ее в сочетании элементов, родивших живую силу воды?

Дальше, за откосом, что-то светлело. Спустившись туда, Андрюша увидел на холмике, поросшем короткой травой, покосившийся крест. Трава там знала, что нельзя подниматься высоко,

нельзя скрывать в буйстве своем память о том, кто здесь похоронен.

Рядом скамеечка, словно кто-то приходил сюда.

На кресте прибита табличка. Надпись почти выцвела, но под ярким солнцем Андрюша смог прочесть:

«Ее Императорского Величества Преображенского полка секунд-майор Иван Полуехтов скончался декабря 8 дня 1762 года.

Мир праху твоему, отец и муж».

Андрюша присел на скамейку. Значит, он жил здесь, и сказка лгала, потому что сказки придумывают люди, которые не все знают. Никому в деревне не открыла Елена, что майор не погиб, а остался у своего ключа и жил тут еще долгие годы...

И вдруг Андрюша понял, что он — это не он, не Андрей Семенов, студент из Свердловска, а секунд-майор Иван Полуехтов, изгнанник и отшельник. Осенний ветер дует над этим холмом, майор думает о том, что то ли когда-то этот железный холм упал с неба, подобно огненным камням, и принес на землю тайну и живительную силу со звезд, то ли вылез из земли, а эта живая вода — само естество нашего подлунного мира... Тоска и одиночество владели им — тешила лишь надежда, что придет Лена, придет и останется здесь на неделю, скажет в деревне, что поехала к родным в Пензу. Обещала, любезная, пожить с ним, малыша возьмет, младшего, других нельзя, проговорятся...

Майор сунул руку в карман камзола, вытащил серебряный рубль — нужны ли кому эти деньги, оставшиеся от царской казны? Ясное дело, никто не поверит, что он все истратил на работу, не крал, не обманывал, не утаивал. Не докажешь... Секунд-майор поглядел на рубль с профилем императрицы, кинул вдаль, в траву, а сверху спустился камнем верный Гриша, подхватил монету и унес. Может, подняться сейчас, вернуться в Петербург, там жизнь, там балы и маневры, разговоры о политике и дворцы на набережных? Но нужно ли тебе это, Иван Полуехтов, ты же сидишь, годы проходят в забвении и ничтожестве, ждешь одного — как послышатся шаги у порога твоего домика? Придет твоя Елена, уже немолодая, растолстела, руки огрубели от работы, одна свой позор несет — мужиков нету, а она от кого — от духа святого третье дитя в люльке качает? А верна, через лес по дыре черной ходит и ходит к своему Ванечке, а Ванечка хоть и не хворый — как тут захвораешь, если вода живая, только от тоски пропадешь, — но стареет Ванечка, сварливый стал.

Елена говорила: «Убежим, уйдем на юг, на Волгу, на Кубань». Но не тянет уже к людям, да и не может бывший секунд-

майор заниматься разбойничьим делом или крестьянским трудом. Лучше останется он до смерти, как часовой на посту, у живой воды.

Порой станет совсем невмоготу, выходит тогда секунд-майор к людям в парадном мундире, при шпаге, идет лесом, близко к домам не подходит, но на дымы глядит, на ребятишек играющих — на своих в особенности. Ребята крепкие — еще бы, вода живая в речке подмешана, немного, а для здоровья хватает.

Иногда в лесу кого встретит... И люди уж знают, но считают его за неживой призрак, опасаются, бегут. Иногда встречает знакомого медведя, его, еще в бытность в деревне, учил из пушки стрелять. Медведь все ходит к пушке и, видно, медвежат научил.

«Помру я, — подумал спокойно майор, — куда денешься? Помру. Пускай Елена здесь меня похоронит, отсюда вид хороший, далеко на горы смотришь, на холодные вершины, на облака бегущие, на птиц перелетных. Птицы опускаются у родника, раны лечат. И пройдет много лет, и попадет сюда какая душа, увидит мой крест и поймет мою печаль, и поймет, что эти годы жил я одной любовью и без нее давно бы помер без следа и без могилы...»

Крест стоял на зеленом косогоре, покосившийся крест, одинокий, как тот майор. Впрочем, давший начало целой деревне — и Кольке, и Глафире, и Ангелине...

Надо идти обратно. Фельдшера оставлять нельзя, напакостит чего-нибудь, будет деньги искать, ротонду разрушит.

33

«Может быть, — думал Андрюша, подгоняя сквозь черную пещеру присмиревшего Эдуарда, — назовут санаторий или заповедник именем майора Полуехтова. Да вряд ли — он фигура как бы внеисторическая, не борец, не мститель. А жалко...» Эдуард постанывал. В одной руке он нес крышку сундука, в другой сжимал серебряный рубль с портретом толстой востроносой бабы с грудями как жернова.

— Украли, — повторял он и вздыхал. — Мошенники, грабители. Я же хотел для народа.

Когда они вышли из расщелины и впереди показалась трясина, Эдуард заволновался и сказал:

— Надо оказать помощь Василию. Мы гуманисты или нет?

— Гуманисты, — сказал Андрюша. — Сейчас принесете палку и вытащите.

Но палка не понадобилась. Они увидели, что Василий все так же стоит по горло в трясине, а на бережку сидит на корточках дед Артем с бумагой на коленях, рядом длинный шест. И пока они шли вокруг топи, Василий монотонно перечислял свои и Эдуардовы грехи, а дед в паузах приободрял его:

— Давай, давай, преступная твоя физиономия, все выкладывай, а то не видать тебе берега! — И Василий продолжал исповедь.

Он увидел Эдуарда, только когда они подошли к деду.

— Вот он! — забулькал Василий. — Он мной руководил. А я по глупости слушался. Где клад? Где деньги?

— Это легенда, только легенда, — сказал Эдуард. — И я спешил сообщить тебе об этом. И помочь выбраться из болота. Прости, что не смог сделать этого раньше — помогал Ангелине.

— Ну и подлец ты, Эдик, — сказал дед Артем.

— Это что у тебя? — спросил Василий, показывая глазами на крышку сундучка. — Клад?

— Сувенир, — быстро сказал фельдшер. Он был почти гол и прикрывал живот этой крышкой. — На память об историческом прошлом нашего края. Артемий Никандрыч, не верьте ни единому слову этого мерзавца и подонка. Он хочет меня оклеветать...

— Ничего, — сказал дед Артем, — разберемся.

Василия вытащили с трудом, пять потов сошло, пока трясина отпустила его. Эдуард бегал вокруг и давал советы, когда же Василий вышел на берег и бросился в неудержимом гневе на своего учителя, тот так припустил по дороге, что догнали его только в лесу.

А еще шагов через сто увидели и Ангелину. Она уморилась, и Андрюша взял у нее бидон.

34

Вертолет стоял сразу за околицей, шагах в ста от дома. Рядом пустые носилки. Вертолет медленно крутил лопастями.

— Улетят! — закричала Ангелина, бросаясь к нему. — Скорей, Андрюша!

Они побежали по улице.

— Эй! — крикнул Андрюша, увидев в кабине пилота. — Остановитесь! Мы живую воду принесли!

Ангелина приподняла бидон, чтобы пилот увидел.

Тот понял не сразу, потом выключил мотор, и лопасти отвисли, замедляя кружение.

— Чего? — спросил пилот. — Чего принесли?

— Живую воду, — сказала Ангелина.

— Прости! — сказал пилот. — Намек понял. За рулем не пью.

— Мы не вам, — сказал Андрюша, — мы больному.

— Так и несите ему.

— Так он не на борту?

— Нету его.

Ангелина чуть не выронила живую воду. Из бидона плеснуло, и в том месте начала бурно расти трава, зацвели большие синие колокольчики, и пилот уставился в полном изумлении на это зрелище.

— Нету в каком смысле? — спросил Андрюша, чувствуя, как у него холодеют руки.

— Видите носилки? Как его донесли сюда, он с них — и в кусты. В его состоянии это верная смерть. Ищут по кустам. А он в бреду.

В кустах возникло шевеление, и оттуда вытащили сопротивляющегося Вениамина. Повязка сползла набок, пропиталась кровью. А рядом бежал врач и норовил наполнить шприц, чтобы сделать больному успокаивающий укол.

— Веня! — закричал Андрюша. — Не суетись. Все в порядке!

— Веня! — Ангелина бежала к нему, прижимая бидон к груди.

— Вернулись? — Веня говорил быстро, глаза его лихорадочно блестели, но он был в полном сознании. — Прости, Геля, я не мог улететь без тебя. Ты ради меня пошла ночью в лес, я же понимаю, и я не могу улететь, как дезертир... Поймите меня, — он обратился к врачу, — и простите, что заставил вас волноваться.

— Все хорошо, — сказал врач. Он воспользовался тем, что больной успокоился, и быстро всадил ему в руку шприц.

— Вот это лишнее, — заметил Вениамин, — я уже покорился. — Он сам улегся на носилки.

— Вы можете умереть, — сказал врач. — Это безобразие.

— Ты пришла, Геля, спасибо тебе. Вода — это сказка, я понимаю, но ты пошла в ночь...

— Вода здесь, — сказала Геля. — Все в порядке. Она действует.

— Она действует, — подтвердил Андрюша. — Проверено.

— Товарищи, не задерживайте нас, — попросил врач. — Каждая минута — дополнительный риск.

— Доктор, — крикнул пилот, — вода действует, я видел!

— Ну какая еще вода!

Глаза Вени смежились, он засыпал со счастливой улыбкой, держа за руку Гелю.

— Дайте платок, — сказала Геля.

Она сказала это таким голосом, что Глафира без слов сняла с головы белый платок. Геля окунула его в бидон.

— Этих фальшивомонетчиков не видел? — спросил Андрюшу милиционер.

— Вон идут, — сказал Андрюша.

По улице поднимались парой Эдик и Василий — руки за спиной связаны, чтобы не передрались, дед веревку в мешке нашел — и лаяли друг на друга. Сзади кучером шагал дед Артем, держа их как на вожжах.

Ворон Гришка поднялся в воздух, сделал круг над вертолетом, который, видно, принял за соперника, вторгнувшегося на его территорию. Спикировал на вертолет, больно клюнул в стекло кабины. Потом поднял гордо голову и сказал:

— Омниапрекларрарара!

Из леса вышла медведица. Она вела медвежонка учиться стрелять из пушки.

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

1

Дом понравился Анне еще издали. Она устало шла пыльной тропинкой вдоль заборов, сквозь дырявую тень коренастых лип, мимо серебристого от старости колодезного сруба — от сильного порыва ветра цепь звякнула по мятому боку ведра, — куры суетливо уступали дорогу, сетуя на человеческую наглость, петух же отошел строевым шагом, сохраняя достоинство. Бабушки, сидевшие в ряд на завалинке, одинаково поздоровались с Анной и долго смотрели вслед. Улица была широкой, разъезженная грузовиками дорога вилась посреди нее, как речка по долине, поросшей подорожником и мягкой короткой травой.

Дом был крепким, под железной, когда-то красной крышей. Он стоял отдельно от деревни, по ту сторону почти пересохшего ручья.

Анна остановилась на мостике через ручей — два бревна, на них набиты поперек доски. Рядом был брод — широкая мелкая лужа. Дорога пересекала лужу и упиралась в распахнутые двери серого бревенчатого пустого сарая. От мостика тянулась тропа, пробегала мимо дома и петляла по зеленому склону холма, к плоской вершине, укрытой плотной шапкой темных деревьев.

Тетя Магда описала дорогу точно, да и сама Анна шаг за шагом узнавала деревню, где пятилетней девочкой двадцать лет назад провела лето. К ней возвращалось забытое ощущение покоя, гармонирующее со ржаным полем, лопухами и пышным облаком над рощей, звоном цепи в колодце и силуэтом лошади на зеленом откосе.

Забор покосился, несколько планок выпало, сквозь щели проросла крапива. Смородиновые кусты перед фасадом в три окна, обрамленных некогда голубыми наличниками и прикрытых ставнями, разрослись и одичали. Дом был одинок, он скучал без людей.

Анна отодвинула ржавый засов калитки и поднялась на крыльцо. Потом оглянулась на деревню. Деревня тянулась вдоль реки, и лес, отделявший ее от железнодорожного разъезда, от-

ступал от реки широкой дугой, освобождая место полям. Оттуда тянуло прохладным ветром. И видно было, как он перебегает Вятлу, тысячью крошечных лапок взрывая зеркало реки и раскачивая широкую полосу прибрежного тростника. Рев мотора вырвался из-за угла дома, и низко сидящая кормой лодка распилила хвостом пены буколические следы ветра. В лодке сидел белобородый дед в дождевике и синей шляпе. Словно почувствовав взгляд Анны, он обернулся, и, хотя лицо его с такого расстояния казалось лишь бурым пятном, Анне показалось, будто старик осуждает ее появление в пустом доме, которому положено одиноко доживать свой век.

Пустое человеческое жилище всегда печально. Бочка для воды у порога рассохлась, из нее почему-то торчали забытые грабли, у собачьей конуры с провалившейся крышей лежал на ржавой цепочке полуистлевший ошейник.

Анна долго возилась с ключом, и, когда дужка сердито выскочила из пузатого тела замка, входная дверь поддалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри. В сенях царила нежилая затхлость, луч солнца, проникнув в окошко под потолком, пронзил темный воздух, и в луче замельтешили вспугнутые пылинки.

Анна отворила дверь в теплую половину. Дверь была обита рыжей клеенкой, внизу было прикрытое фанерой отверстие, чтобы кошка могла выйти, когда ей вздумается. Анна вспомнила, как сидела на корточках, завидуя черной теткиной кошке, которой разрешалось гулять даже ночью. Воспоминание звякнуло, как колокольчик, быстро прижатый ладонью. На подоконнике в молочной бутылке стоял букет бумажных цветов. Из-под продавленного дивана выскочила мышь-полевка.

Отогнув гвозди, Анна растворила в комнате окна, распахнула ставни, потом перешла на кухню, отделенную от жилой комнаты перегородкой, не доходившей до потолка, и раскрыла окно там. При свете запустение стало более очевидным и грустным. В черной пасти русской печи Анна нашла таз, в углу под темными образами — тряпку. Для начала следовало вымыть полы.

Натаскав из речки воды — одичавшие яблони в саду разрослись так, что приходилось продираться сквозь ветки, — и вымыв полы, Анна поставила в бутылку букет ромашек, а бумажные цветы отнесла к божнице. Она совсем не устала — эта простая работа несла в себе приятное удовлетворение, а свежий запах мокрых полов сразу изгнал из дома сладковатый запах пыли.

Одну из привезенных с собой простынь Анна постелила на стол в большой комнате и разложила там книги, бумагу и туалетные принадлежности.

Теперь можно было и отдохнуть. То есть сходить за молоком в деревню, заодно навестить деда Геннадия и его жену Дарью.

Анна нашла на кухне целую кринку, вышла из дома, заперла по городской привычке дверь, постояла у калитки и пошла не вниз, к деревне, а к роще на вершине, потому что с тем местом была связана какая-то жуткая детская тайна, забытая двадцать лет назад.

Тропинка вилась среди редких кустов, у которых розовела земляника, и неожиданно Анна оказалась на вершине холма, в тени деревьев, разросшихся на старом, заброшенном кладбище. Серые плиты и каменные кресты утонули в земле, заросли орешником, и в углублениях между ними буйно цвели ландыши. Одна из плит почему-то стояла торчком, и Анна предположила, что здесь был похоронен колдун, который потом ожил и выкарабкался наружу.

Вдруг Анне показалось, что за ней кто-то следит. Внутри рощи было очень тихо — ветер не смел хозяйничать здесь, и древний кладбищенский страх вдруг овладел Анной и заставил, не оборачиваясь, быстро пойти вперед...

2

— Ты, конечно, прости, Аннушка, — сказал белобородый дед в дождевике и синей шляпе, — если я тебя испугал.

— Здравствуйте, дедушка Геннадий, — сказала Анна. Вряд ли кто-нибудь еще в деревне мог сразу признать ее.

Они стояли у каменной церкви с обвалившимся куполом. Большая стрекоза спланировала на край кринки, которую Анна прижимала к груди, и заглянула внутрь.

— За молоком собралась? — спросил дед Геннадий.

— К вам.

— Молочка дадим. А я за лошадью пришел, сюда забрела. Откуда-то у нее стремление к покою. Клеопатрой ее зовут, городская, с ипподрома выбракованная.

— Тетя Магда вам писала?

— Она мне пишет. Ко всем праздникам. Я в Прудники ездил, возвращаюсь, а ты на крыльце стоишь. Выросла... В аспирантуру, значит, собираешься?

— Тетя и об этом написала?

Гнедая кобыла стояла по другую сторону церкви, грелась на солнце. Она вежливо коснулась зубами протянутой ладони. Ее блестящая шкура пахла потом и солнцем.

— Обрати внимание, — сказал дед Геннадий, — храм семнадцатого века, воздвигнутый при Алексее Михайловиче, а фундамент значительно старше. Понимаешь? Сюда реставратор из Ленинграда приезжал. Васильев, Терентий Иванович, не знакома?

— Нет.

— Может, будут реставрировать. Или раскопки начнут. Тут на холме город стоял в средневековые времена. Земля буквально полна исторических тайн.

Дед торжественно вздохнул. Надвинул шляпу на глаза, хлопнул Клепу по шее, и та сразу пошла вперед. Анна поняла, что реставратор Васильев внес в душу Геннадия благородное смятение, открыв перед ним манящие глубины веков.

Впереди шла Клеопатра, затем, жестикулируя, дед — дождевик его колыхался, как покрывало привидения. Он говорил, не оборачиваясь, иногда его голос пропадал, заглохнув в кустах. Речь шла об опустении рек и лесов, о том, что некий купец еще до революции возил с холма камень в Полоцк, чем обкрадывал культурное наследие, о том, что население этих мест смешанное, потому что сюда все кому не лень ходили, о том, что каждой деревне нужен музей... Темы были многочисленны и неожиданны.

Они спустились с пологой, противоположной от реки стороны холма и пошли вдоль ржаного поля, по краю которого росли васильки. Анна отставала, собирая цветы, потом догоняла деда и улавливала новую тему — о том, что над Миорами летающая тарелка два дня висела, а на Луне возможна жизнь в подлунных вулканах... У ручья дед обернулся.

— Может, у нас поживешь? Чего одной в доме? Мы с Дарьей одни, беседовать будем.

— Мне и дома хорошо. Спасибо.

— Я и не надеялся, — легко согласился дед.

В доме деда Геннадия пришлось задержаться. Бабушка Дарья вскипятила чай, достала конфеты, а дед вынул из сапожной коробки и разложил на столе свой «музей», который он начал собирать после встречи с реставратором Васильевым. В «музее» были: фотографии деда двадцатых годов, банка из-под чая с черепками разной формы и возраста, несколько открыток с видом Полоцка и курорта Монте-Карло, покрытая патиной львиная голова с кольцом в носу — ручка от двери, подкова, кремневый наконечник копья, бутылочка от старинных духов и что-то еще. Коллекция была случайная, сорочья, бабушка Дарья отозвала Анну на кухню поговорить о родственниках, потом шепнула: «Ты не смейся, пускай балуется. А то пить начнет». Бабушка Дарья прожила с Геннадием полвека и все боялась, что он запьет.

3

Сумерки были наполнены звуками, возникающими от тишины и прозрачности воздуха. Голоса от колодца, женский смех, воркование телевизора, далекий гудок грузовика и даже перестук колес поезда в неимоверной залесной дали — все это было нужно для того, чтобы Анна могла как можно глубже осознать необъятность небес, блеск отражения луны в черной реке, непроницаемое молчание леса, всплеск вечерней рыбы и комариный звон.

Анна поднялась к дому и не спеша, улыбаясь при воспоминании о дедушкиной болтовне, открыла на этот раз покоренный замок. Держа его в одной руке, а кринку с парным молоком в другой, она вошла в темные сени, сделала шаг и неожиданно налетела на что-то твердое и тяжелое. Кринка выпала и грохнулась о пол, замок больно ударил по ноге. Анна вскрикнула, обхватила руками лодыжку, и тут же из-за перегородки, отделявшей сени от холодной горницы, резкий мужской голос спросил:

— Ты что, Кин?

С чердака откликнулся другой, низкий:

— Я наверху.

Несмотря на жуткую боль, Анна замерла. Ее на мгновение посетила дикая мысль — она ошиблась домом. Но по эту сторону ручья только один дом. И она сама только что отперла его.

Часто заскрипели ступеньки узкой лестницы, ведущей на чердак. Скрипнула дверь.

Два фонаря вспыхнули одновременно. Анна зажмурилась.

Когда она открыла глаза, щурясь, увидела в сенях двух мужчин, посредине — большой желтый чемодан, облитый молоком. Молочная лужа растекалась по полу, в ней рыжими корабликами покачивались черепки кринки.

Один был молод, едва ли старше Анны, в строгом синем костюме, галстуке-бабочке, с вьющимися черными волосами и гусарским наглым взглядом. Второй, спустившийся с чердака, был постарше, массивней, плотней, лицо его было скуластым, темнокожим, на нем светлыми точками горели небольшие глаза. Одет он был в черный свитер и потертые джинсы.

Морщась от боли, Анна выпрямилась и спросила первой:

— Вы через окно влезли?

Мужчины держали в руках небольшие яркие фонарики.

— Что вы здесь делаете? — спросил скуластый бандит.

— Я живу здесь. Временно. — И, как бы желая сразить их наповал, Анна добавила: — Вот видите, я и пол вымыла.

— Пол? — спросил скуластый и посмотрел на лужу молока.

Анна была так зла, да и нога болела, что забыла об испуге.

— Если вам негде переночевать, — сказала она, — перейдите через ручей, в крайний дом. Там комната пустая.

— Почему это мы должны уходить? — спросил молодой.

— Вы что, хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется. Вам здесь нечего делать.

— Но ведь это дом моей тетки, Магды Иванкевич.

— Это черт знает что, — сказал молодой. — Никакой тетки здесь быть не должно.

— Правильно! — воскликнула Анна, все более преисполняясь праведным гневом. — Тетки быть здесь не должно. Вас тоже.

— Мне кажется, — заявил скуластый бандит, — что нам надо поговорить. Не соблаговолите ли пройти в комнату?

Анна обратила внимание, что речь его была чуть старомодной, точно он получил образование в дореволюционной гимназии.

Не дожидаясь ответа, бандит толкнул дверь в горницу. Там было уютно. Диван был застелен, на столе лежали книги, частично английские, что сразу убеждало: в комнате обитает интеллигентный человек — то есть Анна Иванкевич.

Видно, эта мысль пришла в голову и бандиту, потому что его следующие слова относились не к Анне, а к спутнику.

— Жюль, — сказал он, — кто-то прошляпил.

Жюль подошел к столу, поднял английскую книжку, пошевелил губами, разбирая название, и заметил:

— Не читал.

Видно, хотел показать свою образованность. Возможно, он торговал иконами с иностранцами, занимался контрабандой и не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от свидетеля.

— Хорошо, — сказал скуластый бандит. — Не будем ссориться. Вы полагали, что дом пуст, и решили в нем пожить. Так?

— Совершенно верно. Я знала, что он пуст.

— Но вы не знали, что хозяйка этого дома сдала нам его на две недели. И получилось недоразумение.

— Недоразумение, — подтвердила Анна. — Я и есть хозяйка.

Гусар уселся на диван и принялся быстро листать книжку.

Вдали забрехала собака. В полуоткрытое окно влетел крупный мотылек и полетел к фонарику. Анна, хромая, подошла к столу и зажгла керосиновую лампу.

— Магда Федоровна Иванкевич, — сказал скуластый бандит учительским голосом, — сдала нам этот дом на две недели.

— Когда вы видели тетю? — спросила Анна.

— Вчера, — ответил молодой человек, не отрываясь от книги. — В Минске.

«Вранье», — поняла Анна. Вчера утром она проводила тетку в Крым. Полжизни прожив в деревне, тетка полагала, что деревня — не место для отдыха. Экзотическая толкотня на ялтинской набережной куда более по душе ее романтической белорусской натуре... Они здесь не случайно. Их привела сюда продуманная цель. Но что им делать в этом доме? Чем серьезнее намерения у бандитов, тем безжалостнее они к своим жертвам — цель оправдывает средства. Как бы вырваться отсюда и добежать до деда?

— Пожалуй, — сказал задумчиво большой бандит, дотронувшись пальцем до кончика носа, — вы нам не поверили.

— Поверила, — сказала Анна, сжимаясь под его холодным взглядом. Чем себя и выдала окончательно. И теперь ей оставалось только бежать. Тем более что молодой человек отложил книгу, легко поднялся с дивана и оказался у нее за спиной. Или сейчас, или никогда. И Анна быстро сказала:

— Мне надо выйти. На улицу.

— Зачем? — спросил большой бандит.

Анна бросилась к полуоткрытому окну, нырнула в него головой вперед, навстречу ночной прохладе, душистому аромату лугов и запаху горького дыма от лесного костра. Правда, эту симфонию она не успела оценить, потому что гусар втащил ее за ноги обратно в комнату. Анна стукнулась подбородком о подоконник, чуть не вышибла зубы и повисла — руками за подоконник, ноги на весу.

— Отпусти, — простонала Анна. Ей было очень больно.

В ее голосе был такой заряд ненависти и унижения, что скуластый бандит сказал:

— Отпусти ее, Жюль.

Выпрямившись, Анна сказала гусару:

— Этого я вам никогда не прощу.

— Вы рисковали. Там под окном крапива.

— Смородина, — сказала Анна.

— Вы чего не кричали? — деловито спросил скуластый бандит. — Тут далеко слышно.

— Я еще закричу, — сказала Анна, стараясь не заплакать.

— Сударыня, — сказал большой бандит, — успокойтесь. Мы не причиним вам зла.

— Тогда убирайтесь! — крикнула Анна визгливым голосом. — Убирайтесь немедленно из моего дома! — Она схватилась за челюсть и добавила сквозь зубы: — Теперь у меня рот не будет открываться.

Громоздкий бандит поглядел поверх ее головы и сказал:

— Жюль, погляди, нельзя ли снять боль?

Анна поняла, что убивать ее не будут, а Жюль осторожно и твердо взял ее за подбородок сухими тонкими пальцами и сказал, глядя ей в глаза своими синими гусарскими глазами:

— Неужели мы производим такое впечатление?

— Производите, — сказала Анна упрямо. — И вам придется вытереть пол в сенях.

— Это мы сделаем, — сказал Кин, старший бандит, подходя к окну. — И наверное, придется перенести решение на завтра. Сегодня все взволнованы и даже раздражены. Встанем пораньше...

— Вы все-таки намерены здесь ночевать? — сказала Анна.

— А куда же мы денемся?

Деваться в такое время было некуда.

— Тогда будете спать в холодной комнате. Только простынь у меня для вас нет.

— Обойдемся, — сказал Жюль. — Я возьму книжку с собой. Очень интересно. Завтра верну.

— Где половая тряпка? — спросил Кин.

— Я сейчас дам, — сказала Анна и прошла на кухню. Кин следом. Принимая тряпку, он спросил:

— Может, вас устроит денежная компенсация?

— Чтобы я уехала из своего дома?

— Скажем, тысяча рублей?

— Ого, я столько получаю за полгода работы.

— Значит, согласны?

— Послушайте, в деревне есть другие дома. В них живут одинокие бабушки. Это вам обойдется дешевле.

— К сожалению, — сказал Кин, — нас устраивает этот дом.

— Неужели под ним клад?

— Клад? Вряд ли. А две тысячи?

— За эти деньги вы можете купить здесь три дома. Не швыряйтесь деньгами. Или они государственные?

— Ирония неуместна, — строго сказал Кин, словно Анна училась у него в классе. — Деньги государственные.

— Слушайте, — сказала Анна, — мойте пол и идите спать.

4

Анне не спалось. За стеной тихо переговаривались незваные гости. В конце концов Анна не выдержала и выглянула в сени. Один из фонариков лежал на полке — матовый шарик свечей на сто. «Импортная вещь», — подумала Анна. Очень удобно в туристских походах. Чемоданов прибавилось. Их было уже три. Может, бандиты уже вселили подруг?

И в этот момент посреди прихожей с легким стуком возник блестящий металлический ящик примерно метр на метр. Тут же послышался голос гусара:

— Приехали.

Дверь в холодную комнату дрогнула и стала открываться. Анна мгновенно нырнула к себе.

Это было похоже на мистику, и ей, естественно, не нравилось. Вещи так просто из ничего не возникают, разве что в фантастических романах, которые Анна не терпела. Но читала, потому что они дефицитны.

Бандиты еще долго передвигали что-то в прихожей, бормотали и угомонились только часа в три. Тогда и Анна заснула.

Проснулась она не так, как мечтала в последние недели. То есть: слышны отдаленные крики петухов, мычание стада, бредущего мимо окон, птицы гомонят в ветвях деревьев, солнечные зайчики скачут по занавеске. Анна представила, как сбежит к речке и окунется в холодную прозрачную воду. Сосны взмахивают ветвями, глядя, как она плывет, распугивая серебряных мальков.

За стенкой зазвучали голоса, и сразу вспомнилась глупая вчерашняя история, из-за которой Анна расстроилась раньше, чем услышала пение петухов, мычание стада и веселый шорох листвы. Для того чтобы сбежать к речке и окунуться в весело бегущую воду, Анне нужно было пройти через сени, где обосновались непрошеные соседи. И купаться расхотелось. Следовало поступить иначе — распахнуть дверь и хозяйским голосом спросить: «Вы еще здесь? Сколько это будет продолжаться? Я пошла за милицией!» Но ничего подобного Анна не сделала, потому что была не причесана и не умыта. Тихо, стесняясь, что ее услышат, Анна пробралась на кухню, налила холодной воды из ведра в таз и совершила скромный туалет. Причесываясь, она поглядела в кухонное окно. Убежать? Глупо. А они будут бежать за мной по улице? Лучше подожду, пока зайдет дед Геннадий.

Находиться на кухне до бесконечности Анна не могла. Поэтому она разожгла плиту, поставила чайник и, подтянутая, строгая, вышла в сени.

Там стояло шесть ящиков и чемоданов, один из них был открыт, и гусар Жюль в нем копался. При скрипе двери он захлопнул чемодан и буркнул:

— Доброе утро.

Его реакция подсказала Анне, что неприязнь взаимна, и это ее даже обрадовало.

— Доброе утро, — согласилась Анна. — Вы еще здесь?

Кин вошел с улицы. Мокрые волосы приклеились ко лбу.

— Отличная вода, — сообщил он. — Давно так хорошо не купался. Вы намерены купаться?

«С чего это у него хорошее настроение?» — встревожилась Анна.

— Нет, — сказала она. — Лучше я за молоком схожу.

— Сходите, Аня, — сказал Кин миролюбиво.

Такого Анна не ожидала.

— Вы собрались уезжать? — спросила она недоверчиво.

— Нет, — сказал Кин. — Мы остаемся.

— Вы не боитесь, что я позову на помощь?

— Вы этого не сделаете, — улыбнулся Кин.

— Еще как сделаю! — возмутилась Анна. И пошла к выходу.

— Посуду возьмите, — сказал ей вслед гусар. — У вас деньги есть?

— Не нужны мне деньги.

Анна хлопнула дверью, вышла на крыльцо. Посуда ей была не нужна. Она шла не за молоком.

По реке вспыхивали блестки солнца, в низине у ручья зацепился клок тумана.

Дверь сзади хлопнула, вышел Кин с кастрюлей и письмом.

— Аня, — сказал он отеческим голосом, — письмо вам.

— От кого? — спросила Анна, покорно принимая кастрюлю.

— От вашей тети, — сказал Кин. — Она просила передать...

— Почему вы не показали его вчера?

— Мы его получили сегодня, — сказал Кин.

— Сегодня? Где же ваш вертолет?

— Ваша тетушка, — не обратил внимания на иронию Кин, — отдыхающая в Крыму, просила передать вам большой привет.

Анна прижала кастрюлю к боку и развернула записку.

«Аннушка! — было написано там. — Кин Владимирович и Жюль обо всем со мной договорились. Ты их не обижай. Я им очень обязана. Пускай поживут в доме. А ты, если хочешь, у деда Геннадия. Он не откажется. Мы с Миленой доехали хорошо. Прутиков встретил. Погода теплая. Магда».

Кин стоял, чуть склонив голову, и наблюдал за Анной.

— Чепуха, — сказала она. — Это вы сами написали.

— И про Миленку мы написали? И про Прутикова?

— Сколько вы ей заплатили?

— Сколько она попросила.

Тетя была корыстолюбива, а если они перед ее носом помахали тысячью рублей... тогда держись! Но как же они это сделали?

— Сегодня утром? — переспросила Анна.

— Да. Мы телеграфировали нашему другу в Крым вчера ночью. На рассвете оно прибыло сюда самолетом.

Письмо было настоящим, но Анна, конечно, не поверила, что все было сделано именно так.

— У вас и рация своя есть? — спросила Анна.

— Вам помочь перенести вещи? — спросил Кин.

— Не надейтесь, — сказала она. — Я не сдамся. Мне плевать, сколько еще писем вы притащите от моей тетушки. Если вы попробуете меня убить или вытащить силой, я буду сопротивляться.

— Ну зачем так, — скорбно сказал Кин. — Наша работа, к сожалению, не терпит отлагательства. Мы просим вас освободить этот дом, а вы ведете себя как ребенок.

— Потому что я оскорблена, — сказала Анна. — И упряма.

— Никто не хотел вас оскорблять. Для нас встреча с вами была неприятной неожиданностью. Специфика нашей работы такова, что нам нежелательно привлекать к себе внимание, — сказал Кин. Глаза у него были печальными.

— Вы уже привлекли, — сказала Анна, — мое внимание. Вам ничего не остается, как рассказать мне, чем вы намерены заниматься.

— Но, может, вы уедете? Поверьте, так всем будет лучше.

— Нет, — сказала Анна. — Подумайте, а я пошла купаться. И не вздумайте выкидывать мои вещи или запирать дверь.

Вода оказалась в меру прохладной, и, если бы не постоянно кипевшее в Анне раздражение, она бы наслаждалась. Доплыв до середины реки, она увидела, как далеко отнесло ее вниз по течению, повернула обратно и потратила минут пятнадцать, чтобы выплыть к тому месту, где оставила полотенце и книгу.

Выбравшись на траву, сбегавшую прямо к воде, Анна улеглась на полотенце, чтобы позагорать. Как назло, ничего хорошего из этого не вышло — несколько нахальных слепней налетели, как истребители, и Анна расстроилась еще более.

— Простите, — сказал Кин, присаживаясь рядом на траву.

— Я вас не звала, — буркнула Анна.

— Мы посоветовались, — сказал Кин, — и решили вам кое-что рассказать.

— Только не врать, — сказала Анна.

— Нет смысла. Вы все равно не поверите. — Кин с размаху шлепнул себя по шее.

— Слепни, — сказала Анна. — Здесь, видно, коровы пасутся.

Она села и накрыла плечи полотенцем.

— Мы должны начать сегодня, — сказал Кин. — Каждая минута стоит бешеных средств.

— Так не тратьте их понапрасну.

— Меня утешает лишь то, что вы неглупы. И отзывы о вас в институте положительные. Правда, вы строптивы...

— Вы и в институте успели?

— А что делать? Вы — неучтенный фактор. Наша вина. Так вот, мы живем не здесь.

— Можно догадаться. На Марсе? В Америке?

— Мы живем в будущем.

— Как трогательно! А в чемоданах — машина времени?

— Не иронизируйте. Это — ретрансляционный пункт. Нас сейчас интересует не двадцатый век, а тринадцатый. Но, чтобы попасть туда, мы должны сделать остановку здесь.

— Я всегда думала, что путешественники во времени — народ скрытный.

— Попробуйте поделиться тайной с друзьями. Кто вам поверит?

Кин отмахнулся от слепня. Пышное облако наползло на солнце, и сразу стало прохладно.

— А почему я должна вам верить? — спросила Анна.

— Я скажу, что нам нужно в тринадцатом веке. Это, конечно, невероятно, но заставит вас задуматься...

Анне вдруг захотелось поверить. Порой в невероятное верить легче, чем в обыкновенные объяснения.

— И в каком вы живете веке?

— Логичный вопрос. В двадцать седьмом. Я продолжу? В тринадцатом веке на этом холме стоял небольшой город Замошье. Лоскуток в пестром одеяле России. К востоку лежали земли Полоцкого княжества, с запада и юга жили литовцы, летты, самогиты, ятвяги и другие племена и народы. Некоторые существуют и поныне, другие давно исчезли. А еще дальше к западу начинались владения немецкого ордена меченосцев.

— Вы археологи?

— Нет. Мы должны спасти человека. А вы нам мешаете.

— Неправда. Спасайте. И учтите, что я вам пока не верю. И зачем забираться в Средневековье? Кого спасать? Он тоже путешественник?

— Нет, он гений.

— А вы откуда знаете?

— Наша специальность — искать гениев.

— А как его звали?

— Его имя — Роман. Боярин Роман.

— Никогда не слышала.

— Он рано погиб. Так говорят летописи.

— Может, летописцы все придумали?

— Летописцы многого не понимали. И не могли придумать.

— Что, например?

— Например, то, что он использовал порох при защите города. Что у него была типография... Это был универсальный гений, который обогнал свое время.

— Если он погиб, как вы его спасете?

— Мы возьмем его к себе.

— И вы хотите, чтобы он не погиб, а продолжал работать и изобрел еще и микроскоп? А разве можно вмешиваться в прошлое?

— Мы не будем вмешиваться. И не будем менять его судьбу.

— Так что же?

— Мы возьмем его к себе в момент смерти. Это не окажет влияния на ход исторических событий.

— Не могу поверить. Да и зачем это вам?

— Самое ценное на свете — мозг человека. Гении так редки, моя дорогая Анна...

— Но он же жил тысячу лет назад! Сегодня любой первоклассник может изобрести порох.

— Заблуждение. Человеческий мозг развит одинаково уже тридцать тысяч лет. Меняется лишь уровень образования. Сегодня изобретение пороха не может быть уделом гения. Сегодняшний гений должен изобрести...

— Машину времени?

— Скажем, машину времени... Но это не значит, что его мозг совершенней, чем мозг изобретателя колеса или пороха.

— А зачем вам изобретатель пороха?

— Чтобы он изобрел что-то новое.

5

Облака, высокие, темные с изнанки, освободили солнце, и оно снова осветило берег. Но цвет его изменился — стал тревожным и белым. И тут же хлынул дождь, хлестнул по тростнику, по траве. Анна подхватила книгу и, закрывая голову полотенцем, бросилась к яблоням. Кин в два прыжка догнал ее, и они прижались спинами к корявому стволу. Капли щелкали по листьям.

— А если он не захочет? — спросила Анна.

Кин вдруг засмеялся.

— Вы мне почти поверили, — сказал он.

— А не надо было верить? — Ее треугольное, сходящееся к

ямке на крепком остром подбородке лицо покраснело, отчего волосы казались еще светлее.

— Это замечательно, что вы поверили. Мало кто может похвастаться таким непредвзятым восприятием.

— Такая я, видно, дура.

— Наоборот.

— Ладно, спасибо. Вы все-таки лучше скажите, зачем вам лезть за гением в тринадцатый век? Что, поближе не оказалось?

— Во-первых, гениев мало. Очень мало. Во-вторых, не каждого мы можем взять к себе. Он должен быть не стар, потому что с возрастом усложняется проблема адаптации, и, главное, он должен погибнуть случайно или трагически... без следа. На похоронах Леонардо да Винчи присутствовало много людей.

— И все-таки — тринадцатый век!

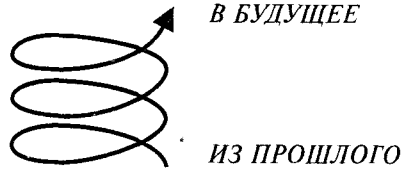
Дождь иссякал, капли все реже били по листьям.

— Вы не представляете, что такое перемещение во времени...

— Совершенно не представляю.

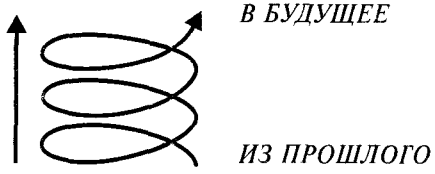
— Я постараюсь примитивно объяснить. Время — объективная физическая реальность, оно находится в постоянном поступательном движении. Движение это, как и движение некоторых иных физических процессов, осуществляется по спирали.

Кин опустился на корточки, подобрал сухой сучок и нарисовал на влажной земле спираль времени:

— Мы с вами — частички, плывущие в спиральном потоке, и ничто в мире не в силах замедлить или ускорить это движение. Но существует другая возможность — двигаться прямо, вне потока, как бы пересекая виток за витком.

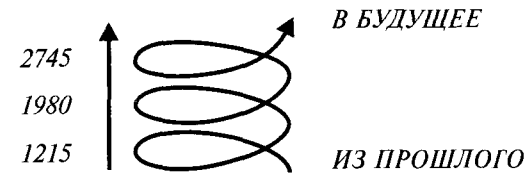
Кин, не вставая, нарисовал стрелку рядом со спиралью:

Затем он поднял голову, взглянул на Анну, чтобы убедиться, поняла ли она. Анна кивнула.

Кин выпрямился и задел ветку яблони — на него посыпались брызги. Он тряхнул головой и продолжил:

— Трудность в том, что из любого конкретного момента в потоке времени вы можете попасть только в соответствующий момент предыдущего временного витка. А продолжительность витка более семисот лет. Очутившись в предыдущем или последующем витке, мы тут же вновь попадаем в поток времени и начинаем двигаться вместе с ним. Допустим, что приблизительно двадцатому июля 2745 года соответствует двадцатое июля 1980 года. Или берем следующий виток, двадцатое июля 1215 года, или следующий виток, двадцатое июля 540 года. Поглядите. — Кин дополнил рисунок датами:

— Теперь вы понимаете, почему мы не можем откладывать нашу работу? — спросил он.

Анна не ответила.

— Мы несколько лет готовились к переходу в 1215 год, давно ждали, когда момент смерти боярина Романа совпадет с моментом на нашем витке времени. Город Замошье падет через три дня в 1215 году. И через три дня погибнет неизвестный гений тринадцатого века. Если мы не сделаем все в три дня, обо всей операции надо будет забыть. Навсегда. А тут вы...

— Я же не знала, что вам помешаю.

— Никто вас не винит.

— А почему нельзя прямо в тринадцатый век?

— К сожалению, нельзя пересечь сразу два витка времени. На это не хватит всей энергии Земли. Мы должны остановиться и сделать промежуточный пункт здесь, в двадцатом веке.

— Пошли домой, — сказала Анна. — Дождь кончился.

Она посмотрела на спираль времени, нарисованную на влажной бурой земле. Рисунок был прост и обыден. Но он был нарисован человеком, который еще не родился.

Они пошли к дому. Облака уползли за лес. Парило.

— Значит, нас разделяет семьсот лет, — сказала Анна.

— Примерно. — Кин отвел ветку яблони, чтобы Анне не надо было наклоняться. — Это хорошо, потому что такая пропасть времени делает нашу с вами связь эфемерной. Даже если бы вы захотели узнать, когда умрете, а это естественный вопрос, я бы ответить на него не смог. Слишком давно.

— Вам задавали такие вопросы?

— Мы не должны говорить об этом. Но такие случаи уже были и не нарушали эксперимента. Временная система стабильна и инерционна. Это же море, поглощающее смерчи...

— Я жила давно... — подумала Анна вслух. — Для вас я ископаемое. Ископаемое, которое жило давно. Мамонт.

— В определенной степени да. — Кин не хотел щадить ее чувств. — Для меня вы умерли семьсот лет назад.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Хоть и не видел вашей могилы.

— Спасибо за прямоту... Я была вчера на кладбище. Там, на холме. Я могу оценить величину этой пропасти.

— Мы хотим пересечь ее.

— И забрать оттуда человека? А если он будет несчастен?

— Он гениален. Гений адаптабелен. У нас есть опыт.

— Вы категоричны.

— К сожалению, я всегда сомневаюсь. Категоричен Жюль. Может, потому, что молод. И не историк, а в первую очередь физик-временщик.

— Вы историк?

— У нас нет строгого деления на специальности. Мы умеем многое.

— Хотя в общем вы не изменились.

— Антропологический тип человека остался прежним. Мы далеко не все красивы и не все умны.

— Во мне просыпаются вопросы, — сказала Анна, остановившись у крыльца.

Кин вынул грабли из бочки и приставил к стене.

— Разумеется, — сказал он. — Об обитаемости миров, о социальном устройстве, о войнах и мире... Я не отвечу вам, Анна. Я ничего не могу вам ответить. Хотя, надеюсь, сам факт моего прилета сюда уже оптимистичен. И то, что мы можем заниматься таким странным делом, как поиски древних мудрецов...

— Это ничего не доказывает. Может, вы занимаетесь поисками мозгов не от хорошей жизни.

— При плохой жизни не хватает энергии и времени для таких занятий. А что касается нехватки гениев...

В калитке возник дед Геннадий с кринкой в руке.

— Здравствуй, — сказал он, будто не замечая Кина, который стоял к нему спиной. — Ты что за молоком не пришла?

— Познакомьтесь, — сказала Анна. — Это мои знакомые приехали.

Кин медленно обернулся.

6

Лицо Кина удивительным образом изменилось. Оно вытянулось, обвисло, собралось в морщины и сразу постарело лет на двадцать.

— Геннадий... простите, запамятовал.

— Просто Геннадий, дед Геннадий. Какими судьбами? А я вот вчера еще Анне говорил: реставратор Васильев, человек известный, обещал мне, что не оставит без внимания наши места по причине исторического интереса. Но не ожидал, что так скоро.

— Ага, — тихо сказала Анна. — Разумеется. Васильев. Известный реставратор из Ленинграда.

И в этом, если вдуматься, не было ничего странного: конечно, они бывали здесь раньше, вынюхивали, искали место для своей машины. Серьезные люди, большие ставки. А вот недооценили дедушкиной страсти к истории.

— И надолго? — спросил дед Геннадий. — Сейчас ко мне пойдем, чаю попьем, а? Как семья, как сотрудники? А я ведь небольшой музей уже собрал, некоторые предметы, имеющие научный интерес.

— Обязательно, — улыбнулся Кин очаровательной гримасой уставшего от постоянной реставрации, от поисков и находок великого человека. — Но мы ненадолго, проездом Аню навестили.

— Навестили, — эхом откликнулась Анна.

— Правильно, — согласился дед, влюбленно глядя на своего кумира, — я сейчас мой музей сюда принесу. Вместе посмотрим и выслушаем ваши советы.

Кин вдруг обратил на Анну умоляющий взгляд: спасайте!

— Не бесплатно, — сказала Анна одними губами, отвернувшись от зоркого деда. — Мы погодя зайдем, — сказала она. — Вместе зайдем, не надо сюда музей нести, можно помять что-нибудь, сломать...

— Я осторожно, — сказал дед. — Вы, конечно, понимаете, что мой музей пока не очень велик. Я некоторые кандидатуры на местах оставляю. Отмечаю и оставляю. Мы с вами должны на

холм сходить, там я удивительной формы крест нашел, весь буквально кружевной резьбы, принадлежал купцу второй гильдии Сумарокову, супруга и чада его сильно скорбели в стихах.

Анна поняла, что и она бессильна перед напористым дедом. Спасение пришло неожиданно. В сенях скрипнуло, дверь отворилась. Обнаружился Жюль в кожанке. Лицо изуродовано половецкими усами.

— Терентий Иванович, — сказал он шоферским голосом, — через пятнадцать минут едем. Нас ждать не будут. — Он снисходительно кивнул деду Геннадию, и дед оробел, потому что от Жюля исходили уверенность и небрежность занятого человека.

— Да, конечно, — согласился Кин. — Пятнадцать минут.

— Успеем, — сказал дед быстро. — Успеем. Поглядим. А машина пускай ко мне подъедет. Где она?

— Там, — туманно взмахнул рукой Жюль.

— Ясно. Значит, ждем. — И дед с отчаянным вдохновением потащил к калитке реставратора Васильева, сомнительного человека, которому Анна имела неосторожность почти поверить.

«Интересно, как вы теперь выпутаетесь!» Анна смотрела им вслед. Две фигурки — маленькая, в шляпе, дождевике, и высокая, в джинсах и черном свитере, — спешили под откос. Дед размахивал руками, и Анна представила, с какой страстью он излагает исторические сведения, коими начинен сверх меры.

Она обернулась к крыльцу. Жюль держал в руке длинные усы.

— Я убежден, что все провалится, — сообщил он. — Вторая накладка за два дня. Я разнесу группу подготовки. По нашим сведениям, дед Геннадий должен был на две недели уехать к сыну.

— Могли у меня спросить.

— Кин вел себя как мальчишка. Не заметить старика. Не успеть принять мер! Теряет хватку. Он вам рассказал?

— Частично, мой отдаленный потомок.

— Исключено, — сказал Жюль. — Я тщательно подбирал предков.

— Что же будет дальше?

— Будем выручать, — сказал Жюль и нырнул в дверь.

Анна присела на порог, отпила из кринки — молоко было парное, душистое. Появился Жюль.

— Не забудьте приклеить усы, — сказала Анна.

— Останетесь здесь, — сказал Жюль. — Никого не пускать.

— Слушаюсь, мой генерал. Молока хотите?

— Некогда, — сказал Жюль.

Анне было видно, как он остановился перед калиткой, раскрыл ладонь — на ней лежал крошечный компьютер — и пальцем левой руки начал нажимать на кнопки.

Склон холма и лес, на фоне которых стоял Жюль, заколебались и начали расплываться, их словно заволакивало дымом. Дым сгущался, принимая форму куба. Вдруг Анна увидела, что перед калиткой на улице возникло объемное изображение «газика». Анна отставила кринку. «Газик» казался настоящим, бока его поблескивали, а к радиатору приклеился березовый листок.

— Убедительно, — сказала Анна, направляясь к калитке. — А зачем вам эта голография? Деда этим не проведешь.

Жюль отворил дверцу и влез в кабину.

— Так это не голография? — тупо спросила Анна.

— И не гипноз, — сказал Жюль.

Вспомнив о чем-то, он высунулся из машины, провел рукой вдоль борта. Появились белые буквы: «Экспедиционная».

— Вот так, — сказал Жюль и достал ключи из кармана. Включил зажигание. Машина заурчала и заглохла.

— А, чтоб тебя! — проворчал шофер. — Придется толкать.

— Я вам не помощница, — сказала Анна. — У вас колеса земли не касаются.

— А я что говорил, — согласился Жюль.

Машина чуть осела, покачнулась и на этот раз завелась. Набирая скорость, «газик» покатился по зеленому откосу к броду.

Анна вышла из калитки. На земле были видны рубчатые следы шин.

— Очевидно, они из будущего, — сказала Анна сама себе. — Пойду приготовлю обед.

Лжереставраторы вернулись только через час. Пришли пешком с реки. Анна уже сварила лапшу с мясными консервами.

Она услышала их голоса в прихожей. Через минуту Кин заглянул на кухню, потянул носом и сказал:

— Прекрасно, что сообразила. Я смертельно проголодался.

— Кстати, — сказала Анна. — Моих продуктов надолго не хватит. Или привозите из будущего, или доставайте где хотите.

— Жюль, — сказал Кин, — будь любезен, занеси сюда продукты.

Явился мрачный Жюль, водрузил на стол объемистую сумку.

— Мы их приобрели на станции, — сказал Кин. — Дед полагает, что мы уехали.

— А если он придет ко мне в гости?

— Будем готовы и к этому. К сожалению, он преклоняется перед эрудицией реставратора Васильева.

— Ты сам виноват, — сказал Жюль.

— Ничего, когда Аня уйдет, она запрет дом снаружи. И никто не догадается, что мы остались здесь.

— Не уйду, — сказала Анна. — Жюль, вымой тарелки, они на полке. Я в состоянии вас шантажировать.

— Вы на это не способны, — сказал Кин отнюдь не убежденно.

— Любой человек способен. Если соблазн велик. Вы меня поманили приключением. Может, именно об этом я мечтала всю жизнь. Если вам нужно посоветоваться со старшими товарищами, валяйте. Вы и так мне слишком много рассказали.

— Это немыслимо, — возмутился Кин.

— Вы плохой психолог.

— Я предупреждал, — сказал Жюль.

Обед прошел в молчании. Все трое мрачно ели лапшу, запивали молоком и не смотрели друг на друга, словно перессорившиеся наследники в доме богатой бабушки.

Анна мучилась раскаянием. Она понимала, что и в самом деле ведет себя глупо. Сама ведь не выносишь, когда невежды суют нос в твою работу, и, если в тебе есть хоть капля благородства, ты сейчас встанешь и уйдешь... Впрочем, нет, не сейчас. Чуть позже, часов в шесть, ближе к поезду. Надо незаметно ускользнуть из дома, не признавая открыто своего поражения... И всю жизнь мучиться, что отказалась от уникального шанса?

Кин отложил ложку, молча поднялся из-за стола, вышел в сени, что-то там уронил. Жюль поморщился. Наступила пауза.

Кин вернулся со стопкой желтоватых листков. Положил их на стол возле Анны. Потом взял тарелку и отправился на кухню за новой порцией лапши.

— Что это? — спросила Анна.

— Кое-какие документы. Вы ничего в них не поймете.

— Зачем тогда они мне?

— Чем черт не шутит! Раз уж вы остаетесь...

Анна чуть было не созналась, что уже решила уехать. Но нечаянно ее взгляд встретился со злыми глазами гусара. Жюль не скрывал своей неприязни.

— Спасибо, — сказала Анна небрежно. — Я почитаю.

7

Гости занимались своими железками. Было душно. Собиралась гроза. Анна расположилась на диване, поджала ноги. Желтые листочки были невелики, и текст напечатан убористо, четко, чуть выпуклыми буквами.

Сначала латинское название.

Bertholdi Chronicon Lyvoniae, pag. 29,
Monumenta Lyvoniae, VIII, Rigae, 1292.

...Рыцарь Фридрих и пробст Иоганн подали мнение: необходимо, сказали они, сделать приступ и, взявши город Замош, жестоко наказать жителей для примера другим. Ранее при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого у остальных нет должного страха. Порешим же: кто из наших первым взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника. Вероломного князя, врага христианской церкви, мы вознесем выше всех на самом высоком дереве. И казним жестоко его слугу, исчадие ада, породителя огня.

И русы выкатили из ворот раскаленные колеса, которые разбрасывали по сторонам обжигающий огонь, чтобы зажечь осадную башню от пламени. Между тем ландмейстер Готфрид фон Гольм, неся стяг в руке, первым взобрался на вал, а за ним последовал Вильгельм Оге, и, увидев это, остальные ратники и братья спешили взойти на стену первыми, одни поднимали друг друга на руки, а другие бились у ворот...

Рядом с этим текстом Анна прочла небрежно, наискось от руки приписанное: «Перевод с первой публикации. Рукопись Бертольда Рижского найдена в отрывках, в конволюте XIV в., в Мадридской биб-ке. Запись отн. к лету 1215. Горский ошибочно идентифицировал Замошье с Изборском. См. В. И. 12.1990, стр. 36. Без сомнения, единственное упоминание о Замошье в орденских источниках. Генрих Латв. молчит. Псковский летописец под 1215 краток: «Того же лета убиша многих немцы в Литве и Замошье, а город взяша». Татищев, за ним Соловьев сочли Замошье литовской волостью. Янин выражал сомнение в 80-х гг.».

На другом листке было что-то непонятное:

ДОРОГА ДОРОГ

Abmajorem Dei gloriam. Во имя Гермия Трижды Величайшего. Если хочешь добывать Меркурий из Луны, сделай наперед крепкую воду из купороса и селитры, взявши их поровну, сольвируй Луну обыкновенным способом, дай осесть в простой воде, вымой известь в чистых водах, высуши, опусти в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцинироваться в умеренную теплоту, какая потребна для Сатурна, чтобы расплавиться, и по прошествии трех недель Луна взойдет, и Меркурий будет разлучен с Землею.

Тем же быстрым почерком сбоку было написано: «За полвека до Альберта и Бэкона». Что же сделали через полвека Альберт и Бэкон, Анне осталось неведомо.

Зря она тратит время. Наугад Анна вытянула из пачки еще один листок.

ИЗ ОТЧЕТА ЗАПАДНОДВИНСКОГО ОТРЯДА

Городище под названием Замошье расположено в 0,4 км к северо-западу от дер. Полуденки (Миорский р-н) на высоком крутом (до 20 м) холме на левом берегу р. Вятла (левый приток Западной Двины). Площадка в плане неправильной овальной формы, ориентирована по линии север — юг с небольшим отклонением к востоку. Длина площадки 136 м, ширина в северной половине 90 м, в южной — 85 м. Раскопом в 340 кв. м вскрыт культурный слой черного, местами темно-серого цвета мощностью 3,2 м ближе к центру и 0,3 м у края. Насыщенность культурного слоя находками довольно значительная. Обнаружено много фрагментов лепных сосудов: около 90% слабопрофилированных и баночных форм, характерных для днепродвинской культуры, и штрихованная керамика (около 10%), а также несколько обломков керамики XII в. Предварительно выявлены три нижних горизонта: ранний этап днепродвинской культуры, поздний этап той же культуры и горизонт третьей четверти I тысячелетия нашей эры (культура типа верхнего слоя банцеровского городища).

В конце XII — начале XIII в. здесь возводится каменный одностолпный храм и ряд жилых сооружений, которые погибли в результате пожара. Исследования фундамента храма, на котором в XVIII в. была построена кладбищенская церковь, будут продолжены в следующем сезоне. Раскопки затруднены вследствие нарушения верхних слоев кладбищем XVI—XVIII вв.

(«Археологические открытия 1989 г.», стр. 221)

Отчет был понятен. Копали — то есть будут копать — на холме. Анна положила листки на стол. Ей захотелось снова подняться на холм. В сенях был один Жюль.

— Хотите взглянуть на машину времени? — спросил он.

— Вы на ней приехали?

— Нет, установка нужна только на вводе. Она бы здесь не поместилась.

Жюль провел Анну в холодную комнату. Рядом с кроватью стоял металлический ящик. Над ним висел черный шар. Еще

там было два пульта. Один стоял на стуле, второй — на кровати. В углу — тонкая высокая рама.

— И это все? — спросила Анна.

— Почти. — Жюль был доволен эффектом. — Вам хочется, чтобы установка была на что-то похожа? Люди не изобретательны. Во всех демонах и ведьмах угадывается все тот же человек. А вот кенгуру европейская фантазия придумать не смогла.

— А спать вы здесь будете? — спросила Анна.

— Да, — ответил невинно Жюль. — Чтобы вы не забрались сюда ночью и не отправились в прошлое или будущее. А то ищи вас потом в татарском гареме.

— Придется разыскивать, — сказала Анна. — Хуже будет, если увлекусь своим прадедушкой.

— Банальный парадокс, — сказал Жюль. — Витки времени так велики, что эффект нивелируется.

— А где Кин?

— На холме.

— Не боится деда?

— Больше он не попадется.

— Я тоже пойду погляжу. Заодно спрошу кое о чем.

Анна поднималась по тропинке, стараясь понять, где стояла крепостная стена. Вершина холма почти плоская, к лесу и ручью идут пологие склоны, лишь над рекой берег обрывается круто. Значит, стена пройдет по обрыву над рекой, а потом примерно на той же высоте вокруг холма.

Еще вчера город был абстракцией, потонувшей в бездне времени. А теперь? Если я, размышляла Анна, давно умершая для Кина с Жюлем, все-таки весьма жива, даже малость вспотела от липкой предгрозовой жары, то, значит, и гениальный Роман тоже сейчас жив. Он умрет через два дня и об этом пока не подозревает.

Анна увидела неглубокую лощину, огибавшую холм. Настолько неглубокую, что если бы Анна не искала следов города, то и не догадалась бы, что это остатки рва. Анна нашла во рву рваный валенок и консервную банку, увернулась от осы и решила подняться на кладбище, в тень, потому что через полчаса из этого пекла должна созреть настоящая гроза.

В редкой тени крайних деревьев было лишь чуть прохладней, чем в поле. Стоило Анне остановиться, как из кустов вылетели отряды комариных камикадзе. В кустах зашуршало.

— Это вы, Кин?

Кин вылез из чащи. На груди у него висела фотокамера, недорогая, современная.

— Ах, какие вы осторожные! — сказала Анна, глядя на камеру.

— Стараемся. Прочли документы?

— Не все. Кто такой Гермий Трижды Величайший?

— Покровитель алхимии. Этот отчет об опыте — липа. Его написал наш Роман.

— А чего там интересного?

— Этого метода выделения ртути тогда еще не знали. Он описывает довольно сложную химическую реакцию.

Налетел порыв ветра. Гроза предупреждала о своем приближении.

— С чего начнем? — спросила Анна.

— Поглядим на город. Просто поглядим.

— Вы знаете Романа в лицо?

— Конечно, нет. Но он строил машины и делал порох.

Кин вошел в полумрак церкви. Анна за ним. В куполе была дыра, и сквозь нее Анна увидела клок лиловой тучи. В церкви пахло пыльным подвалом, на стене сохранились фрески. Святые старцы равнодушно смотрели на людей. Ниже колен фрески были стерты. Казалось, будто старцы стоят в облаках.

Первые капли ударили по крыше. Они падали сквозь отверстие в куполе и выбивали на полу фонтанчики пыли. Анна выглянула наружу. Листва и камни казались неестественно светлыми.

— Справа, где двойной дуб, были княжеские хоромы. От них ничего не сохранилось, — сказал Кин.

Дождь рухнул с яростью, словно злился оттого, что люди не попались ему в чистом поле.

— Это были необычные княжества, — сказал Кин. — Форпосты России, управлявшиеся демографическими излишками княжеских семей. Народ-то здесь был большей частью не русский. Вот и приходилось лавировать, искать союзников, избегать врагов. И главного врага — немецкий орден меченосцев. Их центр был в Риге, а замки — по всей Прибалтике.

Из зарослей вышла Клеопатра и уверенно зашагала к церкви, видно надеясь укрыться. Увидев людей, она понурилась.

— Отойдем, — сказала Анна. — У нас целая церковь на двоих.

— Правильно, — согласился Кин. — Она догадается?

Лошадь догадалась. Кин и Анна сели на камень в дальнем углу, а Клепа вежливо остановилась у входа, подрагивая кожей, чтобы стряхнуть воду. Посреди церкви, куда теперь лился из дырявого купола неширокий водопад, темное пятно воды превратилось в лужу, которая, как чернильная клякса, выпускала щупальца. Один ручеек добрался до ног Анны.

— А вам не страшно? — спросила она. — Разговаривать с ископаемой женщиной?

— Опять? Впрочем, нет, не страшно. Я привык.

— А кто из гениев живет у вас?

— Вы их не знаете. Это неизвестные гении.

— Мертвые души?

— Милая моя, подумайте трезво. Гений — понятие статистическое. В истории человечества они появляются регулярно, хотя и редко. Но еще двести лет назад средняя продолжительность жизни была не более тридцати лет даже в самых развитых странах. Большинство детей умирало в младенчестве. Умирали и будущие гении. Эпидемии опустошали целые континенты — умирали и гении. Общественный строй обрекал людей, имевших несчастье родиться с рабским ошейником, на такое существование, что гений не мог проявить себя... В войнах, в эпидемиях, в массовых казнях, в темницах гении погибали чаще, чем обыкновенные люди. Они отличались от обыкновенных людей, а это было опасно. Гении становились еретиками, бунтовщиками... Гений — очень хрупкое создание природы. Его надо беречь и лелеять. Но никто этим не занимался. Даже признанный гений не был застрахован от ранней смерти. Привычно говорить о гениальности Пушкина. На поведение Дантеса это соображение никоим образом не влияло.

— Я знаю, — сказала Анна. — Даже друзья Пушкина Карамзины осуждали его. Многие считали, что Дантес был прав.

Клепа подошла поближе, потому что подул ветер и стрелы дождя полетели в раскрытую дверь. Клепа нервно шевелила ноздрями. Громыхнул гром, потом еще. Анна увидела, как проем купола высветился молнией. Кин тоже посмотрел наверх.

— Но почему вы тогда не выкрадываете гениев в младенчестве?

— А как догадаться, что младенец гениален? Он ведь должен проявить себя. И проявить так, чтобы мы могли отважиться на экспедицию в прошлое, а такая экспедиция требует столько энергии, сколько сегодня вырабатывают все электростанции Земли за год. А это не так уж мало. Даже для нас.

Лошадь, прядая ушами, переступала с ноги на ногу. Молнии врезались в траву прямо у входа. Церковь была надежна и тверда.

— Нет, — пробормотал Кин, — мы многого не можем.

— Значит, получается заколдованный круг. Гений должен быть безвестен. И в то же время уже успеть что-то сделать.

— Бывали сомнительные случаи. Когда мы почти уверены, что в прошлом жил великий ум и можно бы его достать, но...

есть сомнения. А иногда мы знаем наверняка, но виток не соответствует. И ничего не поделаешь.

— Тогда вы обращаетесь в будущее?

— Нет. У нас нет связи со следующим витком.

— Там что-нибудь случится?

— Не знаю. Там барьер. Искусственный барьер.

— Наверное, кто-то что-то натворил.

— Может быть. Не знаю.

8

Анна вдруг расстроилась. Кажется, какое тебе дело до того, что случится через тысячу лет? И ведь ей никогда не узнать, что там произошло...

Ветер стих, дождь утихомирился, лил спокойно, выполняя свой долг, помогая сельскому хозяйству.

— А в наше время, — спросила Анна, — есть кандидатуры?

— Разумеется, — сказал Кин. Видно не подумав, что делает, он провел в воздухе рукой, и ручеек, совсем было добравшийся до ног Анны, остановился, словно натолкнувшись на стеклянную запруду. — Двадцатый век, милая Аня, такой же убийца, как и прочие века. Если хотите, я вам зачитаю несколько коротких справок. По некоторым из них мы не решились принимать мер...

«А по некоторым?» — хотела спросить Анна. Но промолчала. Вернее всего, он не ответит. И будет прав.

— Это только сухие справки. Разумеется, в переводе на ваш язык...

— По-моему, вы изъясняетесь на языке двадцатого века. А... большая разница?

— Нет, не настолько, чтобы совсем не понять. Но много новых слов. И язык лаконичнее. Мы живем быстрее. Но, когда попадаем в прошлое, мы свой язык забываем. Так удобнее. Хотите услышать о гениях, которых нет?

— Хочу.

Кин коротко вздохнул и заговорил, глядя себе под ноги. Голос его изменился, стал суше. Кин читал текст, невидимый его слушательнице. Дождь моросил в тон голосу.

— «Дело 12-а-56. Маун Маун Ко. Родился 18 мая 1889 года в деревне Швезандаун севернее города Пегу в Бирме. В возрасте шести лет поступил в монастырскую школу, где удивлял монахов умением заучивать главы из Типитаки. К десяти годам знал

наизусть весь закон Хинаяны, и его, как ребенка, отмеченного кармой, возили в Мандалай, где с ним разговаривал сам татанабайн и подарил ему зонт и горшок для подаяний. В Мандалае ему попалась книга о христианстве, и путем сравнения религиозных систем, а также разговоров с учеными-мусульманами мальчик создал философскую систему, в которой применил начала диалектики, близкой к гегелевской. Был наказан заточением в келье. В 1901 году бежал из монастыря и добрался до Рангуна, надеясь убедить в своей правоте английского епископа Эндрю Джонсона. К епископу мальчика не пустили, но несколько дней он прожил в доме миссионера Г. Стоунуэлла, который был удивлен тем, что подошедший к нему на улице бирманский оборвыш читает наизусть Евангелие на английском языке. Миссионер демонстрировал мальчика своим друзьям и оставил в дневнике запись о том, что Маун Маун Ко свободно излагает свои мысли на нескольких языках. Попытки Маун Маун Ко изложить миссионеру свою теорию не увенчались успехом, миссионер решил, что мальчик пересказывает крамольную книгу. На четвертый день, несмотря на то что мальчика в доме миссионера кормили, Маун Маун Ко убежал. Его труп, в крайней степени истощения, с колотыми ранами в груди, был найден портовым полицейским А. Банерджи 6 января 1902 года у склада № 16. Причина смерти неизвестна».

Кин замолчал. Словно его выключили. Потом посмотрел на Анну. Дождь все накрапывал. Лошадь стояла у двери.

— Тут мы были уверены, — сказал Кин. — Но опоздали.

— Почему же никто его не понял?

— Удивительно, как он добрался до того миссионера, — сказал Кин. — Прочесть еще?

— Да.

— «Дело 23-Ов-76. Кособурд Мордко Лейбович. Родился 23 октября 1900 года в г. Липовец Киевской губернии. Научился говорить и петь в 8 месяцев. 4 января 1904 года тетя Шейна подарила ему скрипку, оставшуюся от мужа. К этому времени в памяти ребенка жили все мелодии, услышанные дома и в Киеве, куда его два раза возили родители. Один раз мальчик выступал с концертом в доме предводителя дворянства камер-юнкера Павла Михайловича Гудим-Левковича. После этого концерта, на котором Мордко исполнил, в частности, пьесу собственного сочинения, уездный врач д-р Колядко подарил мальчику три рубля. Летом 1905 года аптекарь С. Я. Сойфертис, списавшись со знакомыми в Петербурге, продал свое дело, ибо, по его словам, Бог на старости лет сподобил его увидеть чудо и поручил о нем

заботу. На вокзал их провожали все соседи. Скрипку нес Сойфертис, а мальчик — баул с игрушками, сластями в дорогу и нотной бумагой, на которой сам записал первую часть концерта для скрипки. На углу Винницкой и Николаевской улиц провожавшие встретились с шествием черносотенцев. Произошло нечаянное столкновение, провожавшие испугались за мальчика и хотели его спрятать. Тете Шейне удалось унести его в соседний двор, но он вырвался и с криком «Моя скрипка!» выбежал на улицу. Мальчик был убит ударом сапога бывшего податного инспектора Никифора Быкова. Смерть была мгновенной». Еще? — спросил Кин.

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— «Дело 22-5-а-4. Алихманова Салима. Родилась в 1905 году в г. Хиве. За красоту и белизну лица была в 1917 году взята в гарем Алим-хана Кутайсы — приближенного лица последнего хана Хивинского. В 1918 году родила мертвого ребенка. Будучи еще неграмотной, пришла к выводу о бесконечности Вселенной и множественности миров. Самостоятельно научилась читать, писать и считать, изобрела таблицу логарифмов. Интуитивно использовала способность предвидения некоторых событий. В частности, предсказала землетрясение 1920 года, объяснив его напряжениями в земной коре. Этим предсказанием вызвала недовольство духовенства Хивы, и лишь любовь мужа спасла Салиму от наказания. Страстно стремилась к знаниям. Увидев в доме случайно попавшую туда ташкентскую газету, научилась читать по-русски. В августе 1924 года убежала из дома, переплыла Амударью и поступила в школу в Турткуле. Способности девушки обратили на себя внимание русской учительницы Галины Красновой, которая занималась с ней алгеброй. За несколько недель Салима освоила курс семилетней школы. Было решено, что после октябрьских праздников Галина отвезет девушку в Ташкент, чтобы показать специалистам. Во время демонстрации 7 ноября в Турткуле Салима шла в группе женщин, снявших паранджу, и была опознана родственниками Алим-хана. Ночью была похищена из школы и задушена в Хиве 18 ноября 1924 года».

— Хватит, — сказала Анна. — Большое спасибо. Хватит.

9

На дворе стемнело. Небольшой квадрат окошка, выходившего из холодной комнаты в сад, был густо-синим, и в нем умудрилась поместиться полная луна. Тесную, загроможденную прибо-

рами комнату наполняло тихое жужжание, казавшееся Анне голосом времени — физически ощутимой нитью, по которой бежали минуты.

Жюль настраивал установку, изредка выходя на связь со своим временем, для чего служил круглый голубой экран, на котором дрожали узоры желтых и белых точек, а Кин готовил съемочную аппаратуру.

Висевший над головой Жюля черный шар размером с большой надувной мяч стал медленно вращаться.

— Сейчас, Аня, вы получите возможность заглянуть в тринадцатый век, — сказал Кин.

Ее охватило щекотное детское чувство ожидания. Как в театре: вот-вот раздвинется занавес, и начнется действо.

Замельтешил желтыми и белыми огоньками круглый экран связи. Жюль склонился к нему и начал быстро водить перед ним пальцами, точно разговаривал с глухонемым. Огни на экране замерли.

Жужжание времени заполнило весь дом, такое громкое, что Анне казалось: сейчас услышит вся деревня. И тут в шаре поплыли какие-то цветные пятна, было такое впечатление, как будто смотришь на речку сквозь круглый иллюминатор парохода.

Кин скрипнул табуретом. Руки его были в черных перчатках почти по локоть. Он коснулся кромки ящика, над которым висел шар, и пальцы его погрузились в твердый металл.

— Поехали, — сказал Кин.

Цветные пятна побежали быстрей, они смешивались у края иллюминатора и уплывали. Послышался резкий щелчок. И тотчас же как будто кто-то провел рукой по запотевшему стеклу иллюминатора, и мир в шаре обрел четкие формы и границы. Это было зеленое поле, окруженное березами.

Шаром управлял Кин. Руки в черных перчатках были спрятаны в столе, он сидел выпрямившись, напряженно, как за рулем.

Изображение в шаре резко пошло в сторону, березы накренились, как в модном кинофильме. Анна на миг зажмурилась. Роща пропала, показался крутой склон холма с деревянным тыном наверху, широкая разбитая дорога и наконец нечто знакомое — речка Вятла. За ней густой еловый лес.

И тут же Анна увидела, что на месте ее дома стоит иной — его скорее можно было назвать хижиной — приземистый, подслеповатый, под соломенной крышей. Зато ручей был шире, над ним склонились ивы, дорога пересекала его по деревянному мосту, возле которого толпились всадники.

— Я стабилизируюсь, — сказал Жюль.
— Это тринадцатый век? — спросила Анна.
— Двенадцатое июня.
— Вы уверены?
— У нас нет альтернативы.
— А там, у ручья, люди.
— Божьи дворяне, — сказал Кин.
— Они видят наш шар?
— Нет. Они нас не видят.
— А в домах кто живет?
— Сейчас никто. Люди ушли на стены. Город осажден.

Кин развернул шар, и Анна увидела за ручьем, там, где должна начинаться деревня, а теперь была опушка леса, шалаши и шатры. Между ними горели костры, ходили люди.

— Кто это? Враги? — спросила Анна.
— Да. Это меченосцы, орден Святой Марии, божьи дворяне.
— Это они возьмут город?
— В ночь на послезавтра. Жюль, ты готов?
— Можно начинать.

Шар поднялся и полетел к ручью. Слева Анна заметила высокое деревянное сооружение, стоявшее в пологой ложбине на полдороге между откосом холма и ручьем, где она бродила всего два часа назад. Сооружение напомнило ей геодезический знак — деревянную шкалу, какие порой встречаются в поле.

— Видели? — спросила Анна.
— Осадная башня, — сказал Кин.

Шар спустился к лагерю рыцарей.

Там обедали. Поэтому их было не видно. Шикарные рыцари, вроде тех, что сражаются на турнирах и снимаются в фильмах, сидели в своих шатрах и не знали, что к ним пожаловали посетители из будущего. Народ же, уплетавший какую-то снедь на свежем воздухе, никаких кинематографических эмоций не вызывал. Это были плохо одетые люди, в суконных или кожаных рубахах и портах, некоторые из них босые. Они были похожи на бедных крестьян.

— Посмотрите, а вот и рыцарь, — сказал Кин, бросив шар к одному из шатров. На грязной поношенной холщовой ткани шатра были нашиты красные матерчатые мечи. Из шатра вышел человек, одетый в грубый свитер до колен. Вязаный капюшон плотно облегал голову, оставляя открытым овал лица, и спадал на плечи. Ноги были в вязаных чулках. Свитер был перепоясан черным ремнем, на котором висел длинный прямой меч в кожаных ножнах.

— Жарко ему, наверное, — сказала Анна и уже поняла, что рыцарь не в свитере — это кольчуга, мелкая кольчуга. Рыцарь поднял руку в кольчужной перчатке, и от костра поднялся бородатый мужик в кожаной куртке, короткой юбке и в лаптях, примотанных ремнями к икрам ног. Он не спеша затрусил к коновязи и принялся отвязывать лошадь.

— Пошли в город? — спросил Жюль.
— Пошли, — сказал Кин. — Анна разочарована. Рыцари должны быть в перьях, в сверкающих латах...
— Не знаю, — сказала Анна. — Все здесь не так.
— Если бы мы пришли лет на двести попозже, вы бы все увидели. Расцвет рыцарства впереди.

Шар поднимался по склону, пролетел неподалеку от осадной башни, возле которой возились люди в полукруглых шлемах и кожаных куртках.

— В отряде, по моим подсчетам, — сказал Кин, — около десятка божьих братьев, пятидесяти слуг и сотни четыре немецких ратников.
— Четыреста двадцать. А там, за сосняком, — сказал Жюль, — союзный отряд. По-моему, летты. Около ста пятидесяти.
— Десять братьев? — спросила Анна.
— Божий брат — это полноправный рыцарь, редкая птица. У каждого свой отряд.

Шар взмыл вверх, перелетел через широкий неглубокий ров, в котором не было воды. Дорога здесь заканчивалась у рва, и мост через ров был разобран. Но, видно, его не успели унести — несколько бревен лежало у вала. На валу, поросшем травой, возвышалась стена из поставленных частоколом бревен. Две невысокие башни с площадками наверху возвышались по обе стороны сбитых железными полосами закрытых ворот. На них стояли люди.

Шар поднялся и завис. Потом медленно двинулся вдоль стены. И Анна могла вблизи разглядеть людей, которые жили в ее краях семьсот лет назад.

10

На башенной площадке тоже все было неправильно.

Там должны были стоять суровые воины в высоких русских шлемах, их красные щиты должны были грозно блистать на солнце. А на самом деле публика на башнях Замошья вела себя, как на стадионе. Люди совершенно не желали понять всей серь-

езности положения, в котором оказались. Они переговаривались, смеялись, размахивали руками, разглядывали осадную башню. Круглолицая молодая женщина с младенцем на руках болтала с простоволосой старухой, потом развязала тесемку на груди своего свободного, в складках, серого платья с вышивкой по вороту и принялась кормить грудью младенца. Еще один ребенок, лет семи, сидел на плече у монаха в черном клобуке и колотил старика по голове деревянным мечом. Рядом с монахом стоял коренастый мужчина в меховой куртке, надетой на голое тело, с длинными, по плечи, волосами, перехваченными тесьмой. Он с увлечением жевал ломоть серого хлеба.

Вдруг в толпе произошло движение. Словно людей подталкивали сзади обладатели билетов на занятые в первом ряду места. Толпа нехотя раздалась.

Появились два воина, первые настоящие воины, которых увидела Анна. Они, правда, разительно не соответствовали привычному облику дружинников из учебника. На них были черные плащи, скрывавшие тускло блестевшие кольчуги, и высокие красные колпаки, отороченные бурым мехом. Воины были смуглые, черноглазые, с длинными висячими усами. В руках держали короткие копья.

— Это кто такие? — прошептала Анна, словно боясь, что они ее услышат.

— Половцы, — сказал Жюль. — Или берендеи.

— Нет, — возразил Кин. — Я думаю, что ятвяги.

— Сами не знаете, — сказала Анна. — Кстати, Берендей — лицо не историческое, это сказочный царь.

— Берендеи — народ, — сказал Жюль строго. — Это проходят в школе.

Спор тут же заглох, потому что ятвяги освободили место для знатных зрителей. А знатные зрители представляли особый интерес.

Сначала к перилам вышла пожилая дама царственного вида в синем платье, белом платке. Щеки ее были нарумянены, брови подведены. Рядом с ней появился мужчина средних лет, с умным, жестким, тонкогубым, длинным лицом. Он был богато одет. На зеленый кафтан накинут короткий синий плащ-корзно с золотой каймой и пряжкой из золота на левом плече в виде львиной морды. На голове невысокая меховая шапка. Анна решила, что это и есть князь. Между ними проскользнул странный мальчик. Он положил подбородок на перила. На правом глазу у мальчика было бельмо и на одной из рук, вцепившихся в брус, не хватало двух пальцев.

Затем появились еще двое. Они вошли одновременно и остановились за спинами царственной дамы и князя. Мужчина был сравнительно молод, лет тридцати, огненно-рыж и очень хорош собой. Белое, усыпанное веснушками лицо украшали яркие зеленые глаза. Под простым красным плащом виднелась кольчуга. Анне очень захотелось, чтобы красавца звали Романом, о чем она тут же сообщила Кину, тот лишь хмыкнул и сказал что-то о последствиях эмоционального подхода к истории. Рядом с зеленоглазым красавцем стояла девушка, кого-то напоминавшая Анне. Девушка была высока... тонка — все в ней было тонкое, готическое. Выпуклый чистый лоб пересекала бирюзовая повязка, украшенная золотым обручем, такой же бирюзовый платок плотно облегал голову и спускался на шею. Тонкими пальцами она придерживала свободный широкий плащ, будто ей было зябко. Рыжий красавец говорил ей что-то, но девушка не отвечала, она смотрела на поле перед крепостью.

— Где-то я ее видела, — произнесла Анна. — Но где? Не помню.

— Не знаю, — сказал Кин.

— В зеркале. Она чертовски похожа на вас, — сказал Жюль.

— Спасибо. Вы мне льстите.

Еще один человек втиснулся в эту группу. Он был одет как и смуглые воины, пожалуй, чуть побогаче. На груди его была приколота большая серебряная брошь.

— Ну как, Жюль, мы сегодня их услышим? — спросил Кин.

— Что я могу поделать? Это же всегда так бывает! — Анна подумала, что самый факт технических неполадок как-то роднит ее с далеким будущим. Но говорить об этом потомкам не стоит.

Вдруг мальчишка у барьера замахал руками, царственная дама беззвучно ахнула, рыжий красавец нахмурился. Снаружи что-то произошло.

11

Кин развернул шар.

Из леса, с дальней от реки стороны, вышло мирное стадо коров, которых гнали к городу три пастуха в серых портах и длинных, до колен, рубахах. Видимо, они не знали о том, что рыцари уже рядом. Их заметили одновременно с крепостной стены и от ручья. Услышав крики с городских стен и увидев рыцарей, пастухи засуетились, стали подгонять коров, которые никак не могли взять в толк, куда и почему им нужно торопиться. Стадо сби-

лось в кучу, пастухи бестолково стегали несчастную скотину кнутами.

В рыцарском стане царила суматоха, божьим дворянам очень хотелось перехватить стадо. Но лошади меченосцев были расседланы, и потому к ручью побежали пехотинцы, размахивая мечами и топориками. Звука не было, но Анна представила себе, какой гомон стоит над склоном холма. Кин повернул шар к стене города. Народ на башнях раздался в стороны, уступив место лучникам. Рыжего красавца не было видно, длиннолицый князь был мрачен.

Лучники стреляли по бегущим от ручья и от осадной башни ратникам, но большинство стрел не долетало до цели, хотя одна из них попала в корову. Та вырвалась из стада и понеслась, подпрыгивая, по лугу. Оперенная стрела покачивалась у нее в загривке, словно бандерилья у быка во время корриды.

Тем временем немцы добежали до пастухов. Все произошло так быстро, что Анна чуть было не попросила Кина прокрутить сцену еще раз. Один из пастухов упал на землю и замер. Второй повис на дюжем ратнике, но другой немец крутился вокруг них, размахивая топором, видимо, боясь угодить по товарищу. Третий пастух бежал к воротам, а за ним гнались человек десять. Он добежал до рва, спрыгнул вниз. Немцы — за ним. Анна видела, как в отчаянии — только тут до нее докатилось отчаяние, управлявшее пастухом, — маленькая фигурка карабкалась, распластавшись, по отлогому склону рва, чтобы выбраться к стене, а ратники уже дотягивались до него.

Один из преследователей рухнул на дно. Это не остановило остальных. Стрелы впивались в траву, отскакивали от кольчуг, еще один ратник опустился на колени, прижимая ладонь к раненой руке. Передний кнехт наконец догнал пастуха и, не дотянувшись, ударил его по ноге. Боль — Анна ощутила ее так, словно ударили ее, — заставила пастуха прыгнуть вперед и на четвереньках заковылять к стене. Яркая красная кровь хлестала из раны, оставляя след, по которому, словно волки, карабкались преследователи.

— Открой ворота! — закричала Анна.

Жюль вздрогнул.

Еще один немец упал, пытаясь вырвать из груди стрелу, и, как будто послушавшись Анну, ворота начали очень медленно растворяться наружу. Но пастуху уже было все равно, потому что он снова упал у ворот и настигший его ратник всадил ему в спину боевой топор и тут же сам упал рядом, потому что по крайней мере пять стрел прошили его, приколов к земле, как жука.

В раскрывшихся воротах возникла мгновенная толкучка — легкие всадники в черных штанах, стеганых куртках и красных колпаках, с саблями в руках, мешая друг другу, спешили наружу.

— Ну вот, — сказала Анна, — могли бы на две минуты раньше выскочить. Стадо-то они вернут, а пастухов убили.

Пастух лежал на груди в луже быстро темнеющей крови, и лошади перескакивали через него. Вслед за ятвягами уже медленнее выехали еще несколько воинов в кольчугах со стальными пластинами на груди и конических железных шлемах со стальными полосами впереди, прикрывающими нос. Анна сразу угадала в одном из всадников рыжего красавца.

— Смотрите, — сказала она. — Если он сейчас погибнет...

Кин бросил шар вниз, ближе к всадникам.

Когда из ворот выскочили ятвяги, Анна почему-то решила, что русские уже победили: не могла отделаться от неосознанной убежденности в том, что смотрит кино. А в кино после ряда драматических или даже трагических событий обязательно появляются Наши — в тачанках, верхом или даже на танках. После этого враг, зализывая раны, откатывается в свою берлогу.

Стадо к этому времени отдалилось от стен. Те ратники, которые не стали гнаться за пастухом, умело направляли его к ручью, оглядываясь на крепость, знали, что русские отдавать коров так просто не захотят. Навстречу им к ручью спускались рыцари.

Ятвяги, словно не видя опасности, закрутились вокруг запуганных коров, рубясь с загонщиками, и, когда на них напали тяжело вооруженные рыцари, сразу легко и как-то весело откатились обратно к крепости, навстречу дружинникам.

Немцы стали преследовать их, и Анна поняла, что стадо потеряно.

Но рыжий воин и дружинники рассудили иначе. Захватывая мчащихся навстречу ятвягов, как магнит захватывает металлические опилки, они скатились к рыцарскому отряду и слились с меченосцами в густую, плотную массу.

— Если бы стада не было, — заметил вдруг Кин, возвращая Анну в полумрак комнаты, — рыцарям надо было его придумать.

К этому моменту Анна потеряла смысл боя, его логику — словно ее внимания хватило лишь на отдельные его фрагменты, на блеск меча, открытый от боли рот всадника, раздутые ноздри коня... Рыжий красавец поднимал меч двумя руками, словно рубил дрова, и Анне были видны искры от удара о треугольный белый с красным крестом щит могучего рыцаря в белом плаще. Откуда-то сбоку в поле зрения Анны ворвался конец копья, ко-

торое ударило рыжего в бок, и он начал медленно, не выпуская меча, валиться наземь.

— Ой! — Анна привстала: еще мгновение — и рыжий погибнет.

Что-то черное мелькнуло рядом, и удар рыцаря пришелся по черному кафтану ятвяга, закрывшего собой витязя, который, склонившись к высокой луке седла, уже скакал к крепости.

— Все, — сказал Жюль, — проверка аппаратуры. Перерыв.

— Ладно, — сказал Кин. — А мы пока поймем, что видели.

Шар начал тускнеть. Кин выпростал руки. Устало, словно он сам сражался на берегу ручья, снял перчатки и швырнул на постель.

Последнее, что показал шар, — закрывающиеся ворота и возле них убитый пастух и его убийца, лежащие рядом, мирно, словно решили отдохнуть на зеленом косогоре.

12

В комнате было душно. Квадрат окошка почернел. Анна поднялась с табурета.

— И никто не придет к ним на помощь? — спросила она.

— Русским князьям не до маленького Замошья. Русь раздроблена, каждый сам за себя. Даже полоцкий князь, которому формально подчиняется эта земля, слишком занят своими проблемами...

Кин открыл сбоку шара шестигранное отверстие и засунул руку в мерцающее зеленью чрево.

— Это был странный мир, — сказал он. — Неустойчивый, но по-своему гармоничный. Здесь жили летты, самогиты, эсты, русские, литва, ливы, ятвяги, семигалы... некоторые давно исчезли, другие живут здесь и поныне. Русские князья по Даугаве — Западной Двине собирали дань с окрестных племен, воевали с ними, часто роднились с литовцами и ливами... И неизвестно, как бы сложилась дальше судьба Прибалтики, если бы здесь, в устье Даугавы, не высадились немецкие миссионеры, за которыми пришли рыцари. В 1201 году энергичный епископ Альберт основал город Ригу, возник орден Святой Марии, или меченосцев, который планомерно покорял племена и народы, крестил язычников — кто не хотел креститься, погибал, кто соглашался — становился рабом. Все очень просто...

— А русские города?

— А русские города — Кокернойс, Герсике, Замошье, потом

Юрьев — один за другим были взяты немцами. Они не смогли объединиться... Лишь литовцы устояли. Именно в эти годы они создали единое государство. А через несколько лет на Руси появились монголы. Раздробленность для нее оказалась роковой.

Кин извлек из шара горсть шариков размером с грецкий орех.

— Пошли в большую комнату, — сказал он. — Мы здесь мешаем Жюлю. К тому же воздуха на троих не хватает.

В большой комнате было прохладно и просторно. Анна задернула выцветшие занавески. Кин включил свою лампу. Горсть шариков раскатилась по скатерти.

— Вот и наши подозреваемые, — сказал Кин. Он поднял первый шарик, чуть сдавил его пальцами, шарик щелкнул и развернулся в плоскую упругую пластину — портрет пожилой дамы с набеленным лицом и черными бровями.

— Кто же она? — спросил Кин, кладя портрет на стол.

— Княгиня, — быстро сказала Анна.

— Не спешите, — улыбнулся Кин. — Нет ничего опаснее в истории, чем очевидные ходы.

Кин отложил портрет в сторону и взял следующий шарик.

Шарик превратился в изображение длиннолицего человека с поджатыми капризными губами и очень умными, усталыми глазами под высоким, с залысинами, лбом.

— Я бы сказала, что это князь, — ответила Анна вопросительному взгляду Кина.

— Почему же?

— Он пришел первым, он стоит рядом с княгиней, он роскошно одет. И вид у него гордый...

— Все вторично, субъективно.

Следующим оказался портрет тонкой девушки в синем плаще.

— Можно предложить? — спросила Анна.

— Разумеется. Возьмите. Я догадался.

Кин протянул Анне портрет рыжего красавца, и та положила его рядом с готической девушкой.

— Получается? — спросила она.

— Что получается?

— Наш Роман был в западных землях. Оттуда он привез жену.

— Значит, вы все-таки убеждены, что нам нужен этот отважный воин, которого чуть было не убили в стычке?

— А почему ученому не быть воином?

— Разумно. Но ничего не доказывает.

Кин отвел ладонью портреты и положил на освободившееся

место изображение одноглазого мальчика. И тут же Анна поняла, что это не мальчик, а взрослый человек.

— Это карлик?

— Карлик.

— А что он тут делает? Тоже родственник?

— А если шут?

— Он слишком просто одет для этого. И злой.

— Шут не должен был веселиться. Само уродство было достаточным основанием для смеха.

— Хорошо, не спорю, — сказала Анна. — Но мы все равно ничего не знаем.

— К сожалению, пока вы правы, Анна.

Анна снова пододвинула к себе портрет своего любимца — огненные кудри, соколиный взор, плечи — косая сажень, меховая шапка стиснута в нервном сильном кулаке...

— Конечно, соблазнительный вариант, — сказал Кин.

— Вам не нравится, что он красив? Леонардо да Винчи тоже занимался спортом, а Александр Невский вообще с коня не слезал.

Портреты лежали в ряд, совсем живые, и трудно было поверить, что все они умерли много сотен лет назад. Хотя, подумала Анна, я ведь тоже умерла много сотен лет назад...

— Может быть, — согласился Кин и выбрал из стопки два портрета: князя в синем плаще и рыжего красавца.

— Коллеги, — заглянул в большую комнату Жюль. — Продолжение следует. У нас еще полчаса. А там кто-то приехал.

13

Шар был включен и смотрел на рыцарский лагерь в тринадцатом веке. Вечерело. На фоне светлого неба лес почернел, а закатные лучи солнца, нависшего над крепостной стеной, высвечивали на этом темном занавесе процессию, выползающую на берег.

Впереди ехали верхами несколько рыцарей в белых и красных плащах, два монаха в черных, подоткнутых за пояс рясах, за ними восемь усталых носильщиков несли крытые носилки. Затем показались пехотинцы и наконец странное сооружение: шестерка быков тащила деревянную платформу, на которой было укреплено нечто вроде столовой ложки для великана.

— Что это? — спросила Анна.

— Катапульта, — сказал Кин.

— А кто в носилках?

В полутьме было видно, как Жюль пожал плечами.

Носильщики с облегчением опустили свою ношу на пригорке, и вокруг сразу замельтешили люди.

Крепкие пальцы схватились изнутри за края полога, резко раздвинули его, и на землю выскочил грузный пожилой мужчина в сиреневой рясе и маленькой черной шапочке. На груди у него блестел большой серебряный крест. Коротко подстриженная черная борода окаймляла красношекое круглое лицо. Рыцари окружили этого мужчину и повели к шатру.

— Подозреваю, — сказал Кин, — что к нам пожаловал его преосвященство епископ Риги Альберт. Большая честь.

— Это начальник меченосцев? — спросила Анна.

— Формально — нет. На самом деле — правитель немецкой Прибалтики. Значит, к штурму Замошья орден относится серьезно.

Епископ задержался на склоне, приставил ладонь лопаткой к глазам и оглядел город. Рыцари объясняли что-то владыке. Носильщики уселись на траву.

Ратники перехватили быков и погнали платформу с катапультой к мосту через ручей. Из шатра, у которого остановился епископ, вышел хозяин, рыцарь, чуть не убивший рыжего красавца. За ним один из приближенных епископа в черной сутане. Ратники подвели коня.

— Стяг не забудьте, брат Фридрих, — сказал монах.

— Брат Теодор возьмет, — сказал рыцарь.

Ратник помог рыцарю взобраться в седло с высокой передней лукой. Левая рука рыцаря двигалась неловко, словно протез. На правой перчатка была кольчужная, на левой железная.

— Погодите! — крикнула Анна. — Он же разговаривает!

Кин улыбнулся.

— Он по-русски разговаривает?

— Нет, по-немецки. Мы же не слышим. Тут иной принцип. Знаете, что бывают глухонемые, которые могут по губам угадать, о чем говорит человек?

— Знаю.

— Наша приставка читает движения губ. И переводит.

У моста через ручей к рыцарю присоединился второй молодой божий дворянин в красном плаще с длинным раздвоенным на конце вымпелом, прикрепленным к древку копья. Вымпел был белым, на нем изображение двух красных башен с воротами.

Рыцари поднялись по склону к городу, придержали коней у рва. Молодой меченосец поднял оправленный в серебро рог.

Крепость молчала. Анна сказала:

— Не люблю многосерийные постановки, всегда время тянут.

— Сделайте пока нам кофе, — сказал Жюль. — Пожалуйста.

Анна не успела ответить, как ворота приоткрылись, выпустив из крепости двух всадников. Впереди ехал князь в синем плаще с золотой каймой. За ним ятвяг в черной одежде и красном колпаке. В щели ворот были видны стражники. Рыцарь Фридрих, приветствуя князя, поднял руку в кольчужной перчатке. Князь потянул за уздцы, конь поднял голову и стал мелко перебирать ногами. Шар метнулся вниз — Кин хотел слышать, о чем пойдет речь.

— Ландмейстер Фридрих фон Кокенгаузен приветствует тебя, — сказал рыцарь.

— На каком языке они говорят? — тихо спросила Анна.

Жюль взглянул на табло, по которому бежали искры.

— Латынь, — сказал он.

— Здравствуй, рыцарь, — ответил князь.

Черный ятвяг легонько задел своего коня нагайкой между ушей, и тот закрутился на месте, взрывая копытами зеленую траву. Рука молодого трубача опустилась на прямую рукоять меча.

— Его преосвященство епископ Рижский и ливонский Альберт шлет отеческое благословение князю Замошья и выражает печаль. Плохие советники нарушили мир между ним и его сюзереном. Епископ сам изволил прибыть сюда, чтобы передать свое отеческое послание. Соблаговолите принять, — сказал рыцарь.

Молодой рыцарь Теодор протянул свернутую трубкой грамоту, к ленте которой была прикреплена большая сургучная печать. Фридрих фон Кокенгаузен принял грамоту и протянул ее русскому.

— Я передам, — сказал русский. — Что еще?

— Все в письме, — сказал рыцарь.

Ятвяг крутился на своем коне, словно дразнил рыцарей, но те стояли недвижно, игнорируя легкого, злого всадника.

Анна поняла, что человек в синем плаще — не князь города. Иначе кому он передаст грамоту?

— Я слышал, что ты живешь здесь, — сказал ландмейстер.

— Третий год, — сказал русский.

— Мне жаль, что обстоятельства сделали нас врагами.

— Нет разума в войне, — сказал русский.

— Мне недостает бесед с вами, мой друг, — сказал рыцарь.

— Спасибо, — ответил русский. — Это было давно. Мне некогда сейчас думать об этом. Я должен защищать наш город. Князь — мой брат. Как твоя рука?

— Спасибо, ты чародей, мой друг.

Маленькая группа людей разделилась — русские повернули к воротам, раскрывшимся навстречу, немцы поскакали вниз, к ручью.

14

Шар пролетел сквозь крепостную стену, и Анна впервые увидела город Замошье изнутри.

За воротами оказалась небольшая пыльная площадь, на которой толпился народ. Забор и слепые стены тесно стоявших домов стискивали ее со всех сторон. Узкая улица тянулась к белокаменному собору. В первое мгновение Анне показалось, что люди ждут послов, но на самом деле возвращение всадников прошло незамеченным. Часовые еще запирали ворота громадными засовами, а ятвяг, подняв нагайку, бросил коня вперед, к собору, за ним, задумавшись, следовал человек в синем плаще.

У стен домов и в щели между городским валом и строениями были втиснуты временные жилища беженцев, скрывшихся из соседних деревень и посадов в городе на время осады. Рогожки — примитивные навесы — свисали с палок. Под ними ползали ребятишки, варилась пища, спали, ели, разговаривали люди. И от этого дополнительного скопления людей улица, по которой скакали послы, казалась длиннее, чем была на самом деле. Она завершилась другой площадью, отделенной от задней стены крепости большим двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей. Собор еще не успели достроить — рядом в пыли и на зелени подорожника лежали белые плиты. Дальняя стена собора была еще в лесах, а на куполе, держась за веревку, колотил молотком кровельщик, прилаживая свинцовый лист. И вроде бы ему дела не было до боев, штурмов, осад.

У длинной коновязи был колодец, из которого два мужика таскали бадьей воду и переливали ее в бочки, стоявшие рядом.

Послы оставили коней у коновязи.

На высоком крыльце терема стояли два ятвяга, дремал под навесом мальчишка в серой рубахе. Уже смеркалось, и длинные сиреневые тени застелили почти всю площадь.

Послы быстро поднялись по лестнице на крыльцо и скрылись в низкой двери терема. Шар пролетел за ними темным коридором. Анна увидела в темноте, изредка разрываемой мерца-

нием лучины или вечерним светом из открытой двери перед залом, куда вошли послы, сидящих в ряд монахов в высоких куколях с белыми крестами, в черных рясах. Лишь лица желтели под лампадами — над ними был киот с темными ликами византийских икон.

Рыжий красавец в белой рубахе, вышитой по вороту красным узором, сидел за длинным столом. В углу, на лавке, устроился, свесив не достающие до земли короткие кривые ноги, шут.

Ятвяг остановился у двери. Посол прошел прямо к столу, остановился рядом с князем.

— Чего он звал? — спросил князь. — Чего хотел?

— Скорбит, — усмехнулся посол. — Просит верности.

Он бросил на стол грамоту епископа. Рыжий сорвал тесьму, и грамота нехотя развернулась. Шут вскочил с лавки, вперевалку поспешил к столу. Шевеля толстыми губами, принялся разбирать текст. Рыжий взглянул на него, поднялся из-за стола.

— Не отдам я им город, — сказал он. — Будем держаться, пока Миндаугас с литвой не подоспеет.

— Ты не будешь читать, Вячеслав?

— Пошли на стену, — сказал рыжий. — А ты, Акиплеша, скажешь боярыне: как вернемся, ужинать будем.

— Они Магду требуют, — сказал шут, прижав пальцем строчку в грамоте.

— Вольно им, — ответил рыжий и пошел к двери.

— Все, сеанс окончен, — сказал Жюль.

— Как насчет кофе?

— Ну вот, — сказал Кин. — Главное сделано. Мы узнали, кто князь, а кто Роман.

— Князя звали Вячеслав? — спросила Анна.

— Да, князь Вячко. Он раньше правил в Кокернойсе. Он — сын полоцкого князя Бориса Романовича. Кокернойс захватили рыцари. После гибели города он ушел в леса со своими союзниками — ятвягами и ливами. А вновь появился уже в 1223 году, когда русские князья, отвоевав у меченосцев, отдали ему город Юрьев. К Юрьеву подступило все орденское войско. Вячко сопротивлялся несколько месяцев. Потом город пал, а князя убили.

— И вы думаете, что это тот самый Вячко?

— Да. И все становится на свои места. Ведь на этом холме было неукрепленное поселение. Лишь в начале тринадцатого века его обнесли стеной и построили каменный собор. А в 1215 году город погибает. Существовал он так недолго, что даже в летописях о нем почти нет упоминаний. Зачем его укрепили? Да потому, что с потерей крепостей на Двине полоцкому князю

нужны были новые пограничные форпосты. И он посылает сюда Вячко. Рыцари его знают. Он их старый враг. И, конечно, его новая крепость становится центром сопротивления ордену. И бельмом на глазу...

Рыжий князь вышел из комнаты. Роман за ним. Шут, ухмыляясь, все еще читал грамоту.

Шар взмыл над вечерним городом. Видны были костры на улице — их жгли беженцы. Отсветы костров падали красными бликами на месиво людей, сбившихся под защитой стен.

Напоследок шар поднялся еще выше.

Темным силуэтом виднелась на склоне осадная башня. Покачивались факелы — там устанавливали катапульту. Белые, освещенные внутри шатры меченосцев на том берегу ручья казались призрачными — 12 июля 1215 года заканчивалось. Известно было, что городом Замошье правит отважный и непримиримый князь Вячко. И есть у него боярин Роман, человек с серьезным узкогубым капризным лицом — чародей и алхимик, который через сутки погибнет и очнется в далеком будущем.

15

Все случилось без свидетелей из будущего, в темноте, когда Кин, Анна, Жюль, а главное, господа епископ Альберт и ландмейстер Фридрих спокойно спали. И это было очень обидно, потому что время, если уж ты попал в течение витка, необратимо. И никто никогда не увидит вновь, каким же образом это произошло.

...Первой проснулась Анна, наскоро умылась и постучала к мужчинам.

— Лежебоки, — сказала она, — проспите решающий штурм.

— Встаем, — ответил Кин. — Уже встали.

— Я забегу пока к деду Геннадию, — благородно пожертвовала собой Анна. — Отвлеку его. Но чтобы к моему возвращению князь Вячко был на боевом коне!

А когда Анна вернулась с молоком, творогом, свежим хлебом, гордая своим подвижничеством, в доме царило разочарование.

— Посмотри, — сказал Жюль.

Шар был включен и направлен на склон. Там лениво догорала осадная башня — сюрреалистическое сооружение из громадных черных головешек. От катапульты осталась лишь ложка, нелепо уткнувшаяся в траву рукоятью. Вокруг стояли рыцари и ор-

денские ратники. С мостика через ручей на пожарище глядела орденская знать, окружившая епископа.

От ворот крепости до башни пролегли черные широкие полосы. В ручье — а это Анна увидела не сразу — лежали большие, в два человеческих роста, колеса, тоже черные, обгорелые, и сначала Анне показалось, что это части осадной башни, хотя тут же она поняла свою ошибку — у башни не могло быть таких больших колес.

— Они ночью все это сожгли! — сказала Анна. — И правильно сделали. Что же расстраиваться?

— Жаль, что не увидели.

Кин быстро провел шар вниз, к ручью, близко пролетев над остовом башни, и затормозил над головами рыцарей.

— Спасибо за подарок, — медленно сказал епископ Альберт. — Вы не могли придумать ничего лучше в ночь моего приезда.

— Я еще в прошлом году советовал вам дать убежище чародею, — сказал ландмейстер, — когда он бежал из Смоленска.

— Мы посылали ему гонца, — сказал один из приближенных епископа. — Он не ответил. Он укрылся здесь.

— Он предпочел служить дьяволу, — задумчиво сказал епископ. — И небо нашей рукой покарает его.

— Воистину! — сказал высокий худой рыцарь.

— Правильно, — согласился Фридрих фон Кокенгаузен. — Но мы не в храме, а на войне. Нам нужны союзники, а не слова.

— Дьявол нам не союзник, — сказал епископ. — Не забывайте об этом, брат Фридрих. Даже если он могуч.

— Я помню, святой отец.

— Город должен быть жестоко наказан, — сказал епископ громко, так, чтобы его слышали столпившиеся в стороне кнехты. И продолжал тише: — В любой момент может прийти отряд из Полоцка, и это нам не нужно. В Смоленске тоже смотрят с тревогой на наше усиление...

— Сюда идут литовцы, — добавил худой рыцарь.

— Если крепость не сдастся до заката, мы не оставим в ней ни одной живой души, — сказал епископ.

— И мессира Романа?

— В первую очередь. Лишь то знание может существовать, которое освящено божьей благодатью.

— Но если он умеет делать золото?

— Мы найдем золото без чернокнижников, — сказал епископ. — Брат Фридрих и брат Готфрид, следуйте за мной.

16

Внутри шатер был обставлен скромно. На полу поверх рогож лежал ковер, стояли складные, без спинок, ножки крест-накрест, стулья, на деревянном возвышении, свернутые на день, лежали шкуры, высокий светильник с оплывшими свечами поблескивал медью возле высокого сундука, обтянутого железными полосами. На сундуке лежали два пергаментных свитка.

Епископ знаком велел рыцарям садиться. Фридрих фон Кокенгаузен отстегнул пояс с мечом и положил его на пол у ног. Брат Готфрид установил меч между ног и оперся руками в перчатках о его рукоять. Откуда-то выскользнул служка в черной сутане. Он вынес высокий арабский кувшин и три серебряные чарки. Брат Готфрид принял чарку, епископ и Фридрих отказались.

— Ты говоришь, брат Фридрих, — сказал епископ, — что мессир Роман и в самом деле посвящен в секреты магии?

— Я уверен в этом, — сказал брат Фридрих.

— Если мы не убьем его завтра, — сказал брат Готфрид, — он с помощью дьявола может придумать нашу гибель.

— Я помню главное, — сказал Фридрих. — Я всегда помню о благе ордена. А мессир Роман близок к открытию тайны золота.

— Золото дьявола, — сказал мрачно Готфрид фон Гольм.

— Мессир Роман любит власть и славу, — сказал Фридрих. — Что может дать ему князь Вест?

— Почему он оказался здесь? — спросил епископ.

— Он дальний родственник князя, — сказал Фридрих. — Он был рожден от наложницы князя Бориса Полоцкого.

— И хотел бы стать князем?

— Не здесь, — сказал брат Фридрих. — Не в этой деревне.

— Хорошо, что он сжег башню, — сказала Анна. — Иначе бы они не стали об этом говорить.

— Что случилось в Смоленске? — спросил епископ, перебирая в крепких пальцах янтарные четки с большим золотым крестом.

— Тамошний владыка — византиец. Человек недалекий. Он решил, что дела мессира Романа от дьявола. И поднял чернь...

— Ну прямо как наши братья, — улыбнулся вдруг епископ Альберт. Взглянул на Готфрида. Но тот не заметил иронии.

— И кудесника пригрел князь Вест?

— Он живет здесь уже третий год. Он затаился. Он напуган. Ему некуда идти. В Киеве его ждет та же судьба, что и в Смоленске. На западе он вызвал опасное вожделение короля Филиппа и

гнев святой церкви. Я думаю, что он многое успел сделать. Свидетельство тому — гибель нашей башни.

— Воистину порой затмевается рассудок сильных мира сего, — сказал епископ. — Сила наша в том, что мы можем направить на благо заблуждения чародеев, если мы тверды в своей вере.

— Я полагаю, что вы правы, — сказал брат Фридрих.

— Сохрани нас Господь, — сказал тихо брат Готфрид. — Дьявол вездесущ. Я своими руками откручу ему голову.

— Не нам его бояться, — сказал епископ. Не поднимаясь со стула, он протянул руку и взял с сундука желтоватый лист, лежавший под свитками. — Посмотрите, это прислали мне из Замошья неделю назад. Что вы скажете, брат Фридрих?

Рыцарь Готфрид перекрестился, когда епископ протянул лист Фридриху.

— Это написано не от руки, — сказал Фридрих. — И в этом нет чародейства.

— Вы убеждены?

— Мессир Роман вырезает буквы на дереве, а потом прикладывает к доске лист. Это подобно печати. Одной печатью вы можете закрепить сто грамот.

— Великое дело, если обращено на благо церкви, — сказал епископ. — Божье слово можно распространять дешево. Но какая угроза в лапах дьявола!

— Так, — согласился брат Фридрих. — Роман нужен нам.

— Я же повторяю, — сказал брат Готфрид, поднимаясь, — что он должен быть уничтожен вместе со всеми в этом городе.

Его собеседники ничего не ответили. Епископ чуть прикрыл глаза.

— На все Божья воля, — сказал он наконец.

Оба рыцаря поднялись и направились к выходу из шатра.

— Кстати, — догнал их вопрос епископа, — чем может для нас обернуться история с польской княжной?

— Спросите брата Готфрида, — сказал Фридрих фон Кокенгаузен. — Это случилось неподалеку от замка Гольм, а летты, которые напали на охрану княжны, по слухам, выполняли его приказ.

— Это только слухи, — сказал Готфрид. — Только слухи. Сейчас же княжна и ее тетка томятся в плену князя Веста. Если мы освободим их, получим за них выкуп от князя Смоленского.

— Вы тоже так думаете, брат Фридрих? — спросил епископ.

— Ни в коем случае, — ответил Фридрих. — Не секрет, что князь Вячко отбил княжну у леттов. Нам не нужен выкуп.

— Я согласен с вами, — сказал епископ. — Позаботьтесь о девице. Как только она попадет к нам, мы тут же отправим ее под охраной в Смоленск. Как спасители. И никаких выкупов.

— Мои люди рисковали, — сказал Готфрид.

— Мы и так не сомневались, что это ваших рук дело, брат мой. Некоторые орденские рыцари полагают, что они всесильны. И это ошибка. Вы хотите, чтобы через месяц смоленская рать стояла под стенами Риги?

17

— Разумеется, Жюль, — сказал Кин, — начинай готовить аппаратуру к переходу. И сообщи домой, что мы готовы. Объект опознан.

Кин вытащил из шара шарик. Пошел к двери.

— Я с вами? — спросила Анна, о которой забыли.

— Пожалуйста, — ответил Кин равнодушно. Он быстро вышел в большую комнату. Там было слишком светло. Мухи крутились над вазочкой с конфетами. В открытое окно вливался ветерок, колыхал занавеску. Анна подошла к окну и выглянула, почти готовая к тому, чтобы увидеть у ручья шатры меченосцев. Но там играли в футбол мальчишки, а далеко у кромки леса, откуда вчера вышло злосчастное стадо, пыхтел маленький трактор.

— Вы сфотографировали епископа? — спросила Анна, глядя на то, как пальцы Кина превращают шарик в пластинку.

— Нет, это первый в Европе типографский оттиск.

Он склонился над столом, читая текст.

— Читайте вслух, — попросила Анна.

— Варварская латынь, — сказал Кин. — Алхимический текст. Спокойнее было напечатать что-нибудь божественное. Зачем дразнить собак?.. «Чтобы сделать эликсир мудрецов, возьми, мой брат, философической ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва... после этого накаливай сильнее, и она станет львом красным...»

Трактор остановился, из него выпрыгнул тракторист и начал копаться в моторе. Низко пролетел маленький самолетик.

— «Кипяти красного льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари получившееся, и ртуть превратится в камедь, которую можно резать ножом. Положи это в замазанную глиной реторту и очисти...»

— Опять ртуть — мать металлов, — сказала Анна.

— Нет, — сказал Кин, — это другое. «...Кимврийские тени

покроют твою реторту темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, который пожирает свой хвост...» Нет, это не ртуть, — повторил Кин. — Скорее это о превращениях свинца. Зеленый лев — окисел свинца, красный лев — сурик... камедь — уксусно-свинцовая соль... Да, пожалуй, так.

— Вы сами могли бы работать алхимиком, — ответила Анна.

— Да, мне пришлось прочесть немало абракадабры. Но в ней порой сверкали такие находки! Правда, эмпирические...

— Вы сейчас пойдете туда?

— Вечером. Я там должен быть как можно меньше.

— Но если вас узнают, решат, что вы шпион.

— Сейчас в крепости много людей из ближайших селений, скрывшихся там. Есть и другие варианты.

Кин оставил пластинку на столе и вернулся в прихожую, где стоял сундук с одеждой. Он вытащил оттуда сапоги, серую рубаху с тонкой вышивкой у ворота, потом спросил у Жюля:

— Ну что? Когда дадут энергию?

— После семнадцати.

18

— Знаете, — сказал Кин вечером, когда подготовка к переходу закончилась. — Давай взглянем на город еще раз, время есть. Если узнаем, где он скрывает свою лабораторию, сможем упростить версию.

Шар завис над скопищем соломенных крыш.

— Ну-с, — сказал Кин, — где скрывается наш алхимик?

— Надо начинать с терема, — сказал Жюль.

— С терема? А почему бы не с терема? — Кин повел шар над улицей к центру города, к собору. Улица была оживлена, в лавках — все наружу, так малы, что вдвоем не развернешься, — торговали одеждой, железным и глиняным товаром, люди смотрели, но не покупали. Народ толпился лишь у низенькой двери, из которой рыжий мужик выносил ковриги хлеба. Видно, голода в городе не было — осада началась недавно. Несколько ратников волокли к городской стене большой медный котел, за ними шел дед в высоком шлеме, сгорбившись под вязанкой дров. Всадник на вороном жеребце взмахнул нагайкой, пробиваясь сквозь толпу, из-под брюха коня ловко выскочил карлик — княжеский шут, ощерился и прижался к забору, погрозил беспалым кулаком наезднику и тут же втиснулся в лавку, набитую горшками и мисками.

Кин быстро проскочил шаром по верхним комнатам терема — словно всех вымело метлой, лишь какие-то приживалки, сонные служки, служанка с лоханью, старуха с клюкой... запустение, тишь...

— Эвакуировались они, что ли? — спросил Жюль, оторвавшись на мгновение от своего пульта, который сдержанно подмигивал, урчал, жужжал, словно Жюль вел космический корабль.

— Вы к звездам летаете? — спросила Анна.

— Странно, — не обратил внимания на вопрос Кин.

В небольшой угловой комнате, выглядевшей так, словно сюда в спешке кидали вещи — сундуки и короба транзитных пассажиров, удалось наконец отыскать знакомых. Пожилая дама сидела на невысоком деревянном стуле с высокой прямой спинкой, накрыв ноги медвежьей шкурой. Готическая красавица в закрытом, опушенном беличьим мехом малиновом платье стояла у небольшого окошка, глядя на церковь.

Пожилая дама говорила что-то, и Жюль провел пальцами над пультом, настраивая звук. Кин спросил:

— Какой язык?

— Старопольский, — сказал Жюль.

— Горе, горе, за грехи наши наказание, — говорила, смежив веки, пожилая дама. — Горе, горе...

— Перестаньте, тетя, — отозвалась от окна девушка.

Накрашенное лицо пожилой женщины было неподвижно.

— Говорил же твой отец — подождем до осени. Как же так, как же так меня, старую, в мыслях покалечило. Оставил меня Господь своей мудростью... И где наша дружина и верные слуги... тошно, тошно...

— Могло быть хуже. — Девушка дотронулась длинными пальцами до стоявшей рядом расписной прялки, задумчиво потянула за клок шерсти. — Могло быть хуже...

— Ты о чем думаешь? — спросила старуха, не открывая глаз. — Смутил он тебя, рыжий черт. Грех у тебя на уме.

— Он князь, он храбрый витязь, — сказала девушка. — Да и нет греха в моих мыслях.

— Грешишь, грешишь... Даст Бог, доберусь до Смоленска, умолю брата, чтобы наказал он разбойников. Сколько лет я дома не была...

— Скоро служба кончится? — спросила девушка. — У русских такие длинные службы.

— Наш обряд византийский, торжественный, — сказала старуха. — Я вот сменила веру, а порой мучаюсь. А ты выйдешь за князя, перейдешь в настоящую веру, мои грехи замаливать...

— Ах, пустой разговор, тетя. Вы, русские, очень легковерные. Ну кто нас спасать будет, если все думают, что мы у леттов. Возьмут нас меченосцы, город сожгут...

— Не приведи Господь, не приведи Господь! Страшен будет гнев короля Лешко.

— Нам-то будет все равно.

— Кто эта Магда? — спросила Анна. — Все о ней говорят.

— Вернее всего, родственница, может, или дочь польского короля Лешко Белого. И ехала в Смоленск... Давайте поглядим, не в церкви ли князь?

Перед раскрытыми дверями собора сидели увечные и нищие.

Шар проник сквозь стену собора, и Анне показалось, что она ощущает запах свечей и ладана. Шла служба. Сумеречный свет проникал за спиной священника в расшитой золотом ризе. Его увеличенная тень покачивалась, застилая фрески — суровых чернобородых старцев, глядевших со стен на людей, наполнивших небольшой собор сплошной массой тел.

Роман стоял рядом с князем впереди, они были почти одного роста. Губы чародея чуть шевелились.

— Ворота слабые, — тихо говорил он князю. — Ворота не выдержат. Знаешь?

Князь поморщился:

— На улицах биться будем, в лес уйдем.

— Не уйти. У них на каждого твоего дружинника пять человек. Кольчужных. Ты же знаешь, зачем говоришь?

— Потому что тогда лучше бы и не начинать. Придумай еще чего. Огнем их сожги.

— Не могу. Припас кончился.

— Ты купи.

— Негде. Мне сера нужна. За ней ехать далеко надо.

— Тогда колдуй. Ты чародей.

— Колдовством не поможешь. Не чародей я.

— Если не чародей, чего тебя в Смоленске жгли?

— Завидовали. Попы завидовали. И монахи. Думали, я золото делаю...

Они замолчали, прислушиваясь к священнику. Князь перекрестился, потом бросил взгляд на соседа.

— А что звезды говорят? Выстоим, пока литва придет?

— Боюсь, не дождемся. Орден с приступом тянуть не будет.

— Выстоим, — сказал князь. — Должны выстоять. А ты думай. Тебя первого вздернут. Или надеешься на старую дружбу?

— Нет у меня с ними дружбы.

— Значит, вздернут. И еще скажу. Ты на польскую княжну глаз не пяль. Не по тебе товар.

— Я княжеского рода, брат.

— А она королевской крови.

— Я свое место знаю, брат, — сказал Роман.

— Хитришь. Да Бог с тобой. Только не вздумай бежать. И чародейство не поможет. Ятвягов за тобой пошлю.

— Не грози, — сказал Роман. — Мне идти пора.

— Ты куда? Поп не кончил.

— Акиплешу на торг посылал. Ждет он меня. Работать надо.

— Ну иди, только незаметно.

Роман повернулся и стал осторожно проталкиваться назад. Князь поглядел вслед. Он улыбнулся, но улыбка была недоброй.

Кин вывел шар из собора к паперти, где, дожидаясь конца службы, дрожали под сумрачным мокрым небом калеки и нищие. Роман быстро вышел из приоткрытой двери. Посмотрел через площадь. Там ковылял, прижимая к груди глиняную миску и розовый обожженный горшок, шут.

— Тебя за смертью посылать, — сказал Роман, сбегая на площадь.

— Не бей меня, дяденька, — заверещал шут, скалясь. Зашевелились нищие, глядя на него. — Гости позакрывали лавки, врага ждут, придет немец, снова торговать начнут. Что гостю? Мы на виселицу, а он — веселиться.

Роман прошел через площадь. Шут за ним, прихрамывая, горбясь. Они миновали колодец, коновязь, завернули в узкий, двоим не разойтись, закоулок. В конце его, у вала, в заборе была низкая калитка. Роман ударил три раза кулаком. Открылось потайное окошко, медленно растворилась низкая дверь. Там стоял стражник в короткой кольчуге и кожаной шапке. Он отступил в сторону, пропуская Романа. Тесный двор, заросший травой, несколько каменных глыб, окружавших выжженное углубление в земле... Роман по деревянным мосткам пересек двор, поднялся на крыльцо невысокого приземистого бревенчатого дома на каменном фундаменте. Кольцо двери было вставлено в медную морду льва. Где же Анна такую ручку видела? Да в коробке-музее деда Геннадия.

В горнице Роман сбросил плащ на руки подбежавшему красивому чернобровому отроку.

— Ты чего ждешь? — спросил он шута.

Шут поставил на пол миску, взялся за скобу в полу, потянул на себя крышку люка — обнаружился ход в подвал. Роман спустился первым. За ним шут и чернобровый отрок.

Обширный подпол освещался из окошек под самым потолком. На полках стояли горящие плошки с жиром. Огоньки отражались от стеклянных реторт, банок мутного, грубого стекла, от глиняных мисок, медных сосудов, соединенных металлическими и стеклянными трубками. Горел огонь в низкой с большим зевом печи, возле нее стоял обнаженный по пояс жилистый мужчина в кожаном фартуке. Он обернулся к вошедшим.

— Остужай понемногу, — сказал Роман, заглянув в печь.

Шут заглянул в печь из-под локтя чародея и сказал:

— Давно пора студить.

— Знаем, — сказал мужчина. У него были длинные висячие усы, черные, близко посаженные глаза. Редкие волосы падали на лоб, и он все время отводил их за уши.

— Скоро орден на приступ пойдет, — сказал Роман.

— Остудить не успеем, — ответил тот. — А жалко.

— Студи, — сказал Роман, — неизвестно, как судьба повернется. А у меня нет сил в который раз все собирать и строить.

— А ты, дяденька, епископу в ноги поклонись, — сказал шут. — Обещай судьбу узнать, золота достать. Он и пожалеет.

— Глупости и скудоумие, — сказал Роман.

— По-моему, что скудоумие, что многоумие — все нелепица, — сказал шут. Подошел к длинному в подпалинах и пятнах столу, налил из одной склянки в другую — пошел едкий дым. Роман отмахнулся, морщась. Жилистый мужик отступил к печи.

— Ты чего? — возмутился Роман. — Отравить нас хочешь?

— А может, так и надо? Ты девицу полюбил, а тебе не положено, я склянку вылил, а мне не положено, князь епископу перечит, а ему не положено. Вот бы нас всех и отправить на тот свет.

— Молчи, дурак, — сказал Роман устало, — лучше бы приворотного зелья накапал, чем бездельничать.

— Нет! — воскликнул шут, подбегая к столу и запрокидывая голову, чтобы поближе поглядеть на Романа. — Не пойму тебя, дяденька, и умный ты у нас, и способный, и славный на всю Европу — на что тебе княжна? Наше дело ясное — город беречь, золото добывать, место знать.

— Молчи, смерд, — сказал Роман. — Мое место среди королей и князей. И по роду, и по власти. И по уму!

Отрок глядел на Романа влюбленными глазами неофита.

— Сделанное, передуманное не могу бросить. Во мне великие тайны хранятся — недосказанные, неоконченные. — Роман широким жестом обвел подвал.

— Значит, так, — сказал шут, подпрыгнув, посмеиваясь, размахивая склянкой, бесстыжий и наглый, — значит, ты от девицы отказываешься, дяденька, ради этих банок-склянок? Будем дома сидеть, банки беречь. Пока ландмейстер с мечом не придет.

— Но как все сохранить? — прошептал Роман, уперев кулак в стол. — Скажи, как спасти? Как отсрочку получить?

— Не выйдет, дяденька. Один осел хотел из двух кормушек жрать, как эллины говорили, да с голоду помер.

Роман достал с полки склянку.

— Ты все помнишь?

— Если девице дать выпить три капли, на край света пойдет. Дай, сам отопью. Романа полюблю, ноги ему целовать буду, замуж за него пойду...

Отрок хихикнул и тут же смешался под взглядом Романа.

— Хватит, бесовское отродье! — взорвался чародей. — Забыл, что я тебя из гнилой ямы выкупил?

— Помню, дяденька, — сказал шут. — Ой как помню!

— Все-таки он похож на обезьяну, — сказала Анна. — На злую обезьяну. В нем есть что-то предательское.

— Боярин, — сказал жилистый мужчина, — а что с огненным горшком делать?

— Это сейчас не нужно, Мажей, — сказал Роман.

— Ты сказал, что и меня пошлешь, — сказал Мажей. — Божии дворяне весь мой род вырезали. Не могу забыть. Ты обещал.

— Господи! — Роман сел на лавку, ударился локтями о стол, схватил голову руками. — Пустяки это все, суета сует!

— Господин, — сказал Мажей с тупой настойчивостью, — ты обещал мне. Я пойду и убью епископа.

— Неужели не понимаешь, — почти кричал Роман, — ничем мы город не спасем! Не испугаются они, не отступят, их вдесятеро больше, за ними сила, орден, Европа, Магдебург, папа... Конрад Мазовецкий им войско даст, датский король ждет не дождется. Вы же темные, вам кажется, что весь мир вокруг нашего городка сомкнулся! Я и башню жечь не хотел... Вячко меня прижал. Лучше смириться, ордену кровь не нужна, орден бы князю город оставил... Неужели вам крови мало?

— Ты заговорил иначе, боярин, — сказал Мажей. — Я с тобой всегда был, потому что верил. Может, других городов не видал — наши литовские городки по лесам раскиданы, но, пока орден на нашей земле, мне не жить. Мы орден не звали.

— Бороться тоже надо с умом, — стукнул кулаком по столу Роман. — Сегодня ночью они на приступ пойдут. Возьмут город, могут нас пощадить. Если мы поднимем руку на Альберта — они всех нас вырежут. И детей, и баб, и тебя, шут, и меня...

— Я убью епископа, — сказал Мажей.

— А я, дяденька, — сказал шут, — с тобой не согласен. Волки добрые, а овец кушают.

— Молчи, раб! — озлился Роман. — Я тебя десятый год кормлю и спасаю от бед. Если бы не я, тебя уж трижды повесили бы.

— Правильно, дяденька, — вдруг рассмеялся шут. — Зато я иногда глупость скажу, умные не догадаются. Рабом я был, рабом умру, зато совесть мучить не будет.

— Чем болтать, иди к княжне, — сказал Роман жестко. — Дашь ей приворотного зелья. Так, чтобы старуха не заметила.

— И это гений, — вздохнула Анна.

— А что? — спросил Кин.

— Верить в приворотное зелье...

— Почему же нет? И в двадцатом веке верят.

— Иду, — сказал шут, — только ты к немцам не убеги.

— Убью. Ты давно это заслужил.

— Убьешь, да не сегодня. Сегодня я еще нужен. Только зря ты епископа бережешь. Он тебе спасибо не скажет.

Шут подхватил склянку и ловко вскарабкался вверх.

Мажей вернулся к печи, помешивал там кочергой, молчал. Роман прошелся по комнате.

— Нет, — сказал он сам себе, — нет. Все не так...

Отрок присел у стены на корточки. Роман вернулся к столу.

— Может, пойти за шутом? — спросила Анна.

— Мне сейчас важнее Роман, — сказал Кин.

— Поди сюда, Глузд, — сказал Роман, не оборачиваясь.

Отрок легко поднялся, сделал шаг. И тут же обернулся.

Роман резко поднял голову, посмотрел туда же. Вскочил из-за стола. Мажея в комнате не было.

Роман одним скачком бросился за печку. Там оказалась низкая массивная дверь. Она была приоткрыта.

— Глузд, ты чего смотрел? Мажей сбежал!

— Куда сбежал? — не понял отрок.

— Он же с горшком сбежал. Он же епископа убить хочет!

Роман толкнул дверь, заглянул внутрь, хлопнул себя по боку, где висел короткий меч, выхватил его из ножен и скрылся в темноте.

Отрок остался снаружи, заглянул в ход, и Анне показалось, что его спина растет, заполняя экран. Стало темно — шар пронзил отрока, пронесся в темноте, и темнота казалась бесконечной, как кажется бесконечным железнодорожный туннель, а потом наступил сиреневый дождливый вечер. Они были метрах в ста от крепостного вала, в низине, заросшей кустарником. Между низиной и крепостью медленно ехали верхом два немецких ратника, поглядывая на городскую стену. На угловой башне покачивались шлемы стражников.

Вдруг в откосе образовалась черная дыра — откинулась в сторону дверь, забранная снаружи дерном. В проеме стоял Роман. Он внимательно огляделся. Дождь усилился и мутной сеткой скрывал его лицо. Никого не увидев, Роман отступил в черный проем, потянув на себя дверь. Перед глазами был поросший кустами откос. И никаких следов двери.

Кин вернул шар в подвал, на мгновение обогнав Романа.

Отрок, так и стоявший в дверях подземного хода, отлетел в сторону — Роман отшвырнул его, метнулся к столу. Отрок подошел, остановился сзади. Роман рванул к себе лист пергамента и принялся быстро писать.

— Стучат, — сказал Кин. — Анна, слышишь?

В дверь стучали.

Анна сделала усилие, чтобы вернуться в двадцатый век.

— Закрой дверь, — быстрым шепотом сказал Кин. — И хоть умри, чтобы никто сюда не вошел. Мы не можем прервать работу. Через полчаса я ухожу в прошлое.

— Есть, капитан, — сказала Анна также шепотом.

От двери она оглянулась. Кин следил за шаром. Жюль следил за приборами. Они надеялись на Анну.

За дверью стоял дед Геннадий. Этого Анна и боялась.

— Ты чего запираешься? — сказал он. — По телевизору французский фильм показывают из средневековой жизни. Я за тобой.

— Ой, у меня голова болит! — сказала Анна. — Совершенно не могу из дома выйти. Легла уже.

— Как легла? — удивился Геннадий. — Воздух у нас свежий, с воздуха и болит. Хочешь, горчичники поставлю?

— Да я же не простужена. У меня голова болит, устала.

— А может, по рюмочке? — спросил дед Геннадий.

Анне надо было не пускать деда в сени, где на полу сохранялись следы трудовой деятельности Жюля.

— Нет, спасибо, не хочется.

— Ну, тогда я пошел, — сказал дед, не делая ни шагу. — А то французский фильм начинается. Эти не возвращались? Реставраторы?

— Нет. Они же на станцию уехали.

— А «газика»-то сначала не было, а потом взялся. Удивительное дело. Здесь разве «газик» проедет?

— Они с холма приехали.

— Я и говорю, что не проедет. Но люди приятные, образованные. Изучают наше прошлое.

— Я пойду лягу, можно?

— Иди, конечно, разве я держу, а то фильм начинается. Если захочешь, приходи, я смотреть буду.

Наконец дед ушел. Анна не стала дожидаться, пока он скроется за калиткой, — бросилась обратно в холодную горницу.

За время ее отсутствия сцена в шаре изменилась.

Он вернулся на верхний этаж терема — в угловой комнате была лишь польская княжна Магда. Анна не сразу увидела, что на полу, скрестив ноги, сидит шут.

— Я слышала шум, — сказала Магда. — Начался приступ?

— А что им делать? Пришли к обеду, значит, ложку подавай. А если блюдо пустое, а они голодные...

— Ты где научился польскому языку, дурак?

— Мотало шапку по волнам, — ухмыльнулся шут. — То здесь, то там.

— Это правда, что твой хозяин сжег орденскую башню?

— Он и десять башен сжечь может. Был бы огонь.

— Он чародей?

— И что вам, бабам, в чародеях? Где щекочет — туда пальчики тянете. Обожжетесь.

— Везде огонь, — сказала княжна. Она вдруг подошла к шуту, села рядом с ним на ковер. И Анна поняла, что княжна очень молода, ей лет восемнадцать. — Я в Смоленск ехать не хотела, — сказала она. — У меня дома котенок остался.

— Черный? — спросил шут.

— Серый, такой пушистый. И ласковый. А потом нас летты захватили. Пана Тадеуша убили. Зачем они на нас напали?

— Боярин говорит, что их немцы послали.

— Мой отец письмо епископу писал. Мы же не в диких местах живем. А в Смоленске стены крепкие?

— Смоленск никто не тронет. Смоленск — великий город, — сказал шут. — Нас с боярином Романом оттуда так гнали, что мы даже бумаги забрать не успели. И печатный станок наш сожгли.

— Какой станок?

— Чтобы молитвы печатать.

— Боярин Роман с дьяволом знается?

— Куда ему! Если бы дьявол за него был, разве бы он допустил, чтобы монахи нас в Смоленске пожгли?

— Дьявол хитрый, — сказала княжна.

— Не без этого, — сказал шут. — Люб тебе наш боярин?

— Нельзя так говорить. Я в Смоленск еду, там меня замуж отдадут. За княжьего сына, Изяслава Владимировича.

— Если доедешь, — сказал шут.

— Не говори так! Мой отец рыцарям друг. Он им землю дал.

— А ночью кто разберется?

— Князь Вячко их в город не пустит. Он красивый.

— Ребенок ты, ну прямо ребенок. — Шут поднялся и подошел к столу. — Это квас у тебя?

— Мне тоже дай напиться, — сказала, легко поднимаясь с ковра, девушка.

Шут вдруг резко обернулся, взглянул на дверь:

— Пить, говоришь, хочешь?

— А ну-ка, — сказал Кин и метнул шар к двери, пронзил ее, и в узком коридоре Анна увидела прижавшегося в угол Романа.

— Он ее любит, — сказала Анна.

— Этого еще нам не хватало, — сказал Жюль.

— А тетка ее ругала за склонность к князю, помните?

— Помню, — сказал Кин, возвращая шар в комнату. Как раз в тот момент, когда шут ловко, фокусником плеснул из склянки в кубок приворотное зелье. Протянул девушке.

— Спасибо. Ты не уходи, Акиплеша. Мне страшно одной.

— Все, — сказал Кин. — Пора собираться.

19

— Как вы думаете, — сказала Анна, пока Кин подбирал с кровати рубаху и сапоги, — тот литовец убьет епископа?

— Нет, — сказал Кин. — Епископ умрет лет через пятнадцать. Жюль, проверь, чтобы ничего не оставалось в сенях.

— А вы не вернетесь? — Анна вдруг поняла, что представление заканчивается. Последнее действие — похищение чародея. И занавес. Зрители покидают зал. Актеры заранее собрали реквизит и переезжают в другой городок.

— Если все обойдется, — сказал Кин сухо, — то не вернусь. Жюль перебросит нас домой. Дед Геннадий приходил?

Анна кивнула.

— Сварить кофе?

— Только себе и Жюлю, — сказал Кин. — Перед переброской лучше не есть. Я завтра утром позавтракаю. Дома...

— Все-таки этот шут мне неприятен, — сказала Анна. — Девушка ничего не подозревает...

— Он его раб, — сказал Кин. — Роман его спас от смерти. Но приворотного зелья не существует. Это уже доказано наукой.

— Не знаю, — сказала Анна. — Вы же сами говорили, что Роман — универсальный гений. Может, придумал.

— Я буду переодеваться, — сказал Кин. — И боюсь вам помешать. Вы хотели сделать кофе.

— Конечно, — сказала Анна.

Она разожгла плиту — хорошо, что взяла с собой молотого кофе, — и вдруг страшно рассердилась. И поняла, почему. Ее присутствие терпели, как присутствие деда Геннадия, и забыли о ней в первый же удобный момент. А чего ты ждала, голубушка? Что тебя пригласят на экскурсию в будущее? Чепуха, ты просто ни о чем не думала, а решила, что бесплатное развлечение будет длиться вечно... Кин за перегородкой чем-то загремел. Интересно, он берет с собой оружие?

— Ну как? — спросил Кин.

Анна обернулась. В дверях кухни стоял обросший короткой бородой мужчина из тринадцатого века, зажиточный, крепкий, меч сбоку, кольчуга под накидкой, на шее странный обруч — в виде серебряной змеи. Был этот мужик пониже ростом, чем Кин, пошире его в плечах, длинные пегие волосы собраны тесемкой.

— Я бы вас никогда не узнала, — сказала Анна.

— Спасибо, — сказал Кин.

— А почему змея?

— Это уж. Я литовский воин, из охраны Романа.

— Но они же друг друга знают.

— Сейчас темно. Я не буду соваться на передний план.

— А я кофе сварила, — сказала Анна.

— Кофе? Налейте Жюлю.

Жюль уже собрал один из пультов, закрыл чемодан и вынес в прихожую. Сам вернулся к пульту связи.

— Жюль, — сказала Анна, — выпей кофе.

— Спасибо, девочка, — сказал Жюль, — поставь на столик.

Анна поставила чашку под выключенный шар. Если не нужна, лучше не навязываться. В прихожей ее догнал голос Жюля.

— Мне будет жаль, если я тебя больше не увижу, — сказал он. — Такая у нас работа.

— Такая работа, — улыбнулась Анна, оборачиваясь к нему. Она была ему благодарна за живые слова.

На кухне Кин стоял, прихлебывал кофе.

— Вам же нельзя! — не удержалась Анна.

— Конечно, лучше не пить. Только вот вам не осталось.

— Ничего, я себе еще сварю.

— Правильно, — сказал Кин.

20

Выход в прошлое чуть было не сорвался. Они все стояли в прихожей, над чемоданами и ящиками. И снова раздался стук в дверь.

— Кто? — спросила Анна.

— У тебя все в порядке? — спросил дед Геннадий.

— А что?

— Голоса слышу, — сказал дед.

Кин метнулся на кухню. Жюль закрылся в задней комнате. Анна медлила с засовом.

— У меня радио, — сказала она. — Радио я слушала. Я уже спать легла.

— Спать легла, а свет не тушишь, — проворчал дед. — Я тебе анальгин принес.

— Зачем мне анальгин?

— От головной боли, известное дело. Раз жаловалась.

Пришлось открыть. На улице дул сырой ветер. Яркая луна освещала шляпу деда, лицо под ней казалось черным. Дед постарался заглянуть за спину Анны, но в прихожей было темно. Пачка таблеток была теплой, нагрелась от ладони деда.

— Беспокоюсь я за тебя, — сказал он. — Вообще-то у нас места тихие, разбойников, понятно, нет, нечем им интересоваться, но какое-то к тебе есть опасное притяжение.

— Я не боюсь. Спасибо за лекарство. Спокойной ночи.

Анна быстро захлопнула дверь, решив, что, если дед обидится, у нее будет достаточно времени с ним поладить... Дед еще постоял на крыльце, повздыхал, потом заскрипели ступеньки. Кин подошел к окну в прихожей — дед медленно брел по тропинке.

— Спасибо, Анна, не знаю, что бы мы без тебя делали, — сказал Кин.

— Не лицемерьте. Он приходит именно потому, что я здесь. Не было бы меня, он бы и не заподозрил.

— Ты права, — сказал Кин.

Он прошел, мягко ступая по половицам, в холодную комнату, включил шар и повел его из горницы польской княжны, сейчас темной, наружу, через залитую дождем площадь, мимо коновязи, где переминались мокрые кони, мимо колодца, в закоулок,

к дому Романа. За забором во дворе шар опустился к земле и замер. Кин выпростал руки из столика, перешел в другой угол комнаты, где стояла тонкая металлическая рама — под ней металлическая платформочка, похожая на напольные весы. Воздух в раме чуть колебался.

— Давай напряжение, — сказал Кин.

— Одну минуту, — сказал Жюль. — Дай я уберу вещи, а то потом некогда будет отвлекаться.

Сзади Анны зашуршало, щелкнуло. Она обернулась и увидела, как исчез один чемодан — с лишней одеждой, потом второй, с пультом. Прихожая опустела.

Кин вступил в раму. Жюль подвинул табурет поближе к шару, натянул на левую руку черную перчатку.

— Начинается ювелирная работа, — сказал он.

Кин бросил на Анну, как ей показалось, удивленный взгляд, словно не понимал, с кем разговаривает Жюль.

— Не отвлекайся, — сказал он.

Шар показывал темный двор. Под небольшим навесом у калитки съежился, видно, дремал, стражник, похожий на Кина.

— Чуть ближе к сараю, — сказал Кин.

— Не ушибись, — сказал Жюль, — желаю счастья.

Кин поднял руку. Раздалось громкое жужжание, словно в комнату влетел пчелиный рой. И Кин исчез.

21

Кин вышел из тени сарая — на дворе стояла темень, угадывались лишь силуэты предметов. Слабый свет выбивался из щели двери в сарай. Кин скользнул туда, чуть приоткрыл дверь — лучина освещала низкое помещение, на нарах играли в кости два стражника. Кин пошел к воротам. Стражник у ворот дремал под навесом, кое-как защищавшим от дождя.

Кин был уже возле стражника, когда трижды ударили в дверь — по ту сторону забора стоял Роман, у его ног сгорбленной собачонкой — шут Акиплеша.

Стражник вздохнул, поежился во сне. Кин быстро шагнул к воротам, выглянул, узнал Романа, отодвинул засов.

— Ни черта не видно, — проворчал Роман.

— Я до двери провожу, — сказал Кин. — За мной идите.

— В такую темень можно уйти, — сказал Роман. — По крайней мере часть добра мы бы вынесли.

— А дальше что? — спросил шут. — Будешь, дяденька, по лесу посуду носить, медведей кормить?

— Не спеши, в грязь попаду, — сказал Роман Кину.

Он шел по деревянным мосткам, держась за край его плаща.

Анна вдруг хмыкнула.

— Ты чего? — спросил Жюль.

— Знал бы Роман, что коллегу за полу держит.

— Лучше, чтобы не знал, — серьезно ответил Жюль.

— Ты зачем подсматривал, дяденька? — спросил шут. — Не поверил, что дам любезной зелье?

— Она придет ко мне?

— Кого поумней меня спроси!

Заскрипели ступеньки крыльца.

Дверь, отворившись, обозначила силуэты людей. Кин сразу отступил в сторону. Донесся голос шута:

— Что-то этого ратника не помню.

— Они все одинаковые, — сказал Роман.

В приотворенную дверь видно было, как шут откинул люк в подвал. Заглянул внутрь. Выпрямился.

— Мажей не возвращался, — сказал он.

Голос его вдруг дрогнул. Анна подумала, что и шуты устают быть шутами.

— Лучше будет, если он не вернется, — сказал Роман.

— Разум покидает тебя, боярин, — сказал шут жестко. — Мажей верно служил тебе много лет.

— Город не выстоит, даже если вся литва придет на помощь.

— Если погибнет епископ, будет справедливо.

— И рыцари отомстят нам жестоко. Мы погибнем.

— Мы выиграем день. Придет литва.

— Я думаю о самом главном. Я на пороге тайны. Еще день, неделя, месяц — и секрет философского камня у меня в руках. Я стану велик... Князья государств и церкви будут у моих ног... Никто не посмеет отобрать у меня Магдалену.

— Дурак, — сказал спокойно шут, — умный, а дурак, хуже меня. Епископ...

— А что, епископу золото не нужно? Власть не нужна? Епископ будет беречь меня, как золотую птицу.

— Но в клетке, дяденька.

— Условия будут мои.

— Птичка в клетке велела хозяину щи подавать?

— Будут подавать. Как миленькие.

— Рыцари прихлопнут тебя, не станут разбираться...

— Епископ знает, что я здесь. Не даст меня в обиду.
— И ты его поэтому бережешь?
— Любой ценой. Не ради меня — ради великой тайны.
— Ой, боярин...
— Ты не веришь?
— Нет.
Роман вдруг выхватил нож.
— Я убью тебя!
— Нельзя! — крикнул шут. С неожиданной ловкостью он перепрыгнул через открытый люк в подвал, перед слабо освещенным зевом которого остановился Роман. Ухмылка не исчезла с его лица. Он бросился наружу. Кин еле успел отшатнуться.
На крыльце шут нахохлился, голова ушла в широкие плечи.
— Дождик, — сказал он, — дождик какой... До конца света дождик... Жизни нет, один дождик.
Заскрипели ступеньки. Шут спустился во двор...
Кин стоял посреди верхней горницы. Роман спустился в подвал, но люк оставил открытым.
Кин осторожно заглянул вовнутрь. Шар, повиснув над ним, глядел туда же.
Роман стоял у стола, постукивая концами пальцев по его краю. Вдруг он вздрогнул. Он увидел, что у потухшей печи, мокрый, замерзший, стоит отрок.
— Ты что же молчишь? — спросил Роман.
— Я не догнал его, — сказал отрок.
— А я и не ждал, что ты его догонишь. А там ты был?
— Был, — сказал отрок.
— Что сказали?
— Сказали, в час после полуночи.
— Ты грейся, грейся, — сказал Роман. — Потом поможешь мне.
— Бьет меня дрожь, — сказал отрок. — Орден нас примет?
— Ты не бойся. Меня везде знают. Меня в Венеции знают. И в Магдебурге, и в Майнце знают... Меня убить нельзя...
В этот момент все и случилось.
Шар висел над самой головой Кина. Поэтому не было видно, кто нанес Кину удар сзади. На мгновение изображение исчезло, затем возникло удивленное лицо Кина. Он попытался обернуться и тут же, потеряв равновесие, рухнул в люк, медленно сполз в подвал по ступеням лестницы.
— Стой! Он же разобьется!
Сверху мелькнул аркан — за секунду шут успел достать и

метнуть его так, что веревка охватила плечи Кина в полуметре от пола подвала и остановила падение. Затем безжизненное тело опустилось на пол, и, подняв шар, Жюль увидел над люком шута с арканом в одной руке, с дубиной — в другой.
Роман и отрок отшатнулись от люка, замерли.
Роман первым сообразил, в чем дело.
— Кто? — спросил он.
— Он мне с самого начала не показался — нет у нас такого в стражниках. У меня знаешь какая память на лица. Подслушивал. Думаю, епископский лазутчик.
Глаза Кина были закрыты.
— Ты его не убил? — спросил Роман.
— У нас, литовцев, головы железные, — сказал шут.
— Что же делать? — сказала Анна. — Они его убьют. Ну сделай что-нибудь, Жюль, миленький! Вытащи его обратно.
— Без его помощи не могу.
— Так придумай.
— Да погоди ты! — огрызнулся Жюль. — Ты думаешь, он на прогулку пошел? Выпутается. Обязательно выпутается. Ничего...
— Надо с ним поговорить, — сказал Роман.
— Только возьми у него... это.
Шут нагнулся, выхватил у Кина меч, арканом стянул ему руки.
В этот момент в люке показалось лицо другого стражника.
— А, Йовайла, — сказал шут. — Ты этого земляка не знаешь?
— Нет, — сказал тот быстро. — За воротами князь.
— Этого еще не хватало, — сказал Роман. — Акиплеша, убери, быстро, быстро, ну! Глузд, помоги ему!
Они оттащили Кина в сторону, в тень, Роман насыпал сверху ворох тряпья... Сцена была зловещей — тени метались по стенам, сплетались, будто дрались между собой.
Князь быстро спускался вниз, ступени прогибались, за ним — в двух шагах — ятвяг, в черной куртке и красном колпаке.
Князь был в кольчуге, короткий плащ промок, прилип к спине, рыжие волосы взъерошились. Князь был зол.
— Орден на приступ собрался, лестницы волокут... Как держаться, ворота слабые, людей мало. Ты чего здесь таишься?
— Какая от меня польза на стене? Я здесь нужнее.
— Ты думай. Нам бы до завтра продержаться. Роман, почему на башнях огненной воды нет?
— Кончилась, княже.
— Чтобы была! Не отстоим город — первым помрешь.

— Князь, я твоего рода, не говори так. Я все делаю...

— Не знаю, никому не верю. Как плохо — никого нет. Где Владимир Полоцкий? Где Владимир Смоленский, где Мстислав Удалой? Владимир Псковский? Где рати? Где вся Русь?

— Я приду на стену, брат, — примирительно сказал Роман.

— Тут у тебя столько зелья заготовлено.

— Это чтобы золото делать.

— Мне сейчас золото не нужно — ты мне самородок дашь, я его на голову епископу брошу. Ты мне огонь дай, огонь!

— Я приду на стену, брат.

Кин пошевелился под тряпьем, видно, застонал, потому что князь метнулся к куче тряпья, разгреб ее. Кин был без сознания.

— Кто? Почему литовца связал?

— Чужой человек, — сказал Роман. — В доме у меня был. Не знаю — может, орденский лазутчик.

— Убей его! — Князь вытащил меч.

Анна прижала ладони к глазам.

— Нет, — услышала она голос Романа. — Я его допросить должен. Иди, князь, я приду. Сделаем огонь — придем.

— Ятвяг, — сказал князь, — останешься здесь.

— Лишнее, князь, — сказал Роман.

— Сейчас я никому не верю. Понял? Тебе не верю тоже. — Князь опустил рукоять меча. — Нам бы до завтра продержаться.

Князь, не оборачиваясь, быстро поднялся по лестнице. Остановился, заглянув в подвал сверху. И ему видны были темные тени, неровно освещенные желтым светом лица, блеск реторт и трубок. Князь перекрестился, потолок над головами чародея и его помощников заколебался, вздрогнул от быстрых тяжелых шагов уходившего князя Вячко.

— Вся литовская рать не спасет его, — тихо сказал Роман.

Он сделал шаг к Кину, посмотрел внимательно на его лицо.

Ятвяг за его спиной тоже смотрел на Кина холодно и бесстрастно — для него смерть и жизнь были лишь моментами в бесконечном чередовании бытия и небытия.

— Дай чего-нибудь ятвягу, опои его, — сказал Роман.

— Он заговорил по-латыни, — заметил Жюль.

— Не все ли равно! — воскликнула Анна.

Ятвяг отступил на шаг, он был настороже.

— Не будет он пить, — сказал шут. — Он верный пес.

Кин открыл глаза. Помотал головой, поморщился от боли.

— Ничего, — сказал Жюль. — Мы не с такими справлялись.

— Пистолет бы ему.

— Он не имеет права никому причинять вреда.

— Даже если это грозит ему смертью?

— Мы готовы к этому, — сказал Жюль.

— Ты кто? — спросил Роман, склоняясь к Кину.

Кин молчал, глядел на Романа.

— Он не понимает по-немецки, — сообщил шут.

— Без тебя, дурак, вижу, наверное, притворяется.

— Так убей его, и дело с концом, — сказал шут.

— А вдруг его прислал епископ?

— Другого пришлет, — сказал шут. — С языком.

— Подлец, — сказала Анна сквозь зубы.

— Спроси его по-литовски, — сказал Роман.

— Ты что здесь делаешь? — спросил шут.

— Я пришел из Тракая, — сказал Кин. — Я своих увидел.

— Врешь, — сказал шут.

— Что он говорит?

— Врет, — сказал шут. — Убить его надо, и дело с концом.

Кин постарался приподняться.

Ятвяг мягким кошачьим движением выхватил саблю.

— Погодите, — сказал Кин. — Мессир Роман, у меня к вам важное дело.

— Он знает латынь? — вырвалось у Романа.

— Боярин, — сказал отрок, — время истекает.

— Время? — повторил ятвяг. — Князь ждет. Идите на башню.

— Сейчас, — сказал Роман. — Ты говоришь, что знаешь меня?

— Я принес вести из Бремена, — сказал Кин. — Я не могу сказать сейчас. Я скажу наедине. Развяжите меня.

— Нет, — сказал Роман. — Даже если ты не врешь, ты останешься здесь. Я не верю тебе.

— Время истекает, — сказал отрок.

— О чем он все время говорит? — спросил шут.

— Он должен встретиться с одним человеком.

Ятвяг положил на левую ладонь лезвие сабли, словно любуясь ее тусклым блеском.

— Князь сказал, — повторил он, — пора идти.

— С тобой пойдет Акиплеша, — сказал Роман. — Он все знает.

— Князь сказал, — повторил ятвяг, и в словах его была угроза.

Анна увидела, что Роман сделал какой-то знак отроку и тот, чуть заметно кивнув, двинулся вдоль стены в полутьме. Кин лежал с открытыми глазами. Внимательно следил за людьми в подвале. Чуть пошевелил плечами.

— Он снимет веревки, — прошептал Жюль, будто боялся, что его услышат, — главное — снять веревки.

Ятвяг так же внимательно следил за тем, что происходит вокруг, словно предчувствовал неладное.

— Цезарь, — сказал шут, — не бери греха на душу.

— Ты никогда не станешь великим человеком, — ответил Роман, делая шаг к столу, чтобы отвлечь внимание ятвяга, — наше время не терпит добрых. Ставка слишком велика. Ставка — жизнь и великая магия. Ты! — крикнул он неожиданно ятвягу. И замахнулся кулаком. Ятвяг непроизвольно вскинул саблю.

И в этот момент блеснул нож — коротко, смутно, отразившись в ретортах. И ятвяг сразу выпустил саблю, бессмысленно и безнадежно стараясь увидеть источник боли, достать закинутыми за спину руками вонзившийся в спину нож... и, сдвинув тяжелый стол, упал на бок. Реторта с темной жидкостью вздрогнула, и Роман метнулся к столу и подхватил ее.

— Как я испугался... — сказал он.

Шут смотрел на ятвяга.

— Плохо вышло, — сказал шут. — Ой как плохо вышло...

— Скажем князю, что он ушел. Вытащи его наверх — и за сарай. Никто ночью не найдет.

— Кровь, — сказал шут. — И это есть знание?

— Ради которого я отдам свою жизнь, а твою — подавно, — сказал Роман. — Тащи, он легкий.

Шут стоял недвижно.

— Слушай, — сказал Роман. — Я виноват, я тебя всю жизнь другому учил... Я тебя учил, что жизнь можно сделать хорошей... но нельзя не бороться. За науку бороться надо, за счастье... Иди, мой раб. У нас уже нет выхода. И грех останется на мне.

Шут нагнулся и взял ятвяга за плечи. Голова упала назад — рот приоткрылся в гримасе.

Шут поволок его к лестнице. Отрок подхватил ноги убитого.

— Я больше не могу, — сказала Анна. — Это ужасно.

— Это не конец, — сказал Жюль. Он приблизил шар к лицу Кина, и тот, словно угадав, что его видят, улыбнулся краем губ.

— Вот видишь, — сказал Жюль. — Он справится.

В голосе Жюля не было уверенности.

— А нельзя вызвать помощь? — спросила Анна.

— Нет, — коротко ответил Жюль.

Шут с отроком втащили труп наверх. Роман окликнул отрока:

— Глузд! Вернись.

Отрок сбежал по лестнице вниз.

— Мне не дотащить, — сверху показалось лицо шута.

— Дотащи до выхода, позовешь Йовайлу. Спрячете — тут же иди на стену. Скажешь, что я — следом.

Отрок стоял посреди комнаты. Он был бледен.

— Устал, мой мальчик? Тяжела школа чародея?

— Я послушен, учитель, — сказал юноша.

— Тогда иди. Помни, что должен завязать ему глаза.

Отрок открыл потайную дверь и исчез за ней.

Роман поглядел на большие песочные часы, стоявшие на полке у печи. Песок уже весь высыпался. Он пожал плечами, перевернул часы и смотрел, как песок сыплется тонкой струйкой.

— Второй час полуночи, — сказал Кин. — Скоро начнет светать. Ночи короткие.

— Да? — Роман словно вспомнил, что не один в подвале. — Ты для меня загадка, литовец. Или не литовец? Лив? Эст?

— Разве это важно, чародей? — спросил Кин. — Я ученик Бертольда фон Гоца. Ты слышал это имя?

— Я слышал это имя, — сказал Роман. — Но ты забыл, что Бертольд уже два года как умер.

— Это пустой слух.

Дверь качнулась, отворилась, и из подземного хода появился отрок, ведя за руку высокого человека в монашеском одеянии, с капюшоном, надвинутым на лоб, и с темной повязкой на глазах.

— Можете снять повязку, — сказал Роман. — У нас мало времени.

Монах снял повязку и передал отроку.

— Я подчинился условиям, — сказал он. — Я тоже рискую жизнью.

Анна узнала ландмейстера Фридриха фон Кокенгаузена. Рыцарь подошел к столу и сел, положив на стол железную руку.

— Как рука? — спросил Роман.

— Я благодарен тебе, — сказал Фридрих. — Я могу держать ею щит. — Он повернул рычажок на тыльной стороне железной ладони. Пальцы сжались, словно охватили копье. — Спасибо. Епископ выбрал меня, потому что мы с тобой давнишние друзья, — сказал Фридрих. — И ты доверяешь мне. Расскажи, почему ты хотел нас видеть?

— Вы нашли литовца, который украл у меня огненную смесь?

— Да, — коротко сказал Фридрих. — В горшке твое зелье?

— Оно может разорвать на куски сто человек, — сказал Роман.

Жюль опять повернул шар, и Анна увидела, как Кин медленно движет рукой, освобождая ее.

— А это кто? — Рыцарь вдруг резко обернулся к Кину.

— Я тебя хотел спросить, — сказал Роман. — Он сказал, что он ученик Бертольда фон Гоца.

— Это ложь, — сказал рыцарь. — Я был у Бертольда перед его смертью. Нас, людей, причастных к великой тайне магии и превращения элементов, так мало на свете. Я знаю его учеников... Он лжет. Кстати, сейчас он освободит руку.

— Черт! — выругался Жюль. — Как он заметил?

Роман с отроком тут же бросились к Кину.

— Ты прав, брат, — сказал он Фридриху. — Спасибо тебе.

Кин был неподвижен.

— Это первый человек, который развязал узел моего шута.

— И поэтому его надо убить, — сказал рыцарь.

Роман подхватил из-под стола толстую веревку и надежно скрутил руки Кина.

— Погоди, — сказал Роман. — Он говорит по-латыни не хуже нас с тобой и знает Бертольда. Скоро вернется мой шут и допросит его. Он допросит его как надо, огнем.

— Как хочешь, — сказал рыцарь. — Я слышал, что ты близок к открытию тайны золота.

— Да, — сказал Роман. — Я близок. Но это долгая работа. Это будет не сегодня. Я беспокоюсь за судьбу этого деяния.

— Только ли деяния?

— И меня. И моих помощников.

— Чем мы тебе можем быть полезны?

— Ты знаешь чем — ты мой старый знакомый. Ты потерял руку, когда в твоем замке взорвалась реторта, хоть и говоришь, что это случилось в битве с сарацинами.

— Допустим, — сказал рыцарь.

— Мне главное — сохранить все это. Чтобы работать дальше.

— Похвально. Но если наши пойдут завтра на штурм, как я могу обещать тебе безопасность?

— И не только мне, брат, — сказал Роман. — Ты знаешь, у нас живет польская княжна?

Шар опять приблизился к Кину. Губы Кина шевельнулись:

— Плохо дело. Думай, Жюль...

Жюль кивнул, словно Кин мог увидеть его. И обернулся к Анне — может, искал сочувствия?

— Если ты уйдешь, я не справлюсь с машиной? — спросила Анна.

— Нет, моя девочка, — сказал Жюль тихо. — Тебе не вытянуть нас.

Роман и рыцарь подняли глаза.

— Кто-то идет, — сказал Роман отроку. — Задержи его. Я вернусь.

Рыцарь тяжело поднялся из-за стола и опустил капюшон.

— Завязать глаза? — спросил Фридрих.

Роман махнул рукой.

— Я выйду с тобой. Скорей.

Потайная дверь закрылась за рыцарем и Романом.

Шут спустился по лестнице.

— Где хозяин? — спросил он.

— Не знаю, — ответил отрок.

— Убежал к орденским братьям? Нет, он один не убежит. Ему все это нужно... это его золото... Это его власть и слава.

22

Жюль снова увеличил лицо Кина. Кин смотрел на шута.

Анна дернула Жюля за рукав:

— Я похожа на Магду. Ты сам говорил, что я похожа на Магду.

— Какую еще Магду? — В гусарских глазах Жюля была тоска.

— Польскую княжну, Магдалену.

— Ну и что?

— Я пойду туда. Вместо нее.

— Не говори глупостей. Тебя узнают. Мне еще не хватало твоей смерти. К тому же куда мы княжну денем?

— *Слушай спокойно. У нас с тобой нет другого выхода.* Время движется к рассвету. Кин связан и бессилен.

— Замолчи. И без твоих идей тошно.

— Все очень просто. Ты можешь меня высадить в любом месте?

— Да.

— Тогда высади меня в спальне княжны. Это единственный выход. Сообрази наконец. Если я не проберусь к Кину в ближайшие минуты, он погибнет. Я уж не говорю, что провалится все ваше дело. Кин может погибнуть. И мне это не все равно!

— Ты хочешь сказать, что мне все равно? Ты думаешь, Кин первый? Ты думаешь, никто из нас не погибал?..

В окошко под потолком тянуло влажным холодом — погода в двадцатом веке тоже начала портиться. Брехали собаки. Анна вдруг почувствовала себя вдвое старше Жюля.

— Вопрос не в праве! Веди шар! Будь мужчиной, Жюль! Вы меня уже посвятили в ваши дела...

— Нарушение прошлого может достичь критической точки.

— О чем ты говоришь! Кин лежит связанный.

Жюль несколько секунд сидел неподвижно. Затем резко обернулся, оценивающе посмотрел на Анну.

— Может получиться так, что я не смогу за тобой наблюдать.

— Не теряй времени. Веди шар в терем. Мне же надо переодеться.

— Погоди, может быть...

— Поехали, Жюль, миленький!

Анну охватило жуткое нетерпение — будто ей предстоял прыжок с парашютом и должно быть страшно, но опасение опоздать с прыжком оказывается сильнее страха.

Шар покинул дом Романа и пронесся над крышей. Краем глаза Анна увидела огоньки на стенах, далекое зарево. Впереди был терем.

Шар вошел в терем, потом завис в коридоре, медленно пополз вдоль темных стен. Анна подошла к раме, шагнула было нетерпеливо в нее, потом опомнилась, начала, путаясь в рукавах, стаскивать кофту...

— Все чисто, — сказал Жюль. — Можно...

— Погоди! — крикнула Анна. — Я же не могу там оставлять одежду!

Княжна спала на низком сундуке с жестким подголовником, накрывшись одеялом из шкур. Одинокая плошка горела на столе. По черной слюде окна стекали мутные капли дождя.

Шар быстро обежал комнату, заглянул в углы, остановился перед задней, закрытой дверью...

— Учти, что там спит ее тетка, — сказал Жюль. Потом другим голосом — изгнав сомнения, приняв решение: — Ладно. Теперь слушай внимательно. Момент переноса не терпит ошибок.

Жюль поднялся, достал из пульта плоскую облатку в сантиметр диаметром, прижал ее под левым ухом Анны. Облатка была прохладной. Она тихо щелкнула и присосалась к коже.

— Чтобы вернуться, ты должна замкнуть поле. Для этого дотронешься пальцем до этой... присоски. И я тебя вытяну. Будешь там приземляться — чуть подогни ноги, чтобы не было удара.

Польская княжна повернулась во сне, шевельнулись ее губы. Рука упала вниз — согнутые пальцы коснулись пола.

Анна быстро шагнула в раму. И тут же закружилась голова и началось падение — падение в глубь времени, бесконечное и

страшное, потому что не за что было уцепиться, некому даже крикнуть, чтобы остановили, удержали, спасли, вернули, и не было голоса, не было верха и низа — была смерть или преддверие ее, в котором крутилась мысль: зачем же ей не сказали? Не предупредили? Зачем ее предали, бросили, оставили, ведь она никому ничего плохого не сделала? Она еще так молода, она не успела пожить... Жалость к себе охватила слезной немощью, болью в сердце, а падение продолжалось — и вдруг прервалось, подхватило внутренности, словно в остановившемся лифте, и Анна поняла, что может открыть глаза....

И твердый пол ударил по ступням.

Анна проглотила слюну.

Только небольшая плошка с плавающим в ней фитилем горела на столе. Рядом стоял стул с прямой высокой деревянной спинкой. Запах плохо выделанных шкур, печного дыма, горелого масла, пота и мускуса ударил плотно в ноздри, уши услышали нервное тяжелое дыхание... Анна поняла, что она в тринадцатом веке.

Сколько прошло времени? Она падала туда час?.. Нет, это казалось ей, конечно, казалось, ведь Кин проскочил в прошлое почти мгновенно — ступил в раму и оказался во дворе Романа. А вдруг машина испортилась и потому ее путешествие было в самом деле длинным?.. Нет, на низком сундуке спит польская княжна, рука чуть касается пола.

«Раз-два-три-четыре-пять», — считала про себя Анна, чтобы мысли вернулись на место. Жюль сейчас видит ее в шаре. Где же шар? Должен быть чуть повыше, перед лицом, и Анна посмотрела туда, где должен быть шар, и улыбнулась Жюлю — ему сейчас хуже всех. Он один. Ах ты, гусар из двадцать седьмого века, тебе, наверно, влетит за то, что послушался ископаемую девчонку...

Теперь надо действовать. И очень быстро. В любой момент может начаться штурм города — Анна поглядела в небольшое забранное слюдой окошко, и ей показалось, что в черноте ночи она угадывает появление рассветной синевы.

Платье Магдалены лежало на табурете рядом с сундуком, невысокие сапожки без каблуков валялись рядом.

Анна шагнула к постели. И замерла, прислушиваясь. Терем был полон ночными звуками — скрипом половиц, шуршанием мышей на чердаке, отдаленным звоном оружия, окриком часового у крыльца, шепотом шаркающих шагов... Княжна забормотала во сне. Было душно. В тринадцатом веке не любили открывать окон.

Платье княжны громко зашуршало. Выше талии оно скреплялось тесемками. Тесемки путались, одна оборвалась. Теперь очень важно — платок. Его нужно завязать так, чтобы скрыть волосы. Где шапочка — плоская с золотым обручем? Анна взяла со стола плошку и посветила под стол, в угол горницы — шапочка лежала на сундуке. Сейчас бы зеркало — как плохо уходить в прошлое в такой спешке! Средневековый наряд нам должен быть к лицу, подумала Анна, но как жаль, что придется черпать информацию об этом из чужих глаз. Конечно, у княжны где-то есть зеркальце на длинной ручке, как в сказках, но некогда шарить по чужим сундучкам. Анна расшнуровала кед — примерила княжий сапожок. Сапожок застрял в щиколотке — ни туда, ни сюда. За перегородкой кто-то заворочался. Женский голос спросил по-русски:

— Ты чего, Магда? Не спишь?

Анна замерла, ответила не сразу.

— Сплю, — сказала она тихо.

— Спи, спи, — это был голос тетки. — Может, дать чего?

Тетка тяжело вздохнула.

Анна отказалась от мысли погулять в сапожках. Ничего, платье длинное. Как жаль, что дамы в то время не носили вуаль... Впрочем, наша трагедия проходит при искусственном освещении. Анна осмотрелась в последний раз — может, забыла чего-нибудь? Потом непроизвольно подняла руку княжны и положила на грудь, чтобы не затекала. Подумала, что сейчас Жюль, наверное, обругал ее последними словами — ну что за ненужный риск! А Анна ощущала странное единство с девушкой, которая и не подозревает, что ее платье позаимствовано другой, которая будет жить через много сотен лет...

— Ничего, — прошептала она, старательно шевеля губами, чтобы Жюль видел, — она крепко спит.

Анна прошла к двери — сильно заскрипело в соседней комнате, и голос окончательно проснувшейся тетки сообщил:

— Я к тебе пойду, девочка, не спится мне, тревожно...

Анна потянула к себе дверь. Дверь не поддалась. Ударили по полу голые ступни — как все слышно в этом доме! — тетка уронила что-то на пол. Шлеп-шлеп-шлеп — ее шаги. Проклятое кольцо в львиной пасти... Анна повернула кольцо и потянула на себя. Сзади тоже отворилась дверь, но Анна не стала оглядываться, нагнувшись, чтобы не расшибить голову, скользнула в темный коридор. Замерла в темноте. За дверью бубнил голос тетки.

23

Первый человек, который попался Анне, был стражник у входа в терем. Он стоял у перил крыльца, глядя на зарево, охватившее полнеба, прислушиваясь к далекому шуму на стенах.

Стражник оглянулся. Это был пожилой мужчина, кольчуга его была распорота на груди и кое-как стянута кожаным ремешком.

— Что горит? — спросила Анна, не давая стражнику возможности поразмыслить, почему польская княжна разгуливает по ночам. Впрочем, стражнику не было до этого дела — ощущение неминуемой угрозы овладело всеми горожанами.

— Стога горят — на Болоте.

Дождь почти перестал — зарево освещало крыши, но переулки за площадью скрывались в темноте. Отсюда, с крыльца, все выглядело иначе, чем в шаре, настолько, что Анну одолело сомнение — куда идти? Может, потому, что холодный ветер, несущий влагу, звуки и дыхание города, менял перспективу и уничтожал отстраненность, телевизионную условность изображения в шаре.

— Погоди, боярышня, — сказал стражник, только сейчас сообразив, что полька собирается в город. — Время неладное гулять.

— Я вернусь, — сказала Анна.

Ее тень, тонкая, неверная, длинная, бежала перед ней по мокрой земле площади.

— Если на стене будешь, — крикнул вслед ратник, — погляди, это стога горят или что?!

— Погляжу.

Анна миновала колодец, площадь сузилась — собор казался розовым. От улицы должен отходить проулок — к дому Романа. Анна ткнулась в темноту — остановилась. Она перестала быть наблюдателем и стала частью этого мира.

— Ууу, — загудело спереди, словно какой-то страшный зверь надвигался из темноты. Анна метнулась в сторону, ударилась спиной о забор. Гудение спереди усиливалось, и Анна, не в силах более таиться, бросилась обратно к терему — там был стражник.

Из темноты возник страшный оборванный человек. Одну руку он прижимал к глазу, и между пальцев лилась кровь, во второй была суковатая дубина, которой он размахивал, удручающе воя — однообразно, словно пел. Анна побежала к терему, скользя по грязи и почему-то боясь крикнуть, боясь привлечь к

себе внимание. Пьяные, неверные, угрожающие шаги человека с дубиной приближались, к ним примешался мерный грохот, топот, крики, но Анне некогда было остановиться — спрятаться. Куда-то пропал, как в кошмаре, стражник у крыльца — крыльцо было черным и пустым. И терем был черен и пуст.

Рычание преследователя вдруг поднялось в крик — визг — вопль — и оборвалось. Ветром подхватило, чуть не сбило Анну с ног — мимо пролетели черными тенями с огненными бликами на лицах всадники Апокалипсиса — ятвяги, окружившие князя Вячко, передние с факелами, от которых брызгами летели искры.

Анна обернулась — неясной тенью, почти не различишь в темноте, лежал преследователь... Терем сразу ожил — словно с облегчением осветился факелами. Выбежали стражники. Князь соскочил с коня. Ятвяги не спешивались, крутились у крыльца.

— Кто там был? — спросил князь.

— Пьяный, которым овладели злые духи, — ответил ятвяг.

— Не хватало еще, чтобы по городу бегали убийцы. Ты и ты, зовите боярина Романа. Если не пойдет, ведите силой.

— Приведем.

Анне из тени у забора была видна усмешка ятвяга.

Ятвяги одинаково хлестнули коней, пронеслись совсем близко от Анны и пропали. Значит, там и есть нужный ей закоулок. Она слышала, как топот копыт прервался, раздался резкий высокий голос, который ударился о заборы, покатился обратно к улице, и Анна представила себе, как запершиеся в домах горожане прислушиваются к звукам с улиц. Наступает последняя ночь...

Князь Вячко вошел в терем. Ятвяги соскакивали с седел, вели поить коней.

Анна колебалась — войти в переулок? А вдруг сейчас промчатся обратно ятвяги с Романом? Но Роман мог не вернуться из подземного хода. А если он решит убить Кина?

Пауза затягивалась, и Анна физически ощущала, как сквозь нее сочится минутами время.

Нет, ждать больше нельзя. Она сделала шаг к углу, заглянула в короткий проулок. Ворота были распахнуты. Один из ятвягов стоял снаружи, у ворот, держал коней, второго не было видно.

И тут же в воротах блеснуло пожаром. Шел стражник Романа с факелом. Роман быстро шагал следом. Он спешил. Ятвяги вскочили на коней и охали чуть сзади, словно стерегли пленника. Роман был так бледен, что Анне показалось, что лицо его

фосфоресцирует. Анна отпрянула за угол — человек с факелом прошел рядом. И тут же — глаза Романа — близко, узнающие...

— Магда! Ты ко мне?

— Да, — сказала Анна, прижимаясь к стене.

— Дождался, — сказал Роман, — пришла, голубица.

— Торопись, боярин, — сказал ятвяг. — Князь гневается.

— Йовайла, проводи княжну до моего дома. Она будет ждать меня там. И если хоть один волос упадет с ее головы, тебе не жить... Дождись меня, Магдалена.

Ятвяг дотронулся рукоятью нагайки до спины ученого.

— Мы устали ждать, — сказал он.

Свет факела упал на труп сумасшедшего.

— Магда, я вернусь, — сказал Роман. — Ты дождешься?

— Да, — сказала Анна. — Дождусь.

— Слава Богу, — сказал Роман. Уходя к терему, он обернулся, чтобы убедиться, что стражник подчинился его приказу. Стражник, не оборачиваясь, шел по переулку.

Он крикнул:

— Ворота не закрывайте, меня обратно послали. — И добавил что-то по-литовски. Ворота, готовые уже закрыться, застыли — оттуда выглянуло лицо другого стражника.

«Нет худа без добра, — подумала Анна. — Не надо придумывать, как войти в дом. Он был готов увидеть Магду. И увидел».

24

Литовец проводил Анну до дверей. Два других стражника смотрели на нее равнодушно. В эту ночь их было трудно удивить.

Заскрипели доски дорожки, стражник поднялся к двери, толкнул ее и крикнул внутрь.

Анна ждала. Зарево немного уменьшилось, зато в противоположной стороне небо начало светлеть, хотя в городе было еще совсем темно.

Изнутри донеслись быстрые шаги, и на порог выбежал, ковыляя, шут. Он остановился в двери, вглядываясь.

— Пани Магда? — Он не верил своим глазам.

— Пан Роман сказал мне ждать его.

— Не может быть, — сказал шут. — Ты должна спать. Ты не должна была сюда приходить. Ни в коем случае! Пока ты в тереме, он не убежит, неужели не понимаешь? Ну почему ты не спишь? Ты же выпила зелье? Ах, теперь ты в его руках...

Анна подумала, что о зелье ей, как польской княжне, знать не положено. Но выразить интерес нужно.

— Какое зелье? — спросила она.

— Проходи, княжна, — сказал шут. — Не слушай дурака. Иди, сыро на улице стоять...

Он протянул слишком большую для его роста руку, и Анна послушно взяла ее за сухие пальцы и пошла в горницу.

Люк в подвале был закрыт. До Кина всего несколько шагов.

— Иди сюда, — сказал шут, открывая дверь во внутренние покои. Но Анна остановилась в первой комнате.

— Я подожду здесь, — сказала она.

— Как хочешь. — Шут был удручен. — И зачем ты пришла?.. — повторил он. — Кто разбудил тебя?

— Я пришла сама, — сказала Анна.

— Неужели я ошибся?.. Это же было зелье, от которого сама не проснешься...

«Он дал ей снотворного? Ах ты, интриган!» — чуть не вырвалось у Анны. Вместо этого она улыбнулась и спросила:

— А где же твой хозяин занимается чародейством? Здесь? Или в задней комнате?

Она прошлась по комнате, стуча пятками.

— Разве это так важно? — спросил шут. — Это уже неважно. Ты говоришь по-русски. Но странно. Говор твой чужой.

— Ты забыл, что я воспитана в Кракове?

— Воспитана? Чужое слово, — сказал шут. — Ты говоришь странные слова.

Люк изнутри откинулся.

Шут резко обернулся. Голова отрока появилась в люке.

— Ты чего, Глузд?

— Тот, литвин, бьется... боюсь я его... Погляди, Акиплеша.

— Прирежь его, — спокойно ответил шут.

— Нет! — вырвалось у Анны. — Как можно! — Она сделала шаг к открытому люку. — Как ты смеешь! — Она почти кричала — только бы Кин понял, что она рядом.

Шут ловко встал между люком и Анной.

— Тебе туда нельзя, княжна, — сказал он. — Не велено.

— Эй! — раздался снизу зычный голос Кина. — Развяжи меня, скоморох. Веди к князю. Я слово знаю!

— Знакомый голос, — сказала Магда. — Кто у тебя там?

— Не твое дело, госпожа.

— Раб! — возмутилась княжна. — Смерд! Как ты смеешь мне

перечить! — Анна не боялась сказать какое-нибудь слово, которого в тринадцатом веке не существовало.

Она иностранка и не имела иного образования, кроме домашнего.

И в ее голосе загремели такие княжеские интонации, что шут опешил, а отрок буквально оторопел.

— С дороги! — повелительно сказала Анна. — Посмотрим, что скажет господин Роман, когда узнает о твоем своеволии.

И шут сразу сник. Словно ему стало все равно — увидит Магда пленника или нет...

Анна отстранила отрока и величественно спустилась вниз, в знакомое ей (но не польской княжне) скопление реторт, горшков, тигелей и других примитивных, но впечатляющих сосудов зари химической науки. Сильно воняло серой и кислотой. Кин сидел, прислонившись к стене. Анна подмигнула ему, а Кин, видя, что отрок с шутом задержались наверху, нахмурился и проворчал сквозь зубы:

— Еще чего не хватало!

— Так вот ты где! — возмущенно проговорила княжна, глядя на Кина. — Почему ты связан? Что они с тобой сделали?

— Госпожа, — сообразил Кин, — я плохого не делал. Я пришел к господину Роману от вас, но меня никто не стал слушать.

Анна обернулась. Отрок стоял у лестницы, шут на ступеньках. Они внимательно слушали.

— Do you speak English?[1] — спросила Анна.

— Yes, a little[2], — сказал Кин.

— Нам нужно их убедить, — продолжала Анна по-английски.

— Молодец, — ответил Кин. — Я тебе помогу.

— Развяжи его, — приказала Анна отроку. — Разве ты не видишь, что он мой слуга?

Отрок был послушен.

— Сейчас, госпожа, — сказал он. — Сейчас, но господин...

— Господин сделает все, что я велю.

Отрок оглянулся на шута. Тот спустился в подвал, сел за стол.

— Делай, — мрачно сказал он. — Делай, господин сделает все, что она скажет.

— Где твой возлюбленный? — спросил Кин по-английски.

---

[1]Вы говорите по-английски? *(англ.)*

[2]Да, немного.

— Не смейтесь. Роман с князем. Они обсуждают вопросы обороны.

Кин поднялся, растирая кисти рук.

— Я пошел! Мне надо быть с ним. А тебе лучше вернуться.

— Нет, я останусь. Роман просил меня остаться. Я могу помочь вам, когда вы вернетесь.

— В случае опасности помнишь, что делать?

— Разумеется, — сказала Анна по-русски. — Иди к Роману, береги его. — Затем она обернулась к отроку: — Проводи моего слугу до выхода. Чтобы его не задержали стражники.

Отрок обернулся к шуту. Тот кивнул. Отрок побежал по лестнице за Кином. Шут сказал:

— Thy will releaseth him from the fetters[1].

Анна опешила.

— Вы понимаете этот язык? — спросила она глупо.

— Я бывал в разных краях, княжна, — сказал шут, — с моим господином. Мы, рабы, редко показываем свои знания...

«Надеюсь, — подумала Анна, — что язык двадцатого века так изменился, что он не все понял».

25

— Здесь вы добываете золото? — спросила Анна.

Печь совсем прогорела, лишь под пеплом тлели красные угольки.

— Мой господин, — сказал шут, — делает угодное Богу.

— Верю, верю, — сказала Анна. — А правда, что он изобрел книгопечатание?

— Не ведаю такого слова, госпожа, — сказал шут. Он подошел к тлеющим углям и, наклонившись, стал греть у них свои слишком массивные для хилого тела руки.

— Ты помогаешь господину?

— Когда он позволяет мне. А зачем тебе и твоему человеку мой господин? — спросил карлик.

— Я не поняла тебя.

— Вы говорили на языке, похожем на язык саксов. Твой человек побежал за моим господином.

— Ты боишься за него?

— Я боюсь страха моего господина. И его любви к тебе. Он забывает о других. Это приведет к смерти.

[1]Ты освободишь его от оков *(староангл.)*.

— Чьей смерти?

— Сегодня смерть ждет всех. Когда хватаешься за одно, забываешь о главном.

— Что же главное? — Анна хотела прибавить: раб или дурак, но поняла, что не хочет больше играть в эту игру.

— Главное? — Шут повернулся к ней — единственный его глаз был смертельно печален. — Ты чужая. Ты можешь не понять.

— Я постараюсь.

— Сейчас божьи дворяне пойдут на приступ. И пощады никому не будет. Но если я догадался верно, если боярин Роман ходил наружу, чтобы договориться с божьими дворянами, как спастись и спасти все это... главное пропадает.

— Но ведь остается наука, остается его великое открытие.

— Ты, княжна, из знатных. Ты никогда не голодала, и тебя никогда не пороли, не жгли, не рубили, не измывались... тебе ничего не грозит. Тебя никто не тронет — ни здесь, ни в тереме. А вот все люди, что спят или не спят, тревожатся, стонут, едят, плачут на улицах, — их убьют. А это неважно моему господину. И это неважно тебе — их мука до вас не долетит.

Карлик, освещенный красным светом углей, был страшен.

Вот такими были первые проповедники средневековой справедливости, такие шли на костры в Лангедоке и сражались среди богомилов в Болгарии. Люди, которые поняли, что все достойны жизни... и были бессильны.

— Ты не прав, шут. Я стараюсь понимать. И пришла сюда потому, что думала о другом человеке.

— Этот человек — боярин Роман?

— Нет.

— Все равно — это один человек, такой же, как ты. Но не такой, как я и как смерд Замошья. Даже сейчас в твоих добрых глазах и в твоих добрых речах нет правды. Тебе неведомо, есть ли у меня имя. Потому что имя мне — Мириад и я сгину безымянно со всеми, кому суждено сгинуть этой ночью.

— Как тебя зовут?

— Акиплеша — это тоже кличка. Я забыл свое имя. Но я не раб! Я сделаю то, чего не хочет сделать Роман!

— Но что ты можешь сделать?

— Я уйду подземным ходом, я найду в лесу литвинов, я скажу им: не спите, вставайте, спасите детей Христовых!

— Ты не успеешь, Акиплеша, — сказала Анна.

— Тогда я разрушу все это... все!

— Но это жизнь твоего господина, это его дело.

— Он околдовал тебя, княжна! Кому нужно его дело, мое дело, твое дело, коль скоро изойдут кровью отроки и младенцы, жены и мужи? Но я не могу разрушать...

Шут вскарабкался на стул, ноги на весу, уронил голову на руки, словно заснул. Анна молчала, смотрела на широкую кривую спину шута. Не поднимая головы, он глухо спросил:

— Кто ты, княжна? Ты не та, за кого выдаешь себя.

— Разве это так важно, Акиплеша?

— Рассвет близко. Я знаю людей. Дураки наблюдательные. Мой господин нас предаст, и я не могу остановить его.

— Скажи, Акиплеша, твой господин и в самом деле такой великий чародей? Выше королей церкви и королей светских?

— Слава его будет велика, — сказал шут. — И короли придут к нему на поклон. Иначе я бы не связал с ним мою жизнь.

— А что ты мог сделать?

— Я мог убежать. Я мог уйти к другому хозяину.

— Ты так в самом деле думал?

— Не раз. Но кому нужен хромой урод? Кому я докажу, что во мне такое же сердце, такая же голова, как у знатного?

— Роман это знает?

— Роман это знает. Господь одарил его умом и талантом.

— А тебя?

— Роман знает мне цену.

— И все?

— А что еще? Что еще нужно рабу и уроду?

— Ты ненавидишь его? Ты ревнуешь меня к нему?

Шут откинулся от стола, расхохотался, изуродовав лицо одноглазой гримасой.

— Тебя? К нему? У меня один глаз, этого хватает, чтобы понять, что княжна Магда спокойно спит в тереме. Ты даже не смогла натянуть ее сапожки — у тебя они другие, иноземные, ты не очень осторожна. И голос тебя выдает. И слова. Но не бойся. Роман не догадается. Он видит лишь свою любовь, он ею любуется — ты птица в небе, сладость несказанная, потому ты и нужна ему. Власть над божьим миром он хочет раскинуть и на птах, и на княжну. Он примет тебя за Магду, оттого что хочется ему принять тебя за Магду, тетенька! Он умный, а в приворотное зелье верит.

— А ты вместо приворотного сделал сонное?

— А ты чего хотела? Я не хотел, чтобы она бежала сюда.

И потому сразу тебе изумился. Зелье-то испробованное. Я с ним два раза из оков уходил. Даже из замка Крак.

— Как ты попал туда?

— Известно как — за ворожбу. За глупость.

— Мне странно, что ты раб, — сказала Анна.

— Иногда мне тоже... Господь каждому определил место. Может, так и надо... так и надо.

— Ты опасный раб. Ты не дурак, а притворщик. Ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Нет, я дурак. Но без нас, дураков, умники передохнут от своего ума и от скуки... Вот и они идут...

Роман спустился по лестнице первым.

— Вы почему здесь? — спросил он. — Почему не провел госпожу в мои покои?.. — Он дотронулся до плеча Анны.

Кин и отрок спустились следом. Кин поклонился Магде. Роман кинул на него взгляд и спросил:

— Он вправду с тобой, княжна?

— Он всегда со мной, — сказала Анна твердо. — Я посылала его к тебе, чтобы он берег тебя. И он будет беречь тебя.

— Я счастлив, — сказал Роман. — И все обойдется. Мы сделаем, как нам нужно. Орден уже подступил к стенам.

— Уже? — Шут помрачнел. — Уже приступ?

— Они в ста шагах, и они идут к воротам. Литвы все нет...

— А почему ты пришел сюда? — спросил шут. — У нас с тобой нет здесь огня и мечей. Наше место на стенах... Со всеми.

— Глупо молвишь, — сказал Роман, снова подходя к Анне и беря в ладонь ее пальцы. Ладонь Романа была влажной и горячей.

— Города будут погибать, люди будут умирать, но великое знание остается навсегда. Забудь о мелочах, и не по чину тебе об этом думать, — закончил Роман сухо, будто вспомнив, что шут ему не товарищ, а тля, должная помнить свое место...

Шут, взглянув на Анну, ответил:

— Я свое место знаю, дяденька.

Далекий шум донесся до подвала — нашел путь сквозь заборы, стены и оконца крик многих людей, слившийся в угрожающий рев, ответом которому были разрозненные крики и стон внутри города. Тут же откликнулся колокол на столбах на площади — уныло и часто, будто дрожа, он взывал к милости Божьей.

Все замерли, слушая этот шум. Роман быстро подошел к сундуку в углу комнаты, проверил на нем замок.

— Помоги! — сказал он шуту и нажал на сундук, заталкивая его в глубь подвала.

— Мы убежим? — спросил отрок.

— Нет, — сказал Роман.

— Ты будешь биться? — спросил шут.

— Да-да, — сказал Роман. — Не твое дело... Пойди погляди, как на стенах. Может, твой меч пригодится там?

— Не пойду, — сказал шут.

— Не убегу я, не бойся.

— Я другого боюсь, — сказал шут.

— Чего же? Говори.

— Измены боюсь.

— Дурак и умрешь по-дурацки, — сказал Роман, берясь за рукоять ножа.

— Убьешь меня? — Шут был удивлен.

— Если раб неверен, — сказал Роман, — его убивают.

— Не смейте! — воскликнула Анна. — Как вам не стыдно!

— Стыд... — Шут начал карабкаться по лестнице.

— Ты куда? — спросил Роман.

— Посмотрю, что снаружи, — сказал шут. — Погляжу, держат ли ворота...

Он исчез, и Роман тут же обернулся к Кину, передумал, посмотрел на отрока.

— Иди за ним, — сказал он. — Смотри...

— Чего? — не понял отрок.

— Чтобы он ни к кому из княжьих людей не подошел... К князю не подошел... А впрочем, оставайся. Он не успеет.

Роман был деловит, сух и холоден. Он кинул взгляд на песочные часы. Потом оглядел тех, кто оставался в подвале.

— Княжна Магда, — сказал он, — душа моя, поднимись наверх. Иди в задние покои. И не выходи оттуда. Ни под каким видом. И ты, — сказал он Кину, — смотри, чтобы не вышла.

— Роман, — сказала Анна, — мой человек останется с тобой. Я ему верю больше, чем другим людям.

— Правильно. — Роман улыбнулся. Удивительна была эта добрая, радостная улыбка. — Спасибо. С тобой пойдет Глузд.

— Иди, — сказал Кин. — Боярин прав. Иди, княжна, туда, где безопасно. Больше тебе здесь делать нечего.

Анна поднялась по лестнице первой. Сзади топал отрок. Отрок устал, лицо его осунулось, он был напуган. Шум штурма царил над городом, и, когда голова Анны поднялась над полом, он сразу оглушил, проникнув в окна верхней горницы... И еще

Анна успела увидеть, как метнулся к выходу шут, — оказывается, он никуда не уходил. Он подслушивал. Может, это и к лучшему. Конечно, пора дотронуться до присоски под ухом...

Анна остановилась. Отрок обогнал ее. Шут стоял за притолокой — в темноте. Отрок обернулся и проследил за взглядом Анны. И увидел движение у двери.

Может, он просто испугался. Наверное, он не догадался, что там Акиплеша. Потому что он вдруг молча, как волк, настигающий жертву, кинулся в угол, выставив перед собой нож, — и был он слеп и неудержим. Анна лишь успела беззвучно ахнуть...

Отрок ударился в стену, потому что шут ловко отскочил в сторону. И отрок упал и замер. Шут вытер тонкое лезвие стилета и сказал Анне, словно извиняясь:

— Он мне не чета... я у сарацинов научился.

— Я не могу больше, — сказала Анна. — Я больше не могу...

— Наш век жестокий, — сказал шут. — Наверно, не было еще такого жестокого века. И я жесток, потому что живу здесь... Но я не подл. Понимаешь, я не подл! Я защищаюсь, но не предаю...

Его слова заполняли голубую рассветную комнату и смешивались с шумом битвы...

Он подошел к открытому люку и остановился так, чтобы изнутри его было трудно увидеть...

— Будет ли лучшее время? — спросил он сам у себя, глядя вниз. — Будет ли доброе время или всадники смерти уже скачут по нашей земле?

— Будет, — сказала Анна. — Обязательно должно быть. И ты его увидишь.

Шут не ответил. Анна почувствовала, как напряглись его плечи. Она сделала шаг вперед, заглянув вниз, в подвал. Роман стоял у потайной двери, прислушиваясь. Кин сзади.

— Отойди, — отмахнулся от него Роман.

Кин послушно отошел на несколько шагов.

В дверь кто-то ударил два раза. Потом еще три раза.

— Я так и знал! — прошептал шут. — Я так и знал... Надо было бежать к князю!

Роман отодвинул засов, и тяжелая дверь отворилась.

В дверях стоял рыцарь Фридрих. Кольчуга прикрыта серым плащом, меч обнажен.

Роман отошел в сторону.

Рыцарь Фридрих спросил:

— Все в порядке?

— Да, — сказал Роман. — Скорее. Как там у ворот?

— Скоро падут, — сказал Фридрих. — Скоро...

Он шагнул обратно в темный проход и крикнул что-то по-немецки.

Вдруг шут взвизгнул, как раненое животное, и прыгнул вниз — без лестницы, с двухметровой высоты, и следующим прыжком он был уже у двери, стараясь дотянуться до засова.

Роман первым сообразил, в чем дело, и начал вытаскивать меч, и Анне показалось, что он делает это замедленно, — и шут тоже замедленно оборачивается, так и не успев закрыть дверь, и в руке у него блестит стилет...

— Кин! — отчаянно крикнула Анна. — Не тот! Гений — не тот! Гений — Акиплеша!

Кин обернулся к ней. Глаза сошлись в щелочки. Голос его был тих, но страшен — и не подчиниться нельзя:

— Уходи немедленно.

Анна не могла уйти. Главное сейчас было объяснить Кину...

— Нажми присоску! Ты все погубишь!

И Анна, не понимая даже, что делает, но не в силах ослушаться, поднесла палец к шее...

И в этот момент ее охватила дурнота, и все провалилось, все исчезло, лишь бесконечная бездна времени приняла ее и понесла через темноту, сквозь нелепые и непонятные видения: лава коней неслась на нее сквозь огонь, рвущийся из башен деревянного города, а порочное лицо вельможи с мушкой на щеке, в громоздком напудренном парике покачивалось перед глазами...

Анна стояла в маленькой холодной комнате теткиного дома. Она схватилась за голову, жмурясь от света, и Жюль, склонившийся над пультом, крикнул ей, не оборачиваясь:

— Шаг в сторону! Выйди из поля!

Анна послушно шагнула — голова кружилась, она увидела перед глазами шар — как окно в подвал.

Маленький, слишком маленький в шаре шут боролся с Романом, и рука его, зажатая в тисках Романовой руки, дергалась, сжимая стилет. Роман старался свободной рукой достать свой меч и кричал что-то, но Анна не слышала слов.

— Не тот! — сказала она, продолжая спор с Кином.

Шут извернулся, и Анна увидела, как стилет исчез в боку боярина Романа и тот начал оседать, не отпуская шута. В подвал влезали один за другим немецкие ратники. Рыцарь Фридрих поднял свой меч... И мелькнул тенью Кин...

И в тот же момент из шара исчезли двое: Кин и шут.

Меч рыцаря Фридриха разрубил воздух. И, отбросив меч, рыцарь опустился на колени над телом Романа, сделав знак ратникам, чтобы они бежали наверх. Ратники один за другим начали подниматься по лестнице — шустро и ловко...

Шар погас.

— Все, — сказал Жюль.

— Они где? — спросила Анна.

— Они прошли сквозь нас. Они уже там, дома... Ты не представляешь, как я устал.

— Я тоже устала, — сказала Анна. — Но все хорошо кончилось?

— Спасибо, — сказал Жюль. — Без тебя бы не вылезти.

— Не стоит благодарности, — сказала Анна.

Ей было очень грустно.

— Ты уверен, что это был шут Акиплеша?

— Ты же видела, — сказал Жюль. Он поднял пульт и положил его в открытый чемодан.

— Они добрались до места? Ты уверен?

— Разумеется, — сказал Жюль. — Что с ними может случиться?

26

Анна проснулась, когда солнце уже склонялось к закату. В комнате было жарко, над забытой чашкой со сладким кофе кружились осы. В комнате стоял дед Геннадий.

— Прости, — сказал он. — Я уж стучал, стучал, дверь открыта, а ты не отзываешься. У нас в деревне не то что в городе — у нас проще. Дверь открыта, я и зашел.

— Ничего, — сказала Анна, опуская ноги с дивана.

Она заснула одетой. Зашуршала ткань.

Анна бросила взгляд на себя — еще бы, она же так и осталась в платье польской княжны Магдалены, родственницы короля Лешко Белого, родом из стольного города Кракова.

— Это в Москве так носят? — спросил дед Геннадий.

Анне показалось, что он посмеивается над ней. Она уже все вспомнила и, встав, выглянула в прихожую. Там было пусто и чисто. Дверь в холодную горницу распахнута настежь. Там тоже все пусто. И кровать застелена.

Дед Геннадий шел за Анной в двух шагах.

— Уехали, значит? — сказал он.

— Уехали, — сказала Анна.

— А я тебе на память принес, — сказал дед. — Из музея.

Он вытащил из глубокого кармана плаща медную голову льва с кольцом в пасти.

— Я еще достану, ты не беспокойся.

— Спасибо, дедушка, — сказала Анна. — Они в самом деле были из будущего?

— Кто? Реставраторы? Были бы люди хорошие.

Анна вернулась в большую комнату. За открытым окном виден был крутой холм. У ручья паслась гнедая кобыла Клеопатра.

— Грехи наши тяжкие, — сказал дед. — Спешим, суетимся, путешествуем бог знает куда. Да, я тебе молочка принес. Парного. Будешь пить?

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

1

За долгие годы Сергей Андреевич Ржевский привык не замечать здание института и окружавшие его дома. Но в тот понедельник машина за ним не пришла. Ржевский добирался до работы автобусом и увидел, что начали ломать барачный поселок, тянувшийся от автобусной остановки.

Поселку было лет пятьдесят, его построили в тридцатые годы. Между двухэтажными желтыми бараками выросли высокие тополя. Сергей Андреевич понял, что бараки ломают, когда вместо первого из них оказался светлый проем в деревьях, за ним, как в раме, из которой вытащили привычную картину, тянулся еще не застроенный пустырь до самого горизонта, до белых зубцов нового района.

У следующего барака стоял экскаватор с чугунным шаром вместо ковша. Железо с крыши сняли, и оно лежало сбоку неровной кипой листов тускло-зеленого цвета.

У третьего барака Ржевский остановился. Когда-то он прожил здесь полгода, устроившись на работу в институт. Снимал комнату на втором этаже.

Барак был пуст, входная дверь приоткрыта, можно войти, но Сергей Андреевич отогнал внезапное желание оказаться в той комнате, подойти к окну на улицу и постоять у него, как стоял и ждал когда-то.

Ржевский посмотрел на часы, словно искал оправдание поспешному уходу. Часы показывали десять минут десятого. Сергей Андреевич прошел еще сотню метров и увидел свой институт — серое четырехэтажное здание с большими квадратными окнами и несоразмерно маленькой дверью. Когда институт построили, Москва еще не добралась до этих мест. А потом город обошел его языками домов, институт вошел в пределы Москвы, но вместе с барачным поселком остался заводью в высоких берегах новостроек.

«Надо делать ремонт, — подумал Ржевский, глядя на осыпавшуюся на втором этаже штукатурку. — Сейчас вызову Алевича. Неужели ему самому не стыдно?»

2

В коридоре было пусто, все уже разошлись по отделам и лабораториям. В узком предбаннике перед кабинетом Ржевского тоже было пусто. На столе секретарши записка:

«СА! Я в месткоме. Обсуждаем итоги пионерлагеря. Лена».

Рядом несколько конвертов официального вида — приглашения. Новый английский журнал. Автореферат, из Ленинграда.

Настроение было испорчено. Ржевский искал причину, не желая признаться себе, что виноваты бараки. Что он хотел сделать? Вызвать Алевича? Нет, сначала надо просмотреть почту...

За приоткрытой дверью в кабинете послышался шорох. Потом легкий скрип. Кто-то открывал средний ящик его письменного стола. Этого еще не хватало!

Ржевский сделал было шаг к кабинету. И вдруг остановился. Ему стало страшно.

Страх был иррационален. Директор института боялся войти в собственный кабинет. Ржевский стоял и слушал. И ему хотелось, чтобы из кабинета вышла Лена и сказала: «А я у вас на столе прибрала». Но в кабинете было темно, шторы задвинуты. Лена первым делом открыла бы шторы.

— Кто здесь? — спросил Ржевский от двери. Голос сорвался. Пришлось откашляться.

Тот, кто таился в полутьме, не хотел отвечать. Молчал, затаился.

Надо войти и зажечь свет. Но свет в кабинете зажигается очень неудобно. Надо сделать два шага в сторону, по правой стене. Там выключатель. От двери не дотянешься. Зачем повесили такие плотные шторы? Кино, что ли, здесь показывать?

В кабинете не совсем темно. Глаза различили стол буквой Т. Шкафы по стенам... Ржевский шагнул в кабинет и, прижимаясь спиной к стене, двинулся к выключателю. Уже протягивая к нему руку, разглядел за письменным столом темную фигуру. И понял, что у фигуры нет лица. То есть лицо было темным, как туловище, как руки... Темная голова шевельнулась, следя за Ржевским, и отраженным от двери светом блеснули маленькие глаза.

И тут громадное темное тело, словно подброшенное пружиной, взлетело в воздух и метнулось к Ржевскому. Он не сообразил, некогда было соображать, что тело несется к двери. И сам бросился туда же.

Успел к двери в тот момент, когда ее достигло и черное существо. Отлетел в сторону, ударился о стол, все закружилось, обрушилось в пропасть... На несколько секунд он потерял сознание. Очнулся от боли в спине и в ноге. И от страшного вопля, визга в коридоре. От топота. От криков. Он понял, что сидит на полу, прислонившись спиной к столу секретарши.

3

Алевич прибежал первым, помог директору подняться, хотел вызвать «Скорую помощь», но Ржевский велел отвести его в кабинет.

Алевич открыл шторы, поднял опрокинутое кресло. Он сокрушенно качал головой и повторял:

— Надо же! Вы только подумайте.

Сергей Андреевич молчал. Он сел в кресло, заглянул в полуоткрытый ящик стола, вытащил оттуда смятую красную бумажку, расправил, положил на стол. И вдруг улыбнулся. Улыбка получилась растерянной, даже глупой.

— Как же я не сообразил, — сказал он.

— Клетка оказалась легкомысленно открытой, — объяснил Алевич, сидя на корточках и собирая бумаги, улетевшие со стола. — Может, дефект замка? Гурина клянется, что вчера запирала.

— А сегодня утром она заходила в виварий? — Ржевский сложил красную бумажку вдвое, потом вчетверо, провел ногтем по сгибу, подкинул фантик ладонью.

— Сегодня утром?.. Мы сейчас ее вызовем.

— Не надо. Я сам туда спущусь.

— Может, все-таки вызовем врача?

— Ничего не случилось, — сказал Ржевский. — Немного ушибся. И все. Надо было мне раньше догадаться. Струсил.

— Бывает, — сказал Алевич, — даже с директорами.

Он подошел к двери на два шага сзади Ржевского, в дверях обернулся, глазом смерил расстояние до письменного стола, покачал головой:

— Надо же так сигануть!

4

Оба шимпанзе жили на первом этаже, в большой комнате, разделенной пополам толстой редкой решеткой, отдельно от собак, которые ютились в подвале и устраивали иногда шумные концерты, будто оплакивали свою подопытную судьбу.

Глаза у Гуриной были мокрыми.

— Я запирала, — сказала она. — Я проверила, перед уходом проверила.

Шимпанзе были очень похожи. Только у Джона, матерого самца, морда уже потеряла лукавство и озорную подвижность. Он спокойно чесал живот, чуть прищурив глаза, кивнул солидно Ржевскому и ничего просить не стал — знал, что у этого человека не допросишься. Захочет, сам даст. Лев — живее. Лев сморщил лицо, удивительно похожее на отцовское. У обезьян разные лица, как у людей, — если общаться с ними, никогда не спутаешь. Лев вытянул губы вперед. Лев был собой доволен.

— Ну как же ты, чуть директора не убил, — сказал ему укоризненно Алевич.

— Это чья клетка? — спросил Ржевский.

— Как так чья? — не поняла Гурина.

— Лев сидит в своей клетке?

— Конечно, в своей, — сказала Гурина.

— Ошибка, — поправил ее Алевич. — Мы его сюда только на той неделе перевели. Поменяли клетки.

— Правильно, — сказал Ржевский. — Тогда все понятно.

— Что? — Гурина была очень хороша непорочной, розовой красотой с какой-то немецкой рождественской открытки. Только вот глаза мокрые.

Ржевский подошел к клетке и сунул руку внутрь. Лев протянул лапу и дотронулся указательным пальцем до руки Ржевского.

— Осторожнее, — прошептала Гурина.

— Не беспокойтесь, Светлана, — ответил Ржевский. — Мы с ним давно знакомы. Уже пятый год.

Гурина не стала спорить. Не посмела. Лев появился в виварии три недели назад. До этого Ржевский видеть его не мог. Но возражать было бессмысленно — директор знал, что говорил. Если, конечно, не произошло мозговой травмы.

— Покажи-ка, Лев, — велел Ржевский, — как открывается этот замок.

Джон заволновался в своей клетке, заворчал, был недоволен.

— Ну, чего же, — настаивал Ржевский. — Мы же знаем этот маленький секрет.

Лев наклонил голову набок. Он все понимал. Потом знакомым, джоновским движением почесал себе живот.

— Ты уже съел, — сказал Ржевский. — Нечестно дважды получать награду. Ты съел без разрешения.

Он вынул из кармана красный фантик, показал Льву. Джона это привело в ярость. Он тряс решетку, пытался добраться до сына, чтобы наказать его за самовольство.

Лев лениво протянул лапу, длинными пальцами пошевелил замок, чуть приподнял его. Замок щелкнул и открылся.

— Вот и весь секрет, — сказал Ржевский. — Спасибо за демонстрацию, Лев.

— Даже я не знала, честное слово, не знала, — сказала Гурина.

— Правильно. Не знали. Знали только Джон и я. Но Джон не пользовался знанием без нужды. Он у нас солидный мужчина.

Солидный мужчина продолжал сердиться. У него были желтые страшные клыки, и в гневе он закатывал глаза, так что видны были только белки.

— Замок сменим, — заверил Ржевского Алевич. — Я сейчас же слесаря позову. Но какой мерзавец, а? Найти дорогу к вам в кабинет. Какая сообразительность!

— Спасибо, Лев, — сказал Ржевский, — спасибо, молодец.

5

В кабинете Ржевский подошел к окну. Из окна были видны купы деревьев и среди них равномерный пунктир темно-зеленых крыш бараков. В конце этой плотной зеленой полосы, у шоссе, вместо последних крыш был провал.

Тогда было трудно с деньгами, вернее, денег у них совсем не было. А соседка Эльзы уезжала куда-то, кажется, в Саранск. Она продала им тахту за сто рублей старыми деньгами. Это было дешево. Они тащили тахту через полгорода, Виктор все чаще останавливался, чтобы отдохнуть, садился на тахту прямо на тротуаре, люди проходили мимо, оглядывались, некоторые шутили, Виктору это нравилось. Лиза стеснялась, отходила в сторону, Эльза топталась над Виктором, требовала, чтобы он вставал, шел, — всего этого Виктор не терпел, он ласково улыбался, мягко двигал руками, стряхивал со лба капли пота. Он всегда быстро уставал, физически и умственно. «Еще минутку, — говорил он, — одну сигарету и в путь». Ножек у тахты не было, на свалке рядом с бараком нашли кирпичи и подложили. Поэтому тахту

звали печкой. Лиза была счастлива. Она воспринимала тахту как символ будущего дома, хозяйства, даже вечности...

Шаги Эльзы нервно и даже возмущенно простучали сквозь «предбанник», выбили короткую дробь в кабинете. Замерли. Ржевский не обернулся.

— Сергей! Что это значит?

— Ничего не значит.

Он отошел к столу. Эльза на удивление молодо выглядит. В плотно лежащих, прижатых к черепу черных волосах, разделенных на прямой пробор, совсем нет седины. Вот он, Ржевский, уже стал пегим, а ее на первый взгляд можно принять за девушку. Если бы она не прыгала на вечеринках, задирая короткие ноги, не бросалась бы к пианино, чтобы бурно, ученически сыграть Шопена, соскользнуть с Шопена на популярный шлягер, если бы она не старалась так казаться молодой, было бы лучше.

— Сережа, скажи честно, ты пострадал?

«Господи, — подумал Ржевский, — я все равно остаюсь ее собственностью. Она весь мир делит на собственных и чужих. Собственным хуже. К ним требования выше. Надо соответствовать ожиданиям. И не дай бог покинуть свою полочку и нарушить законы Эльзиной любви. Лучше быть чужим». Эльза была из того прошлого, о котором Ржевский не любил вспоминать, о котором он забыл. И вот надо же было ей отыскать его через столько лет. И все время чего-то просить. По-приятельски. По старой памяти.

— Спасибо за заботу, Эльза, — сказал Ржевский. — Все хорошо.

— Как может быть хорошо, если по институту бегают звери? Ты от меня что-то скрываешь?

— Ничего не случилось, — повторил Ржевский. Он подошел к письменному столу и наклонился, разглядывая ящик. Никаких следов ногтей, никаких царапин. Шимпанзе знал, как открывать стол. — Кстати, ты не помнишь, в каком бараке мы с Лизой жили, в третьем или четвертом?

— В бараке?

— Ну тогда, двадцать пять лет назад. Мы же снимали там комнату. Теперь их начали сносить.

— Не помню, — быстро ответила Эльза. — Это было давно. Может, вызвать врача?

— А ты всегда хвасталась фотографической памятью, — сказал Ржевский. — Мне бы твою память, я бы давно стал академиком.

— Ты и так станешь, — сказала Эльза уверенно. — Если тебя в следующий раз не сожрет тигр. Все-таки расскажи мне, как это произошло.

Ржевскому почему-то не хотелось рассказывать Эльзе об утреннем переполохе. К тому же заведующей институтской библиотекой совсем не обязательно знать обо всем.

— Как у тебя дома? — спросил он. — Как Виктор?

Эльза отмахнулась.

— Мама как? Ниночка?

— Да, кстати, я еще вчера хотела к тебе зайти по этому поводу, — сказала Эльза. — Ниночке поступать в институт.

— Да, знаю, — сказал Ржевский.

Летом Нина поступала на биофак, и безуспешно. Ни пробивная сила Эльзы, ни помощь Ржевского, которого, конечно же, заставили звонить на самый верх, не помогли. Теперь Нина пережидала год, работала в библиотеке у матери.

— Я хотела тебя попросить — переведи ее в какую-нибудь лабораторию. Ей будет легче поступить. Ты же обещал, когда освободится место. Кадровик сказал, мы набираем лаборантов.

— Хорошо, — сказал Ржевский, подвигая к себе папку с почтой. Может, Эльза догадается, уйдет?

Эльза подошла к окну.

— В самом деле, сносят бараки, — сказала она. — Я и не заметила. Быстро идет время. Ты совсем седой. Тебе надо отдохнуть.

Ржевский поднял голову, встретился с ее взглядом. Взгляд и голос требовали ответной теплоты. Но ее не было. Что будешь делать.

6

Эльза открыла поцарапанную бурую дверь, ступила в полутьму коридора. Давно надо бы повесить новую лампу, на той неделе чуть не купила, но сумка была тяжелая, отложила до лучших времен. Паркетины знакомо заскрипели, когда Эльза вешала плащ. Виктора, конечно, нет дома, придет навеселе.

Эльза прошла на кухню, бросила сумку с продуктами на стол рядом с посудой, оставшейся после завтрака. Виктор обещал помыть. Конечно, никто не почесался, чтобы привести кухню в порядок. Хлеб засох, ломтики сыра свернулись, ощетинились сухими краями. Ну, ломают бараки, и бог с ними, почему она

должна думать об этих бараках? Эльза зажгла газ, налила в кастрюлю воды, достала вермишель.

— Кисочка, — раздался голос сзади, — я без тебя изголодался.

— Ты дома? — Эльза не обернулась. — Я думала, на футболе.

— Хлеб я купил. Два батона. Один я съел, кисочка.

За последние годы Виктор расползся и размяк. Эльзе казалось, что стулья начинают скрипеть за секунду до того, как он на них садится.

— На Сергея обезьяна напала, — сказала Эльза.

— Они у вас бегают по институту? — спросил Виктор, придерживая открытую дверцу холодильника, чтобы посмотреть, нет ли еще чего-нибудь съедобного. — Ты за Ниночку не боишься?

— Молодой шимпанзе вышел из клетки, пробрался в кабинет Сергея и стал шуровать в его письменном столе.

— Не может быть! — Виктор отыскал в холодильнике кусок колбасы и быстро сунул его в рот. «Как ребенок, толстый, избалованный, неумный», — подумала Эльза.

— Этой обезьяне всего две недели от роду, — сказала Эльза. — Ты все забыл.

— А, опять его опыты... Я сегодня жутко проголодался. В буфете у нас ничего сытного.

— Теперь его не остановить, — сказала Эльза. — Он примется за людей.

— Ты в самом деле хочешь его остановить? — спросил Виктор.

— Он изменился к худшему, — сказала Эльза. — Ради своего тщеславия он ни перед чем не остановится.

— Ты преувеличиваешь, кисочка, — вздохнул Виктор. — У нас не осталось выпить чего-нибудь?

— Не осталось. Человечество еще не готово к такому шагу.

— Не готово? — повторил Виктор. — Значит, надо написать куда следует. Написать, что не готово.

— Нельзя, — сказала Эльза. — Уже писали. Он всех обаял.

— Надо было побольше писать, — убежденно сказал Виктор. — Тогда на всякий случай прислали бы комиссию.

Хлопнула дверь, прибежала Нина. Нина всегда бегала, так и не научилась за восемнадцать лет ходить, как все люди.

— Я сыта, — сказала она от дверей кухни, не здороваясь.

Нина не любила есть дома. Она вообще старалась не есть, она боялась растолстеть.

— Я все устроила, — сказала Эльза. — С понедельника тебя переводят в лабораторию.

7

Ржевский кончил говорить.

Они смотрели на него. Шестнадцать человек, которые имеют право сказать «да». Или отказать в деньгах. Или отложить исследования. Остапенко убежден, что все обойдется. Из окна кабинета отличный вид. Москва-река, трамплин на Ленинских горах, дальше — стадион. Вечернее солнце золотит лысины и серебристый пух над ушами. Чего же они молчат?

Остапенко постучал по столу концом карандаша.

— Вопросы? — сказал он.

— А как дела у наших коллег? — спросил крепкий широкий мужчина в цветном галстуке. Он буквально убивал себя этим галстуком — остальное пропадало в тени. — Что делают в Штатах?

Ржевский вновь поднялся. Этот вопрос полезен.

— Мы полагаем, — сказал он, — что японцы уже близки к успеху. С американцами сложнее. В прошлом году была публикация — с собаками им удалось.

— Джексон? — спросил Семанский с далекого конца стола.

— Джексон и Хеджес, — ответил Ржевский. — Потом замолчали.

— Ясно, — сказал мужчина в ярком галстуке. Почему-то Ржевский никогда раньше его не видел. — Значит, на пороге?

— Сегодня трудно допустить, чтобы целое направление в биологии было монополией одной страны. Мы все едем по параллельным рельсам.

— Голубчик, — раздался голос сбоку. Ржевский обернулся и не сразу разглядел говорившего — солнце било в глаза. Голос был скрипучим, древним. — Значит, вы предлагаете заменить собой господа бога?

Ага, это Человеков, бывший директор ИГК. Великий консультант и знаменитый тамада на докторских банкетах.

— Если нам выделят средства, то мы постараемся выступить коллективным богом.

Не этих вопросов Ржевский опасался.

— Удивительно, — сказал Человеков. — И во сколько нам обойдется ваш гомункулус?

— Ржевский знакомил нас с цифрами, — сказал Остапенко. — Хотя, разумеется, он в них не уложится.

— Вы думаете, что Пентагон засекретил? — спросил человек в ярком галстуке.

— Я ничего не думаю, — сказал Ржевский. — Хотя убежден, что делать людей дешевле ортодоксальным путем.

Кто-то засмеялся.

— Перспективы соблазнительны, — сказал секретарь отделения. — Именно перспективы. Когда-нибудь мы научимся делать это в массовом порядке.

— Не думаю, что в ближайшем будущем, — сказал Ржевский.

— Первая атомная бомба тоже дорого стоила, — сказал Сидоров. Сидоров был против методики Ржевского. Его фирма работала над близкими проблемами, но, насколько Сергей знал, они зашли в тупик. — Меня смущает другое — неоправданный риск. Кто-то здесь произнес слово «гомункулус». И хоть литературные аналогии могут показаться поверхностными, я бы сказал больше — чудовище Франкенштейна. Где гарантия, что вы не создадите дебила? Монстра?

— Методика отработана, — сказал Ржевский.

— Я вас не перебивал, Сергей Андреевич. Между опытами над животными и экспериментами над человеком лежит пропасть, и каждый из нас об этом отлично знает.

— Что предлагаете? — спросил Остапенко.

— Создать комиссию авторитетную, которая ознакомится с результатами работы института...

— Я в январе возглавлял уже такую комиссию, — сказал Семанский.

— Тогда вопрос об опыте над человеком не ставился.

— Ставился. Это было конечной целью.

— Считайте меня скептиком.

— А если американцы вправду сделают? — спросил человек в ярком галстуке.

— Ну и бог с ними! — взвился Сидоров. — Вы боитесь, что там тоже есть... недальновидные люди, которые захотят выкинуть несколько миллионов долларов на жалкое подобие человека?

«Началось», — подумал Ржевский.

— Я понял, — вмешался Айрапетян, отчеканивая слова, словно заворачивая каждое в хрустящую бумажку, — профессора Ржевского иначе. Мне показалось, что наиболее интересный аспект его работы — в ином.

Остапенко кивнул. Ржевский подумал, что они с Айрапетяном обсуждали все это раньше.

— Клонирование — давно не секрет, — сказал Айрапетян. — Опыты проводились и проводятся.

— Но вырастить в колбе взрослого человека, сразу... — сказал Человеков.

— И это не новость, — сказал Сидоров.

— Не новость, — согласился Айрапетян. — Удавалось. С одним минусом. Особь, выращенная ин витро, была «маугли».

Остапенко снова кивнул.

— Маугли? — Человек в ярком галстуке нахмурился.

— В истории человечества, — начал Айрапетян размеренно, как учитель, — бывали случаи, когда детей подбирали и выращивали звери. Если ребенка находили, то он уже не возвращался в люди. Он оставался неполноценным. Мы — общественные животные. Взрослая особь, выращенная ин витро, — младенец. Мозг его пуст. И учить его поздно.

— Вот именно, — сказал Сидоров. — И нет доказательств...

— Простите, — сказал Айрапетян. — Я закончу. Достижение Сергея Андреевича и его сотрудников в том, что они могут передать клону память генетического отца. Поэтому мы здесь и собрались.

«Они же все это слышали, — подумал Ржевский. — Но существуют какие-то шторки в мозгу. Сито, которое пропустило самое главное».

— Подтвердите, Сергей Андреевич, — попросил Айрапетян.

Ржевский поднялся. Река казалась золотой. По ней полз розовый речной трамвайчик.

— На опытах с животными мы убедились, — сказал Ржевский, — что новая особь наследует не только физические характеристики донора, но и его память, его жизненный опыт.

— К какому моменту? — спросил Человеков.

— К моменту, когда клетка экстрагирована из организма донора.

— Конкретнее, — попросил Остапенко.

— Мы выращиваем особь до завершения физического развития организма. Для человека этот возраст — примерно двадцать лет. Если донору, скажем, было пятьдесят лет, то все знания, весь жизненный опыт, который он накопил за эти годы, переходят к его «сыну». Я думал, это понятно из моего сообщения.

— Понятно, — сказал Османский. — Понятно, но невероятно.

— Ничего невероятного, — возразил Айрапетян.

— Все без исключения животные, выращенные по нашей методике, — сказал Ржевский, — унаследовали память своих доноров. Кстати, три дня назад ко мне забрался шимпанзе, которому от роду две недели. Но он не только знал, как открыть за-

мок клетки, но и помнил путь по институту до моего кабинета и даже знал, стервец, где у меня в письменном столе лежат конфеты. На самом же деле знал не он, а его генетический отец.

— Он ничего не поломал? — спросил Сидоров.

«Наверняка у него свой человек в моем институте, — подумал Ржевский. — Донесли, как я опозорился».

— Ничего, — ответил он. — Испугался я, правда, до смерти. Вхожу в кабинет, думаю: кто же это сидит за моим столом?

Остапенко постучал карандашом по столу, усмиряя смех.

— Если ваш гомункулус решит погулять по институту, это может кончиться совсем не так смешно.

— Надеюсь с ним договориться, — сказал Ржевский.

— Нет никаких гарантий, — настаивал Сидоров, — что разум гомункулуса будет человеческим. Нормальным.

— Пока что с животными все было нормально.

— Да погодите вы! — вдруг закричал Человеков. Острый кадык ходил под дряблой кожей. — Нам предлагают новый шаг в эволюции человека, а мы спорим по пустякам. Неужели не понятно, что в случае удачи человечество станет бессмертным? Мы все можем стать бессмертными — и я, и вы, и любой... Индивидуальная смерть, смерть тела перестанет быть смертью духа, смертью идеи, смертью личности! Если понадобится, я отдам вам, Ржевский, мою пенсию. Я не шучу, не улыбайтесь.

Ржевский знал Человекова давно, не близко, но знал. И даже знал обоих его сыновей — Человеков запихивал их в институты, спасал, отводил от этих пожилых балбесов дамокловы мечи и справедливые молнии...

— Спасибо, — сказал Ржевский без улыбки.

— Всю жизнь я накапливал в себе знания, как Скупой рыцарь, набивал свою черепушку фактами и теориями, наблюдениями и сомнительными гипотезами. И знал, что с моей смертью пойдет прахом, сгорит этот большой и бестолковый склад, к которому я даже описи не имею... — Человеков постучал себя по виску согнутым пальцем. — И вот сейчас пришел человек, вроде бы не шарлатан, который говорит, что ключи от моего склада можно передать другому, который пойдет дальше, когда я остановлюсь. Вы не шарлатан, Ржевский?

— В этом меня пока что никто не обвинял, — сказал Ржевский и заметил, как шевельнулись губы Сидорова, но Сидоров промолчал. Сидоров не верил, но уже понимал, что пожилые люди, собравшиеся в этом кабинете, согласятся дать Ржевскому тринадцать миллионов и еще миллион в валюте.

«А вдруг я шарлатан? — подумал Ржевский. — Вдруг то, что получалось с собаками и шимпанзе, не получится с человеком? Ладно, не получится у меня, получится у кого-то потом, завтра».

— Я не предлагаю своей клетки, — сказал Человеков, — особенно сейчас, когда столь многое зависит от первого опыта. От первого гомо футуриса. Мой мозг уже сильно изъеден склерозом. А жаль, что я не услышал вас, Ржевский, хотя бы десять лет назад. Я бы настоял, чтобы мне сделали сына. Мы бы славно поработали вместе...

— Кстати, — сказал Семанский, когда Человеков устало опустил в кресло свое громоздкое обвисшее тело, — вы задумывались о первом доноре?

— Да, — ответил Ржевский. — Клетку возьмем у меня.

— Почему? — воскликнул вдруг человек в ярком галстуке. — Какие у вас основания? Этот вопрос следует решать на ином уровне.

— Не надо его решать, — сказал Айрапетян. — По-моему, все ясно. Кто, как не руководитель экспериментов, может лучше проводить наблюдения над самим собой... в возрасте двадцати лет?

8

С понедельника Ниночка была в лаборатории, но совсем не в той роли, к которой себя готовила. Она ездила. Каждый день куда-то ездила, с бумагами или без бумаг. С Алевичем или без него, на машине или на автобусе. Получала, оформляла и тащила в институт. Будто Ржевский готовился к осаде и запасался всем, что может пригодиться.

Директорская лаборатория занимала половину первого этажа и выходила окнами в небольшой парк. Деревья еще были зелеными, но листья начали падать. В парке жила пара ручных белок. Во внутренних помещениях лаборатории, за металлической толстой дверью с иллюминатором Нина была только один раз, на субботнике, когда они скребли стены и пол без того чистых, хоть и загроможденных аппаратурой комнат. Даже электрик Гриша входил туда только в халате и пластиковых бахилах. Ничего там интересного не было: первая комната с приборами, вторая от нее направо — инкубатор, там ванны с биологическим раствором. Одна чуть поменьше, в ней выращивали шимпанзе, а вторая — новая, ее еще не кончили монтировать, когда в третью комнату, лазарет, перешел сам Ржевский.

Ржевским занимались два врача — один свой, Волков, рыжий, маленький, с большими губами, всегда улыбается и лезет со своими шоколадками, второй — незнакомый, из института Циннельмана.

Какое-то нервное поле окутало институт. Даже техники и слесари, которые раньше часто сидели за кустами в парке и подолгу курили, а то и выпивали, перестали бубнить под окном. Навесили на себя серьезные физиономии, двигались деловито и даже сердито.

Мать раза два забегала вниз, будто бы повидать Ниночку. Косилась на металлическую дверь и говорила громким шепотом, а Нине было неловко перед другими лаборантками. Мать здесь была лишней, ее присутствие сразу отделяло Ниночку от остальных и превращало в ребенка, устроенного по знакомству.

Вечером дома шли бесконечные разговоры о Ржевском и его работе. Они шли кругами, с малыми вариациями. Ниночка заранее знала все, что будет сказано, она пряталась в своей комнате и старалась заниматься. Но было слышно.

Хлопает дверь холодильника — отец что-то достает оттуда.

— Что ты делаешь! — возмущается мама. — Через полчаса будем ужинать.

— Я поужинаю еще раз, — отвечает отец. — Так будешь останавливать Ржевского?

— Если у него получится, он наверняка схлопочет государственную премию. Почти гарантия. Мне Алевич говорил, — слышен голос матери.

— Лучше бы уж он на тебе женился, и дело с концом, — говорил отец.

— Я этого не хотела!

— Правильно, кисочка, я всегда был твоим идеалом.

— Ах, оставь свои глупости!

Тут Нина поднимается с дивана, откладывает математику и идет поближе к двери. Она так и не знает толком, что же произошло много лет назад. Что-то произошло, связывающее и по сей день всех этих людей. Она знает, что Ржевский предал маму и убил бедную Лизу. Ниночка привыкла за много лет к тому, что Ржевский предатель и неблагодарный человек. Раньше это ее не касалось. Ржевский никогда не приходил к ним домой. И в то же время знакомство с ним позволяет не без гордыни говорить знакомым: «Сережка Ржевский, наш старый друг...» А потом мама пристроила ее в библиотеку, и она увидела Ржевского, который оказался совсем не похож на предателя, — образ предателя склады-

дывался у нее под влиянием телевизора, а там предателей обычно играют одни и те же актеры. Ржевский был сухим, подтянутым, стройным человеком с красным лицом, голубыми глазами и пегими, плохо подстриженными волосами. На круглом подбородке был белый шрам, а руки оказались маленькими. Ржевский здоровался с ней рассеянно, словно каждый раз с трудом вспоминал, где он с ней встречался. Потом он улыбался, почти робко, наверное, помня, как много плохого Ниночка должна о нем знать. Ниночка была готова влюбиться в Ржевского, в злодея, который нес в себе тайну. Правда, Ржевский был очень старым. За сорок.

А из-за двери льются голоса родителей.

— Знаешь, а бараки сносят, — говорит мать.

— Какие бараки?

— Где он с Лизеттой жил.

9

Ржевский вывел очередную комиссию из лаборатории. Посидели еще немного в кабинете. Леночка принесла кофе с коржиками. Говорили о каких-то пустяках — Струмилов обратил внимание, что на первом этаже нет решеток. Алевич воспользовался случаем и стал просить денег на ремонт, фасад никуда не годится, паркет буквально рассыпается. А если иностранные делегации? «Не спешите с иностранными делегациями», — сказал Остапенко. Хруцкий спросил о конгрессе в Брно, кого бы послать. Ржевский пил кофе, разговаривал с начальством, делая вид, что принадлежит к той же категории людей, а мысленно представлял, как идет деление первых клеток. Прямо видел, словно в поле микроскопа, как шевелятся, переливаются клетки. Главное, чтобы успели подготовить перенос...

Потом он сидел допоздна во внутренней лаборатории. Внизу лаяли собаки, потом раздался звон. Ржевский понял, что обезьяны скучают, зовут людей — кружкой о прутья клетки.

Во внутренней лаборатории было хирургически светло. Дежурный Коля Миленков, чтобы не мешать директору, делал вид, что читает английский детектив. Он считал директора гением и потому был счастлив.

Ржевский пошел домой пешком. Он остановился возле барака, дверь была открыта. Ржевский вошел внутрь. Пахло пылью и давнишним человеческим жильем. Света не было, свет давно отключили. Ржевский зажег было спичку и понял, что это лиш-

нее — он отлично помнил, сколько ступенек на лестнице. Он поднялся на второй этаж, и было странное ощущение, что поднимается он не в пустоту заброшенного барака, а к себе, где за дверью должна стоять, прислушиваясь к его шагам, Лиза. Откроет, смотрит и молчит. Он устало протянет ей сумку с продуктами или портфель, чтобы поставила на столик в маленькой прихожей, и скажет: «Не сердись, Лиз, сидел в библиотеке, опоздал на электричку». Катька, спящая на топчанчике, который он сколотил сам не очень красиво, но крепко, застонет во сне, и Лиза скажет с виноватой улыбкой: «Котлеты совсем остыли, я их два раза подогревала».

Дверь была не заперта. За окном висела луна, на полу валялись старые журналы. Больше ничего. Ни одной вещи из прошлого. И обои другие.

Ржевский подошел к окну. Если ночью не спалось, он вылезал из-под одеяла и шел к окну, открывал его и курил, глядя на пустырь. Там, где теперь белые дома нового района, была черная зелень. В ней скрывалась деревня — в ту деревню Лиза бегала за молоком, когда Катька простудилась. Он вдруг насторожился. Он понял, что вот сейчас Лиза проснется — она всегда просыпалась, если он вставал ночью. «Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?» — «Просто не спится». — «Просто не бывает. Ты расстроен? Тебе плохо?» — «Нет, мне хорошо. Я думаю». Он бывал с ней невежлив, он уставал от ее забот, вспышек ревности и мягких, почти робких прикосновений. «Может, тебе дать валерьянки?» — «Еще чего не хватало!»

Скрипнула ступенька на лестнице. Потом удар. Шум. Словно тот, кто поднимается сюда, неуверенно и медленно ощупывая стенку рукой, ударился об угол.

«Надо бы испугаться, — сказал себе Ржевский. — Кто может подниматься сюда в полночь по лестнице пустого барака?»

Дверь медленно начала отворяться, словно тот, кто шел сюда, не был уверен, эта ли дверь ему нужна.

Ржевский сделал шаг в сторону, чтобы не стоять на фоне окна.

10

Человек, вошедший в комнату, неуверенно остановился на пороге. Глаза Ржевского уже привыкли к темноте, к тому же в комнату глядела луна — он увидел, как человек шарит рукой

справа по стенке, и вспомнил, сколько раз он сам протягивал туда руку и зажигал свет. Раздался щелчок.

— Ах, черт! — прошептал человек.

— Послушай, свет все равно отключен, — сказал Ржевский. — Эти бараки выселены, ты забыл, что ли?

Человек замер, прижался к стене, он не узнал голоса Ржевского и испугался так, что его рыхлое тело размазалось по стене.

— Испугался, что ли? — Ржевский пошел к Виктору, врезался ногой в кучу журналов, чуть не упал. — Это я, Сергей.

— Ты? Ты зачем здесь? — сказал Виктор хрипло. — Испугался. Никак не думал кого-нибудь встретить.

Они замолчали.

— Курить будешь? — спросил Ржевский.

— Давай закурим.

Ржевский достал сигареты. Когда Виктор прикуривал, он наклонил голову, и Ржевский увидел лысину, прикрытую зачесанными набок редкими волосами.

— Я давно тебя не видел, — сказал Ржевский.

— Ну, я пошел, — сказал Виктор.

Ржевский кивнул. Ему тоже бы уйти, но не хотелось идти по ночной улице с Виктором. Ботинки Виктора тяжело давили на ступеньки. Лестница ухала. Потом все смолкло.

«Наверное, Эльза сказала ему, что бараки сносят», — подумал Ржевский. А может быть, Виктор приходил сюда и раньше? Его, Ржевского, тянет прошлое, как убийцу, который приходит на место преступления. Тут его и ловят. И Виктор его ловил? Нет. Он сам пришел. Ржевский закрыл глаза и постарался представить себе комнату, какой она была тогда. Он заставлял себя расставить мебель, положил мысленно на стол свои книги и даже вспомнил, что настольную лампу накрывали старым платком, чтобы свет не мешал Катьке. А Лиза лежала в полутьме и смотрела ему в спину. Он знал, что она смотрит ему в спину, стараясь не кашлять и не ворочаться. А ему этот взгляд мешал работать. И он тихо говорил: «Спи, тебе завтра вставать рано». — «Хорошо, — отвечала Лиза, — конечно. Сейчас засну».

В то последнее утро они заснули часов в пять, на рассвете, прошептавшись всю ночь, а потом он открыл глаза и, как в продолжении кошмара, увидел, что она стоит в дверях, держа за руку тепло одетую Катьку, с чемоданом в другой руке. Он тогда еще не осознал, что Лиза уходит навсегда, но в том, что она уходит, было облегчение, разрешение тупика, какой-то выход. И он заснул...

Ржевский открыл глаза. Свежий ночной ветер вбежал в окно через разбитую створку и зашуршал бумагой на полу.

Ржевский выкинул сигарету в окно и спустился вниз. Его одолела такая смертельная, глубокая, безнадежная тоска, что, когда он увидел — неподалеку, за деревом, стоит и ждет Виктор, замер, не выходя наружу, а потом дождался, когда Виктор зажег спичку, снова закуривая, выскочил из подъезда и скользнул вдоль стены, за угол, в кусты.

11

Нине очень хотелось заглянуть во внутреннюю лабораторию — центр, вокруг которого уже шестую неделю концентрировалась жизнь института. Но никак не получалось. Туда имели доступ только пять или шесть человек, не считая Ржевского и Остапенко из президиума. Правда, раза три приезжали какие-то друзья Ржевского, седые, солидные. Коля Миленков их, конечно, всех знал — академик такой-то, академик такой-то... Этих Ржевский сам заводил внутрь, и они застревали там надолго.

— Понимаешь, Миленков, — сказала Ниночка, которая к Коле привыкла и уже совсем не боялась. — Это для меня — как дверь в замке Синей Бороды. Помнишь?

— Помню. Тебе хочется бесславно завершить молодую жизнь. Ты понимаешь, что Синяя Борода нас обоих тут же вышвырнет из института? А у меня докторская в перспективе.

Самого Ржевского, хоть она и видела его теперь каждый день и он уже привык считать ее своей, не дочкой Эльзы, а сотрудницей, даже как-то прикрикнул на нее, — понимаете разницу? — Ниночка попросить не осмеливалась. Он был злой, дерганый, нападал на людей почем зря, но на него не обижались, сочувствовали — ведь это у них в институте, а не где-нибудь в Швейцарии рос в биованне первый искусственный человек.

В конце концов Ниночка проникла в лабораторию.

Был вечер, уже темно и как-то тягостно. Деревья за окнами почти облетели, один желтый кленовый лист прилип к стеклу, и это было красиво. Коля вышел из внутренней лаборатории, увидел Ниночку, которая сидела за своим столом с книжкой, и спросил:

— Ты чего не ушла?

— Я Веру подменяю. Мне все равно домой не хочется. Я занимаюсь.

— Я до магазина добегу, а то закроется. На углу. Минералочки куплю. Ты сиди, поглядывай на пульт. Ничего случиться не должно.

Ниночка кивнула. Внешний контрольный пульт занимал полстены. Ржевский еще давно, в сентябре, заставил всех лаборантов разобраться в этих шкалах и циферблатах. На всякий случай.

— Главное, — сказал Коля, — температура бульона, ну и, конечно...

— Я знаю, — сказала Ниночка и почувствовала, что краснеет. У нее была тонкая, очень белая, легко краснеющая кожа.

— Я не закрываю, — сказал Коля. — Одна нога здесь, другая там. Но ты туда не суйся... — И, выходя уже, добавил: — Восьмая жена Синей Бороды.

Ниночка встала и пошла к пульту. Там, внутри, ничего неожиданного не происходило. А если произойдет, такой трезвон пойдет по институту! Так было на прошлой неделе, когда повысилась кислотность. К счастью, Ржевского в институте не было, а когда он приехал, все уже обошлось.

Ниночка прошлась по комнате. В институте было очень тихо. Желтый лист на стекле вздрагивал и, видно, собирался улететь.

— Если улетит, — сказала Ниночка, — я загляну. Краем глаза.

Конец листа оторвался от стекла. Ниночка напряглась, испугалась, что он улетит и придется заглядывать. Но капли дождя прибили лист к стеклу снова. Он замер.

Тогда Ниночка подумала, что скоро Коля вернется. Она подошла к двери и легонько тронула ее. Может, дверь и не откроется. Дверь открылась. Легко, беззвучно.

Переходник был ярко освещен, дверь направо, в инкубатор, чуть приоткрыта. Каблучки Ниночки быстро простучали по плиткам пола. В шкафу висели халаты. Из рукомойника капала вода. Ниночка замерла перед дверью, прислушалась. Тихо. Даже слишком.

Только жужжали по-электрически какие-то приборы. Из-за двери пробивался мягкий свет.

Нина приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

Почему-то сначала она увидела мягкий черный диван и на нем открытую книгу и половинку яблока. Там должен был сидеть Коля Миленков. У дивана на столике стояла обыкновенная настольная лампа. Одна ванна была пустая, большая, совершенно как египетский саркофаг с выставки. Или как подводная лодка. Все таинство происходило во второй ванне, поменьше, утоп-

ленной в полу и, к сожалению, совершенно непрозрачной. То есть крышка была прозрачной, но внутри — желтоватая мутная жидкость. Ниночка наклонилась к ванне, но все равно ничего не смогла различить, и тогда она потрогала ее стеклянный гладкий бок. Бок был теплым. Ее прикосновение вызвало реакцию приборов. Они перемигнулись, гудение усилилось, словно шмель подлетел поближе, к самому уху. Ниночка отдернула руку, и тут дверь открылась и вошел Ржевский. Ниночка думала, что это Коля, и даже успела сказать:

— Коля, не сердись...

И замолчала, прижав к груди руку, как будто на ней отпечатался след прикосновения к ванне.

— Ты что тут делаешь? — Ржевский сначала даже не удивился, прошел к приборам, повернулся к Нине спиной, и она стала продвигаться к двери, понимая, что это глупо.

— Меня Коля попросил побыть, пока он за водой сходит, — сказала Нина.

— Попросил? Побыть? — Ржевский резко обернулся. — Как он посмел? Оставить все на девчонку! Несмышленыша! Ты чего трогала?

И Ниночке показалось, что он ее сейчас убьет.

— Не трогала.

— Почему улыбаешься?

— Я не улыбаюсь, барон.

— Кто?

— Синяя Борода. Или он был герцог?

Ржевский прислушался к жужжанию шмеля, потом ладонью рубанул по кнопке, и жужжание уменьшилось.

Видно, понял, в чем дело, и сам улыбнулся.

— Мне было очень интересно, — сказала Ниночка. — Простите, Сергей Андреевич. Я все понимаю, но обидно, когда я каждый день сижу там, за стенкой, а сюда нельзя.

— Это не прихоть, — сказал Ржевский. — Как ребенок... Синяя Борода. Чепуха какая-то.

— Чепуха, — быстро согласилась Ниночка. — Это очень похоже на саркофаг. Только фараона не видно.

— Даже если бы ты и увидела, ничего бы не поняла, — сказал Ржевский. — Процесс строительства тела идет иначе, чем в природе. Совсем иначе. Куда приятнее увидеть младенца, чем то, что лежит здесь. Послезавтра будет большое переселение. — Ржевский постучал костяшками пальцев по большому пустому

саркофагу. — И попрошу больше сюда не соваться. Ты вошла сюда в обычном халате — не человек, а скопище бактерий.

Нет, он не сердился. Какое счастье, что он не сердился!

— Но тут все закрыто герметически, я же знаю, — сказала Ниночка.

— А я не могу рисковать. Я двадцать лет шел к этому. Неудачи мне не простят.

— К вам так хорошо относятся в президиуме.

— Наслушалась институтских сплетен — «хорошо относятся». Хорошо относятся к победителям. Остапенко тоже рискует, поддерживая нас. Ты знаешь, как принято говорить? Поработайте еще лет пять с крысами... ну, если хотите, с обезьянами, удивительные эксперименты... великий шаг вперед! Но опасно! Рискованно! Триумф генной инженерии, создали гомункулуса! А если вы — наш, советский Франкенштейн? Ты знаешь, кто такой был Франкенштейн? И что он создал?

Ржевский сел на Колин диван, повернул книгу обложкой к себе, рассеянно полистал.

— Да, я слышала, — сказала Ниночка голосом отличницы. — Он сшил из трупов человека, а тот потом нападал на женщин. Но ведь вы же выращиваете своего по биологическим законам...

— Супротив законов... — Ржевский отложил книжку. — Супротив всех законов. Неужели ты этого не знаешь? А ты лезешь сюда с немытыми руками.

— Я больше не буду.

Нина понимала, что надо уйти. Но уйти было жалко. И жалко было Ржевского — он побледнел, осунулся, ему все это дорого обходится.

— У вас еще не было детей, — сказала Ниночка непроизвольно, сама удивилась, услышав свой голос. — Теперь будет.

— Ты о нем?

— Разумеется. Конечно, лучше, если бы у вас уже были свои дети, но для начала можно и так.

— С ума сойти! — удивился Ржевский. — А ну, марш отсюда!

12

Иван родился 21 ноября в шесть часов вечера.

Никто не уходил из института — хоть и не объявляли о конце эксперимента. Ждали. Ржевский три дня буквально не выходил из внутренней лаборатории, а Ниночка по очереди с другими девушками покупала и готовила тем, кто был внутри, еду. Они вы-

бегали на несколько минут, что-то перехватывали и исчезали вновь за дверью переходника.

С утра в тот день в институте появились новые люди — медики. Потом два раза приезжал Остапенко и один из тех, старых академиков. В кабинете директора все время звонил телефон, но Леночка имела жесткие инструкции — Ржевского не звать, ничего ему не передавать, даже если начнется землетрясение.

Ниночка сама не пошла обедать, какой уж там обед. Мысли ее были внутри, за дверьми. Этот мальчик, гомункулус, чудовище Франкенштейна... вот он повернулся, вот он старается открыть глаза, и слабый хриплый стон вырывается между синих губ. Или сейчас прервалось дыхание — Ржевский начинает массировать сердце... Она недостаточно разбиралась в вынесенных на пульт во внешней лаборатории показаниях приборов. У пульта толпились биологи из других лабораторий и вели себя так, словно смотрели футбол.

В шесть часов с минутами кто-то из молодых талантов, глядя на мельтешню зеленых кривых на экранах, сказал: «Вот и ладушки», — и хлопнул в ладоши. Они все заговорили, заспорили, стали глядеть на дверь, и Ниночке почему-то показалось, что Ржевский должен выйти с Ним.

Ржевский долго не выходил, а вышел вместе с одним из медиков. И все. Ниночка не могла разглядеть Ржевского за спинами высоких молодых талантов — в этой толпе его и унесло в коридор, и лишь раз его усталый голос поднялся над другими голосами: «У кого-нибудь есть сигареты без фильтра?» Ниночка почувствовала, что смертельно устала, но не могла не смотреть на дверь во внутреннюю лабораторию, потому что Он мог выйти сам по себе, забытый и неконтролируемый. А когда вышел покурить и Коля Миленков, она не выдержала и спросила его тихо, чтобы не услышали и не засмеялись:

— Он ходит? Он говорит?

— Будет ходить, — сказал Коля самодовольно.

Потом вернулся Ржевский и потребовал у Фадеевой графики дежурств лаборанток. Он сидел за столом, Ниночка подошла к нему поближе, и ей казалось очень трогательным, что волосы на затылке у Ржевского редкие, мягкие и хочется их погладить.

— В ближайшие недели, — сказал Ржевский Фадеевой, но слышали все, — с ним должны дежурить сиделки. Я договорился с Циннельманом, но у них плохо с младшим персоналом. Сестры будут, а вот в помощь им хотелось бы позвать кого-нибудь из наших. Есть добровольцы?

Ржевский оглянулся.

— Конечно, есть, — сказала Фадеева. Но никто не отозвался, потому что девушки вдруг испугались.

Оробел даже Юра, лаборант, который занимается штангой. И больше всех испугалась Ниночка. И потому сказала тонким голосом:

— Можно я?

— Конечно, — сказал Ржевский, который, видно, совсем не боялся за судьбу Ниночки. — А еще кто?

Тогда вызвались Юра и сама Фадеева.

13

Вокруг темнота и глухота, темнота и глухота, но темнота не бесконечна, только нужно из нее выкарабкаться и знать, куда ползти сквозь нее, а никто не может сказать, куда надо ползти, и если поползешь не туда, то попадешь в колодец; это еще не колодец, а понятие, для которого нет слова, место, куда падают, падают, падают, и тело становится громоздким и все растет, оно больше, чем пределы колодца, но не касается, они отодвигаются быстрее, чтобы пропустить его в бездну.

И он не знает, что это значит, хотя должен знать, иначе не выбраться из темноты...

14

Ниночка пришла домой в девятом часу. Родители были на кухне. Отец читал «Советский спорт». Мать рубила капусту.

— Что так поздно? — спросил отец мирно, как будто с облегчением.

— Мы так устали... — и Ниночка замолчала. Когда она шла домой, то не знала, что сделает, вбежит ли с криком: «Он родился!» — или просто ляжет спать.

— Наверное, устала, — сказал отец, чуть раскачиваясь... — Каждый день приходила чуть ли не ночью... Теперь хоть будешь дома сидеть.

— Нет, — сказала Ниночка. — Теперь будет еще больше работы. Меня назначили дежурить с Ним.

— С кем? — спросила мать, и нож повис в воздухе.

— С Иваном. Его зовут Иваном, ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказала мать. — Я ушла раньше. Иван — это его детище?

В слове «детище» было отношение к новорожденному. Плохое.

— Я буду дежурить у него.

— Господи, — сказала мать. — Возле этого чудовища? Одна?

— Он не чудовище. Это сын Ржевского. Понимаешь, биологически он сын Ржевского, он выращен из его клетки.

Мать бросила нож, он отскочил от доски и упал на пол. Никто не стал поднимать.

— Он убийца! — закричала мать. — Он убил Лизу! Он убивает все, к чему прикасается. Он затеял всю эту историю из патологического желания доказать мне, что у него может быть ребенок.

Ниночке бы уйти, она всегда уходила от таких сцен, но теперь все относившееся к Ржевскому слишком ее интересовало.

— Какая Лиза? — спросила Ниночка.

Мать подобрала нож и сказала, будто не услышала:

— Я категорически, — она подчеркнула свои слова ножом, — против того, чтобы Нина приближалась к этому ублюдку. Если нужно, я дойду до самого верха. Я не оставлю камня на камне.

И тогда Ниночка убежала из дома. Было темно и зябко. У нее был домашний телефон Ржевского, она списала его дома, из телефонной книжки. Она зашла в будку автомата, еще не думая, что будет звонить, — просто освещенная изнутри желтой лампой будка была теплым и уютным местом, чтобы спрятаться. А потом она набрала номер Ржевского.

Поняв по голосу, что разбудила директора института, Нина хотела было уже бросить трубку, но не успела.

Он строго спросил:

— Кто говорит?

И она не посмела скрыться.

— Простите, я не хотела вас будить. Это Нина Гулинская.

— Что-нибудь случилось? Ты из института?

— Нет, я пошла домой, а потом поругалась с мамой, то есть не поругалась, а просто ушла от них.

— Тогда не плачь, — сказал Ржевский. — Ничего особенного не произошло.

— Она мне не разрешает, а я хочу. Я уйду от них, если она не разрешит...

— Ты из автомата?

— Да.

— Тогда приезжай ко мне. Адрес запомнишь?

— У меня есть. Я давно еще списала... Но уже поздно, и вам надо спать.

— Если не ко мне, то куда пойдешь?

— Не знаю.

— Вытри глаза и приезжай. — В голосе Ржевского ей послышалась насмешка, и она сухо сказала:

— Нет, спасибо...

Не поедет она за сочувствием...

Потом Нина прошла еще две или три улицы, позвонила подруге Симочке, сообщила, что приедет к ней ночевать, и поехала к Ржевскому.

15

Квартира Ржевского разочаровала Ниночку. Она часто представляла, как он живет, совсем один, и ей казалось, что его мир — завал книг, рукописи горой на столе, обязательно большое черное кожаное кресло, картина Левитана на стене — неустроенный уют великого человека. А квартира оказалась маленькой, двухкомнатной, аккуратной и скучной.

— Я кофе собирался выпить, — сказал Ржевский. Он был в джинсах и свитере. — Будешь?

— Спасибо.

Он пошел на кухню, а Ниночка осталась стоять возле чистого письменного стола, огляделась, увидела широкий диван и подумала: «К нему, наверное, приходят женщины. Приходят, а он им делает кофе и потом достает вот оттуда, из бара в стенке, коньяк. А вдруг он смотрит на меня как на женщину?» Ниночка испугалась собственной мысли, которая происходила оттого, что в глубине души ей хотелось, чтобы он видел в ней женщину.

— Сосиски сварить? — спросил Ржевский из кухни.

Ниночка подошла к двери на кухню, заглянула. Кухня была в меру чиста и небогата посудой.

— Спасибо. Я не хочу есть. А вам кто-нибудь помогает убирать?

— Вызываю молодицу из фирмы «Заря», окна мыть. Держи печенье и конфеты. Поставь на столик у дивана.

«Он совершенно не видит во мне женщины», — поняла Ниночка. Это было обидно. Ее не разубедило в этом даже то, что Ржевский достал все-таки из бара бутылку коньяка и две маленькие рюмочки. Кофе был очень ароматный и крепкий — такой умеют делать только взрослые мужчины.

— Давай выпьем с тобой за первый шаг, — сказал Ржевский.

Он капнул коньяку в рюмки, и Ниночка устроилась удобнее на диване. Она поняла, что они коллеги и они обсуждают эксперимент. К тому же они знакомы домами. Видела бы мама, что она пьет коньяк с директором института. А какое бы лицо было у Фадеевой? Правда, репутация директора погибла бы безвозвратно. Ниночка хотела было сказать Ржевскому, что никому не скажет о своем ночном визите, но он ее опередил:

— Рассказывай, что дома приключилось.

— Они все взбунтовались. Мать не разрешает мне с Иваном работать. Говорит, что он ублюдок. Вы не обижайтесь.

— Я твою маму знаю много лет и знаю, какой она бывает во гневе.

— Она отойдет, вы же знаете, она быстро отходит.

— Не совсем так. Она мирится внешне, а так, без Каноссы, прощения не добиться.

— Без Каноссы?

— Вас, голубушка, плохо учат в школе.

Ниночка заметила, что в углу стоят горные лыжи, очень хорошие иностранные горные лыжи, им не место в комнате, но кто скажет Ржевскому, что можно ставить в комнату, а что нет.

Ниночка кивнула, согласившись, что ее плохо учили в школе.

— Что же теперь будем делать? Перевести тебя в другую лабораторию? — спросил он.

— Что вы! — испугалась Ниночка. — Разве я плохо работала?

— Я к тебе не имею претензий. Но, может, ты и сама его боишься?

Ниночка покачала отрицательно головой. Сказать, что совсем не боится, было бы неправдой.

Ржевский поднялся с кресла, подошел к окну, приоткрыл его — оттуда донесся неровный, прерывистый вечерний шум большой улицы.

— Тебе не холодно?

— Нет. Вы не думайте, что я боюсь. Но ведь это первый... первый такой человек.

— Но не последний, — сказал Ржевский. — Твоя мама выражает мнение весьма существенной части человечества... Есть какие-то вещи, которые человеку делать положено, а какие-то — нет. Например, положено создавать себе подобных ортодоксальным путем.

«Зачем он говорит со мной, как с девочкой? — подумала Нина. — Как будто тайны жизни для меня закрыты на замок».

Она взяла бутылку коньяка, налила себе в рюмку, потом Ржевскому.

Тот поглядел на нее внимательно, улыбнулся уголками губ, взял бутылку и отнес ее на место, в бар. Закрыл бар и сказал:

— Так мы с тобой сопьемся.

Ниночка одним глотком выпила рюмку. Коньяк был горячим и мягким. И зачем она только пришла сюда?

Ниночка увидела, что у Ржевского оторвана пуговица на рубашке. Никогда Ниночке не приходило в голову смотреть на пуговицы своих сверстников. Она отлично умеет пришивать пуговицы. Но нельзя же сказать ему: «Я хочу пришить тебе пуговицу, дядя Сережа».

— Лет двадцать пять назад... — Вдруг Ржевский замолчал. И Ниночка поняла, что он вспомнил о той Лизе, которую убил. Именно тогда. Они дружили — мать, отец и Ржевский. Ржевский хотел жениться на матери, а она предпочла ему отца — об этом Ниночка знала давно, из шумных сцен на кухне, когда мать кричала отцу: «Если бы я тогда вышла за Ржевского, мы бы не прозябали!»

Ржевский нахмурился, будто с трудом вспомнил, на чем остановился.

— Тебе не пора домой?

— Нет, я часто от них убегаю. Они думают, что я ночую у Симы Милославской.

— Может, позвонишь?

Ниночка отрицательно покачала головой.

— Двадцать пять лет. Ты думаешь, это много? Оказывается, я помню, сколько там ступенек, и помню слова, которые там говорились. Как вчера. А память у меня совсем не фотографическая. Просто все это было недавно... Двадцать пять лет назад я резал планарий, глядел в микроскоп и читал. И обо мне говорили, что я перспективен, говорили без зависти, потому что я казался фантазером. Даже когда американцы активно занялись тем же. Наверное, внутри моих друзей и оппонентов сидел религиозный запрет «Богу — богово», хотя они были убежденными атеистами. А теперь клонирование стало обыденностью. Родились первые настоящие здоровые младенцы, весь генетический материал которых — искусственно выращенная клетка отца. Старшему в Японии сейчас...

— Три года, — сказала Ниночка.

— Спасибо. Три года. А он и не подозревает, что чудовище. Растет, пьет молочко, говорит свои первые слова... Никогда не

доверяй банальным истинам... Сделали самого обыкновенного человека. Самого обыкновенного, просто нестандартным способом. А теперь сделали еще шаг дальше и получили человека сразу взрослым. Избавили Ивана от долгих и непроизводительных лет детства. Ты еще кофе будешь?

— Нет, спасибо.

— А я себе сделаю.

Ржевский пошел на кухню, поставил кофе. Ниночка поднялась с дивана, подошла к окну — видно, прошел дождь, она не заметила, когда он был, и машины отражались огоньками в черном мокром асфальте.

— Почему ты мне не возражаешь? — спросил Ржевский громко из кухни. — Мне все возражают.

— Вы думаете, хорошо, что у него не было детства?

— А что хорошего в детстве? Учеба, учеба... все тебе приказывают, все тебе запрещают. Хотела бы ты снова прожить детство?

— Не знаю. Наверное, нет. Но я его уже прожила.

Ржевский маленькими глотками отхлебывал кофе. Ниночка молчала. Что-то в этом было неправильно. По отношению к Ивану. Но она не могла сформулировать свое сомнение.

— Вы уверены? — спросила она.

— В чем?

— В том, что он вас поймет?

— Если он будет спорить со мной, я это буду приветствовать. Знаешь, почему?

— Нет.

— Да потому, что я сам все с собой спорю. Нет больших оппонентов, чем самые близкие люди. А он не только близок мне, он — продолжение меня. Я дошел до своей вершины, и теперь, хочу того или нет, пришло время идти вниз. Я постараюсь сделать это как можно медленнее, но процесс остановить невозможно... Невозможно? А вот возможно! Возможно, понимаешь, девочка?

— Почему вы выбрали себя в отцы?

— Чувствую, что об этом тоже говорили у Эльзы на кухне — в центре вселенной. И меня там осудили и за это тоже.

Ниночка не ответила.

— Кого бы ты предложила на мое место? Алевича? Остапенко? Безымянного добровольца? Ну?

— Нет, я понимаю... — сказала Ниночка виновато, словно это она, а не мать осуждала Ржевского.

— Ни черта ты не понимаешь. Ты думаешь, потому что я

считаю себя умнее и талантливее их? Нет, просто я знаю об эксперименте больше остальных. Значит, в общих интересах, чтобы сын, как и я, был в курсе всех дел. Какого черта я буду тратить время на то, чтобы понять не только искусственного сына товарища Остапенко, но и самого товарища Остапенко! А если я их обоих не понимаю, то могу проглядеть что-то очень важное для эксперимента.

— А себя вы понимаете? — осмелилась спросить Ниночка. Она вдруг догадалась, что Ржевский оправдывается. Перед ней и перед собой.

— Я? — Ржевский засмеялся. — Я тебя заговорил. Прости. Сколько времени? Двенадцатый час? Пошли, я тебя провожу. Мне тоже полезно вдохнуть свежего воздуха.

16

Я ощущаю одиночество, в котором оживает мое тело. У меня есть руки, они растут из плеч, они длинные и на концах имеют тонкие отростки, которые растут из воздуха, а как называются эти отростки, мы еще не знаем. У меня есть ноги, у них тоже отростки на концах. Лиза их называла, но неизвестно, что такое Лиза... Если бы еще знать, как забывают вещи... они забывают, а нам нельзя.

И снова падение вниз, в колодец, хотя теперь в нем есть смысл — смысл в осознании того, что отростки называются пальцами. Но как трудно дышать, а сквозь стену, вместо того чтобы показать путь наружу, говорят о содержании адреналина... Великан Адреналин придет, когда мама будет купать тебя в тазике... Что такое мама? Это теплота и тишина...

17

На улице было свежо и приятно. Ржевский поддержал Ниночку под локоть, когда они переходили улицу, и Ниночка с трудом удержалась, чтоб не прижать локтем его руку. Еле-еле удержалась. Он бы засмеялся. И это было бы невыносимо.

Они подошли к остановке — Ниночка отказалась взять у Ржевского деньги на такси. Автобуса долго не было. Ржевский закурил и заговорил снова, не глядя на Ниночку:

— Что такое смерть? Это не только прекращение функционирования тела. Люди всегда, в любой религии, мирились с ги-

белью тела. Но никак не могли примириться, что с каждым человеком умирает мир мыслей, памяти, чувств. Поэтому одни люди придумали бессмертную душу. Другие придумали перевоплощение, возрождение этой же самой сущности, сотканной из мыслей и памяти, в ином существе. Так вот, я-то со временем помру. А в том, молодом человеке, который сейчас медленно входит в жизнь, мои мысли уже оживают. А пройдет еще тридцать лет, и он, Иван, создаст таким же образом своего сына, своего духовного наследника и передаст ему не только свои, но и мои мысли. Накопленные почти за столетие. Ты представляешь, что через двести, триста лет на Земле будет несколько сотен тысяч, не знаю сколько, гениев, вобравших в себя опыт и мысли нескольких поколений, людей с пятью, шестью, десятью душами...

— Души будут одинаковые, — сказала Ниночка. — Это страшно.

— А мне — нет, — сказал Ржевский буднично. И выбросил сигарету. Она красной звездочкой долетела до лужи у тротуара, пшикнула и исчезла.

— И чувства? — спросила Ниночка. — Чувства нескольких поколений?

Ржевский не ответил. Он увидел свободное такси и поднял руку.

— Нина, заглянем на пять минут в институт? Посмотрим, как идут там дела, а? И потом я отвезу тебя к подруге Симочке.

— Конечно, — сказала Нина и вся сжалась, будто ей неожиданно и раньше времени предложили пойти к зубному врачу.

Ржевский сел в машине подальше от нее, и она вдруг поняла, почему — он стеснялся шофера. Он не хотел, чтобы тот подумал: такой пожилой человек, а держит в любовницах этакое юное создание.

Они ехали минут пять молча. Потом Ржевский сказал:

— Я благодарен тебе, что пришла. Мне надо было перед кем-то излиться. Перед кем-то, кто ближе мне, чем просто коллеги.

— Ну что ж, — сказала Ниночка и стала думать, почему он выделяет ее из других. Из-за бывшей дружбы с ее родителями? Или из-за нее самой?

Со стороны фасада в институте горели лишь два окна — в дежурке. Окна лаборатории выходили в сад. Сторож долго не хотел открывать дверь, но, открыв, не удивился — только начал ворчать, что теперь все с ума посходили, превратили день в ночь, и никому от этого не лучше.

Они прошли слабо освещенным коридором до лаборатории. Во внешнем зале сидел лаборант Юра и крутил ручки приемника.

— Потише, — сказал ему Ржевский.

— Там не слышно, — сказал Юрочка, но сделал музыку почти неслышной. Он глядел на Ниночку. Почему она пришла ночью?

Ржевский подтолкнул Ниночку в переходник. Там заставил вымыть руки гадко пахнущей жидкостью, помог надеть халат, протянул маску. Делал все это быстро, нервно, спешил.

Потом позвонил в дверь внутренней лаборатории. Откинулся «глазок». Дверь открылась.

Внутри все изменилось. Пропали саркофаги. Ниночка не заметила почему-то, как их демонтировали и выносили. Зато туда внесли кровать. Почти обыкновенную кровать. Больничную. Около нее стояли капельница и небольшой пульт. Человек на кровати спал. Его лицо Ниночку разочаровало. Оно было гладким, бледным. Пшеничные волосы росли короткой щетиной. Руки безвольно лежали вдоль тела на простыне. Человек, дежуривший у пульта, встал и начал что-то шептать Ржевскому. Ржевский слушал его внимательно, но глядел на Ивана. Медсестра, сидевшая по ту сторону кровати, на черном диване, который остался еще с тех времен, когда никакого Ивана здесь не было, щурилась спросонья.

Ниночка искала в лице молодого человека сходство с Ржевским. Конечно, это сходство было. Такой же нос, форма подбородка... Интересно, а какие у него глаза?

Молодой человек словно услышал ее вопрос. Руки его шевельнулись. Он медленно открыл глаза. Глаза Ржевского. Он посмотрел на Нину, но как-то лениво, вяло, словно и не хотел смотреть. Он ее не узнал.

18

Одним из первых, если не первым, собственным, настоящим воспоминанием Ивана было такое.

Он просыпается ночью. После очень долгого сна, и сон еще не ушел, он лишь на мгновение отпустил его... И видит, что над его кроватью в полутьме стоит тонкая глазастая девушка с пышными темными волосами и испуганно смотрит на него, будто он привиделся ей в кошмаре. Лицо девушки ему знакомо, но очень трудно сосредоточиться и вспомнить, откуда он ее знает, потом девушка отступает куда-то, и в этот момент он понимает, что

приходила Нина, Ниночка, Эльзина дочь, хотя он совершенно не представляет, что значит этот набор букв — Эль-за...

Потом Иван очнулся снова, было утро, и в щель задернутой шторы пробивалось солнце, совсем такое же, как когда они с Лизой и Катей жили под Каунасом, в деревне, и он не спешил просыпаться, он ждал, пока Лиза первой вскочит с кровати, побежит, стуча босыми пятками по блестящим доскам пола, к окну и одним резким движением раздвинет шторы, словно разорвет их, и горячий куб солнечного света, заполненный, как аквариум рыбками, ажурной тенью листвы, ввалится в комнату...

В лаборатории была Ниночка. Она сидела в уголке и переписывала какую-то бумагу, склонив голову, иногда высовывая розовый язычок — быстро, по-змеиному, чтобы убрать им прядь волос. Странно, что он никогда раньше не замечал Нину. Она уже полгода в институте и с ним почти не встречается, а впрочем, зачем? И если он перевел ее в лабораторию, то только по просьбе Эльзы, которой было неприятно его просить, но просить приходилось, потому что матерям положено заботиться о своих детях и страдать ради них. Но почему Ниночка здесь?

Вслед за тем пришло понимание, что он болен. Он не знал, когда и чем заболел, но заболел серьезно, иначе бы его не поместили в эту палату. Тут же возникло новое воспоминание — воспоминания проявлялись, как изображение на фотобумаге, в бачке: в красном неверном свете неизвестно было, какой образ следующим возникнет на белом листе.

Воспоминание было неприятным и тревожащим — с ним надо было разобраться, понять, а понять его было нельзя, ибо оно заключалось в том, что он, Сергей Ржевский, лежащий здесь, в своей собственной внутренней лаборатории, вовсе не Сергей Ржевский, а кто-то другой, еще не имеющий имени, а потому неправильный, несуществующий человек, которого можно прекратить так же, как его начали, и невозможность осознать все это таилась в том, что начал его тот же Сергей Ржевский, то есть он сам, который существует сейчас вне его...

Тут же эти мысли прервались — он услышал взволнованные голоса, полная женщина в белом халате, которую он не знал, быстро заговорила о стрессе, молодой человек — знакомое лицо... он у нас работает техником? — что-то начал делать с приборами. Тут же был укол, короткая боль и скольжение на санках в небытие.

В это небытие проникали голоса извне. И он узнал, что о нем говорят как об Иване, и ему все время без возмущения, без

тревоги, тупо и спокойно хотелось поправить говоривших и сказать, что они ошибаются, что он — Сергей Ржевский, хотя он и сам знает, что называться Сергеем Ржевским не имеет никакого права, потому что Сергей Ржевский его придумал и сделал.

И когда он очнулся вновь, на следующее утро, он уже осознал и пережил свое отделение от Ржевского, свою самобытность и ничуть не удивился, когда Сергей Ржевский, сидевший у его кровати и следивший по приборам за моментом его пробуждения, сказал:

— Доброе утро, Иван. Мне хочется с тобой поговорить.

Иван прикрыл глаза, открыл их снова, показал, что согласен слушать.

19

— Здравствуй, Иван, — сказала Ниночка, как всегда, вбежав в лабораторию, и, как всегда, Ивану показалось, что ее принесло свежим ветром. — Ты уже обедал? А я не успела — заскочила в буфет, а там дикая очередь, представляешь?

Иван кивнул. Он сразу вспомнил, какие очереди бывают в буфете, и ему захотелось сейчас же позвать Алевича и напомнить ему, что старик уже трижды обещал отдать буфету соседнюю комнату. Иван тряхнул головой, как всегда, когда отгонял лишние, чужие мысли, — этого жеста у его отца не было.

— Съешь курицу, — сказал он. — Я все равно не хочу.

Мария Степановна, медсестра, укоризненно вздохнула. Она не терпела фамильярностей пациентов с персоналом. Ниночка была персоналом, а Иван — пациентом. От этого никуда не денешься — в этом заключается порядок, единственное, за что можно ухватиться в этом сумасшедшем доме.

— Правильно, — сказала Ниночка. — А ты в самом деле сыт?

— Меня кормят, словно я член олимпийской сборной по тяжелой атлетике, — сказал Иван.

Нина принялась за курицу. Иван смотрел в окно. В этом году снег выпал рано, может быть, он еще растает, но лучше бы уж улегся и кончились эти дожди. Иван подумал, как давно не вставал на лыжи, и, подумав, тряхнул головой, а Нина, заметив этот жест, хмыкнула и сказала:

— Я знаю, о чем ты подумал. Ты подумал: как хорошо бы покататься на лыжах.

— Как ты догадалась?

— Я телепатка. А в самом деле, я сегодня так подумала — почему бы не подумать тебе? Ты умеешь на лыжах кататься?

— Умел, — сказал Иван.

— Я отлучусь, — сказала Мария Степановна. — Через полчаса приду.

— А вы совсем идите домой, — сказал Иван. — Чего меня беречь? Я здоров как бык.

— Многие люди кажутся здоровыми. Производят впечатление. — В голосе Марии Степановны было осуждение, разоблачение жалкой хитрости пациента.

Иван смотрел на свои руки. Руки как руки. Очень похожие на руки Сергея Ржевского. Только у того пальцы расширились в суставах, стали толще, а по тыльной стороне ладони пошли веснушками.

Иван смотрел на свои руки с удивлением, как на чужие. Ниночка шустро обгладывала ножку курицы и искоса поглядывала на него. Она всегда старалась угадать его мысли и часто угадывала. Ниночка за эти дни поняла, как Иван старается познать мир своими глазами, своими ощущениями, как он старается вычленить из старшего Ржевского, отделить всю массу опыта и памяти отца от микроскопического, ограниченного стенами внутренней лаборатории и несколькими лицами собственного опыта. «Он так ждет меня и так любит со мной говорить, — думала Ниночка, — потому, что я несу ему крошки его собственной жизни. Они обязательно будут ссориться с Сергеем Андреевичем. Представляю, что бы я сказала маме, если бы узнала, что она за меня ходила в школу».

Звякнул зуммер, оборвался. Техник включил селектор.

Ржевский просил Нину Гулинскую заглянуть к нему.

— Сейчас, — сказала Ниночка, вытирая губы. — Сейчас приду.

Иван посмотрел ей вслед. С ревностью? Как смешно!

Ниночка бежала по коридору и рассуждала: почему она больше не робеет перед Сергеем Ржевским? Такая разница в возрасте и во всем. Просто пропасть. Алевич и тот робеет перед Ржевским. Даже Остапенко иногда. Когда исчезла робость? После ночного разговора в его квартире? И в институте Ниночка уже не была мелким человеком, бегающим по коридорам, — она была причастна к эксперименту, на нее падал отсвет тайны и величия того, что случилось. Ведь величие, правда?

Мать стояла в коридоре, курила с незнакомым мужчиной, смеялась, сдержанно, но нервно. Мать любила, когда мужчины

обращали на нее внимание, вообще говорила, что мужчины куда интереснее женщин, но настоящих поклонников у мамы не было, то ли потому, что она в самом деле не нуждалась в них, то ли потому, что они боялись ее всеобъемлющего чувства собственности. Ниночке иногда жалко было, что она родилась именно у своей мамы. Мать в суматохе гостей, в тщетном стремлении к постоянным, хоть и не очень экстравагантным развлечениям — поехать к кому-нибудь на дачу и там увидеть кого-то, а потом сказать, что она знакома с ним самим и его женой, которая ее разочаровала, что-то купить, выразить шумное сочувствие чужой беде, — в такой суматохе мать надолго забывала о Нине, сдавала ее отцовской бабушке, которая уже умерла. Но потом у матери словно прорывало плотину — недели на две хватало безмерной любви, когда от нее продохнуть было невозможно. Уж лучше бы как у других — без особенных эмоций.

Мать, завидев Ниночку, бросила собеседника, близоруко сощурилась.

— Нина, ты что здесь делаешь?

Нина сразу догадалась, что мать подстерегала ее, поэтому и выбрала место в коридоре первого этажа.

— Меня Сергей Андреевич вызвал, — сказала Ниночка. — А ты?

— Я? Курю.

— Обычно ты куришь на третьем этаже.

— Я тебя не спрашиваю, где мне курить. Ты удивительно распустилась. Зачем ты понадобилась Сереже?

Ага, этим словом мать отнимает у нее Ржевского, ставит Ниночку на место. А мы его не отдадим...

— Мамочка, пойми, — Нина старалась быть ласковой, не хуже мамы, — у нас с Ржевским эксперимент.

— Ах! — сказала мама с иронией и выпустила дым. Она никогда не затягивалась. Курение для нее было одним из проявлений светской деятельности. — Ребенок без высшего образования — незаменимая помощница великого Ржевского. У тебя с ним роман?

— Мама! — Ниночка трагически покраснела. У нее был роман с Сергеем Ржевским, хотя он этого не замечал, у нее начинался роман с Иваном Ржевским, чего она еще не замечала. То есть она была вдвойне виновата, поймана на месте, разоблачена, отчего страшно рассердилась.

Ниночка бросилась бежать по коридору, мама тихо рассмеялась вслед.

Потом Эльза бросила недокуренную сигарету в форточку. Она не хотела ссориться с дочкой, она хотела попроситься в лабораторию, поглядеть на этого Ивана. Иван был, по слухам, точной копией Ржевского в молодости. Но никто, кроме нее, Эльзы, не мог подтвердить этого — она единственная в институте знала Ржевского в молодости.

Еще не все потеряно. Эльза оглянулась. Коридор пуст. Она дошла до торцевой двери. «Лаборатория № 1» — скромная черная дощечка. Ничего страшного — все знают, что у нее там работает дочь. Может быть, директору библиотеки надо сказать кое-что дочери.

Эльза подошла к двери, замерла возле нее, чтобы собраться с духом и открыть дверь простым и уверенным движением, как это делает человек, пришедший по делу. Толкнула.

Фадеева подняла голову и сказала:

— Здравствуйте, Эльза Александровна. А Ниночка убежала к директору. Что-нибудь передать?

— Спасибо, не надо, — сказала Эльза. Надо уйти. Но глаза держат ее, уцепились за белую дверь в дальней стене.

— Скоро ваш пациент начнет ходить? — спросила Эльза, входя и закрывая за собой дверь.

— Он уже встает, — сказала Фадеева. — Но Сергей Андреевич ему еще не разрешает выходить.

— И правильно, — сказала Эльза. — Это не зоопарк. А вы его не боитесь?

— Кого? — удивилась Фадеева. — Ваню?

«Как нелепо, — подумала Эльза. — Называть искусственного человека Ваней. Как ручного медведя».

Белая дверь изнутри резко отворилась. Оттуда быстро вышел Сережа в тренировочном синем костюме с белой полосой по рукавам и штанинам. За ним выскочила полная женщина в белом халате.

— Ты с ума сошел! — кричала она на Сережу. — Что я Ржевскому скажу?

Эльзу вдруг начало тошнить — подкатило к горлу. От страха. И в самом деле, она была единственным человеком в институте, который мог узнать молодого Ржевского. А он взглянул на нее, поздоровался кивком, словно виделся с ней только вчера. В нем была неправильность. И только когда Ржевский прошел мимо, в коридор, медсестра за ним, Эльза поняла, что Сережа был неправильно подстрижен, он никогда не стригся под бобрик.

20

— Мне интересны твои впечатления, — сказал Ржевский. — Они могут быть, в силу вашей близости в возрасте, уникальны.

— Я старше его, — сказала Ниночка. — На восемнадцать лет.

— Конечно, конечно, — Ржевский усмехнулся одними губами. — Но и он старше тебя на четверть века.

— Конечно. Старше. И никак не разберется в самом себе.

— Пытается разобраться?

— Пытается. У него два мира, — сказала Ниночка. — Один — в комнате. В нем есть я, сестра Мария Степановна — маленький мир. А ваш мир его гнетет.

— Насколько мой мир реален для него? Со мной он настороже.

— Я не знаю. Он еще не совсем проснулся. — Ниночка нахмурила тонкие брови, ей очень хотелось соответствовать моменту.

— Ты слышишь в нем меня?

— Ой, не знаю! Он мне сегодня курицу отдал.

— Чего?

— Я голодная была, а он мне курицу свою отдал.

— Я бы тоже так сделал. Тридцать лет назад. Правда, тогда с курицами было сложнее.

Ржевский открыл папку у себя на столе, в ней были фотографии. Фотографии старые, любительские.

— Видишь, справа я, в десятом классе. Похож?

— На кого? — спросила Ниночка.

— Значит, не разглядела... Ага, вот уже в институте.

— Да, это он, — сказала Ниночка, как у следователя, который попросил ее опознать преступника. Она взяла еще одну фотографию. На ней стояли сразу четыре знакомых человека. Молодые папа с мамой, Иван и еще одна девушка. У девушки была толстая коса. Но больше всего удивилась Ниночка тому, что мама держала на руках девочку лет трех.

— Это ее дочка. — Ржевский показал на круглолицую с толстой косой.

Он взял фотографию, хотел спрятать, потом взглянул еще раз и спросил:

— А маму ты сразу узнала?

— Она мало изменилась, — сказала Ниночка. — Она любит тискать чужих детей. Если знает, что скоро их отдаст владельцам.

— Ну и язык у тебя, — сказал Ржевский.

Телефон на столе взорвался писком — это был зеленый, внутренний телефон. Ржевский схватил трубку.

— Почему сразу не сообщили? Иди.

Он бросил трубку. Злой, губы сжаты.

— Иван ушел, — сказал. — Недосмотрели.

— Куда ушел?

— А черт его знает! За ним Мария Степановна побежала. Ну как же так! Я же ему говорил. Не на ключ же его запирать!

21

Отыскали Ивана в виварии. Он стоял перед клеткой со Львом. Лев внимательно разглядывал посетителя, словно встречал его раньше. Джон, на которого не обращали внимания, суетился в своей клетке, ворчал, а Мария Степановна отрешенно застыла у двери.

— Тебе еще рано выходить, — сказал Ржевский с порога.

— Здравствуй, — сказал Иван.

— Почему ты меня не предупредил?

— Я знаю в институте все ходы и выходы, — сказал Иван. — Не хуже тебя.

Ниночка стояла на шаг сзади, поворачивала голову, отмечая различия между ними. Например, чуть более высокий и резкий голос Ивана.

— Погоди, — сказал вдруг Ржевский, — дай-ка руку, пульс дай, тебе говорят!

Иван протянул руку. Лев, который увидел это, протянул свою лапу сквозь решетку, ему тоже захотелось, чтобы у него проверили пульс.

— Почему такой пульс? — спросил Сергей Андреевич.

— Ты прав, — сказал Иван. — Давай вернемся. Голова кружится. Делали меня не из качественных материалов. Черт знает что совали.

— Что и во всех, — ответил Сергей. — По рецептам живой природы.

В коридоре встретили нескольких сотрудников. Мало кто в институте видел Ивана. Люди останавливались и смотрели вслед. Кто-то крикнул, приоткрыв дверь:

— Семенихин, да иди ты сюда! Скорей!

Ниночка почувствовала, как Ивану неприятно. Он даже ускорил шаги и вырвал руку у отца.

22

Ему снился длинный сон. В этом сне он был мал, совсем мал. Шел по поляне, на которой покачивались цветы с него ростом, и между цветами слепило солнце. Рядом шла мать, он ее не видел, видел только пальцы, за которые цепко держался, потому что боялся шмеля. Вот прилетит и его заберет. Он знал, что дело происходит в Тарусе и ему четыре года, что это одно из его первых воспоминаний, но в то же время это был сон, потому что само воспоминание уже выветрилось из памяти Сергея Ржевского, оно стало семейным фольклором — как Сережа боялся шмеля. Но почему-то в сознании не было картинки шмеля, а лишь звуковой образ Ш-Ш-Шмель! Неопределенность угрозы заставляла ждать ее отовсюду, она могла даже превратиться в руку матери, и он начал вырываться, но мать держала крепко, он поднял глаза и увидел, что это не мать. А Лиза, которая плачет, потому что знает — сейчас прилетит шмель и унесет его...

Он проснулся и лежал, не открывая глаз. Он хитрил. Он знал, что люди при нем перестают разговаривать об обычных вещах — словно ему нельзя о них знать. Он понимал, что его притворство скоро будет разоблачено — приборы всегда предавали его.

На этот раз, видно, никто не поглядел на приборы, может, не ждали его пробуждения. Говорили шепотом. Мария Степановна и другая, незнакомая сестра.

— Глаза у него неживые, старые глаза, — шептала Мария Степановна. — Сколько у меня было пациентов — миллион, никогда таких глаз не видела.

— Откуда же он все знает? Это правда, что он скопированный?

— Не скажу, — ответила Мария Степановна. — Когда меня сюда перевели, он уже готовый был.

— И рассуждает?

— Рассуждает. Иногда заговаривается, конечно. На первых порах себя директором воображал.

Иван осторожно приоткрыл глаза — в комнате горела только настольная лампа, техник дремал в кресле, две медсестры сидели рядышком на диване. Было тихо, мирно, и разговор вроде бы и не касался его.

— А ты не боишься его? — спросила незнакомая сестра.

— Да нет, он добрый, я агрессивность в людях чувствую, большой послеоперационный опыт. Агрессивности в нем нет. Но глаза плохие. Боюсь, что не жилец он. Нет, не жилец...

«Это я не жилец? Почему? Неужели в самом деле во мне есть что-то ненастоящее, недоделанное, слишком хрупкие сосуды или не той формы эритроциты?»

Иван невольно прислушался, как бьется сердце. Сердце пропустило удар... По крайней мере нервы у него есть.

23

Снова Иван проснулся под утро. Что-то было не так... Снег стегал по закрытым окнам, ветер такой, что дрожали стекла. Почему-то показалось, что рядом лежит Лиза и спит — беззвучно, неслышно, чтобы не помешать ему, даже во сне боится ему помешать... Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее плеча, которое так точно вписывается в чашу согнутой ладони. И понял, что это не его память! Тряхнул головой, сбил подушку. Мария Степановна, прилегшая на диванчик, заворочалась, забормотала во сне, но не проснулась.

И тогда, уже бодрствуя, Иван начал прислушиваться к звукам ночного института, в которых что-то было неправильно.

Осторожно опустил ноги на пол, босиком, в пижаме, прошел к двери. Повернул ручку. Потом щелкнул замок.

В переходнике было темно. Иван прикрыл за собой дверь, во внешней лаборатории отыскал выключатель. Вспыхнули лампы, он даже зажмурился на мгновение. Тоже тихо — лишь через несколько стен доносится шум, глухой и неразборчивый. По коридору побежал. Подошвы тупо стучали по половицам. За одной из дверей — здесь живут шимпанзе — слышно было ворчание, стук. Он повернул ручку двери. Заперта. Иван наклонился, заглянул в замочную скважину. Была видна часть клетки, скупо освещенная маленькой лампочкой под потолком. Джон метался по клетке, тряс прутья, потом понял, что за дверью кто-то есть, и принялся ухать, верещать, словно никак не мог вспомнить нужные слова.

— Что у вас там? — спросил Иван тихо. — Что случилось?

Джон услышал, принялся бить ладонями по полу, отдергивая их, словно обжигался.

— Внизу? — спросил Иван.

Джон подпрыгнул и заревел.

Иван наклонился, попробовал ладонью пол. Может, ему показалось, но пол здесь был теплее. Подошвы ног этого не чувствовали, а ладонь ощутила.

И тут он услышал вой собак. Собаки часто выли ночами, но сейчас вой был совсем другим.

Иван пробежал еще несколько шагов, растворил дверь, ведущую в подвал, и, когда спускался по лестнице вниз, почувствовал, что воздух стал теплее, словно кто-то неподалеку открыл дверь в прачечную.

Дверь в виварий была не заперта. Иван потянул ее на себя, и в лицо ударил горячий сгусток пара. Вниз вело еще ступенек пять, нижние были покрыты водой, и лампы под потолком чуть светили сквозь белую вату. Жуткий собачий вой перекрывал шипение и журчание горячей воды.

Иван ступил вниз, в воду — она была горячей. Дальше, в середине длинного подвала с клетками вдоль стены, пар был еще гуще, и там из лопнувшей трубы била вода.

Надо было ее закрыть. Но как доберешься до трубы и чем ее закроешь? Бежать наверх, звать на помощь? Иван даже полуобернулся было к двери, но тут скулеж собак усилился — собаки плакали, визжали, боялись, что Иван сейчас уйдет, и Иван понял, что сначала надо выпустить животных, это можно сделать быстро, в несколько минут. А то, пока приедет аварийка, собаки могут свариться.

Он нащупал ногой еще одну ступеньку, потом еще одну...

В два шага, пробиваясь сквозь воду, — словно вошел в море и оно придерживает, не дает ступать быстро, — добрался до первой клетки. Пес там стоял на задних лапах — псы во всех клетках стояли на задних лапах, — это была крупная собака. Откинув засов, Иван рванул дверцу на себя — собака чуть не сшибла его и бросилась к выходу, попыталась бежать, не получилось, стала добираться к ступенькам вплавь...

Клеток оказалось много. Он не мог спешить, вода становилась все горячее, и ноги начали неметь от боли.

У каждой клетки надо было на две секунды остановиться, чтобы откинуть засов и медленно — так лучше, вернее — потянуть, преодолевая сопротивление воды, дверцу на себя. Из пятой клетки никто не вылез — там была маленькая собачонка, она еле держала голову над водой, — пришлось протянуть руку в клетку и тащить собаку наружу, теряя драгоценные секунды, а та, обезумев от боли и страха, старалась укусить его, и это ей удалось. Он бросил ее по направлению к двери и поспешил дальше. Ему казалось, что у него с ног уже слезла кожа и он никогда не сможет выйти отсюда — откажут ноги и придется упасть в воду. А он все брел, как в замедленном фильме, от клетки к

клетке, боясь отпустить решетки, чтобы не потеряться в пару, нагибаясь, открывая засовы и выпуская или вытаскивая псов. И только когда увидел, что следующая клетка пуста, повернул обратно, хватаясь за горячие прутья решеток, мучаясь, что за той, пустой клеткой, наверное, была еще одна, до которой он не добрался, но даже его упрямства не хватило, чтобы пойти назад...

Он успел заметить, что из одной клетки собака не вышла — плавает на поверхности воды серой подушкой, но он прошел мимо, считая шаги, чтобы не упасть. И уже у порога, увидев, как пытается из последних сил плыть какой-то песик, подобрал его и вынес наружу, переступив через тело собаки, выбравшейся из воды, но не одолевшей ступенек. Иван на секунду остановился, вдохнув холодный воздух. Надо позвонить в аварийку. Или дойти до Марии Степановны, чтобы смазала ему ожоги? Он поднялся по лестнице к кабинету Ржевского, хотя ближе было дойти до вахтера. Ноги слушались его, но их начало терзать болью и почему-то руки тоже, но он не смел поглядеть на свои руки. Он миновал стол Леночки, кабинет был заперт, он вышиб дверь плечом — с одного удара.

Прошел к столу Сергея, нажал кнопку настольной лампы и с трудом подтащил к себе телефон. И только тогда увидел свою руку — красную и распухшую. Но как звонить в аварийку, он не знал. И куда звонить? Ржевскому? Нет. Он не поможет. Кто-то должен отвечать за такие вещи... Иван набрал номер телефона Алевича. Долго не подходили.

— Я слушаю, — послышался сонный голос.

— Дмитрий Борисович, — сказал Иван. — Простите, что разбудил. Это Ржевский.

Алевич сразу понял — что-то случилось. Голос директора звучал натужно. И было четыре часа утра.

— Я слушаю. Что случилось? Что-нибудь с Иваном?

— Вы не можете... вызвать аварийную? Прорвало трубу горячей воды... затопило виварий...

— Господи! — вздохнул с облегчением Алевич. — А я-то думал...

— Погодите, — сказал Иван. — Я совсем забыл номер... вызовите и «Скорую помощь».

— Ветеринарную? — Алевич все еще не мог скрыть облегчения.

— Нет, для меня, — сказал Иван и уронил трубку.

В коридоре топали шаги — Мария Степановна носилась по этажам, искала пациента...

24

— Теперь ты еще больше отличаешься от Сергея Андреевича, — сказала Ниночка. — И моя кровь в тебе есть.

— Спасибо, — сказал Иван. Они сидели на лавочке в заснеженном саду института. — Хотя мне иногда хотелось, чтобы меня не спасали.

— Так было больно?

— Нет.

Они помолчали. Иван поправил костыли, чтобы не упали со скамейки, достал сигареты.

— Почему он тебе разрешил курить?

— Наверное, потому, что курит сам, — сказал Иван. — Во мне есть память о курении, есть память, и ничего с ней не поделать.

— Ну ладно, кури, — снисходительно сказала Ниночка. — Значит, ты унаследовал его плохие привычки.

— А что у тебя дома сказали? — спросил вдруг Иван.

— Мать сказала, что этого от тебя не ожидала. Что ты всегда себя берег.

— Неправда, — обиделся Иван за Ржевского. — Она же знает, что это неправда...

— Иван, а почему ты побежал? То есть я понимаю, я бы струсила, но все говорят, что разумнее было вызвать аварийку.

— Конечно, разумнее. Но я ведь тоже подопытная собака. Своих надо выручать...

— Глупости, — сказала Ниночка. — Теперь к тебе никто так не относится. Особенно те, кто тебе свою кровь давал.

— И потом... Виноват Сергей. Во мне сидело ощущение, что это мой институт, мои собаки... без него я бы даже не нашел дороги в подвал.

— Замечательно, — сказала Ниночка. — Ты обварился за него, а он спокойно спал дома.

25

Иван отложил «Сайентифик Американ» — на столике у кровати кипа журналов, отец приносит их каждое утро, будто, если Иван читает их, какая-то часть знаний переходит к отцу. Любопытно наблюдать, как читает Ржевский. Себя — со стороны. Хочется делать иначе. Отец, беря ручку, отставляет мизинец — ни в коем случае не отставлять мизинец, всегда помнить о том, что

нельзя отставлять мизинец. Отец, задумавшись, почесывает висок. Ивану тоже хочется почесать висок, но надо сдерживаться...

Журнал скользнул на пол. Повязки с рук сняли — руки в розовых пятнах. И это радовало — отличало от отца. Отец никогда не совершал этого поступка — это мой, собственный поступок.

Его организм оказался слабее, чем рассчитывали, — никто в этом при нем не признавался, но проскальзывали фразы вроде «для нормального человека такой ожог не потребовал бы реанимации»... А он — ненормальный?

Его сны, долгие и подробные кошмары были скорее формой воспоминаний. Чужая память тщательно выбирала стрессовые моменты прошлого, то, что резче отпечаталось в мозгу Сергея Ржевского. Иван предположил, что получил как бы два набора воспоминаний: трезвые, будничные и сонные, неподконтрольные. Сергей, как и любой человек, стрессовые воспоминания прятал далеко в мозгу, чтобы не терзали память. Мозг Ивана воспринимал эти воспоминания как чуждое. Но когда дневной контроль пропадал, сны обрушивали на мозг Ивана подробные картины чужого прошлого, где каждая деталь была высвечена, колюче торчала наружу — не обойти, не закрыть глаз, не зажмуриться.

Ожидая, когда придет сестра и сделает обезболивающий укол, Иван прокручивал, как в кино, — Сергею это в голову не приходило, — мелочи прошлого. Он восстанавливал, выкладывал в хронологическом порядке то, что сохранилось в его памяти от чужого детства. Начало войны, ему семь лет, отец ушел на фронт. Они ехали из Курска в эвакуацию, эшелон шел долго, целый месяц. Это живет в памяти Сергея как набор фактов, из которых складывается формальная сторона биографии: «Перед войной мы жили в Курске, а потом нас эвакуировали, и мы провели год под Казанью». В мозгу Ивана нашлись лишь отрывочные картинки, и не было никакой гарантии, что там они лежали в таком же порядке, как в мозгу отца. Иван старался вспомнить: как же мы уезжали из Курска? Это было летом. Летом? Да. А вагон был пассажирский или теплушка? Конечно, теплушка, потому что память показала картинку — длинный состав теплушек стоит на высокой насыпи в степи, и они, кажется с матерью и еще одной девочкой, отошли далеко от состава, собирая цветы. Состав стоит давно и должен стоять еще долго, но вдруг вагоны, такие небольшие издали, начинают медленно двигаться, и далекий, страшный в своей отстраненности гудок паровоза, незаметно подкатившегося к составу, доносится сквозь густой жаркий

воздух, и вот они бегут к составу, а состав все еще далеко, и кажется, что уже не добежать... Потом кто-то бежит навстречу от состава... Потом они в вагоне. Больше Иван не может ничего вспомнить.

Ночью Иван уже готов к этому, как готов к неизбежности уколов и перевязок. Воспоминание, выпестованное днем, возвратится в виде кошмара, полного подробностей того, что случилось когда-то и забыто. Он снова будет бежать к маленькому поезду, протянувшемуся вдоль горизонта, но на этот раз увидит, как мама возьмет на руки чужую девочку, потому что та плачет и отстает. Ему, Сергею, станет страшно, что отстанет, и он будет дергать девочку за край платья, чтобы мать бросила ее, ведь это его мать, она должна спасать его — и он бежит за матерью и кричит ей: «Брось, брось!» — а мать не оборачивается, на матери голубое платье, а девочка молчит, потому что ей тоже страшно, и бег к поезду, столь короткий в действительности, в кошмаре превращается в вечность, так что он может разглядеть мать, вспоминает, что у нее коротко, почти в скобку, остриженные светлые волосы, видит ее полные икры, узкие щиколотки, стоптанные сандалеты. Без помощи этого сна ему бы никогда не увидеть мать молодой — мать отпечаталась в дневной памяти лишь полной, разговорчивой и неумной женщиной с завитыми, крашеными, седыми у корней волосами. А потом, очнувшись и веря тому, что кошмар был, как и все эти кошмары, правдив, он оценит поступок матери, которая, страшась отстать от эшелона где-то в приволжской степи, помнила, что ее семилетний сын может бежать, а вот чужая девочка добежать не сможет... Но мать уже шесть лет как умерла, а он, Сергей, успел только на похороны... У него, Ивана, никогда не было матери, и признательность он испытывает к чужой маме, которая никогда не бегала с ним за уходящим поездом и никогда не отгоняла от него страшного шмеля. И в то же время Иван понимает, что сейчас он ближе к этой женщине, чем Сергей, потому что Сергей никогда не видел этого кошмара, спрятанного глубоко в мозгу.

26

— У тебя с ним роман, и меня это тревожит, — сказала мать.

Они смотрели по телевизору скучный детектив. Ниночка так устала за день, что у нее не было сил воевать с матерью.

— Ты сначала говорила, что у меня роман с Сергеем Андрее-

вичем, — сказала Ниночка, — а теперь навязываешь мне его сына.

«Надо идти спать, — подумала Ниночка, — завтра рано вставать, в темноте по морозу бежать в институт. Мария Степановна заболела, Фадеева тоже в гриппе, а она обещала перепечатать годовой отчет. Сумасшедшая работа».

— Роман с искусственным человеком еще хуже, — сказала мать. — Он ненормальный.

— Опять, мама!

— И эта попытка самоубийства в кипятке! Разве ты не видишь, что в нем сидит деструктивное начало...

Пришлось вставать, идти в свою комнату. «Останусь без чая, не в первый раз». Она, улыбаясь, легла.

Стенка тонкая, Ниночке слышен разговор из большой комнаты.

— Я его любила, — говорит мать.

— Не верю. Не мешай смотреть.

— Но сама не понимала.

— У тебя была мама. А Сергей был вчерашний студент, без жилплощади, без денег, без перспектив. Ты оказалась в положении буриданова осла. Одна охапка сена — Сережа, вторая — мамино воспитание. Вот и проморгала. Пришлось сожрать меня.

— Мерзавец! Подлец!

— Тише, ребенку рано вставать...

27

Сергей заглянул утром, спросил, как дела, напомнил, что завтра на комиссию. Оставил новые журналы. Сказал, что зайдет попозже. Взгляд у него был вопрошающий, он говорил с Иваном иначе, чем с остальными. «Как будто он передо мной виноват, — подумал Иван. — Я знаю его мысли, его надежды на бессмертие, его рассуждения о научной эстафете — все это в моей памяти. А сегодняшнего Ржевского в ней нет. Мы как бы начали в одной точке и разбегаемся поездами по рельсам в разные стороны».

Он открыл книгу, но читать не стал. Сейчас выйдет во внешнюю лабораторию, там сидит Ниночка, которая при виде его вскочит, лицо вздрогнет радостной улыбкой — смешной котенок. У Эльзы — и вдруг такая взрослая дочь. Дома у них стояло пианино, и Эльза бравурно играла на нем. «О чем я думал? По-

трепанная книга Шепмана, милого классика, догадавшегося отделить эктодерму от зародыша саламандры — зародыш выздоровел и вырос в саламандру без нервной системы. Оказывается, мезодерма контролирует дифференциацию нервной ткани. Так и меня делали — от Шепмана через Голтфретера и Стюарда к Ржевскому». Иван постарался усилием воли отогнать головную боль — он и так уже перегружен медикаментами, — принялся листать страницы книги, загнутые кое-где отцом, и понял, что ему хочется загибать те же страницы, но он не может этого сделать, потому что они уже загнуты Сергеем, и тот снова его опередил. Обедать Иван пошел в институтскую столовую. Это право он себе выторговал с большими боями. «Нельзя мне жить на сбалансированной диете. Если ты, отец, одарил меня своим мозгом, то должен был допустить, что я буду претендовать на место в человеческом обществе...»

Эльза сидела за соседним столиком и старалась не смотреть на Ивана. В столовой было мало народу — оба они пришли раньше, чем основная масса сотрудников.

Эльза отворачивается. Ревнует его к собственной молодости. А ну-ка, мы просверлим тебя взглядом! Это неэтично — гордость института, первый в мире искусственный человек жует институтский гуляш и сверлит взглядом директора библиотеки. Эльза на взгляд не реагировала, но нервно двигала пальцами, постукивала по стакану с чаем, начала что-то быстро и весело рассказывать сидевшей спиной к Ивану женщине, потом неожиданно вскочила и выбежала из столовой.

Когда через несколько минут Иван вышел, Эльза стояла на лестничной площадке, нервно курила, встретила его взгляд и спросила:

— Вы хотите что-то сказать?

Иван тоже достал сигареты, закурил и не ответил. Тогда Эльза заговорила быстро высоким, звонким голосом:

— Вы меня не знаете. Мы с вами не встречались. Я не верю Ржевскому. Вы всех ввели в заблуждение. И не понимаю, почему вы меня преследуете.

— Я не преследую вас, Эльза, — сказал молодой человек голосом Ржевского. — Мы с вами так давно знакомы, что можно не притворяться.

— Я все равно не верю, — сказала Эльза. — Вам всего несколько месяцев. Ржевский рассказывал вам обо мне, потому что вы ему нужны для удовлетворения его дикого тщеславия. Может

быть, ваша игра пройдет для академического начальства, но меня вам не убедить.

— А это совсем не трудно, — сказал Иван. — Можете меня проверить.

— Как?

— Спросите меня о чем-то, чего никто, кроме вас и Ржевского, не может помнить.

— И окажется, что он вам об этом рассказал. И это гадко, понимаете — гадко. Человек может распоряжаться лишь своими воспоминаниями. Но когда это касается других людей, это предательство. Сплетня.

— И все же спросите.

Эльза поморщилась. Но не ушла. Вдруг спросила:

— Мы катались на речном трамвайчике. Летом. Было холодно, и ты дал мне свой пиджак... Помнишь?.. Помните?

Воспоминание лежало где-то внутри. До этого мгновения Иван не знал, что когда-то катался на речном трамвайчике с Эльзой, не было нужды вспоминать.

— Вы были в синем сарафане с такими тонкими плечиками. Вы сказали мне, что хотите шампанского с семечками, а я ответил, что это винницкий вариант красивой жизни.

— Не помню. И это все?

— Все.

— Лжешь! — Эльза бросилась вверх по лестнице.

Она не хотела, чтобы он вспомнил, и боялась. А он вспомнил. Тогда на трамвайчике Эльза доказывала, что Лиза его недостойна. Что он никогда не почувствует с ней духовной близости, что Лизетта даже не смогла кончить десятый класс — надо понимать разницу между романом и семейной жизнью. Ты никогда не сможешь полюбить ее ребенка, я говорю тебе как друг, ей всегда будет ближе отец ребенка. Ты еще мальчик, Сережа, ты не знаешь женщин. Ей нужно устроиться замуж — ради этого она пойдет на все. Пойми меня правильно, я люблю Лизетту. Лизетта — добрая душа. Но тебя она погубит, опустошит... Беги от нее, спасайся, пока не затянуло мещанское болото.

— Вот где я тебя нашел, — сказал Ржевский. — Я так и подумал, что ты пошел в столовую. У меня кофе растворимый в кабинете. Хочешь чашечку?

Они молча поднялись по лестнице, и встречные сотрудники института останавливались, потому что Сергей и Иван были больше чем отец и сын, они были половинками одного человека, разделенными временем.

28

— Меня смущает, — сказал Ржевский, — что наши отношения складываются иначе, чем мне хотелось бы.

— Чего бы тебе хотелось? Чтобы я замещал тебя в этом кабинете?

— Со временем я рассчитывал и на это.

— Я могу замещать тебя и сегодня. Вопрос о жизненном опыте для меня не стоит.

Они одинаково держали чашки и одинаково прихлебывали кофе. И, наверное, одинаково ощущали его вкус. Иван прижал мизинец, и Сергей не заметил этого движения.

— Ты должен идти дальше, вперед, от той точки, в которой я тебя оставил. В этом смысл тебя, меня, нашего с тобой эксперимента.

— А прошлое? Его во мне больше, чем в тебе.

— Почему?

— Ответь мне, как была одета мать, твоя мать, когда вы отстали от поезда в сорок первом году?

— Мы отстали от поезда... Это было в степи. Поезд стоял на насыпи... Нет, не помню.

— И еще там была девочка, маленькая девочка. Когда мать побежала, она подхватила эту девочку, потому что та не могла быстро бежать. А ты злился на мать и кричал ей: «Брось!»

— Не кричал я этого!

— Кричал, кричал. Как была одета мать?

— Не помню. Понимаешь, это трудно вспомнить через сорок с лишним лет.

— А я помню. Понимаешь, помню. Почему?

— Почему? — повторил вопрос Ржевский.

— Да потому, что я — это не ты. Потому, что я знаю: эти воспоминания моими никогда не были! Я могу в них копаться, я могу в них смотреть. Мать была тогда в голубом сарафане и сандалетах. Тебе кажется, что ты забыл. А ты не забыл! Просто вспомнить это могу только я, потому что я хочу вспомнить. Ты думаешь, это единственное различие между нами?

— Я забыл и другое? — Ржевский пытался улыбнуться.

— Ты забыл многое — я еще не знаю всего...

— Вместо того чтобы искать точки сближения, ты стараешься от меня удалиться.

— А ты подумал о том, что я — единственный человек на земле, у которого не было детства? Я помню, как мальчиком иду с матерью по лугу, и в то же время знаю, что никогда не ходил с

матерью по лугу, — это ты ходил, ты украл у меня детство, ты понимаешь, ты обокрал меня и теперь сидишь вот здесь довольный собой — у тебя есть духовный преемник, замечательный сын, хорош собой и во всем похож на человека.

— Ты и есть человек. Самый обыкновенный человек.

— Врешь! Я не человек и не буду им, потому что у меня нет своей жизни. Я — твоя плохая копия, я вынужден вести твои дела, за тебя выяснять отношения с Эльзой, которая боится, как бы я не запомнил из прошлого больше, чем ты. Ты этого не понимаешь и еще не боишься, а она уже испугалась. Видно, инстинкт самосохранения развит у нее сильнее, чем у тебя.

— Чего ей бояться? — Ржевский поднялся, налил себе кипятку из термоса, принесенного Леночкой. — Хочешь еще кофе, сын?

— Замолчи, Ржевский! Сына надо вырастить, вставать к нему по ночам и вытирать ему сопли. Ты создавал не сына, а самого себя. Сын — это продолжение, а ты стремился к повторению. Если тебя тяготила бездетность, почему ты не удочерил Катеньку? У вас с Лизой были бы и другие дети... Или Эльза была права, когда вы катались на речном трамвайчике и она уверяла, что Лизочка тебе не пара?

— Какой еще трамвайчик?

— Ты меня наградил этой памятью, а теперь недоволен? Ты разве не знал, на что шел? Тебя не научили шимпанзе? Или ты хотел, чтобы я унаследовал только твою страсть к науке?

Ржевский взял себя в руки.

— В чем-то ты, наверное, прав... Но и мне нелегко. У меня такое чувство, будто я прозрачен, будто в меня можно заглянуть и увидеть то, чего я сам не хочу видеть.

— Я не хочу никуда заглядывать. Мне это не дает спокойно жить. Тебе хотелось бы, чтобы я опроверг эффект Гордона и всерьез занялся математикой? А я думаю о Лизе.

— Я думал, что после окончания работы комиссии ты переедешь ко мне. Я живу один, две комнаты, мы бы друг другу не мешали.

— А теперь уже сомневаешься. И ты прав. Нельзя жить вместе с самим собой. Дай нам разойтись... подальше. Я не могу чувствовать себя твоим сыном, потому что я старше тебя. Дав мне свою память, ты позволил мне судить тебя.

— Мы еще вернемся к этому разговору. — Ржевский сказал это сухо, словно отпуская провинившегося сотрудника, и, когда

Иван хмыкнул, узнав эту интонацию, он вдруг стукнул кулаком по столу. — Иди ты к черту!

Иван расхохотался, вытянул ноги, развалился в кресле, и Алевич, который сунулся в кабинет, потому что надо было решать с Ржевским хозяйственные дела, замер на пороге, не входил. Подопытный молодой человек вел себя уж слишком нахально. Сергей Андреевич никому этого не позволял.

29

Ниночка сидела у Ивана, он гонял ее по химии — зима на исходе, пора думать о том, как поступать в институт. Потом обнаружилось, что у Ивана кончились сигареты, и Ниночка сказала, что сбегает. Иван поднялся.

— Мне тоже не мешает подышать свежим воздухом.

Мороз на улице был сухой, несильный, снег скрипел под ногами звонко и даже весело.

— Мы так и не собрались на лыжах, — сказал Иван. — Зима уже на исходе, а мы с тобой...

— Я принесу лыжи из дома, — сказала Ниночка. — Они лет десять стоят у нас без движения.

Бараки уже снесли. Но отсутствие их не так чувствовалось зимой, когда деревья прозрачны и дыры, оставшиеся от бывших строений, не так видны.

— Ты знаешь, что он здесь когда-то жил? — спросил Иван.

— Да, очень давно.

— В третьем бараке от угла. Жаль, что я не успел туда сходить.

— Почему? Ты же борешься с Ржевским. Даже до смешного.

— Мне не все ясно. И я начинаю терзаться.

— Ой, и простой же ты человек, — сказала Ниночка. — Ясности тебе подавай. Даже я уже догадалась, что без ясности иногда проще. Ведь это замечательно, что еще остались какие-то тайны. Раньше вот ты был тайной, а теперь ты...

— Кто я теперь?

— Сотрудник института.

— Со мной нельзя дружить, — сказал Иван, усмехнувшись. — Я потенциально опасен. Все неизвестное опасно. А вдруг у меня завтра кончится завод?

— А вот и неправда. Не кончится, — сказала Нина. — Целая комиссия тебя на той неделе разбирала по косточкам.

Ниночка разбежалась и поехала по ледяной дорожке, раска-

танной на тротуаре. Иван, мгновение поколебавшись, за ней. Он часто колебался, прежде чем сделать что-нибудь, вполне соответствующее его двадцатилетнему телу. Будто Ржевский, сидевший в нем, стеснялся кататься по ледяным дорожкам или прыгать через лужи и немолодыми костями и мышцами соизмерял препятствия.

Они зашли в магазин у автобусной остановки. Иван купил блок сигарет. Ему не хватало тридцати копеек, и Ниночка дала их.

По договоренности с академией с первого числа Ивана зачислили в институт на ставку лаборанта — не сидеть же здоровому молодому парню в подопытных кроликах. Конечно, он мог бы и руководить лабораторией. Но и Ржевский, и сам Иван понимали, что рассчитывать на такую милость академии не приходится. Пока что Иван оставался экспериментальным существом, и даже в поведении мудрых членов последней комиссии Иван отметил некоторую робость и настороженность. Но он уже привыкал на это не обижаться.

— Рассказывай дальше, — сказала Ниночка, когда они вышли из магазина и повернули к институту.

— Эльза их познакомила. Сергей жил в общежитии, а Лиза — в одной комнате с матерью, братом и, главное, с Катей. Катя — ее дочка от того актера. У актера была семья, он к той семье вернулся.

— А сколько было девочке?

— Кате? По-моему, годика три, совсем маленькая. Лиза и Сергей полюбили друг друга.

Ниночка вдруг начала ревновать Ивана к той далекой Лизе, что было бессмысленно, но ведь Иван помнил, как ее целовал. И, может, даже лучше бы он и не рассказывал об этой Лизе, но останавливать его нельзя...

— А потом... Пока Лиза была бедной и легкомысленной подругой, твоя мама ее опекала и обожала. Ах, эти исповеди на Эльзиной кухне!

— Стой! — сказала Ниночка мрачно. — Этого вы с Ржевским помнить не можете...

— Нам... То есть ему рассказывали. И у моей памяти перед памятью Ржевского есть преимущество — я всегда могу спохватиться и сказать себе: «Это не моя любовь! Это не моя боль! Ты, отец, ошибаешься, потому что участвовал. Я вижу больше, потому что наблюдаю. И сужу».

Иван разбежался, первым прокатился по ледяной дорожке,

развернулся, протянул руки Ниночке, но она не стала кататься и обежала дорожку сбоку.

— Рассказывай, — сказала она, — что дальше было. И оставайся на почве фактов, как говорил комиссар Мегрэ.

— Они с Лизой сняли комнату в одном из этих бараков, купили топчан, сколотили кроватку для Кати и стали жить. Они любили друг друга... А потом в воспоминаниях начинаются сбои.

— Почему?

— Я думаю, что наш дорогой Сергей Андреевич переоценил свои силы и свою любовь, но признаться в этом не может даже себе.

— Он ее разлюбил?

— Все сложнее. Во-первых, разрушился союз друзей...

— Почему?

— Представь себя на месте мамы. У тебя есть младшая подруга, непутевая и еще с ребенком на руках, рядом — талантливый Ржевский и обыкновенный Виктор... И вдруг оказывается, что Ржевский серьезно намерен жить с Лизой, жениться на ней... И тогда твоя мама, прости, возненавидев Лизу, отвергла от своего сердца эту предательницу...

— Неправда!

— Я на днях разговаривал с твоей матерью. Она хотела узнать, не забыл ли я одного разговора о Лизе.

— Она надеялась, что ты забыл?

— А я запомнил. Лучше Ржевского.

Они вошли в институт, в коридоре встретили Гурину, которая вела за руку шимпанзе Льва, и тот сморщил рожу, узнав Ивана.

В лаборатории Ниночка осталась во внешней комнате. Иван, чувствуя неловкость, что наговорил лишнего, прошел к себе.

Но через пять минут Ниночка ворвалась к нему.

— Почему ты не рассказал, чем все кончилось? Жалеешь меня?

— Нет.

— Рассказывай.

— Ладно. Подошло время поступать в аспирантуру. Они с Лизой прожили к тому времени больше полугода. Ржевский стоял в очереди за молоком для Катеньки и работал ночами, когда ребенок засыпал. Лиза готовила еду, стирала белье и была счастлива, совершенно не видя, что Ржевский смертельно устал —

последний курс, диплом, а он — мальчишка, на которого свалились заботы о семье.

Ниночка кивнула. Достала из пачки сигарету, хотела закурить, но Иван отобрал у нее сигарету.

— В общем, Ржевский устал. Ему уже не нравился суп, который Лиза готовила без мяса, потому что на мясо не было денег. Она сама работала через день на фабрике — без этого не прожить, а каждый второй день Ржевский оставался с девочкой, и ничего нельзя было поделать — тогда в детский сад устроиться было очень трудно, начало пятидесятых годов. Ржевскому страшно хотелось остаться одному — без Лизы, без Кати, без людей. Он чувствовал себя пещерным человеком, у которого жизнь кончилась, не начавшись. И он уже никогда не будет ученым. Он был раздражен и несправедлив к Лизе.

— Я могу его понять, — сказала Ниночка. — Лиза тоже должна была понимать, на что она его обрекла.

— Ни черта ты не понимаешь, — сказал Иван. — Что могла Лиза сделать? Она старалась, чтобы Катя не плакала, когда папа Сережа работает. И надеялась — Сережа поступит в аспирантуру, им дадут квартиру в институте, все образуется. Как-то он встретился с твоей мамой и не сказал об этом Лизе. Эльза обволакивала его сочувствием. Она его понимала!

— Можно без комментариев? — попросила Ниночка.

— Можно. Потом в один прекрасный день твой дорогой Ржевский сообщил Лизе, что они с Катей погубили ему жизнь.

— Просто так, на пустом месте?

— Нет, ему сказали, что его моральный облик — связь с Лизой — закрывает ему путь в аспирантуру. В те времена к этому относились строго. А она не была разведена с тем актером.

— Кто сказал ему про аспирантуру? Он сам догадался?

— Неважно.

— Важно. Моя мама, да?

Ниночка уже верила в это и потому стала агрессивной и готова была защищать Эльзу.

— Нет, — ответил Иван, не глядя ей в глаза.

Он не думал об этом раньше, а тут сразу вспомнил. Об этом сказала не Эльза. Виктор тогда стажировался в институте, всех знал и был не то в месткоме, не то ведал кассой взаимопомощи. Они курили в коридоре у окна, а Виктор смотрел грустно и рассуждал: «В дирекции недовольны. Наверняка отдадут место Кругликову. Я слышал краем уха. Старичок, надо выбирать. Или любовь, или долг перед наукой. Сам понимаешь...» Иван забыл

об этом разговоре. Виктор мог рассуждать сколько угодно, если бы Ржевский сам для себя не готовился к расставанию.

— А чем кончилось? — спросила Ниночка.

— Лиза ушла от него. И уехала из Москвы.

— И он ее не нашел? Или не искал?

— Сначала он почувствовал облегчение. А через некоторое время затосковал. Пошел к Лизиной матери. Но та отказалась помочь. Эльза сказала ему, правда, она ошиблась, — что Лиза вернулась к тому актеру.

— Ошиблась? Или нарочно?

— Не знаю. Через несколько лет он узнал, что Лиза уехала в Вологду. А там попала под поезд или как-то еще умерла.

— Она бросилась под поезд. Как Анна Каренина! Он ее убил!

— Может, случайность. С тех пор Ржевский уверен, что виноват в ее смерти.

— Виноват, — подтвердила Ниночка. — И мама в этом убеждена.

— Главное, что он виноват для самого себя. А когда он планировал меня, то, разумеется, не учел, что я буду помнить все о Лизе. Не только о генах и мутациях, но и о Лизе.

— А что стало с девочкой... с Катей?

— Милая, прошло много лет. Она сейчас старше нас с тобой. Живет, наверное, в Вологде, нарожала детей...

— Не хотела бы я быть на месте Ржевского.

— Прости, что я тебе все это рассказал.

— Кому-то надо было рассказать. Ты же ревнуешь к отцу.

— Ревную?

— Конечно. Тебе кажется, что он у тебя отнял и любовь. Он ее целовал, а ты об этом помнишь, как будто подглядывал. Это ужасно!

— Эдипов комплекс, Фрейд в квадрате. Не усложняй.

— Куда уж там... — Ниночка положила ладонь на руку Ивана, и тот накрыл ее другой рукой.

Ниночка замерла, как будто была птенцом, которого всего Иван накрыл ладонью.

— А я? — сказала она не сразу. — Меня ведь там не было. Я только сегодня.

— Тебя я ни с кем не делю, — согласился Иван.

— Ты думаешь о другом?

— Нет, что ты...

Ниночка вырвала ладонь, вскочила, отбежала к двери.

— Мне тебя жалко! — крикнула она от двери. — До слез.

— Извини, — сказал Иван. — Я думал о другом.

— Знаю, знаю, знаю!

Ниночка хлопнула дверью. Тут же открыла ее вновь и заявила:

— Когда сам влюбишься, тогда поймешь.

— Но трудно рассчитывать на взаимность, — улыбнулся Иван. — При такой-то биографии. У меня даже паспорта нет.

— Дурак!

На этот раз Ниночка так хлопнула дверью, что зазвенели склянки в белом шкафчике у окна.

30

В конце февраля вдруг совсем потеплело. Ивану было жалко, что снег съеживается, темнеет. Теплая зима неопрятна. И обидно, если это твоя первая зима.

Иван не собирался в Исторический музей. Он был в ГУМе, купил венгерские ботинки и галстук. Пробелы в гардеробе были катастрофическими, у отца брать вещи не хотелось, да и небогат был Сергей по этой части.

Иван обнаружил тут некоторое кокетство великого человека, который натягивает перед зеркалом потертый пиджак, чтобы все видели, насколько он выше подобных вещей. Отец, конечно, не отдавал себе отчета в кокетстве — только со стороны было видно. Со стороны и изнутри.

Низкие облака тащились над Красной площадью, задевая за звезду Спасской башни. Собирался снег. Или дождь. Исторический музей казался неприступным замком. Иван решил, что он закрыт. Но перед тяжелой старой дверью стояли скучные экскурсанты. У них был вид людей, которые уже раскаивались в том, что соблазнились культурой, когда другие заботятся о материальном благополучии.

Иван купил билет. Он даже вспомнил запах этого музея. Запах громадного замка, наполненного старыми вещами. К нему надо привыкнуть, не замечать его, забыть и вспомнить снова через много лет. Когда он первый раз пришел туда? Ему было лет пятнадцать, в коробке у бабушки оказалась античная монета, будто оплавленная и покрытая патиной, невероятно древняя и невероятно ценная. Он тогда вошел с проезда у Кремлевской стены в служебный вход, позвонил снизу в отдел нумизматики, кажется, номер 19. Он держал монету в кулаке. Прибежала девушка, оказалось, ее зовут Галей. Почему-то потом они сидели в комнате на втором этаже, которой можно было достигнуть,

лишь пройдя путаными узкими коридорами. Стены комнаты были заставлены стеллажами с книгами. Другая женщина, постарше, вынесла толстый каталог в темном кожаном переплете. Он даже запомнил, как она сказала: «Варварское подражание». Ему эти слова показались смешными.

Иван покачал головой, словно хотел вылить воду из уха. Он никогда раньше не бывал в Историческом музее и не знал, как пахнет замок, полный старинных вещей.

Иван стоял в зале каменного века. На большой картине первобытные охотники добивали мамонта. Под стеклом лежали рядком наконечники стрел, обитые ловко и точно, чуть зазубренные по краям.

Это было приятное узнавание. Кое-что изменилось. Но не так много, чтобы удивить. Впрочем, мало что изменяется в первобытно-общинном строе.

Надо было зайти в следующий зал. Но там, как назло, половина помещения была отрезана веревочкой, на которой, чтобы посетители не налетели на нее, были развешаны зеленые бумажки, словно для волков-дальтоников. На полу стояло несколько греческих ваз. Рядом сидел Пашка Дубов с кипой ведомостей на коленях. Пашка сильно постарел, раздался, но в общем изменился мало. Иван сказал:

— Пашка!

И тут же спохватился. Он же не знаком с Пашкой.

Иван отвернулся к витрине, уставился в разноцветную карту греческих поселений Причерноморья. В стекле отразилось удивленное лицо Дубова — усики и острый носик. Хотя тогда усики еще только пробивались. Дубов говорил, что настоящий археолог не должен бриться — это экономия усилий и времени. Усики у него уже пробивались, а бороды еще не было. Они сидели на берегу Волхова, недалеко от моста. Был прохладный серебряный летний вечер. Давно ушедшее солнце умудрилось еще подсвечивать купола Софии. Сергей тогда сказал Пашке, что таких вот, как он, и бросали с моста в Волхов, устанавливая торжество новгородской демократии. Пашке хотелось скорее отрастить усы и бороду, потому что он был смертельно влюблен в аспирантку Нильскую. Разница между ними была необъятная — минимум шесть лет. К тому же Нильская сохла по Коле Ванину, который был талантлив, как Шлиман. Потом пришел сам Коля Ванин и сказал, что береста, которую нашли утром, пустая. Без надписи. Пашка смотрел на мост и, видно было, хотел сбросить талантливого соперника в Волхов. А Коля не подозревал об угрожавшей

ему участи и рассказывал, что печать Данилы Матвеевича надо датировать самым началом пятнадцатого века. Сергей глядел на молодого Шлимана влюбленными глазами. Он разделял чувства аспирантки Нильской. Коля Ванин разговаривал со школьниками, приехавшими на каникулы в новгородскую экспедицию, точно так же, как с академиками. Ему важны были единомышленники и умные люди. Должность — дело наживное.

Пашка Дубов снова обратился к ведомости. Интересно, он счастлив? Прошло три десятка лет с тех пор, как они сидели на берегу Волхова. Коля Ванин теперь членкор. Грамот, которые в те годы только начали находить, набралось уже несколько сотен, а пожилой Пашка Дубов, оказывается, работает в Историческом музее и считает черепки.

Дубов почувствовал взгляд и снова обернулся. Что он видит сейчас? Просто молодого человека, забредшего сюда в пасмурный день?

Дубов привстал, положил на стул ведомости, улыбнулся криво и несмело, он всегда так улыбался.

— Простите, — сказал он. — Простите...

— Вы обознались, — ответил Иван. — Хотя я очень похож на Ржевского в молодости.

И он быстро ушел из зала, почти выбежал из музея, чуть не забыл в гардеробе ботинки, ему было неловко, что он вел себя как мальчишка. Совсем как мальчишка.

31

Вечером он сам зашел к отцу. Без предупреждения.

У отца сидел громоздкий обвисший старик, академик Человеков. Отец удивился и обрадовался.

— Вот вы какой, — гудел Человеков. — Завидую, завидую отцу вашему. Молодец вымахал. Что беспокоит?

Они пили чай с вафлями. Два солидных человека, настоящий академик и будущий академик. Ржевскому неловко было спросить, зачем Иван пришел. Он делал вид, что Иван здесь днюет и ночует.

— Чай пить будешь? — спросил отец.

— Нет, спасибо. Я на антресоли залезу, хорошо?

— Что тебе понадобилось?

— Книжки, — сказал Иван.

Человеков, видно, решил, что Иван здесь живет, и продолжал разговор, не стесняясь постороннего. Впрочем, какой он посторонний?

Иван подставил стремянку. Антресоли были широкие, снаружи лежали старые ботинки, связки журналов. Иван бросал их на пол.

— Осторожнее, — сказал Ржевский. — Внизу люди живут.

— Ассигнования я гарантирую, — гудел Человеков. — Я бы не пришел к вам с пустыми руками. И лимит на японскую аппаратуру. Ведь нуждаетесь, а?

Книги, заткнутые внутрь, пахли пылью. Когда он их туда положил? Лет шесть назад, когда был ремонт. Спрятал подальше, чтобы не вспоминать. Иван вытащил сборник по дендрохронологии в белой бумажной обложке. Срезы стволов, из которых сложены новгородские мостовые, были прорисованы тонко и точно.

— В любом случае, — рокотал Человеков, — вы не остановитесь на первом экземпляре. Не морщитесь. Экземпляр — это не оскорбление. Правда, молодой человек?

— Нет, — откликнулся Иван. — Я не обижаюсь.

— Вот видите, он разумнее вас, — сказал Человеков. — А денег сейчас вам больше не дадут. Сначала года три помучают комиссиями.

За плотной стенкой книг по археологии нашелся и ящик. Юношеская коллекция. Ящик поддался со скрипом. Он был тяжелый. Иван с трудом спустил его на пол. Сел рядом и вынимал оттуда завернутые в белую бумагу черепки и кремни. Читал округло написанные данные — где, когда найдено.

Он даже не сразу услышал, как Человеков начал прощаться.

— Так проходит мирская слава, — сказал академик. — У меня внук собирается в историки. Я отговариваю. Прошлого не существует, пока мы не устроили настоящее.

Иван поднялся. Человеков прошел в прихожую и долго одевался. Внимательно разглядывал Ивана, кидал быстрые взгляды на Ржевского, потом снова на его сына.

Когда наконец натянул пальто, вдруг спросил:

— Молодой человек, а хочется ли вам быть продолжением отца?

— Я еще не знаю, — сказал Иван. — Наверное, не во всем.

— Молодец, — обрадовался академик. — Когда мы сделаем моего, я его обязательно уговорю заняться чем-нибудь еще.

— Почему? — спросил Ржевский.

— Я пятьдесят лет отдал своей проклятой науке. Я устал. Ка-

кое я имею право навязывать своему сыну перспективу еще пятьдесят лет делать то, что он мысленно проделал со мной вместе? Не обращайте внимания, я шучу. У меня тоже бывают сомнения.

Когда академик ушел, Сергей сказал:

— Приходил просить сделать... это. С ним.

— Я понял, — сказал Иван. — Но при виде меня его уверенность уменьшилась?

— Даже с его влиянием денег ему не достать, — сказал Ржевский. — Что это ты вспомнил о детских увлечениях?

Иван вертел в пальцах половинку синего стеклянного браслета.

— Помнишь, как ты чуть с обрыва не рухнул? — спросил он.

— Помню. Конечно, помню.

— Я сегодня в Историческом музее был. Знаешь, кого там видел?

— Не имею представления.

— Пашку Дубова.

— Неужели? А что он там делает?

— Работает. Антикой занимается.

— Молодец, — сказал Ржевский. — А я думал, он сбежит. Знаешь, он страшно комаров боялся.

— Знаю.

— Человеков врет.

— Что? — Иван осторожно завернул обломок браслета в бумагу. Развернул следующий пакетик. Он еще никогда не ощущал такого сладостного узнавания. Даже в желудке что-то сжималось от радости, что он сейчас встретится со старым знакомым. Конечно же, валик от амфоры. Из Крыма.

— Человеков врет, — повторил Ржевский. — Я готов еще пятьдесят, сто лет заниматься тем же. И ты должен меня понимать лучше любого другого.

— Дубов растолстел, — сказал Иван. — А усики такие же. Сидит в зале, проверяет что-то по ведомостям.

— Значит, недалеко ушел. Младший без степени, — сказал Ржевский. — Потом сложи все это обратно.

32

В начале марта сдох шимпанзе Лев. От общего истощения нервной системы, как туманно выразились ветеринары. В последние недели он отказывался от пищи, устраивал беспричинные истерики, бросался на решетку, словно хотел пробиться к своему отцу и растерзать его. Джон огрызался, сердился, но тоже был подавлен, словно знал, что Льву не жить на свете.

Ржевского эта смерть очень расстроила. И даже не самим фактом — подопытные животные погибали и раньше. Плохо было, что ни один из медиков не смог определить причину смерти.

Но потом случилось еще одно непредвиденное осложнение. Когда Лев пал, Джон обезумел, рвался к мертвому сыну. Тело Льва унесли. Всю ночь Джон не спал. Гурина не выходила из вивария, но под утро задремала. Джон умудрился, не разбудив ее, выломать замок и сбежать из института. В поисках своего сына он добрался чуть ли не до центра Москвы — время было раннее и машин мало. Но в начале Волгоградского проспекта его сшиб троллейбус. Насмерть. Водитель даже не успел понять, что случилось, увидел только, что кто-то попал под колеса. И решил, что сбил человека. Когда остановил машину и увидел, что это обезьяна, он почувствовал такое облегчение, что ноги отказали, и он сел прямо на асфальт.

Иван с Ниночкой об этом не знали. Они пошли к Гулинским в гости. Эльза сказала Ниночке: «Приходи с ним». Та удивилась и не приняла этих слов всерьез, но с улыбкой передала приглашение Ивану. Он сразу согласился идти. И сказал:

— Я там давно не был. Несколько лет.

— Это любопытство? Или раскопки самого себя?

— Археология.

— Так я и знала. Пойду скажу матери, что ты придешь. Она сама не верила. Если не сказать, она не позвонит отцу. Если она не позвонит отцу, некому будет купить жратву на вечер.

Мать тщательно накрасилась, достала сервиз из шкафа, подаренный к свадьбе, поредевший, но ценимый. Отец, конечно, запоздал, и гости сначала выслушали гневную речь в его адрес.

Иван ходил по большой комнате, вглядываясь в вещи, многие так и прожили в этой давно не ремонтировавшейся квартире все тридцать лет. Несколько лет назад собрали денег на ремонт, но тут подвернулась горящая путевка в Дом творчества писателей в Коктебеле. Эльза прожила месяц в самом центре культурной жизни, а Виктор снимал койку в поселке и после завтрака волочился в Дом творчества за кисочкой. Иван никак не мог сообразить, что же его так тянуло сюда? Он прошел на кухню. Потолок стал темнее, клеенка на столе новая. Сколько раз он сидел на этой кухне за поздними бесконечными разговорами. И сюда он пришел после ухода Лизы... И Эльза, потрясенная предатель-

ством Лизы, повторяла, что этого и надо было ждать... Зато перед Сергеем теперь открылась дорога в науку.

Ниночка вбежала в кухню.

— Что ты тут потерял?!

— Прошлое, — сказал Иван. — Но не стоило находить.

Эльза тоже пришла на кухню и стала чистить картошку.

— Простите, — сказала она, — но я не смогла отпроситься. Сейчас все будет готово. Десять минут. Ниночка, почисть селедку.

Пришел, волоча ноги, бледный и заморенный Виктор.

— Похож, — сказал он Ивану, здороваясь. — Как две капли.

Он поставил на пол сумки. Потом из одной вытащил бутылку водки и несколько бутылок минеральной воды. И быстро сунул их в холодильник.

— Я тебя просила? — начала Эльза. — Я тебя просила раз в жизни что-то сделать для дома...

— Погоди, кисочка, — сказал Виктор, — не сердись! Я такое зрелище сейчас видел, ты не представляешь.

— Масло купил?

— Купил, купил, сейчас достану. Понимаешь, обезьяна под троллейбус попала. Вы можете себе такое представить?

Он шарил глазами по Ивану, будто рассказывал только ему.

— Какая обезьяна? — испугалась Ниночка. Казалось бы, в городе сотни обезьян, да и не знала она, что Джон сбежал. — Черная? Большая?

— Я ее уже мертвую видел. Громадная, — сказал Виктор. — На месте, одним ударом! Это же не чаще, чем драка двух львов на улице Горького, можно подсчитать вероятность. Из зоопарка, наверное, сбежала.

— Его Джоном звали, — сказала Ниночка. — Это он, правда?

Она взяла Ивана за руку. Тот кивнул.

— Что? — спросил Виктор. — Ваша обезьяна, из института? Ну тем более за это надо выпить. И срочно. Вечная ей память. Наверное, в валюте за нее платили?

— Это какая наша? — удивилась Эльза. — Из вивария?

— Да.

— Искусственная или настоящая?

— Настоящая, — сказала Ниночка зло. — Самая настоящая.

— Шимпанзе-самоубийца! — расхохотался Виктор.

Ниночка увела Ивана в комнату.

— Ты расстроен за Ржевского? — тихо спросила она.

— Ему сейчас плохо.

— Но это же случайность.

— Случайность.

За столом царили улыбки и благодушие. Правда, Иван не пил, совсем не пил, и все согласились, что правильно, молодому человеку лучше не пить.

Виктор быстро захмелел. Последние годы ему достаточно было для этого двух-трех рюмок, а тут он, пользуясь тем, что внимание Эльзы приковано к гостю, опрокинул их штук пять. И сразу стал агрессивен.

Ниночка не любила своего отца в таком состоянии — как будто в нем таился другой человек, совсем не такой деликатный и мягкий, как обычно, человек злой, завистливый и скрывающий свою зависть за умением резать правду-матку.

— Мы с отцом твоим, Ваня, — сказал Виктор, — были друзьями. Веришь?

Иван кивнул. Виктор был близок к истине.

— И остались бы, если бы не бабы и не его карьеризм. Он стремился вверх любой ценой. Ради славы готов был убить. А я... Я не мог наступать на людей.

Эльза пошла за печеной картошкой, загремела крышкой духовки. Виктор наклонился к Ивану и сказал:

— Я ему завидовал. Всегда. И был не прав. Теперь я ему не завидую, понимаешь? Он довел себя до трагедии одиночества. И ты — его расплата.

Иван послушно кивал, как истукан. Щеки его покраснели. Ниночка не знала, как его увести.

— Ржевский будет беспокоиться, — сказала она.

— Я оставил ему этот телефон, — сказал Иван, не двигаясь. Он внимательно смотрел на Виктора, будто приглашая его продолжать.

Эльза принесла блюдо с печеной картошкой. Хрусталинки соли блестели на серой кожуре. Она грохнула блюдом о стол.

Виктор поднялся, подошел к Ивану, наклонившись, обнял его за плечи.

— Ты мне неприятен, — громко сказал он. — Но это не ты, а он, понимаешь?

— Папа!

— Молчи. Он, может, сам не понимает, он меня ограбил, а через столько лет опять явился. Тебе Эльзы мало? Тебе Лизетты мало? Ты за мою Ниночку взялся? Не дам! Не дам, понимаешь? Ничего тебе не дал и не дам!

— Молчи! — закричала Эльза.

Ниночка вскочила.

— Пошли отсюда, Иван!

Эльза плакала. Виктор поплелся за ними в прихожую.

— Ты не понимай меня в прямом смысле, — бормотал он.

К счастью, они быстро поймали такси.

В институте Иван сразу лег. Ему было плохо.

33

Четкий кошмар пришел той ночью к Ивану. Из тех кошмаров, что не оставляли неосвещенными ни одного уголка памяти Сергея Ржевского, заставляя Ивана знать о нем больше, чем сам Сергей.

Он вошел в комнату в бараке, кипя злостью и обидой, а Лиза, еще ничего не подозревая, бросилась к нему, обняла длинными тонкими руками мокрый от дождя пиджак, быстро и тепло поцеловала мягкими податливыми губами, стала стаскивать пиджак, приговаривая: «Ну, снимай же, ты чего сопротивляешься? Я сейчас же его проглажу. — Потом с пиджаком в руке замерла: — Что-то случилось? На работе? У тебя неприятности?» Она говорила таким виноватым голосом, будто неприятности на работе бывали только из-за нее. Он смотрел, понимая, что она ни в чем не виновата, но все — и ее близорукий взгляд, и дрогнувшая нижняя губа, и даже движение ее рук, чтобы отвести в сторону прядь волос, отросших и забранных сзади резинкой, — не вызывало обычного умиления.

— Я не хочу есть, — сказал он, проходя в комнату из маленькой прихожей — метр на два, но тут же подался назад — совсем забыл, что Катя болела третий день, даже не спросил о ней, но это лишь усилило раздражение.

Они стояли в прихожей совсем близко, но не касаясь друг друга. Краем глаза Сергей видел, что на столе под лампой стоит тарелка, рядом хлеб и масло.

Так они и стояли в прихожей. И не могли никуда уйти. Иван догадался, что в этой неподвижности и таится кошмарность сна. И пока разговор не завершится, они не двинутся из тесной прихожей.

— Расскажи, что случилось?

— Ты мне не сможешь помочь.

— Но я хоть выслушаю. Раньше ты мне все рассказывал.

— Меня не зачисляют в аспирантуру.

— Не может быть!

— Ничего, — сказал Сергей. — Пойду в школу, буду преподавать биологию...

— Почему не берут? Ты же лучше всех. И твой диплом печатать взяли.

Сережа молчал и думал, что у Лизы скошенный лоб и слишком широкие скулы.

— Это из-за меня? — прошептала Лиза. — Ну скажи, скажи.

— Я сам во всем виноват. Сам. Понимаешь, только сам. Не надо нам было встречаться, — сказал он наконец.

А в прихожей — метр на два — тесно и душно, кружится голова, и Иван знает, что сейчас Лиза задохнется.

У Лизы плохое сердце, она совсем больная, здесь, в тамбуре, ей не хватит воздуха, и она умрет. Тогда все кончится, его возьмут в аспирантуру, только надо еще потерпеть... и потом станет легче.

А ему, Ивану, хоть это не его вина и не его боль, необходимо спасти Лизу, открыть окно, сломать стену, хотя бы распахнуть дверь. И он просыпается. Тихо. Теперь никто не дежурит по ночам в комнате. И вообще, почему человек должен жить в институте? Как в виварии. Вот притащили шкаф, списанный в какой-то лаборатории, белье, лежащее в нем, пропитывается застарелым запахом кислоты. Снять, что ли, комнату? В каком-нибудь бараке.

Иван достал журнал и попытался читать. Журнал был испанским. Испанского языка Ржевский не знал. Испанский язык учил Иван. Это было важно. Он почитал несколько минут, потом его одолела дремота.

34

— Сократите свои штудии, — сказал профессор Володин. — Вы сведете себя с ума. Я серьезно говорю. Раньше это называли мозговой горячкой. Теперь мы придумаем современное название, но помочь вам не сможем. Молодой человек, а давление прыгает, как у старика. Больше свежего воздуха, можете бегать рысцой...

— Я и в молодости не бегал рысцой, — сказал Иван. Тряхнул головой и добавил: — Попробую.

На следующее утро натянул Иван спортивный костюм, белая полоса как лампасы, побежал трусцой сначала по асфальтовой дорожке, потом свернул в проход между бывшими бараками, по-

пал в промоину, промочил ноги, разозлился на себя. В той, первой молодости он был куда подвижнее.

Тут Иван вспомнил, что его ждет Ниночка. Надо заниматься, раз обещал.

Занятия с Ниночкой выбивали Ивана из колеи, он не мог признаться ученице, что дело в ней. Он сравнивал себя с шофером-профессионалом, который обучает езде новичка. Ниночка была обыкновенной, в меру способной ученицей. Но не больше. Без искры. Часы, которые он проводил с ней, утомляли — ему достаточно было проглядеть страницу, чтобы понять больше, чем имел в виду автор учебника. Но он не мог позволить себе спешить — Ниночка должна была понять то, что было для нее сокровенной тайной, а для него — запятой в уже прочитанной книге. А ощущение времени, ускользающего, дорогого, невозвратимого, у Ивана было чужое — от Ржевского. Казалось бы, он, Иван, должен бы быть куда ближе к Ниночке, для которой сегодняшний день не имел особой ценности, потому что впереди их было бесконечное множество. А в Иване жила внутренняя спешка, желание успеть... Надо было что-то сделать. Сделать, несмотря на предостережения доброго профессора Володина. Что Володин понимает в монстрах? Он же их раньше не лечил. Докторам важно сохранить в целости его бренное тело. Отцу важно использовать его голову. Использовать безжалостно, как собственную. А что нужно Ивану? Жизнеспособен ли он? Дурное самочувствие, хандра, вспышки ненависти к журналам, что отец подкладывает к нему на стол, — это свойства его еще не стабилизированного характера или органические пороки, которые свойственны всем подобным монстрам? Лев и Джон умерли — нет его родственников. Эксперименты на людях пока остановлены — научный мир смотрит на Ивана с различной степенью доброжелательности или зависти. Для всех он — колонки цифр, рентгенограммы, строчки в отчетах. А рядом сидит очаровательная Ниночка и старается осознать закон Харди—Вайнберга, и популяционная генетика для нее выражается сейчас в движущейся картинке, на которой население города Балтимора свертывает языки, — классический пример из учебника, а Ниночке хочется сходить в кино независимо от того, каков процент аллелей в популяции этой Балтиморы рецессивен. И в этой весьма удручающей жизненной картине у Ивана лишь один просвет — взгляд Пашки Дубова и пыльные пакетики из ящика на антресолях.

— А в «Ударнике» сегодня начинается Неделя французского

фильма, — сообщила вдруг Ниночка. Не выдержала. Теперь надо сделать так, чтобы она не потащила Ивана за собой в кино, потому что ему хочется просмотреть купленную вчера у букиниста книгу любознательного епископа Евгения о древностях новгородских. На это как раз ушла вся зарплата младшего научного сотрудника, если не считать того, что отложено на сигареты.

35

Мозг — система, которая имеет пределы мощности. Лишь малая часть его клеток работает активно. Это вызвано не недосмотром природы, а ее мудростью. Мозг надо беречь.

При ускоренном создании взрослой особи к ней переходит весь жизненный опыт условного отца. Чем выше организован донор, тем активнее трудится его мозг, тем ближе он к пределу своих возможностей, тем меньше у него резервов. То есть мозг Ивана, его нервная система с первого мгновения жизни были перегружены информацией. Усталость Ржевского, истощение его нервной системы достались Ивану.

Но, «родившись», Иван медленно начал поглощать информацию. Он не просто продолжал Ржевского, он спешил отделиться от него, утвердиться, наполнить мозг собственной информацией, а не постепенно, годами набирать ее, как все люди. Ощутив перегрузку, осознав опасность, зазвенели в мозгу предупреждающие сигналы — и мозг принялся отчаянно бороться с чужой памятью Сергея Ржевского.

«Господи, — подумал Иван, — сколько хлама накапливается в каждом мозгу за полвека». И каверза на математической контрольной в четвертом классе, и взгляд Зины из соседнего двора, и содержание поданного в октябре прошлого года заявления об улучшении жилищных условий слесаря Синюхина...

Борьба с Ржевским оборачивалась борьбой с собственным мозгом, и тот выплескивал мысли и образы прошлого — клетки, населенные информацией Ржевского, буквально вопили, что истинные хозяева — они.

«Что же теперь делать? — думал Иван. — Принимать валерьянку? Бросить читать и писать? Не обременять мозг новыми мыслями? Это невозможно. Проще повеситься. А больная совесть профессора Ржевского, столь легкомысленно переданная его незаконному сыну, жаждет покоя. Может кончиться тем, что Иван рехнется, а Ржевский не перенесет провала. Не только провала эксперимента — провала человеческого. Тут все ясно

как день. Значит, чтобы не погубить Ржевского, надо выжить самому. А чтобы выжить самому, надо избавиться от недавнего прошлого Ржевского — заколдованный круг».

36

Иван подстерег Пашку Дубова у служебного входа. Тот шел с хозяйственной сумкой — из пакетов высовывались горлышки бутылок минеральной воды.

Дубов вовсе не удивился, увидев Ивана.

— Вы чего тогда не подошли? — сказал он. — Я же сразу вычислил. Вы — сын Сергея Ржевского. Точно? Удивительное сходство. Даже в манерах.

Иван не стал спорить. Потом они долго сидели на лавочке в Александровском саду. Дубов послушно отчитывался в экспедициях, в которых работал, даже рассказал о том, почему он женился недавно на студентке и как плохо это отразилось на его положении в музее, потому что его предыдущая жена, даже две предыдущих жены, работают там же. Дубов, оказывается, имеет плохое обыкновение влюбляться в экспедициях. И всерьез. Это вело к алиментам, что накладно при зарплате младшего научного, который так и не собрался защититься.

— А как Сергей? — спрашивал он время от времени, но Иван умело переводил разговор на дела экспедиционные, и Дубов послушно переходил к продолжению рассказа.

— Хотите летом с нами? — спросил он. — Мы будем недалеко, в Смоленской области. Я бы уехал на Дальний Восток, но Люсенька в положении, она возражает.

— Хочу, — сказал Иван.

— А Сережа, Сережа не соберется? Взял бы отпуск.

— Нет, он занят.

— А вы учитесь? Я даже не спросил.

— Я биолог, — сказал Иван.

— Я был убежден, что Сергей станет археологом. И выдающимся.

— Я его заменю, — сказал Иван.

— Хотя бы на месяц, во время отпуска, — согласился Дубов. — Я буду рад. Я очень любил Сережу. Жаль, что наши пути разошлись, А он не будет возражать?

— Наверное, будет, — сказал Иван.

— Он против того, чтобы вы отвлекались, да?

— Против.

— А вас тянет?

— Я нашел коллекцию отца. И у меня такое чувство, что собирал ее я сам. У меня нет такого чувства по отношению к другим делам отца.

— А мой отец хотел, чтобы я стал юристом, — сказал Дубов. — Но я был упрям. Я сказал ему, что нельзя из сына делать собственное продолжение.

— Почему? — заинтересовался Иван.

— Потому что отец не может знать, какое из продолжений правильное. В каждом человеке заложено несколько разных людей. И до самого конца жизни нельзя сказать, кто взял верх. Я убежден, что Сережа мог стать хорошим археологом. Но стал хорошим биологом. Мы с вами не знаем, когда и что случилось в его жизни, что заставило его на очередном жизненном распутье взять вправо, а не влево. А может, ему до сих пор иногда бывает жалко, что он не забирается утром в пыльный раскоп, не берет кисть и не начинает очищать край глиняного черепка. Кто знает, что за этой полоской глины? Может, громадный Будда, которого откопал Литвинский? Может, неизвестный слой Трои? Может быть, целая эпоха в жизни человечества, открытие которой сделает нас вдвое богаче... Господи! — Дубов поглядел на часы и расстроился. — Люсенька мне буквально оторвет голову. У нее завтра семинар, а я еще обед не приготовил. Запишите мой телефон.

37

Есть с утра не хотелось. Иван напился прямо из кофейника холодного вчерашнего кофе, с тоской поглядел на стопку новых журналов. Тут его вызвал Ржевский.

Иван подумал, что Ржевский за последние недели заметно осунулся.

— Смотри, — сказал он, подвигая через стол стопку медицинских отчетов. — Это то, о чем пациенту знать не положено. Но ты активно занимаешься самоуничтожением.

В отчетах не было ничего нового. Правда, есть некоторый регресс. Такое впечатление, что он старик, у которого барахлят различные системы.

— Физиологически я тебя обгоняю, — сказал Иван равнодушно.

— Созываем консилиум. Наверное, переведем тебя в клинику.

— Там я точно загнусь, — сказал Иван.

— Но ты сам не хочешь себе помочь.

— В клинике они могут лечить то, что им знакомо. А я только кажусь таким же, как другие люди.

— Ты устроен, как другие люди.

— Не верю. Каждый человек запрограммирован на определенную продолжительность жизни. Хотя бы приблизительно. Возможно, программа эта отрабатывается в утробе матери. Ты тоже не знаешь, как эта система действует. Все эти годы ты гнал себя к практическому результату. На философскую сторону дела взглянуть не удосужился.

— На философскую? — спросил Ржевский раздраженно. — А может, на мистическую?

В кабинет заглянула Гурина подписать бумаги о питании для новых обезьян. Ржевский подписал, не читая.

— О чем мы говорили? — спросил он, когда Гурина ушла.

— О том, что ты, отец, боишься провала эксперимента больше, чем моего разрушения. Не бойся, независимо от конечного результата эксперимент великолепен. Ты все делал точно.

— Балбес! Ты же мой сын.

— Ты давно это понял?

— Помнишь, ты заходил ко мне на днях, копался на антресолях в старых черепках? Я очень не хотел, чтобы ты уходил.

— Я снова видел Дубова. Он обещает взять меня в экспедицию. Тебя тоже звал. Он до сих пор убежден, что ты стал бы великим археологом.

— Может быть. Только это скучно.

— Мне так не кажется.

— В твоем возрасте я еще жалел иногда, что сижу в лаборатории. Это у нас общее детское увлечение.

— А если для меня это важно и сейчас?

— Не отвлекайся. У нас есть проблемы и поважнее.

Иван пожал плечами. Если в самом деле человек должен всю жизнь выбирать дороги, то отец очень далеко ушел по своей. И уже не может понять, что проблема выбора на распутье, решенная им, может быть не решена Иваном до конца.

— Ты авторитарнее меня, — сказал Иван. — Перед тобой серия задач. Это и есть твоя жизнь. Решил одну, решаешь другую, и самочувствие подопытных кроликов тебя не волнует.

— Самоуничижение паче гордыни.

— Я не о себе, отец.

Иван встал, подошел к окну. Снег сохранился только под деревьями и в тени, за домом. Над белыми домами у горизонта шли высокие пушистые облака. Таких зимой не бывает. Если утром лечь в степи и смотреть в небо, то очень интересно следить, как они переливаются, меняя форму, и мысленно угадывать эти изменения, представляя себя небесным скульптором.

— О ком же? — услышал он настойчивый голос отца. — О ком же? Ты меня слышишь?

— О твоем давнем эксперименте. С Лизой. Тогда, тридцать лет назад, Виктор сказал тебе, что ты должен выбирать между Лизой и наукой. А ведь выбирать не надо было. Просто тебе удобнее было выбрать.

— При чем тут Виктор?

— Он очень вовремя пугнул тебя.

— Не помню.

— Я мог бы написать исследование о свойствах человеческой памяти. Как ловко она умеет выбрасывать то, что мешает спокойствию и благополучию ее хозяина. Ты ее мог найти и вернуть.

— Как ее найдешь, если даже адрес... — Вдруг Ржевский замолчал. И Иван понял, почему. Он отвечал как бы чужому человеку, а вспомнил, что говорит сам с собой.

Облако за окном наконец-то перестало напоминать Алевича, спрятав внутрь его нос. Налетел ветер, и деревья в парке дружно склонились в одну сторону, помахивая вороньими гнездами на вершинах.

— Не так, — сказал Ржевский. — Конечно, я сначала боялся ее возвращения. А потом смог жить без нее. Если бы я хотел найти, то нашел бы и в Вологде. Но никакого разговора с Виктором я не помню.

— Он в самом деле ничего не решал, — сказал Иван. — Дело только в нас. Ты выбрасываешь что-то из головы, прячешь в подвалах мозга, забрасываешь сверху грудой тряпья... А я не могу спрятать твое добро в свой подвал. Гнет прошлого — для тебя застарелая зубная боль. Не больше. А что, если в каждом человеке, независимо от его восприятия собственной жизни, таится не осознаваемая им некая шкала важности поступков для развития его личности? И на той шкале твой разрыв с Лизой оказался чрезвычайно важен. Тебе ведь хотелось все бросить, бежать к ней... А ты вместо этого мчался на чрезвычайно ответственную конференцию в Душанбе.

— Погоди. — Ржевский тоже поднялся, подошел к окну и встал рядом с сыном, поглядел на облака. — Как они меняют

форму! Я раньше любил на них смотреть... О чем я? Да, ты все время стремишься отделиться от меня, стать самостоятельной личностью. Я тебя понимаю. Но ты же сам себе мешаешь! Пока ты копаешься в моем прошлом, ты связан со мной. Так убеди себя: это не мое прошлое! Это прошлое Сергея!

— Я не могу жить, пока не разгребу твои подвалы.

— Ну почему же?!

— Потому что я твоя генетическая копия. Если ты вор, я должен понять, почему, чтобы самому не стать вором. Если ты убийца, предатель, трус, эгоист, я должен понять, унаследовал ли я эти твои качества или смогу от них избавиться.

— И ты тоже думаешь, что я убийца?

— Унаследовав твою память, я ни черта не понял!

— Неужели в моем прошлом нет ничего, что бы тебя радовало? — Ржевский попытался улыбнуться.

— Есть, — сказал Иван, повернувшись к нему и глядя прямо в глаза. — Есть вечер на берегу Волхова, когда рядом сидел Пашка Дубов, а потом пришел Коля с печатью...

— Это чепуха, — уверенно сказал Ржевский. Он не поверил. Он вернулся к письменному столу, полистал зачем-то настольный календарь. Вздохнул. — Будь другом, — сказал он, — отдохни сегодня. Завтра консилиум. Хочешь, я попрошу Ниночку с тобой погулять?

— Ей надо заниматься, — ответил Иван.

38

На месте врачей Иван не стал бы рисковать — загнал бы себя в клинику, и с плеч долой.

Если он начнет доказывать врачам, что дело в чрезмерной нагрузке на мозг, они ему или не поверят, или залечат... Нет, даваться нельзя.

С утра Иван послушно подвергся всем анализам, потом заявил Ниночке, что в ее заботе не нуждается. Ниночка почуяла неладное, но промолчала — верный ребенок. Потом Иван сунул в карман зарплату, институтское удостоверение, оделся потеплее и вышел в сад.

Из сада он знакомой тропинкой, скользя по подтаявшему снегу, прошел к автобусной остановке. Чувствовал он себя погано, но надо было держаться. Вышло солнце. Было тихо, чирикала какая-то весенняя птаха.

Почему-то он помнил, что Виктор всегда ходит обедать в столовую на углу улицы Чернышевского и Хлопотного переулка, там у него все официантки знакомые и пиво оставляют — видно, при какой-то случайной встрече похвастался... К этой столовой Иван и поехал. Там Виктора не было. Тогда Иван вышел на улицу — в столовой было душно, а от запахов, в общем обыкновенных, Ивана мутило — тоже плохой симптом.

Иван стоял у входа в столовую, прислонившись спиной к холодной стене. У него возникла идея, как можно упростить процесс рассечения ДНК, и он мысленно принялся конструировать такое приспособление, но тут увидел, что по улице бредет Виктор. Тот прошел было, но узнал Ивана. Остановился настороженно.

— Здравствуйте, — сказал Иван. — Я вас жду.

— Понимаю, — быстро ответил Виктор. — Разумеется, почему нам не поговорить, а то прошлый раз не получилось, мне самому тоже очень хотелось. Здесь скамейки есть во дворе — летом пиво там пью, посидим, а? Нас никто не увидит.

Виктор первым успел к скамейке — стряхнул с нее перчаткой снег.

— Не простудитесь?

Иван сел, закурил. Он курил больше Ржевского.

— Поймите меня правильно, — продолжал Виктор. — Я не имею ничего против ваших отношений с Ниночкой. Вы не подумайте.

«Господи, — подумал Иван устало, — он решил, что я собираюсь жениться на Нине, — они это обсуждают на кухне и боятся этого. Тут есть что-то запретное, но почетное».

— Я хотел спросить вас о другом. О том, что случилось двадцать пять лет назад.

— Двадцать пять лет?

— Как вы думаете, почему Ржевский ушел от Лизы?

— Он не уходил, — быстро ответил Виктор. — Она сама ушла. Она была очень гордой женщиной — ее обидели, и она ушла. Это я гарантирую.

— Но как получилось, что Сергей так ее обидел?

— Фактически убил, я не боюсь преувеличений. Ради него она от всего отказалась...

— А вы что тогда делали?

— Я понимал, что Сергей эгоист. Нет, не в плохом смысле, но для него наука — все. Ему казалось, что Лиза ему мешает. Вот он и отстранил ее с пути... Ей ничего не оставалось, как уйти.

Виктор курил жадно, глубоко затягиваясь. «Ого, как он не любит Сергея, — подумал Иван, — и не может ему ничего простить даже теперь, через столько лет. А может, именно за столько лет и накопилась злость».

— Почему вы ему сказали, что его не примут в аспирантуру?

— Я? Никогда не говорил. Не было этого.

Другого ответа Иван не ждал.

— А потом вы еще видели Лизу?

— Это тебе нужно? Или Сергей прислал?

— Он ничего не знает.

— Тебе скажу. Лиза позвонила мне, вся в слезах, голос дрожит. «Сережа, — говорит, — меня бросил». Я с ней встретился. «Катька больная, — говорю я, — ты куда?» Но ты же знаешь, если Лиза чего решила, ее танками не остановишь. «Я, — говорит, — помехой ему не буду, ему наука нужнее нас». И я ее проводил...

— Куда проводили?

— Куда? На вокзал, конечно, в Вологду.

— А потом?

— Через несколько месяцев она погибла. Думаю, покончила с собой... После этого я уже не мог дружить с Ржевским. И зачем тебе все это?

— Мне надо узнать правду.

— Правду? — удивился Виктор. — Разве она бывает? Она умирает с людьми. Сколько людей, столько и правд.

— Мне нужна одна правда, — повторил Иван.

— Ищи. Только потом на меня не обижайся.

— Где жила мать Лизы?

— Послушай, прошло почти тридцать лет!

— Вы же там бывали. Вы знаете адрес.

— Забыл. Ей-богу, забыл.

— Подумайте.

— Там никто не живет. Екатерина Георгиевна Максимова, так ее мать звали, умерла лет десять назад. Никого там нет. И брат куда-то уехал.

— Вы заходили туда?

— Запиши, Арбат, дом...

Виктор смотрел, как Иван записывает адрес. Потом сказал:

— А может, лучше примем по кружке — у меня тут все официантки знакомые?..

39

Оказалось, что Виктор был прав. Мать Лизы давно умерла, в квартире жили чужие люди, и никто не мог помочь. Борясь с головной болью и все более проникаясь безнадежностью этого дела, Иван обошел все соседние квартиры, где тоже давно сменились жильцы, сходил в домоуправление, наконец, совсем отчаявшись, остановился посреди двора, возле стола, за которым два старика играли в шахматы, а еще несколько человек внимательно наблюдали за игрой. Один из шахматистов, который давно поглядывал на него, вдруг сказал, приподняв пешку:

— В продовольственный сходи, тридцать второй, до угла дойдешь, направо — голубая вывеска. Спроси там грузчика Валю. Запомнил?

Тут же отвернулся, поставил пешку и сказал противнику:

— Твой ход, Эдик.

Иван так устал, что не стал ничего спрашивать — велели идти, пошел. В магазине он спросил продавщицу:

— Грузчик Валя здесь?

Она мотнула головой за прилавок. Иван прошел внутрь, там был темный коридор, дальше — лестница в подвал, где горел свет. В подвале на ящике сидел пожилой мужчина с мятым, когда-то красивым, но незначительным лицом и пил пиво из горлышка.

— Здравствуйте, — сказал Иван. Лицо грузчика было знакомо. Валя был похож на Лизу и на Екатерину Георгиевну. — Валя, вы меня не знаете...

Брат Лизы поднялся с ящика, протер тыльной стороной ладони и тихо выругался.

— Ну, точная копия, — сказал он. — Абсолютное сходство. Дух подземный, откуда ты приперся?

— Я сын Ржевского, — сказал Иван.

— Не надо объяснений. Ясное дело, что сын. Как меня нашел?

— Соседи во дворе сказали.

— Повезло. Давно там не живу — следы мои затерялись в людском море. Значит, женился все-таки твой папаша, на своей, наверное, из института?

Валя Максимов нервничал, руки его дрожали.

— Ты садись, — сказал он. — Сколько лет прошло. Я против твоего отца ничего не имею. Лизетта себя с ним человеком ощу-

щала. Что за дела! Как он? Не болеет? А мать умерла. В семьдесят втором. Не повезло ей с нами.

— Я хочу узнать, что случилось после того, как отец расстался с вашей сестрой, — сказал Иван. — Мне это важно.

— Не присутствовал, — сказал Валя Максимов. — Не берусь определять причины и следствия. Но если сильно интересуешься, поезжай туда, с Катькой поговори. Она меня за человека не считает, но к праздникам поздравления шлет.

— Дочь Лизы?

— Она.

40

В самолете Иван потерял сознание, к счастью ненадолго. С аэродрома в Вологде он позвонил в Москву, в институт, но не к Ржевскому, а в лабораторию. Подошла Ниночка.

— Скажешь Ржевскому, что у меня все в порядке. Я дышу воздухом.

Было уже темно, девятый час, в голосе Ниночки дрожали слезы — Иван представил, какая паника царит в институте.

— Ты же никому ничего не сказал!

— Дела, котенок, у каждого мужчины бывают дела. Завтра приду, все расскажу.

Он повесил трубку и пошел на стоянку такси.

Катя была дома. Она жила в маленькой квартирке, в новом пятиэтажном доме у реки. Из окна была видна набережная, фонари на той стороне, светлые стены и маковки кокетливых церквей.

— Я вас сразу узнала, — сказала она. — Как вы вошли, так и узнала.

Говорила она медленно, ровно. У нее была длинная коса, редко кто в наши дни носит косу, коса лежала на высокой груди.

— Пойдемте на кухню, — сказала Катя глуховатым голосом. — А то моя Лизочка проснется.

Катя поставила чайник. Ивану стало спокойно. Он с наслаждением предвкушал, что чай будет крепким и душистым. Лиза тоже хорошо заваривала чай. Иван любовался плавными и точными движениями Кати.

— А ваш муж где? — спросил он.

— Нет у меня мужа, — сказала Катя, — ушла я от него. Пьет. Он инженер хороший, способный, только пьет и взялся меня

колотить... а меня колотить нельзя. — Она улыбнулась, и ей самой было непонятно, как можно ее бить. — А вы прямо из Москвы приехали?

— Из Москвы.

— Отец прислал? Я его папой Сережей называла. Он добрый был, мне всегда конфеты приносил. Вы не представляете, как я первые дни плакала по нему.

— Он меня не присылал. Я сам.

— Вы где остановились?

— Я потом в гостиницу пойду.

— В гостиницу у нас даже по брони не устроишься, — сказала Катя. — У меня переночуете. Я вам раскладушку сделаю — вы не обидитесь, что на раскладушке?

— Спасибо, — сказал Иван, — а то я замучился сегодня.

— Бледный вы, ужасно бледный. Сейчас чаю попьем, отпустит.

От чая, душистого и крепкого, стало полегче. Он с Катей был знаком давно, тысячу лет знаком.

— Что, — спросила она, — отец все переживает?

— Он считает, что виновен в смерти вашей мамы!

— Ой, ужас-то какой! Я бы знала, обязательно бы написала, как все дело было! Мама на него совсем не сердилась. Ну ни капли. Она со мной всегда разговаривала, как сейчас помню — мне интересно, что со мной как со взрослой разговаривают. Мы же целый год вдвоем прожили... У тетки моей, тетка тоже хорошая была, ненавязчивая. Мы неплохо жили, вы не думайте, мать работала, тетка тоже, я в садике была. Конечно, мама тосковала по папе Сереже, очень сильно тосковала — писала ему письма, целую пачку написала — я их сохранила, показать могу. Даже думала после маминой смерти, что надо послать. Но потом не послала. Человек забыл, а я ему душу травить буду. Он ведь женился, вас родил, ему получать такие письма было неправильно. И ваша мама бы беспокоилась.

— Сергей Андреевич так и не женился.

— А как же...

— Катюша, придется вам все рассказать. Только сначала расскажите вы. Ведь это я к вам ехал, а не вы ко мне.

— Правильно, — сказала Катя, — а что рассказывать?

— Почему ваша мама... умерла?

— Бывают такие случайности — она улицу переходила, а ее грузовик сшиб, шофер пьяный был, занесло на повороте — вот и сшиб.

— А мне сказали, что она бросилась под поезд... и отец так думает. Он вас искал...

— Видно, не сильно искал. Вы-то нашли. Не обижайтесь. Мама весь тот год ждала. Да и Виктор Семенович адрес знал. Он маме письма писал. А потом моя тетка ему про мамину смерть написала. Вы Виктора Семеновича знаете? Он вашего отца самый близкий друг.

— И письма Виктора Семеновича тоже сохранились?

— Их всего два было. Одно так, записка, другое длинное. Он маме писал, что любит ее и хочет на ней жениться. Но мама ему сразу отказала очень решительно, даже резко. И он понял... Мать папу Сережу любила.

И вдруг Катя заплакала — из серых выпуклых глаз по матовым щекам покатились слезы. Она вскочила, убежала в ванную. Вернулась не сразу, принесла из комнаты шкатулку.

Там лежали поздравительные открытки, какие-то билеты, квитанции и письма. Пачка писем в белых ненадписанных конвертах была перевязана ленточкой.

— Это мамина корреспонденция, — сказала Катя, — все Сергею Андреевичу. Не думайте, его она не упрекала — она себя упрекала из-за того, что стала ему помехой.

Из-под пачки тех писем Катя вытащила еще одно.

Почерк на конверте был знаком. Маленький, по-женски округлый почерк Виктора не изменился за тридцать лет.

«Дорогая Лизочка!

В нашем последнем разговоре ты решительно отказала мне во встрече. Права ли ты? Не мне решать. Я ничего не могу сделать с моей любовью к тебе, о которой я всегда молчал, потому что неловко объясняться в любви к женщине, с которой живет твой друг. И для меня это было мучительно вдвойне, так как я видел, что ваша жизнь катится под уклон, что она обречена на гибель. Он же не любил тебя, неужели ты так и не поняла? Ты была ему удобна для уюта, не обижайся, но это так. Связывать свою жизнь с тобой он не собирался. Ты была слепа, но теперь-то хоть твои глаза открылись? И эта история, что его не примут в аспирантуру, — ты пытаешься в ней найти ему оправдание, — клянусь тебе, что никаких неприятностей у него на работе не было, просто он выбрал удобный момент, чтобы отделаться от тебя. До чего все-таки наивны бывают женщины, даже такие умные, как ты... Последние месяцы у Сережи кипел бурный роман с Эльзой, об этом знал я и страшно переживал за твою честь и тоже скрывал все от тебя...»

Иван понял, что не хочет дочитывать письмо. Может быть, его дочитает отец. А может, ему тоже не надо его видеть. Как скучно и подло...

— Ты знаешь, — сказал он, аккуратно складывая письмо Виктора, — что он потом женился на Эльзе?

— Он хотел, чтобы мама ушла от папы Сережи?

— Если бы не он, со временем все бы обошлось...

— Нет, — сказала Катя. — Не стали бы они жить. Он ее любил, конечно, но не так сильно, как надо. Свою работу он любил больше. И мама это тоже понимала. Может, потому и не сердилась на него. А знаешь, она с благодарностью все вспоминала — как они с ним в Ленинград ездили, как в кино ходили. Он ей книжку Вересаева о Пушкине подарил, ты не читал? Хочешь, покажу? Она эту книгу, как Библию, берегла. Нет, — повторила Катя. — Не стали бы они жить.

Он долго не мог заснуть. А Катя уснула сразу, и в тишине квартиры ему было слышно ее тихое ровное дыхание. Потом заворочалась, заплакала во сне маленькая Лиза. Иван подумал, что утром увидит ее.

И тут его начало жутко трясти. Даже зубы стучали. Он ворочался, старался сдерживаться, чтобы Катя не проснулась, но потом забылся, и, видно, его стон разбудил Катю. У Ивана начался бред. Катя перепугалась, выбежала на улицу, из автомата вызвала «Скорую помощь», и Ивана увезли.

Катя отвела Лизочку в садик и вернулась в больницу.

Когда Иван пришел в себя, он увидел очень близко серые глаза Кати, протянул непослушную руку и дотронулся до конца косы.

— Здравствуй, — сказал он. — Спасибо.

— За что?

Иван хотел объяснить, но объяснить было невозможно, язык не слушался, и он понимал, что скажет все это потом. А сейчас надо не упустить еще одну важную мысль. И он попросил ее срочно позвонить в Москву, Ржевскому.

В тот же день за Иваном прилетели Сергей Андреевич и профессор Володин. Ржевский прошел в палату. У Ивана был жар, но он узнал отца и сказал:

— Познакомься.

— Сергей Андреевич, — протянул Кате руку Ржевский.

Странно, что он ее не узнает, ведь она похожа на Лизу. Но Ржевский думал в этот момент только об Иване. И даже когда Иван сказал: «Катя Максимова», он не сразу сообразил.

— Катя Максимова, — повторила та.

И только тут кусочки мозаики встали на свои места.

— Катя, — сказал он тихо.

— Письма, — сказал Иван. — Не забудьте письма отцу. Ему они очень нужны. А то у нас один шимпанзе умер...

— А они у меня с собой, — сказала Катя. — Не знаю, почему в больницу их взяла.

41

Когда Иван уже выздоравливал, случилась еще одна встреча, не очень приятная. Утром перед обходом, когда посетителей не пускают, к нему в палату пробрался Виктор — как уж ему удалось это сделать, одному богу известно.

— Только два слова, — сказал он. Он был пьян и жалок. — Я все знаю, мне Ниночка рассказала. Только два слова. У меня дочь, единственное любимое существо, вы этого еще не знаете, но поймете. Если она узнает, мне лучше умереть. Я клянусь вам, что я любил Лизу, честное слово. Но про аспирантуру и то, что вы можете считать клеветой, это очень сложный сплав. Эту идею мне Эльза подсказала. Не хотела она Сергея Лизе отдавать. Она — разрушитель, понимаете. А я к Лизе стремился. И страдал. Тебе не понять. — Виктор говорил быстрым, громким шепотом, клонился к кровати, и от него так несло перегаром, что Иван отстранил голову. Но Виктор не замечал, он спешил каяться. — Она бы не уехала, надеялась, но я тогда на следующее утро пришел к ней, к матери ее, как будто от имени Сережи, она этого никому не сказала. И подтвердил, что он не хочет ее больше видеть. Поэтому она уехала. И аминь. Тебя интересует правда? Правда в том, что я Лизе был бы хорошим мужем. Она не поняла. Я угодил в лапки к Эльзе, а она погибла. Молчите, а? Если Ниночка вам дорога. Это для нее будет невыносимая травма.

— Уходите, — сказал Иван. — Никому я ничего не буду говорить.

Тот ушел. И вовремя. Через пять минут прибежала Ниночка, принесла тарелку клубники и массу институтских новостей.

Через два дня Иван начал вставать. Кризис миновал. Володин утверждал, что его организму пришлось преодолеть биологическую несовместимость. Как при пересадке органа. Только здесь речь шла о двух личностях. Теория переполнения мозга информацией у Володина сочувствия не вызвала. «Ничего особенного вы своему мозгу не задали, коллега», — сказал он. Но Иван остался при своем мнении. Чужие сны были теперь не так мучительны. Хоть и не исчезли совсем. Ниночка таяла от чувств, ей очень хотелось кормить Ивана с ложечки, она легко краснела и обижалась по пустякам.

Отец снова предложил переехать к нему.

— Не надо, — сказал Иван, — мы слишком разные люди.

— Чепуха.

— Я вчера целый час решал задачу, которую ты не смог решить в контрольной в десятом классе. И решил.

— Вот видишь, это же моя задача. И есть еще миллион задач, которые мы решим вместе.

— Ты даже не помнишь, что за задача. Ты умеешь забывать о своих провалах, а мне такой способности не дал.

И тут, когда спор грозил превратиться в ссору, вошел Дубов. Опять с авоськой, полной пакетов и бутылок. Он начал неловко и шумно целовать Ржевского, потом вспомнил, что принес гостинцы, и вывалил из сумки все на стол и принялся делить — что домой Люсеньке, а что больному Ванечке.

— Такое счастье, — повторял он, — что Ваня решил стать археологом. Люся тоже согласна, понимаешь? Он как бы подхватит эстафету, выпавшую из твоей ослабевшей руки. Жалко, что у меня нет такого сына.

— Каким еще археологом! — зарычал Ржевский.

Ниночка впорхнула в комнату, замерла на пороге, сжимая испуганными пальчиками пакет с ягодами — темно-красные пятна проявлялись на бумаге.

— Я уезжаю в экспедицию. Через две недели, — сказал Иван. — Осенью вернусь.

— Ты с ума сошел! Кто тебя пустит?

— Профессор Володин не возражает. Он даже обрадовался. Утверждает, что свежий воздух и пыль раскопов — лучшее лекарство для гомункулусов, — сказал Иван. Он сейчас был куда сильнее отца и пользовался этой силой.

— Мог бы мне сказать раньше, — произнес Ржевский.

— У нас еще две недели. Завтра принеси мне новые журналы. Я еще ничего не решил. Мне не хочется ошибаться.

— Ладно, — сказал отец, — я пошел.

Он обернулся к Дубову.

— Паш, — сказал он, — зайди потом ко мне, хочешь домой, хочешь в институт.

— Конечно, — сказал Дубов. — Нам столько есть чего вспомнить... А хочешь, я сейчас с тобой пойду? Я тебя провожу.

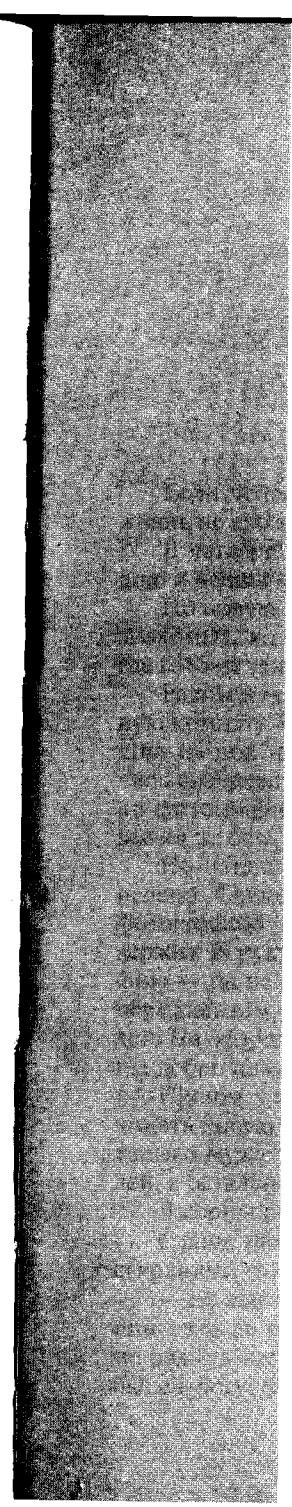
— Отец, — сказал вслед Ржевскому Иван, — Катя не собиралась приехать?

— С чего ты решил? — пришел черед Ржевского взять реванш.

— Так просто подумал...

— Я послал ей телеграмму, — сказал Ржевский. — Если она согласится переехать в Москву...

— Иди, — сказал Иван. — Иди, перечитывай Лизины письма. А ты, Нина, положи наконец пакет на стол, блузку испачкаешь.

ВИТИЙСТВУЮЩИЙ ДЬЯВОЛ

Если человеку под сорок, а его все зовут Сашком, значит, жизнь не сложилась.

В четверг, с большого похмелья, Сашок осознал эту трагедию и решил начать новую жизнь.

Но новую жизнь в Москве начинать нельзя. Слишком много знакомых, которые до старости будут звать тебя Сашком и всегда готовы занять тебе очередь в винный отдел.

Размышляя так, Сашок окинул печальным взглядом неуютную комнату в общей квартире и, не поднимаясь с дивана, вытащил из-под него шкатулку покойной мамы, в которой хранились поздравительные открытки, квитанции, повестки, несколько фотографий и денежная заначка. Три дня как Сашок взял расчет на базе, где работал электриком, и должно было оставаться.

Но осталось только шесть рублей. Куда делись остальные, неясно. Сашок переворошил все в шкатулке. Пусто. Он достал фотографию. На фотографии он сам, в десятилетнем возрасте, держит за руку старшую сестру Тамару. Потом другую фотографию — на ней та же Тамара, но уже солидная, раздобревшая, с перманентом, с супругом Василием Федоровичем и сыном Колей. На обороте написано: «Дорогому брату Саше, которому всегда добро пожаловать в наш дом. Омск».

Прочтя трогательную надпись, Сашок понял, где будет начинать новую жизнь. В Омске. В доме старшей сестры и ее работящего мужа. Он отложил в сторону фотографии и шесть рублей, а остальное сложил обратно в шкатулку и спрятал на место.

В коридоре зазвонил телефон.

Сашок натянул джинсы. Но не успел выйти — послышался сварливый голос соседки:

— Не выглядывал еще. Дрыхнет... Почему да почему? Гудели они здесь до трех утра. Я уж хотела милицию вызывать. Если бы не память о его покойной маме, царство ей небесное, вызвала бы, ей-богу, вызвала. — И повесила трубку.

Сашок не сразу вышел в коридор. Он увидел на столе у окна батарею бутылок. Все пустые. Вокруг, как дрессированные собачки, стояли рюмки и стаканы. В одном оставалось. Сашок даже взял стакан в руку, но ощутил отвращение к алкоголю. Поставил стакан на место.

Одевшись, Сашок вышел на кухню. Соседка была у плиты.

— Доброе утро, тетя Клава.

Соседка сделала вид, что не слышит. Сашок не обиделся. Понимал, что сам во всем виноват.

— Кто звонил? — спросил Сашок.

Соседка так загремела кастрюлями, словно репетировала в оркестре ударных инструментов.

— Понятно, — сказал Сашок. Включил конфорку, поставил чайник. Достал сахарницу, заглянул. Пустая.

Но просить сахару у соседки не стал.

— Уеду я, — сказал он, — не буду больше тебе жизнь отравлять, тетя Клава. Слышишь?

— И куда же тебя понесло?

— К сестре поеду, — сказал Сашок. — Давно меня зовет. В Омск.

— Нужен ты ей.

— Я себя прокормлю. Специальность есть.

— Чтоб я тебе поверила!

Сашок налил в стакан кипятку, нацедил из заварного чайника заварки, там чуть-чуть осталось.

Соседка со злостью вытащила из шкафа свою сахарницу, поставила перед ним.

— Спасибо. — Сашок взял кусочек, кинул в чай.

— И правильно твоя мать сделала, что скончалась, — сказала соседка. — Чем на такое смотреть...

— Сколько билет до Омска стоит? — спросил Сашок.

— Полсотни в один конец. Как минимум. Ты что, в самом деле собрался?

— У меня шесть рублей осталось. Спасибо за сахар.

— И не думай! Нет у меня денег. Откуда деньгам быть?

— Я, тетя Клава, и не прошу, — сказал Сашок. И в самом деле — откуда у тети Клавы быть таким деньгам? А были бы, не дала.

Сашок вернулся к себе, натянул голубую куртку, кепку брать не стал. Надо было что-то предпринять. Если сегодня не уехать в Омск, хороший город, сибирский, трезвый, где тебя ждут, где тебе рады, то завтра будет поздно. Завтра засосет.

Сашок спустился во двор.

Там было почти пусто — будний день, первая половина.

Только Жора чинил машину незнакомой клиентке. «Жигуленок» стоял, разинув пасть, из пасти торчал зад Жоры, а хозяйка стояла рядом, курила и задавала вопросы.

— Привет, — сказал Сашок.

— Привет, — ответило из радиатора. Оборачиваться Жора не стал, он был углублен в работу.

— Закурить есть? — спросил Сашок.

Жора не успел ответить, как клиентка поспешила достать пачку «Мальборо», протянула Сашку и сказала доверительно, будто у постели тяжелобольного, которому Жора вырезал аппендицит:

— Не отвлекайте Георгия. Он занят.

— Вчера гудели? — спросил Жора.

— Соседка говорит, в три разошлись, — ответил Сашок.

Жора был человеком состоятельным, серьезным, и если бы они не учились когда-то в одном классе, не быть Сашку в его приятелях.

— Что за повод?

— Не отвлекайте, пожалуйста, — сказала клиентка. — Георгию в час уезжать.

— Успеем, не беспокойся, — сказал Жора, распрямился, положил отвертку и щелкнул пальцами. Хозяйка вложила в пальцы сигарету.

Хозяйке было лет тридцать, супермодная. Но смотрела на невзрачного Жору, как смотрят на врача пациентки: «Что хочешь? Деньги? Сердце? Только вылечи!»

Не был бы Жора механиком, к которому трудно попасть, не заметила бы его в метро. Сашок даже вздохнул. Как грустно, если понимаешь людей, особенно с их отрицательной стороны! Ведь сядет через несколько минут в свой «жигуленок», мигнет огоньком и забудет о Жоре до следующей поломки. Вот она, женская верность.

— Повод был, — сказал Сашок, — уволился я с базы.

— Вроде не жаловался?

— Уволился.

— А что дальше? — Жора спрашивал, не глядя на Сашка, а глядел вроде бы на клиентку, но мимо клиентки, отчего она чувствовала себя неуверенно и нервно. И даже начала передвигаться, чтобы точнее попасть в поле видимости Жоры.

— Начинаю новую жизнь, — сказал Сашок. Получилось торжественно и неправдоподобно.

— Какую же?

— К сестре поеду, в Омск. Ждет меня.

— Георгий, — сказала клиентка, — вы не опоздаете?

Жора отвечать не стал — он лучше знал, спешить ему или нет.

Подошел Капитанов. Он нес полную сумку молочных бутылок.

— Проснулся? — спросил он Сашка.

— Ты от меня поздно ушел?

— Возле двенадцати. Может, без десяти.

— А кто оставался?

— Рыжий остался. И еще один. Я его не знаю. Ты с ним в баре познакомился.

— Хорошо погудели? — спросил Жора Капитанова.

— Нет, — Капитанов посмотрел на клиентку, она ему понравилась. Поэтому хотел высказать что-нибудь умное. — Нет смысла в твоей жизни, Сашок.

Он положил руку на плечо и сказал:

— Сашок, пора браться за ум. Такая жизнь до добра не доведет.

Покосился на клиентку и спросил ее:

— А вы как думаете?

Дама не ответила. Она переживала, она боялась, что Жора уйдет и оставит ее машину недоделанной. Могло случиться и так.

— Я к сестре поеду, — сказал Сашок Капитанову. — В Омск.

— А как же с работой?

— Электрики везде нужны.

— Сколько же билет до Омска стоит? — спросил Капитанов.

— Мне бы доехать, устроиться, я потом бы выслал.

Сашок смотрел на Жору, чуть-чуть надеялся, что тот сейчас скажет: «Сашок, возьми у меня полсотни. Когда сможешь, отдашь». Но Жора этого не сказал. И даже оправдываться не стал. А Капитанов стал. Его никто не спрашивал, а он сразу ответил:

— Я бы дал, Сашок, но, сам понимаешь, телевизор покупаем.

— Знаю, — сказал Сашок. Капитанов с этим телевизором уже всем надоел. Покупаешь — покупай. А то третий год на бедность жалуется. А за чужой счет выпить мастак.

Жора докурил, снова склонился к радиатору.

— Без везения не уехать, — сказал Капитанов.

— Ты какое везение имеешь в виду? — спросил Сашок.

— Можно на улице сотню найти.

— Одной бумажкой или двумя? — съязвил, не разгибаясь, Жора.

— Как повезет, — ответил Капитанов. У Капитанова начисто нет чувства юмора. С ним из-за этого бывали разные случаи.

— А другие варианты есть? — Сашок вроде бы шутил, но в таком положении любая консультация может вдруг оказаться полезной.

— У меня брат в такси ехал, — сказал Капитанов. — Вдруг видит — сумочка женская. Забытая. Открыл, а там тысяча двести рублей.

Капитанов даже слюну сглотнул.

— Ну это никуда не годится, — сказала клиентка. — Он их себе взял?

— А куда же девать? Они потерянные.

— Он должен был отдать сумочку водителю такси. Или постовому милиционеру.

— Ну, дает, — удивился Капитанов.

— Врешь ты все, — сказал Сашок, — не было никакой сумочки.

— А что же было?

— А я знаю случай в самом деле. — Жора выпрямился. Стал вытирать тряпочкой руки. Клиентка смотрела на руки с надеждой: если вытирает, то, может, все сделал? Но перебить «доктора» не посмела. — Была сумочка. Только не в такси, а на скамейке. Ситный, ты его не знаешь, мы с ним в армии служили, открыл ее — смотрит: паспорт, удостоверение. И фотография приятная. На вас похожая.

Последние слова Жоры относились к хозяйке машины, и та покраснела. А Сашок подумал: если Ситный нашел, откуда Жора про сходство знает? Чепуха. Наверное, тоже врет.

— Он поехал по адресу. Открывает ему девушка, вся в слезах, сами понимаете. Он ей: «Вы сумочку обронили?» — «Я». — «А сколько в ней денег было?» — «Восемьдесят рублей, вся зарплата». Он: «Держите, больше не теряйте». Она ему: «Ах, возьмите половину денег! Вы меня спасли. Тут документы», — и так далее.

— Сорок рублей? — подсчитал Капитанов. — Сорок рублей!

— Он не взял, — сказал со значением Жора и посмотрел в упор на клиентку. Та кивнула Жоре, словно у них был общий заветный секрет, будто только они вдвоем понимали друг друга в этом жестоком мире.

— Как не взял? — рассердился Капитанов. — Ему же дали. Он же заслужил!

Жора сказал клиентке:

— Все в порядке, будет ездить. Попробуем?

— Неужели?

— Садитесь, — сказал Жора.

— В самом деле не взял? — спросил Сашок.

— Нет, — ответил со значением Жора. — И знаешь почему?

— Почему?

— Через месяц у них была свадьба.

Клиентка, которая уже открыла дверцу, чтобы сесть в машину, кинула на Жору благодарный, многозначительный взгляд и мелодично засмеялась.

Жора тоже засмеялся. Сел в машину, сказал Сашку:

— Ищите сумочки. Найдете счастье.

Машина рванула с места, умчалась со двора.

— Врет он все, — сказал Капитанов. — Взял он деньги.

Сашок пошел прочь.

— Ты куда? — спросил Капитанов.

— На почту, — сказал Сашок. — Дам сестре телеграмму. Объясню, может, вышлет на дорогу.

Капитанов шел за Сашком.

— Не вышлет, — сказал он. — Не поверит. У тебя репутация плохая. Деньги у тебя не держатся.

— А что делать?

— Выкинь из головы. У тебя что осталось? В угловом пиво обещали давать.

— Нет, — твердо сказал Сашок. — С этим все!

— Свежо предание, — сказал Капитанов.

Они разошлись. Но Сашок далеко не ушел, его остановил голос Капитанова.

— Сашок! — крикнул тот. — Есть идея. Башмакову позвони.

— А что?

— Он за внедрение получил. Только не даст он тебе.

— А у тебя двушка есть? — спросил Сашок.

Капитанов долго копался в карманах, звенел мелочью.

Нашел двушку, но не отдавал.

— У меня все рассчитано, — сказал он. — Включая бутылки.

— Держи, — Сашок протянул ему пятак.

— Ладно, — Капитанов отдал ему двушку.

Держа монетку в пальцах, Сашок шел по улице. Было грустно. Новая жизнь не вытанцовывалась. И ясно было — не уехать ему в Омск.

Он остановился у телефонной будки. В ней стояла женщина, набирала номер. Раз набрала. Послушала, нажала на рычаг, снова набрала. Сашка она не видела. А Сашок ее разглядывал. Машинально, думал о другом, но разглядывал.

— Алло, — сказала женщина, — алло!

Ударила по телефону, подергала за рычаг. Видно, разъединилось.

Она расстроилась, открыла кошелек, стала копаться в нем. Потом обернулась, увидела Сашка.

Женщина была худенькая, ладная, поменьше Сашка ростом и какая-то ясноглазая.

— Простите, — сказала женщина. — У вас не будет двушки? А то мою автомат проглотил.

Она сказала это виновато, словно просила прощения.

Сашок сразу, не раздумывая, протянул ей свою двушку.

— Спасибо.

И женщина в обмен протянула ему пятак.

— Не надо, — сказал Сашок, отодвигая ее руку. — Зачем это?

— Но как же? Я не могу принимать от вас подарков.

— Какой же это подарок? — удивился Сашок. — Я вам двушку, а вы мне пятак.

— Но вы же мне любезность оказали. Мне так нужно позвонить, а автомат проглотил.

— Ну и берите, — Сашок насильно вложил в руку женщины двушку.

— Спасибо, — сказала женщина.

Она посмотрела на Сашка, и тому вдруг стало грустно, что он уезжает в город Омск и никогда больше эту ясноглазую женщину не увидит.

Женщина еще глядела на него, но взгляд ее изменился — она уже думала о другом, о своих делах. Отвернулась, стала набирать номер. Сашок поглядел на ее пальцы, а потом ему стало неловко — ну ладно, отдал двушку, герой, кавалер. А теперь-то что стоишь?

И он пошел дальше. Все равно не позвонишь Башмакову.

И даже к лучшему. Не даст ему Башмаков денег. И неловко даже просить их у Башмакова.

Так Сашок дошел до почты.

Задумавшись, он чуть не проскочил ее. Вспомнил, развернулся и чуть не столкнулся в дверях с высоким человеком в черном строгом костюме. Человек шел быстро, решительно. На Сашка он даже не посмотрел, но в лице его было что-то такое,

что заставило Сашка запомнить его на всю жизнь. Это было красивое, резкое, рубленое, но недоброе лицо. Черные пронзительные глаза прятались под густыми бровями, светились угольками, с красным подсветом. Незнакомец посмотрел на часы. На пальце блеснул массивный золотой перстень.

«Делец», — подумал Сашок и вошел в почтовое отделение.

Там было почти пусто. Только какая-то бабуся жаловалась девице за барьером, что ей «Работницу» не принесли, а крашеная девица лениво повторяла, что бабусе надо обращаться в отдел доставки. Сашок взял бланк для телеграммы, прошел за стол. Полез в карман, но вспомнил, что ручку забыл дома, взял ручку со стола — она была ученическая чернильная, а чернил в чернильнице почти не осталось, так, гуща какая-то.

Он написал адрес, но тут перо засорилось. Сашок протер перо недописанной телеграммой, взял новый бланк. Снова начал писать, но буквы получались кривые и толстые. Сашок спросил девицу за барьером:

— Чернил можно налить?

— Нету чернил. Не завезли, — сказала нагло девица. Ведь он не обижал, не грубил, а она огрызалась заранее.

— Да вы поглядите, — сказал Сашок.

— Сказала, нет. Со своей ручкой надо ходить. Тридцать копеек пожалел.

Хотел Сашок кинуть ей чернильницу в лицо, но потом взял себя в руки. Охота была связываться... К тому же неясно еще, что писать сестре в телеграмме. Можно просто: «Выезжаю по твоему приглашению, высылай пятьдесят». А можно душевнее: «Решил начать новую жизнь. Возвращаюсь в родные пенаты».

Сашок взял новый бланк, осторожно обмакнул перо в чернильницу, чтобы не доставало до дна, до самой гущи. И тут увидел бумажник.

Как он его раньше не увидел, непонятно — он ведь лежал на столе на полном виду. Черный кожаный шершавый бумажник с золотой буквой Д в углу. Солидный бумажник. Не нужно было его открывать, чтобы увидеть пачку четвертаков, что лежит в боковом отделении, а может, даже чеков из «Березки». Такой бумажник.

Сашок сразу подумал про того дельца, которого встретил у входа. Делец бумажнику соответствовал. Хотя такие обычно бумажников не теряют. А больше терять некому. Бабуся с «Работницей» к бумажнику отношения не имеет, еще заходили два или три человека, но к столу никто из них не приближался.

Что делает обыкновенный человек в таких случаях? Он протягивает бумажник девице за барьером и говорит: «Кто-то забыл». Девица кладет бумажник возле кассового аппарата, и бумажник ждет своего владельца.

В другой раз Сашок так бы и поступил. Он вообще чужого не брал. Может, только на работе что-нибудь, если ребята попросят. Но, во-первых, девица на почте была уж больно подлая. Ей отдашь бумажник, а она заподозрит, что ты из него что-нибудь вынул. Вполне способна. А во-вторых... Во-вторых, Сашок начал новую жизнь, а денег для этого не было. Денег не было, а в голове стучали слова Жоры про дамскую сумочку. В конце концов, стал убеждать себя Сашок, нет никаких гарантий, что девица вернет бумажник по назначению. Вполне может себе оставить. И тот делец, он тоже уже забыл, где бумажник посеял. И не вернется сюда за ним. А если я этот бумажник ему отнесу? Пожалуйста, скажу, пользуйтесь на здоровье, мне чужого не надо, я хотел как лучше сделать. Неужели после этого делец не отстегнет полсотни? Ну хотя бы червонец? Должен отстегнуть.

Сашок еще не успел додумать эту мысль до конца, как его ладонь накрыла бумажник, глаза проследили, не видит ли кто-нибудь.

Выйдя на улицу, Сашок посмотрел направо и налево и сразу нырнул за угол, во двор. Встречаться с владельцем бумажника он не хотел. Одно дело прийти к человеку по адресу, тут сразу ясно, что ты хотел вернуть чужое. А что скажешь, если выйдешь с почты и увидишь владельца, который бежит обратно, чтобы взять свое добро со стола? Крикнешь ему: «Гражданин, стойте! У меня в кармане, очевидно, ваш бумажник!»? А он в худшем случае подумает, что вора поймал, а в лучшем сунет бумажник в карман и скажет «спасибо».

За домом был двор. Посредине куча песка, на которой возились малыши. И три лавочки. На двух бабушки и мамаши, третья пустая. Сашок сел на нее, близко никого нет. Он достал бумажник. Не спеша, не таясь, как свой. Интересно было: та ли фотография в паспорте? Правильно ли угадал, что бумажник дельца?

Он открыл бумажник. Паспорта в нем не было. Ни паспорта, ни удостоверения, ни водительских прав, ни пропуска. Ничего. Даже записной книжки не было. В одном боковом отделении десятка — уголок высовывается. В другом — пачка записок.

Может, записки подскажут, где искать владельца?

Настроение у Сашка упало. За десятку да бумажки никто ему ничего не отстегнет. И понятно, почему делец не спешит за бумажником возвращаться. Потеря невелика.

Сашок развернул первую бумажку.

Записка. На тетрадном листе в клетку. На ней аккуратным мелким женским почерком такой текст:

«Я, Иванова Дарья Павловна, проживающая по адресу: Москва, Б. Тишинский пер., д. 10, кв. 129, передаю свою бессмертную душу дьяволу в обмен на оказанные мне услуги». Подпись и дата. Месячной давности.

Текст был какого-то бурого цвета, и вдруг Сашок сообразил: записка написана кровью!

Сашок внутренне сжался. Такого ему встречать не приходилось. Прежде чем развернуть вторую бумажку, плотную, аккуратную, вырванную из добротного блокнота, он огляделся. Никто на него не смотрел. В песочнице играли два малыша, солнце грело, на улице прозвенел трамвай. По радио начали передавать беседу для любителей садоводства. Москва жила своей трудовой жизнью и не подозревала, с каким страшным фактом столкнулся Сашок.

Вторая бумажка была напечатана на машинке. Текст ее был уже знакомый: «Я, Нечипоренко Семен Семенович, доцент, передал свою бессмертную душу дьяволу в обмен на оказанные мне услуги». Подпись шикарная, размашистая, тоже кровью. И дата. И адрес.

Таких записок было шесть.

Раньше Сашку не приходилось задумываться, есть ли у человека душа. Наука вроде бы это отрицает. С другой стороны, некоторые люди ходят в церковь. Сашок учился в школе, прочел в своей жизни, наверное, тысячу книг. Он знал про трагедию доктора Фауста и отлично понимал, что человек, продавший душу дьяволу, лишь на первых порах добивается выгод. А затем ему приходится за это дорого платить.

Конечно, Сашку были неизвестны услуги, которые оказал дьявол этим неизвестным ему людям. Но если есть дьявол, то приходится признать, что есть и ад. А в аду котлы для грешников. Ясно? И тут, рядом с ним, в нашей столице, живут легкомысленные люди, которые увлеклись легкой наживой и забыли о расплате. Такое случалось с Сашком. И он знал, что расплата в конечном счете куда горше, чем минутные выгоды.

Сашок очень расстроился. Он, правда, еще уговаривал себя,

что имеет дело с шуткой, но сам вид бумажника из шершавой, может, даже человеческой, кожи такую возможность рассеивал.

Сашок перебирал расписки и пытался по почерку и по виду бумажки угадать, что за люди попались на удочку к врагу человеческому. Вот расписка Спикухина Эдуарда Юрьевича, почерк мелкий, даже лукавый, подпись в завитках. Кто ты, Спикухин? Что получил ты, что потеряешь? Вот крупные, почти детские буквы, нарисованные кровью на узком листочке Невской Тамарой Михайловной. Дрожишь ли ты, Тамара, перед лицом вечности? А вот летящие, поэтические строчки: «Я, Зельдовский Мирон Гаврилович...» Куда ты улетел, Мирон Гаврилович? Поглядеть бы на тебя, голубчика, когда твоя головенка будет торчать из кипящего котла.

А почему не поглядеть сейчас? Ведь символично, что именно в тот день, когда Сашок решил начать новую жизнь, какая-то высшая сила подсунула ему этот бумажник. Может, от него ждут, что он выполнит свой человеческий и гражданский долг?

Сашок понял, что хочет помочь этим неведомым людям. Пускай операция связана с риском, может быть, с опасностью для жизни. Но нельзя же отворачиваться от людей, если можешь им помочь. Этому Сашка учили в школе, об этом говорила покойная мама. Любому человеку, если он не закоренелый злодей, хочется делать добрые дела. Хочется увидеть благодарные взоры спасенных женщин и детей. И даже хочется вступить в схватку с силами зла.

— А почему бы и нет? — сказал вслух Сашок, сунул бумажник в правый карман куртки, а бумажки в левый и отправился по первому из адресов, чтобы возвратить жертве дьявола расписку кровью и этим спасти его бессмертную душу.

Это благородное решение совершило переворот в сердце Сашка, который внутренне, хоть и не подозревал об этом, именно в этот момент начал превращаться в Александра Ивановича Здешнева, человека с будущим.

Первая жертва обитала в новом кирпичном доме с увеличенными холлами, домофоном. Сашок нажал на кнопку шестой квартиры и, когда изнутри донесся тонкий голос: «Кто еще?», ответил:

— Мне к Спикухину, Эдуарду Юрьевичу.

— Зачем?

— По личному делу, — ответил Сашок.

В микрофоне повздыхало, покашляло, потом дверь щелкну-

ла и открылась. Сашок поднялся на второй этаж. Спикухин ждал его у приоткрытой двери. Спикухин был не толст, но чрезмерно мясист, уши и рыжие волосы прижаты к черепу. Остальное неразборчиво. Одет он был в спортивный костюм фирмы «Адидас». Он оценил быстрым взглядом желтых глаз некрупную, не лишенную стройности, одетую обыкновенно фигуру Сашка и сразу расслабился.

— Я думал, — сказал он вместо приветствия, — что по делу.

— А я по делу.

— Говори, — сказал Спикухин.

Но внутрь не отступил, загораживал проход и не собирался пускать Сашка в квартиру.

— Не лестничный разговор, — сказал Сашок.

— А я тебя не звал.

— Слушай, — ответил Сашок твердо. — Дело касается тебя. Мне что — я уйду. Ты пожалеешь.

— Намекни, — сказал Спикухин.

— Я по поводу дьявола, — сказал Сашок. И сам удивился, как он выговорил это слово — ведь летний день, на площадке светло, дьявола не бывает.

Но на лице Спикухина сразу отразилось внутреннее изумление. Он как-то обмяк, хотя попытался вытянуться, стоять по стойке «смирно». И начал отступать внутрь квартиры, мимо синих с золотом обоев широкого коридора, мимо зеркала в золотой раме, мимо вешалки в виде лосиных рогов, в обширную комнату, где царил египетский гарнитур из пышных кресел и диванов. А Сашок, сразу осмелев и уверившись в том, что все происходящее не розыгрыш, не глупая мальчишеская шутка, наступал на него, как Давид на Голиафа.

— Вы садитесь, — сказал Спикухин. — Если какое поручение от витийствующего, то я сейчас.

Он резво метнулся к японской системе, включил нежную музыку, затем сбегал за дверь, послышалось, как зашумела вода в ванной. Вернулся, утонул в соседнем с Сашком кресле, подвинул к нему вплотную желтые глаза и сказал:

— Внимательно слушаю.

Сашок достал из кармана заранее отделенную от прочих расписку Спикухина, показал ему и спросил:

— Вы писали?

Сашок — человек не агрессивный, но он почувствовал страх Спикухина и не мог не принять строгого тона, как у кадровика, что беседовал с Сашком при приеме на последнюю работу.

Спикухин принял записку, перечитал, будто никогда раньше не видел, быстро взглянул на Сашка, снова в записку, провел крепким указательным пальцем по своей кровавой подписи, но ничего не ответил.

— Подпись ваша? — спросил Сашок.

— Подпись, — хрипло сказал Спикухин, — моя. Вы же знаете.

Еще несколько минут назад Сашок хотел всего-навсего вернуть бумажку, получить в ответ искреннюю благодарность и идти дальше выполнять свой человеческий долг. Но вдруг ощутил власть над человеком и не смог не воспользоваться ею, не помытарить Спикухина.

— Как же так, — сказал Сашок. — Взрослый человек, состоятельный, с положением, а такие расписки даете? Небось должность занимаете, людьми руководите?

И, говоря так, надуваясь от власти, Сашок не заметил, что в мгновение ока нечто изменилось. Спикухин положил расписку на журнальный столик, подобрался, глаза посветлели, стали лимонными, и пальцы сжались в кулаки.

— А я подумал, — сказал он медленно, — я подумал, что вы, может быть, и не вы, а он. Облик изменил. Вот что я подумал...

Спикухин словно размышлял вслух.

— А ты ведь не он, — продолжал Спикухин, — взгляд не тот. И не знаешь, где служу... И не из органов. Не из органов ведь?

— Ну что ты, — испугался такой возможности Сашок.

— Вот и скажи мне, где ты взял эту цидулю?

В глазах Спикухина возникла такая угроза для Сашка, что он мгновенно схватил со стола расписку, сжал в кулаке, понимая, что, отняв ее, Спикухин его просто пришибет.

Рука Спикухина дернулась к столику, но опоздала.

Сашок уже выкарабкался из кресла и готов был побежать к двери.

— Так дело не пойдет, — сказал он, проглотив слюну.

Спикухин медленно поднимался, причем его кулаки поднимались быстрее, чем остальное тело. Сашок рванул из комнаты.

Но когда долетел до входной двери, увидел, что она заперта хитрым способом — чужой не откроет.

Шаги Спикухина приближались, как шаги командора.

Сашок увидел справа дверь, на которой был прикреплен медный чеканный барельеф с изображением писающего мальчика. Он рванул дверь на себя, влетел в туалет, быстро заперся на засовчик, и тут же дверь пошатнулась от удара Спикухина.

Сашок уперся в дверь спиной, ногами в унитаз и создал

прочную конструкцию. В дверь мерно колотили, она вздрагивала, а Сашок терпел.

Так продолжалось минут пять. Спина устала.

Потом за дверью послышался голос Спикухина:

— Как тебя зовут?

— Сашок.

— Сашок, ты где бумажку нашел?

— Не скажу.

— Сашок, ты что с ней будешь делать?

— Теперь не знаю.

— А раньше что хотел?

— Да я к тебе как человек шел! — обиделся Сашок. — Я думал, отдам тебе бумажку, ты спасибо скажешь.

— Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько за спасибо хочешь?

— Да ничего я не хочу. Я к тебе как человек шел. Вижу, расписка, человек в лапы дьяволу загремел. Надо освобождать. Мы же все люди.

— Ты комсомолец, что ли?

— Нет.

— Так запросто хотел отдать?

— Ну сколько тебе повторять, дубина!

— И не из органов?

— Слушай, выпусти ты меня.

— А бумажку отдашь?

— На что мне сдалась твоя бумажка!

— Тогда суй ее под дверь.

— А выпустишь?

— На что ты мне?

Сашок уже перестал бояться и сообразил, что он Спикухиным обижен.

— Нет, — сказал он. — Ты меня обидел.

— Я извинюсь.

— Нет, все равно обидел.

— Тогда скажи: сколько?

Сашок встал перед дилеммой. Благородство, конечно, в нем еще жило, но хотелось наказать этого жлоба. А на сколько? Сколько стоит в наши дни бессмертная душа?

— Полсотни, — сказал Сашок.

— Четвертак, — отозвался из-за двери Спикухин.

— Тридцать, — сказал Сашок.

За дверью зашуршало, потом в щели появились три красные купюры. Въехали к ногам Сашка и замерли. Сашок сразу пожалел, что не попросил тысячу рублей. Но слово есть слово. Он выпрямился, открыл дверь и отдал Спикухину расписку.

Спикухин был добрый. Он сказал, складывая расписку и запрятывая ее в кулак:

— Дурак. Я бы тебе за нее тысячу дал.

— Ни к чему мне твоя тысяча. Я же так бы ее отдал, а ты выступать начал.

— Нервы, — сказал Спикухин. — Нервы у меня. Пошли на кухню, примем по маленькой.

— Пошли, — сказал Сашок.

Они сели за белый стол. Кухня была фирменная, импортная. Спикухин положил расписку в морозильник, а из холодильника вынул бутылку, колбасу-сервелат, нарезанную на тарелочке. Из шкафа извлек два фужера. Разлил.

— За знакомство, — сказал Спикухин. — Напугал ты меня. Я думал — из органов.

— Нет, — сказал Сашок, — я не из органов. Я случайно нашел. Думаю — надо помочь хорошему человеку.

— Помогать надо, — согласился Спикухин, еще налил. — А я решил, что ты из органов. Вернее, нет, сначала я думал, что ты — сам товарищ Д. Только в другой форме. А потом вижу: наверное, из органов. А ты не знаешь, где я работаю, — значит, не из органов. Сечешь?

— Просек, — сказал Сашок. — Я тебе ее для этого и нес. Сначала думал — сам сожгу, а потом думаю — нет, надо, чтобы ты сам.

— Зачем жечь? — не понял Спикухин.

— Чтобы душу спасти.

— Ты мне про душу не надо, — сказал Спикухин. Он налил еще. Выпили. Заели колбасой. — Человек мне помог, я его подвести не могу.

— Кто помог?

— Товарищ Д.

— Как же он мог тебе помочь, если душу за это взял?

— А ты не знаешь ситуацию, помолчи.

Выпили. Заели колбаской.

— Ты мне расскажи. Я как могила, — сказал Сашок.

— Не продашь?

— Если бы хотел, — сказал Сашок гордо, — чего бы к тебе пошел?

— Сашок, а ты мне нравишься, — сказал Спикухин.

— Ты, Эдик, тоже правильный человек, — сказал Сашок.

— Бывают ошибки в жизни, — признался Спикухин. — Кто не застрахован?

— Это точно.

— У меня ревизия. С такого верху, что тебе и не снилось. Всё. Кранты. Не отмажешься — «десятка» светит с конфискацией. Тебе это понятно?

— Мне это понятно.

Выпили. Закусили колбаской.

— Они уже в бухгалтерии. Бухгалтера выводят. Ясно? Через пять минут будут у меня в кабинете. Куда побежишь? И тут входит он. Я по глазам понял, что он.

— Кто он?

— Товарищ Д. И говорит: «Времени, — говорит, — у тебя, Спикухин, нету. Секунды тикают. Возьмут тебя под белы ручки как пить дать. Есть выход. Продавай мне душу. Ревизию уведу».

— И ты поверил?

— Я сначала в переносном смысле поверил. Но у него взгляд. И вынимает он тонкий такой ножичек. «Давай, — говорит, — палец». А за дверью голоса. Вот я и написал.

— И что дальше?

— А дальше... Дальше — ревизия уехала.

— А может, она просто так уехала?

— Не просто так. Я с ним беседу имел. Он мне обещал — ни одна ревизия не тронет.

— И что?

— Вокруг берут. Меня не трогают.

— А не страшно?

— Теперь не так страшно. Сначала опасался. Теперь нет.

— А душа?

— Слушай, Сашок, а у человека есть душа? Я в последнее время книжки стал читать. Библиотечку атеиста. В основном отрицают.

— Может, все-таки сожжешь на всякий случай?

— И завтра ревизия? Я же, Сашок, за последний год сильно осмелел.

— Значит, не будешь?

— При первой же возможности ему верну. Кое-какие дела закончу и верну.

— А у тебя связь с ним есть?

— Сашок, хоть ты мне и друг, не все тебе могу сказать. Не все. Ты спешишь?

Сашок понял намек. Спикухин проводил его до двери. Глядел вслед через цепочку, потом, когда Сашок спустился на полпролета, крикнул:

— Дурачье ты, Сашок! Ты бы с меня тысяч пять мог взять.

— Не нужны мне твои тысячи...

У него от этой встречи, хоть она и кончилась вроде бы по-дружески, остался неприятный осадок.

«Ничего, — сказал он себе, сидя на бульваре и кушая мороженое, чтобы прочистить мозги. — Спикухин человек дрянной. И даже неизвестно, бывает ли у такого душа. А может, другие люди будут счастливы? Не все же на свете такие?» Сашок понял, что благородство в нем еще не истощилось. И поехал на такси, раз уж деньги есть, по второму адресу.

Ивановой Дарьи Павловны дома не оказалось.

Сашка встретил мужчина, видно, ее муж, человек понурый, все вниз — и нос, и уголки губ, и щеки, только уши торчком. Но вежливый.

— Дарья Павловна, — сказал он, — скоро вернется от косметички. Если вы будете так любезны, вы можете подождать ее возвращения.

Квартира, куда попал Сашок, была невелика и тесно заставлена вещами, в основном антикварного характера. А муж Дарьи Павловны совершенно к этим вещам не подходил, хотя был одет чисто, аккуратно. Сашок сразу понял, что в этой комнате хозяин не муж. В углу, за диваном и большим торшером, сделанным из березового полена, был столик на витых ножках. На столике лежали бумаги и пишущая машинка, совсем маленькая.

— Хотите чаю? — спросил муж.

— Нет, — сказал Сашок и сел на старинный диван, узкий и неудобный, но сразу видно — дорогой.

Муж постоял, поглядел на Сашка, не мог придумать, что с ним положено делать, подошел к своему столику, полистал бумажки, потом вернулся к Сашку, сел напротив на неудобный древний стул и спросил:

— Вы по делу?

Было ясно, что он занят собственными мыслями, и Сашок ему неинтересен.

— По делу, — сказал Сашок. — А ваша жена что делает?

— Делает? — Муж пожал плечами. — Вы курите? Курите, не стесняйтесь. Вот пепельница. А вы давно знаете Дашу? Дарью Павловну?

— Нет, — говорит Сашок. — Я же по делу.

— Конечно, вы говорили.

Они посидели, помолчали.

— Сумасшедший дом, — сказал муж. Он подошел к телефону, набрал номер. Дождался ответа, но тут же повесил трубку.

Он подошел к окну, нервно побарабанил по стеклу кончиками пальцев.

— Извините, — сказал он.

Снова подошел к телефону. Снова набрал номер. Покосился на Сашка. Потом хрипло спросил:

— Это ты, Сонечка? Да, это я, папа. Ты уже из школы пришла?

Выслушал ответ, вздохнул.

— А по русскому спрашивали?

Снова пауза.

— А мамочка дома? На работе? Ну конечно же, на работе.

Снова пауза.

— Конечно, Сонечка, — сказал муж. — Я еще в командировке. Я по междугородному звоню. Ты только не плачь, пожалуйста, не плачь. Конечно, позвоню... Ты покушай, согрей котлетку. До свидания, я позвоню.

Муж осторожно положил трубку, будто боялся кого-то разбудить. Сашок встретился с ним взглядом и понял: надо что-то сказать.

— Дочка ваша? — спросил он.

— И не говорите, — ответил муж. — Я буквально ничего не понимаю.

Хозяин был в таком отчаянии, словно ломал руки, хотя руки оставались неподвижными.

— А чего не понимаете?

— Я не понимаю, что происходит! Я готов повеситься. Честное слово, я не преувеличиваю. Вчера я взял бюллетень, потому что не могу глядеть в глаза моим коллегам.

— Может, к экстрасенсу обратиться? — спросил Сашок. — Я слышал, они помогают.

— Мне никто не поможет, потому что я подлец, — сообщил муж. — Я бросил семью, я бросил Сонечку и Оленьку, я оставил Викторию. Но почему? Ответьте мне, почему?

— Не знаю, — сказал Сашок. — Я не в курсе.

— Да, я виноват, я сам виноват. Я увлекся Дарьей Павловной. Но мое увлечение оставалось в рамках, простите, банального служебного романа. Я не предполагал, что так кончится.

— Чего кончится?

— Что я уйду из дома, что я перееду сюда, в этот кошмарный дом! Почему я это сделал? Почему я тут живу? Почему я должен мыть руки шесть раз в день и носить егерское белье?

— Чего?

Муж засучил штанину и показал край нижнего белья.

— А может, вам обратно? — спросил Сашок. — Ваша Виктория покричит, покричит, успокоится. Дело житейское.

— Вы не знаете Виктории. Она — ангел. Она никогда не кричит. Она все молча терпит. Она рыдает ночами. Я представляю, как она укладывает наших девочек и плачет над их кроватками.

Голос мужа дрогнул, большая слеза покатилась по его щеке.

— Извините, — сказал он. — Нервы.

— Вижу, — сказал Сашок. — Это у всех теперь. Я сейчас у одного человека был, тоже на нервы жалуется.

— Как паровоз по рельсам, — произнес муж. — Как будто меня несет какая-то дьявольская сила. Даю вам честное слово — я ни сном ни духом не намеревался покинуть Викторию.

— Дьявольская, говорите?

— Я не отдавал себе отчета. Я пришел домой, хотел посмотреть телевизор, а вместо этого подошел к Виктории и говорю: «Сообщи детям, что я нашел счастье с другой женщиной». Я этого не хотел говорить...

— И давно это случилось? — докторским голосом спросил Сашок.

— Больше месяца. Или меньше? У меня все смешалось.

— Второго мая? — спросил Сашок, который вспомнил дату на расписке.

— Может быть.

Они услышали, как повернулся ключ в замке, и тут же в комнате возникла пышная, вульгарного вида женщина, ярко и слишком модно одетая, с сумкой, на которую пошло как минимум четыре синтетических крокодила.

— Павлик! — воскликнула она с порога. — Ты скучал?

И тут она увидела Сашка, который поднялся при ее появлении.

— Это что еще такое? — спросила она. — Если телевизионный мастер, то я вызывала на ту неделю.

— Нет, — сказал Сашок. — Поговорить с вами надо. По личному вопросу.

— Погодите, — сказала Дарья Павловна и твердыми шагами подошла к мужу. — На тебе лица нет, — сказала она. — Буквально нет лица. Ты опять переживал? Эта гадюка звонила?

— Мне никто не звонил.

— Молчи. По глазам вижу, что звонила. Так вот, учти и скажи ей, что, если она еще будет мне телефон обрывать, я ей ноги вырву.

— Она ни разу не звонила.

— Не перечь, ангел мой, — ответила Дарья Павловна, резким движением открыла резной шкаф черного дерева, который оказался заполнен пачками, бутылочками и упаковками лекарств. Она шустро покопалась в нем и вытянула на свет три бутылочки и розовый пакетик.

— Сейчас, — сказала она. — Выпьешь успокаивающего.

Она упорхнула на кухню, там что-то загремело, зазвенело.

— Она опять разбила чашку, — тихо сообщил Павлик. — Она всегда бьет чашки, когда переживает за мое здоровье.

Дарья Павловна уже вернулась. В руке ее был стакан, на открытой ладони другой руки — горсть пилюль.

— Быстро, — сказала она. — Все глотай. Быстро.

Павлик покорно проглотил кучку пилюль. Сашку даже страшно стало, сколько лекарств за раз приходится принимать этому человеку. Запил водой. Его острый кадык ходил в такт глоткам, а Дарья Павловна и Сашок смотрели на него.

— Все, — сказала Дарья Павловна. — Все проглотил?

— Все, — сказал Павлик.

— Раскрой рот, — велела Дарья Павловна. — Раскрой, раскрой, наверняка что-то за щеку спрятал, а потом выплюнешь, я тебя, мой котик, уже изучила.

Муж открыл рот, Дарья Павловна по-птичьи заглянула в него, ее большие груди прикоснулись к животу Павлика, и тот постарался втянуть живот. Но Дарья Павловна нажала сильнее и, обняв мужчину, положила ему голову на грудь.

— Я хочу ласки, мое счастье, — сообщила она, не обращая внимания на Сашка.

Сашок смутился и закашлялся.

— Вы здесь? — вспомнила Дарья Павловна. — Пошли на кухню. А ты, ангел, лежи. У тебя бюллетень. И поставь градусник.

Сашок проследовал на кухню за Дарьей Павловной.

— Что за дела? — спросила она, беря с холодильника пачку «Мальборо» и закуривая.

— Я по поводу записки, — сказал Сашок. — От товарища Д.

— Что? — испугалась Дарья Павловна. — Что-нибудь неправильно? Вы только меня не пугайте.

— Нет, я наоборот, — сказал Сашок. — Учтите, мне ничего не нужно. Я ее обратно принес.

— Как так принес?

— Нашел и принес. Чтобы вы ее уничтожили.

— Зачем?

— Чтобы спасти душу, — сказал Сашок.

— Вы что, шутите? Может, вы от этой гадюки, Виктории? Тогда растерзаю.

— Нет, я сам по себе! — воскликнул Сашок. — Я пришел, чтобы освободить вас от дьявола. Ну неужели не понятно? Я пришел помочь.

— То есть как помочь? Нет уж, обратного хода нету. Я на жертву пошла. Я душу отдала ради простого человеческого счастья. И учтите, Павлика я никому не отдам. Я его на ключ запру, я ему, если надо, глаза выколю. Но не отдам, ясно? И катись отсюда со своими гнусными предложениями.

— Я так понимаю, — сказал Сашок, — что вы душу продали за вашего Павлика. А ведь он несчастный. Он своей Сонечке звонит, про уроки спрашивает.

— Зво-нит? — голос Дарьи Павловны поднялся до потолка. — Он же мне обещал!

Она метнулась было из кухни, наводить порядок в доме, но Павлик уже стоял в дверях.

— Погодите, — сказал он. — Что тут говорилось про душу?

— Понимаете, — Сашку было жалко этого человека, но куда больше он жалел девочек и Викторию, которая там у детской кроватки тайком слезу проливает. — Ваша Дарья Павловна вошла в соглашение...

Но что дальше случилось, Сашок так и не понял.

Был грохот, какое-то нападение со всех сторон, был визг и крик, падала мебель, и падал сам Сашок.

А очнулся он уже у подъезда, на мостовой, побитый, исцарапанный, но живой.

И побрел по улице, размышляя, что делать дальше.

Два визита кончились неудачно. Не хотят люди свою душу обратно, потому что, может, и не верят они в душу. А не верят —

зачем торгуют? Получается вроде бы обман. Может, прекратить? Отнести расписки в милицию, пускай разбираются. Но это было бы капитуляцией. А Сашку не хотелось капитулировать, потому что хотелось верить в добро.

И он пошел по третьему адресу, к доценту Нечипоренко Семену Семеновичу.

Доцент жил в скромном окраинном кооперативе, на тринадцатом этаже. Он сам открыл дверь.

Доцент, по всем признакам человек подтянутый, скрывающий полноту за гордой осанкой, что поддерживалась бегом трусцой и утренним бассейном, хорошо причесанный и при галстуке, был взлохмачен и взволнован.

— Принесли? — спросил он. — Давайте на кухню.

— А вы откуда знаете? — спросил Сашок.

— Мне Сидоров звонил. Где?

— В кармане, — сказал Сашок.

— Как в кармане? Я просил шесть банок.

— Каких банок?

— Икры. Черной икры. Сидоров знает.

— А я Сидорова не знаю, — сказал Сашок. — Не знаю я вашего Сидорова.

— Черт знает что, — сказал доцент. — Ни минуты свободной. А вы издеваетесь. Тогда что вам нужно?

— Поговорить.

— Этого еще не хватало! Мне некогда говорить.

— В ваших интересах.

— Мои интересы заключаются в том, чтобы сегодня меня оставили в покое. В двадцать три сорок у меня самолет.

— Куда? — поинтересовался Сашок.

— Куда, куда! Или вы не знаете, или притворяетесь. В Индию. Так вас не Сидоров прислал?

— Я по делу товарища Д, — сказал Сашок тихо.

— Как так по делу? В каком смысле дело?

— В личном.

— Товарищ, я не знаю, кто вы такой. — Доцент Нечипоренко говорил возмущенно, но почти шепотом. — И не понимаю, что меня может связывать с вашим товарищем Д. Я выполнил обязательства. Ко мне не может быть претензий, и попрошу оставить меня в покое.

— И не боитесь? — удивился Сашок. — Другие боятся.

— Я ничего не боюсь, потому что я честный человек и гражданин. Мне нечего скрывать.

— Тогда тем лучше, — сказал Сашок. — Могу порадовать.

— Чем?

— Давайте пройдем, — сказал Сашок. — А то здесь неудобно.

Доцент колебался. Но тут издали, из комнаты, послышался женский голос:

— Сеня, кто пришел?

— Это ко мне, от Сидорова, — сказал доцент и крепко схватил Сашка за руку, поволок его в свой кабинет.

Там был полный разор.

На обширном, как футбольное поле, письменном столе стоял открытый и почти полный чемодан, на кресле — второй, еще пустой. Многочисленные носильные вещи и разные предметы валялись вокруг.

— Вот видите, — сказал доцент, закрывая дверь. — Как и уговаривались. Сегодня отбываю. На год. Читать лекции в Аллахабаде. С ума можно сойти — ничего не успеваю.

— Слушайте, — вдруг догадался Сашок. — Неужели вы за это душу продали?

— А вы не знаете?

— Догадываюсь, — сказал Сашок. — Так я могу вам эту душу вернуть.

— Не понял, — сказал доцент, нервными движениями отыскал на столе очки и надел их.

— Вот, — сказал Сашок. — Вы писали?

Он протянул записку доценту, а сам отступил на шаг. Он уже начал привыкать к тому, что жертвы дьявола — люди нервные.

Доцент пробежал записку глазами и спросил:

— А вы кто будете?

— Я тоже гражданин, — сказал Сашок. — Нашел и решил вернуть. Ваша душа свободна.

— Та-а-ак, — протянул доцент. — А поездка?

— Откуда мне знать, — сказал Сашок. — При чем тут поездка? Вы же честный человек и гражданин.

— Совершенно верно, — согласился доцент. — А вы не от товарища Д? Вы по собственной инициативе?

— Я пойду, а? — сказал Сашок. — А то мне это уже надоело. Хочешь человеку сделать как лучше, а он сомневается. Берите свою расписку, кушайте ее, жуйте, делайте что хотите. Я вас не знаю, вы меня не знаете.

— Постойте, — сказал доцент, видя, что Сашок направляется к двери. — Так ваш номер не пройдет. Берите эту бумажку и прекратите провокации.

— Какие еще провокации? — обиделся Сашок. — Разве я похож на провокатора?

— Я не знаю, на кого похожи провокаторы. Но знаю только, что эта записка со странным содержанием мне незнакома. Да, да, я ее вижу в первый раз.

— И подпись не ваша? Кровью, — спросил Сашок от дверей.

— Подпись? — Доцент внимательно посмотрел на подпись и сказал: — Подпись производит впечатление схожей с моей, но это ничего не значит, потому что в наше время искусство подделывать подписи достигло исключительных высот.

— Чего вы испугались? — сказал Сашок. — Я вашего дьявола, может, в глаза не видел. И не собираюсь с ним встречаться.

— Меня не интересует, кого вы видели, а кого нет. — Доцент уже пришел в себя и все больше гневался. — Но меня возмущает сам факт этого нападения. Мне подсовывают сомнительную бумаженцию, в которой говорится о дьявольщине, душе и так далее. Да вы знаете, с кем имеете дело? Я — доцент, кандидат наук, член партии, народный заседатель, наконец! И вы пытаетесь убедить меня в том, что существует дьявол, а у людей есть душа. Как вы только посмели рот раскрыть!

— А что, — спросил Сашок не без ехидства, — души у людей нет?

— В том смысле, в котором вы имеете в виду, абсолютно отрицаю. Но с точки зрения гуманизма, в переносном значении, разумеется, это признается.

— А чем же вы тогда торговали?

— Учтите, я никогда и ничем не торговал. Я вообще не склонен вступать в темные сделки.

— Даже с Сидоровым? — осмелел Сашок. Он почувствовал, что за возмущенными речами доцента скрывается жуткая неуверенность в себе.

— Отстаньте со своим Сидоровым! — почти закричал доцент, но осекся, потому что в дверь заглянула полная женщина в шелковом халате, с властным крупным лицом и спросила:

— Ты меня звал, Сеня?

— Я сейчас освобожусь, — ответил Сеня, принимая гордую позу.

— Ты помни, что через три часа машина, а ты еще не сложил вещи.

— Помню, кисочка, помню, — сказал доцент. — Мы с товарищем Сидоровым сейчас.

Женщина оглядела Сашка убийственным взглядом — он ей не показался. Но ушла.

Доцент провел ладонью по взмокшему лбу.

— А она не продавала? — спросил Сашок.

— Вы с ума сошли! — отмахнулся доцент. — У нее никогда не было души.

— Значит, разбираетесь все-таки, — сказал Сашок. Ему и смеяться хотелось, и плакать. Вроде бы надо уходить, но вроде бы разговор еще не окончен. И Сашок стоял. А доцент тоже не знал, как его выгнать.

Наконец доцент вздохнул, протянул Сашку расписку. Потом убрал руку.

— Пожалуй, я ее оставлю себе, — сказал он. — Как курьез. Да, как курьез.

— И в Аллахабад повезете? — спросил Сашок, который за прошедший день стал куда лучше, чем раньше, разбираться в людях. — За границу такие бумажки не пропускают.

— Ничего, — сказал доцент. — Пускай здесь полежит.

— Ну уж нет! — рассердился Сашок. — Сами говорите, что не подписывали, значит, другой подписывал. А раз другой подписывал, эта бумажка для вас чужая. Давайте ее обратно!

И не нужна была расписка Сашку, но хотелось позлить вспотевшего доцента. Тот буквально разрывался между желанием сохранить расписку и страхом признаться. Рука его непроизвольно протянула расписку ко рту, и Сашок вдруг понял: сейчас будет жевать ее, как попавшийся шпион.

— Не подавитесь, — сказал он.

— Я не могу! — воскликнул доцент. — Я пробивал эту поездку много лет. Я не могу от нее отказаться.

— А душу дьяволу продавал?

— Души нет!

— Души нет — отдай расписку!

— Души нет, — повторил обреченно доцент.

Сашок вытащил из его скрюченных пальцев расписку, не спеша сунул в карман, но был настороже, потому что понимал: раздираемый противоречивыми чувствами доцент может кинуться на него.

Но доцент не кинулся. Он потянулся к телефону.

— В милицию будем звонить? — спросил Сашок.

— Вы с ума сошли!

— Тогда привет, — сказал Сашок. — Счастливо побывать в

солнечной Индии. Мойте руки перед едой, там, говорят, дизентерия свирепствует.

Доцент догнал Сашка у двери.

— Что угодно, — шептал он нервно, — только не передавайте в органы. Я стеснен в средствах. Но я готов...

— Сеня, ты скоро? — спросила его бездушная жена, которая, как монумент самой себе, выплыла в коридор.

— Сейчас, только помогу товарищу дверь открыть.

И в самом деле Сашку без посторонней помощи из дверей бы не выйти, замки были хитрее и многочисленнее, чем у Спикухина.

— Подумайте, — шепнул доцент вслед Сашку.

Тот только отмахнулся. «Что же получается, — думал он, спускаясь по лестнице с тринадцатого этажа. — Некоторые хорошие специалисты хотели бы поехать в Индию, да не могут. А вот такие, готовые душу продать за импортное барахло, собирают вещи. Это надо пресечь».

Сашок так глубоко задумался, что не заметил, как оказался на улице.

Уже вечерело. Стало прохладнее. По четвертому адресу ехать было далеко, через пол-Москвы. Сашок вспомнил, что проголодался. А тут рядом с троллейбусной остановкой оказалась шашлычная.

Сашок зашел. Народу практически никого.

Сашок подошел к стойке. Изможденный очкарик в белом переднике, сильно засаленном на животе, выдал ему две порции шашлыка на картонной тарелочке, побрызгал на порции томатным соусом из узкой болгарской бутылки, сыпанул нарезанного лука, положил кусок хлеба. Налил стакан фирменного напитка.

Сашок потрогал шашлык пальцем. Шашлык был теплым.

Он подошел к столику. В шашлычной было душно. Сашок снял голубую куртку, повесил на спинку стула. Огляделся.

У окна за столом сидели парни, стриженные, как ежи или дикобразы, они шумели, спорили. В углу ворковала немолодая парочка. Еще один, соседний столик был тоже занят. За ним — незаметный мужчина с простым лицом. На нем такая же, как у Сашка, голубая куртка. Мужчина поставил перед собой на стол картонную коробку, перевязанную шпагатом. Шашлык он ел с опаской. Насадит кусок на вилку и долго осматривает. Надкусит, пожует, только потом сунет в рот остальное.

Сашку было грустно. Он подумал, что зря связался с этими

записками. Уже сегодня в Омск не уедешь. Да и хочется ли в Омск? Принять бы бутылку пива. Да не дают теперь пива в шашлычных.

Будто холодным ветром повеяло в зале.

Вошел высокий человек в черном костюме. Волосы прилизанные, блестят, глаза пронзительные, непроницаемые, далеко спрятались под густыми бровями.

Он!

Конечно же, он! Владелец бумажника. Товарищ Д. А по-нашему, по-простому, дьявол. Значит, спохватился. Значит, навели на Сашка. Значит, ищет.

И бежать поздно. Он у двери.

Сейчас схватит, а деваться некуда — чужой бумажник в кармане. Захочет — вызовет милицию, и будет прав. Доказывай потом, что бумажник подобрал, а не вытащил. А захочет — с его-то возможностями! — прямым ходом на тот свет отправит.

И пока эти мысли носились, сшибая друг дружку, в голове Сашка, он продолжал сидеть неподвижно, хотя ему казалось, как бывает в кошмаре, что он убегает от дьявола проходными дворами.

Дьявол остановился в дверях. Быстро пронесся взглядом, уколол каждого, кто сидел там: и группу ежиков, и парня в голубой куртке, и парочку за угловым столиком. И Сашка. Сашок даже не смог отвести взгляда. Даже на это сил не было. От страха рот приоткрылся, вилка с куском шашлыка замерла на полпути ко рту.

А дьявол ничего не предпринял. Осмотрел публику и прошел к стойке. Сказал что-то очкарику, тот нагнулся, исчез с глаз и тут же возник снова с высоким, полным пива бокалом. Протянул дьяволу.

Это Сашка не удивило — он о пиве уже не мечтал, а пытался понять, почему дьявол тянет, не принимает мер. Что-то теплое ткнулось в губы. Это его рука автоматически донесла до рта кусок шашлыка. Пришлось его жевать.

Сашок рад был бы сам, добровольно, отдать бумажник, но не смог, потому что в одной руке была вилка, а вторую парализовало от страха.

Дьявол с бокалом пива пошел к нему, и Сашок зажмурился. А когда открыл глаза, оказалось, что дьявол уже стоит у соседнего столика и вежливо, низким голосом спрашивает:

— К вам можно?

Но не у Сашка спрашивает, а у парня в голубой куртке. Парень кивнул и продолжал рассматривать кусок шашлыка. Потом положил его обратно на тарелку.

— Вы недовольны качеством мяса? — спросил дьявол.

Сашку было слышно каждое слово, каждый вздох — дьявол сидел почти рядом, в профиль. Видно было, что нос у него крупный, острый, чуть загнутый книзу. «Интересно, — подумал вдруг Сашок, — кто он будет по национальности? Похож на азербайджанца. Нет, наверное, еврей. А может, грузин...»

— Вы ничего не хотите мне сказать? — спросил дьявол у парня в голубой куртке.

— Чего? — удивился тот. — Чего я должен говорить?

Парень совсем не испугался, даже странно: дьявол не оказал на него эффекта. А Сашок не понимал, в чем хитрость дьявола? Почему он не сразу к Сашку, зачем такой маневр?

— Подумайте, — сказал дьявол задушевно, мягко, как будто уговаривал подписаться на страховку. — Чиста ли ваша совесть? Все ли гармонично в стройном здании вашего сознания?

— Чего пристал? — удивился парень и начал тянуть к себе по столу картонную коробку.

Дьявол с интересом наблюдал за этим движением.

— Да, — сказал он. — Лично я мыслей не читаю, но с годами стал неплохим психологом. И должен сказать, что ваша душевная настороженность мне очевидна.

Он отхлебнул пива и продолжал смотреть на своего соседа, как будто изучал его под микроскопом.

— Слушайте, дайте поесть спокойно, — сказал парень. — Я вас, папаша, не знаю, вы меня не знаете. Я же вас не спрашиваю, откуда вы пиво в безалкогольном заведении достаете.

— Пиво? Ах, пиво. По знакомству. Потому что у человека, который стоит за этой стойкой, и, должен сказать, стоит по недоразумению, ибо достоин куда большего в жизни, наличествует благородная душа. Ах, какая большая благородная душа!

— Которые пиво дают, у них всегда благородная душа, — ухмыльнулся парень.

— И эта душа будет моей, — ответил товарищ Д. — Идут переговоры. Я смог оказать этому молодому человеку некоторые ценные услуги.

— Понял, — сказал парень. — А мне пива не сообразишь?

— Я не занимаюсь благотворительностью, — ответил товарищ Д. — Но если вы добровольно, без шума, отдадите мне то, что вам не принадлежит, пиво будет ваше.

Парень подвинул коробку еще ближе.

— Если что нужно, — сказал он, — говори конкретно.

— Я о душе, — улыбнулся дьявол. — Я всегда о душе.

«Он меня спутал, — подумал Сашок. — Он меня в лицо не знает и думает, что тот — это я. Кто мог подумать! Теперь надо встать и бежать. Бежать... Нет, нельзя встать и бежать. Он сразу заметит и поймет. Бежать нельзя. Надо сидеть.

— О душе не здесь надо. О душе по телевизору говорят, — сказал парень в голубой куртке.

«У нас куртки одинаковые, — подумал Сашок. — Ему меня описали. А как меня опишешь? Так и опишешь — возраст между тридцатью и сорока, а примет нету. Шпионы друг друга всегда по шрамам узнают. А у меня и шрама нету. Только от аппендицита. А его не увидишь».

— По телевизору имеют в виду не душу, а духовность, — сказал дьявол задумчиво. — А это совсем разные вещи.

— А мне без разницы, — сказал парень.

— Но душа есть, — сказал товарищ Д. — И вы об этом отлично знаете. Вы даже старались этим воспользоваться.

— Ничем я не пользовался. Мне чужого не надо.

— Зачем так нагло врать? — опечалился дьявол. — Я вас вижу насквозь. У вас не душа, а душонка... Вы не заслуживаете снисхождения. Но моя доброта безгранична. Я вас прощаю.

Парню в голубой куртке хотелось уйти, но жалко стало недоеденный шашлык.

Не дождавшись реакции собеседника, дьявол сказал:

— Шашлык вам вреден. Сегодня это гастрит, завтра тяжелая язва.

— Ты доктор, что ли?

— Неужели вы до сих пор не поняли, что доктор? В самом высоком понимании этого слова.

— Тогда лечи, а не агитируй.

— Нельзя лечить без согласия больного. А тем более язву души.

— У меня тетка была, — сказал парень, который оказался не робкого десятка, — в Саратове. У нее аппендицит был, а думали, что язва. Стали резать и зарезали. А она в Бога верила. Смешно?

— По крайней мере, она скончалась в культурной обстановке, в советской больнице, — сказал дьявол. В его голосе звучала угроза. — А вы, если не пойдете мне навстречу, можете помереть, подавившись шашлыком. Это бывает.

— Давай, давай, — сказал парень и проглотил большой кусок

шашлыка. Сашок уже знал, что произойдет, и хотел даже крикнуть ему: «Стой!», но не крикнул, а парень уже подавился шашлыком, попытался вскочить, свалил со стола коробку, тарелку с шашлыком, зашатался и упал, корчась на полу. Дьявол склонился над ним и начал быстро шарить по карманам.

Сашок вскочил, другие люди тоже повскакивали с мест.

Дьявол выпрямился.

— Странно, — выдавил горестно он.

Никто не услышал. Только Сашок услышал и понял, что это относится к бумажнику.

Дьявол быстро пошел к выходу.

Парень в голубой куртке был на последнем издыхании. Коробка раскрылась, из нее, как гранаты-«лимонки», выкатились банки черной икры.

Люди сбегались от своих столиков, даже очкарик перемахнул через стойку. Но никто не знал, что делать.

— «Скорую!» — крикнул один из ежиков. — «Скорую» вызвать!

Один Сашок не растерялся. Он схватил парня за плечи, приподнял и долбанул по спине. Голова дернулась, глаза закатились.

— Что вы делаете! — закричал очкарик.

А Сашок еще раз стукнул парня по спине. От этого удара кусок шашлыка вылетел изо рта и шмякнулся на пол.

— Воды дай! — крикнул Сашок очкарику.

Женщина, что сидела раньше в углу, протянула свой стакан.

Сашок дал парню напиться. Тот отплевывался и кашлял.

— А мне пива! — крикнул Сашок очкарику, и тот поспешил за стойку. Даже не усомнился в том, что Сашок имеет право пить пиво в безалкогольном заведении.

— Это все он, — просипел, отдышавшись, парень. — Найду — убью.

— Не убьешь, — сказал Сашок. — Ты лучше икру собери, а то растащат.

Парень начал ползать по полу, собирать банки, укладывать в коробку, другие помогали, но никто себе не брал.

Очкарик принес бокал пива. Сашок выпил с наслаждением. Пиво было хорошее. Остальные смотрели с завистью, но не возражали.

Потом посетители разошлись к своим столикам и забыли о событии. У нас быстро все забывают.

Сашок допил пиво, спросил парня:

— Ты от Сидорова?

— А что? — тот уже пришел в себя и насторожился.

— Тогда иди, не задерживайся, — сказал Сашок. — Тебя доцент Нечипоренко никак не дождется. Ему в Аллахабад без икры никак нельзя.

Парень начал завязывать коробку. На Сашка он не глядел.

Сашок подошел к стойке, спросил очкарика:

— Сколько я тебе за пиво должен?

— Фирма платит, — сказал очкарик.

— Ты с ним осторожнее, с товарищем Д, — сказал Сашок. — Душа у человека одна.

Очкарик часто заморгал, но не ответил.

Сашок вернулся к стулу, натянул куртку, посмотрел на парня, который с коробкой в руке стоял, глядел на тарелку с шашлыком. Видно, рассуждал, не доесть ли, коль деньги заплачены.

— Ничему вас жизнь не учит, — сказал ему Сашок. — Второй раз не спасу.

— Ты чего? — обиделся парень.

— А ничего. Только предупредить хотел. Этот Нечипоренко душу дьяволу продал. Очень нервный стал. А жена у него вовсе бездушная.

И Сашок пошел на улицу.

«Может, бросить это занятие?» — думал он. Ведь спасла его только случайность. Можно сказать, нерасторопность нашей торговли, которая продает много одинаковых курток. Дьявол уже знает. Дьявол уже идет по следу. А есть ли смысл спасать других, если в любой момент можешь погибнуть сам?

А как же дьявол вышел на него? Вернее всего, жертвы донесли. Ясно, что у них с дьяволом двусторонняя связь. Дал им дьявол свой телефончик на экстренный случай. Как только Сашок ушел, и Спикухин, и Нечипоренко стали названивать: так-то и так, ходит авантюрист, всучает расписки, очень опасен. Примите меры. А дьявол — он ведь любые меры может принять. Вот он сейчас показал свою силу, чуть человека не убил. И этим человеком должен был стать Сашок.

Ни один разумный человек не стал бы продолжать встречи с жертвами дьявола. Отдал бы бумажник в милицию. Или бросил бы на улице.

Но в Сашке возник азарт. Глупый, конечно, азарт. Ты играешь в карты, проигрываешь, все вокруг твердят: уйди, разори-

шься. А ты всем назло ставишь на кон последнее добро. Так, говорят, с гусарами бывало.

А может, это был не азарт? Может быть, Сашку очень не понравилась психология дьявола? Запугать решил? Кооперативными шашлыками советских людей душить вздумал? Если какой-нибудь Спикухин перед тобой трепещет, неужели это значит, что все у нас такие спикухины? И неужели нет среди твоих жертв человека, которого стоило бы спасти? Чем больше таких вопросов задавал себе Сашок, тем крепче становилось его намерение попробовать счастья еще разок. Хотя бы для того, чтобы насолить этому товарищу Д. «Еще один адрес попробую», — сказал себе Сашок, вытаскивая из бумажника четвертую записку.

«Я, Невская Тамара Михайловна, проживающая по адресу: Свиблово, улица Амундсена...»

Тамара. Хорошее имя. Сестру Сашка зовут Тамарой. И почерк хороший, аккуратный. Поможем Тамаре.

Как до Свиблова ехать? Уже вечереет, через весь город тащиться, до темноты не управишься. Ничего, поедем на такси. Спикухинские деньги пригодятся. Только осторожно. Как будто ты разведчик во вражеском логове.

И Сашок пошел к стоянке такси.

Первую машину он брать не стал. Шпионы никогда первую не берут, она чаще всего подстроенная. А очередь из машин была длинная, никто к стоянке не подходил. Ждать было невтерпеж. Сашок плюнул и сел в первую машину.

Шофер попался подозрительный. Смуглый, глаза узкие, непроницаемые. Сашок не стал называть адреса, а дал общее направление: «Свиблово. А там скажу».

Шофер как-то странно на него поглядел, но поехали.

Из Чертанова в Свиблово путь неблизкий. Сашок все оглядывался, смотрел, не преследует ли его дьявол. Машины сзади менялись, но постоянной не было. Сашок немного успокоился, полез в карман, нашел там три десятки — взятку за расписку Эдика. Он расправил десятки, достал черный бумажник, открыл его, чтобы положить деньги туда. Забыл, что бумажник чужой. Он и не был чужой, а как бы трофейный. В боковом кармане уже лежала десятка. Сашок вытащил ее, чтобы сложить с тремя своими, и тут заметил, что из кармашка торчит уголок еще одной десятки. Новенькой, немятой. Он ее вытащил, но за ней тут же вылезла еще одна, такая же. Это Сашка не обрадовало, а скорее напугало. Потому что дьявол дьяволом, но неистощимые десятки — это уже перебор, это мистика. Испугавшись, Сашок все же продолжал вытаскивать из бумажника десятки, их накопилось немало, они стали вываливаться из руки, и Сашок, чтобы не сорить в машине, складывал их стопкой на сиденье рядом с собой. Мимо мелькали дома, улицы, машина порой останавливалась на перекрестках, а стопка все росла. Сашок совсем потерял счет времени и расстоянию — он работал как загипнотизированный: вытащил — а там новая, вытащил — там новая... Стопка все росла, но тут шофер тормознул у светофора, стопка рассыпалась, и бумажки полетели вниз, под ноги. Сашок нагнулся за ними. Вылез, стал совать деньги обратно в бумажник, но их было слишком много, не помещались. Сашок поднял голову, встретился с внимательным взглядом шофера: тот что-то заподозрил. Сашок перестал таскать деньги из бумажника — не потому, что испугался шофера, он боялся сейчас только дьявола, но стало неловко. Вот человек весь день за баранкой, работает, а ты из чужого бумажника что хочешь вынимаешь. Несправедливо.

Шофер ничего не спросил, а когда Сашок запихал пачку денег в карман и немного успокоился, он сказал мрачно:

— Свиблово. Здесь куда?

— Сойду, — сказал Сашок. — Дальше пешком пойду.

Он вынул две десятки, протянул шоферу, чтобы как-то разделить с человеком везение, но шофер одну десятку вернул и сказал осуждающе:

— Мне хватит.

Сашок пошел по улице, уже смеркалось, кое-где зажглись огни, в кармане была толстая пачка денег, давила на грудь. Сашок подумал, что надо будет пересчитать, а потом засмеялся вслух, потому что считать теперь не надо было — сколько хочешь, столько и бери. И тут же испугался.

Потому что понял: расписки дьявол еще мог бы ему оставить. В крайнем случае новые напишут. А вот нескончаемая десятка — это наверняка вещь поценнее. Если у них там так командировочные выдают, то и отчет могут потребовать. За бумажником дьявол будет охотиться беспощадно.

Встала другая проблема. Вроде бы хорошо, что бумажник оказался с таким секретом. Теперь можно прийти в милицию, и, если они там сочтут Сашка сумасшедшим, а расписку шуткой, он протянет им бумажник и скажет: «А как вы на это смотрите, дорогие товарищи? Правильно?» — Спросит его милиция: «Неужели вы, Александр Иванович, сами немножко не попользовались?» И придется отдать пачку. А милиция все равно не пове-

рит — такие они люди. И поедут к нему домой шуровать и, может, еще задержат до выяснения обстоятельств. И будет он сидеть в камере, а уж в камеру дьявол обязательно заберется. Нет, придется от милиции отказаться.

Если за домом Невской Тамары Михайловны нет наблюдения, то сейчас верну ей расписку и тут же на вокзал или на аэродром. И в Омск. А там никакой дьявол не найдет.

Перед домом Тамары он стоял довольно долго, наблюдал, как входят в подъезд люди, как играют дети на свежем воздухе. Ничего подозрительного.

«Ладно, была не была!» — сказал Сашок и вошел в подъезд.

Третий этаж. На площадку выходило четыре двери. Три двери обиты пластиком, с кнопками и «глазками». Одна деревянная, без излишеств. На ней номер 12.

«Значит, ты, Тамара Михайловна, человек небогатый, — подумал Сашок. — Очко в твою пользу».

Он позвонил. За дверью послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась.

На Сашка глядела знакомая.

Он в первое мгновение не сообразил, откуда он знает Тамару Михайловну. Может, на юге общался. Или по работе. Но во второе мгновение Сашок понял: случилось невероятное совпадение. Эту ясноглазую женщину он видел сегодня днем. В телефоне-автомате. И даже дал ей две копейки. И даже пожалел, что уезжает и никогда ее больше не встретит. Но встретил.

И Тамара его узнала.

— Вы? — спросила она. — Вы меня искали?

Сашок страшно смутился. Он понял: Тамара имеет в виду долг. Решила, что он из-за двух копеек ее искал.

— Да вы что! — почти закричал он. — Я случайно. Я сам удивился. У меня к вам совсем другое дело.

Вдруг в глазах Тамары возник испуг. Глаза у нее были такие, что любое чувство в них отражалось тут же, будто написанное большими буквами.

— Что? Что случилось? — спросила она. — Что-нибудь с Мариночкой?

— Да не с Мариночкой, — сказал Сашок. — У меня к вам дело.

Испуг улетучился из глаз, но возникло любопытство. И осторожность.

— Не бойтесь, — сказал Сашок. — Все в норме.

— Так чего же вы стоите? — удивилась Тамара. — Вы заходите.

— Правильно, — сказал Сашок. — Мне на лестнице стоять не стоит. Он в любой момент может появиться.

— У вас неприятности? — спросила Тамара.

Она впустила Сашка, закрыла дверь. Они стояли совсем рядом, прихожая типовая, и Сашок подумал: «Какие пышные волосы. И цвет красивый, пепельный».

— Они натуральные? — спросил Сашок. Вернее, язык сам спросил — он о таком вопросе даже и не думал.

— Кто?

Тамара подняла глаза — она была на полголовы ниже. И ресницы длинные.

— Волосы натуральные или красите?

От глупости собственного вопроса Сашок покраснел, хотя вообще-то его смутить нелегко.

— Натуральные, — сказала Тамара и засмеялась.

Ей вопрос показался не глупым, а смешным.

— Красивые, — сказал Сашок.

— Вы на кухню проходите, — сказала Тамара. — В комнате не убрано.

Квартира была скромная, но чистенькая. Не надо было большого ума, чтобы догадаться: здесь живет мать-одиночка. Мужским духом даже не пахло.

На кухне тоже было чисто. Сашок не знал, как начать. Как с такой женщиной говорить о дьяволе. Но Тамара ждала.

— Я от товарища Д, — сказал Сашок. — С распиской.

— Ой, — сказала Тамара и ухватилась за стену. — Неужели он передумал?

— Никто не передумал, — сказал Сашок. — Ничего страшного. Все в порядке. У меня ваша расписка. В ней написано, что вы этому, простите, мерзавцу продали свою душу. А я нашел. Случайно. И думаю — надо помочь человеку. Вот ваша расписка. Берите, рвите, жгите, и дело с концом. Вы свободны.

Тамара глядела на Сашка, широко открыв ясные зеленые глаза, смотрела с таким тихим ужасом, что Сашок оторопел.

— Что? — спросил Сашок. — Чем он вас держит?

— Мариночка, — сказала Тамара. — Мариночка моя, девочка...

— Что с ней?

— Она могла погибнуть, — сказала Тамара. Глаза ее наполнились слезами, но слезы не падали, висели на длинных ресни-

цах. И была она так мила и беззащитна, что Сашок еле удержался, чтобы не обнять молодую женщину, не утешить ее по-мужски.

— Нет, — сказала Тамара. — Я умоляю вас, не возвращайте мне эту записку. Я не могу! Мой ребенок погибнет. Моя душа — ничто по сравнению с тем, что может случиться. Пожалуйста, верните ее товарищу Д. Пожалуйста, не губите моего ребенка.

— Ну вот, — сказал Сашок. — Я же хотел как лучше.

— Я понимаю, я не сержусь, только, пожалуйста... Поймите, я растила Мариночку без отца, я вкладывала в нее все, что могла. И когда случилось это и я поняла, что ребенок погибнет, я пошла на все — я готова была вырвать из своей груди сердце, только чтобы спасти ребенка.

Тут слезы сорвались с ее глаз и застучали об пол.

— Я понимаю, — сказал Сашок. — Ради жизни ребенка на что не пойдешь. Вы простите, я не в курсе, я не знал. А как девочка, выздоровела?

— Пока все в порядке...

И тут раздался звонок в дверь.

Сашок насторожился. Шагнул на кухню — есть ли какое оружие, — свою жизнь он дешево не отдаст.

Звонок звучал настойчиво, будто пришли с обыском.

— Это она, — сказала Тамара, вытирая глаза.

— Это за мной! Не открывайте!

— Нет, это она, — сказала Тамара и побежала к двери. Сашок схватил скалку и встал за косяк.

Но оказалось — в самом деле ложная тревога.

В дверях стояла девочка лет десяти, на вид усталая, но здоровенькая, без следов страшной болезни, ради которой мать пошла на такую жертву.

— Как ты? — Мать кинулась к ней радостно.

— Мама, — сказала девочка укоризненно, — ты опять суетишься?

Она взглянула на Сашка, но больше не обращала на него внимания, словно он был мебелью.

— Я так скучала, — сказала Тамара. — Ужинать тебя ждала.

Тамара начала метать на стол посуду, про Сашка она тоже забыла. Девочка тем временем кинула на стул большую спортивную сумку и пошла мыть руки. Стол был накрыт на одну персону, но накрыт шикарно, с салатами, куриной котлеткой, сметанкой и так далее.

Девочка вышла из ванной, прошла за стол, села, оглядела этот праздничный стол и сказала:

— Мне только котлетку. И фрукты. Груш купила?

— Не было груш, деточка.

— Евгения Осиповна сказала: вечером грушу.

— Я сегодня после работы не успела на рынок.

— В следующий раз успей, — сказала девочка. — Пока что я съем только котлету, и завтра же Евгения Осиповна узнает, в каких условиях я нахожусь в доме.

— Мариночка, — умоляла Тамара. — Только не это! Ты же знаешь, как Евгения Осиповна будет сердиться.

— И правильно сделает, — сказала Мариночка. — Ты, мама, распустилась. На той неделе не достала апельсин. Помнишь?

— Помню.

— Я пойду, — сказал Сашок. Ему было неловко. Словно подглядел в замочную скважину то, на что смотреть нельзя.

— Да, конечно, спасибо, что зашли. — Тамара оторвалась от ребенка, вышла за ним в коридорчик.

— Возьмите, — сказал Сашок, протягивая ей записку.

— Ой, не надо! Я на нее и смотреть не могу.

— Тамара, — сказал Сашок, — вы, конечно, извините, но вопрос можно?

— Конечно, конечно.

— Какой страшной болезнью ваша Мариночка страдала?

— Болезнью? Я разве сказала про болезнь?

— Ну, в общем, по большому счету...

— Хуже. Мариночка моя страшно талантлива. Это видно с первого взгляда. Правда?

Сашок согласился.

— Она была в тупике. Она занималась в «Трудовых резервах». Это не дает никаких шансов. И к Евгении Осиповне устроиться невозможно. Туда министры в очереди стоят.

— А что Евгения Осиповна делает?

— Вы не знаете Евгению Осиповну? Но она же гениальный тренер по художественной гимнастике. Практически всем девочкам, которые к ней попадают, гарантировано место в сборной. Но попасть к ней... и мне пришлось, как вы понимаете...

— Ага, — сказал Сашок. — А я думал — смертельная болезнь.

— Типун вам на язык.

— Мать! — послышалось строго из кухни.

— Вы простите, что я так невежливо, — сказала Тамара, от-

крывая дверь гостю. — Мариночке нельзя волноваться. У нее режим.

Она смотрела на Сашка виновато. Вот-вот заплачет.

Сашок вышел на лестницу подавленный. Он понимал, что бывают всякие случаи в жизни. Но, спускаясь, подумал: «Эта Тамарочка еще не успеет помереть, как получит адские муки на всю катушку. Уже получает. Только не замечает. А жалко женщину, такая женщина! О ней заботиться надо».

Больше не было смысла ходить по домам. Осталось две расписки. Но Сашок уже знал: никто из тех, кто отдал душу дьяволу, не раскаивается и не хочет душу себе вернуть. Некоторые — потому что в душу не верят, другие, может, и верят, но хотят попользоваться жизнью сегодня. И им кажется, что судьба их, не будь дьявола, сложилась бы хуже, чем смерть.

С такими печальными мыслями Сашок вышел на улицу. Было темно.

До метро минут десять, такси здесь не поймаешь.

И Сашок побрел через рощицу, оставшуюся от прежней деревни, что была на месте новостройки.

Теперь в аэропорт, и улететь. Улететь и забыть. Забыть навсегда. А домой заходить? Там вещи. Нет, домой опасно — дома может быть засада.

Но засада была в той рощице, по которой шел Сашок.

Засада накинулась на него и стала молотить кулаками и рвать когтями. Было больно. Сашок отбивался, но упал, и его топтали. И шипели при этом, чертыхались.

Сашок вертелся, как уж на сковородке, рычал, кусался, отбивался и потом не выдержал и закричал:

— Хватит! Сдаюсь!

Но бить его не перестали. Били и дальше, пока сквозь помутненное сознание Сашок не услышал глубокий спокойный голос, который, казалось, проникал до печенок:

— Остановитесь. Хватит.

Сашок с трудом собрал себя по кускам, поднялся. Сюда, в рощицу, чуть проникал свет уличных фонарей. Метрах в пятидесяти проносились автомобили, проходили люди, но никто не слышал, никто не обращал внимания на то, как убивают человека.

Сашок напряг зрение, муть в голове начала проясняться. Его шатало. Он вытер рот: губы в крови, зуб шатается. Подбитыми глазами он стал различать лица. Но это все были не дьяволы, а люди, ему знакомые. Эдик Спикухин вытирал кулаки о пиджак,

доцент Нечипоренко потирал нос — видно, Сашок ему зафинтилил. Были там еще два незнакомых мужика, видимо, хозяева расписок. И что странно — жена Нечипоренко, женщина без души. Ну и, конечно, Дарья Павловна. Только без Павлика.

Они стояли вокруг, грозные и утомленные.

А перед Сашком возвышался человек в черном костюме, товарищ Д. И глаза чуть светятся в темноте. А может, в них отражаются огни фонарей.

— Александр Иванович, — сказал дьявол, — надеюсь, вы меня узнали?

— Узнал, — сказал Сашок. Губы его еле двигались. — Вы тот самый товарищ Д.

— Вот именно. А теперь, дорогие мои добровольные помощники, вы можете спокойно расходиться по домам. Наши дружеские соглашения остаются в силе. Александр Иванович достаточно наказан и осознал свою вину, не так ли?

Сашок промолчал.

— Идите, идите, — приказал жертвам дьявол, и они послушно растворились в темноте.

— Здесь лавочка, — сказал дьявол. — Давайте отдохнем, перекинемся парой слов.

Голос грудной, глубокий, как у актера. Да не все ли равно, какой голос. Главное, что жив остался.

— Вы правильно сейчас подумали, — заметил товарищ Д., усаживаясь на лавочку и указывая Сашку место рядом с собой. — Хорошо, что жив! По глазам вижу, радуетесь. Это чудесно — ощущать себя живым. Я живу на свете уже семь тысяч лет и не устаю радоваться жизни. Вы, наверное, полагаете, что я вызвал моих подопечных, потому что не хотел марать рук. Или более того — боялся оказаться с вами лицом к лицу? Нет, мой милый чудак. Это урок мне. Каждый из них в ситуации с вами вел себя неправильно, наивно и даже глупо. Но сам факт того, что расписки были мною утеряны, вызвал в них некоторое недоверие к моему всевластию. А это недопустимо. Сомнений быть не должно. Всегда и при всех обстоятельствах они должны помнить, что они — блохи рядом со мной. Вам ясно?

— Мне ясно, — сказал Сашок. — Что вы, может быть, и не дьявол.

— Почему?

— А потому что, если ты всемогущий, зачем это доказывать?

— Чудесно, — сказал товарищ Д. — Великолепная логика. Надо запомнить ваши слова. Вы мне нравитесь.

— А вы мне нет.

— Как же я так оплошал в шашлычной, — вздохнул дьявол. — Ведь с первого взгляда было ясно — тот подонок не способен на благородные порывы. А все — неполная информация.

— Они вам про куртку сказали?

— Голубая куртка! Они мне все уши прожужжали этой курткой.

— Вы бы меня убили?

— Я и его не хотел убивать. Но рассердился.

— Я тоже на вас сердитый.

— Странно, — сказал дьявол. — Давайте думать объективно и трезво. Вы подбираете мой бумажник и, вместо того чтобы сдать его в бюро находок, как положено честному человеку, начинаете им пользоваться.

— Я хотел как лучше.

— Вы хотели как лучше вам, — сказал дьявол. — Я не говорю о том, как бесцеремонно вы вмешиваетесь в жизнь незнакомых вам людей. А говорю о том, что, отыскав в бумажнике червонец, начали воровать у меня деньги. А это недостойно.

Сашку стало стыдно, потому что одно дело спорить с дьяволом на равных, как противник с противником, а другое — оказаться в положении пойманного вора.

— Возьмите ваши деньги, — сказал Сашок, без всякого сожаления вынимая из кармана толстую пачку. — Здесь на десять рублей больше. Тридцать мне Спикухин дал, из них я на такси тратил.

— Не оправдывайся, Саша, — сказал дьявол. — Давай бумажник.

Сашок отдал бумажник.

— Скажи теперь, — сказал дьявол, вытянув длинные ноги и поблескивая золотым перстнем на безымянном пальце, — есть ли у тебя заветное желание?

— Душами не торгуем, — сказал Сашок.

— Достойный ответ. Но неубедительный, потому что на мой вопрос ты не ответил.

— Я и без тебя начну новую жизнь, — сказал Сашок.

— А с моей помощью куда интереснее.

— Нет.

— А в кино не хочешь сниматься?

— Нет.

— А машину «Волгу» не хочешь?

— Нет, нет, нет!

— Убедительно. Несмелый ты человек, Александр Иванович, без желаний, которые бы захватывали тебя как магнит.

— Все равно — нет.

— Тогда я тебе тоже скажу, — сказал товарищ Д. — Я ведь тоже не дьявол. Какой я, к черту, дьявол?

— А кто? — спросил Сашок.

— Допустим, инопланетянин. Испытываю человечество на прочность. На предмет вторжения.

— Не верю, — сказал Сашок. — У этих, инопланетян, три ноги. И они зеленые.

— Любопытное наблюдение, — сказал товарищ Д. — Видно, у тебя большой опыт общения с нами.

Сашок смутился. Опыта у него не было.

— А может, я фокусник, — сказал дьявол. — И деньги у меня фальшивые. Ты не расстраивайся.

— Я не расстраиваюсь, — сказал Сашок.

Дьявол раскрыл бумажник, поглядел внутрь.

— Тут все расписки? — спросил он.

— Какие не отдал, все.

— Ладно. Тогда прощай.

— Один вопрос, — сказал Сашок. — Можно?

— Валяй.

— Вам все про меня позвонили?

— У кого побывал — все. А что?

— И Тамара тоже?

— Какая Тамара? Я их по именам не помню. Они у меня под номерами проходят.

— Тамара Михайловна Невская. Она тут живет.

— Не звонила, — ответил дьявол. — Когда ей звонить? Мы уже здесь были, тебя поджидали. Тебе мой телефон оставить?

— Не надо.

Дьявол вздохнул и исчез. Может, ушел, может, испарился. Сашок и не смотрел на него. Он нащупал в кармане записку и не хотел, чтобы дьявол о ней вспомнил. Это была расписка Тамары Невской.

Не вынимая руки из кармана, Сашок вышел из рощицы, дошел до автоматов с газированной водой у метро. Налил стакан без сиропа. Потом вынул расписку, порвал в мелкие клочки и сунул в рот. Он жевал бумагу, давился, запивал газировкой. На-

конец проглотил. Теперь эта расписка ликвидирована окончательно. Никакому дьяволу не добраться.

А зачем человеку ехать в Омск, если можно начать новую жизнь и в Москве? Может, не сразу, но Тамара должна понять и оценить его человеческие качества. Кстати, и Маринке нужно твердое руководство. Распустился ребенок, избаловался. А если Евгения Осиповна без дьявольской расписки выгонит ее из секции — не страшно. Другую секцию найдем. Был бы у падчерицы талант.

МАМОНТ

1

Петр Гаузе — коренной русак. Фамилия от предка, саксонца, который нанялся Петру Великому в драгунские капитаны, служил честно, поселился в России, скончался в бригадирском чине, окруженный детьми и внуками. Отсюда пошли Гаузе — преимущественно Петры, все коренные русаки.

В конце полевого сезона 1976 года Петр Петрович Гаузе искал мамонта, но лодка перевернулась. Петр чудом выбрался из потока, вполз по осыпи повыше, оглянулся. От его лодки, припасов, документов, фотокамер, сигарет и дневников ничего не сохранилось — по стремнине неслось одно весло.

Горше всего без сигарет. Бог с ними: с едой, документами и теплой одеждой — страшно остаться в лесу без сигарет.

Петр Гаузе пошел вниз по реке. Сыпал мелкий дождь, ночью разве что не примораживало. Придется мамонту ждать до следующего лета.

На второй день, изголодавшись, промаявшись без сна под корнями поваленной ели, Гаузе решил срезать километров десять. Река делала петлю, вот и решил срезать. Если бы не так хотел курить, не посмел бы удалиться от берега.

Часа три пробирался сквозь бурелом, наткнулся на брусничную россыпь. Брусника еще не поспела, была розовой, мучнистой. Гаузе долго ползал от кустика к кустику, пока не показалось, что почти сыт. Тогда-то и потерял направление. Солнце не видно, облака цепляют за вершины деревьев, лишайники растут как вздумается и не показывают, куда идти.

Гаузе пошел туда, где ниже. Чтобы попасть к реке, потом к людям и к сигаретам. К вечеру отыскал ручеек, на его берегу переночевал, а утром ручей привел его в болото и кончился. Некоторое время Гаузе сидел на краю трясины и утешал себя, что другие бродили неделями, и ничего, оставались живы. Побрел дальше.

Совсем отчаялся, чуть не плакал — вдруг увидел железную дорогу. Принял ее за галлюцинацию, тем более что была она не-

полноценной: только насыпь и шпалы. Насыпь кое-где осела, шпалы расползлись.

Петр Гаузе пошел по шпалам. Шаг маленький — шаг большой, шаг короткий — шаг широкий. Размышлял: когда дорогу забросили? То ли ошибка царских инженеров, то ли причуда сталинских пятилеток. Километров через пять спустился с насыпи, пожевал брусники, но далеко не отходил: насыпь, как ниточка, выведет к людям.

Потом Гаузе нашел мертвого человека.

2

Ему не хотелось называть человека трупом. Это из области криминалистики. Гаузе поглядел на человека и понял, что в лесу водятся волки. А до того казалось, что только Гаузе и птицы.

У мертвого человека не было лица и кисти правой руки. Можно было полюбопытствовать, как устроена человеческая голова изнутри, но Гаузе этого делать не стал, а отвернулся и принялся искать глазами волков.

Моросил холодный дождик, он уже смыл кровь со шпал и теперь полоскал окровавленную траву между ними. Руки Гаузе совсем окоченели, он держал их в мокрых карманах.

Мертвый человек был одет теплее, чем Гаузе. На нем был стеганый ватник, теплые штаны и армейские ботинки. Наверно, он был охотником, да расстрелял все патроны, а ружье потерял.

Мертвому человеку ватник не нужен, можно снять. Только скорее, пока не стемнело. Но Гаузе медлил, ему неловко было раздевать другого человека. Он сосчитал до ста, потом до пятидесяти.

Петли ватника, пришитые с краю, были широкие, видно, охотник много раз его расстегивал. Потом Гаузе стал стаскивать ватник с рук, ворочать мертвого человека, который окоченел, словно нарочно расставил руки. Когда Гаузе повернул его на бок, увидел за спиной вещевой мешок. В мешке — горбушка черного хлеба, совсем размокшая, тряпки, нож с наборной ручкой, мешочек с разбухшей крупой, три куска мокрого сахара в бумажке.

Надо было отойти в сторону: неловко жевать при мертвом человеке. Но Гаузе не удержался, откусил от горбушки. Проглотить трудно, словно разучился жевать и глотать. Гаузе откусывал новые комья, чтобы протолкнуть ими те, что в горле застряли. Когда проглотил последний кусок, тут его и вырвало. Весь хлеб

наружу — такая жалость! Его дергало, сотрясало, а он ругал себя за спешку.

Когда отдышался, положил в рот кусок мокрого сахара и стал сосать. Комочки хлеба и непереваренные розовые брусничины забрызгали все вокруг, пришлось ватник отряхивать, но кровь с него не сошла.

Гаузе натянул ватник — маловат, сыр, но вроде бы стало теплее. Штаны и ботинки с мертвого человека снимать не стал, слишком.

Гаузе закинул за плечо невесомый мешок, нож сунул в карман, прикрыл тряпочкой лицо мертвому человеку и пошел дальше: широкий шаг, короткий, длинный, маленький, как шпалы велят.

Через сто шагов Гаузе увидел на шпалах серую ушанку, натянул ее, хоть мала и промокла.

Начало темнеть. Гаузе считал шпалы, но задумывался и сбивался со счета. Считал снова и чуть не пропустил недалекий гудок.

Гудок мог каждую секунду прерваться, надо было подойти к нему поближе, чтобы потом не заблудиться. Гаузе побежал, увидел справа просеку, которая вела к гудку. Он вытащил из кармана нож, от волков, и спустился с насыпи.

3

Петр Гаузе вышел к жилью, когда уже стемнело. Воздух стал синим, строения впереди — как кубики в тумане. Но тут врубили свет — звездами перед глазами фонари, кометами — лучи прожекторов. И уже не видно, что там, только живой свет.

Петр Гаузе, хоть и выбился из сил, сразу сообразил, что перед ним объект. Объект — это общее слово, включает то, что не деревня и не город.

Больше шансов в лесу увидать объект, чем деревню. Объекты чаще стоят там, где никто не подозревает. В этом секретность и интересы государства.

Луч прожектора отыскал Петра Гаузе и пришпилил к земле, как булавка бабочку. Петр Гаузе с радостью подчинился. Сел на мокрую траву вырубки, сразу задремал, жаль только, документы остались в лодке, придется звонить, выяснять, хороший ли он человек, в самом ли деле палеонтолог.

Недолго нежился Петр Гаузе в дремоте: его разбудили грубым толчком, рядом — сапоги. Ему велели, чтобы он, сука, вста-

вал, и заломили руки за спину. Отобрали ножик, мешок, а Гаузе повторял, чтобы товарищи не беспокоились, он сам пойдет, но его не слушали, и Гаузе был не в обиде: они имели право так обращаться с неизвестным лицом, вышедшим из леса. Такие функции у охраны объекта. Редко шпион попадается, но надежда на шпиона есть.

Щелкнуло сзади, кисти рук стянуло. Наручники? Пошел Гаузе вперед, скользя по грязи, прямо в солнце прожектора. И думал: когда уладится, они выпьют по маленькой, все мы славные ребята, настоящие русаки.

Земля под ногами стала тверже, значит, вышли на дорогу. А потом возник шлагбаум, ворота, загородки, солдаты, проволока в несколько рядов.

Прожектор отпустил глаз. Гаузе разглядел, что впереди длинные строения с решетками на окнах, а дальше большой дом, идти к которому по деревянным мосткам. Мостки вздрагивали, хлюпали и были скользкими.

Вот и рядом большой дом. Кирпичный, в три этажа. Застекленная дверь. Затолкнули Гаузе туда. Ну и холл! Он полукругом охватывал мраморную лестницу шириной метров в пять, которая вела, раздваиваясь, на второй этаж. Перила, округлые на концах, были украшены бронзовыми амурами. Ноги и низ животов амуров были отполированы до блеска — кто спускался по лестнице, хватался за них.

Из холла в стороны — резные двери, в стиле модерн начала века, навевают грусть по вольно вьющимся женским волосам и струйкам сигаретного дыма. Хотел Гаузе попросить сигарету у конвоиров, да вспомнил, что руки заняты наручниками.

— Схватили? — спросил седой сержант, что сидел за столиком у одной из дверей. Перед ним листы бумаги, а пальцы — в фиолетовых чернилах.

— Полковник у себя? — спросил тот, кто топал сзади Гаузе.

Он вышел вперед, и Гаузе его разглядел. Капитан был высок ростом, гладок лицом. Лицо концентрировалось в центре, переходя в большой, устремленный, острый к концу нос. Все лицо было создано, чтобы служить носу фоном и стартовой площадкой. Казалось, и тело капитана, наполненное крепким тугим жиром, мягко ширящееся к поясу и сужающееся к коленям, таинственным образом служит опорой носу и самостоятельного значения не имеет.

Тут Гаузе и себя увидал в зеркале, схожем с дверью и висящем между дверей. И не сразу сообразил, что это он — старший научный сотрудник, кандидат наук П.П. Гаузе, коренной русак.

Бродяга в зеркале оброс рыжей щетиной, был грязен и страшен. Изношенная до крайности ушанка сбилась набекрень — одно ухо кверху, как у битого щенка, из-под нее — диким светом глаза, звериный взгляд, но трусливый. Мокрый окровавленный ватник расстегнут, под ним разодранная на животе куртка, не поймешь какого цвета, джинсы в грязи, а вместо ботинок на ногах — плюхи глины. Уголовный рецидивист, попался, когда в окно сельского магазина лез. Такому доверия нет. Понял это Петр Гаузе и сказал:

— Ну и дела!

Тут бы провести по лицу, убедиться, что ты — это ты, а руки за спиной онемели. И ног у входа не вытер.

Капитан обернулся от двери, прицелился носом в Гаузе, но тут изнутри послышалось: «Давай!»

Гаузе замешкался, старался вытереть ботинки один о другой, шмат грязи отлепился и шлепнул о пол. Солдат ему в спину автоматом ткнул.

Гаузе поспешил в кабинет.

4

За столом, лицом к двери, сидел полковник.

Видно, специально к встрече не готовился: мундир нараспашку, там серая фуфайка. А выбрит так, включая голову, что свет от хрустальной люстры отражается зайчиками и стоит головой пошевелить, как зайчики бьют в глаза, заставляют жмуриться.

Полковник — как солнышко, светл, округл, составлен из шариков. Все шарики разграничены и правильны. Шарики-щечки вылезают под шариками глазками, а над ними лоб — шаром более других.

Полковник посмотрел на Гаузе и огорчился его диким видом. Отвернулся, взял со стола пластиковый мешок — в таких крупу хранят, — приставил к пышным губам, надул шарики-щечки и стал пыжиться.

— Здравствуйте, — сказал Гаузе. — Не выйдет, в пакете дырка.

— Вот именно, — согласился полковник. — Погляди, Левкой.

Капитан сделал строевой шаг к столу, пригляделся носом и сказал:

— Так точно, прогрызено.

Уморительно сказал, Гаузе улыбнулся. Ну вот, кончились его скитания, люди ему попались милые, сейчас разберутся.

— Надо меры принимать, — сказал полковник. — Не хотел я на это идти, но придется. А ты, П-234, не улыбься, нет у тебя к этому оснований.

— Что с ним делать будем? — спросил капитан Левкой, имея в виду Гаузе.

— А номер он зря оторвал, — сказал полковник. — Недостойно это советского человека, номер с себя рвать. Значит, как за ворота, так и номер не нужен?

— Отвечай, — подсказал Левкой Петру Гаузе.

— Не понял, — сказал Гаузе, сохраняя на щеках ухмылку.

— Не понял он, — вздохнул полковник. — Непонятливый.

— Разумеется, — сказал Гаузе, — я виноват в том, что подошел близко к объекту, вверенному вам, но войдите в мое положение. Три дня в лесу, без пищи, а я ведь чуть не утонул, перевернулся в лодке, и все документы пропали. Вы можете позвонить в область, там вам все разъяснят.

Гаузе показал на телефонный аппарат, стоявший на столе. Теперь уж подошла очередь полковнику улыбаться. Что он и сделал. Пробежал толстыми пальчиками по телефонному шнуру, черная змейка тянулась-тянулась, вытянулась до конца. На конце белый бантик привязан, покачивается, а за бантиком черная крыса выскочила, подпрыгивает, играет с бантиком как котенок.

— По этому телефону позвонить? — мягко полковник спросил, без нажима, с некоторой только обидой.

— Простите, я не знал, — сказал Гаузе. — Значит, с другого аппарата придется звонить. А крыса такая смешная, ну ведет себя совершенно как котенок.

— А номер снимать не положено, — сказал полковник и, отпустив телефонный шнур, принялся снова надувать дырявый пакет.

— Зовут меня Гаузе, Петр Петрович, русский, 1940 года рождения, беспартийный, под судом и следствием не состоял, в плену и оккупации не был, родственников за границей не имею...

Полковник прервал его, подняв палец.

— Снятие номера, — сказал он, — приравнивается к экономическому саботажу. В то время как у нас каждый лоскут на учете, ты, П-234, нагло, посреди белого дня, выкидываешь его в кусты. А люди старались...

— Какой номер?

— А вот такой.

Полковник извлек из кармана грязную белую тряпку, в две ладони, на ней черным: «П-234».

— Не веришь, что нашли? Не веришь? А волки на что?

Гаузе пожал плечами. Ничего ему эта тряпка не говорила.

— Я искал мамонта, — сказал он. — Не нашел, потерпев крушение.

Вздохнул полковник.

— На суде, — сказал он, — это может послужить водоразделом между жизнью и смертью. А уж лишнюю пятерку я тебе гарантирую.

— Ты слушай, — посоветовал капитан Левкой.

Нос его приблизился к лицу Гаузе, откуда-то, невесть откуда кулак выскочил. И в подбородок Петру Гаузе врезал.

Петр Гаузе поднялся на ноги, раздумывая, откуда кулак взялся, если и полковник, и капитан смотрят на него с интересом, без озлобления, сами не понимают, зачем он на пол садился. Гаузе головой помотал, хотел возразить, но тут увидел на столе пачку папирос «Казбек». И так ему захотелось покурить, что непроизвольно сказал:

— Разрешите папироску, товарищ полковник.

Полковник удивился, пакет на стол опустил, руками развел: вот, мол, какой странный человек мне попался, — и вежливо, пальчиком, пачку через стол повез, к Гаузе.

Но только Гаузе дотянулся до пачки, как кулак его снова настиг. И на пол свалил с помутнением сознания. А в глаза зайчики били, потому что полковник привстал, даже через стол перегнулся, смотрел на Гаузе с сочувствием, но пачку папирос тем временем спрятал в ящик стола.

— Пускай отдохнет до суда, — сказал полковник. — Намаялся.

Он из воздуха бумажку взял, протянул Петру Гаузе.

Гаузе бумажку получил, а Левкой к нему наклонился, авторучку подал, показал, где расписаться в получении.

Это повестка была.

«Товарищеская тройка приглашает Вас явиться на разбор Вашего дела в любое удобное для Вас время от 15 часов до 15 часов 3-х минут завтрашнего дня».

Левкой ручку забрал обратно и стал подталкивать Гаузе к двери, сапогами, и Гаузе даже одобрял его брезгливость, потому что Гаузе был очень грязен.

На четвереньках выполз Гаузе в холл, сержант за столиком головой покачал — ах как нехорошо здесь ползать! — обошел спереди, но не помог, а наступил на руку, очень больно. Гаузе руку подобрал под себя и упал головой вперед. Дальше он не помнил.

5

Петру Гаузе казалось, что он спал, только не выспался. И спина закоченела.

Лежал он на нарах, как на вагонной полке.

Было в том вагоне полутемно, Гаузе развернулся из эмбрионального положения, начал елозить спиной по нарам, чтобы спина отошла, и тут понял, что над ним вторые нары и там кто-то есть.

Тот «кто-то» услышал шевеление Гаузе, заскрипел досками — сверху свесились сапоги. Блестящие, со шпорами, съехали вниз, встали у головы Гаузе, и оказалось, что выше сапог — серые кальсоны.

Спустился седоусый старик, крепкий еще. Поверх кальсон поношенный китель.

— Где глаз-то потерял? — спросил он у Петра Гаузе.

— Доброе утро, — сказал Петр Гаузе, человек воспитанный. — Какой глаз вы имеете в виду?

Однако ему только казалось, что он воспитанно разговаривает. На самом деле болтал неразборчиво: рот разбит, язык великоват. Пощупал ладонью лицо — в самом деле, один глаз заплыл, щекой подперт. Догадался:

— Это меня потом били, а я не заметил.

— Бывает. Ты кто будешь?

«Глазок» в двери отодвинулся, оттуда голос:

—П-234 ожидает суда. За побег и экономическую диверсию.

—Ах ты, заботники, — сказал старик, поднялся, к двери подошел, достал из кальсон гвоздь, заклинил им глазок.

Вернулся, спросил:

—Далеко уйти успел?

—Я не ушел, а пришел, — сказал Гаузе. — Все документы утопил и заблудился.

—А номер спорол? Они за это очень серчают.

—Я нашел мертвого человека, на шпалах. С него ватник снял.

—Главное, — сказал старик, — не поддавайся безумию. Я вот сколько лет не поддаюсь.

Сыро, темно, холодно, по стене пауки бегают, окошко трубой под углом вверх уходит. Сколько же лет? Но спросить неудобно, нетактично. Он вместо этого так спросил:

—Где вы чистите сапоги?

—А их чистить не надо. Это личный подарок председателя

реввоенсовета товарища Троцкого. Их без ног снять невозможно.

Ну кто из них поддался безумию?

— Где мы находимся? — спросил Гаузе. — Мне многое непонятно. Почему я подвергся избиению и получил повестку? Почему мне никто не верит?

—Повестку покажи, — сказал старик.

Поглядел на бумажку.

— Зря расписался, — сказал он. — Теперь-то уж точно закатают. Тебе сколько оставалось?

— Я, понимаете, по тайге шел, мамонта искал...

— Я тоже бегал, — сказал старик. — Восемь раз бегал.

— Это же недоразумение. Я ниоткуда не убегал. Я сюда случайно пришел. Зачем мне убегать?

— Ну что ж, стой на своем, — сказал старик. — Имеешь право.

Он пошел в угол, там стоял сосуд под крышкой. Старик спустил кальсоны, сел на сосуд. Гаузе отвернулся, чтобы не показаться невежливым. А старик рассуждал:

—Бегство есть бессмысленное действие, но все мы — человеки бессмысленны. Здесь особенно...

Дверь заскрипела, а старик закричал:

— Рано к нам еще!

В камеру вошел солдат с ключами, за ним — неопределенного возраста молодой человек в белом халате с чемоданчиком в руке, за ним — женщина. Врачи?

— Темно, — сказал молодой человек.

Солдат выглянул в коридор и крикнул:

— Сидоров, дай свет!

Лампочка под потолком, голая, желтая, мигнула, вспыхнула — глазам больно.

Мужчина в халате был хоть и молод, но молодость серая, без свежего воздуха, лицо одутловатое, мышцы вялые. А женщина непонятна. В белом платке, завязанном как на косьбе, закрывая лоб, чтобы не обгорел на солнце. Щеки впалые, нос прямой, глаза к полу.

Старик поднялся с судна, застегивая кальсоны.

— По чью душу?

Никто не ответил, никто на него не смотрел, на Петра Гаузе тоже никто не смотрел.

Два солдата кресло внесли. Потертое, сиденье продавлено, пружины наружу. Зубоврачебное кресло. С ручек болтаются, к полу, ремни.

Потом столик внесли, поджарый, скрипучий. Женщина, не

поднимая глаз, подобрала с полу чемоданчик, стала раскладывать на столике инструменты. Зубы лечить будут.

— Садись, — сказал молодой человек старику.

— Не пойду, — сказал старик. — Не имеете права.

Солдат старика толкнул. Только старик не шелохнулся.

— Бери его!

Навалились на старика вчетвером. Пошло хрипение, вздохи, ругань и даже визг; старик кусался, норовил задеть солдат шпорами, как петух в драке.

Гаузе хотел вскочить — и головой об нары!

— Отпустите товарища, он сам сядет!

Старик извернулся — шпорой достал до Гаузе. Больно. С продранных джинсов грязь посыпалась.

Гаузе почувствовал обиду, ноги подобрал. Сколько раз говорил себе: «Не вмешивайся, без тебя разберутся».

Разбирались.

Старика скрутили, посадили в кресло, пристегнули ремнями, пыхтели, матерились, радовались победе.

Молодой человек медленно пошел вокруг. Словно высматривал, с какой стороны у старика рот. Потом догадался: спереди, и сказал:

— Крепите.

Солдаты примотали голову старика к высокой спинке, железами со скрипом развели челюсти. Готово.

— Полина, — сказал молодой доктор, — щипцы.

Женщина, проходя рядом с Гаузе, кинула на него равнодушный взгляд. Гаузе вспомнил, что он отвратителен и страшен. Гадок. Отвернулся.

Старик рычал, выл, звякал металл — инструменты о столик.

Гаузе чувствовал отвращение сродни дурноте. Варварство. Тебя, Гаузе, приняли за беглеца. Отсюда же. Объект закрытый. Может, лагерь? Может, этот старик с усами — уголовник, убийца, и ты, Гаузе, ничего не подозревая, провел ночь вдвоем с ним. А может, диссидент? А может, власовец. Нет, должны разобраться. Прошли времена беззакония, канули в прошлое.

Старик выл, инструменты звенели, молодой доктор тяжело дышал. Гаузе бросил взгляд на старика. Любопытство — ходят же смотреть на зверскую казнь. В журнале от фотографии расстрела не отвернутся.

Лицо старика в крови, усы в крови. Бьется старик, хрипит, а в дверях — товарищ полковник. Весь из шариков, наблюдает. Встретил взгляд Петра Гаузе, прямым ходом к нему, присел на край нар, словно в гости заглянул.

— Как тебе у нас? — шепнул.

— Что происходит? Куда я попал?

Полковник щупал ткань джинсов.

— Товарищ полковник...

Полковник пальцем помахал перед носом, шепнул Гаузе на ухо, дружески:

— Я тебе, падло, не товарищ, тамбовский волк тебе товарищ. Так, может, ты вовсе и не П-234?

— Вот именно.

Старик завопил, полковник поморщился.

— Гаузе, говоришь?

— Гаузе, Петр Петрович.

— Дурак ты, что ватник снял. Теперь ты — П-234, навесим тебе еще одну десятку, помяни мое слово. Иного выхода нам отчетность не позволяет. Если тебя не будет, на что мы П-234 спишем?

Звяк — зуб об алюминиевую тарелку.

— Коренные рвать? — спросил молодой доктор.

Полковник легко вскочил с нар, подбежал, заглянул в рот старику.

— Оставляй. Пускай побалуется. Мы не изверги.

Старик обмяк в кресле. Кровь струилась по серой рубашке, по кителю, на кальсоны, на сапоги.

Полковник вытащил из кармана синих галифе плоскую фляжку. Подошел к молодому доктору, тот голову быстро запрокинул, ему в горло из фляжки было налито. Потом полковник к женщине подошел. Та отвернулась.

— Полина, за службу, — сказал полковник. — Прими.

Пожал плечами, поглядел на Гаузе, словно хотел и ему предложить, но передумал, спрятал фляжку и пошел вон.

Солдаты наклонили кресло, свалили старика на пол. Женщина собрала инструменты со столика в чемоданчик. Отдельно унесла тарелку с зубами. Солдаты остальное унесли. Старик лежал, открыв рот — а зубов нет. Ни одного — только черные десны.

6

В полдень принесли две миски с баландой. Откуда-то слово вспомнилось. Старик мычал, страдал. Может, ему теперь челюсти вставят?

—Вам челюсть вставят?

Старик головой покачал, взял свою миску, всосал жижу беззубым ртом, потом пальцами ошметки капусты в рот заложил, поглубже затолкал, сглотнул. Что-то сказал, а что — непонятно.

Старик вытер сапоги рукавом рубахи, добрел до стенки, стал в нее отстукивать. Потом послушал, что отвечают.

Но тут пришел солдат, позвал:

— П-234. На суд.

Старик от стучания отвлекся, хлопнул Гаузе по спине: иди, мол.

По обе стороны коридора запертые двери. Одинаковые. В коридоре сыро, голые лампочки кое-где.

Солдат провел Гаузе по узкой лестнице, по коридору — почище. Там, за решеткой, второй солдат ждал.

— Повестка есть? — спросил.

Гаузе послушно показал ему повестку.

— А фотография? — спросил солдат.

— Не было, — сказал Гаузе.

— Тогда иди фотографироваться. А то дальше не пустят.

Завели Гаузе в маленькую комнату. Там стоял аппарат на ногах, большой, старинный. Старый фотограф вышел из-за занавески, замахал руками:

— Нет! Нет, ателье закрыто!

— Надо, — сказал солдат. — Суд ждет.

Старичок убежал за ширму, вынес оттуда помазок, кусок мыла, горячую воду и стал Гаузе брить.

Солдат стоял в дверях, курил, отчего было такое шевеление в душе, что помереть хотелось. Гаузе отработанный дым втягивал ноздрями — со всей комнатки дым к нему тянулся. Покурил.

Старичок брил и все спрашивал:

— Не беспокоит?

Гаузе не отвечал. Гаузе думал. Потом спросил:

— Вы давно здесь?

— Ах, что вы, — сказал фотограф. — Разве можно?

Он унес парикмахерские инструменты, прибежал с коробкой красок. Пальцами по щекам — румянец размазал, голубым под глазами...

— Вы будете у меня интеллигентный человек.

Белилами — лоб. Замер. Спросил:

— Усы делаем?

Солдат подошел, поглядел.

— Гитлеровские?

— Можно гитлеровские. Тогда суд строже станет.

—Зачем же мне гитлеровские? — спросил Гаузе. — Я без усов обойдусь.

— Делай гитлеровские, — сказал солдат.

Старичок — чирк-чирк под носом. Гаузе уже знал, что у него

гитлеровские усы. Конечно, суду не понравятся такие усы. А старичок уже чуб на лоб начесывает, салом примазывает.

— Гадок? — спросил у солдата.

— Гадок, — сказал солдат. — Фотографируй.

Гаузе бы поднять руку, стереть усы и чуб, да рука не поднимается. В общем, все равно, это же скоро кончится.

Старичок нырнул под черное покрывало. Оттуда:

— Улыбайтесь!

Из объектива — стекло в сторонку — вылетела птичка, пискнула, спряталась.

— Всё! Отличные кадры!

Старичок засунул руку сверху в ящик аппарата. Вытащил фотографии.

Гаузе поглядел.

Фотографии были Гитлера. В парадной ферме, с Железным крестом на груди. Совсем на Гаузе не похожи.

— Это не мои фотографии.

— Ах, какая разница, — сказал фотограф. — Других мы не делаем.

Пошли они дальше. Через холл, по широкой лестнице. В большой зал.

Стол вдоль стены. За столом полковник сидит. Капитан Левкой. И еще один лейтенант.

Гаузе поставили у другой стены. Два солдата по обе стороны.

Офицер с Левкоем в шахматы играли. Полковник новый пакет надувал, целенький.

— Привели, — сказал солдат. — Вот повестка. И фотографии.

Офицеры стали фотографии разглядывать. Разглядывают, потом на Гаузе смотрят, сравнивают.

— Он, — сказал наконец полковник. — Фашист номер один.

— Гитлер, — сказал Левкой. — Никакой ему пощады.

— Никакой пощады, — сказал второй офицер. — Твой ход, Левкой.

Полковник отложил в сторону фотографии и повестку.

— Читай дело, — сказал он солдату.

Солдат тот вышел из стены. С папкой в руке. На папке большими буквами: «ДЕЛО».

Прочел:

— Слушается дело Сидорова Семена Ивановича. Он же Адольф Гитлер. Год рождения не установлен. Осужден в тысяча девятьсот сорок пятом году за укрытие своего прошлого и распространение порочащих слухов, по статье 58-а с конфискацией имущества и поражением в правах.

— Сколько ему сначала дали? — спросил полковник.

— Сначала ему смертная казнь через повешение пошла, потом помиловали. Двадцать пять.

— Я сорокового года рождения, — сказал Гаузе.

— Молчи, голубчик, не перебивай, — сказал полковник. — По тебе видно, что ты не старый. Не волнуйся, Адольф. Мы же тебя теперь за побег судим. Мы не мстители. Мы — товарищеская чрезвычайная тройка, понимать нужно.

— Но мне-то можно сказать? Ведь побега не было.

— Правильно, — сказал Левкой. — И быть не могло. От нас не бегают.

Второй офицер достал бутерброд, стал жевать, а Левкой сказал:

— Еще попрошу ему десять суток прибавить карцера. Он меня за палец укусил. Сопротивлялся при аресте.

— Я не сопротивлялся.

— Молчать!

Левкой палец поднял, всем показал. Палец был гладкий, некусаный, белый. Полковник покачал головой и сказал Петру Гаузе:

— Стыдно-то как. Людей за пальцы кусать. А об инфекции ты подумал? А если нарывать будет?

Левкой достал из кителя носовой платок, стал палец заворачивать.

— А за геноцид ему прибавим? — спросил второй офицер.

— Кровь за кровь, — согласился полковник. — Смерть за смерть. Еще пять суток. А теперь ты нам расскажи, что в Москве нового? Что в театрах? Как Уланова, пляшет еще?

— Подождите, товарищи, — возмутился Гаузе. — Я буду жаловаться. Вы совершенно невинного человека хватаете, судите...

— Увидите эту фашистскую сволочь! — взмолился Левкой. — А то я его собственными руками растерзаю.

— Да, — вздохнул полковник. — Придется увести. А ведь такой интересный разговор завязался.

И увели Гаузе. По дороге обратно он усы стер и хохол поправил.

И вернулся в камеру почти нормальный, только бритый.

7

— Чего? — спросил беззубый старик.

— Десять лет прибавили, — сказал Гаузе. — И еще пятнадцать суток карцера. Под Гитлера гримировали.

— Многих гримируют, — прошамкал старик. — Только не похоже.

— Эй, Василий! — раздалось из-за окна, сверху.

— Здесь я!

— Держи.

По наклонной трубе — от окна вниз — пакет бумажный.

Старик в него вцепился, развернул. А там две челюсти. С железными зубами. Сверкают.

Вставил в рот, пощелкал. Хорошо.

— Хорошо? — спросили сверху.

— Хорошо? — сказал старик.

Оскалился на Гаузе.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Три бы пайки сожрал.

А тут стук в дверь. Официальный.

— Войдите, — сказал Гаузе.

Полковник, Левкой с шахматной доской под мышкой, второй офицер с папкой.

За ними стол принесли, стулья. Портрет в золотой раме.

Чей портрет? Сталина.

Все это в камере расставили.

Товарищеская чрезвычайная тройка расселась.

Офицеры сразу шахматы раскинули. А шахматы у них к доске приклеены. Навечно.

— Ты что здесь делаешь? — спросил полковник у Гаузе. — Мы же тебя уже осудили.

— Я здесь живу, — сказал Гаузе.

— Ну тогда оставайся. Смотри, как мы расправляемся с врагами народа. Читай, солдат!

Солдат папку у офицера взял. Раскрыл.

— Слушается дело Чапаева Василия Ивановича, год рождения не установлен. Осужден в тысяча девятьсот тридцать восьмом году за связь с врагами народа, измену Родине и особо тяжкие преступления по статье 58. Приговорен к двадцати пяти годам заключения. За неоднократные побеги и полную безнадежность исправления 18 ноября 1973 года приговорен к смертной казни, вторично приговорен к смертной казни в следующем году за убийство секретного сотрудника администрации лагеря. Казнь не приведена в исполнение.

— Хватит, — сказал полковник.

«Вот кому Троцкий сапоги вручал, — догадался Гаузе. — Чапаев. Герой Гражданской войны».

— Это тот самый Чапаев? — спросил Гаузе у полковника.

— Мы других не держим, — сказал полковник. — И не мешай, а то и тебя приговорим.

— Но он же в реке Урал утонул. Я в кино видел.

— Молчи, Гитлер, — сказал Левкой. — По тебе тоже веревка плачет.

А солдаты снова зубоврачебное кресло тащат.

— Что перед смертью нам скажешь? — спросил полковник. — Скажи, только покороче.

Старик только головой взбрыкнул.

— Где Морозов? — рявкнул Левкой. — Где доктор? Кто будет нам смерть утверждать?

— Василий Иванович! — закричал в сердцах Петр Гаузе. — Вся наша страна любит и помнит вас! Никто не забыт, ничто не забыто! У нас в глазах стоит ваша героическая гибель в реке Урал. Пионерские дружины и колхозы названы вашим именем. Память о вас не сотрется в памяти народной.

Из этой речи можно заключить, что Петр Гаузе, человек прямой и честный, сущий русак, воспитан был в комсомоле и любил наблюдать телевизор.

— Ты слышишь, враг народа, что о тебе говорят? — спросил полковник. — А ведь врать не станут. О тебе, понимаешь, пионерские дружины названы, и даже колхозы, а ты побегами занимаешься. Ну неужели тебе не стыдно? Пожилой человек.

— И за палец меня укусил, — сказал капитан Левкой.

А второй офицер быстренько стащил с себя китель, набросил на плечи белый халат — оказался доктором Морозовым. Как же его Гаузе на своем собственном процессе не узнал?!

Солдаты пристегнули Чапаева ремнями, только усами он похож на легендарного героя.

Капитан Левкой с трудом оторвал ладью с шахматной доски, протянул привязанному герою.

— Пожуй, — говорит. — Перед смертью побалуй свой желудок.

— Послушайте, — сказал Гаузе, — несмотря на неправильность того, что имеет место, скажите, что вы собираетесь делать?

— Приводить в исполнение, — сказал доктор Морозов. — Приговор приводить.

А сам градусник достал и старику — под мышку. Тут же вынул и кивнул начальству:

— Можно начинать, пульс в норме, давление повышенное.

— Теперь тебе не уйти от справедливой кары, — сказал полковник. — Гляди. Крепкий.

Он развернул пластиковый пакет, попыжился, надул его, как детский шар.

— Покайся перед народом, — сказал полковник. — Покайся, Чапай. Много тревог доставил ты органам. И никто тебе не поможет. Нет же у тебя зубов. Нету?

А старик все не каялся.

— А как казнить будут? — спросил Гаузе у доктора Морозова.

— Сейчас увидите, — ответил доктор. — Нелегко нам. Патронов нет, веревки кончились. Все приходится самим. Но лично товарищ полковник Бессонов нашел выход из положения. Настоящий руководитель, сталинского типа. Капитан индустрии.

Полковник собственноручно накинул пакет на голову старику Чапаеву, велел доктору Морозову подойти, шнурок у него из ботинка вытащил, начал пакет снизу к шее привязывать.

— Он же задохнется! — закричал Гаузе.

Тут капитан Левкой со всего маха сел толстым задом на Петра Гаузе, пришпилил его к нарам.

— Очень дешево и экономично, — сказал доктор Морозов. — Вы не видели моего термометра? Мне надо смерть констатировать.

— Ну гляди же, враг народа, на торжество твоих победителей! — сказал полковник.

Но тут, вместо того чтобы глаза выпучить и задохнуться в мучениях, старик Чапаев сильно воздух в себя втянул, пакет к губам прилип, все засмеялись на тщету усилий жизни перед надвигающейся смертью. А старик железными зубами шварк-шварк — в пластике дыра!

— Зубы! — закричал полковник. — Вижу зубы. Железные! Кто ему дал зубы? Последний пакет погубили! Всюду враги народа! Всюду наймиты фашистско-троцкистской разведки. Левкой, погляди, у П-234 есть зубы или он их Чапаеву одолжил?

Развернули Петру Гаузе рот, поглядели. А у него зубы на месте.

— Попрошу снять с меня орудие казни, так как она не состоялась. И еще дайте мне бумагу и карандаш, чтобы писать жалобу в Президиум Верховного Совета, — сказал старик.

— Снять пакет! — полковник ссутулился, постарел. — Назначить доследование. А тебя, Чапаев, мы все равно казним. Вот пришлют нам винтовки и веревки, обязательно казним.

Полковник быстро вышел. Остальные за ним. Только капитан Левкой задержался. Протянул Петру Гаузе листочек бумаги. Шевельнул носом — и нет капитана.

На листочке маленькими косыми буквами:

«Министру государственной безопасности и внутренних дел товарищу Л.П. Берия и лично товарищу Сталину от капитана госбезопасности Л.Е. Левкоя.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до сведения присланного Вами для проверки состояния спецособлага № Х под видом заключенного № 232 сотрудника, что начальник лагеря полковник Бессонов замечен мною в связи с врагами народа, а также нарушает режим и присваивает довольствие комсостава, а партийных собраний не проводилось более года».

— Странное письмо, — сказал Гаузе. — Почему мне?

— А потому что ты странный человек, — ответил Чапаев. — Двадцать пять лет ревизии не было. Есть мнение, что ты — ревизор.

Старик кейфовал на диване, нежился после победы.

— Что же мне делать?

— Подшей к делу и жди.

Тут старик достал из щели за нарами синюю папочку, на которой было печатными буквами выведено:

«ДЕЛО
полковника МГБ Бессонова Терентия Васильевича.
Начато 29 августа 1976 года. Закончено расстрелом...»

Дата последняя еще не проставлена. А дата начала — сегодняшняя.

Ну и старик. Уже успел. Может, они с Левкоем заодно? Кто их тут всех разберет?

Махнул Гаузе мысленно рукой, подшил в дело жалобу на начальника лагеря и спросил:

— Вы говорите, Василий Иванович, что здесь никто двадцать пять лет не проверял. Как это понимать?

— А так и понимай. У нас лагерь специальный. Для особо важных преступников, которых следует забыть. К нам и до пятьдесят третьего года редко начальство заглядывало. А с тех пор никто и не приезжал. Даже не знаю — доходят ли до товарища Вышинского и лично товарища Сталина мои бесконечные жалобы.

— Погодите! — воскликнул тут Гаузе. — Если к вам никто не приезжал, значит, о вас забыли!

— Нельзя забывать. Никто о нас не забывал. Просто усилили

секретность, — сказал старик. — Так усилили, что птица без разрешения не пролетит.

— Нет, забыли, — упорствовал Гаузе. — Не может быть, чтобы патронов не привезли. Подумайте, Василий Иванович, — разве может быть, чтобы патронов не подвезли?

— С патронами ты меня уел. С патронами не объясню. А может, экономят?

— Неужели бы на вас пулю пожалели?

— Нет, на меня бы не пожалели. И все-таки, с чего бы им о нас забыть?

— Потому что времена изменились.

— Времена не меняются, — старик сказал. — Люди меняются, а времена не меняются.

— Сталин умер, Берию расстреляли. И как раз в пятьдесят третьем. Двадцать три года назад!

— Чего?

— Сталин, говорю...

— Врешь, — сказал старик. — Теперь-то я вижу, что ты и в самом деле — Гитлер, враг нашей Родины. Сталин никогда не умрет.

И как уж Гаузе старался, убеждал, но старик Чапаев был непреклонен.

— Потому что, — говорил он, — товарищ Сталин — мой друг и защитник.

И рассказал полководец Чапаев свою биографию.

8

— Ранили меня на реке Урал белые гвардейцы и взяли в плен. А я в исподнем был. Спрашивают: «Хочешь ли ты смерть принять или будешь нам честно служить?» А я отвечаю: «Как я есть мобилизованный насильно в Красную Армию крестьянин, то мне все равно, кому служить». Такова была моя военная хитрость. Ну, перехитрил я их, дослужил у них до конца Гражданской, потерпел вместе с ними поражение, но скрылся от наказания, а поселился на хуторе, у одной вдовы, и жил спокойно, даже в колхоз вступил. Пошел как-то в кино, а там картину мне показывают про подвиги товарища Чапаева. Понял — про меня. Рассказал я жене об этом событии, а она мне говорит: «Объявись, может, пенсию выдадут». Сообщил я о себе куда надо, проверили мою биографию, стали думать, что со мной делать, если я героически погиб много лет назад. Привезли меня в конце

концов к товарищу Сталину. Принял меня вождь и говорит: «Не знаю, что с тобой делать. Столько мы с тобой вместе боевых верст прошли, Царицын защищали, Колчака разбили, из одного котелка щи хлебали, а вот теперь не могу тебя в живых оставить». Пригорюнился вождь, а я его спрашиваю: «Почему, Сосо, не можешь?» А он отвечает: «Не могу я народ обмануть. Народ полагает, что ты погиб геройской смертью, а не нанялся врагам в наймиты». «Может, — спрашиваю, — отправить меня обратно в деревню?» «Нет, — говорит, — там уже многие знали. Пришлось уже твою жену ликвидировать и других раскулачить. Нет, убивать я тебя не могу, хоть и настаивает на этом моя государственная безопасность. Лучше я, в память о походах, дам тебе вечный срок. Живи». Вот так, выпили мы с вождем, поблагодарил я его за милость и уехал сюда. А ты говоришь — умер. Нет, с такой мудростью не умрешь.

— Так чего же вы тогда бунтуете? — Гаузе спросил. — Покорялись бы!

— Вот тут ты не понимаешь, — Чапаев возразил. — Не знает наш вождь, что вдали от него подручные творят. Скрывают от него правду. Сталин только изолировать хотел — а им бы со свету сжить. И ты меня не сбивай, потому что и у меня идеалы есть. Дойду до Сталина и всю правду ему расскажу. А если, по твоей вражеской версии, Сталин умер — к кому я пойду? Вот достроим мы железную дорогу на помощь китайской революции, я тогда выйду по амнистии и все Сталину расскажу.

— Не нужно уже помогать китайской революции, — сказал печально Гаузе, хоть и не рассчитывал на понимание. — Потому что власть в Китае захватила враждебная нам клика Мао Цзэдуна.

Старик и возражать не стал такой крамоле и идиотству. Только подошел к двери и крикнул в задвижку:

— Возьмите от меня врага народа, сущего Гитлера, с которым я оставаться не могу — задушу его ненароком. Как Бухарина задушил, чтобы он на честных зэков начальству не стучал.

9

Отделили Гаузе от честного полководца, повели по коридору. Солдат спросил его:

— Ну куда тебя, врага, подселить?

Открыл дверь соседнюю. Там сидит за столом человек в железной маске, забрало маленькое приоткрыл, хлеб туда крошками пихает.

— Принимайте врага, — солдат сказал. — Чапаев с ним жить не хочет.

— Почему же? — человек в железной маске спросил. Голос глухой, внутри маски звуки блуждают, с трудом наружу выбираются.

— А он вредные вещи высказывает. Будто товарищ Сталин дуба дал, а товарища Берию расстреляли.

— Расстреляли? Нет, такого я не приму. Веди дальше.

А в коридоре уже полковник Бессонов стоит.

— Что случилось? — спрашивает.

Объяснил солдат.

— Не знаю, что с тобой делать. Клевету распространяешь, надо бы тебя засудить, да суд на перерыв удалился. А что у тебя за папочка в руке?

— Эта?

Гаузе и забыл, что папку с делом Бессонова с собой из камеры унес.

Взял папочку полковник Бессонов, прочел заявление, вернул папку Гаузе и говорит:

— Не верь ты им, П-234. Собрание мы в прошлом месяце проводили. Левкой на него сам не пришел. Значит, говоришь, Сталина с Берией расстреляли, а о нас забыли?

— Сталин сам умер.

Полковник к ушку Гаузе наклонился и прошептал:

— Очень даже допускаю. Давно пора.

Вслух как завопит:

— За такую клевету мы тебя в живых не оставим! Ты на что руку поднял? Ты кого обидел? Ты в лице наших вождей всех рядовых сотрудников безопасности обидел!.. Что же мне с тобой сделать?

— Я лучше уйду от вас, — сказал Гаузе.

— Нет, уйти ты не уйдешь, отсюда никто еще не уходил. Мы лучше тебя психом объявим. В госпиталь изолируем. А ну, охрана, выкинуть из больницы всех симулянтов!

— Но нет уже лагерей! — возмутился Гаузе. — Вы не имеете права!

— Лагерей нет, говоришь? — удивился Бессонов. — А наш как же?

— Ваш — это не лагерь. Это... мамонт! По ошибке существует. Как только узнают, вас разгонят.

— Слушай, П-234, а Министерство госбезопасности есть?

— Оно теперь называется Комитетом, и в нем сидят настоящие ленинцы.

— Есть, значит?

— Но не имеет ничего общего...

— Ну, тогда все в порядке. Скоро понадобимся. Ведите психа в больницу. Слов его всерьез не принимать!

10

В больнице у Гаузе свой закуток, фанеркой от пустой палаты отгорожен. На койке одеяло, райская жизнь, отдых для измученной души. Только окно с решеткой.

Доктор Морозов знакомый, зубы рвет, градусники ставит.

— Здравствуйте, — говорит. — На лекарства не рассчитывайте. Нет для вас лекарств. К тому же нам приказано уморить тебя. Так что готовься. И распишись заранее. Еще бумажка.

«СПРАВКА.

Дана в том, что заключенный Гаузе Петр Петрович скончался от диабета в лагерной больнице 1 сентября 1976 года.

Врач больницы,
доктор медицинских наук Павел Морозов».

— Не буду расписываться, — сказал Гаузе.

— Придется, — сказал доктор.

— Ну ладно, — сказал Гаузе.

И на бумажке, сверху, как резолюцию, наложил:

«Умирать отказываюсь. П. Гаузе».

Доктор Морозов расстроился.

— Как же я такую справку людям покажу? Такую справку показать нельзя.

— И не показывайте, — сказал Гаузе. — А почему это мне ваша фамилия и имя где-то встречались?

— А я — человек известный.

— Доктор медицинских наук?

— Это должность такая. А известен я с иной стороны. Я на папу своего написал. А потом меня кулачье убило. И погиб я героической смертью.

— Павлик! — сказал Гаузе. — Разумеется. Вам памятник на Красной Пресне стоит, к вам пионеров водят.

— Пускай водят, — сказал Павлик. — Вы только резолюцию свою со справки снимите, не могу же я с такой резолюцией вас диабетом уморить.

— Так, значит, и вас не убили?

— Убили, убили. Их как прижали, они во всем и признались. А со мной что делать? Пришлось меня изолировать, чтобы не портить картину классовой борьбы. Только вы не думайте, что я здесь заключенный! Я уже давно выслужился. Чин имею, докторскую диссертацию по медицине получил лично от товарища Бессонова. Скоро обещали академиком избрать.

— Врет он все, — из-за фанерной перегородки донеслось. — Не быть ему академиком. Публикаций мало.

Тут заглянула знакомая — красивая женщина, что доктору ассистировала. Глаза у нее зеленые оказались, зрачок поперек, как у кошки. Злая.

— Там комиссары пришли, — говорит. — Принимай.

За открытой в коридор дверью шли вереницей старики. Двадцать шесть стариков насчитал Гаузе.

— Ну, я пошел, — сказал бывший пионер Павлик Морозов. — Бакинские комиссары пришли, будут от меня лекарств требовать. А откуда я им лекарств возьму?

Не стал Гаузе уточнять, как же комиссары в живых остались. А почему бы им и не остаться?

Опустел закуток. Гаузе решил, что пора ему в борьбу включаться. Ни минуты нельзя даром терять. Некоторые уже его бояться начали. Вот и начнем: постучал он в фанерную загородку. Там кто-то лежит. Больной, но живая душа.

— Вы меня слышите? — спросил.

— Слышу.

— Сталин умер, — сказал Гаузе. — Все лагеря закрыты.

— Ну уж и все, — ответил голос. — Поверить трудно.

— Ваш лагерь — историческая ошибка. Ее нужно исправить.

— Нет, — сказали из-за фанерки. — Нельзя нашей стране без лагерей. Страха не будет. Погибнет без лагерей советская власть.

— В нашей стране восстановлены демократические права граждан. О них печется лично товарищ Брежнев. А о вас забыли. Надо сообщить. Помогите мне. Виновные будут наказаны.

— А кто же виновный?

— Хотя бы начальник лагеря Бессонов, который при мне пытался варварским способом убить героя Гражданской войны товарища Чапаева.

— Ага, еще не помиловал, а уже наказывать собираешься. Вот твоя российская логика. Одних освободить, других засадить. Нет, не выйдет.

Отогнулась фанерка. Видит Гаузе — по ту сторону стоит при-

бранная койка, на ней — в полном обмундировании, в сапогах лежит полковник Бессонов.

— Вот я тебя и проверил. Псих ты и есть.

Вскочил он на кровать Гаузе и стал его ногами топтать. Давил в болезненные места так, что завопил Петр Гаузе.

Прибежала тут медсестра Полина с зелеными глазами и метнула в начальника лагеря полковника МГБ Бессонова стеклянной кружкой от клизмы. Кружка вдребезги. Бакинские комиссары, что в дверях толпились, — в слезы: только они надеялись, что им клизму поставят, а нет клизмы. Полковник ушел.

Так Гаузе начал в госпитале жить.

11

Ночью в госпитале темно, на окне решетка. Петру Гаузе не спится, голодно, курить хочется. Там, за лесом, люди в театры ходят, БАМ строят, озеро Байкал от загрязнения спасают — свобода! А здесь концентрационный лагерь-Китеж досасывает кровь у невинных жертв — единственное родимое пятно беззакония на всех просторах Родины. И долг Петра Гаузе, коренного русака, сообщить, пресечь и прекратить.

Присел Гаузе к столику, нашел там свою справку о смерти, забытую Павликом Морозовым, написал на ней при свете луны листовку:

«Товарищи заключенные! Вас обманывают! Сталин умер четверть века назад! Враг народа Берия расстрелян! Все остальные заключенные реабилитированы и вернулись к производительному труду! Требуйте немедленных контактов с областными и партийными организациями! Не сдавайтесь в борьбе за ленинские принципы, восстановленные Центральным комитетом!»

Убедительная листовка. Острая.

Гаузе листовку в комок свернул и в окошко между решетками запустил.

Комочек под луной белым мотыльком пролетел, только к земле приблизился, как из-за барака выскочил человек, луна в погонах отражается. Полковник Бессонов не спит, бдит. Подхватил листочек, сжевал, кулаком окошку погрозил. И все тихо.

— Ничего, — сказал Гаузе. — Мы — коренные русаки, народ твердый.

Только он в кроватку нырнул, как в окне что-то показалось. Светлое.

Разделилось светлое на полоски, проникло сквозь решетку, собралось воедино.

Стоит в закуточке привидение.

Знакомый образ. В мундире генералиссимуса. С усами и орденами.

Товарищ Сталин. Полупрозрачный. Луна просвечивает.

Сказало привидение печальным голосом:

— Петр Петрович, не смущай мою державу. Учти, что ничего у меня не осталось, кроме убежища человеческих душ, которые скорбят по сильной руке и ждут моего возвращения, да этой территории. Ничего! Предупреждаю, руки прочь от моего лагеря! Во сне придушу.

— Нет, — говорит Гаузе, хоть и перепугался. — Это не материализм. Уйдите, пожалуйста. Вы меня своими дешевыми эффектами с пути не собьете. Что же, теперь прикажете всю жизнь здесь сидеть?

Но нет уже привидения — растворилось оно в темном воздухе, а в закуток дверь раскрылась — там Полина стоит.

— Ты с кем это беседовал?

— Со Сталиным. А вы что в таком виде?

Полина не ответила. Вид у нее грустный. Халат порван, на щеке царапина, волосы лохмами.

— Вас кто-нибудь обидел?

Достала Полина из стеклянного шкафчика йод, поморщилась, щеку вымазала. Сама сказала:

— Насиловали меня. Устала я от этого. Чуть я чем Бессонова обижу, начинают меня насиловать. Ну сколько это может продолжаться?

— Какое безобразие! — сказал Гаузе. — И это тоже будет учтено!

— Иди ты, — сказала Полина. — Как я есть лагерная блядь, то жаловаться некому. Спокойной ночи. Смешной ты все-таки.

И ушла.

12

Утром Петр Гаузе проснулся бодрый, голодный, к борьбе готовый.

Таких у нас не любят. Его бьешь, а он все борется.

За окном сирена. Лагерь поднимается.

Гаузе под конвоем в сортир сходил, утренней баланды по-

хлебал. А там и снова сирена гудит, на работы заключенных созывает.

Гаузе — к окну, прижался к решетке, смотрит, какая жизнь там идет.

Народ из бараков на плац тянется, охранники ругаются, перекличка идет. Зэки пожилые, даже старые есть. В драных ватниках да в опорках.

Пора бы из лагеря выходить, но ждут.

Дождались.

Из большого дома капитан Левкой вышел. Носом повел, строгость во взгляде.

— Первый барак! — кричит. — На художественную самодеятельность оздоровительного характера становись!

Побежали старики и пожилые люди, строятся в каре.

— Пирамиду, посвященную справедливой борьбе китайского народа против гоминьдановских предателей и мирового империализма, строй!

И послушно лезут зэки друг другу на плечи, подставляют спины и колени, строят живую пирамиду, как на физкультурном празднике. Качается пирамида под студеным ветром, трудно.

— Наверху! — кричит Левкой. — Где держатель красного знамени?

Но нет никого наверху. Незавершенная пирамида. Потому что положено там стоять Сидорову, зэку № П-234, погибшему в лесу.

— В больнице он, — сказал кто-то.

И вот уже топот в коридоре — бежит солдат, хватает Гаузе.

— На торжественную пирамиду, бегом!

Привели Гаузе, в одних кальсонах, суют в руки красное знамя с пятью китайскими звездами, и лезет он послушно по старческим плечам, а его зэки подгоняют: скорей, сил больше нету!

Добрался Гаузе до вершины. Знамя развернул. Далеко внизу Левкой успокоился, радуется торжественному виду.

Гаузе покачивается, словно плывет по бурному морю, ветер знамя из рук рвет. И момент подходящий. И кричит бесстрашный Гаузе:

— Товарищи! Вас обманывают! В Китае власть захватила клика Мао Цзэдуна! Никакой поддержки клике! Вас обманывают...

Но рухнула пирамида, не выдержали старческие плечи. И с высоты грохнулся Петр Гаузе, держась за китайское знамя.

Левкой повелел:

— Бездельники, симулянты! Контры! Всех без горячего!

Зэки строятся, а Гаузе в больницу вернулся.

В закутке изменения. Бессонов пришел, сталинский портрет принес, на стенку приколотил.

— Ты ему в глаза гляди, — приказывает. — Может, стыдно станет.

— Нет такого человека, — Гаузе настаивает. — Памятники его сняли, города обратно переименовали, колхозы тоже.

— А Сталинград? — Бессонов спрашивает. — Что с ним?

— Волгоградом называется, — сказал Гаузе. — На всех картах.

— Значит, Волгоградская битва теперь? Ну и сволочь ты, П-234, но завираешься.

Махнул рукой, расстроился такому упорству. Ушел.

Вместо него другое явление: Полина. Красивая, только йодом шрам покрытый через всю щеку.

— Как тебя зовут? — спросила Полина.

— Петр Гаузе.

— А номер какой?

— Нет у меня номера. Теперь свобода. Все без номеров ходят.

— Не внушай иллюзий, — сказала Полина. — Ведь хочется верить.

— Вы верьте, обязательно верьте.

— Обидно разочаровываться. Хотя что мне — везде одинаково.

— Здесь у вас привидения ходят, — переменил тему Гаузе.

— Ага, я как-то видала, издали. Генерал какой-то. Наверно, из замученных. Одних генералов здесь штук сто замучили.

— Нет, не генерал. Сталин.

— Его сюда не сажали. Я бы узнала.

— Но ведь ходит.

— Нет, я бы узнала.

— Я его точно узнал. С погонами и с усами.

— Молчал бы ты лучше, Гаузе. И так тебя за Гитлера здесь держат. У них просто. Приговорят, в пакет, и задохнешься.

— Но они уже сомневаются. Я в них сомнение заронил.

— Глупый ты, Петя. А что с того, что Сталин помер? Они этого Сталина и в глаза не видели. Они сами по себе. И никто их не тронет.

— Как увидят, так тронут. Обязательно тронут.

— А так уж ты уверен, что никто про наш лагерь не знает?

— Я убежден в этом.

— А с кем он по телефону разговаривает?

— Нет у него телефона. Провод разрезан.

— А я слыхала.

Тут Павлик пришел, Полину отослал по делу. Был он взволнован, молоденький, а старичок.

— Вы уж простите, — сказал, — но, если ваши сведения правильные, как мне можно рассчитывать работу по специальности найти?

— Как доктору медицинских наук?

— Нет, — сказал Павлик. На кровать с краю присел, чтобы потише говорить. — Я писатель. И художник.

— И что же вы написали? Воспоминания?

Невзлюбил Гаузе Павлика. Что ты будешь делать? Не за его прошлое, а за зубы Чапаева.

— Я роман написал. И еще повесть. И несколько картин имею. Кроме того, из корней и сучков могу делать композиции. Я вам балерину Уланову покажу. Не отличите от настоящей.

Смылся Павлик, а тут уж и капитан Левкой в дверь лезет.

— Вы дали ход моему заявлению? А то я жду, а меня не вызывают. Это непорядок. Должны вы меня вызвать.

— Вызову, — сказал Гаузе. — Некогда сейчас. Вы бы мне помогли пока что отсюда уйти.

— Ни в коем случае! — испугался Левкой. — Это же нарушение.

— Тогда ждите.

— Жду. Надеюсь. Могу рассчитывать на место начальника лагеря? Кстати, должен вам сказать, что Бессонов держит под крылышком царского агента, провокатора из охранки.

— Кого же?

— Ах, не знаете?

Левкой улыбнулся, покачал перед носом Гаузе забинтованным пальцем.

— Вы тряпочку снимите, неудобно как-то.

Но Левкой не успел подчиниться — Павлик в дверь. Несет сооружение из корня. Напоминающее паука.

— Вот! — кричит. — Балерина Уланова. Похоже?

Тут он увидел капитана Левкоя. Оробел. Стал балерину за спину прятать.

— Ага, — сказал капитан. — Писатель! Художник! Где обещанное?

Но Павлик задом к двери — улизнул.

— Лови его! — Левкой за ним. Потом обернулся: — Вы, товарищ начальник, пошли со мной. Мы сейчас выследим его склад. Сейчас мы его выловим. Он туда побежал.

— А чего вы ищете? Куда он побежал?

— Он на склад побежал. Склад у него есть. Как кто в больни-

це помирает, он перед смертью у него на сохранение все самое дорогое берет. И куда-то складывает. Каждый раз обещает со мной делиться. И не делится. Понимаете, какая сволочь?!

Выбежали в коридор. Никаких следов Павлика. Сгинул.

— Сделаем, — сказал Левкой. — Обратите внимание.

Он встал на четвереньки.

— У меня, — нос к Гаузе повернул, — замечательный нюх. Я раньше розыскной собакой служил. В породе доберман-пинчер.

И побежали они по коридорам, все ниже под землю, по лестницам и закоулкам. Большой дом. Очень большой.

— Что тут раньше было?

— Сибирский граф один жил. Деньги на партию давал.

— А потом?

— Когда потом?

— После революции.

— Взяли графа.

Еще поворот. Дверь в стене притворенная. Подвал сводчатый. Под потолком люстра сверкает. Вещи свалены. Громадной грудой. Рядом Павлик Морозов, держит в руках балерину Уланову, дрожит.

— Попался, голубчик! — Левкой уже человеческое положение принял. — Что скажет про твое поведение товарищ из Москвы?

— Он будет ходатайствовать. Как за литератора.

— Отдавай духовные ценности!

— Это все мое. Это все мне завещано.

— Отойди. Инвентаризация настала. Откуда начнем? Говори, председатель комиссии.

И на Гаузе смотрит.

Гаузе любопытство разбирает.

— Давайте с рукописей начнем.

— Не погубите, все мое! Вот, глядите. — Павлик начальнику, Петру Гаузе, в руки тетрадку сует. — Я сам написал.

На обложке написано: «Евгений Онегин». И другим почерком: «Сочинение Павла Морозова».

Открыл тетрадку Гаузе — знакомые строчки, перу Пушкина принадлежат.

— Как это к вам попало? — спросил.

— Это я сам написал. Длинными ночами.

— Что-то знакомое, — сказал Левкой, — где-то я это проходил. По-моему, в школе комсостава нам давали.

— Это Пушкин написал, — сказал Гаузе.

— В каком бараке?

— Пушкин умер.

— Ясное дело, умер, здесь все умирают. Никто отсюда живым еще не вышел.

— Вы меня не так поняли. Пушкин умер больше ста лет назад. И не в лагере.

— А где же? На воле?.. Впрочем, неважно. Значит, это уже напечатано?

— Давно напечатано. А как сюда попало?

— Неужели не поняли? Я же объяснял. Он перед смертью в больнице у людей все отбирал.

— Это я написал! — плакал Павлик Морозов. — Все, что здесь, я написал и сделал. Вот, глядите.

А Гаузе опечалился. Представил себе, как какой-то заключенный огрызком карандаша бессмертную пушкинскую поэму переписывал, чтобы человеческий облик не потерять.

А уже в руках другая тетрадка. И Левкой в ухо холодным носом тычет.

Такого произведения Гаузе еще не видал. «Роман» — написано. И две фамилии на первой страничке: «И. Бабель». И другим почерком: «П. Морозов».

— И он здесь погиб? — спросил Гаузе.

— А хороший писатель был? — спросил Левкой.

— Плохой, — поспешил с ответом Павлик. — Я за него исправления вносил. Евреев убирал.

Левкой быстренько самописку вытащил, свою фамилию вписал, морозовскую вычеркнул, бабелевскую и подавно.

— Как же смеете! — возмутился Павлик, а Левкой сказал: — Тебе еще останется.

Ах, Гаузе весь затрясся — тетрадка лежит, «Осип Мандельштам» на обложке. Поэт хороший, тоже, значит, здесь замученный. Стал Гаузе к тетрадке подбираться, а Левкой тем временем на картинах и рисунках всяких свой автограф ставит. Павлик за ним бегает, старается свою долю в бессмертии отстоять.

— А это что? А это что? А это что?

— Это неинтересно, это пустяк, это так себе...

Еще шаг до рукописи Мандельштама остался. Соавторы передрались, в углу возятся. Только Петр Гаузе руку к Мандельштаму протянул — видит: Павлик в уголке съежился, а в руке граната.

— Не подходи! — кричит. — Не нарушай мое авторское право, — а в другой руке «Евгением Онегиным» размахивает.

И понял Гаузе — не до стихов, хоть и бессмертных. Сейчас рванет граната... И он со всех ног из подвала. И по коридору.

А сзади взрыв!

Такой взрыв, что весь дом зашатался, камни со сводов подвальных посыпались. Бежит Гаузе — куда, сам не знает.

Занесло Гаузе в какой-то закут, дверь с петель взрывом сдернута.

13

— Кто здесь? — голос в темноте.

— Ах, если бы вы знали, сколько они всего погубили!

— Кто такие?

— Они наследство от умерших здесь делить стали.

— Жалко наследства, — сказал голос. Понятливый.

Хоть и темнота, кажется Гаузе, что он различает — сидит перед ним древний человек.

— Вы кто такой? — спросил.

— Я вечный заключенный, — голос ответил.

И такое Петру Гаузе поведал.

Родился этот вечный заключенный в древности, много за правду страдал, наконец попал он на Русь, когда ее татары покоряли. Стал он татар за бесчинства укорять, они его заковали лет на сто. А он все не умирает. Дожил до Ивана Грозного, стал ему правду говорить про тяжелое положение народа — и остальные годы правления этого царя тоже в темнице провел. И что странно: казни его не берут, голод не берет, пытки не домучивают. Такое ему от Бога задание: ходить по истории человечества, правду говорить. И сидеть за это. Долго ли, коротко ли, дожил этот старик по тюрьмам до двадцатого века. Тут его и выпустили по амнистии 1905 года и дали титул графа. Купил он себе большой дом в лесу, достроил, стал правду проповедовать и деньги большевикам на революцию ссужать. За что его и посадили вскорости. В семнадцатом году революция произошла, старика сразу же освободили, а потом вскоре и обратно посадили. В подвале того же дома, откуда он большевикам деньги на революцию ссужал. Вот и сидит. Ему теперь автоматически срок продлевают, да забыли, что он здесь. И жалко ему, что из-за этой забывчивости он не одну уж амнистию пропустил. Вот и попросил он Гаузе в конце своей исповеди:

— Как выйдешь наверх, скажи, что мне уж давно выходить пора. Наверно, несправедливости на свете не осталось, и помирать мне можно. А если осталась, то мне перерыв нужен для свободного обличения.

— Вот сам выберусь, — Гаузе сказал, — тут же и тебе помогу. Только сложность одна...

— Какая же?

— Не сажают у нас теперь за критику. В худшем случае высылают из пределов нашей страны.

— Ну, это еще не страшно, — сказал старик. — Я в другую страну пойду. Может, найду, где режим кровавый.

— В Чили, — подсказал Петр Гаузе. — Там такие люди нужны.

На том и договорились.

Прикрыл за собой Гаузе дверь, пошел дальше по подвалам, все старался путь обратно к древнему правдолюбцу запомнить. Только забыл вскоре. Совсем заблудился, как в лесу, слава богу, привидение Сталина встретилось.

— Я, — говорит Сталин, — тебя поджидаю. Хочу с тобой еще побеседовать. И еще один товарищ с такой же целью тебя ждет.

И пошел Гаузе вслед за привидением Сталина, тот впереди, как слабый источник света.

14

Старый знакомец — человек в железной маске — ждал их, по камере ходил. Камера не маленькая: кровать с матрацем, электрокамин в углу, стол письменный.

— Здравствуйте, — сказал, — товарищ Гаузе.

Сел Гаузе на стул. Железная Маска и Сталин с двух сторон встали.

— Мы вас пригласили побеседовать, — Сталин сказал. — Дошли до нас слухи, что вы здесь не случайно, а с секретным заданием.

— Закрывать лагерь намереваются, — сказала Железная Маска.

— Я приму все меры, — Гаузе сказал.

— Вот этого делать и не следует, — Сталин сказал. — Неразумно. Мы еще пригодимся, слово вам даю.

— Простите, — сказал Гаузе, — с кем честь имею? А то мне вашего лица не видно.

— Берия он, — сказал Сталин. — Лаврентий Павлович. Вы с ним по возрасту не встречались, а жаль. Душевный человек, мой сатрап. Убийца.

— Так вот вы какой! — сказал Гаузе. — Скрываетесь?

— Приходится, — сказал Берия. — Иногда глаз чешется, страшное дело. А не почешешь. А вы, значит, Гаузе. Как же, как

же, вашего папеньку мы в тридцать втором из партии вычистили за сокрытие белогвардейского прошлого его мамаши. А вашу тетушку Ирину мы в тридцать седьмом расстреляли за связь со своим мужем, осужденным по пятьдесят восьмой. Я правильно вашу биографию излагаю?

Гаузе только отмахнулся. Чего сейчас старое ворошить. Главнее прекратить все.

— У вас, — сказал он, — никакой надежды. Я все равно вас разоблачу. Лучше сдавайтесь. Ну чего вы ждете?

— Ждем, — сказал Берия. — Ждем и надеемся. Вот, видишь?

Из-под кровати белый телефон вытащил.

Трубку снял. Дал Гаузе послушать.

А там гудок длинный, потом женский механический голос говорит:

— Ждите ответа... Ждите ответа... Ждите ответа...

— Вот и ждем, — сказал призрак Сталина.

— Не дождетесь, — сказал Гаузе. — Ваш телефон с вокзальной справочной соединен.

Засмеялись бывшие вожди. Потом Сталин сказал:

— А ты отсюда живым не выйдешь, потому что от таких, как ты, бесстрашных нам большое беспокойство.

Сказал так, и набросились они на Гаузе.

Ну, с призраком несложно справиться. У него хватка слабая. Берия посложнее противник, только от возраста и долгого сидения силу потерял. Но все-таки двое на одного.

Возились они, возились посреди камеры, а тут в дверь полковник Бессонов заглянул.

— Кончайте, — сказал, — товарищи. Пошли, Гаузе, за мной. Нагулялся. Ох, дела, дела...

И увел Петра Гаузе из рук вождей. А пока провожал до больницы, вслух размышлял:

— Изжили они свое, еще как изжили, новую политику надо вырабатывать. Без них, на твердых, демократических началах единовластия.

Призрак сзади по коридорам плелся, бормотал:

— Отдай его нам. Мы погибнем, ты погибнешь.

— А вот я и не погибну, — огрызнулся Бессонов. — Я вывернусь.

В коридорах пахло гарью, на полу валялись куски штукатурки.

— Как там Левкой с Морозовым? — спросил Гаузе.

— Погиб твой Морозов, вечная ему память, большой писатель и ученый. К сожалению, ничего от него не осталось. И Левкой пострадал...

15

— Где ты был, Петя? — Полина волновалась. — Тут без тебя столько событий, не представляешь!

— Знаю.

— А Левкой на твоем месте лежит. Раненый.

— А мне куда? В общую палату?

— В общей палате репетиция самодеятельности, — сказала Полина. — Там зэки будут песни петь под руководством капитана Левкоя.

— В карцер?

— От карцера ключей не найдут. И дверь туда завалило.

— На улицу?

— Нет, — сказал полковник Бессонов. — Вам, товарищ проверяющий, придется провести ночь в комнате Полины. Я бы сам пошел, да дела. А ты, Полина, не сопротивляйся. Приказ.

Оставил он Петра вдвоем с Полиной.

— Вот какая история вышла, — сказал Гаузе. — Вы меня не опасайтесь.

— Я тебя и не опасаюсь.

В том же большом доме, под крышей, каморка, живет в ней медсестра Полина. Не то заключенная, не то вольная, не то лагерная блядь, не то сестра милосердия.

Кровать девичья железная в углу. Зеркальце на тумбочке, стул, рукомойник, на стенах фотографии кнопками прикреплены. Окошко с решеткой.

— Здесь, на мансарде, слуги жили, — сказала Полина. — Помойся, если хочешь. Я за тебя беспокоилась. Боялась, что засыпало.

— Жаль, что я доставил вам беспокойство.

— Ты здесь один человек нормальный, не считая Чапая. Остальных всех передушили.

Вымылся Гаузе с мылом, вафельным полотенцем вытерся.

Полина косынку сняла, волосы начала расчесывать. Волосы рыжие, темные. Красота у нее кошачья, сказочная, гибкая.

Охранник ужин принес. Пайка хлеба двойная, щи почти настоящие.

— Лично от начальника лагеря, — сказал.

Полина ни спасибо, ни звука.

Ушел солдат, Полина, как хозяйка, говорит:

— Хотите почитать перед сном, на тумбочке книжка.

Книжка Сетон-Томпсона про животных, с рисунками.

Вдруг снизу грянуло:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

— Это что? — вскинулся Гаузе.

— Самодеятельность. Завтра конец месяца, план выполним, концерт будет. Капитан Левкой старается.

— Он мне сказал, что собакой работал.

— Преувеличивает.

— Я сам видел, как он по следу шел.

— Показуха. Не обращайте внимания. У него же родословной нету.

— С вами связана тайна, — сказал Гаузе.

— Какая уж тайна.

В Гаузе возникло странное трепетание. Вдруг понял в синих сумерках, что наступит ночь и лягут они спать. Вдвоем...

— Ай-ай-ай, — улыбнулась Полина. — У нашего молодого человека появились крамольные мысли. Не рассчитывай на взаимность. Разочаруешься.

— Почему вы так подумали?..

— Ты мне на колени поглядел. Робко, но сладострастно. Как старый генерал.

— Простите.

— Да ты не красней. Лучше мне о Москве расскажи. Посумерничаем.

Снизу завывало:

Степь да степь кругоооооом...

Гаузе про Москву рассказывал, за окном темнело. Полина встала, лампочку вывернула. Стало совсем темно. Охранник из-за двери:

— Не положено, Полина. Отбоя не было.

— Молчи уж. Спать иди.

Певцы охрипли, но пели.

— Что ж, — сказала Полина, — и нам спать пора. Завтра вставать рано. Всех на работу погонят.

— Но ведь не нас с вами.

— Всех. Завтра план месяца выполнять надо. Социалистические обязательства. Дорогу кончаем на помощь китайским братьям.

— Чепуха все это. До китайской границы далеко.

— Это только кажется.

— И Железную Маску выгонят?

— А это кто такой? Я никогда не видела.

— Берия, Лаврентий Павлович. Его вместо расстрела сюда укрыли. Я так полагаю, что двойника расстреляли, а его верные люди — сюда. В забытый лагерь.

— Ты говоришь, что Берия здесь?

— А что такого? Завтра я Пушкина увижу — уже не удивлюсь.

Полина вдруг замолчала, померкла, в себя ушла. В дверь стукнула:

— Эй, солдат, выведи меня в сортир. Потом П-234 выведешь.

16

Возвращался Гаузе из сортира в камеру, думать бы ему о побеге, о политических переменах, о призраке вождя, а он только об одном: ночь надвигается. Быть ему ночью вместе с Полиной. Глупо устроен человек — раб инстинктов. Где же твое благородство, Гаузе?

Странно преобразилась каморка, пока не было Гаузе. На тумбочке ночник-коптилка горит, у зеркала стоит прекрасная Полина, в шелковом пеньюаре, рыжие волосы распущены по плечам.

— Вы ложитесь, Петр Петрович, я сейчас.

Нет, не пеньюар это, а длинная рубаха до пола, сама, видно, сшила.

Плывет каморка над каменным домом, над подвалами страданий, над глухими звуками песни, держится, руководит капитан Левкой.

Гаузе быстро разделся, стесняясь своих черных трусов и серой рубахи. Простыни чистые, а подушка одна. Может, на полу лечь? Пол ледяной. До утра не доживешь. Не робей, Петр Гаузе, прекрасная лагерная блядь пригласила тебя к себе в постель.

— Я тушу свет, — сказала Полина. И ночник задула.

Под окном хриплые голоса — расходятся с репетиции зэки, идет семьдесят шестой год, двадцатый век движется к закрытию, Олимпиада в Монреале ознаменовалась новыми успехами советского спорта.

Теплое, душистое женское тело скользнуло под солдатское одеяло.

Гаузе, чтобы не упасть с койки, тянет дрожащие руки, обнимает красавицу Полину.

— Не так яростно, — улыбнулась Полина в темноте. Белые

зубы сверкнули. А губы Петра Гаузе — ну что поделаешь со своими губами? — вытянулись, отыскали завиток волос над ухом. Вздохнула Полина, словно слилась на мгновение с Петром Гаузе... но только на мгновение.

Она уже на спине лежит. Только напряженная рука его плеча касается.

— Полина.

— Тридцать пять лет Полина.

— Мне уйти?

— Куда ты уйдешь?

Молчание.

Гаузе целиком на кровати не помещается, одна нога в воздухе висит. Одеяла не хватает. Но к Полине больше не тянется. Любовь должна быть добровольной.

— Ах, — говорит Полина, — совсем забыла, милый.

Поднимается на локте, обнаженной грудью задевает Петра, а он себя успокаивает: «Ничего, это анатомия, так женщины устроены, вот и все, а мне она как сестра».

— Вот, держите.

И вкладывает ему в руку пачку сигарет «Дукат» и спички. А сигареты старые, таких не делают, семьдесят две копейки на дореформенные деньги.

— О, спасибо!

Какое счастье закурить.

— Вот блюдечко, будете пепёл стряхивать.

Луч прожектора метнулся, бесстыдно в окно залез. Полина лежит, на локоть оперлась, смотрит на Гаузе. Протянула руку, одеяло подоткнула под Гаузе, чтоб не мерз.

— Расскажите о себе, — попросил Гаузе.

— А что обо мне рассказывать...

— О прошлом.

— О прошлом? Оно далеко было. Я сюда девочкой попала.

— За что?

— А разве дети попадали в лагеря за что?.. Была у меня мама, только я ее не помню, потом какая-то тетя приходила. Пропала. Бабушка была...

— А потом?

Над кроватью стоял полковник Бессонов. Как вошел — непонятно.

— Разговариваете? — ласково спросил. — Услаждаешь ли ты, Полина, нашего дорогого гостя?

Гаузе вскочил, черные трусы подтягивает.

— Не смейте, — кричит, — думать...

— А я по делу, — сказал Бессонов. — Ключи от карцера нашли. Вход расчистили. Все в порядке. Не будем мы тебе, Гаузе, больше мешать. Иди к своему Чапаеву и спи, раз ты не оправдал наших надежд.

17

Чапаев сел на нарах, зубы блестят, сапоги блестят, глаза блестят.

— Молодец, джигит, вернулся!

— Ти-ха, — сказал Бессонов. — Чтобы спать. Завтра трудовой день.

Свет погасили, тихо, сыро.

Шепот Чапаева:

— Вернулся! Теперь мы их вдвоем разнесем. Камня на камне не оставим. У меня программа есть: активного непротивления...

Гаузе отвечает лениво: да-нет, а сам думает о любви.

Так и заснул под шепот Чапаева.

Такой приснился странный сон Петру Гаузе. Вещий или лживый — кто разберет?

18

К утру приморозило. Гаузе это хорошо почувствовал. Мороз в подвал залез, стенки украсил изморозью, усы Чапаеву закалил, застеклил ледком.

Шум в коридоре. Баланду узникам несут. Охранник в парадной форме, медаль на груди, красный флажок в углу поставил, пайка полновесная, ударный день, большие события, конец месяца, конец великой стройки.

По лестницам, наверх, двери раскрываются — стариков из камер выталкивают — на свежий воздух.

Наверху капитан Левкой стоит. Рожа в бинтах — малиновый кончик носа наружу. Хрипит.

На плацу подпрыгивают, ежатся на морозце зэки — темная масса, ватники драные, на ноги смотреть страшно. Остатки людей. Другой жизни и нет — а кем раньше были? Вождями? Писателями? Учеными? Тайными людьми? Страшными преступниками? Невинными идеалистами? Кто посильнее душой — погибли, такие раньше погибают.

Чапаев с Гаузе отдельно стоят. Железной Маски нету. Даже на аврал не вывели.

Левкой речь хрипит:

— Граждане заключенные! Сегодня как никогда вы должны доказать, что полностью раскаялись в страшных злодеяниях. Честным созидательным трудом вливайтесь в труд нашей республики! Августовский план недовыполнен на двенадцать процентов. Если не закроем его, останемся без премий и горячей пищи. Сегодня мы должны сломить последнюю перемычку, отделяющую нас от светлого будущего. Да здравствует вечная и нерушимая дружба между советским и китайским народами! Да здравствует наш вождь и учитель, первый друг заключенных, родной товарищ Сталин! Да здравствует железный нарком, министр безопасности товарищ Берия! Ура!

— Ура, — мямлили шеренги.

Колонны двинулись к надзирателям, зэки послушно ватники расстегивали, надзиратели по бокам проводили, по карманам: а вдруг кто бомбу с собой несет? Тепла жалко, тепло ценное. А некоторые на Гаузе оглядывались — слух о нем прошел. Может, и не зэк он, а в самом деле проверяет? А вдруг Сталин умер?

Крамола, конечно, не может он умереть, какие доктора на воле, какие лекарства! Нет, не может...

— Эй, штрафная команда, вперед!

Обыскивают Петра Гаузе — а нет ничего у Гаузе. Левкой сзади ждет, топчется, за воротами уже тихонько шоколадную конфетку Петру Гаузе подсунул. Сжевали ее вдвоем с Чапаевым. Одна жалость — конфетка-то из черного хлеба слеплена, хоть обертка и настоящая.

Дорога грязная, истоптанная, скользят зэки, в лужи падают, конвой сердится. По сторонам из леса волки выбежали — наблюдают, не отстанет кто-нибудь? Ведь тогда и пища!

А вот и насыпь без рельсов.

— Мы эту дорогу строим? — спросил Гаузе у Чапаева.

— С сорокового года строим.

— А рельсы где?

— Рельсов не подвезли. Своих мало осталось.

Часа два шли, даже согрелись. Вот и насыпи конец. В обрыв она упирается.

Рушат зэки обрыв, копают его, а на вершине обрыва стоит призрак товарища Сталина, рукой показывает, чтобы скорее работали. Тоже, значит, на аврал вышел. Гаузе с Чапаевым землю

на насыпь отвозят тачками, а рядом зэки шпалы тянут, вдесятером каждую, надрываются.

— Скорей! — конвой подгоняет. — Навались! Сегодня или никогда.

Кого-то в сторонку отвели, по роже бьют: не ленись в такой торжественный день. Волки из леса вышли, вдоль насыпи расселись, глядят, чтобы никто не убежал. В такой торжественный день и волки празднично настроены.

И увлекает Петра Гаузе героика коллективного труда. Уже не холодно ему, и не голодно, и даже курить не хочется. Работа создает человека. Смысл в ней есть — потому что она Работа. Что дом строить, что колокол отливать: покажи русскому человеку настоящую работу, он обо всех лишениях забудет. Такая у русского народа натура.

Скоро развалится перемычка — уже слышно, как навстречу стучат. И, как назло, ручная сирена зудит: обед.

С неохотой отрываются зэки от работы, в очередь встали, кому двести граммов пайка, кому — премиальный пирожок с капустой. Едят, на Гаузе поглядывают. Понимает Петр Гаузе, что сейчас самое время встать и рассказать этим старикам о переменах на воле. Пересилил усталость Гаузе, поднялся, чтобы речь начать, а тут капитан Левкой, проницательный, замотанный бинтами, подскочил:

— Поел? Готов! На работу!

И растащили зэков по рабочим местам.

Чапаев рядом тачку тащит и говорит:

— Не расстраивайся. Я договорился в первом бараке. Ты с сообщением сегодня ночью выступишь, с информацией. Очень люди истосковались по свежему слову. У нас же радио сломанное. Только музыку передает.

— Не разговаривать нужно... — начал было Гаузе, но тут шум, грохот, крики.

Рухнула перемычка.

Рухнула перемычка, славный момент наступил.

— Ура! — охранники закричали.

Зэки рады бы покричать, но сил нет, валятся на насыпь, охранники сами вперед ринулись, землю руками разбрасывают — увидеть спешат тех, кто им навстречу идет.

А там, навстречу, тоже охранники.

Такие же.

Обнимаются с нашими. Победа!

А за охранниками зэки, лежат на той, дальней насыпи, без сил.

Странно все это Гаузе, не такого он ждал. Неужто и второй лагерь в лесу спрятан?

А тут рельсы подтащили — сторонись! Два хлыста с каждой стороны.

Полковник Бессонов спешит. За ним лагерные художники свернутый брезент несут. Развернули брезент вертикально, укрепили. С двух сторон на нем паровоз изображен. Видно — несется на всех порах по завершенному пути. Из трубы дым, красный лозунг на передке.

Висит брезент поперек насыпи, на месте перемычки. С какой стороны ни посмотришь — паровоз несется.

Встал полковник Бессонов перед паровозом, не боится быть задавленный.

Фотограф-парикмахер камеру притащил, птичка вылетела. Снимает Бессонова на память потомству. А по бокам охрана.

— Открываю движение по великой магистрали! — говорит Бессонов. — Награждаю отличившихся ударников внеочередным свиданием с родными и дополнительной посылкой, как только свидания и посылки возобновятся.

Обежал Бессонов брезент, с той стороны эту операцию повторил.

— Так куда же дорога ведет? — Гаузе у Чапаева спросил.

— Ясное дело, никуда, — Чапаев ответил. — Тридцать лет ее строил. Большой круг мы совершили и сегодня замкнули. Четные бараки с нашей стороны, нечетные — с той. Неужто до сих пор не понял?

19

Вернулись к лагерю в темноте. Охранники волновались, покрикивали, волки глазами, как угольями, из чащи сверкали, звезды на небо высыпали, как волчьи глаза.

Перед лагерем, когда до тепла бараков осталось всего ничего, колонну остановили. Ждать на морозе. Видно было, бегают по лагерю охранники, что-то произошло. У ворот сам полковник Бессонов руками машет.

Так и простояли, наверно, полчаса, чуть не вымерзли совсем. На счастье, охранники тоже люди, морозу подвержены. Лейтенант к воротам сбегал, покричал там, пожилой лейтенант, под шестьдесят, ему на пенсию бы, а не зэков по лесу гонять. Сдвинулось, погнали.

Гаузе так замерз и измотался, что не заметил, как в карцере оказался.

— Что случилось? — беспокоился Чапаев. — Сегодня ночью нам с тобой в барак идти, агитацию проводить. А что, если шмон?

— Как же мы в барак попадем?

— Там, за нарами, ход.

— И никто не знает?

— Им особо не попользуешься.

А почему — не сказал.

Сопит Чапаев, возится на нарах, а Гаузе сел на табурет, переживает — давно Полину не видал. И на строительном аврале ее не заметил. Как она тут?

— Кто такой? Что такое? — это Чапаева голос.

Из щели, узкой, черной — кошке не уместиться, — Полина вылезает.

— Не выдавайте, Василий Иванович.

— Ты как сюда попала? Как нашла тайное место? Тридцать лет ни один чекист не нашел.

— От нужды найдешь.

Гаузе к Полине бросился, руки ей жмет.

— Рассказывай, дорогая. Как ты, что с тобой?

Чапаев даже сплюнул от такой нежности. Отвык.

Полина на нарах скорчилась комочком, зубы стучат:

— Я Берию убила.

— Кого? — Чапаева удивить трудно. А сейчас железная челюсть — бах на пол.

— Берию. Железную Маску.

— Он здесь содержался?

— Да, — это Гаузе подтвердил. — Я с ним разговаривал.

— Разговаривал, а мне ни слова.

— Когда же? Мы с тобой железную дорогу строили.

Снова Гаузе к Полине обернулся, гладит ее по руке, успокаивает. Она дух перевела, рассказала:

— Я от тебя узнала, что он здесь. За столько лет не догадалась. Лагерь пустой, все на работах, я полы мою. Взяла таз, тряпку, вниз пошла. У конвойного ключи взяла — он меня знает, — стала камеры отпирать. Вот и нашла Железную Маску. Может, я бы и не убила, но он меня как увидел, обнимать бросился. Кричать-то мне нельзя — охранник ушел, подвалы глухие. Тут я его руки узнала.

— Чего? — не понял Гаузе.

— Руки узнала. Видела я эти руки. Давно еще, в той жизни. И задушила я его. Не знаю как, но задушила. И бежать...

— Ты не бойся, — сказал Чапаев. — Они тебя по баракам ищут.

И тут тихий смех раздался.

Стоит посреди камеры призрак вождя народов Сталина, призрачную трубку сосет, ухмыляется.

— Хотел Лаврентий пересидеть, переждать, времени своего дождаться. А не дождался. Теперь я один остался...

— Товарищ Сталин, — Чапаев вскинулся, руки по швам. — Докладываю, что подвергался унижениям и издевательствам. Вы, товарищ Сталин, даже не знаете, какие зверства здесь вашим великим именем прикрывались.

— Ах, знаю, все знаю, — призрак сказал. — Только выбились они из-под моего контроля. Ну ничего, Чапаев, мы с тобой их всех скрутим... А пока прощайте, надо что-то с вами сделать.

— С нами? — Чапаев удивился.

— А с кем же? Нельзя же безнаказанным преступление оставлять и тех, кто укрывает преступников, — тем более. Министра убили, и думаете, я вас прощу?

— А ты промолчишь, когда выйдешь?

— Промолчу! — Гаузе заявил, а сам на Полину смотрит. Ради нее готов промолчать.

— Не верю, — Сталин сказал, призрачную трубочку из призрачного рта вынул. — Никому не верю.

— И правильно делаешь, — сказала Полина. — Он промолчит, я не промолчу.

— Я со своей стороны также не имею права, — сказал Чапаев.

— Вот видишь, — сказал Сталин.

Гаузе стыдно стало, что он малодушнее других оказался. Но ведь ради любви!

Сталин исчез.

Словно и не было.

— Бежим, — сказал Чапаев. — Скорее!

Чапаев за нары нырнул, копается там.

— Скорее!

А Полина Гаузе за руку взяла. Держит, пальцы длинные, сухие.

А по коридору шаги. Голос Бессонова:

— Они в карцере у Чапаева.

Голос Левкоя:

— А как узнали?

— Товарищ Сталин сказал.

Чапаев в щели скрылся, остальные за ним протискиваются. В черную дыру.

Последнее: дверь в камере скрипит, открывается. И голос Бессонова:

— Утекли. Пускай воду. Затопляй подвалы!

20

Они ползли бесконечно по черному лазу, думали, что навсегда там останутся, но, к счастью, древний старик-правдолюбец навстречу вышел, свечу принес.

— Я тоже ухожу, — сказал. — Только своим путем. Они воду пустили. Скоро все здесь затопят.

И в стену ушел, свечку, правда, оставил.

Вышли за зоной, в лесу.

Там, у лаза, волк стоит, бережет выход. Что делать?

— Погодите, — Полина сказала.

Вышла первой из лаза и пошла на волка. Волк хвост поджал — и к кустам. Оттуда и смотрел, как они мимо идут. Двое в ватниках, на третьей холщовое платье, как мешок.

Снег пошел, рано ему, а снег. К ботинкам липнул.

— Пожрать ничего не взяли, — сказал Чапаев. — Слона бы сейчас съел.

Дорога плохая — бурелом, овраги, заросли. Да еще снег идет и тает.

Погоня настигла их на рассвете, когда уж не было сил брести по черному лесу. Свечка кончилась, огарок сжевали втроем, хороший огарок, дореволюционный.

Погоню волки навели. И Сталин тоже. Так и бежали они впереди, перед охранниками, — волки и вождь.

Когда не было уже мочи бежать, выбежали они, падая и спотыкаясь, оборванные, мокрые, грязные, на обрыв над рекой. Река на помрачительной глубине струилась, отражая в себе рассветное небо.

Волки сходятся полукругом. Полина их с трудом взглядом удерживает, за волками Сталин рукой указывает, сзади охранники из кустов лезут.

— Что ж, — сказал Чапаев, — прощайте, товарищи. Вторая река в моей жизни роковая. Или переплыву, или снова кино про меня снимайте.

Разбежался и сиганул с обрыва. Без крика, без звука.

— Полина, — сказал Петр Гаузе, — *я тебя люблю.*

— Спасибо, — сказала Полина. А сама все на волков смотрит.

Взялись они за руки. Полковник Бессонов из леса показался.

— Жалко, — сказал Гаузе, — что не удалось нам закрыть этот лагерь. Последний.

— Да, — сказала Полина, которая современной обстановки не знала, — на один меньше бы стало.

И прыгнули они вниз, с непостижимой высоты, к серебряной полосе безымянной лесной речки.

И летели, не отпуская рук.

21

Упали, но не разбились. На мягкое упали. На шерстяное.

— С приездом, — сказал Чапаев. Тоже живой.

— Это что такое? — спросила Полина.

— Тише, — сообразил Гаузе. — Пускай они думают, что мы разбились.

Сверху голоса галдят, кто-то фонариком светит. Но темно еще, да и луч не достает.

— Капитан Левкой! — Бессонов приказывает. — Спустись вниз с отделением, подбери их на берегу. А если кто еще признаки жизни показывает, добей из милосердия.

Чапаев вниз заглянул, с карниза, на котором лежали. А там глубина, полдороги не пролетели.

Где же мы? Гаузе, руками дорогу ощупывая, вдоль карниза пополз. Вот бы сейчас свечку зажечь.

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал Чапаев, — настоящим мясом пахнет.

Перед Гаузе горбик. Спуск вниз. Две загнутые палки...

— Мамонт! — крик шепотом. — Я же мамонта искал. А вот он, мамонт.

Мамонт когда-то здесь в обрыв вмерз, в вечную мерзлоту, а вот теперь, с обвалами да потеплениями, обнажился. Какой-то охотник мимо проезжал, в Академию наук сообщил, Академия Петра Гаузе в командировку послала. Он лодку опрокинул, чуть не погиб, в лагерь попал. Вот какие совпадения бывают. Гаузе мамонта не нашел, а мамонт сам нашелся.

— Не могу я больше, — прошептал Чапаев, — должен я в него вгрызться.

— Может, мясо испорченное, — сказал Гаузе. В самом-то

деле ему мамонта жалко стало. Научная реликвия, не для питания.

— Хоть какое, — Чапаев сказал. — Я тридцать лет мяса не видел.

— Это же мамонт, — сказал Гаузе. — Ему тридцать тысяч лет.

Чапаев ножик вытащил, ножик сверкнул. Светало.

— А мы ведь все равно в ловушке, — сказала Полина. — Вниз не спрыгнешь. Наверх не поднимешься.

А Петр Гаузе об этом думать не хочет.

— То, что я тебе наверху сказал, это правда.

Полина сидела, колени подтянув к подбородку, глядела на светлеющий горизонт.

— Знаю, — сказала она. — Я тебя тоже полюбила.

— Эй! — это сверху Бессонов кричит. — Маска, я вас вижу! Поднимайтесь!

— Сам спускайся! — сказал Чапаев.

— Они надо мной! — снизу кричит Левкой.

— Они подо мной! — сверху кричит Бессонов.

— Где веревка? — это Сталин спрашивает.

— Сержант — срочно в лагерь, веревку принеси! — это Бессонов.

Убежал сержант. А до лагеря часа два, а то и больше. Чем дольше, тем лучше. Может, какой-нибудь охотник по реке проплывет. Или рыбный инспектор. Да и веревка у них гнилая...

— Не бойся, мы уйдем, — успокаивает Гаузе Полину. Руку в ладоши забрал, греет. От Чапаева только голова наружу торчит, так глубоко в мамонта ушел. Вдруг охнул старик, выполз наружу, нагнулся вперед и обильно на Левкоя выблевал.

— Молодой человек! — кричит Бессонов сверху. — Вы заблуждаетесь, если полагаете, что добьетесь справедливости. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что в лесу стоит забытый лагерь. Знаете, что они подумают? Подумают, что если стоит, значит это кому-то надо. И не нам соваться. В этом смысл всей нашей истории. Кому-то надо! Вы меня слышите?

— Разберутся, — отвечает Гаузе. Не хочется ему думать об этом. — Разберутся.

— А мне ничего не угрожает, — сказал Бессонов. — Я никого не репрессировал без суда и следствия. Я не садист и не преступник.

— Разберутся, — ответил Гаузе.

— Я строил стратегическую дорогу.

— Без конца и без начала.

— Земля тоже круглая, но никто не считает преступником

Господа Бога. Сейчас мы спустим веревочку, поднимайтесь, будем считать инцидент исчерпанным. Я вас на кухню определю. Или в больницу. Дам должность доктора медицинских наук. Решайтесь.

— Нет, спасибо.

— Неужели вы в самом деле думаете, что в кабинете нового министра безопасности, фамилии которого я, к сожалению, не знаю, нет прямого аппарата, связанного с моим лагерем? Телефон молчит, но когда нужно он зазвонит.

— Разберутся.

— Вас первого посадят в лагерь. За клевету.

— Разберутся.

Уже совсем рассвело. Левкой с охранниками ступеньки в обрыве выдалбливает, чтобы подняться. Ну, это еще не скоро. Полина задремала, голову на колени Петру Гаузе положила, от мамонта тяжелый дух идет. Веревки все нет, охранники сверху головы склоняют, сами давно мясного духа не слышали. Чапаев в мамонте шурует, для Гаузе это как нож по сердцу, но молчит.

Вот охранник бежит.

— Где веревка?

— Нет веревки, товарищ начальник. Беда.

— Чего еще?

— Охрану-то мы сняли, сюда побежали, а зэки разбежались.

— Быть того не может... а волки?

— Волки же тоже здесь.

— Догнать их!

— Что там случилось? — Левкой снизу кричит.

— Лагерь кончился! — торжествует Гаузе. — Нет больше лагеря.

— Молчать! Никто лагеря не закрывал. Поплутают по лесу и вернутся. Никуда не денутся. Они другой жизни не знают. Добровольно в лагерь придут. Сейчас быстро покончим с этими и пойдем зэков собирать.

— Как?

— Кидайте на них сверху камни. Бревна кидайте. Все кидайте. Объявляю их вне закона!

И стали охранники камни собирать, пень выворачивают...

— Лезьте сюда, — приказал Чапаев. Подвинулся, место освобождая.

Заползли Полина с Гаузе внутрь мамонта. Чапаев край шкуры сверху закинул, закрыл.

Сотрясается мамонт от ударов, от лишнего груза. Еще камень, еще бревно... вот и пень упал...

И вывалился мамонт из обрыва, рухнул вниз — капитана Левкоя в лепешку, скатился в реку и поплыл, словно плот.

— Не догоните! — Чапаев шкуру откинул, наружу вылез, как из подводной лодки.

Но ошибся.

Проплыл мамонт недолго, на мель сел.

22

Островок посреди реки. У островка и застрял мамонт.

Бегут к берегу охранники, волки, Сталин.

Протока-то глубокая, холодная, не преодолеть вброд. Бегают по берегу, ругаются.

Чапаев на мамонте сидит, с отвращением на кусок мяса смотрит.

— Бессонов! — кричит. — Беги в лагерь. А то тебе стеречь некого будет.

А тот в ответ приказывает:

— Строить плот!

Разбежались охранники по берегу, бревна ищут, плот вязать думают. А Чапаев их мясом дразнит. А тут еще Гаузе добавляет:

— Товарищи военнослужащие! Вас обманывают. Времена изменились. Спокойно возвращайтесь домой, к семьям, к честному труду.

— А я вас засужу! — кричит Чапаев. — Жизни не пожалею! По судам загоняю!

Вздыхают охранники, тянут бревна.

Посреди островка холм песчаный, в нем яма. Теплая, сухая. Ушла туда Полина, Гаузе за ней. Легли рядом на песок. Гаузе ей руку на плечо положил.

— Тебе не противно? — Полина спрашивает.

— А почему?

— Я — убийца. Я человека задушила. Этими руками.

— Он давно умер.

— Для тебя. Для меня — только что. А может, и не умер...

— Полина, не думай, я все знаю о твоем прошлом.

— Ничего ты не знаешь.

— У нас будет дом, работа...

— Ты знаешь, почему я его убила?

— Не это сейчас главное.

— Это. Меня девочкой, в десять лет, к нему привели. Он девочек любил. Поэтому я и руки его узнала. Руки не меняются.

— Ой, — замолчал Гаузе, но руку не убрал. Держит.

Полина подниматься начала.

Тут Гаузе ее к себе двумя руками привлек.

— Милая, забудь...

— Никуда нам от них не деться. Доберутся до нас. Всюду доберутся. Мы же беглые.

А сама гладит его, грязный ватник распахнула, глаза дикие, зеленые, кошачьи. Губы мягкие стали, податливые.

У Гаузе глаза застилает, дыхание прерывается.

— Не надо, — шепчет, — не сейчас...

— Другого не будет. Ничего больше не будет... Возьми меня, Петя.

И взял ее Петр Гаузе на песчаном острове, под бегущими облаками, под далекие перекрики охранников.

И был он ее первым мужчиной. Не было других...

— А как же? — спросил он потом.

— За то я и в лагере была, что не смог он.

— Но ты говорила, что ты...

— Я тебя ждала. Я тебя все эти годы ждала.

Они лежали под ватником, прижавшись друг к дружке.

И тут Чапаев закричал:

— Ребята, скорее! Поезд отправляется!

А они готовы уж были никуда отсюда не уходить, с этого острова, здесь и погибнуть, кончился их путь.

Нет, иное.

Выбежали они на холмик.

Видят: по реке вал воды идет. Видно, в верховьях дожди сильные, наводнение.

Охранники от берега вверх. Один Бессонов, упрямый человек, у кромки воды стоит.

Призрак Сталина руки раскинул, водяной вал пытается удержать, а воды сквозь него хлещут.

— Скорей! — Чапаев торопит.

Мамонта первой волной качнуло.

Полина с Гаузе на мамонта взобрались.

Подняло мамонта водой.

Чапаев на голову взобрался, между бивней сидит, шестом отталкивается.

Подхватила вода полковника Бессонова, понесла вниз, наперегонки с мамонтом, но отстал полковник, пропала под ледяной водой его голова в фуражке с синим околышем.

Плывет мамонт по реке.

Гаузе Чапаеву говорит:

— Ты потерпи, скоро настоящее мясо увидишь. А мамонт для науки нужен. Я тебе запрещаю.

Тон у Гаузе изменился, потому что он свой долг перед наукой ощущает.

Вот и дорога по берегу показалась. Едут по ней самосвалы на стройку БАМ, дорогу с концом и началом. Глядят шоферы из окошек с удивлением на мамонта с пассажирами.

Так Петр Гаузе мамонта нашел.

ОСЕЧКА-67

Пролог

«В ряду наиболее знаменательных событий юбилейного года — пятидесятилетия Великого Октября — важное место занимает решение ЦК Компартии и Советского правительства о проведении во время торжеств в Ленинграде штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители общественности, а также целые коллективы ленинградских заводов, фабрик и учреждений. Воспроизведение в реальном масштабе славных событий Октября 1917 года привлекло пристальное внимание зарубежной прессы и мировой общественности и должно вновь со всей убедительностью показать преимущества социалистического строя.

Несколько недель, предшествовавших мероприятию, славный город революции живет в ожидании штурма. Текстильные фабрики готовят комплекты одежды для участников событий, художники восстанавливают облик Петрограда октябрьских дней, работники кино и телевидения монтируют в ключевых пунктах восстания аппаратуру.

Восстание, возвещенное легендарным залпом «Авроры», должно быть проведено в течение 7 ноября 1967 года и завершится по плану открытием съезда Советов в Смольном...»

Правда. 16.10.1967

1

Антипенко развернул львиный фас в сторону Зоси из отдела фарфора и спросил, кто поедет получать шинели. Зося спросила, какого цвета шинели. Этого Антипенко не знал.

Под окном стоял автобус с финскими туристами. На сиденьях дремали уморившиеся бабушки.

— Наверное, черные выделят, — сказал долговязый Боря Колобок. — С черепом и костями.

— Не говори глупостей, — обиделась Зося. — Тебе хорошо, у тебя юнкера, а на нашем участке еще баррикаду не достроили.

— Я звонил им, — сказал Антипенко. — У них прорыв. Студентов мобилизуют.

Обшитая черной клеенкой дверь чуть приоткрылась, и Раиса Семеновна заполнила проем полной грудью.

— Шинели готовы. Пора ехать на склад.

— Ну, с богом, — сказал Зосе Антипенко. — Распоряжайся. — И крикнул вдогонку: — Чтобы не подрезать и не ушивать. За шинели я головой отвечаю. Историческая правда прежде всего.

Зося кивнула, не оборачиваясь.

Боря Колобок спросил Антипенко:

— А оружие когда получать будем?

— С оружием трудности. Мне на складе уже выписали. И виза была, но тут звонит Соколов из обкома, он оружием сейчас ведает, и говорит: эту партию на Ближний Восток отправили. Неувязка вышла. А пушки завтра из Артиллерийского музея подвезут. Три штуки. Только что снаряд на столе лежал. Не видел, куда я его задевал?

Пока Антипенко растерянно шарил по столу веснушчатыми руками, Боря налег на стол верхней половиной своего ломкого длинного тела и громко прошептал:

— Милиция на площади будет?

— Это еще зачем?

— А вдруг в самом деле?

— Чего?

— Вдруг они ворвутся в самом деле? У нас же ценностей мировой культуры на миллиарды новых рублей.

— Ты, Колобок, это кончай. В каждой колонне идут члены бюро райкомов. Так что без паники. Понял?

— Понял, — сказал Колобок неубежденно.

— А милиция в других районах пригодится. Народ будет праздновать, а он требует контроля.

— Может быть. Ну, я пошел.

— Только совсем не уходи. Может, понадобишься. Сам понимаешь, положение напряженное. В любую минуту могут поступить новые распоряжения из инстанций.

— Ладно.

Колобок поправил модные очки и, широко расставляя худые ноги, направился к своему отделу.

В гобеленной галерее Колобок встретил красивого Извицкого. Извицкий вел экскурсию. Колобок протолкнулся к нему сквозь строй пенсионерок.

— Долго тебе еще? — спросил он, наклонившись к уху экскурсовода.

— Сейчас кончу. А что?

— Беги сразу в отдел. Важное дело.

Симеонова Колобок разыскал в буфете. Симеонов пил кефир. Колобок сказал Симеонову о встрече в отделе и заодно попросил предупредить античников.

Через десять минут в комнате отдела Дальнего Востока собрались десять сотрудников Эрмитажа. Колобок сел на исцарапанный поколениями кандидатов и докторов письменный стол, отодвинул в сторону ножны от самурайского меча и сказал:

— Товарищи, я собрал вас, вы сами догадываетесь, почему. Сейчас я был у Антипенко, и старый хрен дал понять, что милиции на площади не будет.

Колобок блеснул очками, и взгляд его приобрел суворовскую пронзительность. Остальные молчали.

— Не поняли? Объясню. Через два дня — штурм Зимнего. Известно всем? Штурмовать выделены Кировский завод, сводная колонна обкома комсомола, группа персональных пенсионеров и другие организации. Если не будет милиции, штурмующие могут увлечься. И ворваться в эти стены...

Мертвая тишина воцарилась в комнате отдела Дальнего Востока.

— Баррикады наши сделаны на живую нитку. Только для кинооператоров. Пушки — без замков, из Артиллерийского музея. Наши винтовки ушли на Ближний Восток. Чем мы задержим...

— Постой, Борька, — сказал тут Симеонов. — Ты что же, хочешь сказать, что штурмующих в Зимний пускать нельзя?

— Пускать придется, но не дальше вестибюля. Я все понимаю — пятьдесят лет назад штурм был настоящий и тогда Зимний пал. Но кто-нибудь подсчитывал действительный ущерб в семнадцатом году? Никто. Но тогда юнкера хоть как-никак, а дворец защищали. Сейчас мы защитить его не сможем. И кто гарантирует нам стопроцентную сохранность памятников культуры и искусства? Ты, Симеонов?

— Нет, зачем так сразу. Штурмующие должны понимать. Там представители партийных органов пойдут, как по льду Кронштадта.

— А о массовых психозах ты слышал?

— Это где массовые психозы? — грозно сверкнул черными очами Извицкий. — Ты с каких позиций выступаешь? Люди на святое дело собрались!

Кто-то хихикнул. Колобок шлепнул ладонью по столу:

— Я выступаю с наших позиций! С позиций сохранности народного достояния!

— Ребята, вы, по-моему, соревнуетесь в лицемерии, — заметил Симеонов.

Колобок почти не смутился:

— Я выступаю с позиций сотрудника и, если хочешь, патриота Эрмитажа. Мы обязаны не допустить повторения ошибок семнадцатого года. Мы обязаны это сделать как члены партии, комсомола и просто профсоюза.

— Еще побьют, чего доброго, — неудачно пошутил кто-то из древних греков.

— И будут правы, — добавил Симеонов. — Если людям разрешают раз в полсотни лет взять штурмом Зимний дворец, то они имеют полное право немного пошалить.

— И все-таки в райком надо бы сходить, — тоскливо произнес Извицкий.

Колобок даже удивился. Он не ожидал поддержки с той стороны.

— Сходить можно, — сказал кто-то от двери.

— И заодно вооружиться, — вставил Колобок, который ковал железо, пока горячо. — Мы должны быть готовы ко всяким случайностям.

Колобок соскочил со стола и широко развел руками:

— Это же все наше, народное. Мы — дети рабочих и служащих, и сегодня, может, для некоторых впервые в жизни наступило серьезное испытание. Я не хочу возражать против решения ЦК повторить в день пятидесятилетия штурм Зимнего. Это, ребята, мудрое решение. Но без милиции может произойти взрыв. Я сам слышал такие разговорчики на улице...

— Какие?

— Неважно какие. Считай, на уровне анекдота. Случайности — это тоже необходимость.

— Кто в райком пойдет? Сам?

— Сам схожу. А ты, Извицкий, побеседуй с девчатами.

— С какими?

— С нашими. Которых в женский батальон смерти мобилизовали. Там у них Зося — комбат. Она сейчас за шинелями поехала на театральный склад.

На том и разошлись. Только Симеонов в дверях остановил Колобка и сказал серьезно:

— Ты в райкоме не очень. А то еще выговор схлопочешь за паникерство.

— Дурак я, что ли? Я про милицию намекну — сами должны понять. Если что, им же отвечать придется.

2

Уже несколько недель райкомом владело обалделое предпраздничное настроение, настолько затянувшееся и нереальное, что оно стало нормой и возвращение к обычной жизни казалось почти невероятным. Оно почему-то выражалось почти одинаково у всех сотрудников райкома. «Вот все кончится, — говорили они в узком кругу, — уйду в отпуск. Поселюсь на двадцать четыре дня в Сочи и буду играть в преферанс».

Но пока было не до преферанса.

Колобок сначала не разглядел милиционера у лестницы. Милиционер полностью скрывался за горой жестяных и фанерных вывесок и реклам, которым, казалось бы, не должно быть места в райкоме.

— Вы к кому? — раздался голос из-за оранжевого щита «Коньякъ Шустова».

— К Грушеву, — ответил Колобок и достал партбилет.

— Что-то я его сегодня не видал, — сказал старшина, отодвигая к стене вывеску «Трактиръ». — Вот привезли сейчас, а развешивать некому. Эта, — он показал на «Трактиръ», — над нашей дверью повиснет. Я уж возражал.

— Несолидно, — согласился Колобок. — Неужели другой не нашли?

— Главный архитектор удружил, — сказал старшина. — По плану старому проверял. Оказалось, соответствует исторической правде.

По лестнице спускались два инструктора промышленного отдела, сгибаясь под тяжестью позолоченного двуглавого орла. Инструкторы развернули его, как рояль, и неумело принялись просовывать в дверь. Старшина забыл о Колобке и с криком: «Левей заноси, так его!» бросился на помощь инструкторам.

Колобок поднялся на второй этаж и инстинктивно прижался к стене. Навстречу медленно шел крупный мужчина с эполетами, украшенными черными орлами. При виде отпрянувшего

Колобка мужчина вздохнул, оттянул в разные стороны рыжие бакенбарды, и Колобок узнал третьего секретаря.

— Осваиваю, — сказал секретарь. — Не узнал?

— Нет. У вас это убедительно получается. Это чья форма?

— Меня еще не прикрепили. Но прохожу по флотской части. Наверное, морской кадетский корпус дадут. Ты к Грушеву? Может не принять. Занят.

— Я попробую.

Дверь в кабинет первого секретаря была распахнута, и из-за нее, клубясь по приемной, вырывался табачный дым. Колобок вошел в кабинет и с минуту приглядывался, стараясь разобрать в голубом мареве, где же товарищ Грушев.

Наконец он разглядел зелень секретарской скатерти и поплыл к столу. В тумане над столом покачивалась крепкая фигура секретаря. Секретарь был в тельняшке и бескозырке, на которой золотыми буквами было написано «Аврора». «Повезло, — подумал Колобок. — В самом центре событий будет находиться». Два пожилых джентльмена с острыми, неумело наклеенными бородками и в одинаковых черных жилетах ритмично взмахивали руками, пытаясь заставить матроса подписать трудно различимые в дыму бумаги.

Матрос между тем говорил по двум телефонам и, время от времени прикрывая ладонью трубку, давал какие-то указания красноармейцу в буденовке с синей звездой.

«Надо бы сказать им — недоразумение получается, — подумал Колобок. — В семнадцатом еще не было буденовок. И самого Буденного не было. Запад будет смеяться».

Последние слова нечаянно вырвались наружу и прозвучали в комнате в тот редкий момент, когда в ней наступила кратковременная тишина.

— Что? — спросил матрос Грушев, приподнимаясь над столом и уперев в зеленое сукно телефонные трубки. — Кто там о Западе?

Тут Грушев распознал Колобка из Эрмитажа.

— А, привет! — сказал он. — Что ты там о Западе гуторил?

Колобок подумал, что Грушеву нелегко приходится вживаться в образ простого человека, морского волка.

— Здравствуй, товарищ Грушев, — ответил попросту Колобок. — Буденовку зачем на бойца надели? Это же изобретение Первой Конной, так сказать, в пламени Гражданской войны.

— Дурак, — сказал Грушев. — Шпак сухопутный. У нас что, консультантов нет? Это же Тематьян — он в театрализованном

представлении будет участвовать, после нашей победы. Не читал разве «Пятьдесят лет в один вечер»? Там у нас и правые уклонисты будут, и строители Беломорканала. Зачем пришел?

Спросив так, Грушев, не дожидаясь ответа, приложил к ушам телефонные трубки и локтем отпихнул обоих джентльменов в жилетках.

Зайдя сбоку, Колобок придвинулся к столу и присел на свободный стул.

— Я насчет милиции, — сказал он.

Грушев не расслышал. Колобок решил подождать.

— Петропавловка! — кричал секретарь в трубку. — Петропавловка! Сейчас к тебе политзаключенных приведут! Да нет, не антисоветчиков! Наших людей, пролетариат! Из управления охотничьего хозяйства и рыбнадзора. Значит, так, распределишь их по камерам... Да подожди ты! — Во вторую трубку: — «Это не тебе...» Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Товарищи предупреждены. Два дня и на голом поспят. Деды их страдали... Страдали, говорю! С питанием? Питание будет. Из столовой «Белые ночи». Они знают... Нет, ты запирай, запирай, чтоб комар носу не подточил. Главное — историческая правда. Правда, говорю! Охрана в пути! А пока музейных сторожей мобилизуй. Как так — возражают? Пообещай сверхурочные! С приветом!

Грушев бросил телефонную трубку и крикнул во вторую:

— Это Коган? Коган, слухай сюда!

Зазвонил первый телефон, и Грушев поднял трубку, кинул в нее: «Сейчас!» и отбросил, как змею.

Колобок подобрал осиротевшую трубку.

— Это райком? — спросил дрожащий женский голос.

— Общественный инструктор Колобок слушает.

— Послушайте, товарищ общественный инструктор, — пропел женский голос. — Синяя полоса сверху или снизу?

— Какая полоса?

— На русском национальном флаге. Я Смирницкая, из детского сада номер тридцать. Мы делаем кокарды для буржуазии.

— Сейчас. Может, товарищ Грушев вам поможет.

Колобок передал трубку матросу. «Черт знает что, — подумал он, — не знаю, какой должен быть флаг. Привык как-то, что красный».

— Минуточку, — сказал Грушев трубке и продолжал кричать в другую: — Так ты, Коган, не крути, ты эти штучки брось! Твой Бунд и одной комнаткой обойдется. Что я тебе, Таврический дворец отдам? Вы же активного участия не принимали. Что

Маркс? При чем тут Маркс? Знаешь что, кончится мероприятие, я тебя к партответственности привлеку. Да-да, за демагогию. Маркс нацпринадлежности не имеет. Он великий учитель рабочего класса, и ты это учти. И вообще, я тебе сейчас нескольких украинских товарищей подкину, а то ты, я вижу, желаешь в свой Бунд одних евреев набрать. Не хочешь хохлов? Тогда принимай армян. Они тоже брюнеты.

...Девушка! — схватил Грушев другую трубку. — Чего у вас? Синий, думаешь? А ты энциклопедию посмотри. Большую. Нет, говоришь? Так позвони историкам. Что? Знаешь, Смирницкая, это принципиального значения не имеет. Кто разберется — что сверху, что снизу? В телевизоре все равно серым будет.

...Ты еще здесь, Колобок? — сказал Грушев, бросая трубку. — Пошли в коридор, отдышусь.

Они вышли в коридор. Джентльмены в наклеенных бородах бросились было за секретарем да потеряли его в дыму.

— Сюда, — сказал Грушев. — А то настигнут.

Они прошли в мужской туалет. Грушев распахнул форточку, и в нее сразу влетел мокрый осенний ветер. За замазанным до половины белой краской окном висело серое грустное небо.

— Жду инфаркта, — вздохнул Грушев. Поправил бескозырку. — Ох, сорвем мероприятие, опозоримся. Китай знаешь как на нас смотрит? Внимательно... Только и ждет осечки, чтобы развернуть кампанию травли. А как с людьми работать? Слышал, что этот Коган говорит? Маркс, говорит, был еврей, а участвовал в революциях. Ну, я ему еще покажу.

— У нас тоже нелегко, — сказал Колобок. — Ты же знаешь.

— Да что там. Вы ж юнкера?

— И юнкера, и женский батальон смерти. Девчата наши.

— Ну и сидите. Вот кировцам и «Электросиле» придется под дождем через весь город идти. А вам что?

— Я к тебе пришел с вопросом. Может, не вовремя, но хочу все-таки спросить.

— Валяй, — сказал Грушев, печально глядя в окно.

— Ты скажи, милиция на площади будет?

— Когда?

— Да во время штурма.

— А почему это тебя волнует?

— Понимаешь, посоветовались мы тут с товарищами. Есть опасность, что могут пострадать культурные ценности. Возьмут Зимний...

— Ты это не надо. Ты за кого наш питерский пролетариат принимаешь?

— Я не про пролетариат. Нас сейчас никто не слышит. Случайные люди затесаться могут. Выпьют по дороге. Ну и дадут прикладом по витрине. Я ж о государственном забочусь.

— М-да, — сказал Грушев. — Есть и такая опасность. Но небольшая.

— Так будет милиция? Может, ее в Эрмитаж поставить?

— Понимаешь, какая история получается. Милицию мы тоже мобилизуем. Форму им полицейскую выдаем. Городовыми и околоточными станут. ОРУД в жандармы пойдет. Людей-то не хватает.

— Всех?

— Что всех?

— Всех милиционеров в жандармы?

Грушев присел на подоконник.

— Я тебе конфиденциально говорю. Меня самого это беспокоит, — сказал он наконец. Вынул пластиковый пакет, набитый табаком, кусок газеты и неумело свернул самокрутку.

— Мы бы, конечно, — продолжал он, — могли в жандармов еще кого одеть, но тут два соображения было. Во-первых, у штатского опыта нет, а во-вторых, хочется, чтобы милиционера даже в такой праздничный день отличить можно было. Ведь у народа к форме уважение имеется. Ясно?

— А КГБ мобилизовать?

— Знаешь, куда они меня послали?

— Тебя, Коммунистическую партию?

— А у них указание — фиксировать, кто себя в городе будет неправильно вести. Для последующих мер.

— Ну тогда хоть жандармский наряд в Эрмитаж направь. На всякий случай.

— Это сделаем. Пожалуй, еще пожарную машину подкинем. Только вам придется их оборудование к системе горячего водоснабжения подключить. Если в случае чего поливать народ придется, так чтобы не простужались. А то неприятностей не оберешься.

— Пожарников все-таки не стоит, — сказал на это Колобок. — Они такую грязь в залах разведут, что хуже восставшего народа.

— Добро. Это как хочешь. С директором посоветуйся. Значит, пропускай их за баррикаду и ни шагу дальше. В случае чего

звони прямо в обком. Меня-то не будет. Я на «Авроре» буду залп совершать. Доверили.

— Ну я пошел.

— Давай. И без паники. Народ, повторяю, у нас сознательный. Хороший народ!

3

Керенский стоял перед зеркалом и пытался надвинуть короткий, торчком, парик таким образом, чтобы скрыть редеющие курчавые волосы на висках. Волосы были темнее парика и тугими завитками обрамляли халтурное произведение ленфильмовских парикмахеров. Керенский с грустью подумал о том, что придется быть сдержаннее в движениях. Он сложил руки на груди. Похоже.

По коридору медленно шли два министра. Керенский не знал их в лицо, но подумал, что по комплекции они должны быть Милюковым и Гучковым. Он помнил их фамилии по учебнику истории.

С министрами шел Розенталь, администратор театра Ленсовета. Он заведовал труппой совета министров.

— Товарищ Яманидзе, — сказал он Керенскому, — познакомьтесь. Эти товарищи будут работать с вами.

— Седов, — представился первый.

— Сульженицкий, — представился второй.

— Конкретных ролей товарищи не получили. Ждем списка совета министров, — сказал Розенталь. — Как пришлют из музея Революции, распределим по внешним данным.

— Где нам пока ждать? — спросил Керенский-Яманидзе.

— Посидите в вестибюле.

— Мы лучше в буфет спустимся, — возразил Седов. — Познакомиться надо. Как-никак с завтрашнего дня будем руководить страной.

— Только чтобы без излишеств, — предупредил Розенталь. — К восемнадцати ноль-ноль быть как стеклышки. Проведем освоение декораций.

Министры спустились в буфет. Буфетчица не узнала Керенского. Это Керенскому не понравилось. Он достал из кармана роль, напечатанную на плохой машинке, и уселся за столик, ожидая, пока Седов с Сульженицким сообразят насчет питания.

— Граждане свободной России! — бормотал Яманидзе, стараясь придать голосу интеллигентность. — Сегодня решается судьба свободы и демократии! — Роль Керенскому нравилась.

В буфет забежал Розенталь и представил министрам царского адмирала.

— Из райкома, — сказал он. — Третий секретарь. Замминистра обороны. Будет с вами в Эрмитаже. Так что прошу любить и жаловать.

— Это можно, — пропел Сульженицкий. — Мы с вами, господин адмирал, в одном лагере.

— Меня вообще-то надо называть вашим превосходительством, но для вас я пока Иван Сидорович, — строго сказал адмирал.

— Иван Сидорович, — спросил Седов, возвратившийся на минутку от стойки, — два рубля в советской валюте найдется? За победу социалистической революции надо выпить.

Адмирал откинул полу шинели и вытащил пластиковый бумажник.

— Гоните рубль сдачи, эксплуататор, — сказал он и улыбнулся доброй, усталой улыбкой.

Седов дал рубль сдачи.

Присели. Адмирал разливал коньяк и рассказывал о том, как командовал ротой на Втором Белорусском. Черные орлы на его эполетах мерно шевелились и, казалось, взмахивали пышными крыльями.

— Граждане свободной России! — кричал Керенский, немного захмелев. Парик сбился набок, и он уже совсем мало походил на премьера Временного правительства. — Родина в опасности!

Адмирал укоризненно качал головой и негромко повторял:

— В случае чего — билет на стол. Понимаешь, на стол.

— А я тебя сгною. И на погоны не посмотрю! — грозил Керенский. — У меня, мать твою, верные казаки! У меня в обкоме рука!

Министры смущались и обильно закусывали частиком в томате. У них еще не было фамилий и портфелей, и это ставило их в ложное положение.

Прибежал Розенталь.

— Ах! — сказал он. — Я это отлично предполагал. А у меня еще вся Государственная Дума на шее висит. Всех одень, обуй в импортную обувь.

Розенталь быстро опрокинул рюмку коньяка и повторил, убегая:

— Чтобы к восемнадцати ни в одном глазу.

— Ни-ни, — сказал Керенский.

Адмирал тихо поднялся и ушел писать докладную на Керенского. Он писал ее непосредственно на имя контрольной комиссии и цитировал Керенского на память.

К восемнадцати Керенский крепко подружился со своими министрами. Они обнялись и дружно пели «Боже, царя храни». Слов они не знали, но все равно получалось красиво.

— Я тебя Милюковым сделаю! — кричал Керенский в паузах. — Ты моей правой рукой будешь, Седов. Пост дам. Уважение обеспечу. В историю войдешь.

Керенский размахивал сорванным с головы париком, и буфетчица, узнав его наконец, тихо улыбалась. Она любила Ямандзе. Он был широкий мужчина и кавалер.

В восемнадцать прибежал взмыленный озабоченный Розенталь и, подталкивая в толстые буржуазные зады, увел министров на заседание Государственной Думы последнего созыва. Ямандзе шел сзади и повторял:

— Граждане свободной России! Счастье не за горами! Мои верные казаки ждут приказа!

4

На складе была очередь, и Зося проторчала там до четырех часов. Она волновалась, что не успеет в детский сад за дочкой.

Молоденький лейтенант милиции перед ней получал жандармскую форму. Он немного смущался и даже сказал Зосе:

— Помните у Лермонтова:

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

— Да, — ответила Зося. — Это когда он уезжал на Кавказ.

— Жандармы были ненавистной народу организацией, — сказал лейтенант. — А я на заочном юридическом учусь. На четвертом курсе. Вы кого будете изображать на торжествах?

— Ой, и не говорите, — ответила Зося. — Мы женский ударный батальон. Охрана Зимнего.

— Маяковский про вас писал, — сказал лейтенант. — Только не помню точно слов. Что-то обидное.

— Как уговорю моих девчат, даже не представляю, — сказала Зося. — Говорят, у нас на рукавах будут череп и кости. Такой позор!

— Ничего в этом позорного нет, — вмешался в разговор старичок в пенсне. — Я отлично помню, что в среде этого батальона были очень порядочные женщины, попавшиеся на удочку царской агитации. Например, моя тетя Глафира Семеновна, впоследствии видный работник на ниве сельского просвещения, незаконно репрессированная в тридцать пятом году.

— А вы кто будете? — строго спросил лейтенант.

— Черная сотня, — сказал старичок не без гордости. — С хоругвями и образами.

— А чего же здесь вам получать?

— Как чего? А поддевки, картузы, сапоги? У нас очень обширный инвентарь. Говорят, все импортное.

— М-да... — Лейтенант смотрел на старичка с неприязнью. Зосе показалось, что он хочет сказать: а не был ли ты, голубчик, в этой черной сотне до семнадцатого года?

Но старичок как будто угадал мысли лейтенанта, улыбнулся лукаво и сказал:

— Вы, молодые люди, только не поддайтесь ложному впечатлению, что я сочувствую правым силам. В черную сотню выбраны люди многих национальностей. В том числе армяне, евреи, грузины и даже один товарищ корейского происхождения. Это наш интернациональный долг — показать врагов во всем их гнусном обличье.

Лейтенант ушел следить за погрузкой мундиров, старичок задремал на деревянной скамье.

— Вашу накладную, пожалуйста, — сказала женщина в окошке.

Зося передала ей документы.

— Вам, девушка, придется самой на склад пойти. Шинелей не хватит. Кое-кто куртки из кожемита получит. Если возражаете — завскладом вторая дверь налево.

— Я не возражаю, — сказала Зося, которая очень спешила. — Пусть будут куртки.

— Дура! — проснулся черносотенец. — Они натуральную кожу себе расхватали. Ты на них в райком подай.

Когда кладовщица откричала свое на старичка, Зося, получив куртки, черные шинели и еще специальный пакет с нашивками, которые надо будет завтра пришивать своими силами, села в кабину рядом с шофером.

Грузовик долго ехал по Московскому проспекту, потом свернул на Лиговку. Улицы были оживленны. С брандмауэров снимали вывески сберегательных касс и рекламы Аэрофлота.

Перед воротами какого-то номерного предприятия на мокром асфальте лежал длинный лозунг «Встретим славное пятидесятилетие новыми трудовыми успехами». По лозунгу, который уже никому не пригодится, бродили суровые такелажники, готовя к подъему шит с рекламой гильз «Катык». На углу в маленьком киоске продавали красные банты и трехцветные кокарды. Из школы шли старшеклассники, гордясь гимназическими гербами на фуражках.

У Московского вокзала была обычная толчея, и представитель «Интуриста» отчаянно спорил с носильщиками. Большая группа интуристов стояла перед гостиницей «Октябрьская» и глазела, как снимают с крыши двухметровые буквы названия гостиницы.

На Невский грузовик не пустили. Пришлось пробираться вокруг. Зося, хоть и спешила, попросила шофера проехать мимо Смольного. Шофер согласился. Ему самому хотелось взглянуть на штаб Октября за два дня до восстания.

Памятник Ленину решили не демонтировать, а только покрыли брезентом, чтобы не нарушать исторической правды. Перед въездом стоял броневик с надписью «Смерть царизму!» и названием «Илья Муромец» на борту. Около броневика суетились телевизионщики. В броневике будет одна из передвижных телестанций.

Зося вдруг подумала, что лейтенант неправильно получал форму. Какие там жандармы в октябре семнадцатого? Но тут же она отогнала от себя эту мысль. В обкоме лучше знают.

Антипенко ждал Зосю внизу.

— Ты куда затерялась? — напустился он на нее. — Как будто не могла кого послать! Быстренько сдай шинели и сразу в распоряжение товарища Розенталя.

— Не могу, мне в детский сад за Галкой ехать. Моего Колю в Викжель мобилизовали. Срывать связь между Москвой и Питером.

— Вот что, тогда быстренько познакомься с Розенталем. Он за Временное правительство отвечает. Большим доверием облачен.

— Ладно. Только недолго. А вы сами выгрузку обеспечьте.

— А это что?

— Это возьмите. Это черепа и кости. Наши нашивки.

Зося поднялась на третий этаж, где ее ждали товарищ Розенталь и два министра Временного правительства.

— Здравствуйте, — сказал Розенталь. — Мы хотели обосноваться в нашей комнате. В той самой, в которой нам скажут: «Кто тут временные, слазьте».

— Там сейчас переоборудование идет, — сказала Зося. — Вам, наверно, товарищ Антипенко говорил.

— Он нам много чего говорил, — сказал актер Сульженицкий. — Но сами посудите, каково нам одним, без поддержки общественности, декорацию осваивать.

И в этот момент в комнату вошел Керенский. Он уже протрезвел, и парик сидел на нем очень удачно. Так что полностью скрывал черные завитки на висках.

— Нодар Яманидзе, — представился он Зосе и долгим взглядом погрузился ей в глаза.

Зося попыталась оторваться от огненного взора Нодара и потерпела поражение. Командир женского батальона поняла, что премьер Временного правительства ждал встречи с ней, может быть, уже несколько лет. Как слепая, Зося сделала несколько шагов навстречу премьеру, и только резкий голос Розенталя остановил ее:

— Так проводите нас, будьте так любезны, в зал заседаний.

Зося резко повернулась, чтобы не видеть больше черных огненных глаз Керенского. Но, даже не глядя, она чувствовала на спине этот взгляд и понимала, что дело революции потерпело первое поражение. Командир женского ударного батальона, общественница, комсомолка, жена и мать Зося Петрова из отдела фарфора поняла, что она и ее подчиненные отдадут все силы, чтобы защитить премьера и его правительство от справедливого гнева восставших масс.

И когда Боря Колобок, ожидавший в коридоре Зосю, увидел ее глаза, сияющие внутренним женским, преданным и постоянным светом, он понял, что Эрмитаж, может быть, удастся отстоять.

Боря Колобок после визита в райком осознал, что на помощь партии и милиции рассчитывать не приходится. И сознание этого, наложившее дополнительную ответственность на Колобка, придало ему новые силы.

5

— В отличие от Великой Октябрьской социалистической революции наши торжества пройдут в несколько более короткие сроки, — сказал секретарь обкома по пропаганде и агитации. — Мы не имеем права отключать на два дня крупнейшие промыш-

ленные объекты нашего города. Кстати, товарищи из Москвы могут подтвердить, что там, в нашей столице, взятие Кремля рассчитано на три часа.

— Три с половиной, — поправил представитель ЦК.

— Три с половиной. Это диктуется соображениями уличного движения и интересами телезрителей. Мы, конечно, не можем в три часа разгромить силы контрреволюции. Это было бы несолидно.

Одобрительный гул зала поддержал слова секретаря. Грушев намотал на указательный палец ленточку бескозырки и сказал сидевшему рядом Бурундукову с «Электросилы»:

— На нас Запад смотрит.

— Да и китайцы не прочь палку в колеса вставить.

Секретарь, будто подслушав слова Бурундукова, продолжал так:

— Вы все, товарищи, понимаете сложность международной обстановки. Пекинские догматики спят и видят, как бы опорочить славное пятидесятилетие. Строго между нами, я могу сообщить, что вчера на Невском видели корреспондента агентства Синьхуа, который переписывал от руки вывешенные нами вывески и призывы семнадцатого года. (Шум в зале.) Мы так полагаем, товарищи: каждый из нас несет личную ответственность за каждую запятую, за каждый штрих, за каждое слово. Представляете, какой шум поднимет недружественная нам пресса, если они поймают нас на исторической ошибке. Теперь перейдем к насущным нашим проблемам...

— Повезло тебе, Гриша, — сказал Бурундуков. — Мне вообще не придется поучаствовать в событиях. Остаюсь в заводоуправлении на связи.

— Товарищи! — выступил после короткого перерыва член ЦК из Москвы. — Товарищи, мы все отлично понимаем двойную и даже тройную ответственность, которую накладывает на каждого из нас решение ленинского Центрального комитета о воспроизведении в день пятидесятилетия Октября событий семнадцатого года. Во всей их сложности и порой противоречивости... Весь мир должен воочию увидеть, что мы готовы хоть ежегодно штурмовать и брать Зимние дворцы ради демонстрации торжества марксизма-ленинизма! Пусть все видят, что наши мозолистые пальцы еще способны держать винтовку! Кульминационным моментом торжеств будет, как вы знаете, штурм цитадели реакции — Зимнего дворца. Этот штурм послужит сигналом для революционных событий в Москве, столице нашей Роди-

ны. — Член ЦК сделал паузу и не спеша налил воды из графина, стоявшего на небольшой трибуне. Вода лилась в стакан тонкой струйкой, и плеск ее в стакане отчетливо передавался через микрофон по всему залу. — Предыдущий оратор останавливал ваше внимание на международных аспектах завтрашних событий. Это, без сомнения, важно. Но главная наша цель — собственный советский народ. Поэтому мы, вспомнив высказывание одного из марксистов-ленинцев: «Кадры решают все», должны поставить на особо ответственные участки верных партии и сознательных, желательно непьющих товарищей. Товарищи, восстание — это искусство. Так учил нас Ленин! Отнесемся же к показательному восстанию как к искусству!

Бурные аплодисменты потрясли небольшой зал обкома.

Вождь бундовцев Коган обернулся к Грушеву и крикнул, не переставая аплодировать:

— Мы им покажем!

Казацкий чуб Когана растрепался и закрыл правый глаз.

— Все на штурм Зимнего! — крикнул кто-то в зале.

Снова загремели аплодисменты.

— Зайди ко мне, инструкции получишь, — догнал Грушева в коридоре инструктор обкома.

Они зашли в кабинет.

— «Аврору» уже сегодня ночью начнут перетягивать к Кронштадту, — сказал инструктор. — Пока с нее сняли все надстройки и отправили вниз по реке на баржах. Твоя задача... я знаю, что ты в курсе, но повторить не мешает. Твоя задача — быть тем старшиной, который откажется поверить капитану, что фарватер мелкий. Выйдешь на шлюпке в Неву и промеришь лотом фарватер. Потом возьмешь в свои руки командование кораблем и приведешь его на позицию для обстрела Зимнего. Ясно?

— Да уж две недели как ясно.

— А вот то, что я тебе скажу, еще неясно. Строго между нами. Почему, ты думаешь, надстройки с крейсера сняли? Не знаешь. Объясню. Сегодня ночью подвезут другую пушку. Которая может стрелять боевыми. И дадут вам два настоящих снаряда. Дадите залп по Зимнему. Теперь ясно?

— Что-то нет.

— Газеты читать надо. Слушай сюда. Есть среди наших интеллигентов тенденция изображать залп Авроры, как будто его на самом деле не было. Будто там был один сигнальный выстрел и притом холостой. Мы посоветовались с товарищами и решили дать им по зубам. Так, чтобы в 67-м был настоящий залп!

— Но ведь там же, в Эрмитаже, картины и так далее...

— За это не беспокойся. Электронщики все подсчитали. Снаряды попадут в зал западного искусства. В этих самых... импрессионистов. Особой потери не будет. Теперь ясно? Ну иди, исполняй. И чтоб ни-ни.

Грушев подумал, что Колобок кое в чем был прав.

— Учти, это личное секретное распоряжение товарища Брежнева!

6

В пять часов вечера все заводы Ленинграда протяжно, нестройно и тревожно загудели. Гудел Кировский завод, уже не Кировский, а Путиловский, гудел завод «Электросила», гудели номерные предприятия, украшенные разнообразными вывесками, гудел хлебокомбинат, гудели военные суда в Кронштадте, гудели поезда на Московском, Витебском, Варшавском и Финляндском вокзалах, гудели речные трамвайчики, гудели такси, и установленные повсюду радиодинамики покрывали этот гуд позывными «Широка страна моя родная».

И по мере того как стихали гудки, Северная Пальмира чудесным образом преображалась. Постовые покидали посты, взбирались в синие милицейские фургоны и вылезали вновь в виде полицейских и городовых в низких папахах. Из-за угла Литейного вышла плохо организованная толпа мужчин в поддевках и начищенных маргарином сапогах в гармошку. Мужчины несли иконы и хоругви и пели по бумажкам «Боже, царя храни». Исчезли с улиц такси, и вместо них по Невскому, непривычно затихшему и опустевшему, покатили лихачи. Оттесняя зевак к тротуарам, проскакали казаки. На пиках трепетали сине-бело-красные флажки, французские флажки, предложенные экспертом из музея Ленина. Древний «форд» с неизвестными в военной форме без знаков отличия выскочил на мост и, запыхтев синим дымом, застрял у клодтовского коня. На ломовой телеге, переодетые селянами, ехали кинооператоры. Глаза объективов зловеще выглядывали из-под распахнутых зипунов.

Темнело. Та часть населения Ленинграда, что не принимала непосредственного участия в мероприятии, толклась на тротуарах и нервно прислушивалась к голосам репродукторов. Размах действа и его реальность внушали трепет обывателям и даже непонятное желание спрятать подальше, в сундук, за двойное дно, членские билеты ДОСААФ и профсоюзные книжки. Вразброд,

отвыкшие после долгого перерыва, ударили колокола Казанского собора, и руки прохожих потянулись ко лбам — перекреститься или просто отереть пот.

Автобусы «Интуриста», замаскированные под конки, стояли на господствующих местах, и оттуда очередями вспыхивали блицы.

Черносотенцы в условленном месте схватили киргиза, замаскированного под еврейского раввина, и откровенно издевались над ним, не причиняя, как и было указано, еврею телесных повреждений.

Зажглись многочисленные огни в бывших железнодорожных кассах, а ныне Государственной Думе. В окнах мелькали фигуры депутатов, принадлежащих различным фракциям. Депутаты взмахивали руками, и репродукторы, включенные на несколько минут в зале Думы, передавали гул и выкрики контрреволюционеров.

Слышались удары тяжелых орудий. Части генерала Краснова рвались к Питеру, но остановились, бессильные, по знаку сержанта ГАИ перед Пулковскими высотами.

Беспокойство ощущалось и в Зимнем дворце. В пять уехали последние автопогрузчики и самосвалы, отделив Эрмитаж от площади кое-как скрепленной баррикадой, сооруженной из пустой тары, контейнеров, металлолома, выбракованных бревен и длинных прутьев арматуры, превративших баррикаду в подобие длинного дикобраза.

На баррикадах выстроились пулеметы и три пушки без замков, привезенные из Артиллерийского музея. Но в промежутках между стеной дворца и баррикадой было пока пусто.

Девушки — секретарши, искусствоведы, уборщицы и экскурсоводы Эрмитажа примеряли форму. В углу египетского зала Раиса Семеновна установила швейную машинку и подгоняла, несмотря на строгое указание Антипенко, шинели и куртки по росту женщинам из ударного батальона смерти. В буфете стояла очередь за кефиром и черным кофе. Ночевать придется в Эрмитаже, и завтра еще предстоит трудный день.

Антипенко распоряжался установкой раскладушек в главном вестибюле. Раскладушек не хватало, потому что они в эту ночь требовались не только в гнезде контрреволюции.

Зося, уже одетая в черную блестящую куртку с черепом на рукаве, — она вынуждена была признать, что эта форма ей идет, — сидела на подоконнике с премьером Временного правительства. Они пили черный кофе и негромко разговаривали.

— Мне так приятно, что вы меня понимаете, — сказал Керенский. — Меня редко понимают женщины.

Керенский, сказав это, опустил глаза, и взгляд его случайно упал на стройное сухое колено Зоси. Керенский вздохнул. Зося, инстинктивно почувствовав, что в ее туалете нелады, попыталась натянуть мини-юбку на колено, но ничего из этого не вышло.

— Я женат уже восемь лет, — вздохнул Керенский и оправил парик. — Моя жена, Рита, оказалась очень ограниченной женщиной.

— Не надо так, — сказала Зося. — Я уверена, что ваша жена — милая и добрая женщина. Ей так же несладко с вами, как и вам с нею.

— Вы опять правы, совершенно правы, — вспыхнул Керенский. — Во всем виноват только я.

По коридору прошел Колобок. Он сгибался под тяжестью ящика. Второй такой же ящик тащил за ним Симеонов.

— Что у вас такое, ребята? — спросила Зося.

— Ничего особенного.

— Боря наш вождь. В смысле — сегодня он командует юнкерами. Вас арестуют?

— Нет, — ответил Керенский. — В последний момент мне удастся убежать. Переодевшись медсестрой. И я убегу в Америку.

— Очень интересно, — сказала Зося. — Вы смотрели «Мужчину и женщину»?

— Нет. Что это?

— Картина о настоящей, чистой любви, французская.

7

Владимир Ильич Ленин обогнал товарища Ярхо и первым подошел к двери подъезда. Давно не мытое стекло было серым, в подтеках от ноябрьских дождей.

— Кажется, казаков не видно, — сказал Ленин.

— И юнкеров тоже нет.

Ленин поправил повязку, скрывавшую половину лица, и надвинул кепку пониже на рыжий парик. Наверху хлопнула дверь. Телевизионная камера на площадке второго этажа стрекотала приглушенно, и в полутьме фигуры операторов казались привидениями.

— Пойдемте, товарищ Ильич, — сказал Ярхо, имитируя эстонский акцент. — В Смольном нас ждут.

— Да, уже пора.

Владимир Ильич осторожно распахнул дверь, и этот исторический жест моментально повторился миллионократно на экранах всех телевизоров Советского Союза и телевизоров прогрессивных европейских стран, включенных в систему Интервидения.

Холодная дождливая ночь схватила путников и понесла их к мосту, к Неве, к опасности и славе. Ярхо шагал впереди. Его широкие шаги были уверенны, но осторожны. Ленин шагал сзади. Повязка мешала ему смотреть и быстро намокла, отчего казалось, что к щеке приторочена мокрая тяжелая подушка.

Поздние зрители теснились на тротуарах, и шепот: «Идет!» перекатывался вперед, забегая за несколько кварталов.

Знакомая по книгам и кинофильмам фигура вождя в длинном узком пальто с бархатным черным воротником, в рабочей кепке и с подвязанной щекой — вождя, идущего взять в свои руки руководство восстанием, — ставила все на свои места.

Нарушая все правила мероприятия, путников обогнала телевизионная машина с вращающимся локатором на крыше. Она была кое-как замаскирована под катафалк, и цилиндры операторов и режиссера зловеще покачивались над темной улицей.

Длинное рыло камеры, высунувшееся с тылу катафалка, в последний раз дало на экраны крупным планом лицо Ленина. Зная, что его снимают, Владимир Ильич старался унять дрожь в плечах. Дождь пронизывал его до костей, и казалось, что ледяные капли стекали по печени. Заныл зуб. Еще позавчера жена настойчиво рекомендовала сходить к зубному, но в поликлинике ВТО запись была только на три дня вперед.

Ярхо отряхнулся и закурил, прикрывая огонек от ветра широкими ладонями.

— Спрячьте пачку, — сказал Ленин. — Кто пятьдесят лет назад курил «Беломор»?

— Нас не снимают, — сказал Ярхо. Он говорил уже без эстонского акцента. — Они поехали к вокзалу. Там сейчас начнутся бои.

— Прибавим шагу, — сказал Ленин. — А то разведут мосты.

— Нет. Сегодня ночью их держат путиловцы. Красная гвардия.

— Во сколько нам надо быть в Смольном?

— Пока есть время. Неплохо бы зайти куда-нибудь согреться.

— Вы с ума сошли. Этого же не было.

— А кто знает... В ту ночь мы за ними не наблюдали.

Ярхо выбросил окурок, и он внятно зашипел в черной луже.

Издалека зацокали копыта.

— А ну-ка, отойдите, Владимир Ильич, в эту подворотню. Похоже на казачий разъезд. Боюсь, не засекли ли они, эти троцкисты, вашу явочную квартиру.

— Ближе к тексту, — строго сказал Владимир Ильич, ныряя в темную подворотню. — Какие еще троцкисты? Лева должен сидеть в Смольном и руководить, пока меня там нет.

— Не может быть!

— Да и в самом деле не может быть. Решили обойтись без этой политической проститутки! Там Подвойский и Свердлов. Верные люди. Из ревизионной комиссии.

Казачий разъезд быстро проскакал мимо подворотни, и брызги, поднятые копытами коней, влетели, как от проезжающего автомобиля, в подворотню.

— Пойдем дальше?

— Пойдем. И осторожнее. Шутки шутками, а если мы попадемся на глаза казачьему патрулю, может получиться скандал.

На углу горел костер. Вокруг стояли красногвардейцы. Винтовки были сложены в пирамидку.

— Свои, — сказал Ярхо. — Еще через два квартала мост. А там до Смольного рукой подать.

— Скорей бы, — сказал Ленин.

Один из красногвардейцев повернулся на звук шагов.

— Кто идет? — спросил он.

— В Смольный, — ответил Ярхо. — Пароль — победа. Телевизионщики не проезжали?

— Нечего вам в Смольном делать, — сказал красногвардеец.

— Ты так не разговаривай, — стараясь быть вежливым, сделал замечание Ярхо. — Не знаешь, с кем говоришь.

— Знать не хочу, — сказал красногвардеец.

— А надо бы догадаться. Вас предупредить должны были.

— Знаешь что, — вдруг разозлился красногвардеец. — Вместо того чтобы нотации читать, предъявил бы документы.

Остальные красногвардейцы тоже повернулись к задержанным и внимательно прислушивались к разговору.

— Какие еще документы? — грозно спросил Ярхо. — Не может быть у нас документов. Мы же пароль сказали. И давайте в сторонку, не задерживайте. А то потом локти кусать будете, как в обкоме вызовут вас на ковер.

— Вась, а он тебя пугает, — сказал один из красногвардейцев.

Красногвардейцы довольно громко, не опасаясь казачьих патрулей, засмеялись.

Может быть, вся эта история и закончилась бы благополучно, не вмешайся в нее Владимир Ильич.

— Товагищи, — вдруг сказал он. — Я указываю вам на недостаток геволюционной бдительности. В тот момент, когда враг может победить, ваши гужья стоят незагяженные.

— А это что за маскарадная маска? — поинтересовался красногвардеец. — Зуб болит? Врезали?

— Товагищи! — уже громче сказал Ленин. — Я вам именем геволюции пгиказываю...

Он не договорил. Красногвардеец подошел к нему вплотную и сказал:

— Как будто они.

— Мы, мы, — поддержал его Ярхо, решивший, что его наконец узнали.

— И точно, — сказал второй красногвардеец. — Один высокий громила, он замок снимал. Второй, маленький, круглый, и пришил тетю Зою.

— И документов нет, — поддержал его второй.

— Вы же путиловцы! — успел крикнуть Ярхо, когда ему начали крутить руки.

— Мы не путиловцы, а ОБХСС, — ответил красногвардеец и показал под светом повязку с надписью «Дружинник» и без ятя на конце. — Нас вместо милиции здесь оставили. Не всем же в зрелища играть. Кому-то и работать надо. А то ваш брат под шумок тут такого натворит... Ну ладно, пойдем в отделение, там разберемся.

Тем временем другой красногвардеец всмотрелся в лицо Ленина и, ничего не разглядев, сказал товарищу:

— Включи-ка фонарик. Чтой-то лицо его мне очень знакомо.

— Я — Ленин, — сказал Владимир Ильич. Ему уже нечего было терять. Время шло, и в любой момент могло начаться восстание. «Вчера было рано, завтра будет поздно», — повторял он про себя.

Красногвардеец вонзил ему в лицо луч карманного фонарика. Ленин зажмурился. Одним движением красногвардеец сорвал с Ильича мокрый парик, повязку и, как назло, нижний парик с лысиной и бородку.

Человек, стоявший перед красногвардейцем, уже ничем не напоминал вождя революции.

— Обознался, — сказал красногвардеец. — А то чем-то показался похожим.

— Я — Ленин, — повторил вождь революции.

— А ты проходи, проходи. За Ленина ты еще дополнительно получишь. Таким именем не шутят, — сказал красногвардеец, подгоняя задержанных.

8

Часам к трем ночи Керенского вызвали на совещание кабинета министров. Он сказал Зосе, что постарается поскорее вернуться, и Зося пока, чтобы не заснуть завтра, в самый разгар событий, прикорнула на диванчике у гардероба. Там ее и нашел Боря Колобок, собиравший к себе командиров отрядов.

Ночь была злой и темной. С крыши Генерального штаба вырывались слепящие лучи прожекторов, ощупывали фасад Зимнего, пустые баррикады и елозили по площади, освещая овалами дождливую рябь луж. Несколько милиционеров, переодетых городовыми, но с красными повязками на рукавах, закрывали ворота в арке Генштаба. Ворота будут распахнуты в момент штурма.

Из окна комнаты Колобка было видно, как первые отряды рабочих и красногвардейцев подходят со стороны Исаакиевского и прячутся от дождя под промокшими, еще не совсем облетевшими деревьями.

— Докладывайте обстановку, — сказал собравшимся Колобок. Он был строг и подтянут и сильно отличался от давно знакомого и привычного Колобка.

— Мои юнкера уже собрались внизу, — сказал Симеонов. — Почти все. Человек пять отсутствуют, в основном по уважительным причинам. Загребин с завтрашнего дня уходит в отпуск, у него путевка есть — я его отпустил. У одного мать заболела. У Бугаева обострился радикулит.

— Как с оружием?

— Все в порядке. Двадцать винтовок, один пулемет. Четырнадцать охотничьих ружей. И выставка пистолетов из галереи нижнего этажа.

— Дудник, как у тебя?

— Свинец достали. Льем пули. К утру килограммов сто сделаем. Подгонять только трудно. Часть оружия семнадцатого — шестнадцатого веков.

— Мальчики, — сказала Зося, — вы с ума сошли. А если Антипенко узнает?

— Ничего не узнает, — сказал Извицкий. — Я позаботился. Мы с ним восемьсот грамм коньяку приняли за победу революции. Кстати, я пошел бы поспал. Все равно пушки мои без замков.

— Иди, — сказал Колобок. — Спасибо за службу. Как твои девчата, Зося?

— Всего по списку у меня восемьдесят человек. Сейчас в наличии сорок три. Сами понимаете, у кого дети, у кого еще что. Завтра, может, еще человек пятнадцать-двадцать подойдут. И все-таки вы, по-моему, зарываетесь. Что у вас, война, что ли? А вдруг кого-нибудь раните?

— Вот что, ты, Зося, не очень здорово информирована. Придется тебя просветить. Симеонов, будь другом, приведи пленного.

Зосе вдруг вся эта сцена показалась совершенно нереальной. Вот стоит ее хороший приятель, младший научный сотрудник Эрмитажа Боря Колобок, на нем офицерский — а может, это юнкерский? — мундир. На боку кобура. И говорит Колобок о патронах, винтовках и пленных. Может, у него не все в порядке? Позвонить куда-нибудь? Но Симеонов — он же серьезный парень, председатель месткома...

Симеонов втолкнул в дверь парня. У парня были связаны руки. Парень как парень. Брюки-клеш с «молниями» внизу, волосы ниже ушей и куртка без воротника. Приятный в общем парень.

— Посади его, — сказал Колобок.

Парень не спеша сел на пододвинутый стул. Юнкера пересели так, чтобы получше видеть пленного.

— Кончай баланду, — сказал парень высоким голосом. — Закурить лучше дай.

— Фамилия? — спросил Колобок. — Имя?

— Я ж говорил. А сейчас прошу по-человечески: дай закурить.

— Развяжи ему руки.

Парень потер онемевшие кисти и взял «Шипку» у Симеонова.

— Теперь говорить будешь?

— А чего говорить? Все и так знаете.

— Начнем сначала. Некоторые тут наши товарищи еще не все слышали. Как зовут тебя? Ну!

— Про Зою Космодемьянскую слышали, белые сволочи? — спросил пленный.

— Ладно, больше тебя слышали. И про Павлика Морозова, и про генерала Карбышева. А ты Ефимов Владислав, 1948 года рождения, проживаешь на Второй линии Васильевского острова. А если дальше все не расскажешь, морду набьем.

Колобок говорил серьезно, и парню это не понравилось.

— Не имеете права, — сказал он. — Сейчас не война, и вы не милиция.

— Что делал в Эрмитаже?

— Ничего.

— А ну-ка, Симеонов, покажи ему свою дуру.

Симеонов полез в обширный карман галифе и извлек оттуда злодейского вида пистолет времен Войны за испанское наследство.

— Мы тут шуток шутить не собираемся. И в милицию тебя сдавать не будем. Некогда. Так что отвечай: зачем в Эрмитаж пробрался?

Парень покосился на пистолет, затянулся и сказал:

— В разведке был.

— Вот так-то лучше. Кто послал?

— Ребята.

— Какие?

— Да чего вам говорить, все равно не знаете их. Ну, Колька Косой.

— И что узнать ты должен был?

— Я вам скажу, свои пришьют.

— Не пришьют. А не скажешь, мы пришьем. Сейчас у нас здесь действуют законы военного времени. Ты не смотри, что мы в юнкеров переодеты. Мы такие же советские люди, как и ты, только посознательней тебя. Отвечай, гад, пожалеешь.

И в голосе Колобка прозвучало настолько твердое убеждение в том, что пленный обязательно пожалеет, что парень опустил глаза вниз и спросил:

— А пытать будете?

— Пока без пыток обойдемся. А если будешь упрямиться...

— Ладно, скажу! Только чтоб наши не узнали. Послали меня на разведку, чтобы узнать, какие еще входы есть, чтобы не охранялись.

— Зачем?

— А нам сказали, что, когда Зимний возьмем, можно будет почистить. Как Суворов. Три дня на разграбление, молодые со-

колы. Вот мы и решили узнать, как скорей других к дворцу прорваться. Чтобы первыми. Тут, еще сказали, и бабы будут.

При последних словах пленного Зося вздрогнула. Ей все еще казалось, что происходит какая-то ошибка, недоразумение. Все выяснится, и этого милого юношу отпустят к маме...

— Какие бабы? — спросила Зося и не узнала своего голоса.

— Да такие, как ты, чтобы побаловаться. Ведь штурм же.

— Это же безобразие! Срочно нужно позвонить!

— Обсудим потом. Сядь, Зося, не мешай допрос кончить.

Зося огляделась. Лица юнкеров были серьезными. Никто не собирался шутить.

«Как же так, — думала Зося, — как же это может случиться на пятидесятом году советской власти, когда наш народ уже настолько воспитан и сознателен?»

— Давай дальше, выкладывай.

— А что выкладывать? Как я пробрался, меня ваши и взяли. Узнали. Бабка какая-то вредная, уборщица: «Ты, — говорит, — что делаешь?» Ну, я рванул по коридору, в каменный ящик спрятался, а там мертвяк лежит. Я дал голосу, меня и взяли.

— Ясно. И многие так думают, как ты?

— Да, считай, многие, — сказал парень. — А то чего бы мне спешить в разведку идти?

Парня увели.

— Теперь я хочу вам одну штуку показать, — сказал Колобок. — За мной!

У небольшого окна, выходящего в сквер у правого торца, Колобок остановился. В комнате не горел свет, и отблески прожекторов позволяли разглядеть то, что творилось на улице. Темные фигуры перебегали от дерева к дереву, устраиваясь в засадах поближе к боковому фасаду.

— Сюда, поближе, — сказал Колобок. — Видите?

Часть стекла была аккуратно вырезана и чудом держалась в раме.

9

Матросы завинчивали последние болты — крепили орудия к палубе. Кран подавал на борт тюки с листовками и бенгальскими огнями. «Аврора» выходила в Неву через час.

Капитан, из бывших особистов, сухой недоверчивый человек в больших круглых очках, вызвал к себе председателя судового комитета Грушева.

— Неприятно мне с вами разговаривать, — сказал он откровенно. — Всю жизнь я других драл, а пройдет каких-нибудь часа два, и меня самого возьмут как контрреволюционера.

— Ничего, — успокоил его Грушев. — Ради революции можно и пострадать. Дурного мы вам не сделаем. А как кинооператоры и журналистская сволочь отойдут подальше, отпустим.

Последний тюк с листовками Декрета о земле опустился на броневую палубу.

— Снаряды привезли? — спросил Грушев у капитана.

— Все сделано.

— Где лот и причиндалы?

— В шлюпке, все приготовлено. Как только выйдем к Балтийскому заводу, созовем судовой комитет, и я... — тут капитан сдержанно вздохнул, — тут я откажусь вести крейсер дальше. Под предлогом мелководья. И тогда вам придется на шлюпке выйти лотом промерить, вернуться и сообщить команде, что я... ну, в общем, что я антисоветский элемент.

— Контра, — вежливо поправил капитана Грушев.

— Эта самая. Вы в шлюпку сядете, плащ не забудьте — дождик.

— Нельзя — с вертолета телекамеры будут снимать.

«Аврора» дала длинный сигнал. На клотик вполз красный флаг. Крейсер восстал.

Прогулочный трамвай с интуристами некоторое время следовал за легендарным крейсером вверх по Неве, потом отстал — туристов повезли осматривать Кировский стадион.

Грушев заглянул в каптерку — взял у артельщика пачку сигарет. Он волновался. Тут же разодрал пачку и закурил. Именно в этот момент в каптерку ворвался матрос и крикнул, как положено:

— Измена! Капитан, мать его, не хочет дальше крейсер вести!

Грушев молнией взлетел на мостик. Капитан стоял, полузакрыв глаза, и рука его твердо лежала на машинном телеграфе. Стрелка телеграфа замерла на «самом малом».

— Что делаешь, капитан? — входя в роль, закричал Грушев. — Что делаешь, сволочь? Там наши товарищи гибнут!

От неожиданной ярости Грушева на мостике наступила гробовая тишина. И все услышали, как со стороны города доносятся частые выстрелы.

— Не могу, — ответил капитан. — Не могу быть предателем. Ведите крейсер. Глубины должны быть нормальными. Я вам как ветеран партии обещаю.

Грушев сделал вид, что не расслышал этого малодушного монолога.

— Сам пойду на шлюпке, — сказал он. — Промерим глубины. Судовой комитет берет власть в свои руки.

— Да я сам согласен, — упорствовал капитан. — Я же член партии с двадцать девятого года!

— Дура! — прошептал Грушев, когда матросы уводили капитана. — Дура, тебя же не посадят.

— Это как знать, — ответил капитан.

Телевизионный глазок, спрятанный в углу штурманской, неуверенно замигал. В эти минуты передача с «Авроры» была прервана.

Грушев молодецки вскочил в шлюпку. Гребцы уже сидели на банках и только ждали сигнала, чтобы рвануться вверх по течению.

— Вперед! — сказал Грушев. — Умрем, но исторический залп произведем!

Вертолет телевидения спустился совсем низко и снимал Грушева крупным планом.

— Лот давайте, — сказал Грушев. — Лот где?

— А черт его знает! — растерянно произнес рулевой. — Вроде только что здесь был.

— Что-о-о?

— Не знаю. Может, забыли в суматохе.

— Так как же мы промеры сделаем?

— А вы не волнуйтесь, товарищ Грушев, — сказал один из гребцов. Грушев его знал в лицо — гребец работал в районном отделе комитета. — Мы же так, для видимости...

— Точно, — добавил рулевой. — Сделайте вид, что опускаете. Только поскорее — с вертолета вроде бы машут. Им все равно в дожде не разглядеть.

Грушев наклонился над бортом и сделал вид, что опускает в воду веревку. Он не знал, каким бывает лот, но вернее всего — это и есть веревка. Серые волны плескались у самой руки. Над Ленинградом поднималось дождливое утро — седьмого ноября 1967 года.

— Ну, хватит, что ли?

— Хватит, — согласился Грушев. Его вдруг охватило разочарование. Главная часть роли была уже сыграна. В дальнейших событиях ему отводилась подчиненная роль. Для Грушева праздник кончился. Но секретарь райкома умел держать себя в руках.

— Заворачивай, — сказал он. — Пошли к Зимнему.

Через пять минут шлюпка причалила к борту. Машины крейсера заурчали, и он двинулся вверх по реке. Еще через пять-десять метров он сел на мель.

10

Заседание Временного правительства прервалось под утро. Керенский снял парик и вышел в коридор, вытирая им лоб. Свет юпитеров в зале заседаний был неприятен не только яркостью, но и тем, что превращал зал в баню.

Министры поспешили вниз, в буфет, операторы выключили свет и отвезли камеры по углам, а затем отправились по домам.

Керенский нашел Зосю дремлющей на диванчике. Во сне Зося показалась премьеру совсем девочкой, тоненькой и беззащитной. И черная куртка с черепом и костями на рукаве только подчеркивала ее беззащитность. Керенский надел парик и, нагнувшись, тихо и нежно поцеловал Зосю в лоб.

Зося почувствовала прикосновение запекшихся после долгих речей губ и открыла глаза. Глаза ее в полутьме были почти черными и совершенно бездонными.

— Это ты, Саша? — спросила она тихо и чуть хрипловато.

Керенский чуть было не возразил, но тут же вспомнил, что он не Яманидзе и не Нодар. Он — Александр.

— Ты так красиво спала, — сказал Керенский.

— Ой, не говори чепухи. Я страшная, как собака.

Керенский присел рядом на диванчик.

— Не вставай, — сказал он. — Еще есть время. Утро не наступило.

— Да, ты слышал? — спросила Зося, чуть отодвигаясь от Нодара. — Оказывается, в самом деле Эрмитажу грозит опасность.

— Колобок докладывал об обстановке на совете министров, — сказал Керенский. — Ничего страшного. Мы созвонились со Смольным — во всех наступающих частях будет проведен инструктаж. Очевидно, кое-кто без злого умысла слишком буквально понял свою задачу.

— Значит, ты полагаешь, ничего страшного?

— Самое страшное, — сказал Керенский, наклонившись к самой щеке Зоси, — самое страшное, что через час-два нам надо будет уже быть на своих местах, а что дальше... никто не знает.

Щека Зоси была горячей и мягкой со сна. Даже в полутьме Керенскому были видны отпечатки грубой ткани дивана —

красная сетка на щеке. Керенский наклонился еще ближе к щеке, и губы его легли на кожу Зоси так мягко и естественно, что Зося не смогла, да и не догадалась отодвинуться. Керенский повернул голову Зоси к себе так, что губы его оказались против ее губ, но в последний момент Зося успела чуть отодвинуть их в сторону, и Керенский поцеловал ее в глаз, запутался губами в распустившихся волосах, и Зося, окончательно проснувшись, зашептала быстро и сбивчиво:

— Ты с ума сошел, уйди, а то я позову кого-нибудь... уйди...

Губы Керенского наконец встретились с ее губами, какие-то секунды Зося еще крепко сжимала зубы, но вдруг помимо ее воли она сдалась, сдалась как-то сразу, она не укрывалась больше от его поцелуев, ей хотелось только, чтобы тот не отпускал ее и чтобы он не подумал уйти. Зося крепко прижала его к себе, и сквозь английское сукно защитного френча премьера Временного правительства она почувствовала тепло его спины, и широко открытый рот ее стал мягким и влажным.

Она еще успела шепнуть «не надо», но так тихо, что Керенский скорее мог понять совсем обратное, но в этот момент он вдруг поднял голову и, не отнимая руки от ее груди, сказал:

— Нам надо уйти отсюда. Здесь кто-нибудь может пройти.

Зося вскочила и застегнула черную кожаную куртку.

— Мы сумасшедшие, — сказала она. — Мы же только что познакомились и совсем не знаем друг друга.

— А разве надо знать? — спросил Керенский и, наклонившись, поцеловал ее уверенно и сильно. Именно так, как Зося этого хотела.

Они долго плутали по полуосвещенным коридорам, минуя спящих на раскладушках юнкеров и редких часовых, клевавших носом на перекрестках коридоров.

— Ты лучше знаешь эти места, — сказал Керенский. — Ты же здесь работаешь.

— Направо, сейчас направо, — ответила Зося, и ей стало стыдно, что она ведет по Эрмитажу чужого человека. Ведь она всегда была верна мужу. Она вдруг захотела сказать об этом Керенскому, может быть, для того, чтобы он оценил ее жертву, но она подумала, что Керенский отделается ничего не значащим междометием и будет еще хуже.

Перед кабинетом Антипенко Зося остановилась. Поняв, что ей не хочется самой предпринимать никаких действий, Керенский осторожно приоткрыл дверь. Дверь вела в предбанник к секретарше Антипенко, Раисе Семеновне, которая сейчас нахо-

дилась внизу, с другими женщинами ударного батальона. Клеенчатая дверь в кабинет Антипенко была заперта.

Керенский подошел к старинному кожаному дивану для посетителей и сел. Снял парик. Зося отошла к окну и посмотрела вниз, на площадь, где в рассветном тумане бродили часовые Красной гвардии.

— Иди ко мне, — позвал Керенский.

— Сейчас, — сказала Зося, но не двинулась с места.

Керенский встал и, подойдя сзади, обнял ее.

— Я хочу быть с тобой, — сказал он.

— Пойми, я никогда раньше... Нет, — сказала она твердо. — Нет, если это и случится, то не здесь и не сейчас.

— Именно здесь и сейчас. В ночь перед революцией. В Зимнем. И помни, кто я!

— Я не могу этого помнить. Я не знаю, кто ты. То ли последний премьер России по имени Керенский, то ли Саша, то ли актер Нодар Ямanидзе. А может быть, ты мне приснился?

Зося улыбнулась. Она повернула голову к Керенскому, и на мгновение упавший в окно свет прожектора очертил золотым контуром ее четкий профиль, длинную шею и светлые, коротко подстриженные волосы.

— Я никто, — ответил Керенский. — Я приснился тебе. И пусть это будет лучшая ночь в моей жизни. И в твоей.

Зося серьезно посмотрела ему в глаза, пытаясь увидеть в них нечто, неизвестное даже ей самой, но очень нужное, и, так и не поняв, нашла или нет, закрыла глаза, чтобы в тот же момент почувствовать на веках его губы.

Керенский отвел ее к дивану.

— Садись, — сказал он, и она послушно села, не открывая глаз. Она знала, что больше не принадлежит себе, а принадлежит тому человеку, который сегодня ночью первый и последний раз в жизни управляет судьбами великой страны. И хоть ладони ее встретили не ежик волос, а курчавые тугие завитки...

В этот момент Антипенко проснулся, зашевелился спросонья на составленных у него в кабинете креслах и громко выругался.

Он поднялся, опрокинул стул, уронил на пол чернильницу и в кромешной тьме принялся искать выход из тюрьмы, в которую его засадил коварный алкоголик Извицкий.

Он не знал, что грохот упавшего стула заставил любовников в предбаннике отпрянуть друг от друга, не знал и того, что этим спугнул затаившегося в углу лазутчика красных, не знал, что

разбудил этим грохотом караул у баррикад, не знал, что разбуженный караул у баррикад бросился к пулемету, не знал, что дежурный юнкер, кандидат искусствоведения Извицкий, решил, что началось, и пустил в воздух красную ракету, не знал, что, увидев ракету, пришли в движение цепи красногвардейцев, скапливаясь перед чугунной решеткой ворот арки Генерального штаба, не знал, что в ответ на красную ракету Извицкого взвилась такая же над Петропавловской крепостью и комендант ее, у которого остановились часы, решил, что восстание началось, и потому приказал пушке с Петропавловки дать сигнальный выстрел, не знал, что уже через минуту сидевший в полудреме у полевого телефона режиссер Ленинградского телевидения приказал включить все камеры, не знал, что еще через минуту телефон зазвонил в сонном здании Смольного, который не был еще готов к восстанию, не знал, что Свердлов приказал Подвойскому срочно мчаться на площадь и остановить этих идиотов, не знал, что этим начал Великую Октябрьскую революцию. На три часа раньше установленного срока.

11

— «Аврора»? «Аврора»! «Аврора»! — надрывался телефонист. — Не отвечает, Яков Михайлович, — сказал он, оборачиваясь к Свердлову.

— Странно, — сказал Свердлов. — Они должны быть уже на месте. Что бы могло приключиться?

— Подвойский на проводе! — крикнул другой телефонист.

— Ну-ка, дай трубку, — сказал Свердлов. — И скажи кому-нибудь принести черного кофе. Покрепче. Подвойский? Ну что там у тебя? Уже пошли? Как так — не остановить? Да ты понимаешь, что «Аврора» еще не стрельнула? Ты понимаешь, чем это для тебя пахнет? Как минимум бюро обкома. Ладно, действуй. «Аврору» беру на себя.

Свердлов прошел к двери в другую комнату Смольного. В коридоре, в котором не успели сменить светильники на более старые, озаренные холодным светом люминесцентных ламп, стояли и сидели крестьяне, матросы и солдаты, в основном делегаты съезда, который должен был открыться вечером. Они ждали Ленина.

Революционеры Дыбенко, Крыленко и Коллонтай из Театра юного зрителя выскочили из двери напротив.

— Что творится! — сказала Коллонтай. — Что творится! «Ав-

рора» не стреляет, Ленин пропал, и восстание началось на три часа раньше времени. Ведь весь Ленинград еще спит.

— Знаю, — отрезал Свердлов. — Дублер Ленина скоро приедет?

— Будят. Сильно пил вчера. День рождения у жены.

— Разбудить любой ценой и загримировать.

— Яков Михайлович! — высунул голову телефонист. — Есть связь с «Авророй»!

— Ну что там еще у вас? — спросил нервно Свердлов. — Где пропали?

— Понимаете, какая оказия, Яков Михайлович, — сказал в трубке глухой голос. — На мель мы сели. Надо буксир вызвать. Видно, фарватер за пятьдесят лет изменился.

— Так у вас же лот...

— Мы не думали. Да и пока не страшно. Буксир мы уже вызвали из Кронштадта. Часа через два будет. Так что мы успеем.

— Чего успеете? Восстание началось!

— Рано еще.

— Сам знаю, что рано. Замерзли, промокли, вот и поддались на провокацию. Вот что, «Аврора», стреляй прямо сейчас. Потом разберемся, где стояла.

— Не получится. Нас бортом развернуло, а пушка новая, не поворачивается. В ней все электронщики рассчитали, чтобы в какой другой дом не попасть. Так что ждем буксир. Все. До связи.

— Стреляй, мать твою! — совсем рассердился Свердлов.

12

Зося выбежала из дворца. В узкой щели между Эрмитажем и баррикадой уже толклись растерянные, но настроенные решительно юнкера.

— Где твои девчата?

— Сейчас разбужу.

Зося метнулась обратно во дворец и пробежала по широкой лестнице. Скорее! Она успела через баррикаду бросить взгляд на толпу у арки и первые цепи, поднимающиеся в атаку от Адмиралтейства. Цепи были черными, страшными и безликими. Они хотели взять Эрмитаж, разгромить его, а главное — убить Сашу. Зося забыла о том, что, по плану, у заднего входа должна стоять машина под посольским флагом иностранной державы. Да если бы она и вспомнила об этом, вряд ли это изменило бы ее реши-

мость отстаивать Зимний. Саша в любом случае подвергался опасности.

— Вставайте, девчата, — трясла Зося подруг. — Вставайте. Началось!

— Ты с ума сошла, — сказала Раиса Семеновна. — Еще такая рань на дворе. Они нас раньше вечера взять не должны. Да и «Аврора» еще не стреляла.

— Прежде времени началось, — сказала Зося. — Нам от этого не слаще.

Ворча, ударницы поднимались с раскладушек, натягивали куртки и шинели, разбирали винтовки.

Вбежал Колобок.

— Патроны к винтовкам в ящиках в вестибюле! — крикнул он. — Там же инструктор. Научит, как пользоваться.

Кто-то нервно рассмеялся.

— Гражданская война начинается?

— Ну скорее же, девочки, милые! — умоляла Зося. — Скорее!

Она вернулась на улицу раньше девчат. За эти минуты цепи нападающих значительно приблизились.

Баррикада молчала.

Выбегая на улицу, ударницы сливались с мглой, окунались в сумятицу прожекторных побледневших лучей, криков и отдаленного барабанного стрекота.

С площади ударил пулемет.

— Прячься! — крикнул Симеонов, складывая свое крупное тело за ящиком из-под карамели «Апельсиновые».

— Чего прятаться? — не унималась Раиса Семеновна. — Мне интереснее посмотреть. Сейчас, наверное, «Аврора» будет стрелять. Ведь интересно же.

И как бы в ответ на ее слова над рекой, над городом глухим раскатом ударила трехдюймовка. Где-то далеко в стороне от Зимнего вспыхнул столб огня.

— Ой, красиво, девочки! — сказала Раиса Семеновна.

И тут же упала, сраженная самой настоящей пулеметной пулей.

В то время защитники Зимнего, окружившие Раису, не знали, что единственный снаряд, выпущенный так неудачно севшей на мель «Авророй», попал по несчастливой случайности в левое крыло Смольного, где находилась телефонная станция.

С этой минуты Смольный был отрезан не только от площади Зимнего дворца, но и от обкома.

Зося в ужасе наклонилась над Раисой. В синем утреннем

свете видно было, как на груди ее, сдавленной шинелью, выступает кровавое пятно.

Кто-то заплакал. Кто-то прошептал: «Хулиганы».

Колобок, появившийся из тумана, сказал авторитетно:

— Два юнкера. Ко мне. Отнести раненую.

Раиса застонала.

— И не разбегаться! — прикрикнул на женский батальон Колобок. — Вас же по одной выловят. Кто не взял еще патроны, получите.

— Какое безобразие! — услышала рядом Зося голос.

Керенский, скрестив руки на груди, стоял за ее спиной. Три или четыре министра, сопровождавшие его, невыспавшиеся, помятые, со стершимся гримом, в покосившихся бородах и бакенбардах, казались запуганными и неуверенными в себе.

Керенский нашел глазами Зосю и подмигнул ей. Подмигивание вряд ли было в тот момент к месту, но Зося вдруг почувствовала себя увереннее.

— Граждане свободной России! — воскликнул Керенский так, что его услышали даже на дальних концах баррикады. — Заговорщики хотят нас лишить великих завоеваний революции. Родина в опасности! Вы здесь — последний оплот свободы! И именно от вас, товарищи, зависит, спасем ли мы величайшие сокровища Эрмитажа, принадлежащие трудовому народу!

— Ура-а! — рявкнули юнкера, охваченные благородным порывом.

— Ура-а-а!!! — раскатилось в ответ по площади. Цепи восставших бежали к Зимнему.

— По противнику, над головами, кто из чего может, дружно, а-гонь! — крикнул Симеонов, поднимая пистолет шестнадцатого века.

Баррикада ощетинилась вспышками выстрелов.

Первая цепь остановилась и залегла.

— Сволочи! — послышалось оттуда. — Гады!

— Не снижайте революционной бдительности! — призвал обороняющихся Керенский и, резко повернувшись, ушел во дворец. На ходу он сказал Милюкову: — Сильно надеюсь на конницу генерала Краснова.

И эти его слова, разнесшиеся от человека к человеку по баррикаде, внушили веру в свои силы немногочисленным юнкерам.

Эти слова были тем более нужны, потому что от арки Генштаба кто-то авторитетным голосом через репродуктор уже грозил

административными и прочими мерами чересчур отважным юнкерам.

Утром Коган успел забежать домой. Выкроил минутку. Он полагал, что домашние спят. Ночь прошла в помещении ЦК партии Бунд сравнительно спокойно — к двум часам закончились прения, признавать или не признавать большевиков, и в конце концов приняли нейтральную резолюцию, призывающую подчиниться Учредительному собранию. А так как телевизионных камер на партию Бунд не хватило, то члены ЦК мирно улеглись спать, а Коган успел даже забежать домой, потому что он жил через дорогу.

Но жена не спала.

— Аркадий, — сказала она, — ты с ума сошел. Ты бегаешь по улицам, как мальчишка, в тот момент, когда уже стреляют.

— Ничего страшного. Вскипяти мне какао, — ответил Коган, кладя на стол толстый портфель с документами партии Бунд. — До начала всех этих представлений еще несколько часов. Да и, в конце концов, наша роль очень второстепенная — как ни ляжем, нас все равно поимеют.

— Мне уже соседка говорила, что из вас сделают козлов отпущения, — откликнулась жена из кухни.

— Это как так?

— Если людям дали какое-никакое оружие и выпустили их на улицы кого с красным флагом, а кого с иконой, это плохо кончится только для евреев.

— Я бы сказал, что ты оппортунист, Роза, — ответил Коган, садясь за стол. — В нашей партии есть товарищи из райкома. А среди черносотенцев их еще больше. Это специально сделано, чтобы держать массы под контролем. И в конце концов, если ты так волнуешься, я могу тебе рекомендовать на сегодня уехать к сестре в Репино. Там нет никакой революции.

— А тем временем с тобой кто-нибудь сведет личные счеты, и меня не будет рядом, чтобы перевязать тебе кровавые раны.

— Роза, ты с ума сошла! Ты забыла, что сегодня — пятидесятый год советской власти и это не революция, а мероприятие.

— А ты знаешь, что соседский Коля говорил своей маме, что они в самом деле собираются почистить Зимний дворец?

— Никто им этого не позволит. На это есть жандармы и народные дружинники...

Но договорить Коган не успел. Далеко бухнула пушка с Петропавловки, и в форточку квартиры на улице Герцена ворвалось

раскатистое «ура». Это пошли на первый штурм цепи на Дворцовой площади.

— Ну вот, — сказала жена, и крупные слезы навернулись ей на глаза. — Теперь совсем будет плохо.

— Ошибка какая-то, — сказал Коган, так и не допив какао. — Это не может быть восстание. Это, наверное, генеральная репетиция.

— Дай-ка я включу телевизор, — сказала Роза. — Нас же должны, в конце концов, информировать.

Но экран телевизора только зашипел и пошел серыми линиями. Передач не было.

— Надо идти, — вздохнул Коган. — Я должен быть с партией.

— Ты с ума сошел, Аркадий, — ответила Роза. — Я запру тебя на ключ. Зачем ты хочешь рисковать своей жизнью? Разве ты мальчишка?

— Роза, ты не понимаешь, мое участие в Бунде — мой партийный долг. Если я брошу партию на произвол судьбы, то кто поручится, что завтра я не брошу в тяжелом испытании и Коммунистическую партию?

Коган хлопнул дверью и ушел, так и не добившись взаимопонимания с женой. Коган спускался по лестнице, и его тревожили мрачные мысли. Любое мероприятие должно идти по плану. И если оно вдруг идет не по плану, значит, случилось нечто отрицательное, непредвиденное. Но что?

Коган постоял за углом, пережидая, пока проедет казачий патруль. «Странно, — подумал он, — если началось восстание, то весь город уже должен быть в руках восставших».

Убедившись в том, что рассветная улица пуста, Коган быстренько добежал до помещения районной заготконторы, переданной бундовцам. Там его уже ждали.

— Коган, ты знаешь, что уже случилось? — спросил Паплиян, направленный в Бунд не по национальной принадлежности, а в порядке партнадзора.

— Началось?

— Я пытался созвониться со Смольным, а они молчат.

— Как так?

— Есть подозрение... — Паплиян наклонился к самому уху Когана. — Есть подозрение, что «Аврора» попала своим снарядом в Смольный! Тшшш!

— Как узнал?

— Есть источники.

— И жертвы?

— Неизвестно.

— А как Ленин?

— Никто его не видел.

— Так. — Коган сел на потертый стул и опустил седеющую голову на ладони.

Зазвонил телефон.

— Я сам возьму, — сказал Коган. — Может, это Смольный.

— Говорит Государственная Дума, — сказал голос в трубке. — Большевикам пока не удалось взять Зимний. Вокзалы тоже в наших руках. Предлагаем подчиниться Временному правительству.

Раздался щелчок. На том конце линии упала трубка.

— Кто?

— Государственная Дума, — сказал Коган. — Ничего не понимаю. Предлагают подчиниться Временному правительству.

— Может, так надо? — спросил Грот.

— Не знаю.

— Ведь Бунд всегда был оппортунистической партией. И даже поддерживал Временное правительство.

— Я пойду, — сказал Паплиян. — Постараюсь проникнуть в Смольный или даже прямо в обком. Пусть дадут указания.

— Ладно, иди. А мы пока...

— Пока действуйте в соответствии с исторической правдой. Бунд поддерживал Временное правительство. Ну и вы поддерживайте. Только не очень активно. В общем сидите здесь и ждите.

Паплиян накинул плащ-болонью и собирался уже идти, как его остановил Грот:

— Так не получится. Несоответствие. Возьмите зипун. У нас есть один. Чтобы народ не узнал.

Когда Паплиян ушел, Коган сказал:

— И может, к нам будут врываться?

— Кто?

— Черная сотня. Или, наоборот, красногвардейцы. Ведь никогда не скажешь, кто к нам хуже относится.

Грот склонил яйцеобразную лысую голову и сказал:

— В этом есть правда. Мы будем делать баррикаду.

Стащили к входной двери все столы и шкафы. После этого члены ЦК почувствовали себя спокойней. По крайней мере голыми руками их уже не возьмешь.

Снова зазвонил телефон.

— Это партия Бунд? — спросила трубка.

— Да, — ответил Коган. — Это наша партия.

— Говорит Викжель.

— Какой Викжель?

— Комитет железнодорожников. Мы в соответствии со сценарием отказались поддерживать связь с Москвой. Мы сейчас обороняемся от матросов и Красной гвардии. Нужна помощь. Вы могли бы нам прислать человек сто дружинников?

— Вы с ума сошли! — возмутился Коган. — Мы мирная партия. У нас есть только Центральный комитет, и в нем семь человек. Восьмой ушел за инструкциями в обком.

— Какой обком? — поинтересовалась трубка.

— КПСС!

— Дорогой товарищ, обкома КПСС не существует. Пока власть еще в руках Керенского.

13

К десяти утра атаки красногвардейцев стихли. Уже три раза цепь их накатывалась на баррикады и трижды отступала. Причиной тому было и упорство защитников, и разрозненные бестолковые действия руководителей наступления.

Подвойский и Антонов-Овсеенко, которые должны были возглавить штурм на площади, этого сделать не смогли. По той причине, что Антонов-Овсеенко, полагая, что раньше десяти часов его услуги не понадобятся, засел у своего приятеля, актера Ленфильма. А Подвойский, не имевший до того никакого военного опыта, узнав, что на Дворцовой площади вправду стреляют, на первой же электричке уехал в Выборг искать дыру в советско-финской границе.

Из Смольного, поврежденного неудачным выстрелом «Авроры», не поступало никаких конкретных указаний. Общую суматоху увеличили туманные слухи о том, что убили Ленина. Слухи эти проникли на площадь еще на рассвете и упорно циркулировали среди частей путиловцев и военных моряков, несмотря на уверения инструкторов обкома, что такого быть не может, потому что Ленин вечно жив, а если что, то лежит в Мавзолее.

В девять часов начало работать телевидение и Интервидение. Телевизионные комментаторы читали текст по заранее заготовленным сценариям, показывали заранее снятые кадры, и потому телезрители, смотревшие на голубые экраны, часов до одиннадцати были полностью уверены в том, что восстание развивается именно так, как ему положено развиваться. На экранах темнела гордая «Аврора», демонстранты сталкивались с полицией, революционные солдаты в Гатчине отражали очередную атаку частей генерала Краснова. Все это было как на самом деле и очень интересно. То, что Смольный был отключен от передач, вряд ли вызывало у кого-нибудь удивление — съезд Советов начнется только вечером.

Колобок зашел в вестибюль проведать раненых. Их набралось уже человек десять. Несмотря на многочисленные звонки в милицию, с площади продолжали стрелять боевыми патронами.

Две девушки из ударного батальона переквалифицировались в медсестер.

— Крепитесь, — сказал Колобок. — Крепитесь... граждане. Ваша кровь не пропадет задаром.

«Ну и чепуху я несу, — подумал Колобок. — Людям же больно».

По коридору пронесся Керенский. Он тащил полевую рацию. Эту рацию юнкера захватили у нападающих в отважной и короткой вылазке.

Зося, измазанная грязью — ее швырнуло на землю воздушной волной, когда кто-то бросил за баррикаду гранату, — шла за Керенским.

Рацию установили в зале заседаний совета министров. Министров оставалось вдвое меньше, чем раньше. Пять человек убежали из Зимнего на машине с иностранным флагом. Машина предназначалась для Керенского, но тому и в голову не пришло воспользоваться ею. Впрочем, может, и к лучшему. Машина в районе Пулковского аэропорта была задержана кордоном КГБ, и министры, жестоко избитые, были увезены в неизвестном направлении.

Недавно Керенский имел беседу с Колобком. Тот провел Керенского по залам. В зале Рембрандта окно было разбито камнем или пулей на излете и капли дождя подбирались к «Автопортрету с Саскией на коленях». Другие окна тоже пострадали.

После этого разговора Керенский надвинул парик пониже на лоб и взял винтовку. Идея с рацией принадлежала ему. В распоряжении генерала Краснова, который рвался к Петрограду под тщательным наблюдением кино- и телевизионных камер, находилось несколько дисциплинированных батальонов — курсанты мореходки имени Макарова и электронный факультет Инженерной академии.

Колобок догнал Керенского и Зосю уже в зале заседаний.

С помощью радиолюбителя Извицкого они установили рацию и старались выйти на связь с Красновым.

В комнату вбежал окровавленный юнкер.

— Они ворвались с фланга!

— Откуда?

— Со стороны Адмиралтейства. Там большие окна.

— Вперед! — приказал Колобок.

Он несся по коридорам, тормозя каблуками на поворотах. Сзади стучали шаги Керенского, Извицкого, Зоси и юнкера. По дороге к ним присоединились некоторые легкораненые.

Они успели вовремя. В Зимний прорвалась небольшая группа матросов. Вместо того чтобы развивать прорыв, матросы занялись стаскиванием гобеленов. Это промедление их и погубило. Колобок снял очередью из автомата первого из матросов. Второго свалил Извицкий.

— Гады! — кричали, убегая, матросы. — Мы еще с вами посчитаемся. Ни один живым не уйдет!

— Это точно, — согласился Извицкий, закладывая в кобуру пистолет. — Нам придется держать Зимний, пока не придет помощь.

— Откуда ей быть? — сказала Зося. Ей хотелось плакать. Ей было страшно.

— Без паники, — рассердился Керенский. — Сейчас мы свяжемся с Красновым.

Они возвращались по сумеречному коридору. Пустынный коридор медленно разворачивался навстречу. Со стен мрачно смотрели полководцы Отечественной войны. Орденские звезды слабо светились на темных мундирах.

Керенский взял Зосю за руку. Колобок покосился на них и тут же деликатно отвернулся. Хотелось спать. Со стороны фасада трещали пулеметы.

Колобок подумал: какое счастье, что нападающие придерживаются сценария и штурмуют дворец в лоб. Иначе бы не устоять — защитников мало, оружия и патронов почти нет.

— Ах ты, господи! — с отвращением произнес Керенский, когда они вернулись в зал заседаний. Министры, люди штатские и не терпящие кровопролития, окружили вернувшихся из карательной экспедиции и засыпали их пустыми и нервными вопросами.

— Вот что, — сказал Колобок, — совет министров попрошу следовать за мной. Можете считать себя мобилизованными в ополчение. Оружие возьмем у раненых. Будете защищать фасад.

— Это нарушение демократии, — сказал Милюков.

— Без разговорчиков! — вспылил Керенский. — Я, председатель совета министров, не гнушаюсь носить в руках оружие. Граждане свободной России...

Зосе показалось, что из глаз Саши вылетели две молнии и поразили на месте министров.

— Граждане свободной России! Революция в опасности!

Пораженные силой, изливавшейся от Керенского, Милюков и Гучков бросились к двери. Они спешили получить оружие.

Вернулся Извицкий.

— Несладко там, на площади. По-моему, они откуда-то откопали «катюшу».

— Давай быстро, ищи Царское Село.

Колобок подошел к окну. В самом деле, от Невского медленно ехала, окруженная солдатами и матросами, старая «катюша». Видно, осаждающие взяли ее в Артиллерийском музее.

— Всем уйти с верхних этажей, — приказал Колобок. — Укрыться за мешками и ящиками. Приготовить огнетушители.

Дежурный юнкер побежал выполнять приказание, а Колобок остался стоять у окна, одним ухом прислушиваясь к настойчивым призывам Извицкого о помощи. Вокруг «катюши» между тем разворачивалась какая-то свалка. Сначала Колобок подумал, что откуда-то пришла помощь Зимнему, но тут же понял, в чем дело: это были кинооператоры. «Катюша» нарушала им весь антураж. Операторы требовали убрать «катюшу» с площади и продолжать штурм средствами семнадцатого года.

Колобок не видел деталей и подробностей — только мелькали руки, и даже девятикратный морской бинокль, случайно оказавшийся в зале заседаний, не мог помочь. И Колобок только угадал, что свалка закончилась тем, что «катюша», поврежденная, но еще боеспособная, снова двинулась вперед.

Защитники дворца не знали, что в свалке у «катюши» полегли основные кадры кино и телевидения. С этого момента репортаж с Дворцовой прекратился.

14

В 13.30 Зимний установил связь с батальонами генерала Краснова. Это случилось через несколько минут после того, как ударный батальон Зоси в неполном составе отчаянным броском прорвался к «катюше» и вывел ее из строя. Батальон потерял тридцать четыре человека убитыми, ранеными и уведенными

путиловцами в плен на поругание. Зося, раненная в руку и голову, лежала на раскладушке в переполненном лазарете. Рядом, закрыв глаза, потихоньку стонал министр Милюков. Он проявил храбрость, туша пожар на третьем этаже от попадания снаряда «катюши».

Зимний держался...

— Зимний? — удивился генерал Краснов. — Вы еще держитесь? До меня дошли слухи, что штурм начался на рассвете. Я уж думал сворачивать наступление. А то трудно удержать моих мальчиков. Они вошли в раж и еще немного — в самом деле прорвутся к Ленинграду.

— Планы изменились, — сказал Керенский. — Властью Временного правительства приказываю немедленно двинуть вперед все ваши части. Революция в опасности!

— Да, но у меня нет указаний из обкома.

— Дело сейчас не только в указаниях. У нас половина личного состава — раненые и убитые. Патроны кончаются. И без шуток! Если вы генерал Краснов, то выполняйте свой долг. Вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы прорваться к нам.

— Да я не Краснов, — сказал генерал. — Моя настоящая фамилия Перепелкин. Я преподаю химию и обществоведение.

— Тем более. Тогда я повторяю: товарищ Перепелкин, забудьте о том, что вы Перепелкин. Вы сейчас — Краснов, и от вас зависит судьба революции.

— Ничего не понимаю, — сказал Краснов.

— И нечего понимать. Подчиняйтесь.

— Слушаюсь, — сказал Краснов.

— Проверю через час. В случае чего будем судить по законам военного времени.

Керенский бросил трубку и уже привычно отер париком пот со лба. Зазвонил телефон.

— Говорит Викжель. Мы еще держим Московский вокзал.

— А мы держим Зимний, — ответил Колобок.

— Нам бы подкинуть подкрепление.

— Не можем. Защищайтесь сами.

Керенский потуже натянул парик и спросил у Колобка:

— Интересно, как там Государственная Дума?

— Никаких сведений.

— Не послать ли нам разведку? — спросил Керенский. — Мы же не знаем, что творится в Петрограде. Может быть, положение еще не плохо. Может быть, где-нибудь еще есть порядок?

— А кого послать?

— Симеонов пойдет. Верный человек.

Керенский нахмурился.

— Где-то здесь должен крутиться наш Розенталь.

— Какой еще Розенталь?

— Он отвечает за нас, за Временное правительство. Довольно деятельный мужичок.

— А где он прячется?

— Знаю где, — сказал Гучков. — Он санитаром у нас в госпитале.

— А ну-ка, кликни его.

15

...Керенский проводил разведгруппу до самых боковых дверей, выходящих на Летнюю канавку. Розенталь и Симеонов, одетые солдатами, в высоких потрепанных папахах, неловко замялись перед дверью, пока пожилой юнкер из хозуправления перебирал ключи, отыскивая подходящий.

— Ну, во имя свободы! — сказал Керенский. — Попытайтесь пробраться в Смольный, может быть, в обком. Главное, это касается вас, Симеонов, побывайте в Государственной Думе.

— Ясно, — сказал Симеонов. Он почему-то завязал один глаз черной, сомнительной чистоты повязкой. — Постараемся.

— У меня большие связи в Думе и обкоме, — сказал Розенталь. — Все будет в порядке.

Розенталь первым проскользнул на улицу. Симеонов раздвинул створки двери объемистыми плечами, последовал за ним.

— Сбегут, — сказал юнкер с ключами. — Обязательно сбегут. Особенно этот шустренький.

— Мы вынуждены идти на риск. Людей мало.

Керенский поднялся в госпиталь.

Зося не спала. Она узнала его по походке и сама удивилась, как много успела узнать об этом человеке за одни сутки.

— Как тебе? — спросил Керенский, присаживаясь на кончик раскладушки.

— Не опрокинь меня, — постаралась улыбнуться Зося. — А вдруг я останусь калекой?

— Не говори глупостей, — сказал Керенский. — В новой России будет много хороших врачей. И все они будут счастливы поставить тебя на ноги.

— Ради тебя?

— Ради тебя самой. Твое имя напишут золотыми буквами...

— Кончай, Саша, без громких слов. Все это кончится строгачом. Если не хуже.

16

В два часа Коган собрался было пойти пообедать, но Грот его отговорил.

— На улице все время скачут какие-то казаки и анархисты. Я пытался добежать до угла купить сигарет, но не смог. Они шли с черным знаменем.

— Казаки?

— Нет, анархисты. И еще они кричали: «Да здравствует Учредительное собрание!»

— М-да... Зимний еще держится?

— Стреляют.

— Стреляют-стреляют. Вы мне скажите, откуда не стреляют? Паплиян так и не вернулся.

И как бы в ответ на слова Когана кто-то постучал в дверь.

— Кто там?

— Свои, — ответил глухой голос.

Коган посмотрел на Грота. Грот — на Когана. Из соседней комнаты вышли остальные бундовцы.

— Что будем делать? — спросил Коган.

— Да это же я, Паплиян. И со мной еще один товарищ.

— Паплиян? А как мое имя-отчество?

— Да Коган, Аркадий Аркадьевич. Что еще за штучки-мучки?

— Отодвигай, — сказал Коган. — Если Паплияна не взяли в плен, то это он.

Бундовцы отодвинули шкафы, и в комнату вошел Паплиян. За ним робко скользнул и остановился в уголке небольшой человек, закутанный в башлык поверх солдатской папахи. Из-под башлыка выглядывали толстые запотевшие очки. Человек снял очки и протер их полой шинели.

— Познакомьтесь: товарищ Розенталь. Из Зимнего, — сказал Паплиян.

— Из Зимнего? Разве в Зимнем еще не большевики?

— Если помощь не придет вовремя, то будут большевики.

— Я был в обкоме, — вставил Паплиян. — Там товарищи держат связь с Москвой. Принято решение не завершать штурма, пока не начнется съезд Советов. То есть до ночи. И еще... —

Паплиян оглянулся — вроде бы свои? — и еще говорят, пропал Ленин.

— Что?

— Никто не знает, где Ленин. Юнкера его не задерживали. Больше того, «Аврора» на мели.

— Она же стреляла.

— Не туда. Она попала в Смольный.

— Вот дела, — сказал Коган.

— А пока, — вставил человек из Зимнего, который был Розенталем, — пока наш долг — удержать Зимний.

— Да, — подтвердил Паплиян. — В обкоме тоже так думают. По крайней мере пока не загримируют нового Ленина. Или не найдут старого.

— А если нет?

— Тогда... — Паплиян перешел на громкий шепот, — решено вызвать Кантемировскую дивизию и кончить дело.

— А что мы можем сделать? — удивился Коган. — Мы же маленькая партия и совсем не пользуемся влиянием в массах.

— Сколько у вас здесь людей?

— Меньше десяти, — ответил Коган. — И в большинстве своем освобожденных от воинской повинности.

— Защищать Родину — долг каждого гражданина Советского Союза, — строго сказал Розенталь. — Оставьте здесь одного человека у телефона, а остальные пойдут со мной к Государственной Думе.

В голосе Розенталя звучала сталь. Центральный комитет партии Бунд надел пальто и галоши и, взяв в руки зонтики, пошел к Государственной Думе.

На улице было холодно и промозгло. Розенталь думал о Симеонове, который пошел в Смольный и исчез. Розенталь прождал его минут пятнадцать, скрываясь за углом Смольного института, но так и не дождался. Или Симеонова взяли, или он изменил.

На опустевшем Невском, неподалеку от Думы, бундовцев остановил казачий патруль.

— Нам в Думу, — сказал Розенталь. — Я из Зимнего, а эти товарищи, то есть граждане, из партии Бунд.

— Не положено, — сказал казак. — Давай отсюда. Тут уж были добровольцы. Старались проникнуть.

— Что там у вас? — спросил молодой жандармский урядник.

— Просятся в Думу. А может, с бомбами.

— У меня есть мандат, — сказал Розенталь. — От Керенского.

— А ну покажи.

Розенталь долго распутывал башлык, чтобы забраться за пазуху. Члены Бунда переминались с ноги на ногу под пристальными взглядами казаков.

— Вот, — сказал Розенталь наконец. — Подписанное товарищем Колобком. Комендантом Зимнего.

— У вас там должен адмирал один быть. Иван Сидорович, — сказал урядник, разворачивая мандат. — Он с моей мамашей из одной деревни.

— Его нет, — сказал Розенталь. — Я его знаю. Он в самом деле из райкома. Он написал большой донос на гражданина Керенского и сам повез его в Москву.

— Ну-ну, — сказал урядник. — Он уже тогда дерьмом был. На отца написал, раскулачили. А вам чего в Думе?

— Зимнему плохо. А сдавать его нельзя.

— Это точно! — сказал урядник и пропустил делегатов.

Около Думы шла небольшая демонстрация правых сил, направленная в поддержку существующего режима. Казаки и полицейские равнодушно смотрели на демонстрацию. Они послушно охраняли врагов революции, но больших симпатий к ним не испытывали, как не испытывали к контрреволюции симпатий и сами демонстранты — на девяносто девять процентов члены профсоюзов, ДОСААФ и Общества охраны памятников.

Розенталь велел своим бундовцам заняться поисками оружия, а сам поднялся в зал заседаний Думы. В этот момент депутат от меньшевистской фракции призывал покончить с кровопролитием. Розенталь послушал немного горячую речь меньшевика и подумал, что тот говорит дело. Слева зашикали — центр и правые скамьи аплодировали.

Розенталь обогнал следующего оратора и взбежал на трибуну.

— Вы кто такой? — спросил председатель.

— Я делегат Зимнего, — сказал Розенталь.

И слова эти произвели гипнотизирующее впечатление на Думу. Такое выступление не было запрограммировано, ни слова о нем не было в программках, задолго до этого розданных депутатам.

— Граждане свободной России! — неожиданно для самого себя словами Керенского начал свою речь Розенталь. — Зимний в опасности! Вы не имеете права повторить ошибку семнадцатого года!

«Что я говорю? — мелькала между тем в его голове мысль. —

Меня же возьмут прямо здесь, в зале». И Розенталю хотелось остановиться и убежать из зала, но ни остановиться, ни убежать он не мог. Если бы его попросили объяснить, почему же он этого не сделал, он развел бы руками, потом снял толстые очки, протер стекла и сказал бы: «Знаете, такие бывают в жизни случаи...»

— Там, в двух шагах отсюда, гибнут, защищая сокровища Эрмитажа, ваши товарищи. Раненые и убитые девушки и женщины, молодые люди — кандидаты и доктора наук, престарелые профессора — все встали на защиту Зимнего. Сам товарищ Керенский с винтовкой в руках отражает беспрерывные атаки под огнем противника. Только час назад одна из лучших женщин Зимнего, командир женского ударного батальона, замечательный общественник, мать и жена, была тяжело ранена, отбивая у врага «катюшу», из которой было сделано несколько роковых выстрелов по Зимнему, в результате чего безвозвратно испорчена картина Тинторетто «Снятие с креста».

Негодующий шум прокатился по залу. Через полчаса Розенталь увел к Зимнему всех правых и центристских депутатов.

17

Уже стемнело, и Керенский, на минуту отойдя от баррикады, забежал в здание напиться. Водопровод работал. Туда же пришел Колобок.

— Сколько у тебя осталось?

— Шесть человек и восемнадцать патронов. Точно знаю, — сказал Керенский.

— У меня не лучше. Но, по-моему, они устали и разошлись обедать.

— Далеко не все. Вон там — мои юнкера видели — приехала полевая кухня.

— Как с Красновым?

— Должен быть уже у Московского вокзала. Это неплохо. Соединится с железнодорожниками.

— Я ему говорил об этом.

— От разведчиков ни слуху ни духу.

— И из Думы не отвечают. Телефон все время занят. Может быть, бросили трубку?

— Да, еще час-два продержимся, а потом кранты.

— Да, тем более что они решили уже идти на решительный штурм. Скоро начнется съезд.

— Откуда знаешь?

— Вспомни историю. Вечером был последний штурм и Зимний пал.

Колобок, исхудавший и почерневший за последние сутки, подождал, пока Керенский напьется из последнего стакана, оставшегося в буфете, и налил себе воды.

— Как Зося? — спросил он.

— Скорее бы все кончилось. Ей надо в больницу. Ладно. — Керенский подобрал винтовку и пошел к выходу. — Сейчас не время для таких разговоров.

— Ура-а! — донеслось с площади.

Колобок догнал Керенского в дверях. Они остановились на ступенях, глядя на площадь. Она казалась единой темной массой. За последние часы к атакующим подошли большие подкрепления, в основном за счет анархистов, черносотенцев, которым надоело быть черносотенцами и захотелось войти в историю с лучшей стороны, и, наконец, за счет многочисленных любопытных, покинувших дома после того, как телевизоры перестали передавать репортаж с места событий, а переключились почему-то на мультфильмы.

Темная масса угрожающе ревела: «Урра!» и надвигалась на жалкую цепочку израненных юнкеров и женщин, и казалось, стремление ее к победе было настолько неотвратимо, что даже дивизия горцев не смогла бы остановить народ. И всем защитникам Зимнего, начиная от Керенского и кончая уборщицей тетей Полей, было ясно, что случится, когда восставшие ворвутся во дворец.

Правда, они не знали, что в этой атаке были задавлены или жестоко избиты немногочисленные инструктора и организаторы, что пытались как-то образумить революционные массы и вернуть их в русло законности и порядка.

Последней лентой плеснул в стену атаки пулемет, захлопали разрозненные выстрелы, и Колобок достал из кармана последнюю и единственную гранату.

И тут другое «Ура-а!» — не такое, может, громкое и яростное, но весьма весомое, — донеслось с другого конца площади. Как бы вдогонку за нападающими из-под арки выскочила толпа разнообразно одетых людей, вооруженная чем попало, но тем не менее единая в своем боевом порыве.

Впереди толпы бежал Розенталь, и концы башлыка развевались за ним, как вожжи взбесившейся лошади.

Неожиданный удар сзади на какие-то мгновения ошеломил

атакующих. В тылу их завязалась быстрая, непонятная свалка, где тузили друг друга и свои, и чужие, а над толпой иногда взлетали зонт Когана, знамена, очки и галоши.

Однако первые ряды продолжали бежать вперед, в пылу боя не слыша и не понимая, что происходит сзади.

И оставалось каких-нибудь двадцать шагов до баррикады, уже Колобок кинул последнюю гранату, уже замолчал пулемет, уже Керенский и два десятка верных юнкеров приготовились броситься врукопашную, как по революционной массе прокатился страшный крик:

— Нас предали!

Ряд за рядом на площадь с улицы Степана Халтурина выходили части генерала Краснова.

Несмотря на долгий марш, на тяготы пути и стычки с милицией, которые пришлось выдержать от Пулковских высот до Зимнего, верные солдаты Краснова шли спокойно и уверенно. Они выполнили приказ.

Генерал Краснов, потерявший в бою половину бороды, ехал впереди на белом коне.

Вот уже первые цепи солдат столкнулись с народом, и, складываясь гармошкой, черная масса начала отступать к Адмиралтейству. Люди бросились по трамвайным путям к Исаакиевскому собору, и, может быть, бегство и полный крах штурма Зимнего еще можно было предотвратить, но, как назло, именно по трамвайным путям шли сплоченными рядами братишки — матросы «Авроры» во главе с Грушевым, которые за неимением другого дела решили взять Зимний.

Бегущие красногвардейцы решили, что это тоже части Керенского, и поняли, что окружены.

Несколько шумных, бестолковых и мятущихся минут тысячи людей бегали, сшибая друг друга, по площади, но наконец паникующая толпа сшибла и разорвала морской отряд и исчезла, развеиваясь и скрываясь по подворотням.

Последние защитники баррикады выбежали на площадь, заваленную мусором, который неизбежно остается после всякой революции, и кинулись брататься с союзниками.

Генерал Краснов не очень умело слез с коня, подошел к Керенскому и молча пожал ему руку.

Керенский хотел сказать, что во всем происшедшем основная заслуга принадлежит простому народу, интеллигенции, сотрудникам Эрмитажа, но слезы душили его, и он отвернулся от генерала.

Председатель Государственной Думы взобрался на поваленный набок контейнер с надписью «Морфлот СССР» и жестом пригласил Керенского, Гучкова, Колобка, Розенталя и Краснова лезть к нему.

— Наш народ, — закричал он, стараясь достать голосом до краев площади, — всегда был долготерпеливым! Сегодня мы продемонстрировали это всему цивилизованному человечеству. Мы отстояли цитадель российской демократии против большевистского заговора. Победа далась нам дорогой ценой. Нет среди нас некоторых отважных...

Оратор запнулся. На языке вертелось слово «товарищей», но это слово относилось к прошлому, его не должно быть в обиходе председателя Государственной Думы. Но нового слова он пока не знал.

— Граждан свободной России, — подсказал генерал Краснов.

После него говорил Керенский. Он призывал к бдительности. Он предупредил, что хребет большевизма треснул, но еще не сломался. В любой момент может начаться новый штурм.

Публика на площади гневно отозвалась на такое предположение.

Генерал Краснов негромко сказал Керенскому:

— Вряд ли.

— Почему?

— Потому что Смольный пал, — сказал Краснов. Эти слова стали слышны на площади, и люди принялись радостно кричать.

— Я послал туда эскадрон, — продолжал Краснов, теперь уже в микрофон. — Но там мы не нашли никого, кроме технического персонала и нескольких пьяных красногвардейцев во главе с неким матросом Железняком. Руководители обкома и горкома разбежались.

По площади прокатились волной аплодисменты.

— А где Ленин? Ленин где? — кричали снизу.

— Пропал, — развел руками генерал Краснов.

После окончания митинга Краснов сказал Керенскому:

— Вам бы поспать минут шестьсот. На вас лица нет.

— Нельзя, — сказал Розенталь. — Александр Федорович — реальная власть в Ленинграде.

Тут же он осекся, потому что такого города уже не было.

Ночью между двумя заседаниями, охрипший от споров с председателями колхозов, которые категорически отказывались вернуть землю крестьянам, Керенский заехал на «газике» в больницу, к Зосе. Дежурная сестра не хотела его пускать.

— А мне все равно, что вы Керенский или полковник КГБ, — сказала она. — Больной нужен отдых.

— Хорошо, — сказал Керенский и дал сестре десять рублей. — Вы только покажите мне, где ее палата.

— Не стоило меня подкупать, — сказала сестра, как бы смиряясь с судьбой.

Керенский прошел за ней по тускло освещенному коридору.

У двери в палату, откинувшись на спинку стула, дремал, открыв рот, черноволосый, заросший щетиной человек в железнодорожной фуражке. Керенский решил было, что кто-то посадил к Зосиной палате телохранителя, но сестра рассеяла эту надежду.

— Ихний муж, — сказала она. — Очень за нее переживает.

Керенский не стал подходить к двери, а пошел обратно.

Он вовремя успел на совещание правительства. Грузия требовала независимости, Курляндия высказывала территориальные претензии к Лифляндии. С совещания Керенского дважды отзывали к телефону. Первый раз позвонил папа римский, передал поздравления от католиков всего мира, затем по вертушке позвонил Брежнев.

— Александр, простите, Федорович? — спросил он.

— Керенский слушает.

— Я не спрашиваю вашего настоящего имени-отчества, — сказал Брежнев. — Это уже не нужно.

— Почему? — удивился Керенский.

— Потому что я отдал приказ стратегической авиации нанести удар по городу Ленина. По родному нашему Ленинграду...

Брежнев громко всхлипнул.

Трубка звякнула. Раздались короткие гудки.

Керенский, с трудом заставляя себя поверить в слова Брежнева, все ускоряя шаги, кинулся в зал заседаний Смольного. Совет министров заседал в апартаментах обкома.

— Что случилось? — Генерал Краснов, новый министр обороны России, сразу понял, что произошло неладное.

— Ракеты... бомбы... — с трудом ответил Керенский, держась за косяк двери. — Стратегическая авиация.

Министры и иные случайные люди начали вскакивать со своих мест.

— Господи! — кричал кто-то высоким голосом. — Надо же принять меры!

Упал стул... Краснова толкнули, и он выругался басом.

— Они не посмеют! — закричал от двери Розенталь.

— Они все посмеют, — сказал Краснов.

— Но тут же памятники искусства, это же колыбель революции.

— По колыбели залпом... пли! — крикнул в ответ министр внутренних дел Колобок.

Он крикнул так громко, что все подняли головы — показалось, что это настоящая ракета.

Но было тихо.

Все стояли, слушали, но было тихо.

Так же в Кремле у вертушки стоял Брежнев и ждал, тихо рыдая, доклада пилотов.

Наконец зазвонил, заверещал телефон.

— Ну и как? — спросил Брежнев, хватая трубку.

В открытую дверь сунулись белые лица членов Политбюро.

— Нет, — сказали в трубке. — Наши по Ленинграду не хотят! Город Ленина... нельзя!

— Я так и думал, — сказал Брежнев и выпустил трубку. Она стала покачиваться, головой вниз, у самого ковра. — Вот так, товарищи.

Последнее относилось к членам Политбюро.

— Может, поднимем Кантемировскую дивизию? — спросил Суслов.

Никто ему не ответил.

Брежнев брал со стола карандаши, часы, мелкие вещи, рассовывал их по карманам.

Вдруг его прорвало.

— Какой, к черту, Ленин? — закричал он, краснея. — При чем тут ваш... Ленин?

— Уходим в подполье? — спросил Суслов.

Брежнев не ответил.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ДНЯХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ. *Повесть* 5

ГОЛЫЕ ЛЮДИ. *Повесть* 263

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ. *Повесть* 447

УМЕНИЕ КИДАТЬ МЯЧ. *Повесть* 603

ЖУРАВЛЬ В РУКАХ. *Повесть* 645

ЦАРИЦЫН КЛЮЧ. *Повесть* 713

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ. *Повесть*. 823

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ. *Повесть*. 911

ВИТИЙСТВУЮЩИЙ ДЬЯВОЛ. *Повесть* 995

МАМОНТ. *Повесть*. 1039

ОСЕЧКА-67. *Повесть*. 1091